

И. М. Смелянская • М. Б. Велижев • Е. Б. Смелянская

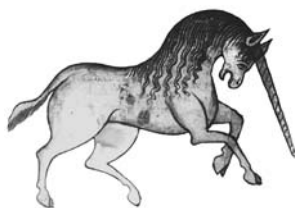
РОССИЯ
в
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

АРХИПЕЛАГСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Учреждение РАН «Институт востоковедения РАН»
ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»
Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Учреждение РАН «Институт востоковедения РАН»

ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

И.М. Смилянская

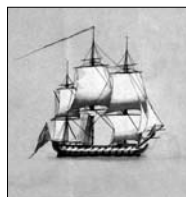
М.Б. Велижев

Е.Б. Смилянская

Россия в СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

АРХИПЕЛАГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Под общей редакцией

Е.Б. Смилянской

МОСКВА «ИНДРИК» 2011

Исследование подготовлено при поддержке РГНФ
проект 05-01-01262а; 09-04-18003е.

Издание осуществлено при поддержке РГНФ
проект 09-01-16020д.

И.М. Смилянская, М.Б. Велижев, Е.Б. Смилянская

Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. Под общей редакцией Е.Б. Смилянской — М.: «Индрик», 2011. — 840 с., ил.

ISBN

Монография посвящена начальному периоду становления российского присутствия в Средиземноморье — Архипелагской экспедиции российского флота 1769–1774 гг. Авторы монографии обращаются к документальным и повествовательным источникам (в том числе из российских и западноевропейских архивов), российской и иностранной прессе, проповедям и литературным произведениям с целью выявления скрытых механизмов утверждения влияния екатерининской России в Восточном Средиземноморье, роли Архипелагской экспедиции в установлении культурных и политических контактов России с населением Греции, с правящей элитой итальянских государств, с правителями Ближнего Востока и Северной Африки. В подобном ракурсе средиземноморская политика Екатерины II ранее не изучалась. Специально в монографии исследованы пропагандистские стратегии Екатерины Великой, а также западноевропейское и российское восприятие средиземноморской акции России. В приложении публикуются новонайденные рукописи и архивные документы.

ISBN

© Смилянская И.М., Велижев М.Б.,
Смилянская Е.Б., текст, 2011
© Издательство «Индрик», оформление, 2011

<i>Введение</i>	9
-----------------------	---

ЧАСТЬ 1

АРХИПЕЛАГСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Глава 1

Приурочения к войне в Средиземном море: сценарий и выбор действующих лиц (<i>И.М. Смилянская</i>).....	29
Флот.....	33
Торговый фрегат	35
Российские эмиссары в Греции и на Балканах	38
Подготовка к войне	55

Глава 2

Стратегия войны: утверждение российского присутствия в Средиземноморье, «диверсия в наичувствительнейшем месте» или освобождение угнетенных (<i>И.М. Смилянская</i>).....	71
Определение целей войны и принятие решения об Архипелагской экспедиции.....	71
Возбуждение восстания греков и славян	74
Первая военная акция на Балканах: десант в Черногорию.....	79

Глава 3

Поход русских эскадр: освоение европейских морей (<i>И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская</i>)	85
Флот: эскадры, посланные Екатериной II в Средиземное море	85
Освоение Европы, или путями матроса Василия Кориотского	94

Глава 4

Военная история средиземноморского предприятия: спорные вопросы (<i>И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская</i>)	113
Первый опыт русско-греческого взаимодействия в Море: надежды и разочарования.....	114
Чесменский успех и его последствия	129
Крейсирование или каперство?	136

часть 2

РУССКИЕ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Глава 5

«Россы в Архипелаге», или греческое княжество

Екатерины Великой (Е.Б. Смилянская) 143

- Были ли целью России территориальные захваты в Средиземноморье? 143
- Республика, архидукство, или «Город солнца» Орлова и Спиридова 148
- Освоение островов Архипелагского княжества 161
- Греки, «русские» и «албанцы»: взаимные обязательства и чаяния 171
- Дела церковные 182
- Столица Архипелагского княжества, или средиземноморский Кронштадт 188
- Будни и праздники Архипелагского княжества 198
- Прикосновение к античной цивилизации 204
- Конец Архипелагского княжества 213

Глава 6

Итальянские государства и Россия в годы русско-турецкой войны

1768–1774 гг.: дипломатия и политика (М.Б. Велижев) 219

- Тоскана 220
- Венеция 235
  - Установление односторонних дипломатических отношений России и Венеции. Пано Маруцци 235
  - А.Г. Орлов в Венеции. Венеция и итальянские государства 248
  - Пано Маруцци в 1770–1771 годах 255
  - Венецианские «греки» на русской службе. История капитана Поликутти 263
- Россия и другие итальянские государства 266
  - Сардинское королевство 266
  - Генуя 269
  - Королевство Обеих Сицилий (Неаполь) 273
  - Папское государство 278

Глава 7

Русские в Италии: повседневная жизнь

русской колонии в Тоскане (1769–1775 гг.) (М.Б. Велижев) 283

- А.Г. Орлов в Тоскане 290
  - Апрель 1769 г. — май 1770 г. 290
  - Декабрь 1770 г. — июнь 1771 г. 293
  - Конец 1771 г. — июль 1772 г. 297
  - Май — сентябрь 1773 г. 298
  - Июль 1774 г. — июнь 1775 г. 298

И.И. Шувалов и русская колония	301
А.Г. Орлов и британские подданные в Тоскане	306
Создание культурного образа России в Италии и русская культурная активность в Тоскане	309
Русские праздники в Тоскане	319
Церковные праздники	323
Высокоторжественные дни	324
Балы и увеселения	329

Глава 8

«Агаряне» или союзники?

Русско-арабские военно-политические контакты (<i>И.М. Смилянская</i>)	333
Египет и Сирия в политико-религиозном ландшафте Османской империи	338
На пути к установлению первых русско-арабских военно-политических контактов. 1769–1772 годы	352
Первые эпизоды российско-арабского военно-политического взаимодействия. 1772 год	361
Русско-арабские контакты 1773–1774 годов	377

часть 3

ВОЙНА СЛОВЕСНАЯ

Глава 9

Стяжание славы: пропагандистское подкрепление

средиземноморской политики (<i>И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская</i>)	413
Задачи екатерининской пропаганды	413
«Ахехян спасть!»	416
«Ревность к освобождению церкви святой и всего Христоименитого достояния от горького порабощения Сарацинского»	422
Обращение к классическому наследию	427
Празднование побед и патриотическая идея	433

Глава 10

Средиземноморское предприятие в зеркале русской и

западноевропейской прессы (<i>Е.Б. Смилянская, М.Б. Велижев</i>)	445
Пресса 1770-х гг. в России и Европе: кто и как информировал читателя о войне	445
Образ России: ожидания, разочарования и пророчества	452
Образ Османской империи: враги, герои и жертвы	465
Пресса о мире и значении войны	475

Заключение	478
----------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Записка, поданная графу Н.И. Панину греком Иоанном Палатино (публикация *И.М. Смилянской*) 483
2. Прощение, поданное на имя императрицы Екатерины II греком Маноилом Саро (публикация *И.М.Смилянской*) 495
3. Письмо кандиота Ивана Сидерача графу А.Г. Орлову с о. Кандия (Крит) с планом совместных военных действий греков и русских (публикация *Е.Б. Смилянской*) 499
4. Ответы адмирала Г.А. Спиридова духовенству Архипелага о будущем государственном устройстве. 1771 г. (публикация *Е.Б. Смилянской*) 503
5. «Учреждение» об управлении Архипелажским княжеством Павла Нестерова [24 июля 1772] (публикация *Е.Б. Смилянской*) 511
6. *Г.Л. Паш ван Кринен*. Краткое описание островов Архипелага, приведенных в российское подданство (публикация *В.Э. Булатова и Е.Б. Смилянской*) 517
7. Записка вояжа из Ливорно в Рим лейтенанта флота Суховатого, адъютанта Ржевского, мичмана кн. Голицына и поручика Жукова (публикация *М.Б. Велижева и Е.Б. Смилянской*) 547
8. Журнал С.П. Хметевского из собрания Государственного Владимиро-Судальского музея-заповедника (публикация *М.Ю. Глазкова и Е.Б. Смилянской*) 561
9. Послание эмира Юсуфа аш-Шихаба графу А.Г. Орлову 1 января 1774 г. (публикация *И.М. Смилянской*) 701

МАТЕРИАЛЫ

- И.М. Смильская*. Символы и реалии Восточного Средиземноморья в российском культурном сознании (XI — середина XVIII в.) 709
- И.М. Смильская*. Политическая интрига Екатерины II в Египте в войну 1787–1791 гг.: Конрад Тонус 729
- В.Э. Булатов*. Граф И.Г. Чернышев и его коллекция рукописных карт XVIII в. в собрании ГИМ. 745
- Summary* 759
- Список сокращений 763
- Список источников и литературы 765
- Именной указатель 793
- Указатель географических названий 817
- Список иллюстраций 831

С XVIII столетия в российской внешней политике заметно усиливается интерес к Средиземноморскому региону. Со времени правления Петра I значение приобретает балканский внешнеполитический вектор, который предусматривал взаимодействие с балканскими единоверцами-славянами и греками в военных операциях против турок и попутно их освобождение от турецкого гнета с тем, чтобы балканские единоверцы обрели государственность с пророссийской ориентацией¹. Развивая идеи Петра I, Екатерина II связывала свою балканскую политику с действиями и на континенте, и в Средиземноморье, ища опору не столько в населении континентальных Балкан, как это делал Петр, сколько в единоверцах Мореи (Пелопоннеса), Греческого архипелага и Адриатического побережья. С этой целью императрицей и была организована первая экспедиция России в Средиземноморье. 18 июля 1769 г.² сама императрица лично прибыла в Кронштадт благословить флот в поход, и в тот же день эскадра адмирала Г.А. Спиридова стала сниматься с якорей. Это была первая из отправленных в 1769–1774 гг. пяти эскадр российского военно-морского флота.

Южный внешнеполитический курс России в екатерининскую эпоху формировался с учетом широких задач

---

¹ С появлением на мировой арене Российского православного государства, способного противостоять Османской империи, надежды балканских народов на помощь в освобождении от мусульманского гнета стали связываться с единоверной Россией (до этих пор они искали поддержку у католических Австрии и Венеции). Петр, готовя Прутский поход, обратился с манифестом к балканским единоверцам, в котором содержался призыв к совместным военным действиям против турок. Подробнее о балканской политике Петра I см. соответствующие главы *В.Н. Виноградова* в кн.: «Истории Балкан, Век восемнадцатый» (М., 2004) и монографию *И.И. Лециловской* «Сербский народ и Россия в XVIII веке» (СПб., 2006).

² Здесь и далее даты всех событий, происходивших в России или на судах российского флота, приводятся по юлианскому календарю (согласно документации российских статских и военных учреждений, вахтенным журналам и т.п.). Также по юлианскому календарю приводятся даты событий, описываемых российской прессой. Двойные даты — по юлианскому/григорианскому календарям — приводятся тогда, когда время событий устанавливается на основании документов западноевропейского происхождения, когда речь идет о праздновании русских памятных дат в Западной Европе и еще в ряде случаев, когда необходимо соотнести хронологию событий европейской и российской истории. Наконец, даты по григорианскому календарю приводятся в тех случаях, когда цитируются западноевропейские дипломатические и политические документы, западные периодические издания, а также частная переписка лиц, без сомнения, пользовавшихся «новым стилем» — григорианским календарем.

завоевания Крыма и предотвращения набегов крымских татар на земли южнорусского порубежья, открытия «окна в Европу» через Черное море, свободного судоходства в Азовско-Черноморском бассейне. А плавание в Черном море неизбежно ставило перед российскими правителями и проблему выхода в море Средиземное, политическое, экономическое и культурное освоение средиземноморского пространства.

Вместе с тем, южный курс внешней политики был частью широкомасштабных реформ и мероприятий Екатерины II по созданию современного централизованного государства, подобного абсолютистским европейским державам. Идеологически такая политика обосновывалась концепцией «государственного интереса».

Этот курс диктовался стремлением к достижению «естественных» государственных границ и формированию условий для экономического развития юга России, он предусматривал также освоение плодородных земель Причерноморья — Дикого поля, разделявшего русское государство и османское вассальное Крымское ханство. Проведение подобного политического курса проходило в условиях отнюдь не мирного сосуществования России и соседнего патриархального общества Крыма, образ жизни которого включал грабительские набеги на соседнее земледельческое население, сопровождавшиеся угоном многих тысяч жителей для продажи на восточных рынках.

В годы правления Екатерины II южный курс в многовекторной политике России стал приоритетным³, но при этом он был связан и с другими направлениями, прежде всего северо-западным балтийским и западным польским. Как и Османская империя, Швеция и Польша оказывались в это время звеньями «Восточного барьера», возводимого главенствующей в XVIII в. на европейском континенте Францией с целью внешнеполитической изоляции России от Европы. В известной степени враждебный России курс Франции объяснялся опасениями, связанными с российской военной мощью, проявленной уже в Семилетнюю войну, а также с непредсказуемостью внешней политики, продемонстрированной Петром III. Но были и другие причины, по которым Россия оказалась втянутой в политические и торговые противоречия Англии и Франции и в политическую игру Австрии и Пруссии.

Северо-западное направление внешней политики России, не без успеха проводимое Н.И. Паниным, должно было нейтрализовать французское влияние в Швеции и привести Пруссию, Данию и Англию к согласию с Россией по по-

³ Среди исследователей внешней политики России до известной степени такой точки зрения в настоящее время придерживается историк и профессиональный дипломат П.В. Стегний: «...выстраивая геополитические приоритеты своей внешней политики, Екатерина исходила как из собственного опыта, так и глубокого понимания сложных механизмов европейской политики. Обладая большим запасом здравого смысла и реализма, она стремилась выстраивать свою внешнеполитическую линию в зависимости от того, как складывался баланс сил в Европе, и в разные периоды своего царствования уделяла повышенное внимание то польским, то германским, то шведским делам. И тем не менее — и это важно подчеркнуть — южное, черноморское направление она рассматривала как приоритетное в традиционной дипломатической «триаде» — Швеция, Польша, Османская империя. «Сверхзадача» ее дипломатии, ее основной вектор были обращены на юго-запад: обеспечение свободы торгового мореплавания России в Черном море с последующим выходом в Средиземноморье, помощь единоверным народам Балкан и Греции оставались главными целями ее политики» (Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 87). (Впрочем, тезис о «помощи» единоверцам, как главной цели, нуждается в уточнении). Так это или иначе, но на южном направлении Екатерина II достигла реального прорыва, определившего развитие России на многие десятилетия.

воду некоторых европейских проблем. Заостренное первоначально против Швеции, оно значительно способствовало и успеху России в реализации южного антиосманского курса. Известно, что оборонительный союз с Пруссией 1764 г. и договор с Данией 1765 г. содержали секретные статьи, предусматривавшие их помощь России в случае возникновения русско-турецкой войны. Торговый договор с Англией 1766 г. благоприятствовал пророссийской позиции этой державы в отношениях с Швецией и Османской империей.

Второе звено «Восточного барьера» — Польша — оказалось под ударом после смерти короля Августа III. Вмешательство России во внутреннюю и внешнюю политику Польши имело целью не только усилить здесь свои позиции, но и нейтрализовать как французское влияние, так и возможность османского участия в польских делах. Связь польского вопроса с турецким⁴ беспокоила Россию уже не одно десятилетие: соглашения Польши с Османской империей, вмешательство Порты, подстрекаемой Францией, в польскую политику России привели к тому, что турки использовали именно «польский вопрос» в качестве предлога для объявления в 1768 г. войны России. И не случайно в этой войне польские добровольцы вместе с французскими волонтерами участвовали в строительстве турецких укреплений и турецкого флота. Драматические последствия этой связи «польского» и «турецкого» вопросов проявились к концу русско-турецкой войны в первом разделе Польши 1772 г.

И едва ли можно согласиться с теми авторами, которые видели в средиземноморской политике Екатерины II способ решения только «восточного вопроса»⁵. Средиземноморская политика России была многогранной: она значительно способствовала развитию многообразных контактов Российской империи с государствами региона⁶, взаимоотношений России с европейскими

⁴ Это четко обозначилось в XVII веке. См.: *Орешкова С.Ф.* Вступительная статья. // *Толстой П.А.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М., 2006. С. 11,12.

⁵ См.: *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883; *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762 — 1774 гг. СПб., 1896; *Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века.* М., 1978.

⁶ См., напр.: *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959; *Рутенбург В.И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века) // Россия и Италия. М., 1996. Вып.2; *Вентури Ф.* Итало-русские отношения с 1750 до 1825 // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 25–50; *Venturi F.* Il Settecento riformatore. Vol. 3: La prima crisi dell'Antico Regime (1768–1776). Torino, 1979; *Данциг Б.М., Жиленко В.И.* Забытые страницы из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII века // Проблемы востоковедения. 1959. № 1; *Мусатова Т.Л.* Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — нач. XX в. М., 1990; *Перминов П.* Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке // Азия и Африка сегодня. 1987. № 7, 8, 9; *Он же.* Под сенью восьмиконечного креста. (Мальтийский орден и его связи с Россией). М., 1991; *Шапиро А.Л.* Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. А.Л. Шапиро рассматривал эволюцию средиземноморской политики России как изменение взаимоотношений с различными странами: «Одна из особенностей русской внешней политики конца XVIII — начала XIX в. заключается в значительном расширении круга средиземноморских проблем, которые вошли в орбиту внимания царского правительства. Если ранее интересы царизма в Средиземноморье в основном ограничивались «восточным» вопросом, то в последние годы XVIII в., главным образом в связи с проникновением в этот район Франции и отчасти Англии, этот вопрос стал сплетаться с рядом других вопросов: мальтийским, Ионическими островами, неаполитанским, сардинским и другими» (с. 253). Согласно традиции 1950-х годов, сложившейся под давлением официальной идеологии, А.Л. Шапиро рассматривал российскую политику в регионе как оборонительную, между тем как Екатерина II стремилась стать равноправным партнером европейских держав в Средиземноморье.

державами⁷, наконец, не только политическому, но и социо-культурному освоению пространства Средиземноморья подданными российской императрицы. Этот последний аспект, значительно меньше, нежели прочие, оказывавшийся в сфере исследовательского внимания, представляется центральным для настоящей работы.

Известно, что к рассматриваемому времени Средиземноморье уже давно утеряло свое значение центра цивилизованной ойкумены, каковым оно было в древности и отчасти в Средние века. Теперь, когда острые схватки из-за колониальных владений переместились за океаны, а европейская политическая борьба сосредоточилась преимущественно в Центральной Европе, Средиземноморье часто оказывалось на политической периферии.

Ослабла роль Средиземноморья и как пространственного рубежа в противостоянии христианства и ислама. Европейские народы уже располагали большим опытом торговых связей с восточным миром, их государи имели дипломатические и военные отношения с Османской империей, которая постепенно интегрировалась в общеевропейскую политическую жизнь. Некоторые арабские правители (в частности, марокканский султан) также постепенно отходили от политики изоляционизма.

Для христианского мира XVIII в. Средиземноморье сохраняло выдающееся религиозное и культурное значение⁸, усиливающееся в эпоху Просвещения с растущим интересом к античной традиции.

Весь XVIII в. Средиземноморье не утрачивало и роли центра пересечения коммуникаций Европы, Азии и Африки⁹, здесь были представлены торговые интересы почти всех европейских государств¹⁰. Левантийское направление в Восточном Средиземноморье имело большой вес в торговле Франции и, в меньшей степени, Англии¹¹, обеспечивавших транзит в Европу восточных товаров.

Этот регион отличался особой этнокультурной средой и политико-экономической обстановкой. Левантинец — житель северо-восточного средиземноморского побережья — представлял собою тип космополита, человека, втянутого в сложнейшие политические и экономические связи, существовавшие между

⁷ Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798–1807. М., 1962; Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения 60–70-х годов XVIII в.: 1762–1775. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1967; Она же. Англия и русско-турецкая война: 1768–1774 // Труды МГИАИ. Т. 23. М., 1967; Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1.

⁸ Это восприятие четко обозначил в середине 1840-х годов В.А. Жуковский в письме к Н.В. Гоголю, равно оценивая значение пребывания Гоголя в Иерусалиме — “Святой земле Откровения”, и возможность посетить Трою — “классическую землю героических басен” (В.А. Жуковский — Н.В. Гоголю. 7 апреля 1848 г. // Переписка Н.В. Гоголя в двух томах. Сост. А.А. Карпова и М.Н. Виролайнен. М., 1988. Т.1. С.218).

⁹ Этого не могла не учитывать Екатерина II. Возмущаясь нежеланием Англии включить Средиземное море в число европейских морей, на которые английский король был готов распространить сферу вооруженного взаимодействия с Россией, императрица писала: «Средиземное море европейское или нет? Также Архипелаг? Первое находится между Африкою и Европою, другое — между Азиею и Европою». Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С.512.

¹⁰ Даже русских купцов, чьи интересы в Магрибе, например, защищал шведский (!) консул. См.: Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С.12.

¹¹ По данным, приводимым М.С. Андерсоном, в 1783 г. из 110 миллионов ливров внешнеторгового оборота Османской империи 60 миллионов приходилось на Францию. Такое же значение, какое для Франции играл Левант, для Британии имела торговля с Россией. См.: Anderson M.S. Great Britain and the Russian Fleet, 1769–1770 // Slavonic and East European Review, 31 (1952/1953). P. 149.

христианским и мусульманским мирами. Будучи одновременно крупными землевладельцами и судовладельцами, каперами и мирными торговцами, а подчас и банкирами, представители греческих, славянских фамилий обслуживали и сами производили посредническую торговлю Средиземноморья. Подобный социально-культурный тип олицетворял единство региона. Это не мешало жителям Средиземноморья быть выразителями и собственного рождающегося национального сознания, побуждавшего их во имя национально-религиозных интересов подвергать риску свою жизнь и имущество, жизнь своих близких.

На почве увлечения греко-римской классической культурой, присущего эпохе Просвещения, здесь складывались и прочные культурные связи между образованными французами, англичанами, итальянцами, греками, албанцами, славянами. Так, авторами «Призыва греков к христианской Европе» и некоторых литературных произведений, выражавших греческие национальные взгляды, были «эпириот» Антонио Джика и итальянские эллинисты Франческо Марио Пагано и Доменико Диодати¹². Во Франции средиземноморские межнациональные контакты нашли отражение в описаниях путешествий в Грецию Ж. Леруа (1754–1755), П.-А. Ги (1771), Шуазеля-Гуффье (1783), в Британии — Р. Чандлера (1774–1776), Р. Вуда (1753, 1769) и др.¹³. Роль россиян в этом процессе рассматривается в книге.

Во второй половине XVIII в. в Средиземноморье происходили события и зрели конфликты, которые отчасти нашли свое разрешение в XIX в. Это был внутренний политический кризис Османской империи, выразившийся в зарождении в Греции и на Балканах национального движения, а в арабо-османском мире — возникновении этнорегионального сепаратизма, подготовивших распад империи. Вместе с тем, европейские державы уже находились накануне колониальных захватов в регионе и на очереди стояли столкновения держав по поводу этих завоеваний.

Политическое чутье Екатерины II подсказало ей, что, помимо необходимости создать предпосылки для развития российской торговли в этом регионе, в сложившейся ситуации важным было утверждение политического присутствия России в Средиземноморье.

Средиземноморская политика Екатерины II имела и корни, уходящие в далекое прошлое. Ее смысл обретал *символическое значение*, восходящие к политико-религиозной доктрине Третьего Рима, с начала XVI в. влиявшей на «политические амбиции русских монархов»¹⁴, а также к распространенным на Балканах представлениям о мистическом предназначении некоего «русого народа» освободить Рим Второй — Константинополь от неверных.

Хорошо известно, что концепция Третьего Рима сформировалась под воздействием сдвигов и потрясений в религиозной и политической жизни Московского государства XV — начала XVI столетий: Флорентийской унии и объявления московской митрополии автокефальной, падения Царьграда в 1453 г., освобождения

¹² *Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774) // XVIII век. Сб. 10. Л.: Наука, 1975. С. 119–126.

¹³ Подробнее см.: *Constantine D.* Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984; *Augustinos O.* French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore, 1994; *Osborn J.M.* Travel literature and the Rise of Neo-Ellenism in England // Bulletin of the New York Public Library. 1963. № 67. P. 279–300.

¹⁴ *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 89–148.

дения от ига Орды в 1480 г., и, наконец, эсхатологических ожиданий 7000 (1492) г. Именно в 1492 г. появилось «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы, в котором в опровержение слухов о кончине мира утверждалась пасхалия на новую, восьмую тысячу лет и вместо павшего Царьграда Новым Константинополем провозглашалась Москва, правитель которой Иван III именовался «государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином новому граду Константин[ов]у — Москве и всей русской земле и иным многим землям государем»¹⁵. Следует иметь в виду, что с самого возникновения идея о Москве — Третьем Риме имела прежде всего внутривосточное и духовное предназначение: обосновать укрепление власти московского великого князя и воссоздать полноту мировосприятия православного мира, утраченную вследствие исчезновения его ключевой фигуры — василевса, единого царя православной вселенной¹⁶.

В начале XVI в. в развитие этой идеи складываются и мифическое родословие московских князей «от Августа Кесаря», и легенда о Мономаховом даре¹⁷, которые вскоре стали использоваться не только в церковных, но и в дипломатических спорах¹⁸. Наконец, около 1523 г. старец Филофей, исходя из библейских пророчеств, отождествил Московское государство с «Ромейским царством» (нерушимой, «недвижимой» империей христиан, возникшей вместе с христианством, «яко Господь в Римскую власть написася»), которому суждено стоять до Второго пришествия. По Филофею, история осуществилась в виде *translatio imperii* через троекратное воплощение истинно православного Ромейского царства в Римской, Византийской империях и в Московском царстве, а миссия единого православного царя, унаследованная великим князем, заключалась в охране благочестия как основного достояния всего православного мира.

Как и «Изложение пасхалии митрополита Зосимы», сочинения Филофея не были заострены на идею овладения царствами¹⁹; они важны были тогда для утверждения лишь особого статуса московского государя и его венчания на царство²⁰.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В «Послании константинопольского патриарха Антония IV московскому великому князю Василию I Дмитриевичу» (1393 г.) запрещалось московскому митрополиту «помянуть божественное имя царя в диптихах» (имелся в виду московский князь Василий I), поскольку существует «*один только царь во вселенной*» и им является византийский император — «*василевс ромеев*» византийский император» (См. Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. XV–XVI вв. М., 1998. С. 61).

¹⁷ См.: Синицина Н.В. Третий Рим. С. 126.

¹⁸ См.: Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени. М., 2006. С. 664–731.

¹⁹ Представление о праве на «византийское наследство» возникло благодаря браку Ивана III с Софьей Палеолог не в русских, а в итальянских политических и церковных кругах и использовалось в целях вовлечения Московского царства в совместные действия против Османской империи (см.: Синицина Н.В. Третий Рим. С. 216–219; Макарий (Булгаков), митрополит московский и коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. IV. Ч. 2. С. 191).

²⁰ Так, Иван IV, вероятно, ощущая недостаток законности в акте своего венчания московским митрополитом, а не вселенским патриархом, обратился в 1557 г. к константинопольскому патриарху с просьбой дать ему благословенную грамоту на царство, сопроводив свое послание немалыми дарами. Ответ пришел в 1562 г. с грамотой, подписанной патриархом и иерархами константинопольского патриархата, благославлявшей Ивана IV именоваться царем законным и правовенчанным. Возможно, само это признание толкнуло восточных иерархов на сближение с Москвой. Во всяком случае, в 1586 г. антиохийский патриарх Иоаким (несомненно, не без благословения вселенского патриарха, в чью епархию он направился) после посещения Галиции испросил у царя разрешение посетить Москву. Это был первый визит восточного патриарха в Московское государство. Царь Федор принял его

И признание со стороны восточных иерархов русского государя единственным царем православного мира содержалось уже в грамоте 1562 г. и было подтверждено в Уложенной грамоте 1588 г., составленной в связи с основанием московского патриархата московскими и греческими иерархами. Между тем, в Уложенной грамоте 1588 г. концепция «Третьего Рима» подверглась изменению: под влиянием греческого духовенства она утратила антигреческую направленность, в ней уже не говорилось о падении Нового Рима — Константинополя из-за отступления от веры, но писалось о его завоевании агарянскими внуками, безбожными турками, а вместо Ромейского царства, в котором сошлись все царства, речь шла о соборе «великого Российского и Греческого царства»²¹. Иными словами, Греческое царство, о котором Филофей писал, что оно «разорилось и не созиждется», стало рассматриваться как мистически присутствующее и действующее. Признание греческими иерархами московского государя единым царем православного мира соединилось с участвовавшими приездами восточных иерархов в Москву за материальной поддержкой и помощью, а главное с их надеждами на освобождение от османского владычества российскими силами. В дальнейшем идея Греческого царства подверглась трансформации, и во второй половине XVIII в. она предстала как проект возрождения Византийской империи под российским покровительством.

Еще в конце XVI в. константинопольский патриарх Иеремия молил московского правителя об избавлении христиан от «скверных варвар» и «страшных язычников-агарян»²². Впрочем, молиться о спасении «нашем», избавлении от врагов видимых и невидимых, сохранении «царства нашего» от всякого зла просил восточных иерархов и Иван IV. Он также молился о том, чтобы «христианский род» был повсюду избавлен «от томительства иноплеменных агарян», *не беря, правда, на себя ношу принести освобождение*. Купец Василий Позняков, направленный Иваном IV с дарами к восточным иерархам, в своем «Хождении» передает слова александрийского патриарха Иоакима: «Яко в наших греческих книгах пишет, яко встанет царь от восточных страны православной и покорит ему Бог многие царства и будет имя его славно от востока до запада, яко же в древняя лета Александра, царя Македонскаго, и сядет на престоле града царствующаго, да и мы избавлены будем рукою его от безбожных Турок»²³ (по мнению Н.Ф. Каптерева, александрийский Иоаким все-таки связывал с Иваном IV надежды на то, что Господь «покорит все государства к подножию его»)²⁴.

с великим почетом и обратился с просьбой способствовать учреждению в Москве патриархата. Иоаким, выразив благодарность за милостыню, получаемую от царя восточными церквами, согласился с тем, что в Москве «пригоже» быть патриарху, но оговорился, что решение должен принять собор всех восточных патриархов и иерархов Афона и Синая. Спустя два года, в 1588 г., прибывший за милостыней вселенский патриарх Иеремия участвовал в учреждении в Успенском соборе Кремля патриаршего престола и избрании митрополита Иова патриархом, а в 1590 г. Собор восточных патриархов утвердил избрание Иова и право московского собора впредь поставлять на престол своих патриархов. См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Ч. 2. С. 45, 46, 175.

²¹ Синицина Н.В. Третий Рим. С. 302. Подробный анализ изменений, которым подверглась доктрина Филофея в Уложенной грамоте и изречениях Иеремии, произведен Н.В. Синициной (Там же. С. 299–302).

²² Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 350.

²³ Хождение купца Василия Познякова по Святым местам Востока // ППС. СПб., 1887. Т. 6. Вып. 3 (18). С. 6.

²⁴ Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку. С. 350.

Казалось бы, в этих текстах повторяется известный топос о защите единоверных. Однако прошло немного времени и надежды угнетенных стали приобретать новый смысл — акт спасения от «неверных» стал мыслиться как исполнение древнего предначертания, наконец, правильно прочитанного и возложившего миссию освобождения Константинополя на русский народ.

Распространенные же в мире Восточного Средиземноморья предсказания и пророчества о падении Византийской империи восходят к текстам библейского пророка Даниила о гибели четырех царств и до известной степени были их толкованиями²⁵. До завоевания Константинополя турками в толковании этих пророчеств акцент делался на предстоящем падении империи. После того, как в подтверждение пророчеств событие это свершилось, внимание было перенесено на ту часть предсказаний, где речь шла об освободителях — «русом роде»²⁶. Если до XV столетия гадали, кто станет завоевателем города, то теперь стали искать его освободителей.

О предсказаниях предстоящей гибели Византийской империи знали и на Руси еще со времени написания Повести временных лет; на них ссылался и старец Филофей. А в некоторых редакциях Русского хронографа «русый род» превратился в «русский род», тогда как «Ромейское» государство в Российское (представляется, что в этой подстановке следует видеть скорее опisku или ошибку переписчика, чем, как при всех оговорках полагает Н.В. Синицина, «политическую идею, зародыш будущих размышлений — и не только размышлений — о роли России в освобождении славянских и балканских народов от турецкого господства»²⁷).

Благопожелания об освобождении единоверцев из-под мусульманского ига русским царем только в середине XVII в. обрели реальный смысл в греческой среде в планах иерусалимского патриарха Паисия²⁸. Более широкое распространение надежды на освобождение с помощью России получили среди греков, балканских славян, молдаван и румын лишь в конце XVII в., когда единоверная Россия начала демонстрировать свои военные успехи, тогда как католические Австрия и Венеция, напротив, освобождая от турок, принуждали православное население к принятию унии²⁹.

На призывы о помощи в освобождении откликнулась царевна Софья, обещавшая после удачного похода в Крым соединиться с силами восставших против турок единоверцев, а затем с теми же обещаниями выступил и Петр I. Одна-

²⁵ В комментариях к «Хождению» Василия Познякава (по-видимому, Х.Лопарева) содержится перечисление наиболее известных авторов толкований и предсказаний, начиная с Мефодия Патарского (IV в.), Хозроя Великого (531–579), Максима Исповедника (ум. около 662 г.), императора Льва Философа (886–912) и т.д., завершая надписью на гробнице императора Константина.

²⁶ Хождение купца Василия Познякава. С. 80–81. Повесть о падении Царьграда (Нестора Искандера) передает эти предсказания: «аще вся прежде реченная Мефодием Патаромским и Львом Премудрым, и знамения о граде сем съвершится имут пишут бо: русии же род с прежде создательными всего Измаилта победят и Седмохолмаго примут с прежде законными его». (Потомками библейского Измаила, сына Агари; измаильянами в древнерусской традиции именовали мусульман).

²⁷ Синицина Н.В. Третий Рим. С. 268.

²⁸ См.: Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века). М., 1998. С. 84–85.

²⁹ См.: Кантрев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку. С. 373–375. (Еще Филофей в упрек латинам писал: «Аще убо Агарины внуци Гречьское царство приаша, но веры не повредиша, ниже насильствуют грекомъ от веры отступати», а в связи с этим среди православных Османской империи было даже распространено представление о том, что правление султана лучше, чем католиков).

ко, как известно, крымские походы Голицына окончились неудачей, а Прутский поход Петра едва не стал катастрофой³⁰.

Между тем, с первых же успехов Екатерины II в русско-турецкой войне легенды об освобождении греков «белокурым» ли, или прямо «русским» народом вновь, как это будет показано далее, приобрели актуальность и широчайшее распространение на всей территории Османской империи.

С конца XVII в., когда надежды православных на освобождение Царьграда по временам стали казаться близкими к исполнению, в греческой среде возникли и разногласия относительно того, как следует распорядиться российскому правителю обретенными византийскими землями. Царевна Софья полагала взять восставших в подданство, на что, например, господарь Валахии запрашивал, каковы будут условия этого подданства³¹. О наличии расхождений во взглядах греческой православной элиты по поводу будущности освобождения Византии можно судить по характеру посланий восточных православных иерархов, в которых одни призывали царя занять константинопольский престол, другие — передать этот престол наследникам (надо полагать, греческим)³². И если Петр I по поводу этих споров заявил, что у него нет территориальных претензий на земли единоверцев («в сей войне, — писал Петр в обращении от 8/19 мая 1711 г. к жителям Дунайских княжеств и балканцам, призывая их соединить общие усилия в борьбе с турками, — никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем»³³), то спустя шесть десятилетий продолжательница дел Петровых Екатерина II уже не была столь категорична.

Признавая свою обязанность защищать православную церковь и православных единоверцев, она, как мы увидим, была готова еще в 1771 г. с благосклонностью включить в свой титул упоминания о княжествах Молдавии, Валахии и Греческого Архипелага, и позднее в 1782 г. обсудить возможности возведения на «греческий трон» своих потомков.

Иными словами, Екатерина II попыталась разрешить в интересах России (как она их понимала) вопросы, казалось бы, унаследованные еще от XVI и XVII вв.

Первым реальным шагом к осуществлению своих намерений в Средиземноморье для Екатерины II была отправка во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Средиземное море российской Архипелагской экспедиции, состоявшей из пяти эскадр. Авторы настоящей работы ограничиваются рассмотрением именно этого на-

³⁰ О попытках взаимодействия России с балканским православным населением см.: Там же. С. 375–379; *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // *История Балкан. Век восемнадцатый.* М., 2004. С. 55–63; *Леушиловская И.И.* Петр I и Балканы // *Вопросы истории.* 2001. № 2.

³¹ *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку. С. 377–378.

³² Отзвуком на эти споры стал рассказ Леонтия Зеленского о его встрече в Палестине в 1765 г., за три года до начала русско-турецкой войны, с аккским архиепископом Филофеем, знакомым ему с 1751 г. по совместному пребыванию в Сече Запорожской. Аккский владыка задал Леонтию вопрос: «Для чего мы не отнимаем у турков Греции, и отняв, отдадим ли ее грекам владеть по прежнему, поставив и от греков императора?» А далее последовали расспросы владыки о состоянии российской казны, правосудия, роли заслуг и личных качеств в присвоении чинов в России, точно владыка примерялся, каково будет жить при российской царе. (*Леонтий Зеленский.* Письма монаха Полтавского монастыря о. Мартиниану. АВПРИ, ф. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 506. Д. 7. Т. 2. Л. 55.)

³³ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут. С. 57.

чального этапа и подготовительных к нему мероприятий средиземноморской политики Екатерины, приходящихся на период 1760-х — первой половины 1770-х гг.

История Архипелагской экспедиции, военноморских действий России в Средиземноморье, а также взаимодействия с греческими и славянскими единоверцами, с арабскими правителями Египта и Сирии неплохо изучены; еще в XIX в. была проделана колоссальная работа по публикации большинства важнейших источников³⁴. Однако интерес к Архипелагской экспедиции до настоящего времени не угасает, более того, за два последних десятилетия наблюдается особое к ней внимание³⁵. Стало ясно, что возникли новые проблемы, назрел и пересмотр некоторых утвердившихся в отечественной и зарубежной науке выводов. Так, несмотря на то, что российские историки уже в XIX в. отмечали внешнеполитические и внутривнутриполитические шаги Екатерины II и ее ближайшего окружения, которые могут рассматриваться в аспекте подготовки Архипелагской экспедиции, в историографии утвердилось представление, которого придерживаются за редким исключением все современные историки, что идея послать флот в Средиземное море возникла только в начале войны. Между тем, эта грандиозная операция требовала длительной предварительной подготовки в сфере военно-морского строительства, создания кадров для ее выполнения, проведения дипломатических ходов и тайных разведывательных и пропагандистских мероприятий. Стала очевидной потребность в углубленном анализе появившегося в годы экспедиции взаимодействия и взаимовлияния Западной Европы и России, во многом определивших последующий ход исторического процесса.

Кажется, настало время разобраться, в какой мере импульсом для повышения внимания России к Средиземноморскому бассейну стали культурные и религиозные представления эпохи, разделяемые Екатериной II и людьми из ее окружения, как они соединялись с реалистичным политическим расчетом, как повлияли на формы и методы внешнеполитических действий. На наш взгляд, незаслуженно обойденными оказываются историко-антропологические вопросы изучения индивидуального опыта восприятия участниками военных походов социокультурной инаковости той среды, в которой обстоятельствами войны человеку угодно было оказаться (этим вопросам находится место в рамках актуальной и живо обсуждаемой в литературе темы — «освоения инокультурного пространства»). Вне поля зрения военных историков и историков дипломатии часто оказываются и проблемы, связанные с изучением пропагандистских стратегий власти, готовящей *общественное мнение* к восприятию внешнеполитической акции, а также того, как общество откликалось на «пропагандистское подкрепление» военных акций, какими каналами информации пользовались современники и как создавалась историческая память о событиях.

Рассмотрение этих вопросов определило структуру настоящего исследования. В нем намеренно значительно более места уделено предыстории и «тайной истории» подготовки Архипелагской экспедиции (гл. 1, 2), нежели собственно военным

³⁴ Прежде всего в многочисленных Сборниках Императорского русского исторического общества (СБРИО), выпусках Морского сборника, многотомных Материалах для истории русского флота, в исторической и общественно-литературной периодике.

³⁵ Отметим, прежде всего, монографию Г.А. Гребенчиковой, работы П.В. Стегния, Т.Ю. Кобищанова, А.Б. Широкограда и др.

операциям в Архипелаге (гл. 4); проблемам культурного освоения «чужого» пространства — во время продвижения флота вокруг Европы (гл. 3), пребывания в Греции (гл. 5), Италии (гл. 6, 7), на Ближнем Востоке (гл. 8) — равно как и выстраиванию политических отношений в этих «чужих землях»; вопросам пропагандистских стратегий власти (гл. 9) и реакции на них общественного мнения (гл. 10).

В работе существенное значение имеют приложения, содержащие публикации новооткрытых исторических источников и частные исследования, связанные с темой (очерки И.М.Смилянской о восприятии Восточного Средиземноморья в русском культурном сознании XI–XVIII вв. и о миссии Конрада Тонуса в Египет, свидетельствующей о продолжении той российской политики на Арабском Востоке, которая родилась в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а также исследование В.Э.Булатова о коллекции карт графа И.Г. Чернышева). Впервые по рукописям, хранящимся во Владимиро-Суздальском историко-архитектурном музее-заповеднике и в Российской Национальной библиотеке, подготовлена полная публикация замечательного Журнала капитана С.П. Хметевского³⁶, впервые публикуются записки Ивана Палатино о миссии Папазоли, Саро и Палатино на Балканы и в Морею, документы из канцелярии Г.А. Спиридова (РГА ВМФ) о планах и опытах государственного строительства на островах Архипелага, послание А.Г. Орлову эмира Юсуфа аш-Шихаба, помимо этого мы публикуем по рукописи Государственного Исторического музея описания поездок 1771–1772 гг. по островам Эгейского моря и по Италии участников Архипелагской экспедиции.

Реализация замыслов проекта потребовала обращения к широкой *источниковой базе*, которая включает источники документального происхождения (от рескриптов Екатерины и решений Совета при Высочайшем Дворе до российской и итальянской судебной-следственной документации), дипломатическую и частную переписку, мемуары, церковные проповеди и периодику России, Италии, Франции, Голландии, Британии. Далекое не все из использованных документов были опубликованы.

Поиски материалов для настоящего исследования проводились в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА), в котором, в частности, хранятся документы кабинета Екатерины II, в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Военно-морском музее в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургском архиве Института истории, в архивах Венеции, Турина, Пизы, Ливорно и Флоренции, в Национальном архиве Франции и Национальной Библиотеке Франции, в Британском Музее, во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике.

В поиске ответа на вопрос, каким мог быть общественный резонанс столь далекого от российских границ предприятия, мы обращались к анализу мемуаров³⁷

³⁶ Журнал С.П. Хметевского впервые был с сокращениями опубликован в 1855 г. Н.А. Некрасовым в журнале «Современник» по утраченной ныне рукописи. В ОР РНБ сохранилась лишь ее писарская копия середины XIX в. Прижизненная рукопись Хметевского хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике.

³⁷ Наиболее информативными и давно известными являются мемуары и дневники участников Архипелагской экспедиции — С.К. Грейга, Ю.В. Долгорукова, С.П. Хметевского, С. Плещеева, В. Весли (или Т. Ньюберри). Давно оценены исследователями и мемуарные записки Клода Рюльера, пребывавшего французским поверенным в делах в Санкт-Петербурге в 1762 г. и впоследствии имевшего обширные

и повествований о «чужих землях» (трэвелогов)³⁸ современников Первой русско-турецкой войны.

Подробности о каждом дне продвижения российских эскадр в Средиземное море, пребывания в Архипелаге вплоть до возвращения флота в Кронштадт содержат шханечные журналы кораблей³⁹ и журналы, которые вели находившиеся на кораблях инженер-капитаны и инженер-поручики Карл Реан, Георг Келхен, Яков Баталзин, Максимилиан фон Пален, Михаил Можаров, кондуктор Михаил Тузов и др.⁴⁰. Эти инженер-офицеры участвовали в десантах и сооружали береговые укрепления, организовывали ремонт судов и рисовали планы морских портов, схемы построений флота, описывали как крупные сражения, так и повседневные заботы команды своих кораблей. Сохранившиеся журналы рисуют повседневные заботы участников плавания, позволяют уточнить хронологию военных действий и контактов в Средиземноморье с властями Мальты, Порт-Магона, Сицилии, Сардинии, Генуи, венецианских островов в Адриатике, описать операции, проведенные морскими силами России и ее арабских союзников⁴¹.

Источниками для изучения пропагандистских стратегий власти наряду с рескриптами и манифестами Екатерины II, торжественными речами, одами, проповедями крупнейших церковных деятелей ее времени — стали изобразительные материалы и тексты, посвященные празднованию побед (прежде всего, Чесменской победы 1770 г.) и торжествам 1775 г. по случаю заключения мира с турками.

Значительное место в исследовании уделено анализу отечественной и европейской прессы времен Первой русско-турецкой войны. Ее сравнительное изучение позволило оценить информированность читателей, прояснить характер подачи новостей. Пресса оказалась чутким барометром, фиксировавшим изменения общественного мнения в отношении средиземноморской политики Российской империи.

источники информации. Записи Рюльера легли в основу его знаменитой «Истории анархии в Польше», содержащей значительный материал не только о разделах Польши, но и о секретных страницах екатерининского средиземноморского демарша. Однако в целом изучение мемуарной литературы, затрагивающей период русско-турецкой войны 1768–1774, показало весьма ограниченную степень информативности мемуарных свидетельств. Из четырех десятков изданных мемуарных записок о 1760-х — 1770-х гг. в 19-ти об Архипелагской экспедиции вообще не упоминается, в 11 о ней сказано бегло и то более в связи с торжествами 1775 г. по случаю заключения мира, и только в 9 записках участников сражений сохранились развернутые повествования о морском походе и об увиденных землях (для сравнения отметим, что происходившим в это же время Пугачевщине и Чумному бунту специально посвящены по меньшей мере по 8 мемуарных сочинений, не говоря о многочисленных упоминаниях).

³⁸ *Коковцев М.Г.* Описание Архипелага и варварийского берега, изъясляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786; Описание Архипелага, составленное Г.Л. Паш ван Криненом и Путешествие из Ливорно в Рим отправленных от Спиридова флота лейтенанта Суховатова, адъютанта Ржевского, мичмана кн. Голицына, поручика Жукова 1772 г. (см. Приложение 6, 7). См. также: *Bruce of Kinmaird J.* Travels to discover the source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Edinburgh & London, 1790. Vol. 1–5; *Choiseul-Gouffier.* Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1782. Vol. 1; *Volney C.-F.* Voyage en Syrie et en Egypte, pendant les années 1783, 1784 & 1785. Paris, 1787. Vol.1, 2.

³⁹ Хранятся в РГА ВМФ. Частично введены в научный оборот Е.В. Тарле (*Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг // Академик Е.В. Тарле. Сочинения. М., 1959. Т. 10. Стр. 11–91) и Г.А. Гребенщиковой (*Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007). В настоящем издании наряду с опубликованными использованы материалы вахтенного журнала шебеки «Греция» (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149) периода похода к берегам Палестины.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860; 1948.

⁴¹ Журналы инженер-офицеров флота были впервые широко использованы: *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866–74. Т. 1–5.

В последние десятилетия ученые активно включились в обсуждение проблем взаимодействия политики, религии и культуры, методов анализа межрелигиозных и межконфессиональных взаимодействий, роли индивида в истории (в частности, личности в дипломатии). Однако средиземноморская политика Екатерины II, представляющая значительный материал для такого рода исследований, в данном аспекте пока не была предметом самостоятельного изучения. Вопросы вхождения России в Средиземноморье затрагивались, прежде всего, в связи с изучением военно-политического успеха Архипелагской экспедиции, а также в контексте исследования «восточного вопроса». Но религиозно-политический и культурный аспекты проблемы значительно развития не получили, хотя отчасти их касались А.Л. Зорин и В.Ю. Проскураина.

Тем не менее в изучении Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. сделано немало. Более других изучены вопросы внешней политики России периода подготовки и хода русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (С.М. Соловьев, Н.Д. Чечулин, Е.В. Тарле и др. — в отечественной историографии, М.С. Андерсон, И. де Мадариага и Э. Каррер д'Анкос — в западной), военно-политической истории Архипелагской экспедиции (Е.В. Тарле, А. Петров, Ф.С. Криницин, Г.А. Гребенщикова и др), консульской службы Российской империи (В.А. Уляницкий), «Греческого проекта» (Е.И. Дружинина, О.П. Маркова, В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, И.С. Достян, Я. Тиктопуло и др.), русско-итальянских контактов (Дж. Берти, Ф. Вентури), русско-арабских взаимодействий (П.В. Стегний, Т.Ю. Кобищанов, М.Г. Мачарадзе). Увидевшие свет в последнее десятилетие биографии А.Г. Орлова (В.А. Плугин и О.А. Иванов)⁴² содержат убедительные заключения относительно значения деятельности А.Г. Орлова в архипелагской истории.

Значительно облегчили нашу работу появившиеся в последние годы замечательные справочники по истории российского парусного флота⁴³ и его крупнейших деятелей⁴⁴, а также новейшее фундаментальное исследование военных историков М.С. Монакова и Б.И. Родионова «История российского флота в свете мировой политики и экономики» (М.-Кронштадт, 2006).

Между тем от внимания историков ускользнула *многоплановость целей*, решавшихся экспедицией, и они односторонне трактовали предназначение и результаты Архипелагской экспедиции. В частности, Н.Д. Чечулин, восхищавшийся дипломатической активностью Н.И. Панина и его усилиями по созданию «северного аккорда», отозвался о значении Архипелагской экспедиции пренебрежительно; он рассматривал действия флота лишь с точки зрения их места в общей картине военных мероприятий и оценил их как простой набег (что совпадало со взглядами на экспедицию и многих европейских историков, видевших в операциях флота лишь каперские акции). В.О. Ключевский, полагавший, что «внешняя политика — самая блестящая сторона государственной деятельности Екатерины, произведшая наиболее сильное впечатление на современников и ближайшее потомство»⁴⁵, расценивал значение Архипелагской экспедиции главным образом в военно-стратегическом ракурсе и почитал ее едва ли не за авантюру. «Нужно было иметь много веры в

⁴² Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. Жизнеописание графа Орлова-Чесменского. М., 1996; Иванов О.А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М., 2002.

⁴³ Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. М., 2002.

⁴⁴ Лурье В. Морской биографический словарь. Деятели Российского флота XVIII века. СПб., 2005.

⁴⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть VII// Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. V. С. 36.

Провидение, чтобы послать на такое дело в обход чуть не всей Европы флот, который сама Екатерина четыре года назад признала никуда негодным», — писал В.О. Ключевский и, объясняя причину Чесменской победы, категорично заключал — просто «в Архипелаге нашелся флот хуже русского»⁴⁶.

Уже в XIX веке исследователи обратили внимание и на кажущуюся *непоследовательность императрицы* в определении задач и предназначения экспедиции; они объясняли это непродуманностью общей стратегии экспедиции из-за отсутствия здравого расчета («Вся экспедиция была в сущности результатом увлечения», — писал В.А. Уляницкий)⁴⁷ или поспешной ее подготовкой (многое задумав, Екатерина «на каждом шагу наталкивалась на свою неподготовленность; решив послать морскую экспедицию к берегам Мореи, просила своего посла в Лондоне выслать ей карту Средиземного моря и Архипелага, также достать пушечного литейщика поаккуратнее наших», — замечал В.О. Ключевский, и т.п.)⁴⁸.

Традиция рассматривать предназначение экспедиции лишь как военной диверсии против Османской империи в «наичувствительнейшем месте» (Екатерина II) надолго закрепилась в отечественной исторической литературе. Действительно, Екатерина писала в связи с посылкой экспедиции прежде всего о военно-стратегических задачах — о том, что она подпаливала империю с четырех углов (ведя военные действия на юге России, на Кавказе, в Молдавии и Валахии и в Средиземноморье)⁴⁹. Большинство российских военных историков высоко оценили и стратегический замысел, и результаты экспедиции, подвергнув критике лишь некоторые тактические ошибки ее командования. С легкой же руки Е.В. Тарле, чья работа увидела свет в конце Великой Отечественной войны, Архипелагская экспедиция перешла в разряд тем историко-патриотического воспитания и в этом ключе рассматривается до сих пор. Появившиеся в последние годы популярные работы А.Б. Широкограда, отличающиеся не всегда корректными и взвешенными оценками, думается, даже излишне этот патриотический настрой эксплуатируют.

Из новейших исследований, посвященных Архипелагской экспедиции, особое место занимает фундаментальная монография Г.А. Гребенщиковой⁵⁰. Ее автору, многие годы посвятившей изучению строительства русского флота в XVIII–XIX вв., удалось собрать значительный архивный материал, ввести в научный оборот новые источники⁵¹, уточнить важные аспекты международных отношений, связанных с русско-турецким противостоянием, детали военных акций похода Балтийского флота в Архипелаг в 1769–1774 гг., осветить повседневную жизнь российских моряков.

Вместе с тем, некоторые концептуальные заключения автора вызывают возражения. Прежде всего, в работе, на наш взгляд, незаслуженно навязчиво прини-

⁴⁶ Там же. С. 43, 44.

⁴⁷ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 122.

⁴⁸ Ключевский В.О. Указ. соч. С.43.

⁴⁹ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. С. 287–288.

⁵⁰ Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб.: Наука, 2007.

⁵¹ К сожалению, увлеченная блестящими архивными находками, автор упустила из вида тот факт, что многие из цитируемых ею архивных дел были опубликованы еще в XIX в. (АГС, Переписка Панина и Орлова и др.), равно как и превосходно известные в литературе мемуары С.П. Хметевского и Ю.В. Долгорукова, которые автор «обнаружила» в Отделе рукописей РНБ. Палеографические характеристики используемых Гребенщиковой рукописей также иногда вызывают недоумение.

жается роль греческого восстания в истории Архипелагской экспедиции и в сущности игнорируется участие греков в экспедиции⁵². Думается, выводы автора зиждутся на слабом знакомстве с литературой, посвященной истории балканских народов, в которой приведены веские аргументы в пользу того, что «албанцы», которых Г.А. Гребенщикова упорно противопоставляет «грекам», во время Архипелагской экспедиции не были только жителями этнически и конфессионально разобщенной «Албании», а «термин «албанец» или «арнаут» стал нарицательным для обозначения наемного солдата иррегулярных пехотных войск»⁵³. В русской документации периода Архипелагской экспедиции можно встретить как противопоставление «*греки*» vs. «*албанцы*»⁵⁴, так и формулировку: «военнослужащие в нерегулярном войске — арнауты, албанцы, морейцы, сфациоты и *протчия греки*»⁵⁵. Кстати, и Греческий легион, образованный после переезда в Россию греков, воевавших вместе с русскими в 1769–1774 гг., первоначально назывался «Албанским». Известную путаницу вносит Г.А. Гребенщикова и в понятие «Греческий проект», под которым она разумеет все попытки обозначить сотрудничество с греками с 1770 г., тогда как в литературе сложилось устойчивое понимание того, что есть «Греческий проект», и едва ли правомерно, не оговаривая специально, столь вольно использовать классические детерминанты⁵⁶.

В греческой историографии изучение Архипелагской экспедиции и ее роли в греческом национально-освободительном движении имеет более чем столетнюю традицию⁵⁷. До настоящего времени не утрачивают своего значения серьезно аргументированные, опирающиеся на архивные источники работы К. Стефаноса и П. Контогианниса⁵⁸, специально посвященные русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и роли в ней греков. Современные авторы опираются обычно на материал, собранный в этих двух трудах, хотя в своих оценках порой допускают значительно более решительные суждения и выводы⁵⁹. Господствующая в греческой литературе трактовка событий Архипелагской экспедиции значительно отличается от принятой в отечественных исследованиях. Большинство греческих авторов настаивают на том, что российская императрица перед началом русско-

⁵² Автор ошибочно полагает, что участие греков было минимальным, а их численность едва ли превышала несколько десятков. См., например: Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 276.

⁵³ Арш Г.Л. Албания: Рост сепаратизма местных властителей // История Балкан. С. 486.

⁵⁴ Например, см. донесение капитана Петра Бешенцова о том, что к нему был направлен матросом грек Вангели Аламан, принесший присягу, а его опознал капитан албанцев, который сообщил, что Аламан «не грек, а албанец и служил в ево албанской капитанской службе и из оной самовольно отлучился» (Февраль 1771 г. — РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 331). Н. Паппас приводит доводы в пользу того, что в албанское войско входили черногорцы, сербы, маниоты Пелопоннеса, албанцы, выходцы из Закинтоса и Кефаллонии (Pappas N.C. Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. Thessaloniki, 1991. P. 73).

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 211 об.

⁵⁶ В частности, недоумение вызывает вывод о том, что «в марте 1771 г. императрица поставила финальную точку в «греческом проекте» (с. 356), тогда как известно, что настоящий «Греческий проект» был изложен Екатерине II в письме к Иосифу II лишь в 1782 г.

⁵⁷ Авторы выражают благодарность Е.А. Литвиной, помогавшей в работе с греческой историографией и сделавшей переводы с греческого для настоящего издания.

⁵⁸ Στέφανος Κ. Ανέκδοτα έγγραφα αποσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων κατά την ύπο των Ρώσων κατοχήν. Αθήνησιν, 1878; Κοντογιάννης Π.Ν. Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774. Αθήνα, 1903.

⁵⁹ Специально греческой историографии посвящена работа: Ροτζώκος Ν. Β. Εθναφύπνιση και εθνογένεση: Ορλωφικά και ελληνική ιστοριογραφία. Αθήνα, 2007.

турецкой войны 1768–1774 гг. через своих эмиссаров обещала помощь значительно большую, чем эта помощь реально была оказана. Таким образом, она напрасно обнадежила греков и балканских славян и, в конечном счете, спровоцировала их на восстание, закончившееся поражением и повлекшее жестокую расправу турок над повстанцами на Пелопоннесе в 1770 г.⁶⁰ По нашим оценкам, такая трактовка не вполне обоснованна: с самого начала Екатерина II указывала, что грекам следует воспользоваться благоприятной обстановкой русско-турецкой войны и российским присутствием, чтобы завоевать свою свободу; к тому же российские авторы обычно доказывают, что провал операции в Морее стал итогом бегства греков-маниотов (майнотов) с поля боя и их неумения вести регулярные сражения⁶¹. В дальнейшем, как принято считать в греческой историографии, русские, добившись присяги в верности от жителей части Кикладских островов, вместо свободы принесли им новые поборы, беспокойства от пиратских набегов и к тому же вывезли часть античных памятников в Россию⁶². Думается, что и подобные оценки нуждаются в корректировке: на наш взгляд, источники не дают оснований считать, что установленные на островах Архипелагского княжества повинности и сборы превышали бывшие при османском правительстве, да и информация о вывозе значительного числа античных памятников кажется сильно преувеличенной (подробнее об этом см. гл. 5).

Диссонансом этим греческим позициям звучат выводы Н.Паппаса — исследователя участия греков в военных операциях России (это участие, по мнению Паппаса, и подготовило греков к национальному освобождению). Паппас считает, что хотя Россия и решала свои задачи борьбы против Османской империи, ее цели совпадали с целями греков⁶³, а потому Россия оказала решающее влияние на национально-освободительную борьбу. Эмиграция в Россию также благотворно отразилась на накоплении греческих капиталов. В общем сотрудничество, основанное на взаимном интересе, завершилось в конечном итоге успехом.

В западной историографии Архипелагской экспедиции преобладают те же оценки, что и в большинстве греческой⁶⁴. В частности, румынская исследовательница А. Камариано-Сиоран предприняла серьезные изыскания, чтобы доказать, что Екатерина II считала угнетенных греков не более чем инструментом для осуществления своих планов расчленения Османской империи, а религиозные лозунги и пророчества о «светловолосых освободителях» дали ей только дополнительные возможности для реализации этих планов. Камариано-Сиоран внимательно изучила свидетельства о деятельности российских агентов на Балканах, историю

⁶⁰ Это восстание часто по именам братьев Орловых называют «Орлофика». См., например: *Σάβας Κ. Τουρκοκρατούμενη Ελλάδα, 1453–1821*. Αθήνα, 1869; *Σακελλαρίου Μ.Β. Η Πελοπόννησος κατά την δευτέραν Τουρκοκρατίαν, 1715–1821*. Αθήνα, 1939; *Γριτσόπουλος Τ. Α. Τα Ορλωφικά. Η εν Πελοποννήσῳ επανάστασις του 1770 και τα επακόλουθα αὐτῆς*. Αθήνα 1967; *Κουγέας Σ. Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ὑπὸ τοῦ Ορλώφ Πελοποννησιακῆς Ἐπαναστάσεως (1770) // Πελοποννησιακά. 1956. № 1. σελ. 50–107 и др.*

⁶¹ Различные оценки см.: *Ариш Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768–1774 гг. Восстание в Морее // *История Балкан. Век восемнадцатый*. С. 439; *Гребенищикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 246–257.

⁶² *Πασχάλλη Δ. Αι Κυκλάδες ὑπὸ τοὺς Ρώσους (1770–1774). Μετ' ἀνέκδοτων ἐγγραφῶν. // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Κυκλαδικῶν Μελετῶν. 1961. №1. Σελ. 234–292).*

⁶³ *Pappas N. C. Greeks in Russian military service*. P. 334–335.

⁶⁴ См., например: *Constantine D. Early Greek travelers and the Hellenic Ideal*. P. 168–187; *Pappas N.C. Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries*. P. 67–70.

совместных русско-греческих операций в Морее весной 1770 г., просчеты сторон и пришла к выводу, что вина за поражение в Морее лежит, прежде всего, на русских, пришедших с недостаточными силами и вооружением и поспешивших при первых неудачах покинуть Пелопоннес, оставив восставших греков на погибель⁶⁵.

Впрочем, за исключением А. Камариано-Сиоран, Ф. Вентури, Ч. Чиано, Р.С. Андерсона⁶⁶ и М.С. Андерсона⁶⁷, об акциях российского флота в Восточном Средиземноморье западные исследователи пишут мало. Опыт государственного строительства на островах Архипелагского княжества в западной историографии вообще не изучался, а российская экспедиция упоминается по большей части в связи с открытием Греции западноевропейскими путешественниками и становлением идеи филлэллинизма⁶⁸ или с началом национально-освободительной борьбы и влиянием на нее греческих переселенцев в Россию⁶⁹.

В итальянской историографии пребывания русского флота в Италии во время Первой русско-турецкой войны⁷⁰ концептуальная рамка задана двумя исследованиями, вышедшими на рубеже 1970-х и 1980-х гг.: третьим томом фундаментального труда Франко Вентури «Il Settecento-Riformatore» («XVIII век — век реформ», 1979) и «Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione» Чезаре Чиано («Россия и Тоскана в XVII–XVIII вв. Страницы торговой и морской истории», 1980). О них подробно говорится в главе 7 настоящего издания. Из других работ необходимо выделить богатые архивными материалами монографии и статьи Дж. Берти⁷¹, С. Виллани⁷², Л. Доно-

⁶⁵ *Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs // *Revue des études sud-est européennes*. Bukarest, 1965. Т. III. № 3–4. P. 513–547.

⁶⁶ *Anderson R. C.* Naval Wars in the Levant. 1559–1853. Liverpool, 1952.

⁶⁷ Британский историк М.С.Андерсон в начале 1950-х гг. обратился к истории Архипелагской экспедиции Екатерины II в связи с анализом российско-британских отношений, и его заключения, основанные на архивных источниках и публикациях британской прессы, показывают, что значительная британская помощь в реализации екатерининских планов, дорого стоившая Британии, по сути ничего для Соединенного королевства не дала: укрепив политический и военный вес России, Британия не получила в ее лице верного союзника, а, напротив, значительно обострила собственные отношения с Портой. См.: *Anderson M.S.* Great Britain and Russian Fleet, 1769–70 // *Slavonic and East European Review*, 31 (1952/1953) . [New York], 1952/53. С. 148–163; *Anderson M.S.* Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74 // *English historical Review* . [New York], 1954. Vol. XIX (№270). С. 39–58; *Anderson M.S.* Britain's discovery of Russia, 1553–1815 . [New York], 1958.

⁶⁸ См., например: *Constantine D.* Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984; *Augustinos O.* French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994; *Navari L., Konstantinos S.* Greek Civilization through the Eyes of Travellers and Scholars. Oak Knoll Press, 2004; *Rawson E.* The Spartan Tradition in European Thought. Oxford: Clarendon Press, 1969; *Roessel D.* In Byron's Shadow. Modern Greece in the English and American Imagination. NY, 2002.

⁶⁹ Из последних работ, содержащих обширную библиографию по этому вопросу, см.: *Pappas N.C.* Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries.

⁷⁰ Мы сознательно опускаем в данном случае работы, посвященные русско-итальянским связям в целом, концентрируя свое внимание лишь на исследованиях по истории интересующего нас краткого временного отрезка — 1768–1774 гг. Общую библиографию работ о русских в Италии см., например: *Todeschini M.P.* Russi in Italia dal Quattrocento al Novecento. Bio-bibliografia descrittiva. Moncalieri, 1997; Справка о документах по истории отношений между Италией и Россией, хранящихся в некоторых государственных архивах Италии // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 407–452.

⁷¹ *Berti G.* Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957 (русский перевод в 1959 г.).

⁷² *Villani S.* Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo // *Nuovi Studi Livornesi*. Vol. XV (2008). P. 37–96.

лов⁷³, М.Л. Кавальканти⁷⁴, а также блок материалов о русско-венецианских отношениях, опубликованный в первой половине XX в. (в работах А.М. Альберти⁷⁵, К. Манфрони⁷⁶, Ф. Сенеки⁷⁷, Р. Чесси⁷⁸).

В период работы над монографией авторы получали поддержку Российского гуманитарного научного фонда (проекты 05-01-01262а, 09-04-18003е). В 2009 г. при поддержке РГНФ была предпринята экспедиция в Грецию, в Южный Пелопоннес и на острова, составлявшие в 1770–1774 гг. Архипелагское княжество. Некоторые материалы, собранные экспедицией, а также фотографии, выполненные в экспедиции Ю.Я.Яриным, Е.А.Литвин, Е.Б.Смилянкой, представлены в настоящем издании.

Авторы считают своей приятной обязанностью выразить благодарность коллегам и друзьям, оказавшим неоценимую помощь в работе над книгой: Е.В. Акельеву, Г.О. Бабковой, Ю.В. Бродскому, М.И. Василенко, В.А. и Е.А. Гордеевым, А.Б. Каменскому, Г.А. Космолинской, Г.В. Ибнеевой, М.Б. Лавринович, А.С. Лаврову, Е.А. Литвин, Е.В. Никандровой (РГА ВМФ), Н.В. Назаровой, А.Ф. Строеву, С.Л. Туриловой (АВПРИ), Ханне Файнштейн, И.Л. Фомину, К.А. Хомяковой, Н.И. Шленской, Ю.Я. Ярину. Отдельная благодарность — зарубежным коллегам и друзьям Марии ди Салвио, Ингрид Ширле, Рою Робсону, Уршуле Церняк, Гуида Карпи и Стефано Виллани, а также Алессандре Андольо, любезно предоставившей в наше распоряжение собранные ею материалы из Государственного архива Турина, греческим историкам-энтузиастам Иоаннису Василеопуло и Олимпиосу Алифиерису, сопровождавшим нас по руинам российских построек на Паросе и щедро делившимся своими материалами.

Авторы выражают также признательность сотрудникам Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива военно-морского флота, Архива внешней политики Российской империи, отдела письменных источников и отдела картографии Государственного исторического музея, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Музея книги Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки, Военно-Морского музея в Санкт-Петербурге за неоценимое содействие в многолетних изысканиях.

---

⁷³ Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia di Cesmé // Nuovi Studi Livornesi. T. IX (2001). P. 107–143.

⁷⁴ Cavalcanti M.L. Le relazioni commerciali tra il regno di Napoli e la Russia, 1777–1815. Fatti e teorie. Genève, 1979.

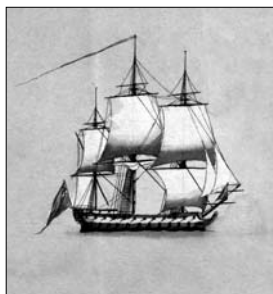
⁷⁵ Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII (1770–1785) // Archivio Veneto. 1931. Vol. X.

⁷⁶ Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71 // Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. T. LXXII. P. II. Venezia, 1912–1913; Manfroni C. La campagna navale russo-turca (1770–1771) // La Rivista Marittima. Roma, 1913. Quarto Trimestre. Vol. 4 (Dicembre).

⁷⁷ Seneca F. Francesco Lorenzo Morosini e un fallito progetto di accordo veneto-russo // Archivio Veneto. №106 (1963).

⁷⁸ Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770 // Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. T. LXXIV. P. II. Venezia, 1914–1915.

**АРХИПЕЛАГСКОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II**

И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская

ПРИУГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ: СЦЕНАРИЙ И ВЫБОР ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

И.М. Смилянская

... графу Орлову должна я частию блеска моего царствования, ибо он присоветовал мне послать флот в Архипелаг

Екатерина II

Вам угодно сравнивать проект экспедиции в Средиземное море, приписываемый несправедливо мне (я предоставляю себе назвать его сочинителя, когда он удастся), с предприятием Аннибала...

Из письма Екатерины II Вольтеру

Средиземноморская политика Екатерины II и ее окружения не родилась сразу во всей своей завершенности, но и не была суммой разрозненных, порожденных обстоятельствами случайных шагов — она подчинялась определенной логике и была отмечена последовательной цепью мероприятий. Как известно, первые камни в строительство этой политики заложил еще Петр I, императрица же была его примерной ученицей, успешно развившей его начинания.

Именно Петр был сторонником военно-политического союза России, Австрии, Венецианской республики, Речи Посполитой и Мальтийского ордена против Османской империи. При нем Россия стала членом Священной лиги. Не без основания уповая на благосклонность властей Венецианской республики, царь обращался к ним с просьбой о командировании в Россию опытных мастеров местного арсенала. К рыцарям ордена св. Иоанна Петр послал для переговоров Б.П. Шереметева, а в Венецию направлял в марте и апреле 1711 г. российских торговых консула Дм.Ф. Боциса и агента Маттео (Матвея) Каретту, последний оставался в Венеции до июля 1715 г. и был заменен П. Беклемишевым¹. При этом Петр пре-

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. I. М.; Л. 1964. С. 110–111, 169; Т. XII. Вып. 2. М., 1977. С. 561, 568. Дмитрию Боцису (долматскому греку по происхождению) помимо торговых дел вменялось в обязанность поддержание связей с жителями Черногории, Герцеговины и Албании (см.: *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 105).

следовал преимущественно военно-политические цели, чему также служили его сношения с жителями Черногории. На Балканах Петр I выступал поборником религиозно-политической идеи изгнания мусульман за пределы Европы, сформулированной еще Генрихом IV и его министром Сюлли².

Вместе с тем, у Петра I, по-видимому, присутствовал более глубокий интерес к Средиземноморью, чем только стремление создать антитурецкую коалицию. Следуя распространенной среди государств практике найма иностранцев на свою службу, Петр отдавал предпочтение датчанам, голландцам, шведам. Тем не менее от него исходил приказ взять на русскую службу людей и «из склавенов, из греков и итальянцев», якобы более привычных к управлению галерами³. О политическом интересе царя к Средиземноморью свидетельствовали его усилия в установлении сношений с Генуей и Пьемонтом. Если первая могла его заинтересовать своими гаванями, то королевство Сардинии — ролью в европейской политике благодаря постоянной игре Савойской династии на противоречиях между Францией и Австрией⁴. Для рекогносцировки Петр направил в Средиземное море и первое российское судно — «Армонт»⁵. В 1697–1698 гг. по славянским землям Адриатики проехал пятидесятидвухлетний стольник П.А. Толстой, направленный для прохождения курса морских наук в Венецию в числе 37 других дворян⁶. Он не только вел дневник своего путешествия по Италии и Мальте, но, будучи назначен главою российской миссии в Константинополе, составил в 1706 г. и представил императору подробное описание населенных пунктов, крепостей и портов, а также условий судоходства по акватории Черного, Мраморного и Эгейского (Белого) морей и проливов Босфор и Дарданеллы⁷.

Петру I принадлежала идея взаимодействия с народами Балкан в борьбе против Турции. Им же задана стилистика обращений к балканским единовер-

² Во всяком случае, к подобного рода высказываниям царя обращался А.Г. Орлов, когда не без удачи писал брату Григорию из Италии: «И если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого, которое они терпят. И скажу так, как в грамоте Государь Петр Первый сказал: а их неверных магометан согнать в поля и степи пустые и песчаные на прежние их жилища. А тут опять заведется благочестие...». См.: [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции гр. А.Г. Орлова с предисловием Л.Н. Майкова // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX веков. Изд. М. Михайловым. СПб., 1873. С. 142.

³ Из прибывших в Архангельск 520 иностранцев 160 были датчанами, 164 — шведами, 108 — голландцами, 86 — немцами. Далее по количеству следовали 36 человек из Средиземноморья — турок, венецианцев, итальянцев (Дулич. Л. На службе России // Морской сборник. 2006. № 1).

⁴ См.: Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959.

⁵ Каллистов Н.Д. Архипелагская экспедиция // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 8. С. 53. Возможно, отклик на плавание «Армонта» содержится в «Истории о российском матросе Василии Кориотском и прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли»: «И уже тому два года, пришли морем в наша государства из Европыи кораблями российские купцы, и я в то время гуляла с девицами в шляпках и смотрела российских товаров и всяких диковинок». (цит. по: Русская литература XVIII века. 1700–1775. М., 1979. С. 17).

⁶ См.: Орешкова С.Ф. Вступительная статья // Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006. С. 44. О П.А. Толстом см.: Орешкова С.Ф. Османская империя глазами русских дипломатов // Османская империя. События и люди. М., 2000. С. 15–19.

⁷ Толстой П.А. Дневник, писанный им во время путешествия в Италию и на остров Мальту в 1697–1698 гг. // Русский архив. 1888. Кн. 1. Вып. 2; Он же. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота. См. также: Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / Сост., вступ. ст., коммент. М.Р. Аруновой, С.Ф. Орешковой. М., 1985.

цам. В манифесте от 8/19 мая 1711 г., обращенном к грекам, сербам, «славянам» и албанцам, Петр призывал соединить усилия с российскими войсками, дабы «на неприятеля креста Господня воевати за отечество, за честь и превращение древних свобод и вольностей», за «освобождение церкви и веры святыя православныя от гонения басурманского»⁸. Историки полагают, что неудачи Петра I в Прутском походе были связаны с его необоснованной уверенностью в своевременной вооруженной поддержке балканских единоверцев⁹. Но само это взаимодействие не было подготовлено ни политически, ни организационно.

Преемники Петра I вели малоуспешные переговоры с Венецианской республикой о заключении торгового договора и несколько расширили сношения с балканскими славянами и греками; те, в свою очередь, не только поступали на русскую службу, но и переселялись в Россию. Однако сколько-нибудь выраженного интереса к средиземноморским делам до Екатерины II преемники Петра I не проявляли.

Вступление на трон Екатерины II совпало с ухудшением русско-турецких отношений: у Порты росло беспокойство в связи с растущей военной мощью России. Она протестовала против строительства на реке Дон крепости Св. Дмитрия (будущего Ростова-на-Дону), выражала недовольство российской политикой в Польше и поддерживала польских конфедератов. Между тем, российскому двору было известно, что за антироссийскими кругами Речи Посполитой стояла Франция, вынашивавшая планы создания «Восточного барьера», предназначенного изолировать Россию от Европы и вовлечь ее в войну с Турцией¹⁰. Австрия после выхода из Семилетней войны России присоединилась к антирусским интригам Франции в Константинополе. Это были очевидные причины обострения русско-турецких отношений.

Однако для русско-турецкого противостояния существовали и скрытые, более глубокие основания. Екатерина встала на путь реформ, предназначенных преобразовать Россию согласно существующим представлениям о современном государстве. Это предполагало создание централизованной системы государственного управления, прежде всего нуждавшейся в административно-территориальном упорядочении государственного пространства и определении «естественных» границ государства.

Не менее существенным было обеспечение со стороны государства условий для экономического развития страны. Между тем, по всему Причерноморью тянулось огромное приграничное пространство, остававшееся недоступным для хозяйственного освоения, служившее плацдармом для набегов на российские поселения со стороны крымских татар, пребывавших под покровительством Порты. Все побережье Черного моря, куда впадают важные судоходные реки

⁸ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // *История Балкан. Век восемнадцатый.* М., 2004. С. 57

⁹ Там же С. 55-57.

¹⁰ Министр иностранных дел Франции герцог де Шуазель писал в 1768 г.: «Я с печалью убедился, что север Европы подчиняется все более и более русской императрице..., что на севере готовится лига, которая станет страшной для Франции (речь шла о „Северном аккорде“. — *Авт.*). Самое верное средство разрушить этот проект и, быть может, низвергнуть императрицу с захваченного ею трона — это было бы возбудить против нее войну. Только турки в состоянии оказать нам эту услугу» (цит. по: *Черкасов П.П.* Франция и русско-турецкая война, 1768–1774 гг. // *Новая и новейшая история.* 1996. № 1. С. 53–54).

России, было завоевано турками, хотя веками море служило важнейшей транспортной артерией региона (знаменитый путь «из варяг в греки»), теперь из-за турецких запретов оно стало недоступным для судоходства россиян. В результате развивающиеся южные русские территории были лишены естественного выхода к внешним рынкам. Одним словом, перед Екатериной II встала задача, не решенная Петром I, — открытие «южного окна» в Европу.

Петр I и Екатерина II

Следовательно, Россия не могла избежать войны с Турцией. При активном характере политики императрицы и ее больших внешнеполитических планах и амбициях война предстояла России наступательная, призванная решить кардинальные вопросы русско-турецких отношений.

Императрице не было свойственно недооценивать степень опасности для России ее противника, которого она считала «единственным государством, могущим быть для нас страшным»¹¹, ибо Османская империя могла выставить в случае войны самую многочисленную армию в Европе, имела артиллерию с кадрами, подготовленными французскими военными советниками, и большой морской флот, которому Россия уступала, по крайней мере, в быстроходности¹². Поэтому для успешного ведения войны против Османской империи (да еще в условиях враждебных отношений с Францией и заметного охлаждения во взаимоотношениях с Австрией) России было необходимо заручиться дружескими связями с государствами северной Европы и нейтрализовать враждебные действия со стороны Швеции и Польши. Этому помимо собственных задач должна была служить так называемая «система северного союза» (или «северного акорда»), тщательно прорабатываемая первоприсутствующим Коллегии иностранных дел Н.И. Паниным. Она предназначалась для достижения в Европе баланса политических сил и «сохранения мира и спокойствия на Севере» Европы. Союзные договоры с Пруссией (1764) и Данией (1765), заключенные во имя реализации северной системы, содержали секретные статьи, предусматривавшие помощь этих государств России в случае нападения Турции. Союзный же англо-русский договор, переговоры о заключении которого велись в течение нескольких лет вплоть до начала самой войны, подписан не был — из-за нежелания Англии брать на себя аналогичные обязательства¹³.

Смерть польского короля Августа III в 1763 г. и острый международный конфликт вокруг Польши побудили Екатерину сосредоточить свое внимание на польских делах. Однако ни заботы о создании северного союза, ни польские

¹¹ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С. 513.

¹² Турки, привыкшие к господству в Восточном Средиземноморье, преувеличивая мощь своего флота, имели, как оказалось, превратные представления о русском флоте. Османский министр Ресми-эфенди писал о том, что флот этот состоит из старого хлама, что первая же буря разнесет его в щепки. Впрочем, последнее предсказывали и европейские наблюдатели. *Ресми-Ахмет-Эфенди*. Сок достопримечательного в сущности, о начале и важнейших событиях войны, происходивших между Высокою Портою и Россией / Предисл. О.И. Сенковско // Библиотека для чтения. 1854. Т. 24. Отд. I.

¹³ Подробнее о внешнеполитической ситуации см. гл. 3.

проблемы не помешали императрице держать в поле зрения турецкий вопрос и средиземноморские замыслы, тайно вызревавшие в ее голове, по-видимому, с начала ее правления.

В главе делается попытка извлечь из сложной канвы политических событий первых восьми лет правления Екатерины II те, подчас связанные между собой, мероприятия императрицы и ее ближайшего окружения, которые говорили о том, как вызревал замысел вторжения России в Средиземноморье и осуществлялась подготовка Архипелагской экспедиции.

Флот

Обеспечение безопасности на севере, укрепление международного веса, а в будущем и проникновение в Средиземноморье требовали от России укрепления ее морского флота. В первый же год правления Екатерины было принято решение о расширении военно-морских сил, приглашении из-за границы флотских офицеров и кораблестроителей, а также посылке стажеров для прохождения практики в иностранных флотах. Результатом усилий императрицы был численный рост российского флота и обретение отличных морских офицеров, среди них шотландца С.К. Грейга (1735–1788), поступившего на русскую службу в 1764 г., впоследствии прославившегося как герой Чесмы и замечательный российский флотоводец¹⁴.

Отбор русских офицеров для прохождения заграничной службы был весьма строгим¹⁵. В результате большинство офицеров, направленных на стажировку в 1762 и 1763 гг., впоследствии успешно несли службу в Архипелагской экспедиции, среди них будущий адмирал, а во время Первой русско-турецкой войны еще капитан Е.М. Лупандин (ум. в 1812 г.), будущий вице-адмирал капитан И.А. Борисов (1719–1786) и впоследствии капитан генерал-майорского ранга М.Г. Кожухов (1730 — после 1783), чей морской отряд в 1773 г. после осады Бейрута совместно с арабскими правителями, вышедшими из повиновения Порте, заставил сдаться османского правителя города Ахмеда Джебзара.

В первые годы стажеры направлялись в Англию, которая охотно откликнулась на обращение русской Адмиралтейской коллегии за помощью в воссоздании флота. Англия не видела в России соперника на морских просторах, но рассчитывала в будущем использовать русских в войне с Францией в качестве союзников и поставщиков наемников¹⁶. Впрочем, Екатерина II не вняла настойчивым

¹⁴ А.Г. Орлов в 1772 г. рекомендовал Н.И. Панину Грейга такими словами: «Осмелюсь препоручить в вашу любовь и милость исправного и храброго Грейга. Прошу быть к нему милостиву». Панин в ответ называет Грейга «достойным флагманом» и благодарит за него Орлова (Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773 // Русский архив. 1880. III (2). С. 244–245).

¹⁵ В числе первых двенадцати моряков, посланных в Англию в 1762 г., находился мичман Михайло Кожухов, участник Семилетней войны, отличившийся беспримерным мужеством — это он, будучи дежурным офицером, не допустил высадки в Кронштадтской гавани Петра III, только что свергнутого с престола. См: Шигин В. Всеми забытый капитан Кожухов // Век XVIII. Под андреевским флагом. М., 1994.

¹⁶ Попытка Англии заключить договор о подобном найме с Россией имела место в 1755 г. См., например: История дипломатии. М., 1959. Т. I. С. 332.

требованиям англичан внести в союзный договор статью об обязанности России выставить войска для поддержки англичан в Северной Америке, при том, что сама Англия не соглашалась оказать помощь России в Средиземном море. (Примечательно, что английский король, подобно другим коронованным представителям европейских правящих династий, долго не мог, как писала Екатерина, «привыкнуть» к мысли о том, что российская императрица приняла решение вести независимую внешнюю политику, не допуская использования России в чужих интересах.)

Характерно, что помимо Англии Россия приглашала на службу корабельных мастеров и морских офицеров Венеции и Мальтийского ордена. Хотя в этом она успеха не достигла, но тем не менее между 1765 и 1768 гг. шесть русских офицеров проходили практику в составе мальтийского флота¹⁷. Согласно французскому поверенному в делах в Петербурге и литератору Клоду Рюльеру, их пребывание на Мальте официально объяснялось необходимостью усовершенствовать свои познания в кораблестроении и мореплавании для последующего применения этих знаний на Балтике. На деле же, как полагал Рюльер (и, по-видимому, не ошибался), на Мальте русские морские офицеры должны были познакомиться с условиями судоходства в Средиземном море¹⁸. Некоторые из этих офицеров успели пройти стажировку и в Англии. Офицеры были отозваны летом 1768 г., когда тайно началась подготовка отправления эскадры¹⁹.

Морские офицеры, направлявшиеся в иностранный флот, должны были вести сбор сведений о морских путях, состоянии гаваней и городов, ими посещаемых, и их населении²⁰ и приобретать, как говорилось в повести «Гистория о Российском матросе» знания «по морям, где острова и пучины морские, и мели, и быстрины, и ветры, и небесные планеты, и воздуха»²¹. Сведения, приобретенные Матвеем Коковцевым²² во время службы в мальтийском флоте, а затем в Архипелагской экспедиции, способствовали составлению книг с описанием Архипелага и «Варварийских берегов» (побережья Туниса и Алжира)²³. Мальтийская

¹⁷ Это были будущие вице-адмиралы Т.Г. Козлянинов (1739–1798) и Н.С. Скуратов (1741–1812), будущий капитан I ранга М.Г. Коковцев (1745–1793) и менее известные Николай Рагозин, Федор Маталов и Иван Селифонтов (подробнее об этом см.: *Настенко И.А., Яшнев В.* История Мальтийского ордена. Кн. II. Мальтийский орден и Россия: Иоанниты в новое и новейшее время. XVIII–XX вв. М., 2005. С. 29). Т.Г. Козлянинов (Козлеинов) был также в числе отправленных в Англию из Кронштадта 12 декабря 1762 г. (Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 7).

¹⁸ АВПРИ. Ф. 6/6. Сношения России с Мальтой. 1746–1801. Д. 5. Л. 1–3; *Rulhière Cl.C.* Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette république suivie des Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762 // Oeuvres. Paris, 1819. Т. 3. Р. 292; *Перминов П.* Под сенью восьмиконечного креста (Мальтийский орден и его связи с Россией). М., 1991. С. 76.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 7177. Л. 64–66. См. также: *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007. С. 83–87.

²⁰ Отправляющимся в Англию было предписано знать английский язык и собирать упомянутые сведения. — Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 49.

²¹ Гистория о российском матросе Василии Кориотском и прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли // Русская литература XVIII в. С. 12.

²² Матвей Коковцев в 1775 г. был назначен в Испанию, а оттуда в разведывательную тайную командировку в Алжир и Тунис.

²³ *Коковцев М.Г.* Описание Архипелага и варварийскаго берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786; *Он же.* Достоверные

практика и опыт пребывания в Архипелагской экспедиции были использованы российскими моряками при несении службы в Средиземном море и после войны. Отмеченный вниманием царской семьи, Т.Г. Козлянинов будет командовать между 1776 и 1779 гг. небольшой эскадрой, несшей службу в водах Средиземного моря, и вести успешные переговоры с султаном Марокко. Иными словами, направляя своих офицеров на практику в мальтийский флот, Адмиралтейская коллегия, по-видимому, заглядывала в своих планах далеко вперед.

Посылке русских офицеров в мальтийский флот предшествовала разведка обстановки в Средиземном море, предпринятая по инициативе Екатерины II. В 1763 г. на российских верфях был заложен фрегат с символическим названием «Надежда Благополучия», который специально предназначался для плавания в «Медитерренское море»²⁴. В документах того времени и литературе он известен как «Володимиров фрегат», так как был зафрахтован для плавания в Италию компанией тульских купцов во главе с Иваном Владимировым²⁵. Командовал фрегатом опытный морской офицер Ф.С. Плещеев, плававший с 1743 г., произведенный в капитаны I-го ранга в 1764 г. (погиб на «Евстафии» в 1770 г. во время Чесменского сражения)²⁶. В плавании участвовали и другие морские офицеры, отличившиеся в русско-турецкой войне в составе Архипелагской экспедиции: в будущем адмирал Вилим Фондезин (1740–1826), П. Аничков, И. Арцибашев и др.²⁷

ТОРГОВЫЙ ФРЕГАТ

Екатерина II предпринимала шаги, направленные не только на выяснение обстановки в Средиземноморье, но и на развитие там русской торговли (а попутно и осуществлении разведки). Эта политика имела свою историю. В России уже в конце XVII в. было хорошо известно о весьма прибыльной торговле Франции, Англии и Голландии в Османской империи²⁸. Петр I безуспешно ставил задачу

известия об Алжире, о нравах и обычаях тамошнего народа, о состоянии правительства и областных доходов, о положении Варварийских берегов, о произрастаниях и прочем, с верным чертежом. СПб., 1787.

²⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 117.

²⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIII. С.316; Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 63. Рюльер и вслед за ним В.А. Плугин, думается, ошибочно пишут о двух кораблях и утверждают, что коммерческую операцию готовили Г.Г. Орлов и императрица (Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. Жизнеописание графа Орлова-Чесменского. Документальная повесть с некоторой долей вымысла. М., 1996. С. 189). Документ, на который мы опираемся, говорит об участии Теплова, но не Орлова.

²⁶ В ряде документов и исследований он фигурирует под именем Василия. Мы придерживаемся данных «Морского биографического словаря» В.М. Лурье (СПб., 2005).

²⁷ Образцов В. «Надежда Благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // Родина. 2010. № 2. С. 78–79.

²⁸ Как известно, до середины XVI в. в османской внешней торговле преобладали связи с Венецианской республикой, к 1535 г. относится франко-турецкий договор о капитуляциях, и французское купечество начинает утверждаться в Восточном Средиземноморье. Аналогичный договор Великобритания заключила лишь в 1579 г. и в 1781 г. основала Левантийскую компанию. В XVII в. Великобритании принадлежала господствующая роль в левантийской торговле. В XVII в. английские и голландские купцы получили разрешение торговать на Черном море, однако только на турецких кораблях. С 1730-х гг. торговлю Великобритании в Восточном Средиземноморье успешно вытесняла Франция.

в переговорах с Портой (посольство Е.И. Украинцева 1699–1700 гг.) добиться свободы торгового судоходства по Черному морю в расчете на выход в Средиземноморье. Однако и по Прутскому договору 1711 г. российская торговля с Османской империей могла осуществляться только сухим путем. Лишь по Белградскому трактату 1739 г. Россия получила те же привилегии, что Англия и Голландия, — осуществлять морскую торговлю, но только на турецких судах. В начале 1740-х гг. президент коммерц-коллегии Б.Г. Юсупов уже запрашивал российского резидента в Константинополе А.А. Вешнякова об условиях торговли в Черном море и Восточном Средиземноморье²⁹.

С конца 1740-х гг. возникают планы создания русских торговых компаний в Константинополе: отдельными купцами осуществлялась также торговля в Архипелаге³⁰. Во второй половине века российские предприниматели стали более активно проявлять намерения организовать торговлю в Средиземноморье. Так, в 1756 г. «московский первой гильдии мещанин шолковой мануфактуры и завода содержатель Василий Макаров сын Хастатов, калужский первостатейный купец Никита Тимофеев сын Шемякин и ярославский первостатейный купец Алексей Иванов сын Ярославцев» предложили создать торговую компанию «от Темерникского порта через Черное море в Константинополь, в Италию, в Венецию и другие тамошние места»³¹. Компания была утверждена коммерц-коллегией и получила монопольные права на торговлю из Темерникского порта, отмененные лишь в 1762 г. Из того же порта намерение отправить до 20 тысяч пудов железа через Константинополь в Средиземное море выразили в 1763 г. «содержатель железных и медных заводов Твердышев с братом и Мясников», при этом коллежский ассессор Твердышев писал в кратком экстракте: «Начатое не весьма еще в давнем времени произведение российской коммерции от Темерникского порта по Черному морю в Константинополь, хотя и на турецких судах, однакож подает надежду к большему оной туда и далее по Средиземному морю в Италию и в другие разные государства распространению»³².

В публикациях прошлого века затерялось прошение тульских купцов Ивана Владимирова, Лариона Лугинина, Михаила Пастухова и Михаила Грибанова с собственноручными пометами императрицы от 23 сентября 1763 г.³³. Из документа следует, что инициатива создания компании принадлежала Екатерине. «Уведомились мы, — пишут купцы, — от статского действительного советника господина Теплова, что Ваше Императорское Величество, имея попечение матернее о благоденствии своих подданных, желаете, чтоб купечество Российское имело торг в Средиземном море из Санктпетербурга». Екатерина, как и ее секретарь и, по мнению Исабель де Мадариага, «движущая сила» многих преобразований того периода Г.Н. Теплов, приобрели акций компании на 10 тысяч рублей, а на

²⁹ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. Приложения 13, 14. С. XXI–XXXVIII.

³⁰ См.: Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. СПб., 1786. Т. II. Кн. 1.

³¹ Там же. С. 21.

³² Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. Приложение 18. С. LXVIII–LXIX.

³³ Лишь недавно к этой теме вновь обратилась Г.А. Гребенщикова (Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 52–54).

просьбу купцов о принятии их под монаршее покровительство императрица отвечала: «компания быть под нашим единственным ведением».

Страстное желание императрицы направить в 1764 г. из Петербурга фрегат в Средиземное море под видом коммерческого мероприятия внушило тульским купцам смелость едва ли не диктовать государыне свои условия. Они просили пожаловать им «на первый случай» фрегат с пушками (примечательно, что императрица была готова при необходимости предоставить и два судна с военной командой). Купцы отказывались содержать корабль, обещая уплатить только фрахты, и Екатерина дала распоряжение на первый год «фрегату быть на нашем содержании всем экипажем и командою». Купцы желали, чтобы капитан фрегата Ф.С. Плещеев не торопил фактора компании, «потому что все сие предприятие будет служить только опытом на будущее время торгу государственному». Императрица согласилась и с этим, хотя на следующие годы опыт не повторился. Купцы настаивали, чтобы фактору, который отправится сухим путем, были приданы два переводчика, и Екатерина делает отметку — «Теплов приискать имеет способных и надежных людей»³⁴.

Забота о факторе компании, образованном казанском купце Пономареве, которым интересуется русский двор (в частности, о нем расспрашивал молодой наследник)³⁵, также имеет свои основания. По-видимому, на него и капитана Ф. Плещеева были возложены специальные поручения, об их исполнении они обязаны были доносить в Петербург. Первым отчетом Пономарева было сообщение о благополучном прибытии фрегата в Ливорно и о том, что «24 ноября, в Екатеринин день, происходила в греческой ливорнской церкви торжественная служба на русском языке, служил иеромонах с фрегата, служил в богатом облачении, присланном императрицею в греческую церковь»³⁶. Иными словами, связи церковные прокладывали путь политическим. (И впредь корабли Архипелагской экспедиции будут везти облачения и предметы церковной утвари для православных церквей в Средиземноморье.)

Впрочем, успеху похода торгового фрегата способствовала и его дипломатическая подготовка: через российского посланника в Вене князя Д.М. Голицына Коллегия иностранных дел снеслась с правительствами итальянских государств и обратилась к ним с просьбой оказать содействие тульским купцам и их фрегату. В ответ неаполитанский посланник в Вене сообщил, что его король не отказался бы заключить с Россией трактат о коммерции, а тосканское правительство выразило желание иметь в Ливорно русского консула³⁷. Однако Коллегия иностранных дел еще не была готова воспользоваться этими предложениями, как и высказанной в очередной раз готовностью Венецианской республики вернуться к вопросу о заключении торгового трактата. По-видимому, Екатерина II решила на первый раз ограничиться рекогносцировкой, удачно сочетавшейся и прикрытой торговыми целями. Фрегат возвратился из Ливорно только в сентябре 1765 г.,

³⁴ Прошение тульских купцов о торговле в Средиземном море с отметками Екатерины II // Русский архив. 1870 (Год 8-й). Стлб. 541–545. Так же см.: *Мадариага И. де*. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 193.

³⁵ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIII. С. 476.

³⁶ Там же. С. 316.

³⁷ *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С.97.

нагруженный иностранными товарами³⁸. Его командованием, вероятно, были установлены некоторые связи, которыми в 1768 и 1769 гг. смог воспользоваться А.Г. Орлов. Более того, по сведениям Кл. Рюльера, по крайней мере часть денег, вырученных в Италии «Володимировым фрегатом», была предназначена для расходов миссии Папазоли (об этом далее). По-видимому, неслучайно осенью 1768 г. в Ливорно состоялась встреча А.Г. Орлова с капитаном «Надежды Благополучия» Ф. Плещеевым, который немедленно отправился в Петербург, а затем прибыл в Средиземноморье в составе первой эскадры Спиридова на флагманском корабле «Евстафий». Остается добавить, что П. Бартенев, опубликовавший прошение тульских купцов, был недалек от истины, полагая, что история «Володимирова фрегата» свидетельствует о том, что российские «политические успехи, ознаменованные Чесменской победой» готовились заранее³⁹.

РОССИЙСКИЕ ЭМИССАРЫ В ГРЕЦИИ И НА БАЛКАНАХ

У истоков средиземноморской политики Екатерины II стоит и секретная миссия Георгия Папазоли в Грецию и на Балканы.

До последнего времени об этой миссии писали, исходя из сообщений современника событий Клода Рюльера, допущенного к материалам архивов французского министерства иностранных дел, но склонного пользоваться непроверенными слухами и сплетнями⁴⁰, а также «Записки» Маноила (Мануэля) Саро. М. Саро был участником миссии Г. Папазоли, и его «Записка», поданная ко двору в 1765 г., сыграла свою роль в организации Архипелагской экспедиции⁴¹. В последнее десятилетие обнаружили еще два документа, важное значение которых требует их обстоятельного рассмотрения. Эти документы позволяют уточнить детали этой операции, атмосферу, в которой она осуществлялась, оценить ее результаты и показать характер, внутренние импульсы, двигавшие исполнителями. Речь идет о «Прошении» Ивана Палатино, третьего участника миссии Папазоли⁴², представленном Н.И. Панину в 1768 г., а также о «Прошении» М. Саро, поданном к трону императрицы после 1785 г., едва ли не 20 лет спустя после его «Записки»⁴³. Из этих источников наибольшего доверия, на наш взгляд, заслуживает весьма содержательное «Прошение» Ивана Палатино, подтверждаемое документами, к нему приложенными, и ссылками на авторитеты, которые могли удостоверить сведения, сообщаемые Палатино, и его хорошую репутацию⁴⁴.

Если мероприятия, связанные с плаванием «Надежды Благополучия», Екатерина оставляла в своем «единственном ведении», то зондаж политических

³⁸ Гребенищикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 54.

³⁹ Прошение тульских купцов о торговле в Средиземном море. С.541; Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. С.188–190.

⁴⁰ *Rulhière Cl.C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette république suivie des Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762.* О Рюльере и его книге см.: Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 39–40.

⁴¹ О «Записке» см.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 272.

⁴² Г.Л. Арш ввел документ в научный оборот: см. История Балкан. Век восемнадцатый. С. 434–438, а также Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 60–72.

⁴³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 645. Л. 94–95.

⁴⁴ Тексты документов см.: Приложение 1 и 2.

настроений православного населения Мореи и адриатического побережья Балкан осуществил в те же годы Г.Г. Орлов.

Конечно, граф Григорий Григорьевич Орлов, согласно С.М. Соловьеву, ничего не предпринимал, не посоветовавшись с государыней, и тем не менее планы объединения усилий России и православного населения юго-западных Балкан и Мореи в борьбе с турками разрабатывались в 1760-е гг. братьями Орловыми в собственной интерпретации, и их замыслы, если верить Рюльеру, с самого возникновения вызвали решительное противодействие Н.И. Панина.

По-видимому, Орловы, рожденные в более традиционной по духу Москве, вполне сочувствовали религиозно-политической идее освобождения греков с помощью русского оружия.

В своей реальной политике Екатерина отнюдь не ставила эту задачу на первое место, как и не от нее исходили идеи завоевания Константинополя⁴⁵. Учитывая религиозно-политические пристрастия братьев Орловых, Екатерина II, надо полагать, и предоставила Г.Г. Орлову возможность заняться подготовкой будущего взаимодействия с греками и славянами. К тому же Григорий Орлов стоял во главе Комиссии опекунства иностранных и имел свои связи среди греков, обретавшихся в столице.

Импульс к осуществлению этой акции, между тем, исходил все-таки от самой императрицы. Спустя всего четыре месяца по вступлению на трон, 29 октября 1762 г., Екатерина обратилась к правительствующему Сенату с указом «сыскать из воинства Нашего достойнаго человека для тех мест и искуснаго в языке и делах, котораго бы можно послать с объявлением всем тамо живущим православным ревности и милости Нашея, которую Мы охотно к ним имеем и стараемся учинить им вспомошествование в получении их свободы»⁴⁶. Итак, речь шла о кандидатуре человека состоящего на российской воинской службе, и желательно греке, ибо грамота для него была составлена на греческом языке.

«Достойный» человек обнаружился в подчинении графа Григория Орлова. Это был артиллерийский поручик, служивший в полку Г. Орлова — Георгий сын Михайла Папазоли⁴⁷. Согласно Рюльеру, именно фессалийский уроженец Папазоли (а по данным А. Камарияно-Сиоран, выходец из Македонии), претер-

Г.Г. Орлов

⁴⁵ В исторической литературе высказывалось мнение о том, что в Первую русско-турецкую войну Орловы связывали свои честолюбивые амбиции даже с завоеванием Константинополя, но в устах более трезвой императрицы тема завладения Царьградом во время войны 1768–1774 гг. только шутивно обыгрывалась: в частности, в письме от 4 октября 1769 г. к г-же Бёлке она весело замечала, что завоевать Константинополь лишь «несколько легче чем схватить луну зубами» (Собственноручное письмо Екатерины II к госпоже Бёлке о победах над турками от 4 октября 1769 года // Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // СбРИО. СПб., 1872. Т. X. С. 388).

⁴⁶ См. Приложение 1. С. 493–494.

⁴⁷ Его имя пишут по-разному, в частности, «Папазули», а И.И. Лециловская, вслед за Кл. Рюльером, предпочитает написание Папа-Огли (Сербский народ и Россия в XVIII в. СПб., 2006. С. 76).

певший на родине гонения и вынужденный ее покинуть, подсказал Григорию Григорьевичу идею объединения в будущей войне усилий российских вооруженных сил и греков, которые только и ждут удобного случая, чтобы сбросить турецкий гнет⁴⁸. Но подобная мысль и без того со времени Петра I витала в российских правительственных кругах благодаря обращениям к трону представителей разных балканских народов и донесениям российских резидентов в Константинополе, уверявших Петербург о готовности православных подданных Порты поддержать Россию в войне против Османской империи⁴⁹. Впрочем, не исключено, что благодаря связям Г.Г. Орлова с петербургскими греками у него и Екатерины II возникла идея взаимодействия прежде всего с греками, что могло больше соответствовать средиземноморской екатерининской политике. Остается только гадать, какое влияние на выбор греческой карты из политической колоды императрицы могло оказать ее увлечение античностью и образом мужественных греков-спартанцев. (Ведь отмечал же Мануэль Саро, что Г.Г. Орлов направил его «к спартанскому народу».) Известно, что филэллинские склонности Вольтера сделали его сторонником и пропагандистом средиземноморских акций Екатерины II.

Трудно сказать, насколько профессиональные качества Георгия Папазоли соответствовали возлагаемой на него непростой миссии, но Орловы его ценили, использовали в дальнейшем как своего тайного резидента в районе Адриатики⁵⁰, а в 1771 г. он был даже удостоен монаршей награды. Однако совершенно очевидно, что Георгию Папазоли был не чужд авантюризм и, как выясняется из сообщения И. Палатино, он обладал циничной склонностью к подлогу.

«В товарищи» Папазоли Григорий Григорьевич выбрал другого представителя греческой общины Петербурга — Мануэля Саро, человека отважного и немало путешествовавшего по миру (как тот сам писал, «быв употреблен для вывоза сюда зверей из Африки»), но, как выяснилось позже, склонного к злоупотреблению спиртным («пьяной человек», по словам Г. Папазоли) и по-хлестаковски хвастливого. «Многотрудными путешествиями» и «высочайшего двора награждениями» он скопил капитал в 5 тысяч рублей и осел в Петербурге, живя «безбедно и можно сказать изрядно» на проценты в 300 рублей ежегодно с капитала, переданного в руки «известнаго купца Папанелопула». (Значит, греческая община Петербурга имела собственные экономические связи.) «Таким образом, пользуясь совершенным покоем и здоровьем, — писал Саро, — был я позван в 1763 году к его светлости князю Григорью Григорьевичу Орлову (Прошение

⁴⁸ *Rulhière Cl.* Histoire de l'anarchie de Pologne. P. 290–293; *Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs // *Revue des études sud-est européennes*. Bucarest, 1965. Т. III. № 3–4. Рюльер называл Папазоли Папаз-оглы (Papaz-Ogli), предложив весьма сомнительную этимологию этого имени — Сын Священника. Однако «оглы» в Османской империи обычно присоединялось к знатным турецким фамилиям.

⁴⁹ См.: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // *История Балкан. Век восемнадцатый*. С. 55–63; *Лещиловская И.И.* Сербский народ. С. 25–72. Еще в 1745 г. российский резидент в Константинополе А.А. Вешняков доносил Елизавете Петровне о том, что «вся Греция, острова и сам Константинополь в одно время возьмут крест и побегут на помощь Вашего Императорского Величества» (цит. по: *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущая задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1. С. 136–137).

⁵⁰ Об этом см., например, *Pappas N.C.* Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1991. P. 67, 69.

было написано М. Саро позже того времени, когда императрица ввела графа Григория Орлова, уже лишённого фавора, в княжеское достоинство. — *Авт.*), который сделал мне предложение ехать тайно в Морею и иные греческия места, для узнания, в каких расположениях тамошние жители относительно до здешняго двора находятся, и для приуготовления их заранее к будущей Турецкой войне»⁵¹. Поручение Г.Г. Орлова выглядело как его личная инициатива, ибо он предложил Саро осуществить «это весьма опасное предприятие» за собственный счет в обещание будущего великого награждения. (Позже Саро долго и безнадежно обивал пороги приемной Н.И. Панина в ожидании уже не награды, а хотя бы возвращения истраченного капитала.) Принять на себя миссию М. Саро побудили, как он писал, сколько «обещанное награждение... столько и больше еще — привязанность к вере сограждан моих, под игом гнуснаго рабства стнящих, и усердие к интересам Вашего Императорского Величества и империи Всероссийской». (Заметим, что подобная идентификация в греческом сознании интересов греков, императорского трона и Российской империи встречалась не у одного Саро⁵².) Саро взял свой капитал у земляка и отправился в путь вместе с поручиком Папазоли, которому отводилась во всем предприятии главная роль.

Известно, что Папазоли выехал не из северной столицы, а из Москвы (возможно, в целях конспирации) 26 мая 1763 г. (т.е. в тот год, когда был заложен для плавания в Средиземном море фрегат «Надежда благополучия» и Екатерина II распорядилась предоставить его тульским купцам). Как отмечалось, часть средств тульских купцов должна была быть передана в Италии Папазоли. Папазоли был снабжен монаршей грамотой, составленной на греческом языке и подписанной императрицей и ее статс-секретарем сенатором Адамом Васильевичем Олсуфьевым. Г.Л. Арш рассматривает грамоту как высочайший манифест, обращенный к жителям горных краев Балкан — Мани, Химары и Черногории⁵³, однако по форме этот документ скорее представляет собой грамоту, подтверждающую миссию Г. Папазоли. Впрочем, она могла восприниматься греками и как обращенный к ним манифест о намерениях российской императрицы. Грамота, по-видимому, распространялась среди греков в рукописных копиях. Во всяком случае, одна из копий была обнаружена в одесской греческой среде в конце XIX в. и опубликована в русском переводе в «Записках Одесского общества истории древностей российских»⁵⁴.

⁵¹ См. Приложение 2. С. 496.

⁵² Иван Палатино в своем «Прошении» писал о себе как человеке, «которой за честь и любовь имени Ея (императрицы. — *Авт.*) и за достоинство империи предпринял такой подвиг, и жизнь свою предавал в жертву». См. Приложение 1. С. 490.

⁵³ *Арш Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. С. 435. Следует иметь в виду, что грамота, приводимая Палатино и публикуемая нами в Приложении, представляет собой дубликат грамоты, выданной Папазоли при его отъезде из России и выброшенной вместе со всеми документами за борт корабля, захваченного триполийскими корсарами. Эти документы, попади они в руки триполийцев, раскрыли бы цель поездки. В грамоте от 12 августа 1764 г., приводимой Палатино, и идентичном ей списке, опубликованном А.И. Маркевичем в «Записках Одесского общества истории и древностей российских», содержатся сведения о пленении миссии корсарами и ее последующей деятельности в Химаре, а также сообщение о требовании отправляться в Морею.

⁵⁴ [Маркевич А.И.] Доклад действительного члена А.И. Маркевича о посылке грека Георгия Папазогли на Балканский полуостров в 1763–1764 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1896. Т. 19. С. 42–46.

В преамбуле к грамоте Екатерины II содержалось подтверждение религиозно-политического долга российского трона в отношении православной церкви. Екатерина констатировала, что, согласно присяге, данной ею при вступлении «на священный трон», она твердо следует политике своих предшественников в деле содержания, охраны и защиты православия «восточных Христовых святых церкви Греческия». Ради этого она полагает своей обязанностью содержать «всегда оружие воинства Нашего в готовности против тех, кои бы воздвигли брань на православие» (иными словами, армия российская должна быть освящена в глазах современников своим религиозным предназначением). Далее следовал пассаж совсем в духе концепции старца Филофея: «Почему (то есть, поэтому. — *Авт.*) со дня возшествия Нашего на священный престол Российскаго государства и принятия царского скипетра сего православнаго Отечества непременный Нам долг надлежит не токмо защищать сие Отечество Наше, но и все прочия народы единого и того ж православнаго исповедания». (В качестве доказательства своего твердого следования этому православному закону Екатерина приводила аргумент, восходящий к риторике дней переворота 1762 г.⁵⁵: «с согласия православного воинства» она сочла возможным лишить своего супруга трона за то, что он желал «переменить всю систему предков наших».) Она же, побуждаемая «сею ко православию ревностию», ожидает лишь «случая ополчится против врага веры православных и свободить народ греческий православный, находящийся в пленении оттоманском». И снова тезис о намерении освободить греков Екатерина повторяет, излагая цели миссии Г. Папазоли: «ити и исполнить повеление Наше — пожелание, которое имеем к освобождению рода христианскаго, чтоб он из тех стран прислал к Нам все сведения по повелению Нашему и доносил о желании и намерении и о всяком произшествии, которая бы между сими народами случилась и предприняты были». (Как видим, о цели, поставленной, по словам Саро, Г.Г. Орловым как «приуготовления [единоверцев] заранее к Турецкой войне», речь в грамоте императрицы не шла.) Итак, цели миссии состояли в зондаже настроений народов Греции и Балкан и пропаганде — оповещении их о намерении императрицы освободить единоверцев; иными словами, они сформулированы еще в духе Петра I. С началом войны Екатерина II будет осторожнее и точнее определять свою средиземноморскую политику в отношении единоверцев.

В грамоте указывались пункты, куда следовало направиться эмиссарам и кому объявить о «ревности и милости нашея, которую мы охотно к ним имеем» и о намерениях императрицы. На первом месте стояла область Мани в Море — «прежде к народу спартанскому и лакедемонскому, потом в Черную гору, Химару и прочия таковыя способныя ко приуготовлению войны места». Такое предпочтение Мореи подтверждает ориентацию политики Екатерины на греков. Принцип же, по которому выбирались районы, куда надлежало направиться российским эмиссарам, определялся степенью воинственности их обитателей. (В данном случае способность к «приуготовлению войны» означала «воинственность»: как писал Палатино, способность «в упражнении меча и оружия».) Но именно в этом коренилась ошибка Орловых и Екатерины.

⁵⁵ Ср.: Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. // Оснадацатый век. М., 1869. Кн. 4. С. 217–223.

По существу, речь шла о взаимодействии с жителями особых этносоциальных анклавов, которые в XVIII в. были еще разбросаны по всему миру и расположены в горных или полупустынных землях со скудными хозяйственными ресурсами. Население этих анклавов сохраняло типологически более отсталые формы общественной организации — как правило, родоплеменную структуру. (Племена могли формироваться на основе мифической генеалогии.) В таких обществах наличествовало социальное расслоение, их отличала и потестарная политическая организация⁵⁶. Таким обществам были присущи политическая неустойчивость и поиски источников существования в найме на военную службу или в набегах и грабежах соседних народов.

Эта характеристика подтверждается мнением о черногорцах флорентийского посланника в Венеции Доменико Коттини от 21 ноября 1767 г.: «С незапамятных времен упорно сохраняя свой дикий и хищный характер, неукротимые в своих набегах, закаленные во всех лишениях, всегда готовые, захватив добычу у Турок или в Венецианских землях, укрыться в Горах, дабы затем вновь повторить набеги и вторжения, они держались демократии под управлением старейшин и священной властью их Прото-папы, или же Епископа, благословлявшего их всякий раз, как они отправлялись на грабеж. Отличительной чертой этой нации до сего момента была неугасаемая вечная вражда в поколениях между разными кланами и в особенности более общее разделение между двумя главными партиями...»⁵⁷.

В России имелись опыт взаимодействия с черногорцами и сведения о Черногории, собранные российскими «соглядатаями»⁵⁸ со времени Петра I. Если прибывавшие к трону духовные иерархи Черногории, преувеличивая военный потенциал своего народа, стремились создать представление о Черногории как стране независимой и успешно воюющей с турками, то российские посланцы рисовали картину скорее негативную⁵⁹, да и Коллегия иностранных дел, по словам Екатерины, была «с черногорцами в ссоре»⁶⁰. Коллежский советник С.Ю. Пучков, побывавший в Черногории в конце 1750-х гг., составил о черногорцах мнение, не расходившееся с более поздним донесением флорентийского посланника. Он также назвал их народом «диким», разделяя представления эпохи Просвещения, о народах варварских, диких, и цивилизованных, культурных. Возможно, учитывая опыт взаимодействия с черногорским обществом и его характеристику, Екатерина ставила в своей грамоте Черную Гору на второе место и в дальнейшем не ей предназначила главную роль в военных действиях российской эскадры.

О жителях Химары (Южной Албании), чьи настроения должны были выяснить участники миссии Папазоли, они писали, что те из поколения в поколение служили в специальном Македонском полку Неаполитанского королевства⁶¹.

⁵⁶ Об анклавах подобного типа см.: История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.) Книга 1. М., 2004. С. 30–38,

⁵⁷ Archivio di Stato di Firenze. Segreteria e Ministero degli Esteri. Pezzo 2317. Оригинал по-итальянски.

⁵⁸ Так называл себя Порфирий Успенский, основатель первой духовной миссии в Иерусалиме в 1847 г.

⁵⁹ См.: *Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. Гл. 2.

⁶⁰ См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 295.

⁶¹ Иван Палатино пишет: «В Епире, южной части Албании, живут химариоты. Народ весьма храбрый и сильный, которых венециане употребляют в военную службу, а у короля неаполитанска-

В годы русско-турецкой войны российские офицеры будут общаться с офицерами Македонского полка в Неаполе (см. гл. 6).

Маниоты (маньяты, майноты), жители горной южной Мореи — Мани (Майны) — считались «остатком славного в древния времена лакедомонского народа». По мнению Палатино, турки не могли их покорить. «По случаю их вольности и неподчинения никакому государю, [они] допускают к себе мальтийских корсар и бандитов и всякой нации разбойников, а иногда и сами выходят в море для добычи, где, ограбив турков, берут в полон, а иных и умерщвляют, что случается иногда и над христианами разных наций»⁶². Значит, и майноты принимались во внимание за то, что были «способны» к войне.

Адмирал С.К. Грейг, верный соратник графа Алексея Григорьевича Орлова, в своих записках не без упрека в его адрес заметил: «Такой народ казался графу Орлову хорошим орудием для совершения его плана»⁶³. Как писал Палатино, «вышписанные народы (Мани, Южной Албании и горного района, расположенного между Фессалией и Эпиром. — *Авт.*), которых главнейшее благополучие состоит в упражнении меча и оружия, не токмо себя, но и соседственных им христиан защищают», впрочем, добавим, грабят и убивают тоже. Хотя Палатино полагал (исходя из идей Просвещения о прогрессе и культурной миссии цивилизованных народов), что только Россия может объединить подобные народы и подчинить своей власти, события показали, что эти социумы не могут стать ядром большого освободительного движения. В войне с турками стойко и сознательно поддержали Россию во имя своего освобождения представители нарождающихся предпринимательских кругов и часть землевладельческой элиты, проникнутые просветительскими идеями, в чьей среде еще только возникала греческая национальная мысль. Однако они не составляли ни значительную, ни консолидированную часть греческого общества. Таким образом, выбора у Орловых не было, да и время для национального восстания еще не пришло.

Остается добавить, что те «ревность и милость», которые питала императрица к единоверцам и о которой надлежало Папазоли сообщить в указанных районах, имели не столько политический, сколько сакральный смысл. В документах того времени понятие «милость» часто сопрягается со словом «покровительство». Покровительство в практике того времени не было равнозначно современному понятию «протекторат». Оно скорее было близко к толкованию смысла весьма почитаемой в народе иконы «Покрова Богородицы», восходящему к мистическому представлению о небесной защите. Ритуал помазания на царский трон нес тот же смысл передачи обладателю священного трона и скипетра божественной функции защиты (взять под свою руку), охранения единоверцев от врагов и от природных, стихийных бедствий. Впоследствии в ходе Архипелагской экспедиции А.Г. Орлов и Г.А. Спиридов в обращениях к единоверцам будут

го составляют один полк гвардии под именем Македонского, а полковник онаго граф Карафа родом из Кафалонии. По прошествии трех годов возвращаются они в отечество свое, а на их места никто не вступает кроме одноземцов их, чрез что они сверх природной их храбрости приобретают еще и в воинской ексерции довольноное сведение и способность». См. Приложение 1. С. 491.

⁶² Цит. по: *Ари Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. С. 434–435.

⁶³ *Грейг С.К.* Собственноручный журнал капитана-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга // Морской сборник. 1849. Т. II. № 10 (октябрь). С. 653.

писать о милости к ним императрицы, полагая, что это означает для единоверцев нечто большее, чем материальная поддержка.

Итак, в конце мая 1763 г. Георгий Папазоли отбыл из Москвы и объявился вместе с Мануэлем Саро в Венеции. Следуя, видимо, указаниям Петербурга, он обратился к высокой духовной персоне («знатный между духовными человек», имя которого сохранилось в тайне, но о котором известно, что он «усердствовал» Российской империи), чтобы тот «доставил им надежного человека, которой бы в состоянии споспешествовать порученной им весьма важной комиссии»⁶⁴. Этот духовный, безусловно, православный иерарх (есть основания предполагать, что это был архимандрит Дамаскин, экзарх Константинопольского патриарха в Греции, см. гл. 4) рекомендовал Ивана Палатино, ревностно разделявшего патриотические идеи и принадлежавшего к греческим торгово-предпринимательским кругам.

Иван Палатино происходил, по его собственным словам, из дворянского рода («шляхетской греческой породы»). Его предки жили на острове Крит, принадлежавшем Венецианской республике. По завоевании острова турками они, бросив все «недвижимое имение», уехали в Морею и поселились в греческом Неаполе (Наполи-ди-Романья, совр. Навплион). Когда турки завоевали и Морею, отец Ивана Палатино, вторично лишившись имущества, бежал на остров Кефаллонию, оставшийся во владениях Венеции, где и родился Иван. Рано потеряв родителей и «получа невеликое наследство, [Иван] искал пропитания себе в купеческом промысле». Он совершал поездки в Италию, «Немецкую Землю» и Османское государство и был «довольно известен» грекам Вены, Венеции, Неаполя.

Взяв с Палатино присягу, упомянутая духовная персона открыла ему суть дела. Папазоли же предъявил грамоту императрицы, на которой стояла государственная печать, «какие на пашпортах бывают отъезжающих из Российского государства». Не претендуя на вознаграждение, Палатино позже записал в Прошении: «Имевшие, хотя малое о греках обхождение, довольно ведают, с какою ревностью, усердием и любовью сей народ стремится ко Всероссийской империи. Следовательно, и ему, Палатину, слыша толь приятные выражения, не оставалось другого, как токмо пренебречь все, которая толко можно было вообразить опасности, и приступить к тому всеохотно»⁶⁵. Опасности же его действительно подстерегали.

М. Саро по-хлестаковски приписал себе честь привлечения Палатино к исполнению миссии: «товарищ мой Иван Палатино, не приданной мне от Вашего высочайшего двора, а мною самим только на пути взятой и не знавшей почти ничего о вверенной мне тайне» (!?), знакомство с которым он, М. Саро, якобы свел в Триесте, где, «разведав, что он с разными маниотскими старшинами в тесном знакомстве находится (об этом сам Палатино не упоминает, возможно, из конспиративных соображений. — *Авт.*), уговорил [его] ехать со мною в Левант»⁶⁶. На деле все трое из Венеции переместились в удаленный от столицы австрийский Триест, подальше от всевидящих глаз венецианского надзора, и, по-видимому, с

⁶⁴ См. Приложение 1. С. 485.

⁶⁵ Там же. С. 486.

⁶⁶ Приложение 2. С. 496.

начала навигации 1764 г., в конце февраля — в марте, поплыли в Морею вдоль Далматинского побережья. В это время стало известно о появлении в Адриатическом море двух шебек триполийских корсаров. Сведущий в местных делах Палатино предложил пристать к венецианскому Котору и оттуда продолжать путь на венецианском фрегате. Однако ему не удалось склонить спутников к разумному решению, возможно, из-за их боязни иметь лишний раз дело с венецианскими чиновниками.

За день до прибытия к месту назначения их судно было захвачено корсарами. Палатино посоветовал Папазоли, не теряя времени, выбросить за борт все его бумаги, чтобы не открылась цель их миссии. Папазоли, оставшись без паспорта, слезно молил отдать ему австрийский паспорт Палатино. Он обещал немедленно выкупить Ивана из плена. Палатино отдал паспорт, совершив эту жертву «из жалости» к обреченному на гибель Папазоли. Вместе с тем, он сознавал, что «есть ли бы варвары дознались, что он, российский офицер — и намерение поездки его открыли, [это] произвело б не токмо великое смятение, но и нанесло б неповинно многим из его, Палатино, одноземцов пагубу»⁶⁷. (Эти соображения дают основание полагать, что Палатино имел опасные, с точки зрения турок, связи среди земляков. Он пишет об «одноземцах», так как понятий «соотечественники», как и «нация» в смысле национального единства еще не возникло ни в русском языке, ни в греческом сознании.) В результате, под именем Палатино Папазоли и Саро, сопровождавший его якобы в качестве слуги, «получили свободу»; а Иван Палатино был увезен в ливийский Триполи, ограблен и три месяца терпел муки плена, пока земляки не выкупили его через посредство австрийского консула.

В «Прошении» М. Саро эти события переданы также в иной версии: «На сем пути, к совершенному несчастию моему, был я с обоими товарищами моими захвачен триполитанскими корсарами, которые, заграбя все деньги и все мое имение, били меня нещадно, повредили ногу таким образом, что я с того времени ею почти не владею, и отвели нас в Дураццо, где случившейся, к счастью нашему, приятель мой грек Петр Ставропуло [нас] выкупил за триста червонцев». После этого Саро, якобы, с товарищами поехал в Венецию, где другой грек, Ставро Ставропуло, предоставил ему кредит для закупки белья и прочего необходимого для «продолжения моего путешествия»⁶⁸. Из вторично выданной Папазоли грамоты императрицы (от 12 августа 1764 г) следует, что Папазоли направил не позже начала июня того же 1764 г. челобитную императрице и не одну («из челобитных от него к нам присланных»), в которых оправдывался в том, что не достиг «тех мест по причине затруднений, приключившихся ему от морских разбойников»⁶⁹.

Сопоставление этих текстов позволяет поставить под сомнение сообщения Саро и Папазоли об их пребывании в плену. Скорее всего, триполийские корсары их действительно ограбили и отправили в Дураццо, где они, являясь, согласно паспорту, австрийскими подданными, были освобождены (так полагал Иван Палатино) или все-таки выкуплены, а затем в течение трех месяцев, пока Палатино находился в плену, добирались до Венеции и осуществляли пропаган-

⁶⁷ Приложение 1. С. 486.

⁶⁸ Приложение 2. С. 496.

⁶⁹ Приложение 1. С. 494.

дистскую деятельность в Ксеромеро и в Химаре. В Химаре Г. Папазоли установил контакты с членами одной из самых влиятельных семей — с Дж. и П. Бицилли [Бичилли]. Так, Дж. Бицилли позднее сообщал, что Папазоли убеждал его в 1764 г. помочь в осуществлении плана подготовки восстания на Балканах в случае русско-турецкой войны. По словам Г.Л. Арша, под влиянием Папазоли Дж. Бицилли «отказался от звания капитана венецианской службы... и посвятил себя подготовке антитурецких выступлений, в которых должна была участвовать не только Химара, но и прилегающие греческие области»⁷⁰. Во время войны Бицилли активно вербовали отряды, служившие в Архипелагской экспедиции.

Ко времени, когда Палатино вернулся в Венецию, а это могло произойти между концом мая и концом июня 1764 г., Папазоли уже отправил Саро в Морею, а по греческим и славянским землям поползли слухи об их деятельности («от неосторожности Папазола и товарища его разсеялись в тамошних народах опасные слухи»). Сам Папазоли, видимо, дожидаясь в Венеции восстановления своих документов и грамоты императрицы. Он сообщил возвратившемуся Ивану Палатино, «что отправил он Мануила в Манию, однако сомневался, что сей пьяной человек в состоянии был что-либо совершить, и для того просил его, Палатина, чтоб и сей труд взял на себя». Это происходило в середине 1764 г.

Из-за рассеявшихся «опасных слухов» Ивану Палатино пришлось употребить всяческие предосторожности: закупить товары и под видом купца отправиться сначала в Патрас, а затем в Триполицу — резиденцию морейского паши. Распродав там товары, он высказал намерение закупить сельское сырье для вывоза в Италию. Заводя дружеские связи со знатными турками, он, наконец, путем хитроумных действий, не вызвав подозрения у турецких властей, добрался до Мани, имея рекомендательное письмо от турецкого воеводы Каламаты к главе «маньятских капитанов» (знатных греческих землевладельцев) Г. Мавромихали.

Иван Палатино повел этого «друга и приятеля» турецкого воеводы в церковь и, «обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего». (Характерно, что Иван Палатино, строго придерживаясь секретности, нигде прямо не излагает суть российской миссии.)⁷¹ Г. Мавромихали одобрил осторожное поведение Палатино, но тут же высказал жалобы на Саро: «при том говорил, что весьма удивляется, да и невероятным кажется, что б толь преславная и величайшая в свете держава похотела б поручить толь важное дело такому человеку, каков есть Мануил Саро... В разсуждении сего он, Палатино, для избежа-

⁷⁰ Арш Г.Л. Албания: Рост сепаратизма местных властителей // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 485. По словам Бицилли, «он проехал по различным местам Греции для того, чтобы побудить главных приматов и более надежных жителей-христиан сформировать группы в пользу оружия ВИВ. Ему это удалось сделать посредством этих тайных ходов с 1764 по 1768 г., после бесконечного числа попыток, опасностей, тягот, издержек, обязательств и ручательств» (там же).

⁷¹ Как участник секретной миссии, Палатино и позднее, находясь в Петербурге, хранил тайну: «никому о том не открывал, а отзывался к знакомцам и приятелям своим, которые ведают домогались (видимо, о цели его пребывания в столице России. — Авт.), что прозьба его состоит в некоторой сумме денежной, которою он ссудил в Италии одного российского афицера, посланного туда для [сопровождения] колонистов». На деле речь шла о возвращении девятисот червонцев, истраченных на Папазоли и Саро. К Прошению он приложил «Обязательство Мануила Саро в девяти стах червонных (9 тыс руб. золотом — Авт.), издержанные им, Палатином, на содержание его, Папазола, с товарищем» (Приложение. С. 490). Этот документ не обнаружен.

ния дальних замешательств и затруднений отправил Мануила Саро на корабле с желудками, сам же остался в Мани под видом покупки масла деревянного, для которого и контракт с капитаном Кумундуракием заключен»⁷².

М. Саро снова излагает эти события иначе. Отправившись в назначенные места, «в оных был с лишком два года (на самом деле, кажется, всего несколько месяцев с середины до глубокой осени 1764 г., так как Палатино находился в Мани с августа 1764 по январь 1765 г.! — *Авт.*), ездил по разным греческим островам и городам, объявил жителям все мне здесь князем Григорием Григорьевичем повеленное, отвлекал их от повиновения к Порте Оттоманской, и научал их прибегать к всемогущему покровительству великия Екатерины защитницы их и поборницы веры их. Такими и подобными внушениями, ободря унылой дух, привел я старшин первейших тамошних фамилий к должной Вашему императорскому величеству присяге, которую они подтвердили во множестве писем, присланных в том сюда к князю Григорью Григорьевичу»⁷³. М. Саро не только переврал сроки своего пребывания в Морее, но, по-видимому, и преувеличил масштабы своей деятельности: «ездил по разным греческим островам и городам» и «привел я старшин первейших к... присяге», подтвержденной множеством писем (об истории писем речь пойдет далее). К присяге были приведены Иваном Палатино только маниотские капитаны, к тому же уже после отъезда Саро в Венецию. Кстати, в своем отчете, представленном по возвращении в Петербург, Саро, возможно, присвоил себе и заслугу созыва собрания маниотских старшин⁷⁴. Поскольку ко времени написания Мануэлем Саро «Прошения» Г.Г. Орлов давно вышел из фавора и даже уже умер, М. Саро смело писал о «повеленном» Григорием Григорьевичем.

Согласно рассказу Палатино, Мавромихали затруднился определить позицию остальных капитанов («точно на сие ответственность не мог»), ссылаясь на их взаимную вражду. Тогда Палатино пришлось употребить «все возможные средства, что б их примирить и прежнее между ними согласие и дружбу восстановить». «Достигнув сего с великим трудом, — писал Палатино, — открыл в собрании тамошних начальников, или капитанов намерение свое, для которого к ним приехал, что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они по единоверию и отъличной к Ея Императорскому Величеству ревности готовы жертвовать кровью и животом для славы Ея империи и спасения правоверного народа от ига варварского, обещаясь при том послать от себя поверенных ко Всероссийскому Императорскому Двору для принесения всеподданнического повиновения и преданности»⁷⁵. При этом капитаны посоветовали Ивану Палатино покинуть пределы Мани и ожидать их «поверенных» в Кларенсе.

Реакция капитанов Морее на сообщение Палатино о целях его приезда позволяет понять, как в устной пропаганде толковали члены миссии грамоту императрицы. Напомним, что в грамоте указывалось лишь о том, что Папазоли должен сообщить маниотам о милости к ним Екатерины II и ее намерении их освободить. По словам же М. Саро, Г.Г. Орлов поручил своим агентам «отвле-

⁷² Приложение 1. С. 488.

⁷³ Приложение 2. С. 496–497.

⁷⁴ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 272.

⁷⁵ Приложение 1. С. 488.

коть» греков от повиновения Порте и советовать прибегнуть к покровительству императрицы. Реакция капитанов, согласно сообщению Палатино, соответствует именно такому указанию Г.Г. Орлова. В подобной интерпретации понятие «покровительство» обретает политическое звучание, так как связывается со «всеподданническим повиновением и преданностью», чего грамота не подразумевала. Это дает основание различать уже на самом раннем этапе позиции Екатерины II и Орловых в отношении «греческих планов».

Поскольку Палатино имел обыкновение свои шаги подтверждать документальными свидетельствами, то он взял от капитанов, как он пишет, «писменное за руками своими свидетельство, в котором, похваляя его за поступки, [они] благодарили при том за доставление им общей дружбы и согласия», как будто Палатино прибыл в Мани лишь для того, чтобы скупить «желудки» и «деревянное масло» и примирить между собой старшин! В свою очередь Мавромихали снабдил Палатино письмом к митрополиту Каламатскому и Монеувасийскому Анфиму, в котором просил изготовить «для родственников его, отправляющихся будто б для наук в Европейские государства, пристойное свидетельство», между тем речь, безусловно, шла о «пристойных» документах для маниотских «поверенных». Иными словами, секретность происходящего была тщательно соблюдена.

В свою очередь митрополит Анфим, «получа сие письмо и узнав от него в тайне прямое тому намерение, весьма обрадовался и уверял, что и он в таком всевожденном для всего христианства случае не приминет споспешествовать всеми силами и способами, имея великую доверенность у тамошнего народа»⁷⁶. Он снабдил Палатино свидетельством от «1765-го года генваря 8-го дня» о том, что Палатино прибыл в Мани в августе 1764 г., пробыл там «довольное время», заключая торговые договора, наряжая судно с товарами, переживая морские бури, претерпевая «брани междусобные маниотян обыкновенныя», советуясь в делах с ним, митрополитом, поскольку большая часть Мани входит в его епархию⁷⁷. И снова текст был составлен так, чтобы устранить всякие подозрения в отношении его автора и получателя, если бы документ попал к туркам.

Таким образом, Палатино выяснил настроения маниотской светской и духовной элиты, убедился в том, что эта элита идентифицировала борьбу за освобождение от османского гнета с интересами российского трона и государства и готова, согласно риторике того времени, пролить кровь и положить живот за эти интересы. Оставалось получить устные и письменные свидетельства, подтверждающие эмоционально выраженные настроения маниотов. И здесь обнаружились сложности: то ли от зимней распутицы, то ли от опасений за жизнь из-за распространившихся слухов, а быть может, из-за отсутствия официальных подтверждений позиции России или сомнений и внутренних несогласий, маниоты отложили выезд своих представителей и предложили Палатино временно, до более подходящего срока, покинуть Морею. С этим Палатино и вернулся в Венецию.

К этому времени Папазоли уже получил из России дубликаты своих уничтоженных документов «через английского резидента» (в годы войны Алексей Ор-

---

⁷⁶ Там же. С. 489.

⁷⁷ Там же.

лов будет широко пользоваться услугами английского консула в Ливорно Джона Дика) и даже отправил в Петербург Мануэля Саро с отчетом и сообщением, «яко бы уже действительно некоторые старшины из Мании находятся в готовности для отправления в Россию и для изтребования на путевые расходы денежные суммы»⁷⁸. Таким образом, сценарий был им уже составлен и деньги под его исполнение истребованы.

Выслушав отчет Палатино о реальном состоянии дел и им предпринятых действиях, Папазоли подтвердил, что «весма чувствует» труды и поступки Палатино. Однако, так как обстоятельства переменялись, он сожалел, что в продолжении трудов Палатино нет более надобности, т.е. не следует далее вести переговоры с маниотами и ждать их представителей. Взамен этого Папазоли предложил, «чтоб он, Палатино, под именем маньятских старшин ехал бы с ним в Россию, присовокупя и прочих в товариство под тем же именем»⁷⁹. (По-видимому, охотники ехать в Россию под именем маниотов уже нашлись.) Возмущению Палатино не было предела: состоялся бурный диалог столь разных в нравственном отношении людей: «На такое пагубное ево внушение Палатин ответственвал ему: что, по видимому, он, Папазол, еще недоволен причиненным ему толиким бедствием, как и тем, что он для спасения его предавал себя на жертву варваров, но желает, чтоб еще и повешен был в России. На сие сказал ему: не опасайся, в России де не казнят и не вешают».

Папазоли продолжал настаивать на участии Палатино в его игре и, чтобы убедить его, посоветовал обратиться к упомянутой духовной особе, полагая, что иерарх одобрит его образ действия. Он даже вручил Палатино несколько писем, предназначенных для прочтения этой персоной. В одном из них Папазоли с циничной откровенностью изложил свой замысел. Остальные три письма адресовались для передачи императрице, наследнику и Г.Г. Орлову. Они были написаны от имени «старшин и всего общества Мании», будто бы маниоты передают себя «в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества, как верные рабы и подданные, в удостоверение чего посылают от себя таких-то старшин и товарищей своих, дая им полную власть и силу что-либо постановлять и заключать во всем, что касаться будет до общей пользы и благосостояния их». Речь, как видим, шла о политическом подлоге ради пользы дела и во имя сокрытия недобросовестного исполнения своей миссии. Впрочем, возможно, все это вполне устраивало Г.Г. Орлова, и Папазоли это предвидел (заметим, что Папазоли вносит в текст слова о передаче маниотами себя в подданство России).

Духовное же лицо расценило поступок Папазоли как «сумасбродной», назвав его самого «человеком опасным и обманщиком», и посоветовало Палатино ехать в Россию самостоятельно, чтобы выполнить свой долг — донести «удостоверительно» о происходящем, полагаясь на «человеколюбие и материнское признание» императрицы. Так Палатино и поступил. Он прибыл в Санкт-Петербург с сопроводительным письмом духовной особы и документами, которые представил Г.Г. Орлову и по его указанию передал А.В. Олсуфьеву⁸⁰.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 486.

Однако Мануэль Саро опередил Палатино, он оказался в столице в мае 1765 г. (кстати сказать, несколько раньше возвращения фрегата «Надежда Благополучия») и представил Г.Г. Орлову весьма дельный отчет, в котором была высказана мысль о желательности посылки российской эскадры в Средиземноморье для поддержки греческого восстания. Он писал, что по его приезду в Морею греческие старшины, среди которых был особенно активен Паниоти Бенаки, созвали большое собрание, на котором заявили, что готовы сражаться с турками. У Саро вообще создалось впечатление, будто греческое население Мореи не подчиняется туркам и их не боится, а греки, живущие среди балканских народов, которых Саро посетил вместе с Папазоли, разделяют намерение морейских соотечественников относительно восстания.

Вероятно, Саро и Папазоли посетили все описанные Саро края, но отчет в основном был составлен не на личных впечатлениях, а на основании «Описания Мании» капитана Мунгакия (Мунгакиса). Так или иначе общими усилиями картина была нарисована в радужных тонах, и отчет завершался словами, часто цитируемыми историками: «По моему усердию, смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море (Архипелоус тоже) против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число: где, коль скоро бы завидели греки толь великое множество, сообщались с российскими и греческие немалые суда. Только б удовольствованы были пушками, ибо они теми недостаточны. Об них же можно сказать, что они народ смелой и храброй»⁸¹.

По-видимому, этот отчет произвел большое впечатление на Екатерину II. Правда, по сообщению английского посланника Кэткарта, сделанному в начале войны со слов одного из участников миссии, «сначала императрица и министры нашли проект (посылки эскадры в Средиземноморье. — Авт.) сопряженным с большими затруднениями, но потом принялись за него с большим жаром»⁸². Идея отчета Саро послать корабли и снабдить их дополнительными пушками и оружием для греков (не зря Екатерина писала И. Чернышеву в начале войны: «Барин, барин! Много мне пушек надобно...»), а также тезис о том, что «греки — народ смелой и храброй», вероятно, укрепили зреющие намерения императрицы и позволили достроить планы взаимодействия с греками, задуманные еще в 1762 г.

Несмотря на то, что граф Г.Г. Орлов высоко оценил миссию Саро: «исправил там ему порученное дело добропорядочно», Н.И. Панин отказался вознаградить их эмиссара, хотя тот долгое время «беспрерывно к нему ходил» (оплата расходов Саро и его вознаграждение могли быть произведены только Коллегией иностранных дел, куда и адресовал М. Саро Г.Г. Орлов)⁸³. Отказ Никиты Ивановича не был его причудой и капризом, но следовал из расхождений во взглядах с Орловыми и, возможно, явился результатом разоблачений Ивана Палатино, доставившего в Россию упомянутые документы в начале 1766 г.).

Думается, что Н.И. Панину была присуща более трезвая оценка состояния греческого общества, а может быть, он также основывался на не вполне удачном опыте взаимодействия коллегии с балканскими единоверцами. О расхождениях

⁸¹ РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 95–95об.

⁸² Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 273.

⁸³ Спустя много лет на горестное прошение Саро, пожертвовавшего своим «здоровьем и имением» ради затеи Г.Г. Орлова, ему было пожаловано... 300 рублей.

между Н.И. Паниным и А.Г. Орловым свидетельствует высказывание Панина в письме А.Г. Орлову во время Морейской экспедиции весной 1770 г., в котором он напоминал А.Г. Орлову об их спорах в Петергофе летом 1768 г. Возражая против каких-то сомнений А. Орлова, Н.И. Панин не без язвительности замечал, что предводительствовать греками должен тот, кто их возбудил, и продолжал: «...я в правду уверен, что вам нередко будет приходиться нужда в Петергофских ваших доказательствах, о которых вы издевкою в своем письме ко мне упоминаете, чтоб настраивать и содержать во всегдашнем порядке духи, в раболепстве рожденные, а неограниченную надеждою и убеждениями веры своей в волнение приведенные»⁸⁴. Иными словами, Н.И. Панин не питал иллюзии относительно возможности использовать в качестве военной силы греков, неорганизованных в гражданском отношении, а между тем возбужденных тогда еще нереальными надеждами, подогреваемыми религиозным чувством.

Итак, в 1765 г. Н.И. Панин оставался противником замыслов Орловых, а бумаги, доставленные И. Палатино в начале 1766 г., могли лишь усугубить его недоверие к грекам. Между тем, Екатерина, по-видимому, отнесла Г. Папазоли к числу тех «единоверных авантюрьеров», о которых писала А.Г. Орлову в начале войны, признаваясь, что в своем распоряжении не имеет лучших⁸⁵. Ей были важны общие результаты миссии — подтверждение готовности поддерживать Россию во время войны населением определенных ею областей и установление личных связей с их предводителями. А в Морею к этим предводителям были снова направлены эмиссары. Согласно греческим источникам, Палатино до войны совершил поездку в Мани и поддерживал контакты с П. Бенаки (Бенакисом)⁸⁶. В 1766 г. в Морею направился Г. Папазоли, но уже не только зондировать настроение греков и призывать их к восстанию против Порты, а для того, чтобы сообщить о скором (!?) прибытии к берегам Греции русских кораблей с солдатами и с обещанием Екатерины II сделать П. Бенаки правителем Мореи⁸⁷. П. Бенаки собрал в своем доме светских и духовных греческих предводителей: на этом сборище якобы был даже подписан договор, согласно которому греки выставят стотысячное ополчение, если Россия пришлет флот и вооружение для греческих воинов. К сожалению, достоверность всех этих сообщений не удается подтвердить⁸⁸.

⁸⁴ Письма графа Н.И. Панина к графу А.Г. Орлову во время Морейской экспедиции // Русский архив. 1878. № 12. С. 433.

⁸⁵ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 298.

⁸⁶ Арш Г.Л. Греция: Торговля. Просвещение. С. 438. Греческие сообщения о том, что Палатино «вплоть до начала русско-турецкой войны вел агитацию в Пелопоннесе в пользу России», сомнительны, так как в своем «Прошении» тот писал о двухлетнем пребывании в России (1766–1768), что, естественно, могло не исключать временных отъездов.

⁸⁷ Nagata Y. Greek Rebellion of 1770 in the Morea Peninsula. Some Remarks through the Turkish Historical Sources // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko [Japan]. 1988. № 46. P. 90. Японский историк Нагата высказал предположение, что Екатерина II даровала Бенаки генеральский чин. Нельзя исключить того, что морейские капитаны в преддверии освобождения Греции уже делили власть между собою. Этим можно объяснить обещания Екатерины, если таковые были. Во всяком случае, Стефан Мавромихали, все еще надеясь на освобождение Мореи, сообщал в 1771 г. командованию российским флотом, что он собрал отряд из 300 майнотов на русскую службу и «себя просит сделать главным над местечком Мани» (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 87).

⁸⁸ Большинство этих сведений приводится в весьма содержательной статье румынской исследовательницы Ариадны Камариано-Сиоран (*Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de*

Взаимоотношения российского двора с Г. Мавромихали складывались сложнее, тот был осторожнее и не доверял рядовым российским агентам, он желал услышать условия соглашения от персоны, облеченной властью, вместе с обещанием прислать в Морею значительные военные силы⁸⁹.

Морею посещали и другие представители России: венецианский грек Иван Петушин (впрочем, согласно Г.Л. Аршу, он же — И. Палатино), доставивший письма от морейских капитанов с выражением готовности служить России В.С. Тамара, в 1798–1802 гг. — российский посланник в Константинополе, отправившийся для проведения археологических изысканий и в пути будто бы встречавшийся с Г. Папазоли, некто Хаджи-Мурат, молдаванин, владевший турецким языком. Г. Папазоли же обосновался в Триесте, где, поддерживая переписку с Г. Орловым, и организовал тайный центр по вербовке участников будущего восстания. Версия, согласно которой именно Папазоли подал идею начать военные операции со взаимодействия с майнотами⁹⁰, малодостоверна, поскольку приоритет Морее императрица отдавала уже в указе 1762 г. и грамоте 1763 г.

Летом все того же 1766 г. в Черногорию, куда не добрались Папазоли и Саро, был направлен подпоручик Севского полка М. Тарасов, которому помимо прочих обязанностей поручалось выяснить, «в какой склонности и усердии черногорцы к Российской империи находятся». В своем отчете, содержавшем обстоятельное описание положения страны, Тарасов констатировал, что среди черногорцев «невеликое число» «можно найти доброжелательных и усердных к России, прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки и паче всего деньги»⁹¹. С появлением в 1767 г. в Черногории самозванца Степана Малого, выдававшего себя за Петра III, страна стала привлекать пристальное внимание Екатерины II по иной причине, и перед российскими агентами встала задача дезавуирования и устранения самозванца.

Активность России и неосторожное поведение ее эмиссаров в Греции обратили на себя внимание турецких властей: в 1767 г. в качестве превентивных мер они провели ряд репрессий, казнив митрополита Лакадемонии и подвергнув преследованиям влиятельных лиц. Тотчас после объявления войны турки попы-

---

1768–1774 et les Grecs) и отчасти восходит к К. Рюльеру. Однако они нуждаются в проверке. Работа А. Камариано-Сиран наряду с заслуживающими внимания положениями и более или менее продуктивными гипотезами (часть из которых, правда, изложена слишком категорично) содержит ряд неточностей. В частности, А. Камариано-Сиран утверждает, что написание Н.И. Паниным письма к Мавромихали было уступкой политическому противнику А.Г. Орлову, сделанной в угоду родственных связей: будто бы А.Г. Орлов был женат на дочери Н.И. Панина (Р. 520). Но Н.И. Панин был неженат, не имел детей и разделил собственные имения между своими секретарями. Много лет спустя после Первой русско-турецкой войны А.Г. Орлов действительно благословил брак детей, но это были дочь В.Г. Орлова и сын П.И. Панина (сведения об этом содержатся в РГАДА, в фонде Орловых).

⁸⁹ Арш Г.Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 78; *Samariano-Cioran* А. Op. cit. P. 518–519. А. Камариано-Сиран полагала, что Папазоли выезжал в Грецию в 1763 или 1766 гг. Прошение Ивана Палатино не оставляет сомнений в том, что Папазоли в 1763 г. в Греции не был, он посетил Балканы в 1766 г. и побывал в Греции, после чего затаился в Триесте.

⁹⁰ *Samariano-Cioran* А. Op.cit. P. 519, 520. [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции гр. А.Г. Орлова; Арш Г.Л. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 годов. С. 65.

⁹¹ Анишаков Ю.П. Черногория — славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 362–363.

тались изъять у греков оружие, возможно, даже то, о котором в 1768 г., находясь все еще в России, писал Иван Палатино: при первых же победах России в войне с турками «каждой [грек] за веру и избавление свое примет оружие, которое у всех тамошних жителей для крайности и спасения живота своего со излишеством хранится, не взирая на все угрозы и прещения турков, которых они и многолюдством своим десятирицею превосходят»⁹².

Имеющиеся сведения о деятельности российских эмиссаров в Греции и на Балканах позволяют сделать некоторые заключения.

Миссия Папазоли выполнила задачу, поставленную императрицей. Ее участники осуществили зондаж настроений греческих и славянских единоверцев и утвердили Екатерину II и Г.Г. Орлова в справедливости известий, поступающих по другим каналам: греки готовы поддержать Россию в войне против турок, они ожидают помощи в освобождении от турецкого гнета и поэтому идентифицируют свои интересы с военными интересами империи. Это позволило Екатерине иначе, чем Петру I, сформулировать в начале войны проблему участия единоверцев в русско-турецкой войне — предложить грекам использовать начавшуюся войну для борьбы за свое освобождение, в чем она обещала оказать им посильную помощь.

Однако картина, представленная российскими эмиссарами, основывалась на энтузиазме самих эмиссаров и тех, у кого они искали поддержку; она давала представление об эмоциональной реакции единоверцев («имевшие хотя малое о греках обхождение довольно ведают, с какою ревностью, усердием и любовью сей народ стремится ко Всероссийской империи»). Неслучайно планы Орловых, опиравшихся на подобную реакцию, вызвали противодействие Н.И. Панина, опытного в политических сношениях с Балканами.

Безусловно, установление тайных политических связей с подданными Порты, разъединяемыми внутренними распрями, имело свои трудности. (Неслучайно Екатерина II будет неоднократно предупреждать Алексея Орлова в необходимости объединять единоверцев.) Вместе с тем, будучи обнаружены, такие связи грозили бы осложнить и без того трудные русско-турецкие отношения.

Свидетельства, собранные миссией, говорили о том, что в греческом обществе уже зрели условия для консолидации. Несмотря на то, что греки относительно мирно уживались с Портой в рамках православного миллета, а их элита умела поддерживать едва ли не дружеские отношения с турецкими властями (это касалось местных лидеров, таких как Мавромихали и Бенаки), внутри общества происходило сильное брожение и усиливалось неприятие турецкого владычества. В обществе существовали свои каналы передачи информации и отработанная система конспирации, во всем этом большую роль играла церковь, которая в силу системы миллетов исполняла в конфессии функции духовной и светской власти. Впрочем, в регионе еще не возникли силы, способные организовать и возглавить национальное освобождение. Однако, в исторической

⁹² Приложение 1. С. 493. Изъятие оружия происходило с трудностями из-за сопротивления населения: «Из Турции получено известие, что Морейские жители, у коих велено было отнять все их оружие, противятся еще и поныне всеми силами оному указу, и никто не хочет отдать своего оружия: а в Патрассе, в Майнотской провинции и в древней Аркадии происходили уже по сей причине и кровопролития, ибо тамошние жители греки, выбрав себе предводителя, приняли твердое намерение не отдавать своего оружия ни под каким видом» (Санктпетербургские ведомости. 1769. № 17. 27. II. 1769).

перспективе, драма греческого народа, к которой привели совместные военные действия, стала сильным импульсом для последующего развития национально-освободительного движения.

Антитурецкие настроения единоверцев сочетались с высоким в их глазах авторитетом России и всеобщей к ней привязанностью, основанной на единоверии и надеждах на освобождение с помощью российского воинства от турецкого гнета. Когда Екатерина II обращалась к грекам с обещанием своей «милости и покровительства», она апеллировала к мистическим ценностям высшего порядка. Эти настроения отчасти имел в виду исследователь греческого Просвещения Пасхалис Китромилидис, справедливо полагавший, что в греческой мысли XVIII в. «воззрения пророческого хилиазма с главным упором на освобождение народа», не имея отношения к Просвещению, все-таки «шли из глубины греческой народной культурной традиции и народных чаяний»⁹³.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Посылка российских эмиссаров в Грецию и на балканские территории, примыкающие к акватории Средиземноморья, совпала с проведением императрицей смотра морского флота (1765 г.). Результатами этого смотра Екатерина II осталась весьма недовольна⁹⁴. Тем не менее еще оставалось время, чтобы, удвоив внимание к состоянию флота, подготовить его к ведению военно-морских операций. Действительно, в 1766–1768 гг. со стапелей Ревеля, Кронштадта и Архангельска сошла едва ли не треть тех судов, которые участвовали в Архипелагской экспедиции⁹⁵, а Чесменское сражение показало, что моряки научились мореходному искусству и точной стрельбе. И все-таки мероприятия, осуществлявшиеся Россией в Средиземноморье между 1763 и 1766 гг., представляли собой по преимуществу лишь прощупывание почвы.

Тем временем внешнеполитические события приобретали опасный оборот. Российский резидент в Константинополе Алексей Михайлович Обресков, следуя наставлениям Н.И. Панина, считавшего, что «не время еще доходить нам с Портою до разрыва»⁹⁶, с большим трудом сдерживал нападки на русский

⁹³ Китромилидис П. Эпоха Просвещения в Греции / Пер. с новогреческого М. Грацианского. СПб., 2007. С. 130–131. Ученый отмечал, что «традиционная греческая надежда на избавление народа оформилась в другое представление, которое стало господствовать в политической мысли сменявших друг друга поколений греческих ученых и народных или церковных лидеров. Ожидалось, что освобождение народа произойдет благодаря вмешательству «Третьего Рима» (а не Австрии и Венеции, как ранее. — *Авт.*), куда переместилась сила православной империи. Этот политический расчет был наделен динамикой широкого народного отклика, который объяснялся связью нового освоения возможностей международной жизни с психологической силой традиции. Русские ожидания, которые зародились благодаря этой переориентации, и стали определяющей политической силой в греческой жизни на протяжении восемнадцатого века» (с. 132–132).

⁹⁴ «Надобно сознаться, — писала государыня Панину, — что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, а не на военный». Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. С. 392.

⁹⁵ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Т. XII. С. 305–308.

⁹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 217. Об А.М. Обрескове см.: Перминов П. Посол III класса. Повествование о российском дипломате Алексее Михайловиче Обрескове. М., 1992.

двор османского правительства, обвинявшего Россию в несоблюдении статьи русско-турецкого трактата о взаимном невмешательстве в польские дела. С помощью немалых денежных затрат Обрескову еще удавалось нейтрализовать интриги французского посла, преследовавшего своей целью разрыв русско-турецких отношений и объявление Турцией войны России. Однако российский двор уже ощущал нависшую военную угрозу. Это потребовало от Екатерины целенаправленных действий в ее средиземноморской политике. К ним и приступила императрица с 1767 г.

Собственно, речь идет о нескольких, казалось бы, не связанных между собой мероприятиях, осуществленных Екатериной II и сыгравших важную роль в последующей организации Архипелагской экспедиции, — привлечении на русскую службу маркизов Пано Маруцци и Жоржа Андре де Кавалькабо⁹⁷, назначении чрезвычайным полномочным послом в Лондоне графа Ивана Григорьевича Чернышева и отправке в Италию для лечения, а главное — для уяснения готовности греков к восстанию и подготовки взаимодействия в предстоящей войне графов Алексея Григорьевича и Федора Григорьевича Орловых.

В 1767 г. российский двор находился в Москве. Там императрицу постоянно окружали братья Орловы: Алексей встречал Екатерину II при ее торжественном въезде в первопрестольную, дважды принимал у себя в московской усадьбе (один из приемов настолько пришелся по душе государыне, что она вопреки своим правилам веселилась в доме Алексея Орлова до 2-х часов ночи); императрица почтила своим присутствием графа Алексея и в недавно пожалованной ему подмосковной усадьбе в Острове. Григорий Орлов находился при императрице постоянно, сопровождал ее и в поездке по Волге. Одним из важных этапов этой поездки было пребывание Екатерины в Казани и ее успешные шаги по налаживанию добрых отношений с мусульманским населением Поволжья, что способствовало нейтралитету волжских татар во время русско-турецкой войны⁹⁸. На обратном пути из волжского путешествия в Москву Екатерина посетила Ивана Орлова в имении, расположенном на недавно пожалованных Орловым землях в Поволжье. Федор и Владимир Орловы нередко были участниками придворных обедов. Церемониальный камер-фурьерский журнал 1767 г. за редким месяцем не упоминал о присутствии кого-либо из Орловых в обществе государыни⁹⁹. Иными словами, на встречах с Орловыми, единодушно разделявшими средиземноморские замыслы Екатерины, между увеселительными мероприятиями было время для обсуждения путей реализации этих планов.

В Москве находились и два будущих участника дипломатической подготовки Архипелагской экспедиции: граф И.Г. Чернышев, неизменный помощник Екатерины II во флотских делах, и венецианский аристократ и банкир маркиз Пано

⁹⁷ *Blondy A. L'Ordre de Malte et Malte dans les affaires polonaises et russes au XVIIIe siècle // Revue des études slaves. 1994. № LXVI / 4. P. 740.*

⁹⁸ Екатерина не без гордости сообщила, что перед поездкой в Казань она выучила несколько фраз по-турецки и по-арабски, которые употребляла при обращении к татарским представителям. Это произвело хорошее впечатление на население. Кроме того, императрица посетила Булгар и позволила татарам отправлять там беспрепятственно богослужение.

⁹⁹ Дж. Берти ошибался, утверждая, что А. и Ф. Орловы посетили инкогнито Италию в 1767 г. (*Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто*). Это имело место в конце 1768 г. Знакомство Орловых с П. Маруцци также состоялось в России, а не в Италии не позднее конца 1767 г.

Маруцци, происходивший из семьи греков-эпириотов, известный российскому двору благодаря посредничеству в приобретении императрицей произведений европейской живописи¹⁰⁰. С Иваном Чернышевым Екатерина неоднократно развлекалась соколиной охотой в Подмоскowie.

На маркиза Маруцци кто-то, возможно, Григорий Орлов, обратил внимание императрицы в связи со средиземноморскими делами. Государыня имела с ним одну или несколько достаточно конфиденциальных бесед, сумела оценить его политическую ловкость и средиземноморские связи и составить о нем благоприятное впечатление, о чем можно судить по тем деликатным поручениям, которые она доверяла Маруцци, и по предоставленному ему праву письменно напрямую обращаться к императрице¹⁰¹. Граф Н.И. Панин, глава Коллегии иностранных дел, также был расположен к маркизу и поначалу отводил ему в Италии роль шведского барона Шимельмана, «человека, преданного России», оказавшего ей большие услуги в Дании¹⁰².

Богатый род Маруцци, греческого происхождения, владел не только крупными финансовыми средствами, но и недвижимостью (известны хлопоты маркиза Маруцци о возвращении ему владений в Янине, конфискованных турками). Род Маруцци не был чужд деятельности в сфере греческого просвещения: в 1742 г. один из членов семьи основал в Янине высшую школу «Маруциеву»¹⁰³. Переход на русскую службу и приобретение высокого российского покровительства были для него столь привлекательны, что он соглашался исполнять поручения русского двора безвозмездно. Впрочем, как выясняется, маркиз взял на себя обязанность быть финансовым посредником в кредитовании итальянских расходов Архипелагской экспедиции и, следовательно, не остался без материального выигрыша. В сущности, заинтересованность была взаимной, и ходатайство о награждении орденом св. Анны маркиза прежде, чем он приступил к исполнению своих обязанностей в Италии, Н.И. Панин объяснял важностью «привлечения к интересам двора нашего, толь богатого дома, каков есть Маруциев, да и в той земле, где оной нам со временем и небесполезен быть может, так и по тому еще, что он по комиссии своей не требует себе никакого содержания, но с тем однако ж для избежания здесь жалузии, что б оной [орден. — Авт.] отправить к господину Маруцию в дорогу, дабы он его не прежде как по выезде из России надеть мог»¹⁰⁴. Секретность до поры до времени была сохранена: о награждении маркиза орденом св. Анны и назначении полномочным поверенным в делах Венеции и итальянских государств в европейской прессе стали писать едва ли не более чем полгода спустя¹⁰⁵.

Итак, Маруцци согласился исполнять некие поручения и был награжден орденом св. Анны авансом или за какие-то советы в области средиземноморской политики; ему предназначалась миссия в «земле, где оной нам со временем и небесполезен быть может». Для того, чтобы никто при дворе и в дипломатическом

¹⁰⁰ См. гл. 6.

¹⁰¹ См.: АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 13, 14, 35 и др.

¹⁰² Там же. Д. 13. Л. 106.; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 246.

¹⁰³ О школе см.: Арш Г.Л. Греция: Торговля. Просвещение. С. 430–432; Китромиллидис П. Эпоха Просвещения в Греции. С. 35.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф.41/3. Сношение России с Венецией. Ед. хр. 13. Л. 1.

¹⁰⁵ G. d'A. 1768. № 82 и 89 по сообщениям от 11 октября, полученным из Петербурга.

корпусе не смог заподозрить или догадаться о содержании этой миссии, маркиз Маруцци обязывался придать гласность своей награде только за пределами России. Как видим, средиземноморская политика Екатерины II с самого начала была окутана тайной, ибо, как наставляла Екатерина графа Алексея Орлова, «секрет всем делам души».

О награждении орденом маркиза Маруцци Н.И. Панин ходатайствовал 27 января 1768 г., а официальное назначение Маруцци российским поверенным в делах при Венецианской республике и «других торговых городах Италии» произошло 28 февраля / 10 марта, т.е. спустя месяц. Видимо, за это время Екатерина решилась во имя своих тайных средиземноморских планов на нарушение дипломатического протокола.

Еще в октябре 1766 г. Д.М. Голицын доносил, что венецианский посол в Вене сообщил ему о том, что его правительство ныне не отрекается от посылки в Санкт-Петербург своего дипломатического представителя в ранге министра и предлагает «прелиминарные пункты», на которых готово заключить торговый трактат с Российской империей. Венецианское правительство желало бы, чтобы торговля с Россией велась не только через Балтику, но и через Черное море. Оно обуславливало заключение договора следующими предварительно выставленными статьями: «1-е, чтоб такой трактат никаких других обязательств в себе не замышлял. 2-е чтоб для проходу Черным морем Россия приняла надлежащие меры с портов о провозимых с обеих сторон товарах и о собираемых же с них пошлинах. 3-е чтоб позволено было вывозить российские продукты из самых тех мест, где оные родятся, и развозить туда заведенные в Венеции для России мануфактуры не чрез балтийские порты, но Черным морем, и чтоб иметь свободный проезд чрез все границы»¹⁰⁶. Это вызвало раздражение императрицы: ей еще только предстояло завоевать право пользоваться Черным морем...

В августе 1767 г. императрица с удовлетворением отметила, что Венеция, наконец, сделала шаг навстречу обмену дипломатическими представителями. А 10-го марта 1768 г. неожиданно, не дожидаясь договоренности о статьях трактата и об условиях приезда венецианского министра, повелела Голицыну сообщить венецианскому послу в Вене свое одобрение решений Венецианского правительства и желание видеть при своем дворе венецианского министра, а также согласие принять первую статью договора и обсудить вопрос о совместных усилиях и тратах, необходимых для реализации второго и третьего пунктов. В подтверждение «искренности своего намерения» (односторонним актом, не дожидаясь назначения венецианского министра, на чем ранее настаивала) Екатерина II определила своим поверенным в делах при Венецианской республике маркиза Маруцци¹⁰⁷. По-видимому, с точки зрения замыслов Екатерины дело больше не терпело отлагательства, ведь именно в это время разыгрывался фарс с отставкой от службы второго лица в Преображенском полку подполковника Алексея Орлова ради поездки в Италию «для лечения» (но об этом далее); было необходимо организовать дипломатическую и финансовую поддержку его тайной миссии в Италии.

¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношение России с Венецией. Д. 14. Л. 14–14об. Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793) — князь, камергер двора Елизаветы Петровны, дипломат; в 1759–1761 гг. — посол в Париже, в 1761–1792 — в Вене при императорском дворе.

¹⁰⁷ Там же. Д. 34. Л. 32, 33.

Служебный долг оказывать услуги А.Г. Орлову¹⁰⁸ не ограничивал круг скрытых, официально не обозначенных обязанностей Маруцци. Судя по содержанию его донесений, он должен был информировать российский двор о состоянии дел в Черногории, где обнаружился самозванец под именем Петра III, и о ходе восстания против Франции на о.Корсика. Маркизу Маруцци было поручено установить тайную связь с предводителем корсиканских повстанцев Паскуалем (Паскалем) Паоли и довести до его сведения обращение императрицы к сражающемуся за свою свободу корсиканскому народу. Это послание должно было послужить поводом для тайных переговоров об использовании русскими судами портов Корсики.

Официальной же инструкцией, выданной Коллегией иностранных дел поверенному в делах при Венецианской республике, маркиз Маруцци обязывался добиваться посылки в Санкт-Петербург венецианского министра для обсуждения и заключения торгового трактата, ради чего «преклонять к себе сенаторов» и прочих власть предержащих лиц. Он должен был озаботиться о своей аккредитации и при других торговых городах Италии, так как Венецианская республика старалась не подать повода и подозрения Оттоманской Порте «о заводимой с нами корреспонденции и негоциации»¹⁰⁹. В предпоследнем пункте инструкции как бы между прочим Маруцци вменялось в обязанность под видом регистрации переселенцев выявлять лиц православного исповедания, готовых сотрудничать с Россией. В нем говорилось: если люди греческого исповедания обратятся к маркизу П. Маруцци с желанием переселиться в Россию, «в таком случае имеете марки обнадеживать их высочайшею <...> Голицын милостию и протекциею и, наведываясь о их состоянии и ремесле, обстоятельно сюда доносить, не обещая им с своей стороны больше ничего, но ожидая отсюда резолюции»¹¹⁰.

Вопреки обеспокоенности русского двора, маркиз Маруцци был хорошо принят в Венеции. Однако начавшаяся вскоре после его прибытия в Италию русско-турецкая война «препятствовала» ему «быть более полезным службе Ея Императорского Величества по причине, что венецианское правительство остерегается от всякого поступка, могущего привести его у Оттоманской Порты в подозрение»¹¹¹; и всякие переговоры о направлении венецианского министра в Петербург прекратились. Тем не менее поверенный в делах продолжал оставаться в Венеции и весьма успешно служить русскому двору в его средиземноморской политике (о его службе см. далее гл. 6).

Граф Иван Григорьевич Чернышев, также внесший свой вклад в средиземноморскую политику Екатерины II, был человеком близким к императрице. Записки С.А. Порошина, воспитателя Павла Петровича, свидетельствуют о том, что Иван Чернышев постоянно курсировал между «большим» и «малым» дворами¹¹². Он пользовался привязанностью юного наследника, которого наставлял в делах флота, ибо Чернышев был членом Адмиралтейской коллегии и шефом

¹⁰⁸ Там же. Д. 35. Л. 12об.

¹⁰⁹ Там же. Д. 14. Л.18.

¹¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹¹ Там же. Д. 34. Л. 54.

¹¹² Семена Порошина Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества... Павла Петровича наследника престола Российского. СПб., 1844.

галерных эскадр и порта, располагал он и большим доверием Екатерины II¹¹³. Его-то, И.Г. Чернышева, в критический период русско-турецких отношений Екатерина II назначила чрезвычайным и полномочным послом в Лондон, переведа графа А.С. Мусина-Пушкина, российского полномочного министра, из Англии в Нидерланды.

В литературе не подвергалась сомнению точка зрения С.М. Соловьева о том, что соответствующие дипломатические перемещения были сделаны в Петербурге в ответ на решение Англии назначить в Россию вместо министра второго класса, как это было до сих пор, посла, чтобы ускорить англо-русские переговоры о союзном трактате. К тому же перевод Мусина-Пушкина в Гаагу, по словам Соловьева, приветствовал Н.И. Панин, так как Мусина-Пушкина в Петербурге считали неспособным дипломатом¹¹⁴. Действительно, вместо отозванного английским королем в апреле 1768 г. английского посланника лорда Макартнея в июле в Петербурге ждали лорда Кэткарта, прибывшего месяцем позже, и 24 июля была датирована «кредитная грамота о после графе Чернышеве», направляемом в Лондон «для вящего распространения доброго согласия и тесной дружбы»¹¹⁵.

Однако из поля зрения С.М. Соловьева выпал другой документ, вышедший из недр Коллегии иностранных дел на полгода раньше. Это был высочайший указ о назначении жалованья, проездных и т.п. генерал-поручику графу Ивану Чернышеву, отправляемому к великобританскому двору в качестве чрезвычайного и полномочного посла ввиду «особливых ныне наших важных дел с лондонским двором»¹¹⁶. Указ датирован 10 января 1768 г., то есть двумя неделями ранее, чем Н.И. Панин просил о пожаловании ордена маркизу П. Маруцци, зашпешившему, якобы по своим делам, в Венецию. Все это свидетельствует о том, что политическая обстановка, сложившаяся в связи с турецкой угрозой к началу 1768 г., заставила Екатерину поторопиться с подготовкой своей средиземноморской акции. В таких условиях обретение доброжелательного отношения Англии к этой акции стало «особливо важным» делом, отсюда, надо полагать, и проистекала готовность отправить Чернышева в Англию (тогда как само назначение должно было произойти еще раньше).

Между тем, политическая обстановка временно разрядилась, отложился до лета отъезд в Италию маркиза Маруцци и возникла возможность связать назначение Чернышева с переменами в дипломатическом представительстве двора Великобритании и, таким образом, устранить излишнее любопытство и обеспокоенность европейских царствующих дворов и дипломатического корпуса, находившегося в Петербурге.

И.Г. Чернышев прибыл в Лондон перед самым началом войны. Помимо своей секретной миссии он был облечен рядом других поручений. В частности, он

¹¹³ Именно И.Г. Чернышеву впоследствии императрица писала и о своей любви к «испанским замкам» и доверительно просила не принимать «за бредню» ее признание в том, что «после Ивана Чернышева никто более Катерины не любит шум, гром и громаду». Испанские замки и шум с громадою, кстаги говоря, ассоциировались в сознании императрицы с Архипелагской экспедицией (Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву // Русский архив. 1871. № 9. Стлб. 1324–1326).

¹¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 247.

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Д. 7232. № 36, 58, 66.

¹¹⁶ Там же. Д. 7175. Л. 228.

привез согласие Екатерины II на исключение из обсуждаемого договора пункта об английской помощи России в войне с Турцией, возможно, в обмен на поддержку Англией Архипелагской экспедиции. Оставалась несогласованной статья о субсидном договоре Англии со Швецией, предназначенном ослабить французское влияние в этой стране и устранить возможность ее выступления против России. Однако английское правительство на это ответило отказом, обосновывая его тем, что «Англии чрезвычайно трудно изменить своему правилу — не платить субсидий в мирное время»¹¹⁷. В результате переговоры о заключении союзного договора были приостановлены, хотя это не испортило отношений с английским двором. Переговоры были возобновлены лишь осенью 1770 г., и продолжал их в Лондоне «неспособный» А.С. Мусин-Пушкин¹¹⁸.

И.Г. Чернышев

Дело в том, что, спустя год после назначения графа И.Г. Чернышева чрезвычайным и полномочным послом в Лондон, он получил повышение по службе и был назначен вице-президентом Адмиралтейской коллегии. 19 августа 1769 г. в Лондон последовало предписание императрицы об отзыве Ивана Чернышева из Англии по его просьбе «из-за повреждения здоровья от несвойственного ему тамошнего климата» и ввиду необходимости его присутствия в России «особливо при настоящих наших конвитурах»¹¹⁹. Однако, несмотря на «несвойственный климат» и особенные «конвитуры», иными словами сложную конъюнктуру, граф Иван Григорьевич оставался в Лондоне по крайней мере еще год, пока третья эскадра Архипелагской экспедиции под командой контр-адмирала Арфа благополучно не добралась до Средиземного моря. Тем временем дипломатические функции исполнял возвращенный из Гааги (куда он, возможно, вообще не доехал) граф Мусин-Пушкин. Из письма Екатерины становится ясным, что присутствие Чернышева на берегах Альбиона было необходимо для того, чтобы ускорить прохождение эскадры Арфа: «Я удивляюсь, — писала императрица Чернышеву в Лондон 18 мая 1770 г., — что господин Арф мешкатен, небось мы с тобою его сделаем проворным; мы привыкли обходиться и разбудить сонных отроков»¹²⁰. Под «сонными отроками» Екатерина, вероятно, подразумевала командующих двух первых эскадр Г.А. Спиридова и Дж. Эльфинстона.

¹¹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 250.

¹¹⁸ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война [1768–1774] // Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. Т. 23. М., 1967. С. 159–160.

¹¹⁹ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Ед. хр. 7233. № 58. Л. 14.

¹²⁰ Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Стлб. 1337.

Е.В. Тарле имел все основания писать: «Позиция Англии была достигнута русской дипломатией без малейших жертв, уступок, обещаний в пользу Англии. Екатерина просто правильно учла расстановку сил на дипломатической шахматной доске и сделала нужные ходы. Не могут англичане допустить победы двух бурбонских дворов на Средиземном море и огромной левантийской торговли в прочном владении Франции, Испании и турок, союзников Франции»¹²¹. Тарле, однако, забыл отметить, что ходы на дипломатической шахматной доске осуществлял по указаниям императрицы И.Г. Чернышев, и для этого он был послан в Лондон накануне войны. Впрочем, историк был убежден, что мысль о посылке флота в Средиземное море пришла в голову одному из братьев Орловых лишь в момент открытия войны и, следовательно, не могло быть и речи о том, что миссия Чернышева оказалась определена значительно раньше.

Между тем, еще в январе 1769 г. Екатерина писала: «начиная экспедиции наши в Средиземное море, изъяснились мы откровенно чрез посла нашего с королем великобританским и получили уверение, что военные корабли наши приняты будут в пристанях Его владений за дружеские и как таковые снабжаемы всякою по воззреванию обстоятельств нужною помощью»¹²². Если учесть, что курьерская связь с Англией осуществлялась примерно в течение месяца, то следует признать, что И.Г. Чернышев, направляясь в Лондон, уже имел указание в случае открытия войны откровенно «изъясниться» с королем Великобритании на рассматриваемую тему.

Остается только оценить необыкновенный талант конспиратора, присущий императрице: в своих письмах к Чернышеву она ни словом не обмолвилась о порученной ему миссии. Намеки же на то, что она приступила к исполнению неких своих тайных замыслов, вероятно, имели особое предназначение — держать Ивана Григорьевича в курсе развивающихся событий. Есть основание предполагать, что эти намеки играли роль особого тайного шифра, связывавшего императрицу с Иваном Чернышевым¹²³. Без сомнения, Екатерина знала, что Чернышев догадается, зачем ей понадобились карты Средиземного моря и о. Корсика, и какой смысл имеет ее неожиданное признание — «Я нынче всякое утро молюся: Спаси, Господи, Корсиканца из рук нечестивых Французов»¹²⁴. Ведь Екатерина рассчитывала через маркиза Маруцци получить в обмен на особые услуги согласие генерала Паоли на использование русским флотом корсиканских гаваней! Кстати говоря, во время войны И.Г. Чернышева, А.Г. Орлова, адмирала Г.А. Спиридова и маркиза Маруцци, как лиц ответственных за судьбу Архипелагской экспедиции, в переписке связывал общий секретный шифр¹²⁵.

В самом начале 1768 г. Екатерина II совместно с графом Алексеем Орловым, главным после императрицы организатором Архипелагской экспедиции, разра-

¹²¹ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг [1769–1774]. М.; Л., 1945. С. 103.

¹²² АВПРИ. Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Ед. хр. 1878. Л. 29.

¹²³ О распространенности подобного рода шифра при русском и европейских дворах см.: Стеганий П.В. Хроники времен Екатерины II. М., 2001. С. 422–436.

¹²⁴ Собственноручные письма императрицы Екатерины II к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Стлб. 1318.

¹²⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 375. Подробнее о И.Г. Чернышеве см. статью В.Э. Булатова в Приложении.

ботала также сценарий отъезда Алексея Григорьевича в Италию, чтобы скрыть подлинную цель поездки. И это ей до известной степени удалось: до сих пор большинство историков вслед за С.М. Соловьевым утверждают, что Алексей Орлов с сопровождающим его братом Федором ко времени объявления Турцией войны России весьма кстати находился в Италии, где граф Алексей лечился после тяжелой болезни. Это утверждение документально обосновано: в фонде 5 Российского государственного архива древних актов хранится сокрушенное письмо-прошение А. Орлова, датированное мартом 1768 г., в искренности которого, казалось бы, невозможно усомниться: «Всемиловнейшая государыня. С крайним огорчением и сокрушением сердца принужденным себя нахожу утруждать ваше императорское величество о увольнении меня из военной и штатской службы,

А.Г. Орлов

вечно притчиною ж сего, как вашему императорскому величеству самой известно, жестокость долговременной моей болезни, которая довела меня до неспособности продолжать вашему императорскому величеству всеподданнейшую мою службу». Продолжая сокрушаться, А. Орлов молил ее императорское величество и во время его увольнения не лишать его своих «материнских» милостей, составляющих первый предмет его благополучия¹²⁶.

Вероятно, Алексей Орлов действительно болел (по пути в Италию и в самой Италии он принимал лечебные ванны), но длительность его болезни можно поставить под сомнение, ведь 28 декабря 1767 г. он давал в Москве тот самый бал в честь императрицы, на котором Екатерина II веселилась до двух часов ночи, а 23 февраля государыня, которой так хорошо было «известно» о болезни Орлова, безжалостно приказала ему отдать перечисленным ею лицам соответствующие деньги «из взятых им из экономической суммы Преображенского полку 9 тысяч рубл.»¹²⁷. Казалось бы, это не говорит о долгой сокрушившей мощный организм Орлова болезни. Однако сценарий должен был быть разыгран, и императрица откликнулась на просьбу Орлова следующими словами: «Граф Алексей Григорьевич. По усиленной просьбе вашей сим увольняю вас до излечения болезни вашей от всякой службы, дозволяя притом вам жить внутри и вне государства, где сами заблаго разсудите, в чем никто не должен и не может вам препятство делать по оказании сего, что же касается до службы

¹²⁶ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 84. Л. 17.

¹²⁷ Там же. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 1485. Л. 1.

Н.И. Панин

вашей, то не токмо Нам, но всему государству известно вами к Нам и к отечеству оказанные усердия, верность и любовь. При сем следует паспорт для выезда из России, да бы не было нужды сего писма всегда показывать». В полк последовало указание уволить Орлова «с жалованием на нам известный срок»¹²⁸.

Итак, весной 1768 г. Екатерина спешила отправить по назначенным местам основных участников средиземноморской операции. А.Г. Орлов получил свой паспорт с заверением, что императрица не забыла услуг, им оказанных ей и отечеству, но так же, как И.Г. Чернышев и маркиз Маруцци, задержался в Петербурге до лета. Летом он вел споры с Н.И. Паниным о целесоо-

бразности использования восстания греков в предстоящей средиземноморской операции. Кстати, в то же время, согласно мартовскому указу императрицы, из Архангельска к балтийским портам должны были проследовать русские военные суда — два линейных корабля, фрегат и два пинка¹²⁹, иными словами небольшая эскадра, — видимо, загодя происходила концентрация флота в пункте отбытия эскадры. Летом же были отозваны в Россию русские офицеры, проходившие стажировку на Мальте.

Тем же летом 1768 г. все три исполнителя тайной миссии императрицы покинули Россию. 21 июня вице-канцлер А.М. Голицын издал специальный циркуляр, разосланный российским представителям при иностранных дворах, который, как думается, не оставляет никаких сомнений в том, что версия относительно болезни А. Орлова была создана для сокрытия секретного характера его истинной миссии. В циркуляре утверждалось, что граф А.Г. Орлов «для поправления здоровья и по совету врачей, отправляется в чужие края к минеральным водам», что его сопровождает братец Федор Григорьевич, а далее следовали весьма странные объяснения: «чтобы не подать повода к бесполезным замечаниям о их путешествии, они в оное отправляются под именем господ Островых. В свите их находятся г. подполковник Герсдорф и кавалергард г. Бухгольц». Российским дипломатическим миссиям предлагалось сообщать о пути следования сиятельных особ, «чтобы постоянно знать, куда отправлять к ним письма, какие могут последовать»¹³⁰. Маска инкогнито, военная свита (через несколько месяцев Герсдорф с особыми поручениями окажется в Черногории), постоянная почтовая связь с Петербургом, к тому же, как сообщает В.А. Плугин на основании знакомства с «Альманахом привилегированного общества стрелков в Карлсбаде», покупка партии стрелкового оружия¹³¹ — все это неопровержимо доказывает, что уволенный от всякой службы А.Г. Орлов выполнял тайное государственное поручение.

¹²⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.

¹²⁹ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Д. 7232. Л. 71.

¹³⁰ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского (Из бумаг вице-канцлера кн. А.М. Голицына) // Русский архив. 1876. № 7. С. 270 (Циркуляр вице-канцлера кн. Голицына к нашим представителям при иностранных дворах. Петергоф, 21 июня 1768 г.).

¹³¹ Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. С.175. В.А. Плугин принадлежит к числу тех историков, которые полагали, что болезнь А.Г. Орлова была «отчасти политического свойства».

Алексей Орлов отправился в Италию из Санкт-Петербурга после жарких июньских споров с Н.И. Паниным по поводу плана использования греков и славян в качестве союзников в грядущей войне с турками. Никита Иванович высказывал сомнения в том, что греческих повстанцев удастся превратить в управляемую силу, к тому же, возможно, он не считал гуманным использовать религиозные убеждения единоверцев в качестве инструмента военно-политических планов России. Орловы же, питая иллюзии относительно масштабов ожидаемого повстанческого движения на Балканах и степени приверженности России православных, не только рассчитывали на военно-политические успехи взаимодействия России и народов «греческого закона», но уже строили планы их освобождения из-под турецкого гнета. Отзвуки этих споров можно услышать в вышеупомянутом письме Н.И. Панина к А. Орлову (весна 1770 г.) и в первом послании Алексея брату Григорию и императрице, отправленном из Италии и дошедшем до нас в отрывке и в пересказе Ю.В. Долгорукова.

Д.М. Голицын

По пути в Италию братья Орловы и их спутники (возможно, в конспиративных целях) посетили Данциг¹³², Дрезден¹³³, Карлсбад, где провели несколько недель конца августа — начала сентября. Затем они прибыли в Вену, где по указанию вице-канцлера А.М. Голицына, были приняты полномочным министром при венском дворе Д.М. Голицыным, оказавшим им все необходимые услуги, как деятелям государственной службы.

Д.М. Голицын доносил в Петербург, что был «обворожен знакомством» с братьями, представил их венской знати (надо полагать, при этом обнаружили их истинные имена и положение при русском дворе) и снабдил их письмами к «друзьям» в Италию, куда они, согласно донесению Д.М. Голицына, «поспешно» направились, поскольку пришли известия о разрыве отношений с Портой. При всей спешке братья Орловы пробыли в Вене не меньше двух недель конца сентября — середины октября 1768 г. Видимо, им было необходимо ознакомиться с информацией об Османской империи, Балканах и Италии, которой располагало венское посольство, так как Д.М. Голицын по долгу службы имел широкие связи и агентуру в районе, куда направлялись Алексей и Федор Орловы. Так, с начала войны тайные контакты с Д.М. Голицыным, а позже и А. Орловым поддерживал член русской

¹³² Е.Р. Дашкова записала, что жила в Данциге в той же «лучшей гостинице», где жил и граф Алексей Орлов, «очень рассердившийся» в связи с тем, что на стенах гостиницы висели картины, «изображающие битвы, проигранные русскими войсками» (Дашкова Е.Р. Записки // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 94).

¹³³ О посещении Орловыми Дрездена И.Ф. Богданович записал: «Граф Алексей Григорьевич и граф Федор Григорьевич Орловы приехали в Дрезден в конце 768 года, расположась ехать к водам. Тут он [Богданович] имел случай быть очень знаем графом Федором Григорьевичем» (Богданович И.Ф. Автобиография // Отечественные записки. 1853. Т. 87. Кн. 4. Отд. VII. С. 185).

миссии в Константинополе С.Л. Лашкарев, оставшийся на свободе после заточения в Семибашенный замок Обрескова и всей русской миссии¹³⁴. До прибытия в Италию маркиза Маруцци связь с итальянскими государствами и Черногорией также осуществлял полномочный министр России при венском дворе.

В консультациях с венскими врачами местом «для поправления здоровья» Алексея Григорьевича была названа Пиза, город, расположенный по соседству с открытым тосканским портом Ливорно, уже некогда освоенным русскими судами¹³⁵. Едва ли случайно в это время, т.е. на исходе 1768 г., в Ливорно находился Ф.С. Плещеев, бывший капитан фрегата «Надежда Благополучия», включенного затем в эскадру Г.А. Спиридова. Возможно, он восстанавливал для А. Орлова связи, завязанные им еще в 1765 г. Выполнив какие-то поручения, Плещеев отбыл в Санкт-Петербург вместе с привлеченным на русскую службу греческим моряком¹³⁶.

В Пизу путь Алексея Орлова лежал через Венецию, куда братья Орловы и их спутники добирались почти месяц, прибыв в Венецию 11 декабря¹³⁷. Однако Венеция не стала центром деятельности А. Орлова, потому что слишком ревниво венецианские власти относились к русской активности в регионе (см. об этом подробнее гл. 6)¹³⁸. Месяц пути в Италию не прошел впустую: за это время А.Г. Орлов сумел составить первое впечатление о настроениях православных жителей Балкан и их отношении к объявленной войне; он привлек к себе единомышленников-единоверцев и, по-видимому, укрепил связи с местной агентурой России.

Есть основания полагать, что А.Г. Орлов по пути в Италию устанавливал контакты и с греческими землячествами в Европе. Из Лейпцигских записок Радищева известно, что и русские студенты, обучавшиеся в Германии, в 1768 г. встречались в Лейпциге с братьями Орловыми. (Эта встреча могла состояться только на пути Орловых в Италию.) Между тем в Лейпциге существовала греческая колония, и от ее имени во время греческого восстания поступали в европейскую прессу слухи, преувеличивавшие успехи совместных действий русского флота и греческих повстанцев. Как известно, Архипелагская экспедиция и военные действия России в Средиземноморье стали предметом едва ли не газетной войны, в ходе которой из прессы в равной мере можно было почерпнуть фантастические известия о русских победах и столь же неправдоподобные сведения о поражениях. Предвидя нечто подобное, Алексей Орлов, возможно, загодя готовил приемлемые для России каналы информационной связи. Не исключено, что братьям Орловым удалось пробудить у русских студентов интерес к греческому вопросу, и в 1771 г. Радищев под влиянием сочувствия к страданиям единоверцев, находившихся под турецким гнетом, обратился к переводу на русский язык «Призыва греческого народа к европейским христианам» (об этом речь пойдет далее).

Из осторожности Алексей Григорьевич не посетил триестского эmissара брата Григория — Георгия Папазоли. «Мне самому ехать будет туда подозри-

¹³⁴ [Б. авт.] Лашкарев С.Л. Дипломат Екатерининского времени (Из современных подлинных бумаг) // Русский архив. 1884. Кн.2. С. 5–32.

¹³⁵ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 271.

¹³⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 359.

¹³⁷ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 35. Л. 12об.

¹³⁸ Иное мнение высказывает В.А. Плугин, впрочем, следующий за мнением Рюльера. (Плугин В.А. Алехан, или Человек со шрамом) С. 181.

тельно..., — писал он и замечал: сюда ж ему приехать опасно по некоторым на него здесь подозрениям...»¹³⁹. Следовательно, российская агентура не только существовала, но уже привлекла к себе внимание властей. Спустя несколько месяцев сам Алексей Орлов будет жаловаться брату Григорию на то, что его одолели шпионы, что он вынужден менять свое местопребывание и иногда не знает, где голову приклонить¹⁴⁰.

Информацию о положении православных на Балканах А. Орлов черпал из разных источников, как и разными путями привлекал к себе сторонников. Рюльер слишком прямолинейно представлял себе форму общения А. Орлова с православным населением Венецианской республики и Балкан: по его описанию, оба брата имели обыкновение после посещения православного храма выходить на паперть, пригоршнями раздавать монеты и вступать с прихожанами в разговоры; местное же население, пораженное богатством и щедростью русских посланцев, в ответ выражало готовность им служить. Конечно, Орловы и их спутники собирали интересующие их сведения и от случайных информаторов, особенно при посещении многолюдных мест; несомненно, они доверительно беседовали и с православным духовенством. Однако основные представления они составили из сообщений русских агентов и благодаря сведениям, полученным от маркиза Маруцци и его доверенных лиц¹⁴¹.

Как людям высшего света, Орловым легче было устанавливать контакты и общаться с людьми своего круга. Здесь, как во всей Европе, существовали свои каналы связи, условности, этикет; и очень скоро Алексей Орлов в Италии оказался в окружении славянской и греческой единоверческой аристократии — графов Войновичей, Дм. Мочениго (Моцениго), А. Джика (в русской традиции Гика) и др. Часть из них являлась подданными Венецианской республики; многие навсегда остались на русской службе. Дальнейшая вербовка участников военных действий и восстания происходила уже через местные владетельные дома, имевшие влияние среди сельских жителей, и через городских предпринимателей — судовладельцев-торговцев и капитанов (семьи Алексиано, Поликутти, Псаро, Ризо и т.д.).

Тотчас после 17 декабря, еще до отъезда в Пизу Алексей Григорьевич направил в Санкт-Петербург упоминавшееся выше послание, известное в отрывке. В нем излагались сведения о настроениях православного населения в связи с начавшейся войной и предлагались планы ближайших действий. Письмо также не оставляет сомнения относительно целей поездки Орловых в Италию.

Прежде всего, А. Орлов «уведомляет» Екатерину и брата Григория о том, что он «здесь нашол много людей одноверных, которые желают быть под командою нашею и служить в теперешнем случае против турков», что вся Черная Гора «по слухам» берется за оружие и поступают известия о том, что многие христиане собираются выступить против турок, правда, между ними нет согласия, и они действуют разрозненно, разными партиями. Исходя из этой информации, А. Орлов пришел к заключению, что создались благоприятные условия для того, чтобы раз-

¹³⁹ [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова. С. 143.

¹⁴⁰ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 364.

¹⁴¹ 17 декабря 1768 г. маркиз Маруцци сообщил Н.И. Панину, что выполнил свои служебные обязанности перед А.Г. Орловым (АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 35. Л. 12об.).

жечь внутри Османской империи сильный огонь, который помешает туркам провозить продовольствие в столицу и разделит усилия армии на два фронта¹⁴².

Тон письма Алексея Григорьевича говорил о том, что он попал в среду, жаждавшую воспользоваться войною и российской поддержкой для освобождения православных, томившихся под турецким гнетом. В этой среде все еще помнили о совместной борьбе против турок в годы правления Петра I и хранили грамоты с обращением царя к черногорцам. Энтузиазм нового окружения Алексея Григорьевича стал для него источником эйфории: ему представлялось нетрудным делом поднять на борьбу народ, он верил, что все любят его и его окружение за единоверие и готовы ему повиноваться — «все повеленное мною хотят делать» (это уже «камушек в огород» Н.И. Панина, сомневавшегося в управляемости греков). Энтузиазм окружения укреплял А. Орлова в стремлении бороться за освобождение православных¹⁴³.

Однако по прибытии в Италию А.Г. Орлов не ограничился выяснением настроения православных жителей Балкан. В.А. Плугин справедливо писал, что «лечиться» «за море» подполковник Островов отправился «...для уточнения на месте и реализации этого заманчивого и необыкновенно дерзкого плана» — осуществления диверсии¹⁴⁴. Поэтому в письме Алексея Григорьевича проскальзывает и сообщение о том, что единоверцы готовы исполнять все им «повеленное» (значит, уже речь шла о повелениях).

В сохранившемся довольно пространным отрывке письма А. Орлова отсутствует упоминание о необходимости присылки флота в Средиземное море, но Ю.В. Долгоруков, передавая содержание всего послания, сообщал о требовании Алексея Григорьевича направить в Средиземноморье эскадру.

Тем не менее А.Г. Орлов еще не имел назначения и действовал как бы на свой страх и риск. Он уезжал из Петербурга, когда обстановка еще не достигла своей критической отметки, и распоряжений императрицы на случай войны не имел. Он не только предложил свою кандидатуру в качестве руководителя всего Средиземноморского проекта («я столь щастлив могу быть, что ето дело по надобности повелено мне будет производить»), но и изложил программу неотложных мер: прислать артиллеристов и инженеров (на случай осады крепостей), полевых «пушечек» со снарядами; одновременно произвести политическую подготовку восстания, разослав по примеру Петра I «ласковые» грамоты (он отправил в Петербург копии обращений Петра). Орлов отмечал, что в грамотах необходимо указать, что при заключении мира единоверцы не будут брошены на произвол судьбы, так как в памяти еще живут воспоминания о том, что «они

¹⁴² [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова. С. 142.

¹⁴³ Вспомним его строки в письме к брату: «И если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого...». Как уже упоминалось, эта идея была близка семье Орловых. Неслучайно почти в то самое время (27 ноября) брат Григорий выступил на Совете при Высочайшем Дворе с предложением создать фонд освобождения православных — «о некотором учреждении освобождения греческого закона народов, употребля на произведение сего в действо с кладкою капитала». Г.Г. Орлов имел в виду направить с этим капиталом доверенных лиц на Балканы, по-видимому, для подготовки восстания против турок. Он полагал, что в случае успеха восстания можно было бы взять православные народы «под протекцию России», оставя их в управлении собственных правителей, избранных по воле населения («сделать разных владельцев, оставя им в выборе на волю»). — АГС. Т. I. С. 357.

¹⁴⁴ Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. С. 178.

еще все воевали, а у нас уже и мир заключен был». И в этой связи Алексей Григорьевич делает глубокое замечание о роли исторической памяти в обществе традиционной культуры: «и как у этих людей больше все дела идут в память по преданиям, то в иных случаях оно больше и умножается или увеличивается, а это их очень много будет анкураживать»¹⁴⁵.

Несомненно, Екатерина и помимо действий Орловых сама стремилась не упустить ситуацию на Балканах. Не дожидаясь от А.Г. Орлова «уведомления» об обстановке в решоне, в декабре 1768 г. она направила туда своих эмиссаров для возбуждения восстания покоренных турками народов: в Черногорию поехали черногорцы на российской службе — гусарский полковник Я.М. Эздемирович и поручик Ефим Белич. Первого избрала императрица «по чину, летам и потому, что он уже заслугу ту имел перед собою, что в прежнее время несколько сот разных народов вывез на поселение в Новороссию»¹⁴⁶. Ефим Белич приехал в Петербург в качестве посланника Степана Малого «просить помощи в связи с разрушительным походом турок против Черногории»¹⁴⁷. Теперь ему было предписано встретиться с самозванцем Степаном Малым, ибо, вопреки прежнему указанию о разоблачении и устранении самозванца, было решено воспользоваться влиянием самозванца среди черногорцев как «орудием нашего дела», при условии отказа Степана Малого от присвоения имени Петра III. Агенты проследовали также в Албанию и Дунайские княжества. Неожиданно начавшаяся война смешала планы и потребовала совместить зондаж настроений и проверку на месте возможности реализовать планы, порученные А. Орлову, с активной подготовкой восстания, доверенной посланцам Екатерины, что, естественно, не было согласовано с Алексеем Григорьевичем перед его отъездом. Миссия Эздемировича и Белича оказалась безуспешной, и А.Г. Орлов не знал в дальнейшем, на что ему употребить прибывшего в Венецию в феврале 1769 г. Эздемировича.

Продолжала императрица подбирать людей для Средиземноморской операции и внутри России. В феврале 1769 г. в морскую артиллерию был переведен Иван Ганнибал (брат Осипа Абрамовича Ганнибала, деда А.С. Пушкина), 20 марта произошло официальное назначение Г.А. Спиридова командующим эскадрой.

Для экспедиции потребовались не только военные, но и священники. И едва ли случайным был и поворот в деле епископа Анатолия Мелеса. Опальный священнослужитель с Афона, которого Синод лишил епископства и священства, держал сначала в тобольской, а потом в нижегородской ссылке, почитая, что «все его поступки пронырливы и малодушны», в 1767 г. оказывается «нужен ко службе» императрице¹⁴⁸. Анатолий Мелес был отправлен с Архипелагской экспедицией («священнодействую в прошедшую против турок войну на хребтах

¹⁴⁵ [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова. С. 143–144.

¹⁴⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 298.

¹⁴⁷ Лециловская И.И. Сербский народ и Россия. С. 82.

¹⁴⁸ Анатолий (Мелес) (ум. 1775 г.), родом волошанин, но родившийся уже в России в Золотоноше, обучался в Киево-Могилянской академии, жил на Афоне и был поставлен в епископы константинопольским патриархом. В России Анатолий (Мелес) постоянно конфликтовал с Синодом, и в результате этих конфликтов, возникавших во время его приездов за милостыней для Афонского Павло-Георгиевского монастыря, в 1759 г. был отправлен простым монахом в ссылку в Тобольск. В 1762 г. по указанию Екатерины Мелеса из Тобольска переводят в Нижний Новгород в Макарьевский монастырь. См.: Григорович Н. И. Анатолий Мелес, епископ. Исторический очерк по новооткрытым бумагам // Русский архив. 1870. № 4–5 (8). Стлб. 689–743.

корабельных»¹⁴⁹), был при флоте во время Чесменской битвы «не без пользы общественной», за что 5 октября 1770 г. ему вернули и архиерейство (см. также далее о нем гл. 5).

Когда владыка Анатолий Мелес вернулся в Россию, он прославился речью, произнесенной перед Екатериной II. В речи были слова: «...я сидел во тьме, и внезапно облиста мя свет велий. Узник стал свидетель чудес твоих на водах многих. Я зрел корабли твои между разсеянными по Архипелагу островами, наподобие островов колеблющиеся, и тысящами медных гортаней могущество твое морю и туркам возвещающия. Стоял на хребтах их, среди героев священник, и счастием твоим осенял к победам твоих мореходцев. Мал в братии моей посреди церкви, на далеких берегах громом имени твоего раздающихся, пел ты, и во храме сердца моего дондеже есмь пети не перестану»¹⁵⁰.

Но такие слова благодарного епископа императрица услышит только осенью 1772 г. Пока же, в первые месяцы 1769 г., на всех парах шла подготовка флота к отплытию, которое первоначально планировалось, по-видимому, на апрель. Корабли не только обшивались дополнительно досками с шерстью от течи и снабжались провизией на многомесячный поход (при этом их маршрут хранился в строгой тайне), но разрабатывалась и административная документация¹⁵¹.

Следовательно, в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. роли были распределены, и политические актеры вступили в игру: императрица Екатерина успела расставить на политической сцене действующих лиц задуманной ею военно-политической пьесы.

Итак, рассмотренный в главе материал позволяет заключить, что, взойдя на трон, Екатерина II приступила к осуществлению плана открытия «южного окна» в Европу, не удавшегося Петру I. Но в отличие от своего великого предшественника, она задумала реализовать этот проект в военных операциях, производимых не только с территории России, ориентируясь на взаимодействие с православным населением преимущественно континентальных Балкан, но и «снаружи», из Средиземноморья с помощью единоверцев — греков, албанцев и славян Адриатического побережья. Однако подобные операции могли быть реализованы лишь с применением флота. И императрица, и ее ближайшее окружение начали исподволь, тайно разрабатывать задуманную идею и осуществлять мероприятия по ее исполнению. Стратегические и тактические цели этих операций императрица сформулировала и озвучила лишь в начале войны.

¹⁴⁹ Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриилы Добрынина (прожившего 72 года 2 месяца и 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. В 3-х ч. (изд. 2 и предисл. М.И. Семевского). СПб., 1872. С. 114.

¹⁵⁰ После такой речи бывшему ссыльному Анатолию Мелесу было дозволено стать настоятелем Глуховского Петропавловского монастыря. (Там же. С. 115).

¹⁵¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 360–361.

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ: УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ, «ДИВЕРСИЯ В НАИЧУВСТВИТЕЛЬНОМ МЕСТЕ» ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ УГНЕТЕННЫХ

И.М. Смилянская

Русские думали... переплыть океан, войти через пролив Гибралтарский и завоевать или опустошить Морею и острова Архипелага. Они надеялись, что сходство веры привлечет к ним многих сообщников из греков и что с помощью сих мятежных раясов (райатов — христиан Османской империи. — *Авт.*) они смогут нанести смертельные удары Оттоманской державе.

*Война турков с россиянами с 1769 по 1774 год.
Сочинение Васифа-Ефенди,
турецкого историографа*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ВОЙНЫ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ ОБ АРХИПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Хотя, как утверждалось, сценарий российского проникновения в Средиземноморье был уже составлен и главные роли были распределены, неожиданное открытие военных действий заставило Екатерину II ускорить осуществление своих планов. (В начале 1768 г. Н.И. Панин писал о том, что России еще не время начинать войну, а Екатерина II 6/17 октября, когда война России уже была объявлена, но известие об этом еще не дошло до Петербурга, как бы со вздохом облегчения отправила И.Г. Чернышеву в Лондон такой текст: «Турки, по видимому, нынешний год, а может быть, и впредь не намерены нас беспокоить»)¹.

С началом войны определилось и военное предназначение Архипелагской экспедиции — нанести Османской империи «диверсию в наичувствительнейшем месте». Решение императрицы было поддержано Советом при Высочайшем Дворе.

Как известно, Совет при Высочайшем Дворе, состоявший из весьма узкого круга сановников, окружавших

---

¹ Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву // Русский архив. 1871. № 9. Стлб. 1318.

императрицу со времени переворота, был создан по ее распоряжению 3/14 ноября 1768 г., т.е. тотчас после того, как Екатерине сообщили о заточении в Семибашенный замок турецкой столицы российской дипломатической миссии во главе с А.М. Обресковым и о разрыве отношений с Портой. Это печальное событие, означавшее объявление войны, имело место 25 сентября / 6 октября 1768 г. В Петербурге о нем узнали в последних числах октября, а доложили Екатерине II 1 ноября, когда она, оправившись от прививания оспы, возвратилась из Царского Села в столицу. 4 ноября состоялось первое заседание Совета. На этом заседании решались кардинальные военно-политические вопросы: какой характер должна носить война (оборонительный или наступательный); как распределить и где сконцентрировать вооруженные силы; какие предосторожности предпринять в отношении границ империи, не затронутых войной? откуда брать денежные средства для ее ведения.

Единодушно было решено вести войну наступательную. Г.Г. Орлов по этому поводу спросил, какова должна быть цель войны, ибо, не имея таковой, лучше от войны отклониться вовсе («на какой конец она приведена быть может, а ежели инако, то не лучше ли изыскивать другой способ к избежанию»). Н.И. Панин в ответ говорил о желательности войны короткой, на что Григорий Орлов возразил, что быстро решительного успеха достигнуть невозможно. Никита Панин продолжал свою мысль в поисках путей достижения мира: «Надобно стараться войско неприятеля изнурять и тем принудить, дабы оно такое же произвело действие в столице к миру, как оно требовало войны». Одним словом, Панин как дипломат и сторонник «северной системы» не был склонен решать вопросы крупномасштабной войны. Когда же в конце заседания Г.Г. Орлов в числе первоочередных задач предложил послать экспедицию в Средиземное море, сформулировав свою идею, правда, весьма скромно: «послать под видом вояжа в Средиземное море несколько судов и оттуда учинить диверсию неприятелю, но чтоб сие сделано было с согласия английского двора»², — вопрос был отложен, так как предложение Орлова встретило возражение Панина.

На следующем заседании 6 ноября сама императрица предложила высказать мнение, «к какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезное положить». Вот здесь и была определена главная цель войны: добиться права судоходства по Черному морю, на берегах которого следует учредить порт и крепость. В аспекте этой цели посылка экспедиции в Средиземное море обретала для членов Совета весомое обоснование. В результате, когда 12 ноября на третьем заседании императрица (вероятно, специально, чтобы дать возможность Г.Г. Орлову вновь вернуться к вопросу о посылке средиземноморской экспедиции) включила в список рассматриваемых дел вопрос: «Если кто что придумал для пользы настоящих дел, то может свое предложить», Г.Г. Орлов прочитал свое мнение «об экспедиции в Средиземное море», и Совет, по-видимому, не без разногласий одобрил предложение фаворита³.

² АГС. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 5. Предложение Г.Г. Орлова Г.А. Гребенщикова несколько наивно толкует как документальное свидетельство того, что «именно Григорий Орлов первым подал мысль о посылке эскадры императрице и членам Совета, а его брат Алексей должен был служить проводником этих идей и координатором действий между Петербургом и повстанцами» (*Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования.* СПб., 2007. С. 179).

³ АГС. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 10.

Таким образом, решение о посылке Архипелагской экспедиции было принято членами Совета при Высочайшем Дворе вследствие признания крупномасштабных задач предстоящей войны. Тон в обсуждении вопроса задавали императрица и ее фаворит, кем заранее и продумывалась вся идея осуществления военных действий в Средиземноморье.

На наш взгляд, можно утверждать, что для Екатерины проблема посылки флота в Средиземное море, как и общий вопрос о целях войны, ко времени ее объявления уже были решенными. Едва ли императрица не была откровенна, когда 14 декабря 1768 г. писала И.Г. Чернышеву: «Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задобриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России, вы знаете, средства не маленькие». 20 декабря императрица в шутовском тоне написала тому же Чернышеву знаменитое послание о своих мечтаниях, о том, что и Екатерина II «иногда строит всякого рода испанские замки; и вот ничто ее не стесняет, и вот разбудили спавшего кота, и вот он бросится за мышами, и вот вы кой-что увидите, и вот об нас будут говорить, и вот мы зададим звону, какого не ожидали, и вот Турки побиты»⁴. Возможно, «испанскими замками» и был план Архипелагской экспедиции и некие идеи, которые в конечном счете предварили будущий «Греческий проект».

Екатерина II в 1763 г.

Решительность и настойчивость Екатерины II в организации экспедиции, надо полагать, объяснялись еще и тем, что императрица со свойственной ей проныцательностью осознавала политические преимущества *многих* аспектов задуманного предприятия. По существу, основу замысла Екатерины II, которую она до времени предпочитала сохранять в тайне (и лишь в критический момент открыла А.Г. Орлову, чтобы он мог ею руководствоваться, определяя стратегию военных действий), составляла идея *утвердить российское присутствие в Средиземноморье*⁵. Открыто же высказанной частью военно-политического проекта императрицы, понятной ее окружению и не вызывающей серьезных опасений в Европе, была *военная диверсия против Турции с привлечением на свою сторону османских православных подданных*⁶. И это следует иметь в виду, оценивая за-

⁴ Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. С. 1323–1324; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. Стлб. 268.

⁵ В рескрипте графу А.Г. Орлову от 9 января 1770 г. Екатерина II, указывая на необходимость приобрести в Средиземноморье порт «на острове или твердой земле», писала: «...хотя б и ничего иного не сделали, то бы тем самым вы много для передо предупели, если б доставили России в руки порт в тамошнем море, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во всем мире и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1886. С. 529).

⁶ В рескрипте адмиралу Г.А. Спиридову от 5 июля 1769 г. Екатерина писала: «По причине настоящей у нас с Портою оттоманскою войны, которая с ее стороны столь вероломно начата, рассудили Мы за нужное для учинения сей диверсии в чувствительнейшем месте воспользоваться известною склонностью греческих и славянских народов, отчасти ей подвластных, а отчасти еще за вольность

мысел Екатерины и его результаты, а также цену риска всей операции. А операция, действительно, была сопряжена с большим риском и трудностями, одолеть которые стало возможно не в последнюю очередь благодаря энергии самой императрицы, ее умению подбирать исполнителей своих замыслов и поддерживать в них мужество и воинское рвение. Императрица сумела изыскать и колоссальные средства для своего средиземноморского предприятия, и, что также немало важно, получить поддержку многих средиземноморских единоверцев.

Первоначально надежды на успех всей операции были связаны с вооруженной борьбой единоверцев. «Главная всему нашему плану цель, — указывала императрица адмиралу Эльфинстону 25 сентября 1769 г., — в поднятии на турков подвластных им греческих и славянских народов, следовательно же, и должны уступать оной первое место все другие побочные предприятия, а как экспедиция ваша принадлежит натурально в числе сих последних» (имелось в виду поручение Эльфинстону организовать блокаду Дарданелл), то первенство следовало отдавать сухопутным операциям А.Г. Орлова при содействии Г.А. Спиридова⁷.

ВОЗБУЖДЕНИЕ ВОССТАНИЯ ГРЕКОВ И СЛАВЯН

29 января 1769 г. (т.е. почти незамедлительно, учитывая время, которое требуется курьеру, чтобы преодолеть расстояние между Италией и Санкт-Петербургом) Екатерина отвечает на декабрьское послание А.Г. Орлова. Знаменитое начало письма, цитируемое исследователями в связи с попыткой уяснить авторство средиземноморского проекта, обращает на себя внимание безупречностью политико-юридического обоснования военных мероприятий императрицы. «Мы сами уже, по предложению брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, помышляли о учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции, как на твердой ее земле, так и на островах Архипелага, — писала Екатерина, — а теперь, получа от вас ближайшие известия о действительной тамошних народов склонности к восстанию против Порты, и паче еще утверждаемся в сем мнении...»⁸. То, что донесение Алексея Орлова утвердило императрицу в решении выполнить план экспедиции, очевидно. Однако идея экспедиции возникла и тайно обсуждалась задолго до выступления Григория Орлова на Совете при Высочайшем Дворе, на которое ссылалась Екатерина. Мы имеем возможность снова убедиться в способности императрицы параллельно официальной политической линии искусно проделывать тайные ходы, что заставляет историка весьма осторожно пользоваться официальными источниками эпохи.

свою до ныне мужественно поборающихся, и стараться составить из них при нашем подкреплении и под нашим руководством целый корпус не только к упражнению турецких сил в собственной своей земле удобной, но, если поможет великому нашему подвигу десница Всевышняя, и к потрясению в Европе самого основания оных вкупе с столицею злочестья магометанского» (Там же. С. 366) Как видим, императрица смело строила свои «испанские замки»!

⁷ Там же. С. 405.

⁸ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // СБРИО. СПб., 1867. Т.I. С. 2. Заметим, что Екатерина II четко различала территорию Мореи (Пелопоннеса, «твердой земли») и Архипелага. В историографии есть тенденция соединять эти понятия и рассматривать начальной целью экспедиции Архипелаг.

29 января 1769 г. последовал и рескрипт императрицы, содержащий назначение А.Г. Орлова верховным командующим всей операции: «охотно соизволяем Мы, по собственному вашему желанию, поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство всего сего подвига»⁹. Так, во второй раз в течение шести лет Екатерина вверяла Алексею Орлову едва ли не судьбу трона¹⁰. Действительно, трудно сказать, как бы мог отразиться на положении Екатерины II провал средиземноморской операции, дорогостоящей и далеко не у всех вызывавшей сочувствие¹¹.

Доверяя А.Г. Орлову руководство экспедицией, Екатерина II, вероятно, полагала, что для выполнения такого дерзкого замысла нужен был не столько опытный военачальник, сколько бесстрашный до удали, преданный интересам трона, связанный с авторством проекта политик, обладающий незаурядными организаторскими способностями и темпераментом бойца. И она не ошиблась в своем выборе¹². В частности, одним Чесменским сражением А.Г. Орлов задал тон всех последующих морских операций.

Екатерина II полагалась и на проницательность Алексея Орлова («Мы ни мало не сомневаемся, по довольно Нами испытанному вашему собственному проницанию, чтобы вы сами достаточно не вникли в сии существительные правила наших статских мнений»), который поймет ее замысел и будет им руководствоваться — «производить дела наши равнодушным мужеством, не тревожа себя тем, что в ваших предприятиях вам невозможным встречаться будет»¹³. Иными словами, как некогда в Ропше, Екатерина доверяла Алексею Григорьевичу свои сокровенные планы, полагаясь на его понимание и предоставляя ему право действовать согласно этому плану с «равнодушным мужеством» так, как позволят обстоятельства, не исключая возможности низвержения столицы империи «агарянской».

Вместе с назначением командующим А.Г. Орлову вручались полномочные грамоты: одна для представления тем, кто пожелает участвовать в затеянном Россией деле, другая для предъявления итальянским властям в случае возник-

⁹ Там же.

¹⁰ Руководитель французского внешнеполитического ведомства герцог де Шуазель рассчитывал на то, что, возбудив войну против России, удастся «низвергнуть императрицу с захваченного ею трона». (Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война, 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 53).

¹¹ Примечательна точка зрения американского исследователя Хью Рексдейла об отношении элиты российского дворянства к средиземноморским планам императрицы, хотя далеко не во всем с ним можно согласиться. Он указывает на то, что российское дворянство в своем большинстве не было заинтересовано ни в средиземноморской торговле, ни в приращении территорий. И в 1780-х гг., кроме украинца Безбородко, Потемкина (русско-польского происхождения) и бывшей германской принцессы Екатерины II, «Греческий проект» не поддержала ни одна из известных семей российского дворянства. «Даже удивительно, — заключает исследователь, — насколько узкой была социальная база российской внешней политики» (*Ragsdale H. Russian projects of conquest in the eighteenth century // Imperial Russian foreign policy / Ed. and trans. by Hugh Ragsdale, V.N. Ponomarev. Cambridge, 1993. P. 102*).

¹² В связи с этим нельзя не привести блестящую характеристику А.Г. Орлова, данную Е.В. Тарле: «Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности. Алексей Орлов ... был как раз подходящим человеком для подобного голололомного задания» (Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Сочинения. М., 1959. Т. 10. С. 25).

¹³ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 6.

новения недоразумений. Кстати, чтобы не допустить появления авантюриста-самозванца, Орлов заранее заготовил свой портрет, который можно было показывать единоверцам¹⁴.

Тем не менее, в рескрипте от 29 января Екатерина ни звуком не отозвалась на идею освобождения угнетенных единоверцев, более того, она подчеркнула, что «прямая наша цель быть долженствует» в диверсии. Ум императрицы работал расчетливо: она кратко сообщала, что российские добровольцы по преимуществу из преображенцев, о чьей присылке просил А. Орлов, будут прибывать по два-три человека «под приличным предлогом», ибо все приготовления надлежит хранить в глубокой тайне. Основной силой сухопутной части операции должны стать *сами единоверцы*, которых необходимо приводить к единению с помощью «лучших людей между разными народами»; этих «лучших» надлежит склонять на свою сторону, а оплату их услуг осуществит маркиз Маруцци. Алексею Орлову следовало умерить свой боевой пыл и раньше времени не подвергать себя опасности. Флот должен был приходиться небольшими группами. В рескрипте Екатерина обращалась к нему с просьбой высказать «собственные ваши рассуждения о удобности, пользе, времени и количестве отправляемой отсюда в Средиземное море эскадры Нашей»¹⁵.

В те же дни, когда составлялся изложенный рескрипт Екатерины II к Алексею Орлову, на Совете при Высочайшем Дворе читались и обсуждались «заготовленная грамота к греческим и славянским народам» (она была утверждена 26 января при втором чтении) и упомянутые полномочия графа А.Г. Орлова¹⁶. В целом текст обращения к славянским и греческим народам соответствует содержанию рескрипта Екатерины от 29 января. Это естественно, так как в его составлении она принимала активное участие (об этом свидетельствуют хотя бы ее пометы на тексте, хранящемся в Архиве МИД¹⁷). При этом по желанию А. Орлова в готовящееся обращение к единоверцам был включен пункт о том, что интересы православных будут учтены при заключении мирного договора.

Политический смысл обращения сводился к следующему: русско-турецкая война создала благоприятные условия для борьбы единоверцев за свое освобождение от турецкого гнета. «Остается только, чтоб при производимых нашими армиями военных действи[ях], они сами содействовать потщились..., ополчась... против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинить и чрез то общему благому делу воспособствовать и собственному своему жребию». Россия, как указывалось в документе, испытает величайшее удовольствие видеть христианские области, избавленные от поносного порабощения, и народы, «руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат»¹⁸. Иными сло-

¹⁴ [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова с предисловием Л.Н. Майкова // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX веков. Изд. М. Михайловым. СПб., 1873. С. 143.

¹⁵ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 11.

¹⁶ АГС. Т. I. Стб. 10, 357.

¹⁷ АВПРИ. Ф.89/8. Сношения России с Турцией. Д. 1867. Л. 1–10.

¹⁸ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. С. 293.

вами, в обращении содержался важный тезис о том, что хотя война может быть общей, но при заключении мира каждая сторона обретет те преимущества и выгоды, которые сумеет завоевать и добиться.

Следует отдать должное Екатерине II и, надо полагать, Н.И. Панину, в чьем ведомстве был составлен документ: в обращении отсутствовали обещания, которые могли создать у единоверцев иллюзии, будто Россия в войне ставит своей целью их освобождение. Как заметил В.А. Уляницкий, в оригинале документа слова «рассудили воспользоваться случаем к освобождению греков» рукою Н.И. Панина были заменены на слова «к облегчению жребия»¹⁹. Н.И. Панин и в послании начала 1769 г. к главе майнотов Г. Мавромихали, некогда высказавшему Георгию Папазоли свое пожелание иметь свидетельство о намерениях России «от власть облеченной персоны», обещал, хотя и в достаточно неопределенной форме, помощь грекам: «Ее Величество приказало мне тайно вас заверить, что пока длится эта война, по воле Бога, Она не только вас не оставит, но более того примет вас под свое высокое покровительство и окажет такую помощь, какую сможет...»²⁰. Таким образом, помощь была обещана, но только на период ведения войны с турками.

Это уже по окончании войны Екатерина имела намерение утвердить в общественном сознании миф о том, что в Средиземноморье российская эскадра направилась с исключительно освободительными целями. По крайней мере, подобного рода текст она собственноручно начертала в проекте мемориальной надписи на замышляемом обелиске в честь морских побед графа Алексея Орлова и Григория Спиридова²¹, и так объясняли величие российских побед и придворные проповедники²² (об этом см. подробнее гл. 9). Во время войны императрица не позволяла себе столь свободного определения задач операции. В январе 1770 г. в ответ на жалобы А. Орлова на недостаток российского сухопутного войска императрица четко констатировала: «как бы оно мало ни было, оно служить будет всегда подпорою тем народам, кои желают себя освободить от ига нечестивого; да не токмо подпорою, но еще образцом регулярства и послушания»²³. (Примечательно, что тезис — угнетенным народам надлежит воспользоваться нашей войной с турками для обретения своей независимости, а Россия их поддержит — был вновь воспроизведен, но уже без христианской риторики, в тайном обращении императрицы к египетским беям во Вторую русско-турецкую войну)²⁴.

Обращение Екатерины II к балканским единоверцам стало широко распространяться среди населения в 1770 г., и к Орлову хлынул новый поток греков и славян. В течение же 1769 г., пока готовились к отплытию и затем совершали

¹⁹ Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 113.

²⁰ *Samaritano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs // Revue des études sud-est européennes. Bukarest, 1965. Т. III. № 3-4. P. 524.*

²¹ «В память первого шествия российского военного флота в Средиземное море в 1769 году для вспоможения благочестивых греков и освобождения их от ига нечестивого турка...» (РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 444. Л. 5).

²² Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Поучительные слова при высочайшем дворе... Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанныя... Платоном. М., 1780. Т. 3. С. 73-88.

²³ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 31.

²⁴ Смелянская И.М. О политике Екатерины II в Средиземноморье и первых российско-арабских политических контактах // Анналы. Институт востоковедения РАН. М., 1997. Вып. V-VI.

свой трудный путь эскадры Спиридова и Эльфинстона, между А. Орловым и Екатериной продолжался диалог, о котором мы можем судить по сохранившимся письмам императрицы. Эйфория, охватившая Алексея Григорьевича с приездом в Италию, не иссякала. По словам императрицы из письма П.А. Румянцеву, «граф же Алексей Григорьевич Орлов уверяет, что он надежду имеет поставить на ноги до 40000 человек и что он пишет нарочно меньше, нежели иметь может»²⁵. А.Г. Орлов все более увлекается идеей освобождения единоверцев и даже как бы начинает встречать сочувствие Екатерины. Так, в собственноручном письме от 6 мая 1769 г. она хвалила план Алексея Григорьевича в отношении единоверцев за человеколюбие («во-всю в нем человеколюбие блистает») и писала: «...все сделается по желаниям Нашим, и прославимся в сей век, спасая многие тысячи под варварским игом страдающих единоверных Наших», но при этом все-таки оговаривалась: «что же все сие не так скоро исполниться может, как ваше и мое желание бы было, то сие не диво, но в естестве сего великая затея, и весьма похваляю вас, что вы начали так, как ко мне пишете»²⁶.

На деле императрица была озабочена не столько помощью своим естественным союзникам, сколько проблемой приобретения гаваней для эскадры. В том же письме она спешила (как выяснится, напрасно) обрадовать А. Орлова известием о том, что маркиз Маруцци получил согласие генерала Паоли на предоставление русским судам, если они окажутся в Средиземном море, корсиканских портов в обмен на русскую помощь. «И так если еще пристань не имеем, то по крайней мере перепутье есть», — сообщала императрица²⁷. Действительно, после нескольких месяцев поисков способа связаться с предводителем корсиканских повстанцев Маруцци достиг цели. Его посланец прибыл 15 марта 1769 г. на остров на судне, доставлявшем боевые припасы отрядам Паоли (впрочем, на этом же судне направлялись в ставку генерала и два английских агента). Посланец Маруцци вручил Паоли письмо поверенного в делах, вызвавшее некоторое недоумение генерала: письмо было составлено в духе обращения Екатерины и содержало, по определению Паоли, одни комплименты, тогда как генерал нуждался в помощи. Эмиссар Маруцци дал понять, что имеет полномочия высказать некие предложения словесно. Тогда ему были назначены две конфиденциальные встречи с глазу на глаз с Паскуалем Паоли, на которых конкретно обсуждался вопрос о взаимодействиях²⁸. По утверждению Дж. Берти, Паоли получил от России денежную поддержку²⁹. Однако через несколько месяцев Франция, видимо обеспокоенная английскими и российскими посещениями генерала Паоли, предприняла наступление и вытеснила повстанцев с острова. Когда же поверенный в делах при французском дворе Хотинский запросил правительство Франции о разрешении русской эскадре воспользоваться французскими портами, он был особо уведомлен, что корсиканские рейды для российского флота закрыты³⁰.

²⁵ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XIX. С. 280.

²⁶ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 15.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ АВПРИ. Ф.41/3. Сношения России с Венецией. Д.40. Л.21-32.

²⁹ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 65.

³⁰ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. С. 62.

Летом 1769 г. в ожидании прибытия флота А.Г. Орлов был занят созданием складов продовольствия и боеприпасов в Ливорно, на Сардинии и в Порт-Магоне, попытками приобрести на месте и вооружить собственное судно, вербовкой сторонников среди греков и славян (как он писал Екатерине, он намерен «учредя магазейны, разослав людей в разные стороны для возбуждения обще принять оружие», собрать войско, «приведа в порядок, сколько можно и время допустит») ³¹. А. Орлов был озабочен созданием русской консульской службы в Италии и переговорами с греческими корсарами, готовыми вести боевые действия под российским флагом (о деятельности А.Г. Орлова в Италии см. также гл. 6, 7). Он опирался на поддержку английских консульских агентов — Джона Дика в Ливорно, в доме которого он обычно жил ³², и грека Теодора Алексиано в Порт-Магоне (о нем см. гл. 3).

ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ АКЦИЯ НА БАЛКАНАХ: ДЕСАНТ В ЧЕРНОГОРИЮ

Летом того же 1769 г. Алексей Орлов принял решение совершить первую военную акцию на Балканах. Роль Эздемировича, посланного Екатериной II в Черногорию, с которым Алексей Григорьевич еще в феврале не знал, что делать, он предназначил своему сослуживцу и приятелю премьер-майору Преображенского полка и генерал-майору армии князю Ю.В. Долгорукову, о присылке которого просил императрицу еще в своем декабрьском послании 1768 г. Долгоруков прибыл в Италию под именем купца Барышникова («приличный предлог», под которым должны были приезжать к Орлову в помощь российские офицеры). В работах Е.В. Тарле и В.А. Плугина Юрий Владимирович Долгоруков, оставивший в конце жизни мемуары, получил весьма неблагоприятную аттестацию: главным образом за свой хвастливый нрав. Однако А. Орлов, видимо, ценил своего младшего сослуживца по Преображенскому полку за энергию, бесстрашие и отчасти за авантюризм и полагал, что эти качества вполне подходят для руководителя вылазки в Черногорию.

Поскольку Венецианская республика в этот момент закрыла для русских эмиссаров проход в Черногорию, Долгорукову с небольшим отрядом, едва насчитывавшим 40 человек, пришлось плыть морем, тайно высадиться на побережье и пробираться пешком в горы ³³. Эту маленькую экспедицию препровождал граф И.В. Войнович.

³¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 387–388.

³² Примечательно, что английский консул сэр Джон Дик выполнял свои обязанности и в Генуе; во всяком случае, в марте 1770 г., когда сильно пострадавший при шторме корабль «Ростислав» прибыл в Геную, именно «находящийся в оном городе от российского и английского двора конзюль» обеспечил «по его должности» «все исправления корабля», длившиеся 59 дней (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 17). Дик, как известно, не был утвержден в ранге российского консула английскими властями, но по окончании войны за помощь был награжден в России орденом св. Анны (Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769–70 // Slavonic and East European Review. Vol. 31. [New York], 1952/53. С. 158–159).

³³ Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом (Жизнеописание графа Орлова-Чесменского). М., 1996. С.199–200.

Иван Васильевич Войнович — фигура примечательная. Уроженец Черногории, серб («словенец») по происхождению, он принадлежал к венецианской аристократии. К А. Орлову он примкнул одним из первых, за ним последовали члены его семьи и среди них будущий адмирал русского флота Марк Иванович Войнович (род. в 1750 г. в Черногории — умер в 1807 в Витебске). Иван и Марк Войновичи за подвиги в Архипелагской экспедиции стали георгиевскими кавалерами.

По-видимому, Иван Войнович слишком активно занимался вербовкой своих соотечественников на русскую службу, за что был обвинен властями республики «в великом преступлении», приговорен к смертной казни и конфискации имущества и, таким образом, с 1770 г. ему был закрыт доступ в венецианские владения³⁴.

И.В.Войнович оказал России большие услуги не только как участник важных боевых сражений (Чесменского, при Лемносе, под Патрасом и Бейрутом), но использовался А. Орловым в тайных сношениях с Али-беем и шейхом Захиром, а также в организации управления Великим архипелагским княжеством. После войны граф И. Войнович был назначен российским генеральным консулом на Архипелаге.

Экспедиция Ю.В. Долгорукова в Черногорию преследовала несколько целей. Прежде всего, она была рекогносцировкой в районе с населением, имевшим давние связи с Россией и к тому же не подчинявшимся ни туркам, ни венецианцам. До А.Г. Орлова доходили слухи о готовности черногорцев сражаться с турками. На основании его донесений Екатерина II осенью 1769 г., извещая Румянцева о том, что «князь Долгоруков доехал до Черногории» (факт знаменательный для императрицы и военного командования), сообщала: в тех местах «великие делаются приготовления к нападению на турок»³⁵. Территория Черногории могла бы стать плацдармом (или, как писала Екатерина, «плас дармом») для формирования отрядов добровольцев и создания относительно регулярной армии из балканских единоверцев, чему императрица придавала большое значение: в инструкции Г.А. Спиридову по этому поводу было специально записано — «стараться составить из них (греческих и славянских народов, подвластных Порте, и, по словам Екатерины, «еще за вольность свою до ныне мужественно поборающихся». — *Авт.*) при нашем подкреплении и под нашим руководством целый корпус»³⁶.

Однако убедиться в приготовлениях черногорцев и вовремя поставить их под свое военно-политическое руководство, удержав от преждевременного выступления, надлежало на месте. Императрица требовала, и А. Орлов это понимал, чтобы удар по туркам был нанесен всеми участниками операции одновременно. Ради достижения этих целей вместе с генерал-майором Ю.В. Долгоруковым в Черногорию ехали офицеры такого ранга как полковник Герфсдорф, сопровождавший А. Орлова еще из Петербурга, майор А.Г. Розенберг, неоднократно посылаемый Алексеем Григорьевичем курьером к императрице, и капитан Родион Пламенец, уроженец Черногории. Отряд доставил в горы свинец и порох. Одновременно сюда в горы сторонники Орлова стали направлять дезертиров из венецианской

³⁴ РГАДА. Ф. 15. Оп. Госархив. Д. 181; Ф. 10/1. Оп. 1 Кабинет Екатерины II. Д. 645. Л. 197–199.

³⁵ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XIV. С. 280.

³⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 366.

армии, прельщенных более высоким жалованием, уплачиваемым русскими, а возможно, и политическими симпатиями. Тем не менее, как справедливо заключил В.А. Плугин, усилия отряда Долгорукова создать в Черногории армию «были затрачены впустую», ибо, по словам князя Юрия Владимировича, «наши (т.е. православные. — *Авт.*) окрестностей Черной Горы в армию не пошли, даже и босняки отговаривались, что неприятель при их границах»³⁷.

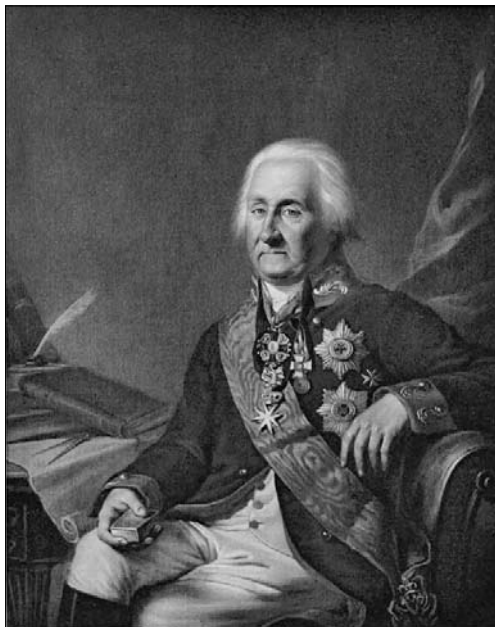
Впрочем, какие-то смутные надежды на черногорцев в России еще некоторое время сохранялись и, согласно не вполне надежным сообщениям «Санктпетербургских ведомостей», Ю.В. Долгоруков направил по прибытии эскадры Спиридова в Порт-Магон оружие в Черногорию³⁸.

Экспедиция Ю.В. Долгорукова имела и другое предназначение — политико-пропагандистское. По указанию князя, в столице Черногории Цетинье, в монастыре, где обосновался его отряд, было созвано собрание черногорцев, на котором Долгоруков зачитал известное обращение Екатерины II к единоверцам-славянам и грекам и привел присутствующих к присяге на верность императрице.

Приведение к присяге, признание покровительства или протекции императрицы России, даже переход в российское подданство были широко распространенными формами взаимоотношений российского командования и населения Средиземноморья (и не только православного: с просьбой о принятии в российское подданство населения Горного Ливана обратился к Екатерине II вассал султана правящий ливанский эмир Юсуф аш-Шихаб). Эти акты имели, как отмечалось, репрезентативно-протекционистский, а не политико-правовой смысл.

Между тем акт приведения черногорцев к присяге на верность императрице не возымел тех политико-юридических последствий, на какие, по-видимому, рассчитывал Ю.В. Долгоруков. И это несмотря на большой пиетет, с которым население Черногории относилось к России и ее верховной власти³⁹.

Когда в Цетинье появился лидер черногорцев Степан Малый, взявший имя супруга Екатерины II императора Петра Федоровича (но, как выяснилось, не для того, чтобы нанести ущерб приверженности черногорцев императрице, а напротив — дабы укрепить свой авторитет среди населения), перед Долгоруковым

Ю.В. Долгоруков через 35 лет после Черногорского предприятия

³⁷ Цит.по: Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. С. 201.

³⁸ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 10. 2 февраля.

³⁹ Лещиловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006; История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

открылось поле деятельности, едва ли не самое главное, ради которого был совершен рейд в Черногорию. Ему предстояло разоблачить самозванство Степана Малого и, если позволят обстоятельства, вывезти его из страны. Надо полагать, в этой ситуации действовал принцип, к которому не раз прибегала императрица, — «произвести дела Наши равнодушным мужеством, не тревожа себя тем, что в Наших предприятиях вам невозможным встречаться будет». Юрий Владимирович выступил с публичным разоблачением Степана Малого, внося неко-

Дорога из Котора в Черногорию

торую растерянность в умы черногорцев, и приказал его арестовать. На допросе Степан отвечал, что сам никогда не присваивал себе имени Петра III, хотя, как известно, и не отрицал эту легенду.

По-видимому, Долгоруков готовился вывезти самозванца из Черногории (во всяком случае, венецианский сенат охотно дал разрешение провезти его через венецианские владения⁴⁰), но неожиданно столкнулся с приливом чувства верности самозванцу всего черногорского населения. Не случайно годом ранее советник российского посольства в Вене Мерк, посланный для ознакомления с положением в горах и разоблачения самозванца, ответил в Коллегию иностранных дел, что ехать в Черную Гору, не подвергая себя опасности смерти, едва ли возможно, ибо черногорцы «необыкновенно привязаны к Малому» (этим ответом Мерк навлек на себя немилость императрицы и отзыв в Россию⁴¹).

Теперь угроза жизни для российских эмиссаров помимо венецианского и османского правительств, обеспокоенных деятельностью Ю.В. Долгорукова

⁴⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XIV С. 299.

⁴¹ Там же. С. 298.

в Черногории, исходила и от приверженцев Степана Малого. Поэтому отряду Долгорукова пришлось избрать иной образ действий, соответствующий второму варианту распоряжений императрицы: использовать влияние Степана Малого среди черногорцев как инструмент русской политики. Долгоруков убедил самозванца отказаться от употребления имени Петра Федоровича, хотя и действовать в качестве представителя российской власти. Как писал А.Г. Орлов, Долгоруков приказал команду над населением после его отъезда взять «Стиопке Малому», которому было дозволено надеть российский мундир с запрещением подавать себе ложное имя, в чем тот клятвенно обещался⁴². Сам Долгоруков вместе со своим окружением ночью, тайно, в сопровождении Степана Малого спустился с гор на побережье и отплыл в Италию⁴³.

Как первое военное мероприятие Орлова в Средиземноморье экспедиция Долгорукова наделала в европейской прессе много шума. Оценки этой акции были и остаются до сих пор различными. Императрица отмечала в январе 1770 г., что «происшествие черногорское... недостойно большого уважения», поскольку «главные действия должны произойти от христиан собственных подданных нашего вероломного неприятеля»⁴⁴. Академик Е.В. Тарле утверждал, что «черногорское дело (имея в виду полномасштабные действия. — *Авт.*) Орлова провалилось»⁴⁵. Рюльер полагал, что операция была лишь акцией прикрытия, и эту точку зрения развил В.А. Плугин, считавший, что экспедиция в Черногорию «вписывалась в общий план восстания, но Алехан решился на ее дезавуирование, чтобы отвлечь внимание турок от будущих баз русского флота»⁴⁶.

Речь идет о том, что сведения об экспедиции Долгорукова немедленно проникли в европейскую прессу, что, по мнению Плугина, могло быть небольшой диверсией А. Орлова в информационное поле Европы. От Орлова, возможно, также исходило и сознательное преувеличение численности отряда Долгорукова и значения всей этой операции. В пользу точки зрения Рюльера, откорректированной В.А.Плугиным, говорит и то обстоятельство, что летом 1769 г. в Петербурге искусно распространялась аналогичного рода дезинформация. А потому — в Европе всерьез обсуждали, что черногорцы с доверием ожидают помощи от России в их действиях против Порты (G.d'A. 1769. № 101), что русское оружие в значительных количествах уже поставляется в Черногорию (G.d'A. 1770. № 13, 36), что «*Стефано* после своей первой акции только и занимается тем, что укрепляет крепости и войска в ожидании прибытия нескольких русских судов в Авалон, что он устроил лазарет и много магазинов в Майне, что он работает над постройкой трех греческих судов, одного 24-пушечного, двух 12-пушечных... которые скоро будут готовы в Албании» (G.d'A. 1770. № 36). Беспокорство Западной Европы союзом русских с черногорцами, вероятно, даже стало основанием для появившегося слуха, опубликованного фран-

⁴² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 422.

⁴³ Полковник Герфсдорф, судя по письму от 14 августа 1769 г. В.С. Тамара к А.Г. Орлову, выходил из Черногории через Котор один. Он вступил в конфликт с губернатором Котора, не давшим полковнику разрешения свободно проследовать в Венецию, Триест или Анкону (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1876. Кн. 2. С. 294).

⁴⁴ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 35.

⁴⁵ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). С. 34.

⁴⁶ Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. С. 199.

цузским официозом «Gazette de France» о том, что русский флот направляется в Архипелаг, чтобы *оказать помощь* (porter secours) именно черногорцам (G.F. 1769. № 76. 22/IX). Эта информация, возможно, попала в прессу после того, как французский представитель при русском дворе Россиньоль донес 27 июня 1769 г. своему правительству о том, что со дня на день из Кронштадта должна и готова отплыть «русская эскадра, предназначенная для оказания помощи монтегегрцам»⁴⁷. Между тем эскадра уже имела предписание следовать не к Черногории, а к берегам Мореи.

Думается, что операция Долгорукова вписывалась в общий план организации Орловым восстания на Балканах и в Архипелаге и только попутно играла роль прикрытия истинных военных планов командования. Это была рекогносцировка с указанными выше целями. По мнению императрицы, ее результаты не заслужили особого уважения потому, что вскрыли отсутствие каких-либо приготовлений к восстанию. Однако помимо прочего экспедиции удалось дезавуировать самозванство Степана Малого, имевшего влияние среди черногорцев, чья активность по соседству с главным очагом готовившегося восстания была весьма нежелательна для русского двора.

Таким образом, в двух важных аспектах экспедиция Ю.В. Долгорукова все-таки выполнила свое предназначение. Вместе с тем, ее результаты несколько охладили пыл Орлова, и по мере приближения эскадры к греческим берегам в его посланиях все чаще проскальзывали ноты сомнения в успехе восстания, а Екатерина II вообще уже не исключала неудачи предстоящей операции из-за неподготовленности к ней греков. Не со слов ли Алексея Григорьевича императрица писала за месяц до начала событий: «...да пускай бы и тут веками порабощения и коварства развращенные греки изменили своему собственному благополучию...»⁴⁸

В заключение следует отметить, что в аспекте главной цели южной политики Екатерины II и ее окружения — открытия «южного окна» в Европу — важнейшее стратегическое значение приобретало утверждение своего присутствия в Средиземноморье. Вне зависимости от успехов и отдельных неудач средиземноморских операций эта задача придавала всем действиям Архипелагской экспедиции еще и особый смысл, заключавшийся в освоении разными путями — дипломатическими, политическими, культурными — средиземноморского пространства. Само продвижение флота вокруг Европы представляло собой освоение морского пути, создание новых для России коммуникаций.

---

⁴⁷ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. С. 60.

⁴⁸ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 35.

ПОХОД РУССКИХ ЭСКАДР: ОСВОЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ МОРЕЙ

И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская

Пойдем воздвигнем гром и морем потрясем,
Прославим россиян и Греков всех спасем
Прошедши все моря и страшныя пучины
Явим достойными себя Екатерины...

П. Потемкин. «Россы в Архипелаге»

ФЛОТ: ЭСКАДРЫ, ПОСЛАННЫЕ ЕКАТЕРИНОЙ II В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Екатерина II, еще до начала русско-турецкой войны проявлявшая заботы о флоте, его надежности, базах, экипировке и комплектации умелыми морскими офицерами, когда война началась, имела основания писать в Лондон И.Г. Чернышеву: «У меня в отменном попечении ныне флот, и я истинно его так употребляю, если Бог велит, как он еще не был»¹.

В середине декабря 1768 г. в адмиралтейств-коллегию последовал секретный высочайший указ: немедленно подать рапорт о том, сколько судов к будущей весне коллегия «надежно в море нарядить может, какой бы им вояж ни был предписан», поспеют ли к будущей кампании корабли, заложенные здесь и в Архангельске (не специально ли для средиземноморской экспедиции закладывались?), — а далее следовал строгий окрик: если не поспеют, «то зачем именно» (!?)². Екатерина сумела настолько углубиться во все детали организации экспедиции в Средиземное море, что, кроме подбора командного состава, технической подготовки судов к плаванию, вооружения, она, судя по ее переписке, была озабочена обеспечением эскадр картами и лоцманами, моральным состоянием офицеров и матросов, выбором пунктов соединения эскадр, не говоря об определении общих тактических задач, поставленных перед каждой эскадрой, о дипломатической поддержке плавания в чу-

---

¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С. 273.

² Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 331.

жих водах и т.п. Пеня адмиралу Г.А. Спиридову за задержки в пути, Екатерина с полным основанием писала 1 ноября 1769 г.: «...я ни иждивения, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не жалела для снабдения вас всем, что только споспешествовать могло к желаемому успеху»³.

Подготовка к отправлению эскадры в Средиземное море велась в большом секрете; Е.В. Тарле полагал, что даже в тайне от Н.И. Панина. Последнее сомнительно, хотя бы потому, что вся операция должна была сопровождаться дипломатическими шагами, по крайней мере, в сношениях с Англией. В этом отдавал себе отчет и Г.Г. Орлов, когда, предложив в первый раз «вояж» флота в Средиземное море, заметил, что на это мероприятие необходимо было получить предварительное согласие английского двора, что невозможно было сделать без главы Коллегии иностранных дел Н.И. Панина. В курсе дел по организации экспедиции Екатерина держала Совет при Высочайшем Дворе (16 февраля 1769 г. Совет обсуждал «Проект путешествия эскадры в Средиземное море»). Что же касается сохранения тайны, то следует заметить — утечка информации, возможно даже целенаправленная, имела место: английский и французский посланники сообщали в своих донесениях о существовании российских планов посылки флота в Средиземное море. Правда, достоверно можно сказать, что сообщения о подготовке в Кронштадте эскадры и ее возможной отправке в Средиземноморье появились в британской дипломатической корреспонденции из Санкт-Петербурга лишь 24 мая 1769 г.⁴

В Петербурге было решено отправлять флот отдельными эскадрами, прежде всего, из опасения нарушить обороноспособность балтийского флота в контексте русско-шведских отношений. Кроме того, принималась во внимание лучшая маневренность небольших эскадр (как было сказано в высочайшем рескрипте А.Г. Орлову от 29 января 1769 г., кораблям «в малом числе поспешнее большей эскадры плыть»), к тому же такие флотские отряды не вызвали бы чрезмерную обеспокоенность европейских держав («удобнее от примечания злодействующих Нам дворов скрыться могут»).

Время до открытия навигации решено было употребить на получение сведений о «береговых обрядах Средиземного моря», для выбора пристаней и доставления в Петербург «искусных кормчих, которые бы итальянские и греческие берега, воды и гавани совершенно знали»⁵. С этой целью Екатерина намеревалась послать в Италию маркиза де Кавалькабо, которого прочили в поверенные в делах при Мальтийском ордене. Однако отъезд Кавалькабо был отложен, и он прибыл в Средиземноморье с эскадрой Спиридова. Роли лоцманов на первых порах должны были исполнять уроженец о. Миконос грек Антон Псаро (Псарос) и члены экипажа его судна, предложившие российской императрице свои услуги и прибывшие в Азовское море к началу войны.

Антон Константинович Псаро (1735–1811), как и Иван Войнович, сыграл заметную роль в Архипелагской экспедиции. Еще в 1764 г. он вошел в контакт

³ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // СБРИО. СПб., 1872. Т. X. С. 390–391.

⁴ См.: Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769–70 // Slavonic and East European Review. Vol. 31. [New York], 1952/53. С. 152–153.

⁵ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // СБРИО. СПб., 1867. Т. I. С. 11.

с братьями Орловыми, был принят на русскую службу 1 мая 1769 г. и впоследствии проявил себя во время сухопутных операций в Море, в осаде Лемноса, участвовал в создании Архипелагского княжества, став его «депутатом», в морской блокаде Бейрута. Псаро был награжден орденом св. Георгия 4-й степени и после войны назначен поверенным в делах на Мальту (1783/84–1796). Прослужив на многих должностях в России, он вышел в отставку и уехал в Таганрог, где ему были дарованы земли. Там он и скончался в 1811 г.⁶

Намерение Екатерины II направить поначалу в Средиземноморье «довольно несколько, но всем изобильно снабженных кораблей», т.е. небольшую эскадру, В.А.Плугин расценил как проявление императрицей (якобы возлагавшей в тот момент все надежды на греческое и славянское восстание) сомнений в целесообразности посылки в Средиземное море флота⁷.

Однако это не так. В рескрипте от 29 января речь шла о приискании пристаней и гаваней для кораблей эскадры, и все указывало на то, что Екатерина планомерно, без всяких колебаний готовилась к реализации большого замысла:

6 октября 1768 г. она сообщала И.Г. Чернышеву о том, что молится «за корсиканца»;

17 ноября императрица благодарила его за присылку карты Корсики, между тем как маркиз Маруцци был занят установлением связей с генералом Паоли;

19-м января 1769 г. датирован проект инструкции командующему эскадрой;

6-м марта — указ о приготовлении до 1 апреля флота к отплытию и снабжении его провизией на пять месяцев пребывания в море и т.п.

Каждая эскадра Архипелагской экспедиции (всего их было пять) имела свое предназначение⁸.

Первая эскадра должна была вступить во взаимодействие с восставшими греками и славянами⁹. И с самого начала русско-турецкой войны вокруг А.Г. Орлова с немалым энтузиазмом стали объединяться выходцы не только с территорий, подчиненных Османской империи, но и из Венецианской республики, Австрии, государств Италии. Все это не могло не вызывать обеспокоенности правящих кругов этих государств.

При всей эйфории А. Орлова относительно масштабов греческого восстания он был озабочен присылкой к нему сухопутных войск, снабженных артиллерией, и, оставаясь русским баринем, даже просил брата Григория направить к нему солдатами его крестьян («...если б ты увидел затруднения в прибавке людей, так, пожалуй, объясни, хотя бы из моих деревень набрали, сколько годных найдется»), в то время как сам Григорий Григорьевич передал в эскадру принадлежавшие ему пушки¹⁰. Однако дело обошлось без орловских крестьян: в состав первой эскадры был включен десант из восьми рот Кексгольмского полка и двух рот артиллеристов.

⁶ См., например: *Blondy A. L'Ordre de Malte au XVIII e siècle. Des derniers splendeurs á la ruine.* Paris, 2002. P. 256–257.

⁷ Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. С. 183.

⁸ О состоянии и составе эскадр, судьбе отдельных судов, входивших в них, существует обширная литература. См. историографический очерк: *Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования.* СПб., 2007. С. 10. Наиболее подробно на английском языке морская история Архипелагской экспедиции изложена в кн.: *Anderson R.C. Naval Wars in the Levant. 1559–1853.* Liverpool, 1952. P. 277–307.

⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 366.

¹⁰ Там же. С. 364.

Назначая командующим эскадрой весьма немолодого, специально возведенного в ранг адмирала Г.А. Спиридова (1713–1790), начавшего морскую службу еще при Петре I, Екатерина полагалась на его опыт флотоводца и командира крупнейших морских баз — Ревеля и Кронштадта (сам Спиридов писал о себе в 1773 г., когда ему шел 63-й год: «продолжал мою службу на Каспийском, Балтийском, Азовском, Северном, Атлантическом и Средиземном морях.. быв... флагманом, командуя эскадрами и флотом... в мирные и военные времена»)¹¹. Опытность и предусмотрительность Спиридова хорошо уравнивались отвагой и горячностью братьев Орловых (Федору было тогда 29, а Алексею — 32 года). Да и подбор офицерского корпуса был удачен: молодые капитаны, только что прошедшие практику на английском флоте, и российские кадровые моряки неплохо сочетались с английскими мореходцами, перешедшими на русскую службу (С. Грейг, В. Роксбург, Р. Дугдал). Впрочем, все эти преимущества обнаружилось далеко не сразу¹².

По количеству судов первая эскадра была наиболее крупной: из 20 линейных кораблей, включенных в пять эскадр, семь плыли в первой эскадре, в нее входило также три фрегата, четыре пинка, транспортные суда и т.п. Все они, кроме бомбардирского судна «Гром», были построены в 1760-е гг., т.е. были относительно новы. Отплытие эскадры, по-видимому, планировалось с открытием навигации, что позволило бы ей пройти свой путь за летние месяцы. Однако эскадра отбыла в плавание от Красной Горки только 27 июля 1769 г.

В свое время «Надежда Благополучия» преодолела расстояние из Петербурга до Ливорно в два месяца, опыт плавания русских кораблей из Архангельска на Балтику, казалось бы, свидетельствовал о том, что путь в Средиземное море мог быть проделан за 6 недель, между тем как первая эскадра едва достигла портов Англии за три месяца, а в Порт-Магон первые ее корабли прибыли только через четыре с половиной месяца, в ноябре. Екатерина торопила Спиридова, ее пугало, что вся экспедиция вместо торжества может оборотиться «в стыд и беславие ваше (Спиридова. — Авт.) и мое»¹³.

Путь первой эскадры в Средиземноморье сопровождался серьезными трудностями, потерями, болезнями личного состава, так что ее состояние по прибытии в регион (к зиме 1769–1770 гг.) ужаснуло А. Орлова. Когда он осмотрел в феврале 1770 г. в Ливорно те суда, которые были откомандированы к нему в Италию, «у него волосы поднялись дыбом, а сердце облилось кровью: ни провианта, ни денег, ни врачей, ни сведущих офицеров»¹⁴. На его отчет императрица, не поддаваясь панике, хладнокровно отвечала: «Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход. Все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен»¹⁵.

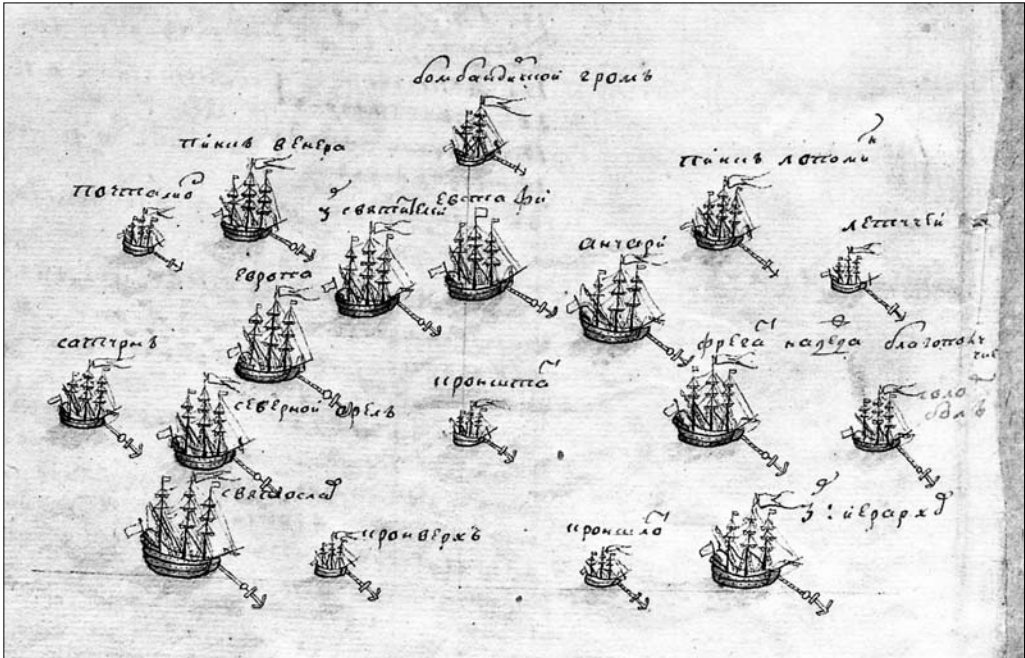
¹¹ Там же. СПб., 1888. Ч. XII. С. 133–134.

¹² Языковые проблемы, несомненно, усложняли работу. Недаром английским офицерам, вступавшим на русскую службу, давалось указание срочно учить русский язык, ибо они не знали, например, «названием веревок и прочаго», их также велено было экзаменовывать «для точнаго сведения о искусстве и знании» (см.: Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 741).

¹³ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С.391.

¹⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. М., 1989. Т. 5. С. 44.

¹⁵ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 358.

Эскадра Г.А. Спиридова перед выходом
в Средиземноморский поход 26 июля 1769 г.

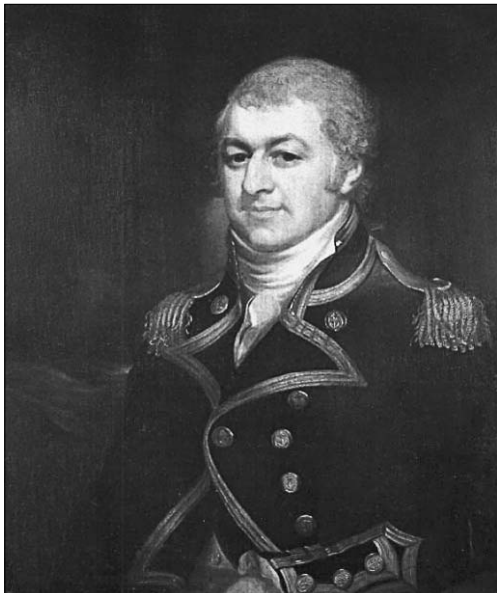
Известие о прибытии первой эскадры в Порт-Магон в своей переписке с Екатериной обсуждал даже Вольтер, поздравивший государыню с этим событием. Ему в начале января 1770 г. императрица отвечала без тени беспокойства: «Государь мой! Чувствительно благодарю Вас за то, что Вы разделяете со мною удовольствие о прибытии наших кораблей в Порт-Магон. Вот теперь-то они ближе к неприятелю, чем к своему отечеству, но думать надобно, что им весело было переплыть сие расстояние, не смотря на бури и на глубокую осень, потому что матросы сочинили песни»¹⁶.

Одновременно с первой эскадрой шло формирование второй, которая покинула Кронштадт 9 октября 1769 г. Здесь возникли затруднения с назначением командующего: им стал приглашенный только в мае 1769 г. через И.Г. Чернышева английский флотоводец Джон Эльфинстон¹⁷. По-видимому, Екатерина все еще предпочитала западноевропейских моряков русским. Выбор, в конечном счете, оказался малоудачным: у Эльфинстона не сложились взаимоотношения не только с офицерами своей эскадры¹⁸, но и, как еще в ноябре опасалась Екатерина,

¹⁶ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиан. М., 1805. Ч. 1. С. 66.

¹⁷ О Дж. Эльфинстоне существует значительная литература. Блестящую характеристику ему дает Э. Кросс (*Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век.* СПб., 2005. С. 208–210). Архив Эльфинстона, включая его неопубликованные записки о русско-турецкой войне, находится в США (Princeton University Library. Dep. of Rare Books and Special Collections. Manuscript Division. CO951).

¹⁸ Один из таких конфликтов описывает в своем Журнале С.П. Хметевский (см. Приложение 8, С. 580), в защиту же Эльфинстона вступает в своих мемуарах англичанин Вес-

Джон Эльфинстон

возникли «несогласия» с командованием, едва не ставшие для экспедиции роковыми.

Второй эскадре, состоявшей из трех линейных кораблей, двух фрегатов, пинка и еще одного небольшого судна, предписывались свои, до известной степени независимые задачи: эскадра должна была пресечь подвоз «хлебного пропитания» в Константинополь из Египта и других провинций, а также блокировать турецкую морскую торговлю. Эскадра Эльфинстона, зазимовавшая в Англии, двигалась не быстрее, чем первая эскадра Спиридова, и прибыла в Средиземное море лишь к весне 1770 г.

Несмотря на то, что в рескрипте, данном контр-адмиралу Эльфинстону 25 сентября 1769 г., предписывалось «содержать с графом Орловым частное

и точное сношение» (так как, напомним, главными во всех действиях определялись сухопутные операции Орлова, для них вторая эскадра была обязана доставить пехотные подразделения и артиллерию), английский флотоводец проявил излишнюю самостоятельность¹⁹. Екатерина полагала, что ее решение дать разные предписания эскадрам будет иметь свои «удобности», которыми А.Г. Орлов воспользуется «вдруг или попеременно», но в силу изменившихся обстоятельств такое решение оказалось ошибочным²⁰: неудачи сухопутных операций в Морее потребовали от Орлова объединения под своим командованием обеих эскадр и корректировки стратегических целей всей экспедиции.

Посылку третьей эскадры Екатерина начала планировать еще до операций в Морее (о ее подготовке она писала А. Орлову 8 января 1770 г.)²¹. Эта эскадра, включавшая три линейных корабля и транспортные суда, должна была доставить А. Орлову сухопутные войска. На этот раз в дело были введены две полные роты Преображенского и Шлиссельбургского полков. В рескрипте командующему эскадрой 5 июня 1770 г. говорилось, что его главная задача «для учинения ... диверсии в чувствительнейшем месте воспользоваться склонностью греческих

ли (Весли В. Воспоминания участника Архипелагской экспедиции // Морской сборник. 1914. Т. 382. № 5. С. 1–53), причем мнение мемуариста (Э. Кросс полагает, что его звали не Весли, а Т. Ньюберри) до настоящего времени довлеет в западной историографии при выяснении роли Эльфинстона в русско-турецкой войне (см. об этом, например: Кросс Э. Британцы в Петербурге. С. 207; или www.invaluable.com/auction-lot/admiral-john-elphinstone-s-personal-logbook-from-s-1-c-c3f85r7k1j).

¹⁹ Эта самостоятельность и вынудила А.Г. Орлова выставить на своем корабле кайзер-флаг, означавший, что все суда обязаны подчиняться его приказам, как если бы они исходили от самой императрицы.

²⁰ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 28.

²¹ Там же. С. 31.

и славянских народов, отчасти ей [Османской империи] подвластных, а отчасти еще за вольность свою донныне мужественно поборающих»²².

Эскадра отплыла из Ревеля 30 июня 1770 г., т.е. уже после оставления Мореи и после Чесменской победы, но в Петербурге тогда еще об этом не знали. В рескрипте командующему этой эскадрой неоднократно указывалось, что эскадра должна спешить так, как только возможно, и что к ее прибытию все подготовлено и в Копенгагене, и в Лондоне.

Командующим третьей эскадрой был назначен также приглашенный в апреле 1770 г. из-за границы, на этот раз из Дании, контр-адмирал И.Н. Арф, вместе с которым эскадру пополнили датские моряки²³. И.Г. Чернышев одобрил моральное состояние ее экипажа, на что Екатерина весело и цинично отозвалась, не преминув показать свое знание русских пословиц: «Что весь экипаж охотно идет в море, тому я радуюсь и о том не сомневаюсь. Перва лишь песенка озардевши петь, а там сама пойдет»²⁴.

При отправке эскадры Арфа были исправлены и ошибки, допущенные при отправке эскадры Эльфинстона: Арфа сразу жестко и четко подчинили всем указаниям А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова, а на его корабли были назначены по одному флотскому офицеру — «наблюдать за капитаном судна»²⁵. В дальнейшем, правда, конфликтов Арфа с русскими моряками избежать также не удалось: командующий писал в Петербург о том, что русские моряки «большие невежды, кое-что знающие из теории и ничего из практики, так как у нас есть только люди, долженствующие заменять плотников и почти ничего не умеющие делать... также, как и парусных мастеров, потому что находящиеся на кораблях не в состоянии ни скроить, ни сшить паруса, будучи обучены лишь портняжному мастерству»²⁶. В итоге, как и Эльфинстон, Арф недолго участвовал в Архипелагской экспедиции: в июле 1771 г. он вместе с пожелавшими того датскими офицерами и матросами был отпущен из флота, а в марте 1772 г. и вовсе уволен с русской службы.

Третья эскадра по прибытии в Средиземное море влилась в общий состав Архипелагской флотилии, имевшей к этому времени единое командование. Между тем сил все еще было недостаточно, и А. Орлов обратился к императрице с просьбой направить в Архипелаг дополнительные суда, так как линейные корабли объединенной эскадры к тому времени изрядно обветшали, ибо были вынуждены нести боевую службу в бурные зимние месяцы (которые, кстати говоря, жители Средиземноморья считали непригодными для судоходства). При этом Орлов просил, чтобы в случае присылки новой эскадры она состояла из российских матросов и офицеров и командовать ею было бы поручено не иностранцам, но российским командирам, «ибо от своих одноземцев не токмо с луч-

²² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 759.

²³ В рескрипте Арфу Екатерина отмечала, что датский король «содержит в готовности 400 матросов для службы нашей», но при этом императрица запрещала «менять российских матросов на датских, разве по единой причине болезни» (Там же). Г.А. Гребенщикова указывает, что на рейде Копенгагена Арф все-таки нанял на русскую службу 99 датских матросов (*Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 301*).

²⁴ Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву // Русский архив. 1871. № 9. Стлб. 1337–1338.

²⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 760.

²⁶ Там же. С. 765.

шею надеждою всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требует, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей довольно уже усмотрено между российскими людьми и иностранцами великое различие, а при том и неразумение иностранного языка делает невинное несогласие и затруднение»²⁷.

Императрица приняла к сведению эту просьбу, и четвертую эскадру, состоявшую из трех линейных кораблей, два года как сошедших со стапелей, привел в Ливорно контр-адмирал В.Я. Чичагов (1726-1809), опытный флотоводец, прошедший еще в середине века английскую школу. Однако в военных действиях в Средиземноморье Чичагов участия не принимал — его немедленно затребовали назад на Балтийский флот²⁸.

От Чичагова, как и от Арфа, требовалась скорость в продвижении, и, памятуя о долгом переходе первых трех эскадр и, возможно, имея в виду охлаждение отношений с Англией, Екатерина рекомендовала Чичагову не останавливаться в Британии. В рескрипте Чичагову императрица указывала: «нет, кажется, Вам нужды заходить или останавливаться в каком ни будь порте до самого Гибралтара или, лучше сказать до Магона, когда всем надобным, а особливо водою в Копенгагене или Гельсиноре запасетесь, чем не токмо успешнее гораздо будет плавание ваше, но и меньше издержки»²⁹.

Эскадра выступила из Ревеля 8 мая 1772 г. и прибыла в Ливорно 25 августа, где ее передали под команду капитана М.Т. Коняева (1727-1789), пришедшего в Средиземное море на линейном корабле «Граф Орлов» этой же эскадры. Два линейных корабля четвертой эскадры в составе небольшого отряда вступили 27-29 октября 1772 г. в крупные сражения под Патрасом (при входе в Лепантский залив) и одержали блестящую победу над вассальным туркам «дульцинотским» (от порта Ульчи) флотом. Адмиралтейств-коллегия сочла подвиг капитана Коняева, командовавшего операциями при Патрасе, «соответствующим пресловутой при Чесме победе»³⁰.

В июле 1773 г. вновь на запрос императрицы А. Орлов просил прислать пополнение, так как суда продолжали заметно ветшать, а поскольку дело приближалось к миру, то следовало направить и транспортные суда для перевозки людей на родину³¹.

Алексей Григорьевич выразил желание, чтобы во главе новой эскадры стоял С.К. Грейг. С ним Орлов успешно прошел всю экспедицию и сохранял теплые отношения³².

Пятая эскадра в составе четырех линейных кораблей новейшей постройки отбыла из Кронштадта 21 сентября 1773 г., а из Ревеля — 28 октября под командой вице-адмирала Грейга. Несмотря на зимнее время и стоянку в Портсмуте, она достигла Ливорно 11 февраля 1774 г., но военные действия в Архипелаге к тому времени практически прекратились. Зато суда, приведенные Грейгом, ока-

²⁷ Там же. С. 671.

²⁸ Там же. СПб., 1888. Ч. XII. С. 8.

²⁹ Там же. Об отношении с иностранными державами императрица повторила инструкцию Спиридову.

³⁰ Там же. С. 168.

³¹ Там же. С. 144-145.

³² Там же. С. 144.

зались в высшей степени важны для возвращения флота и завершения прочих дел в Средиземноморье (в частности, именно Грейг вывозил из Италии и княжну Тараканову).

Со своим средиземноморским флотом Екатерина поддерживала постоянную курьерскую связь через Италию. Курьеры, курсировавшие между Ливорно и Санкт-Петербургом, как правило, были людьми высокого ранга: в отчете маркиза Маруцци о выплатах курьерам значились имена будущего директора Академии наук С.Г. Домашнева, Ивана (Яна) Хрестенека³³, В.С. Тамара³⁴ и др. Связь осуществлялась и морем, в частности через английского «корабельщика Броуна»³⁵.

Неоднократное прохождение русских эскадр вокруг Европы имело своеобразный психологический эффект: правящие дворы постепенно осознавали, что прежний миропорядок, пресловутый «баланс сил» в Южной Европе Россией нарушен, и похоже, что и в будущем Россия станет присутствовать в Средиземном море. Однако плавание в Восточное Средиземноморье имело для русских не только военно-политическое значение, оно дало участникам Архипелагской экспедиции, подавляющее большинство которых никогда не оказывались далее Балтийского побережья Российской империи, уникальную возможность увидеть западную и юго-западную части Европы и прикоснуться к ее цивилизации.

С.К. Грейг

³³ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 45. Л. 93–94. Например, в Журнале инженер-офицеров флота под 13 декабря 1770 г. появилась запись о прибытии курьера Хрестенека (названного Крестининым), который по отправлении из Санкт-Петербурга «следовал сухим путем до Ливорны 25 дней», а побыв только час у А.Г. Орлова, сразу отправился на юг Италии, где через 9 дней смог сообщить о наградах за Чесму морякам, застрявшим на карантине на Сицилии (Журналы инженер-поручика Келхена: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 45). В дальнейшем в чине майора и генеральс-адъютанта А.Г. Орлова И. Хрестенек участвовал в поимке княжны Таракановой. Возможно, его родственником был *Карл Людвиг Хрестинек* (1732 или 1733–1792 или 1794), прославившийся как живописец-портретист, автор портретов руководителей и участников Архипелагской экспедиции.

³⁴ Василий Степанович Тамара (1740–1813/1819), именно в Архипелагскую экспедицию начал свою в будущем блестящую карьеру дипломата, с 1799 по 1809 г. был российским послом в Константинополе. О нем см. также гл. 1.

³⁵ О нем неоднократно упоминают Журналы инженер-поручика Келхена: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 22, 39об. С Робертом Броуном на судне «Таргар» в 1772 г. Орлов отправил с миссией к Али-бею Сергея Плещеева. (Плещеев С. Дневные записки путешествия из Архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с краткою историею Али-беевых завоеваний, российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб., 1773).

ОСВОЕНИЕ ЕВРОПЫ, ИЛИ ПУТЯМИ МАТРОСА ВАСИЛИЯ КОРИОТСКОГО

В начале XVIII в. упоминание о тех местах, которые посетили корабли российских эскадр в 1769–1775 гг., появилось в известной «петровской повести» «Гиштория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» (повесть датируется между 1703 и 1726 гг.). «Гиштория» описывала, как матрос Василий жила в Голландии и приходил «в Англию с кораблями», «во Франции был два года», рассказывал разбойникам о «семи кораблях с Португалии», как «с королевой Ираклией поехали морем до Цесарии» и о том, как он добрался до Флоренского государства; побывал Василий и на неких островах в неведомом море. Между тем, география его авантюрного странствия оставалась как для автора «Гиштории», так и для читателей вполне соответствовавшей духу беллетристического повествования XVIII в. — т.е. не претендующей на реалистичность, а лишь завораживающей читателя упоминанием о мнимо «освоенных» российским матросом землях.

Через столетия эти же самые земли предстали российским матросам и офицерам Архипелагской экспедиции вполне зримо. На их долгом пути в Архипелаг они получали безопасные пристани в Дании, у берегов Британии, Португалии, в Порт-Магоне на Менорке, а также с определенными ограничениями на Мальте, на Сицилии, в Генуе и Ливорно, откуда некоторым удавалось побывать в Пизе, Флоренции, доехать до Рима.

Балтийское море эскадры оставляли, непременно останавливаясь в Копенгагене у берегов союзного Датского королевства. Копенгаген все время войны встречал офицеров флота с доброжелательством и любезностями. Не случайно же Екатерина II в инструкции Г.А. Спиридову в июне 1769 г. писала: «На Данию можно быть вполне надежным и в случае нужды смело входить в ее гавани, ибо с нею мы находимся в теснейшей дружбе и ею эскадре нашей конечно будет с охотою оказана всякая помощь. Также и голландские гавани будут ей отверсты, так как мы с Голландиею находимся в добром согласии и дружбе»³⁶. То же императрица повторила в рескрипте отправлявшемуся в Архипелаг Арфу³⁷. Инженер-офицеры флота, находившиеся на корабле «Ростислав» первой эскадры, не преминули отметить, что, когда 4 сентября эта эскадра прибыла в Копенгаген, через посла М.М. Философова офицеры были приглашены в королевский дворец Фридрихберг, приняты молодым королем Христианом VII, там же и «стол был устроен»³⁸. В журнале инженер-офицера Г. Келхена появился рисунок Копенгагена и стоящего на рейде датской столицы российского флота (см. С. 96).

Между тем за 12 дней стоянки первой эскадры в Копенгагене «некоторые служители померли», а кое-кто сбежал в город и не вернулся, и состояние эскадры вызвало серьезное беспокойство российского посла Философова. Он писал в Петербург о пьянстве подчиненных Г.А. Спиридова, о медлительности командующего эскадрой, удостоив похвалой лишь С.К. Грейга, плывущего с эскадрой

³⁶ Цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. Приложение 27. С. XCII.

³⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 760.

³⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 1860. Л. 5–5об.

на Мальту маркиза де Кавалькабо и И.А. Ганнибала³⁹. В июле 1771 г., когда в Копенгаген прибыли корабли эскадры Арфа, моряков также отпускали на берег, и на этот раз жители датской столицы, судя по реляции Арфа, выражали «всеобщий восторг» от «прекрасного вида и обхождения» русских моряков⁴⁰.

Доброжелательность Дании, впрочем, стоила России немалых средств. То, что во время русско-турецкой войны отношения с Данией оставались вполне дружественными, во многом было заслугой посла М.М. Философова и голштинца по происхождению, тайного советника К. Сальдерна, которые успешно нейтрализовали усилия Франции, Испании и Швеции, направленные против союза Дании с Россией⁴¹. Как известно, в апреле 1767 г. Екатерина II от имени своего сына Павла уступила датскому королю принадлежавшую Павлу часть герцогства Голштинского, за что, в частности, для русских судов и были предоставлены особые льготы в датских гаванях.

Как и Англия, Дания отпускала своих морских офицеров на русскую службу, и в то время, когда датчанин Арф вел свои суда в Средиземноморье, русские моряки на далеком острове Менорка выразили Дании солидарность, присоединившись 14 июля 1771 г. к трауру датских моряков по случаю кончины их королевы⁴².

Не испортили этих отношений ни скорая отставка Арфа, ни отъезд из Архипелага значительного числа датских моряков. Напротив, в августе 1773 г. в Европе считали вполне вероятным поход в Средиземноморье «сильной эскадры, объединяющей русские и датские военные корабли», при этом ссылались на «Конвенцию, недавно [в 1767] подписанную между дворами Санкт-Петербурга и Копенгагена, по которой герцогство Голштинское полностью отходит Дании» (курсив наш. — Авт.)⁴³. И хотя такой поход не состоялся, в Копенгагене суда средиземноморской экспедиции получали помощь и после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, датчан же в России продолжали считать ближайшими союзниками.

По выходе эскадр из Балтийского моря их ждало пристанище и в портах Британии. Как уже отмечалось (см. гл. 1), предварительно проделанная искусная работа на русско-английском направлении вполне позволяла Екатерине утверждать в инструкции Г.А. Спиридову о «тесной дружбе» и «согласных интересах» с Англией, несколько омрачаемых возможной «жалюзей» и «препонами», не явными, но «под казистыми предложениями»⁴⁴. Из рескриптов, данных Эльфинстону и Арфу, сомнения

М.М. Философов

³⁹ См.: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 218–219.

⁴⁰ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 764.

⁴¹ Некоторые материалы об этом приводит Г.А. Гребенщикова (Балтийский флот. С. 196–200, 204–205).

⁴² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 118–199.

⁴³ G.d'A. 1773. № 71. Сообщение из Лондона от 27 августа.

⁴⁴ См.: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. ХСII. Судя же по документу, хранящемуся в архиве Коллегии иностранных дел в фонде «Сношения России с Турцией», договоренность об английской поддержке была достигнута не позднее конца 1768 — самого начала

Копенгагенский рейд и стоящие на нем суда первой эскадры.
Сентябрь 1769 г.

относительно английской «жалюзи» были исключены, и осталось только уверение, что Англия «нам прямо доброжелательна и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собою связаны и одним путем к одинаковой цели идут»⁴⁵.

Хотя долгие переговоры о союзном русско-английском договоре к 1768 г. так и не были завершены, а Англия всю войну декларировала своей нейтраль-

1769 г. И это естественно: вряд ли Екатерина II рискнула бы предпринять столь опасную и дорогостоящую операцию, не прозондировав предварительно отношение к ней Англии. «Выписка из рескрипта, данного для наставления адмиралу Спиридову при его отправлении», в котором речь шла о состоявшейся договоренности, была составлена уже «19 генваря 1769 г.» (АВПРИ.Ф. 89/8 Сношение России с Турцией. Ед. хр. 1878. Л. 29. См. также гл. 1). Эта выписка представляет собой предварительный вариант инструкции, врученной адмиралу в июле 1769 г.

⁴⁵ Цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. XCIII.

тет, помощь Англии — и военная, и дипломатическая — в течение всей русско-турецкой кампании 1768–1774 гг. была «жизненно важной»⁴⁶ и беспрецедентной в истории российско-британских отношений⁴⁷. Английское правительство закрывало глаза на вербовку в своей стране офицеров-волонтеров для российского флота⁴⁸. На протесты турецкого реис-эфенди английское правительство отвечало, что молодежь всегда любила драться и нет такой силы, которая могла бы ее от этого удержать⁴⁹. Как нейтральная держава, Англия отказывалась снабжать русский флот вооружением из своих arsenалов, но не налагала запрета на покупку вооружения через английских купцов, так же как и не запрещала России приобретения британских транспортных кораблей и т.п.⁵⁰

Основной заботой русского посла в Англии И.Г. Чернышева было дипломатическое и материальное обеспечение Архипелагской экспедиции. Он способствовал благожелательному отношению английского двора и правительства к средиземноморскому мероприятию Екатерины II. После того как И.Г. Чернышев официально 31 августа 1769 г. (когда суда подходили к Копенгагену) обратился с просьбой о помощи русскому флоту к британскому государственному секретарю лорду Рошфору, положительный ответ был сразу получен, что подтверждает мысль о его давнем согласовании. Более того, как отмечает знаток британской дипломатии М.С. Андерсон, на следующий день уже лорды Адмиралтейства оперативно согласились дать русским кораблям «самый дружественный прием и любой вид содействия и помощи, которая может потребоваться, чтобы они могли продолжить поход»⁵¹; в Гибралтар и Порт-Магон были отправлены инструкции об оказании флоту помощи необходимыми материалами⁵². Подобного рода английская оперативность также может быть объяснена только основательной предварительной договоренностью. 11 ноября 1769 г. английский адмирал Гак писал Мусину-Пушкину: «Мистер Мур, командующий в Портсмуте, получил отсюда из нашей коллегии повеление оказывать всевозможную помощь... каждому из ваших кораблей, вошедших в порт... В случае же затруднения, мо-

⁴⁶ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 204. По мнению М. Андерсона, вообще «зримый успех» Чесмы «был возможен только благодаря помощи британских офицеров и британского правительства». (*Anderson M.S. Britain's discovery of Russia, 1553–1815.* [New York], 1958. P. 129).

⁴⁷ См.: Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война [1768–1774] // Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. Т. 23. М., 1967. С. 159–190; Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). / Соч. в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 9–94; *Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769–70 // Slavonic and East European Review. Vol. 31.* [New York], 1952/53. С. 155; *M.S. Anderson. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74 // English historical Review.* [New York], 1954. Vol. XIX (№ 270). С. 39–58.

⁴⁸ И.Ю. Родзинская сообщает, что во время русско-турецкой войны в русском флоте служили 35 английских офицеров (Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война. С. 180). Энтони Кросс предлагает более значительную цифру — 65 британцев вступили на русскую службу с 1764 по 1772 г., и это, не считая многочисленных волонтеров (Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 200–203).

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношение России с Турцией. Ед. хр. 1893.

⁵⁰ См., например: РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 157. (Документы и переписка между А.С. Мусиным-Пушкиным и графом И.Г. Чернышевым о покупке за границей судов для русского флота, изготовлении в Англии картин для Екатерины II, доставке в Россию медикаментов и о новых изобретениях за границей, о приглашении в русскую службу иностранцев и о выдаче пособий по частным делам графа И.Г. Чернышева. 1770–1772 гг.).

⁵¹ *Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769–70.* С. 152.

⁵² Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война.

гущего случиться, которое я однако не предусматриваю, ваше сиятельство можете надеяться на нас, что мы не преминем отдать тотчас нужные приказы для исполнения без затраты времени»⁵³.

В Британии эскадры находились под постоянной опекой российской миссии. Сразу по прибытии первой эскадры к кораблям, стоящим в устье реки Гулль, прибыл из Лондона граф И.Г. Чернышев «для навещания флота, и 2 октября поехал обратно в Лондон»⁵⁴, 7 октября Чернышев посетил корабли, пришедшие в Портсмут⁵⁵. Это лишний раз доказывало, сколь серьезно И.Г. Чернышев выполнял свою миссию по обеспечению прохождения российского флота вдоль европейских берегов, а российским морякам, очевидно, лишний раз напоминало о монаршем покровительстве вдали от своих границ. По долгу службы на борт российских судов часто поднимался и вернувшийся с ноября 1769 г. на должность российского посла в Лондоне А.С. Мусин-Пушкин, то инспектировавший суда, то торопивший их с отправкой в Архипелаг⁵⁶. Не оставляли эскадру своим вниманием и высокопоставленные представители британских властей: так, сразу по прибытии 29 сентября (ст.ст) 1769 г. судов первой эскадры корабль «Ростислав» посетил в Портсмуте специально прибывший «английский принц с офицерами», они провели там два часа и их провожали с музыкой и под приветственные крики матросов⁵⁷.

Как вспоминал английский участник похода эскадры Эльфинстона, «по просьбе русского посла г. Мусина-Пушкина портовым властям [в Портсмуте в январе 1770 г.] послано было предписание быть с русскими моряками возможно любезнее и оказывать им всякое содействие и помощь»⁵⁸.

Корабли всех эскадр не без труда достигали британских портов: «Будучи в пути, претерпевали от великих штормов, стужи, морозов, снегу и дождя, и сыростей великия безпокойства и несносности», — записал С.П. Хметевский. Европейцы взирали на истрепанные корабли с известной долей скептицизма. Тосканский посланник в Париже Никколи, например, доносил 27 ноября 1769 г., что «...некоторые понимающие толк в морском деле англичане отправились посмотреть на [русские] корабли, остановившиеся в Хамбере (здесь, на северо-востоке Британии, находится порт Гулль. — *Авт.*), и остались в неведении относительно целей этой экспедиции, каковую они рассматривают более как рискованную, чем обреченную на легкий успех, не столько из-за плохой и слабой конструкции кораблей, сколько потому, что они *дурно экипированы*» (курсив наш. — *Авт.*)⁵⁹.

Начиная с осени 1769 г. вплоть до окончания войны едва ли случалось время, когда в портовых городах Спитхед, Портсмуте, Гулле не стояли российские суда, порой по несколько месяцев чинившиеся в британских доках (ремонт собственно британских судов могли из-за этого откладывать)⁶⁰. По данным, приво-

⁵³ Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в. (1762–1775): дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 256 (со ссылкой на: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 18).

⁵⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 7 об.

⁵⁵ См. подробнее: Гребеницкова Г.А. Балтийский флот. С. 220–224.

⁵⁶ См., например: G. d'A. 1769. № 99; 1770. № 29.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 7 об. – 10.

⁵⁸ Весли В. Воспоминания участника Архипелагской экспедиции. С. 5.

⁵⁹ Донесение тосканского посланника в Париже Никколи от 27 ноября 1769 г.: ASF. Segreteria e Ministero degli Esteri. Pezzo 2334.

⁶⁰ Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769–70. С. 156.

димым Г.А. Гребенщиковой, первая эскадра израсходовала в Британии на ремонт и экипировку 1788 фунтов⁶¹, а во время зимней стоянки эскадры Эльфинстона в Портсмуте осенью 1769 — зимой 1770 г. английское адмиралтейство выполнило работ, по подсчетам С.П. Хметевского, уже на сумму в 15 821 фунт стерлингов, «что составляет на русской шот 79107 рублей 70 коп.»⁶². С опытом продвижения эскадр в Средиземноморье необходимость в ремонтных работах в Портсмуте отнюдь не отпала. Когда в декабре 1773 г. до берегов Британии добралась пятая эскадра С.К. Грейга, для ремонта ее судов в доках Портсмута были снова наняты более 20 мастеров⁶³.

Помощь требовалась и многочисленным больным участникам всех походов. За первые же два месяца плавания эскадра Спиридова потеряла сто человек умершими и около 500 тяжело больными, а за одну только остановку в Гульском порту, то есть за три недели с небольшим, умерли еще 83 человека⁶⁴. Хметевский указывал огромную сумму — 8 тысяч фунтов стерлингов, издержанных на лечение больных второй эскадры в портсмутском госпитале⁶⁵. Британский «Gentlemen's Magazine» даже выражал удивление: «В Портсмут прибыло распоряжение об устройстве русских больных с эскадры. Хотя климат у них более суровый, тем не менее, они больше болеют, и уже много умерло»⁶⁶.

Впрочем, сам портсмутский госпиталь Джона Линдера удостоился отдельной похвалы капитана Хметевского: «В Портсмуте госпиталь так хорошей сказывают, во всей Англии нет, в которую может поместится больных до 3000 человек. Она каменная в три атажа, внутри двор хорошим расположением, дороги усыпаны песком, кроме дорог по траве никто не ходит, для чего приставлены часовые. Примечания достойна: не далеке от госпиталя зделана башня, в которой п[о]дымают воду лошадьми, и доставля[ют] в госпиталь в каждой этаж <...> и во всей госпитале чисто и бело, и духу никакова нет...»⁶⁷. Построенные вскоре русскими госпитальные учреждения в Архипелаге были несравнимо скромнее (см. гл. 5).

К доброжелательной поддержке англичан флоту еще предстояло в дальнейшем обращаться не раз. Например, вскоре после отбытия из Портсмута «Ростислав» вынужден был пристать в Лиссабоне, чтобы снять больных. Больных поместили в *английский* госпиталь⁶⁸, хотя и португальские власти вполне благоклонно отнеслись к российскому кораблю⁶⁹.

Ремонт российских судов не только задерживал продвижение эскадр, но и давал превосходную возможность для русских познакомиться в деталях с пере-

⁶¹ Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 222.

⁶² Приложение 8. С. 580.; см. также: Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet. P. 156.

⁶³ G. M. 1774. Vol. 44 (Январь). P. 39.

⁶⁴ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). С. 27.

⁶⁵ См. об этом также: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 229.

⁶⁶ G.M. 1774. Vol. 44. Январь. P. 42. Сообщение от 27 декабря.

⁶⁷ Приложение 8. С. 579.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 10а.

⁶⁹ Если в июне 1769 г. в инструкции Спиридову Екатерина писала, что «с Португалией у нас нет никаких сопряжений, но из вражды с Испанией она, вероятно, будет... принимать наши корабли» (цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. XCIV), то к концу 1769 г. в Португалии уже был российский консул И.А. Борхес, получивший назначение в 1769 г. (Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. С. 645; Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 231).

довыми технологиями в судостроении (так что С.П. Хметевский смог посвятить различиям между английскими и русскими судами обширную часть своего Журнала⁷⁰) и высаживаться на берег, по достоинству оценивая британскую «цивилизованность»: «Город вообще Портсмут составляет из трех городов, между которыми морская заливы <...> изрядными укреплены вокруг крепостями, стены каменные из плиты, которая гораздо лучше нашей <...> [В] городе улицы вымощены камнем, по сто[рон]ам улиц из плиты, ширины сажени на [полто]ры, возвышены для пешех и оныя [сторонн]ия мосты в самую грязь бывают чисты, [по]тому что обыватели домов оныя смыв[ают] <...> вообще, говяжье мясо, бараны и птицы жирны, хлеб весьма вкусен и устрецов зимою великое множество, рыбы нет, а хотя и бывает, да мало»⁷¹.

Однако не только русские дивились английским чудесам — они и сами вызывали интерес как высшего английского общества, так и местных обывателей. Этот интерес капитан Хметевский объяснял так: «Англия, как русских людей прежде очень мало видела, а кораблей никогда, то, как лорды, так и придворные дворяна обоего полу первее ко мне [на] корабль “Нетронь меня”, а потом по переходе моем на корабль “Святослав” почти каждой день с великим удовольствием были и довольно надивиться не могли здоровости, росту и повиновению наших людей, а особливо бывшим кирасирам, которые обыкновенно становилися на шханцах фронтом в ружье⁷², напротив тово невероятны были, чтоб их человек мог наши черныя ржаныя сухари есть»⁷³. Впрочем, и в другой морской державе — Португалии российский корабль в 1770 г. был «новостью» «на удивление», и жители Лиссабона, так же как и обыватели Портсмута, не оставили его без внимания⁷⁴.

К 1773 г. тесные контакты между подданными Британской короны и российской императрицы уже не удивляли⁷⁵. К приходу пятой эскадры в конце 1773 г. портсмутское общество уже охотно включало российских морских офицеров в свой круг, «морское командование и соседи-джентльмены соперничали друг перед другом в элегантных забавлениях русского командующего» адмирала С.К. Грейга⁷⁶. И как шутка прозвучал в это время сообщенный британской прессой ответ английского посла в Константинополе на протесты Порты относительно столь радушного приема в Портсмуте русских (что явно нарушало условия

⁷⁰ «Сколько имеет корабль аглинской против нашева отмены». (См. Приложение 8. С. 577.

⁷¹ См. там же. С. 579.

⁷² С.П. Хметевский в своем Журнале неоднократно подчеркивал, как «здоровость» и терпение русских, так и примерный порядок и чистоту своего корабля. Возможно, его заставило включить подобные пассажи в свои воспоминания противоположное мнение некоего британского офицера, опубликованное *General Evening Post* (18–21 August 1770): «десять к одному, что они (русские. — *Авт.*) будут вытеснены из этих морей. Столь жалких моряков еще мир не видовал, грязные, очень грязные, в высшей степени неумелые...». (Цит. по: *Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia*. P. 131).

⁷³ Приложение 8. С. 581.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 10 об.

⁷⁵ К примеру, за 1769–1774 гг. дом британского консула Дика стал по сути резиденцией и штабом А.Г. Орлова в Ливорно, сам Дик принимал активное участие почти во всех акциях, сопровождавших российское присутствие в Тоскане (см. гл. 6 и 7). Не случайно, что когда 18 января 1773 г. в Ливорно отмечался день рождения королевы Англии и консул Дик устроил торжественный прием в своем дворце, 21 артиллерийский залп в честь британской монархини дали как английские, так и российские корабли (*Notizie del Mondo* 1773. 7. 55).

⁷⁶ G.M. 1774. Vol. 44. Январь. P. 39.

британского нейтралитета): «как только суда, принадлежащие Порте, попросят помощи в британском заливе, они встретят такой же добрый прием»⁷⁷.

Как известно, в течение всей войны Англия не только принимала российские суда, отпускала на российскую службу своих офицеров, но и выражала постоянную готовность ввести в Средиземноморье свои военные силы в случае, если Франция выведет свой военный флот из Тулона⁷⁸, не допустила посылки французских судов в Балтийское море, предотвратив вступление Швеции в войну против России⁷⁹. Поистину Н.И.Панин имел все основания просить посла Мусина-Пушкина «стараться менажировать деликатность английского правления и сберечь на будущее время дружбу и податливость его, кои по сию пору нашим эскадрам толь полезны были»⁸⁰. Он был удовлетворен и в 1771 г. тем, что двор британский «при всех случаях доброжелателен и при обстоятельствах флотом здешния показал и показывает всякое нужное и потребное вспоможение и всякие заслуги и угодства»⁸¹.

Особый смысл имело и то, что именно Британия обеспечила свободный проход всех эскадр через Гибралтарский пролив, который, по выражению Екатерины, «нашим казался конец света», хотя «Гибралтар 200 верст ближе от Кронштадта, нежели водою до города Архангельска»⁸². Е.В.Тарле отметил: «Английское правительство прибегло не только к известным демонстративным передвижениям своего флота на путях следования русского флота», но и заявило как в Париже, так и в Мадриде, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии»⁸³. 23 октября 1769 г., за месяц до прихода в Гибралтар судов первой эскадры, туда был послан от А.Г. Орлова камергер (генерал?) Василий Ефимович Дараган с рекомендательными письмами от британских консулов Дика и Джонстона. Судя по всему, его миссия была успешна, и когда через месяц часть первой эскадры во главе с Грейгом вошла в Гибралтар (23 ноября 1769 г.), то сразу получила помощь провизией от генерал-майора Бойда (*Boyd*), командующего британской средиземноморской эскадрой, и капитана над гибралтарским портом Лидса-Бута (*Leeds-Booth*)⁸⁴. Лидс-Бут также всю войну поставлял России ценную информацию о средиземноморской ситуации, за что был впоследствии награжден золотой медалью⁸⁵.

Весной 1770 г. в Гибралтарском проливе появился корабль «Святослав», и его капитан С.П. Хметевский усмотрел в марокканской крепости на Африканском

⁷⁷ Там же. Впрочем, британский посол в Константинополе Джон Мюррей (*Murray*) не раз находил в ответ на упреки турок весьма остроумные ответы (см.: *Anderson M.S. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74*).

⁷⁸ Об этом см. подробнее: *Ibid*; *Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в. С. 250, 236, 240.

⁷⁹ Подробнее об этом см. работы И.Ю. Родзинской и П.П. Черкасова (*Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в.; *Черкасов П.П.* Двуглавыи орел и королевские лилии. М., 1995; *Он же.* Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001 и др.).

⁸⁰ Цит. по: *Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в. С. 261.

⁸¹ СБРИО. СПб., 1896. Т. 97. С. 319.

⁸² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 527.

⁸³ *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). С. 19.

⁸⁴ *Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet.* P. 158.

⁸⁵ *Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в. С. 259–260; *Гребенищикова Г.А.* Балтийский флот. С. 232, 236, 240, 244, 247, 307, 373–374.

берегу схожесть с московским Кремлем: «23-е апреля вошли в Гибралтарской пролив. Видны с обеих сторон берега, как гишпанския, так и марокския, друг от друга не далече, горы по оным высокия, каменистыя, долины пещанья и неплодоносныя, на марокской стороне город Танжер. Видится жильем немалой, окружен каменною оградю с зубцами, и башни с окошками, подобно как в Москве, а в городе видно садов премножество, против города чрез залив на берегу моря каменной...»⁸⁶.

Первым портом в Средиземном море, принявшим Архипелагскую экспедицию, стал Порт-Магон на острове Менорка (Болеарские острова). Испанская корона утратила Менорку в 1708 г. и смогла вернуть только в 1802 г. В XVIII в. этот стратегически важный порт в Западном Средиземноморье несколько раз переходил из рук в руки: к Британии (в 1708, 1763, 1798), от Британии к Франции (в 1756, 1782). В 1769–1775 гг., когда российский флот пользовался удобной глубокой гаванью Порт-Магона, остров принадлежал Британии. Е.В.Тарле высказал мнение, что Британская корона ради поддержания союза с Россией против Франции готова даже была подарить Менорку, сделав ее базой для российского флота⁸⁷. Хотя российским остров так и не стал, и, боясь обострения отношений с Турцией и Францией, Британия запретила губернатору Порт-Магона Джонстону (Johnston) снабжать российский флот боеприпасами⁸⁸, значение Менорки в истории Средиземноморской экспедиции трудно переоценить. Здесь собирались после перехода от берегов Англии военные и транспортные корабли, производилась починка судов, лечение больных и отдых команд. Оказывая русским «дружественное внимание», Джонстон содействовал и доставке корреспонденции А.Г. Орлова, вкладывая в свою дипломатическую почту корреспонденцию из Архипелага, чтобы та не подвергалась опасности быть вскрытой во Франции⁸⁹.

Обязанности российского консула на Менорке исполнял грек Теодор Алексиано⁹⁰. По поручению Орлова он готовил склады и госпиталь для российского флота⁹¹.

Фигура Теодора (Федора) Алексиано примечательна: некогда он был доверенным лицом тунисского бея по продаже корсарских призов, затем оказался на британской службе и, наконец, с согласия Foreign office, взял на себя обязанности российского консула на Менорке⁹². Два его брата, Панаиоти (Панайоти) и Алессандро

⁸⁶ Приложение 8. С. 582.

⁸⁷ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). С. 13. Однако план возможной передачи Менорки России М.С. Андерсон датирует лишь 1781 г., когда Британия стремилась получить поддержку Екатерины II в своей борьбе за Американские колонии. (Anderson M. S Britain's Discovery of Russia. P. 137).

⁸⁸ Anderson M. S. Great Britain and Russian Fleet. P. 155.

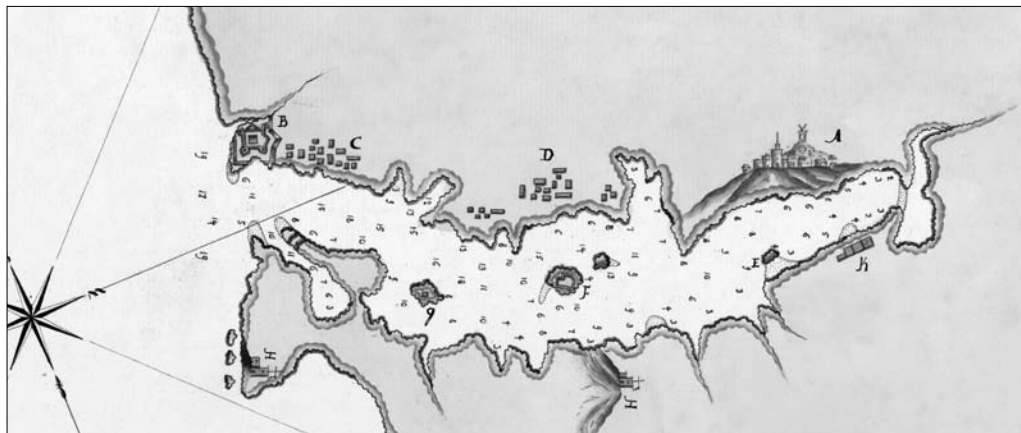
⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Инструкцию, данную А.Г. Орловым Теодору Алексиано, см.: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 58–60об. Алексиано имел и общий дипломатический шифр с А.С. Мусиным-Пушкиным (образец такого зашифрованного послания см., например: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 184–184об.).

⁹¹ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война. Согласно Родзинской, в Порт-Магоне находили укрытие одновременно до 10 русских военных судов. Здесь на территории, принадлежащей семье Алексиано, были построены амбары для хранения оружия и помещения для раненых (Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в. С. 261).

⁹² Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война; Anderson M. S. Great Britain and Russian Fleet. P. 158; Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 2. С. 129–130.

Залив Порт-Магонский. Фрагмент карты 1770-х гг.

(Алессандро в 1775 г. заменил брата на посту консула), примкнули к эскадре Спиридова со своими судами в феврале 1770 г. Панаиоти Алексиано поставлял А.Г. Орлову на службу лоцманов, приобретал для флота порох, свинец и т.п., переправляя их на греческих судах, с апреля 1770 г. участвовал в боевых действиях флота, командовал двумя сотнями греков в операции на Лемносе, после чего получил под свою команду фрегат «Св. Павел», в дальнейшем прославился в ряде сражений, особенно командуя морским боем под Дамьеттой. Четвертый, младший брат Антон поступил на службу в русский флот годом позже⁹³. Три брата остались на русской службе, Панаиоти дослужился до контр-адмирала (ум. в 1788 г. в Очакове), Антон — до вице-адмирала (ум. в 1810 г. в Севастополе)⁹⁴.

Первым судном экспедиции, вошедшим в Порт-Магон 18 ноября 1769 г., стал флагманский корабль «Евстафий» адмирала Г.А. Спиридова, но для того, чтобы собрать (и то с потерями) всю свою первую эскадру, Спиридову пришлось ждать на Менорке несколько месяцев. Например, корабль «Ростислав» капитана Лупандина, достигший Менорки, но не успевший зайти в магонскую гавань, штормом унесло в море, и он с трудом добрался сначала до Сардинии, а потом до Генуи и Ливорно⁹⁵. Ф.Г. Орлов, приехавший в Порт-Магон в конце ноября по приказу брата, застал там не только малую часть посланных из Кронштадта судов (всего от первой эскадры собралось девять судов, которые отплыли оттуда в сторону Мореи только в конце января-начале февраля 1770 г.), но и значительное число больных⁹⁶.

⁹³ Мать братьев Алексиано Анна написала несколько писем адмиралу Спиридову с просьбами не оставить ее младших сыновей без опеки. См., например: РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 90; Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 91–92об.

⁹⁴ Общий морской список царствования Екатерины II. СПб., 1890. Т. I. С. 28–33; *Лурье В.М.* Морской биографический словарь. XVIII век. СПб., 2005. [Граф Алексей Орлов-Чесменский]. Контр-адмирал Алексиано. Аттестат. // Русский архив. 1886. Кн. 3 Вып. 12. С. 497–499.

⁹⁵ Описание см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 11об.–17об. См. также гл. 6, 7.

⁹⁶ «В экипаже его множество больных имеется, кои посланы в госпиталь», писал Н.И. Панину о прибывшем корабле Спиридова в Порт-Магон Лидс-Бут. Позднее Бут доносил о 300 больных в госпитале Порт-Магона, из которых «многие померли» (цит. по: *Гребеничкова Г.А.* Балтийский флот. С. 232). О больных и излечившихся в Порт-Магоне, а также просьбу поднять жалование лекарю Ратцу Теодору Алексиано пишет, например, в послании Спиридову 10/21 августа 1773 г. (РГА. ВМФ. Оп. 1. Д. 66. Л. 93–97).

Самого Г.А. Спиридова в Порт-Магоне постигла утрата — от болезни скончался его сын «генеральс-адъютант Андрей Григорьевич Спиридов», в день его кончины 23 ноября 1769 г. на Менорку как раз и прибыл из Ливорно на английской бригантине Ф.Г. Орлов, сразу навестивший «печалью объятого адмирала»⁹⁷.

А на следующий день в греческой Успенской церкви в Порт-Магоне состоялось и первое из серии блестящих торжеств, сопровождавших присутствие русского флота в Средиземноморье, — праздновали тезоименитство Екатерины II (24 ноября): «Такого Порт Магон не только никогда не видал, но и не слышал, и народу было преможество»⁹⁸.

По сообщениям итальянской прессы, в то время как русский морской корпус собирался в Порт-Магоне, в этот порт стекались опытные моряки и лоцманы из Восточного Средиземноморья (зачастую уже состоящие на российской службе), дабы затем оказать русскому флоту поддержку в войне с турками⁹⁹. Это подтверждают и источники из Венецианского государственного архива¹⁰⁰. Таким образом, в Порт-Магоне уже началось осуществление планов А. Орлова относительно совместных действий в Архипелаге русских с греками и славянами.

После первых боев в Морее суда стали прибывать в Порт-Магон с больными и ранеными: в конце мая 1770 г. туда отправили раненых и заболевших из Наварина на «Надежде Благополучия» под командованием А.В. Елманова¹⁰¹. Они прибыли на Менорку, где их встретил консул Теодор Алексиано, 29 июня / 10 июля 1770 г.¹⁰², еще не подозревая о свершившейся Чесменской победе. Победу при Чесме в Порт-Магоне отмечали только 29 августа / 9 сентября 1770 г. — «в греческой церкви Богородицы служана была литургия, молебен в честь Чесменской битвы», «с «Надежды Благополучая» выпалено 31 пушки», кроме русских офицеров и служителей на праздновании находился и «господин Магонский губернатор с многими своими офицерами»¹⁰³. Но на этом торжества не закончились: 1/12 сентября отмечался день коронации Екатерины, 20 сентября / 1 октября — день рождения наследника, и на Менорке последовали празднования еще большего размаха. В это время на острове собралась находящаяся на пути в Архипелаг эскадра Арфа, неко-

⁹⁷ Старина и новизна. СПб., 1772. Ч. 1–2. С. 20.

⁹⁸ Цит. по.: Гребенищикова Г.А. Балтийский флот. С. 234.

⁹⁹ NM. 1770. 8. 63; NM. 1770. 13. 103; NM. 1770. 19. 151.

¹⁰⁰ Экипаж корабля «Snow, nominato Enrico e Carolina» под командованием капитана Алессандро Алексиано, отправившийся из Ливорно в Порт-Магон, состоял из следующих лиц: капитан Василий Баланчин, его слуга Николай Лебедев, босниец Джорджо Мачедонио, Кристофано Алессандро из Янины, Костантино Саба из Канеа, Джорджо Казичи из Бокки, Джованни Петроло с острова Зант и Никкола Вандоро с острова Кефалония (ASV. Inquisitori di Stato. Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli. Livorno. Busta 513).

¹⁰¹ А.В. Елманов пробыл в Порт-Магоне до конца осени 1770 г. Снабжение находившихся с ним членов экспедиции осуществлялось из Ливорно через консула Д. Дика и резидента Р. Разерфорд (Rutherford). Об объемах этих поставок свидетельствует, например, послание от 24 августа 1770 г., в котором Елманов просил Дика заготовить в Ливорно на полугодичное время для флота: сухарей 42963 пудов, мяса 10366 пудов, масла деревянного 8592 ведер, риса («пшена сорачинского») 14321 пудов, гороху 9547 пудов, уксусу 6078 ведер, рому или вина 2222 ведер, «вина Краснова» 32079 ведер (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 39). Примечательно, что командование экспедицией готово было пойти даже на нарушение регламентов по обмундированию, не по форме выбирая цвета мундиров, но строго требовало, чтобы всем выздоравливающим в госпитале Порт-Магона были сшиты и при выписке выданы новые мундиры (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–4об.).

¹⁰² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 115–121об. В Журнале отмечается, что на берег в Порт-Магоне сняли более 300 человек больных и раненых.

¹⁰³ Там же. Л. 120–121.

торые другие суда (включая «Надежду Благополучия»). По имеющимся газетным описаниям, Екатерина II послала в дар местной греческой церкви Евангелие высотой 2 фута и шириной 15 дюймов в золотом окладе, чашу размером в полтора фута, два небольших блюда и большой золотой крест. Книга, чаша и крест отличались искусной работой, как и гравировка блюд, сделанных из дорогого металла. Кроме того, к описанным предметам Екатерина присоединила серебряную парчу с золотыми нашивками шириной в 4 дюйма для алтаря. Кажется, 3 октября¹⁰⁴ эти драгоценные подарки впервые использовали на службе в православной церкви Порт-Магона. Во время службы местные православные пели *Te Deum* («Тебе, Господи») вместе с русскими морскими офицерами, включая контр-адмирала Елманова и накануне прибывшего графа П.А. Бутурлина. Бутурлин и консул Алексиано дали в этот вечер большое празднество для офицеров. Самым поразительным, видимо, в этом празднестве была иллюминация: на фасаде собора появилась «перспектива, представлявшая армию и имя российской императрицы», а на резиденции консула укрепили прекрасное искусственное пламя, которое с одной стороны пожирало турецкие мечети (вариант: зажженные огни представляли с одной стороны крест, торжествующий над турецкими мечетями), посреди чего читалась надпись: «*Caterina Alexiovvona II. Imperatrice di tutte le Russie. Vivat. Vivat*». После фейерверка в Магоне, в доме консула состоялся бал, продолжавшийся до утра следующего дня. Во время праздника народу были выставлены две бочки вина¹⁰⁵.

В дальнейшем до ухода флота в 1775 г. Порт-Магон продолжал наравне с Ливорно оставаться центром передвижений участников Архипелагской экспедиции в Западном Средиземноморье¹⁰⁶.

Равную, а быть может, и более значительную, чем Менорке, роль перед началом экспедиции Екатерина отводила и другому острову с превосходной глубокой бухтой, способной укрыть весь российский средиземноморский флот — острову Мальта.

Как уже отмечалось, отношения с Мальтийским орденом в целом складывались к концу 1760-х гг. для России вполне благополучно. Это вселяло некоторые надежды на то, что поверенному в делах России на Мальте маркизу Кавалькабо удастся добиться от ордена Иоанна Иерусалимского разрешения для российского флота пользоваться мальтийскими портами. В инструкции, данной Екатериной II, маркизу указывалось: 1) следовать с эскадрой Спиридова до Гибралтара, затем отправиться на Мальту, 2) добиться частной аудиенции у магистра, передав ему письма российской императрицы, поблагодарив и выразив удовлетворение императрицы приемом российских офицеров, 3) заговорить о надеждах императрицы на то, что орден сохранит свое расположение и в случае посылки русской эскадры,

¹⁰⁴ Дата 3 октября (н. ст.) приводится в западной прессе вместе с ошибочным утверждением, что это был день коронации российской императрицы. Между тем, скорее всего речь идет о торжествах, продолжавшихся по случаю дня рождения наследника Павла Петровича.

¹⁰⁵ NM. 1770. 95. 777; G. d'A. 1770. № 101.

¹⁰⁶ См., например: NM. 1770. 72. 591; донесение сардинского посланника в Тоскане ди Замоне от 3 сентября 1770 г.: AST. Italia. Lettere Ministri Firenze. Mazzo 2 (о том, что в первую неделю сентября 1770 г. генерал-лейтенант Бутурлин с двумя русскими офицерами должен был отправиться в Порт-Магон из Тосканы на судне «корабельщика Броуна»); сообщения конца декабря–января 1771 г. о передвижении корабля «Граф Чернышев» — GT. 1771. 2. 8; о том, что все русские корабли готовятся отправиться из Порт-Магона в Архипелаг — NM. 1771. 4. 30; о русском фрегате «Венера», прибывшем из Порт-Магона и севшем 7 марта 1771 г. на мель близ Ливорно — NM. 1771. 21. 165; GT. 1771. 28. 112; NM. 1771. 54. 429; 56. 445; NM. 1772. 53. 442; GT. 1772. 35. 140; 36. 144; 37. 148; NM. 1772. 71. 588.

Форт Святого Эльма на Мальте

4) уведомить о ситуации с польскими диссидентами и призвать совместно бороться с неверными, 5) добиться стоянок для российских морских сил и помощи в их снабжении; наконец, 6) Кавалькабо предстояло быть посредником в сношениях Великого магистра и российской эскадры¹⁰⁷.

Все пункты этой инструкции Кавалькабо исполнил. Он прибыл на Мальту в январе 1770 г. в сопровождении своего племянника, а также подпоручика Преображенского полка Баумгартена (Максимилиан Баумгартен должен был затем через Неаполь доставить корреспонденцию Кавалькабо, но можно предположить, что полномочия у него были более широкие¹⁰⁸) и переводчика Стокса (Stoks)¹⁰⁹. Пройдя семидневный карантин, 17 / 28 января Кавалькабо был принят магистром и вице-канцлером, а через четыре дня после обеда, данного в его честь, Кавалькабо получил ответ ордена, в вежливой форме отказывавшего России как в снабжении флота, так и в праве заходить в мальтийские гавани более чем четырьмя российским судам одновременно. Исследователи сходятся в том, что ответ ордена последовал под давлением французской дипломатии и Бурбонских до-

¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 72.

¹⁰⁸ О роли Баумгартена в установлении контактов с Али-беем и шейхом Захером ал-Омаром см. гл. 8.

¹⁰⁹ В те моменты, когда Кавалькабо оставался по какой-то причине без переводчика, у него возникали серьезные затруднения в сношениях с российскими командирами в Архипелаге. Так, например, случилось в 1773 г., когда Кавалькабо извинялся перед Спиридовым, что не смог прочитать его письма, поскольку отослал переводчика в Санкт-Петербург (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 60, 105).

Галерея дворца магистров в Валетте

мов Европы¹¹⁰. Этот ответ сразу распространили европейские издания. 20 марта 1770 г. «Gazette d'Amsterdam» поместила сообщение:

«С Мальты 5 февраля. В прошлый вторник фрегат русского флота в Средиземноморье высадил сюда маркиза Кавалькабо с частной комиссией российской императрицы к магистру ордена. Он передал магистру послание императрицы, в котором она просит, чтобы все корабли были приняты в портах ордена и чтобы мальтийская эскадра присоединилась к российской. Уверяют, что Совет единогласно решил дозволить заход в свои порты не более чем трем-четырем кораблям России, как это существует в отношении Испании или Сицилии, и не отходить от нейтралитета, который предписан его законами, особенно в разногласиях, касающихся христианских держав»¹¹¹.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 7. Л. 1; Д. 46. Л. 17–24 об.; *Настенко И.А., Яшнев В.* История Мальтийского ордена. Кн. 2: Мальтийский орден и Россия. Иоанниты в новое и новейшее время. XVIII–XX вв. М., 2005. С. 28–39; *Blondy A.* L'Ordre de Malte au XVIII e siècle. Des derniers splendeurs à la ruine. Paris, 2002. P. 159–162.

¹¹¹ G.d'A. 1770. № 23; к этой информации Gazette возвращалась и в № 27, а в № 45 опубликовала тексты письма Екатерины от 18 июля 1769 г., переданного магистру, и ответы ордена, датированные 3 и 31 января 1770 г.

В июне 1770 г., когда корабль «Надежда Благополучия» из Наварина с ранеными и больными шел в Порт-Магон, он остановился на Мальте только для того, чтобы пополнить запасы воды, а на случившийся в это время главный праздник острова — Рождество Иоанна Крестителя — русские моряки взирали только со стороны: «по установленному обыкновению жителей во всем городе производилась ружейная и пушечная пальба и зажжены были местами смоленья бочки». Тогда в журнале инженер-офицеров флота появилась только краткая запись о Мальте: «Местами хлебопашенные земли, на оных множество деревень, церквей и монастырей изрядно построено, тож довольное число садов и огородов»¹¹².

Однако после победы при Чесме, о которой на Мальте узнали чуть ли не первыми в Европе¹¹³, когда туда прибыл корабль с освобожденными от турецкого плена христианами, отношения Мальты к российской эскадре переменились в более благоприятную для России сторону. Этот поворот закрепляли новыми посылками на Мальту освобожденных от плена христиан или пленников, которых, выполняя свою миссию, орден мог обменять на плененных христиан. Так, 5 / 16 ноября 1770 г. находясь при о. Наксия, А.Г. Орлов распорядился отправить на Мальту «призовое» судно с 75 алжирцами и с письмами к маркизу Кавалькабо и магистру ордена, чтобы последний выменял алжирцев на столько же христиан¹¹⁴. Вероятно, об этом в январе 1771 г. Кавалькабо сообщал Н.И. Панину. Вскоре новость появилась и в «Gazette d'Amsterdam»: «русские сделали подарок великому магистру Мальтийского ордена, передав 60 плененных алжирцев, которых погрузили на судно через Александрию в Алжир» (то ли часть алжирцев не перенесла испытания в пути, то ли в январе на Мальту попал еще один транспорт с пленными алжирцами)¹¹⁵.

К этому времени немало потрудился и российский посланник маркиз де Кавалькабо. Он создал важный канал информации, собирая сведения у капитанов прибывающих на Мальту судов различных стран, оперативно передавая через курьеров и посла Д.А. Голицына в Гааге информацию о военных действиях в Архипелаге, в Египте, близ варварийских берегов¹¹⁶. Часть информации, по данным современного историка Т. Фреллера, доставлял России и один из высших офицеров ордена барон Флаксланден (Johan Baptist Anton Flachslanden), располагавший данными о турецких укреплениях и имевший в Восточном Средиземноморье своих тайных информаторов¹¹⁷.

Высказывается мнение, что именно Кавалькабо сумел уговорить вступить на русскую службу графа де Мазена (де Мазина)¹¹⁸. 24 сентября 1771 г. тот на купленном им корабле под предлогом дел в Италии отправился к эскадре Орлова. Кавалер Мальтийского ордена, он оставил магистру де Пинто письмо, которое было пере-

¹¹² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 116об. О заходе на Мальту в июле 1770 г. трех английских судов, «приданных нашему флоту», см.: АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 74. № 12. Л. 41.

¹¹³ Это произошло в конце июля 1770 г.: 29 июля известие о Чесме отправил с Мальты, например, британский консул (*Bottari S.* Geopolitical and commercial interests in the Mediterranean sea. The reports of Angelo Rutter, English vice-consul in Malta (1769–1771) // *Journal of Mediterranean studies*. 2002. Vol. 12 (№ 2). P. 249–257).

¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 211об.

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 76. Л. 5; G. d'A. 1771. № 28.

¹¹⁶ Там же. Д. 74.

¹¹⁷ *Freller T.* In Search of a Mediterranean Base: The Order of St. John and Russia's Great Power Plans during the Rule of Tsar Peter the Great and Tsarina Catherine II // *Journal of Early Modern History*. 2004. Vol. 8. Issue 1/2. P. 15–17.

¹¹⁸ *Настенко И.А., Яшин В.* История Мальтийского ордена. Кн. 2. С. 36.

дано только через неделю после его отъезда. Де Мазен объяснял свой поступок желанием «воспользоваться прекрасным случаем быть очевидцем войны, которую русские ведут с таким успехом против врагов ордена, и надеждой заимствовать полезные и для Мальты сведения по военному делу у этой храброй и воинственной нации»¹¹⁹. Поступок де Мазена примечателен в двух отношениях: во-первых, мальтийский кавалер все-таки откликнулся на призыв Екатерины сражаться вместе с Россией против общего врага — турок, во-вторых, после Чесменской битвы уже не русские выступают учениками у знатоков морского дела — мальтийцев, но и мальтийцы интересуются их «полезными сведениями по военному делу».

*Дворец магистров в Валетте.
Двор Нептуна*

Неслучайно и суждение Екатерины о де Мазене: «Вот кавалер, закусивший удила»¹²⁰. 16 / 27 октября 1770 г. судно де Мазена прибыло в Архипелаг, о чем не преминул записать в журнале инженер-поручик Келхен: «Пришло на Паросский рейд и пристало к кораблю “Трех Иерархов” небольшое судно под мальтийским флагом, на оном приехал один мальтийской кавалер, который просит быть при нашем флоте волонтером, кавалер и командер де Мальта Георге граф Мазин»¹²¹. Граф де Мазен (Giorgio Giuseppe Maria Valperga, count Masino¹²²), безусловно, был блистательным авантюристом века Просвещения.

Ему предстояло уже через несколько месяцев, в конце того же 1770 — начале 1771 г., сблизившись с А.Г. Орловым, отправиться с ним из Архипелага в Италию, вести втайне от Орлова разговоры о российском флоте с герцогом тосканским (см. подробнее гл. 7), обещать предоставить такого же рода «разведывательную» информацию венскому двору, а потом уже в Санкт-Петербурге заинтересовать французского посла Дюрана столь же конфиденциальной информацией¹²³.

¹¹⁹ Захаров В.А. История Мальтийского ордена в России. М., 2006. С. 93.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 390б. Член Мальтийского ордена граф де Мазен ранее был приглашен служить в российский флот, но отказался, сославшись на несходство климата (см.: *Настенко И.А., Яшнев Ю.В.* История Мальтийского ордена. Кн. 2. С. 28–39).

¹²² Так его полное имя приводится в западной литературе (см.: *Freller T.* In Search of a Mediterranean Base. P. 16).

¹²³ По документам, приводимым Захаровым, де Мазен — подданный сардинского короля, командор, граф Мазен де Вальперг. Он приходился младшим братом приехавшего в Россию министра Мальтийского ордена при венском дворе Мазена, был наставником русских стажеров на Мальте в 1764–1768 гг. В.А. Захаров пишет, что де Мазен находился на русской службе до 1775 г., а затем вернулся на Мальту (Захаров В. А. История Мальтийского ордена в России. С. 93). В архивных документах МИД Франции сохранилось письмо французского посла в Санкт-Петербурге Дюрана к его шефу герцогу д'Эгильону от

Великий магистр Ф.-Э. Пинто
(1681–1773)

вошел в Большую гавань Мальты. На этот раз российский корабль получил прием весьма почтительный и радушный (а ведь прошло менее года после холодного приема в той же Валетте «Надежды Благополучия»). Капитана Лупандина со «всеми штаб и обер офицерами» в сопровождении маркиза Кавалькабо принял мальтийский грандмейстер Ф.-Э. Пинто: «во оное время было у него все собрание кавалеров малтийских... и как скоро министр с нашим командующим капитаном... в очниедиенц (аудиенц. — *Авт.*) зал вошли, то помянутой грандмейстер стоял во оном и принимал по своим обыкновениям гораздо изрядно, с большим обхождением, ... без шляп, а потом, накрывшись, сам дозволил министру и капитану тож накрывца, с объявлением тем, что толко до нашего корабля потребно не будет — всем будет удоволствован»¹²⁵. Действительно, с 25 января по 4 апреля

Маркиз де Кавалькабо вызвал благосклонность стареющего магистра, в частности, тем, что 18 января 1771 г. во время празднования 30-летия правления магистра де Пинто на Мальте выставил на своем балконе большую картину, изображавшую де Пинто с парящей над ним аллегорической фигурой Славы, внизу картины виднелся порт Валетты, в который входил корабль под русским флагом. «На том балконе, — пишет Кавалькабо в своей депеше, — оркестр оживлял это немалое выражение моих пожеланий о сохранении дней Его преимущества, который выразил мне свою горячую благодарность, т.к. он очень чувствителен ко всякому блеску»¹²⁴.

Успешность столь яркой демонстрации российским посланником на Мальте чайаний на доброжелательный прием российских судов обнаружилась уже через несколько дней, когда 23 января того же 1771 г. корабль «Ростислав» с ранеными и больными, к тому же требующий сам срочного ремонта,

7 мая 1773 г., в котором Дюран сообщает, что граф де Мазен, «представитель одного из первейших домов Пьемонта», «22 года прослуживший на море, во время коих он был командующим галерами Ордена», и находящийся на русской службе в чине «генерала-контр-адмирала», поделился с ним своим желанием покинуть русскую службу, как только ему предложат атаковать Швецию. Дюран самым благожелательным образом характеризовал де Мазена и сообщал, что именно через него он имеет информацию о российском флоте (Archive Nationale de France. B 3 800. Dossier 10). На русской службе Мазен состоял в контр-адмиральском чине до начала 1774 г., 30 января 1774 г. он попросил отставки, сославшись на то, что в холодном климате «более продолжать находить себя не в состоянии». Отставка была принята императрицей. О строительстве Мазеном в России «бригантины» по оригинальным чертежам см.: Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 136–137, 228–229, 231, 270, 278.

¹²⁴ См.: Настенко И.А., Яшинев Ю.В. История Мальтийского ордена в России. С. 35.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 48об.–49.

мальтийцы починили «весь изведенный червами» «Ростислав», который из Валетты отправился потом в Ливорно¹²⁶. Еще почти через год 31 декабря 1771 г. на Мальту пришел корабль «Саратов», его опять же встретил маркиз де Кавалькабо, и после аудиенции у магистра находящееся в катастрофическом положении судно было поставлено на ремонт, продолжавшийся до осени 1772 г.¹²⁷

Отношение ордена к Российскому флоту снова переменилось уже после кончины магистра Ф.-Э. Пинто в начале 1773 г. Его преемник магистр Франсиско Хименес де Техада, более, нежели Пинто, придерживавшийся профранцузской ориентации¹²⁸, внял слухам о том, что маркиз Кавалькабо якобы подстрекал мальтийцев к мятежу. Кавалькабо оказался в изоляции и даже пережил арест¹²⁹.

Неприятности Кавалькабо на Мальте совпали с напряженным ожиданием того, как поведет себя Россия после заключения мира с турками. В 1774 г. в европейской прессе обсуждался вопрос о том, что Россия хочет на этот раз не просить, а принудить Мальту предоставить свой порт для российского флота. В «Амстердамской газете» написали, что на последовавший отказ Мальты принять более трех военных и двух транспортных судов одновременно «министр Кавалькабо сказал, что тогда мальтийцев будут рассматривать как врагов», после этого посол якобы получил приказ убраться (Кавалькабо покинул Мальту лишь в 1775 г.¹³⁰), а Мальта стала готовиться к отражению российской атаки. В июле 1774 г. из Неаполя и Флоренции сообщали, что ходят слухи о том, что некое военное мальтийское судно получило приказ немедленно вернуться на Мальту, «ибо 9 военных русских кораблей должны войти в порт несмотря на запрет, и вообще не только 9, но и 30, и вообще: сколько русской императрице надо — столько и войдет»¹³¹. Из Неаполя это сообщение дополняли новостями «о разногласиях магистра Мальтийского ордена и русских в Архипелаге после того, как русские объявили, что будут рассматривать мальтийцев как врагов, хотя они не давали к тому никаких оснований. Русские сейчас имеют полную свободу в определенных количествах входить в мальтийские порты. С начала правления нынешнего великого магистра здесь всегда были обеспокоены вопросами поставок продовольствия, дороговизны хлеба... Нынешние сведения с Мальты говорят о том, что они готовят свои укрепления к защите»¹³².

¹²⁶ Там же. Л. 49–51. Примечательно, что до Мальты «Ростислав» по воле ветров должен был остановиться на Сицилии, где ему не только отказались салютовать, сославшись на то, что «российский двор с сицилийским о салютации трактата не имеет» (л. 42об.), но и удлинит карантин до 56 дней (вместо 40), а также отказали в предоставлении материалов для корабельного ремонта.

¹²⁷ Там же. Л. 58–65. А.Г. Орлов и С.К. Грейг, посетившие Мальту 25 августа / 5 сентября 1772 г. остались так довольны ремонтом корабля, что Орлов наградил команду за старание, пожаловав «нашим служителям» по одному пиастру, а мальтийским мастерам по полпиастра. О прибытии «Саратова» на Мальту сообщали и газеты (G. d'A. 1772. № 21).

¹²⁸ См. послания французского посла в Дюрана (Archive Nationale de France. B 3 800. Dossier 10).

¹²⁹ Подробнее об этом: *Blondy A. L'Ordre de Malte au XVIII e siècle. Des derniers splendeurs á la ruine.* P. 201–202.

¹³⁰ Опираясь на документы французских архивов, А. Блонди пишет, что после пребывания на Мальте в 1780 г. Кавалькабо был представлен Людовику XVI и получил дозволение обосноваться во Франции. До конца жизни он получал российскую пенсию из Санкт-Петербурга. Он умер в Париже на ул. Мальты (!) и завещал свой пенсioen в 1200 ливров мальтийке Терезе Буагиар (Buhagiар) и двум своим дочкам трех и пяти лет (*Blondy A. L'Ordre de Malte et Malte dans les affaires polonaises et russes au XVIII e siècle // Revue des études slaves.* 1994. № LXVI/4. P. 740).

¹³¹ G. d'A. 1774. № 57.

¹³² G. d'A. 1774. № 62. Сведения от 5 августа 74 г.

И хотя слухи не подтвердились и войну с Мальтой Россия развязывать не собиралась, тем не менее рассуждения о «российской угрозе» представляются весьма примечательными. В конце 1774 г. возвращавшиеся из Архипелага в Россию суда вновь остановились на Мальте, но из-за карантина даже их офицеры на берег не смогли сойти. Бывший тогда лейтенантом граф Г.Г. Кушелев оставил 27 декабря 1774 г. такое прощальное описание Валетты, свидетельствовавшее о сохранившемся интересе русских к оборонительным сооружениям Мальтийского ордена: «хотя на берег нельзя было съезжать по причине карантина, аднако с корабля было можно приметить, что при строении оной [ла Валетты. — *Авт.*], натура соединялась с искусством, кажется, что хотели зделать оную непобедимую, ибо множество крепостей регулярно между собою и по правилам лутчей архитектуры связанные и укрепленные каждома месту свойственным строением устрашить могут и истребить желание покусятся атаковать оной. Кагда при том [у] осожденных в воде и правианте не будет нужды. Вада хотя и приведена в крепость, аднако есть и многия цистерны, кои, когда все наполнится, то надолго оныи станут, да и еще есть и небольшие родники, кои также в случае нужды помочь могут, хотя вода приводная и допущена не будет»¹³³.

Самый значительный успех в приобретении надежной континентальной базы Средиземноморской экспедиции, через которую в течение всей кампании осуществлялась курьерская связь с Россией, куда на зиму приезжали командующие, ждал участников Архипелагской экспедиции в герцогстве Тосканском и его городах Ливорно, Пиза, Флоренция. Однако пребывание русских в Италии — тема отдельных глав (см. гл. 6, 7).

Итак, прохождение в 1769–1774 гг. пяти эскадр российского флота в Восточное Средиземноморье имело значение не только для достижения перевеса в войне с Османской империей. Переброска флота, потребовавшая сложнейших политических расчетов относительно возможных действий больших и малых держав, подготовки баз для стоянок, пополнения припасов, лечения раненых и больных, ремонта судов и т.д., активизировала внешнеполитическую деятельность России даже в тех частях Европы, которые ранее были вне серьезного внимания внешнеполитических ведомств. Успех России обеспечивали, прежде всего, соглашения с Англией и Данией, благожелательный прием, полученный в герцогстве Тосканском, но также невмешательство в российскую акцию Франции, Испании и Неаполитанского королевства, более скромная, чем того желала Россия, но все-таки поддержка Мальтийского ордена и даже Португалии.

Не менее важным было и то, что передвижение из Балтики в Средиземное море превратило «беллетристическую географию» плаваний матроса Василия Кориотского в освоенное вполне реальное пространство, где русские не только поражались увиденному, но и сами готовы были удивлять — сначала своими не вполне пригодными для такого плаванья судами, а затем и неожиданными славными победами.

---

¹³³ РГА ВМФ Ф. 315. Оп. 2. Д. 43 (Журнал, веденный на корабле “Граф Орлов” флота лейтенантом Григорием Кушелевым). Л. 8 об.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская

Вскоре от летающих по Архипелагу молний
Российских вострепетали стражники Про-
понтийские, Дарданеллы, разносится по
Босфору страх и отчаяние

*Из речи генерал-прокурора на праздновании
заключения мира. 1775 г.*

...наше во флоте людьми состояние такое, что
мы можем на воде страх и маловременное де-
лать на берегах десантом разорение турецких
жилищ и магазинов, а не к завладению горо-
дов долго временную осадою¹.

Рапорт Г.А. Спиридова А.Г. Орлову. 1773 г.

История военных операций 1770–1774 гг., предпринятых российским флотом во время Архипелагской экспедиции в Восточном Средиземноморье, столь подробно и тщательно исследована военными и историками², что, кажется, нет необходимости вновь возвращаться к ее детальному анализу. Вместе с тем, даже подробно изученная, эта история продолжает вызывать споры, противоположные оценки причин и значения побед и поражений. В историографии нет однозначного ответа на вопросы: как оценивать операции 1770 г. в Море — как героическую страницу русско-греческих военных контактов или как авантюру, повлекшую за собой кровопролитную резню; какое значение для российской экспедиции имела военная поддержка жителей Балкан и Архипелага; смогли ли русские воспользоваться всеми успехами «совершенной победы» в Чесменской битве или в праздниках и салютах упустили неожиданно свалившийся на них успех; в чем выразалось военное господство российского флота в Восточном Средизем-

---

¹ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 609. Л. 9.

² *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIII, XIV; *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). М.; Л., 1945; *Гребеницкова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007, и др.

номорье — в блокаде Османской империи или в «пиратстве» и угрозе всей левантийской торговле — и было ли это господством или преобладанием. В данной главе предпринята попытка представить наши аргументы в пользу той или иной позиции.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ РУССКО-ГРЕЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МОРЕЕ: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Пелопонес и славный в древности Лакадемон уже под скипетром Российским, и полдень странным божественного промысла действием сходится с севером... там Россиянин входит в подвиг Апостольский: там нечестие возрастшее истребит и вере утесняемой подаст свободу.

Платон (Левшин). Проповедь на день Петра и Павла. 1770 г.

В отличие от черногорского «происшествия» 1769 г. (см. гл. 2) военные действия, открывшиеся в Морее с приходом первых двух эскадр, разворачивались по заранее разработанному плану. Главной особенностью этого плана было взаимодействие *греческих* повстанцев и российского флота. Начало совместных действий предполагалось осуществить на юго-западе Пелопоннеса (Мореи) сразу по подходе российского флота к берегам Греции. Выбор пал на Пелопоннес (а не на Черногорию) и, соответственно, на союз *с греками*³.

Английский посланник Кэткарт сообщал в Лондон в первые месяцы войны о своих беседах с одним из греческих эмиссаров Г.Г. Орлова (видимо, с И. Палатино). Тот убежденно говорил о том, что «греки жаждут свободы, и небольшая (как оказалось, греками ожидалась большая. — *Авт.*) помощь даст им возможность добыть ее, а укреплением Коринфского перешейка сохранить ее. Албания, Эпир, Занте, Кефалония и соседние острова последуют примеру Мореи. Кандии восстать трудно: на ней много турецких крепостей; но можно укрепить один или два острова в Архипелаге и тем воспрепятствовать снабжению Константинополя съестными припасами через Дарданеллы»⁴.

В своем рескрипте от 29 января 1769 г. Екатерина II прямо говорит о предстоящей диверсии со стороны Мореи и Архипелагских островов. Предписывая А.Г. Орлову подыскать хороших кормчих для эскадры, она имела в виду лоцманов, знакомых с итальянскими (Италия рассматривалась как место промежуточной стоянки кораблей) и с греческими, а отнюдь не черногорскими, берегами.

³ По сведениям Ариадны Камариано-Сиоран, Г. Папазоли предложил А.Г. Орлову ориентироваться на майнотов, горцев южной Мореи, имевших репутацию храбрых воинов. (*Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs // Revue des études sud-est européennes. Bukarest, 1965. Т. III. № 3-4. P. 518, 519.*)

⁴ Цит. по: *Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 273.*

Г.А. Спиридов тоже в самом начале 1769 г. составил обстоятельную записку с описанием погодных и гидрографических условий района Мореи⁵. В этой записке Спиридов настаивал на необходимости иметь флоту пристанище по его прибытии в Средиземное море. Он полагал, что роль такого пристанища могли бы выполнить Корон и Модона (Метони) в Морее, не исключая, правда, и порта Валоне (Авлоне) в Албании. Только имея порт, настаивал он, можно идти к Коринфскому перешейку и в Архипелаг⁶. И если ко всему сказанному добавить особое внимание в России к боям греческих повстанцев в районе Коринфа, то можно заключить, что перед первой эскадрой стояла стратегическая задача овладеть портом в западной Морее и двинуться на захват Коринфского перешейка для того, чтобы отрезать Морею от остальной Греции и тем нанести серьезный урон противнику. Кстати, в письме к Вольтеру конца июля 1770 г. Екатерина писала: «... от греков зависит воззвать к жизни Грецию. Я сделала все возможное для украшения географической карты сообщением Коринфа с Москвою. Не знаю, что из этого выйдет»⁷.

С точки зрения военно-морской стратегии начала XX в. этот план был весьма уязвим. Историк военно-морского флота лейтенант флота Н.Д. Каллистов, полагавший, что разработка стратегического замысла принадлежит А.Г. Орлову, упрекал его «в нарушении элементарных требований морской стратегии», поскольку он «предпринял эти действия с моря в то время, когда турецкий флот еще господствовал во всех своих водах». Каллистов заключал, что печальный конец сухопутного предприятия в Морее был возмездием за это нарушение⁸. Если военные историки правы, то остается признать, что стратегические планы Екатерины изначально содержали крупный просчет. Но реализация этих планов зависела, и это понимали в Петербурге, не от ограниченных сил военных первых двух эскадр, а — прежде всего — от совместных действий *греческих повстанцев*, чью численность подсчитать не представлялось возможным.

В инструкции, врученной адмиралу Спиридову перед отплытием эскадры, отсутствовало детальное предписание относительно его образа действий в Средиземном море, «бо по дальности места и по несведению людей и нравов», полагала Екатерина, нельзя было предусмотреть с достаточным основанием все «случаи», ожидавшие русский флот⁹. Действительно, многое в будущих операциях представлялось неопределенным, и командованию следовало принимать самостоятельные решения в зависимости от меняющихся обстоятельств или от изъянов информации, которой оно располагало.

В силу этого на А.Г. Орлове, находившемся поблизости от предстоящего места действий и облеченном обязанностью готовить восстание греков, лежала особая

⁵ Напрасно В.О. Ключевский иронизировал по поводу просьбы императрицы прислать ей из Лондона карту Средиземного моря: в Адмиралтействе располагали определенными знаниями о Средиземноморье.

⁶ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Д. 1883. Л. 3–9.

⁷ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиян. М., 1805. Ч. 1. С. 97.

⁸ Каллистов Н.Д. Архипелажская экспедиция // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 8. С. 56. О «несостоятельности» морской стратегии Орлова и Екатерины пишет и современный исследователь Г.А. Гребенщикова (Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 190).

⁹ Цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. XCV.

ответственность. И его внимание было сосредоточено на районе Мани. 6 января 1769 г. к Екатерине II обратились капитаны, разделявшие власть над Мани, фамилии многих из них упоминались в документах миссии Г. Папазоли¹⁰, с прошением подать грекам «руку помощи». Они утверждали, что сами сохраняют вольность, борясь с турками (отсюда, видимо, возникло деление императрицей греков на находящихся под турецким игом и вольных «поборающихся», которое содержится в рескриптах Эльфинстону и Арфу), и писали: «Но что в собственной нашей вольности в разсуждении общия православнаго нашего рода гибели?» Война турок против России, «врожденная к престолу вашему склонность, послушание и благоговение наше не попускают нам больше остаться без действия». А далее следовали уже известные заверения о 40 тысячах воинов Мани и 100 тыс. остальных пелопоннесцев («во всем Пелопоннисе людей, способных к войне, считается, кроме нас, более ста тысяч»), не считая остальных жителей Эллады, Фессалии, Македонии и Химары, и «все сии [пребывают] в единомыслии с нами, и все мы намерены и готовы пролить и самую последнюю каплю крови наша для службы Благочестивейшия Державы Вашей и для освобождения православных братьев наших», «есть ли только во укрепление себе получают сильную руку вашу»¹¹. (Как при таких заверениях не могла ни возникнуть у организаторов Архипелагской экспедиции надежда на успех сухопутных военных действий при поддержке русского флота!)

С весны того же года у Алексея Орлова установились связи с маниотскими (или майнотскими) капитанами. Контакты осуществлялись через Триест, где у Орлова были свои «корреспонденты»¹². А осенью, в октябре 1769 г. Орлов отправил письмо главе майнотов Георгию Мавромихали, детально описав мероприятия, необходимые для организации совместных действий¹³.

В своей деятельности А.Г. Орлов должен был предусмотреть и возможные осложнения в продвижении флота к берегам Греции, и облегчить пребывание эскадры вдали от российских баз не только путем организации складов бое-

¹⁰ Это были Г. Мавромихали, М. Трупак, Г. Глигораки [Григораки], А. Кумундураки, М. Кавальераки, П. Христки (последние три имени в русском тексте были искажены); кроме них прошение подписали три члена семьи Палеолог и др. (Из бумаг графа Григория Григорьевича Орлова. Копия с прошения Греческого народа к Императрице Екатерине II, от 6 января 1769 года // СБРИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 284–286).

¹¹ Копия Прошения Греческого народа. Там же. С. 285.

¹² Об этом сообщает А.М. Голицыну из Венеции в мае В.С. Тамара, назначенный переводчиком к маркизу Пано Маруцци и вовлеченный в подготовку восстания греков, вероятно, в связи со своей «Запиской о греках», поданной Н.И. Панину 21 декабря 1768 г. (См.: *Ариш Г.Л.* Российские эмиссары в Пелопоннесе. С. 65–66. Он же пишет о своих намерениях установить «через своего человека» собственные отношения с агентами А.Г. Орлова (как он пишет, «негласными корреспондентами гг. Острововых»). Следовательно, у вице-канцлера Александра Михайловича Голицына было «свое око» в Венеции (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // *Русский Архив.* 1876. Кн. 2. С. 282–284). Для переписки с Санкт-Петербургом В.С. Тамара имел собственный шифр, который извлек из бумаг Тамары маркиз Маруцци, копаясь в них в отсутствие их хозяина. Таким образом, имело место взаимное недоверие, перлюстрация корреспонденции и даже слежка..

¹³ Орлов предлагал подготовить казармы для русских подразделений, запастись для них продовольствие, доставить для нужд армии вьючный скот, послать в турецкие крепости людей, способных нейтрализовать турецкую артиллерию. Сигналом к началу восстания должно было стать появление в водах Мореи российского флота, тогда-то и следовало призвать народ к вооруженному выступлению (*Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs. P. 523). О роли Мавромихали в событиях 1770 г., а также письма А.Г. Орлова, Н.И. Панина и императрицы Екатерины разным представителям семьи Мавромихали см.: *Κουυέας Σ.* Συμβολαί εις την ιστορίαν της υλό τουσ Ορλώφ Πελοποννησιακής Ελαναστάσεως (1770) // *Πελοποννησιακα.* 1956. № 1. Σελ. 50–107.

припасов и продовольствия, строительства госпиталя, снабжения флота опытными лоцманами, посылки брата Федора в Порт-Магон на встречу флота, но и через обеспечение экспедиции широкой поддержкой со стороны греческих и славянских¹⁴ капитанов. И в этом Алексей Григорьевич преуспел. В 1769–1770 гг. в российской и европейской прессе постоянно публиковалась информация о том, что греки и славяне в ожидании прибытия русского флота строят мелкие суда для ведения военных действий, что множество искусных стейрманов направились из Архипелага в Порт-Магон для препровождения русского флота в Левант; что «почти во всех приморских местах папских земель разъезжают греки с российскими пашпортами для испытания ходу на греческом море», что у Болеарских островов собралось много вооруженных галер, соединившихся затем с эскадрой Спиридова¹⁵; что греки островов Идра, Псара, Специя и других, известные своим мореходным искусством, готовились к восстанию¹⁶. Таким образом, начало военных действий в Морее сопровождалось подогреваемыми прессой ожиданиями всей Европой того, как в ближайшее время греки с помощью русских свергнут многовековое османское иго.

Ф.Г. Орлов

Ждали прихода русских и греки Пелопоннеса и южных Балкан. Безусловно, проделанная российскими эмиссарами подготовительная работа (см. гл. 1) не прошла для жителей Балкан незамеченной. В этом аспекте представляет большой интерес письмо В.С. Тамара А.М. Голицыну в Петербург от 1/12 мая 1769 г. Тамара сообщал, что возобновил (возможно, со времени посещения Греции в 1766 г.) знакомство с архимандритом Дамаскиным, экзархом Константинопольского патриарха в Греции, «ревностным приверженцем России», имевшим связи со всей Грецией (не тот ли это «знатный между духовными человек», с кем в 1764 и 1765 гг. имели дело Г. Папазоли и И. Палатино и чье имя они сохранили в тайне?), и архимандрит ознакомил Тамара с письмами, полученными из Греции. В одном из писем капитан Бенаки, перебравшийся из своей резиденции в Каламате с охраной в 1400 человек подальше от турецкого паши и поближе к майнотам, выражал удивление тем, что не имеет известий от русских и уже три месяца не получает писем от Папазоли (значит, переписка между ними имела место). Известный по документам миссии Г. Папазоли Буковал сообщал, что у него и других «начальников» под ружьем состоит 15 тыс. человек; из горных районов

¹⁴ В русских источниках того времени «славянами», «славонами», «славонцами» именовали сербов — жителей Черногории и Далмации.

¹⁵ Например: Санктпетербургские ведомости. 1770. № 10, 16, № 23 и др.; G. d'A. 1769. № 48, 69, 95, 99, 101; 1770. № 13, 19, 21, 27, 33 и др.

¹⁶ Шпаро О.Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М., 1965. С. 29.

Ксеромеры писали, «что встали с оружием в руках от 10 до 12 тысяч; что они ждут Русских, но никого еще из них не видели. Они ожидают известий о победах Русских над Турками, чтобы начать действовать сообразно степени успеха». Наконец, греки 360 селений, расположенных в горах вокруг Янины, отказавшиеся выдать туркам свое оружие, готовы к восстанию¹⁷.

Но и другие энтузиасты-греки предпринимали шаги в расчете на русскую поддержку¹⁸. Об одном из них писал в 1771 г. российскому командованию в Архипелаге Стефан Мавромихали, рекомендуя Пандази Палеолога, который, по свидетельству Мавромихали, с 1760 г. с братом Янаки Палеологом ездили в Константинополь к российскому «министру», чтобы тот дал им помощь «воевать против агарянской силы». В 1769 г. Пандази Палеолог сумел передать послу Обрескову, находившемуся уже в Семибашенном замке, просьбу написать в «Петерсбурх, ежели можно, то б прислать российский флот и запереть Дарданеллы, чтоб не пропускать провианту и принудить турок от голоду умереть... а как скоро прибудет флот, то всех греков и маниотов против турок вооружить»¹⁹. По тому, что и в 1771 г. после поражений в Море Пандази Палеолог и другие его соотечественники продолжали предлагать смелые проекты совместных действий, можно судить, что с надеждами на российскую поддержку греки Пелопоннеса расставались с трудом.

В свою очередь Порты с начала войны смягчила свою политику в Греции. «Султан издал строгие повеления всем пашам, правителям областей, чтобы обходились с Греками со всевозможным человеколюбием, со всякою мягкостью, и приказал возвратить им оружие», — писал В.С. Тамара на основании писем, полученных из Греции²⁰.

Совершенно очевидно, что прихода российского флота ожидали и готовились к нему представители разных социальных страт Мореи — от землевладельцев и духовенства до городских обывателей и горцев-майнотов²¹. Однако при неразвитости национального сознания, преобладании религиозных и родо-племенных приоритетов разные группы населения, встречая русских, руководствовались своими мотивами, что не могло не отразиться на их политическом поведении²². Как писал греческий просветитель Адамантиос Кораис (1748-1833), «некоторые думали только об отмщении своим притеснителям (и в ходе военных столкновений они жестоко расправлялись с турками. — *Авт.*); другие считали своим долгом перейти на сторону русских в силу единоверия, надеясь, что они восстановят божьи храмы, разоренные турками и превращенные в мечети (и русский флот, учитывая это, вез церковную утварь, а

¹⁷ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 283.

¹⁸ См., например: Pappas N.C. Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1991. P. 67-70.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 118. Письмо Обрескова, по словам Мавромихали, было перехвачено турками, и П. Палеолог потерял многих родственников, казненных турками, и все свое имение.

²⁰ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 283.

²¹ Γριτσόπουλος Τ.Α. Τα Ορλωφικά. Η εν Πελοπόννησω επανάστασις του 1770 και τα επακόλουθα αυτής. Αθήνα 1967. Σακελλαρίου Μ.Β. Η Πελοπόννησος κατά την δευτέραν Τουρκοκρατίαν, 1715-1821. Αθήνα, 1939; Nagata Y. Greek Rebellion of 1770 in the Morea Peninsula — Some Remarks through the Turkish Historical Sources // Memoirs of the Reseach Department of the Toyo Bunko [Japan]. 1988. № 46. С. 85-99. Считаем абсолютно неосновательными замечания Г.А. Гребенчиковой, принижающие роль Первого греческого восстания в Море 1770 г. (Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 243-257).

²² См. подробнее: Ροτζώκος Ν. Ορλωφικά και ελληνική ιστοριογραφία. Αθήνα, 2007.

А.Г. Орлов приказал освятить 21 апреля 1770 г. в Наварине древний храм, превращенный турками в мечеть — *Авт.*²³; многие же благомыслящие люди смотрели на русских как на народ, предназначенный Провидением воскресить свободу Греции (и российские обращения содержали освободительные призывы. — *Авт.*)²⁴.

В народе заговорили о древних пророчествах близкого освобождения страны северным народом. Греческое духовенство всячески способствовало укоренению этого мифа. Как писал С.К. Грейг, оно «напоминало о давнишних предвещаниях с целью убедить, что падение турецкого владычества близко и что пришло, наконец, время их свободы. Великие и могущественные братья их по вере прибыли теперь на помощь из дальних стран, ведомые рукою Провидения, для восстановления их независимости»²⁵. Эти настроения подогревались прокламациями Орлова, в которых он высказывал уверенность, что все греки поднимут крест, сражаясь за общую религию, за свою родину и свободу, «видя, что все русские единоверцы прибывают из столь отдаленных стран, чтобы пролить свою кровь за христианскую веру и за тех, кто исповедует эту веру, понимая, как дорога эта минута, от которой зависит упрочение веры и свобода всего народа...». Все, кто ныне поднимется во имя религии и родины, обещал Алексей Орлов, «сверх воздаяния от Бога будут возвеличены и прославлены за свои усилия также императрицею. Те же, кто не окажет помощи этому святому делу..., потеряют свое благополучие и вознаграждение от императрицы...»²⁶. Он не разъяснял, о каком вознаграждении шла речь, возможно, лишь о покровительстве и милости российской государыни. Но, как справедливо отмечает Г.Л. Арш, в устной пропаганде эти обещания обретали бóльшую определенность²⁷. Известно, что Антонио Джика, по поручению Орлова вербовавший среди албанцев воинский легион, «принужден [был] сулить не только то, но еще и больше, нежели они хотеть могли»²⁸. Все эти посулы воспринимались поначалу за чистую монету и порождали безбрежные надежды.

В конечном счете, в массовом сознании греков возникло представление о том, что русская эскадра направлялась к берегам Мореи по воле Провидения не для нанесения туркам диверсии «в наичувствительнейшем месте» и не для утверждения российского присутствия в Средиземном море, а *только* для их освобождения. Характерно, что это мифологическое восприятие православным населением предназначения экспедиции наложило свою печать на греческую историографию и взгляды современных историков, на нее ориентирующихся²⁹.

²³ Об этой церемонии см.: *Гребенищикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 251.

²⁴ Цит. по: *Шнаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 26.

²⁵ Собственноручный журнал капитана-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга // Морской сборник. 1849. Т. II. № 10 (октябрь). С. 653.

²⁶ Цит по: *Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs. P. 523–524.

²⁷ *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 79.

²⁸ Результаты этой политики, впрочем, были для Джика печальными («Сей дикой народ, не разсуждая невозможности обогатить всю нацию, клялись непримиримой ненавистью ему, графу Джике, разделили по себе его земли и лишили его всего имущества») — АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Д. 7177. № 90. Л. 475–476.

²⁹ См.: *Γριτσόπουλος Τ.Α.* Τα Ορλωφικά. Η εν Πελοποννήσῳ ἐπανάστασις του 1770 και τα ἐπακόλουθα αὐτῆς. Αθήναι, 1967. Σελ.176; *Camariano-Cioran A.* La guerre russo-turque de 1768–1774 et les grecs; *Тиктопуло Я.Ф.* Русско-турецкие войны 1768–1774, 1787–1791 гг. и судьбы греков. Греческий проект Екатерины II. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Залив Oitylo/Vityulo

Итак, прибытия русских в Греции ждали, и ждали именно на юге Пелопоннеса. Вопрос только в том, на какую военную поддержку рассчитывали греки и русские и какую смогли получить. Неясное брожение умов, неограниченные надежды, экзатичность массового мироощущения, вера в пророчества, общий религиозный подъем — все это было чревато резкой сменой настроений и создавало почву для приливов и отливов массовых выступлений в зависимости от изменения ситуации. Это и произошло в ходе военных действий февраля—мая 1770 г.

Начало акции сулило грандиозный успех: «первый наш в море десант без единого выстрела сделан»³⁰. Прием эскадры греческим населением в неукрепленном местечке Бетило (Ветуло), где находилась одна из резиденций рода Мавромихали, превзошел все ожидания: «греков к нам великое множество приезжало, из себя видные люди, здоровые и чистые, каждой с винтовкой, с пистолетом, и саблей», запишет в воспоминаниях С. Хметевский³¹. Последовали салюты и торжественная литургия в Успенском монастыре, после литургии принимали присягу «пришедших в российское подданство греческого капитана и прочих греков»³². 20 февраля началось формирование двух греческих легионов — Восточного и Западного, они выстроились «при монастыре вдоль берега фронтом, при котором для оных команд наших архимандритом освящены два знамя»³³.

22 февраля «Восточный легион» под команду капитана Баркова выступил вглубь Пелопоннеса по направлению на Мисистрию (Мистру) и Триполицу (Триполи). Легион состоял преимущественно из местных греков и горцев-майнотов

³⁰ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773 // Русский архив. 1880. Кн. III (2). С. 254.

³¹ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 582. Хметевский, правда, пишет о событиях мая 1770 г.

³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 103.

³³ Там же. Л. 103об.

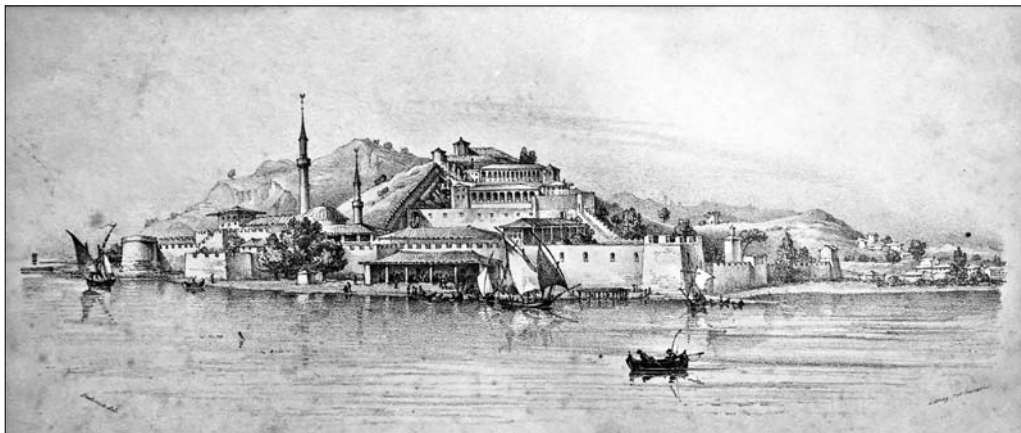
(до 6-8 тыс. человек), которым были приданы вначале около 20 [sic!], чуть позднее еще 30 (также не слишком много, чтобы называть действия *совместными!*) русских солдат и экипаж судна Антона Псаро. От греков Мани командовал отрядом член клана Григораки. Его успешные действия, правда, омрачила жестокость, с которой греки и майноты, несмотря на попытки командования и русских солдат предотвратить кровопролитие, расправились с безоружными жителями Мистры, сдавшими город. Турецкий историк Васиф Эфенди записал: «Почти из 700 мусульман, находившихся в сем городе, 300 были взяты в плен, 400 в обороне убиты и получили мученический венец. Подробное повествование всех жестокостей, учиненных маньотами и русскими в Мизистре, произвело бы ужас в сердцах. Новорожденные дети были низвергаемы с высоты минаретов. Тысяча других неистовств такого рода представляли картину жестокости диких народов»³⁴.

«Западный легион», возглавляемый волонтером князем Петром Долгоруковым (в литературе его часто путают с Ю.В. Долгоруковым) и членом семьи Мавромихали, не встречая большого сопротивления, овладел городами Каламата, Леонтари и Аркадия. В составе Западного легиона также было всего 12 (!) русских солдат. Основные же немногочисленные русские десантные силы были заняты осадой малопрístupных некогда венецианских береговых крепостей Корона (Koroni), Наварина (Pilos) и Модона (Methoni), которые А. Орлов и Г. Спиридов рассматривали как возможные опорные базы флота в Средиземном море. Таким образом, российским солдатам из-за их малочисленности трудно было стать образцом «регулярства и послушания» (Екатерина II) в обоих легионах, передвигавшихся по Морее и, возможно, имевших конечной целью выход к Коринфскому перешейку. Преобладание греков в этот период военных действий

Корон в осаде российского флота 1770 г.

³⁴ ОР РНБ. Ф. IV. 618. Война турков с россиянами с 1769 по 1774 год. Сочинение Васифа-Ефенди, турецкого историографа. Л. 62 об.

Модон

было весьма значительным: к морейским грекам пробилась через Коринфский перешеек на Пелопоннес македонские греки, прибывали греческие добровольцы с островов, принадлежавших Венецианской республике.

29 марта 1770 г. Федор Григорьевич Орлов направил в Санкт-Петербург из-под Корона победную реляцию. Он сообщал, что вся Греция охвачена пламенем³⁵. «Санктпетербургские ведомости» поместили известие о попытке российских судов войти в Лепантский пролив, «дабы в близости Коринфа высадить войско на берегу и занять перешеек, который Морею соединяет с твердою землею, и так пресечь туркам всю надежду к вспоможению сему полуострову»³⁶ (но подтверждения этим известиям в документах не встречалось). Как всегда, новости доходили до Петербурга с большим опозданием. Так, еще в июне «Ведомости» публиковали сведения о мифических победах в Море: «Взяты Наварин, Мизистра, Корона, Модона, крепость Патрассо»³⁷ — но три последних так и не были в русских руках. В середине июля не только после оставления Мореи, но и после Чесменской битвы в «Санктпетербургских ведомостях» еще сообщалось о том, что граф Орлов чрезвычайно доволен храбростью греков. «Словом сказать: во всех местах на полуострове Морея будут скоро воздвигнуты святой крест и российский орел»³⁸; в Петергофе на день Петра и Павла Платон (Левшин) произнес проповедь, в которой прозвучало: «Прежде, нежели весна святою красотою очи наша увеселила, лавры побед из стран восточных для нас процветали и венцем славы главы победителей неоднократно были увенчаваемы. Пелопонес и славный в древности Лакадемон уже под скипетром Российским»³⁹.

Екатерина торжествовала. Не случайно она не без выпренности записала в своем «Хронологическом перечне событий кампании против турок с 6 октября 1768 по август 1771 г.»: «Русские войска (!) в Море, соединившись с греческими,

³⁵ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Д. 1907. Л. 1.

³⁶ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 41 от 21 апреля.

³⁷ Там же. № 46 от 8 июня.

³⁸ Там же. № 57 от 16 июля.

³⁹ Платон (Левшин). Слово в день первоверховных Апостолов Петра и Павла и тезоименитства Его императорского Высочества. СПб., 1770. Авторы благодарят Анну Зернову, указавшую на этот текст.

Метони/Модон

овладевают шестью городами, а именно: капитан Барков с спартанским восточным легионом берет: Пассаву, Бердони и Лакедемон; капитан князь Петр Долгорукий с западным спартанским легионом овладевает Каламатою, Леонтари и Аркадиею»⁴⁰. Для Екатерины победы в Морее были оправданием дорогостоящей экспедиции, означали славу русского оружия, сражающегося рядом со *спартанским легионом*⁴¹, и в 1771 г. после Чесмы несколько притупилась горечь разочарования в этих самых «спартанцах»⁴².

Только в июле 1770 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появились смутные известия о робости греков, но они тотчас были опровергнуты. А между тем положение в Морее осложнилось уже в апреле 1770 г.: турки подтягивали силы, флот оставил Корону, под Триполицей потерпел поражение «легион» Баркова, в момент сражения покинутый майнотами, и сам Барков и Антон Псаро чудом вырвались из окружения с маленьким отрядом⁴³. Резким диссонансом победной ре-

⁴⁰ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // СБРИО. Т. 13. СПб, 1874. С. 153.

⁴¹ Императрица специально запрашивала А.Г. Орлова, были ли укреплены перечисленные селения, кто из офицеров был первым при десанте в Порт-Витуло, кого следует не позабыть при нагарадах (РГАДА. Ф. 10/3. Кабинет Екатерины II. Д. 493. № 3).

⁴² Не только Екатерина считала жителей Пелопоннеса и прежде всего майнотов «спартанцами», это мнение было широко распространенным. См.: Rawson E. The Spartan Tradition in European Thought. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 292.

⁴³ Подвиги капитана Баркова в Морее и взятие древнего Лакедемона, или Спарты, что ныне Мизистра в 1770 г. (Северный Архив. 1823. № 22. С. 247–257).

Мистра

совсем надежды, а беспорядок, происходящий от неразумения языка, еще более меня в том утверждает, лучшее из всего, что мне можно будет сделать, укрепить себя сухим путем и морем, зажечь огонь во всех местах, каков в Морее, пресечь весь подвоз провианта в Царь-град и делать нападения морскою силою»⁴⁵. Итак, когда иллюзии освобождения Греции стали рассеиваться, в А.Г. Орлове заговорил военный тактик и трезвый политик.

Вероятно, Орлов не скрывал своего растущего недовольства, пеняя греческим добровольцам. Во всяком случае в том же апреле 1770 г. участник военных действий грек Афанасий из Наварина сетовал на то, что «господин наш (А.Г. Орлов. — *Авт.*) увидел, что греки непостоянны и непослушны»⁴⁶.

Последние надежды на успех в Морее рухнули тогда, когда турецкие силы разбили русский десант, осаждавший Модон⁴⁷. Даже прибывшая в это время эскадра Эльфинстона исправить общее положение не смогла⁴⁸. Тактические просчеты у российского командования были, но вряд ли правы и те историки, которые полагают, что Орлов был в состоянии переломить течение событий, отстаивая Наварин или придя на помощь восставшим грекам островов Идра, Крит и т.п.⁴⁹. Хотя греческие повстанческие отряды еще имели успехи на севере Морее и пробивались к Наварину, А.Г. Орлов, вопреки горячим просьбам П. Бенаки и Г. Папазоли, принял решение оставить Пелопоннес. Его небольшой десантный отряд не мог противодействовать растущим турецким сухопутным

ляции брата Федора прозвучало апрельское донесение Алексея Орлова: «Великая Государыня! Кроме крепостей и дальних городов Триполицы, Коринфа и Патрасса, хотя вся Мореея и очищена от турок, но силы мои так слабы (где уж те 40 тысяч и даже более, на которые он рассчитывал, и обещанные П. Бенаки 100 тысяч! — *Авт.*), что я не надеюсь не только завладеть всею, но и удерживать завоеванные места. Робость греков и майнотов⁴⁴ лишает меня

⁴⁴ И это вопреки заверениям майнотских капитанов в том, что они «многими опытами дознали, что коликая его [турка] дерзость против убегающих, толико в двое больший страх его от наступающих смело» (Копия грамоты Греческого народа. С. 285).

⁴⁵ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 548.

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

⁴⁷ При появлении турок отряды майнотов, не предупредив осаждавших Модон русских, рассеялись и ушли в свои горные селения. Начался беспорядочный отход русского десанта к берегу, во время которого погибла почти его треть — 150 человек, в их числе и кн. П. Долгоруков; 250 солдат было ранено.

⁴⁸ Известно, что Эльфинстон без согласования с Орловым отправился навстречу турецкому флоту к Наполи-ди-Романья (Nafplio), эта акция военными историками расценивается как весьма рискованная.

⁴⁹ *Catariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs. P.527; Туктопуло Я.Ф. Русско-турецкие войны 1768–1774, 1787–1791 гг. С. 73.* В работе Н. Паппаса содержится греческая библиография повстанческого движения в Греции в 1770 г., сигналом для которого стали события в Мани (*Pappas N.C. Greeks in Russian Military Service. P. 71, 72.*)

силам, к тому же на первый план выдвинулась необходимость решать военно-морские проблемы: объединение двух эскадр и встречу в бою с турецким флотом. Вопрос уже шел о судьбе всей операции.

Оказавшийся бессильным свидетелем поражения под Модоном, А.Г. Орлов писал: «Сей неблагоприятный день превратил (перевернул. — Авт.) все обстоятельства и отнял надежду иметь успехи на земле» (курсив наш. — Авт.)⁵⁰, и его оценка оказалась

Крепость Наварина

провидческой: экспедиция не имела больше сколько-нибудь серьезных успехов в сухопутных операциях (если не считать двух осад Бейрута и его капитуляций). Территории Османской империи с моря были защищены крепостями, взятие которых при военно-технических условиях того времени требовало долгой осады и атак большими десантными соединениями. А таких сил у морской экспедиции до конца войны так и не появилось.

Военные неудачи апреля-мая 1770 г. в Морее стали не только крушением «надежд иметь успехи на земле», они фактически разрушали все иллюзии относительно возможности согласованных действий единовременных греков и русских против «агарян» и перспектив полноценной военной активности греков. По прошествии двух с лишним лет, в августе 1772 г., А.Г. Орлов, оценивая морейскую кампанию, вновь высказал ту же мысль в письме к Н.И. Панину: «Робость и неверность Греков в самом открытии сей экспедиции заградили нам все пути к сухопутным предприятиям и заставили устремить все силы наши на действия морские»⁵¹ (курсив наш. — Авт.).

Письма не только А.Г. Орлова, но и Екатерины уже весной-летом 1770 г. содержат жесткие характеристики собратьев по оружию — греков: «когда морейские греки столь худо подражали примеру храбрости... не хотели извлечь себя из-под ига порабощения их собственным духом робости, неверности и обмана, над ними сохраняемого»⁵², «Греки и Спартане совсем переродились; они больше стараются о грабежах, нежели о вольности»⁵³. А в марте 1771 г. Екатерина напишет Орлову: «нельзя более считать на диверсию и содействие в праведной нашей войне греческих туркам подвластных народов, по причине свойственной им, или лучше сказать врожденной уже склонности к рабству и совершеннаго в характере их легкомыслия»⁵⁴.

⁵⁰ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 362.

⁵¹ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773. С. 254.

⁵² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 548, 568.

⁵³ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. С. 123.

⁵⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 658.

Именно после неудач в Морею тема «неверности» и «робости» греков приобретает высочайше одобренную тональность, попав и в придворную поэзию, и в драму Павла Потемкина «Россы в Архипелаге». П. Потемкин вложил в уста А.Г. Орлова такие слова:

Являет все теперь чрез множество премен,
 Что Греческий народ геройских чувств лишен.
 Давно ли клявщийся законом небесами,
 Хотели вы пролить всю кровь за вольность с нами,
 Но клятвам изменив, предателями явясь,
 Ушли средь бою вы, неверных убоясь,
 Морейских дел пример еще ли вас прельщает,
 Не зря опасности вас бедство устрашает,
 И души слабыя терзает и крутит⁵⁵.

Анализировать опыт совместных действий в Морею их участники продолжали и после войны. В частности, о «грабежах» майнотов немало писал в своих мемуарах С.К. Грейг, анализируя неудачи в Морею. По его мнению, майноты были вовсе ненадежными союзниками («майноты, разграбив совершенно все окрестности Мисистрии, возвратились с добычей в недоступные свои горы и таким образом только они извлекли огромную выгоду из Морейской экспедиции», или далее: «Греки, в особенности майноты, которые с таким усердием присоединились к русским при первом появлении и успехах в Морею, видя, что дела приняли оборот, не отвечающий их надеждам, думали теперь о спасении и личной безопасности и потому сдавались туркам — или удалялись в горы...»⁵⁶), и усилия их «начальников» сдержать их оказались напрасными.

*Собор в крепости Наварин,
 превращенный турками в мечеть*

Разочарование в возможностях греческого восстания оказалось тем горше, чем сильнее у инициаторов архипелагского предприятия были надежды на совместные действия в войне против осман.

Однако инициаторы Архипелагской экспедиции были, думается, несправедливы, возлагая всю ответственность за неудачи в Морею на греков⁵⁷. Причины неудач следует искать не только в слабости и неорганизованности греческого национального движения,

⁵⁵ Потемкин П. Россы в Архипелаге. Драмма. СПб., 1772. С. 27.

⁵⁶ Собственноручный журнал капитана-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга. С. 785–786.

⁵⁷ Тем более необоснованными и тенденциозными являются заключения Г.А.Гребенщиковой относительно участия, а точнее *не-участия* греков в военных действиях в Морею и Архипелаге. Зачастую они связаны с неверной интерпретацией или нежеланием привлечь «не устраивающие» автора источники. Значительно более взвешенную оценку предлагает Г.Л. Арш (История Балкан. Век восемнадцатый. М.: Наука, 2004. С. 422–444).

Бой при Наполи-ди-Романья. Журнал С.П. Хметевского

но и в несоответствии численности российских вооруженных сил задачам ведения войны в Море. И греки имели основание проклинать тот день, когда они откликнулись на призывы российской императрицы: следствием спланированной Екатериной II и Орловыми «диверсии» в «наичувствительнейшем месте» Османской империи стала гибель одной седьмой части населения Мореи в ходе жестоких расправ со стороны османских карательных отрядов.

И все-таки с уходом российского флота от берегов Мореи жители полуострова и близлежащего о. Крит, даже после подавления восстания на западном Крите под руководством Даскалоианниса, рассчитывавшего на помощь российского флота в 1770 г.⁵⁸, не сразу оставили надежды на поддержку русских. В 1771 г., когда российский флот едва ли не господствовал во всем Архипелаге, жители Мореи продолжали посылать его командованию не только своих добровольцев⁵⁹, но и роман-

⁵⁸ *Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs. P. 527; Pappas N.C. Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. P. 72.*

⁵⁹ 25 февраля 71 г. Стефан Мавромихали подговорил 300 майнотов на службу и просил судно, чтобы их привезти (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 87); 27 мая 1771 г. митрополит навплийский, архиепископ Реито, еп. Дамалит, священник Панаго, иеромонах трипольский и др. подписали письмо с просьбой о помощи, ибо турки узнали, что они хотят с жителями Мореи служить русским (Там же. Л. 92).

тические планы новых совместных военных акций. Кажется, на российские силы все также рассчитывали, значительно преувеличивая их возможности.

В числе «прожекторов» был уже упоминавшийся Пандази Палеолог, письмо от которого было получено российским командованием 7 июня 1771 г. Он объяснял, почему год назад майноты сорвали планы наступательных операций («до самого Каламата нет ни одной деревни, которая б между собой была согласна, но всегда друг с другом живут, как неприятели»), тем не менее он уверял: «в Морею состоит людей 20000 маниотов, кои состоят под властью вашего превосходительства (А.Г. Орлова. — *Авт.*), которых выведу я воевать во всей Морею с жалованьем». Пандази Палеолог просит взамен совсем немного: жалование 20 тысячам майнотов, патронов более миллиона штук, да к тому же еще и кораблей 5–6, чтобы встали у побережья⁶⁰. Похожий по размаху и фантастичности, совершенно несоразмерный российским возможностям план пришел и с о. Кандия (Крит) от кандиота Ивана Сидерачи. Сей хитроумный Одиссей XVIII в. намеревался вместе с четырьмя своими друзьями под покровом ночи ввести российские войска в сильную турецкую крепость Канеа на о. Крит. Он просил у Орлова (которого именовал «защитником всех православных, надеждой востания упавшаго греческаго народа и утешением всех бедных и печальных христиан») совсем «небольшой» подмоги: «одну тысячу человек российского регулярного войска и довольно число гренадеров с ручными гранатами, и людей, которые будут носить пороху для пушечных зарядов», да еще «нада, штобы и флот недалеко от берега был, так чтобы он около рассвета мог на море появиться против самой крепости для приведения неверных в большую робость»⁶¹.

Излишне говорить, что подобным планам не суждено было сбыться.

По прошествии времени и греки, и русские, и европейские наблюдатели стали критически оценивать итоги и возможности русско-греческого сотрудничества. Уже вскоре после окончания войны, когда стало очевидным, что восстание греков было использовано российской императрицей не только для укрепления своего имиджа освободительницы угнетенных, но и для нанесения удара по противнику в войне, о майнотах в европейской прессе вновь стали писать как о смелых воинах, «наследниках спартанцев». В частности, французский эллинист Мари-Габриель-Огюст-Флоран граф Шуазель-Гуффье (1752–1817), посетивший Морею уже в 1776 г., считал, что русские вполне *могли положиться на майнотов*, но «ошибочно информированные своими агентами», русские приплыли со значительно меньшими силами и боеприпасами, чем обещали, «вынудили греков на революцию» и тем обрекли жителей Мореи на поражение и на неисчислимые жертвы⁶². В дальнейшем именно эта трактовка событий в Морею стала, как уже отмечалось, главенствующей в западной историографии.

Безусловно, морейская кампания показала, что Средиземноморская экспедиция Екатерины II не была предназначена для реализации романтических идей борьбы за греческую независимость. Екатерина мыслила прагматично: греки могли воспользоваться ситуацией для борьбы за свое освобождение, а Россия, опираясь на греческое восстание, нанести удар по Османской империи в неожиданном на-

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 114–117.

⁶¹ См.: Приложение 3. С. 501.

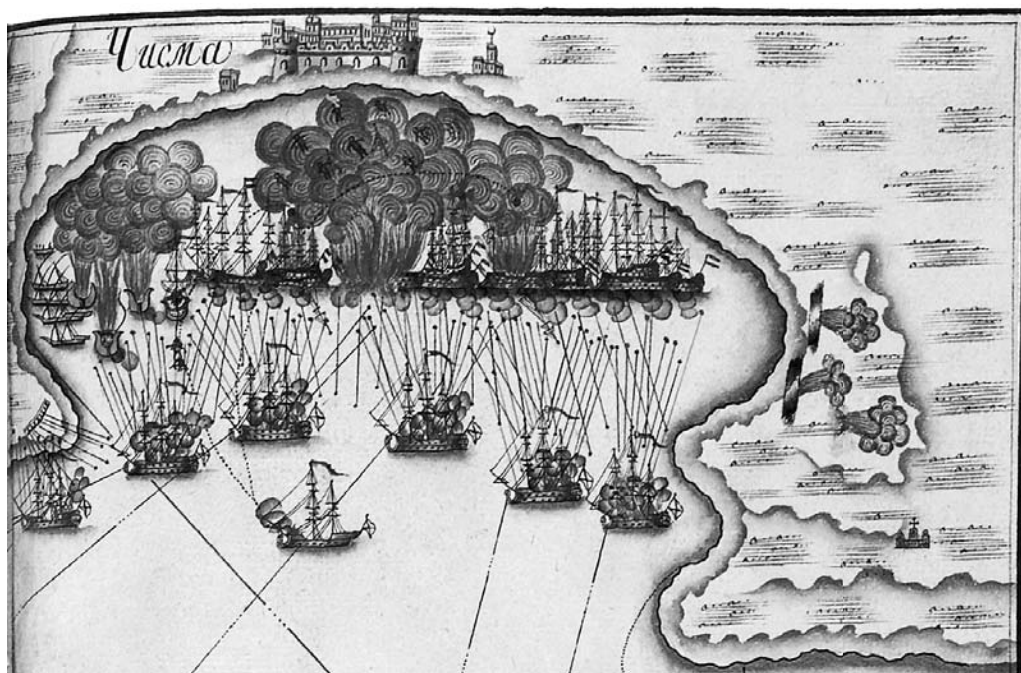
⁶² *Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1782. Part 1. P. IX, 4, 6.*

правлении. Как бы ни были увлечены братья Орловы греческой идеей, в качестве командующего Архипелагской экспедицией А.Г. Орлов должен был принимать решения, исходя из задач сохранения боеспособности флота и реализации возложенных на него военных целей. В итоге, покинув Пелопоннес, Россия оставляла за собой взаимные обиды, на века омрачившие межкультурное общение⁶³.

ЧЕСМЕНСКИЙ УСПЕХ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Уход российского флота от берегов Мореи был ускорен появлением в водах Греции объединенной турецкой эскадры. Встреча с ней Эльфинстона едва не обернулась катастрофой под Наполи-ди-Романья.

К концу первой декады июня 1770 г. суда российских эскадр Спиридова и Эльфинстона соединились⁶⁴. Ввиду пререканий между руководителями эскадр по поводу необходимых действий, А.Г. Орлов поднял на линейном корабле «Трех

Чесменский бой. Журнал С.П. Хметевского

⁶³ Γριτσόπουλος Τ.Α. Τα Ορλωφικά. Η εν Πελοποννήσῳ ἐπανάστασις τοῦ 1770 καὶ τὰ ἐπακόλουθα αὐτῆς. Ἀθήναι 1967; *Samarianno-Cioran A. La guerre russo-turque de 1768–1774 et les grecs; Ροτζώκος Ν. Ἐθναφύλιση καὶ ἐθνογένεση: Ορλωφικά καὶ ἐλληνικὴ ἱστοριογραφία.*

⁶⁴ 27 мая, в тот день, когда суда, оставшиеся в распоряжении А.Орлова, покинули гавань Наварина, эскадра Эльфинстона имела бои на востоке Пелопоннеса близ Наполи-ди-Романья и острова Специя. Поскольку турки теперь имели большое численное превосходство, положение эскадры стало опасным. По словам А.Орлова, «если бы Эльфинстон хоть чуть проиграл от бешенства его, могли бы все в порте быть заперты и неизбежно погибнуть» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 550). Эльфинстон благоразумно оставил поле сражения.

Иерархов» кайзерфлаг, означавший, что именем императрицы к нему переходит единоличное командование объединенным флотом. В погоне за турецким флотом объединенная эскадра направилась к острову Парос (вероятно, тогда уже оценив его как удобное прибежище, ставшее впоследствии столицей Архипелагского княжества), а оттуда проследовала к острову Хиос, и при Чесме во время дневного сражения 24 и ночного боя 25 июня одержала блестящую победу, полностью уничтожив турецкий флот.

Чесменская битва — неожиданная, но при том едва ли не самая блистательная победа российского флота. Она же — самая известная и многократно описанная в мемуарах и историографии часть Архипелагской экспедиции⁶⁵.

Успех Чесмы серьезнейшим образом изменил мнение всей Европы относительно возможностей Архипелагского предприятия, от которого стали напряженно ожидать новых смелых акций, даже взятия Царьграда. Российский придворный поэт Павел Потемкин отозвался на эти ожидания стихотворением, завершающимся словами:

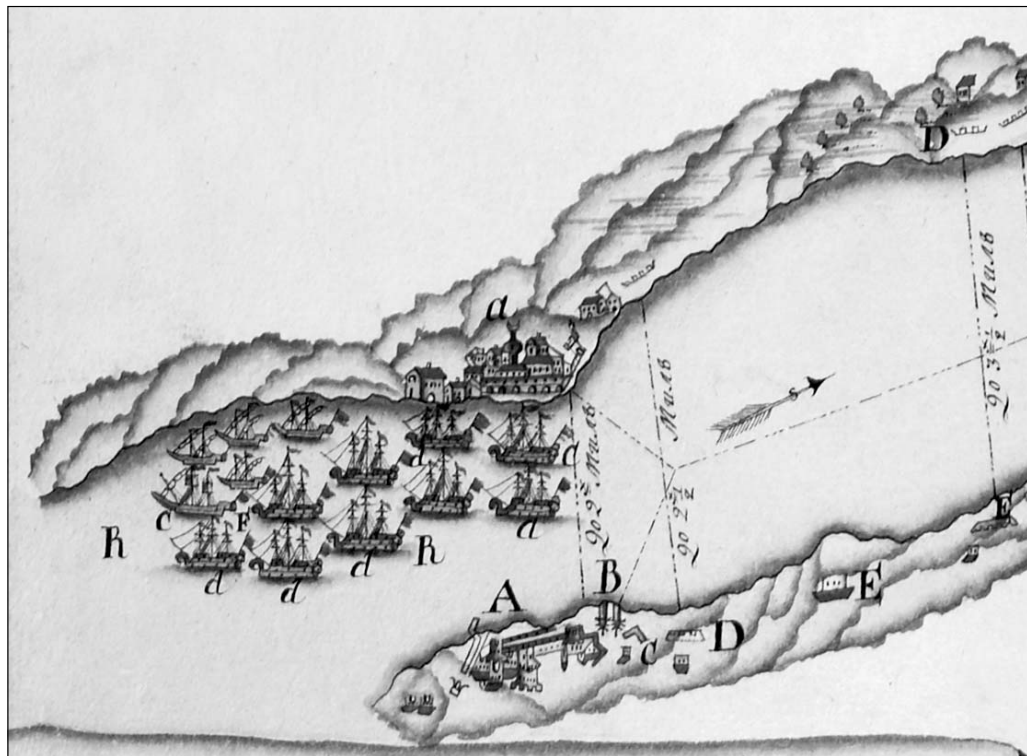
Родившись в свет, Орлов! для знаменитых дел
Возможность смертных сил далеко превзошел!
Россия на тебя с признанием взирает,
Европа дел твоих успехи прославляет.
Но славе оных дел еще тем не конец,
Орлов! тебе еще готовится венец.
Султан во ужасе тебя ждет и трепещет,
«Отвсюду русский гром на мя днесь стрелы мечет»
«...Мой рок меня страшит! Я вижу, что Орлов,
победы соверша, обняв мои пределы,
Пройдет не им, но мне ужасны Дарданеллы!»
Герой! Свершай сей рок и флоту повели,
Нет трудностей уже для Россов на земли,
Екатерина есть земное божество,
Ей повинуются все в свете естество.
Стамбул падет тобой, дерзай, рази врагов,
И славою побед безсмертен будь, Орлов!⁶⁶

Однако Царьград взят не был, в Петербурге ожидали новых беспримерных военных побед в Архипелаге, а получали лишь известия о не всегда успешных кратковременных высадках на турецкие берега⁶⁷. В Европе же все большую оза-

⁶⁵ Чесменский бой хорошо описан в литературе. Из последних работ см.: Монаков М.С., Родионов Б.И. История российского флота. М.; Кронштадт, 2006. С. 243–248; Гребенищикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 263–282. Одно из наиболее подробных описаний битвы приводится в Журнале С.П. Хметевского (Приложение 8. С. 587–590)..

⁶⁶ Потемкин П. Стихи Его Сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову на преславную победу флота, бывшую сего 1770 году июля 5 дня по новому стилю. СПб., 1770. С. 1–2.

⁶⁷ Например, в октябре 1773 г. от прибывшего в Петербург А.Г. Орлова императрица потребовала дать отчет, почему нет видимых результатов военной активности флота в Архипелаге, и что нужно предпринять, чтобы начать операции на материке в поддержку армии Румянцева. На вопрос, достаточно ли будет прислать в Архипелаг еще 20 тысяч войска (!), Орлов ответил, «что с толиким числом мог бы он идти прямо в Константинополь». Однако войско так и не было прислано (Архив Государственного совета (АГС). СПб., 1869. Т. I. С. 385–386).

Туецкие военные корабли у крепостей
Дарданелл. Журнал С.П. Хметевского

боченность вызывали «рутинные» действия российских крейсеров, блокирующих Дарданеллы, досматривающих суда и нарушающих ритм левантийской торговли. Постепенно в Европе стали появляться саркастические замечания о том, что «никогда не было экспедиции столь успешной и столь удаленной, в которой офицеры бы были менее наставляемы своим правительством, более невежественны относительно стран, более преданы бесполезным парадом и более отравлены удовольствиями, нежели русские в Средиземноморье»⁶⁸.

Что же все-таки смогли совершить под руководством А.Г. Орлова участники Средиземноморской экспедиции, чтобы использовать Чесменскую победу?

Смогли закрепиться на нескольких десятках островов Архипелага (тех, где не было сильных турецких крепостей) и создать базу флота на Паросе (о ней см. гл. 5). Смогли одержать серию побед на море: из них самыми значительными были победы 1772 г. в Ионическом море под Патрасом (М.Т. Коняев), снова в бухте Чесмы (С.К. Грейг) и под Дамьеттой у берегов Египта (Панаиоти Алексиано). В 1774 г. незадолго до заключения мира опять же в Хиосском проливе около Чесмы 21–30 мая (1–10 июня) эскадра А.В. Елманова захватила и уничтожила 25 турецких судов.

⁶⁸ Bruce of Kinnaird J. Travels to discover the source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Edinburgh; London, 1790. Vol. 1. P. 28–29.

Операции, требовавшие высадки десанта и действий «на сухом пути», как уже отмечалось, приносили меньше успехов. В 1770 г. был осажден о. Лемнос, но несмотря на длительную осаду, остров взят не был⁶⁹.

В 1771 г. в результате десантных вылазок: в августе в заливе Макри у Ливисы были сожжены турецкие провиантские склады, а на о. Негропонт (Эвбея) смогли захватить склады с пшеницей и переправить добычу на свою базу в Аузе; в сентябре десант под командой С.К. Грейга захватил несколько складов с мукой и пшеницей у порта Кавала и десант П. Алексиано взял крепость Кефалос на о. Станчио (Кос); в ноябре развернулись десантные операции на о. Митилина (Лесбос), завершившиеся гибелью фрегата «Санторин» и пленением 28 человек вместе с капитаном И.Т. Овцыным.

В 1772 г. летом военных действий не велось в связи с перемирием, а осенью С.К. Грейг безуспешно попытался взять крепость на о. Хиос. В 1773 г. самыми значительными событиями стали взятие (второе) Бейрута 29 сентября (10 октября) 1773 г. М.Г. Кожуховым и И. Войновичем (см. подробнее гл.8), а также неудачные десантные операции эскадры А.В.Елманова — нападение на крепость Будрум (30–31 июля) и кровопролитная высадка на о. Станчио (6–7 августа)⁷⁰.

Кажется, что Чесменская победа, обеспечив безусловное преобладание российского флота в Восточном Средиземноморье от Дарданелл до Египта, так и не смогла переломить положение с сухопутными десантными операциями, которые оставались рискованными и часто малоуспешными. Однако следует учитывать, что пополнения, присылаемого в Архипелаг из России, всегда было недостаточно и сухопутные операции выполнялись весьма скромными силами — русских солдат, по подсчетам Г.А. Гребенщиковой, на берег при Будруме высадились 432 человека, а при Станчио 550!

Основную массу сухопутных десантных сил Архипелагской экспедиции составляли *нерегулярные части*, именуемые «албанскими». Уже осенью 1770 г. стало ясно, что с уходом из Морей идея сотрудничества с жителями Балкан и Архипелага в борьбе против турок не умерла. В затяжной осаде крепости Пелари на Лемносе принимали участие почти вдвое больше «славон и албанцов», чем русских, и эти нерегулярные части проявили на этот раз героизм и

⁶⁹ Участвовавший с возведении батареи и высадке десанта на Лемнос инженер-поручик Г. Келхен причины неудач при штурмах крепости объясняет и так: «у неприятеля было одних ружейных близь 1000 человек по стенам, камни бросали женщины и малые робяты». Лишь 25 сентября (5 октября) крепость Лемноса начала переговоры о сдаче: «В полдень в крепости Лемнос на цитаделе выкинул неприятель бел с черным крестом флаг, что означало, по обыкновению содержащихся на бекете турок, сдача крепости». Но в этот самый момент произошло непредвиденное: именно в момент начала переговоров 5 октября на помощь защитникам Лемноса подоспело 5-тысячное турецкое подкрепление (винили Эльфинстона, перед этим снявшего осаду Дарданелл). Силы стали неравными, продолжение борьбы за остров — невозможным. Когда турецкое подкрепление оказалось в «крайней близости», осаждавшие подорвали батареи, 2 пушки и пороховой погреб, погрузили на плоты часть инструментов, артиллерию и людей. 26 сентября (6 октября) весь десант переправился на корабли, кроме того, на суда переправили всех 103-х больных лихорадкой, находившихся в деревне Плате. Турок, вышедших из крепости, поместили как пленников (а среди них было шестеро «знатных людей») на судно «склавонского командира, а российского капитана графа Войновича», и в боевом порядке корабли покинули Лемнос (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. л. 30об.–37об.).

⁷⁰ См. подробно: *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II.

организованность. В журнале инженер-поручика Г. Келхена, участвовавшего в осаде, описывается, как во время одного из штурмов «албанцы, склавонцы, романцы и греки, хто и покушались итить в брешь (пробитую в стене. — *Авт.*) с крайним напором, как уже имы то и начето было, но видя наших солдат без движения, будучи не в силах, отступили, кроме что из оных капитан Псаро, быв поблизости брещи с 70 греками и не успев отступить, принужден лежать всю пятое число (5 августа ст.ст. — *Авт.*) до самой ночи под стеною, и так во оную атаку из албанцов, шклавонцов, романцов и греков убито и ранено 30 человек»⁷¹. А С.П. Хметевский отмечал: «Славонцы в самое то время хотели ворваться в брешь, но по нещастию человек шесть изрубили, также и по зделанным нарочно лесницам крепость хотели штурмовать, но лесницы были коротки, и все оное предприятие не служило к нашей храбрости и благоразумию, и такая неудача принудила крепость оставить, и впредь подобно сему покушения не чинить, а уговаривать по прежнему каждую ночь, чтоб крепость отдать без кровопролития»⁷².

После ухода с Лемноса адмирал Спиридов, оставленный в ноябре 1770 г. командовать всей Архипелагской экспедицией на время отсутствия А.Г. Орлова, предпринял меры по организации «албанского войска», учтя, вероятно, просчеты, допущенные в романтический период начала военных действий в Море. Для пополнения сухопутных сил Архипелагской экспедиции в марте 1771 г. Г.А. Спиридов обнародовал призыв к «*храбрым всегда в военных делах христианского закона*» славянам, грекам, македонцам, албанцам и румелиотам, «которые серебро и золото за малое дело ставят, а предпочитают больше всего военную свою славу и вольность», вступать на российскую военную службу. Кроме «вольности во все будущее время», им были обещаны взятая добыча и плата деньгами «не на пьянство и не на картежную и косяную игру, блядовство и мотовство», но на обувь, одежду, провиант»⁷³.

18 января 1771 г. Спиридов писал командиру Шлиссельбургского полка полковнику Е.Ф. Толю о том, какими бы он хотел видеть добровольцев: «чтобы люди были росту виднаго, плотные, чистые и здоровые и не старых лет да, ежели еще и холосты или вдовы, не имущия у себя детей, ибо таковыя охотно с нами и в Санкт-Петербурх могут ехать и у нас тамо навсегда остаться...». Далее Спиридов высказывал свое отношение к добровольцам из разных балканских этнических групп: «К солдатству способнее славоне [потому], что они наш, а мы их язык больше разумеем, да и народ к ружьи привычный и храбрый, греков, хотя такие видные, но мало к ружью привычных и не боязливых неприятелю, руменионы же, македонцы и албанцы не меньше к ружью привычны и храбрости имеют, как и славона, а может быть, смелее и стрелки хорошие, но [не] так скоро по своевольству их, привычке к шалостям и по незнанию нашего языка к регулярству привыкнув, однако думаю, что по нынешнему всех их состоянию будут охотники и станут просить о принятии в службу в солдаты и егери»⁷⁴.

⁷¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 30об.

⁷² Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 600.

⁷³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 300.

⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 138–138об.

Местом сбора албанских и греческих добровольцев, которые на малых и средних судах стали ежедневно прибывать на Парос, была база российского флота в Аузе. Только за май 1771 г. «прибыло для принятия службы из Албании албанцев 825, из Мореи албанцев 974, греков 261, из Романии романиотов 106, из Кандии греков 262, из разных островов греков 231, да со всеми, которые оставались теперь, албанцев и греков при флоте 2659 человек»⁷⁵, и в последующем приток добровольцев продолжался. 29 мая 1771 г. для них, как и за год до этого для двух «легионов» в Мореи, были освящены 4 новых знамени, а 8 июля прибывший в Аузу А.Г.Орлов устроил смотр албанским и греческим волонтерам⁷⁶.

Таким образом с 1771 г. российское командование, учтя опыт Мореи, сделало ставку не на «всех греков», а на тех добровольцев из населения Балкан и Архипелага, для кого военная служба стала *профессией, заработком и времяпрепровождением*. Смелость и выносливость, проявленные «албанцами» на этом этапе войны, способствовали тому, что у русских в отношении к добровольцам из греков и славян вернулись и уважение к их смелости, и сочувствие к их угнетенному положению. Например, участник экспедиции М. Коковцев, бранивший мирных «не-просвещенных» жителей Архипелага, писал: «Во время пребывания российского флота в Архипелаге, ободряемы российским оружием, явили они (греки. — Авт.) знаки отличной храбрости; самые малые их суда при нападении турецких галер лучше жглись, нежели соглашались отдаться в плен неприятелю. Нерегулярные войска, из них набранные, яко то албанцы (потомки древних македонян), [с]фациоты (нагорные кандиюцкие жители [Сфакьи]), другие, при высаживании их на берег показывали всегда отличное мужество, их оживляющее. Ипсариоты, миконцы и прочие островяне вооружали небольшие суда, тартаны, полугалеры и соколены называемыя, которыми при помощи Российского флота не токмо множество турецких купеческих кораблей пленили, но, выходя часто на берег, опустошали селения»⁷⁷. О смелости добровольцев писали в своих мемуарах С.К. Грейг и С.П. Хметевский.

Вместе с тем, албанские отряды, пребывавшие под командой своих офицеров, таили угрозу неподчинения, а их «шалости» вызывали страх и многочисленные жалобы местных жителей, с которыми приходилось разбираться российскому командованию⁷⁸. В периоды перемирий любое «своеволие» албанцев могло обернуться серьезными последствиями для хода мирных переговоров, а потому, например, в июле 1772 г. А.Г. Орлов предупреждал А.В. Елманова: «албанцы привыкшие к своеволию и грабегам не в виду и не в руках у русских командиров дельвали некоторые шалости, но то по военному состоянию кое-как проходило, а теперь бы с перемирием не претерпеть бы нежелаемые следствия»⁷⁹. Примечательно, что в период перемирия 1772 г. многие албанские подразделения были распущены, но далеко не все. И в 1773, и в 1774 г. без албанских частей все так же

⁷⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 142об.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786. С. 71–72.

⁷⁸ См., например: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 211об., 235об., 237–237об., 299–300 и др.

⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 46. Л. 74.

Воины-албанцы, какими их увидел в 1776 г. граф Шуазель-Гуффье

не обходилась ни одна военная операция с высадкой на побережье. После же заключения мира с турками именно из «албанского войска» последовали первые и самые многочисленные прошения переехать с семьями в Россию.

И все-таки не всегда удачные операции Архипелагской экспедиции «на сухом пути» сыграли свою серьезную роль. Постоянные удары, наносимые десантными отрядами по различным точкам обширных прибрежных территорий Османской империи и ее островных владений с целью захвата или уничтожения турецких складов боеприпасов, снаряжения и продовольствия, разрушения арсеналов и верфей, наносили урон обороноспособности Порты, заставляли турецкое правительство содержать и укреплять свои гарнизоны, отвлекая вооруженные силы от участия в войне на суше с армией Румянцева, подталкивая к выгодному для России мирному трактату. Участие же в сухопутных операциях добровольцев — албанцев, македонцев, греков, славян, румелиотов и др., которых чаще огульно именовали «албанцами», — обеспечило не только саму возможность большинства этих операций, но и создавало традицию *реального* взаимодействия, прошедшего на смену романтизированному «единению».

Однако, чтобы, как писала Екатерина II, «замыслить и большее», имеющихся сухопутных сил оказалось недостаточно. И этот опыт также был учтен в будущем. В 1787 г., готовя новую Архипелагскую экспедицию (правда, так и не отправленную), канцлер А.А. Безбородко выразился вполне ясно: Чесменская победа «прославила российский флаг», да и «народы единоверные с нами и ныне, как прежде, возстанут противу Турков», «но их присоединенное пособие не соста-

вит нужной силы, буде мысли простирать на потрясение монархии турецкой, на поиск противу Дарданелл, Царьграда и других мест важных. И так чтобы намерению важному и полезнейшему дать всю важную деятельность, непременно нужно послать с сим флотом достаточное число сухопутных войск и о снабжении равномерно оными условиться с императором (австрийским. — Авт.)... без чего, по примеру судя прежнему, не будет в состоянии наш флот утвердить или распространить свои завоевания, а наипаче нанести беду турецкой столице и местам, предстоящим охранению оной» (курсив наш. — Авт.)⁸⁰.

КРЕЙСИРОВАНИЕ ИЛИ КАПЕРСТВО?

После Чесменской победы главным в деятельности Архипелагской экспедиции стало патрулирование морского пространства от Египта до Дарданелл, от Балкан до Малой Азии и сирийских берегов. О том, почему именно *крейсирование*, а не военные десанты, оказалось ведущим направлением активности, А.Г. Орлов писал Н.И. Панину: «Бог благославил усилия наши, и мы почти в начале первой кампании увидели себя бесспорными владельцами всех вод Средиземного моря, где только пролегли турецкие селения. Однако и в сем нашем выгодном положении много предпринять мы не могли, как пресекать подвоз съестных припасов в наинаселеннейшие неприятельские места, не помышляя более о покушении на сухопутии»⁸¹ (курсив наш. — Авт.). Разумеется, пресекался и подвоз вооружения.

«Крейсирование» вместе с блокадой Дарданелл должно было пресечь подвоз грузов в столицу Османской империи «и оголодить» Константинополь. Кроме того, оно часто сопровождалось захватом «призов» (грузов, которые принадлежали туркам или могли быть признаны военными). Крейсера останавливали и досматривали суда всех держав, как враждебных, так и нейтральных и союзнических. Это дает основание некоторым исследованиям называть «крейсирование» российских военных «каперством»⁸² и даже «корсарством». Так, по мнению А.Б. Широкограда, склонного все упоминания о «крейсировании» в Восточном Средиземноморье называть «корсарством», пиратство было важнейшей составляющей российского присутствия в Архипелаге⁸³. Напротив, Г.А. Гребенщикова с не меньшей безапелляционностью утверждает, что «за период нахождения в Средиземном море российских эскадр фактически полностью прекратилось пиратство и корсарство на море, когда русские корабли совместно с датскими и английскими осуществляли конвоирование коммерческих судов и обеспечивали охрану грузов»⁸⁴. Думается, однако, оценка действий крейсерских отрядов не может быть столь однозначной.

⁸⁰ АГС. Т. 1. С. 502–503.

⁸¹ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773. С. 254.

⁸² Каперство — военные действия против военных и торговых судов враждебного государства, осуществляемые частными судами-каперами (нем. *Kaper*, фр. *corsaire*, англ. *privateer*), получившими на то специальное разрешение.

⁸³ Широкоград А.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. Звездный час русского флота. М., 2006. С. 88–96. В данные, приводимые автором, вкралось немало фактических ошибок и тенденциозных трактовок.

⁸⁴ Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 443.

Вторгаясь в 1769–1770 гг. в Средиземноморский регион, командующие эскадр были строжайшим образом предупреждены императрицей о крайней осторожности в отношении судов Франции и других нейтральных держав, о соблюдении всех обычаев «салютации» при встрече с иноземными судами и при входе в порты, дабы действия российского флота не могли породить дополнительных трений с европейскими государствами⁸⁵. Все эти наставления первоначально строго соблюдались⁸⁶, и только после Чесменской победы, когда Российский флот стал в значительной степени хозяином в Восточном Средиземноморье, осторожности в отношении к иностранным судам, плавающим в водах Архипелага, заметно поубавилось.

Сосени-зимы 1770–1771 гг. для обеспечения контроля за всеми передвижениями командование экспедиции разделило регион на зоны ответственности крейсерских отрядов, состоящих (кстати, подобно сухопутным силам) как из регулярных судов российского флота, так и из приданных в отряды судов с греческими или славянскими капитанами-арматорами, получившими русские патенты. Крейсерская деятельность осуществлялась круглый год и ограничивалась только во время перемирий, когда крейсерам запрещали подходить близко к турецким берегам (в это время активно подкупали греческих купцов, чтобы те разведывали ситуацию)⁸⁷.

Каждому отряду «крейсеров» отдавались распоряжения, предусматривающие их значительную самостоятельность⁸⁸. Во главе крейсерских отрядов могли быть как капитаны, так и военные моряки высшего ранга. Например, по прибытии эскадры контр-адмирала Арфа в 1771 г. ему был выделен для крейсирования район от Миконоса до азиатского побережья (до островов Хиос и Митилини/Лесбос) «для смотрения и разведвания неприятельских судов... неприятельские разбивать... призы брать...» и сигналить о турецком флоте, выходящем из Дарданелл⁸⁹. В 1772 г. эскадра под командованием контр-адмирала Елманова с 27 февраля (9 марта) по июль крейсировала у Дарданелл, прочно заперев проход к столице Османской империи.

Главным над арматорскими судами («судами с патентами») 5 ноября 1771 г. А.Г. Орлов назначил Ивана Войновича, но задачи для арматоров оставались теми же, что и для «регулярных» крейсеров, — досмотр всех судов и разведка о передвижениях неприятеля⁹⁰. Отношение к арматорам напоминало отношение к «албанцам» — арматоры вызывали как восхищение⁹¹, так и опасения: их подозревали

⁸⁵ Рескрипт Г.А. Спиридову июня 1769 г., в частности, гласил: «Прежде всего, иметь вам (Спиридову. — *Авт.*) главным и неперменным правилом служить, чтоб во все время плаванья вашего отнюдь не останавливать и не осматривать никаких христианским державам принадлежащих торговых судов... ибо намерение наше весьма удалено и от самого малейшаго утеснения чьей либо коммерции», «напротив чего суда магометан должны всегда добрыми призами почитаемы и как таковыя в пользу употребляемы быть». (Цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. ХСII, ХСV). То же подтверждалось Рескриптом Спиридову от 13 января 1770 г. (Там же. С. ХС–ХСI).

⁸⁶ О количестве залпов, которыми обменивались суда, постоянно пишут инженер-офицеры флота (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860).

⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 46. Л. 69, 141об.; Ф. 315. Оп. 1. Д. 609. Л. 9–13.

⁸⁸ Это не исключало координации действий с «соседями». См., например, переписку крейсирующих между островами Зей, Андрос и Специя капитанами Скуратовым и Мельниковым о том, какими сигналами они будут обмениваться в случае появления неприятеля, и о том, чтобы «быть один от другога на виду». (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1 Д. 65. Л. 172–173).

⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 79.

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 210–211 об.

⁹¹ Например, см. историю взятия крепости Кастро-Россо Николетто Кужевицем в кн.: *Коквице М.Г.* Описание Архипелага и варварийского берега. С. 67–68.

в злоупотреблениях и открытом грабеже европейских торговых судов, в присвоении захваченных «призов». В 1769 и 1770 гг. Совет при Высочайшем Дворе и лично Н.И. Панин в переписке с А.Г. Орловым отмечали, что использование греческих арматоров с русскими патентами — «весьма дешевый... способ беспокоить и обезсиловать нашего неприятеля», но он «встречает единственно то неудобство, что ауториземые от нас каперы, изыскивая только свою пользу и прибыток», станут грабить не только турецкие, но и христианские суда⁹². Действительно, случаи участия «арматоров», как, впрочем, и русских военных судов-«крейсеров» в нападениях не только «для причинения в разных местах неприятелю беспокойства»⁹³ имели место. Однако командование экспедиции предпринимало усилия для того, чтобы пресечь грабежи, а досмотру, изъятию призов и даже захвату некоторых судов⁹⁴ придать форму законности.

В международном морском праве этого времени не существовало четких положений о круге товаров, составлявших предмет военной контрабанды, и каждая держава определяла его по-своему. Согласно «*Consolato del mare*», Россия придерживалась правила, по которому неприятельский груз, перевозимый судами нейтральных государств, составлял приз российского флота, как и сами суда с грузом, идущие под турецким, алжирским, тунисским, триполийским и рагузинским флагами⁹⁵. К тому же весьма неопределенной могла быть акватория морских владений противника, на которую бы во время войны распространялся контроль, а по существу блокада.

Многочисленные претензии европейских держав, особенно Франции, чья левантская торговля более всего пострадала от подобной блокады⁹⁶, беспокоили Н.И. Панина и императрицу. Эти беспокойства усилились в связи с осложнением международной обстановки после первого раздела Польши и монархического переворота в Швеции, чреватого русско-шведской войной⁹⁷. К тому же после Чесменского сражения ряд европейских государств ввел в воды Средиземного моря свои военные эскадры, а французские торговые суда, перевозившие военную контрабанду, согласно возмущенным жалобам А.Г. Орлова, сопровождалась фрегатами французского военного флота⁹⁸. Это уже грозило вооруженными столкновениями, чего как огня страшились Екатерина и Н.И. Панин. И хотя А.Г. Орлов на их предупреждения возражал (если фрегаты будут мешать досмотру грузов, то нельзя будет обойтись «без пушечного доказательства, а там уже и посмотрим, кто будет правее»)⁹⁹, он вынужденно проявлял сдержанность.

⁹² Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. СХХ.

⁹³ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 681.

⁹⁴ Значительное количество архивных материалов по этому вопросу приводит Г.А. Гребенщикова (Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 347–351 и др.).

⁹⁵ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 42.

⁹⁶ См.: Anderson M.S. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768-74 // English Historical Review. [New York], 1954. XIX (№270). С. 39-58.

⁹⁷ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. Т. 28. Гл. IV; Переписка гр. Н.И. Панина с гр. А.Г.Орловым-Чесменским. С. 256.

⁹⁸ Угроза того, что французский военный флот выйдет из Тулона по направлению к Леванту, сохранялась и в дальнейшем, причем главными аргументами сторонников военной акции во Франции были защита торговли и пресечение пиратства. См., например: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор, и Черное море в XVIII веке. С. СХХII.

⁹⁹ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770-1773. С. 243.

Первые гарантии от А.Г. Орлова в том, что европейским торговым судам не только никакого повреждения «не будет учено», но корабли под флагом российской императрицы будут оказывать им покровительство, если те не нарушают правил войны, были даны Орловым на запрос европейских купцов Смирны еще в середине августа 1770 г. Вскоре об этом с удовольствием сообщили европейские газеты (G. d'A. № 83). В сентябре до европейцев дошли сведения и о том, что А.Г. Орлов в Архипелаге подписал обращение «ко всем нациям», что много иностранных кораблей курсирует по морям Архипелага и Греции под флагом России, занимаясь разным пиратством, в том числе и против христианских судов, но граф Орлов просит *не считать эти суда русскими*, если у них нет акта, подписанного и скрепленного печатью его армии¹⁰⁰, а «считать их пеной морской» и наказывать их капитанов (G. d'A. 1770. № 78)¹⁰¹. С не меньшим удовольствием франкоязычная «Амстердамская газета» писала и о том, что в декабре 1770 г. русское судно захватило в Архипелаге *корсарское судно*, на борту которого были 60 рулонов тканей, взятых с французского судна, и российский капитан *переправил этот товар французскому вице-консулу на о. Тино* (G. d'A. 1771. № 15).

В начале 1771 г. русскими в Архипелаге разрабатываются нормы, регламентирующие действия судов, находящихся на боевом дежурстве. В этих правилах, которым должны были следовать «крейсирующие» суда, полагалось коммерческое судоходство «не беспокоить», христиан от «варварского плену» спасти, но все-таки осматривать грузы коммерческих судов, оказавшихся вблизи боевых действий. В этом случае все вооружение (кроме потребного для купеческого корабля), обнаруженное на судне, объявлялось контрабандой и изымалось¹⁰².

Уже через год, в начале 1772 г., «Амстердамская газета» сообщила, что, когда взбунтовавшиеся «албанцы» захватили два судна русской эскадры и начали на них пиратствовать, граф Орлов пригласил не только жителей Архипелага, но даже *турок (!)* совместными усилиями покончить с разбойниками (G. d'A. 1772. № 7). В 1774 г. Спиридов и командующий французским военным судном Леклер Мартели де Шотард договорились и о создании «призовой комиссии», рассматривавшей жалобы купцов и компенсировавшей часть потерянного ими имущества¹⁰³.

В целом же, несмотря на все официально выражаемые протесты, европейские державы были вынуждены считаться и считались с нормами торговли и судоходства военного времени, установленными в регионе, пребывающем, по заявлению А.Г. Орлова, в условиях блокады. Положительный и негативный

¹⁰⁰ Такой «акт», или «патент арматора», как показывает Г.А.Гребенщикова, был разработан на основании британского морского права И.Г. Чернышевым в Лондоне, отправлен из Лондона в Петербург и после некоторых исправлений переведен на итальянский язык и в количестве 50 экземпляров «Правила для партикулярных корсаров» переслали в начале войны в Ливорно. Однако, по данным Г.А. Гребенщиконой, «А.Г. Орлов не воспользовался этими патентами», хотя, по ее же утверждению, патентов «принятым в Российскую службу греческим капитанам, с именем российских офицеров на казенных судах» только с мая по декабрь 1770 г. было выдано восемь (Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 196–197, 297). Некоторые документы также изданы: The Movement for Greek Independance 1770-1821. A collection of documents / Ed. and transl. by Richard Clogg. London etc., 1976. P. 70–76; АГС. Т. 1. С. 388.

¹⁰¹ Текст этого обращения см.: Петров А. Война России с Турцией. Т. 2. С. 388–389.

¹⁰² См.: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 347.

¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 8, 13–15.

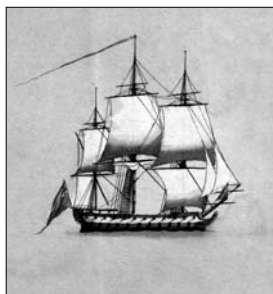
опыт, приобретенный Россией в осуществлении этой экономической блокады, был, несомненно, полезен. В дальнейшем он был использован Россией при формулировании принципов декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. (в частности, в декларации уточнялись понятия военная контрабанда и пространство, на которое могла распространяться блокада). Декларация 1780 г., как известно, внесла важный вклад в становление международного морского права нового времени. В следующую войну с турками рассчитывать на сбор обильного «призового» фонда уже не приходилось. Как отметил канцлер Безбородко на совете 1787 г., «общий союз морских держав, прикрывающих купеческую торговлю, не позволяет теперь выгоду призов, которые тогда (т.е. в 1770-ые гг. — *Авт.*) приносили пользу»¹⁰⁴.

В целом, оценивая итоги военных действий флота и приданных ему сухопутных соединений в 1770–1774 гг., важно отметить, что из множества непростых ситуаций, таящих опасности и для международного имиджа страны, и для авторитета православного Российского царства среди христианского населения Османской империи, и для существования эскадр Балтийского флота в Средиземное море, «бесславный» конец которых казался более чем вероятным, Первая архипелагская экспедиция вышла достойно. Первый приход российского флота в Средиземное море превратился в его длительное пребывание на островах и свободное передвижение по всему Средиземноморью. О том, чем стало присутствие российских моряков в Архипелаге, в Венеции, на Апеннинском полуострове и на Ближнем Востоке, как их воспринимали и что запомнили они, иными словами, как происходило политическое и культурное освоение пространства Средиземноморья, речь пойдет в следующих главах.

---

¹⁰⁴ АГС. Т. 1. С. 503.

РУССКИЕ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Е.Б. Смилянская, М.Б. Велижев, И.М. Смилянская

«РОССЫ В АРХИПЕЛАГЕ», ИЛИ ГРЕЧЕСКОЕ КНЯЖЕСТВО ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Е.Б. Смилянская

Победоносные Российских воев длани
Пленили весь почти вокруг Архипелаг
Везде с почтением Российской видят флаг.

Павел Потемкин. «Россы в Архипелаге»

БЫЛИ ЛИ ЦЕЛЬЮ РОССИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ?

Все время войны и пребывания российского флота в Средиземноморье Екатерина II едва ли переставала интересоваться проблемой территориальных захватов.

Меняющиеся перспективы территориальных приобретений — то призрачные, то вполне реальные — заставляли Екатерину и ее окружение постоянно размышлять о предназначении и будущности новых владений как опорных пунктов флота, или «коммерческих» пристаней, или знаков присутствия России в регионе.

В переписке с Вольтером, постоянно возвращавшимся в серьезной или в полушутливой форме к идее захвата Россией Константинополя и Афин, Екатерина была осторожна. В начале войны, в декабре 1768 г., она колебалась: «ежели мне будет столь же легко вести войну против турок, сколь нетрудно мне было ввести в употребление прививание оспы, то Вам, верно, скоро надобно будет исполнить свое обещание по которому Вы хотели видеться со мною в том месте, где, как сказывают, *погибли все завоеватели оного* (в Константинополе. — *Авт.*). Этот один слух, мне кажется, уже довольно силен всякаго *удержать* от такого покушения»¹. В сентябре 1770 г., описывая успех Чесмы, императрица тем не менее была настроена вполне реалистично: «Что принадлежит до Константинополя, то я не полагаю, чтоб оно скоро могло быть исполнено. Однако же сказывают, отчаяваться не должно ни в чем»². Во время же переговоров в Фокша-

---

¹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год / Пер. с франц. Иван Фабиян. М., 1805. Ч. 1. С. 34.

² Там же. С. 118.

нах в мае 1771 г. Екатерина II вернулась к теме территориальных захватов, уже будучи в сильном раздражении: «Ежели в нынешнем году мир не будет заключен, то Вы можете приказать приуготавливать Ваши носилки (чтобы отправляться для встречи с Екатериной в Константинополе. — Авт.). Не забудьте, Государь Мой, поместить в них стенная фернеской вашей фабрики часы: они будут поставлены в церкви Св. Софии и будущим древности любителям подадут случай к сочинению нескольких ученых диссертаций»³.

Если Вольтеру русская императрица писала, рассчитывая на возможный пропагандистский эффект, то сокровенными мыслями относительно предназначения экспедиции в Средиземноморье («все сие пишу Я единственно для откровения моих мыслей») Екатерина II делилась, судя по всему, с А.Г. Орловым, причем еще тогда, когда основная часть первой эскадры — эскадры Спиридова — только достигла Порт-Магона, преодолев трудности долгого пути. В своем письме от 8 января 1770 г. императрица рекомендовала Орлову не предпринимать «какие ни есть весьма отважные наступления» и размышляла о приобретении — нет, не Константинополя! — а всего лишь *либо острова, либо материкового порта* (что лучше — она сама к этому времени еще не решила). Далее императрица рассуждала так: «моя мысль есть, чтоб Вы старались *получить порт на острове или на твердой земле, и, поколику возможно, удержать оный* (выделено нами. — Авт.). Сказав Вам сие, признаюсь, что имею два вида: один тот, чтоб вас, пока ваша куча не знатно умножится, с малым числом не подвергнуть опасности (Екатерина готовит третью эскадру, которой придает сухопутные силы, вторая уже в пути, к тому же она предлагает нанять людей из христиан-мореходцев Средиземноморья. — Авт.); второй, чтоб, хотя б и ничего много не сделали, то бы тем самым вы много для переду предупели, если б доставили России в руки порт в тамошнем море, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во время мира и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю. Если же дела ваши так обратятся, что вы в состоянии будете замыслить и более сего, то тогда и сей порт нам всегда служить может, не быв ни в каком случае вреден. Но сие же едва не удобнее ли остров, нежели твердая земля, и то еще остров не самый большой; но однако порт на твердой земле будет же иметь и свои особые выгоды»⁴.

Итак, по замыслу Екатерины, следовало, прежде всего, приобрести порт, который необходим эскадре в *настоящий момент* для ведения военных действий вдали от родины, но он еще более важен в *будущем*, дабы закрепить присутствие России в Средиземноморье. При этом Екатерина предполагала два возможных поворота событий: как минимум — приобрести порт, но «если можно замыслить и более сего...» — то возникает надежда на обретение «*столицы империи агарянской*».

Пять дней спустя, 13 января 1770 г., в новом письме к А.Г. Орлову императрица развивала свою мысль, рассматривая не только стратегический, но и политический аспект присутствия России в Средиземноморье. Она уже знала о неудачах князя Ю.В. Долгорукова в Черногории, более того — она не исключала, а, в сущности, пред-

³ Там же. Ч. 2. С. 4.

⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 529. Как известно, А.Г. Орлов первоначально предпочел порт на твердой земле и эту роль он отвел Наварину в Морее, в начале 1770 г. еще рассчитывая на широкое восстание греков и успешное взаимодействие с повстанцами.

видела неуспех и главных действий православных подданных Османской империи в союзе с российской эскадрой («да пускай бы и тут веками порабощения и коварства развращенные греки изменили своему собственному благополучию»). Вместе с тем, и в этом неблагоприятном случае, полагала Екатерина, «одна наша морская диверсия с подкреплением оной *маинскими портами* (портами на Пелопоннесе. — *Авт.*), или занятием другого какого надежного места для морского *прибежища*, уже довольны привести в потрясение и в ужас все турецкие в Европе области, и тем самым прославить и возвести еще на высшую степень почтение к силам и могуществу Нашей Империи, обуздывая ненавистников...»⁵ (курсив наш. — *Авт.*).

Следовательно, согласно рассуждениям российской императрицы, при любом течении событий, исключая, естественно, поражение российских морских сил (стремясь предотвратить которое, Екатерина принимала все возможные меры), Россию ждет военно-политический успех, так как народы, населяющие европейскую Турцию, будут «потрясены», возрастет влияние России среди христиан и ослабнут мусульмане (что таит угрозу антиправительственных выступлений в Османской империи и, тем самым, приближает окончание войны), не говоря об усилении в мире авторитета России. В итоге — достигалась возможность утвердиться в Средиземноморье, потеснив главные европейские державы, хотя и не путем экономического проникновения (что едва ли было доступно российской коммерции), но средствами военными.

Императрица не зря все это растолковывала Алексею Орлову, ведь, как уже отмечалось, до печального исхода событий в Море им двигали несколько иные пристрастия: он мечтал об освобождении греческих единоверцев и предвкушал радость совместных побед. Кроме того, во всех официальных документах, связанных с посылкой эскадр в Средиземное море, констатировалось, что целью военно-морской экспедиции России является не приобретение земель, а нанесение совместно с греческим и славянским населением удара по вооруженным силам Турции. В высочайшем рескрипте адмиралу Спиридову от 15 июля 1769 г. уточнялось: «стараться составить» из греков и славян «при нашем подкреплении и под нашим руководством» целый корпус для «упражнения турецких сил в собственной своей земле», а если поможет «десница Всевышнего», и для потрясения в Европе «самого основания оных вкупе с столицею злочестия магометанского»⁶. Здесь, как видим, изложена программа-максимум в духе орловской удали: «и если ехать, так уж ехать до Константинополя...». В то же время в высочайшем рескрипте контр-адмиралу Эльфинстону от 25 сентября 1769 г. главная цель экспедиции официально определялась так: «*главная* всему нашему плану *цель* состоит в *поднятии на турков* подвластных им греческих и славянских народов, следовательно же, и долженствует уступать оной *первое место*»⁷ (курсив наш. —

⁵ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // СБРИО. СПб., 1867. Т. I. С. 35. Впрочем, в этой своей аргументации императрица отчасти перефразировала слова самого Алексея Григорьевича: он годом ранее, ссылаясь на информацию, полученную им в Италии, подтверждал императрице целесообразность присылки эскадры, которая, по его словам, не только причинит военный урон туркам, «но нанесет ужас всем магометанам, а кураж и ободрение православным и более страшно им быть может, нежели все сухопутное войско» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 365).

⁶ Там же. С. 366 и др.

⁷ Там же. С. 405.

Авт.). Даже в апреле 1771 г. в «пунктах» о принятии на службу руководителя следующей эскадры — датчанина Арфа, специально оговаривалось, что Арфу не может быть дан план действий в Средиземном море, так как «тамошним нашим морским операциям невозможно здесь никак постановить операционного плана, ибо он *главнейше зависит должен от тех действий, которые произойти могут между того края христианами турецкими подданными*»⁸ (курсив наш. — Авт.). И опять, как в рескрипте Спиридову, — ни слова об *островах и «удобных пристанях»*, ибо «секрет — душа политики».

Однако, не афишируя планов территориальных приращений, в 1770 г. Екатерина не могла не думать и о будущем устройстве греческих земель. В письме к Вольтеру, датированном 27 мая / 7 июня 1770 г., она еще видела Грецию «вольною»⁹ и в августе 1770 г. писала об участии «спартанских легионов» при заключении возможного мира с Портой¹⁰.

Примечательно, что, еще не зная о Чесменской победе и об установлении господства русского флота в Архипелаге, 19 июля 1770 г. императрица направила А.Г. Орлову очередной рескрипт. Она пока не имела достоверных известий о морейской драме, а сведениям, публиковавшимся в европейских газетах, не очень доверяла. По-видимому, Екатерина находилась еще под впечатлением известий об успехах в Морее, хотя морейское донесение А.Г. Орлова, не предрекавшее побед на суше, должно было ее насторожить. Тем не менее она понимала, что впереди предстояли контакты с архипелагскими греками, а следовательно, взаимоотношениям с греческим миром надлежало придать ясность. Рескрипт свидетельствовал о том, что «испанские замки» Екатерины II постепенно обретали реальные очертания; к тому же он позволяет проследить политический генезис «Греческого проекта». В рескрипте Екатерина, избегая определения политического строя освобождавшихся греков, туманно писала лишь о некоем *политическом бытии нового «соединения»*, обладающего «новым и целым корпусом»¹¹.

После получения информации о поражениях соединенных с греками российских частей в Морее и об одержанной русскими победой при Чесме Екатерина, кажется, «забыла» об идее греческой самостоятельности. 28 сентября / 9 октября 1770 г. она писала Вольтеру: «Греки и Спартане совсем переродились; они больше стараются о грабежах, нежели о вольности. Они погибнут невозвратно, если не воспользуются *распоряжениями и советами* присланного от Меня им героя»¹². В этом контексте о независимости греков речь уже не шла, и в том же сентябре 1770 г. Государственный совет предполагал выговорить для них лишь генеральную амнистию¹³. Причем, начертав условия этой генеральной амнистии, императрица поручила А.Г. Орлову, «будучи там на месте», выяснить, что выговорить (?) при заключении мира для архипелагских греков, имея в виду под «некоторыми

⁸ Там же. С. 663.

⁹ «По-видимому, Греция может опять сделаться вольною, но очень далеко ей еще до того состояния, в котором она была некогда; однако ж приятно слышать напоминание о тех местах, коими нам в малолетстве нашем уши заглушили» (Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 87).

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 566 – 567.

¹² Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 123.

¹³ Архив Государственного совета (АГС). СПб., 1869. Т. 1. С. 60.

преимуществами» — «не иметь Турецкого начальника, чтобы самим собирать подати и проч. подобныя»¹⁴.

Екатерина и Орловы были не единственными, кто интересовался будущей судьбой возможных территориальных приобретений России в Архипелаге.

Размышлял о «новом и целом корпусе» и глава внешнеполитического ведомства Н.И. Панин. К июлю 1770 г. у него имелся собственный план создания греческого государства по нидерландскому образцу: «да и форма их правления, — развивал он свою мысль, — под именем Голандских генеральных статов соединенных Нидерландов весьма, кажется быть, свойственна по настоящему положению Греции. Они, отложась тогда от Гишпании, сделали конфедерацию между семи своих провинций и, подняв орудие против своего тирана, достигли до признания себя независимую областью от всех держав; а при том учредили себе правительство в одном корпусе, составленном из выбранных депутатов от каждой провинции»¹⁵.

Все эти планы и рассуждения так и остались бы на бумаге, если бы не Чесменская победа, сделавшая Россию в июле 1770 г. хозяйкой Архипелага. И хотя неудачи со штурмом Дарданелл и взятием крепости на о. Лемнос показали, что захваты на материке совершить имеющимися силами едва ли удастся, тем не менее, не на одном «острове в тамошнем море», а на многих островах Архипелага можно было устраивать базы и проводить эксперименты по государственному строительству.

Ясных и сколь-либо подробных указаний из Петербурга о том, что должно представлять собой государственное «соединение», обладающее «целым корпусом», командование российской экспедиции, судя по всему, так и не получило. А потому на освобожденных от турок островах предстояло создавать государственность без предварительно проработанного плана, на свой страх и риск, методом проб и ошибок.

Государственное строительство в Архипелаге можно рассматривать как уникальный¹⁶ эксперимент, в котором командующие экспедицией смогли проявить себя как верноподданные, радеющие за державу Великой Екатерины и *практически* старавшиеся претворить в жизнь некий просветительский идеал так, как он был ими понят. Программа действий была серьезной и значительной. Предстояло в условиях войны:

— определиться с типом государственного устройства нового образования и выработать систему законодательных норм;

— создать действенное центральное и местное управление;

¹⁴ Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину // ЧОИДР. 1863. Кн. 2. С. 113.

¹⁵ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г.Орловым-Чесменским. 1770–1773 // Русский архив. 1880. III (2). С. 230.

¹⁶ Примечательно, что в те же годы возник и проект Билиштейна по созданию республики на отвоеванных у турок дунайских землях Молдавии и Валахии, имевший черты сходства с проектом Спиридова. Билиштейн также ориентировался на опыты Венецианской республики и Нидерландов, но его проект так и остался на бумаге, тогда как в Архипелаге были сделаны серьезные усилия по реализации проекта на практике. Выражаем благодарность А.Ф. Строеву, указавшему на эти параллели. О проекте Билиштейна см.: *Stroev A., Mihaila I. Ériger une République souveraine, libre et indépendante. (Mémoires de Charles-Léopold Andreu de Bilistein sur la Moldavie et la Valachie au XVIIIe siècle)*. Bucarest: Editure Roza Vânturilor, 2001.

- организовать вооруженные силы самообороны;
- выяснить экономические ресурсы «островского» государства и разработать систему посильного налогообложения;
- учитывая роль церкви и духовенства, а также сосуществование на островах двух христианских конфессий (православной и католической), выработать приемлемую форму взаимодействия светской и духовной власти;
- начать осуществление культурно-просветительской политики, направленной на воспитание нового *просвещенного* поколения архипелагских греков;
- наконец, на месте маленькой рыбацкой деревни Ауза на о. Парос построить столицу нового государства, которая должна служить в настоящем и будущем базой для российского флота в Архипелаге.

В 1770–1774 гг. в Средиземном море Россия в первый раз в своей истории создавала заморское государство, гарантировала ему свою защиту и покровительство, учила его жителей самоуправлению. Пусть этому государству были отведены всего четыре года существования, но эксперимент смог соединить в себе утопию и расчет, военное предприятие и гуманитарную акцию. В отечественной истории подобный эксперимент в Средиземном море удалось поставить еще только раз — по прошествии трех десятилетий похожие действия предпринял Ф.Ф. Ушаков, участвуя в создании Ионической республики (1800–1807)¹⁷. Однако между четырьмя годами Архипелагского княжества и семью годами Республики Семи островов пролегла Французская революция, и Ионические острова оказались лучше подготовленными для подобного предприятия.

В отличие от Ионической республики опыты государственного строительства в Архипелаге незаслуженно обделены вниманием историков¹⁸. Дабы восполнить этот пробел, попробуем восстановить основные этапы осуществления этого беспрецедентного предприятия.

РЕСПУБЛИКА, АРХИДУКСТВО, или «Город солнца» Орлова и Спиридова

Подготовительный этап к созданию Архипелагского княжества занял осень-зиму 1770–1771 гг.

Осенью одними из первых к А.Г. Орлову обратились жители островов Скопель (Скопелос, около северо-восточной оконечности Эвбеи) и Эстрата (Айос Эйстратиос, остров в 30 км. к югу от Лемноса), выразившие готовность исполнять его приказания. 13 сентября 1770 г. старосты острова Скопель писали: «Ваше превосходительство, Свет божий Вам сохранить, много лет выиграть у неприятеля. Как мы слушали имя Вашего высокопревосходительства, что для нас приехал помогаты, что мы находимся под руками вацарскими, мы благодарим Бога, чтоб мы это видели, и мы хотели все старосты ехать и поклонится вашему

¹⁷ Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 127–179.

¹⁸ Исключением является монография Г.А. Гребенщиковой (Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007), но в нее вкрались неточности и значительные упущения.

высокопревосходительству, толко ветры противные, и посылаем ото всех одного старосту, чтоб поклонится Вашему превосходительству, да и посылаем сухари и протчия фрукты, и что изволите нам повелеть, то мы готовы. В протчем Вашему высокопревосходительству приносим поклон. Все старосты и протчия приносим поклон»¹⁹. Жители Эстраты еще более прямолинейно 10 октября 1770 г. просили о покровительстве, узнав об уходе русских с Лемноса: «просим бедных острова Эстраты жителей — мужчин, женщин и детей — всех без остатку принять под ваше покровительство и избавить от турков»²⁰.

Вероятно, откликаясь на эти послания, А.Г. Орлов перед отъездом из Архипелага 29 октября 1770 г. подписал обращение «на все острова Архипелага». Послание открывалось как высочайший манифест и выработанная в нем формула: «Мы Алексей Орлов полномочный генерал от Ея Императорскаго Величества Екатерины Второй всея России, главной над Архипелагом и прочая, и прочая, и прочая» — в дальнейшем неоднократно повторялась при контактах Орлова с жителями этого региона. А.Г. Орлов «приказывал» жителям *всех* островов: «чтоб вы во всем всегда готовы и послушны были приказаниям от его высокопревосходительства Григорья Спиридова, адмирала над российским флотом, что он находится при Архипелаге, и что он будет вам приказывать, то б вы исполняли ево приказания со всякою скоростию, а ежели вы не будете послушны, то будете штрафованы без милости». Помимо этого Орлов распространил и приказ повиноваться «графу Джоану Войновичу», который назначался российским управляющим островов²¹.

Первое, что предстояло сделать Г.А. Спиридову и И. Войновичу, скорее всего, по плану, оговоренному с Орловым, это добиться выплаты податей с островов, разведать, что производили «островские» жители для себя и на продажу, организовать на островах печи для выпечки хлеба и приготовления сухарей и запастись лесом для судоремонтных работ. Пока ничто, кажется, не говорило о намерении приводить острова в подданство и изменять на них систему управления. По Архипелагу были разсланы 10 вопросных «пунктов», ответы на которые должны были прояснить положение дел на островах. Когда флот собрался в бухтах острова Парос, командование с декабря по март получило подробные сведения от приматов островов Андрос, Тино, Миконо, Зея, Термиа, Сифано, Ниа, Сичино, Поликандро, Серифос, Парос, Антипарос, Наксия, Санторин, Сира, Чимило, Кимоло, Анафи, Аморго, Милос о численности населения, укреплениях, о податях, о производимых продуктах и товарах²².

Только на этом этапе, можно предположить, Г.А. Спиридов задумался о долговременном обустройстве Архипелага, и получаемые ответы приматов островов дали формальный повод 12 января 1771 г. потребовать от 14-ти из них публично

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 7–8.

²² Там же. Л. 37–50, 98. Например, протопоп и приматы Пароса сообщили, что на острове: «2 города да пять деревень, в коих ветряных мельниц 40 да водяных 4, из коих три пришли в негодность, фамилий 710», доходы им приносят пшеница, вино виноградное, продажа гороха, бумаги (хлопка), винных ягод (инжира), оброк они платили капудан-паше, лес имеют только «для жжения, а для строения получают из других мест, оброка платят 8250 пиастров в год, кои посылают в январе в Константинополь и вторую половину в Порто Трио», когда флот капудан-паша туда приходил; «сверх того для стола пашинскаго и его свите выплачивают 1350 пиастров» (л. 47).

Г.А. Спиридов

признать зависимость от Российской империи. Послание адмирала, подписанное на корабле «Европа» на о. Парос, начиналось с обращения к излюбленной теме родства древних греков-героев и их современных потомков: «Естли в вас дух благородства древних греков ваших прапращуров — ныне время избавится от рабства всегда отягчающих вас агарян... Ежели же положите точно под покровительство нашего оружия освободится от рабства и подданства агарянского и возставит древнюю вашу славную греческую волность, то надлежит вам, немало не боясь турков, ныне публично отказатца от рабства и подданства турецкаго и турков... на острова свои не пускать». Далее Спиридов разрешал жителям островов иметь против турок отряды самообороны и

брал на себя обязанность острова защищать, обещая не вводить излишних податей (особенно оговаривая: «ни я, Спиридов, ни Орлов, никто из офицеров для себя ничего не желает и не возмет»; в дальнейшем Спиридов также неоднократно просил островитян не утруждать себя подарками). В завершение послания адмирал обнадеживал приматов 14-ти островов, что за периодом подчинения российскому командованию наступит время обретения свободы и возможной независимости: если российские военные усмотрят в жителях «прямое усердие и желание о получении вольности, что, даруй Боже, дабы вскорости исполнилось высокоmaterняя Ея Императорского Величества об... (них. — Авт.) милосердное желание»²³. Примечательно, что на этом этапе «высокоматерняя ...желание» российской императрицы Г.А. Спиридову виделось именно в предоставлении «вольности» Архипелагским островам, а не во включении их в империю Екатерины.

Важно отметить также и то, что в списке островов, которые Спиридов предполагал объединить в Архипелагское княжество, отсутствовали Идра, Скопелос и Айос Эстратиос, уже заявлявшие о своем желании служить России. Вполне вероятно, что к зиме 1771 г. Г.А. Спиридов из «всех островов» Архипелага решил довольствоваться малым — т.е. теми, на которых почти отсутствовали турецкое население и турецкие крепости. О том, чтобы не форсировать открытого объявления многими островами верности российской императрице, просил адмирала и «начальствующий над островами» Иван Войнович. 16 января 1771 г. он писал Спиридову, что «жители Архипелагских островов, как они покорены под оружие Ея Императорского Величества <...> ежедневно просят хлеба...», что они могут пойти на погромы, если с острова Идра, посредничавшего в хлебной торговле

²³ Там же. Л. 76-76об. Частично издано: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 339-340.

между Мореей и островами, не будет поступать морейский хлеб, а это непременно случится, как только Идра присягнет России и окажется в турецкой блокаде. Войнович просил отложить приведение жителей островов «в подданство», «чтоб не было от нас им запрещено обходитца с неприятелем, обманывая его так, как они знают, для сохранения их самих; а <...> довольно и того, чтоб они были к нам с искренним сердцем как наши верноподданные, чего я от них и надеюсь»²⁴. Расширять пределы Архипелагского княжества Спиридов не спешил и в дальнейшем, хотя в его канцелярию продолжали порой приходиться просьбы «взять в журнал государский» и «защитить от грабежей»²⁵.

Через месяц после обращения к приматам 14-ти островов, с 13 февраля 1771 г. Г.А. Спиридов стал получать ответы от высшего духовенства и приматов о «принятии нашего острова и нас в подданство»²⁶. Когда уже к концу февраля 1771 г. 18 островов Архипелага прислали свою «слезную мольбу» к императрице всероссийской «принять в вечное защищение и покровительство несчастливой Архипелаг»²⁷, то Г.А. Спиридов объявил эту группу из 18–20 небольших островов «Архипелажским великим княжеством».

В феврале 1771 г. Спиридов отправил пространную реляцию в Петербург, делая своими размышлениями о пользе островов «в тамошнем море»: «О имении оных на 20 ти островах греков *до миру* в подданстве содержать за главную надобность признаваю: во-первых, во славу нашей великой государыни, что она великая наша государыня владеет в Архипелаге греческом от Негропонта до Анатолии Архипелажским великим княжеством, а во-вторых, *ежели при мире останутся* у ней, великой государыни, или доставится вольность, то сие также увеличит славу Ея Величества, в-третьих же, когда оные *до миру* острова за нами останутся, то по близости к Негропону и Морее и к Малой Азии затворяют чрез наших крейсеров от Кандии и Египта к Смирне, Салонике и к Константинополю, также и от оных мест в Средиземное море вход и выход неприятельских военных и с их турецкими грузами судов; а четвертое — мы имеем теперь надежное военное сборное у себя место — остров Парос и порт Аузу... Я только сие скажу, ежели бы англичанам или французам сей остров с портом Аузою и Анти-Паросом продать, то б, хотя и имеют они у себя в Медитерании свои порты, не один миллион червонных с радостью дали»²⁸ (курсив наш. – Авт.). Итак, даже в самый успешный период Архипелагской экспедиции находящемуся в центре событий Спиридову Архипелагское княжество, приведенное в *подданство России*, представляется все-таки *временным* военным форпостом, козырной картой в переговорах о мире или объектом удачной сделки. Долговременное владение Архипелажским княжеством пока виделось и Спиридову в весьма туманной перспективе.

Примечательно, что, не зная еще о создании Спиридовым Архипелагского княжества, примчавшийся в марте 1771 г. в Петербург А.Г. Орлов на Совете при Высочайшем Дворе тоже высказал странную для руководителя победоносного пред-

²⁴ Там же. Д. 2. Л. 10а. См. также: *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769–1774 / Соч. в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 71.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 207об., 211–212.

²⁶ *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 341.

²⁷ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 605.

²⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 655–656.

приятая мысль: «приобретение в Архипелаге острова находит он несходственным с ползою и весьма разорительным: несходственным потому, что оно не кончило б, но более продолжило войну с турками и вовлекло нас также в распри и с христианскими областями, разорительным же, что нет острова в Архипелаге, где есть порт, чтоб не требовал многих укреплений и сил для его удержания; что сии укрепления будут стоить великих денег и обратятся наконец в пользу турков»²⁹. Однако императрица уже вошла во вкус обладания средиземноморскими территориями. Действительно, отныне она могла себя именовать «архипелажской княгиней» подобно тому, как она шутливо назвала себя «княгиней молдавскою», когда в сентябре 1769 г. население Ясс было приведено к присяге на верность. А потому при обсуждении российских требований при заключении мира 17 марта 1771 г. Екатерина «изволила на то изъясниться, что приобретение там острова желает она более для того, чтоб турки имели всегда в глазах знак полученных нами в сию войну над ними преимуществ и были бы умереннее в своем с нами поведении, а притом и для установления нашей там торговли и доставления также пользы нашим мореплавателям, но что не хочет однако ж Ея Величество, чтоб сие желание Ея было препоною в восстановлении мира»³⁰. В «Кратком и предварительном мнении о мирных пунктах» императрица написала Н.И. Панину о своем желании оставить *во владении* России хотя бы один или два порта в Греции с уездами или один-два острова, а прочим завоеваниям «дать на волю избрать род правления, какое хотят и пользоваться им Российской *протекциею*. В Российских поссессиях в Средиземном море содержать гарнизон, и всякой год посылать туда, по три или по четыре военные корабли на смену тамо пребывающим трем, с которыми могут туда ехать и купеческие, для заведения торгова нашими товарами директно, как в Левант, так и в Италию и проч.»³¹ (курсив наш. – Авт.).

Как видим, торговые цели лишь прилагались к военным: императрица задумала устроить в Средиземном море военно-морскую базу, и во исполнение ее желания строительная деятельность в Архипелагском княжестве с 1771 г. не прекращалась до заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г.

Покуда в Петербурге шли споры о том, как содержать «российские посессии», не зная их содержания и результатов, адмирал Спиридов в Архипелаге продолжал развивать деятельность по учреждению структур управления. Он потребовал, чтобы от каждого острова были избраны по три депутата, которые прибыли бы на Парос и «подписались служить». В их обязанности входило собирать «десятую часть продуктов» в виде податей, управлять островами, судить и, «по вине смотря, наказывать, кроме смертной казни» (о смертных приговорах требовалось докладывать Спиридову)³². Жители должны были «почитать и быть

²⁹ АГС. Т. 1. С. 370.

³⁰ Там же. С. 372.

³¹ Письма и записки имп. Екатерины Второй к гр. Никите Ивановичу Панину. С. 116.

³² Например, в 1771 г. на о. Милос был пойман грек Николай Терелеев (в другой транскрипции — Дерер), который пришел ночью «хотел насильничать одну женщину», а так как она не далась, то «взял сильно», ударил об пол и убил. С Милоса обвиняемого прислали в Аузу, где его судили главный депутат А. Псаро, два примата от канцелярии в Аузе, два примата от о. Миллоса и духовный отец иеромонах Матвей и приговорили к смертной казни. 8 мая 1771 г. об этом случае решено было объявить по всем островам (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 109–110). См. также: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 168об. (также грек по обвинению в убийстве был доставлен в Аузу).

послушны» своим «депутатам», без их ведома не отлучаться с островов и показывать депутатам всю свою корреспонденцию³³.

По-видимому, в феврале-марте 1771 г. (документ не датирован) избранные депутаты прибыли к адмиралу Спиридову с прошением, содержащим, по сути, условия вхождения их островов в Архипелагское княжество Екатерины Великой. Они соглашались: 1) чтобы «повинующая жители их островов» были под российским «покровительством» и получали защиту от неприятелей; 2) быть «в подданстве великороссийской государыни», исполнять «ее повеления, а навеки лишиться ига... варваров»; 3) просить графа А.Г.Орлова, «чтоб он, извиня нас в нечаянных проступках», «призрел бы, яко единоверноподданных его государыни великой славной Екатерины»; 4) подтвердить социальную дифференциацию их общества — «разделить вышних от нижних, которое для общей ползы служить могло, как для флота Вашего, так и для общества нашего»; 5) не требовать уплаты податей больших, нежели остров способен уплатить. Более того, выказывая готовность платить подати, депутаты сочли нужным повторить, что «та сумма» уплачивается за обеспечение защиты («для содержания некоторой силы, которая [бы] нас защитить могла от набегов неприятелей и злодеев»³⁴).

Не вполне ясно, в чем депутаты-греки и их переводчик видели различия между российским «покровительством» и «подданством» Екатерине, но совершенно очевидно, что островские жители выговаривали для себя *значительно больше свобод, нежели подданные в Российской империи*, и командование Архипелагской экспедиции, понимая временный характер своего присутствия и необходимость в дальнейшем решать судьбу островов на куда более высоком уровне, приняло эти условия.

15 января 1771 г. (даже еще не получив ответы с островов!) Спиридов назначил уроженца о. Микonos лейтенанта российского флота Антона Псаро «генеральным депутатом» и просил прислать по одному человеку от каждого острова быть при Псаро помощниками³⁵. Вскоре назначение Псаро, человека «благородного воспитания», было подкреплено согласием «всех старост» 14-ти островов³⁶. В марте 1771 г. уже «архипелагских подданных островов депутат» Псаро был отправлен «на вооруженной полугалере» под надежной охраной на острова, «чтоб островския греки уверялись, что мы по их подданничеству Нашей Великой Государыне от неприятелей защищаем и прикрываем»³⁷.

Письма, которые в это время Псаро рассылал по островам, могли начинаться так, как, например, адресованное на о.Сирос: «Почтеннейшие синдики Сиры, приветствую вас! Ни живые, ни мертвые — что *не даете о себе знать* до сих пор?

³³ См., например, расписку трех депутатов от острова Парос от 25 января 1771 г. — РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 53-53об.

³⁴ Там же. Л. 52-52об.

³⁵ Там же. Л. 85. Современный французский исследователь А.Блонди приводит сообщение консула Франции в Триесте о Псаро, согласно которому «грек из Микonos» Псаро был человеком неприметным и небольшого роста, но рассудительным и благоразумным, прямым и порядочным (*Blondy A. L'Ordre de Malte au XVIII e siècle. Des derniers splendeurs à la ruine. Paris, 2002. P. 256-257*).

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 188-188об. На документе стоят подписи старост (синдики) островов Наксия, Парос, Ниа, Андрос, Тинос, Зея, Фермия, Кимолос, Сифнос, Серфос, Поликандрос, Санторини, Микonos, Антипарос.

³⁷ Там же. Д. 44. Л. 37об. О круге обязанностей А.Псаро и его взаимоотношениях с синдиками островов см.: *Κωντογιάννης Π.Ν. Οι Έλληνες κατά τον πρώτον ελί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768-1774. Αθήνα, 1903. Σελ. 235..*

Я совершенно не получаю известий о том, что вы делаете и получили ли письма, которые я вам послал. Однако это мне не нравится, и раз вы дремлете, нужно, чтобы проснулись. Или же, мы вас разбудим...»³⁸.

Письма Псаро, сохранившиеся в архивах островов, показывают, что круг его обязанностей был весьма значителен: он заботился о сборе налога «десятины», выполнении работ по приготовлению сухарей для флота, о своевременных выборах синдиков и проч.³⁹. Себе в помощь он устроил в канцелярию и своего брата Петра⁴⁰.

В своей увлеченной работе по строительству Архипелагского княжества Г.А. Спиридов не остановился и перед созданием просторного проекта идеального, с его точки зрения, государственного образования⁴¹. Безусловно, он мог руководствоваться указаниями императрицы о создании греческого «цельного корпуса» и учитывать идеи Г.Г. Орлова о создании греческого государства под покровительством России⁴². Однако совершенно очевидно и самостоятельное значение спиридовского проекта, созданного, вероятно, между февралем и июнем 1771 г., до возвращения А.Г. Орлова и начала летней кампании.

К написанию документа адмирала подтолкнули вопросы, возникшие у православного духовенства островов относительно разграничения церковной и светской юрисдикции и будущего политического строя их земель. Но в результате Г.А. Спиридов разработал своего рода «Проект-Наказ» депутатам и духовенству островов Архипелагского княжества⁴³.

Следует признать, что более всего аналогий «проект» Спиридова имеет не с современным ему «Наказом Уложенной комиссии» Екатерины II, а с известным «Временным планом» Ф.Ф. Ушакова, созданным через 29 лет, в 1799 г.⁴⁴. Не только по предназначению — создать греческое островное государство под покровительством России, но и по форме к проекту Спиридова можно вполне отнести характеристику, данную А.М. Станиславской письмам Ушакова о его «Временном плане»: «за письмами адмирала... стоит живая ищущая мысль, хотя и незрелая, неоформившаяся, тяжеловесная по форме»⁴⁵. Поспорить можно только с утвердившимся в науке выводом, что конституционный документ флотоводца Ф.Ф. Ушакова был *первым* «после многих веков», позволившим «народу островов... сказать хоть в какой-то форме свое слово при решении политических дел»⁴⁶. Как кажется, на *первенство* вполне может претендовать проект флотоводца Г.А. Спиридова и подкрепляющая этот проект деятельность.

³⁸ Στέφανος Κ. Ανέκδοτα έγγραφα αποσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων κατά την του των Ρώσων κατοχήν. Αθήνησιν, 1878. Σελ. 36.

³⁹ *Idib.* S. 36-38.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 427.

⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 171–184. См. Приложение 4.

⁴² 27 ноября 1768 г. Г.Г. Орлов изложил на Совете при Высочайшем Дворе «некоторую идею» о создании «учреждения освобождения греческого закона народов», для чего следовало собрать средства («употребя на произведение сего в действо с кладкою капитала, разделя на две части, назвав оныя егорьевскою и николаевскою»), и в случае успеха взять «сии народы под протекцию России, сделать разных владельцев, оставя им в выборе на волю» (АГС. Т. 1. Стб. 357). Стоит признать, что в таком осторожном изложении план выглядит более чем расплывчатым.

⁴³ См. полный текст: Приложение 4.

⁴⁴ Адмирал Ушаков. М., 1952. Т. 2. С. 520–526.

⁴⁵ Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. С. 152.

⁴⁶ Там же. С. 147.

Основные положения, изложенные Спиридовым, сводятся к следующему:

1. Удержать завоеванную свободу острова могут только сообща, поэтому создающееся государственное образование должно быть *объединением* островов, каждый из которых остается административно-территориальной единицей с широким самоуправлением («многия ж архипелажския острова, соединясь не точию доколе здесь российской флот и оружие, но, когда военная надобность проминетца, и отзоветца во отечество, то тогда вообще единодушно от всяких таковых приключений, чего отнюдь один или два зделать не могут, все единодушно зделают и защитят свою волность»)⁴⁷.

2. В отличие от России, для которой императрица Екатерина видела единственно возможной самодержавную форму правления (см. «Наказ» Екатерины. Ст. 10–11, 14–16), для объединения архипелагских островов Спиридов предлагал или *республику*, или «*архидукство*» по венецианскому образцу («будут ли си острова под архидукством, как то, сказывают, давно наперед сего и было, или волною республикою»), однако благоразумно оставлял этот деликатный вопрос на решение европейских монархов («по высокоmaterней великой наша государыни милости и других христианских государей»)⁴⁸.

3. Начинать создание системы управления Спиридов предлагал с «волного гражданского» избрания представителей, и они — «выбранные и присяжные почтенные господа островские сенаторы или судьи» — образовали бы на каждом острове «гражданскую канцелярию» («как то в Наксии и в Паросе начало свое и восприяло»)⁴⁹.

4. Со своей стороны, духовенство на островах также создало бы свои системы епархиального управления, которые, по примеру российских, Спиридов называл консисториями («как при архидукстве, так и при республике быть непременно должно: равно, как в Великороссии, обыкновенно преосвященныя архиереи для духовных дел имеют у себя свои канцелярии или консистории со определенными от себя из духовных чинов по своему благоразсмотрению судиями»).

5. В Архипелагском государстве, вероятно учитывая заслуги и роль церковных институтов в обретении независимости, Спиридов предлагал соблюдать *равенство светской и духовной властей* и невмешательство одной в дела другой: «и о чем надобно сносятца между собою духовная канцелярия з гражданской, а гражданская з духовною промемориями, ибо обе оныя канцелярии... за равныя почитаютца и одна другой неподсудна». Такой идеал в принципе был сформулирован и в Духовном Регламенте Петра I – Феофана Прокоповича, но на практике в России часто нарушался (как мы увидим ниже, соблюсти этот идеал в Архипелаге российское командование также не смогло).

⁴⁷ При сравнении с проектом Ф.Ф.Ушакова обнаруживается значительная близость, правда, учитывая серьезные (и, видимо, значительно более глубокие, чем в архипелагском сообществе) социальные противоречия на Ионических островах, Ф.Ф. Ушаков усилил в своем проекте роль центральных органов, сохранив и основы самоуправления островов.

⁴⁸ Ф.Ф. Ушаков создавал на Ионических островах также *республику*, но следует иметь в виду, что Ионические острова принадлежали многие века не Османской империи, а Венецианской республике, и иная форма правления едва ли там в этот момент была возможна.

⁴⁹ Г.А. Спиридов не написал своего мнения относительно избирательного права и норм представительства различных социальных групп (вероятно, полагаясь на принятые на островах обычаи и выполняя обязательство «разделить вышних от нижних»), Ф.Ф. Ушакову в 1799 г. пришлось немало сил потратить на урегулирование противоречий между нобиллями, «второклассными» и «нижним народом», противодействуя планам создания *аристократической* республики нобилей.

6. Защищать Архипелагское государство, по плану Спиридова, должны были отряды «вооруженных людей», их численность зависела от «состояния и могущества каждого острова жителей». Эти «военные» не только должны были оборонять свой остров и подавать помощь «союзным островам, которых в том надобность возымеют», но и выполнять полицейские функции — «суд и расправу» и «содержание по законам... доброго порядка». В суть «законов доброго порядка» адмирал не входил, предполагая на этом этапе, вероятно, сохранение существующих норм и обычаев; в целом же в этом пункте Спиридов копировал, как кажется, нормы, существовавшие в отечественной общинной традиции, нежели ту организацию армии и полиции, которую желала бы видеть и учреждала в России императрица⁵⁰.

7. Всем служителям канцелярий, судьям и военным следовало жить соответственно их чинам (хотя сами чины Спиридовым обозначены не были, но без чиновной иерархии адмирал, кажется, не мыслил своей «республики») и получать жалование по чину (причем «жалованье — на все их бес попечения надобности, чтоб доволны были без взяток и не делали б для интересов своих кому каких обид под наказаниями, но толко б думали и исполняли врученную им должность и положенныя дела безволочитно и продолжения времени исправно»). Спиридов настойчиво проводил мысль о том, что достойное жалование — это инструмент борьбы с коррупцией⁵¹ (ср. «Наказ» Екатерины, ст. 140).

8. Вероятно, опасаясь возможного диктата военных, Спиридов предусмотрительно ввел в свой проект и статью о подчинении военных выборным «судьям» и указание военным, чтобы они почитали гражданскую власть «с пристойною учтивостию»⁵².

9. Верховную власть в архипелагском государстве Г.А. Спиридов предлагал сосредоточить в Сенате, в который от каждого острова делегировались представители. Чтобы сократить средства на содержание центральных органов власти, в Сенат отправляли по одному депутату только с больших островов, а с малых — одного «депутата з двух или трех, или с четырех, из способных и доброго состояния людей с согласия жителей». Выбранные с островов примерно 10–15⁵³ депутатов должны были, «разсуждая и определяя в ползу своего народа и по делам островских канцелярей, чего они решить не могут, или жалобы на канцелярии или на судей канцелярских, разсматривали и решили по установлениям и узаконениям справедливо». Возглавлять заседания Сената следовало либо «архидуку», либо «выбранному от гражданства мещанину» — «главному всех островов». В своей идее *выборного* Сената адмирал Спиридов проявил себя как либерал: в екатерининской России в сенаторы продолжала жаловать только императрица.

⁵⁰ Ср.: *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993. С. 303–311. При сравнении с «Временным планом» Ф.Ф.Ушакова в этом пункте обнаруживается значительное отличие — по плану Ушакова, армия и полиция островов подчинялись не местной островской администрации, как у Спиридова, а центральному Сенату, что вполне согласуется с намерением Ушакова создать «централизованное унитарное государство» (*Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. С. 141).

⁵¹ В проекте Ушакова, напротив, говорится о том, что все выборные от магистратов до Сената выполняют свою службу безденежно.

⁵² Ф.Ф. Ушаков специально оговаривал, что размеры войска и полиции должны зависеть от размеров взимаемых податей, которые следует брать «без излишеств».

⁵³ Хотя Ушаков предлагал в Сенат выбирать по два-три депутата от острова, но в его Республике Сенат, выбранный в 1799 г. и заседавший на о. Корфу, состоял *именно* из 15 выборных от островов Ионической республики (*Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. С. 139).

10. Помимо этого, адмирал предлагал включить в состав Сената и представителей обеих имевшихся на островах христианских конфессий — православной и католической («при таком Сенате должно быть депутату или опекунам одному или двум от духовенства») для решения спорных вопросов, касающихся их церквей и паствы. Специально подчеркнув необходимость включения в органы власти не только православного, но и католического духовенства, Спиридов лишний раз демонстрировал просвещенную толерантность, что он доказывал и на деле (см. далее). Впрочем, ориентироваться в этом вопросе он мог не только на архипелагский опыт, но и на требования терпимости, высказанные в «Наказе» Екатерины («Наказ». Ст. 494–496).

11. В «конституционном» проекте Спиридов не обошел вниманием и вопроса финансовой политики, специально предупредив жителей островов, давно живших в неволе, что управление и содержание самостоятельной государственности («для онаго Сената и сенатских служителей, <...> да и для присутствующих депутатами или опекунами... и на другия нужды расходы, тоже и архигерцогу — ему на удовольствие дому и домашних ево, чтоб по увеличиванию чести мог себя и содержать безубожества»), требовало немалых средств, а потому для покрытия издержек на новое государственное образование должны были быть предусмотрены и значительные подати.

12. На переходный период для создания нового архипелагского государства Г.А. Спиридов отводил время до ухода российского флота. До этого вожденного часа командовать, исполнять обязанности островского Сената и «оное все великое хозяйство ведать» должен был А.Г. Орлов, а в его отсутствие сам автор проекта («вместо Сената то исполнять будет высокоповелительной господин генерал и ковалер граф Алексей Григорьевич Орлов, а в небытность — до прибытия его сиятельства я, адмирал Спиридов»). Пока же флот крейсировал в Эгейском море, от островов требовалось только создать местные островные канцелярии и определиться с уплатой податей (а «надлежащаго числа островскаго войска и Сенат и в нем президент и члены доколе здесь и в здешних местах флот и войско Ея Императорского Величества всероссийской пробудет и не надобно»). Адмирал торопил островных жителей («для всего вышеписанного учреждения сей 1771 год есть решительной!»): «должно на островах и в епархиях завременно приуготовитца и зделать все пристойныя распоряжения при покровительстве великой нашей государыни оружия, чтоб пред отбытием флота и войска в свое отечество взял Архипелаг по тем распоряжениям во всем свою силу и власть желаемой волности безопасно содержать себя».

Итак, весной «решительного» 1771 г. в Восточном Средиземноморье появилось новое государство, именовавшееся пока Архипелагским княжеством. Хотя у этого княжества еще не было ни международного признания, ни собственного законодательства, для его жителей наступали, казалось, новые времена. Между тем, чтобы приспособиться к жизни без «злочестивых варваров», островным жителям требовались и время, и наставники, недаром же жители острова Скиро просили Спиридова прислать им «депутата всех островов, дабы нас наставил на путь, понеже ныне находимся как овцы без пастухи»⁵⁴.

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 126. Примечательно, что и в истории Ионической республики имелись случаи отказа жить *вольно* и просьбы включить островных жителей, например, острова Закинф в число подданных Российской империи (см.: Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. С. 136).

С апреля 1772 г. наступил новый этап в государственном строительстве Архипелагского княжества. Он связан с именем генеральс-адъютанта Павла Нестерова, которому адмирал Спиридов поручил руководство всеми делами княжества на период отсутствия «депутата» А. Псаро, отправленного во главе «маленькой греческой эскадры» в Сирию⁵⁵. Весной-летом 1772 г. именно Нестеров в развитие идей Г.А. Спиридова разрабатывал «определения», регламентировавшие деятельность «островских» и центральной канцелярий, полномочия их депутатов, систему налогов и сборов, процедуру судопроизводства по гражданским делам и проч.⁵⁶. 24 июня 1772 г. Нестеров затеял перепись населения островов: на остров Сирос, например, пришло требование, «чтобы вы знали весь народ женатый и свободный, и тех, которые пришли откуда-то с других островов, и я вам пишу, чтобы вы позаботились о том, чтобы написать мне, сколько в ваших землях женщин и мужчин, напишите мне правду»⁵⁷.

Беря все бразды правления в свои руки, Нестеров рассылал свои приказы с борта российского военного корабля «Европа», не рассуждал о «республике» или «архидукстве», не входил в предположения о том, что будет с островами, когда российский флот покинет Архипелаг, но недвусмысленно давал понять, что все благоденствие Архипелагского княжества зависело от «высоких наших графов Алексея Григорьевича и Федора Григорьевича Орловых милосердия, непостижимаго промицания, которых намерение привести своим мудрым расположением всех в сущее спокойствие»⁵⁸. В документах⁵⁹, конечно, есть ссылка на то, что графы поставлены «великой императрицей», но прямого указания на принадлежность островов Архипелагского княжества Екатерине II нет. Значило ли это, что с открытием переговоров о мире Екатерина распорядилась несколько завуалировать свои посессии в Средиземноморье? Вопрос пока остается не вполне ясным.

Из документов, рассылаемых Павлом Нестеровым⁶⁰, можно заключить, что административно-территориальной единицей Архипелагского «государства» (слово «княжество» Нестеров не использовал) продолжал оставаться *остров* (вопросы внутриостровного деления в документах не рассматривались). На каждом острове ежегодно должны были происходить выборы «начальников», «главнейших всего острова членов» или «островских депутатов» (поскольку ни о нормах представительства, ни об избирательных правах в документах ничего не говорилось, можно предположить, что они соответствовали традициям островных общин, избиравших своих приматов). Депутаты соединяли функции *управления* и *суда*, что также, впрочем, вполне согласовывалось с традиционной практикой. Местом

⁵⁵ Псаро в 1772 г. участвовал в походе к берегам Сирии вместе с Ризо (об этом см. в главе 8).

⁵⁶ Аналогия с Ионической республикой напрашивается и в этом случае: примерно тот же круг обязанностей возложил Ф.Ф. Ушаков на близкого ему капитан-лейтенанта Н.А. Тизенгаузена (см.: Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. С. 163).

⁵⁷ Στέφανος Κ. Ανέκδοτα έγγραφα αποσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων ката την υλο των Ρώσων κατοχήν. Σελ. 33.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 94об.

⁵⁹ В греческом переводе см.: Στέφανος Κ. Ανέκδοτα έγγραφα αποσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων ката την υλο των Ρώσων κατοχήν. Σελ. 21.

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 99–100об. (см. Приложение 5); л. 67–68, 94–97.

собраний «депутатов» для решения «*государственных и общественных дел*»⁶¹ являлась «канцелярия».

В сфере компетенции «островских депутатов» входили *суд* по гражданским и уголовным делам и *наказание* «всем тем, от коих происходят непорядки..., а наипаче таких, кои зделают какой-либо соблазн или производят пусторечие в противность для государства и общества», а также тем, кто без суда «сам собою отмщевает обиды»; при этом специально оговаривалось, как и в документах Спиридова, что решения по обвинениям в «смертоубивстве» изымались из компетенции острова и отправлялись «на суд главноначальствующим». В решении дел депутатам предписывалось опираться, прежде всего, на «*собственно островские*» законы и определения, и только при «сумнительстве» — присылать запросы в центральную канцелярию в Аузу. Очевидно, что ломать сложившиеся традиции в области законодательства российские военные намерения не имели, но вопросы процессуальные, особенно по гражданским спорам, Нестерову все-таки прописать пришлось, и связано это было с желанием командования ограничить число просителей, прибывающих в Аузу, и стремлением заставить жителей островов решать большинство спорных дел на местах⁶².

В *финансовой* сфере на депутатов возлагалась обязанность «определять» сборщиков податей и за ними «смотреть», назначать казначея, ведущего учет: при этом казначеями должны были быть состоятельные люди, которые в случае утраты могли возместить ущерб «казенным и общественным деньгам».

В случае надобности те же депутаты могли собирать ополчение («помощь от народа для взятъя кого-либо под караул или протчей надобности»), предпринимать строгие меры против разбоя и пиратства, наконец, на каждом острове создавать карантинные учреждения.

Вне сферы компетенции светских депутатов оказывались все дела, касавшиеся духовенства.

Для жителей островов вводились ограничения, оправданные военным временем: перлюстрация всей почты и передвижение только с паспортами островных канцелярий.

Свое «Учреждение» Павел Нестеров закончил по-военному прямо: «всем обще и каждому по одиначке прошу и приказываю: любите друг друга, изгоняйте вражду и поступайте по должности христианской нашего православнаго греческаго исповедания веры, будьте во всем согласны, чем заслужите милосердие наших великих начальников и мою к вам искреннюю любовь, похотливое в ваших делах старание».

На бумаге в 1772 г. Архипелагское княжество представлялось уже не прежним аморфным случайным объединением островов, а государством с более-менее выверенной *системой управления* в центре и на местах⁶³. В центре, как и мыслил в 1771 г. Г.А. Спиридов, пока флот стоял в Эгейском море, управление велось не «Сенатом» с выборными от островов депутатами, а военными в канцелярии командующего флотом. При этом, издавая свои приказы и распоряжения,

⁶¹ Из контекста не совсем ясно, в чем Павел Нестеров видит различие между «государственными» и «общественными» делами, легче всего предположить, что «общественные» дела касались только общины («общества») данного острова, тогда как государственные — всего Архипелагского княжества.

⁶² РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 94–97.

⁶³ Πασχάλη Δ. Α. Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ'ἀνεκδοτων ἐγγραφων Σελ. 234–292.

адъютант Павел Нестеров все более походил на губернатора *полуколонииального* владения. На местах — по-военному жестко и строго вводились *регламенты*, но вмешиваться в местное управление военные не имели ни сил, ни возможностей. Введенные регламенты были регламентами *самоуправления*, которое вполне согласовывалось с местными обычаями, опиралось на традиционное право и не должно было затрагивать церковную сферу.

Впрочем, власть Павла Нестерова над островами оказалась недолгой: уже в августе 1772 г. из похода возвратился А. Псаро и вновь стал «главным депутатом», сохранив свой пост до ухода российского флота. В 1773 г. А. Псаро все еще стремился создать на Паросе совет старейшин, называемый им «Сенатом», и рассматривал его в качестве органа управления, состоящего из представителей всех островов. Однако сделать это до заключения мира он так и не успел⁶⁴.

До самого отъезда из Архипелага весной 1774 г. и Г.А. Спиридов, кажется, тоже сохранял чувство ответственности перед жителями созданного им Архипелагского княжества. В своем прощальном письме, отправляясь «за болезнью в Ливору», а потом в Россию, он обратился к «генеральному депутату флота капитан-лейтенанту и кавалеру Псаре» и «на все в Архипелаге подданныя Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивейшей государыни греческие острова [к] жителям, как духовным, так и мирским», объявив «удовольствие» и «желание всегда их добраго к нам усердия»⁶⁵.

Однако до конца пребывания флота в Эгейском море так и не определено было *самое важное* — отношение островов к Российской империи. Кем считали себя жители Архипелагского «государства» в 1772–1774 гг.

— «подданными» императрицы (как они, судя по документам, себя называли)?

— находившимися «во владении» как завоеванные территории (самой императрице Орлов писал в 1773 г. о «жителях Архипелагских островов, состоящих под высочайшим Вашего Императорскаго Величества владением»)?

— или «вольными», коим оказывалась помощь или «покровительство»?

Каким был статус А.Г. Орлова — в 1770 г. выбравшего себе титул «полномочного генерала от Ея Императорскаго Величества Екатерины Второй всея России, главного над Архипелагом», а в 1772 г. упоминавшегося в «Учреждении» Павла Нестерова по сути только как *соправитель*, но не Екатерины, а своего брата Федора?

Сравнительно вольное употребление и взаимозамена понятий «подданство», «покровительство»/«протекция», «владение», «быть во власти...» и некоторых других показывает, что окончательного представления о характере отношений между Российской империей и Архипелагским княжеством так и не сложилось ни у правителей, ни у исполнителей их повелений.

Перспективы строительства «республики», «архидукства», «государства», кажется, так и оставались для жителей Архипелагских островов весьма туманными. Не случайно и в 1773 г. жители Самоса, не овладевшие «регламентом самоуправления» Павла Нестерова, просили прислать для управления остро-

⁶⁴ Στέφανος Κ. Ανέκδοτα έγγραφα αποσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων κατά την ύπο των Ρώσων κατοχήν. Σελ. 38; Κοντογιάννης Π.Ν. Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774. Σελ. 242.

⁶⁵ Центральный военно-морской музей. Санкт-Петербург. Рукописно-документальный фонд. № В-38369/3.

вом «российского человека, который знает *российские* законы» (вспомним, что в регламенте Нестерова им полагалось все решать по собственным островным традициям!)⁶⁶. Они выражали слезную благодарность, когда на их остров прислали лейтенанта флота Николая Кумани, «потому что мы прежде были, как овцы без пастыря, а как скоро мы услышали, что приехал к нам в остров он, Кумани, собралися со всех деревень всяким усердием и радостью, ...признаем ево за ... честнаго командира нашего»⁶⁷.

ОСВОЕНИЕ ОСТРОВОВ АРХИПЕЛАГСКОГО КНЯЖЕСТВА

Создавая государство на архипелагских островах, российское командование развернуло заметную активность по описанию и картографированию Восточного Средиземноморья. Исправить имеющиеся европейские карты, срисовать «неизвестные положения мест»⁶⁸, промерить глубины и по окончании войны «из журналов и описаний» создать в Адмиралтейской коллегии подробный Атлас Архипелага помогли разведывательные высадки на острова в 1770–1775 гг., «крейсирование», контакты с местными жителями по поводу десятинного сбора и работ по заготовке леса и продовольствия. В посвящении императрице, предварявшем Атлас⁶⁹, говорилось, что «победы над Оттоманским флотом <...> и потом покорение Архипелага <...> кроме громкия во все концы земли простершиися славы и великия российскому мореплаванию пользы подали случай ко изследованию и точному описанию большия части сего [Эгейского] моря, его островов, заливов, входов в пристани и промеры глубин», а поскольку «ни одна Европейская держава... не осмелилась простерти свободно на сие море руку гидрографического искусства...», но российским мореплавателям единым мановением... Екатерины является путь открытый и свободный до самых врат гордого Стамбула»⁷⁰. С разведывательными миссиями — не только для выявления военных объектов, но и для фиксации полезных ископаемых, античных руин, монастырей и церквей, описания больших и малых поселений — на острова отправлялись инженер-офицеры Яков Баталзен, Михаил Тузов, Михаил Можаров, Карл Реан, волонтер граф Паш ван Кринен⁷¹, значительные отступления с описаниями островов содержит Журнал Степана Хметевского, а описание Архипелага, сделанное участником экспедиции Матвеем Коковцевым, было даже издано типо-

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 78–78об.

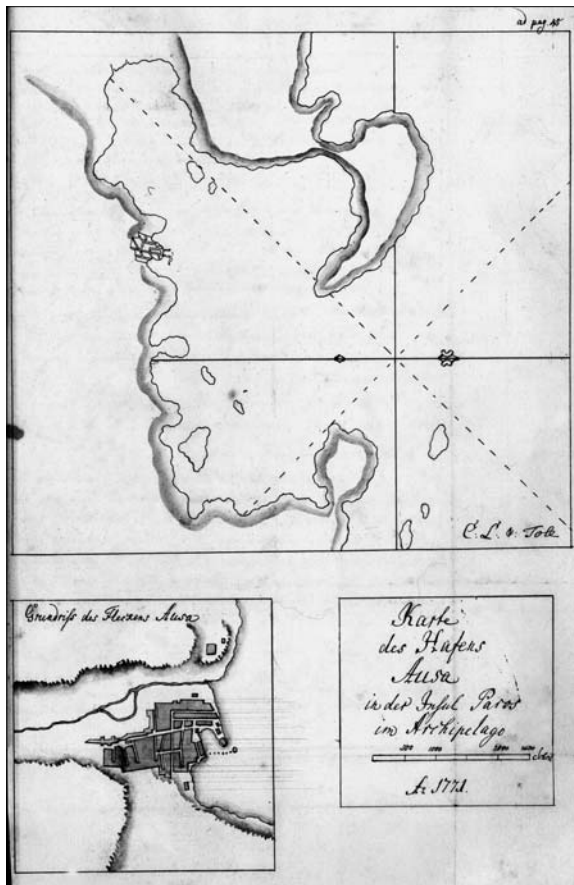
⁶⁷ Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 82. Николай Петрович Кумани (1730–1809) – уроженец о. Крит. Начиная службу, вероятно, юнгой на английском судне, с 1769 г. мичман в российском флоте. Участник Чесменского сражения. Кумани был полезен жителям Самоса, ибо говорил и на греческом, и по-русски, хотя до конца своих дней так и не овладел грамотой. Он командовал фрегатами и во Второй русско-турецкой войне, и в Архипелагской экспедиции под командованием Ф.Ф. Ушакова. Дослужился до контр-адмиральского звания (1797), но до конца жизни, обладая прекрасной памятью, читать так и не научился, а умел лишь подписывать свое имя (см. *Лурье В.М.* Морской биографический словарь. СПб., 2005. С. 133).

⁶⁸ Из инструкции инженер-капитану Матвееву, отправлявшемуся во время перемирия к Дарданеллам (Там же. Д. 46. Л. 82об.).

⁶⁹ Нам известны, по крайней мере, три его рукописные копии: ГИМ (подготовительные материалы), частично изданные в 1997 г. (Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769–1774 гг. М., 1997); РГВИА (Ф. 434. Д. 58); РГА ВМФ (Ф. 315. Оп. 2. Д. 134).

⁷⁰ Атлас Архипелага (РГВИА. Ф. 434. Д. 58. Л. 3).

⁷¹ О Паш ван Кринене и текст его Описания см. Приложение 6.

Остров Парос. Аузский залив и деревня Ауза.
1771 г.

графским способом в Петербурге в 1786 г.⁷². Нет сомнений, что и сама императрица желала возможно больше узнать о новоприобретенных землях⁷³.

Очевидно, что значительнейшего внимания удостоился центр «Архипелажского великого княжества» — о. Парос, располагавший удобными гаванями при селениях Парос (Парикия) и Ауза. Его описания вполне отражают многообразие интересов, проявленных участниками экспедиции при освоении Восточной части Средиземноморья.

Относящийся к Кикладской гряде островов на юге Эгейского моря, о. Парос приглянулся командующим российским флотом еще тогда, когда корабли запасались в его бухтах водой, преследуя турецкий флот перед Чесмой. Парос лежит на половине пути от Пелопоннеса до Азиатского берега. Легче, чем с севера Эгейского моря, оттуда можно было осуществлять не прекращавшуюся все годы присутствия Российского флота в Архипелаге постоянную связь с Ливорно, легче было,

в крайнем случае, и покинуть Архипелаг. И хотя местоположение Пароса не позволяло непосредственно с этого острова осуществлять блокаду Дарданелл, для недопущения подвоза продовольствия в Константинополь с Пароса постоянно отправлялись малые эскадры для «крейсирования» и ареста всех судов с турецкими товарами. Оценив эти достоинства Пароса, Спиридов писал императрице: «Сие место порт Ауза с островом своим Паросом столь важно и нужно, что я признаваю

⁷² Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786. С. 37–38.

⁷³ Примечательно, что от завоеванных в это же время жителей Молдавии и Валахии Екатерина потребовала через Н.И. Панина: «Граф Никита Иванович! Позовите к себе Молдавских, а потом Волошских депутатов, и скажите им, что в следствие моей к ним протекции и дабы мне с основанием можно было иметь об них попечение, я желаю, чтоб они подали мне через Вас 1) описание их нынешняго состояния и всей земли их, также доходы тех земель, 2) в чем состоят их нужды, недостатки и желании. И как они то Вам подадут, то прошу мне отдать. Екатерина» (Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. С. 113).

лучше всех в Архипелаге островов, где есть порты и всех лучший залив, где есть рейды, потому нигде так укрепиться и малою силою обороняться нельзя, как в порте Аузе»⁷⁴.

Участники экспедиции оставили несколько довольно подробных описаний Пароса. Первое из них сделали 3–11 июня 1771 г. прапорщики инженерной команды Баталзен и Тузов⁷⁵. Позднее не обошли Аузу и Парос в своих воспоминаниях Степан Хметевский, Матвей Коковцев и Сергей Плещеев. Через два года после завершения войны на Паросе побывал французский эллинист Шуазель-Гуффье⁷⁶ и также оставил заметки об острове и русском присутствии на нем. Вот каким Баталзен и Тузов увидели Парос:

«Величиною оной остров имеет длины 19, ширины 11 с половиной верст, совсем безлесен, и почти весь в высоких каменных горах, а камень больше серой, а некоторою частью и мраморной. Дороги весьма узкия и каменистыя. В низких местах, где на фут или более

Острова Парос и Антипарос

сверх камней земли есть, тут имеютца и хлебопашенные земли... Во время турецкаго владения состояло началство, как в местечках, так и в деревнях из приматов, выбранных изо всего тамошнего общества, кои все происходящие между жителями тяжбы и ссоры разбирали. А главное правление, как над сим, так и над протчими островами, имел главнокомандующий турецкаго флота капитан паша, по повелениям котораго по желаниям их отпускаемы и продаваны были. Вначале положено было платить каждому человеку, хотя бы и он холост был, в год по 3 1/2 пиастра, тако ж и от хлеба пятую долю, почему и собралось в казну с здешнего острова 5920 пиастров. В нынешние времена стали из греков откупщики, кои, откупая друг против дружки, оную сумму возвышали, напоследок со всего острова платили от 8500 до 9000 пиастров, а как откупщикам сию сумму от жителей еще слишком возвратить надлежало, то с каждого человека приходила вдвое болие»⁷⁷.

На острове обитало около 5 тысяч жителей (М. Коковцев). Помимо двух городков — «местечек» Пароса и Аузы, на острове находились еще «5 деревень и несколько в разных местах по способности построенных в полях греческих домов, и доволное число садов, в которых родится виноград, апельцины, цитроны, по-

⁷⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 655.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 143–144об.

⁷⁶ *Choiseul-Gouffier M.-G.-F.-A. Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1782. Vol. 1. О его путешествии в Грецию см.: Augustinos O. French Odysseys: Greece in French travel literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore; London, 1994. P. 157–173.*

⁷⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 143.

Парос

маранцы, винные ягоды, яблоки и априкосы, и протчие фрукты. Жители ж, как из местечек, так из деревень сеют хлеб — пшеницу, ячмень, тож и хлопчатую бумагу, которым хлебом во время хлебородия не точию, что доволствуютца сами, но и продают в другие острова, а из бумаги делают холст, чулки и другие бумажные товары. Скота ж, как рогатого и мелкого, так лошаков для себя имеют доволно, а лошади, хотя и есть, однако весма мало, которой скот у них во весь год ходит на полях, потому что во время зимы снегов и морозов весма мало случаетца, а хотя снег и бывает, но в редкие годы, да и то пролежать более не может, как до полудня до десяти часов, а когда солнце взойдет, то вскорости разтает, а нередко нужда бывает в прокормлении скота летом в жаркие времена, когда трава от жару вся выгарает, а толко с великою нуждою по самым низким местам, да и то поблизости и около воды, скот едва питатца может.

Для полевой работы жители употребляют быков и лошаков, на которых также, что им случитца перевозить от одного места до другаго, возят вьюшными. А других повозок в разсуждении высоких гор и каменистых мест никаких нет»⁷⁸.

По мнению М. Коковцева, плодородная земля острова Парос могла бы приносить больше богатства его жителям, но те были «по невежеству своему бедны».

Первостепенное значение для флота в Архипелаге имело качество воды, а ее на Паросе было достаточно: «Воды по острову в ключах и в мелких от оных проточинах доволно имеетца, а на горах, в строениях, где ключей нет, делают там

⁷⁸ Там же. Л. 144–144об.

жители цистерны, в которых зимой дождевую воду собирают, и тем довольствуются через весь год, летом весьма редко или и вовсе дождей не бывает»⁷⁹.

Не преминули упомянуть русские описатели Пароса и о том, что остров был известен своей древней историей, и об оставшемся «столбе» с «рытою эльенскою надписью»: «Во время идолопоклонства находилось близ города Имвлоса изрядное резьбою украшенное капище, коего развалины еще видны»⁸⁰. Английский участник экспедиции напоминал, что Парос был родиной Фидия и Праксителя⁸¹. Однако прарощников Баталзена и Тузова более заинтересовала информация, собранная у жителей острова, рассказавших, как Парос перешел под османское владение: «Прежде оной остров принадлежал генуэзцам, а потом по одержанной венецианским флотом при острове Кандии баталии между прочими островами венециана обладали и сим островом, а напоследок в 1686 г. в подданство пришел турок»⁸².

Самым большим поселением острова являлся, как и ныне, город Парос (Парикия), «при котором имеетца бухта, называемая тем же именем Паросом, от ветров довольно закрыта, толко не весьма глубока, однако к стоянию на якорю мелким судам способна»⁸³.

Довольно скупые на описание греческих церквей и монастырей участники Архипелагской экспедиции сделали исключение для главного храма острова Панагия Екаторндапилияни: «Во оном местечке (Парикии. — *Авт.*) между прочими ныне стоящими в ней церквами находитца примечанию достойная церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы, весьма древнего построения, и ныне еще в хорошем состоянии, довольно величины и вся складена на извеске из мраморнаго камня, а внутри изрядного украшения, а особливо мраморными ж столбами коринтического издания... Строена ж та церковь от греческой царицы Елены, матери Великаго Императора Константина, во время возвратного ея пути из Ерусалима в Константинополь, и названа оная церковь Экатаполиани, а все оное происходило

*Церковь Успения Богородицы на Паросе.
Купол над баптистерием VI в.*

⁷⁹ Там же. Л. 144об.

⁸⁰ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега. С. 37.

⁸¹ Весли В. Воспоминания участника Архипелагской экспедиции // Морской сборник. 1914. Т. 382. № 5. С. 18.

⁸² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 143.

⁸³ Там же. Л. 143об.

Церковь Успенья Богородицы.
Главный неф X в.

в 4-м веке после Рождества Христова, а прежде построения оной церкви на том месте было ельенское собрание»⁸⁴. Степан Хметевский также вспоминал эту церковь как «знатную»⁸⁵, однако и он, и М. Коковцев не преминули укорить жителей острова в небрежении: «богатую из мрамора церковь... невежественные греки, желая украсить, выбелили известью»⁸⁶. О прочих церквях Пароса сохранились только краткие упоминания: «Монастырей на всем острове считают по разным местам греческих 25, католических 2 [на срезе страницы утрата текста], а церковей столко много, что и числа оным не знают»⁸⁷. «Внутренняя часть острова покрыта горами и там нельзя ступить ни шагу, чтобы ни наткнуться на монастырь, церковь или, в крайнем случае, на часовню. Лениость и суеверие опустошили эту землю, чтобы заполнить монастыри, которые сами скоро опустеют»⁸⁸. Остров входил в Паро-Наксийскую епархию и имел резиденцию православного епископа.

Славу центра Архипелагского княжества вполне мог делить с Паросом остров Наксия (Наксос), находившийся по соседству. Между Паросом и Наксией находятся три незаселенных островка (Порто Трио), где обычно суда набирались хорошей водой (и куда, кстати, при турках прибывала ежегодно флотилия капудан-паши для сбора архипелагской подати). Впрочем, по описанию М. Коковцева, флот мог стоять на якорях на протяжении всех четырех миль между Аузским заливом и о. Наксия. Коковцев описывает Наксию как остров с шестью тысячами населения греческого и римско-католического вероисповедания, изобилующее хлебом, винами, дровяным лесом и хлопком. Наксия считалась и более предпочтительным по климатическим условиям местом для расквартирования участников и гостей⁸⁹ экспедиции.

⁸⁴ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. С. 37.

⁸⁵ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 616.

⁸⁶ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. С. 37–38.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 144об.

⁸⁸ Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. P. 66.

⁸⁹ На Наксосу А.Г. Орлов, в частности, предоставил резиденцию для посланника Али-Бея — Зуль-Фикар-бея (см.: Плещеев С. Дневные записки путешествия из Архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с краткою историею Али-беевых завоеваний, российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб., 1773. С. 2).

Именно на Наксосе А.Г. Орлов предпринял эксперимент по созданию в Архипелагском княжестве своего просветительского центра, ориентируясь, судя по всему, на проекты, претворявшиеся в жизнь в это время в России императрицей и И.И. Бецким. На Наксос были собраны дети из семей различного состояния, они поступали на полное обеспечение из средств, выделяемых А.Г. Орловым, жили в изоляции от своих семей (по-видимому, почти как в московском Воспитательном доме) и, вероятно, должны были в будущем составить «новую породу людей» нового Греческого государства. «Греческия малчики как приматские так и бедны[х] островски жителей дети и сиротки, содержаны были... одеянием и пищею и обучением согласно с великодушием и щедротою Всемилостивой... государыни»⁹⁰, при детях состоял «эконом Жованни Ацали»⁹¹. Г.А. Спиридов после отъезда А.Г. Орлова продолжил заботу о Школе, направив ее деятельность сообразно своим предпочтениям на обучение морскому делу. Для этого «с острова Наксии малолетних гречат 46 человек» разослали «в число кают юнг на разные корабли»: «Георгий Андреевич за благо почел оных малчиков по кораблям и фрегатам распределить, производя им пропитание и стараясь, дабы оныя обучены были русской грамоте, читать и писать могли, при том обучать и навигации»⁹². Однако на этом просветительские опыты не завершились. С июля 1773 г. А.Г. Орлов пожелал придать своему школьному эксперименту больший резонанс⁹³ и перевезти «гречат» в Пизу, где специально для своей Школы он приобрел дом. Он пишет в это время Г.А. Спиридову: «Прошу не оставить ребятишек греческих, которые уже набраны и впредь будут набиратца и коих мне сюда при случае судами пересылать человек по 15 а я здесь делаю об них учреждение школу, чево для и дом болшой в Пизе беру, а впредь што с ними будет приказано от двора учинить — тово еще не знаю, но думаю, что и там для них готовится дом, где оне для всякова ученья приняты будут»⁹⁴. И в дальнейшем в 1774–1775 гг. Орлов продолжал трогательно заботиться о Школе, поручая А.В. Елманову присылать на военном судне «с пропитанием» «всех их малчиков в Италию для обучения и воспитания в учрежденной в Пизе для них школе» (с оговоркой: только с согласия их родителей, «не делая в том не малейшего насилия против их желания»)⁹⁵. Когда же флот покидал Средиземноморье, греческих школьников забрали из Пизы в Россию⁹⁶, и школа продолжала существовать уже в Санкт-Петербурге⁹⁷. В своем сочинении

⁹⁰ Из письма А.Г. Орлова А.В. Елманову от 28 июля 1774 г. (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 158–159).

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119. Кажется, это он, став капитаном Иваном Ацали, после окончания войны в 1784 г. будет назначен российским консулом на Кипре (см.: Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899).

⁹² РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 158–159. См. также: Гребеницкова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 411–413.

⁹³ И резонанс в Европе, действительно, был. «Амстердамская газета» поместила такую, например, заметку: «фрегат Григориус имел также на борту 26 юных греков и 12 гречанок, прибывших из Мореи, которые после прохождения карантина имеют намерение разместиться в Пизе, чтобы обучаться в колледже, который генерал-аншеф гр. А.Г. Орлов здесь основал по приказу российской императрицы» (G. d'A. 1773. № 93).

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119. Л. 29об. (Письмо Орлова Спиридову 1773 г.).

⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 158–159, 167–173об.

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 135. Л. 148.

⁹⁷ В январе 1775 г. для отправлявшихся в Санкт-Петербург греческих мальчиков из Архипелага было учреждено училище, в 1792 г. преобразованное в «Корпус чужестранных единоверцев», в 1796 г., правда, по распоряжению Павла I это училище было закрыто. См.: Ари Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 134.

о. Наксос

об Архипелаге Матвей Коковцев подытожил историю наксийской школы самым высоким стилем: «Все острова возчувствовали обильно изливаемая щедроты Великия и Премудрыя Екатерины, Которая желая возстановить упавшия науки, повелела устроить на острове Наксии училище, но как острова и паки возвращены Оттоманской Порте, то обучавшиися отвезены Российским флотом в Санктпетербург, где восхищаются Матерним Минервы призранием»⁹⁸.

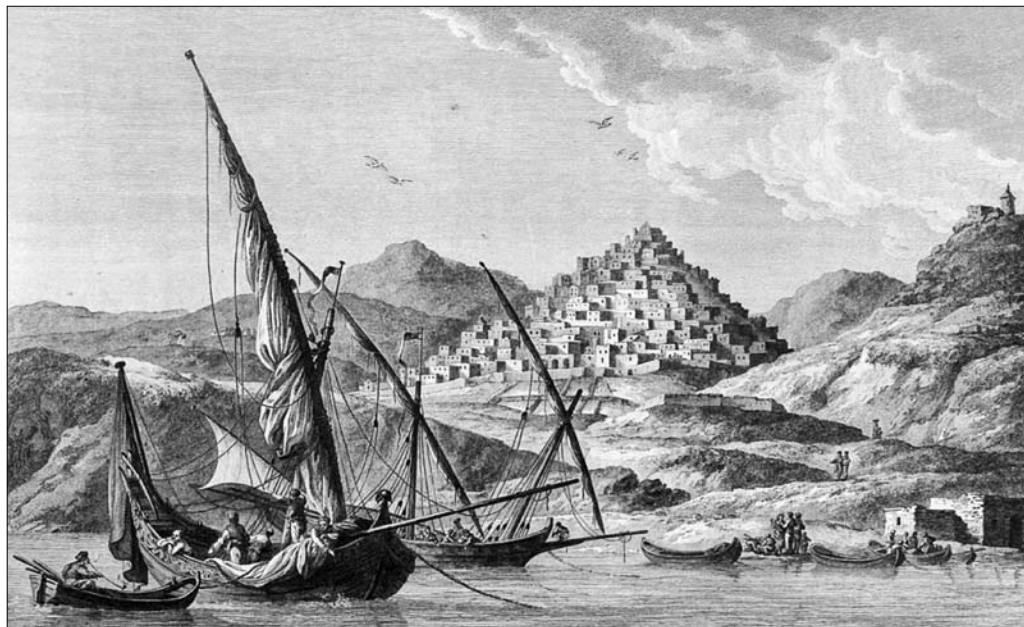
Укрепленную базу российский флот создавал и на о. Миконо (Миконос)⁹⁹, который вместе с островами Шкиято (Скиатос), Шхиро (Скирос), Андро (Андрос), Тино (Тинос) и Сиро (Сирос) составляли северную часть Архипелагского княжества. На северо-востоке в Архипелагское княжество вошел о. Патмос с находящимся на нем древним монастырем Иоанна Богослова¹⁰⁰.

Самым крупным островом Архипелагского княжества на востоке вблизи Анатолийского побережья был о. Самос, который, по словам М. Коковцева, с 1771 по 1775 г. «благоденствовал под державою российскою». Самос был важен, прежде всего, для блокады Дарданелл, поэтому стал базой эскадры И.А. Борисо-

⁹⁸ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега. С. 68–72.

⁹⁹ В заливе Миконоса часто базировалась одна из российских эскадр (например, там стояла эскадра Арфа), с Миконоса могли подать на Парос в Аузу сигнал, если корабли неприятеля появлялись вблизи Архипелагской базы. См., например, распоряжение адмирала Спиридова сделать на Миконосе маяк из хвороста и в случае приближения турецкого флота палить из пушек и зажечь маяк (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 15).

¹⁰⁰ Депутаты от Патмоса «просить быть им в подданстве всемилоостивейшей нашей Государыни» прибыли к Спиридову в конце апреля 1771 г. (РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 142). Документы о российском управлении Патмосом в 1771–1774 гг. см.: *Μαλανδράκης Μ. Νησιωτικά χρονικά* // *Ελληνικά*. 1936. № 9. (1936). Σελ. 69–116.

о. Сирос

ва, мимо кораблей которой «ни одно турецкое судно пройти не могло»: «в течении сего времени взято оных около двух сот с грузом и без груза, суда же прочих европейских держав осматриваемы были, и, по выгрузке из оных турецких товаров, отпускаемы»¹⁰¹.

К югу от Пароса значительными островами, признавшими Российское владычество, были Кикладские острова Милос, Сикинос, Иос, Тира (Санторин) и Аморгос (их подробное описание, сделанное графом Паш ван Криненом, см. в Приложении 6). По-видимому, кроме общих заявлений о том, что эти острова стали «благоденствовать» после побед «российских орлов», серьезной строительной деятельности там не велось. Выступая еще 14 марта 1771 г. на Совете в Петербурге, А.Г. Орлов специально выделил остров Милос как лучшее место для стоянки флота¹⁰², но остров имел «нездоровый» климат, да и база к этому времени уже стала обустроиваться на Паросе.

Самым южным владением России в Средиземноморье была хитростью захваченная небольшая турецкая крепость на о. Кастро Россо (возле Анатолийского побережья, которая стала служить «пристанью для Российских крейсеров в Сирских и Караманских водах плавающих»¹⁰³.

Активные действия русских по освоению Архипелага и особенно строительная деятельность на Паросе не остались незамеченными европейскими корреспондентами. И их выводы уже в 1771 г. отражали озабоченность далеко идущими планами России: пришедшая в июле информация из Венеции так была

¹⁰¹ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. С. 60.

¹⁰² АГС. Т. 1. С. 370–371.

¹⁰³ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. С. 68.

Залив о. Милос

представлена «Амстердамской газетой»: «Русские работают над созданием значительного форта на Паросе и на Миконе, эти два форта уже с артиллерией и войсками. Кажется, что русские имеют в виду исполнить план Петра I, который хотел обеспечить свободное плавание как на Черном, так и на Белом (имеется в виду Эгейское. — Авт.) морях» (G.d'A. 1771. № 65).

Только ревностью к успехам России можно, на наш взгляд, объяснить появление в 1773 г. в британском ежегоднике саркастической заметки о центре Архипелагского княжества: «Остров Парос, в древности известный своим вином и мрамором и ставший бессмертным благодаря скульптурным статуям, долго является главной стоянкой русских. Хотя положение этого острова, лежащего на половине пути между Мореей и Малой Азией, в некотором смысле может показаться благоприятным для стоянки, но со многих сторон это ложное мнение. Во-первых, расстояние от суши, особенно от Малой Азии можно считать главным недостатком; среди менее важных: его небольшая величина и бесплодие делают его малоудобным для отдыха и восстановления сил столь большого количества людей. Действительно, кажется удивительным, что после необыкновенной удачи, которая способствовала уничтожению турецкого флота и сделала русских неподконтрольными властителями этих морей, русские не смогли за эти годы овладеть ни одним сколь-либо значительным островом, который бы своими продуктами мог их поддержать в их предприятии и обеспечить безопасность в час испытаний» (A.R. 1773. P. 20).

Итак, заняв острова в Архипелаге и не располагая достаточными силами, чтобы их все сразу начать осваивать, русские тем не менее в 1771–1772 гг. пред-

приняли беспримерные шаги по обустройству своей базы на Паросе, не оставляя вовсе без внимания и другие острова. Создается впечатление, что Архипелагское княжество обустраивалось на века, что ни покидать его, ни выгодно уступать англичанам или французам, как писал Спиридов Екатерине, в первые два года никто не намеревался. Недаром отправленный на новоприобретенные острова граф Паш ван Кринен собирал сведения о том, насколько может *умножиться* население островов и как жизнь на островах *реорганизовать* к лучшему. Например, усмотрев на о. Милос, что причиной болезней его жителей являлись скапливающиеся в поселении нечистоты, он предложил: «По моему мнению мили три от порта на маленьком пригорке посреди долин, украшенной лугами, построить бы новый город, повелев наперед съжечь тот, в котором оне теперь живут, ибо оные столь жадны к обитовани их полат, что доброволно, конечно, не переменят жилища»¹⁰⁴. Безусловно, дух авантюризма — а как иначе можно рассматривать планы переноса городов?! — как у руководителей Архипелагской экспедиции, так и у их подчиненных был неистребим!

ГРЕКИ, «РУССКИЕ»¹⁰⁵ И «АЛБАНЦЫ»:

ВЗАИМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ЧАЯНИЯ

В 1772 г. увидела свет драма Павла Потемкина «Россы в Архипелаге», в которой поэт так представил идеальный разговор между А.Г. Орловым и неким Софронимом, старшиной греческого народа от острова Идра.

Софроним к Орлову:

«О вождь непобедима войска!
 Защитник христиан, честь имени геройска
 Величества пример, спаситель наших стран:
 Из Гидры прислан я всех именем граждан
 Явить у ног твоих *народное признание*,
 Тобой *избавлены мы бедства* во стенанье
 От варварства врагов, от рабства спасены
 Твоею помощью мы все *прокормлены*,
 Блиска погибель нам была и неизбежна,
 Но щедрая рука к спасению прилежна
 Спасла во крайности от смерти целый град,
 Без помощи твоей страшил нас смертью глад

¹⁰⁴ «Краткое описание островов Архипелага». Приложение 6 С. 654. Город Зефира — старая столица Милоса — и в самом деле вскоре был покинут его жителями, переселившимися на место, указанное Паш ван Криненом. Однако едва ли в том была его заслуга. К моменту прибытия на Милос российских военных перенос столицы в современную Плаку уже начался. См., например: *Μπελιβανάκης Γρ. Ιστορία της Μήλου. Συγκροτημένη από τις ιστορικές επιφυλλίδες της εφημερίδας «Μήλος» μιας 25ετίας 1976-2001. Αθήνα, 2001; Gerousi E. Melos: the Christian Monuments of the Island. Athens, 1999. P. 13.*

¹⁰⁵ Как будет показано в дальнейшем, «русскими» называли всех участников Архипелагской экспедиции вне зависимости от их национальной принадлежности.

А.Г. Орлов:

Защита бедственных во злополучно время
 Есть должность общая и общее всем бремя,
 От севера пришли мы к защищенью вас
 Внимая жалостный в смятении вашем глас¹⁰⁶,
 Монархини моей божественное свойство
 Могло ль предвидючи меж греков неустройство
 Меж греков с коими нас съединил закон,
 Моглоль с терпением внимать их горький стон.
 Верховной власти сей я исполняя волю,
 Стараюсь применить несчастных греков долю
 Соединяйте вы старание со мной.
 Доколе будет несть вам тягость мести злой,
 Доколе в рабстве вам страдая несть оковы?
 Возпламеняйте дух, мы вас спасать готовы.

Софроним

... Вам Греки жизнь уже принадлежат...»¹⁰⁷.

Однако представлявшийся в Петербурге идеал был далек от реальных трудностей в управлении архипелагскими островами, заселенными «благодарными» единоверцами. Строительство на островах укреплений, госпиталей, училища и ремонтных баз должно было быть подкреплено договоренностями с «островскими жителями» о поставках продовольствия, леса, о финансовых выплатах на нужды российского флота. Еще в ноябре 1770 г., отправляясь из Архипелага, А.Г. Орлов отдал распоряжение Ивану Войновичу собрать по всем островам Архипелага подати, которые те ежегодно выплачивали капудан-паше, и распределить по островам муку, чтобы в качестве повинности островские жители заготовили для флота сухари¹⁰⁸. В декабре 1770 г. было указано собирать продуктовую подать и скотом¹⁰⁹.

В ноябре-декабре 1770 г., как уже отмечалось, командование навело справки и о том, как новые «русские» территории управлялись при османах и какие подати платили¹¹⁰. При обустройстве Архипелагского княжества вполне мог оказаться по-

¹⁰⁶ Намек на предсказания, согласно которым греков освободит именно «от севера» народ.

¹⁰⁷ *Потемкин П.* Россы в Архипелаге. Драмма. СПб., 1772. С. 17–18.

¹⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 210–211об.

¹⁰⁹ Граф Иван Войнович отчитывался Г.А. Спиридову о том, каким натуральным оброком были обложены острова: Тино должен был уплатить 300 быков, Андрос — 250 быков и 1000 баранов, Поликандро — 15 быков и 100 баранов, Милос — 30 быков и 150 баранов, Аржантера — 2 быков и 100 баранов, Сирфо — 30 быков и 200 баранов, Сифно — 20 быков и 100 баранов, Термиа — 80 быков и 400 баранов, Сира — 40 быков и 400 баранов, Нио — 50 быков и 300 баранов, Наксия — 50 быков и 100 баранов, Миконос — только 1000 баранов. Тогда же с Нио были привезены 242 кантара сухарей (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–14). Османский кантар весил 56,4 кг.

¹¹⁰ До войны острова входили в эйалет моря, который являлся хассом — условным владением капудан-паши. Греческое население, составляя православный миллет, пользовалось местным самоуправлением и выплачивало установленные в Османской империи налоги. Некоторые сведения и литературу о социально-экономическом состоянии Греции в конце XVII — нач. XIX в. см.: *Петрунина О.Е.* «Восстань, о Греция, восстань!»: рождение греческой независимости глазами современников. Симферополь, 1998. См. также: *Σάθας Κ.* Τουρκοκρατούμενη Ελλάδα, 1453–1821. Αθήναι, 1869. Т. 4.

лезным принцип, сформулированный П.А. Румянцевым в отношении Молдавии и Валахии: «...всякая вводимая новость от победителя в уничтожение порядков, к которым привыкли, покажется труднее»¹¹¹. Таким образом, на островах сохранился институт «синдиков» — старост, которые избирались на один год и об их избрании островные канцелярии извещали центральную канцелярию в Ауге, при этом на острова могли назначаться и коменданты, подчиненные российскому командованию¹¹².

Зная пожелание императрицы Екатерины идти на уступки нетурецкому населению завоеванных территорий (в рескрипте от 6 ноября 1769 г. П.А. Румянцеву рекомендовалось «приласкивать» «волохов, греков, болгар, армян, раскольников и жидов, жителей Османской империи, занятой армией»¹¹³), Г.А. Спиридов предложил снизить налоги и взимать десятую часть продукции в натуре или деньгами: «сие получение не станут они называть, как у турках говорят, варварским грабежом».¹¹⁴ В отношении островов *всего* Архипелага командование распорядилось руководствоваться следующим правилом: со «своих островов» взимать десятину произведенных продуктов, а сверх нее необходимое для флота на этих островах *покупать* («но чтоб ненасильственным понуждением», и только если они нам нужное, а у них лишнее «из упрямства не продадут, в таком случае можно силою взять и уведомить»); в отношении же островов, не принявших российского подданства и не вошедших в Архипелагское княжество, действовали правила военного времени («которые ж острова не в подданстве нашем, с таких со угрозами, что надобно, можно требовать и несмотря, что у них лишнево нет — брать, платя за то им деньги по рассмотрению, а ежели дорожится станут, то и без денег взять, давая расписки, сколько чево взято, будет впредь для ведения без аплаты им, *когда будут наши подданыя* (sic!), а ежели где найдется что турецкое — оное все брать безденежно»)¹¹⁵.

А.Г. Орлов после Чесменского боя с благодарными греками

Из последних фундаментальных греческих исследований о состоянии островов в XV–XIX вв. см.: Δημητρόπουλος Δ. Μαρτυρίες για τον πληθυσμό των νησιών του Αιγαίου, 15ος — αρχές 19ου αιώνα. Τετράδια Ερυσίας 27 ΚΝΕ/ΕΙΕ. Αθήνα, 2004.

¹¹¹ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896. С. 331.

¹¹² Подробнее об этом см.: Κοντογιάννης Π.Ν. Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774. Σελ. 235–240; Πασχάλη Δ. Αι Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ' ανέκδοτων έγγραφων. Σελ. 234–292; Κώνστα Π. Η Ρωσία ως Ναυτική Δύναμις (860–1960 μ. Χ.). Αθήνα 1964. Σελ. 117–126.

¹¹³ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Д. 7233. Л. 154–156.

¹¹⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 655. Первыми, кто узнал о введении «десятины», стали 28 января 1771 г. жители острова Парос. Об этом см.: Гребеницкова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 340–341.

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 79об. Например, перед самым заключением Кючук-Кайнарджийского мира контрибуцией был обложен находящийся возле входа в Дарданеллы и немало помогавший русским о.Имбра: приматы всех деревьев собраны были на флагманский корабль «Победоносец», «дабы оные с тех деревьев собрали для нашего флота контрбуции 100 быков, 400 баранов и 2000 киллов пшеницы». Османское киле пшеницы составляло 25,7 кг. Однако с острова доставили только 215 киллов пшеницы, а за остальные 1785 киллов уплатили 3570 пиастров. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 69–70).

В итоге, на основании сохранившейся документации можно сделать вывод о том, что российские военные стали взимать с жителей островов Архипелагского княжества только третью или даже четвертую часть того, что острова выплачивали туркам¹¹⁶.

Например, крупный и многолюдный остров Андрос (1700 семей, или по другим подсчетам более 11 тыс. жителей) выплачивал «в Константинополе одному знатному человеку» 23500 пиастров, а по российским ведомостям, в 1773 г. уплатил русским немногим более 8 тыс. пиастров;

остров Ниа (Иос) (300 фамилий, включая вдов и сирот, 14 мелниц, продают сыр, мёд, лук, хлопчатую пряжу) платил оброк капудан-паше 3800 пиастров и еще 300 пиастров его свите, а по российской ведомости 1773 г. уплатил частично натурой подать в размере всего 1151 пиастр;

остров Наксия (Накос) (1600 фамилий) выплачивал 15 000 пиастров капудан-паше и еще 1100 для стола и его свиты — в 1773 г. выплатил натуральной и денежной подать (ячмень, бобы, арака, лук, чеснок, овцы, дыни, лимоны и «апельсины», за свиней, за пчелы, за дерева винных ягод) — всего 3426 пиастров;

остров Милос должен был выплачивать капудан-паше 6700 пиастров (а когда остров бывал в откупе, то платил откупщику оброк 829 пиастров, подушный харадж («гарач») 2200 пиастров, на разные расходы 152 пиастра, капудан-паше — 500 пиастров и переводчику ево 450 пиастров, а также сераскеру — 250 пиастров. «Вышеписаную сумму платим мы сверх оброка нашего, итого еще 4 381 пиастр»), всего при турках получалась сумма в 11081 пиастр, а в 1773 г. этот остров выплатил десятинный сбор натурой (ячмень, пшеница, арака, горох, ячмень смешанный с пшеницею, бобы, хлопчатая бумага, камни для жерновов, соль, алебастр) и деньгами на сумму всего 2765 пиастров¹¹⁷.

О произошедшем при русских снижении налогового бремени для населения участники экспедиции стали писать уже в 1771 г. Так, иностранный волонтер Паш ван Кринен начал свое описание островов такими похвальными словами: «Но с тех пор, как северные орлы лучами своих побед выкрывают оные острова, находятся те в благополучном состоянии, так што турки до оных прикоснутся не смеют... Хотя и в прежние времена больших поборов со оных островов не было, но приматы — люди подлые, которые управляют оныи, не имевши жалости к их собрани, раззоряя те, подавали способы туркам оныя грабить. Ныне же под правлением российской императрицы весьма лехкой с тех бывает набор, но приматы еще не совсем отстали от их злоупотребления»¹¹⁸.

Приведенные данные, как кажется, позволяют поставить под сомнения утверждения ряда греческих историков о том, что приход российского флота

¹¹⁶ Вопреки этим сведениям, А. Комариано-Сиоран пишет, что фискальная система была слишком обременительной (*Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs // Revue des études sud-est européennes. Bukarest, 1965. Т. III. № 3-4. P. 541*), ссылаясь при этом на пример острова Митилина, который должен был выплатить 150 тыс. пиастров, но за такую сумму даже весь остров нельзя было продать. Думается, что пример, приведенный румынской исследовательницей, неудачен: о. Митилина (Лесбос) никогда не входил в Архипелагское княжество и был объектом нападений как *вражеский*, оттого он был обложен не налогом, а *контрибуцией*.

¹¹⁷ Данные по этим и другим островам Архипелагского княжества см.: РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 38-59об., 98, 205; Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 27-60.

¹¹⁸ Краткое описание островов Архипелага. Приложение 6. С. 522.

сопровождался усилением налогового гнета и поборами¹¹⁹, так что жители островов стали даже сожалеть об османских временах¹²⁰.

Объявив об образовании Архипелагского княжества, Г.А. Спиридов, вероятно, и не рассчитывал на то, что с небольших и малонаселенных островов в Эгейском море империя сможет получать хоть какую-то экономическую выгоду. «От нынешнего подданства греков, кажется, нам пользы никакой нет, — жаловался Спиридов Орлову

Греки о. Наксос

2-го февраля 1771 г., — а состоят еще и убытки в прокормлении бедных до нового [урожая] ныне нашим хлебом»¹²¹. Продовольствия, привозимого с окрестных островов и взятого «в приз», катастрофически не хватало, а потому российский флот продолжал зависеть и от транспортных судов, доставлявших продовольствие, боеприпасы, равно как и почту, через Ливорно и через Менорку.

Однако кое-какие надежды относительно будущих доходов у русского флотоводца еще теплились: «за нынешний год получим мы от них добровольно десятую часть всех их продуктов в натуре или за оные деньгами, и, может быть, выйдет суммою немного [sic!] меньше, нежели как турки брали...; а хлеб, который для безденежных роздан и раздается, при первом времени, как поспеет, приматы нам оной возвратят; к нам же от них добропослание, и послушание, и доверенность лучшая начинается»¹²².

В июле 1772 г. неустанно следящий за сбором десятинной подати Павел Нестеров подготовил для рассылки по островам документ «Учреждения для вашей ползы», строже регламентировавший подати и штрафы, а также ведение финансовой документации островскими канцеляриями. Полностью сохранился двуязычный текст, направленный на остров Шкиятто (Скиатос, Северные Спорады):

«Сколко земля родит збирать десятую долю. Платить пошлину жителям островским со всякой сотни по три, а иностранцам по четыре пошрины, кроме съестнаго.

Для збору пошрины определить в силу приказа в данном от меня наставлени[и], и оной должен каждой месяц посменно подавать в канцелярию ведомость, сколько чего получено денег, а канцелярским членам смотреть. В разсуждени[и] сего справедливости оному зборщику за труды народ должен платить десятую долю против того, что в казну собрано, за справедливыя зборы и содержание казенных денег, а ежели кто в заплате по сему будут противится, то с жителей брать за сопротивление пошрины вдвое, а с ыностранцов втрое,

¹¹⁹ Κοντογιάννης Π.Ν. Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774. Σελ. 243–248; Πασχάλη Δ. Αι Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ' ανέκδοτων έγγραφων. Σελ. 263–274.

¹²⁰ Κώνστα Π. Η Ρωσία ως Ναυτική Δύναμις (860–1960 μ. Χ.). Σελ. 121–126.

¹²¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 654.

¹²² Там же. С. 654–655.

Женщины о. Тинос

что однако ж канцелярии смотреть, дабы напрасных привязок не происходило, а у кого явится контрабанда — с таких брать вчетверо пошину и сверх того их наказывать.

Ежели какая-нибудь скотина делает убыток на земли, то за небрежение хозяина взять ево и оценить оной убыток, сколько и за сколько годов. Потому платить также и десятину государеву, а за ево преступление сколько разсудят. То сим же образом и воры по наказанию оных имели б еще за-

платить денежной штраф по воровствам их, однако за воровство штраф более полагать.

Оные собранные штрафные денги содержать для заплаты служащим в обществе, также и те, которые будут пойманы в драках, наказать их в силу об учреждени[и] приказа, а сверх того брать денежные штрафы, которые и приобщать по вышеписанному к общественной сумме.

Выбранному казначею иметь тетрадь для записи оных.

Старатся по возможности вашей для всего исполнять государскаго, чтобы все было з доброю збережливостью, при том же будте исполните с охотою, что вам приказано будет от главноначальствующих наших и от господина адмирала флотскаго, чтоб исполнять верою. Июля ... дня 1772 году»¹²³.

Впрочем, и надежды Спиридова на доход в урожайный год, и усилия Нестерова, судя по всему, не оправдывались. В том же 1772 г. в конце августа с корабля «Ростислав» при острове Наксос А.Г. Орлов писал Н.И. Панину: «Истощение сил здесь наших равно продолжается, ибо казна в сих местах, как и прежде, излишний расход терпит, корабли ветшают и люди естественными случаями убавляться будут, и так мы ущерб во всем безо всякаго возмездия претерпевать должны найдемся»¹²⁴. При этом, с одной стороны, в канцелярию продолжали поступать «слезные жалобы» от жителей островов с просьбами об отсрочке платежей¹²⁵, а с другой, распоряжения от А.Г. Орлова «Старатца, дабы на состоящих под Российским владением архипелагских островах никакой не было недоимки в положенном на оные платеже»¹²⁶. В итоге, «десятинный налог» за 1773 г. в размере 5 тысяч пиастров вице-адмирал А.В. Елманов с трудом смог собрать только перед самым уходом эскадры в 1775 г.¹²⁷

¹²³ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 67–68. Заготовленные для рассылки на проче острова бланки «Учреждения для вашей пользы» хранятся в том же деле (л. 58–66).

¹²⁴ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. С. 255.

¹²⁵ Например, РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 61, 67. При этом на о. Шхиро из собранной подати (1012 пиастр) были выплачены местной гречанке Метаксе «на прокормление избавленных из плену 2-х христианских малолетних девок деньгами 7 пиастров 20 парадов и 170 оков сухарей» (Там же. Л. 45 об.), по просьбе вдовы были прощены 501 пиастр казенных денег, числившихся за умершим канцелярским служителем Хаджи (Там же. Л. 61). Пара — серебряная монета равная 1/40 пиастра, или 2,5 российской копейки (в конце XVIII в.). Окка — османская мера веса равная 1,28 кг.

¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 171об.

¹²⁷ Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 436.

«Доверенности и послушания» со стороны местного населения, очевидно, не хватало. Это выразалось не только в недоуплате податей¹²⁸. Идеальная картина «вольного» греческого государства, процветавшего под защитой российского флота, не выдерживала испытания при непосредственных контактах островитян и военных, порождая взаимное нарастающее недовольство.

У каждой стороны оснований для недовольства было предостаточно. Жители островов, греки, постаравшиеся извлечь все возможные выгоды из присутствия иноземцев, вызывали у участников Архипелагской экспедиции более подозрения, нежели симпатии. Например, присутствие российского флота должно было, казалось, обогатить жителей Пароса и близлежащих островов, на которых «островяне» взвинчивали цены. Капитан Хметевский вспоминал, что «в Аузе, да и на прочих островах харчъ, обувь и платье весьма дорого, так, ... курица шестдесят, говядина шесть копеек фунт, а баранина еще того дороже. Да и то продается не всегда. Яицо по три денги, хлеб на рынке по десяти копеек фунт. Ежели ж вычислить, что жалованья нам червонец дается, два рубли шестдесят пять копеек, а отдаем два рубли сорок копеек: так еще цена больше прибавится»¹²⁹. К тому же, пользуясь, вероятно, слабым знакомством российских моряков с «диковинными» тропическими фруктами, греческие торговцы пробовали им сбывать и незрелый товар, о чем свидетельствует, например, приказ А.В. Елманова: «все приходящие в порт Аузу филюги и лотки <...> осматривать, и буде на которой сыщутся какие-нибудь земляные или с дерев незрелые фрукты, таковых в гавань не пропускать и впредь ввозить запретить»¹³⁰.

Однако обогащения островов не происходило, а жители все чаще жаловались на разбои, воровство и грабежи, учиняемые как военными из регулярных частей, так и особенно «албанцами» из нерегулярных военных подразделений¹³¹.

Вот только несколько дел, которые вынуждены были расследовать в Аузской греческой канцелярии по жалобам местных жителей:

В феврале 1771 г. игумен Исайя из монастыря св. Мины, находящегося в горной части Пароса, пришел, израненный и побитый, в Аузу и рассказал, что сначала русский офицер с сержантом и солдатами пришли в монастырь на службу и офицер подал милостыню, а потом вскоре те солдаты нагрянули с отрядом из 13 человек, требовали раки, выломали дверь, поранили хозяина, его отца и сестру, а потом вынесли деньги и все ценное имущество¹³².

¹²⁸ В 1773 г. обнаружилось, что в обход русских, крайне нуждавшихся в поставках хлеба, греки островов Архипелагского княжества заключили тайный договор с англичанами о продаже им пшеницы. Г.А. Спиридову потребовалось издать специальный приказ, запрещавший грекам-подданным России продажу пшеницы (см. *Гребеницкова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 415–416).

¹²⁹ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 628.

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 111об.–112 (от 22 июня 71 г.). См. также: *Гребеницкова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 335.

¹³¹ Так, жители соседнего с Паросом о. Миконос в августе 1772 г. жаловались в канцелярию Спиридова: «на нашем острове многое число народу флотского и ис прочих мест съели нашего острова фруктов, то есть гороху, винных ягод, винограду и протчаго... Мы увидели великой убыток»; даже выставленные А.В. Елмановым караулы охранить сады миконцев от разграбления в тот год не смогли (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 70).

¹³² РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 65. Л. 12–13об. Рассказ игумена изобилует весьма примечательными подробностями: 25 января 1771 г. пришел к нему в монастырь «один русской афицер в зеленом сертуке, в красном камзоле ростом высок..., имел маленькия усы нафабрены, шпагу имел з золотым

В 1773 г. жители острова Самос жаловались на матросов фрегата «Георгий Победоносец», прибывших на остров для приема дров и покупки лука. По их словам, матросы требовали араки и вина, учинили дебош, выламывали двери и грабили местных жителей¹³³.

Со своей стороны, русские, шедшие освобождать единоверцев, также теряли к грекам доверие и преисполнялись раздражения и сарказма. Если в январе 1771 г., вдохновленный идеей строительства в Архипелаге нового греческого государства, Спиридов еще писал: «греки по состоянию их многия болше жалости достойны, нежели от нас какой строгости, ибо никогда вооруженные добровольно туркам противу нас не помогали..., турок страшатся...»¹³⁴, то вскоре преобладающими в рассуждениях о местном населении стали сентенции о *лености и хитрости* островных подданных Екатерины¹³⁵, об их нежелании трудиться

темляком, манером наподобие сабли. Пришел в той монастырь, слушал молебны, и за то оной афицер дал мне половину пиастра, с ним также было других три человека...». «После молебна, — давал показания игумен Исая, — зазвал я к себе их в келью и унял у себя отобедать, и во время, когда стали обедать, двоя из них не стали садится, однако вышепомянутой афицер им сесть приказал, за обедом же стали пить за здоровье *нашей всемилостивейшей императрицы (sic!)*, потом государя великого князя наследника императорскаго российского престола, когда ж стали пить здоровье государя цесаревича, тогда называл я его для изъяснения русским, што пью здоровье цесаревича Павла Петровича, на что мне вышеобъявленной афицер сказал и меня зовут Павел Петрович, указывая ж на других говорил про тех, которые были в красных камзолах: это гвардейския салдаты..., после чего мы встали из-за стола и те афицер, сержант и салдаты, оказав мне ласковость, пошли из моего монастыря.

А сего февраля 2 числа пришло несколько к моему дому и стали стучатца, почему я стал спрашивать, кто стучитца, ответ мне был: Христиана, давай раки! И ис того их ответа, что отвечали по-русски, узнал, что они русския, на их ответ я говорил, что теперь ночь и раки у меня нет, однако оне, не внимая моим словам, выломали двери и взошло прежде ко мне два человека, коих я узнал, что это были те два салдата, которые прежде у меня обедали с офицером. <...> Вошед, оныя два человека пошли ко мне к благословиению с почтительным видом, лиж толко я их благословил, то ушли они назад, и вбежало ко мне вдруг 13 человек, ис коих один был в сертуке зеленом, а двенадцать в красных камзолах, тот, которой был в сертуке, приказал меня схватить и поставил двух человек с обнаженными шпагами у дверей внутри, а двух человек также со шпагами у дверей снаружи, остальные ж схватили меня и моего отца, и сестру и стали бить, у отца моего переломили ногу, а у сестры обе руки тесаками ранили, а меня в голову также тесаком ранили, спрашивая у нас денег, почему и объявил я им, где лежат деньги, которые они взяли шотом 443 пиастра, и при том еще взяли две пары орукавьев женских золотых, одну пару серег золотых, один золотой перстень, также взяли других вещей весьма много, которых я имянно теперь сказать не могу, после чего, связав у меня, у отца моего и у сестры моей руки и ноги, сами ушли, и дверь с надворья заложили. После их уходу мы развезались и я чрез ограду, хотя чрез силу, перелес и отпер двери. Поутру пришел я в местечко Аузу, объявил об сем в учрежденной греческой канцелярии, и оной канцелярии секретарь повел меня в один в дом, а сам пошел в первой лагерь с моим братом, потому что не в состоянии был от раны итыги и, возвратясь, объявил мне, что в первом лагере ему сказали, что этому кажется статся не можно, дабы салдаты могли ночью из лагеря отлучится, <...> потом я возвратился и поехал также с секретарем в другой лагерь. Во втором господин полковник Толь, как скоро меня увидел, то приказал мне перевезать рану и положили меня в лекарскую полату, где сам господин Толь приходил два раза меня смотреть. И пробыв я у него в лагере, а как скоро услышал от меня, что я могу узнать двух человек, которые в числе грабителей у меня в монастыре были, а прежде слушали молебен, и зовут одного Николаем, а другово Иваном, то казал мне своих салдат каждую роту, однако я в оных помянутых двух человек не видал, потому положили меня опять в лекарскую полатку, а сего числа пришел канцелярской секретарь и господин полковник Толь с оным секретарем приказал мне ехать к адмиралу, почему я, приехав, сие доношенине принес».

¹³³ РГА ВМФ. Ф. 188. оп. 1. Д. 66. Л.83-84об.

¹³⁴ Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

¹³⁵ В качестве примера можно привести реляцию о заготовке сухарей для флота: «Определен ко изготовлению сухарей остров Тино, которой по многолюдству и большему числу деревень, и селения, и мельниц воденых и ветренных, когда б и усердие было, и лень, и разные вымышленные

даже за значительную плату. Адмирал А.В. Елманов в 1774 г. сетовал, что он не мог сыскать для ремонта судов плотников и пильщиков («сверх наличных адмиралтейских, которых малое число, оставших и от работ изнуренных, и считать за работников не можно»), «греков ни из великого принуждения, ни за деньги, хотя по пиастру на день дали бы», нанимать не удавалось — «да и работу более 3-х дней продолжать не могут, потом бегут»¹³⁶. Еще более жестко о найме албанцев на работу писал С.П. Хметевский: «Они голы и голодны. Питаются одной травой. И вид их показывал одну человеческую тень. Напротив того так ленивый и ни к какой работе несклонный, что лучше согласится есть одну траву и ходить голому, нежели работать. Брал я таких без хлеба шатающихся к себе на корабль с жалованьем по четыре пиастра на месяц, но они не могли ужиться, предав себя не ограниченной лени. Можно сказать, что и вся Греция в лени со всем погружена»¹³⁷.

Монастырь св. Мины на Паросе

Описывая нравы жителей Архипелага, бригадир М. Коковцев, кажется, выражал господствовавшее между участниками экспедиции мнение: греки, населяющие Архипелаг, «благоденствовавший под державою Великия Екатерины с 1771 по 1775 год... в невежестве и бедности, и с нуждою пропитание от плодов земных своих имеют. Причиною всему сему лень, непросвещение и беспорядочное турецкое правление...; остроумие... они употребляют на обман, притворство и лицемерие... Сребролюбие владычествует над сердцами их..., ежели видят случаи воспользоваться прибытком, рады жертвовать блеску металла самыми лучшими друзьями и родственниками. Слушать и рассказывать басни главное их упражнение. В законе они суеверны, к женскому полу ревнивы, и, подобно туркам, содержат жен своих в затворничестве»¹³⁸.

По мнению Коковцева, просвещенными могли называться только жители островов «Тино, Сиро, Микон, Наксия и Патмос», которые были втянуты в морскую торговлю. Так, жители Тиноса и Андроса, по мнению М. Коковцева, были

отговорки отложили — можно сказать и весь наш флот сухарями удовольствовать мог, имея нашу пшеницу и платеж...» не только убыток не был бы, но и в прибыли, но «на их обещании увериться не можно» (курсив наш. — Авт.) — поэтому командующий распорядился собрать «албанцов» и солдатскую команду для смотрения за изготовлением сухарей (Там же. Л. 72об.-73).

¹³⁶ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 242.

¹³⁷ Журнал С.П. Хметевского. Приложение. 8. С. 627.

¹³⁸ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега. С. 68–71.

«довольно просвещены и, *обращаясь непрерывно в мореплавании*, торгуют произведениями других островов», тогда как на о. Шхиро, покрытом «дремучими лесами», греки — «мало просвещенные», поскольку «упражняются в одном только земледелии»¹³⁹. Эту же «дикость и варварство» Л. Паш ван Кринен связывал, прежде всего, с османским владычеством и междоусобицами, пришедшими после падения Византии: «После падения греческой монархии оныя острова из под одного ига в другое переходили, от чего по примеру самой Греции [в] беднейшее впали состояние, которые наиболее под игом варваров все добрыя нравы и свойства потеряли, впад в желчайшее состояние, всегда будучи утесняемы лишением имения и детей, не имевши силы противится столь великими для их разорению, к чему во многом они сами повод подавали будучи почти всегда между себя несогласи и завидуя один другому»¹⁴⁰.

Рассказы о больших и малых обманах греками русских, видимо, были частой темой для бесед. Примечательны два подобных рассказа: первый, закончившийся для русских потерями, второй — приобретением.

На острове Тассос, где флот запасал корабельный лес, во главе управления (или, как писал Спиридов, «остров был передан в хозяйство») был назначен лейтенант флота А.И.Поликути, «добросердечный и усердный к службе». Из жалости он раздавал хлеб терпящим голод грекам, неимущим работникам местных «приматов» (надо полагать, землевладельцев), которые обещали расплатиться своими продуктами — воском, оливковым маслом, смолою, скотом. Однако Поликути был обманут. Когда в деревни за этими продуктами были посланы «команды», то никого в деревнях найти не удалось: жители разбежались и угнали скот в горы. Захватили семерых приматов, но когда двоих из них послали за сбором скота и денег, то и они не вернулись. Корабль Поликути торопился покинуть остров, и экзекуции производить не было времени, лишь заковали в цепи пятерых арестованных. После этого эпизода Г.А. Спиридов запрашивал А.Г. Орлова, не следует ли весной, когда корабли придут на Тассо, повесить арестованных, «да из деревень тамошних, — добавлял адмирал, — в страх другим, не худо несколько велеть разорить»¹⁴¹. Одним словом, в данном случае образ действия, предложенный Спиридовым, не слишком отличался от поведения его турецких противников, да и местные жители действовали по привычной для них схеме. Остается предположить, что инцидент был улажен, ибо более сведений о подобного рода конфликтах в источниках не встречается. По-видимому, командование стало последовательно придерживаться тактики «приласкивания».

Во втором рассказе (его привел М. Коковцев), повествуется, как «один российский крейсер, родом славонец, командовавший шебекою Забнакою («Забиякою»¹⁴². — *Авт.*), узнав выгодное положение здешней пристани и пришел к острову Кастро Россо, захватил несколько греков. Уведомясь от них, что в кре-

¹³⁹ Там же. С. 23–24, 36, 12.

¹⁴⁰ Краткое описание островов Архипелага. Приложение 6. С. 521.

¹⁴¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 652.

¹⁴² Шебекой «Забияка» командовал Николетто Кужевиц (в документах канцелярий Спиридова и Елманова эта шебека нередко именуется «Николетова»). После заключения Кючук-Кайнарджийского мира Николетто Кужевиц с семьей выказал желание переехать в Россию в Крым, на что лично А.Г. Орлов снабдил его паспортом (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 85); *Широкоград А.Б.* Адмиралы и корсары Екатерины Великой. Звездный час русского флота. М., 2006. С. 116.

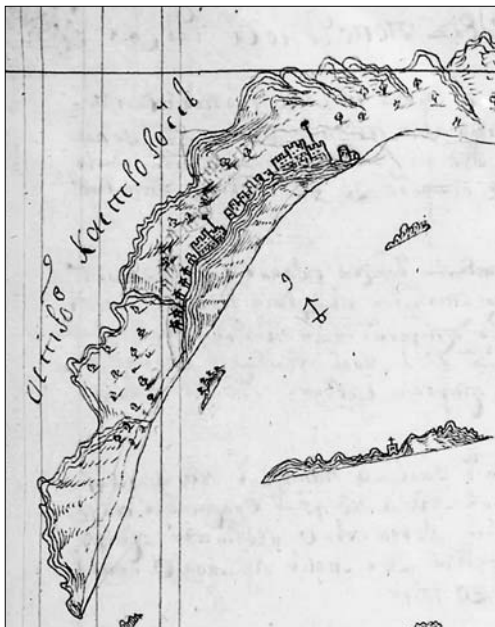
пости турков гораздо превосходнейшее число от его людей, и что крепостцы по неприступному ея на каменных утесах положению и с большим войском взять нельзя, употребил воинскую хитрость. Он, ведая *непостоянство греков*, сказал им, что прислан от флота Российского осматривать пристань Кастро Росскую, и что через 24 часа весь флот сюда прибудет, и просил их не сказывать сего туркам под опасением в противном случае жестокаго наказания. Но греки не успели возвратиться, рассказали в крепости слышанное ими, а турки, пользуясь ночью темнотою, на мелких судах уехали в Караманию (Анатолию. — *Авт.*), оставя крепость и пушки ему в добычу. С того времени служил сей остров пристанью для Российских крейсеров в Сирских и Караманских водах плавающих»¹⁴³.

Клишированные обвинения греков в лицемерии, хитрости и склонности к обманам и предательствам¹⁴⁴, кочующие из одного описания в другое, как уже отмечалось, родились сразу после неудач совместных действий в Морею, но опыт создания Архипелагского княжества, кажется, лишь усилил взаимные разочарования (впрочем, все эти обвинения можно встретить при описании малознакомых культур, и, по наблюдениям Ларри Вульфа, без подобных шаблонных обвинений редко обходились и путешественники, открывавшие Восточную Европу¹⁴⁵).

Что можно было ожидать от утомленных тяготами войны, незнакомым климатом, болезнями рядовых участников экспедиции, остро реагирующих на *инаковость* греков, их отличие от первоначального образа *античных героев* и великих *христиан*, если горечь разочарования охватила инициаторов всего предприятия!

Не способствовала смягчению взаимного недовольства участников экспедиции и греческого островного населения и третья сила — нерегулярное войско, в которое были набраны разнородные по национальному составу жители Балкан и Архипелага. Именно их — более всего и опасались мирные жители «вольного» Архипелагского княжества.

Уже летом 1771 г. жалобы жителей островов на разбой и «обиды» албанцев стали наводнять канцелярию в Аузе. Так, 11 августа 1771 г. жители деревни Баркия на Паросе жаловались, что «военнослужащие в нерегулярном войске

Крепость Кастро-Россо.
Из журнала шебеки «Греция»

¹⁴³ Коковцев М. Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега. С. 67–68.

¹⁴⁴ Такие обвинения со всей тщательностью подобраны и в новейшем изд.: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II.

¹⁴⁵ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М., 2003.

арнауты, албанцы, морейцы, сфациоты и прочия греки причиняют тутошным обывателям, их женам и детям разныя обиды и озорничества, угрожая при том, что по выступлении отсюда регулярнаго войска наивящеи будут чиннить претеснени и обиды»¹⁴⁶. О том же писали жители Левки (Лефкоса) на Паросе и греки острова Наксос и др. Командование вынуждено было озаботиться принятием против разбоев срочных серьезных мер¹⁴⁷. О негативных последствиях для греческого населения островов пребывания российского флота и действий «албанцев»-добровольцев писал и Шуазель-Гуффье. Он отмечал, что жители островов Сикино и Поликандро очень пострадали «во время последней войны» от грабежей и «бедствий», причиненных корсарами-греками (в противоположность острову Сифнос, который из-за отсутствия «хорошей гавани» был «спасен в минувшую войну»); для жителей о. Наксоса «соседство с Паросом имело ... пагубные последствия во время пребывания Русских...»; на Паросе «албанцы на русской службе» разорили и разрушили древний монастырь капуцинов¹⁴⁸. Правда, молодой французский путешественник-эллинист в своем труде ушел от прямых обвинений русских (что в дальнейшем, вероятно, сыграло свою роль, когда во время Французской революции он вынужден был искать спасения в России!¹⁴⁹).

Итак, в 1770–1774 гг. Архипелагское княжество, едва образовавшись, уже имело тяжелый груз проблем: без российского флота оно не могло себя защитить, но содержать значительные военные силы оно было не в состоянии (умеренная «десятичная» подать никак не покрывала флотских нужд!). Серьезная угроза таилась и в нараставшем недовольстве друг другом русских и греков, греков и наемного «албанского» войска, росте числа конфликтов между ними. Эксперимент по созданию Архипелагского княжества оказался трудным для всех его участников, и заключительная страница его истории это доказала (см. далее).

ДЕЛА ЦЕРКОВНЫЕ

Присутствие российского флота в Архипелаге и создание княжества ставили перед руководством экспедиции вопросы не только военного и гражданского, но и церковного строительства. Не вступая в конфронтацию с Константинопольским патриархатом, находившимся в сложном и крайне рискованном положении после начала русско-турецкой войны¹⁵⁰. И Орлов, и Спиридов способствовали тому, чтобы связи духовенства на островах Архипелагского княжества с Константинополем были фактически прерваны. Между тем, сложившаяся в

¹⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 211об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 235об., 237–237об., 299–300 и др.

¹⁴⁸ *Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce.* P. 16, 18, 42, 66.

¹⁴⁹ *Вольфцун Л.Б. Граф Шуазель-Гуффье, первый директор Императорской Публичной библиотеки // Век Просвещения.* М., 2006. Вып. 1. С. 127–140. Примечательно, что Шуазель упрекал русских, прежде всего, за то, что они не смогли развить успех Чесмы и не штурмовали «плохо укрепленные Дарданеллы», что после Чесмы русские напрасно застряли на Лемносе, что им следовало бы штурмовать Дарданеллы и, возможно, даже взять «уже потрясенный Константинополь!» (*Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce.* P. 1, 81).

¹⁵⁰ См. об этом: *Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs.* P. 540.

Османской империи система миллетов, при которой главой всех и светских, и духовных православных христиан являлся патриарх, предопределила сильное влияние церковных институтов во всех сферах общественной и частной жизни. Как бы ни хотел адмирал Спиридов доказать на великороссийских примерах духовенству Архипелагского княжества преимущества российской модели отношений светской и церковной властей¹⁵¹, кажется, синодальная послепетровская организация не стала для греческого духовенства желанной. А потому, чтобы не вступать в конфронтацию с местными духовными пастырями, и Спиридову, и его адъютанту П.Нестерову приходилось последовательно проводить идею независимости церковного суда, неподсудности духовенства суду светскому, сохранения всех прав собственности церквей и монастырей на движимое и недвижимое имение.

При таком положении дел поистине подарком для российского командования стал переезд в Аузу бывшего вселенского патриарха Серафима II (он был константинопольским патриархом в 1757–1761 гг.). Уйдя на покой, Серафим жил на Афоне, но в 1771 г. покинул афонское уединение и был «с почтением» принят на базе российского флота. Призвав командование российским флотом на помощь, он быстро заставил замолчать тех духовных лиц, которые имели «сумнительство», что «якобы он патриарх запрещенный, и служить ему негоже» и что он «без ведома нынешнего архиерея священников собирает». Аргумент патриарха, который убеждал Спиридова, — «хотя мы и не на патриаршем престоле находимся, но удалены не по правилам и правила совершать нам жертву не возбраняют», — был трудно оспорим. Серафим хотел на Пасху молиться о «благополучном здравии императрицы и наследника»!¹⁵² А потому он, судя по всему, и получил желаемую «резолюцию» русского адмирала (полномочия коего в духовных делах едва ли были освящены каноническим правом!), и в российских документах его упоминали только как *патриарха*¹⁵³.

Известный специалист по русско-греческим церковным связям Л.А.Герд отмечает особую помощь патриарха Серафима II, «плававшего на корабле графа Орлова и распространявшего патриотические воззвания среди своих соотечественников»¹⁵⁴. Подробностей о плаваниях патриарха на корабле Орлова пока найти не удалось, но о содержании воззваний Серафима II можно судить по письму, отправленному в мае 1771 г. с острова Идра (ближайшего к Морее). Некто Креватис сообщал, что по «приказу» Спиридова и Серафима II он читал «начальником» и «находившимся на острове мореитам» «высочайший манифест», и тогда те «все великой радостью о слышании онаго веселились и руже к Богу на небо подняли, дабы утвердил Вышней державу святейшей нашей государыни», и сразу отправились в Морею собирать новые отряды, ибо «жители тамошняи ожидают отдать ключи от местечек, кагда московския туда придут», только просят у адмирала Спиридова о присылке судов «в самой скорости»¹⁵⁵.

¹⁵¹ См. Приложение 4.

¹⁵² РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

¹⁵³ К нему, как к *высшей духовной инстанции*, обращались и для разрешения споров местного духовенства (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 212об.).

¹⁵⁴ Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С.120–121.

¹⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 89–92.

При российском флоте в Архипелаге патриарх Серафим пробыл около года¹⁵⁶, и зимой 1772 г., кажется, навсегда покинул Архипелаг: 12 января, как писал С.П. Хметевский, он отбыл на корабле «Св. Георгий» из Аузы в Ливорно¹⁵⁷. В Ливорно Серафим II и находился до конца войны под опекой А.Г. Орлова¹⁵⁸. По ордеру А.Г. Орлова с уходящим флотом Серафим вместе с немногочисленной «свитой» отправился в Россию: он был принят на корабль «Саратов» и вместе с эскадрой контр-адмирала Базбала приплыл в Ревель 25 июля 1775 г.¹⁵⁹

Патриарх Серафим II прибыл в Россию, немного не успев на главные торжества в Москве по случаю заключения мира, но, тем не менее, в октябре 1775 г. он был уже представлен в Москве императрице Екатерине и отслужил затем литургию в Успенском соборе Московского Кремля, о нем Екатерина упоминала и в своей переписке с бароном Гриммом¹⁶⁰. В дальнейшем, Серафиму II был назначен в России значительный пенсioen, и он доживал свои дни в Новороссии (умер в 1779 г. в Мгарском монастыре под Херсоном), был тесно связан с Паисием Величковским и Евгением Вулгарисом¹⁶¹.

После отъезда Серафима II из Архипелага российское командование сохраняло влияние на церковные дела через других верных себе и послушных архиереев. Но отношения с ними все чаще строились по правилам, принятым синодальной церковью в Российской империи. И Орлову, и Спиридову, и Елманову не раз приходилось демонстрировать, что собой представлял этот российский образец отношений государства и церкви.

В июле 1773 г. А.Г. Орлов открыто вступил в конфронтацию с Константинопольским патриархатом. Он доносил в Петербург, что Оттоманская Порта «употребила верховную власть церковнаго пастырей начальника, константинопольского патриарха, который, посвящая по выбору турецкому греческих монахов в островские архиереи, давал тайныя по принуждению турков увещания и грамоты об отлучении от церкви тех епископов, кои бы не пожелали увещавать народ к возмущению (против русских. — Авт.) и к присылке податей»¹⁶².

¹⁵⁶ Например, 4 августа 1771 г. в Аузе был выдан ордер: «святейшему патриарху Серафиму благоволите ... отпустить от камиссариата за денги по надлежащей цене пшеницы девять кивов, кофию 200 оков, пшена сорочинскаго восемь кантарей, кто от него прислан будет с роспискою» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 201об.).

¹⁵⁷ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 630.

¹⁵⁸ Например, 30 июля 1774 г. А.Г. Орлов просит А.В. Елманова похлопотать относительно возвращения патриарху Серафиму «некоторой суммы денег», оставленной патриархом в долг монахам монастыря Св. Лавра — РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92.

¹⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 135. Л. 63. В рапорте контр-адмирала Базбала И.Г. Чернышеву от 29 июля 1775 г. сообщается о том, что по ордеру А.Г. Орлова принят был на борт корабля «Саратов» в Ливорно «бывшей в Константинополе греческий патриарх Серафим со свитою ево, состоящей в четырех человеках для отвозу в Россию, и в бытность в воеже от Ливорна до Ревельскаго порта, как его святейшество патриарх, так и свита его четыре человека довольствованы казенным иждивением с запискою в расходы, а по прибытии к российским портам, где его святейшество съехать на берег пожелает, в том ордере предписано — спустить».

¹⁶⁰ *Kapn C.A.* Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII в. М., 1998. С. 232.

¹⁶¹ *Popoulidis C.* Le Patriarche Oecuménique Séraphim II et les Russes // *Balkan Studies*. 1976. Vol. 17 (1). P. 29–66; *Batalden S.K.* A Further Note on patriarch Serapheim II's Sojourn to Russia // *Balkan Studies*. 1977. Vol. 18 (2). P. 409–411; *Фонкич Б.* К истории приобретения греческих рукописей Харьковским университетом // *Записки историко-филологического товариства Андрія Білецького*. Киев, 2003. Вип. IV. Кн. 1. С. 198–203.

¹⁶² Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 140.

Понимая «важность сего дела», которое могло повредить «охранению тишины и спокойства в жителях Архипелагских островов, состоящих под высочайшим Вашего Императорского Величества владением», и оскорбить единоверцев («строгостию не произвести в обществе народов раздажения предосудительного единоверию»), Орлов решил дело по знакомой схеме, апробированной в России со времени Петра Великого, а именно: сурово подавил сопротивление, посадив под стражу неугодного архиерея и учредив собственный архипелагский «синод». Он доносил: «не допуская к управлению епархиальных дел сего нового тинского епископа <...>, обнародовал я прошедшаго апреля 2 [1773 г.] числа манифестом об учреждении в острове Паросе духовнаго собора из единоверных и единоплеменных морейских архиереев для разобрания и решения впредь всех тех духовных дел, кои донныне зависели от решения константинопольскаго патриарха, и что на место престарелаго тинскаго архиерея препоручено помянутому собору выбрать из своих сочленов достойнаго преемника»¹⁶³. Очевидно, что на «морейских архиереев»¹⁶⁴, а также афинского, паронаксийского и других «островских», Орлов к 1773 г. уже мог вполне положиться¹⁶⁵.

Вполне благополучно у российского командования складывались отношения с монастырским центром на о. Патмос. С одной стороны, Патмос признал российскую власть в Архипелаге и формально стал частью Архипелагского княжества, его синдики получали распоряжения за подписью А. Псаро и крейсирующего близ острова капитана Муратова и выполняли повинности, в том числе по размещению госпиталя¹⁶⁶. С другой стороны, ни один другой остров Архипелагского княжества не имел столь почитаемой святыни, как Патмос: в его монастырь Иоанна Богослова Екатериной II были пожалованы крест с драгоценными камнями, драгоценные медали с изображениями Петра I и самой Екатерины II, а от А.Г. Орлова — очевидное свидетельство его паломничества в монастырь — кинжал, который и ныне украшает экспозицию ценностей Патмосского монастыря¹⁶⁷.

Иная модель делового взаимодействия светской и духовной власти сформировалась в отношениях российского командования с Афонскими монастырями. Примечательно, что на корабле «Трех Святителей» главы Архипелагской экспедиции совершили паломничество на Афон. Бывший в это время на

¹⁶³ Там же. С. 140–141.

¹⁶⁴ Орлов опирался на поддержку митрополита Монемавасийского и Каламатского, епископов Корона, Модона и Патраса (*Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs. P. 545*). Отдавая распоряжение о подготовке к возвращению флота после подписания Кючук-Кайнарджийского мира, А.Г. Орлов специально просил А.В. Елманова: «старатца при етом случае, чтоб не забыть архиереев, которыя показывали свое усердие, отменное пред другими, в Морее, как Мадонской, Малвазийский и еще третий, как к вере так и к службе, и чтоб спросить у них, буде они пожелают ехать в Россию, в таком случае взять их на корабли и давать им определенное содержание» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 183–83об.).

¹⁶⁵ В 1771 г. афинский митрополит Варфоломей посылал к русским служить своего племянника и сам ездил для встреч по «вызову» Орлова (Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119. Л. 128–128об., 152), в июле 1771 г. Орлов «милостиво» принял монахов монастыря Иоанна Богослова на Патмосе (Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 106об.); в июле 1772 г. без разрешения Спиридова иерархи островов, в том числе, митрополит Паронаксийский не решались даже *собраться* для решения сугубо церковного вопроса (Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119. Л. 9–9об.). Другие обращения духовных лиц к светскому начальству см.: Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119. Л. 79–80; Д. 66 и др.

¹⁶⁶ *Μαλανδράκης Μ. Νησιωτικά χρόνια. Σελ. 69–116.*

¹⁶⁷ *Антипа, кафигумен Патмосский. Путеводитель по Патмосскому монастырю Св. Иоанна Богослова. Патмос, 2009. С. 76–77.*

Патмос. Монастырь Иоанна Богослова

Афоне русский паломник отец Игнатий из Курска записал: «Учинилось приди одному Российскому кораблю называемому Трех Святителей и снисдошася отцы изо всех лавр первоначальствующие, изыдоша к пристани с крестным хождением, приидоша кораблей первоначальники: граф Алексей Григорьевич Орлов, господин Спиридов, господин Елманов и приидоша в церковь Пресвятыя Богородицы Иверския, отслушаша молебен и паки возвратились на корабль, где меня звал господин Елманов на свой корабль, и так я от него отрекохся и остахся пребывати в монашестве рядовых» (отец Игнатий вернулся в Россию в 1776 г.)¹⁶⁸.

Последовать примеру командования и совершить паломничества на Афон рядовым православным участникам экспедиции никто не предложил, напротив, попытка побега 30-летнего русского матроса Пантелея Ермолаева с фрегата «Северный Орел», якобы для «богомолья на Афонскую гору», по-видимому, сочувствия не вызвала¹⁶⁹.

Похоже, кратковременный визит командования на Афон носил не только религиозный характер: весь период присутствия флота в Архипелаге переписка с афонскими монастырями, прием афонских старцев в Аузе, товарообмен с монастырями не прекращались. У Ватопедского монастыря русские приобретали необходимые для починки кораблей доски, со старцами Хиландарского монастыря затеяли переписку относительно захваченных «разбойниками» мальчиков, которых старцы

¹⁶⁸ Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет. 1766–1776 гг. / Под ред. В.Н. Хитрово // ППС. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3 (36).С. 24.

¹⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92 л. 173. Побег был совершен 23 июня 1774 г., когда «Северный Орел» запасался лесом на о. Эмбросе. Приговора по этому делу не обнаружено.

пытались через русских освободить¹⁷⁰, в скит пророка Илии по просьбе иеромонаха российского флота Игнатия передали один комплект церковных сосудов¹⁷¹. Но, судя по всему, пребывание Российского флота в Архипелаге принесло Афонским монастырям более неприятностей, нежели преимуществ: резко усилилась угроза турецких репрессий и пиратских набегов. В 1773–1774 гг. на Афоне даже было составлено Соборное послание, адресованное российской императрице, Синоду и командующим экспедицией, в котором «все игумены св. Афонской горы» молили предпринять меры против «морских разбойников», от которых уже *два года* (открытый намек на сроки, когда российский флот контролировал Архипелаг!) монахам и паломникам не было спасения, а монастыри лишались милостыни и вынуждены были, напротив, платить непосильный выкуп за своих насельников:

«Приходят разбойники, именуемые христиане... и разбивают святую Афонскую гору и от единой стороны пленять поклонников, которые по обычаю приходят здесь издревле на поклонение, помоществующе нам милостынею, от которых отъемлют по триста и пятьсот грошей, коея ради вины от толь престали приходять и творить нам толикую помощь, и не точию сие творят, но и от монастырцев, которыя были с поклонниками, все имущество их отобрали, от другой же паки часто восхищают от келий и от скитов монахов, которыя оставили мир, вземши в свои филуки, и из них одних утопляют в море, а инных томят безчисленными мучении, от которых ищут по тысячи грошей, аще хотят быть свободными... Которие понеже не имеют чем искупиться от них — мы, хотяще и не хотяще, милосердствуем о них, для того, что оние подклоненны суть монастырем нашим, и ... [обременяемся] тягчайшими процентами от еврей и турков, и оных искупаем, нетерпяще оставить их в разбойнических руках мучится, каковыя беды, елико проходит время — толико умножаются, понеже начаша многия сатанинское сие дело. И бедствует вся Святая Афонская гора ради оних, в заступление прийти как монастыри, так и скити, и келии...»¹⁷².

На уровне церковной паствы духовное общение православных греков и российских участников экспедиции также складывалось непросто. Единения православных в Архипелагском княжестве достичь удавалось крайне редко, и виной тому был, как представляется, не только языковой барьер, но и существенное расхождение в представлениях греков и россиян о «правильных» религиозных практиках и церковном благолепии.

Несмотря на значительное число православных церквей, в том числе, и постававших, церковные службы отправлялись обычно на флоте своими корабельными священниками¹⁷³. Помимо этого, на Паросе в Аузе в начале 1774 г. затея-

¹⁷⁰ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 56. Л. 228, 259. О просьбе игумена Исайи из Лавры св. Афанасия помочь истребовать с жителя острова Скопел лаврскую милостыню, полученную в Константинополе, см. там же. Ф. 188. Д. 65. Л. 75–75об.

¹⁷¹ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 65. Л. 107–107об. (22 октября 1770 г.).

¹⁷² Там же. Д. 66. Л. 252–252об.

¹⁷³ Например, когда на корабль «Молния» в июле 1774 г. был прислан «славонцкой священник Петр», он просил доставить на корабль полный комплект книг и утвари для церковного служения: «Следованную Псалтирь, Минею, Октоих, Ермалог, Новой завет, Служебник, Триоди цветная и постная и ризы». Там же. Д. 56 Л. 248; Ф. 190. Оп. 1. Д. 116. Л. 22–22об.) Имущество корабельного храма корабля «Нетронь меня» составляли: две иконы («образ Николы с серебряною оковкою и образ четырех святителей с серебряною оковкою»), дароносица, крест, скромная утварь, книги (Минея общая и Минея праздничная, Триоди, Шестоднев, Требник, Ирмолог, Служебник, Новый Завет, Псалтирь следованная, «книги молитвенные молебнаго пения»).

Руины русской церкви при госпитале в Аузе

ли строительство собственного русского каменного храма (еще перед заключением мира для этой церкви в Аузу доставили алебастр¹⁷⁴), но, судя по всему, ее так и не успели закончить¹⁷⁵.

Присутствие же на службе в местных греческих церквях и встречи с духовенством помимо языкового непонимания встречали и насмешливое культурное отторжение. С.Хметевский оставил такие записи: «Попы со крестом и с потрахелью всегда ходят.

И где только встретится с нашим, руским, то где б то ни было, надев потрахель, тотчас *свертит молебен за налишния денги* (выделено нами. — Авт.). Из наших были такие, которые в церкви после службы Божией бросали нищим братьям и робятишкам мелкия деньги, которыя по жадности бросятся подбирать, то и поп, выскоча из олтаря в ризах, тут же с робятишками хватает, и ево повалят на пол. И так более смешны, нежели благочинны»¹⁷⁶.

Итак, декларации создателей Архипелагского княжества об уважении независимости церковной сферы, по сути, остались только декларациями. А.Г. Орлов отнюдь не церемонился с греческим духовенством, проводя в практической политике российский вариант подчинения священства царству. Военные сумели властно и действительно контролировать церковные структуры, опираясь на «своих» архиереев, вышедших из подчинения Константинопольскому патриарху. Эти «свои» архиереи сыграли заметную роль в обеспечении поддержки их паствой российской экспедиции, но они оказались не в силах *объединить* греческих и российских единоверцев или способствовать преодолению нарастающего отчуждения. Да такой задачи, кажется, перед ними никогда и не ставилось!

СТОЛИЦА АРХИПЕЛАГСКОГО КНЯЖЕСТВА, ИЛИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ КРОНШТАДТ

Самым успешным предприятием Архипелагского княжества можно назвать создание на о. Парос в Аузе военной базы российского флота и столицы архипелагского государства.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 56. Л. 61об.

¹⁷⁵ Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769–1774 гг. С. 25; Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 435. Шуазель-Гуффье счел, что каменную церковь и госпиталь достроить русские не успели (*Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. P. 71*).

¹⁷⁶ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 616.

Наусский залив

Рыбачья деревня Ауза (Наусса) была невелика — меньше столицы Пароса Парикии, но имела защищенную глубокую бухту, в которой можно было ставить на якорь не только «мелкие суда», как в Парикии, но и военные корабли¹⁷⁷. В военных журналах записали: бухта эта «представляет фигуру продолговатую и имеет длины 5 верст, ширины 1 верста и 400 сажен, а в самом проходе 1 верста и 300 сажен, грунт иловатой, в пяти местах по оной имеюцца небольшие островк[и], а поблизости берегов высокие каменные горы, и потому, как по доволной ея величине, так и по хорошему от ветров закрытию, к стоянию на якоре не точию для мелких судов, но и для военных кораблей весьма способна» (Журналы).

Шуазель-Гуффье отметил также: «Русские сознательно выбрали порт Наусса своей военной базой. Более обширная, чем гавань о. Милло, она объединяет в себе все преимущества своим месторасположением в центре Киклад, которые можно удерживать или защищать, своей конфигурацией, благодаря которой ее легко защищать, наконец, благодаря острову Парос, который дает защиту расположениям войск»¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Так, 25 ноября 1770 г. в Аузе впервые собрались суда российской эскадры: фрегаты «Слава», «Архипелаг», «Святой Николай», поляка «Святой Михаил»; греческие суда капитанов Григория Пано, Герасима Калиге, Ивана Владико, Жовани Купа, грека Жовани, которые состояли в российской службе и имели «патенты»; греческие поляки Жоргиса Гоналиса и Феодоро Мулисаначи, плававшие под греческим флагом, 4 «призовых» рагузинских судна с греческими капитанами и 3 «воровских» судна греческих пиратов «от коих командиры повешены» — РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л.209–209 об.

¹⁷⁸ *Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. P. 70.*

Высадившись на берег, инженер-офицеры Можаров и Тузов тут же разведали об Аузе:

«Дворов во оном местечке, в коих имеют жительство греки, считают до 200, построены из плитного камня, некоторые на извеске, а другие и на глине весьма худо, и почти все об одном жилье без всякаго украшения, а улицы между оными некоторыя, хотя и прямы, но гораздо уски, к тому ж жители по своему худому обыкновению изо всех домов выносят разные нечистоты и бросают во оных, от чего бывает завсегда большая духота.

Церквей и монастырей, как в самом местечке [Аузе], так и около онаго вблизи считают 35, да несколько подалее в полях 25, но токмо из сего числа много пустых и развалившихся, а целых, в коих ныне греки отправляют службу, находится церквей и монастырей 9, которые также, как и дворы, простаго из плитного камня построения, к тому ж и небольшие.

А когда и кем оное местечко строено, жители онаго за давностию времени точно объявить не могли. А по выбитым в некоторых местах на камнях писмам утверждают, что строено де сие место генуэзцами в [1]553м году во время владения дюка Иоанна Кысти»¹⁷⁹.

Высадившись в Аузе, разбив на берегу два лагеря¹⁸⁰, участники экспедиции наводнили небольшое поселение: в разное время на берегу числились от 2500 до 5100 солдат и матросов, не считая многотысячного (до 15 тысяч человек) «албанского» корпуса¹⁸¹.

В деревню пришли новые полувоенные порядки. В частности, улицы в Аузе командование постаралось вычистить и пресечь угрозы «благочинию». Для этого в Аузе был сформирован пост, «бекет, состоящей из 30 человек салдат, при одном афицере», которому было приказано «накрепко наблюдать, дабы никакого шума, драк и убивств отнюдь не происходило, и чистота повсегдашнее время содержана б была в хорошем порядке, в противном случае малейшаго непослушания жителей... преступителей брать за караулом»¹⁸². Видимо, жители и военные имели разные представления о «чистоте», поэтому вскоре для них был издан следующий приказ: «жителям накрепко подтвердить, дабы на улице никаких пометов отнюдь не было, а всякой бы имел чистоту пред своим домом, также в каналах, где вода

¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 143об.

¹⁸⁰ Местные жители приписывают русским и строительство канала, по которому в поселение с гор по сей день течет в Аузу/Наусу чистая пресная вода, однако российскими документами это строительство, насколько мне известно, пока не подтверждается.

¹⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 111. По данным на 6 ноября 1771 г., когда еще не закончилась летняя кампания и в Аузе стояли только три фрегата, личный состав был распределен так: «на фрегатах: Делос — 99 чел., Парос 78 чел., Микон 38 чел.; в ведении капитана над портом 353 чел. (включая мастеровых и пленных турок и жидов 65 и греков под караулом 15); кригс-комиссариат — 129 чел., главной артиллерии на батареях — 37 чел., при мундирных магазинах — 26 чел., Шлиссельбургского полку — 412 чел., нерегулярного албанского войску — 1139 чел. Прибывших на трекатре мичмана Ушакова 368 чел., прибывших на трех филогах с потопшаго фрегата Св. Феодора — 115 чел. ИТОГО: 2794. Из того числа в госпитале за болезнию 148 чел. Да сверх того находящихся во флоте с разных колраблей и фрегатов 83 чел. Итого в госпитале больных 231 чел.» (л. 1–10б.). А в марте 1773 г., когда в Аузе стояли корабли «Чесма», «Св. Яннуарий», «Европа», «Всеволод», «Трех святителей», «Победоносец», «Трех иерархов» и «Надежда Благополучая», в порту числились более пяти тысяч человек (л. 24об.). См. также: там же: Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 8–47; 110–156 «Ведомости» о количестве судов и служителей в госпитале и на батареях, и о количестве личного состава в порте Ауза — за май и за декабрь 73 г.).

¹⁸² Там же. Ф. 188. Д. 93. Л. 234 (приказ от 23 августа 1771 г.).

протекает, платья не моют и скотину не резать, и кишок мыть не велеть, а мыли бы платье и прочее пристойное тех каналов близь моря, а если усмотрена будет нечистота по улицам и в воде, то без штрафа не останетца, чего ради надлежит из обывателей сверх воинскаго караула приставить присмотр, которым приказать немедленно усмотренную нечистоту доносить караулу или канцелярии, почему принуждать тех преступников тот же час вычистить, в случае непослушания брать за караулом и, ежели албанцы явятся в преступлении, брать под караул»¹⁸³.

Однако чтобы превратить Аузу в столицу и создать защищенную военную базу, были нужны не только чистые улицы, но и инженерные проекты, и рабочие руки, и судоремонтные рабочие и адмиралтейство, нужен был строительный лес — а всего этого катастрофически не хватало.

Когда флот пришел в Аузский залив, старое укрепление здесь уже пришло в негодность, турецкий гарнизон отсутствовал: «Ауза имела укрепление толко с моря, да и то состояло из одной построенной из плитного камня башни, а вышина оной от воденного горизонта 6 сажен. Да из остатков развалившихся стен видно, что из местечка ко оной башне зделан был каменною стенкою прикрытой ход... Да и по притчине, что турки никогда онаго починкою не исправляли, ныне в таком худом состоянии, что уже совсем развалившись, а с набережной стороны совсем открыто и никогда укреплено не было».

Турецкая крепость Аузы

Строительство русских укреплений на о. Парос в заливе Аузы по приказу Г.А. Спиридова началось вскоре после прихода сюда эскадр — с 3 января 1771 г. Самый подробный отчет о строительстве содержат журналы инженер-офицеров флота, которые ежедневно фиксировали, сколько человек занято в постройке, когда и в связи с чем возникали приостановки в производстве работ, какие материалы использовались, сколь обоснованы были планировка укреплений, толщина стен, количество бойниц и т.д. Описания, составленные инженер-капитаном Карлом Реаном и инженер-поручиком Михаилом Можаровым, в частности, гласили:

3 января. «...начета делать, как по левую сторону входа в гавань на мысу, так и на острове против онаго входа, укреплению, для которых работать определили посылать с кораблей матрозов в оба места в каждой день по 110 человек»¹⁸⁴.

Уже на следующий день были «разчищиваны места». 6 января, после службы в честь праздника Богоявления на берег спустили «десант». Для этого десанта, а также для прибывшего с эскадрой контр-адмирала Арфа Шлиссельбургского

¹⁸³ Там же. Л. 236об.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 129об.

И.А. Ганнибал

полка на берегу разбили лагерь в полутора верстах от греческого поселения. Правда, в дальнейшем оказалось, что место было выбрано неудачно, пребывание в жаркие летние месяцы в полевом лагере для русских солдат было крайне тяжелым¹⁸⁵. Тогда в июле 1771 г. Шлиссельбургский полк постарались перевезти на квартиры в поселения соседнего острова Наксос, а в лагере оставили только привычных к здешнему климату албанцев. Позднее в Аузе все-таки были построены «светлицы Слссельбургского полку»¹⁸⁶.

22 января 1771 г., после того как в Аузу было доставлено французское «купеческое судно», «взятое в приз» (оно шло из Александрии в Константинополь с грузом «кофея и сорочинского пшена»), было решено построить и магазин для сбора товаров с «призовых судов». Зимой и вес-

ной 1771 г. таких «призовых» судов — французских, рагузинских, венецианских, турецких и даже одно английское (с тунисскими товарами, шедшее в Константинополь), — в основном захваченных капитаном Аничковым, прибывало в Аузу немалое число, а часть конфискованного товара (лисы меха) даже были выставлены на продажу местным греческим купцам¹⁸⁷.

24 февраля «после генерального приказа для случающихся во флоте у разных судов чинок» было «учреждено при здешней Аузской гавани на острове адмиралтейство». В Аузу из Петербурга были выписаны корабельные мастера, включая знаменитого А.С. Катасанова¹⁸⁸. В августе 1772 г. под началом Катасанова числилось 208 работников, а в 1774 г. — уже 338!¹⁸⁹. Командовать Аузским портом весной 1771 г. был назначен капитан-лейтенант А.Ф. Поповкин, цейхмейстером морской артиллерии — бригадир И.А. Ганнибал, построивший в Аузе на «адмиралтейском острове» себе каменные покои¹⁹⁰.

К 6 марта, т.е. за три месяца, первые два укрепления в Аузе были закончены: ими оказались две артиллерийские батареи у входа в гавань и на острове («искоих первое зделано на мысу..., которого вышина от водного горизонта 7 сажен, грунт каменистой, к морю имеет склонение отлогое, а внутрь к гавани гораздо круче, а еще по оному мысу, хотя и имеются горы выше того места разстоянием от него более ста пятнадцать сажень, при том все каменные и весьма крутыя, по

¹⁸⁵ Командир Шлиссельбургского полка Е.Ф. Толь жаловался на недостаток палаток, скученность, отсутствие дров для приготовления пищи и сухарей (см.: Гребенищикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 365).

¹⁸⁶ Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769–1774 гг. С. 53; РГВИА. Ф. 434. Д. 58. Атлас Архипелага. Карта № 22.

¹⁸⁷ См.: Гребенищикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 336.

¹⁸⁸ Александр Катасанов в будущем станет директором училища корабельной архитектуры и автором «Чертежей корабельной архитектуры» (СПб., 1801). О нем см.: Гребенищикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 364, 480, 510, 513, 557.

¹⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 114. Л. 14об., 26.

¹⁹⁰ Они отмечены на плане. См.: Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции. С. 24 (карта 21).

которым и неприятелю артиллерию никоим образом привести не можно. Укрепление же сделано для лутчей обороны входа спереди связанными редантами, чрез что не точию одна линия другую порядочно дефендует, но и берега наружные и внутренние хорошо оборону имеют, а наипаче неприятелей, как вдали и по приближении к гавани, так и по входе во оную со многих мест вредить можно... Каменья ломаны и браны поблизости. Рва за каменистым грунтом сделать не можно, почему и земля брана и ношена из разных мест, где толко между каменьями в ущелинах найти можно... Второе укрепление сделано на острове, лежащем в правой стороне против входа в гавань, котораго положение места ровное и низкое, от воденного горизонта не более 6 фут... Фашины заготовлены были в бытность нашего флота у острова Тассо, и сюда в Аузскую гавань привожен на греческих филиюгах»¹⁹¹.

11 марта 1771 г. на укрепленном острове в Аузской бухте начали делать каменный артиллерийский магазин, но на строительные работы весной уже нанимали греков «ценою за 200 ефимков»¹⁹². Вероятно, в это время собственные солдаты и матросы уже готовились к новой военной кампании, перевозили на суда артиллерию, устраивали на мысу той же Аузской бухты стрелковые учения.

8 марта 1771 г. в Аузе был основан госпиталь «для находящихся при флоте из морских и сухопутных служителей болных»¹⁹³. Штат этой торжественно именованной «Генеральной морской госпитали» составляли от 54 до 69 человек — доктора¹⁹⁴, лекари, подлекари и прочие чины. Они обслуживали обычно не менее сотни больных, но порой число болящих превышало и 230 человек¹⁹⁵. После кровопролитной операции при Станчио (о.Кос) в августе 1773 г. и распространившихся инфекционных заболеваний («горячки») потребовалась организация на о. Патмос еще одного госпиталя¹⁹⁶, который, правда, просуществовал только до декабря того же 1773 г. Судя по всему, оборудованы госпитали были весьма скромно. При закрытии госпиталя на Патмосе, в котором лекарь, подлекарь и ученики с кораблей «Всеволод» и «Ростислав» лечили 143-х человек (а кроме того, для охранения болящих существовал еще и «караул из 45 человек») в описи имущества значились: «котлы медные 8, постели — 11, подушки — 22, чаш деревянных малых и больших — 9, ложек — 35, наволочек постельных и подушечных — 20, ложек деревянных — 100, одеял шерстяных ветхих — 5, топоров — 2»¹⁹⁷. Но

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 136об.-137об.

¹⁹² Там же. Л. 138. Строительство силами греков под началом российского инженера Баталзина продолжилось и в 1772 г.: РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 29. Л. 13об. (в документе указывалось, что для строительства были наняты 32 грека).

¹⁹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 137об.

¹⁹⁴ Известны имена медиков-иностранцев. Это доктор Германа (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 93об.), «доктор медицины Никола Коллерги» (Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 213); «венецианской нации лекарь Дмитрий Лузи» (Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 29. Л. 234об.), лекарь Шлиссельбургского полка Иоганн Вильгельмгоф (Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91) и др.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 111. Л. 7об., 17об.

¹⁹⁶ Спиридов — Орлову 31 августа 1773 г.: «раненых... несколько служителей заболели горячками и лихорадками, то ради пользования оных учредил я на острове Патмосе временную госпиталь, где благодаря Бога несколько уже и выздоровело» — Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 161. М. Коковцев отмечал, что заразившихся на о. Самос моряков перевезли «в нарочно учрежденную Патмосскую больницу и скоро, исключая малое число умерших, выздоровели» (Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. С. 73).

¹⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 29. Л. 235, 238об.-241, 277.

при этом о больных заботились и даже в самые сложные периоды денег для госпиталя не жалели¹⁹⁸.

Лазарет был устроен также на одном из судов, больных размещали в монастырях на Паросе¹⁹⁹, на островах²⁰⁰, возили для лечения и в Ливорно, и в Порт-Магон. Потери от болезней, действительно, многократно превышали потери при боевых столкновениях.

Первоначально казалось, что о. Парос отличается от многих островов Архипелага благоприятными климатическими условиями, и болезни оставят участников российской экспедиции. 2 февраля 1771 г. Г.А. Спиридов писал императрице из Аузы: «Здесь в Архипелаге, как в порте Аузе, так и в военных крейсерствах при флоте Вашего Императорского Величества в команде моей состоит благополучно и служители здоровы, веселы и храбры..., больных же по числу людей благодаря Бога не много, да и болезнь по большей части лихорадочная не тяжелая, и, как здешние жители греки сказывают, с началом весны минется»²⁰¹. Но позже эти надежды развеялись. Сам много болевший во время экспедиции, С.П. Хметевский записывал: «У нас в Архипелаге Шлюсенбургской полк, живучи на острове Паросе, почти весь болен, и в три месяца, больше шести сот человек рядовых да офицеров великое множество померло»; ниже он добавлял, что за три месяца 1772 г. «начиная с июля, померло салдат [Шлиссельбургского полка] больше девяти сот, и тридцати человек штаб и обер офицеров, да и поныне еще остальные мрут, так что превосходит 1200 человек. Столь было опасно для посторонних, как-то: лекарей и других, которые тут пожили, что редко оттуда выходили здоровыми, но вскорости занемогали и умирали. Болезни тут были разные: гнилые пятна, горячка, лихоратка и кровавой понос»²⁰². М. Коковцев в своих «Примечаниях из естествословия и для мореплавателей нужных» приводил такое распространенное в его время мнение о причинах эпидемических болезней в Архипелаге: «На всех гористых островах по южную сторону жить опасно, ибо по причине высоких гор северные ветры не могут прочищать воздуха, также и весьма низкия места, а особливо где есть нетекучая воды: лужи и болота, весьма нездоровы, ибо поднявшися пары сгущают атмосферу, разогревшись от солнечных лучей, заражают воздух и жителей. Сие почувствовали Российския войска в 1772 г. на острове Паросе в деревнях Марморе и Цибиде, где свирепствовавшая болезнь была

¹⁹⁸ Например, 20 августа 1771 г. было издано распоряжение, чтобы в госпитале никогда не было недостатка в свежем мясе — купить на Паросе баранов «как бы то дорого не было» (Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. 1771 г. Л. 228об.), в сентябре 1771 г., чувствуя угрозу эпидемии, доктор Герман присматривает близ Аузы места для больных в монастырях, и снова командование требует, чтобы жители вычистили Аузу (Там же. Л. 228–228, 255), в октябре пришлось обратиться даже к приматам Миконоса с просьбой принять больных, при этом указывалось, что Миконос «во всем достаточнее Пароса», а в Паросе помогли построить жители госпиталь — и теперь к ним в дома больных не распределяют (Там же. Л. 334).

¹⁹⁹ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 108–113.

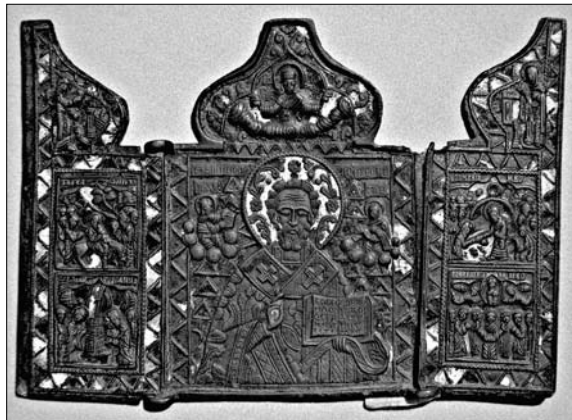
²⁰⁰ *Κοντομάνης Π.Ν. Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Ακατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774*. Σελ. 245–246.

²⁰¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 650.

²⁰² Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 645, 654. В рапорте лекаря Франца Кольба(?), например, от 10 августа 1772 г. перечислены такие болезни пациентов госпиталя в Аузе: горячкою — 23 человека; гнилою горячкою — 5; лихораткою — 30; воденою болезнию — 3; поносом — 19; меленхолиею — 3; чехоткою — 6; глазами 2; килою — 3; опухолью на шее — 1; ушибом на спине — 5; переломленною ногою — 1; цынготною — 8; ранами цынготными 7; раною на шее — 2. (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 65. Л. 156). См. также другие его донесения: Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 115.

причиною потери почти всего Шлиссельбургского полка»²⁰³.

В течение 1771–1774 гг. в Аузе продолжались строительные работы. На карте Аузы (вероятно, составленной в 1774 — нач. 1775 г.) отмечены помимо уже упомянутых строений хлебные мельницы, парусная и прядильная палаты, дома генерал-майора цейхмейстера Ганнибала и бригадира капитана Борисова, каменные казармы для служителей корабля «Св. Аннуарий»²⁰⁴, «по западному берегу каменное строение разных штаб и обер афицеров, находящихся при адмиралтействе и береговой команде», «на горе

Металлический складень
«Никола чудотворец с чудесами», обнаруженный
на месте русского кладбища в Аузе

флагшток, где чинят сигналы», «построенные каменные 1773 года штаб и обер афицерские покои и солдатские казармы для Шлиссельбургского полка»²⁰⁵. Для строительства командование позаимствовало материалы даже у строящего в Аузе католического костела, так что перед уходом флота в 1775 г. адмирал А.В. Елманов в замен конфискованных материалов оставил католической миссии часть русских построек, которые были вскоре разобраны²⁰⁶.

Для всех участников Архипелагской экспедиции построить «светлицы», конечно, не успели, да вряд ли к этому и стремились. Большая часть личного состава (за исключением береговых команд) и во время зимних стоянок на Паросе продолжала жить на судах.

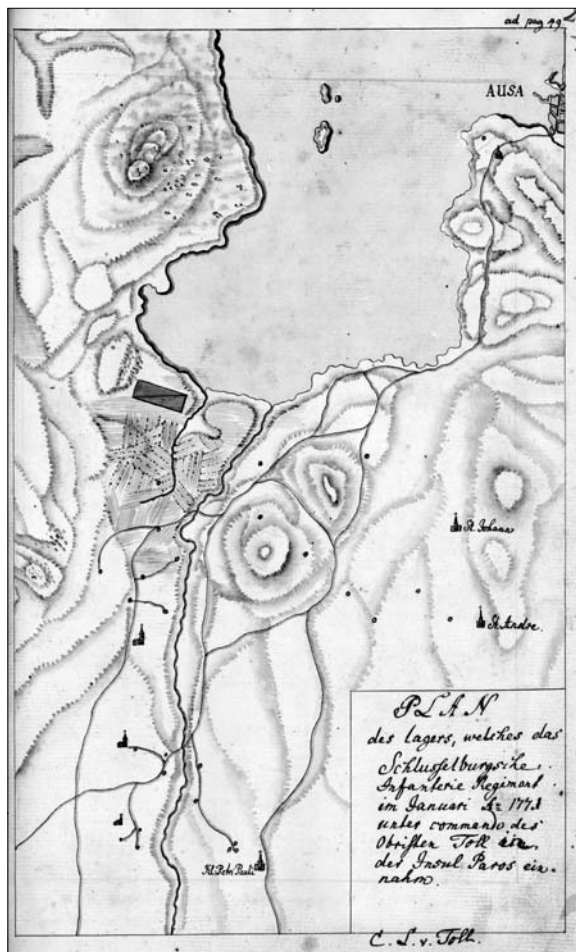
О внутреннем убранстве кают-компаний и офицерских кают, разгороженных парусиновыми перегородками, место в которых приходилось делить с пушечными стволами, можно судить по распоряжению, например, данному 24 февраля 1769 г. Адмиралтейств-коллегией при строительстве 80-пушечного корабля: «каюты надлежит сделать по нижеписанному: флагманскую каюту обить золотыми (замшевыми) кожами, а к ним были бы сделаны рамы, одна подле другой, не широкая, которая б в случае надобности могли быть способно отнять; 2) капитанскую каюту также обить не кожами, но парусиною, которую пристойным образом раскрасить; 3) в кают-кампании и для офицеров перегородки парусинные ж

²⁰³ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийского берега. С. 73.

²⁰⁴ Корабль «Святой Ианнуарий», которым в 1769–1773 гг. командовал И.А.Борисов, в 1773 г. дал сильную течь, в 1774 г. его начали тимберовать в Аузе, но из-за недостатка материалов и нехватки мастеров работы не были завершены. Корабль, в который было вложено немало сил и средств, и который при благоприятных обстоятельствах можно было «исправить в 3 месяца», в 1775 г. был продан на дрова — Чернышев А.А. Российский парусный флот. М., 1997. Т. 1. С. 53; Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 241.

²⁰⁵ Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции. С. 25.

²⁰⁶ См.: Карπάθιος Ε. Ι. Η λατινική προπαγάνδα και οι Κυκλάδες κατά τον ΙΗ' αιώνα: (εκθέσεις προς το Συνέδριον της Προλαγάνδας Πίστewος). Αθήνα, 1936.

Южная сторона Наусского залива с указанием на место расположения Шлиссельбургского полка.
Из Журнала К.-Л. фон Толля. 1771 г.

в рамках выкрашенных, но с тем, чтоб оныя могли или отняты, или между пушек подняты быть на крючках, без помешательства действию пушек»²⁰⁷.

Между парусиновых перегородок на кораблях или в палатках Шлиссельбургского полка оставалось немного места для личного скарба, но некоторые предметы роскоши, включая серебряную посуду, офицеры себе могли позволить. Так, когда в 1774 г. умер секунд-майор Николай Нижегородов, после него остались, судя по описи: «Образ Богоматери в маленькой круглой позолоченной рамочке маленькой на меди; образ Благовещения с серебрянными венцами; образ св. Николая на маленькой ц[епоч]ке. Из серебрянной посуды: ковшей разливных — 2, ложек хлебательных — 14, тож чайная маленькая — 1, стаканчик малинкой на ношках — 1, крушка новая на ношках внутри вызолоченная одна; поднос серебрянной четверугольной на ношках — 1; солонки новых круглых на ношках — две; пряжки прорезные башмачные — 1; печать серебрянная с вензелем — 1; ашеинник серебряной с цепочкою подшит бархатом — 1; ножей с вилками с сере-

бренными черенками пар — 4; крест золотой малинкой — 1; перстень томпаковой с патретом — 1; перстень золотой с тремя бриллиантовыми камнями — 1; колцо серебряное позолоченное с надписью — 1; запанка серебряная с хрусталем двойчатка — 1; шпага резная з двумя гайками и наконешником одна»²⁰⁸.

Едва аузское хозяйство кое-как обустроилось, был заключен Кючук-Кайнарджийский мир, и базу на Паросе пришлось снимать и эвакуировать в Россию. Когда в августе 1774 г. командующий в это время в Архипелаге А.В. Елманов получил от А.Г. Орлова известие о мире, он считал, что сможет сняться из Аузы не

²⁰⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 469.

²⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 214.

мене, чем за *три-шесть месяцев*, а вообще, «к выходу из Архипелага термин [дату] предопределить не можно». В письме от 10 августа 1774 г. Елманов перечислял разросшееся аузское хозяйство: из Аузы предстояло погрузить и вывезти пушки — с батарей и с трех кораблей «лежащая по берегам», артиллерию и припасы с мелких судов, материалы гвардейской команды, Шлиссельбургского полка, кирасирской команды, главной артиллерии, «в магазинах лежащие после выбылых и умерших и в запасе находящиеся ружья, амуницию и мундиры годные, с мундирными материалами тюки и палатки, а также имеется здесь не малое количество заготовленного и купленного адмиралом Спиридовым разных штук мрамора»²⁰⁹. И в самом деле, эскадра ушла из Аузы только 23 мая 1775 г.

Очевидно, что возвращение всех островов Архипелагского княжества Османской империи по условиям Кючук-Кайнарджийского мира стало для рыбацкой Аузы не меньшим сюрпризом, чем появление в ее бухте российского флота в 1770 г.²¹⁰. Понимая, что уход эскадры может вызвать панические настроения в Аузе и на прочих островах, российское командование не спешило оповестить жителей о своем отбытии. 23 июля 1774 г. А.Г. Орлов писал из Ливорно в Архипелаг А.В. Елманову, что готовиться к отплытию из Аузы следует, не разглашая об этом грекам, «а все излишние вещи можете теперь на пинках и других судах присылать в здешния ливорнския магазейны, толко чтоб с осторожностью, чтоб неприметно было греческим обывателям»²¹¹. Едва ли аузские жители не испытали чувства горечи, не зная, что их ожидает по возвращении османского правления. А когда жителям островов, отличившимся на службе русским, было, наконец, объявлено об условиях мира и даже предложено переселиться в Российскую империю, то они, пожалуй, имели все основания сомневаться в своих грядущих перспективах на новом месте²¹².

Военная база в Аузе, родившаяся в течение одной зимы 1770–1771 гг. и строившаяся до начала 1774 г., оказалась весьма примечательным сооружением, остатки которого различимы и поныне. Недаром об укреплениях Аузы восторженные наблюдатели писали как о «втором Кронштадте»²¹³ и сразу после ухода российского флота из Аузы подробный план этих укреплений был составлен французами и вышел в знаменитом труде графа Шуазеля-Гуффье. Шуазель-Гуффье наблюдал в Аузе в 1776 г.: «Все, что построено русскими, еще существует. Многочисленные батареи для защиты входа в бухту они расположили по правую сторону от порта и на рифах, чтобы огонь перекрывал пространство вместе с первыми батареями. Этого огня было бы более чем достаточно, чтобы поразить турецкие корабли, однако превосходная артиллерия стала почти бесполезной из-за медлительности, с которой она служит. На возвышении, которое закрывает порт с северо-запада, и около батареи, о которой я говорил, была мачта, служившая, чтобы сигнализировать

²⁰⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 241–243. См. также: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 75, 76, 77, 78, 79.

²¹⁰ Местные жители продолжают считать, что 1770–1775 гг. были вершиной славы этого небольшого поселения. Только с 1990-х гг. Ауза/Наусса, ставшая модным курортом с игорными домами и многочисленными отелями, стала переживать новый период своего расцвета.

²¹¹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 183.

²¹² О коллизиях, возникших в связи с переселением греков и «албанцов» в Россию, см.: *Пряхин Ю.Д.* «Вознаградить службу тех греков, кои в Архипелаге сражались за Россию...»: Переселение в Керчь и Еникале в 1775 году воинов Албанского (греческого) войска // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 69–72.

²¹³ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Д. 1914. Л. 1–2

судам, которые было видно издалека. На берегу были магазины, кузницы и судоремонтные мастерские. Именно в этой части стояли на якоре большинство кораблей эскадры. И сейчас она загромождена каркасами нескольких судов, которые были не в состоянии служить русским в момент их ухода, они были оставлены или потоплены... Между этой частью и деревней Наусса находятся две скалы. На одной были два хороших пороховых склада, на другой — дом адмирала Спиридова²¹⁴, который был командующим.

Деревня Наусса очень мала, но там построили большие казармы, в которых размещались 4000 русских регулярных войск, 1000 матросов, 12000 албанцев, и 3000 греков²¹⁵.

Будни и праздники Архипелагского княжества

Архипелагское княжество всю свою недолгую жизнь находилось в состоянии войны, и российские военные вместе с нерегулярным «албанским» войском оказывались в постоянном движении, участвуя в военных операциях (обычно летних) или круглогодичном крейсировании (о военных действиях и крейсировании см. гл. 4).

Исключение делалось только для судов, требовавших ремонта. Ремонт изъеденных «червями»²¹⁶ и разрушающихся корпусов требовал и умения, и значительных запасов корабельного леса, которого не хватало на островах Архипелагского княжества (корабельный лес имелся на о. Тассос, но этот остров так и не стал «русским»). Адмиралтейство на Паросе едва ли могло справиться со всей ремонтной работой (напомним, что починить корабль «Св. Ианнуарий» (Януарий) в 1774–1775 гг. на Паросе так и не успели). Потому-то важной базой для ремонта судов стала Мальта. Как сообщалось, с 25 января по 4 апреля 1771 г. мальтийцы при благосклонном согласии магистра ордена Ф.-Э. Пинто починили корабль «Ростислав» капитана Лупандина²¹⁷, а с 31 декабря 1771 г. по конец ноября 1772 г. отремонтировали корабль «Саратов», принимать который на Мальту приезжали А.Г. Орлов и С.К. Грейг²¹⁸. Описание одиннадцатимесячного пребывания на Мальте команды корабля «Саратов» (кап. Булгаков) содержится в Журнале инженер-поручика Георга Келхена²¹⁹.

Без сомнения, все время пребывания русских в Архипелаге не прекращалась и разведывательная деятельность российских эмиссаров. Продолжала создаваться резидентура на Балканском побережье, посылались эмиссары к мятежным османским правителям (об этом см. главу 9). Член константинопольской миссии С.Л. Лашкарев, выполнявший в 1772 г. секретные поручения П.А. Румянцева к А.Г. Орлову, некоторое время тайно находился на о. Негропонт/Эвбея, бывшим

²¹⁴ Вероятно, имеется в виду уже упоминавшийся дом И.А. Ганнибала. Г.А. Спиридов, кажется, постоянно находился на военном корабле и на русских картах его дом нигде не обозначен.

²¹⁵ *Choiseul-Gouffier M. Voyage pittoresque de la Grèce.* P. 70–71.

²¹⁶ О борьбе с «червями» подробно пишет А.П. Хметевский (см. Приложение 8. С. 631).

²¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Д. 1860. Л. 48об.–49.

²¹⁸ Там же. Л. 58–65.

²¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Д. 1860. Л. 58–65.

под османской властью²²⁰. Очевидно, что и Сергей Плещеев посещал Ближний Восток не только с целью поклониться Святой Земле (его поездка в Назарет и Кану Галилейскую скорее сопутствовала выполнению основной разведывательной миссии), и поручик Преображенского полка Максимилиан (Магнус) Баумгартен вступил в переговоры с шейхом Захиром в 1773 г. не только потому, что «болезнь» задержала его у берегов Палестины (см. также главу 8).

Будни и праздники Архипелагского княжества способствовали созданию атмосферы *космополитизма*, надолго запомнившейся ее участникам. В экспедиции были представлены едва ли не все части Европы: командующие были русскими (Орлов, Спиридов, Елманов), британцами (Грейг, Эльфинстон), датчанами (Арф), в чине офицеров служили англичане²²¹, датчане²²², прибалтийские «немцы»²²³, пруссаки, греки, итальянцы, сербы, мальтийцы²²⁴ и др., на российскую службу выражали желание поступить даже евреи из Солоник²²⁵. И ранее, конечно, в российской армии и на флоте сражались рядом с русскими иностранцы, искавшие свою фортуна, но никогда ранее армия и флот не действовали в таком отдалении от своих границ, где иноземцы на российской службе были зачастую значительно ближе к своему дому, чем русские.

В периоды перемирий российская сторона нередко вступала в тесные контакты и с «врагами» — турками. В июне 1772 г. Спиридов жаловался Елманову на то, что прибывший с бумагами о перемирии турок Мустафа-бей надолго задержался при российском флоте в ожидании А.Г. Орлова: «господин турак Мустафа бей с ево свитою и людьми, которых всех до 170 человек, очень убыточен, ибо за все про все на нашем удовольствии, а дела до прибытия графскаго ничего нет, что та впредь получим, даруй Боже, чтоб граф поскорее сюда приехал...»²²⁶. Капитан С. Хметевский в своем Журнале нередко ссылался на мирные беседы с некогда возглавлявшим оборону Лемноса Гассан-огой вспоминал о том, что в декабре 1773 капудан-паша не только разрешил Грейгу закупать для российского флота на Тенедосе продукты, но и сам прислал в подарок «несколько быков, кур и зелени».

²²⁰ Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры. Дипломат-востоковед С.Л. Лошкарев и его время. М., 1988.

²²¹ Воспоминания У. Весли, воевавшего вместе с Эльфинстоном, вышли в Англии уже в 1772 г. Но если Эльфинстон и У. Весли уже в 1771 г. отбыли из Архипелага, то немало британцев осталось продолжать службу в России.

²²² Датчане в своем большинстве покинули Архипелагскую экспедицию после отъезда контр-адмирала Арфа в 1771 г.

²²³ Бароны фон Пален и фон Позен прибыли в Аузу из Смирны. Капитан Кожухов после операции у Сирийских берегов рапортовал, что Максимилиан фон Пален «хорошо себя показал при Баруте, почему ему было дозволено там быть в команде подпоручика Бомгарта, и оной барон все исполял с усердием, пробил в Баруте брешь, а при вступлении в город исполял плац-майорскую должность, составил план Барута с точностью» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 92–93об.). Пален оставил рапорт о штурме Бейрута (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948), по-видимому, он же был автором записки 1774–1775 гг. с описанием плавания русской эскадры в Константинополь для разведывания прохода через проливы (Барона фон дер Палена журнал путешествия в Константинополь // Отечественные записки. 1823. Ч. 14. № 38. С. 372–384; Ч. 15. № 40. С. 236–247).

²²⁴ Например, уже упоминавшийся граф де Мазин. О нем подробнее см. гл. 3, 7.

²²⁵ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 65. Л. 21–24об. 13 февраля 1771 г. привезенные в Аузу 4 «жида» Абрам (торговец, 24 года, бежал от турок), Мушико (14 лет), Июда Яковлев и Хаим (они из Салоник бежали в Смирну «от обиды турецкия», но их захватила греческая соколева под русским флагом и привезла в полон), все четыре выразили готовность принять христианство «непринужденно» и служить, «где определено будет».

²²⁶ Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 46. Л. 52об.

С.И. Плещеев

Хметевский описывал предупредительность «губернатора Тенедоса», который так опасался, чтобы не потревожили ночевавших у него Грейга и российских офицеров, что «во всю ночь не спал, ходя несколько раз, наших осматривал, спокойно ли спят», наконец с гордостью русский капитан Хметевский сообщал, что капитану турецкой (!) полугалеры Гасану Алжерино он показывал свой корабль и тот отдал «великую честь... порядку российских кораблей»²²⁷. Известно, что в свите А.Г. Орлова в Италии находился пленный офицер турецкой армии. Нашумела также история захвата в качестве приза судами эскадры семьи турецкого сановника; восхищенный красотой девочки — дочери сановника, Орлов приказал отправить семью в Константинополь на судне нейтрального государства²²⁸.

Атмосферу, царящую в пестром сообществе людей, чьи пути пересеклись в Архипелагском княжестве, превосходно передал Сергей Плещеев, отправленный А.Г. Орловым к Али-бею в конце августа 1772 г. Общество на судне английского капитана на русской службе Роберта Броуна, посланного к берегам Леванта, состояло из «людей разных стран и свойств». Из левантийцев Али-бея на судне были: глава делегации Зу-ль-Фикар-бей («грузинец», человек веселого нрава и «весьма слабый последователь Магометовых предписаний»), его секретарь Мустафа Египтянин (старый и угрюмый мусульманин, который «закоснел в суеверии предков своих») и армянин хаджи Якуб. Тут же на корабле плыли греческий монах с о. Кипр отец Авраам (хаджи Ибрагим, «человек довольно обращавшийся в свете, почти всю Европу во образе путешественника обошедший, и через то премногих языков знание приобретший, хитрого и притворного свойства»), француз барон де Вигур²²⁹ («человек весьма боязливого и застенчивого сложения», который «согревал воздух ежедневными своими безчисленными стихословиями»), шотландец первый штурман Александр Беверидж, флорентиец лекарь Генрих Вани («оказав-

²²⁷ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 598, 599, 636, 659, 660.

²²⁸ Гасан-бей, благодарный глава спасенного семейства, не только широко рассказывал об этом событии, восхваляя гуманность главнокомандующего, оказал политические услуги России, но и одарил А.Г. Орлова арабскими лошадьми. Белый конь из этого презента, получивший кличку Сметанка, стал производителем выведенной на орловских конных заводах породы орловских рысаков (Коптев В.И. Столетний юбилей в честь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского в память основанной им породы лошадей верховых и рысистых в 1775 г., празднованный в Москве в 1875 г. по высочайшему ЕИВ соизволению. М., 1875). См. также: Плугин В.А. Алехан или человек со шрамом (жизнеописание графа Орлова-Чесменского). М., 1996. С. 277.

²²⁹ Барон де Вигур (Вигур) жил на о. Наксос и, кажется, входил в число приматов этого острова, он активно сотрудничал с российской экспедицией. В частности, он помогал вывозить античные мраморные скульптуры с Санторина (см. далее) и в декабре 1774 г. был избран «поверенным при оставших казенных материалах в Архипелаге... с назначенным жалованием». Командование при оставлении Архипелага было намерено выдать Вигуру своего рода патент, свидетельствовавший, что он состоит на российской службе, для того, чтобы турки с ним не расправились (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 318).

ший более искусства в пении, нежели во врачебной науке»), «молодой и достаточный купец» из Ливорно Рихард Бутлер (ехавший для «распространения торговли своей в Сирии»), терский казак, «уроженец Астраханской, дворянин грузинской» Осип Парамонов («забавной и неглупой человек в своем ремесле», из своей удали воевавший в войске Али-бея), ротмистр российской службы пруссак Клингенау («в собственном ремесле своем довольно искусный») и, наконец, сам Сергей Плещеев (лейтенант Российского флота). Соединенные вместе, эти люди не только за общим столом вкушали пищу «двух родов» — по европейскому и по «азиатскому вкусу». Шутки и смех неизменно сопровождали трапезу, Зу-ль-Фикар-бей заставлял итальянского лекаря исполнять арии, а казака Парамонова петь и плясать. «Всякий раз по окончании стола Зюльфигар бей, наполня большой стакан кипрского вина, пил за здоровье предводителя Российского флота, и, вставши, громогласно говорил: Виват Орлов. Научась сему в бытность его между греками в острове Наксе, лежащем близ Пароса, где имел он пребывание в нарочно отведенном для него лучшем казенном доме». Ответные тосты поднимали за Али-бея и шейха Захира Омара, «прочие сотрапезники наши тоже делали, упоминая здоровье благодетелей или любовниц своих». «По окончании стола беев чашник подносил нам по чашке густого без сахару кофию, после чего каждый из нас принимался за свое дело: иной ложился спать, другой играл на каком-нибудь музыкальном орудии, третий пел, четвертый читал, говорил или писал что нибудь. Словом, всякий делал, что хотел, до самого ужина, где опять начинались явления довольно приятные и пространная для любопытного пера ведущего о всем примечания»²³⁰.

Вполне вероятно, что времяпрепровождение, подобное нарисованному (или даже сочиненному!) С. Плещеевым²³¹, не было чем-то исключительным; не случайно же, на вопрос о том, чем запомнилась Архипелагская экспедиция ее руководителю А.Г. Орлову, он шутливо ответил: «Русские... не воевали, а пировали в Архипелаге»²³².

Адмиралу Спиридову еще в октябре 1770 г. пришлось издавать приказ о запрете азартных игр: «Известился я, что ныне на кораблях господ офицеры играют в карты в заказанные на деньги игры, то сим подтверждаю, чтоб утешений в препровождении времени, в запрещенные игры в карты и в кости не играть. И ежели кто в картежную игру Фаро и Квинтич, и в кости кому что проиграл в долг, то не платить, и кто выиграл — не требовать... ибо мы обращаемся в военных действиях». Впрочем, иные карточные игры совсем не запрещались (да и возможно ли это было): карты входили в список поставляемой в Архипелаг «помощи» наряду с продовольствием, и тот же Спиридов позволял в карты «забавляться для препровождения времени» «господам командирам и прочим штаб и обер офицерам»²³³.

Праздники с фейерверками, пушечной пальбой наряду с пирами нередко нарушали покой архипелагских островов. Праздники были столь шумными, что

²³⁰ Плещеев С. Дневные записки. С. 3–9.

²³¹ Возможно, описание застолья на корабле Броуна было внесено С. Плещеевым для придания литературной занимательности его повествованию. Во всяком случае, в рукописи ОПИ ГИМ, где помещен список XVIII в. Дневных записок С. Плещеева, данное картинное описание отсутствует (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 114. Л. 1–32).

²³² Цит. по: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 2. С. 391.

²³³ Цит. по: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 312, 384.

путешествующий в это время в Восточном Средиземноморье британец Д. Брюс предположил, что русские понапрасну в роскошных празднествах растратили преимущества, полученные в результате Чесменской победы²³⁴. Вероятно, британцу трудно было понять, что устройство праздников в высокаторжественные и табельные дни было неременной обязанностью всех, состоящих на службе российскому монарху! К тому же праздники, безусловно, объединяли участников экспедиции, подчеркивая их принадлежность к *единому Отечеству*²³⁵.

В викториальные и высокаторжественные дни, в Новый год после молебнов флот обычно расцвечивался флагами, с судов производился салют²³⁶. На праздник Пасхи готовили обильную трапезу, для чего у населения скупались быки и бараны (в 1771 г. 328 голов!). В 1772 г. перед Пасхой А.В. Елманов приказал своей эскадре спустить на берег острова Патмос, знаменитого своим монастырем Иоанна Предтечи, команды «к исповеди и причастию по долгу христианской Святых Таин»²³⁷.

Повод для праздника находился и в иные дни. Например, 25–26 января 1773 г. на рейде о. Миконоса салютом и фейерверком отметили именины Григория Григорьевича Орлова. Примечательно, что осенью 1772 г. «случай» Г.Г. Орлова закончился, и, возможно, таким праздником Архипелагская экспедиция намеревалась «подбодрить» безутешного брата своего главнокомандующего. Во всяком случае, праздник получился одним из самых ярких: «25 дня в вечеру в Миконе был бал в нарочно убранных покоях. Представлен небольшой фейверак и поставлен для народу бык с золотыми рогами, множество хлебов, и обрезы бранспойтами наливались красным вином. За ужином застольная пушечная пальба. Все оное делал господин камер юнкер Домашнев»²³⁸, «с 11 часов до полуночи на том же берегу производилось немало пушечной пальбы, и зжением фейверок окончен»; потом ночью на 26 января производилась еще пушечная пальба, а потом в 10–11 часов корабли «Ростислав» и «Всеволод» снялись в Аузу, английское трехмачтовое судно тоже снялось с якоря и пошло в Александрию, «на котором отправился посланной от его сиятельства графа А.Г. Орлова к Али-Бею гвардии Преображенского полка подпоручик Бомбгард»²³⁹.

Участники экспедиции, вероятно, настолько привыкли к грому праздничной пальбы, что даже по возвращению из Архипелага некоторые продолжали удив-

²³⁴ Напомним, что английский эсквайр Джеймс Брюс, в 1769–1773 гг. совершавший экспедицию через Южное Средиземноморье и Каир к истокам Нила, отметил: «Никогда не было экспедиции столь успешной и столь удаленной, в которой офицеры бы были менее наставляемы своим кабинетом (less instructed from their cabinet), более невежественны относительно стран (more ignorant of the countries), более преданы бесполезным парадам и более отравлены удовольствиями, нежели Русские в Средиземноморье (more given to useless parade or more intoxicated with pleasure, than the Russians on the Mediterranean then were)» — *J. Bruce of Kinnaird. Travels to discover the source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773.* Edinburgh; London, 1790. P. 28–29.

²³⁵ См. об этом, например: *Schierle I. Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // Ab Imperio.* 2009. № 3.

²³⁶ См.: Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 694; *Гребенищикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 291, 292, 310, 363, 372, 378, 385, 406, 407, 409.

²³⁷ Цит. по: *Гребенищикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 385. Примечательно, что, опасаясь мародерства, Елманов приказывал «свозить на берег с хорошим присмотром, дабы здешним жителям обид ни под каким видом не чинили, ибо наша при сем острове остановка в том и состоит, дабы всех служителей по христианству исповедать и причастить».

²³⁸ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 661.

²³⁹ Имеется в виду М. Баумгартен — РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 52об.–53.

лять российских обывателей эксцентричными выходками. Так, вернувшийся в Россию из Архипелага епископ Анатолий Мелес, ставший игуменом Глуховского Петропавловского монастыря (см. о нем гл. 1), ходил по монастырю «в китайчестом халате цвета вороньего крыла с непокровенною главою и босиком», палил «из можжир, которыя перелил из колоколов, снятых с колокольни», и говорил, «что хотя он и монах, но, священнодействуя в прошедшую против турок войну на хребтах корабельных, привык к пороху и пушечному грому»²⁴⁰.

Менее всего сохранилось известий о частной жизни участников экспедиции, на длительный срок оторванных от домашнего и женского тепла. Несколько сценок соблазнения восточными блудницами военных близ лагеря Али-бея при Яффе или в Акке содержит сочинение С.И. Плещеева. От первого лица Плещеев описывал, как он встретил у шалаша трех женщин — «одна из них обнимала арапа, другая сидела на коленях у одного из алибеевых воинов, а третья в одной рубашке стояла возле огня, имев в ноздрях проволочные кольца. Волосы, брови и под глазами у ней было вычернено, собою бела и имела довольно приятное лицо. Она, подбежав ко мне, просила у меня денег, по получении коих стала передо мною вертеться и упавши на землю, делала великия непристойности...»²⁴¹. Приключение в Акке снабжено еще более колоритными подробностями, рассказ о нем Плещеев приписал уже упоминавшемуся французу с о. Наксос барону де Вигуру, путешествовавшему с ним на корабле, но вполне вероятно, что картинный отрывок является литературным вымыслом²⁴².

На островах Архипелага подобные «шалости», кажется, были редкостью: в отличие от жалоб на разбой и покражу, жалобы на насилие и блуд почти не поступали от местных жителей в Аузскую канцелярию. Из редких историй соблазнения привлекла внимание канцелярии командующего в Аузе и расследовалась со всей серьезностью история арапки Лазины и арапа Биляра. Захваченный с «призовых» барбарийских (североафриканских) судов арап Биляр, «принадлежал» полковнику Ф. Кутузову²⁴³, а арапка Лазина трудилась при госпитале прачкой. 4 февраля 1774 г. А.В. Елманову поступило донесение о том, что арапка из госпиталя отлучилась, взяв с собою «перлы с десятью червонцами», «все свое платье и постель». Когда она была сыскана, то поведала, что арап Биляр сказал ей, «что господин адмирал отдал ее ему в жены, и увес с собою с намерением на ней жениться». Разгневанный Елманов распорядился забрать арапа для наказания. По-видимому, семейной жизни у Биляра и Лозины так и не сложилось²⁴⁴.

С гречанками подобных приключений никто из мемуаристов не приводит. Хотя граф Паш ван Кринен заметил, что на острове Милло ««женщины довольно хороши, одеваются обыкновенно в полотняное весьма короткое платье, так что ноги все видны, что им придает нежность и соблазной вид», а на острове Поли-

²⁴⁰ Добрынин Г. Истинное повествование, или Жизнь Гавриилы Добрынина (прожившего 72 года 2 месяца и 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. СПб., 1872. С. 114.

²⁴¹ Плещеев С.И. Дневные записки. С. 54.

²⁴² Там же. С. 71–79.

²⁴³ Арапы были захвачены в «приз». В апреле 1771 г. было предложено офицерам взять восьмерых арапов в «вечное владение» вместо денщиков. Среди согласившихся взять арапа денщиком был и полковник Ф.М. Кутузов (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 78).

²⁴⁴ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 12–13.

Гречанка с о. Парос

кандра (Фолегандрос) «женщины важны, милостивые, ласковы и разумны», на острове же Аморгос, напротив, «жители во всем острове не более 4 000, и не довольно разумны и добронравны. Таковы же и женьщины»²⁴⁵.

Сколько было заключено браков с русскими в княжестве Архипелагском и сколько родилось потомков участников Архипелагской экспедиции, пока подсчитать не удастся. Но если бы таких браков не было, не появилось бы в 1774 г. распоряжения А.Г. Орлова: «а женившихся афицеров в Архипелаге — дозволте на судах перевесть их фамилии»²⁴⁶.

К тому же в Науссе на Паросе до настоящего времени некоторые из местных жителей сами считают себя «московитами», потомками российских моряков XVIII в.

В целом, изучение повседневной жизни участников Архипелагской экспедиции позволяет сделать заключение о том, что и военное «крейсирование», и разведовательная деятельность, и походы в Сирию и Египет, на Мальту или в Италию, и картографическая работа предоставляли широкие

возможности для освоения Средиземноморского культурного и политического пространства, и эти возможности не были упущены. Пришедшие «чужаками» в Средиземноморье, российские участники экспедиции вполне освоились в космополитичной атмосфере этого «цивилизационного котла», в котором за тысячелетия смешались многие культуры. В 1770-е годы в Средиземноморском «котле» появился и российский ингредиент.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Отправляясь в Средиземноморье, российские участники экспедиции имели полумифический свой «образ Греции», созданный паломниками и церковными писателями, полученный из переводов и реплик на античную литературную традицию²⁴⁷, и столкновение с реалиями греческого общества конца XVIII в. развеяло многие стереотипы и иллюзии. Прежде всего, греки-майоты оказались непохожими на *спартанцев*, архипелагские греки на *победителей при Марафоне*. Русские, как и западноевропейцы, стали сходиться в том, что современные гре-

²⁴⁵ «Краткое описание островов Архипелага». Приложение 6. С. 527, 528, 539.

²⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 184.

²⁴⁷ Черняев П. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Материалы для истории классического образования в России в био-библиографических очерках его деятелей былого времени // Филологические записки. Воронеж, 1904. Вып. III–IV; Воронеж, 1905. Вып. I–II, III–IV.

ки недостойны своего великого прошлого, а дурное состояние памятников этого прошлого оказывалось лишь дополнительным доводом для тех, кто сетовал относительно «туземцев», забывших свое происхождение от родоначальников европейской «цивилизации».

Англичанин, плававший с Эльфинстоном, в мемуарах, вышедших вскоре после его возвращения из Архипелага, например, крайне досадовал на то, что не нашел в Греции *потомков античных героев* («туземцы — во всех отношениях полная противоположность своим предкам за исключением разве поощрения к практикованию воровства, хотя даже и это совершается по другим мотивам»²⁴⁸), и на родине Фидия и Праксителя «нельзя не испытывать чувства обиды и досады, видя что драгоценнейшие остатки старины, камни, покрытые барельефами, обломки алтарей служат подчас материалом для ремонта лачуг и заборов»²⁴⁹.

Шуазель-Гуффье, специально прибывший в Архипелаг изучить и зарисовать античные ценности, также подмечал «варварство», с которым греки использовали античные скульптуры в их храмах или «хижинах»: «ничего здесь не напоминает о христианстве, разве что только маленький образ Богородицы, который греки украсили и то варварство, с которым они изуродовали статую, чтобы легче было установить лампаду, которая согревала это святое место. Я зашел также в овчарню, где также нашел несколько мраморов, среди которых часть погребальной плиты». На Паросе «...остатки величия древних долгое время используются разве что для сооружения хижин, да и те хижины сейчас пустуют. Парикия построена на руинах древнего Пароса, и все еще остается самым удовлетворительным местом на острове. Здесь можно видеть древний замок, полностью построенный из остатков самых великолепных построек, когда либо виденных в античности, стены выложены из колонн и капителей, часто между резными корнизамы втиснута скульптура. Без сомнения, это остатки знаменитого храма Цереры, о котором писали древние»²⁵⁰.

Преклонение перед древними греками оправдывало усилия европейских грекофилов, отправлявшихся в опасные путешествия в Восточное Средиземноморье, но увиденные руины и пренебрежение ими современных греков обращали их интерес к греческой античности в страсть коллекционирования. Желание «обладать античностью», мода на антики более способствовали в это время варварскому разрушению, нежели изучению памятников

Мраморный саркофаг на Милосе

²⁴⁸ *Весли В.* Воспоминания участника Архипелагской экспедиции. С. 8.

²⁴⁹ Там же. С. 18.

²⁵⁰ *Choiseul-Gouffier.* Voyage pittoresque de la Grèce. P. 37, 65, 66.

Стена, сложенная из камней
античного святилища.
Парикия, о. Парос

Эллады²⁵¹. Русские в 1770-х гг. в своем желании *присвоить античность* не стали исключением, и едва ли тогда кто-то мог их в этом упрекнуть: одновременно с закупками коллекций в Нидерландах и Франции, с приобретениями И.И. Шувалова в Италии екатерининский Эрмитаж, кажется, должен был пополниться греческими античными памятниками из Архипелага²⁵².

Пребывание в Архипелаге российского флота придало ощущение сопричастности культуре и истории древних даже тем, кто был равнодушен к античности. Любителей же эллинских древностей присутствие на земле Гомера подвигло и на археологические поиски, и на антиковедческие изыскания.

Тщательно исследовал античные постройки, поселения, храмы и гроты, вероятно, страстно увлекавшийся классической древностью волонтер Гендрик (Генрих) Леонард Паш ван Кринен (Pasch van Krienen). Он описывал местонахождение и состояние всех сколько-нибудь значительных памятников на увиденных им воочию островах Кикладской гряды, и неизменно в его описаниях проскальзывают восторги: «великолепный храм богини Сибиллы», «сеи остров (Фолегандрос. — Авт.) весьма знатен был, что из многих великолепных остатков видно», «великолепной Венерин храм»²⁵³.

Примечательно, что христианские монастыри и церкви обычно лишь бегло упоминались Паш ванн Криненом как мало достойные внимания.

Но самые поразительные открытия Паш ван Кринен сделал на о. Иос, где он задержался более чем на месяц, чтобы найти и раскопать... могилу Гомера. Его повествование, безусловно, заслуживает отдельного внимания. Граф описывал, как он с помощью старейшины Иоса нашел «мужика», который знал от «отца и деда», где «хранится сокровище Гомерово». Ван Кринен — истинный человек Просвещения — не испугался суеверий, населивших место «могилы» злыми духами, нанял семь «мужиков» и «после великих трудов и убытку, роя целой месяц, нашол три разных гробницы от времен греков», в том числе и «сокровище наук, которой я искал: то есть тело Гомерово, сидящая на камне вместо стула, но как токмо скоро

²⁵¹ Научившиеся ценить римскую античность, не только русские, но и западные европейцы, как оказалось, ко второй половине XVIII в. все еще имели весьма абстрактные представления о «родине Гомера» и сохранившихся на ней сокровищах. См., например: *Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor, 1991; *Roessel D. In Byron's Shadow. Modern Greece in the English and American Imagination*. N.-Y., 2002. P. 13–41; *Augustinos O. French Odysseys: Greece in French travel literature from the Renaissance to the Romantic Era*.

²⁵² Я благодарна И. де Мадариага, посоветовавшей специально обратить внимание на этот вопрос.

²⁵³ «Краткое описание островов Архипелага». Приложение 6. С. 526, 529, 538.

крышку сняли и дотронулись до онаго трупа, то оной весь рассыпался. И одну игать с пестом из аспиднаго чорнаго камня, которая к растиранию чернил или красок толко служить могла»²⁵⁴. Присутствие чернильницы(!) явилось для ван Кринена едва ли не самым веским доказательством того, что он нашел могилу поэта.

Когда весной 1772 г. вместе с находками из «могилы Гомера» Паш ван Кринен прибыл в Италию, европейские газеты сразу поместили информацию о том, что голландский офицер на русской службе граф де Грюн (*de Grunn*, очевидно, искаженное от *van Krienen*) нашел могилу Гомера на о. Нио²⁵⁵. Сообщение, опубликованное в «Амстердамской газете» 5 мая 1772 г., было получено якобы в письме, отправленном с острова Наксос. Начиналось оно как самая «горячая» новость дня: «Могилу, которую так давно и безуспешно искали на острове Нио,... наконец нашел граф de Grunn, голландский офицер на русской службе, который посетил разные острова Архипелага. Это саркофаг 14 футов в высоту, 7 — в длину, 4 в ширину состоит из 6 камней, на которых выгравировано на греческом. Возможно, именно он упоминается Геродотом как могила Гомера. Скелет этого знаменитого поэта был найден внутри... В этой могиле обнаружены также ваза, названная графом де Грюн *Escritoire* (ср. „игать с пестом“. — *Авт.*), легкий камень треугольной формы, который был, как считают, пером для письма, также стилет из того же камня, которым рубили мрамор... также некоторые мраморные статуэтки с надписями, которые не смогли прочитать. Граф де Грюн нашел и другие могилы, искал могилу Климены, матери Гомера... Кроме того, граф де Грюн нашел шахты, где добывали золото, серебро и т.д.»²⁵⁶.

В дальнейшем о «гробнице Гомера» на Иосе (Ниа) без тени сомнений пишет и М. Коковцев (остров Ниа «славится кончиною на нем славнаго Гомера, коего гробница и до днесь видна»²⁵⁷). И хотя вышедшее уже в 1782 г. издание Шуазеля-Гуффье, где находка Кринена упоминалась как «мнимое открытие могилы Гомера»²⁵⁸, кажется, полностью развеет миф об открытии могилы Гомера, интерес к «могиле» будет возникать и в будущем²⁵⁹. Так, в 1807 г. журнал «Минерва» снова опубликовал мнение — на этот раз геттингенского профессора Христиана Гейне, развенчивающее находку на Иосе²⁶⁰. Однако во второй половине XIX в. другой немецкий антиковед Людвиг Росс, обнаружив экземпляр итальянского издания Паш ван Кринена 1773 г., вновь поставит вопрос о достоверности обнаруженной Криненом «могилы Гомера» на Иосе²⁶¹.

²⁵⁴ Там же. Приложение 6. С. 532–533.

²⁵⁵ Об этой сенсации см.: *Constantine D. Early Greek travellers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984. P. 215–218.*

²⁵⁶ G. d'A. 1772. № 36; см. также GF. 1772. Номера от 3.II и от 13.IV; Санкт-Петербургские ведомости. 1772. № 36 от 4. V.

²⁵⁷ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега. С. 41.

²⁵⁸ *Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. P. 20.*

²⁵⁹ *Constantine D. Early Greek travellers and the Hellenic Ideal. P. 215–218.*

²⁶⁰ Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М., 2001. С. 47–48.

²⁶¹ *Ross L. Graf Pasch van Krienen über sich selbst und seine Reisen // Graf Pasch van Krienen H.L. Abdruck seiner italienischen Beschreibung des griechischen Archipelagus mit Anmerkungen und einer Abhandlung über den Verfasser und seine Auffindung des Grabes Homer's auf Ios aus dem Nachlasse von Ludwig Ross. Halle, 1860. P. 147–151.* Примечательно, что в настоящее время на о. Иос не только установлен памятник Гомеру, но и построена современная дорога к «могиле Гомера» — месту, обнаруженному именно Паш ван Криненом. Там же хорошо оборудован экскурсионный объект.

С экспедицией попал в Санкт-Петербург и украсил коллекции Александра Строганова и некий саркофаг, который, по свидетельству самого Строганова, ему привез с одного из островов Архипелага ни кто иной, как С.Г. Домашнев, служивший тогда при А.Г. Орлове (и устроивший нашумевший праздник в январе 1773 г.). Благодаря сценам с подвигами Ахилла на стенках саркофага о нем распространился слух, что это саркофаг Гомера или Ахилла. Саркофаг (как ныне доказано, римской работы II в. н.э.) украсил парк строгановской дачи на Черной речке и только после революции попал в Эрмитаж²⁶².

«Гробница Гомера» в парке дачи Строгановых на Черной речке. 1812 г.

Между тем, интерес к Гомеру проявляли и другие участники экспедиции, что свидетельствует, если не о знании античной литературы, то, по крайней мере, о знакомстве с героями античности. Едва ли русские моряки имели возможность познакомиться с полным переводом «Илиады» или «Одиссеи» (первые печатные переводы вышли в России в 1776 и 1788 гг.), но их интерес к Гомеру и Трое мог быть связан с большой популярностью «Истории о разорении града Трои», переведенной с итальянского повести Гвидо,

выдержавшей в России XVIII в. пять изданий²⁶³. Во всяком случае, даже в суховатые Журналы инженер-офицеров флота попадали заинтересованные описания античных руин, которые тут же готовы были связывать с именами тех, о ком знали: Александра Македонского или Гомера. Так, описывая укрепления и экономику о. Хиос, они отметили в 1771 г.: «Неподалеку от крепости Хио на горе сказывают, что славной стихотворец Гомер жил и стихи свои писал». Всякий раз отмечали военные журналы и «Трою»: «8 октября [1771 г.] 3 часа после полудни. Проходили на том же азиатском берегу остатки весьма раваливших каменных стен, о коих объявляют, что в прежние времена на сем месте был город Троя, а ныне по берегу находитца несколько мужичьих жилых дворов»; «проходили остров Метелин и анатолийский берег мимо праздно каменной развалившей крепости Трои»²⁶⁴. По свидетельству барона Палена²⁶⁵, по заключению мира 14 февраля 1775 г. некий «русский бригадир» отправил Палена «в Трою для снятия плана»²⁶⁶.

²⁶² См. об этом: *Trofimova Anna. Classical antiquities // Stroganoff: The Palace and Collections of a Russian Noble Family* [Publ. on the occasion of an Exhib., held at the Portland art museum, Portland, Oregon, Febr. 19 — May 31, 2000 a. at the Kimbell art museum, Fort Worth, Texas, July 2 — Oct. 1, 2000] / Penelope Hunter-Stiebel, gen. ed.; Introd. by John E. Buchanan, jr. — Portland (Oregon): Portland art museum in collab. with Abrams, 2000. P. 90–91; *Курбатов В. Саркофаг Строгановского сада // Старые годы. 1912. С. 41–43.*

²⁶³ *Езунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. С. 26–27.*

²⁶⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 151, 170.

²⁶⁵ Пока имя барона установить не удалось: в Архипелагской экспедиции участвовали уже упоминавшийся барон Максимилиан Пален, а также Георгий Депален и Карл Депален (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 68).

²⁶⁶ *Пален. Барона фон дер Палена журнал путешествия в Константинополь. № 40. С. 244.*

Для сравнения — описания Афонской горы вовсе лишены ссылок на христианские святыни: «По разсвете видели разстояние в 25 миль Афонскую гору или Монте Санте, о которой греки объявляют, что оную гору по ея болшей вышине при ясном горизонте увидеть можно за 50 миль»; «с правой руки, оставляя Лемнос, ... Афонская гора»²⁶⁷.

Другим, заслужившим развернутого описания античным памятником, стали развалины крепости на о. Тассо (Тассос), настойчиво связываемые с именами Филиппа Македонского и его сына Александра (в настоящее время датируются VII–V вв. до н.э.). Разыскания, проведенные там инженер-офицерами Можаровым и Тузовым, позволили им записать со слов жителей следующую историю островных строений: «у них словесное известие и до днесь еще ведется, будто македонской король Филипп начинал строить город к зюидской стороне здешнего острова, где ныне деревня Вергара, или Гургара, и для того всякия материалы, а особливо мраморныя каменя и протчие припасы из других мест туда посылал, но не окончив онаго, умер, после ево Александр Великой, когда намерился всеми силами напасть на персов, то для построения галер и перевозу своеи армии избрал здешнее место за способное, почему приказал все осталные материалы от крепости, где ныне деревня Гургара, перевозить суда и делать здесь крепость и гавань, а после долгое время оным островом владели генуэзцы, ис чего и заключить должно, что, может быть, во времена Александра Великого зделаны были, толко одни укрепления на горе, ибо стены оных заложены были по прежнему обыкновению, и ныне уже совсем развалившись... [нижняя крепость — генуэзцев, и герб генуэзцев имеется] вблизи снаружи нижней крепости в сторонах лежат многие гробницы, зделанные из весьма великих обтесанных плитных каменьев, а большею частью из мрамору и с греческими подписями, из коих тож значит что оные деланы были не в весьма давних временах»²⁶⁸. Русский капитан С.П. Хметевский тоже удивлялся антикам на о.Тассо, который по богатству и плодородию показался ему «раем»²⁶⁹ (впрочем, это не помешало ему использовать мраморный «гроб» под горн кузницы).

Впрочем, Хметевского больше занимали «чудеса» — то, как древние втаскивали большие камни крепости на Тассо, или знаменитая пещера со сталактитами на Антипаросе, посетив которую, он оставил на стене свое граффити: («Был я на острове Антипаросе в так называемом гроте, который у вершины горы: яма великой глубины из мрамору <...> [о сталактитах и прочих красотах], хотя многие из разных государств для любопытства приезжают и на камнях, кто в оном гроте был, высекают имена и ставят год, в том числе и мое имя высечено»²⁷⁰).

Античные руины интересовали и Матвея Коковцева, который также, как и Паш ван Кринен, участвовал в их разысканиях! В своем Описании Архипелага Коковцев не упустил, кажется, ни одной сколь-либо значимой античной достопримечательности из тех, что были известны к концу XVIII в. на островах. Свои описания он сопровождал изложением мифов-«баснословий», относящихся к описываемым им по личным впечатлениям местам²⁷¹. И примечательно, что

²⁶⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 39, 160.

²⁶⁸ Там же. Л. 161.

²⁶⁹ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 601

²⁷⁰ Там же. С. 617.

²⁷¹ Коковцев М. Г. Описание Архипелага и варварийскаго берега. С. 62. Примечательно, что при описании острова Станцио он даже указал: «отсюда Венера Праксителевой работы, что ныне в галерее Тосканского герцога».

Пещера Антипароса

в издании Коковцева количество описаний античных древностей значительно превосходит количество упоминаний о христианских святынях: об Афоне он не писал вовсе, а из церквей и монастырей упомянул только церковь Панагия Екатондапилияни на Паросе и монастырь Иоанна Богослова на о. Патмос.

Коллекционирование античных памятников вошло в круг обязанностей командования Архипелагской экспедиции. Неутомимый Г.А. Спиридов приложил

немало сил для того, чтобы организовать поиски античных мраморов и погрузку их на российские военные суда для придворных нужд и для частных лиц (попали они первоначально в Академию художеств и частные коллекции²⁷², но в XIX–XX в. влились в античную коллекцию Эрмитажа²⁷³).

Особенно активно разыскание античных мраморов и добычу мраморных заготовок²⁷⁴ для петербургского двора вели в 1772 г. Именно в это время крейсировавший в районе острова Самос капитан Иван Борисов докладывал, что посланный им на Самос любитель античности лейтенант Матвей Коковцев отыскал в деревне Мытели(?) «три штуки мрамора», которые были затем погружены на фрегат. Также на Самосе из земли были выкопаны колонны «храма богини Юноны», правда, базы и капители этих колонн на берег доставили и старались погрузить на корабли, а сами колонны русские капитаны брать на суда не хотели (по словам капитана Борисова, «работы будет много, а мрамор весь от долгова времени испортился и изтрескался, я видел, отколоты и биты»)²⁷⁵.

19 марта того же 1772 г. на остров Зея (Кея), где местные жители обнаружили «в месте, называемом Подлес, идол богини..., испорченной»²⁷⁶, был отправлен находящийся на русской службе грек Николай Пунгало. Он поднялся «на ту гору, где мрамор,

²⁷² Известно, например, что не только Строганов получил античных саркофаг от Домашнева, но и И.Г. Чернышев просил Грейга и Спиридова прислать ему мрамор и антики в новостроящийся дом (см. об этом Приложение. Статья В.Э. Булатова).

²⁷³ Санкт-Петербург и античность — Sankt-Petersburg und die Antike — Sankt-Petersburg and classical antiquities: [Материалы выст. / Авт. текстов: Л.И. Давыдова и др.; науч. ред. Е.В. Мавлеев]. — СПб.: С.-Петербург. Фонд культуры, 1993. С. 62–64; *Трей Г.* Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств. СПб., 1870. Вып. 1: Скульптура древних народов. С. IV.

²⁷⁴ Чистый белый и зеленый мрамор для «доставления в Санкт-Петербург ко двору» на о. Тино заготавливала целая бригада греков под началом грека мастера Гавриила Псяя, на что из «чрезвычайных расходов экспедиции было выплачено 5 тысяч 29 пиастров (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 29. Л. 9об.). Затем мрамор (в пластинах, кубах, «столбы» и «подставки под столбы») погрузили на фрегаты «Соломбал», «Григорий», «Европа» и «Не Тронь меня», перед чем пришлось соорудить пристани, плоты, выбросить такелаж — «штуки мрамора» достигали веса в 250 пудов... (Там же. Л. 17–19об., 20–22, 63, 105). См. также: Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 272. 1773–1775.

²⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 96об.

²⁷⁶ Там же. Л. 93.

взяв с собою 20 человек работников, 6 самых больших кусков спустил на самой берег к морю». В своем рапорте Пунгало обещал прилагать все старания, чтобы не только «еще болея онаго мрамору к берегу спустить», но и погрузить его на российские суда²⁷⁷.

В феврале 1772 г. лейтенант Василий Паярков по распоряжению Спиридова грузил «штуки мрамора» на Малом Делосе, причем им уже было свезено на берег до 50 мраморных «штук»²⁷⁸. Не вполне ясно, что из многочисленных мраморных святилищ Делоса (именуемого Эгейскими Помпеями!) удалось перевезти в Россию. Возможно, именно их имел в виду Антон Псаро, когда составлял опись мраморов «от храма Аполлонова»:

«5 штук четвероугольных
3 пьедестала
1 пьедестал очень хорошей работы
4 штуки, на коей греческие старинные слова
1 штука, на коей греческие старинные слова
10 колонн
40 штук для составления колонн самочистаго белаго мрамора
1 пьедестал изображаит кашкет и [нрзбр.] вокруг онаго
1 штука с надписью по гречески, старинные слова
Итого всего 5658 пудов»²⁷⁹.

После того, как на о. Санторин (Тира) в 1771 г. побывал Паш ван Кринен и записал, что на горе Св. Стефана «многия мраморныя статуи и многия разныя штуки находятся»²⁸⁰, на Санторине, по приказанию Спиридова, «для двора... государыни» «были отыскиваемы, как протчее все, также древния мраморныя штуки». Это предприятие на собственные деньги организовали санторинский «командир» Спири Бичиллия и уже упоминавшийся «наксинской барон Вигр» (де Вигур). К февралю 1774 г. перечень санторинских приобретений — бюста, трех «голов» и 20 барельефов, сохранившийся в переписке Спиридова и Елманова, был весьма внушительным. Не даром, посетивший вскоре этот остров Шуазель-Гуффье отметил, что на Санторине «колонны, несколько статуй и богатых фрагментов были захвачены Русскими»²⁸¹. Поскольку атрибуцию имеющихся в Эрмитаже мраморов из Спиридовской коллекции еще только предстоит согласовать с нижеследующим «реэстром», приведем его текст полностью:

«Реэстр всем полученным из Санторина мраморным штукаам, ис коих некоторыя перевезены в порт Аузу, а другия и ныне находятся в Санторине

«Штуки мрамора» на Делосе

²⁷⁷ Там же. Л. 99–99об.

²⁷⁸ Там же. Л. 95.

²⁷⁹ Там же. Л. 92.

²⁸⁰ «Краткое описание островов Архипелага». Приложение 6. С. 536.

²⁸¹ *Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce.* P. 37.

1-е. буста фигуры почти гатовай

2-е. 20 маленьких четвероугольных мраморов разной длины и ширины с фигурами резной работы как следует:

1. две фигуры, которые лежат одна на другой обнявшись

2. фигура нагой женщины, которая подле себя имеет другую малинкую

3. на конце стоящая фигура

4. две фигуры, которые обнимаютца

5. фигура стоящая, имеющая в руках помешку

6. три фигуры, ис которых две сидят, а третья стоит на конце

7. две фигуры: одна мущина, а другая женщина

8. фигура женщины в странной одежде, держащая голову ребенка

9. две фигуры — одна стоит на конце, а другая сидит подле

10. две фигуры — одна лежит, а другая на конце стоит

11. фигура, стоящая на конце

12. таковая же

13. две фигуры — одна большая стоящая на конце, а другая малинкая лежит

14. пять фигур, ис которых две спят, а третья сидит, четвертая стоит на конце с ребеночком

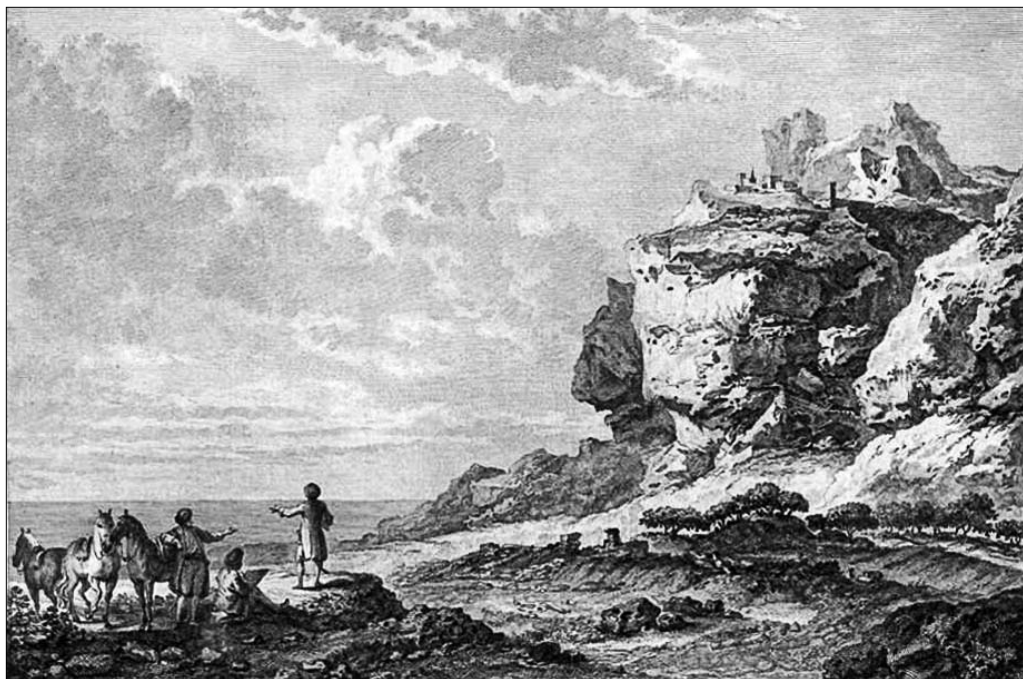
15. две фигуры подле сидящая

16. такая же две

17. три фигуры, ис которых две лежат, а третья стоит на конце

18. две фигуры — одна лежит, а другая стоит на конце

19. одна фигура стоящая на конце

Античные руины Санторина

20. одна фигура лежащая з двумя ребеночками стоит на конце [3.] и 3 головы разной величины от потеренных статуев»²⁸².

По характеру описания античных приобретений Архипелагской экспедиции совершенно ясно, что военное командование не стремилось выказать свою осведомленность в скульптуре древних и не решалось чаще всего определять обнаруженные памятники. Вполне вероятно, что античные памятники воспринимались наравне с прочими «чудесами», которые бережно упаковывались и пересылались ко двору. Так, в 1772 г. в Санкт-Петербург вместе с увечными и больными отправляли помимо мрамора «кость слоновую и жемчужныя раковины»²⁸³, в 1774 г. «некую мумию», кажется, весьма «подозрительную»²⁸⁴, а также снова «жемчужные раковины, слоновья зубы и змеинные головки»²⁸⁵, вывозили, кажется, и куски сталактитов из пещеры Антипароса²⁸⁶. Однако все — от главнокомандующего до капитанов судов уже, безусловно, относились к антикам как к государственной ценности, достойной, если ни восхищения, то строгого учета количества, веса и размеров.

Опыт освоения пространства, насыщенного памятниками истории и культуры древнего мира, по-разному преломлялся в судьбах и творчестве участников экспедиции, но тема сопричастности античной цивилизации оказалась в это время причудливо вплетенной в ткань отечественной культуры.

КОНЕЦ АРХИПЕЛАГСКОГО КНЯЖЕСТВА

Архипелагское княжество прекратило свое существование в 1774 — начале 1775 г. после заключения Кючук-Кайнарджийского мира и ухода российского флота из Восточного Средиземноморья. Эта утрата едва ли была неожиданной, по крайней мере, для руководителей Архипелагской экспедиции, которые после лихорадочной строительной активности начала 1771 г. значительно поумерили свой пыл. По сути дела, уже в 1772 г. в переписке между командующими Архипелагской экспедицией постоянно всплывал вопрос «о том, что будет, возможно, мир и надо приуготовляться исподволь к возврату во Отечество» (Спиридов — Елманову, июнь 1772 г.)²⁸⁷; о том, как выводить флот из Архипелага — через Ливорно, Порто-Феррайо, Геную или Порт-Магон²⁸⁸.

В Петербурге отношение к вопросу о сохранении завоеваний в Восточном Средиземноморье также постепенно менялось. Идея строительства на греческих островах государственности все меньше занимала императрицу, которая готова была выгодно обменять «принадлежащие ей»²⁸⁹ острова. В Средиземноморье А.Г. Орлов — «полномочный генерал от Ея Императорскаго Величества Екатерины Второй всея России, главной над Архипелагом и прочая, и прочая, и прочая» —

²⁸² РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 168.

²⁸³ Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 29. Л. 15об.

²⁸⁴ Там же. Л. 11об.-12.

²⁸⁵ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 51.

²⁸⁶ Πασχάλη Δ. Αι Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ' ανέκδοτων έγγραφων. Σελ. 273.

²⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 46. Л. 56.

²⁸⁸ Там же. Л. 74об., 96–98

²⁸⁹ АГС. Т. 1. С. 250.

также не слишком церемонился с Архипелагскими княжеством, и уже летом 1771 г. готов был продать один из островов Англии, вероятно, чтобы возместить расходы, связанные с пребыванием русского флота в Средиземном море²⁹⁰. В декабре, правда, Орлов сообщил, что сделка эта не состоялась²⁹¹.

То, что острова в Архипелаге сохранить для России будет трудно, если не невозможно, продолжали обсуждать на Совете при Высочайшем дворе, готовя российские предложения к мирному конгрессу. Принцип *uti possidetis* (признание прав на занятые территории) на Архипелаг, как и Дунайские княжества, императрица намеревалась в ходе переговоров распространить, по-видимому, лишь из тактических соображений (дабы создать более широкое пространство для уступок, при отстаивании главного). Свое намерение она объясняла тем, что не может довольствоваться лишь «пустым блеском триумфов» и возвратом своих войск, «ограничиваясь честью», что побила и низложила врага, но не смела «дотронуться до его владений»²⁹².

Когда дело, действительно, дошло до мирных переговоров, то, как и прежде, А.Г.Орлов, проект мирных соглашений России встретил столь непримиримые возражения Пруссии и Австрии, взявших на себя роль посредников в установлении мира, что на требования территориальных приобретений в Средиземном море на Фокшанском конгрессе решено было не настаивать. Однако в ходе переговоров в Фокшанах (1772 г.) об Архипелагских островах не забывали обе переговаривающиеся стороны, турки в лице рейс-эфенди предлагали их обменять то на Азовский уезд, то на Азов и Кабарду; Обресков с удовольствием напоминал: «Возьмите в разсуждение, что с самого начала настоящей войны до сего времени Константинополь окружен российскими флотами, что в Архипелаге завладели мы 44 мя островами...»²⁹³. Впрочем, и в Фокшанах в 1772 г., и в Кючук-Кайнарджи в 1774 г. обе стороны понимали, что Архипелагскому княжеству (20 или 44 островам оно — все равно!) была уготована роль разменной монеты, его уступка была очевидна и спорили только о цене.

Казалось бы, Екатерине II пришлось-таки довольствоваться «пустым блеском триумфов» и честью Чесменской победы.

Однако императрица не могла не тешить себя хотя бы сладостными воспоминаниями об этом «блеске». В 1775 г., когда Архипелаг уже покинули российские суда, Екатерина проектировала создание серии памятников ради увековечения четырехлетнего господства России над островами Парос, Андрос, Тинос, Зей/Кей, Термия и др. Многочисленные исправления, сделанные рукой императрицы при составлении мемориальных надписей, показывают, какое значение приобрело для нее владение Архипелагским княжеством и как Средиземноморская операция превращалась в важный национальный символ и мифологизировалась²⁹⁴.

²⁹⁰ Там же. С. 90. *Перминов П.* Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII в. Эпизод второй // *Азия и Африка сегодня*. 1987. № 8. С. 57. С.М. Соловьев относит переговоры А.Г. Орлова с английским консулом в Ливорно Диком об уступке Англии любого острова в Архипелаге к осени 1771 г. (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. М., 1994. С. 513). Между тем, Совет при Высочайшем Дворе обсуждал эту тему 23 июня и 12 декабря 1771 г. (АГС. Т. 1. С. 90, 131).

²⁹¹ АГС. Т. 1. С. 131.

²⁹² Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 460.

²⁹³ *Уляницкий В. А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. ССII-ССVII.

²⁹⁴ Ср.: *Проскурина В.* Мифы и империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 147-194.

Целью экспедиции отныне считалась лишь помощь единоверцам, и вот что гласила первая надпись на обелиске, посвященном победам в Море:е:

«По повелению императрицы Екатерины Второй создан сей столп на память первого шествия российского ваеннаго флота в Средиземное море в 1769 году для вспоможения благочестивых греков и освобождения их от ига нечестиваго турка (выделено нами. — Авт.) под командою адмирала Григория Спиридова; предводитель сухапутнаго же на оных кораблях войско был генерал граф Алексей Орлов и под ним брат его граф Федор Орлов, сей последней зделал высажение российских войск в Порто Вителло и Корона; от 17 февраля до 29 марта 1770 года взяты капитаном над спартанским восточным легионом Барковым города Пакава (Пассава?) Бердона, Мизистра. Командиром же северным спартанским легионом князем Петром Долгоруковым города Каламата, Леонтария и Аркадия»²⁹⁵.

Мифология побед должна была связать Архипелагскую акцию с главным историческим символом Российской империи — Петром Великим, и подчеркнуть преемственность власти Екатерины. А потому второй памятник посвящался Петру Великому (напомним, что именно в 1766-1778 гг. Фальконе работает над Медным всадником, но новый памятник Петру не мог быть лишним!):

«В честь основателя морских российских сил, истребивших турецкого флота огнем трицати трех кораблей на Азиатском берегу в порту села Борна противу острова Сио под главной камандою в Средиземное море генерала графа Алексея Орлова и адмирала Григория Спиридова 24 июня 1770 года.

(здесь же дан исправленный вариант. — Авт.)

П[етр] В[еликий].

В честь основателя морских российских сил, истребивших огнем Турецкии флот в тридцати трех кораблях в порте Калаборно на Асийском берегу против острова Хио под главною командою в Средиземном море генерала графа Алексея Орлова и адмирала Григорья Спиридова 1770 года 24 дня июня в девятое лето царствования Екатерины Второй»²⁹⁶.

Наконец, императрица не уставала торжествовать по поводу, хотя и временного, но *владычества* над землями, где некогда процветала античная культура. В надписи попали и «Амфитритовы разорения», и упоминания о гробнице Гомера на о. Иосе, и мифические «центавры», Минерва, Медуза.

[Карандашом с многочисленными исправлениями]:

1. Храм крес[т] с надписью: по многим в древностей переменам остров **Парос** быв во власти победоносного всероссийскаго оружия, видел от 1771 до 1775 г. в своем порте Ауза Адмиралитейство росийскаго флота в Архипелаге, чему в память и в уподобление пароскому храму Цересы²⁹⁷ законодательнице сие здание воздвигнуто и назван сей остров Парос.

2. Плодородной остров **Наксос** флагу российскому три году повиновался

NB построить пристань, как на Аглинской картыны с флагом российским и на пристань ставить медаль Наксоса и под ней вышеписанная подпись.

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 10/1. Кабинет Екатерины. № 444. Л. 6.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Вероятно, речь идет о храме Деметры (римск. Цереры) — центре кикладской античной цивилизации на Паросе. Но в настоящее время, судя по информации, представленной сотрудниками Археологического музея на Паросе, на острове не находят храма Деметры, известны только места святилищ Аполлона.

3. Гомерова гробница на острове **Нио** окружена была российскими победителями

4. Медаль острова **Андроса** и подпись: Остров Андрос в древности покорялся(?) Афинской Минервы по в сем веке российскому победоносному оружию

5. Малая каменная гора, на которой ползуют змеи под ними медаль острова **Тино** с надписью: Сила и твердость преодолевает зависть; остров Тино в Архипелаге три года под властью был флагу росиискому.

6. Центаур (кентавр — *Авт.*) с подписью изломленной и плешивия голова статуи да басамент с подписию: Остров **Микон** цептаврами гробницею (?) не покрывает глав твоих жителей безвласных, но лаврами покрылись бы оне, буди следовали пример победоносных российских воинов, у них во власти были три года

*Чесменская колонна
в Царском селе*

7. **Зея**. Да взаимствуют победителей жителей острова Зея долгоденствия и да продолжателем глас славы их паравит (?) Нестором созданной храм Минервы на сем острове

8. Остров **Термия** означетился Амфитритовы разорении в древности да в нынешнем веке, что Россия принадлежал три года.

9. **Серфо** остров. Место убрать несколько статуи и подпись: Медуза обращала здесь людей в каменные статуи, достойны суть каменных статуи те, кои сей остров Серфу подвергли российской державе»²⁹⁸.

Однако все надписи и проект мемориальных сооружений так и остались на бумаге. Обелиском на острове Царскосельского пруда в 1777 г. была возведена лишь Чесменская победа, Чесме посвятили

изящную церковь Рождества Иоанна Крестителя (арх. Ю.Фельтен; сражение произошло в день, когда православная церковь отмечала этот праздник и над российскими судами развивались стяги с изображением Иоанна Крестителя), построили Чесменский императорский замок и назвали район вокруг замка «Чесьмою».

Нельзя не отметить и того, что, покидая Архипелагское княжество, Екатерина II выполнила и свои обещания не оставить греков без защиты при заключении мира. Еще летом 1770 г. в качестве непременных условий для открытия мирных переговоров императрица требовала освобождения из турецкого заключения Обрескова и добавляла, что «честь и долг понуждают ее вступить за тех, которые приняли ее сторону в борьбе, особенно она не может отдать греков на жертву мщениия турок: их безопасность должна быть обеспечена»²⁹⁹. Уже на переговорах в Бухаресте (ноябрь 1772) между Обресковым, освобожденным еще до Фокшанского конгресса, а теперь представлявшим в переговорах российскую сторону, и Абдул-Резаком была согласована статья о «генеральной амнистии на обе стороны всем в войне участие принявшим христианским и магометанским народам»³⁰⁰. Эта статья в близкой формулировке вошла в Кючук-Кайнарджийский договор.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 10/1. Кабинет Екатерины. № 444. Л. 7–8об.

²⁹⁹ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 372.

³⁰⁰ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 197.

Статья 17 мирного договора гласила: «Российская империя возвращает Блистательной Порте все Архипелагские острова, под ее зависимостью находящиеся; а Блистательная Порта с своей стороны обещает: 1. Наблюдать свято в рассуждении жителей оных островов кондиции, в первом артикуле постановленные, касательно общей амнистии и совершенного забвения всякого рода преступлений, учиненных или подозреваемых быть оными учиненные в предосуждение интересам Порты. 2. Чтобы христианской закон не будет подвержен ни малейшему притеснению, так, как и церкви оного, ниже будет препятствовано к перестроиванию или поправлению оных; люди же, в них служащие, равным образом не имеют быть оскорбляемы ниже притесняемы. 3. Что не будет от них требован платеж никакой подати, ежегодно ими платимой, со времени, как они находятся под зависимостью Российской империи, по причине великого их притеснения и в продолжении настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращения оных островов Блистательной Порте. 4. Фамилиям, пожелавшим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размена настоящего трактата...». Далее речь шла о том, что Порта обещает снабдить российский флот всем необходимым для его отплытия³⁰¹. Наконец, в 24-й статье специально оговаривалась возможность всем османским подданным, вступившим на российскую службу, при желании отъехать вслед за войсками или вместе с ними.

В конечном счете, по заключении мирного договора последовала волна эмиграции в Россию. 6 декабря 1774 г. А.Г. Орлов сообщал из Пизы, что «многие сербские народы желают прибегнуть под покров» российской императрицы и приказывал Елманов всех желающих переселиться «сажать на суда, сколько поместиться может, и отсылать их в завоеванные места, принадлежащая Вашему Императорскому Величеству, снабдя при том довольным числом провианта и письмами к начальникам тех мест, чтобы оные приняты были как подданные Российские, и я надеюсь..., что со временем многие переселятся во оную страну, а более всего будет зависеть от начала, когда первым удастся»³⁰². В мае 1775 г. А.В. Елманов собрал все-таки решившихся на переезд «греков и албанцов», погрузил на 11 судов и под конвоем военного фрегата «Африка» отправил через проливы в Крым³⁰³. Как известно, несколькими десятилетиями позже эти переселенцы в Россию сыграют свою роль не только в развитии Новороссии, но и в греческом освободительном движении на своей этнической родине.

Взамен морской базы в Средиземноморье Россия получила по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. право «иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначать за благо рассудит, которые будут уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами»³⁰⁴. Этот пункт договора, безусловно, предусматривал интересы развития российской торговли и был

³⁰¹ Там же. С. 289.

³⁰² Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 250–251.

³⁰³ Подробный отчет об этом см.: Там же. С. 300–304. См. также: РГА ВМФ. Ф. 188. Д. 50, 76, 77, 78, 79, 92 и др.

³⁰⁴ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. С.289.

следствием провозглашенной свободы торгового мореплавания России во всех водах Османской империи³⁰⁵.

Если перед войной Коллегия иностранных дел располагала во всем мире всего лишь восемью-десятью консулами, то по росписи 1788 г. число консулов, поставленных только в Средиземноморье, перевалило за три десятка, две трети из них находились на территории балканских государств, зависевших от Османской империи, и в самой империи³⁰⁶.

В Архипелаг был назначен генеральный консул с резиденцией в Триесте, созданы консульства на островах Кандия/Крит, Кипр, Негропонт/Эвбея, Родос, Самос, Санторин/Тира, Хио/Хиос; вместе с тем, генеральные консульства были учреждены в Морею, Салониках, Смирне, Александрии и Сайде, а консульства — в Дарданеллах, Бейруте, Дамаске. Генеральными консулами в Греческий архипелаг были назначены дослужившийся до полковника граф Иван Войнович, в Албанию и Химару — подполковник, эпириот Пано Бичилли, в Морею — майор Христофор Комнен, консулами утверждены на Кипре капитан Иван Ацали, на Хио морской артиллерийский капитан Антоний Коронелли, на Негропонте капитан Панаиоти Кривата и т.д.; большинство их переводчиков также имели воинские звания.

Естественно, что назначенные в Средиземноморье между 1776–1786 гг. консулы и вице-консулы подчинялись Генеральной Комерц-коллегии, однако лишь отчасти и в делах сугубо коммерческих, во всем остальном, а именно: в делах дипломатических и политических, они находились под управлением Коллегии иностранных дел. И, как уже отмечалось, «под видом коммерции» Екатерина еще в 1770 г. мыслила вести в Средиземноморье дела политические и даже военно-политические.

Структура консульской службы, установленной в Средиземноморье после войны, состав консульского корпуса и характер его обязанностей позволяют думать о том, что консульская сеть, по крайней мере, в Восточном Средиземноморье задумывалась как своего рода инфраструктура для осуществления тех планов, которые в 1780-е гг. оформятся в Греческий проект, но которые вызревали уже в ходе Архипелагской экспедиции.

Помимо политического значения, российская консульская служба в Архипелаге сыграла свою роль и для будущего Греции. Как показал Г.Л. Арш, покровительство России оставшимся в Архипелаге грекам, предоставлявшаяся им возможность осуществлять торговое судоходство под российским флагом при защите российских консулов в Архипелаге значительно укрепили греческие капиталы, а те, в конечном счете, помогали создавать финансовую основу будущего национально-освободительного движения³⁰⁷.

³⁰⁵ Об использовании преимуществ, открывшихся после подписания мира, вскоре стали появляться разного рода «проежеты». См., например, Записку Стефана Сарафа графу А.Г. Орлову о мерах развития морской торговли в Черном и Средиземном морях (РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 608).

³⁰⁶ АВПРИ. Ф.89/8. Д. 2060. Л.118–121. См. также: Уляницкий В.А. Русские консульства за границей.

³⁰⁷ Арш Г. Л. О русской системе «покровительства» и о некоторых ее социально-экономических и политических последствиях для населения Балкан (конец XVIII — начало XIX вв.) // *Etudes Balkaniques*. Sofia, 1975. № 2. С. 108–127; Он же. Острова Архипелага, в частности Санторин, по донесениям российских консулов эпохи Екатерины II // www.hecucenter.ru/word-files/KERIE...pdf.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА И РОССИЯ В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.: ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА

М.Б. Велижнев

Шумная деятельность России в настоящее время пробудила любопытство у многих людей, жаждущих глубоко узнать нравы, силы, религию этой страны и ознакомиться с ее историей.

*Римская газета «Effemeridi letterarie»
от 20 июня 1772 г.¹*

В конце декабря 1766 г. глава неаполитанского правительства Бернардо Тануччи в письме философу и известному остро слову аббату Фердинандо Галиани комментировал императорский титул Екатерины II: «Сей титул есть заря нового Константинополя: хорошо бы, если Франция выступила против <России> и воодушевила Порту»².

Внешняя политика России вступила в жесткое противоречие с существовавшими в Европе конфессионально-идеологическими конструктами: христианские Франция, Австрия и Мальта считали благом для всей Европы противостоять наступательным планам христианской России и поддерживали мусульманскую Порту. Принципы, закрепленные мирными договорами с Турцией (в частности, в Пассаровице 1718 г.) и регулировавшие взаимоотношения внутри Средиземноморского региона, плохо сочетались с идеей освобождения Греции и крестового похода против турок.

Однако, желали они того или нет, в 1768–1774 гг. итальянские государства оказались — благодаря своему географическому положению и политической слабости — непосредственно вовлечены в процесс изменения военного и политического расклада сил в Средиземноморье.

Известно, что вплоть до 1770 г. и даже позже итальянские политики не могли поверить в то, что русская эскадра способна без серьезных потерь добраться до Средиземного моря и затем надолго закрепиться в этом

¹ Цит. по: *Вентури Ф.* Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 30.

² «Quel titolo d'imperatrice e un'alba di un Costantinopoli: converrebbe che la Francia si opponesse e ne riscaldasse la Porta» (*Tanucci B.* Lettere a Ferdinando Galiani. Vol. 2. Bari, 1914. P. 13).

регионе. В представлении итальянцев главным качеством средиземноморских проектов императрицы была их безграничная амбициозность, что тоже не добавляло к ним сочувствия. В 1770 г. в Италии заговорили о том, что в Европе наступает новая эпоха: начало ей будет положено уничтожением Оттоманской Порты и радикальным расширением Российской империи, владения которой будут простираться от Дальнего до Ближнего Востока.

Какими принципами руководствовались итальянские государства, какие мотивы двигали ими в их отношениях с Россией в течение русско-турецкой войны 1768–1774 гг., — до сих пор до конца не прояснено³. Не исследовано и то, как менялась позиция этих государств, внимательно следивших за событиями в Восточном Средиземноморье (и кстати, узнававших о них обычно намного раньше, нежели в Петербурге).

ТОСКАНА

Торговые контакты между Россией и Тосканой восходят к XVI — началу XVII в. Официальные отношения между двумя государствами впервые возникают в царствование Алексея Михайловича: в 1656–1657 гг. русский посол Иван Чемоданов и писарь Алексей Постников совершили путешествие по Италии (Венеция, затем Ливорно). Вторая русская миссия, уже чисто «тосканская», состоялась в 1659–1660 гг. и была связана с именами Василия Лихачева и Ивана Фомина, третья (1663 г.) — Ивана Желябужского и Ивана Давыдова. Все три посольства имели целью установление прежде всего экономических связей между Россией и Тосканой и возбудили живейшее любопытство у местных жителей, прежде всего «варварскими», с точки зрения тосканцев, нравами московитов.

Как отмечает С. Виллани, после 1663 г. русско-тосканские торговые связи (ориентированные, в частности, на экспорт русской икры через Архангельск) заметно интенсифицируются, главным образом благодаря посредничеству жившего в Москве Франческо Гуаскони, представителя одной из самых значимых флорентийских купеческих фамилий. Возобновление дипломатических отношений между Россией и Тосканой приходится на 1687–1688 гг., на период правления герцога Козимо III Медичи и царевны Софьи, когда в Тоскану был направлен Василий Постников. О результатах этой миссии известно немного: деятельность Постникова в Италии лишь свидетельствовала о наличии установившихся в 1660-е гг. торговых связей. В самом конце XVII – начале XVIII в. наблюдается новое развитие русско-итальянских контактов: по воле Петра I представители лучших русских дворянских фамилий (в частности, П.А. и Ф.А. Голицыны, П.А. Толстой, Б.И. Куракин) отправились в Италию (главным образом в Венецию⁴) для изучения наук и приглашения в Россию итальянцев. Некоторые из путешественников, например Петр Голицын, побывали в Пизе и Флоренции. Новая, собственно дипломатическая, русская миссия в Италию (в Венецию и Флоренцию) была также инициирована Петром: она состоялась в 1697–1698 гг. и возглавлялась Борисом Шереметевым.

³ См.: *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. Torino, 1957. P. 54–55.

⁴ См. в частности: *Androsov S.O. Петр Великий в Венеции // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study on Eighteenth-Century Russia*, Gargnano, 1994. Roma, 1996. P. 19–27.

Великое герцогство Тосканское, разделенное на три провинции

В XVIII в. Тоскана, один из основных пунктов итальянской части европейского *Grand Tour*, не раз привлекала внимание русских путешественников. Продолжали развиваться и дипломатические отношения: так, в 1711 г. во Флоренции временно находился очередной русский дипломат — Семен Нарышкин. В XVII в. Особую роль в сближении России и Тосканы сыграли английские и голландские купцы, в частности британец Джон Эбдон (Hebdon); именно англичане (посланник в Тоскане Орас Манн, консул в Ливорно Джон Дик, русский агент в Ливорно Разерфорд) станут основными посредниками между русской императрицей и великим герцогом тосканским и во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.⁵ В целом, несмотря на очевидный взаимный интерес, дипломатические связи между Россией и Тосканой (в отличие, например, от Венеции) следует считать, скорее, спорадическими, нежели крепкими и постоянными. Не лучше обстояло дело и с торговыми контактами между двумя государствами, которые, как правило, осу-

⁵ О России и Тоскане в XVII в. см.: Villani S. *Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo* // *Nuovi Studi Livornesi*. Vol. XV (2008). P. 37–96 (там же см. исчерпывающую библиографию). Об истории коммерческих связей Тосканы и России в XVII в. см.: Ciano C. *Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII*. *Pagine di storia del commercio e della navigazione*. Pisa, 1980. P. 9–21. См. также: Risaliti R. *Russi a Firenze e Toscana*. Vol. 1. Firenze, 1992.

Великий герцог Тосканский
Пьетро Леопольдо

ществлялись при помощи английских или голландских коммерсантов⁶.

Участие посредников отличало и дипломатические связи Флоренции с русским двором в начальный период правления великого герцога тосканского Пьетро Леопольдо, правившего с 1765 по 1790 г., затем ставшего австрийским императором под именем Леопольда II (1790–1792 гг.)⁷. Функцию тосканского представителя в Петербурге выполнял австрийский посланник князь Иосиф-Мария Лобковиц (посол с 1763 по 1777 г.). В конце 1765 г. между Петербургом и Флоренцией возникли определенные трения, связанные с формой взаимного обращения государей. Письмом от 26 ноября 1765 г. Пьетро Леопольдо извещал Екатерину II о своем восшествии на тосканский престол. Императрица приняла документ, однако передала И.-М. Лобковицу, через Н.И. Панина и А.М. Голицына, особую ноту (от 26 декабря 1765 г.), копию которой австрийский дипломат

и переслал тосканскому премьер-министру графу Ф. Орсини де Розенбергу 7 января 1766 г. В ноте говорилось о нарушении герцогом церемониала, принятого еще при жизни прежнего тосканского монарха, отца Пьетро Леопольдо, австрийского императора Франциска I (умершего 18 августа 1765 г.). Во-первых, переписка между Флоренцией и Петербургом должна была вестись на латинском языке, а не на итальянском, как это сделал Пьетро Леопольдо. Во-вторых, обращаться к Екатерине герцогу следовало «*Serenissima et Potentissima Princeps, Totius Russiae Imperatrix et Autocratrix, Domina cognata colendissima*» («Светлейшая и могущественная правительница, Всероссийская императрица и самодержица, высокочтимая госпожа сестра», *лат.*), а не «*Signora mia sorella e Cugina*» («Госпожа сестра и кузина», *ит.*), «*Majesté Impériale*» («Императорское Величество», *фр.*), а не просто «*Majesté*» («Величество», *фр.*); подписывать документ было необходимо — «*Obsequentissimus Cognatus et Servus*» («Почтительнейший брат и слуга», *лат.*), а

⁶ Примечательно, что автор петровской «Гиштории о матросе Василии Кориотском» включил в свое повествование сюжет о прибытии во «Флоренское королевство» «русских купцов», чьи товары поехали на шлюпках рассматривать «королевна Ираклия» «с девицами». Так что мечты русских о торговле в Тоскане явно опережали реальные возможности! Прибытие первого русского корабля в порт Ливорно датируется 1582 г.: о нем известно лишь то, что он вез груз сельди (*Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII*. P. 14). Характерно, что следующее посещение Ливорно судами под Андреевским флагом относится к 1766 г. («Надежда Благополучия») (*Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé // Nuovi Studi Livornesi*. Vol. IX (2001). P. 107).

⁷ Интересно, что одним из своих имен Пьетро Леопольдо, возможно, был обязан русскому императору Петру Великому, отцу царствовавшей в 1747 г. императрицы Елизаветы, восприемнице из купели будущего тосканского герцога (см.: *Beccattini F. (Remigio Pupares). Vita pubblica e privata di Pietro Leopoldo d'Austria Granduca di Toscana poi Imperatore Leopoldo II*. Seconda edizione. Siena, MDCCXCVII [1797]. P. 18).

не «Affezionatissimo Fratello, Servitore e Cugino» («Преданный брат, слуга и кузен», *ит.*). Нарекания Екатерины вызвал отказ Пьетро Леопольдо от помещения его собственных титулов сразу после текста письма, а также употребление им метонимического термина «la Nazione Moscovita», что противоречило, по мнению императрицы, фактическому составу ее империи⁸.

В ответном письме к Лобковицу от 15 февраля Розенберг просил поблагодарить Екатерину за благосклонное отношение к герцогу (особенно в свете возможных взаимных выгод от морского сообщения и торговли) и сообщал ответную ноту своего двора. Пьетро Леопольдо объяснял, что писал на итальянском языке всем остальным европейским монархам и не встретил никакого протеста с их стороны (наоборот, монархи затем отвечали Пьетро Леопольдо на своих национальных языках). Расхождения в титулах и обращениях он интерпретировал тем, что являлся не только тосканским герцогом, но и королевским принцем Венгрии и Богемии, поэтому считал себя равным по статусу Екатерине. Что касается прочих мелких огрехов, то Пьетро Леопольдо обещал в дальнейшем избегать их: выражение же «Nazione Moscovita» было употреблено им в качестве аналога «Nazione Inglese» применительно ко всему британскому королевству⁹. Объяснения герцога были приняты, хотя уточнения церемониальной формы в корреспонденции между монархами продолжались и далее¹⁰.

Не считая помянутого эпистолярного диалога, переписка между Флоренцией и Петербургом была сугубо официальной и касалась подтверждения взаимной дружбы¹¹, сообщений (поздравлений и соболезнований) о придворных событиях, о рождении детей¹², бракосочетаниях¹³.

Еще в 1764 г. Россия предприняла попытку взять под свое покровительство православную общину в Ливорно¹⁴. Однако Екатерина натолкнулась на сопро-

⁸ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2332, f. 498–500. Реакция Екатерины на грамоты была следующей: «Как Лобкович от архидюка не аккредитован, то аудиенции, кажется, дать не для чего, а сие письмо вручить может министрам или без аудиенции мне самой, естли вы лучше не придумаете, однако без примечаний оставить не можно, что окроме коронованной головы не дают титула *soeur*, правда тут прибавлено *et cousine*, о чем прошу со мной изъясниться» (собственноручная резолюция от декабря 1765 г.: СБРИО. Т. 57. СПб., 1887. С. 418). См. также: *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 52–53.

⁹ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2332, f. 504–507.

¹⁰ *Ibid.* F. 510–510 verso; письмо Розенберга Лобковицу от 22 февраля 1766 г., см. также письмо Лобковица маркизу де Ботта от 15 апреля 1766 г.: *Ibid.* F. 512–512 verso, и Розенбергу от 6 мая 1766 г.: *Ibid.* F. 514–515. См. также: СБРИО. Т. 109. СПб., 1901. С. 177 (донесение Лобковица Кауницу от 8 апреля 1766 г.).

¹¹ Письма Лобковица из Москвы во Флоренцию от 9 и 25 марта 1767 г. (*Ibid.* F. 523, 525) и 5 апреля 1768 г. (*Ibid.* F. 529), письма Розенберга Лобковицу от 4 мая 1767 г. из Пизы (*Ibid.* F. 527) и 21 июля 1769 г. (*Ibid.* F. 537).

¹² Письмо Розенберга Лобковицу от 15 января 1766 г. (*Ibid.* F. 502), ответные письма от 19 апреля 1768 г., 16 и 20 июня 1769 г. (*Ibid.* F. 531, 533, 535).

¹³ Письмо Лобковица Розенбергу от 4 января 1774 г. (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2206), ответные письма от 1 октября и 30 ноября 1773 г. (*Ibid.*).

¹⁴ Екатерина писал русскому посланнику в Вене Д.М. Голицыну в рескрипте от 5 октября 1764 г.: «Живущие в городе Ливорно греки православного исповедания присланным к нам прошением своим просят о принятии построенной ими тамо церкви в нашу протекцию, и чтоб им для того прислана была грамота наша и снабжены были б они церковными уставами. По единоверию с нами сих греков мы охотно снисходим на их прошение; но прежде отправления к ним требуемой грамоты, восхотели мы уведомить о том [его] в[еличество] императора, яко герцога тосканского, и знать его в том мнения. Вы имеете по тому изъясниться с теми персонами, коим поручено управление то-

тивление со стороны австрийского императора, мотивировавшего свое решение отказать России в праве протекции тем, что никакая другая держава или конфессия в Тоскане подобных привилегий не имеет¹⁵.

На фоне формального характера взаимоотношений между государствами можно оценить, сколь резким и радикальным было «фактическое» сближение России и Тосканского герцогства с 1769 г., когда этот регион в связи с войной против Османской империи вошел в орбиту русской внешней политики, оказавшись главным местом дислокации флота российской Архипелагской экспедиции¹⁶. Пиза стала фактической резиденцией командующего экспедицией графа А.Г. Орлова, а вольный порт¹⁷ Ливорно — местом стоянки российских военных и транспортных судов.

* * *

Тосканские власти, не желавшие (подобно многим другим итальянским правительством) ввязываться в конфликт России и Турции, как и следовало ожидать, восприняли приезд А. и Ф. Орловых (вначале под псевдонимом «Острововы») в 1769 г. с настороженностью: в Ливорно и Пизе был установлен тщательный

сканского герцогства и им о таком ливорнских греков прошения и о намерении нашем показать им в том снисхождение знать дать, с тем чтоб они, донеся о том императору, сообщили вам и е<го> в<еличест>ва по тому мнения; а в какой силе намерены мы дать помянутую грамоту, то сочиненный здесь экземпляр при сем к вам посылаем и будем ожидать вашего на сие доношения, особливо же — не окажет ли император затруднения, чтоб такая грамота в Ливорне действительность свою имела» (СБРИО. Т. 57. С. 16–17).

¹⁵ См. реляции Д.М. Голицына из Вены в Петербург от 20 ноября/1 декабря 1764 г.: «Из полученного им ответа видно, что хотя Император удаляется изъяснить свое мнение по этому вопросу, но замечается оказуемое им затруднение. Также из партикулярных разговоров с членами Тосканского правления приметил, что сие дело почитается ими за новое, что прочие в Ливорне других законов церкви никаких протекций посторонних держав не имеют и что греческая церковь там, будучи по данной от Императора, яко герцога Тосканского привилегии построена, независимую состоит ни от кого в отправлении церковной службы, и потому нет причины там живущим грекам опасаться в том помешательства» (Там же. С. 143).

¹⁶ Постоянный представитель России при дворе тосканского герцога появится лишь в 1776 г., им стал граф Деметрио Мочениго (сначала морской генеральный комиссар, с 1783 г. поверенный в делах, с 1785 г. полномочный посланник России, в том же 1785 г. полномочным министром Тосканы в России стал австрийский посланник И. Зедделер) (подробнее см.: Историко-документальный департамент МИД России. Россия и Европа в XVIII в. // <http://www.ln.mid.ru/ns-arch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/12abe461c5805fc343256b06002fb330?OpenDocument>). Список русских посланников в Тоскане см.: ASF, Imperiale e Reale Corte pezzo 2264. О гр. Д. Мочениго см.: Граф Мочениго. Эпизод из Первой турецкой войны при Екатерине II // Русский архив. 1878. № 12. Еще до войны гр. Д. Мочениго имел намерение поступить на русскую службу. Во время войны он оказал России важные услуги: способствовал рекрутированию греков, снабжал А.Г. Орлова картами, лоцманами. Находясь на о. Занте и располагая агентами в Море, Албании, Далмации, на о. Кандия (Крит) и в Тунисе, он информировал Орлова о положении в Средиземноморье.

¹⁷ Екатерина писала Г.А. Спиридову в рескрипте от 15 июля 1769 г.: «Ливорна будучи вольным для всех портом не может натурально и для вас затворена быть, поколику военные эскадры могут участвовать в неограниченной свободе и преимуществах вольного порта. Примером тому множество в последних войнах между Англиею и Франциею. Они могут и вам служить за правило» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1886. С. 371–372). 5 июня 1770 г. схожее сообщение было помещено в рескрипт контр-адмиралу И.Н. Арфу: «Ливорна, будучи вольным для всех портом, не может, натурально, и для вас затворена быть, поколику военные эскадры могут участвовать в неограниченной свободе и преимуществах вольного порта. Уже некоторые корабли Нашей первой эскадры туда приставаеи, и примеров тому множество в последних войнах между Англиею и Франциею; они могут и вам служить за правило» (СБРИО. Т. 1. СПб., 1867. С. 129; см. также рескрипт на имя контр-адмирала С.К. Грейга от 9 октября 1773 г.: СБРИО. Т. 118. СПб., 1904. С. 475).

контроль за передвижениями А. Орлова и его свиты¹⁸. Опасения тосканского правительства суммировались первым министром гр. Орсини де Розенбергом в письме к гр. Кауницу от 27 мая 1769 г. из Флоренции:

«Двое братьев Орловых, московитов, со свитой своих соотечественников, были вынуждены уехать из Венеции по приказу тамошнего правительства, ибо подозревались в найме солдат и художников на службу русскому двору. Они устроились в Пизе, и их многочисленные поездки оттуда в Геную, Livorno, Венецию и в другие места подтвердили подозрение, что они замыслили какую-то громкую интригу. Затем я удостоверился: из последующих разысканий Венецианской республики выходило, что вербовка, осуществляемая братьями Орловыми, имела целью вооружение кораблей против Оттоманской Порты и Рагузы в пользу греков Далмации и Иллирии, преданных и сочувствующих России, и что вооружение это было продолжено в Livorno или в Генуе. И действительно, в Пизе показалось множество греков и славян, по большей части профессиональных моряков, и направлялись все они к Орловым. Многие были затем посланы в Геную на генуэзских судах, в Livorno не были утаены слухи, что они должны снарядить там русский корабль»¹⁹.

Действительно, весной-летом 1769 г. в Тоскане находилось большое количество греков и албанцев (многие из них были подданными Венецианской республики), которые активно готовились к грядущим боевым действиям в Архипелаге и поступали на русскую службу²⁰. В мае того же года губернатор Livorno Ф. Бурбон дель Монте узнал от рагузских купцов, давних союзников Оттоманской Порты, что Орлов через посредство британского консула в Livorno Джона Дика пытается купить для ближайшей кампании английский корабль «Рэчел»

¹⁸ Как отмечал А.Г. Орлов в письме Г.Г. Орлову (1769): «Правду сказать, тяжело мне очень доходит, иногда не знаю куда свою голову приклонить; шпионов превеликое множество во всех местах и во всех портах и за мною очень все примечают и ко мне многие в гости ходят. А флот может на рейде приставать во всех вольных портах и в Livorno по праву вольности, а у доброжелателей маинских есть порты и большие в руках. А я все надеюсь на Бога везде прокопаться; куражу не занимать стало» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 364). См. также: *Pera F. Nuove curiosità livornesi inedite e rare trovate e raccolte da Francesco Pera. Firenze, 1899. P. 332-333.*

¹⁹ «Due fratelli Orloff Moscoviti, con altri loro nazionali di lor compagnia, furono fatti partire da Venezia per ordine di quel governo, come sospetti d'ingaggiar soldati ed artisti in servizio della corte di Russia. Vennero questi a stabilirsi in Pisa, e le frequenti spedizioni che di là facevano a Genova, Livorno, Venezia, ed altrove, confermarono il sospetto che avessero ordinato qualche rumoroso intrigo. Venni dipoi assicurato, che dalle posteriori diligenze usate dalla Repubblica di Venezia per rinvenirlo, risultava che gl'ingaggi fatti dai fratelli Orloff avevano per oggetto l'armamento di bastimenti, per costeggiare contro gli Ottomanni ed i Ragusei, in favore dei Greci Dalmatini ed Illirici, devoti e partecipanti alla Russia; e che tale armamento si sarebbe seguito in Livorno o in Genova. Si son veduti infatti giungere a Pisa molti Greci e Schiavoni di professione, marinari per la maggior parte, e tutti a loro diretti. Molti di loro sono stati mandati a Genova sopra legni Genovesi, e non è stata a Livorno occulta la voce, che dovessero questi equipaggiar là un bastimento Russo» (Ibid. P. 333).

²⁰ *Venturi F. Il Settecento Riformatore. Vol. 3: La prima crisi dell'Antico Regime (1768–1776). Torino, 1979. P. 23–29.* Поток славян и греков в Тоскану не ослабевал в продолжение всего 1769 г. Так, например, утром 20 октября 1769 г. на небольшом судне из Чивита Веккья в Livorno прибыли восемь славян, намеревавшихся поступить на русскую службу: livornские власти воспретили им заходить в город, поэтому они ожидали распоряжений русского начальства вне Livorno (ASV, Inquisitori di Stato. Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli. Livorno, busta 513, донесение венецианского консула в Livorno Ф. Бики от 20 октября 1769 г.). Как следует из депеши Бики от 17 ноября 1769 г., венецианские подданные славянского происхождения по большей части находились в Пизе, в непосредственной близи от Алексея Орлова, что гарантировало их безопасность (ASV, Ibid).

капитана Маккардела. Рагузский консулат в Ливорно, не без оснований опасавшийся захватов собственных судов со стороны русского флота, подал официальную жалобу, а флорентийские власти приказали Бурбону дель Монте всячески препятствовать приобретению судна. Об этом Орсини де Розенберг писал Кауницу в Вену в уже цитировавшемся письме от 27 мая: «Прочие греки и славяне остались в Ливорно, куда прибыло и некоторое количество русских офицеров, не представившихся местному губернатору и не давших отчета о целях своего пребывания; есть веские основания не сомневаться, что они хотят тайно снарядить, сговорившись с английским консулом (Дж. Диком. — *Авт.*), военный корабль той державы „Rachella“, который должен поднять русский флаг, вышедши из этого порта (Ливорно. — *Авт.*)»²¹.

Днем ранее, 26 мая 1769 г., венецианский консул в Ливорно Франческо Бики в своем донесении сообщал, что в этом порту не осталось ни одного корабля, который бы предназначался для русского флота²². 27 мая Орсини де Розенберг поспешил написать флорентийскому представителю в Венеции Доменико Коттини, что необходимо заверить венецианцев: опасности появления в Ливорно нанятых Орловыми судов под русским флагом нет. Законы Ливорно не позволяли оснащения кораблей воюющих держав. Однако если Орловы приобретут в Ливорно торговые суда, с соответствующей данному типу кораблей командой, и отведут их в другие порты для вооружения, препятствовать этому тосканские власти не имеют права, и ответственность в таком случае легла бы на государства, в которых располагаются упомянутые гавани²³. В тот же период из Тосканы были высланы некоторые опасные с точки зрения властей греки, в частности знаменитый в будущем участник Морейской экспедиции Панаиотти Алексиано²⁴.

В несколько иных тонах суть проблемы Розенберг излагал в уже упоминавшемся письме Кауницу от 27 мая. Он отмечал, что Пьетро Леопольдо был вынужден тайно («*occulto*») помешать оснащению судов Орловыми по двум причинам. Во-первых, он стремился защитить интересы собственных подданных, поскольку тосканская торговля с Левантом осуществлялась посредством рагузских судов, которым, как опасались в Ливорно, угрожал русский флот. Во-вторых, действия герцога диктовались необходимостью охранять законы Ливорно, ибо нейтралитет порта способствовал его благополучию. Уступка русским привела бы к изменению баланса сил в регионе и наверняка вызвала бы недовольство других морских держав²⁵. В итоге, писал Розенберг, кораблю «Рэчел» было запрещено покидать рейд Ливорно, а соответствующие лица были предупреждены о последствиях нарушения герцогского распоряжения. Одновременно запрет давал возможность тосканским властям снестись с венским двором и получить инструкции о дальнейших

²¹ «Altri ne sono restati in Livorno, dove sono comparsi alcuni uffiziali Russi, senza essersi presentati a quel governatore, e senza aver dato conto di loro; e dove si ha bastanza motivo per non dubitare, che si volesse segretamente armare in guerra, di concerto col Console Inglese, una nave di quella bandiera detta *Rachella*, la quale avrebbe inalberata la bandiera Russa, sortita che fosse da quel Porto» (*Pera F. Nuove curiosità livornesi inedite e rare trovate e raccolte da Francesco Pera. P. 333*).

²² ASV, Inquisitori di Stato. Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, busta 513.

²³ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

²⁴ *Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé. P. 108–109; Venturi F. Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 33.*

²⁵ *Pera F. Nuove curiosità livornesi inedite e rare trovate e raccolte da Francesco Pera. P. 333.*

действиях (хотя Розенберг и оправдывался перед Кауницем в том, что не мог сообщить ему о происходящем прежде: слишком уж стремительно развивались события). Кроме того, предполагалось известить о происходящем тосканского консула в Ливорно и Оттоманскую Порту (последнее Розенберг оставлял на усмотрение Вены)²⁶. 28 июня 1769 г. Кауниц отвечал Розенбергу, что австрийский посол в Константинополе довел до сведения Порты информацию о событиях в Ливорно, подчеркивая приверженность тосканского герцога идее нейтралитета²⁷. Одновременно австрийский посланник в России И.-М. Лобковиц 11 августа 1769 г. доносил в Вену о том, что в Санкт-Петербурге возникло недовольство действиями А.Г. Орлова в Пизе, связанное с недостаточной их эффективностью²⁸.

Таким образом, позиция великого герцога тосканского Пьетро Леопольдо в отношении русского присутствия в Ливорно и Пизе была двойственной. С одной стороны, он принимал во Флоренции русских офицеров, участвовал в организованных ими праздниках и внешне относился к ним вполне благожелательно и лояльно. Однако, с другой, до 1770 г. он не решался открыто поддержать инициативы Орловых по созданию в его государстве русской военной базы. Постоянно соотнося свои действия с позицией брата, австрийского императора Иосифа II, Пьетро Леопольдо старался создать впечатление собственного нейтралитета: в частности, тосканскому консулу в Рагузе 28 октября 1769 г. была дана инструкция отрицать всякий слух о деятельности в Тоскане русских военных агентов²⁹, схожие разъяснения были даны в конце сентября французскому правительству³⁰.

Еще летом 1769 г. окончательно стало понятно, что Орлову необходимо назначить официального представителя в Тоскане и, по возможности, при других итальянских дворах (за исключением Венеции, где уже действовал к тому времени маркиз П. Маруцци). Рескрипт Екатерины на имя Орлова от 11 августа 1769 г. (по ст. ст.) предоставлял адресату такую возможность³¹. Предполагалось, что Орлов будет выбирать консулов или агентов из числа местных знатных горожан или купцов других земель, «довольствующихся одними для их домов прерогативами, которые сие публичное звание им приносить может, не требуя, впрочем, денежного себе содержания, разве бы иногда для одного или другого из таковых, вами выбранных, особливо какой резон службы вашей комиссии того потребовал...»³². Первым и важнейшим шагом в этом направлении стало пизанское назначение 15 октября 1769 г. (по нов. ст.) англичанина Роберта Разер-

²⁶ Ibid. P. 333–334.

²⁷ Ibid. P. 334. В итоге, впрочем, английский корабль, по слухам, все-таки вышел из Ливорно и сменил флаг на русский. См.: *Ivančević V. Pisa e Livorno nel conflitto russo-raguseo del 1769–1775*. Pisa, 1967. P. 29 (Estratto dal N5–6 — Anno III della «Rassegna periodica di informazioni del Comune di Pisa»).

²⁸ СБРИО. Т. 109. С. 393.

²⁹ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2341.

³⁰ *Pera F. Nuove curiosità livornesi inedite e rare trovate e raccolte da Francesco Pera*. P. 336–337.

³¹ О необходимости иметь «своего» человека в Тоскане А.Г. Орлов писал брату Григорию (1769): «О консулах я прежде писал, они необходимо надобны, а много многих и хороших людей сыскать и здесь из наших единовверных, так не пришлете ли кредитов не вписывая имен, а имена их можно здесь будет вписать и они не будут требовать и жалованья. Также и патенты на корсаров, ибо без порук им давать никак почти нельзя, а консулы надобны в Ливорну, оная тосканского владения, в Анкону папского, в Триест венского, в Порт-Магон английского; если и в другие места рассудится в вольные порты» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 364).

³² СБРИО. Т. 1. С. 22.

форда русским агентом в Тоскане (согласно формулировке патента: «в Ливорно и Тоскане», с жалованьем и деньгами на содержание³³). Разерфорду, рекомендованному Орлову британской дипломатической миссией в герцогстве³⁴, надлежало снабжать русский флот денежными средствами (выступая ответственным посредником между Орловым и банкирами Лондона, Амстердама и Венеции), заниматься закупками продовольствия и оружия, а также выполнять любые поручения императорского военно-морского начальства³⁵.

Деятельность Орлова становилась более интенсивной по мере приближения к Италии первой русской эскадры под командованием адмирала Г.А. Спиридова, что, несомненно, беспокоило тосканское правительство. Данные о прибытии кораблей русского флота в Порт-Магон заставили флорентийские власти вновь подчеркнуть свою приверженность нейтралитету: аббат Р. Никколи, посланник великого герцога в Париже, 22 декабря 1769 г. был проинформирован о передвижениях русских кораблей и стремлении поддержать независимость тосканских портов, прежде всего Ливорно. Как и в инструкциях собственному посланнику в Венеции, тосканские власти вновь подчеркивали, что русский флот, в соответствии с местным законодательством, имеет полное право приобретать в Ливорно припасы, однако Орловым строжайше запретят набирать людей, что будет тщательно контролироваться правительством³⁶.

Впрочем, с первыми существенными успехами русской армии и флота (прежде всего в 1770 г.) отношение тосканских властей к Орлову и его сотрудникам стало более мягким. Русские аристократы не упускали случая угодить тосканской королевской чете³⁷ (подробнее см. об этом гл. 7). Зимой 1770–1771 гг. отношения А. Орлова с местными властями окончательно нормализовались: 9 декабря 1770 г. герцог Пьетро Леопольдо отдал приказ губернатору Ливорно Бурбондель Монте оказывать Орлову всяческую помощь³⁸.

³³ Мы пользуемся копией документа о назначении, которую П. Маруцци послал А.М. Голицыну в письме от 13/24 июня 1770 г. (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 24–24 об.; оригинал по-французски).

³⁴ «Своим другом» назвал Разерфорда Джон Дик, британский консул в Ливорно, в письме к П. Маруцци от 15 июня 1770 г. (цит. по копии, приложенной к письму Маруцци А.М. Голицыну от 13/24 июня 1770 г.: Там же. Л. 26–26 об.; оригинал по-французски).

³⁵ Там же. Л. 24–24 об.

³⁶ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2334.

³⁷ Так, например, 10 марта 1770 г. Орлов приехал во Флоренцию на аудиенцию к тосканской герцогине Марии Людовике, дочери испанского короля Карла III, во время которой он, благодаря за оказанное благоволение, подарил ей кольцо с бриллиантами (GT. 1770. 11. 42; NM. 1770. 21. 167; *Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cessmé. P. 114*).

³⁸ *Ibid.* P. 119. Стабилизация русско-тосканских отношений констатируется, например, в секретной записке С.С. Зиновьеву, новому послу России в Испании, от 19 мая 1771 г.: «О итальянских державах можно вообще объявить, что хотя прежде с ними не было никакого сношения и они о России не имели прямого понятия, но как флоты здешние показались в Средиземное море и военначальники наши приезжали в их порты и другие подданные наши разъехались по всей Италии оказывая себя благопристойным образом, и когда одержаны были над турками великие аванжажи, то и показывалось от них всякое почтение и уважение к здешней нации, особливо же отличился в том великий герцог Тосканский ласковым принятием всех бывших у него здешних начальников и снисхождением в их требованиях касательно службы. Может быть учинил он сие по склонности своей к российскому двору и желает иметь оный двор на своей стороне в случае каких-либо дальнейших его впредь намерений и видов» (СбРИО. Т. 97. СПб., 1896. С. 319–320). Оговоримся, что в течение войны отношения между Алексеем Орловым и Пьетро Леопольдо не всегда были гладкими,

С самого начала пребывания российских военных в Тоскане в задачи А.Г. Орлова входил и поиск возможных ремонтных баз для судов российского флота. Во многом праздничные увеселения, богатые подарки властям и аристократии Тосканы, щедрая благотворительность, сложные дипломатические ходы имели конечной целью обеспечение флота портом, припасами, ремонтной базой. Крайне важным для сотрудничества российского командования в Средиземноморье с властями Тосканы стало разрешение великого герцога использовать для нужд флота главный порт Тосканского архипелага Порто-Феррайо, располагающийся на северном побережье острова Эльба.

Этот порт практически сразу привлек к себе внимание русских военачальников. Испытывая трудности с вербовкой солдат и приобретением кораблей в Ливорно и Генуе летом 1769 г., Орловы решили использовать для военных целей Порто-Феррайо, где к середине августа собрались многочисленные славянские, греческие и итальянские (в частности выходцы из Генуи) моряки. Однако тогда тосканские власти немедленно устроили внутреннее расследование, стремясь воспрепятствовать активным действиям русских агентов на Эльбе³⁹.

Симптомом общего «потепления» во взаимоотношениях русской колонии в Ливорно и тосканских властей после побед 1770 г., стало окончательное откры-

Порто-Феррайо

что первый приписывал влиянию венского двора. Так, Орлов писал Екатерине 25 января 1772 г.: «... между тем главное мое теперь упражнение состоит в том, дабы составленные мною пред сим здесь магазины с разными снарядами и съестными припасами перенести в Левант, а сим средством уповаю я избежать тех затруднений, которые могли бы впредь последовать в случае какой либо холодности герцога тосканского. А как нужно было мне узнать его намерения, то из предосторожности, посредством нашего агента Рутерфурда, сделаны были мною отзвы о снабдении нужными к починке судов вещьми в здешних портах, и на оные получил уже я ответ с таким уверением, что во всем возможном учинено мне будет надлежащее вспоможение, почему из нужных видов и не примечается еще никакой перемены. По ныне же, всемилостивейшая Государыня, не имел я еще случая видеться с герцогом по причине отъезда его из Пизы во Флоренцию, куда сего ж дня отъезжаю и я нарочно, а каков будет мне прием, не премину я впредь В.И.В. всеподданнейшее мое о том учинить доношение» (Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб., 1888. С. 2).

³⁹ 1 августа 1769 г. герцогская канцелярия получила письмо от губернатора Ливорно Бурбона дель Монте о новых подозрениях относительно вооружения судов для российского флота в Порто-Феррайо, аналогичное сообщение поступило 16 сентября (ASF, Segreteria di Gabinetto, pezzo 135, Copie lettere. Elenco delle lettere ricevute e rese, 1769).

тие тосканских портов для российских кораблей. Порто-Феррайо вновь оказался втянут в орбиту военных интересов Орловых из-за своих технических характеристик: доки Порто-Феррайо могли принимать и ремонтировать большие по размеру суда⁴⁰.

Взаимоотношениям Пьетро Леопольдо и русских агентов в его государстве посвящена специальная глава в монографии Адама Вандружки «Leopoldo II»⁴¹. Прежде всего, Вандружка отмечал, что позиция Пьетро Леопольдо была целиком и полностью ориентирована на политику австрийского императора, его родного брата Иосифа II⁴². С началом восстания на Корсике и далее — с прибытием в То-

⁴⁰ Уже в конце 1770 г. в срочном ремонте, как выяснилось, нуждался флагманский корабль «Три Иерарха» (капитан С.К. Грейг), на котором плавал сам Алексей Орлов (см. об этом письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри от 15 декабря 1770 г. (Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 4.: Ottobre 1770 – Dicembre 1771. Milano, 1919. P. 97). Величина «Трех Иерархов» не позволяла производить починку в порту Ливорно, и Орлов получил от великого герцога тосканского специальное разрешение на ремонт в Порто-Феррайо. Это разрешение действовало и в дальнейшем (GT. 1770. 50. 199; NM. 1770. 99. 809; 100. 816; *Donolo L. Il conte Aleksej Orlow e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé*. P. 119). 3/14 января 1771 г. корабль «Три Иерарха» прибыл на Эльбу (GT. 1771. 3. 11; NM. 1771. 6. 47). Контр-адмирал Грейг послал специального офицера к губернатору острова Вильневу с сообщением о своем прибытии. Ремонт еще не начался, а 15 января Вильнев уже дал бал-маскарад в своем дворце, на который были приглашены С.К. Грейг, русские офицеры с «Трех Иерархов», гарнизонные офицеры Порто-Феррайо и местное дворянство (GT. 1771. 7. 27). Согласно ряду сообщений, ремонтные работы в Порто-Феррайо, проводившиеся весной 1771 г., были обширны и весьма недешево обошлись русскому флоту (GT. 1771. 7. 68). 20 февраля и 18 марта 1771 г. (по нов. ст.) в Порто-Феррайо для ремонта прибыли русские фрегаты, соответственно «Слава» и «Венера» (с грузом древесины) (GT. 1771. 13. 51; ASF, Consiglio di Reggenza, pezzo 1026). «Три Иерарха» покинул Порто-Феррайо 14 апреля 1771 г. (GT. 1771. 16. 64; NM. 1771. 32. 252), 4 мая из Порто-Феррайо в Ливорно возвратился и фрегат «Венера», уже готовый к навигации во время будущей кампании (NM. 1771. 38. 301). Суда, стоявшие на ремонте в Порто-Феррайо, продолжали возвращаться в Ливорно в течение мая 1771 г. (GT. 1771. 22. 87–88; NM. 1771. 42. 331–332; 45. 357), а также июня: 27 или 28 июня из Порто-Феррайо в Ливорно прибыли два русских фрегата — «Минерва» капитана Роберта Дугдаля и «Архипелаг» капитана Кореля, которые были помещены в карантин (GT. 1771. 27. 108; NM. 1771. 54. 429). В 1772 г. на верфях Порто-Феррайо вновь ремонтировали «Трех Иерархов» (А.Г. Орлов доносил Екатерине 25 января 1772 г.: «По нескольких днях корабль *Трех Иерархов* отправится из Ливорнской рейды в порт называемый Феррайо, дабы тамо нужною исправиться починкою, а как командующий сим кораблем контр-адмирал Грейг остается без всякого упражнения, то и отправляю я его к высочайшему В.И.В. двору с сею всеподданнейшею моею реляцією...» (Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 2), а также фрегат «Наксия». После морских операций 1771 г. и возвращения в Тоскану, утром 12 февраля 1772 г. судно отправилось на Эльбу, где предстояли работы по приведению корабля в боеспособное состояние (GT. 1772. 7. 25, 28; 8. 31; NM. 1772. 10. 79; 13. 103; 22. 171). Так, около 26 февраля в Ливорно прибыл с Пароса корабль «Святой Георгий» (GT. 1772. 9. 36; NM. 1772. 17. 234), а 7 марта утром фрегат «Минерва» отплыл в обратном направлении (NM. 1772. 21. 166). Тем временем, пока продолжались ремонтные работы на «Трех Иерархах», а Алексей Орлов курсировал между Пизой и Ливорно, 31 марта 1772 г., в Ливорно с острова Парос вернулся русский фрегат «Наксия» (GT. 1772. 14. 56). Ремонт «Трех Иерархов» в 1772 г. затянулся, но отбыв после многомесячного ремонта, корабль «Трех Иерархов» вынужден был остановиться на Сицилии в Мессине для ремонта одной из мачт (NM. 1772. 100. 821; 1773. 11. 87–88; 26. 207; GT. 1773. 6. 23). Порто-Феррайо являлся одной из итальянских баз русского флота и позже. Так, А.Г. Орлов писал Екатерине из Пизы 28 сентября 1774 г.: «...на первый случай назначены для удержания карантина Порт-Магон, в здешнем же тосканском владении Порт-Ферая и ливорнская рейда, и во оных, снабдя все корабли нужным и починяя оные, стану стараться к отправлению до Ревеля и Кронштадта...» (Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 25).

⁴¹ Немецкоязычное первое издание книги вышло в 1964 г. в Мюнхене и Вене, итальянский перевод, на который мы и будем ссылаться, появился в 1968 г. во Флоренции под названием: «Pietro Leopoldo. Un grande riformatore».

⁴² См. также донесение А.Г. Орлова Екатерине из Пизы от 25 января 1772 г.: «Отъехал 28 числа ноября из Архипелага в Ливорну, дабы тамо узнать мысли и намерения тосканского герцога столь близкого по крови венскому двору свойственника, который при том советы и наставления бурбон-

скану российского флота, братьев Орловых и их многочисленной свиты Пьетро Леопольдо самостоятельно и с большим энтузиазмом занялся сбором информации о намерениях и передвижениях русских агентов в Тоскане, которую он затем — в личных письмах на имя Иосифа II и Марии Терезии — пересылал в Вену. В частности, он уведомлял австрийского императора об исходе морских операций в Архипелаге, о деталях Чесменской битвы, об участии греческих повстанцев в столкновениях с турками. Рвение, с которым тосканский герцог собирал сведения о русско-турецкой войне, Вандружка объяснял следующими причинами: во-первых, всегда сильным в Пьетро Леопольдо чувством семейного единства, диктовавшим необходимость соотносить свою деятельность с внешнеполитическими проектами матери и брата, во-вторых, желанием принять самое активное участие (непропорционально большое, учитывая не самый высокий статус Великого герцогства Тосканского) в важнейших для Европы событиях, даже если его миссия касалась лишь сбора необходимых сведений и, по сути, была консультативной; в-третьих, Пьетро Леопольдо не мог не задумываться о том, что его брат бездетен, и именно тосканскому герцогу (или его детям) рано или поздно предстоит занять австрийский трон; наконец, в-четвертых, деятельность по накоплению информации полностью соответствовала его склонности к «наукообразному» ведению политики⁴³.

Наиболее активная фаза деятельности Пьетро Леопольдо по изучению нравов русской колонии в Тоскане началась зимой 1770–1771 гг., когда по возвращении из Вены герцог вместе с двором находился в Пизе. В письмах матери и брату Пьетро Леопольдо подробно описывал состояние вернувшегося из Архипелага русского флота, характеризовал поведение русских офицеров и корабельных команд, писал о взаимоотношениях подданных Екатерины II с иностранцами, находившимися на русской службе (англичанами, немцами, итальянцами, скандинавами), входил в детали морских сражений лета 1770 г. и попыток поднять масштабное восстание христиан (греков, черногорцев) против турок. Особое внимание герцог уделял столь важным для Вены намекам на военные планы русской эскадры на будущий 1771-й год⁴⁴.

Император Леопольд II

ского дома почитая для себя законами, конечно примет участие в помянутом вооружении (вооружение венского двора, по дошедшим до Орлова слухам. — *Авт.*), буде бы оно клонилось к учинению диверсии победоносным Е.И.В. армиям, а в таком случае и находящийся в левантских морях российский флот мог бы лишиться всех тех выгод, каковы имеет он ныне в портах тосканского владения, где военные наши суда разною исправляются починкою, получая всякие снаряды и съестные припасы» (Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 2).

⁴³ *Wandruszka A. Pietro Leopoldo. Un grande riformatore. Firenze, 1968. P. 205.*

⁴⁴ *Ibid. P. 303.*

Начиная с декабря 1770 г. Иосиф II просил Пьетро Леопольдо информировать его о встречах герцога с братьями Орловыми. Австрийский император писал брату 17 декабря 1770 г.: «Прибытие Орловых будет весьма интересно, ты сможешь оказать нам большую услугу, если тебе удастся узнать от них или, лучше, от их подчиненных и иностранцев на службе русского флота, в каком состоянии он находится, что можно ожидать в будущем от его операций и куда флот направится в следующей военной кампании»⁴⁵.

Как считал Вандружка, выполнение братского задания требовало от Пьетро Леопольдо определенных усилий. Хотя Алексей Орлов сам и во всех подробностях рассказывал герцогу о Чесменской битве и других морских операциях русского флота (письмо Пьетро Леопольдо Иосифу от 5 января 1771 г.)⁴⁶, значительная доля информации, в частности о будущих маршрутах эскадры, оставалась для Пьетро Леопольдо закрытой.

Великий герцог тосканский был вынужден установить тайные сношения с кавалером Мальтийского ордена графом Д.Д.М. де Мазеном (де Мазином), который, как уже отмечалось, без разрешения магистра Мальтийского ордена снарядил корабль и отправился в Архипелаг, примкнув к российской экспедиции⁴⁷. Мазен оказался в Ливорно уже в конце 1770 г., пробыв на островах всего несколько недель. Вероятно, он вернулся из Архипелага вместе с А.Г. Орловым⁴⁸ и во время одного из придворных маскарадов в Пизе в длительной беседе с великим герцогом поведал тому о многочисленных проблемах русского флота. Кроме того, Мазен поделился с Пьетро Леопольдо своими мыслями о том, как следует Австрии строить ее балканскую политику, исходя из перспективы раздела европейской части Турции и возникновения на ее месте небольших автономных государств. Мазен говорил герцогу, что по пути в Петербург, куда он направлялся курьером, ему хотелось бы изложить свои взгляды Марии Терезии и Иосифу II, прося посредничества Пьетро Леопольдо. Герцог следующим образом описывал Мазена в письме к брату:

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Рассказы Орлова также мотивировались необходимостью рассеивать слухи, циркулировавшие в Италии вокруг деталей морских сражений в Эгейском море. Так, Орлов писал 21 декабря 1770 г. советнику российского посольства в Париже Н.К. Хотинскому: «По прибытии моем на ливорнскую рейду в последних числах прошедшего ноября месяца, нашел я уже итальянские берега наполнены разными слухами о причине отъезду моего из Архипелага. Недоброхоты наши, будучи чувствительно тронуты благополучными российским оружием, как на сухом пути, так и на море, успехами, единственно по зависти только стараются злостные в народах рассеять вести и вносить оные в публичные газеты, толкуя несправедливо, будто бы отъезду моему из Леванта причиною было разбитие наших войск от неприятеля в острове Лемносе, и что потеряние и сожжение нескольких при том кораблей принудило меня оставить сей остров и весь Левант и удалиться с остатками флота в Италию. Ничего не может быть ложнее сих злобных вымыслов, ибо отъезд мой последовал единственно по причине болезни как моей, так и брата моего, который принужден остаться в Мессине, не доехав до Италии...» (СБРИО. Т. 1. С. 66).

⁴⁷ О графе де Мазене см. также гл. 3.

⁴⁸ GT. 1771. 1. 3; NM. 1771. 2. 15; донесение сардинского посланника в Тоскане Б. ди Замоне от 7 января 1771 г. (AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2). В дальнейшем, благодаря покровительству Орловых авантюрист Мазен сделал карьеру в Петербурге. См. о нем депешу прусского посланника в России гр. В.Ф. фон Сольмса Фридриху II от 31 января (11 февраля) 1774 г.: «Это некий гр. Мазини, итальянец, кавалер Мальтийского ордена, который, благодаря покровительству братьев Орловых, достиг здесь звания контр-адмирала и начальника галер; он же был назначен в прошлом году для командования над ними, против шведов, если бы представилась к тому надобность; но, как недавно теперь обнаружено, он тогда же принял на себя обязательство перед французским и испанским министрами погубить эту экспедицию своим отступлением» (СБРИО. Т. 72. СПб., 1891. С. 477; оригинал по-французски).

«Это очень умный человек, полный огня и жизни, но при этом — горячая голова, в которой роятся самые невероятные проекты, отважен и преисполнен фантазиями, очень большой интриган, амбициозный и талантливый... Я убежден, что во многом он фантазирует, но в его рассуждениях могут быть заключены разумные идеи» (из письма от 21 января 1771 г.). Пьетро Леопольдо ничего Мазену не обещал, однако написал обо всем брату и ждал его инструкций⁴⁹.

Вслед за первым разговором между тосканским герцогом и Мазеном состоялся и второй — на пизанских термальных водах, куда герцог пригласил Мазена посредством одного из мальтийцев на тосканской службе. Мазен в деталях рассказал Пьетро Леопольдо о собственных взглядах на австрийскую политику. В итоге, герцог отрекомендовал Мазена в последующем письме брату (от 4 февраля 1771 г.) как человека, услугами которого «можно воспользоваться», но которому «нельзя доверять». Между тем, план венского свидания Мазена с австрийским императором провалился сам собой: Мазен отправился в Петербург вместе с братьями Орловыми⁵⁰, проследовав в Россию не через Вену, а через Аугсбург⁵¹. Несколько недель спустя Иосиф писал брату об их едином с Марией Терезией и Кауницем убеждении: Мазен должен был действовать в согласии с Алексеем Орловым, стремившимся узнать нечто большее о внешнеполитических планах Вены (письмо без даты). Пьетро Леопольдо согласился с мнением родственников (письмо к Иосифу II от 1 марта 1771 г.)⁵².

Как заметил Вандружка, общая оценка силы русской армии и флота, основанная на разговорах Пьетро Леопольдо с Мазеном, другими офицерами и секретарем А.Г. Орлова Иваном Миловским («Miluschky o Miluschka»), была отрицательной. Однако, несмотря на негативное мнение о русской военной мощи, тосканский герцог в письме от 4 февраля 1771 г. настойчиво отговаривал брата от вступления Австрии в войну против России (особенно в свете ненадежной позиции Пруссии). Именно поэтому, писал Вандружка, Пьетро Леопольдо должен был положительно воспринять полученное из Вены известие (отправленное 31 января 1771 г.) о нейтралитете Австрии и взятии ею на себя лишь посреднических функций⁵³.

Вскоре после этого, 7 февраля 1771 г., Иосиф напрямую попросил брата о перлюстрации (любым удобным способом) писем Алексея Орлова. Критическая ситуация требовала решительных мер, ответственность за просмотр русской корреспонденции австрийский император брал на себя. Соответственно, в задачи Пьетро Леопольдо входило найти людей, близких к Орлову и способных быстро

⁴⁹ *Wandruszka A. Pietro Leopoldo. Un grande riformatore. P. 303–305.*

⁵⁰ Еще 20 января 1771 г. Екатерина подписала рескрипт на имя А.Г. Орлова: «Уведомясь, из полученных ныне от вас известий, о желании мальтийского кавалера Мазеня вступить в морскую Нашу службу, соизволяем Мы, чтобы вы приняли его в оную таким чином, каким вы найдете его способным, даже до капитанского» (СБРИО. Т. 1. С. 65).

⁵¹ В ночь с 17 на 18 февраля 1771 г. Орлов и Мазен приехали из Пизы во Флоренцию, а затем — 20 февраля — отбыли в Россию (ГТ. 1771. 8. 30–31), где, как свидетельствовал австрийский посланник И.-М. Любковиц, Мазен был принят весьма благосклонно (СБРИО. Т. 109. С. 529; депеша от 3 мая 1771 г.).

⁵² *Wandruszka A. Pietro Leopoldo. Un grande riformatore. P. 305–306.* Иосиф II, одобряя действия Пьетро Леопольдо в отношении Мазена, писал брату 31 января 1771 г., что Мазен мог испросить аудиенции императора или встретиться с графом Кауницем. План Мазена, заключающийся в получении Австрией Сербии после окончания войны и падения Османской империи, в Вене одобрен не был: император и его советники считали такое территориальное присоединение недостаточным (Ibid. P. 305).

⁵³ Ibid.

копировать его депеши. Тосканский герцог в ответном письме от 17 февраля 1771 г. уведомлял брата о невозможности в настоящий момент осуществить перлюстрацию. Впрочем, как замечал Пьетро Леопольдо, А. Орлов осведомлен о намерениях русской императрицы еще менее самого него, герцога. Корреспонденция А.Г. Орлова не отличалась большим объемом: за два месяца он лишь однажды написал Екатерине, и, по-видимому, это письмо было перлюстрировано Пьетро Леопольдо. Суть послания Орлова сводилась к констатации его хорошего самочувствия, а об остальном он обещал рассказать Екатерине при грядущей встрече в Петербурге. Тосканский герцог уверял брата, что ему удастся собрать необходимую информацию о русском флоте и в период отсутствия Орлова в Пизе⁵⁴.

Как показывают документы государственного архива Флоренции, Пьетро Леопольдо пользовался услугами нескольких тайных агентов, в задачи которых входило наблюдение не только за русскими офицерами, но и за самой местной администрацией. Однако никаких существенных военных тайн российских военных, судя по всему, тосканскому правительству раздобыть для Вены не удалось.

Одним из информаторов тосканского правительства был некий Винченцо Мартини, действовавший в Порто-Феррайо⁵⁵. Сохранились его депеши главе флорентийского государственного совета Франческо Симинетти. Миссия Мартини была секретной, как он сам писал 20 мая 1771 г. («In esecuzione de' venerati comandi di V.E. con tutta la segretezza»). Он рассказывал, что перед отплытием из Порто-Феррайо команда одного из русских кораблей принесла благодарность великому герцогу тосканскому и его представителям на Эльбе за оказанные услуги по ремонту судна. Однако при выходе корабля из порта произошла заминка: губернатор Вильнев был извещен собственным адъютантом о готовящемся прощальном залпе русских орудий и, следовательно, необходимости ответных ритуальных выстрелов, слишком поздно (по версии Вильнева), отчего приказ о взаимном приветствии дан не был, а адъютант был уволен со службы.

Мартини, анализируя конфликт, замечал, что ситуация является результатом плохих отношений между губернатором и русскими офицерами, находившимися на Эльбе. В частности, Мартини информировал Симинетти о неудовольствии подданных императрицы обхождением Вильнева, о чем капитаны русских судов прямо сообщали местным дворянам, в частности самому Мартини. Последний взял на себя смелость уладить конфликт между губернатором и русской колонией, регулярно приглашая всех на совместные обеды. Тем самым, как предполагал Мартини, он оказал важную услугу Пьетро Леопольдо, поскольку статус русских офицеров (особенно в свете их огромных финансовых трат на Эльбе) был чрезвычайно высок. Кроме того, Мартини прозрачно намекал на необходимость замены Вильнева со ссылкой на плохое состояние его здоровья и связанную с этим nepзпозволительную для его положения забывчивость⁵⁶.

Пьетро Леопольдо продолжал выполнять функции радушного хозяина для А.Г. Орлова и его окружения, одновременно высокопоставленного дипломати-

⁵⁴ Ibid. P. 305–306. В письме от 14 февраля 1771 г. Иосиф замечал брату: «Как мы были бы счастливы, если все наши дипломаты были бы настолько точны и внимательны, как ты» (Ibid. P. 306).

⁵⁵ К сожалению, нам осталось неизвестным, кем именно был Мартини, т.е. входил ли он в число тосканских чиновников, служащих на острове Эльба и т.п.

⁵⁶ ASF, Consiglio di Reggenza, pezzo 1026.

ческого агента Вены в Тоскане вплоть до заключения Кючук-Кайнарджийского мира (21 июля 1774 г.). Как отмечал Вандружка, по своему содержанию письма тосканского герцога были весьма разнообразны. Так, он приводил брату не только данные о русском флоте, но и описывал, например, представление со взрывом ветхого корабля, организованное Орловым для художника Филиппа Хаккерта⁵⁷. По мнению Вандружки, одним из самых сложных моментов в истории взаимоотношений Пьетро Леопольдо и Алексея Орлова стали незаконные, с точки зрения тосканского права, действия при похищении княжны Елизаветы Таракановой весной 1775 г. Так, тосканский герцог писал матери в Вену (предположительно в мае 1775 г.): «во всей этой истории он (А.Г. Орлов. — *Авт.*) мог бы избежать огласки и вести себя более пристойно»⁵⁸. Тень от несправедливых, по мнению многих современников-итальянцев, действий Орлова легла на знавшего обо всем, но не воспрепятствовавшего насилию тосканского правителя⁵⁹.

Но, в общем, можно констатировать, что внешне всегда доброжелательный прием русских офицеров в Тоскане был полезен как братьям Орловым, так и Пьетро Леопольдо. Первым удалось найти военную базу в Италии и надолго закрепиться в этом регионе. Тосканский герцог, со своей стороны, имел возможность получать «из первых рук» информацию о состоянии русского флота и намерениях его начальников, оказать услуги венскому двору и играть важную роль в международной европейской политике того времени.

ВЕНЕЦИЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ОДНОСТОРОННИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ВЕНЕЦИИ. ПАНО МАРУЦЦИ (1720–1790)

Дипломатические контакты между Россией и Венецией фиксируются начиная с XV в., активно развиваются в веке XVII-м⁶⁰ и заметно интенсифицируются в правление Петра I⁶¹, который в 1711 г. назначил в республику своего консульского агента Дм. Боциса. Предполагалось, что деятельность русского представителя будет нацелена на создание благоприятных условий для зарождавшейся русско-венецианской торговли. Кроме того, в апреле 1711 г. в Венеции побывал русский посол в Вене барон И.Х. Урбих и провел переговоры с дожем Дж. Карнаро, результатом которых стало приглашение русских купцов торговать в венецианских владениях и основание в городе первого русского торгового консульства во главе (с 1712 г.) с итальянцем на русской службе М. Каретта⁶². В ответ Венеция

⁵⁷ Wandruszka A. Pietro Leopoldo. Un grande riformatore. P. 306.

⁵⁸ Цит. по: Ibid. P. 308. При том что, как считал Вандружка, Пьетро Леопольдо не верил в высокое происхождение Таракановой (Ibid).

⁵⁹ Ibid. P. 308–309.

⁶⁰ Подробнее см.: Longworth Ph. Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. Vol. 64 (1986). № 3. P. 380–400 (там же см. библиографию).

⁶¹ Об этом см. гл. 1, а также список (впрочем, неполный) документов Государственного архива Венеции, связанных с историей русско-венецианских связей в XVIII в., Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. P. 48.

⁶² Об этом см. гл. 1, а также: Комиссаренко А.И., Шаркова И.С. К истории русско-итальянской торговли в 40–50-х годах XVIII в. // Исторические записки. Т. 98 (1977). С. 313–314.

Вид Венеции (ксилография)

убедившими республиканский Сенат в «великой пользе от непосредственной с Российской империей торговли». В 1748 г. венецианский посол в Париже Ф.Л. Морозини высказал российскому министру Г.И. Гроссу «желание республики своей о постановлении с Россиею трактата коммерции». Гроссу, в свою очередь, «веле-но было оказать всякую готовность и склонность, с таким внушением, чтоб для того венецианская республика прислала к здешнему двору своего министра, во взаимство чего и отсюда обещано министра к республике отправить». В 1749 г. венецианский посол в Лондоне Бузинелло сделал еще одно схожее предложение российскому представителю в Англии графу П.Г. Чернышеву, «чрез которого равномерно ж оказана здешняя готовность к поспешествованию доброй с республикою корреспонденции и к отправлению к республике отсюда министра, если она своего пришлет; но все то оставалось при одних только изъяснениях между министрами, и со стороны республики никакого больше поступка учинено не было по 1755 год»⁶⁴.

23 ноября 1755 г. венецианский купец Анастасий Сиати, с ведома республиканских властей, подал в Коллегию иностранных дел мемориал, в котором объ-

также определила свое доверенное лицо в Петербурге — им стал секретарь Капелло. Дело, впрочем, ограничилось несколькими временными назначениями, лишь в 1715 г. русский двор избрал нового торгового представителя при венецианском сенате — П.И. Беклемишева, Венеция также должна была предпринять соответствующие шаги, однако смерть Петра на время прервала возникшие контакты⁶³.

Новые попытки установления торговых и дипломатических связей между Россией и Венецией относятся к середине XVIII в.: к 1748 и 1755 гг. Обе эти попытки связаны с прибытием в Санкт-Петербург венецианских кораблей (первый из них — «Леокоронато» под командой Петра Смехиа — добрался до Петербурга в конце 1747 г.) и успешными торговыми операциями итальянских купцов в России,

⁶³ См.: Seneca F. Francesco Lorenzo Morosini e un fallito progetto di accordo veneto-russo // Archivio Veneto. № 106 (1963). P. 19–20.

⁶⁴ Доклад коллегии иностранных дел Екатерине II, подписанный Н.И. Паниным и А.М. Голицыным, от 31 августа 1767 г. // СБРИО. Т. 67. СПб., 1889. С. 448–449.

являлось «о готовности венецианского магистрата к восстановлению с Россией коммерции»⁶⁵. В 1756 г. Коллегия передала Сиати ответную записку, «в которой объявлено, что здесь не было никогда запрещения венецианскому купечеству товары свои к российским портам привозить и здешние брать, как то и подданные других европейских государств делают, и требовано при том от него известия, на каком основании венециане желают производить коммерцию с здешнею империею, — равно и как прочие европейские купцы оную производят, или с какою отменю и преимуществом, и в чем бы именно оное состояло»⁶⁶. Переговоры не продвинулись далее и были заморожены в связи с начавшейся Семилетней войной. Ситуация оставалась неизменной до 1761 г., когда венецианские посланники в Париже, Гааге и Лондоне стали обращаться к российским дипломатам с новым предложением о заключении «трактата коммерции». На это им было объявлено, что успех предприятия прежде всего зависит от самой венецианской республики, которой следует положить тому «начало присылкою сюда министра».

В 1762 г. переговоры возобновились в Лондоне, при посредничестве русского посланника в Англии А.Р. Воронцова (а до него — графа Г.К. Кайзерлинга) и венецианскими дипломатами Томмазо Кверини и Франческо Лоренцо Морозини (затем — Андреа Троном), которые должны были сообщить петербургскому кабинету условия предложенного венецианцами торгового договора. Однако содержание составленного в 1762 г. проекта не удовлетворило Екатерину, главным образом, по двум причинам: во-первых, вопреки условиям мирного договора 1718 г. между Венецией и Османской Портой, согласно которому только турки имели право навигации по Черному морю, в проекте договора венецианская сторона предложила русскому правительству самостоятельно договориться с Турцией о проходе судов в Черное море. Во-вторых, обе стороны чувствовали необходимость перенести переговоры из Лондона, однако радикально расходились во мнении о месте будущих встреч: Венеция, опасаясь протестов Порты, предлагала установить контакт посредством русского и венецианского посланников в Вене, Россия настаивала на взаимном обмене полномочными представителями и на переговорах в Петербурге, что было неприемлемо для Венеции (опять-таки из-за предсказуемо негативной реакции Порты)⁶⁷.

В первой половине 1760-х гг. обсуждение торгового трактата между Россией и Венецией время от времени возобновлялось (на сей раз через русского посла в Вене Д.М. Голицына⁶⁸, которому соответствующие предложения делал венецианский посланник при венском дворе Паоло Реньер⁶⁹). Эти переговоры были

⁶⁵ Комисаренко А.И., Шаркова И.С. К истории русско-итальянской торговли в 40–50-х годах XVIII в. С. 323–324.

⁶⁶ Доклад коллегии иностранных дел Екатерине II от 31 августа 1767 г. (СБРИО. Т. 67. С. 449).

⁶⁷ Там же. См. также сведения о позиции Венеции (АВПРИ. Ф. 41/3. Д. 14) в 1 гл. настоящей работы.

⁶⁸ О нем см. гл. 1. примеч. 106.

⁶⁹ Кроме того, Д.М. Голицын сообщал из Вены 29 июля (9 августа) 1766 г.: «Пред некоторым временем писал ко мне находящийся в Ливорне С.-Петербургской компании фактор Пономарев, что к нему из Венеции тамошний купец Ронцони сам собою отозвался письмом, в котором дал ему знать, что если двор наш согласится присылать к венецианскому порту один или несколько кораблей с российскими продуктами и в возвратный путь брать оттуда тамошние собственные и привозные товары, то он, Ронцони, может от венецианского правления исходатайствовать некоторые в пошлинах выгоды, и что он имел о том разговор с некоторыми венецианскими дворянами, имеющими участие в самых важнейших делах республики». Голицын отвечал Пономареву, что следует поблагодарить Ронцони в

прежде всего ориентированы на регламентацию торговых сношений в Черном море. С середины 1760-х гг. во взаимоотношениях Венеции и России постепенно начала превалировать средиземноморская тема: петербургский двор ощущал необходимость заручиться поддержкой Сената на случай обострения отношений с Турцией. Однако никаких конкретных шагов в этом направлении до 1768 г. не предпринималось⁷⁰. Неудачный исход переговоров о трактате интерпретировался в Петербурге и Венеции по-разному. Екатерина считала, что венецианцы стремятся полностью переложить ответственность за политические последствия договора (прежде всего в связи с устойчивой оппозицией Турции русско-венецианскому сближению) на Россию. Как следует из приводимых историком Ф. Сенекой документов, венецианский Сенат считал существующие отношения между республикой и Османской Портой «объективными», а потому обмен посланниками между Россией и Венецией нарушил бы строгий нейтралитет, которого придерживалась последняя⁷¹.

Во второй половине XVIII в. место Венеции в международной политике не было столь значительным, как в предыдущие столетия: республика оказалась включенной в орбиты влияния своих более мощных соседей, прежде всего империи Габсбургов⁷². Как мы увидим, именно австрийский канцлер граф В.А.Д. Кауниц будет определять позицию Венеции в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.⁷³ Центром русско-венецианских переговоров становится Вена, а основным ее двигателем — Д.М. Голицын, являвшийся как основным источником информации о намерениях русской императрицы, так и интерпретатором ее воли.

В своей позиции по русско-венецианским отношениям Вена руководствовалась, разумеется, соображениями собственной выгоды — и это в полной мере проявилось в годы русско-турецкой войны. Стремясь сохранить своеобразный баланс сил, формально нейтральная Австрия положительно смотрела на действия русского флота в Архипелаге⁷⁴, так как успехи братьев Орловых в Среди-

частном письме, однако имени Голицына не упоминать. Русский посланник в Вене считал, что предложения Ронцони принять сложно, но сведения, им сообщаемые, не лишены любопытства: так, в своих письмах Ронцони описывал, по какой цене продаются в Венеции разные российские товары, давал понятие о тамошних весах, мерах и о ходячей монете (СБРИО. Т. 67. С. 65–66).

⁷⁰ *Seneca F. Francesco Lorenzo Morosini e un fallito progetto di accordo veneto-russo*. P. 21–24, 29–30. Неудачи в установлении регулярных торговых контактов между Россией и Венецией в этот период А.И. Комиссаренко и И.С. Шаркова объясняют следующими факторами: дальностью расстояния между двумя государствами, отсутствием свободы плавания в черноморских проливах, неразвитостью русского торгового флота, косностью русского купечества, конкуренцией английских и голландских купцов — главных посредников в торговле между Россией и Италией (*Комиссаренко А.И., Шаркова И.С. К истории русско-итальянской торговли в 40–50-х годах XVIII в. С. 325*).

⁷¹ Характерно, что сам Сенека также был убежден в исторической правоте венецианского Сената (Ibid. P. 40–41). О деталях истории см.: реляцию Д.М. Голицына из Вены от 29 апреля (10 мая) 1766 г. (СБРИО. Т. 57. С. 525–527), рескрипт № 4 Д.М. Голицыну в Вену от 30 июня 1766 г. (СБРИО. Т. 67. С. 8–9).

⁷² Подробнее см.: *Cessi R. Storia della Repubblica di Venezia*. Firenze, 1981. P. 672–680, 691.

⁷³ Оба венецианских посла в Вене в период Первой русско-турецкой войны — Реньер и Градениго — были особенно близки к Кауницу. См.: *Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770 // Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti*. T. LXXIV. P. II. Venezia, 1914–1915. P. 1578. См. также: *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 44.

⁷⁴ В дальнейшем, благосклонный прием русских кораблей в Ливорно объяснялся, кроме прочего, династической принадлежностью герцога Пьетро Леопольдо к Габсбургам. Триест, входивший в австрийскую империю, также принимал русские суда, см.: *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71 // Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti*. T. LXXII. P. II. Venezia, 1912–1913. P. 1151.

земноморье вредили не Австрии, а гегемонии Франции, Испании и Венеции в этом регионе. При этом Вена негативно реагировала на продвижение русских сухопутных войск в Польше и вдоль берегов Дуная: исход сражений на суше вблизи от границ империи прямо касался Австрии⁷⁵.

Двойственная политика Вены позволяла России надеяться на поддержку Венеции в морском конфликте с Турцией, однако лишь в определенной мере: деятельность русских дипломатов в Венеции в 1768–1775 гг., связанная в первую очередь с именами маркиза Пано Маруцци и князя Д.М. Голицына, заключалась в постоянных попытках заставить Венецию вести самостоятельную игру, убеждая ее в уникальности текущего исторического момента для ее эмансипации от Австрии. Со своей стороны, венский двор активно противодействовал этим попыткам, предпочитая быть посредником в венецианской внешней политике⁷⁶.

Как отмечалось, решающие изменения в русско-венецианских отношениях произошли в 1768 г. и были связаны с деятельностью Пано Маруцци⁷⁷: 10 марта этого года по нов. ст. Екатерина II в одностороннем порядке назначила его поверенным в российских делах в Венеции, а также при дворах других итальянских государств («chargé des Affaires de Notre Cour auprès de la Serenis. <si>me République de Venise et Autres Puissances d'Italie»⁷⁸). Маруцци был подданным венецианской республики, при этом он в 1760-е гг. нередко бывал в России и, благодаря семейным связям, выполнял функции посредника при приобретении русскими вельможами предметов искусства в Италии⁷⁹. Его семья давно обосновалась в

⁷⁵ См. донесение П. Реньера из Вены в Венецию от 30 декабря 1769 г.: *Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770*. P. 1579–1580. См. также: *Wandruszka A. Pietro Leopoldo. Un grande riformatore*. P. 303; *Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775*. М., 1995. С. 353.

⁷⁶ *Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770*. P. 1575–1576, 1582–1583.

⁷⁷ О П. Маруцци см. также главу 1. В сентябре 1770 г. Маруцци утверждал, что вот уже семь лет (т.е. с 1763 г.) он старался склонить влиятельнейшего венецианского политика Андреа Трона к поддержке действий по установлению официальных дипломатических отношений с Россией — прежде всего, на основе общих коммерческих интересов в Черном море (об этих переговорах выше уже говорилось, но это может свидетельствовать и о том, что Маруцци был втянут в орбиту российской политики еще в первые годы екатерининского правления). По данным Историко-документального департамента МИД России, в 1768 г. Маруцци также занимал должность поверенного в делах России на Мальте (Россия и Европа в XVIII в. // <http://www.ln.mid.ru/nsarch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/12abe461c5805fc343256b06002fb330?OpenDocument>).

⁷⁸ *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 44–45. См. также: *Malagola C. L'istituzione della rappresentanza diplomatica di Venezia alla corte di Pietroburgo e una relazione sulla marina russa sotto Caterina II*. Venezia, 1906. P. 9–10. См. также материалы АВПРИ по назначению Маруцци российским поверенным в гл.1.

⁷⁹ Подробнее см.: *Maltezou C. Greci di Venezia al servizio della Russia nel Settecento // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников*. М., 2009. С. 167–173. В 1766–1768 гг. Маруцци способствовал переговорам Екатерины с Чезаре Беккариа о поездке последнего в Петербург. См., например: *Cantù C. Beccaria e il diritto penale*. Firenze, 1862. P. 167; СБРИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 184–185 (письмо Екатерины И.П. Елагину 1767 г., письмо Маруцци к Елагину от 21 мая 1767 г.); *Cizova T. Beccaria in Russia // The Slavonic and East European Review*. Vol. 40. № 95 (1962). P. 384–408; и др. Маруцци получал заказы на приобретение предметов искусства от Екатерины II (так, императрица писала И.П. Елагину: «Перфильевич, можно ли без Маруцциа достать, открывать и смотреть привезенные картины? Мы еще вчера любопытствовали» (СБРИО. Т. 10. С. 255), речь идет о восьми картинах, деньги за которые были уплачены в октябре 1767 г.: Паоло Веронезе. Христос Спаситель, от Пилада пред народ изведенный; Паоло Веронезе. Младенец Моисей, на струях реки Нила несомый; Андреа Скьявони. Царица сабатская, приносящая дары царю Соломону; Тинторетто. Христос, представленный чрез народ Пиладом; Якопо Бассано. Сон Навухо-

Венеции и успешно занималась торговлей: лояльность русской императрицы, талант опытного финансиста и устойчивая семейная репутация в Венеции обеспечили Маруцци должность поверенного⁸⁰. Исключительность этого назначения состояла в том, что Екатерина как бы не принимала в расчет ответные дипломатические шаги республики, ей было важно лишь иметь накануне войны собственного посланника в Италии (венецианский консул в Петербурге появится лишь в 1780-е гг., а информацию о происходящем при русском дворе венецианцы получали из донесений своих посланников в Вене, Берлине, Мадриде, Париже, Лондоне, Ливорно, Константинополе⁸¹). Императрица, а вместе с ней подписавшие обращение к венецианским властям Н.И. Панин и А.М. Голицын, просили венецианский Сенат наделить Маруцци всеми правами и привилегиями, относящимися к его новому дипломатическому статусу.

Переговоры между Россией и Венецией в начале 1768 г. анализировались в давней работе К. Манфрони⁸². Целью переговоров, проводившихся при посредничестве венских посланников — русского Д.М. Голицына и венецианского Паоло Реньера, — было заключение торгового трактата, который позволил бы шедшим из Балтики русским кораблям («дабы оценить пользу и вред» подобного маршрута) останавливаться в Венеции. Одновременно это свидетельствовало о том, что взаимные интересы Венеции и России связываются и со средиземноморским регионом. Пытаясь устранить все препятствия к осуществлению этого намерения и избавить Венецию от «неловкости» — самой обращаться с инициативой к России, — Екатерина приняла решение назначить своим поверенным в Венеции маркиза Маруцци.

Разработка возможного договора между Россией и Венецией означала взаимное сближение держав: согласно интерпретации Манфрони, назначение Маруцци следовало оценивать как логичное продолжение начатой на рубеже 1767–1768 гг. политики (как видно из русских источников, назначение Маруцци для императрицы Екатерины II стало шагом в осуществлении ее

доносора; Падуанино. Абигаиль, украшающая Давида дарами и гнев его против Набала, ее мужа; Бернардо Строчци. Чудо Иисуса о хлебах и рыбе; Лука Джордано. Торжество Галатеи на море (Там же. С. 255–256), а также Д.М. Голицына (см. письмо Маруцци к А.М. Голицыну от 29 ноября/10 декабря 1768 г.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2043. Л. 43), А.М. Голицына (в письме к нему от 18/29 апреля 1769 г. Маруцци писал, что отправил в Чивита Веккья через Ливорно две картины. В Чивита Веккья их должны были погрузить на корабль, согласно плану перевозки, предложенному И.И. Шуваловым. Первая картина — «de Paul Fiamingo et représente Bacchus endormi», вторая — «de Gianni Ségala, represente Zelmire alletant son père dans la prison»: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2044. Л. 36 об.); кроме того, Маруцци приобрел для Голицына дорогостоящий десертный комплект, схожий с тем, который последний увидел у гр. Лобковица (письмо Маруцци А.М. Голицыну от 26 декабря 1769/6 января 1770 г. из Венеции: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 1–1об.), заказ поступил от Н.В. Репнина (в письме к Д.М. Голицыну от 24 марта 1775 г. Репнин просил доставить Маруцци его собственноручное письмо — «через которое прошу я его купить доски зеркальные и прочие украшения хрустальные для сего десерта (десертный сервиз для посольства в Царьграде. — *Авт.*), и туда же в Царьград отправить»: СБРИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 170). Маруцци также выступал посредником при инициативе перевода на русский язык «Жития» Петра Великого З. Орфелина (см. его письма А.М. Голицыну от 10/21 сентября 1771 г., от 24 декабря 1771/4 января 1772 г., от 17/28 марта 1772 г.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2048. Л. 11, 47 об.; Ед. хр. 2049. Л. 21).

⁸⁰ *Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII (1770-1785) // Archivio Veneto. Vol. X (1931). P. 235.*

⁸¹ *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71. P. 1145.*

⁸² На основе донесения П. Реньера в Сенат от 30 апреля 1768 г.: *Ibid. P. 1147–1148.* Еще раньше документы, связанные с переговорами, появились в источниках, опубликованных в России: см., например, рескрипт Д.М. Голицыну в Вену от 10 марта 1768 г. (СБРИО. Т. 87. СПб., 1893. С. 42–43).

далекоидущих замыслов в Восточном Средиземноморье, см. гл. 1)⁸³. В итоге, чуть позже Сенат принял условия русской императрицы⁸⁴: одностороннее установление дипломатических связей с Россией давало возможность Венеции удовлетворить просьбу Екатерины и оправдаться перед Веной и Константинополем⁸⁵.

В мае 1768 г. новость о назначении Маруцци распространилась по Италии. 28 мая флорентийский посланник в Венеции Доменико Коттини сообщал о новом поверенном в депеше своему правительству. В Тоскане стали циркулировать слухи о том, что Маруцци, имевший большой опыт в венецианских делах, задумал множество дипломатических и финансовых проектов. Основываясь на этой информации, Коттини предположил, что деятельность Маруцци не останется бесплодной. Впрочем, отмечал флорентийский дипломат, венецианское правительство никогда не одобряло проектов торгового сотрудничества с северными странами⁸⁶.

«Официальный» статус Маруцци был твердо определен (разумеется, первоначально только «российской стороной»): его деятельность должна была продолжаться ровно до согласования статей торгового договора, а в его обязанности входила забота о русских кораблях, если таковые будут прибывать в Венецию из Балтики. Так, в докладе Коллегии иностранных дел, подписанном Н.И. Паниным и А.М. Голицыным 31 августа 1767 г., говорилось:

«Находящийся здесь от некоторого времени нам единовверной греческой фамилии венецианский житель маркиз Маруцци, человек, как известно, с большим достатком и имеющий там контору знатного банкира. Он из единой себе чести и публичной протекции желает быть удостоен поверенности дел публичных империи в<ашего> вел<ичест>ва. Определение его открытым патентом поверенным в делах от империи в<ашего> вел<ичест>ва при венецианской республике купно и всех других итальянских портах, в той форме как обыкновенно консулы определяются, исполнит обоюдной предмет в сем деле уважаемой; ибо как с одной стороны республика венецианская приласкаема будет таким от в<ашего> имп<ераторского> вел<ичест>ва к ней уважением, да и в самое то же время оградит ее от примечаемой в ней опасности к туркам, потому что он не министром у ней одной обыкновенною грамотою акредитуется, но учреждаем по всей Италии для морского купечества, так и с другой стороны по той же самой причине почтено быть не может в публице сие учреждение первую ступенью от в<ашего> в<елич>ества взаимной обсылки министров для установления непосредственной корреспонденции, а таким образом маркиз Маруцци, получая честь быть присвоен к слугам вашего императорского величества, не отягощая казну никаким его содержанием, может с пользою служить коммерции здешней и другим нашим случающимся делам, особливо для денежных переводов в тамошние итальянские места, ибо он чрез то будет там прямым российским банкиром»⁸⁷.

⁸³ Д.М. Голицын настаивал, что слух о радикальной новизне отношений между двумя странами, изменившихся с назначением Маруцци, сильно преувеличен: Екатерина лишь воскресила инициативу, идея и первые шаги по разработке которых принадлежали Петру I (ASV. Dispacci degli Ambasciatori al Senato, Dalla Germania, filza 272).

⁸⁴ Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. P. 45.

⁸⁵ Ibid. P. 45–47.

⁸⁶ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

⁸⁷ СБРИО. Т. 67. С. 451.

Патент, выданный Маруцци 10 марта 1768 г., гласил:

«Понеже Мы за потребно признали учредить Российского поверенного в делах при светлейшей республике Венецианской и при других Итальянских областях для остережения и предохранения случающихся тамо наших дел и коммерции, дабы подданные наши, приезжая туда для отправления купечества своего, могли найти протекцию и вспоможение, которое им будет потребно, а как мы известились о добрых качествах и хорошем поведении находящегося ныне здесь венецианского жителя маркиза Маруция, то избрали его в сие достоинство, и для того ему сию комиссию дали, учредили и постановили, и сим подписанным нашею рукою патентом комиссию даем, учреждаем и постановляем его Российским поверенным в делах в Венеции и в других местах Италии; и потому просим как светлейшую республику Венецианскую, так и прочие Итальянские области, а от их наместников и губернаторов склонно желаем, дабы помянутого маркиза Маруция за нашего поверенного в делах признавали и оному позволили сей чин совершенно и спокойно отправлять, и все те права, привилегии и вольности ему акордовали, которые к данному ему от нас характеру принадлежат, и которыми других коронованных глав поверенные пользуются, и ему бы во всем, что он в делах ему от нас поверенных предлагать будет, веру подавали, и всякое вспоможение и склонность показывали; обещаю во взаимном случае равное воздавать, когда нам о том прошение будет»⁸⁸.

При этом венецианский Сенат был волен отправить в Петербург для разработки трактата собственного министра. Интересно, что в этом случае Маруцци должен был быть заменен другим поверенным в делах, ранг которого соответствовал бы титулу и положению будущего венецианского посланника в России. В итоге, официальное положение Маруцци в Италии являлось неустойчивым, миссия по финансовому обеспечению русского флота, вскоре возложенная на него в связи с началом русско-турецкой войны, — крайне деликатной, требовавшей действий, по сути не предусмотренных его статусом поверенного в торговых делах⁸⁹. В инструкции, данной Маруцци 10 марта 1768 г., говорилось, что в его «истинные», политические задачи входит установление контактов с венецианским Сенатом, которые бы способствовали упрочению русско-венецианских связей, аккредитация при других итальянских дворах, внимательное наблюдение за реакцией Оттоманской Порты по отношению к русскому поверенному в делах, мониторинг экономического состояния итальянских держав (с особым упором на динамику их ценовой политики), забота о единоверцах — православных, находящихся в Италии⁹⁰. Другой важнейшей функцией Маруцци в Венеции была работа с «общественным мнением»: кроме разговоров с венецианскими нобилями⁹¹ и вербовки «нужных» людей, с начала войны маркиз регу-

⁸⁸ СБРИО. Т. 87. С. 43–44.

⁸⁹ На основе донесения Реньера в Сенат от 30 апреля 1768 г.: *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71*. P. 1147–1148.

⁹⁰ СБРИО. Т. 87. С. 45–48. Обмен информацией был взаимным. Так, А.М. Голицын в своих письмах постоянно сообщал Маруцци о новостях из русской армии, Маруцци же передавал известия о турецкой армии, полученные из его источников, а также писал о внутренних итальянских и европейских событиях.

⁹¹ Как отмечал Маруцци в шифрованном письме А.М. Голицыну от 21 февраля/4 марта 1769 г.: «Мои друзья трудятся изо всех сил, чтобы расположить к нам умы» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2044. Л. 23; оригинал по-французски).

лярно помещал в итальянской прессе сообщения о победах русской армии, полученные из Петербурга⁹². В качестве компенсации за услуги подданным других стран Маруцци имел право ходатайствовать об императорских государственных наградах (даже ордене св. Георгия Победоносца⁹³). Наконец, в-третьих, в задачи Маруцци входило обеспечение и выкуп займов, предназначенных на нужды русского флота, укрепление связей с европейскими и итальянскими банковскими домами и, шире, любые финансовые операции в Италии и хранение денежных средств⁹⁴. Выполнить последнее задание было весьма непросто. С одной стороны, Маруцци, выступая поручителем при получении кредитов (чаще всего в Генуе), регулярно ставил под угрозу деловую репутацию — свою и собственной семьи. С другой стороны, маркиз нередко получал нарекания из Петербурга в связи с нецелевым расходованием средств и отсутствием прозрачной отчетности (что зачастую являлось следствием небрежного отношения к деньгам, например, со стороны А.Г. Орлова)⁹⁵.

В письмах Маруцци к русским сановникам на протяжении всей русско-турецкой войны повторяются настойчивые просьбы выслать из России рекомендательные письма к остальным итальянским дворам⁹⁶ (прежде всего, вероятно, к неаполитанскому, туринскому и флорентийскому) и оригинал патента, данного Маруцци в Петербурге⁹⁷. Однако несмотря на многочисленные запросы указанных верительных грамот Маруцци так и не получил, что существенно усложнило его деятельность, сделав его статус поверенного весьма условным: в официальных бумагах указывалось, что он командирован в Венецию и остальную Италию, но такая формулировка не соответствовала практике принятой в дипломатии тех лет.

Деятельность Маруцци не вызывала особенного энтузиазма и у венецианских властей⁹⁸, хотя сам он изначально рассчитывал на плодотворные взаимоотношения с ними. Маруцци прибыл в Венецию из России в конце октября 1768 г., перед этим проведя около полутора месяцев в Вене, в частности в переговорах

⁹² Об этом Маруцци, в частности, писал А.М. Голицыну в письмах от 2/13 января и 23 января/3 февраля 1770 г. (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 3 об., 7).

⁹³ Об этом см. письмо Маруцци А.М. Голицыну от 2/13 января 1770 г. (Там же).

⁹⁴ См., например: СБРИО. Т. 1. С. 7, 13; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 15 об.–16., 22–22 об. Вместе с Маруцци в денежных операциях России участвовали британский консул в Ливорно Д. Дик и русский агент в Тоскане Р. Разерфорд (СБРИО. Т. 1. С. 37; СБРИО. Т. 97. СПб., 1896. С. 82; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2049. Л. 25).

⁹⁵ Так, в 1771 г. «гонителем» Маруцци выступил А.А. Вяземский (см. письмо Маруцци А.М. Голицыну от 30 июля/10 августа 1771 г.; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2047. Л. 25–28 об.).

⁹⁶ Например, в реляции из Венеции от 6/17 декабря 1768 г., поверенный писал: «Один из Туринских моих приятелей, имеющий значение при тамошнем дворе пишет мне, что министр иностранных дел сказал ему, что он с удовольствием услышал, что мне поручены дела <ашего>. имп<ераторского> величества для всей Италии и что он не сомневается, что я имею кредитивные грамоты и к его двору и что ему было бы весьма приятно видеть меня в Турине» (СБРИО. Т. 87. С. 265; оригинал по-французски). Маруцци писал (и говорил еще перед своим отъездом из России Н.И. Панину), что с верительными грамотами, в которых упомянуты лишь Венеция, могут возникнуть затруднения: другим дворам это не понравится, ибо они названы после республики и все вместе без различия (Там же).

⁹⁷ Количество упоминаний и просьб о присылке грамот и патента в письмах Маруцци А.М. Голицыну огромно. Впервые Маруцци просил о наделении его более широкими полномочиями в письме от 13/24 декабря 1768 г. (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2043. Л. 45–45 об.). В письме к Голицыну от 31 октября/11 ноября 1769 г. Маруцци отмечал, что соответствующие обещания были даны ему и А.Г. Орловым (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2044. Л. 81).

⁹⁸ *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. P. 45.*

с Д.М. Голицыным⁹⁹. Вслед за этим ему предстояло вручить свои верительные письма Сенату, который собрался лишь в конце ноября 1768 г. Ноябрь 1768 г. — начальная точка в деятельности Маруцци в Венеции, совпавшая с началом русско-турецкой войны, что сразу же сделало его миссию особенно важной¹⁰⁰.

23 ноября/4 декабря 1768 г. Маруцци был аккредитован республиканским Сенатом¹⁰¹. В письме к А.М. Голицыну от 29 ноября/10 декабря 1768 г. русский поверенный отмечал «благосклонность» венецианских сенаторов. Маруцци боял-

⁹⁹ Маршрут Маруцци из России в Италию хорошо прослеживается по его письмам А.М. Голицыну. 31 мая 1768 г. Маруцци был в Риге, 16/27 июня — в Варшаве, 3/14 августа — в Данциге, 1/12 сентября — в Дрездене, 6/17 сентября — в Вене, 29 октября/9 ноября — в Венеции (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2043. Л. 14 об.-35).

¹⁰⁰ Так, А.М. Голицын писал Маруцци 26 ноября 1768 г.: «Не может быть, чтобы известие о разрыве между Россиею и Портою не было уже сведомо у вас... Мы полагаем, что коль скоро при республике находится лицо, аккредитованное от ее имп<ераторского> величества, мы должны взирать на нее, как на все другие державы, с коими мы находимся в открытых сношениях и подобно им сообщить ей это положение, в каком мы находимся относительно общего врага христианства. Вы исполните это вручением правительству ее точной копии нашей общей декларации, не препровождая ее чем бы то ни было, что бы имело вид приглашения с нашей стороны вмешаться в спор, которая ему чужда и к участию в которой оно не призвано никаким трактатом. Мы не можем и не желаем приглашать республику к ссоре из за нас с опасным соседом; в этом должно заключаться правило ваших публичных действий и сущность ваших объяснений с правительством. Но вы не упустите внушить через ваших друзей и через нескольких нобилей, о которых вам известно, что они давно желают, чтобы республика вступила с нами в более тесные связи, что война между Российской империею и столь старинным и опасным врагом Венецианского государства достойна полного внимания этой мудрой республики и что помимо каких либо обязательств между нами и ею, не будет преувеличенным ожиданием с нашей стороны, если мы полагаем, что она будет склоняться на нашу сторону и что она не откажется при всех случаях и всеми способами способствовать нашим операциям, когда это будет возможно без собственного риска. Считаая ее слишком осторожною, чтобы легкомысленно начать войну, мы полагаем однако, что она едва ли пренебрежет случаем, если он ей представится, вознаградить потери, забыть которые она никогда не может. Если Господь благословит наше оружие успехами настолько решительными, чтобы возбудить в ней такое желание, то мы без подозрения увидим ее пользующеюся этим случаем для диверсии столь же серьезной, какою будет и наша война с турками. События подготовлены будут первою или второю кампаниею и тогда вы применитесь к ним в своих внушениях. Достаточно, что если республика подумает о войне, вы будете в состоянии заверить ее, что мы во всякое время будем расположены войти с нею во все необходимые меры, чтобы вести дело сообща. В настоящее время мы довольствуемся просьбою, чтобы сохраняя мир, она не показывая вида согласилась на средства, могущие облегчить наши операции...» (СБРИО. Т. 87. С. 217–219; оригинал по-французски). Маруцци получил следующие инструкции: «...вы могли бы внушить вашим друзьям, что если бы республика пожелала услужить России, то они сами должны стараться поддерживать пламя восстания среди черногорцев, что возможно было бы косвенным образом поддержать их, собрав на Далматской границе вблизи от них маленькие магазины военных снарядов и жизненных припасов, которые они могли бы грабить и пользоваться ими против турок. Наконец вы по собственному благоразумию внушите тем членам Совета, к коим вы питаете наибольшее доверие и которых вы признаете наиболее склонными к тому, чтобы республика воспользовалась нашею войною, чтобы они взвесили выгоды государства и соответственно этому распорядили действия республики. <...> Ваше дело воспользоваться вашими местными сведениями и знакомствами для того, чтобы оказать наиболее возможную пользу в интересах Двора» (Там же. С. 219–220; оригинал по-французски).

¹⁰¹ СБРИО. Т. 1. С. 13. В рескрипте Екатерины на имя Маруцци от 29 января 1769 г., который регламентировал его деятельность в Венеции, в частности, говорилось: «Мы поручаем вам напротив сделать тамошнему правительству обыкновенным в этикете порядком пристойное с нашей стороны приветствие и уверить оное, что мы, признавая в сем случае снисхождение республики за верный опыт истинной ее склонности к утверждению с Империею Нашей дружбы и доброй корреспонденции, взаимно тому с охотою и искренностию при всяком случае соответствовать не оставим, будучи внутренне удостоверены, что обоюдная наша дружба и доброе согласие на обе стороны полезны быть могут» (Там же).

ся, что в результате нового назначения мог измениться его статус венецианского подданного, в частности, ему могли запретить посещать местное дворянское общество¹⁰². Однако этого не случилось: Маруцци было разрешено возвращаться среди венецианских аристократов и дарованы привилегии при подаче дипломатических нот и записок, что он приписывал усилиям своих друзей в Сенате. Более того, успехи Маруцци, как он отмечал, вызвали зависть других агентов и поверенных — в частности, французского и прусского¹⁰³.

Тем не менее, вскоре отношения Маруцци и венецианских властей испортились. А.М. Альберти, автор специального исследования о русско-венецианских связях того времени, справедливо отмечала, что некоторые поступки Маруцци вряд ли могли вызвать доверие к нему со стороны венецианского Сената. К числу таких деяний относилась его попытка организовать прогулку некоего русского офицера по венецианскому Арсеналу. Кроме того, в декабре 1768 г. Маруцци заставил капеллана греческой церкви в Венеции исполнить ораторию, посвященную Екатерине II и ее войне против турок, чем вызвал особенное недовольство: во-первых, подобной чести удостоивался в Венеции лишь дож, а во-вторых, открытые призывы к войне с Турцией могли скомпрометировать республику в глазах султана, с которым Венецию связывал мирный договор¹⁰⁴.

Негативное влияние на русско-венецианские отношения оказало вмешательство России в черногорские дела. В депешах еще от 28 ноября и 5 декабря 1767 г. (по нов. ст.) флорентийский консул в Венеции Коттини информировал тосканские власти о самозванце Стефано «Пикколо». 14 декабря посланник разъяснял, что, согласно недавно полученным более точным сведениям из Далмации от венецианских властей, в Черногории объявился некий человек (Степан Малый — Пикколо), объявивший себя Петром III, по его собственному утверждению, тайно избегнувшем смерти и преследований и уже несколько лет живущим среди православных черногорцев. «Пикколо» собрал отряд последователей и во главе их появился на границах Далмации близ города Каттаро (Котор), где вел себя как хозяин венецианских владений¹⁰⁵.

30 апреля 1768 г. Коттини писал во Флоренцию о реакции императрицы Екатерины II на события в Черногории и оживление ее почившего супруга. Так, русский посол в Вене князь Голицын сообщил венецианскому посланнику Реньеру, что императрица после тщетных обращений к черногорцам и к их «Прото-папе», главе местной православной церкви, решила отправить в этот регион специального советника Мерка (Merch). Обманщик, называвший себя Петром III, несмотря на поддержку, которую Россия оказывала Черногории в XVIII в., лично оскорбил Екатерину, Россию и Венецию. В случае неуспеха специальной миссии российская императрица грозила лишить Черногорию своей милости и щедрости.

¹⁰² См. письмо Маруцци к А.М. Голицыну от 6/17 ноября 1768 г.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2043. Л. 38.

¹⁰³ См. письма Маруцци А.М. Голицыну от 29 ноября/10 декабря и 13/24 декабря 1768 г.: Там же. Л. 42–45. Н.И. Панин в письме Маруцци от 14 августа 1770 г. отмечал, что «этот (французский. — М.В.) двор оставляет там поверенного в делах, аккредитованного грамотою короля, лишь с целью иметь право делать придирки, требовать непременно всего, что дозволено вам и этим косвенным путем добиться благоприятного для себя исхода спора» (СБРИО. Т. 97. С. 129).

¹⁰⁴ *Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII (1770–1785)*. P. 234; *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71*. P. 1149.

¹⁰⁵ ASF, Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

Важно, что Екатерина II попыталась воспользоваться общностью интересов России и Венеции в Черногории для координации совместных действий. Она предлагала венецианскому Сенату поддержать активность русского агента в Черногории, деятельность которого, как была уверена императрица, послужила бы к обоюдной пользе государств. Однако осторожная республика поспешила — при посредстве Реньера — вежливо отклонить предложение России, ссылаясь на мир с Оттоманской Портой¹⁰⁶. Кроме того, венецианское правительство предписало своему посланнику сообщать о ходе переговоров с Д.М. Голицыным венским властям, которые, как отмечал в своей депеше Коттини, остались довольны занятой Венецией позицией¹⁰⁷.

Недовольство активностью Маруцци, продемонстрированное Оттоманской Портой, а также действия агентов русской императрицы в Черногории, значительно осложнили отношения Венеции с Россией к зиме 1768–1769 г.¹⁰⁸ 10 декабря 1768 г., т.е. непосредственно после аккредитации Маруцци при венецианском Сенате, тосканский консул Коттини писал во Флоренцию, что Турция дала знать венецианскому правительству (через посла в Константинополе), что крайне отрицательно смотрит на открытие дипломатических отношений Венеции с Россией, говоря о необходимости точно следовать статьям мирного договора в Пассаровице 1718 г. В своем ответе венецианцы заявляли об уважении подписанных прежде трактатов и строгости избранной ими стратегии нейтралитета в начавшейся войне¹⁰⁹. Что же касается русского посланника, то его присутствие в Венеции не должно было волновать Турцию: в сферу компетенции Маруцци входили исключительно торговые дела, политики никак не касавшиеся. Далее венецианцы отмечали, что статус Маруцци точно определен не был, поскольку маркиз имел одни и те же бумаги для представления во всех итальянских государствах. Кроме того, посланнику Венеции в Константинополе были даны указания лично разъяснить визирю истинное положение Маруцци в Венеции: якобы богатый православный купец Маруцци получил в России титул посланника в награду, между тем как подобного рода титулы не имели в Европе никакого значения.

Именно в этом смысле венецианское правительство интерпретировало беседу Д.М. Голицына с Паоло Реньером, о которой последний писал из Вены в уже упоминавшейся депеше от 30 апреля 1768 г. Маруцци, со ссылкой на Голицына, аттестовался венецианцами как «безродный, бесталанный, непосвященный в дела и не имеющий занятий»¹¹⁰.

Итак, из письма Коттини видно, как деятельность Маруцци, которая должна была обеспечить поддержку России в русско-турецкой войне, изна-

¹⁰⁶ В рескрипте Д.М. Голицыну в Вену от 14 мая 1768 г., апробированном Екатериной 12 мая 1768 г., в частности, говорилось: «усмотрели мы с немалым удивлением, под каким претекстом мнимого опасения Венецкий сенат уклонился не токмо от содействия и вспомоществования в известной, Мерку порученной, комиссии, но и совсем отказался с ним дело иметь» (СБРИО. Т. 87. С. 86–87). Ср. письмо Н.И. Панина Д.М. Голицыну в Вену от 17 октября 1769 г. (Там же. С. 508–510).

¹⁰⁷ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹⁰⁸ На основе донесения Реньера в Сенат от 30 апреля 1768 г.: *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71*. P. 1147–1148.

¹⁰⁹ См.: *Manfroni C. La campagna navale russo-turca (1770–1771) // La Rivista Marittima*. Roma, 1913. Quarto Trimestre. Vol. 4 (Dicembre). P. 499.

¹¹⁰ «Senza nascita, senza talenti, mai iniziato negl'affari, e senza commissioni» (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317).

чально была двойным образом замаскирована: сфера компетенции русского посланника как бы резко ограничивалась, лишалась политического подтекста, и более того — русскому министру в Вене якобы были даже даны указания на фактическую дискредитацию Маруцци при возникновении конфликтных ситуаций¹¹¹.

Беспокойство Константинополя относительно возможного союза Венеции и России усиливалось в связи с распространением самых невероятных слухов о русско-турецкой войне. В марте 1769 г. в Венецию поступило сообщение о том, что Англия совершила «диверсию» в Средиземном море и напала на турок. Греки из числа венецианских подданных тогда же находились в полной уверенности, что Россия заключила с Венецией дружественный союз, целью которого было изгнание турок из Мореи. Ходили слухи даже о конкретных договоренностях: за участие в войне на стороне России Венеция якобы получила Морею и Крит. Источниками ложной информации исследователи называют находившегося тогда в Тоскане Алексея Григорьевича Орлова и связанных с ним русских эмиссаров в Греции, которые таким образом стремились спровоцировать масштабное греческое восстание¹¹².

Венеция, понятно, старалась любым способом сохранить нейтралитет в начавшейся войне. Как утверждал Реньер в беседе с Кауницем, боевые действия грозили Венеции многими опасностями: спадом в торговле с Левантом, восстанием греческих подданных республики, подозрениями со стороны Турции. Сообщения о готовящемся отплытии русской эскадры из Кронштадта также не способствовали оптимизму венецианцев, и Екатерина II через венского посла Д.М. Голицына была вынуждена постоянно заверять Реньера в дружеском отношении русских к республике.

В 1769 г. во ряде европейских государств распространился запущенный голландской прессой слух уже не о союзе, а о враждебности Венеции по отношению к России. Несмотря на ложный характер информации, в Европе многие готовы были поверить и в его истинность. В Константинополе же вновь звучали обвинения в адрес самой Венеции, что она все-таки содействует России (венецианский посланник их многократно опровергал). И хотя от Венеции ждали активных действий, республика старалась сохранять нейтралитет¹¹³.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71. P. 1149–1150.*

¹¹³ Ibid. P. 1152–1156. Как считала Екатерина II, с успехами русского флота в Морею отношение Венеции к российскому присутствию в Средиземноморье изменится в лучшую сторону. Так, она писала в рескрипте Г.А. Спиридову от 15 июля 1769 г.: «Она (Венеция. — Авт.) издавна желает ближайшего с нами соединения, но по робости, от соседства с турками происходящей, не смеет еще поддаться на явные к тому способы. Без сомнения будут нам венециане внутренне желать добра по существительнейшему их интересу в ущербе и упадке турецких сил, но извне чаятельно будут руководствоваться правилами вышепомянутой робости, разве успехи наши скоростию и важностию своею заставят их снять маску. Вам надобно будет на сем основании распорядить поступки ваши в рассуждении республики, сносаясь и требуя совета, когда время допустит, от нашего в Венеции пребывающего поверенным в делах действительного статского советника маркиза Маруция, который между тем не оставит с своей стороны подавать вам все нужные сведения» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 372). В 1770 г. к этому тексту в рескрипте на имя контр-адмирала Арфа было добавлено: «разве дезерции их подданных нашей православной веры, кои вышли из земель их владения для приятия участия в морейских происшествиях, сделают замешательство в образе их рассуждения о настоящей войне Нашей» (СБРИО. Т. 1. С. 129).

А.Г. Орлов в Венеции. Венеция и итальянские государства

27 ноября/8 декабря 1768 г. в Венецию прибыли Алексей и Федор Орловы¹¹⁴, которым предстояло выяснить, возможно ли использовать Венецию как плацдарм для русских кораблей в Средиземноморье. Екатерина снабдила А. Орлова следующей рекомендацией:

«До времени надобно вам будет более всего непроницаемую в сем деле иметь тайну; ибо секрет всем делам душа, а в настоящем случае тем он еще нужнее, что Мы в мыслях и поступках республики Венецианской до времени надежны быть не можем, доколе не увидит она, что дело прямое действие возымело, и что вся туча обратилась на Турков, в чем, конечно, собственный ее интерес осязателен, ибо она тут способный случай найдет может к возвращению себе потерянной Мореи, которая ей по сю пору толико на сердце лежит. Дотоле, по обыкновенной своей перетоненной политике, будет она опасаться всякого при границах ее движения, по предубеждению, чтоб не раздражить безвременно Турков, коих она чрез меру боится, и чтоб опять Черногорцы и другие с ними смежные народы, помирясь с ними, а обыкши единожды навсегда пребывать в войнах и питаться добычей, не ударили на собственные ее границы. Из чего уже само собою следует, что все Наши как здесь, так и у вас распоряжения и приготовления так маскировать должно, чтоб они не иначе как с самым делом вдруг открылись»¹¹⁵.

Официально русские офицеры братья Острововы (или Асловы, «d'Asloff»), как сообщал тосканский посланник в Венеции Доменико Коттини в депеше от 15 апреля 1769 г., находились в Венеции для осмотра местных достопримечательностей. Их поведение, на первый взгляд нейтральное, тем не менее вызвало подозрение, и за ними установили секретный надзор. Вскоре было обнаружено, что Орловы дважды брали большие суммы денег у одного из местных банкиров (сумму в двадцать тысяч цехинов). Внешне скромный образ жизни русских вельмож навел венецианские власти на мысль, что взятые деньги распределялись неким тайным образом. Предъявленные объяснения — деньги розданы на милостыню¹¹⁶ и потрачены в

¹¹⁴ Дата установлена по письму П. Маруцци А.М. Голицыну от 29 ноября/10 декабря 1768 г. (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2043. Л. 43). Орловы проследовали в Венецию через Вену, куда они прибыли 24 октября / 4 ноября 1768 г. (см. письмо Д.М. Голицына вице-канцлеру А.М. Голицыну от 25 октября / 5 ноября 1768 г. из Вены: К биографии графа А.Г. Орлова Чесменского // Русский архив. 1876. №7. С. 271; оригинал по-французски). Почти в течение месяца Орловы в Вене посещали приемы, оперу и т.д. Интересно, что Д.М. Голицын отмечал нежелание Орловых вступать в какую-либо коммуникацию с представителями венского «знатнейшего дворянства» (Там же; письмо от 5/16 ноября 1768 г.). Наоборот, в последующие годы Орловы, находясь в Вене, будут вести куда более открытый образ жизни.

¹¹⁵ СБРИО. Т. 1. С. 10–11; рескрипт от 29 января 1769 г. «После завоевания Турками Константинополя, Венеция принуждена была уступить Мухаммеду II много островов в Архипелаге и Морею. Хотя часть этого полуострова она и возвратила в 1687 г., но утратила его снова в 1715-м. По миру, заключенному в Пассаровице, в 1718 году, Венеция окончательно отказалась от Мореи» (Там же. С. 10).

¹¹⁶ Факты раздачи милостыни братьями Орловыми зафиксированы Кл.К. Рюльером: «Они ежедневно показывались в храмах этой религии (греческой. — Авт.) и подчеркивали здесь (свою) набожность, что могло бы заставить рассматривать их со стороны этих северных народов как представителей верховного покровителя их культа. Они останавливались у выхода из этих церквей и там, окруженные свитой, которую образовывало при них это стечение (народа), они запускали руки в свои карманы, один — наполненный золотыми монетами, другой — серебряными, и раздавали их, кичась милосердием и великолепием» (цит. по: *Плугин В. Алехан, или человек со шрамом*. М., 1996. С. 182).

Венеция, вид с моста Риальто

(карточной?¹¹⁷) игре¹¹⁸ — не убедили венецианцев. Заподозрили, что Орловы занимаются наймом людей на русскую службу¹¹⁹, и список завербованных лиц оказался вскоре вычислен: некоторых венецианских подданных при проверке не оказалось на местах их проживания. Предположив, что в планы А.Г. Орлова входило формирование полка, составленного из уроженцев других государств, венецианское правительство наметнуло А.Г. и Ф.Г. Орловым на необходимость покинуть Венецию¹²⁰

¹¹⁷ О том, что Орловы играли в Венеции именно в карты, писал, ссылаясь на дипломатические донесения рагузских дипломатов в Тоскане, В. Иванчевич. В частности, в Тоскане рассказывали, что Алексей Орлов проигрывал разом восемь тысяч цехинов (*Ivančević V. Pisa e Livorno nel conflitto russo-raguseo del 1769–1775. P. 29–30*).

¹¹⁸ По мнению венецианских властей, последнее обстоятельство кроме прочего не соответствовало истине — Орловым удалось извлечь из игры большую выгоду.

¹¹⁹ Об этом свидетельствовал и Ю.В. Долгоруков: Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова, 1740–1830 // Русская старина. 1889. № 9. С. 491. О «венецианских» контактах Орловых с В.С. Тамарой с греками, в частности и Г. Папазоли, см.: *Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. С. 188–190*.

¹²⁰ См. письмо Марка Баины Д.М. Голицыну из Венеции от 5 августа 1769 г. (по нов. ст.): «Не сомневаюсь, что вашему сиятельству известно предположение графов Орловых приступить здесь к морскому вооружению противу Турок. По крайней мере старший из них, по проискам корыстных людей, алчущих наживы, набрал на сей предмет людей из Славян и Греков, подданных сей респу-

и невозможность создать там в будущем базу русского флота, в апреле 1769 г.¹²¹ они отправились в Тоскану¹²².

После отъезда Орловых из Венеции функции главного агента русской императрицы в этом городе окончательно перешли к Пано Маруцци, который в мае 1769 г. получил в России чин действительного тайного советника¹²³. 15 октября 1769 г., накануне прибытия русской эскадры в Ливорно, он приехал в Тоскану для переговоров с Алексеем Орловым. Маруцци был в Пизе уже 18 октября, когда и засвидетельствовал свое почтение главнокомандующему русским флотом¹²⁴. Не исключено, что предметом разговора между Маруцци и Орловым могли стать дебаты в венецианском кабинете министров («Collegio dei savi») о возможном присутствии русских в Средиземноморье. О позиции сторон мы можем судить, например, по донесению флорентийского посланника в Венеции Коттини от 14 октября 1769 г. Один из глав «Collegio», Ф.Т. Фоскари, утверждал, что появление русской эскадры в Архипелаге зимой 1769–1770 гг. вряд ли реально. Причин для подобного заключения было несколько: долгий путь, который предстояло проделать кораблям из Кронштадта до Греции, время года, не слишком благоприятное для спокойной навигации, отсутствие союзных портов в Леванте и, следовательно, возможности своевременно пополнять запасы продовольствия, наблюдение за эскадрой со стороны заинтересованных морских держав. Фоскари предлагал оставить опасения, приписав их источник воспаленному сознанию греков, маниакально стремившихся к восстановлению утраченной империи. В дальнейшем, замечал Фоскари, у русских войск видится мало перспектив удачных боевых действий в Архипелаге¹²⁵.

блики. Правительство решило, что ему не следует скрывать такое зло, и вынудилось объявить этим господам, чтобы они убралась отсюда в возможной скорости, и запретило своим подданным записываться к ним, под страхом наказания как за государственное преступление» (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1876. № 7. С. 281; оригинал по-французски).

¹²¹ В письме Маруцци А.М. Голицыну от 7/18 марта 1769 г. упоминается, что Орловы — все еще в Венеции, а в послании от 18/29 апреля того же года говорится, что они уже находятся в Пизе (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2044. Л. 33, 36 об.).

¹²² ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹²³ См. проект письма Н.И. Панина Маруцци от 20 мая 1769 г.: СБРИО. Т. 87. С. 436.

¹²⁴ GT. 1769. 43. 174; NM. 1769. 85. 700; NM. 1769. 84. 691.

¹²⁵ Как пронизательно писала Екатерина II Вольтеру 8 (19) января 1770 г., «...мудрая Европа одобрит только тогда мои планы, когда они счастливо удадутся» (цит. по: СБРИО. Т. 10. С. 401). Ср. письмо Н.И. Панина Маруцци от 21 июля 1769 г.: «Вам следует теперь же, а в особенности по прибытии наших морских сил в Средиземном море, доверительно предупредить об этом ваших друзей и тех местных жителей, на которых вы можете рассчитывать, и искусным образом дать понять тем и другим, сколь благоприятно может быть наше предприятие для истинных интересов республики, и что выгоды ее могли бы еще удвоиться, если бы она пожелала действовать сообща с нами против общего врага; что тогда мы употребили бы все усилия для увеличения наших сил в той стороне, дабы сообща действовать с большею энергиею; что все завоевания были бы в пользу венецианцев, потому что в столь далеких странах мы их не желаем, да и не можем желать; что она легко может наверстать свои старинные утраты, а следовательно и вернуть свою прежнюю славу. Все это лишь простые инсинуации, которые вам следует пока сделать и которые вы более или менее усилите смотря по тому впечатлению, какое они будут производить. Но если вы заметите возможность склонить республику хотя бы после начатия наших операций и после некоторого успеха их, то в таком случае вам следует действовать более открыто и внушать повсюду в надлежащих выражениях, что императрица была бы готова соединиться с республикою и выговорить в ее пользу все выгоды, какие она могла бы пожелать как в настоящее время, так и в будущем. Между тем вы постараетесь достигнуть, чтобы нашим эскадрам оказана была в венецианских владениях вся поддержка, какая была бы им нужна с уплатою наличными деньгами, как то обыкновенно делается, и даже, чтобы им дозволен был вход в порты; можно быть уверенным, что наши

По его мнению, Франция, имевшая торговые интересы в Леванте и Египте, никогда не допустит изменения существующей системы отношений в Средиземном море. Англия, внешне помогавшая России, также не рискнет порвать контакты с Оттоманской Портой, опасаясь, что та предоставит Франции особые коммерческие привилегии, которые приведут к серьезным экономическим последствиям для Британии. Что касается наземных операций, то австрийский император ни за что не позволит столь резкого нарушения баланса сил в Польше, которая отделяет его владения от российских. В связи с этим боевая готовность австрийских войск на границах империи позволяет надеяться на европейскую стабильность в период русско-турецкой войны, полагал Фоскари. В сложившейся ситуации Венецианской республике не следует форсировать подготовку морского флота на следующий год, поддаваясь на провокационные сообщения о приближении русских кораблей¹²⁶. Позиция Фоскари лишней раз доказывала не только недостаточную прозорливость венецианских сановников, но и исключительное новаторство российской императрицы, в серьезность действий которой Европа не желала еще верить.

Дискуссии о возможных акциях венецианского флота в свете грядущего прибытия русских эскадр продолжались до начала 1770 г.¹²⁷ Так, в депеше от 23 декабря 1769 г., когда часть русских судов уже месяц стояла в Порт-Магоне, тосканский консул Коттини замечал: «По правде говоря, тому, кто не видит этого своими глазами, трудно поверить, какое замешательство и разномыслие царит между сими господами (членами венецианского Collegio. — Авт.) по данному вопросу»¹²⁸.

Осенью 1769 г. в одной из венских бесед Реньера с Д.М. Голицыным на вопрос о военных планах России Голицын отвечал, что в любом случае морскому командованию дан строгий приказ придерживаться законов, бытовавших в портах и владениях Венецианской республики. Реньер возразил, что зафиксирована масса случаев найма на русскую службу венецианских подданных в Италии (вплоть до Рима) и

люди будут там соблюдать точнейшую дисциплину. Если бы какие либо опасения препятствовали дать такое разрешение открыто, то вам следует постараться, чтобы оно было дано хоть тайно с тем, что потом для виду могут по этому поводу поднять какой угодно шум. Эту просьбу вы сопроводите наисильнейшими уверениями, что адмиралы императрицы не только ни в чем не беспокоят кораблеплавания христиан, но напротив будут защищать всякий христианский корабль, а в особенности под венецианским флагом, против берберийцев» (СБРИО. Т. 87. С. 457–458; оригинал по-французски).

¹²⁶ Вот как чуть ранее оценивал сложившуюся в Европе ситуацию глава неаполитанского правительства Бернардо Тануччи в письме к Фердинандо Галиани от 11 февраля 1769 г. (из Казерты): «Остается увидеть, что скажет Англия. Если победит банковский и торговый дух, то она будет придерживаться нейтралитета; если возьмет вверх политика и высший государственный интерес, она будет вынуждена объявить Туркам войну, и вот вам флот в Средиземном море. Если против одной России достаточно двух флотилий, то против России и Англии необходима вся Европа» («Rimane a vedere Inghilterra cosa dice. Se prevale lo spirito bancale e commerciale, restera neutrale; se vince la politica e la ragion di Stato, dovrà intimar guerra al Turco, ed ecco flotta nel Mediterraneo. Sicché, contro la Russia sola, ci voglion due; contro Russia ed Inghilterra, ci vuole tutta Europa»). Единственной державой, способной «укротить Россию», Тануччи считал Австрию (*Tanucci B. Lettere a Ferdinando Galiani. P. 311*).

¹²⁷ По поводу этих дискуссий Н.И. Панин писал Маруцци 17 октября 1769 г.: «Мы хорошо знаем, что нужно терпение со столь осторожным правительством, каково венецианское, но при всем том, если доверие к нашим силам и нашему поведению рано или поздно оживит его доверие к собственным силам, то мы всегда будем готовы войти в его виды и мы не станем завидовать венецианцам, если они извлекут пользу из наших успехов» (СБРИО. Т. 87. С. 507; оригинал по-французски).

¹²⁸ «Sembra a dir vero duro a credersi per chi non può conoscerlo sul fatto, qual sia l'imbarazzo, e il diverso opinare di questi Signori su tale proposito» (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317; см. также донесение Коттини от 30 декабря 1769 г.).

Албании¹²⁹. Голицын тем не менее ушел от ответа на последнее замечание, вновь подтвердив дружелюбие намерений Екатерины в отношении Венеции¹³⁰.

Беспокойство венецианцев все возрастало, когда весной военные действия российского флота приблизились к Адриатике. Венеция стремилась дипломатическими путями обеспечить единство итальянских государств в объявлении нейтралитета на период русско-турецкой войны. В орбиту пристального внимания венецианцев попали, прежде всего, Тоскана и Генуя, а также Неаполитанское королевство: 18 октября 1769 г. венецианский Сенат писал своему посланнику в Неаполе о необходимости со всем тщанием и вниманием следить за продвижением русского флота в Средиземное море, а 21 ноября 1769 г. тосканский посланник в Неаполе Джузеппе Бонекки сообщал, что его венецианский коллега, получив тревожные новости о приближении русской эскадры, потребовал от местного правительства проявить солидарность со своим правительством¹³¹.

Между тем, действовал и Маруцци, и его усилия (как писал Коттини во Флоренцию 4 ноября 1769 г.) не укрылись от внимания со стороны «Inquisitori di Stato», ведомства, выполнявшего функции венецианской секретной полиции. В поле его внимания попали передвижения Маруцци по Италии, денежные пособия, получаемые им из России в течение последних месяцев, его путешествие в Тоскану в сопровождении двух русских офицеров¹³². Общая оценка деятельности Маруцци была сделана в донесении Коттини от 25 ноября: венецианское правительство пребывало в уверенности, что особенного успеха в Тоскане русский поверенный не снискал. Возвращавшийся из Рима через Тоскану венецианский нобиль Джироламо Мочениго по приезде утверждал, что «в Тоскане Маруцци почитают так же, как и в Венеции...», т.е. не выказывают особого расположения¹³³. С ним заочно соглашался В.С. Тамара, писавший вице-канцлеру А.М. Голицыну из Венеции 1/12 мая 1769 г.: «Маруцци здесь ненавидим не только Греками, но и благородными Венецианцами. Не правда, чтобы дом его был всеми посещаем, как то рассказывает кавалер С. Марк (имеется в виду посланник Мерк. — Авт.): напротив, к нему никто не ходит, и особенно после размолвки его с братьями, известными за хороших людей. Над ним охотно подшучивают. <...> Графы Орловы очень против него предубеждены»¹³⁴. Тем не менее, деятельность русского поверенного успешно продолжалась: в депеше от 9 декабря 1769 г. Коттини писал, что

¹²⁹ См. также депешу Коттини от 4 ноября 1769 г.: ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ ASF, Senato, Corti, Registro 146, 1769. F. 159; ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2337.

¹³² ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹³³ «Mostrano questi Signori di sapere, che non abbia avuto nessun significante accoglimento a codesta Parte il Ministro di Moscovia Maruzzi, e tanto più si confermano in quest'opinione all'udire, che il Sig. Girolamo Mosenigo (che dal suo viaggio di Roma passò per costi) asserisce, che anche in Toscana esso fu considerato, quale in Venezia pur si considera...» (ASF, Ibid).

¹³⁴ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского С. 284; оригинал по-французски. В том же письме Тамара добавлял: «На другой день по отъезде моем в Пизу, объявили, что маркиз получил от инквизиторов приказание оставить город. Министр императора о том громко говорил. Также неоднократно звал он прокураторов обедать, но никто к нему не пошел. Я не довольно еще ознакомился с делами, чтобы определить его занятия; но, судя по этим оскорблениям, полагаю, разве бы он имел поручения вне города, что его присутствие здесь собственно бесполезно» (Там же). Возможно, отчасти о причинах недоброжелательного отношения Тамары к Маруцци свидетельствует следующее обстоятельство: «Я терплю во всем недостаток: маркиз Маруцци отказал мне в деньгах под обеспечение двух третей моего жалованья» (Там же).

Маруцци постоянно получал из Петербурга векселя, платить по которым надлежало в Амстердаме. Маруцци еженедельно менял векселя в Венеции на местные цехины на сумму двадцать тысяч флоринов¹³⁵.

Активность Орловых в Ливорно также вызывала в Венеции недовольство, связанное с перспективой нарушения военного баланса в средиземноморском регионе¹³⁶. 13 мая 1769 г. венецианский Сенат информировал своего посла в Вене о ситуации в Тоскане. По сообщениям неназванных ливорнских купцов, высокопоставленные персоны из России, недавно прибывшие в Пизу, намерены распределить в Ливорно патенты Российской империи¹³⁷; по той же причине в Ливорно задержались капитаны с фальшивыми английскими документами, желавшие затем отправиться в Порт-Магон, соединиться с россиянами и воевать с турецкими и рагузскими кораблями. Сообщалось также, что в Тоскану тайно направлялись славянские подданные Венеции, опытные в навигации и кораблестроении (назывались фамилии Лупович, Рукович, Маринко, Иванович, Каменарович и др.). Венецианский капитан Гаспаро Моро видел в Ферраре большое количество вооруженных холодным и огнестрельным оружием выходцев из Каттаро, принадлежащего Венеции города в Черногории, о чем Моро и донес Сенату. В Венеции были уверены, что все означенные лица были намерены в составе русских войск отбыть на войну с Турцией, что требовало от венецианского правительства самого деятельного контроля: нейтралитет республики запрещал ее подданным участвовать в русско-турецкой войне на стороне России.

Сенату казалось сомнительным, что греки и албанцы православного вероисповедания могут отказаться от контактов с русскими представителями в Италии, однако это неизбежно возбудило бы подозрения Порты. В итоге, Сенат принял и опубликовал специальный эдикт, воспрещавший венецианским подданным участвовать в боевых действиях России против Турции и приравнивавший нарушение устанавливаемого правила к государственному преступлению. Эдикт был отправлен в Лондон, Вену и Константинополь, венецианским властям в Леванте, Далмации, Албании¹³⁸, а также переведен на греческий и хорватский языки. Тем самым Венеция старалась избежать обвинений в сочувствии ее граждан одной из воюющих сторон и подтвердить собственный нейтралитет¹³⁹. В сложившейся ситуации особая ответственность ложилась на Франческо Бики, венецианского консула в Ливорно, в задачи которого входило следить за подданными республики и, по возможности, отправлять их обратно в Венецию¹⁴⁰.

¹³⁵ ASF, Ibid.

¹³⁶ ASF, Ibid, депеша Доменико Коттини от 20 мая 1769 г.

¹³⁷ Рескриптом от 4 марта 1769 г. Орлову разрешалось самостоятельно жаловать в обер-офицерские чины, до капитана включительно, «тех из тамошних знатных людей, кои вам или действительно уже покажут полезные услуги, или по крайней мере явятся способны к производству оных и без предыдущего награждения не столь охотно на оные поддаваться станут» (СБРИО. Т. 1. С. 14).

¹³⁸ Подробные объяснения ситуации в Адриатике и позиции Венеции, основанной на соблюдении статей мира в Пассаровице, адресованные французскому правительству, были составлены и отправлены 29 сентября 1769 г. (ASV, Senato, Corti, Registro 146, 1769. 148 verso).

¹³⁹ Ibid. 48–49 verso, 53 verso.

¹⁴⁰ Например, 2 июня 1769 г. Бики сообщал, что в Ливорно почти нет выходцев из венецианских владений в Далмации (ASV, Inquisitori di Stato, Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, Livorno, busta 513). 16 июня он передавал, что количество венецианских славян в городе возросло (около 20 человек): они курсировали между прибрежными городами Тосканы и Лигурии. Спустя еще не-

Если в Тоскане Орловым удалось создать необходимые условия для пребывания там флота Екатерины, то венецианские власти по-прежнему опасались русского военного присутствия в Италии. Тосканцы старались уверить венецианцев в том, что герцогство будет соблюдать нейтралитет, однако сами факты свидетельствовали, что контроль за русскими со стороны чиновников Пьетро Леопольдо не был строгим¹⁴¹. Почти одновременно, 27 мая 1769 г. флорентийский консул в Венеции Коттини сообщал о страхах венецианцев в связи с проводившимся в Генуе оснащением русских военных судов¹⁴². Сухопутные победы русских войск лишь усугубляли возрастающую тревогу венецианского правительства за судьбы принадлежащих Венеции колоний в начавшейся морской войне¹⁴³. Россия же — посредством ее посланников при европейских дворах (в частности, в Лондоне и Вене) — продолжала уверять венецианцев, что их владениям в Средиземном море русский флот не причинит никакого вреда¹⁴⁴.

делю консул писал в Венецию, что несмотря на отсутствие в Ливорно готовящихся кораблей, предназначенных затем русскому флоту, в город продолжали прибывать уроженцы Каттаро, стремившиеся вступить на русскую службу (ASV, Ibid, донесение от 23 июня 1769 г.). Вот еще один пример из практики венецианского консула в Ливорно: «За два дня до отплытия русского флота (т.е. 10 апреля 1770 г. — *Авт.*) — в моем доме ночью объявился некий Джорджо Лукашевич, начальник далматинцев на русской службе. Лукашевич представил мне, что как он, так и здесь (в Ливорно. — *Авт.*) находящиеся двенадцать его товарищей намерены вернуться на службу к их Сиятельному Властителю, если я дам им гарантии от наказания за содеянный ими уход, дабы быть зачисленными в армию того же Сиятельного Властителя, ибо когда покидали они дом свой, то не состояли на службе. В ответ на это я уточнил, что не могу дать им точного ответа, да и не имею права давать какую-либо гарантию, однако я уверен, что вернувшись к Сиятельному Властителю они будут благосклонно приняты. Впрочем, упомянутый Лукашевич опять повторил мне, что без гарантий они никуда не хотят ехать, умоляя меня сообщить Вашим Сиятельствам о сем их намерении, и если их удостоит милости, чтобы сообщили эту новость венецианскому послу на Мальте, куда далматинцы собирались отправиться на здешних русских кораблях. Более того, добавил Лукашевич, на Мальте находятся двенадцать других славян, которых необходимо вернуть...» — из донесения Франческо Бики от 13 апреля 1770 г. («Due giorni prima della partenza della flotta russa – comparve in mia casa di notte tempo un tale Giorgio Lucacevich capo delli Schiavoni, che sono addetti al servizio dei Russi, e mi rappresentò, che tanto esso, che dodici suoi compagni, che qui si ritrovavano, sarebbero stati intenzionati di ritornare al servizio del loro Serenissimo Principe, sempre che da me' gli fosse stata data sicurezza di non essere castigati per il passo anno fatto, e di poter essere impiegati nell'armata del Medesimo Serenissimo Principe, giacché quando si dipartirono dalle loro case, non avevano alcun impiego; a tale proposizione le fù da me soggionto, che non potevo darle precisa risposta, ne tam poco avevo facoltà di darle alcuna sicurezza, ma che in quanto a me averei creduto, che ritornando al loro Serenissimo Principe sarebbero stati benignamente accolti; ma nuovamente mi replicò il predetto Lucacevich che senza d'una sicurezza non voleano moversi, con pregarmi di rassegnar alle LL. EE. questa loro intenzione, e che degnandosi i concederle tal grazia, né avessero fatta precorrere la notizia al Veneto Ministro di Malta, per dove erano per incaminarsi colle navi Russe di qui; e più m'aggiunse il detto Lucacevich, che in detta Malta vi si ritrovavano altri dodici d'essi Schiavoni che s'impegna di fare ritornare anche quelli...») (ASV, Inquisitori di Stato, Ibid). Славяне, севшие в Ливорно на русские корабли: Джорджо Лукашевич (глава), Симон Млинерич, Трифон Балабан, Пьетро Дабович, Маттио Кларич, Кристофано Петрович, Зуан Банович, Марко Банович, Кристофано Медин, Зуан Далматинец, Элиа из Кастельнуово, Микеле Якобо (см. также: *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71. P. 1156*).

¹⁴¹ Венецианский консул в Ливорно Бики в донесении от 2 июня 1769 г. отмечал, что недавно купленный англичанами английский корабль, плавающий под английским флагом, во всей видимости, сменил штандарт на русский в одном из средиземноморских портов (ASV, Inquisitori di Stato. Dispacchi diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, Livorno, busta 513).

¹⁴² ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317. См. также главу о русско-генуэзских связях во время войны 1768–1774 гг. в настоящем издании.

¹⁴³ ASF, Ibid, донесение Коттини от 6 января 1770 г.

¹⁴⁴ ASF, Ibid, донесение Коттини от 13 января 1770 г.

Еще в 1915 г. Роберто Чесси ввел в научный оборот весьма любопытный источник: хранящиеся в Государственном архиве Венеции записи разговоров Маруцци с неким Драганичем (эти записи Драганич переправлял в секретную полицию — «Inquisitori di Stato»). Драганич являлся своего рода «официальным» посредником между Маруцци и венецианскими властями: русский поверенный знал, что его беседы дойдут до сведения сенаторов, и в то же время по настроениям Драганича мог судить о позиции венецианцев в отношении его персоны. Как показывал Чесси, одним из ключевых эпизодов дипломатической миссии Маруцци стал 1770 г., когда его задачей было втянуть Венецию в конфликт с Турцией на стороне России.

По мнению Чесси, деятельность Маруцци имела следующие границы: с одной стороны, венецианский Сенат, в силу дипломатического статуса маркиза, не мог препятствовать ему частным образом защищать интересы своего двора¹⁴⁵, с другой — Маруцци никак не мог повлиять на решения Сената касательно сближения с Россией. В итоге, он вынужден был ограничиваться тем, что тайно вербовал на службу России новых людей и обеспечивал финансовую поддержку флоту, а Сенат пытался ему в этом воспрепятствовать¹⁴⁶. Кроме того, деятельность Маруцци осложнялась не только непростыми отношениями с венецианским Сенатом¹⁴⁷ и негативными отзывами о его деятельности в Австрии, но и исключительной зависимостью маркиза от русского посланника в Вене Д.М. Голицына, которого Маруцци в одном из разговоров характеризовал как «человека достаточно ленивого, склонного к удовольствиям и удобству, не заботящегося о делах, небрежного и безразличного в том, что доставляет ему беспокойство»¹⁴⁸.

Весной 1770 г. с высадкой российского десанта и началом военных действий в Морее война подступила к границам Венеции. И вполне можно отнести к венецианцам слова, написанные императрице Ф.Г. Орловым 22 апреля 1770 г.: «Сначала никто не хотел верить, чтоб мы дошли до сего места, а еще менее, чтоб атаковали нашего неприятеля. Все думали: пошатавшись-де по морю и ничего не сделав, назад воротятся. Узнали теперь свою ошибку. Открыли глаза, не знают что думать и что делать, с удивления окаменели...»¹⁴⁹.

Пано Маруцци в 1770–1771 годах

Неопределенность международной ситуации, как и нечеткость собственного статуса, характеризовавшие начало дипломатической миссии маркиза Маруцци, сменились периодом заметного усиления позиций российского поверенного.

¹⁴⁵ Так, ставший венецианским посланником в Константинополе Паоло Реньер писал Никколо Фоскарини в Венецию 17 августа 1773 г.: «не следует оставлять петербургский двор без посланника <в Венеции>» (*Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 44; оригинал по-итальянски).

¹⁴⁶ *Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770*. P. 1585.

¹⁴⁷ *Ibid.* P. 1587–1588; *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 45.

¹⁴⁸ *Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770*. P. 1577, 1584 (оригинал по-итальянски). Ср. отзыв в беседе с Драганичем, записанной 22 апреля 1770 г.: *Ibid.* P. 1587. Сходным образом Голицына описывал и венецианский посланник в Вене Д. Градениго (см. депешу от 19 марта 1774 г.: *Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII (1770–1785)*. P. 238).

¹⁴⁹ СБРИО. Т. 10. С. 416.

Апогей же его деятельности по привлечению Венеции на сторону России пришелся на 1770 г.¹⁵⁰

В марте 1770 г., накануне начала боевых действий в Греции¹⁵¹, Маруцци сообщал венецианскому правительству посредством своего конфиденанта Драганича, что Россия надеется на сотрудничество с республикой. Как бы от своего имени Маруцци добавлял — и это станет его основным аргументом в споре с венецианскими политиками, — что Венеции следует немедленно связать себя договором с Россией, поскольку после завоеваний в Средиземном море Екатерина II уже не будет заинтересована в дружбе переживающих не слишком хорошие времена венецианцев. Кроме того, союз с Россией мог бы избавить республику от постоянных проблем с греческим населением венецианских островов, на которое Петербург имел определенное влияние¹⁵². Впрочем, в укреплении связей с Венецией нуждалась и Россия, поскольку отношения между русским и австрийским дворами в этот период значительно ухудшаются: в марте 1770 г. Вена фактически заблокировала назначение русского консула в Триесте (на это место Екатерина прочла грека Антона Папу)¹⁵³.

Развитие событий в Морее в апреле 1770 г. увеличило шансы Маруцци добиться своего: его доводы становились весомее, мнения венецианских полити-

¹⁵⁰ 1769 год заканчивался для Маруцци более или менее хорошо. Так, 11/22 декабря 1769 г. он информировал А.М. Голицына о том, что венецианский Сенат разрешил всем тем, кто связан с русским двором, беспрепятственно пересекать границы республики. В следующем послании — от 13/24 декабря того же года — Маруцци замечал: «Что же до настроения здешнего правительства, то, кажется, оно в некоторой степени переменилось: разрешение на проезд тому доказательство» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2044. Л. 82 об., 84; оригинал по-французски). Н.И. Панин писал Маруцци по этому поводу 16 января 1770 г.: «Вам следовало бы формально приветствовать сенат от имени ее вел<ичест>ва по поводу постановленного им в настоящей нашей войне с Портою образа действий, согласного с существующею между империею и республикою дружбою; но так как в виду всегда тревожной осторожности правительства последнему могла бы быть неприятна слишком большая огласка и придача особенного значения его решения выражением публичной благодарности, то быть может вы признаете более удобным ограничиться сообщением тем сенаторам, с которыми вы поддерживаете сношения, тех чувств, какие испытаны были вашим двором по получении вашего донесения о нынешнем поведении сената, а равно и тех упований, какие они всегда могут возлагать на неизменные чувства России к республике» (СБРИО. Т. 97. С. 14–15; оригинал по-французски). Маруцци предписывалось всеми средствами склонять Венецию к более решительным действиям.

¹⁵¹ Тогда же, 9 марта, Маруцци отправился из Венеции в Пизу, везя с собой полтора миллиона венецианских монет, предназначенных на нужды русского флота в Средиземноморье (NM. 1770. 22. 174). В тот же день к вечеру Маруцци был уже в Ферраре и 10 утром возобновил путешествие в Тоскану (NM. 1770. 22. 175).

¹⁵² Схожие тезисы Маруцци высказал в письме к А.М. Голицыну из Ливорно от 8/19 марта 1770 г. (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 9–9 об.). Маруцци был присущ крайний оптимизм относительно перспектив втягивания Венеции в русско-турецкий конфликт и, по всей видимости, во многом он выдавал желаемое за действительное.

¹⁵³ См. реляцию Д.М. Голицына в Петербург от 10 марта 1770 г. (СБРИО. Т. 97. С. 38–39). Екатерина писала Панину по этому поводу: «Господа австрийцы, если они последовательны, должны после отказа принять нашего консула в Триест из опасения турок, выгнать нашего посланника из Вены и объявить нам войну; этот отказ в принятии консула не есть поступок свойственный нейтралитету» (Там же. С. 39; оригинал по-французски). В секретной записке отправлявшемуся в Турин А.В. Нарышкину от 7 июня 1770 г. говорилось: «При венецианской республике находится здешний поверенный в делах, но об ней ничего подлинного сказать нельзя, ибо она пребывает в оборонительной своей нерешимости, продолжая иметь застарелый страх и опасение от турок, а притом удерживается с одной стороны противниками здешними вступать против турок в некоторое с нами согласие, а с другой может быть опасается, равно как и венский двор, своих подданных с нами единовременных и весьма нам усердных» (Там же. С. 71).

ков относительно союза с Россией стремительно дифференцировались. Основным противником Маруцци по-прежнему оставался венский двор, внимательно наблюдавший за развитием ситуации в Средиземноморье. В то же время поверенный надеялся, что успехи русского флота позволят склонить общественное мнение Венеции на сторону России и изменить вектор ее внешней политики. Получив информацию о колебаниях в венецианском правительстве, Маруцци в начале мая 1770 г. доводил до его сведения через Драганича, что готов послужить посредником в переговорах по созданию альянса, однако лишь в том случае, если будет уверен в серьезности намерений венецианцев. Тогда же Маруцци составил и подал специальное отношение к Сенату с изложением всех преимуществ от союза России и Венеции. В качестве одного из «сильных» доказательств Маруцци использовал возможные экономические последствия от ослабления турецкого влияния в Море: Венеция могла бы претендовать на часть владений Турции в Европе и тем самым поправить свои финансовые и торговые дела. Ситуация в Архипелаге, по мнению Маруцци, делала такое развитие событий весьма вероятным, несмотря на статус кво, зафиксированный в 1718 г. миром в Пассаровице, по которому Венеция как раз потеряла свои земли на Пелопонесе. При всем том, документ был написан Маруцци в самых общих выражениях и, дабы предоставить Сенату необходимую свободу действий, содержал принятые в дипломатии формулы благодарности за расположение венецианцев к русским¹⁵⁴.

Однако усилия Маруцци оказались тщетны, и виной тому — дипломатическое противодействие Австрии. В решительный момент венецианских дебатов о преимуществах и недостатках союза с Россией австрийский канцлер Кауниц, обычно сообщавший венецианскому послу свое мнение о политике республики весьма уклончиво, выступил в беседе с новым венецианским посланником в Вене Д. Градениго с *прямым* осуждением любых дипломатических контактов Венеции с Россией. 18 апреля 1770 г. венецианский посланник в Вене писал Сенату, что Кауниц весьма скептически смотрит на экспедицию русского флота в Морею и сомневается в способности русских закрепиться как на Пелопонесе, так и в Молдавии и Валахии. Кауниц утверждал, что Екатерина II стремится лишь «идти напролом» («*casser les vitres*») и не будет соблюдать условий международного права. Кроме того, ресурсы России не безграничны, и турки сумеют этим воспользоваться и победить в войне. По сумме всех приведенных аргументов, заключал Кауниц, Венеции необходимо строжайшим образом придерживаться статей мирного договора с Оттоманской Портой. 5 мая 1770 г. Градениго доносил Сенату о словах Кауница по поводу того, что Венеции не следует бояться России, и о призывах не поддаваться на уговоры Петербурга¹⁵⁵.

Слова австрийского канцлера быстро возымели должный эффект: Сенат отказался от предложений Маруцци, которому лишь оставалось жаловаться в разговорах с Драганичем об упущенных Венецией возможностях и убытках от решения прервать переговоры о трактате. Аргументация Маруцци в мае 1770 г. не изменилась: он делал упор на скорое взятие русскими войсками Константинополя (хотя в это время Морейская операция терпела поражение) и на масштабную

¹⁵⁴ Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770. P. 1585–1589.

¹⁵⁵ Ibid. P. 1589–1594.

ревизию средиземноморской политики, в которой венецианцы будут занимать еще более скромное место, чем до войны¹⁵⁶.

В середине мая Маруцци подал в Сенат дополнительный меморандум о русско-венецианских отношениях, однако ответа на него он так и не получил: повинувшись распоряжению Кауница, Сенат предпочел сделать вид, что русского поверенного в Венеции не существовало. В ответ Маруцци уверял венецианские власти (в беседе, записанной Драганичем 31 мая 1770 г.), что своим пренебрежением Сенат оскорбил не только его лично, но и петербургский двор, о чем он будет вынужден сообщить Екатерине¹⁵⁷. Конфликт между русским поверенным и венецианским правительством продолжал разгораться: 30 июня 1770 г. новый состав совета венецианских министров «*Collegio dei Savi*» запретил венецианским нобилем контактировать с Маруцци; при этом не только он, но и члены его семьи лишались права называться венецианскими патрициями: по законам республики, венецианский дворянин не мог быть министром иностранного двора на своей родине. Однако этот запрет изображался как демонстрация уважения к Екатерине и ее поверенному со стороны Венецианской республики — ведь отныне Маруцци мог считаться полноправным посланником¹⁵⁸. Одновременно Турция, через венецианского посла в Константинополе, выразила протест в связи с финансовой активностью врагов Оттоманской Порты в Венеции. Венецианский Совет предполагал, что турки намекали на деятельность Маруцци. Посланнику в Константинополе было передано, что Маруцци не является более венецианским дворянином, а наоборот, иностранным дипломатом второго ранга, абсолютно независимым от республики и ее юрисдикции. В свете последнего обстоятельства венецианское правительство не могло нести ответственность за действия Маруцци. Наконец, в «*Collegio dei Savi*» полагали, что важным результатом декрета о лишении Маруцци прав венецианского нобиле явится снижение степени информированности русского посланника о делах республики, следовательно ему сложнее будет извещать греков и русских в Леванте и на Балканах о венецианских военных проектах, как он это делал прежде¹⁵⁹.

Непосредственно после появления декрета Маруцци изложил свою точку зрения на проблему в письме к А.М. Голицыну и Н.И. Панину. Поверенный уведомлял сановников о демарше венецианцев и отмечал, что императрица должна

¹⁵⁶ Слухи о грядущем взятии Константинополя в 1770 г. активно распространялись из Петербурга. См. письмо французского посланника в России Сабатье де Кабра герцогу Шуазелю из Петербурга от 1 декабря 1769 г.: «Наверное, у русской императрицы и ее приближенных вскружилась голова. Она только и мечтает, говорит и думает о том, чтобы взять Константинополь. Этот бред доводит ее до уверенности, что ее ничтожная эскадра (кое-как вооруженный флот, который должен стать в Архипелаге под командованием Эльфинстона) наведет ужас на столицу Оттоманской империи...» (цит. по: Черкасов П.П. Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. С. 359).

¹⁵⁷ Кроме того, Маруцци знал, что его инициативы поддерживались на европейском дипломатическом уровне: так, о возможности альянса говорили в июне 1770 г. в Лондоне русский и венецианский посланники в Британии (*Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770. P. 1600*).

¹⁵⁸ Донесения Коттини от 4 июля, 8 и 22 сентября, 8 декабря 1770 г. (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317, 2318).

¹⁵⁹ Причиной действий «*Collegio dei Savi*» Маруцци во многом считал продолжавшиеся обвинения в вербовке венецианских подданных на российскую службу (в частности, меру терпения венецианцев переполнила история с греческим капитаном Поликутти, о которой см. ниже).

добиться уважения к собственному дипломату¹⁶⁰. Отныне деятельность Маруцци оказывалась значительно затрундена.

В итоге, Маруцци задумался о переезде из Венеции в одну из других итальянских столиц¹⁶¹, в чем и состояла конечная цель политики венецианцев. Братья Маруцци, Ламбро и Константин, в соответствии с решением властей¹⁶², отделили свое имущество от доли, принадлежавшей Пано Маруцци, и 5 июля 1770 г. добились возвращения им венецианского дворянства. Впрочем, все это не избавило семью Маруцци от подозрений, что они найдут способ тайно помогать Пано и грекам в войне с турками.

Суть конфликта и возмущения Маруцци заключалась в том, что венецианские власти самочинно объявили его русским посланником без соответствующего решения Екатерины II, назначившей маркиза лишь поверенным. Наказание проистекало исключительно из сущности нового статуса Маруцци, который мог быть ему дарован лишь из Петербурга, но никак не из Венеции¹⁶³. Маруцци предпринял попытку заставить венецианцев отменить свое решение в нескольких записках, поданных в Сенат¹⁶⁴, однако успеха не имел, как и официальные протесты из Петербурга (впрочем, не самые настойчивые). В октябре 1770 г. Маруцци постарался еще раз оспорить декрет 30 июня, однако вновь безрезультатно¹⁶⁵.

Историк Роберто Чесси объяснял запоздалое лишение Маруцци прав венецианского нобиля (ведь Маруцци занимался активной деятельностью по подготовке операций русского флота с конца 1768 г.!) желанием предупредить русского поверенного относительно уместности его дальнейшей деятельности. В конце июля 1770 г. Драганич докладывал, что Маруцци огорчен санкциями и ставит в вину «Collegio dei Savi» единоличное принятие решения, без совета с Сенатом, который являлся гарантом дипломатической активности Маруцци. Главным виновником сложившейся ситуации Маруцци называл прокуратора Ф.Л. Морозини. К концу августа 1770 г. стало окончательно понятно, что главное в миссии Маруцци не удалось: Венеция приняла решение держаться австрийской внешней политики, и осенью 1770 г. регулярные беседы Маруцци с Драгановичем прекратились¹⁶⁶. В

¹⁶⁰ В середине августа 1770 г. формальный протест был заявлен от имени Екатерины в Венеции (с оговоркой, что Маруцци не причастен к скандалу с греческим капитаном Поликутти), кроме того, Д.М. Голицын объявил о неудовольствии императрицы венецианскому послу в Вене Градениго. Однако, как полагали в Петербурге, в случае отказа необходимо тянуть время и не предпринимать дополнительных, более резких шагов (см.: СБРИО. Т. 97. С. 130–135).

¹⁶¹ См. письмо Маруцци А.М. Голицыну от 30 июня/11 июля 1770 г. и письмо Маруцци Н.И. Панину от 28 июня/9 июля 1770 г.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 27–27 об., 31–32 об.

¹⁶² Об этом см.: Там же. Л. 31.

¹⁶³ Там же. Л. 33–35.

¹⁶⁴ Вторая из них была подана 3 июля 1770 г., ее текст см.: Там же. Л. 39–40.

¹⁶⁵ Донесение Коттини от 7 июля и 13 октября 1770 г.: ASE, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹⁶⁶ Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770. P. 1594–1601, 1604. См. также: Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII (1770–1785). P. 232–236. Одновременно в Венеции ходил следующий слух: «Полагают, что курьер <из Вены> сообщил: либо Императорский Двор Австрии предлагает Республике наступательный и оборонительный союз в том, что касается исключительно настоящих обстоятельств. Либо тот же Двор призывает Республику соединиться, причем вместе с Россией и другими Дворами, стремящимися вернуть и разделить оттоманские владения в Европе. Или же наконец: что русская Императрица предлагает венецианцам приобрести их владения в Леванте, однако по иному плану, нежели был выдвинут год назад и отвергнутый Республикой, то есть через союз в настоящем, с гарантией морских держав и дворов Севера» (Донесение Коттини из Венеции от 8 сентября 1770 г., ASE, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317; оригинал по-

сентябре того же года русский посланник в Вене Д.М. Голицын открыто высказал венецианскому послу Градениго свое сожаление по поводу ситуации, возникшей вокруг Маруцци, прибавив, что российская императрица испытывает по данному поводу сходные чувства¹⁶⁷. Характерно, что в депеше австрийского посланника в Петербурге Зедделера гр. Кауницу от 5 октября 1770 г. фиксировались многочисленные слухи о планах Екатерины II назначить собственных представителей при итальянских дворах¹⁶⁸, что также сигнализировало о желании императрицы существенно изменить характер русской дипломатии в Италии.

Одновременно осложнились и финансовые операции Маруцци. В начале июля 1770 г. тосканский консул в Венеции Коттини сообщал, что Маруцци получил векселя из Петербурга стоимостью 900 тысяч флоринов и попытался немедленно продать их, дабы вырученные средства переправить в Ливорно на нужды русской эскадры в Леванте. Однако немецкие купцы, к которым традиционно обращался Маруцци, на сей раз отказались выкупить ценные бумаги. Маруцци удалось выручить векселя лишь в августе 1770 г., когда один из основных заимодателей Маруцци — купец Шальхаузер — согласился на его условия. В итоге за три недели Маруцци удалось достать полмиллиона флоринов. Впоследствии стали известны подробности сделки: сумма векселей равнялась 900 тысячам флоринов, деньги следовало получить в течение трех месяцев, из расчета 300 тысяч флоринов в месяц. Поручителями в сделке были банкирские дома Лондона, Парижа, Амстердама, Вены и Ливорно, гарантировавшие означенную сумму денег. Начало денежной операции было положено курьерским сообщением из Петербурга, в котором одобрены действия русского поверенного в итальянских государствах¹⁶⁹.

Учитывая все вышесказанное, становится понятным скептицизм Екатерины II в адрес венецианцев, например, в ее письме Вольтеру от 9 августа 1770 г.: «С трудом гг. Венецианцы создадут что-либо великое: они слишком мудрят; они умствуют, когда нужно бы действовать; я согласна с вами, милостивый государь, что долго им не найти случая более благоприятного для возвращения того, что они потеряли»¹⁷⁰.

тальянски). Источником информации Коттини называл некоего венецианского сенатора, и прежде открывавшего тосканскому посланнику многие детали венецианского управления.

¹⁶⁷ *Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII (1770-1785)*. P. 236; *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 45; см. также письмо Н.И. Панина Маруцци от 14 августа 1770 г. (СБРИО. Т. 97. С. 128–131). Сам Маруцци уже в 1771 г. отмечал, что эмиссары венского двора стремятся любым способом навредить России (в письме к А.М. Голицыну от 1/12 июля 1771 г. из Венеции: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2047. Л. 17).

¹⁶⁸ СБРИО. Т. 109. С. 472.

¹⁶⁹ ASF, Segreteria e Ministro degli Esteri, pezzo 2317.

¹⁷⁰ Цит. по: СБРИО. Т. 13. С. 29; оригинал по-французски. В начале весны 1770 г. высказывания Екатерины о венецианцах звучали более оптимистично, например, в письме Вольтеру от 20 марта 1770 г.: «Если бы господа венецианцы захотели, то ничего не было бы легче послать, согласно вашему желанию, Мустафу провести масляницу 1771 года с Кандидом в их влажном городе» (цит. по: СБРИО. Т. 10. С. 411; оригинал по-французски). См. также типичную оценку отношений России и Венеции в секретной инструкции на имя русского посла в Испании С.С. Зиновьева от 19 мая 1771 г.: «При венецианской республике находится здешний поверенный в делах, но об ней ничего много сказать нельзя, как только, что она пребывает в обыкновенной своей нерешимости, продолжая иметь застарелый страх и опасение от турок, а притом удерживалась с одной стороны противниками здешними вступить против турок в некоторое с нами согласие, а с другой, может быть опасается, равно как и венский двор, своих подданных, с нами единоверных и весьма нам усердных» (СБРИО. Т. 97. С. 320). То же см. в инструкции назначенному в Париж полномочным министром генерал-майору И.С. Барятинскому от 25 июля 1773 г. (СБРИО. Т. 118. С. 452–453), в высочайшем рескрипте на имя контр-адмирала С.К. Грейга от 9 октября 1773 г. (Там же. С. 476).

Злоключения Маруцци однако продолжались и позже. В сентябре 1771 г. Маруцци оказался замешан в следующую историю. Он получил из-за пределов Венецианской республики несколько драгоценных камней, немедленно конфискованных у него властями, поскольку они были выработаны за границей и оценивались как контрабанда. Тринадцать дней спустя после конфискации Маруцци запросил возврата камней, на что «Collegio dei Savi» отвечал отказом, мотивируя свое решение тем, что вердикт о конфискации был уже вынесен. Маруцци оспорил и эту резолюцию. Находясь в весьма деликатном положении, секретарь «Collegio» Дзулиан предложил Сенату решительно отказать Маруцци и на этот раз. Однако влиятельный венецианский политик Андреа Трон высказался против такой меры. С точки зрения права, утверждал Трон, ответ «Collegio» Маруцци был справедливым и логичным, более того, наглость этого «назойливого дипломатического насекомого» («*molesto Insetto Diplomatico*»), не знающего, как следует обращаться с государями, заслуживала решительного отпора. Однако, высказав эту мысль, Трон заметил, что прежде чем принять окончательное решение, следовало бы вспомнить о патенте, в котором определялись права русского поверенного. Если принять во внимание не его самого, но его статус, то было бы разумно вернуть драгоценные камни Маруцци. Нельзя забывать о том, что Маруцци до сих пор был полезным для петербургского двора инструментом и что Петербург, в силу преимуществ, если не престижа, мог отрицательно посмотреть на репрессии в адрес своего дипломата. Наконец, в настоящих обстоятельствах невозможно было похвалить политика в Венеции, который советовал из-за пустяка, хоть и справедливого, давать повод к пусть отдаленным смутам в гармоничных отношениях Республики и России, беспорной хозяйки навигации в Архипелаге, которой к тому же нужны порты и припасы ввиду приближающейся зимы. Оппонент Трона Дзулиан, несмотря на представленные аргументы, продолжал настаивать на своей правоте: оскорбление, нанесенное требованиями Маруцци республике, с его точки зрения, было слишком велико. Он возражал Трону, что из-за камней русский двор не будет создавать себе врагов, а Маруцци является лишь простым распорядителем императорских векселей, реальная же политика зависит от Алексея Орлова. По итогам голосования в Сенате, в выдаче камней Маруцци было окончательно отказано¹⁷¹.

После неудачи 1770 г. действия Маруцци свелись к сбору информации для петербургского двора о событиях в Леванте (в частности, о ситуации в Египте, о чем см. гл. 8) и к финансовым операциям, а для Венеции — к сообщению местному правительству о победах русских войск в Средиземном море и на Дунае¹⁷², о придворной жизни в Петербурге, а также к протестам по мелким делам, связанным с пребыванием русских в Венеции¹⁷³. В мае 1771 г. Маруцци жаловался путешество-

¹⁷¹ Донесение тосканского посланника в Венеции Коттини от 28 сентября 1771 г.: ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹⁷² Сообщение венецианским властям сведений о боевых действиях русской армии было составной частью общеевропейской «информационной войны». Маруцци рассказывал А.М. Голицыну в письме от 18/29 мая 1773 г. о том, как он заключил пари (на деньги) с французским поверенным в делах, который утверждал, что русские войска не перешли Дунай (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2050. Л. 11 об.).

¹⁷³ Динамика изменений в положении Маруцци в Венеции видна по упоминаниям его имени во время заседаний Совета при Высочайшем Дворе. Реляции и письма Маруцци зачитывались на постоянных собраниях Совета 10 февраля 1769 г., 8 октября 1769 г., 26 октября 1769 г., 2 апреля 1770 г., 6 мая 1770 г., 12 августа 1770 г., 27 сентября 1770 г., 29 ноября 1770 г. (Архив Государственного Совета.

вавшему по Италии русскому посланнику в Дрездене князю А.М. Белосельскому-Белозерскому на недружелюбное отношение венецианцев к России. Однако, как заметила А.М. Альберти, сфера активности русского поверенного не была окончательно сужена: вокруг него сформировалась группа русских, греческих и польских офицеров¹⁷⁴, стремившихся «неофициальным» образом помогать русской эскадре в Архипелаге. Естественно, в эту группу входило и определенное количество авантюристов, что заставляло венецианские власти пристально наблюдать за Маруцци. Маркиза считали источником многих интриг в пользу России, так что любая награда, полученная им из Петербурга, наводила на мысль об удаче его дипломатической миссии. Особенное беспокойство венецианцев (в частности, в 1774 г.) вызывали регулярные сношения между Пано Маруцци и его братом Ламбро, влиятельным человеком среди венецианских дворян, готовых открыть секреты Республики¹⁷⁵.

К концу войны отношения между Маруцци и русскими военачальниками, пребывавшими в Италии (прежде всего Алексеем Орловым), стали ухудшаться. Верительные грамоты, предназначенные для аккредитации маркиза при других итальянских дворах, так и не прибыли; по мере приближения мира с Турцией Маруцци предчувствовал исчерпанность своей миссии и высказывал опасения по поводу собственной участи в Венеции после того, как русские уйдут из Италии¹⁷⁶. В письме А.М. Голицыну от 5/16 июля 1774 г. Маруцци жаловался, что возвращавшийся из России в Тоскану Алексей Орлов в Венеции не появился и не разрешил текущих проблем, стоявших перед русской миссией в республике, как это оговаривалось прежде¹⁷⁷. В одном из следующих посланий Маруцци высказывался более откровенно. Историю своей службы поверенного в русских делах в Венеции Маруцци, не без оснований, изображал как постоянное самопожертвование. Кульминацией самопожертвования был скандал с исключением маркиза из числа венецианских дворян, что фактически лишило его прав в республике. Маруцци напоминал Голицыну, что Н.И. Панин писал ему после принятия декрета 30 июня 1770 г., прося потерпеть, и гарантировал щедрую компенсацию в будущем. Маркиз с горечью отмечал, что, поскольку верительные письма к итальянским дворам до сих пор не присланы¹⁷⁸, его статус за время войны несколько не изменился, наоборот, положение в Венеции лишь ухудшилось. Война закончилась, и Маруцци просил у Н.И. Панина и А.М. Голицына поспособствовать получению им нового места службы¹⁷⁹. Кроме того, дело усугубилось конфликтом Маруцци с Алексеем Орловым, который обвинил маркиза в превышении должностных полномочий — в от-

Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). СПб., 1869. Стлб. 19, 36, 37, 46, 48, 55, 61, 69), однако его имя в дальнейшем исчезает со страниц отчетов о заседаниях Совета.

¹⁷⁴ Среди них А.М. Альберти упомянула Деметрио Теодоро, венецианского издателя, имевшего обширные связи с Россией и напечатавшего книгу, посвященную Екатерине II (*Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII* (1770–1785). P. 236).

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 234–235. При этом в венецианских кафе можно было часто услышать сочувственные отзывы о греческом восстании в Морее (информация относится к июлю 1770 г.): *Ibid.* P. 236.

¹⁷⁶ Это понимали и в Петербурге. См., например, инструкцию барону А.Ф. Ассенбургу, русскому посланнику при имперском сейме в Регенсбурге, от 30 сентября 1774 г. (СБРИО. Т. 135. СПб., 1911. С. 237).

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2051. Л. 11.

¹⁷⁸ Этому сюжету посвящена значительная часть письма Маруцци А.М. Голицыну от 8/19 ноября 1774 г. из Венеции: Там же. Л. 45–45 об.

¹⁷⁹ См. письмо Маруцци А.М. Голицыну от 1/12 ноября 1774 г. из Венеции: Там же. Л. 41–42.

казе выдать Орлову патенты на консульские места в средиземноморском регионе, прежде переданные Орловым Маруцци на сохранение. Оправдываясь, Маруцци писал А.М. Голицыну, что Орлов передал ему патенты в бессрочное пользование, к тому же Маруцци уже продвинулся в переговорах с претендентами на эти места. Причину недовольства Орлова Маруцци усматривал в «конфликте интересов», развернувшемся между различными кандидатами на консульское звание и добавлял, что в течение войны жертвовал всем ради службы Орловым, которые своих обещаний в отношении него не выполнили¹⁸⁰.

Петербург ожидаемо встал на сторону А.Г. Орлова, и от имени Екатерины Н.И. Панин просил Маруцци в письме от 21 ноября / 2 декабря 1774 г. немедленно выслать патенты их законному, с его точки зрения, обладателю¹⁸¹. В итоге, к концу русско-турецкой войны Маруцци лишился звания венецианского дворянина, так и не став полноправным русским посланником при каком-либо из итальянских дворов¹⁸². Дипломатические отношения России и Венеции были установлены в 1782 г., но уже без всякого участия маркиза Пано Маруцци.

ВЕНЕЦИАНСКИЕ «ГРЕКИ» НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ.

История капитана Поликутти

Как уже говорилось, одной из стержневых проблем Венецианской республики в период русско-турецкой войны было сохранение нейтралитета. Между тем, опасность для этого нейтралитета таилась в стремлении подданных-греков с венецианских территорий сражаться на стороне России. Обходя принимавшиеся венецианским Сенатом эдикты, запрещавшие участие в войне, греки вступали на русскую службу, выводя себя из-под юрисдикции Венеции. Одним из самых острых конфликтов между Россией и Венецией по этому поводу стала история капитана А. Поликутти, венецианского подданного греческого происхождения.

Впервые венецианские власти обратили внимание на Поликутти, по-видимому, в начале 1770 г. Тосканский посланник в Венеции Коттини в своем донесении от 10 марта рассказывал о некоем богатом греческом купце Капитанаки, родившемся и долгое время прожившем в Венеции, который владел судном «Atta». В октябре 1769 г. он послал свой корабль на остров Крит под командованием капитана Поликутти, также грека, но происходившего из Кастельнуово, венецианской крепости близ города Каттаро. Накануне отплытия на корабле были пробиты многочисленные амбразуры, число которых превышало 30, тайно погружены пушки и 50 бочек пороха. Превратившееся из торгового в военное, судно «Atta» отплыло в Триест, где Поликутти намеревался приобрести прочие запасы и оружие. Однако в Триесте Поликутти осуществить закупки воспретили, после чего он отправился в Истрию, где, наконец, запаса продовольствием и боеприпасами при деятельном посредничестве одного из агентов Пано Маруцци¹⁸³. Вслед за тем, Поликутти выехал

¹⁸⁰ См. письмо Маруцци А.М. Голицыну от 11/22 декабря 1774 г. из Венеции: Там же. Л. 85–86.

¹⁸¹ СБРИО. Т. 135. С. 275. См. также письмо Панина А.Г. Орлову от 17 ноября 1774 г.: Там же. С. 274.

¹⁸² Характерно, что сертификат о потраченных на нужды русских эскадр деньгах Маруцци получил от А.Г. Орлова лишь 18 декабря 1787 г. (по нов. ст.). См.: *Maltezoù C. Greci di Venezia al servizio della Russia nel Settecento*. С. 173.

¹⁸³ Связь Поликутти с Маруцци была доказана венецианцами в конце мая 1770 г., см. донесение Коттини от 26 мая, ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

Венеция

в Черногорию, к Бокка ди Каттаро, набрал команду, целиком состоявшую из православных, и затем отплыл в Левант с грузом древесины и других товаров. Однако, когда корабль находился еще в Каттаро, венецианские власти узнали, что хозяин судна Капитанаки намеревался его продать. Учитывая опасные для венецианцев устремления Поликутти, Капитанаки было предложено судно пока не продавать и сообщить о своем намерении Поликутти. В ответ капитан пообещал подчиниться приказу своего работодателя.

События, впрочем, развивались по иному сценарию. А. Поликутти, в середине февраля 1770 г. вернувшийся с Крита на принадлежавший Республике остров Зант, объявил местному командованию, что отказывается от венецианского патента на плавание. Произведя три пушечных выстрела, он спустил венецианский флаг и водрузил на мачту флаг российский, после чего отплыл с Занта в Морею, намереваясь присоединиться к русской эскадре. Коттини добавлял, что Поликутти считался одним из самых опытных греческих штурманов на венецианской службе, но при этом и одним из самых своенравных: он часто получал от русских деньги, в обмен обещая участие в греческом восстании, командовал гордым и многочисленным экипажем, был ловок в навигации и в бою. Поликутти был предан православной вере и лелеял надежды на скорейшее освобождение греков из-под власти турок¹⁸⁴.

Опасаясь последствий демарша Поликутти, венецианский Сенат немедленно отправил в Константинополь курьера. Он вез указание венецианскому по-

¹⁸⁴ Донесение Коттини от 10 марта 1770 г., Ibid.

сланнику в Турции оправдать Республику перед султаном: Венеция не имела никакого отношения к инциденту и уже выслала приказ военному командованию в Леванте арестовать и наказать виновного. Одновременно поимки Поликутти Венеция потребовала и от Петербурга, сообщив о случившемся остальным европейским дворам.

В середине марта 1770 г. в Венецию прибыл принадлежащий флоту Республики торговый корабль и привез датированные началом марта письма от официальных представителей Венеции на острове Зант. Главный управляющий Занта доносил о поступке Поликутти и сетовал на то, что во время инцидента на Занте он находился далеко от места происшествия и не успел задержать корабль Поликутти. Выяснилось, что мотивом к неожиданному отказу Поликутти от венецианского патента якобы стало его нежелание подвергаться карантину, установленному для возвращающихся из Леванта кораблей. Карантин предусматривал обязательную проверку судна офицерами санитарной службы: наличие контрабандных товаров (оружия, пороха, боеприпасов) на борту вынудило Поликутти к решительным действиям — переходу на русскую службу¹⁸⁵.

Венецианцы немедленно забили тревогу. Тогда же, в середине марта 1770 г., из Венеции был отправлен специальный курьер в Рим, Неаполь и Вену: представители Республики в этих городах инструктировались по поводу поступка Поликутти: «богатый капитан торгового судна из порта острова Зант, подданный Венецианской республики, тайно увеличив численность своей батареи до 40 орудий и изменив их калибр на соответствующий боевым пушкам, погрузив на судно свою семью, поднял флаг Святого Марка и, салютовав тремя пушечными выстрелами, немедленно ушел из порта». Это описание, вероятно, не без смысловых искажений, затемнявших характер поведения Поликутти, было затем воспроизведено в письме тосканского посланника в Риме Сент-Одила от 17 марта 1770 г.¹⁸⁶

Между тем, в начале апреля 1770 г. Поликутти пристал к авангарду российской эскадры в Море¹⁸⁷. Из письма управляющего островом Зант от 9 апреля в Венеции стало известно, что Поликутти на одном из приобретенных русскими кораблей включен в состав эскадры, однако командовали кораблем два россиянина, а не грек¹⁸⁸. В середине мая 1770 г. венецианский торговый магистрат получил письмо от Поликутти с прикрепленным к нему венецианским патентом, от которого греческий капитан отказался двумя месяцами ранее¹⁸⁹.

Венеция не оставляла попыток задержать своего подданного, но, судя по донесению, доставленному с о. Корфу в Венецию 16 июля 1770 г., «русский адмирал» (вероятно, Спиридов) отказался выдать Поликутти. Адмирал объяснил это следующими причинами: капитан, благодаря своим заслугам, отваге в сражении

¹⁸⁵ Донесение Коттини от 17 марта 1770 г., ASF, Ibid.

¹⁸⁶ «Un ricco Capitano d'una Nave mercantile dell'Isola e Porto di Zante, suddito della Repubblica Veneta, dopo aver segretamente aumentato la sua batteria fino al num. di 40 cannoni, con averne ridotto il calibro ad usi di guerra, imbarcata nella propria Nave la sua famiglia, alzò la Bandiera di San Marco, e salutolla con 3. colpi di cannone, e sarpò immediatamente dal Porto» (ASF, Segreteria e Ministero di Stato, pezzo 2291). См. также письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри из Рима в Милан от 17 марта 1770 г.: Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 3: Agosto 1769 — Settembre 1770. Milano, 1911. P. 225.

¹⁸⁷ Донесение Коттини от 9 апреля 1770 г., ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹⁸⁸ Донесение Коттини от 5 мая 1770 г., ASF, Ibid.

¹⁸⁹ Донесение Коттини от 19 мая 1770 г., ASF, Ibid.

за Наварин и отличным качеством моряка, стал лейтенантом на русской службе. Помимо этого, доказывал русский адмирал, Поликутти был греком; отказавшись от венецианского патента, он присоединился к своим соотечественникам, дабы способствовать славе и возрождению Греции. Наконец, Поликутти, по мнению адмирала, был совладельцем якобы украденного им корабля, а следовательно и обладал правом продать его самостоятельно, обеспечив купцу Капитанаки его долю в сделке. Честь русской императрицы, резюмировал адмирал, и невозможность свободного судебного процесса запрещали выдачу Поликутти¹⁹⁰.

Спустя полтора года, 5 декабря 1771 г., тосканскому посланнику в Венеции Коттини стало известно от прибывших из Леванта славян, что капитан Поликутти умер от эпидемической болезни на борту одного из русских кораблей. 6 декабря вечером подтвердилось, что новость о смерти точна, но сама смерть была будто бы не естественной, а подстроенной венецианцами. Судебная сентенция венецианского Сената в отношении Поликутти была, таким образом, аккуратно исполнена: его имущество было конфисковано, а дом в Кастельнуово уничтожен выстрелом с одного из венецианских кораблей¹⁹¹. Добавим, что А. Поликутти увлек с собой племянника Д.Д. Поликутти, которому после смерти А. Поликутти был передан его фрегат. Лейтенант Д. Поликутти был привлечен Г.А. Спиридовым в его военную походную канцелярию, он участвовал также в составе отряда Кожухова во взятии Бейрута¹⁹² (см. об этом гл. 5, 8).

РОССИЯ И ДРУГИЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА¹⁹³.

САРДИНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

По мнению историка русско-итальянских связей Дж. Берти¹⁹⁴, именно Сардинское королевство более остальных итальянских государств противилось установлению дипломатических и военных контактов с Россией в годы русско-турецкой войны. Впрочем, Пьемонт испытывал двойное давление: во-первых, со стороны враждебных России Франции и Испании, с правящим домом которых — Бурбонами — королевский дом Сардинии был связан династическими узами: сестра короля Карла Эммануила I (1701–1773), Мария Луиза Габриэлла, была замужем за внуком Людовика XIV, испанским королем Филиппом V (1683–1746); во-вторых, давление на Турин оказывала Англия, внешне соблюдавшая нейтралитет, но активно помогавшая России при подготовке флота в Тоскане¹⁹⁵. Двойственность

¹⁹⁰ Донесение Коттини от 25 июля 1770 г., ASF, Ibid. См. также донесение Г.А. Спиридова А.Г. Орлову от 2 февраля 1771 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 651–652.

¹⁹¹ Донесение Коттини от 7 декабря 1771 г.: ASF, Ibid. См. также: *Manfroni C. Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71*. P. 1156–1158.

¹⁹² РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 645. Л. 53.

¹⁹³ Обзорную работу по истории дипломатических взаимоотношений России и итальянских государств см., например: *Зонова Т.В. Россия и Италия: История дипломатических отношений*. Учебное пособие. Ч. 1. М., 1998.

¹⁹⁴ *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 54.

¹⁹⁵ См., например, секретную записку русскому послу в Испании С.С. Зиновьеву от 19 мая 1771 г.: «Туринский же двор по своей политической системе и натуральной связи с аглинским двором, всегда противоборствовал бурбонским домам, но после соединения оных с австрийским, он уже в совершенном недействии принужден остаться, имея владения свои окруженными от тех держав, и

политики Карла Эммануила отметили в Париже — тосканский посланник во Франции аббат Никколи 30 декабря 1769 г. писал во Флоренцию: «Сардинский король делает и делает все возможное при посредничестве своих добрых друзей Англичан, дабы избежать визита своих добрых друзей Русских в порты Ниццы и Кальяри, под тем предлогом, что в первом припасов мало, а во втором ненадежен рейд»¹⁹⁶.

Между тем, в Петербурге в это время еще, возможно, надеялись на Пьемонт, ведь при обсуждении места пребывания Алексея Орлова в Италии Екатерина настоятельно ему советовала остановиться именно в Сардинском королевстве:

«...для собственного вашего пребывания, дабы тут свобода и способность спутниками были совершенному безопаию, пристойнее всех других мест — Турин или другой какой город владения короля сардинского, ибо сей государь, по существительным интересам настоящего его заботливого положения между Бурбонским и Австрийским домами должен натурально желать Империи Нашей добра, хотя с другой стороны в рассуждении торговли земель своих обязан также уважать и Турок, почему и можно предполагать, что если вы свои дела поведете тихостию в его земле, он немного заботиться будет узнавать или догадываться о прямом намерении вашего там пребывания, а в рассуждении знатности персоны вашей при Нашем дворе может быть и на узнаваемое им сквозь пальцы глядеть будет, особливо же когда узнает, что и все ваше пребывание будет там не на долгое время»¹⁹⁷.

В конечном счете, при всех колебаниях и сомнениях Карла Эммануила I русским кораблям была предоставлена возможность заходить в Кальяри и другие порты Сардинии и, по слухам, это положение было закреплено даже специальным соглашением между государствами¹⁹⁸. Однако серьезного значения в истории Архипелагской экспедиции эти порты так и не сыграли. В начале февраля 1770 г. в сардинскую бухту Орестано зашел пострадавший от бури корабль «Ростислав» (из эскадры Г.А. Спиридова), затем проследовавший в Кальяри¹⁹⁹. По свидетельству полевого журнала поручика Г. Келхена, корабль в королевстве опекал некто Франциско Згавариус, исполнявший обязанности российского консула. Однако необходимым ремонтом «Ростислав» на Сардинии обеспечен не был и вынужден был совершить переход в Геную²⁰⁰. Через год — в январе 1771 г. русские вновь достигли Сардинии и причалили в порту Кальяри, на этот раз значительно возрос-

---

так хотя бы он охотно желал вступить с нами в непосредственную конексию и содержать взаимных министров, но из уважения вышеозначенных держав он на то поступить не может, особливо прежде окончания нынешней войны; между тем оказывает при всем том снисхождение здешним кораблям, кои заходили в его сардинские порты» (СБРИО. Т. 97. С. 320). См. также инструкцию полномочному министру России в Париже И.С. Барятинскому от 25 июля 1773 г. (СБРИО. Т. 118. С. 453), рескрипт на имя контр-адмирала С.К. Грейга от 9 октября 1773 г. (Там же. С. 475).

¹⁹⁶ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2334; оригинал по-итальянски.

¹⁹⁷ СБРИО. Т. 1. С. 8; рескрипт Екатерины А.Г. Орлову от 29 января 1769 г.

¹⁹⁸ Донесение венецианского консула в Ливорно Франческо Бики от 13 ноября 1769 г.: ASV, Inquisitori di Stato, Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, Livorno, busta 513.

¹⁹⁹ GT. 1770. 10. 40; NM. 1770. 20. 159; донесение сардинского посланника в Тоскане ди Замоне от 5 марта 1770 г.: AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2. См. также донесения венецианского консула в Ливорно Франческо Бики от 9 и 17 марта 1770 г.: ASV, Inquisitori di Stato, Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, Livorno, busta 513.

²⁰⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 14 – 15 об.

ший авторитет российских моряков способствовал тому, что русские офицеры были не только приняты местным губернатором, но и допущены до аудиенции у вице-короля Сардинии²⁰¹.

Если военной помощи в Сардинии Россия в течение войны все-таки добиться не смогла, то продовольствием королевство Архипелагскую экспедицию помогло обеспечить. В годы войны русские агенты в Италии предпочитали сардинское мясо тосканскому. Сардинский консул в Тоскане аббат Бруно ди Замоне 12 февраля 1770 г. писал в Турин, что необходимость закупать говядину на Сардинии объясняется качеством мяса: по каким-то причинам мясо тосканских бычков быстрее портилось при навигации²⁰².

Что касается установления дипломатических отношений между Сардинским королевством и Россией, то первые шаги²⁰³ в этом направлении датируются маем 1770 г., когда Екатерина направила в Турин А.В. Нарышкина, в задачи которого входило установление контактов с сардинским правительством. Конечной целью этих переговоров должен был стать обмен посланниками и создание коалиции против Бурбонов и Австрии²⁰⁴. Однако миссия Нарышкина в дальнейшем успеха не имела (что в Петербурге приписывали нежеланию Карла Эммануила I нарушать баланс дипломатических сил²⁰⁵). В середине 1770 г. в Голландии сардинский посланник маркиз де Кордон вел переговоры о взаимных коммерческих привилегиях с русским посланником в Гааге кн. Д.А. Голицыным. Как замечал автор специального исследования, итальянский историк Дж. Леви, подобные предложения Сардинское королевство делало многим другим европейским дворам, на деле предпочитая пользоваться для торговых целей кораблями английских и голландских обществ²⁰⁶.

Вопрос о создании дипломатических представительств мог подниматься и в Петербурге, когда там находился граф А. де Трикети. Согласно гипотезе Дж. Берти, итальянский знакомый Алексея Орлова, граф Трикети, приехавший в Петербург в 1773 г., мог быть личным агентом и информатором Карла Эммануила I, а затем и нового (с 1773 г.) сардинского короля Витторио Амедео III. Именно Трикети, впоследствии близкий к королю человек, информировал Турин о перспективах политического и экономического сближения Пьемонта с Россией²⁰⁷.

²⁰¹ NM. 1771. 14. 111.

²⁰² Мясо для русского флота доставлялось в Ливорно также из Модены и Массы: AST, Italia, Lettere Ministri, Firenze, marzo 2.

²⁰³ В 1749 г. один из уроженцев Пьемонта — Ж.-М. Ода (Auda) — переехал в Россию и стал торговым агентом, участвовал в перевороте 1762 г., однако затем был выслан из России (см.: *Cazzola P. Presenze russe in Nizza sabauda (1770–1860) // Studi Piemontesi. 1990. Vol. XIX. Fasc. 1. P. 119.*)

²⁰⁴ СБРИО. Т. 97. С. 68–69. Кроме того, Д.А. Голицын писал из Гааги о торговом договоре между Голландией и Сардинским королевством и добавлял, что может выхлопотать такие же условия и для торговли Кальяри с Россией. Голицын находил это предложение весьма выгодным, так как Сардиния особенно нуждалась в сырье (Там же. С. 73). 6 августа 1770 г. Н.И. Панин писал Д.А. Голицыну в Гаагу: «Туринский двор в особенности выразил свое доброжелательство к нашему оружию, разрешив неограниченный доступ всем нашим кораблям в его порты и свободу снабжать себя всем для них необходимым» (Там же. С. 124–125).

²⁰⁵ Об этом см., например, письмо А.М. Голицына к И.С. Барятинскому в Париж от 29 сентября 1774 г. (СБРИО. Т. 135. С. 229).

²⁰⁶ *Levi G. Les projets du gouvernement sarde sur les relations économiques avec la Russie à la fin du XVIII siècle // La Russie et l'Europe. XVI–XX siècles. Paris, Moscou, 1970. P. 283–284.*

²⁰⁷ *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. P. 62–71; Levi G. Les projets du gouvernement sarde sur les relations économiques avec la Russie à la fin du XVIII siècle. P. 285–288.*

Однако утверждения постоянных дипломатических отношений между государствами во время русско-турецкой войны так и не состоялось. Оно относится лишь к 1782–1783 гг., когда, по итогам пребывания в Турине великого князя Павла Петровича, в Петербург отправился представитель Турина маркиз Парелла ди Сан Мартино²⁰⁸, а в Турин были назначены поочередно бывший русский посланник в Гааге Д.А. Голицын и (с 1783 г.) Н.Б. Юсупов²⁰⁹.

Генуя

На момент начала активных боевых действий на Дунае и выхода русской эскадры из Кронштадта Генуэзская республика была занята решением «корсиканской проблемы»: восстанием корсиканцев под руководством генерала Паскуале Паоли. Согласно Версальскому трактату 1768 г., Генуя, в обмен на отсрочку уплаты ее долгов Людовику XV, дала согласие на ввод на Корсику французской армии, после чего остров вошел в состав Франции. Боевые действия против Франции фактически закончились в 1769 г. поражением Паоли при Понте Нуово²¹⁰.

Политика Генуэзской республики в этот период определялась дружескими отношениями с Францией. Соответственно, негативная реакция Генуи на пришествие русской эскадры хорошо прогнозировалась²¹¹.

Тем не менее, поздней весной 1769 г. в Генуе развернулась активная деятельность русских агентов. Как замечала Екатерина в рескрипте Г.А. Спиридову в июле 1769 г.: «С республикою генуэзскою не имели Мы непосредственного сношения, но хотя она в политике своей и привязана к бурбонским домам, а особливо к Франции, которой недавно подвластный ей остров Корсику совсем уступила, но, тем не меньше, однако ж можно надеяться, что она по образу вольного

²⁰⁸ См.: Cazzola P. Il principe Beloselskij // Piemonte vivo. Rassegna periodica di lavoro, arte, letteratura e costumi piemontesi. 1968. №3. P. 3.

²⁰⁹ Историко-документальный департамент МИД России. Россия и Европа в XVIII в. // <http://www.ln.mid.ru/nsarch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/12abe461c5805fc343256b06002fb330?OpenDocument>

²¹⁰ Екатерина II установила контакт с Паоли посредством поверенного в русских делах Венеции П. Маруцци. Н.И. Панин инструктировал Маруцци 20 мая 1769 г.: «В качестве аккредитованного министра ее имп. величества вы сообщите ему (Паоли. — *Авт.*), что императрица давно с восторгом видит мужественные усилия этого бесстрашного республиканца с целью освободить свой народ от ига, которому хотя и подвергнуть его несправедливость и честолюбие и что она искренно желает, чтобы успех увенчал столь справедливое дело...». Помочь Паоли Россия не может, ибо сама ведет войну, однако Екатерина готова выслать корсиканскому генералу подарок — льна, пеньки, кожи и зернового хлеба: «Достаточно будет, если он прикажет зафрахтовать за свой счет два английских или иных корабля, чтобы послать их за получением этих продуктов в русские порты». Панин добавлял, что собственный интерес Корсики состоит в том, чтобы поддерживать русские операции в Средиземном море, поскольку Россия стремится «обуздать честолюбие, козни и интриги угнетателя корсиканской свободы». «...Мы ожидаем от него, — писал Панин, — что он разрешит кораблям ее величества свободный доступ во все порты, состоящие под его властью, и что им будет дозволено запасаться в них за наличные деньги всем необходимым и всем, что может производить остров Корсика» (СБРИО. Т. 87. С. 436–438). О русских связях с Паоли см. гл. 2.

²¹¹ Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. P. 55–57; донесение тосканского посланника в Париже Никколи от 30 декабря 1769 г.: ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2334.

своего правления не откажет эскадре нашей в нужном пристанище, ибо такой отказ был бы противен самой конституции ее»²¹².

Венецианский консул в Генуэзской республике Гаэтано Джервазоне 20 мая 1769 г. сообщал, что ответственным за наем первого судна для «русских» стал некий Гавриил Филатов (Gabrielle Filatof), называвший себя выходцем из России, но, по другим данным, являвшийся уроженцем Греции²¹³. Филатов многие годы прожил в Смирне, затем в Ливорно, откуда и прибыл в Геную, дабы приобрести для России корабль. По сведениям Джервазоне, согласно контракту, судно (150 человек экипажа и 58 пушек) стоило 30 тысяч флоринов, включая жалование команде. Кроме того, дабы ускорить процесс оснащения корабля, Филатов заплатил дополнительную сумму. Как только сделка состоялась, в Генуе немедленно объявились десятки славян и греков, среди которых были и военные офицеры²¹⁴. Согласно некоторым данным, они «без зазрения разглашали, что они не ограничатся нападением на одних Турок, но что они будут одинаково поступать с судами и тех христианских держав, которые находятся в сношениях с Турками и особенно с Рагузскими, которые плавают с Турецкими паспортами...»²¹⁵.

27 мая 1769 г. Джервазоне писал в Венецию, что вместе с Филатовым покупкой корабля занимались двое иностранцев, предположительно англичан. Вся сумма за приобретенное судно была уже уплачена, подготовка к плаванию шла быстрыми темпами. В Геную продолжали прибывать морем и сухопутным путем все новые и новые славяне, которые высаживались в окрестностях Генуи, а затем, соединившись на суше, являлись в порт (среди тех, кто собирался сесть на новый корабль, упоминались Драманте Ризо, некие три брата – Марко, Джованни и Пьетро, Джорджо Синох, Маттео ди Трази, Элиа Рипович, Джорджо ди Убле и другие). Желающие поступить на русскую службу получали специальные инструкции от агентов Филатова. По слухам, корабль, как только приготовится к отплытию, должен выйти из Генуи под английским флагом, а затем уже в море поднять русский штандарт²¹⁶. Как отмечал Пано Маруцци в письме к А.М. Голицыну от 23 мая/3 июня 1769 г., информация, полученная от Джервазоне, вызвала крайнюю обеспокоенность в Венеции, опасавшейся резкой реакции Турции на фактическое вовлечение итальянских государств в экспедицию русского флота²¹⁷.

²¹² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 372. В 1770 г. уверенность в возможности сотрудничества с Генуей укрепилась. Так, процитированный выше текст повторялся в рескрипте императрицы на имя контр-адмирала Арфа, но также присовокуплялось: «и в самом деле не сделала она никакого затруднения принять приставший туда один из наших военных кораблей» (СБРИО. Т. 1. С. 129). См. также рескрипт на имя контр-адмирала С.К. Грейга от 9 октября 1773 г. (СБРИО. Т. 118. С. 475-476).

²¹³ См. также донесение рагузского консула в Тоскане Т.Дж. Батакки от 29 мая 1769 г. своему правительству. Батакки называл русского агента в Генуе «Gabriello Filato» (*Ivancevic V. Pisa e Livorno nel conflitto russo-raguseo del 1769-1775*. P. 34).

²¹⁴ ASV, Console Veneto in Genova, busta I. См. также донесение венецианского консула в Ливорно Бики от 26 мая 1769 г., в котором говорилось о покупке русскими агентами барки с 18 пушками и переговорах о покупке еще одного судна. При этом Бики уверял, что большая часть славян, прежде собравшихся в Ливорно, отправилась в порт Ля Специя, где и должна была произойти их посадка на купленные в Генуе корабли (ASV, Inquisitori di Stato, Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, Livorno, busta 513).

²¹⁵ Письмо Марка Баины к Д.М. Голицыну от 5 августа 1769 г. (по нов. ст.) (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 281; оригинал по-французски).

²¹⁶ ASV, Console Veneto in Genova, busta I.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2044. Л. 38 об.

И в этот самый момент генуэзское правительство решило вмешаться в ситуацию. 3 июня 1769 г. Джервазоне писал, что в Сенат была внесена жалоба на незаконность действий Филатова, противоречивших позиции нейтралитета, занятой Генуэзской республикой. Вслед за этим судно было арестовано, а на его борт отправлено 36 гренадеров, чтобы предотвратить возможные волнения славянского экипажа судна²¹⁸. В сообщении от 17 июня Джервазоне отмечал, что 15 числа того же месяца 21 славянин отправился из Генуи в Венецию, оставив надежду наняться в экипаж приобретенного Филатовым корабля. Венецианский консул констатировал, что, сорвав сделку, правительство значительно успокоило ситуацию и могло быть уверено, что в дальнейшем русские агенты уже не будут предпринимать попыток покупки генуэзских судов или постройки новых²¹⁹. В середине июля 1769 г. в Генуе провел три дня сам Алексей Григорьевич Орлов²²⁰, но ситуации с наймом судов для российских военных целей это не изменило. К середине июля из Генуи уехали (через Виареджо в Пизу и Порто-Феррайо) прибывшие за два месяца до того славяне. Филатов, высланный из Генуи, передал дела неустановленному лицу и отправился в Ливорно. С учетом того, что не только Генуэзская республика, но и сардинский король запретили вооружение кораблей для нужд русского флота, центром русской активности окончательно становилась Тоскана²²¹.

Между тем, запрет Генуи на покупку и вооружение судов для войны против Османской империи не распространялся на прием военных кораблей, приходящих в республику под российским флагом. В 1770 г. в генуэзский порт прибыл из Сардинии корабль «Ростислав» (26 февраля/8 марта 1770 г.). Встреча с Генуей сначала вызвала недовольство экипажа: на 7 залпов салюта из Генуэзской крепости «Ростислав» приветствовали только пятью залпами, однако капитан корабля В.Ф. Лупандин получил «поздравления принца» и обещания «все выполнить» с ремонтом²²². Российский инженер Г. Келхен записал тогда в своем журнале: «Город сей Генева — весьма великий купеческой, гораздо изрядная при нем для немалого числа военных и купеческих кораблей гавань, также преславное адмиралтейство»²²³.

Капитан корабля Василий Лупандин немедленно отправил в Пизу курьера, спрашивая у Алексея Орлова дальнейших инструкций²²⁴. Известно, что в Геную

²¹⁸ ASV, Ibid. См. также: Storia della guerra presente tra la Russia e la Porta Ottomana. Venezia, MDCCLXX [1770]. Т. VI. P. 42.

²¹⁹ ASV, Ibid. По этому поводу А.Г. Орлов замечал в письме к брату Г.Г. Орлову (1769): «Купил было я корабль в Генуе, но по несчастию моему его арестовали, и я не велел денег за него требовать, а скажу: будет и на моей улице праздник, тогда они заплатят и вчетверо, когда отрощу свои крылья» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 364). М.М. Фрейденберг считает, что причиной «несчастья» с этим судном были власти Рагузы (Дубровника), и в дальнейшем А.Г. Орлов действительно занял враждебную позицию по отношению к рагузинским судам в Восточном Средиземноморье. За этот или за какой-то другой корабль, уничтоженный рагузинцами в Генуе, в 1775 г. Сенат Дубровника выплатил России 4300 дукатов (Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1984. С. 243–246).

²²⁰ ASV, Ibid. Дешеш от 15 и 22 июля, 26 августа 1769 г.

²²¹ ASV, Ibid, депешы Джервазоне от 26 июня и 1 июля 1769 г. В донесении от 1 июля, впрочем, отмечалось, что определенная активность русских агентов зафиксирована в Ля Специа, в большей степени связанного с тосканскими портами (ASV, Ibid).

²²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 16–17.

²²³ Там же. Л. 17.

²²⁴ NM. 1770. 22. 175–176. Д.М. Голицын сообщал вице-канцлеру А.М. Голицыну 13/24 марта 1770 г. подробности о «Ростиславе», полученные из Генуи: «То был военный корабль, под начальством капитана Лупандина 2-го, 64 пушечный с 600 человеками экипажа, из коих 300 для высадки отлично вооружен-

на «Ростислав» А.Г. Орлов отправил генерал-поручика В.Е. Дарагана и капитан-лейтенанта Булгакова для организации работ²²⁵. Дараган прибыл в Геную 4/15 марта²²⁶, вслед за чем распорядился заменить мачты на судне²²⁷. В конце апреля предстояло ехать в Геную уже лейтенанту на русской службе Вольфу, где ему было предписано осмотреть и доложить о состоянии русских кораблей, стоявших на ремонте в этом итальянском порту. Работы в Генуе продолжались 59 дней²²⁸.

С генуэзскими банкирами был тесно связан и Пано Маруцци²²⁹. Он часто бывал в Генуе и проводил там финансовые операции, целью которых было обналичивание кредитных билетов для нужд Архипелагской экспедиции. Так, например, 20 февраля 1771 г. он прибыл в Геную²³⁰, дабы добиться от местных банкиров займа в миллион пиастров на поддержание русского флота в Архипелаге в надлежащем состоянии. Переговоры затянулись, и к началу марта Маруцци не удалось достичь искомого соглашения²³¹. Убедить кредиторов удалось лишь к

ных. Он шел из Архангельска, заходил в Норвегию, Англию и Сардинию. В двух милях от Порт-Магона, он потерял грот-мачту. В Конти (Сардиния) он вошел в такую бурю, когда и купеческий корабль на то не осмелился бы. Командир отправил за лоцманом в Саффари, на день расстояния от Конти, и губернатор выслал ему опытного Генуэзца. Отсюда Лупандин послал в Ливорно за приказаними к главнокомандующему» (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского С. 272; оригинал по-французски).

²²⁵ Алексей Орлов доносил Екатерине 9 марта 1770 г. о хорошем приеме «Ростислава» в Генуе: «„Ростислав“ появился в Генуе несколько дней назад — потерял мачты и другие снаряды. Генуэзская республика, оказав отличную благосклонность в приеме сего корабля в порте, старается всеми способами доставить все то что только нужно будет к скорому того корабля оснащению, о чем получа рапорт не умедлил я отправить в Геную тайного советника и действительного камергера Василия Дарагана, препоруча ему иметь попечение об оснащении поврежденного корабля «Ростислава» и о приведении его в совершенную надежность к выходу в море, а полагаясь на способность и рачение помянутого советника, уповаю, что в непродолжительном времени все по желанию исправлено будет» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 544–545).

²²⁶ NM. 1770. 24. 192. Алексей Орлов, как следует из его отчета Екатерине II от апреля 1770 г., все-таки остался недоволен тем, как в генуэзском порту приняли «Ростислав»: «„Нумер второй“, названный „Ростиславом“, потеряв две мачты и третья в повреждении, кое как попался (sic) и доплыл до Генуи, дошли до того, что ни провианту, ни денег у себя ничего не имеют. Я ж того дня послал туда В.Е. Дарагана, со всею возможною скоростию велел исправлять все нужное и прислать ко мне описание обо всем обстоятельно. Я же велел объяснить с республикою, какой ради причины двумя пушками меньше ответствовали в салютации и напомнить им, что то судно императорское, да и российское, да и военное же; в пример велел им сказать; в Ливорно они также было сделали, неравным счетом ответствовали, и я приносил жалобу; они извились, что не все пушки слышал офицер, а то б равно ответствовали. А я им сказал, удовольствуйтесь на другой день, и они отвечали на другой день всеми выстрелами, а первые от нас ни за что сочтены были. Французский флаг салютовал нашему прежде и от нас равным образом ответствовано было, и за нашими судами везде шпионами ездят на разных судах» (СБРИО. Т. 10. С. 413–414).

²²⁷ NM. 1770. 25. 199.

²²⁸ GT. 1770. 18. 72; *Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione.* P. 28; донесение венецианского консула в Ливорно Франческо Бики от 4 мая 1770 г.: ASV, Inquisitori di Stato, Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, Livorno, busta 513. 19/30 апреля в Ливорно прибыл курьер из Генуи, который сообщил остававшимся в Тоскане русским офицерам и морякам о скором прибытии туда задержавшегося в Лигурии из-за плохой погоды русского фрегата «Ростислав». Утром 20 апреля/1 мая 1770 г. ожидавшийся фрегат прибыл из Генуи в Ливорно, на нем из Италии должны были отплыть остававшиеся в Ливорно после отплытия основной эскадры в Морею русские офицеры. Капитан корабля, офицеры и генерал Дараган сошли на берег и нанесли ритуальный визит губернатору Ливорно Бурбону дель Монте.

²²⁹ Маруцци писал А.М. Голицыну, З.Г. Чернышеву и А.А. Вяземскому 26 мая/6 июня 1770 г. о перспективах финансовых взаимоотношений с Генуей: «Генуэзцы, как кажется, настроены весьма хорошо» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 17; оригинал по-французски; особо Маруцци упомянул банкира маркиза Гримальди).

²³⁰ NM. 1771. 18. 142.

²³¹ NM. 1771. 20. 159.

началу 10-х чисел марта: приняв во внимание надежность представленных Маруцци гарантий, был открыт кредит в два с половиной миллиона флоринов под 5 процентов годовых²³². Полученные Маруцци деньги должны были отправиться в Архипелаг: предполагалось, что из Генуи их отвезут два специально посланных туда российских военных корабля²³³. Удачно завершив свою миссию, Маруцци собирался вернуться обратно в Венецию²³⁴, но по причине непогоды задержался в Генуе²³⁵ до конца марта²³⁶. В середине июня Маруцци вернулся в Геную, привезя документы, свидетельствующие о ратификации займа Екатериной II²³⁷.

В итоге, в 1771 г. Екатерина II имела основания констатировать: «Генуэзская республика по своему положению и по конексии с бурбонскими домами сперва не оказывала здешним подданным снисхождения, но увидя здешние противу неприятеля выгоды и опасаясь себе отмщения, начинает теперь проступок свой заглаживать»²³⁸.

Между тем, полноценные дипломатические отношения между Генуей и Россией до падения республики в 1797 г. так и не были установлены²³⁹. В 1782 г. в Геную, которую Екатерина продолжала рассматривать как возможную базу для русского флота, в качестве поверенного в делах (а затем и полномочного министра) приехал А.С. Мордвинов и оставался там до 1786 г. В обратном направлении — из Генуи в Петербург — отправился маркиз Стефано Риварола, прибывший в столицу России 25 ноября 1783 г. Опасаясь нарушения собственного нейтралитета, генуэзский Малый Совет приказал Ривароле лишь поблагодарить императрицу за оказанную республике честь назначением Мордвинова, но ни в коем случае не обсуждать какие-либо политические или торговые трактаты. В апреле 1785 г. Риварола выехал из Петербурга без каких-либо последствий для дипломатических отношений между государствами²⁴⁰.

Королевство Обеих Сицилий (Неаполь)

Русско-турецкая война, как и повсюду в Италии, явилась катализатором сближения России с Неаполем. Необходимость содержать в Средиземном море флот обуславливала заинтересованность Екатерины II в создании стабильных дипло-

²³² NM. 1771. 23. 182.

²³³ NM. 1771. 32. 252.

²³⁴ NM. 1771. 25. 198.

²³⁵ NM. 1771. 26. 205.

²³⁶ NM. 1771. 28. 221.

²³⁷ NM. 1771. 52. 413.

²³⁸ Из секретной записки С.С. Зиновьеву, послу России в Испании, от 19 мая 1771 г.: СБРИО. Т. 97. С. 320.

²³⁹ Еще накануне русско-турецкой войны реляцией от 14/25 ноября 1764 г. из Парижа кн. Д.А. Голицын доносил о сделанном ему письменно генуэзским посланником маркизом де Сорба предложении Генуэзской республики заключить с Россией торговый договор по образцу трактата Генуи с Данией. Н.И. Панин писал на это Екатерине: «Не соизволитель в<аше> в<еличе>ство указать, дабы республика прислала сюда нарочную персону для негоциации трактата, еже и ей самой выгоднее быть может, потому что наше, а не их купечество торг заводитъ хочет. Если же она от того отклонится, тогда можно и кн. Голицына к тому уполномочить, по ее желанию произвестъ сию неготацию в Париже, но только надобно прежде видеть датский трактат, на основании которого она делает первые пропозиции. Между тем на все оное должно истребовать мнения от комиссии о коммерции». Екатерина согласилась с мнением Панина (СБРИО. Т. 57. С. 146).

²⁴⁰ См.: *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. P. 56–57, 94, 107–111.

Казерта. Резиденция неаполитанского короля

матических связей со всеми итальянскими государствами, хотя до войны контакты, в том числе торговые, между Россией и Королевством Обеих Сицилий были минимальны. С 1756 г. русские купцы имели право на экспорт итальянского шелка, русский лен также появлялся на неаполитанских рынках. Однако, как показывает в своей работе М.Л. Кавальканти, в обоих случаях, как правило, речь шла о подделках: российский лен, дешевый и не отличавшийся хорошим качеством, выдавался за левантийский, итальянский шелк, поступавший в Россию, часто изготовлялся в Польше или Турции²⁴¹. Как отмечает Кавальканти, до конца XVIII в. обмен товарами между Россией и Неаполем, хотя и был слабым и обеспечивался судами государств-посредников, прежде всего англичан²⁴², но все-таки свидетельствовал, что контакты эти не прерывались и, напротив, медленно набирали силу.

С 1765 г. неаполитанское правительство имело регулярную переписку с Петербургом через испанских представителей при русском дворе, однако в период войны верный союзник Франции и Испании, неаполитанский король Фердинанд I Бурбон старался соблюдать нейтралитет в отношениях с воюющими в Средиземном море державами²⁴³. Первоначальные оценки перспектив русско-неаполитанских отношений отличались известной долей скептицизма. Так, Екатерина писала А.Г. Орлову 6 мая 1769 г.: «Признаться должно, что Турин и прочие сардинского короля области вам неподручны, но, по причине вашей поездки в Неаполь, дам вам приметить, что король неаполитанский бурбонского дома и по

²⁴¹ *Cavalcanti M.L.* Le relazioni commerciali tra il regno di Napoli e la Russia, 1777–1815. Fatti e teorie. Genève, 1979. P. 78–79. Здесь же см. список товаров, отправленных из Сицилии в Россию в 1770 г. (Ibid. P. 79), и товаров, проследовавших в обратном направлении в 1774–1775 гг. (Ibid. P. 80), а также другую интересную статистику (Ibid. P. 81–83). См. также: *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.

²⁴² *Cavalcanti M.L.* Le relazioni commerciali tra il regno di Napoli e la Russia. P. 80. Первый русский торговый корабль появился в Неаполе в 1764 г. (Ibid.).

²⁴³ См. донесение тосканского посланника в Париже Никколи от 30 декабря 1769 г.: ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2334. Подобно Франции, Неаполь разрешил лишь одному русскому кораблю заходить в собственные гавани, поскольку именно так регламентировались взаимоотношения между несоюзными державами во время войны (см.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. С. 364).

французской дудке с своим министерством пляшет, а сия дудка с российским голосом не ладит; впрочем место вашего пребывания, лишь бы оно было безопасно для вашей особы, остается на ваш выбор ныне, как и прежде»²⁴⁴.

Императрица была права: уступая давлению Франции и Испании, Сицилийский двор в конце 1769 г., как и Мальта, выпустил запрет входить в свои порты более чем трем военным судам одновременно и подкрепил этот запрет усилением прибрежных гарнизонов — на Сицилии и на Адриатическом побережье, в Бриндизи, Бари, Барлетте, Манфредонии и Отранто — для неукоснительного соблюдения нейтралитета королевства в войне. Как заметили авторы многотомной «Истории настоящей войны между Россией и Оттоманской Портой», издававшейся в 1770-е гг. в Венеции, подобные предосторожности были приняты и остальными итальянскими суверенами, и об этом было своевременно сообщено в Петербург²⁴⁵.

Все говорило о том, что в Неаполе всерьез опасались, что присутствие значительного русского контингента в Средиземном море может негативно сказаться на торговле с Левантом и, шире, нарушить баланс сил в регионе. Однако императрица Екатерина продолжала заверять итальянских властителей, что ни одна христианская держава от русского флота не пострадает, а действия императорской эскадры не будут противоречить мирным соглашениям между итальянскими государствами и Турцией²⁴⁶.

Постепенно в соответствии с общей логикой взаимоотношений между Россией и итальянскими государствами в годы русско-турецкого противостояния — по мере того, как русский флот укреплялся в Средиземноморье, неаполитанские власти смягчили свою позицию, все чаще и больше уступали давлению со стороны России. Порты Сицилии принимали корабли русской эскадры²⁴⁷, на острове совершались закупки товаров, предназначенных для императорского флота²⁴⁸.

Проявлением двойственной позиции королевства было и решение Неаполя относительно важной для военно-морских сил проблемы взаимных приветствий артиллерийскими залпами с российскими военными кораблями (вспомним, как остро на неравнозначное количество приветственных залпов реагировали стороны в Генуе, в Порто-Феррайо и в других портах). В Неаполитанском королевстве русские корабли решено было артиллерийскими залпами *вообще не приветствовать*. Такая позиция требовала объяснений, если не свидетельствовала об открытой вражде. В конце 1769 г. неаполитанский король выпустил специальное распоряжение — в сицилийских портах при подходе российских кораблей приветственные залпы не давать и не требовать таковых от русских. В том случае, если русские произведут артиллерийские выстрелы и будут настаивать на ответной любезности, указывал король, следовало отвечать, что данный вопрос не

²⁴⁴ СБРИО. Т. 1. С. 17–18. См. также: «Положение Наше с Франциею может столько же присвоенно быть и Гишпанию и королевству Обеих Сицилий» (из рескрипта Екатерины II на имя контр-адмирала Арфа от 5 июня 1770 г.: Там же. С. 127; см. также рескрипт на имя контр-адмирала С.К. Грейга от 9 октября 1773 г.: СБРИО. Т. 118. С. 474).

²⁴⁵ Storia della guerra presente tra la Russia e la Porta Ottomana. Venezia, MDCCLXX [1770]. T. V. P. 106–107.

²⁴⁶ Ibid. P. 107.

²⁴⁷ См., например: NM. 1771. 97. 751.

²⁴⁸ Об этом см. письмо П. Маруцци А.М. Голицыну от 26 мая/6 июня 1770 г. из Венеции: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 20.

входит в сферу решений местной власти: прежде должно быть достигнуто соглашение по этому поводу между двумя государствами.

Поэтому, когда 18 ноября 1770 г. военный корабль «Ростислав» (на борту которого находился Ф.Г. Орлов) вошел в Мессину, порт на «салютацию» русских моряков не ответил, а «городской губернатор» объяснил им, что «на салютацию ответа не учинили за тем, что российский двор с Сицилией о салютации трактата не имеет»²⁴⁹; через несколько дней мессинский губернатор продолжил озвучивать неблагоприятную для русских позицию Неаполя, сообщая «что Гишпаниа не позволяет более трех судов в порту», а поэтому сопровождавшие российский корабль греческие шебеки следует убрать из порта, да к тому же, что и русским кораблям материалов для ремонта в Мессине нет»²⁵⁰. Разрешить ситуацию удалось А.Г. Орлову, который отправил из Ливорно в Неаполь и Мессину специального курьера²⁵¹.

Через три года отношения России с Неаполем настолько улучшились, что в начале осени 1774 г. на Сицилию в Палермо прибыл специальный курьер из Петербурга и привез, с предварительного разрешения неаполитанских властей, орден Св. Анны и 3 тысячи рублей ежегодной пенсии, которыми Екатерина наградила сицилийского военного начальника графа Караффу за оказанные России услуги во время войны с Турцией²⁵².

Обычно встреча российских моряков с Неаполитанским королевством начиналась не с Неаполя, а именно с сицилийских берегов, миновать которые не всегда удавалось — в Мессине на Сицилии шедшие из Архипелага суда не только иногда проходили карантин (как Федор Орлов в конце 1770 г.), сюда и в 1770 г., и позднее продолжали обращаться за помощью в починке судов. Например, в начале февраля 1773 г. в Мессине задержался шедший в Архипелаг флагманский корабль «Трех Иерархов» для починки одной из мачт²⁵³.

Берег Сицилии и особенно вулкан Этна заставляли в сухих военных журналах оставлять такого рода строки: «превысокая гора и холмы», «древнего здания крепость», «огнедушная гора Этна или Монтабело, о ней сказывают, что подобной во всей Сицилии не имеетса. Вышиною она считается 30 000, а во окружении 10 000 шагов, закрыта всегда снегом и выносимым из той огненной скважины пеплом»²⁵⁴.

Привлекал русских и Неаполь, в котором, в отличие от Рима, находилась церковь греческого исповедания²⁵⁵. В период войны местные газеты нередко отмечали присутствие в Неаполе русских военных и вельмож. В меньших масштабах, чем в Тоскане, но в Королевстве Обеих Сицилий русские участвовали в светской жизни, праздновали вместе с греческой общиной Неаполя церковные торжества,

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 43.

²⁵⁰ Там же. Л. 45.

²⁵¹ NM. 1771. 2. 15; 4. 32; 9. 71.

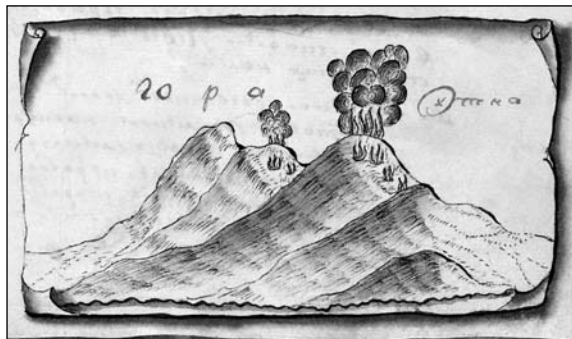
²⁵² NM. 1774. 76. 608. См. также: СБРИО. Т. 135. С. 427-428.

²⁵³ NM. 1773. 11. 87-88; 26. 207; GT. 1773. 6. 23; 14. 56.

²⁵⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 42.

²⁵⁵ Племянник И.И. Шувалова Ф.Н. Голицын, живший в Риме с 1768 г., писал в биографии собственного дяди: «Он был богомолен и нарочно ездил из Рима в Неаполь, где была греческая церковь, чтобы исполнить по нашему обряду ежегодное пощение. Где он ни имел свое пребывание, беспрестанно у ворот его дому стекались неимущие в полной надежде, что будут наделены милостынею» (Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его Тайным Советником Князем Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. Отд. IV. С. 94).

интересовались древностями²⁵⁶. В самом конце 1768 — начале 1769 г. здесь осматривал памятники И.И. Шувалов²⁵⁷. В начале 1771 г. в Неаполе оказалось значительное число русских дворян во главе с Ф.Г. Орловым²⁵⁸. 31 января/11 февраля 1771 г. в королевской резиденции Казерте путешествующие русские офицеры были представлены неаполитанскому королю Фердинанду I²⁵⁹, а 17/28 февраля в Великий пост они присутствовали на службе в местной греческой церкви (вместе с солдатами и офицерами местного албанского полка²⁶⁰). Утром 11/22 марта Федор Орлов и бывшие при нем офицеры выехали из Неаполя в направлении Ливорно и к Пасхе прибыли в Тоскану²⁶¹, однако, судя по газетным отчетам, часть русских остались праздновать Пасху в Неаполе²⁶². Они присутствовали на богослужениях в местной греческой церкви во время Страстной седмицы, а после пасхальной службы русские дворяне, одарив греческую церковь и ее священников, роздали богатую милостыню местным беднякам²⁶³.

«Огнедушная гора Этна»

Русские путешественники посещали Неаполь и в 1773–1774 гг., в их числе были Н.В. Репнин, И.Г. Чернышов, князь С.С. Гагарин, барон Н.А. Демидов, граф А.И. Мусин-Пушкин и др.²⁶⁴ В начале третьей декады марта 1773 г. из Рима в Неаполь снова приезжал и И.И. Шувалов, который сопровождал приехавших русских аристократов в Казерту на прием королевской четы²⁶⁵.

Неаполь стал для России важным местом переговоров с итальянскими государствами. В марте 1771 г. перед своим отъездом в Ливорно Ф.Г. Орлов, окрыленный Чесменской победой и успехами в Архипелаге, сообщал венецианскому

²⁵⁶ О культурных контактах между Россией и Неаполем подробнее см.: *Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774) // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 119–126.

²⁵⁷ NM. 1769. 4. 29; ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2337, carteggio ordinario del Ministro di S.A.R. alla Corte di Napoli, письмо от 27 декабря 1768 г.

²⁵⁸ Они возвращались после военной кампании 1770 г. из Архипелага, в ноябре вынуждены были пройти 49-дневный карантин в порту Мессина на Сицилии. По окончании этого карантина Ф.Г. Орлов, подполковник Обухов, князь Волконский, капитан Домашнев и некто Акинфий Козлов 16/27 января 1771 г. сошли на берег и так началось их пребывание в Королевстве Обеих Сицилий (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 46–48). См. также: NM. 1771. 2. 15; 4. 32; 9. 71.

²⁵⁹ NM. 1771. 16. 128.

²⁶⁰ NM. 1771. 22. 174.

²⁶¹ NM. 1771. 27. 212; NM. 1771. 28. 221.

²⁶² В апреле 1771 г. в Неаполе был, например, А.И. Шувалов. Мы узнаем об этом из письма Ф. Галиани к мадам д'Эпине от 13 апреля 1771 г. (*Louise d'Épinay, Ferdinando Galiani.* Epistolario. 1769–1772. Palermo, 1996. P. 309).

²⁶³ NM. 1771. 32. 253.

²⁶⁴ NM. 1773. 24. 192; 26. 208; GT. 1774. 11. 44; 12. 48; 16. 62; 20. 77; NM. 1774. 21. 166; 23. 184; 31. 248; 34. 272; 36. 288; 38. 304; 51. 404. См. также: *Карпова Е.В.* Скульптурные портреты И.И. Шувалова // Философский век: Альманах. Вып. 8. СПб., 1998. С. 71.

²⁶⁵ NM. 1773. 24. 192; 26. 208.

посланнику при неаполитанском дворе о «планах и грандиозных целях, которые держат в уме Русские на предмет ближайшей кампании»:

«Разговор венецианского посла в Неаполе с Графом Орловым касался сил, которые, как утверждают Московиты, должны доминировать на море, с помощью которых они рассчитывают с пользой для себя атаковать земли Султана в Архипелаге, напасть на Дарданеллы и сжать в кольцо саму столицу как русской армией, когда она переправится через Дунай, так и флотилией Русских на Черном море, и тогда Константинополь может оказаться в самом плачевном положении. Сии военные соблазны и обольстительные планы об общей удаче кампании, зависящие целиком от выгод военных операций главной русской армии на Дунае, составляют содержание писем упомянутого посланника, сообщения которого здешние Господа склонны считать, вероятно, преувеличенными»²⁶⁶.

И хотя в отношении Константинополя и Дарданелл мечты Ф.Г. Орлова не сбылись, по ходу войны отношение неаполитанских властей к России изменилось. После завершения войны с турками в 1776 г. Екатерина смогла направить в Неаполь барона Фридриха Мельхиора фон Гримма посредником в установлении контактов Королевства с Россией. Миссия Гримма увенчалась успехом: в 1777 г. оба государства решили обменяться посланниками, что и произошло в 1778–1779 гг.²⁶⁷.

В дальней исторической перспективе Королевство Обеих Сицилий оказалось самым надежным союзником России на Апеннинском полуострове: дипломатические отношения связывали два государства с 1777 по 1860 г.

ПАПСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В Риме во время Первой русско-турецкой войны на перспективу сближения католического мира и православной России смотрели, по всей видимости, скептически. В 1769 г. папа Климент XIV даже не разрешил вывозить зерно из Папского государства (в других итальянских государствах запреты касались, как мы, помним только вооружений), ибо подозревал, что основным его покупателем является именно Россия и оно пойдет на нужды русского флота²⁶⁸. Открыто сетуя на то, что вековые распри католиков с православными заставляют папский

²⁶⁶ «Il discorso tenuto dal Residente Veneto a Napoli con il Conte d'Orloff ha versato sopra le forze, che li Moscoviti professan di dover avere prepotenti sul Mare, con le quali contano d'essere in grado di attaccare con profitto da più bande li Stati del Gran Signore in Arcipelago, investire i Dardanelli e stringere la Capitale stessa, qual dall'Esercito Russo, allorché avra passato il Danubio, e dalla Flottiglia pure de' Russi sul Mar Nero unitamente, e al tempo stesso potrà esser ridotta nella più desolante situazione. Queste militari lusinghe ed altre ancora dipendenti per la felicità del loro esito quasi totalmente dalle operazioni vantaggiose delle Grand'Armata de' Moscoviti al Danubio sono il contenuto delle lettere al sudetto Sig. Residente, sopra le quali e sopra le forze sudette, questi Signori non son lontani, dal credere una qualche esagerazione» (донесение тосканского посланника в Венеции Доменико Коттини от 13 апреля 1771 г.: ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317; см. там же его донесение от 6 апреля 1771 г. с упоминанием беседы венецианского резидента в Неаполе с Орловым).

²⁶⁷ Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. P. 58–59; *Cavalcanti M.L.* Le relazioni commerciali tra il regno di Napoli e la Russia. P. 76, 84. Первым неаполитанским посланником в России был Муцио да Гаэта, герцог Сан Никола, прибывший в Петербург 26 августа 1779 г. (по нов. ст.), в конце же 1779 г. Неаполя достиг русский посланник гр. А.К. Разумовский (Ibid. P. 83).

²⁶⁸ См. письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри от 16 декабря 1769 г. (по нов. ст.) (Ibid. P. 135).

Рим, площадь св. Петра

Рим фактически быть на стороне мусульман-турок, Пьетро Верри в письме к брату в Рим упрекал Алессандро: «<Русская> Армия, из которой никто не бежит, никто не дезертирует, где субординация слепа, где мужчины сильны, создана для того, чтобы завоевать развращенное и ужасным образом ослабленное государство, каковым и является Турция. <...> Я христианин, истый христианин в этой войне; а вы, римляне, как я думаю, — немного турки, причина сему в том, что среди ближайших родственников распри всегда ужаснее; теперь, между русскими и нами есть лишь одно *flioque*; они наши первостепенные двоюродные братья»²⁶⁹.

При этом Рим являлся важнейшим пунктом прорусской пропаганды в Италии: именно из Рима распространялись новости о ходе военных операций на Дунае и в Архипелаге, интерпретировались замыслы и действия Екатерины. Главными источниками сведений о России и русско-турецкой войне стали к тому

²⁶⁹ «Un'armata, in cui nessuno fugge, nessuno diserta; dove la subordinazione è cieca, dove gli uomini sono robusti, è fatta per conquistare uno stato corrotto e ferocemente ammolito, quale è il turco. <...> Sono cristiano, cristianissimo, in questa guerra; ma voi altri, romani, sarete un pò turchi, a quello che credo; e la ragione si è, perché le inimicizie fra i prossimi parenti sono le più accanite; ora, fra i russi e noi v'è appena un *flioque*; sono i nostri cugini in primo grado» (письмо Пьетро Верри к Алессандро Верри от 30 мая 1770 г. (по нов. ст.: Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 3. P. 304).

времени постоянно живший в Италии И.И. Шувалов²⁷⁰ и князь Ф.Н. Голицын, племянник Шувалова, приехавший в Рим в 1768 г., пользовавшийся расположением А.Г. Орлова и имевший широкий круг знакомств в Тоскане²⁷¹. А. Нивьер отмечает, что с 1771 г. Шувалов «играл де-факто роль не только русского культурного атташе в Риме, но также исполнял обязанности представителя интересов Российского двора при Римском престоле»²⁷².

В задачи Шувалова и Голицына входило привлечь на сторону России местное общественное мнение, главным образом используя аргумент о необходимости объединения христианских держав в борьбе против турок²⁷³. Переписка между братьями Верри отлично показывает ту роль, которую играли Шувалов и Голицын в Риме. Так, в письме от 6 августа 1769 г. (по нов. ст.) римский житель Алессандро писал в Милан к брату о том, что кн. Голицын опровергает сведения о поражении русских на Дунае, а также сообщает о присутствии 400 французов в турецкой армии²⁷⁴. 25 октября того же года (по нов. ст.) Алессандро передавал брату информацию о победах русской армии, полученную Голицыным напрямую от Шувалова²⁷⁵, а 15 августа 1770 г. (по нов. ст.) уже сам Шувалов показывал Верри реляцию, поступившую от Орлова о решающих победах русского флота над турецким²⁷⁶. Характерное признание Алессандро сделал в письме к брату от 18 апреля 1770 г. (по нов. ст.): «О русских нам известно лишь то, что говорят газеты, ибо генерал (*sic!* Шувалов никогда не имел воинских званий. — *Авт.*) Шувалов и князь Голицын отсутствуют в Риме»²⁷⁷.

²⁷⁰ В 1771–1772 гг. в задачи неофициальной миссии Шувалова в Риме входили и переговоры с римским папой относительно возможного удаления из Польши папского нунция, чья деятельность, по мнению Екатерины, противоречила интересам России.

²⁷¹ Ф.Н. Голицын, в будущем попечитель Московского университета, был сыном родной сестры И.И. Шувалова П.И. Голицыной и пробыл в Италии под опекой дяди до 1777 г. См. также: *Storia della guerra presente tra la Russia e la Porta Ottomana. Venezia, MDCCLXX [1770]. T. IV. P. 137.* О Голицыне И.И. Шувалов писал своей сестре и его матери П.И. Голицыной 22 декабря (по нов. ст.) 1770 г. из Рима: «Князь в Тоскане хочет повидаться с нашими рускими, возвратившимися из архипелага. Граф Орлов и прочие некоторые офицеры ему знакомые. — Граф к нему очень был добр, и ныне в писмах приказывает ему поклоны. Во всем оном собственное его желание побывать в Тоскане, где ему много знакомых, и приятелей...» (Письма И.И. Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой // *Москвитянин*. 1845. № 10. С. 151).

²⁷² *Нивьер А.* Екатерина Великая и Иван Иванович Шувалов. Штрихи к сравнительному историческому, психологическому и политическому портрету // *Философский век: Альманах*. Вып. 8. М., 1998. С. 173. См. цитату из письма Шувалова к Н.И. Панину от мая 1772 г. о новых поручениях по дипломатической части (Там же. С. 173–174)

²⁷³ *Donolo L.* Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé. P. 110–111; *Venturi F.* Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 33–34. Имеются и данные о том, что турецкая колония в Риме активно противодействовала усилиям Шувалова и Голицына, распространяя известия обратного содержания (письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри от 3 октября 1770 г. (по нов. ст.) (*Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri*. Vol. 4. P. 13).

²⁷⁴ *Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri*. Vol. 3. P. 13. 30-м сентября 1769 г. (по нов. ст.) помечено сообщение Алессандро о новой информации от русских жителей Рима — на этот раз обратного содержания: подтверждающих не слишком удачное развитие событий в сухопутной войне с Турцией (*Ibid.* P. 90).

²⁷⁵ *Ibid.* P. 108.

²⁷⁶ *Ibid.* P. 428. 22 августа 1770 г. Алессандро Верри писал, что Шувалов показывал ему копию (?) письма А.Г. Орлова («generale dell'azione») к русскому посланнику в Вене Д.М. Голицыну (*Ibid.* P. 435).

²⁷⁷ «*Dei russi non ne sappiamo di più di quello che dicono le gazzette, perché non è più a Roma il generale Schouvalof né il principe Gallitzin*» (*Ibid.* P. 258–259). Сообщения о контактах Алессандро Верри с русской колонией в Риме зафиксированы также в письмах от 5 июня 1770 г. (по нов. ст.), 12 сентября 1770 г. (по нов. ст.), 15 сентября 1770 г. (Алессандро писал, что лично видел бумаги из

И.И. Шувалов был вхож в высшие сферы римского общества²⁷⁸ и, судя по записке о путешествии русских офицеров в Рим в ноябре 1772 г. (см. Приложение 7), готов был с легкостью организовать для русских православных офицеров папскую аудиенцию. Однако поскольку И.И. Шувалов отбыл из Италии во Францию в 1773 г., то российское влияние в Риме легло после этого на плечи высокопоставленных путешественников, прибывавших в Вечный город. В 1781 г. российским консулом в Риме был назначен Гаспаре Сантини, во многом, как показывает С.О. Андросов, благодаря оказанным в начале 1770-х гг. услугам А.Г. Орлову и Архипелагской экспедиции (в частности, в деле субсидирования русской эскадры)²⁷⁹. В 1782 г., как известно, с папой встречался во время путешествия по Европе наследник, великий князь Павел Петрович. Первый же дипломатический представитель Папского государства (и лично папы Пия VI) в России — архиепископ Халкидонский Джованни Андреа Аркетти — отправился в Петербург лишь в 1783 г.

* * *

Итак, для итальянских государств — Сардинского королевства, Генуэзской республики, Королевства Обеих Сицилий, Венецианской республики, Великого герцогства Тосканского — Средиземноморская экспедиция России 1769–1775 гг. оказалась неожиданностью²⁸⁰. Созданный баланс сил в средиземноморском регионе был внезапно нарушен военным присутствием России. Благодаря масштабным проектам Екатерины, отношения России и итальянских государств, дипломатически не оформленные и до конца 1760-х гг. ограничивавшиеся вялотекущей торговлей, фактически односторонне, под нажимом русской императрицы, перешли на качественно иной уровень.

Петербург) (Ibid. P. 325, 461, 465), 3 октября 1770 г. (по нов. ст.) (Алессандро фиксировал личный контакт с Голицыным), 16 марта 1771 г. (по нов. ст.) (фиксируется контакт с находившимся в Риме А.И. Шуваловым) (Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 4. P. 13, 163). 16 февраля 1774 г. (по нов. ст.) Пьетро Верри упоминает о приезде 15 февраля в Милан И.Г. Чернышева, а 3 апреля (по нов. ст.) уже Алессандро извещает брата о разговоре с Чернышевым в Риме (Carteggio di Pietro e Alessandro Verri. Vol. 6: Gennaio 1773 — giugno 1774. Milano, 1928. P. 184, 213). Кроме того, И.И. Шувалов сообщал новости о боевых действиях русской армии (как на Дунае, так и в Архипелаге) аббату Ф. Галиани (см., например, его письмо к Галиани от 17 сентября 1771 г.: *Moracci G.* Аббат Галиани и его русские корреспонденты // *A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia.* Gargnano, 1994. Roma, 1996. P. 119–120).

²⁷⁸ Обширный круг знакомств И.И. Шувалова, как видно из его переписки, сформировался сразу после его приезда в Рим в конце 1767 г. К.Г. Разумовский писал Шувалову 4 февраля (по нов. ст.) 1768 г. из Москвы: «с особливым удовольствием вижу, что вам пребывание в Риме не скучно и что вы даже до такого (sic!) степени дошли, что приватно маленькие ужины имеете, что весьма трудно для чужестранных» (*Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 1. СПб., 1880. С. 337), а также в другом письме (от 26 февраля (по нов. ст.) 1768 г. отмечал «великое знакомство и хорошее, которое вы в Италии наделали» (Там же. С. 340). Сам Шувалов писал П.И. Голицыной: «здесь все иностранные Министры мои приятели» (из письма от 9 июля 1770 г. из Рима) (Письма И.И. Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой // *Москвитянин.* 1845. № 10. С. 149). См. также схожее свидетельство Ф.Н. Голицына: Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его Тайным Советником Князем Федором Николаевичем Голицыным. С. 94.

²⁷⁹ *Андросов С.О.* Гаспаре Сантини — дипломат и художественный агент в Риме // *Век Просвещения.* М., 2006. Вып. I. С. 104–105.

²⁸⁰ См.: *Venturi F.* Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 74; там же см. библиографию вопроса.

Очевидно, что политика итальянских государств формировалась, в первую очередь, под влиянием их более сильных соседей — двойственной в своей политике Австрии²⁸¹, Франции, поддерживавшей Турцию, и Англии, внешне «нейтральной», но фактически союзной России. Соответственно, тактика тосканских, венецианских, генуэзских, пьемонтских и неаполитанских властей по мере продвижения русской эскадры в Средиземноморье и развития операций в Морее и Греческом архипелаге колебалась между двумя крайними точками: с одной стороны, стремлением к неукоснительному соблюдению военного нейтралитета (т.е. ограничение допуска русских кораблей в принадлежавшие этим государствам порты, установление контроля за деятельностью русских агентов), с другой — признанием необходимости считаться с фактическим присутствием в Италии флота и высокопоставленных подданных Екатерины II или, как в Тоскане, создавать благоприятный режим для их деятельности.

В итоге, чаще всего прагматичные расчеты побеждали широковещательные заявления о нейтралитете и невмешательстве. Итальянские государства все с большим вниманием и чаще всего с большим сочувствием обращали взоры на Россию.

Немалую роль в создании имиджа России и «русских» сыграла деятельность участников Архипелагской экспедиции российского флота в Великом герцогстве Тосканском.

---

²⁸¹ Русские власти не обманывались относительно намерений венского двора. Так, на письмо русского посланника в Вене Д.М. Голицына из Вены от 18/29 июня 1765 г. (о том, что посланник Мальтийского ордена в Вене гр. Гамильтон отказал в просьбе о приискании двух мальтийских кавалеров в русскую службу, а свой отказ мотивировал тем, что орден снаряжает экспедицию против берберских морских разбойников), Екатерина собственноручно отметила: «Сие затруднение от малтийцев не должно ли лучше приписать тому ябедническому духу, который ныне в Вене против нас действует, а шеваля Гамильтон без сего двора согласия не ступит» (СБРИО. Т. 57. С. 287).

РУССКИЕ В ИТАЛИИ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ КОЛОНИИ В ТОСКАНЕ (1769–1775 ГГ.)

М.Б. Велмжеев

Итак, Фотий восторжествует над Магометом. Что за приключение! Мы будем на границе России, а Отранто и Петербург будут разделять лишь один шаг и небольшой отрезок моря: *Dux foemina facti!* <Женщина возглавляла свершения!> И все это совершит одна женщина! Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

*Фердинандо Галиани барону Гольбаху
из Неаполя 7 апреля 1770 г.¹*

После неудачной попытки организовать базу для будущего пребывания русского флота в Венеции Алексей Орлов решил перебраться в Тоскану. Это решение прежде всего предопределялось тем обстоятельством, что на территории этого герцогства находилась первая вольная гавань в Европе — Ливорно (с 1547 г.). На ливорнском рейде можно было осуществлять любые торговые сделки, избегая традиционного в других случаях таможенного налога и инспекционного контроля. Важно, что с середины XVI в. в Ливорно образовались консулаты многих европейских морских держав — Англии, Голландии, Швеции, Франции, Испании и др., один из которых — английский — в годы войны фактически оказался посредником между Россией и местной администрацией. Кроме того, Ливорно был портом, открытым для всех воюющих стран, согласно декрету великого герцога тосканского Франческо (Франца I) от 28 декабря 1739 г.; строгими, впрочем, были и нормы санитарных условий — каждый прибывающий корабль с экипажем должен был пройти специальную проверку, а в ряде случаев (как, например, те, кто возвращался

¹ «Photius aura donc triomphé de Mahomet. Quelle aventure! Nous serons limitrophes des Russes, et d'Otrante à Pétersbourg il n'y aura plus qu'un pas et un petit trajet de mer: *Dux foemina facti!* Une femme aura fait cela! c'est trop beau pour être vrai» (*L'abbé Galiani. Correspondance avec madame d'Épinay, madame Necker, madame Geoffrin, etc., Diderot, Grimm, d'Alembert, de Sartine, d'Holbach etc.* Paris, 1881. P. 95).

Герб Лотарингской
ветви династии
Габсбургов

из Леванта) карантин². Все эти обстоятельства суммировались в рескрипте Екатерины II адмиралу Г.А. Спиридову от 15 июля 1769 г.: «Ливорно будучи вольным для всех портом не может натурально и для вас затворена быть, поколику военные эскадры могут участвовать в неограниченной свободе и преимуществах вольного порта. Примеровтому множество в последних войнах между Англиею и Франциею. Они могут и вам служить за правило»³.

Впрочем, Тоскана не была единственным «итальянским» вариантом для дислокации русского флота: первоначально, как отмечалось выше, Екатерина советовала Орлову подумать о Сардинском королевстве как возможной базе для императорских кораблей⁴. Дело в том, что в 1737 г., после смерти последнего тосканского герцога из династии Медичи, перешло к Лотарингской династии, а именно к Францу-Стефану, мужу Марии Терезии (с 1736 г.). В 1745 г. Франц-Стефан стал австрийским императором Францем I — таким образом, Тоскана оказалась включена в сферу влияния венского двора. В 1765 г., накануне русско-турецкой войны, Великое герцогство Тосканское перешло ко второму сыну Франца и Марии Терезии — Пьетро Леопольдо (Петру Леопольду), младшему брату австрийского императора Иосифа II, в будущем императору Леопольду II. Очевидно, что кровные узы, прочно связывавшие Тоскану с венскими Габсбургами, могли смущать российскую императрицу. Впрочем, в итоге, во многом благодаря активной поддержке англичан и особому статусу Ливорно, Орлову удалось основать в Тоскане русскую колонию, избежав особых дипломатических последствий (подробнее см. гл. 6).

О характере жизни подданных Екатерины в этом итальянском государстве в современной итальянской историографии сформировались две точки зрения. С одной стороны, Франко Вентури в третьем томе своего монументального труда «Il Settecento Riformatore» (1979), оговаривая, что появление русских в Тоскане привело к серии конфликтов, подробно останавливался на «положительных», преимущественно культурных аспектах деятельности Алексея Орлова и его соратников⁵. Действительно, Орлов стимулировал активность (в том числе и финансово) художников, поэтов, переводчиков, музыкантов, которые могли убедить европейское общественное мнение в необходимости присоединения других государств к России в ее конфликте с Турцией. В 1769–1775 гг. жители Тосканы смогли познакомиться и с «чужими» для них культурными практиками: начи-

² См.: *Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione.* Pisa, 1980. P. 27.

³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 371–372 (см. также рескрипт Екатерины на имя контр-адмирала Арфа от 5 июня 1770 г.: СБРИО. Т. 1. СПб., 1867. С. 129). В 1770 г. Екатерина опытным путем утвердилась в правильности принятого решения.

⁴ Там же. С. 8; рескрипт Екатерины А.Г. Орлову от 29 января 1769 г. См. также гл. 6.

⁵ *Venturi F. Il Settecento Riformatore. Vol. 3: La prima crisi dell'Antico Regime (1768-1776).* Torino, 1979. P. 74–75.

ная с фактического введения календаря русских памятных дат, в соответствии с которым в Тоскане стали устраиваться новые масштабные торжества.

С другой стороны, Чезаре Чиано в монографии «Россия и Тоскана в XVII и XVIII вв.» (1980), исследуя экономическую составляющую русско-итальянских контактов, обращал внимание на иные следствия русского присутствия в Тоскане. Основывая свои выводы, подобно Вентури, на обширном архивном материале, Чиано показал, что в 1770-е гг. деятельность подданных русской императрицы в Италии постоянно порождала конфликты социального и юридического характера: активно действуя на территории Тосканы, русские мало считались с местным законодательством, будучи убежденными, что они находятся под юрисдикцией законов Екатерины II. Как замечал Чиано, «русские более вели себя как оккупационные войска, нежели как гости»⁶.

Как нам представляется, обе точки зрения отражают основные особенности сложного сосуществования двух принципиально разных сообществ.

* * *

В 1769 г. Тоскана оказалась в непрестом положении: отныне герцогство должно было считаться с новой, прежде неизвестной реальностью — постоянным присутствием многочисленной православной колонии, состоящей из подданных императрицы Екатерины II и находящихся на ее службе греков и славян. Последнее обстоятельство серьезно изменило жизнь тосканских городов — по подсчетам Чезаре Чиано, в период войны общее число подданных Екатерины II в Ливорно нередко переваливало за 3 000 человек, при том что всего в этом городе в 1769 г. проживало 46 158 человек, а в 1772 — 40 000⁷: таким образом, находившиеся на русской службе составляли около 7,5% от общего населения порта. Чиано привел показательную статистику численности судов русского военного флота в Ливорно, основывающуюся на дневниковых свидетельствах современников войны: около 10 судов — в 1771 г., по меньшей мере 13 — в 1772, 5 — в 1773, не менее 14 — в 1774 (включая последнюю пятую эскадру С.К. Грейга)⁸. Согласно данным другого историка флота Луиджи Доноло, количество торговых кораблей в Ливорно, плававших под русским флагом, в 1771 г. равнялось 12, в 1772 г. — 9, в 1773 г. — 22, в 1774 г. — 22, в 1775 г. — 9, в 1777 г. — 15, в 1780-е гг. — 15-20, в 1790-е гг. — 20-30. При том, что общее число торговых судов в Ливорно за год в тот период достигало 350-400 единиц⁹. Отсюда в 1773 и 1774 гг. императорские торговые корабли составляли около 6% от общего числа судов, бросивших якорь в тосканском порту.

Ритм жизни российской колонии в Тоскане задавался динамикой военных действий в Архипелаге. В течение всего года в тосканские порты (Ливорно и Порто-Феррайо) возвращались суда, требовавшие ремонта, их команда сходилась на берег до окончания починки и отплытия в Архипелаг или в Россию.

⁶ *Ciano C.* Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione. P. 39.

⁷ *Ibid.* P. 30.

⁸ *Ibid.* P. 29.

⁹ *Donolo L.* Il conte Aleksej Orlow e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé // *Nuovi Studi Livornesi*. Vol. IX (2001). P. 134.

Конфликтов российских моряков с местными жителями, в таких условиях избежать было трудно. Имели место кражи¹⁰, драки¹¹, нарушения местных установлений¹², иногда убийства или самоубийства¹³, в Ливорно пострадали

¹⁰ 3 марта 1770 г. на борту корабля «Трех Иерархов» был повешен матрос из команды этого корабля. Несколькими днями ранее он, будучи на суше, украл близ ворот «Porta detta de' Cappuccini» развешенные местными прачками для просушивания платки и рубашки. Прачки обратились в полицию, похититель был задержан и передан ливорнскими властями С.К. Грейгу, который немедленно приговорил мародера к повешению (GT. 1770. 10. 40; *Donolo L. Il conte Aleksej Orlow e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé*. P. 113). Вообще, показательные казни на русских кораблях не являлись редкостью: в начале второй декады апреля 1770 г. за разные преступления были приговорены к повешению пять моряков, состоявших на русской службе. После исполнения приговора, которое сопровождалось выстрелами из пушек, их тела, завернутые в мешки, были брошены в море (NM. 1770. 30. 239). В конце января 1773 г. в центре всеобщего внимания оказался адмирал Г.А. Спиридов: в его доме произошла крупная кража. Утром 27 января молодой россиянин, слуга Спиридова, вошел в сговор с неким греком и, обокрав своего хозяина, жившего в загородной вилле, бежал из Тосканы. В числе похищенных вещей оказались наличные деньги и драгоценности общей стоимостью около тысячи цехинов. Тосканские власти дали приказ поймать вора. В начале февраля два похитителя — русский слуга, имя которого передано как «Teodoro Erminio», и грек Томмазо Местатоинио — были схвачены в Риме и затем — 8 апреля — доставлены для расправы в Ливорно (GT. 1773. 5. 20; 16. 64; NM. 1773. 9. 71-72; 12. 95; 30. 239). Чезаре Чiano отмечает, что во время войны была широко распространена практика выдачи тосканскими властями преступников капитанам русских судов для дальнейшего наказания, посредником при этом чаще всего выступал русский агент в Тоскане Роберт Разерфорд. Разумеется, выдавались лишь подданные Екатерины II. Казус возник именно в описанном выше случае, поскольку официальная Флоренция посчитала, что русским следует передать только слугу Спиридова, но не его греческого сообщника. В итоге, несмотря на усилия Разерфорда, 15 июня русским был выдан лишь Теодоро Эрминио (*Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione*. P. 37-38).

¹¹ Помимо матросов, случалось, что в пьяных драках участвовали и офицеры. На о. Эльба в Порто-Феррайо в марте 1771 г. разгоряченные вином, игравшие в бильярде русские офицеры поспорились, перешли к оскорблениям, а затем и к рукопашной. Произошла драка с применением бильярдных киев, с битьем стекол, бутылок, стаканов и абажуров в бильярдной, закончившаяся увечьями. Российским командирам пришлось просить прощения у губернатора острова Вильнева, но из-за боязни повторения инцидента, на Эльбе были запрещены игры на бильярде после 11-ти часов вечера (ASF, Consiglio di Reggenza, pezzo 1026; депеша Вильнева во Флоренцию от 21 марта 1771 г.).

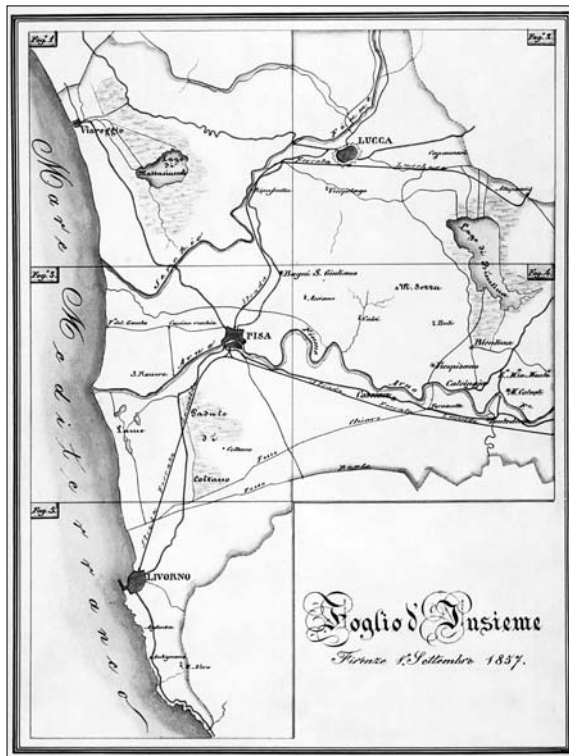
¹² В середине ноября 1771 г. в Ливорно 24-весельная шлюпка с корабля «Ростислав», двигавшаяся с большой скоростью, проехала мимо поста и порвала железную цепь, перекрывавшую вход в порт. В ночь на субботу «Ростислав» ушел из Ливорно. В тот же день утром донесение о произошедшем легло на стол русского агента в Тоскане Разерфорда. Ему было приказано передать русским офицерам быть осторожнее по ночам, особенно в местах, охраняемых тосканской гвардией, и вовремя отправлять запросы на проход в порт. Кроме того, русских попросили возместить убытки за порванную накануне ночь цепь. Разерфорд охотно согласился это сделать, попросив у Бурбона дель Монте прощения за действия офицеров с «Ростислава», уверявших, что произошедшее не есть результат их неуважения к властям Ливорно. Утром 20 ноября граф Федор Орлов, вышедший из лазарета, немедленно совершил визит к Бурбону дель Монте и выразил свое сожаление по поводу инцидента и благодарил от имени императрицы губернатора за прием, оказанный русским в Ливорно. Федор Орлов уверял, что если вина капитана шлюпки будет доказана, то он немедленно напишет об этом брату Алексею, и тот накажет виновного (письма Бурбона дель Монте к начальнику Государственной канцелярии Симинетти во Флоренцию от 18 и 20 ноября 1771 г., ASF, Consiglio di Reggenza, pezzo 1026).

¹³ Так, утром 27 февраля 1770 г. в Пизе в реку Арно бросился секретарь И.И. Шувалова (по другим сведениям — Ф.Н. Голицына). За некоторое время до того секретарь встал в беду, поэтому Шувалов приставил к нему охрану из трех гвардейцев. Однако секретарь обманул их и, достигнув реки, бросился вниз. Один из местных лодочников услышал крик и поспешил на помощь, однако было уже поздно (NM. 1770. 18. 143). Его труп был найден почти месяц спустя, в море близ Виареджо, похоронен секретарь был на греческом кладбище в Ливорно (GT. 1770. 13. 51). 8 апреля 1771 г. три греческих моряка на русской службе затеяли драку в одном из местных трактиров, в результате которой один из них был убит (GT. 1771. 15. 60).

плантации устриц, а в его пригородах свиньи русских моряков потравили крестьянские посе- вы¹⁴. Проблема состояла и в том, что тосканская юрисдикция не распространялась на русских моряков: они не могли быть осуждены по местным законам, кроме того, разнились между собой и способы судопроизводства. Более того, передача виновных русскому командованию отнюдь не гарантировала дальнейшего наказания: наоборот, частыми были случаи, когда начальствующие над флотом покрывали преступления своих подчиненных. Наконец, тосканские власти в основном предпочитали не ссориться с Россией и нередко вынуждены были отказываться от преследования нарушителей порядка¹⁵.

Однако в целом серьезных конфликтов, на наш взгляд, российскому командованию удалось избежать. И на это, вероятно, отчасти и был рассчитан эффект от шумных празднеств, устраивавшихся А.Г. Орловым для жителей Пизы и Ливорно.

Понятно, что культурная, светская и дипломатическая активность русской колонии была преимущественно связана с пребыванием в Тоскане Алексея и Федора Орловых, И.И. Шувалова, в меньшей степени — Г.А. Спиридова,

Тоскана, побережье Тирренского моря

¹⁴ В период войны множество русских барок заняло рвы вокруг Ливорно, в частности те, где известный трактир «Casina delle ostriche» выращивал моллюсков. В рапорте ливорнского губернатора во Флоренцию от 17 ноября 1783 г. отмечалось, что присутствие русских нанесло индустрии устриц огромный ущерб. Разведение русскими моряками свиней в пригороде Ливорно Сан-Якопо серьезно сказалось на урожае, поскольку свиньи паслись на засеянных прежде полях (*Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione. P. 42-43*).

¹⁵ По сообщению Ч. Чиано, самый громкий случай произошел уже после окончания русско-турецкой войны 25 января 1784 г. в армянском театре, когда один из русских офицеров стоявшего на ливорнском рейде корабля отказался платить за билет в оперу и затем затеял драку с патрулем. Однако несмотря на очевидность проступка русского офицера Г.А. Спиридов полностью оправдал своего подчиненного. Тогда тосканское правительство решило сообщить обо всем напрямую в Петербург. Ситуацию пытался разрешить русский посланник в Тоскане Д. Могеню, стремясь не довести дело до сведения императрицы. Однако его усилия ни к чему не привели, и бумага попала к Екатерине II. Императрица приказала отдать затеявших драку русских офицеров в руки тосканского герцога, что вызвало гнев Спиридова. Поразительно, что в итоге Спиридов не подчинился распоряжению Екатерины, и в мае 1784 г. русская эскадра уплыла с пятью виновными офицерами на борту, оставив за собой к тому же колоссальные долги (*Ibid. P. 43-47; о размере долгов см.: Ibid. P. 47-49*).

С.К. Грейга и других высокопоставленных военных и статских чинов, находящихся на русской службе. Одной из важнейших характеристик деятельности подданных Екатерины II было тесное сотрудничество с англичанами: представителями дипломатического корпуса (послом Орасом Манном и консулом в Ливорно Джоном Диком) и британскими капитанами, пользовавшимися нейтралитетом английского короля и активно помогавшими русскому флоту.

Обычно период пребывания в Тоскане русского военного, вернувшегося из Архипелага, начинался с трехнедельного карантина в одном из госпиталей Ливорно. С.П. Хметевский, проходивший карантин в Ливорно в 1774 г., записал: «Карантинной дом: в нем довольно домов, где благородным людям жить можно; для нас, русских, карантинные надзиратели особливое почтение и доверенность имеют и никакой нации сравнения с нами нет; ни что иное их понуждает нас так почитать, как только наша щедрость<...> есть другой карантинной дом, которой перваго больше, только от города далее, но совсем тем сколь ни хорошо жить, только убыточно и скушно»¹⁶.

Согласно правилам, подверженные карантину были обязаны прервать всякие контакты с внешним миром, однако на деле флотское командование начинало принимать посетителей, еще находясь в больнице. Вслед за тремя неделями вынужденного простоя следовал торжественный въезд в город и череда празднеств — балов, концертов, иллюминаций, корабельных залпов, обедов (традиционно в доме британских дипломатов, где останавливался Орлов), поездок ко двору во Флоренцию, участия в придворных церемониях, отмечания церковных и светских дат и т.д.

Столица Тосканы — Флоренция — привлекала двором великого герцога и блеском светской жизни. Капитан С.П. Хметевский так описал город: «оной столичной город герцога тосканскова, чрез которой течет изрядной величины река; а для разливу также каменными стенами возвышены также берега; город великой и многолюден; строение весьма хорошо; достойно примечания галлирея, в которой сохраняются древней редкости вещи, так же строящейся собор, в котором престолы зделаны из мазаику дорогой цены. Во всех почти городах Италей чрез проведенныя трубы бьют безпрестанно фонталы чистой воды, зделаны разными фигурами древних каких героев и женщин или и зверей и ползущей по земле гадины, как для удовольствия жителей водой, также тем делает городу великую красоту»¹⁷. При этом Флоренция посещалась много реже, нежели три других пункта Тосканы: Ливорно, Пиза и предместье Пизы Сан-Джулиано.

Ливорно — база флота, место для переговоров с английскими дипломатами, контроля за состоянием кораблей и умонастроением солдат, своего рода деловой центр в Тоскане, а также основное пространство благотворительности и праздничных представлений. В журнале лейтенанта флота Г. Кушелева город описан так: «Ливорна, хоте небольшой, толко богатой купеческой город. Улицы довольно чисты и строение великолепно. Дома по болшей части в 4, 5 и 6 этажей. На сере-

¹⁶ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 690.

¹⁷ Там же. С. 693.

дине онаго находится довольно чистая площадь, у которой вправо главная церковь и вся окружена отменным зданием, находится также довольно изрядной театр в котором ложи в 5 этажей и на коем была играна комическая опера и изрядные танцованы между сей свити балеты»¹⁸.

Пиза по многу месяцев становилась местом жительства А.Г. Орлова и его окружения в Тоскане. Лейтенант Г.Кушелев

*Флоренция, Кафедральный собор
(Дуомо, Санта Мариа дель Фиоре)*

описал город и его основные достопримечательности так: «Подъезжая к Пизе, ни по чему почти оную узнать не можно как толко по выдавшейся кверху из леса оную окружающего колоколни наклонной. <...> Пиза — старинной город укреплен простою стеною но гораздо болше Ливорны и разделен на две части рекою Арно, чрез которую четыре каменные построены мосты также и берега деланы каменными. Улиц с 5 почище и пошире, а протчия весма уски. Тут находится дворец грандюков и церковь весьма старинная во имя Богородицы огромная и в середине довольно украшенная, построенная из мрамора по манеру готическому, у которой колоколня довольно чудна по своей наклонности на одну сторону, которая произошла, как видно, от слабости с одной стороны под оной земли, но при всей своей погипе негде не треснула. Также тут находится купол для крещения младенцов довольно хороший архитектуры, и так называемое святое поле, где погребаются разного звания великия люди и довольно хорошей театр, в котором был публичной бал на 16 число ложи и в оной театре в 5 этажей»¹⁹.

Сан-Джулиано, находившееся в 4-5 милях, нередко также, как и Пиза становилось местом светских развлечений и праздников русской колонии в Тоскане. Местечко славилось своими горячими источниками («изрядные минералические теплые воды»), куда приезжали лечиться некоторые высокопоставленные участники Архипелагской экспедиции. Посетивший этот известный в Европе курорт С.П. Хметевский оставил мечтательное воспоминание о принятых им водных

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 315 (Коллекция: Материалы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 43. Л. 14. См. также похожее, но более пространное описание Ливорно С.П.Хметевским (Приложение 8. С. 690–691).

¹⁹ Там же. Запись сделана в феврале 1774 г. См. также описание Пизы у Хметевского, отметившего в пизанском соборе медные двери «большой величины, снаружи с вылитыми всех евангельских из Библии притчей весьма живо» (см.: Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 692).

процедурах и о том, как после теплых ванн отдыхающие «в трактире кушают легкое кушанье, а после обеда прогуливаются около оных бань, где положение места, приятность цветов и дерев весьма увеселяет»²⁰.

Тосканские газеты фиксировали значительное число однодневных поездок Орлова и других вельмож из Ливорно в Пизу и обратно — Орлов, при случае, мог проскакать расстояние между городами чуть ли не за час, обычно на это путешествие тратилось часа три-четыре (Г. Кушелев: «из города недолго продолжалась хорошая дорога и началась песчаная грязная, кои проходил чрез пустоту леса болотистаго и, хотя прикладываны великие труды, чтоб просушить сии болоты чрез множество каналов, аднако все еще анне астались топкими. На двух третях дороги увидел я толко одно церковь древней работы и почти развалившеюся а в протчем все ехали местами пустыми. От оной церкви началась дорога довольно изрядная насыпанная землею и по обе стороны для просушки отделенная каналами»²¹).

А.Г. Орлов в Тоскане

Периоды особой активности русской колонии в Тоскане связаны с пребыванием там Алексея Григорьевича Орлова, задававшего ускоренный ритм жизни русской колонии и стимулировавшего контакты с тосканской и иностранной знатью. А.Г. Орлов был в Тоскане (с перерывами) с апреля 1769 г. по май 1770 г., с декабря 1770 г. по июнь 1771 г. (в это время он еще и съездил в Россию), с сентября 1771 г. по июль 1772 г., с мая 1773 г. по сентябрь 1773 г., наконец, с июля 1774 г. по июнь 1775 г.

В 1769–1772 гг. деятельность А.Г. Орлова в Тоскане отличается особым размахом и привлекает к себе внимание двора, дипломатов и местной прессы, ее апогей пришелся на следовавшую за Чесменской победой зиму-весну 1770–1771 гг. Однако начиная со второй половины 1772 г. активность русских сановников в Тоскане сокращается по мере того, как война в Восточном Средиземноморье отходит на второй план и для Петербурга, и для европейской политики.

АПРЕЛЬ 1769 г. — МАЙ 1770 г.

Начало русской колонии в Тоскане было положено весной 1769 г.: именно тогда, согласно данным местной «*La Gazzetta Toscana*»²², значительное число подданных Екатерины II прибыло в Пизу, ставшую затем постоянным «тосканским» местом жительства Алексея Орлова. Первоначально русские сняли квартиры в гостинице «*Dell'Ussero*», а затем и отдельный дом, предназначенный для высокопоставленного лица, которое должно было вскоре прибыть в Пизу, т.е. для самого графа Алексея Григорьевича²³.

²⁰ См.: Там же..

²¹ РГА ВМФ. Ф. 315 (Коллекция: Материалы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 43. Л. 14.

²² «*La Gazzetta Toscana*» издавалась в 1767-1811 гг. во Флоренции in-8 один раз в неделю. См.: *Righini B. I periodici fiorentini (1596-1950). Catalogo ragionato. Vol. 1. Firenze, 1955. P. 230.*

²³ GT. 1769. 14. 55.

Общий план пизанской равнины

Вечером 16 апреля²⁴ в сопровождении многочисленной свиты Пизы достиг граф «Alessandro Oxtrow Moscovita»²⁵, остановившийся в заранее снятых комнатах и рассчитывавший надолго задержаться в Тоскане. При этом в качестве официальной причины пребывания А.Г. и Ф.Г. Орловых в Пизе в прессе указывалась необходимость лечения на знаменитых в Италии местных водах²⁶ (Орловы стремились сохранить инкогнито, хотя тосканскому правительству, разумеется, было прекрасно известно, кем на самом деле являлся граф «Ostroff»²⁷).

31-м июля 1769 г. датирован рапорт, поданный капитаном пизанской полиции Андреа Фортуна губернатору Ливорно Филиппо Бурбону дель Монте, с отчетом

²⁴ Даты описываемых событий в Тоскане приводятся по григорианскому календарю или, в случае необходимости, по юлианскому и григорианскому календарям одновременно.

²⁵ Консул Рагузской республики в Ливорно Томмазо Джулиано Батакки в реляциях своему правительству называл Орлова «Ostroff» (*Ivancevic V. Pisa e Livorno nel conflitto russo-raguseo del 1769–1775. Pisa, 1967. P. 29*). Этим псевдонимом братья Орловы пользовались во время поездки по Европе. Вымышленное имя происходило от названия имени, подаренного в 1765 г. Екатериной Алексею Орлову (см. также: *Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С. 175*).

²⁶ *GT. 1769. 16. 62.*

²⁷ *Ivancevic V. Pisa e Livorno nel conflitto russo-raguseo del 1769–1775. P. 34.*

о пребывании русских в Пизе. Как следует из отчета, Федор и Алексей Орловы с секретарем и 12-ю слугами остановились в Пизе в доме Курины, прочие — в доме Гасперини и доме Кьеза. В это же время в Тоскане оказался и Иван Иванович Шувалов. Кроме того, близкие к русской колонии уроженцы Далмации временно разместились в гостинице «Del Corona», а затем переехали в дом вдовы Фиорези²⁸.

С сентября 1769 г. в Ливорно через прибывающих в порт капитанов кораблей узнают о возможном скором прибытии в Тоскану русской эскадры. В номере от 16 сентября 1769 г. тосканская газета «Le Notizie del Mondo»²⁹ опубликовала сообщение, присланное из Ливорно 13 сентября. Так, днем ранее, 12 сентября в тосканский порт из Петербурга прибыл английский корабль, везший икру, железо, пеньку и др. Капитан судна рассказывал, что в Петербурге готовы к отплытию в Средиземное море для диверсии в Леванте и Архипелаге 50 кораблей — как военных, так и транспортных, из них 17 — линейных, оснащенных 70 пушками³⁰. Это первое по времени упоминание о военных планах Российской империи в Средиземном море в тосканской прессе³¹.

Прибытие самих русских эскадр, как правило, способствовало резкой активизации русских агентов и массовым перемещениям офицеров из Пизы в Ливорно: как появление, так и отправление кораблей традиционно отмечалось торжественными обедами, праздниками и иллюминацией. Первое русское военное судно появилось в Ливорно утром 7 февраля 1770 г. — им оказался фрегат «Почталъон» капитана В. Еропкина. 15 февраля в тосканском порту бросили якорь корабль «Трех Иерархов» С.К. Грейга и фрегат «Надежда Благополучия» П. Аничкова, обменявшись со стоявшим на рейде «Почталъоном» приветствием из соответственно 9 и 7 пушечных выстрелов. На следующее утро выстрелы повторились — однако в данном случае пушки «Трех Иерархов» ответили на ритуальные залпы военной крепости Ливорно, а 16 февраля Грейг был принят ливорнским губернатором Бурбоном дель Монте³².

²⁸ Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmè. P. 109–110; см. также: Venturi F. Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 33.

²⁹ Газета «Le Notizie del Mondo» выходила в 1768–1791 гг. (in-8, продолжение издания «Gazzetta di Firenze», выпуски сначала два, а затем три раза в неделю) (см.: Righini B. I periodici fiorentini (1596–1950). Vol. 1. P. 359). О репутации издания в годы Первой русско-турецкой войны см. письмо Пьетро Верри к Алессандро Верри из Милана от 26 августа 1769 г.: «Достань *Notizie del mondo*, печатающиеся во Флоренции; как я тебе писал, это лучшая итальянская газета» («Procurati le *Notizie del mondo*, stampate a Firenze; sono, come ti scrissi, i migliori foglietti d'Italia») (Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 3: Agosto 1769-Settembre 1770. Milano, 1911. P. 35).

³⁰ NM. 1769. 74. 608.

³¹ О прибытии русской эскадры в Зунд и дальнейшем отплытии в Архипелаг на войну с Портой «Le Notizie del Mondo» сообщили в номере от 26 сентября, в материалах из Генуи от 20 сентября и Ливорно от 22 сентября (NM. 1769. 77. 636). Одновременно Алексей Орлов начинает все чаще и чаще навещать в Ливорно. 22 сентября Орлов приезжает в Ливорно, где живет в доме английского консула Дика вплоть до 25 сентября, когда он отправляется обратно в Пизу. В том же сообщении из Ливорно «La Gazzetta Toscana» уведомляла своих читателей о том, что, по ее сведениям, вскоре в Ливорно придет русская эскадра, состоящая из 20 линейных кораблей, которой затем предстоит отправиться в Левант (GT. 1769. 39. 158). 4 октября сообщение о ближайшем прибытии русской эскадры дублируется: согласно имеющейся информации, эскадра уже находится в Порт-Магоне (GT. 1769. 40. 162). 11 октября из Ливорно писали, что капитан одной английской бригаантины, прибывшей в порт на прошлой неделе, рассказывал, что видел большое скопление кораблей около Гибралтара, издатели газеты предположили, что речь идет именно о русских судах (GT. 1769. 41. 166).

³² GT. 1770. 8. 30–31.

В начале третьей декады марта 1770 г. в Ливорно ожидали отплытия в Морею всей русской эскадры, при том, что параллельно в Тоскане все еще производились закупки продовольствия и иных припасов для предстоящего плавания³³. Уже 28 марта «La Gazzetta Toscana» сообщала, что из Пизы в Ливорно отправились все русские офицеры, жившие там зимой 1769–1770 гг., и в тот же день Алексей Орлов объявил об отплытии при первом попутном ветре³⁴. «Попутный ветер» случился, видимо, только 12 апреля (1 апреля по ст. ст.), когда граф А.Г. Орлов отбыл в сторону Греции (в Италии ходили слухи, что он уже был назначен Екатериной II правителем Македонии³⁵, слухи, впрочем, фантастические).

Вскоре после его отъезда утром 23 апреля Флоренцию покинули И.И. Шувалов и его племянник князь Ф.Н. Голицын, выехавшие в Рим³⁶. Наконец утром 1 мая 1770 г. в Ливорно прибыл отбившийся в шторм от эскадры Спиридова и отремонтировавшийся в Генуе корабль «Ростислав» капитана Василия Лупандина, на котором из Италии должны были отплыть к Морее остававшиеся в Ливорно русские офицеры (так и случилось 17 мая 1770 г.)³⁷. Собственно, этими событиями заканчивается первый период пребывания русского флота в Тоскане: шла война в Морее и русская колония опустела.

ДЕКАБРЬ 1770 г. — июнь 1771 г.

Во время активных боевых действий в Морее летом-осенью 1770 г. подданные Екатерины II лишь изредка упоминались в местных тосканских хрониках³⁸. Согласно многочисленным сообщениям от начала лета, полученным из разных городов Италии, читатели «Le Notizie del Mondo» могли заключить, что армия Орлова потерпела серию поражений в Морее, оказалась даже полностью уничтоженной, что сам Орлов тяжело ранен³⁹. Как предполагали тосканские журналисты, при настоящем положении дел русский флот уже в июле уйдет из Эгейского моря, так и не дав решающей битвы туркам⁴⁰.

Только новость о Чесменской победе возродила интерес к России и русским. Первое сообщение о сражении между двумя враждующими флотами и о решительной победе русского флота появилось в тосканской прессе 18 августа 1770 г., т.е. спустя полтора месяца после самой битвы⁴¹. Новость о Чесме пришла в Ливорно

³³ NM. 1770. 24. 192; NM. 1770. 26. 205.

³⁴ NM. 1770. 26. 205.

³⁵ NM. 1770. 30. 239; *Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione.* P. 28.

³⁶ NM. 1770. 33. 263.

³⁷ GT. 1770. 21. 84; NM. 1770. 38. 303; 40. 326; *Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione.* P. 28.

³⁸ Не считая сообщений о действиях русских агентов в Тоскане, например Р. Разерфорда, — в начале июня 1770 г. он подготовил для отправки в Левант 80 тысяч талеров, которые должны были пойти на нужды русского флота (NM. 1770. 54. 445–446), или П. Маруцци, получившего в Венеции в середине сентября 900 тысяч флоринов на те же цели (NM. 1770. 76. 622); или сообщений о прибытии во Флоренцию русских дворян, например А.В. Нарышкина в начале декабря 1770 г. (GT. 1770. 49. 195).

³⁹ NM. 1770. 48. 398; 52. 429–430; 56. 462–463; 58. 480; 61. 502; 62. 509.

⁴⁰ NM. 1770. 58. 477, 479; 60. 493–494; 63. 520; 64. 527.

⁴¹ Луиджи Доноло в своей статье упоминает, что одним из главных источников информации о Чесменском сражении в Риме был И.И. Шувалов и его племянник кн. Ф.Н. Голицын, в сентябре

благодаря капитану одного из рагузских судов, который, в свою очередь, получил данную информацию с греческого корабля, встретившегося морякам во время плавания⁴². Через три дня (21 августа) появился подробный отчет о Чесменском сражении, записанный со слов английского капитана на русской службе по фамилии Бодич (Bodic) и полученный в письмах с острова Мальта⁴³. Вслед за этим известие о победе Орлова получило подтверждение из Лондона, где русский посол сделал официальный доклад о победе английскому государственному секретарю графу Рошфору⁴⁴. Примерно в это же время о Чесменской битве узнали по всей Италии — в Палермо⁴⁵, в Неаполе⁴⁶, в Риме⁴⁷, вскоре новость обсуждала вся Европа⁴⁸. Характерно, что бой при Чесме сразу же оказался интерпретирован в свете «греческих» планов Екатерины — победа в крупном сражении, в глазах тосканских журналистов, автоматически означала скорый штурм Константинополя⁴⁹.

С начала сентября 1770 г. в Италию постепенно начинают прибывать русские офицеры, участвовавшие в Архипелагской экспедиции. 3 сентября в Мессину из Леванта прибыл английский фрегат «Винчелси» капитана Гудхола, на борту которого находились князь Ю.В. Долгоруков и еще несколько морских офицеров⁵⁰. Тогда же в Ливорно вернулся генерал-поручик В.Е. Дараган, достигший Тосканы на английском фрегате «Принц Эдвард» (с ним на судне также оказались тосканские офицеры Одоардо Берлингьери, встречавшийся в Архипелаге с Орловым, и Джованни Бонакорси, уточнившие многие детали Чесменской битвы⁵¹).

1770 г. специально ездивший в Ливорно за новостями о битве (см.: *Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé. P. 114–115; Bonifacio G. La prima discesa russa in Mediterraneo // Rivista di cultura marinara. 1943. №3 (Maggio-giugno).*

⁴² NM. 1770. 66. 543.

⁴³ NM. 1770. 67. 552. Как известно, именно на Мальту по распоряжению А.Г.Орлова было отправлено первое судно с освобожденными после Чесменской битвы христианскими пленниками турок.

⁴⁴ NM. 1770. 68. 555; ср.: NM. 1770. 68. 560; 71. 581–582.

⁴⁵ См. письмо тосканского посланника в Неаполе Джузеппе Бонеки графу Розенбергу от 21 августа 1770 г. (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2337).

⁴⁶ См. письмо Джузеппе Бонеки графу Розенбергу от 21 августа 1770 г. (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2337). Возможно, новость достигла Неаполя и ранее, в начале второй декады августа, см. письмо Фердинандо Галиани к Луизе д'Эпине из Неаполя от 11 августа 1770 г. (*Louise d'Épinay, Ferdinando Galiani. Epistolario. 1769–1772. Palermo, 1996. P. 166*) и письмо Галиани к Ж. Пеллерену из Неаполя от 18 августа 1770 г. (*L'abbé Galiani. Correspondance avec madame d'Épinay, madame Necker, madame Geoffrin, Diderot, Grimm, d'Alembert, de Sartine, d'Holbach etc. Vol. 1. P. 225–226*).

⁴⁷ Письмо тосканского посланника при Папском дворе Сент-Одила к флорентийскому посланнику в Неаполе Бонеки от 18 сентября 1770 г. (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2345). Впрочем, некоторые римляне были хорошо осведомлены о деталях битвы значительно раньше, в середине августа 1770 г. — через И.И. Шувалова, получившего репликацию из Архипелага (письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри от 15 августа 1770 г.: *Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 3. P. 428–429*; см. также письмо от 15 сентября 1770 г.: *Ibid. P. 465–466*).

⁴⁸ Распространилась информация из разных каналов: данные российского посланника в Лондоне, письма из Ливорно и с острова Мальта, письмо адмирала Спиридова британскому послу в Тоскане Орасу Манну, донесение венецианского посланника в Лондоне Джузеппе Имберти от 7 сентября 1770 г. (ASV, *Dispacci degli ambasciatori al Senato. Inghilterra, busta 124*); письмо поверенного в делах в Вене Г.И. Полетики от 1/12 сентября 1770 г. (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1876. №7. С. 274). Вначале штаб победы при Чесме показался тосканскому посланнику ювно преувеличенным, но через несколько дней письма, полученные герцогом Шуазелем, подтвердили детали Чесменской битвы: донесения аббата Никколи из Парижа от 3 и 8 сентября 1770 г. (ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2334).

⁴⁹ NM. 1770. 70. 576.

⁵⁰ NM. 1770. 72. 591.

⁵¹ GT. 1770. 36. 144; 38. 152; *Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé. P. 115–116*.

Наконец, вечером 6 декабря 1770 г. в Ливорно бросил якорь адмиральский корабль «Трех Иерархов» С. Грейга, на борту которого находился А.Г. Орлов. 9 или 10 декабря Орлов, здоровье которого находилось «не в самом лучшем состоянии»⁵², отправился в госпиталь «Lazzaretto di S.Rocco», где ему предстояло пройти предусмотренный карантин. В то же самое время в Ливорно для Орлова и его свиты были уже сняты несколько квартир. Находясь на карантине в госпитале Сан-Рокко, Орлов сумел подготовить торжественный въезд в Ливорно⁵³. В газетном сообщении от 15 декабря говорилось, что русский граф через несколько дней выйдет из лазарета и по случаю возвращения в Тоскану устроит торжества, и что уже заготовлены роскошные ливреи для его слуг. Отмечалось также, что ему воздадут надлежащие почести со стороны ливорнского правительства⁵⁴. Уже 17 декабря в Ливорно Орлов беседовал с британскими дипломатами в Тоскане: посол Орас Манн и консул в Ливорно Джон Дик в сопровождении ливорнского губернатора Бурбона дель Монте нанесли визит Орлову в лазарет⁵⁵. Наконец, 31 декабря 1770 г. Алексей Орлов покинул ливорнский госпиталь и осуществил задуманное ранее намерение — как можно роскошнее обставить торжественный въезд в Тоскану⁵⁶. Для начала он щедро одарил служителей санитарных служб Ливорно⁵⁷, вслед за этим вместе с русским агентом в Тоскане Р. Разерфордом в специальной карете направился в дом британского консула. Во дворце Дика Орлов и его свита приняли губернатора Ливорно, тосканских морских офицеров и офицеров от инфантерии, нанесли ответный визит губернатору. Вечером того же дня английские, русские и тосканские офицеры присутствовали на театральном спектакле в Ливорно. 1 января 1771 г. в 9 часов утра Орлов выехал из Ливорно, через час его уже встречали в Пизе⁵⁸.

⁵² NM. 1770. 101. 825.

⁵³ GT. 1770. 51. 204; донесения сардинского посланника в Тоскане Б. ди Замоне от 17 и 24 декабря 1770 г.: AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2.

⁵⁴ GT. 1770. 52. 208.

⁵⁵ GT. 1771. 1. 4.

⁵⁶ Интересно, что чуть ранее появились слухи о том, что Орлов отказался от идеи торжеств в Ливорно 31 декабря. Возможной причиной тому называли крупное поражение русского флота близ Дарданелл. См. донесение сардинского посланника в Тоскане ди Замоне от 31 декабря 1770 г. (AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2).

⁵⁷ По-видимому, к этому же периоду относится и посылка Орловым Великому магистру Мальтийского ордена в подарок 85 турецких рабов, которые прибыли на остров 3 января 1771 г. на русских кораблях, отправлявшихся в Левант (NM. 1771. 14. 112).

⁵⁸ GT. 1771. 1. 4; *Donolo L. Il conte Aleksej Orlow e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé*. P. 137. 1 января 1771 г., в 9 утра, Орлов выехал из Ливорно, а в 10 часов достиг Пизы и, облаченный в роскошно отделанный офицерский мундир (не менее роскошно были одеты и слуги Орлова — два лакея, два гайдука и два евнуха: GT. 1771. 1. 4), вместе с британским послом Орасом Манном имел часовую аудиенцию сначала у великого герцога тосканского Пьетро Леопольдо, а затем и у его супруги, находившихся в тот момент в Пизе (GT. 1771. 2. 6; NM. 1771. 4. 30). После официального представления Орлов и бывшие с ним русские офицеры в сопровождении британского посланника Манна отправились на заранее арендованные для них квартиры, вслед за чем последовал торжественный обед, организованный Манном для русского, английского и местного дворянства. 7 января к вечеру Орлов вернулся обратно в Ливорно, дабы посмотреть — вместе с английскими офицерами и официальными лицами — представление в местном театре. 8 января утром Орлов перешел на борт «Трех Иерархов», получил приветствие многочисленными пушечными залпами и дал обед уже для высших представителей русского флота в Тоскане (GT. 1771. 2. 8; NM. 1771. 4. 30). По-видимому, 9 января Орлов уже находился в Пизе, поскольку хроника упоминает великолепный бал, на который были приглашены около ста человек (относительно большая цифра

Основной задачей А.Г. Орлова в Тоскане стала подготовка будущей военной кампании против турецкого флота, определение портов, в которых русские корабли могли бы пройти необходимые ремонтные работы⁵⁹, а для этого следовало активно участвовать в политической жизни всей Италии. В январе-феврале 1771 г. Орлов присутствовал на обеде у принца Ксавье Саксонского, посетил Рим и Флоренцию, в это же время его брат Федор вел переговоры с неаполитанским королем. В конце февраля А.Г. Орлов спешно отбыл в Петербург⁶⁰, где находился менее месяца, успев 8/19 марта выступить на Совете при Высочайшем Дворе и представив свое видение ситуации в Архипелаге и перспектив дальнейших действий флота.

На обратной дороге из Петербурга Орлов коротко задержался в Вене, где он встретился с императрицей Марией Терезией и гр. Кауницем (29 и 30 апреля 1771 г.), а также вел беседы с российским послом Д.М. Голицыным. Между тем, связь тосканской базы русских с Архипелагом не прерывалась. С середины марта 1771 г. русские суда начали уходить из Тосканы в Левант, другие срочно заканчивали ремонтные работы и запасались разнообразными припасами (пищей, древесиной и др.⁶¹).

В мае 1771 г. А.Г. Орлов наконец вернулся из Петербурга в Тоскану⁶²: 10 мая утром, к 10 часам, он был уже во Флоренции и, после краткой остановки, отправился в Ливорно⁶³. В тот же день, около 6 часов вечера Алексей Орлов прибыл в Пизу и остановился во дворце Курини.

С конца апреля в тосканских городах бурлила светская жизнь: подданные русской императрицы посещали герцогский двор, проводили рауты с союзниками-англичанами, сами устраивали праздники. Лишь 5/16 июня последовал приказ Орлова, предписывавший офицерам высшего ранга подняться на борт своих кораблей, однако по причине разразившейся бури сделать это оказалось возможным только утром 8/19 июня 1771 г.

для тосканских приемов) из русских, пизанских и иностранных дворян (ГТ. 1771. 2. 6). Как показывает хроника местных газет, в начале января 1771 г. русские аристократы активно участвовали в культурной жизни герцогства. Так, 8 января в Кортоне, на очередном заседании местной академии «Etrusca» была представлена золотая медаль, дар И.И. Шувалова, на которой с одной стороны был изображен бюст Петра Великого, а с другой — прусский город Эльбинг с соответствующей латинской надписью: «Elbinga Martiali Industria carpta», отсылающей к пребыванию Петра в Эльбинге в 1710 г. (ГТ. 1771. 4. 16). Вечером 1 февраля князь Ф. Голицын организовал для местного дворянства в Пизе домашний концерт, в котором приняли участие знаменитые оперные певицы, сестры Клементина и Роза Бальони (о Бальони см.: *Rice J.A. Antonio Salieri and Viennese Opera. Chicago, 1999. P. 56*). Концерт происходил в отделанной в китайском стиле зале и собрал высокопоставленную публику, в том числе на нем присутствовали великий герцог тосканский Пьетро Леопольдо с супругой, принц Ксавье Саксонский, Алексей Орлов и многие русские офицеры (ГТ. 1771. 5. 20; NM. 1771. 11. 87). К слову, 5 августа 1772 г. в своем дворце в Пизе Орлов организовал для тосканских и подданных других государств оперный концерт, на котором пели Алессандро Куаратеци, Анджоло Рончони и Елена д'Анджоло, урожденная Грассолини, ученица Филиппо Герардеска (ГТ. 1772. 33. 131–132).

⁵⁹ NM. 1771. 2. 15; 4. 32; 9. 71.

⁶⁰ G. d'A. 1771. № 4, 5, 21.

⁶¹ См., например: ГТ. 1771. 18. 70; NM. 1771. 31. 245.

⁶² В Петербург Орлов прибыл около 4/15 марта 1771 г. (NM. 1771. 35. 273), но в Италии знали, что вскоре он вернется в Тоскану (NM. 1771. 36. 285). 8/19 апреля А.Г. Орлов, князь Ю.В. Долгоруков, лейтенанты Розенберг и Раблен были уже в Берлине (NM. 1771. 38. 299), 18/29 апреля — в Вене, где нанесли визит князю Кауницу. 19/30 апреля в Шенбруне Орлов и сопровождавшие его дворяне были приняты самим австрийским императором и обедали вместе с русским послом в Вене князем Голицыным у Кауница (NM. 1771. 39. 306).

⁶³ NM. 1771. 38. 300.

Наконец 9/20 июня к полудню русская флотилия, составленная из 11 кораблей (7 военных и 4 транспортных), отплыла в направлении Леванта. На их борту находились братья Алексей и Федор Орловы (А.Г.Орлов прибыл на Парос 28 июня/9 июля 1771 г.), Ю.В. Долгоруков, при том что С.К. Грейг (по информации тосканских газет, «по состоянию здоровья») остался в Тоскане⁶⁴.

Конец 1771 г. — июль 1772 г.

А.Г. Орлов вернулся из Архипелага в Ливорно лишь 28 декабря 1771 г./8 января 1772 г. на корабле «Трех Иерархов»⁶⁵ (он отбыл из Архипелага, как и в 1770 г. в ноябре — 27 ноября/8 декабря 1771 г.).

До его приезда в Ливорно из Архипелага прибыл Ф.Г. Орлов после малоудачной операции при Родосе. Еще находясь на положенном карантине, Ф.Г. Орлов стал источником светской и дипломатической активности: при посредничестве русского агента в Тоскане Разерфорда он встречался с герцогом Глостером, братом английского короля Георга III. Выйдя из госпиталя, Ф.Г. Орлов несколько раз обедал с ливорнским губернатором Бурбоном дель Монте и посетил флорентийский двор, а потом в конце ноября, не дождавшись брата, отбыл в Петербург⁶⁶.

Карантин А.Г. Орлова закончился только 17/28 января 1772 г., после чего, по заведенному порядку, Орлов и его свита расположились в доме британского консула в Ливорно Дж. Дика, где приняли губернатора Бурбона дель Монте, поздравившего Орлова с успехами в прошедшей кампании. Светская жизнь закипела с новой силой: торжественные обеды поочередно устраивались в доме губернатора Бурбона дель Монте и Дж. Дика⁶⁷. Алексей Орлов и другие высокопоставленные русские военные часто навещались и ко двору во Флоренцию. В конце февраля — начале марта 1772 г. Алексей Орлов предпринял поездку в Рим, где, как и ранее его брат Федор, имел переговоры с герцогом Глостером⁶⁸.

В это время суда, прибывшие на зимовку в Центральное Средиземноморье, были размещены, прежде всего для ремонта, в портах Мальты, Сицилии, Неаполитанского королевства и Тосканы⁶⁹. Более всего беспокойств вызывал поставленный в Мальте на ремонт корабль «Саратов», но его многомесячный ремонт оказался успешным. 25 августа/5 сентября 1772 г. А.Г. Орлов и С.К. Грейг на «Ростиславе» инкогнито побывали на Мальте, осмотрев корабль и наградив команду и мастеров⁷⁰.

Летом 1772 г. А.Г. Орлов в Архипелаг не спешил — в июле открылся мирный конгресс в Фокшанах (российскую делегацию, как известно, возглавлял его брат Г.Г. Орлов), с мая по август продолжалось перемирие. Он отбыл из Ливорно вместе с С.К. Грейгом на корабле «Ростислав» только 16–18/27–29 июля⁷¹, чтобы про-

⁶⁴ GT. 1771. 26. 103–104; NM. 1771. 50. 396; 51. 405.

⁶⁵ GT. 1772. 3. 12; NM. 1772. 4. 31.

⁶⁶ NM. 1771. 94. 728; см. также: NM. 1771. 95. 734; NM. 1771. 100. 774.

⁶⁷ См.: GT. 1772. 5. 20; NM. 1772. 9. 70; GT. 1772. 6. 24; NM. 1772. 10. 78.

⁶⁸ GT. 1772. 10. 40; 11. 43; NM. 1772. 17. 234.

⁶⁹ NM. 1771. 97. 751.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 58–65.

⁷¹ GT. 1772. 31. 124; NM. 1772. 61. 506.

быть в Архипелаге беспрецедентно долго, до 18/29 апреля 1773 г. (после своего отбытия в Архипелаг он уже более никогда не возвращался).

Май — сентябрь 1773 г.

Алексей Орлов прибыл из Архипелага в Ливорно утром 11/22 мая 1773 г.⁷² Вскоре, 12 июня, во Флоренцию из Рима (выехал 7 июня) прибыл И.И. Шувалов, который был немедленно принят королевской тосканской четой⁷³. Летом 1773 г., как и в прежние годы, судя по газетным сообщениям местной прессы, А.Г. Орлов и И.И. Шувалов постоянно курсировали между Пизой, Ливорно и Флоренцией, принимая активное участие в придворных и светских мероприятиях, очевидно, продолжая исполнение своих военно-политических ролей. Утром 24 июня 1773 г. Шувалов вместе с Алексеем Орловым был на обеде, организованном во Флоренции Великим приором Лоренцо Корсини для иностранных посланников, придворных чинов и местной аристократии, затем их же видели на придворном празднике и богослужении, устроенном в честь рождения дочери маркизы Марии Магдалены Бурбон дель Монте⁷⁴, 16 июля 1773 г. с иностранными дамами и кавалерами, лечившимися на водах в Сан-Джулиано, Орлов и Шувалов присутствовали на бале в местном дворянском собрании⁷⁵.

Только утром 16/27 августа Алексей Орлов покинул Флоренцию, чтобы отправиться в Петербург⁷⁶.

Июль 1774 г. — июнь 1775 г.

Как известно, отъезд А.Г. Орлова из России на этот раз затянулся: он дважды выступал на Совете при Высочайшем Дворе в октябре 1773 г. и в мае 1774 г., зиму и начало весны провел в подмосковных имениях. Только в июле А.Г. Орлов вернулся в Тоскану с подарками и орденами, и его приезд, как и ранее, сопровождается щедрыми тратами на устройство серии летних праздников. Ожидалось, что вскоре командующий должен отправиться в Архипелаг, однако ночью 1/12 августа 1774 г., когда первые корабли под русским флагом уже отбыли в Левант, А.Г. Орлов получил новость о подписанном накануне Кючук-Кайнарджийском мире. Газеты сообщили, что граф Орлов вынужден был срочно отправить курьера в Ливорно к Роберту Разерфорду, приказывая приостановить отплытие русских судов⁷⁷.

В сентябре и октябре 1774 г. Алексей Орлов находился в Тоскане, однако его имя редко упоминалось в местных хрониках: ходили слухи, что граф

⁷² GT. 1773. 22. 88; 23. 92; NM. 1773. 42. 336; 44. 351. В 1772 г. интерес итальянских газет к передвижению подданных Екатерины II по Италии заметно упал. Как представляется, перемена была связана, прежде всего, с тем, что человек, чьи действия были самым значимым «информационным поводом» в Тоскане — Алексей Орлов — зимой 1772–1773 гг. не возвращался в Великое герцогство Тосканское. В отсутствие А.Г. Орлова внимание местной итальянской прессы порой привлекали И.И. Шувалов и прибывший осенью на лечение Г.А. Спиридов, но они были не столь интересны для светской хроники.

⁷³ GT. 1773. 25. 99; NM. 1773. 48. 383–384.

⁷⁴ GT. 1773. 26. 102–103; 27. 105–106; NM. 1773. 51. 407; 52. 416.

⁷⁵ GT. 1773. 30. 118.

⁷⁶ GT. 1773. 35. 138; NM. 1773. 70. 576.

⁷⁷ GT. 1774. 34. 136; NM. 1774. 66. 527; 67. 535.

был нездоров и поправился лишь к началу ноября⁷⁸. На этот раз граф занимается организацией возвращения флота в Россию, но не только этим. Как известно, весной 1775 г. он исполнил и еще одно секретное пожелание императрицы — похищение княжны Таракановой, вызвавшее в Тоскане небывалый резонанс и ставшее, вероятно, основной причиной «недоброй» памяти о графе Орлове.

Наконец, 12/23 июня 1775 г., А.Г. Орлов окончательно покинул Тоскану, наземным путем отправился в Петербург, доверив генерал-цехмейстеру Ивану Абрамовичу Ганнибалу остававшиеся в Тоскане дела⁷⁹.

Следует отметить, что и до истории с похищением княжны Таракановой независимый и излишне расточительный А.Г.Орлов вызывал не только восхищение, но и серьезную критику в среде итальянских интеллектуалов и аристократов. Его культурно-бытовое поведение свидетельствовало о том, что Россия по-прежнему пребывает в варварстве, которое невозможно скрыть, укутавшись в «плащ цивилизации», и которое лишь усиливается от насильственного прививания европейских культурных и политических практик, начавшегося в царствование Петра.

Одним из самых ярких эпизодов, давших повод к таким выводам, стал визит в Рим Алексея Орлова в конце февраля 1772 г. Согласно «официальной» версии, Орлов планировал застать в Риме последние дни карнавала, хотя, по-видимому, он направлялся туда на переговоры с путешествовавшим по Италии Вильгельмом Генрихом, герцогом Глостером, братом английского короля Георга III⁸⁰. 27 февраля Орлов и сопровождавший его английский консул в Ливорно Джон Дик достигли Рима и немедленно по прибытии встретились с Глостером, вслед за чем приняли активное участие в римской светской жизни⁸¹. Орлов, как всегда, намеревался завоевать расположение римлян с помощью роскошных подарков. В частности, он отправил своего слугу в Ливорно с приказом срочно привезти в Рим оставленные в Тоскане редкие меха и ящичек с монетами допетровского времени в подарок Глостеру⁸².

Однако в мемуарах известного итальянского публициста, современника русско-турецкой войны, Джованни Горани⁸³ сохранилось наполненное злой иронией описание римских занятий Орлова, озаглавленное «Русский анекдот» («Anecdote Russe»):

«Двое англичан, которых я встретил в Риме у маркизы Джентили Бока Падули... много говорили об этом тиране России, о его исключительной физической силе и грубости. Вот один эпизод, произошедший в доме этой маркизы, рассказанный мне теми, кто видел все собственными глазами.

⁷⁸ GT. 1774. 37. 148; 46. 184.

⁷⁹ GT. 1774. 50. 199–200; 52. 208; 53. 212; NM. 1774. 97. 774; 98. 782; 99. 790; 103. 822; 104. 830; 105. 837–838; *Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione*. P. 33; *Donolo L. Il conte Aleksej Orlow e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmè*. P. 129.

⁸⁰ GT. 1772. 10. 40; 11. 43; NM. 1772. 17. 234.

⁸¹ NM. 1772. 19. 152; 23. 184.

⁸² NM. 1772. 21. 168. О подарках Орлова см. также письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри от 28 марта 1772 г.: *Carteggio di Pietro e Alessandro Verri*. Vol. 5: Gennaio-Dicembre 1772. Milano, 1926. P. 46.

⁸³ О связях Горани с Россией см.: *Venturi F. Il Settecento Riformatore*. Vol. 3. P. 29.

Однажды граф Орлов, будучи в гостях у этой дамы, пожелал предоставить доказательства своей силы, достойной сравнения с мощью Геркулеса; он взял куски хрусталя, железа и других весьма твердых материй и без особенных усилий сломал их. Зажав одно из самых твердых яблок между двумя пальцами, он сдавил и раздробил его на множество кусочков. Однажды вечером он проделал тот же опыт в присутствии герцога Глостера, брата английского короля. Один из остатков яблока попал принцу в лицо и поранил его. Все, кто видел это, почувствовали досаду; один граф Орлов не казался смущенным и не соблаговолил даже принести какие-либо извинения герцогу. Мерзавец, удушивший своего императора, мог ли иметь хоть какое-нибудь уважение к брату короля? Тот же граф Орлов говорил о трагических и ужасных событиях царствования Екатерины II как о вещах самых обыкновенных. Вот каковы отвратительные люди, которых сия императрица всегда избирала двигателями своих амбиций и деспотизма»⁸⁴.

Примечательно, что роль Алексея Орлова в убийстве Петра III, как оказалось, была прекрасно известна в Италии⁸⁵. Об этом свидетельствует не только «анекдот» Дж. Горани, но и донесение рагузского консула в Ливорно Томмазо Джулиано Батакки своему правительству от 29 мая 1769 г. Батакки называл Орлова и приехавших с ним в Тоскану русских офицеров «главарями заговора против царя Петра, имевшего целью возвести на трон Екатерину»⁸⁶. А вот каким запомнился Орлов жившему в Риме графу Алессандро Верри (1741–1816):

«Среди знатных иностранцев, находящихся здесь (в Риме. — *Авт.*), живет граф Орлов, генерал русского флота; он подобен Марсу, огромный, громадный, отлично сложенный, с приятным лицом и большим шрамом от удара саблей на правой щеке. Я видел его одетым в албанское платье, и это было живописно»⁸⁷;

⁸⁴ «Deux Anglois que je rencontrai à Rome, chez la marquise Gentili Bocca Paduli, me confirmèrent la vérité de cette relation avec les mêmes circonstances que j'ai détaillées. On a beaucoup parlé de ce tyran de la Russie, de sa force extraordinaire et de sa brutalité. Voici un fait qui s'est passé dans la maison de cette marquise et qui m'a été attesté par des témoins oculaires. Le comte Orlow voulut un jour, chez cette dame, donner des preuves de sa force digne d'être comparée à celle d'Hercule; il prit différentes pièces de crystal, de fer, et d'autres matières très-dures qu'il brisa entre ses mains sans faire beaucoup d'effort. Il plaça une pomme des plus dures entre deux doigts d'une seule main, et en rapprochant ses doigts il brisa la pomme en plusieurs morceaux. Un soir il fit cette expérience en présence du duc de Gloucester, frère du roi d'Angleterre. Un des éclats de la pomme frappe le prince anglois au visage et le blessa. Tous les spectateurs témoignèrent la douleur que cet accident leur causoit; le comte Orlow lui seul n'en parut pas ému et ne daigna pas faire la moindre excuse au duc. Le scélérat qui avoit étranglé son empereur pouvoit-il avoir quelqu'égard pour le frère d'un roi? Ce même comte Orlow racontoit comme des faits ordinaires les événemens tragiques et atroces qui ont marqué et flétri le règne de Catherine II. Voilà quels sont les hommes abominables que cette impératrice a toujours choisis pour être les agens de son ambition et de son despotisme» (Mémoires secrets et critiques des cours, des gouvernemens, et des moeurs des principaux états de l'Italie. Par Jean Gorani, Citoyen François. T. II. Paris, 1793. P. 31–32). См. также письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри от 11 марта 1772 г.: «Мне рассказывают о генерале Орлове, что он удивительно силен и что он кладет яблоко между указательным и средним пальцем и без затруднения ломает его» (Carteggio di Pietro e Alessandro Verri. Vol. 5. P. 33; оригинал по ит.; Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. С. 334).

⁸⁵ См., например: *Pera F. Alessio Orloff // Pera F. Ricordi e biografie livornesi di Francesco Pera. Livorno, M DCCC LXVII [1867]. P. 451–452.*

⁸⁶ Цит. по: *Ivančević V. Pisa e Livorno nel conflitto russo-raguseo del 1769–1775. P. 34* (оригинал по-итальянски). Батакки ошибочно считал Алексея Орлова фаворитом Екатерины.

⁸⁷ «Fra li forestieri distinti vi è il conte d'Orloff, generale della flotta moscovita, che è un Marte di figura, grande, smisurato, ben fatto, fisionomia civile ed un gran taglio di sciabola alla guancia dritta. L'ho veduto vestito all'albanese ed era pittoresco» (из письма к Пьетро Верри от 4 марта 1772 г.: *Carteggio di Pietro e Alessandro Verri. Vol. 5. P. 32.*)

«Генерал Орлов — огромный и очень сильный человек. Я видел, как он ломал большую колоду карт, однако сие делают и люди весьма посредственной силы, что очень зависит от ловкости. Я также видел и раздробление яблока между пальцами, но и это не слишком удивительно. <...> Сказывают однако, что он поднимает лошадь, на которой сидит человек: верно то, что здесь (в Риме. — *Авт.*) он с легкостью руками поднимал в воздух одного англичанина, на одну пядь более высокого, чем ты. Он должен быть очень силен смотря по его телосложению»⁸⁸.

Несмотря на блеск побед российского флота в Средиземноморье, на серьезность политической деятельности А. Орлова в Италии, итальянские современники, и особенно участники римских аристократических салонов, запомнили графа как человека непомерной физической силы, не имевшей границ щедрости, но плохо знавшего светские приличия и даже (возможно, сознательно) бравировавшего этим.

«Варварство» русского военачальника дублировалось далеким от европейских стандартов поведением низших чинов русского флота в Тоскане, о чем подробно писал в своей монографии «Россия и Тоскана в 17 и 18 веках» историк Чезаре Чиано⁸⁹.

И.И. ШУВАЛОВ И РУССКАЯ КОЛОНИЯ

В период пребывания А.Г. Орлова в Тоскане или Риме рядом с ним нередко оказывался граф Иван Иванович Шувалов. В прошлом фаворит Елизаветы Петровны, сановник, покровитель наук и искусств, И.И. Шувалов жил в Италии с 1767 по 1773 г. Хорошо известна его роль в приобретении по заказу Екатерины II произведений искусства для российского двора и картинной галереи Эрмитажа⁹⁰, но его деятельность по поддержке Средиземноморского предприятия Екатерины II до настоящего времени остается непроясненной, и никаких прямых свидетельств об официальной миссии Шувалова в Италии в нашем распоряжении нет. То обстоятельство, что И.И. Шувалов, будучи в Риме или Тоскане, находился в переписке с вице-канцлером А.М. Голицыным, сообщал ему о перемещениях Орлова и русской эскадры, а также сносился с П. Маруцци по «приказанию» Голицына относительно судьбы принадлежащих тому «вещей», возможно, дополнительно свидетельствует о том, что Шувалов и до 1771 г.⁹¹ мог выполнять в

⁸⁸ «Il generale Orloff è un uomo grande e forte assai. Io gli ho veduto a rompere un grosso mazzo di carte, ma questo lo fanno anche gli uomini di forza mediocre e dipende molto dalla destrezza. Ho veduto pure rompere il pomo fra le dita, ma non è neppure questa cosa straordinaria, perchè lo fracassa tra l'indice ed il medio, è vero, ma fa delle dita come una tenaglia e questa forza pure è stata fatta da altri a tale occasione. Mi dicono però che alza un cavallo su cui stia un uomo: ed è certo che qui portava in aria sulla braccia un inglese, grande un palmo più di te, con somma facilità. Egli dev'essere fortissimo a quanto si vede dalla sua corporatura» (из письма к Пьетро Верри от 18 марта 1772 г.: Ibid. P. 38-39).

⁸⁹ *Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione.* P. 36-38.

⁹⁰ См.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764-1917). Л., 1985. Подробнее о деятельности Шувалова по приобретению предметов искусства для заказчиков из России см.: *Androsov S. Ivan Šuvalov e la sua cerchia a Roma // Italia-Russia. Incontri culturali e Religiosi fra '700 e '900. Atti dell convegno internazionale.* Napoli, 9 - 10 ottobre 2008. Napoli, 2009. P. 11-17.

⁹¹ Письма от 8 февраля 1770 г. из Пизы и от марта 1770 г. из Флоренции (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // *Русский архив.* 1876. № 7. С. 281). А. Нивьер — на основе этих писем Шувалова — делает однозначный вывод: «С просьбой о помощи русское правительство обратилось в первый раз к Шувалову в конце 1769 — начале 1770 г., в то время, когда братья Орловы готовили

И.И. Шувалов

Италии поручения, связанные не только с приобретением предметов искусства, но и с дипломатией и политикой⁹². В пользу этого говорит и хорошо описанный в историографии эпизод начала 1772 г. с устранением — при деятельном участии Шувалова — папского нунция в Варшаве А.М. Дурини, неугодного русской императрице⁹³.

Итальянский период жизни Шувалова датируется следующим образом: вероятно, в мае 1767 г. он был в Венеции, июль—ноябрь того же года прожил в Турине, с конца ноября 1767 г. по июль 1769 г. — в Риме, в июле того же года — во Флоренции, в сентябре — в Пизе, в октябре — во Флоренции, с декабря 1769 г. по февраль 1770 г. — в Пизе, в марте — начале апреля того же года — во Флоренции, с середины апреля 1770 г. по март 1771 г. — в Риме, в апреле того же года — в Неаполе, с мая 1771 г. по апрель 1772 г. — в Риме, май — в Ливорно и Пизе, июнь — в Риме, с

июля по октябрь — во Флоренции, с ноября 1772 г. по март 1773 г. в Риме, апрель того же года — в Неаполе, с мая по июнь — в Риме, июль — в Пизе, в июле—августе — во Флоренции, сентябрь — в Милане, по 22 октября 1773 г. — в Турине⁹⁴.

И.И. Шувалов за годы своего пребывания в Италии стал фигурой значительной для государств Апеннинского полуострова, и его передвижения по Италии не оставались незамеченными итальянской прессой, позволяющей уточнить реконструкцию итальянского маршрута Шувалова, выполненную Д.Н. Костицыным.

В самом конце декабря 1768 г. (все даты по нов. ст.) Шувалов находился в Неаполе, где осматривал исторические памятники и в местной греческой церкви встретил православное Рождество⁹⁵. Из Неаполя Шувалов вскоре вернулся в Рим, где, по-видимому, вращался в обществе кн. Э.Х. Кауница, обер-гофмаршала венского двора, присутствовавшего при выборах папы Климанта XIV⁹⁶. О характере бесед И.И. Шувалова с неаполитанскими или австрийскими политиками нам ничего

в Италии свою экспедицию в Эгейское море» (Нивьер А. Екатерина Великая и Иван Иванович Шувалов. Штрихи к сравнительному историческому, психологическому и политическому портрету // Философский век: Альманах. Вып. 8. М., 1998. С. 173).

⁹² По всей видимости, итальянцы, заинтересованные в сотрудничестве с русским флотом, могли обращаться к Шувалову с просьбой о посредничестве с Петербургом. Так, на заседании Совета при Высочайшем Дворе 23 апреля 1769 г. (ст. ст.) «Граф К.Г. Разумовский предложил письмо от И.И. Шувалова с письмом от итальянца Торре, который представляет себя арматором; на что рассуждаемо было, что при генеральном положении о арматорах и он Торре без ответа оставлен не будет» (АГС. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб., 1869. Стб. 23).

⁹³ См.: Костицын Д.Н. Дипломатическое поручение Екатерины II И.И. Шувалову // Философский век: Альманах. Вып. 8. СПб., 1998. С. 116–138.

⁹⁴ Мы искренне благодарим Д.Н. Костицына, любезно согласившегося предоставить нам сведения о маршруте и временных рамках итальянских путешествий И.И. Шувалова.

⁹⁵ NM. 1769. 4. 29.

⁹⁶ NM. 1769. 37. 291; NM. 1769. 42. 332.

неизвестно, но едва ли они не касались начавшейся русско-турецкой войны. 14 июля 1769 г., почти одновременно с Алексеем Орловым, И.И. Шувалов прибыл во Флоренцию⁹⁷, а 29 июля 1769 г. переехал на воды Сан-Джулиано близ Пизы со своей многочисленной свитой (38 человек, среди которых были офицеры, секретари и слуги). Летом 1769 г. Шувалов много занимался устройством праздников в Тоскане и принимал участие в тосканской придворной жизни, встречался с местной аристократией, очевидно, вводя в светскую жизнь Тосканы и братьев Орловых⁹⁸. Вечером 5 августа 1769 г. А.Г. Орлов, Шувалов, князь Козловский и четыре русских офицера на несколько часов посетили Ливорно, хотя цель их визита осталась неясной, и вечером того же дня они отбыли обратно в Сан-Джулиано. Едва ли эта поездка была только развлекательной⁹⁹.

А.Г. Орлов

23 августа 1769 г. Шувалов уехал из Сан-Джулиано, проведя еще какое-то время в Тоскане¹⁰⁰. 11 ноября «La Gazzetta Toscana» сообщала из Флоренции, что на текущей неделе многие офицеры, находящиеся на русской службе, отправились в Пизу, несомненно, ввиду скорого прибытия в Ливорно русской эскадры, находящийся во Флоренции И.И. Шувалов, окончив, наконец, осмотр местных достопримечательностей, также заспешил в Пизу, куда и отправился 13 ноября в сопровождении английского посла при тосканском дворе Ораса Манна¹⁰¹.

В феврале—марте 1770 г. Шувалов находился во Флоренции. Газеты упоминают о пребывании во Флоренции помимо А.Г. Орлова, Ю.В. Долгорукова («известного своим походом в Черногорию»), князя Гагарина, капитана И. Христенка и И.И. Шувалова с его племянником князем Ф.Н. Голицыным¹⁰². 22 февраля эти русские дворяне отобедали вместе с представителями местной аристократии в доме британского посла в Тоскане Манна¹⁰³, а 25 февраля Алексей Орлов, Шувалов и другие русские офицеры были удостоены отдельной аудиенции тосканской королевской четы, за которой последовал специально организованный по сему случаю обед. 28 февраля вместе с А.Г. Орловым И.И. Шувалов отбыл в Пизу¹⁰⁴, уже 16–17 марта вернулся из Пизы во Флоренцию, чтобы участвовать в праздновании именин австрийского императора Иосифа II, родного брата Пьетро Леопольдо¹⁰⁵. В апреле 1770 г. Шувалов покинул Тоскану и вернулся в Рим сразу после того, как А.Г. Орлов отбыл в сторону Мореи¹⁰⁶.

На рубеже 1771 и 1772 гг. Шувалов находился в Риме и занимался устранением папского нунция в Польше А.М. Дурини¹⁰⁷ и в конце зимы должен был

⁹⁷ GT. 1769. 28. 112; NM. 1769. 56. 456.

⁹⁸ GT. 1769. 28. 112; NM. 1769. 56. 456; GT. 1769. 31. 125.

⁹⁹ NM. 1769. 64. 524.

¹⁰⁰ GT. 1769. 39. 157. «La Gazzetta Toscana» в сообщении из Флоренции от 14 октября писала, что Шувалов в настоящий момент занят осмотром флорентийских достопримечательностей (GT. 1769. 41. 163).

¹⁰¹ GT. 1769. 46. 183; NM. 1769. 91. 748.

¹⁰² GT. 1770. 8. 30; NM. 1770. 16. 127.

¹⁰³ NM. 1770. 16. 127.

¹⁰⁴ GT. 1770. 9. 33, 36; NM. 1770. 18. 140; NM. 1770. 18. 143; NM. 1770. 19. 150.

¹⁰⁵ NM. 1770. 23. 183.

¹⁰⁶ NM. 1770. 33. 263.

¹⁰⁷ Костицын Д.Н. Дипломатическое поручение Екатерины II И.И. Шувалову. С. 116-138.

встречаться там с А.Г. Орловым. В мае 1772 г. он снова прибыл в Тоскану вместе с племянником князем Ф.Н. Голицыным¹⁰⁸ и венецианским дворянином графом Деметрио Мочениго, гости остановились во дворце Алексея Орлова в Пизе¹⁰⁹. В начале сентября 1772 г., когда А.Г. Орлов уже отбыл в Архипелаг, Шувалову пришлось вновь оказать услуги Средиземноморской экспедиции: во Флоренции он представил великому герцогу тосканскому контр-адмирала В.Я. Чичагова, который 25 августа/5 сентября 1772 г. привел из Кронштадта в Ливорно четвертую эскадру¹¹⁰. Только в первых числах ноября 1772 г. Шувалов отбыл из Флоренции в Рим¹¹¹, чтобы вернуться в Тоскану в июне 1773 г.¹¹² и вновь проводить время в обществе А.Г. Орлова, а также представителей тосканской и русской аристократии¹¹³. 8 августа 1773 г. Шувалов во Флоренции встречался с контр-адмиралом С.К. Грейгом, отправлявшимся в Петербург, чтобы возглавить новую пятую эскадру в Средиземное море¹¹⁴. Через месяц после отъезда А.Г. Орлова в Санкт-Петербург из Флоренции отбыл и И.И. Шувалов — он отправился в сторону Болоньи 29 сентября в 5 часов пополудни, держа свой путь, как указывали всезнающие газеты, в Париж, Лондон и Санкт-Петербург¹¹⁵.

Итак, с конца 1769 до 1773 г. И.И. Шувалов постоянно оказывался в Тоскане либо около А.Г. Орлова, либо исполняя в отсутствие Орлова — как аристократ, вхожий в высшие сферы итальянского общества, но не как официальное лицо — некоторые представительские «комиссии», а, скорее всего, и тайные поручения. Непосредственный свидетель деятельности Шувалова в Тоскане, Ф.Н. Голицын отмечал: «По приезде в Италию графов Орловых, Иван Иванович старался по своему короткому везде знакомству им делать всевозможные пособия касательно до предпринимаемого намерения начать военные действия в архипелаге, в чем они сами ему нередко отдавали справедливость»¹¹⁶.

Однако в салонах Тосканы и Рима Орлов и Шувалов воспринимались как два полюса: А.Г. Орлов, казалось, демонстрировал «варварство» русских, недостатки которых проистекают от «неправильности» процесса их цивилизации. И.И. Шувалов, напротив, доказывал собой, что русские, как новопросвещенные европейцы, имеют свои науку и литературу, ценят искусство¹¹⁷.

¹⁰⁸ См. письмо Шувалова к Н.И. Панину и А.М. Голицыну от 4/15 мая 1772 г. (Там же С. 137).

¹⁰⁹ GT. 1772. 20. 79.

¹¹⁰ Напомним, что Чичагов передал руководство эскадры М.Т. Коняеву и после приема у герцога отбыл в Петербург (NM. 1772. 73. 604).

¹¹¹ NM. 1772. 89. 732.

¹¹² 12 июня 1773 г. Шувалов находился во Флоренции, куда он выехал из Рима 7 июня, и был немедленно принят королевской тосканской четой (GT. 1773. 25. 99; NM. 1773. 48. 383-384).

¹¹³ GT. 1773. 33. 129, 132; NM. 1773. 65. 519.

¹¹⁴ NM. 1773. 64. 512.

¹¹⁵ GT. 1773. 40. 157; NM. 1773. 79. 648.

¹¹⁶ Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его Тайным Советником Князем Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. Отд. IV. С. 94.

¹¹⁷ Интересно, что сам Шувалов считал «варварами» самих римских аристократов. Он писал сестре П.И. Голицыной 20 октября (по нов. ст.) 1770 г. из Рима: «...здесь в Риме, как я и прежде писал, веселие, забав нет; но жизнь весьма спокойная, моя охота к художествам и обхождение с иностранными и с малою частию здешних господ — все мое удовольствие. Вы знаете из прежних моих писем, что здесь дворянство по своему поведению неприятно: почему все иностранные министры с ними мало обхождения имеют. Они так обычаями, обхождением, поведением от протчих просвещенных разнствуют, как бы какие вновь люди, получаемые (получивши) благоучреждение. Не можно понять: земля, от которой произошли все науки, художества во

Главный директор Санкт-Петербургской Академии художеств И.И. Шувалов естественным образом олицетворял европеизированную Россию. В Италии знали, что он активно протезировал русских художников и композиторов¹¹⁸, посещал памятники древности и встречался с самыми просвещенными людьми, интересовался науками. А.Г. Орлов, убийца императора Петра, наоборот, поднимал в воздух людей и давил пальцами яблоки в римских великосветских салонах¹¹⁹.

Механизмы освоения русскими итальянского культурного и политического пространства укладывались в обозначенную схему. С одной стороны, русская колония старалась создать видимость собственного подчинения местным законам — тосканским и, шире, европейским. Для Орлова и Шувалова важными оказываются чисто европейские, не свойственные русскому «публичному пространству» социо-культурные институты, такие, например, как пресса, на которую А.Г. Орлов, очевидно, имел возможность влиять (в частности, через щедрое финансирование нужных материалов). Они активно использовали и сложившиеся механизмы светских дворянских коммуникаций для усиления положительного имиджа России. С другой стороны, деятельность петербургских вельмож, и в особенности А.Г. Орлова, зачастую пронизана идеей осознания собственной силы, против которой вековые политические и культурные традиции итальянских государств ничего не значили. Демонстрация Орловым своей физической мощи символизировала это ощущение подданных Екатерины.

Безусловно, А.Г. Орлов и И.И. Шувалов были людьми разного характера и различных культурных запросов. Едва ли до совместного пребывания в Италии и после него их когда-либо могла связывать тесная дружба. Однако на Апеннинях они, безусловно, оказались исполнителями ролей одного политического театра, и вполне вероятно, что различие политического «амплуа» также предусматривалось сценарием Екатерины II.

все страны, сама в таком невежестве, особливо здешней город, столица победителей и обладателей всего света в древние времена, ныне в таком состоянии. И всего смешней, — что ужин, которой рубля не стоит, — блюда несут с факалами, и многие подобные глупые обычаи. Сами признают скуку, но веселиться найти не умеют. Всему причинами их церемоний. Иностранцы между собой живут просто, и лучше время препровождают; и все разных народов иностранные в Риме более между собою обходятся, нежели с обитателями» (Письма И.И. Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой // Москвитянин. 1845. № 10. С. 150–151).

¹¹⁸ Подробнее см.: *Busiri Vici A. L'erudito della corte Russa del Settecento, Ivan Ivanovitch Schouvaloff, ed i suoi rapporti con Roma // L'urbe. Nuova serie. 1976. № 6. P. 39–52; Костицын Д.Н.* Дипломатическое поручение Екатерины II И.И. Шувалову. С. 116–138; *Головенкова Р.В.* И.И. Шувалов и пенсионерство в Императорской Академии художеств // Там же. С. 46–47; *Мозговая Е.Б.* И.И. Шувалов и Академия художеств // Там же. С. 160–161; *Androsov S. Ivan Šuvalov la cerchia a Roma.*

¹¹⁹ Свидетельства очевидцев римских «похождений» Орлова тем более важны, что на официальном уровне он зачастую аттестовался как образец «почтенного» поведения. См. письмо русского посланника в Вене Д.М. Голицына к И.И. Бецкому от 9/20 июля 1771 г. о приеме Орлова в Вене Кауницем: «Князю Кауницу я на второй же день доставил случай познакомиться с графом, пригласив обоих к себе на обед. Он оказывал графу величайшее внимание и поспешил мне наедине сообщить, что свойства графа ему показались в высшей степени почтенны; что, помимо привлекательного и искреннего обращения, весь разговор его дышал благородством чувств, человеколюбием и возвышенностью души, отличающими величие. Те же речи он повторял мне несколько раз» (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1876. № 7. С. 275; оригинал по-французски). Характерно, moreover, что преувеличенные похвалы, отпускаемые Кауницем Орлову, звучат двусмысленно: как если бы он удивлялся учтивости графа.

А.Г. Орлов и БРИТАНСКИЕ ПОДДАННЫЕ В ТОСКАНЕ

Как уже говорилось, в период пребывания русских военных в Тоскане деятельными сотрудниками братьев Орловых были подданные английского короля Георга III¹²⁰. Прежде всего, разнообразное содействие Орловым и их соратникам оказывали дипломатические представители Англии при дворе Пьетро Леопольдо: посланник Орас Манн и консул в Ливорно Джон Дик. Манн нередко совершал с русским морским начальством небольшие путешествия¹²¹, Дик регулярно принимал в Ливорно Алексея Орлова, который останавливался в консульском дворце, а также активно участвовал в предприятиях, задуманных русским военачальником (в том числе и в принесшем сомнительную славу похищении княжны Таракановой).

Англичанином был и российский агент в Тоскане (с ноября 1769 г.) Роберт Разерфорд, который обеспечивал закупку съестных и боевых припасов для русского флота¹²², осуществлял координацию между русской колонией и губернатором Ливорно Бурбоном дель Монте, в отсутствие русских военачальников распоряжался приходившим в Ливорно имуществом (о Разерфорде см. также гл. 6).

Важную функцию в обеспечении Архипелагской экспедиции осуществляли корабли, ходившие под британским флагом. Английский штандарт мог прикрывать приобретенные по приказу Алексея Орлова суда: Англия, будучи нейтральной державой, имела право совершать такие покупки в любом из итальянских портов. Британские корабли постоянно курсировали между Санкт-Петербургом, Ливорно и островами Архипелага, перевозя продовольствие для русского флота. Наконец, именно английские капитаны (в частности, Роберт Браун или Броун¹²³) являлись одними из основных поставщиков информации о событиях, происходивших в Эгейском море.

Подобная роль английского флота часто вызывала подозрения у тосканских властей и представителей иностранного дипломатического корпуса при дворе

¹²⁰ О дипломатическом сотрудничестве России и Англии в период войны см. гл. 2.

¹²¹ Например, 13 ноября 1769 г. И.И. Шувалов именно в сопровождении Ораса Манна совершал поездки во Флоренцию (ГТ. 1769. 46. 183; NM. 1769. 91. 748). 4 декабря 1769 г. уже Алексей Орлов обедал в обществе Ораса Манна (NM. 1769. 97. 804).

¹²² Так, во второй половине декабря 1769 г. Разерфорд, связанный с английским представительством в Тоскане, получил задание от адмирала Г.А. Спиридова начать закупки продовольствия для русской эскадры, стоявшей в Порт-Магоне. Арендовав с разрешения великого герцога тосканского английский корабль, Разерфорд отправил на нем в Порт-Магон 60 туш бычков и 60 бочек соленого мяса, хранившихся прежде в Ливорно, а также некоторое количество зерна и сухарей, испеченных специально для нужд русских моряков (NM. 1769. 104. 852; ASV, Inquisitori di Stato, Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli, Livorno, busta 513 (донесение венецианского консула в Ливорно Бики от 22 декабря 1769 г.). Закупки русских агентов в Тоскане, вероятно, вызвали опасения римского папы, который в середине декабря 1769 г. запретил вывоз зерна из Папской области (см. письмо Алессандро Верри к Пьетро Верри из Рима в Милан от 16 декабря 1769 г.: Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 3. P. 135). По-видимому, в приобретение продовольствия для русского флота был вовлечен не только Разерфорд. «Le Notizie del Mondo» сообщали, что ливорнский купец Оттофранк получил от одного из русских представителей бумаг на крупную сумму денег: часть их ему надлежало обналичить и послать в Порт-Магон, а на оставшиеся средства — закупить зерна для заготовки сухарей, что и было сделано (NM. 1770. 4. 30; NM. 1770. 8. 63; NM. 1770. 10. 78). 22 февраля 1771 г. в ведение Разерфорда поступили два пришедших из Петербурга английских торговых судна, нагруженных съестными припасами и оружием: позднее им надлежало отбыть в Левант (ГТ. 1771. 9. 36; NM. 1771. 18. 142).

¹²³ О нем см. также гл. 5 и 8.

Пьетро Леопольдо. Показателен случай, произошедший в середине июля 1770 г., когда из Ливорно в Архипелаг отплыло английское судно «Святой Павел» капитана Томаса Паркмана (на нем везли деньги и провизию для русского флота). По всеобщему убеждению, «Святой Павел» уже за пределами Тосканы должен был поднять русский флаг. Возможная связь британского судна с русскими во время войны с Турцией породила сомнения в законности действий англичан, поскольку их поведение могло быть приравнено к открытой помощи русской армии на территории Ливорно (что запрещалось местными законами) и, в таком случае, требовало ареста корабля¹²⁴. Один из чиновников тосканского правительства, Винченцо дель Альберти, объяснил ситуацию в письме к тосканскому канцлеру графу Орсини де Розенбергу (находившемуся тогда в Вене) от 21 июля, приложив к письму объяснительную записку ливорнского губернатора Бурбона дель Монте от 16 июля. Губернатор утверждал, что любое судно могло выйти из Ливорно лишь под тем флагом, под которым оно в этот порт вошло, между тем как смена флага в открытом море ни в коем случае не подлежит местной юрисдикции. В этом смысле «Святой Павел» всегда считался (в частности, британским консулом Диком) английским кораблем.

Англичанам, которые придерживались нейтралитета в текущей войне, было разрешено везти деньги, припасы и оружие как обыкновенный товар. Как выяснилось из донесения губернатора Ливорно, резкий протест в связи с отплытием «Святого Павла» заявил шведский консул в Ливорно, поскольку значительная часть команды, набранной капитаном Паркманом, состояла из шведов. Шведское правительство строго приказало своему представителю в Тоскане следить за тем, чтобы шведские матросы не вступали на русскую службу, но на протесты консула Бурбон дель Монте отвечал, что, по его информации, нанявшиеся на «Святой Павел» шведы формально не состояли на шведской службе, почему он и не считал возможным задержать их. Государственный Совет Тосканы посчитал логику Бурбона дель Монте убедительной и апробировал его разрешение на выход «Святого Павла» из порта. Письмом от 30 июля 1770 г. Розенберг извещал Альберти о том, что великий герцог Пьетро Леопольдо, также находившийся в Вене, утвердил решение Совета¹²⁵.

Нередко, как уже было сказано, именно английские суда привозили в Тоскану подарки представителям местной административной элиты от Алексея Орлова. Так, 7 августа 1770 г. в Ливорно прибыло судно «Тартар» Роберта Броуна. Вместе с Броуном в Ливорно вернулись два русских офицера, а также был доставлен арабский жеребец с дорогой упряжью, отправленный Орловым в дар герцогу Пьетро Леопольдо¹²⁶. Кроме того, на «Тартаре» в Тоскану прибыли рабы — темнокожие и белые, которыми Орлов одаривал тосканцев, оказавших услуги русскому флоту или достойных подарков по своему высокому положению. Так, Пьетро Леопольдо, помимо скакуна, были переданы несколько мавров и две рабыни, 15 и 17 лет,

¹²⁴ Кроме прочего, капитан Паркман набрал новую команду, превышающую своим числом количество матросов, предусмотренных для такого судна в мирное время. В довершение всего, накануне отплытия команда «Святого Павла» излишне шумно праздновала отъезд из Ливорно. Поведение английских матросов вызвало недовольство губернатора этого города, о чем он сообщил британскому консулу Дикю.

¹²⁵ ASF, Consiglio di Reggenza, pezzo 1007.

¹²⁶ GT. 1770. 32. 128.

которых Орлов дарил супруге герцога¹²⁷. Посредником между Орловым и Пьетро Леопольдо выступил британский консул в Ливорно Джон Дик. 11 августа он отправил письмо на имя графа Орсини де Розенберга, в котором разъяснял детали возложенной на него Орловым комиссии. Интересно, что кроме описания даров, полученных от Орлова, Дик передавал в распоряжение тосканского правительства копии писем, полученных из Леванта через капитана Броуна: Дик был уверен, что великий герцог заинтересуется «подлинной» («authentic») информацией о происходящем в Восточном Средиземноморье. Помимо прочего, на борту «Тартара» находилось 135 тюков шелка и другие товары, принадлежащие ливорнским купцам и отобранные Орловым у «подлых» («villainous») греков (возможно, греческих пиратов), что также должно было произвести положительный эффект на тосканского правителя¹²⁸. 20 сентября 1770 г. во Флоренцию прибыл мавр, посланный неким «московским генералом» (вероятно, также Орловым) уже в дар британскому послу в Тоскане Орасу Манну¹²⁹.

В 1771 г., как уже отмечалось, в Италии находился брат английского короля герцог Глостер. Его пребывание в Риме и Тоскане послужило поводом для большого числа дипломатических встреч, в том числе, с Ф.Г. и А.Г. Орловыми. Так, Глостер посещал графа Ф.Г. Орлова дважды, первый раз в сопровождении свиты, британского консула Дика и агента Разерфорда 10 ноября 1771 г., второй раз — 15 ноября — Глостер, решив оказать Ф. Орлову знаки особого благоволения, посетил его в ливорнском госпитале без предупреждения, без многочисленного сопровождения и в «простой одежде», зная, что Орлов не очень хорошо себя чувствует¹³⁰.

Так, особые отношения между подданными русских и английских монархов, находившимися в Тоскане, оказывались закреплены на самом высоком уровне.

Впрочем, дружбу британских и российских моряков могли порой омрачать и мелкие конфликты, а в апреле 1772 г., насколько можно судить по красочным описаниям тосканских газетчиков, дело чуть не дошло и до кровопролития. Случай этот напоминает исторический анекдот, но газетные публикации, которые донесли редкие бытовые подробности флотской жизни Архипелагской экспедиции, кажутся достойными внимания.

На борту русского корабля жила большая прирученная медведица, которая имела обыкновение плавать и затем забираться на близстоящие корабли, карабкаясь по канатам. Более всего медведица предпочитала английское судно, чем приводила в ужас его экипаж. Английский капитан несколько раз безуспешно просил русского капитана привязывать медведицу, пока его терпение не истощилось и он не пригрозил русским убить животное в том случае, если оно еще раз окажется на английском корабле. В ночь с 9 на 10 апреля ничего не подозревающая медведица вновь забралась к англичанам, которые немедленно ее застрелили. Узнав об этом, команда русского судна взялась за оружие: капитаны договорились отвести корабли на расстояние пушечного выстрела от порта и

¹²⁷ GT. 1770. 33. 132; NM. 1770. 64. 527; донесение сардинского посланника в Тоскане ди Замоне от 13 августа 1770 г. (AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2).

¹²⁸ ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2341.

¹²⁹ GT. 1770. 38. 150.

¹³⁰ NM. 1771. 94. 728.

вступить в бой. Битва едва ни состоялась: в Ливорно были оповещены командующие обеими эскадрами, вмешательство которых предотвратило настоящее сражение¹³¹.

Однако поскольку серьезных конфликтов между российскими и британскими моряками, по сведениям доступных нам источников, не происходило, можно предположить, что в целом отношения между представителями двух держав складывались вполне благополучно.

СОЗДАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА РОССИИ В ИТАЛИИ И РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ АКТИВНОСТЬ В ТОСКАНЕ

Начиная с 1769 г. и особенно после удачной для русского флота кампании лета 1770 г. в Италии повсеместно распространилось мнение о том, что русская армия вскоре захватит Константинополь. Об этом говорят дипломатические донесения и русские военачальники (например, Федор Орлов), рефлексируют дворянские интеллектуалы. Действия русских становятся предметом дискуссий о тотальной перекройке карты Европы, что сочетается с представлением о связи политики Екатерины с политикой Петра I, который, согласно одной из традиций французской Россики (прежде всего, «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» Вольтера, вышедшей в 1759–1763 гг.), реализовал один из самых масштабных проектов европейского Просвещения — создал свою страну из «небытия». В издательском предисловии к итальянскому переводу «Наказа» Екатерины, изданном в 1769 г. во Флоренции, читаем: «Русские монархи владели самыми обширными землями в мире, каждый из правителей заслуживал новой системы: наконец (говорит г. Вольтер) родился Петр, и образовалась Россия; без сомнения, именно в эту эпоху она вышла из хаоса»¹³². Важнейшее дело введения новой русской реальности в рамки систематического законодательства Петр «оставил» Екатерине¹³³. Успехи в войне таким образом оказываются неразрывно связаны со стремительным культурно-политическим взлетом Российской империи в XVIII в.

Однако в конце 1760-х — начале 1770-х гг. ожидание того, что Россия благодаря своему оружию раздвинет свои границы, проникнув в Центральную и Южную Европу, не только усиливало интерес к «северной» стране, но и порождало самые серьезные опасения. Культурный образ России стал приобретать все более устрашающие черты: миф о «метаморфозисе» Петра уступал место новым мифам и реальным свидетельствам о «варварстве», «дикости», «тирании». Как нельзя кстати в этой обстановке оказалось появление «*Le voyage en Sibérie*» («Путешествие в Сибирь») аббата Ж. Шаппа д'Отроша (актуализовавшего скептические

¹³¹ GT. 1772. 16. 64; NM. 1772. 31. 266–267.

¹³² «I Sovrani di Russia possedevano i più vasti Stati dell'Universo, e ciascuno meritava un nuovo sistema: Finalmente (dice M de Voltaire) Pietro nacque, e la Russia fu formata, ed è questa senza dubbio quell'Epoca appunto, nella quale esci dal Cahos» (Istruzione emanate da Caterina Seconda Imperatrice e Legislatrice di tutta la Russia Stante la Commissione stabilita da questa Sovrana per la Reduzione di un Nuovo Codice delle Leggi tal quale è stata impressa in Russia, in Alemagna, in Francia. Tradotta nuovamente dal Francese in lingua Toscana. In Firenze, Nella Stamperia Bonducciana, MDCCLXIX [1769]. Con Approvazione. P. 3).

¹³³ Ibid. P. 4.

идеи Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье в отношении России и, пользуясь непосредственными впечатлениями от посещения империи, поставившего под сомнение цивилизованность русского народа¹³⁴). Шапп д'Отрош, как известно, отрицал решающее значение реформ Петра в деле прививания в России европейской цивилизации: «Кажется, что Петр I создал новую нацию: однако он никак не изменил правление; нация по-прежнему — в рабстве, и он укрепил ее оковы»¹³⁵.

Масштаб замыслов русской императрицы поражал воображение итальянских интеллектуалов. Так, известный литератор, один из первых переводчиков Шекспира на итальянский язык граф Алессандро Верри писал своему брату Пьетро в Милан 7 октября 1769 г. из Рима: «Посмотрим, что будет делать русский флот. Разумеется, замысел велик. Эти русские развились по-настоящему скоро. У них уже есть хорошие поэты, хорошие трагедии, они перевели множество французских книг, и все говорят, что Петербург равен Парижу. Однако деспотизм еще в силе, и лишь каприз государя является там законом. Без умеренного правительства они не продвинулись вперед. Их войско — на отличной ноге. Артиллерия, кажется, считается лучшей в Европе, а следовательно и во всем мире. Из двух наций я поддерживаю русских: они менее жестоки, менее фанатичны, и более образованы, чем турки, но я соглашусь, что обе нации ужасны, и что если дело так пойдет и дальше, и одни из них получают превосходство, то изменится весь облик Европы»¹³⁶. 27 января 1770 г. А. Верри отмечал: «...я отдаю свой голос России; я желал бы увидеть разрушенным оттоманского колосса, варварскую нацию, которая угнетает ближнего, держит женщин-рабынь и никогда не желала ввести у себя науки. Русские имеют деспотическое правительство, но позавчера вышедшие из варварства и вставшие на обе ноги, они по крайней мере уже завели академию наук. Однако что же случится с нами и с нашими установлениями, если одна женщина будет владеть частью света, простирающейся от Сибири до Египта? Спасайся, кто может. Нам останется в утешение рассказывать в старости о великих происшествиях»¹³⁷.

¹³⁴ «Читатель, одурманенный мифом о Петре, открыл для себя новую Россию, варварская физиономия которой пряталась за оцивилизованной внешностью. <...> ...после Шаппа критики более не щадили Россию» («...le lecteur, obnubilé par le mythe de Pierre, découvrait une nouvelle Russie, dont la face barbare se cachait sous les apparences de la civilisation. <...> ...après Chappe, les critiques ne ménagèrent plus la Russie») (*Liechtenhan F.-D. Les trois christianismes et la Russie. Les voyageurs occidentaux face à l'Église orthodoxe russe. XV-XVIII siècle. Paris, 2002. P. 159*).

¹³⁵ «Pierre Ier semble avoir créé une nouvelle nation: mais il n'a fait aucun changement dans la constitution du gouvernement; la nation est toujours dans l'esclavage, et il en resserre les liens» (*Chappe d'Auteroche, l'abbé. Voyage en Sibérie. T. I. Amsterdam, 1769. P. 179*). По мнению аббата, и в правление Екатерины рабство и деспотизм по-прежнему царствовали в России; он резко критиковал дикие нравы русских крестьян, религиозный фанатизм и раболепство дворян перед тронем и почти тотальное отсутствие общественных институтов («la société»).

¹³⁶ «Staremo a considerare che farà mai la flotta russa. Certo che il progetto è grande. Questi russi hanno fatto presto davvero. Hanno già dei buoni poeti, delle buone tragedie, hanno tradotti molti libri francesi, e tutti dicono che Pietroburgo è un Parigi. Ma il dispotismo è in tutto il suo vigore, e non v'è legge altro che il capriccio del sovrano. Senza un governo moderato, non anderanno molto avanti. La truppa è in un ottimo piede. L'artiglieria si pretende che sia la migliore di tutte le altre d'Europa, e perciò del mondo. Delle due nazioni sono piuttosto per i russi; sono men crudeli, meno fanatici, e più colti dei turchi; ma accordo che sono terribili tutti due, e che se la cosa va avanti, e che uno di loro abbia gran vantaggi, si potrebbe mutare la faccia di Europa» (из письма Алессандро Верри к Пьетро Верри из Рима в Милан от 7 октября 1769 г.: *Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 3. P. 100*).

¹³⁷ «...Dò il mio voto alla Russia; e vorrei veder distrutto quel colosso ottomano, nazione Barbara, che impala il prossimo, che tiene schiave le donne, e che non hai mai voluto acconsentire alle scienze. Almeno i moscoviti hanno un governo dispotico, ma, esciti l'altro ieri dalla barbarie, e alzatisi per andare con due

Уверенность в осуществимости екатерининских планов во многом подтверждалась ее реформаторской деятельностью. Подобно франкоязычной прессе, венецианские, флорентийские и римские журналы (не без прямого влияния на них находящиеся в Италии русских дипломатов и вельмож) часто упоминали об Уложенной комиссии как своего рода совещательном органе власти при императрице, обсуждали Наказ¹³⁸ и проекты, представленные для конкурса Вольного экономического общества 1768 г. по облегчению участи крестьян¹³⁹. Подобного рода материалы были призваны продемонстрировать несоответствие действительности екатерининского правления идеи о свойственном России политическом деспотизме.

Новости из Санкт-Петербурга, публиковавшиеся в итальянской периодике времен войны, в значительной мере были составлены из сообщений из Петербургской Академии наук. В Тоскане быстро стали популярными итальянские переводы сочинений о России: на фоне побед русской армии и флота над турками, расцвета наук и литературы, просвещенных реформ Екатерины военные успехи выглядели естественным продолжением запущенного Петром механизма европеизации России.

Проблеме культурных контактов русской колонии в Тоскане с местными литераторами и интеллектуалами посвящен специальный раздел в энциклопедическом и не потерявшем своей актуальности труде итальянского историка Франко Вентури «Il Settecento Riformatore» (том 3, глава 3)¹⁴⁰. Учитывая то обстоятельство, что работа Вентури не переведена на русский язык¹⁴¹, мы позволим себе кратко осветить основные положения той части его монографии, которая посвящена русским культурным связям в Тоскане.

Из тосканских сотрудников Алексея Орлова, прежде всего, внимание Вентури привлек аббат Джованни дель Турко (1739 — не позже 1801 г.). Его отец, Раньери Валентино, служил в Пизанском университете, где получил образование и сам дель Турко. В 1762 г. он стал заместителем главного библиотекаря Пизанского университета. Во время работы в Пизе дель Турко задумал несколько литературных проектов, среди которых — издание литературного журнала и опубликованное в 1765 г. популярное изложение системы Исаака Ньютона. В 1766 г. дель Турко переехал во Флоренцию, где занялся переводом и комментированием «Илиады» Гомера, первую песнь которой он опубликовал в 1767 г. вместе с брошюрой собственного сочинения «Анализ поэм Гомера и настоящего

---

sole gambe, hanno già un'accademia di scienze. Ma se una donna possedera tutto quello squarcio di mondo, che sta dalla Siberia all'Egitto, che avverrà di noi e dei nostri regoli? Si salvi chi può. Avremo la consolazione di raccontare cose grandi nella nostra vecchiezza» (из письма Алессандро Верри к Пьетро Верри от 27 января 1770 г. из Рима в Милан: Ibid. P. 170–171).

¹³⁸ Об обсуждении «Наказа» во Франции см.: Плавинская Н.Ю. «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60 — начале 70-х гг. XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Исследования и материалы. М., 2001. С. 9–36.

¹³⁹ Об этом, крайне удачном пропагандистском ходе Екатерины см.: Сомов В.А. Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (Две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // Там же. С. 37–99.

¹⁴⁰ Подробнее см.: Cinnella E. Il Settecento russo di Franco Venturi // Cromohs. Vol. 10 (2005). P. 1–19.

¹⁴¹ Глава третья третьего тома («Русские в Тоскане Пьетро Леопольдо») также полностью не появилась на русском языке. См. лишь: Вентури Ф. Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774) // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 119–126.

перевода»¹⁴². Несмотря на неудачную судьбу перевода первой песни, дель Турко выпустил вторую песнь, а затем «Список кораблей, или Беотию», однако на этом его штудии прервались.

Находясь во Флоренции, дель Турко вращался в кругу тосканских интеллектуалов: Козимо Мари, Чезаре Беккариа, Алессандро Верри. Как предполагал Вентури, во Флоренции дель Турко стремился закрепить на поле интеллектуальной деятельности и поэтому занимался поисками мецената. Наконец, весной 1769 г. ему повезло: его желания (и прежние филэллинские интересы) совпали с намерениями прибывшего в Тоскану Алексея Орлова. Уже в 1769 г. с необычайной скоростью дель Турко перевел и издал (с посвящением Орлову) «Наказ» Екатерины II¹⁴³.

В 1770 г., когда российский флот находился в Архипелаге, дель Турко выпустил книгу, посвященную состоянию итальянского театра его времени. С возвращением Орлова в Тоскану в декабре 1770 г. связь дель Турко с русской колонией укрепилась. Об этом свидетельствовала, например, следующая история. Дель Турко поспешил нанести Орлову визит 8 декабря, когда тот еще находился на обязательном после поездки в Левант карантине. Дель Турко был принят весьма благосклонно: Орлов обнял его как друга, что, впрочем, категорически запрещалось законами госпиталя. В результате дель Турко был вынужден провести вместе с Орловым весь срок его карантина¹⁴⁴. По-видимому, в мае 1771 г. дель Турко подал на имя Пьетро Леопольдо прошение об отпуске из библиотеки Пизанского университета, поскольку планировал совершить путешествие в Левант. Великий герцог удовлетворил просьбу дель Турко 1 июня, как отметил Вентури, фактически согласившись на то, чтобы дель Турко стал своего рода секретарем Орлова. В тот же день дель Турко получил необходимые документы на выезд из Тосканы, причем в регистре паспортов, выдаваемых тосканским подданным, отмечено, что его поездка планировалась на год¹⁴⁵.

Весь 1772 год дель Турко в Тоскане отсутствовал, попросив в июле этого года продлить его отпуск, поскольку в тот момент находился уже в Петербурге. В 1773 г. он много времени провел в Архипелаге вместе с Алексеем Орловым. В 1775 г., когда российский флот уходил из Средиземноморья, дель Турко был вынужден вернуться в Пизу и вновь поступить в библиотеку местного университета, продолжая состоять в переписке с греками на русской службе, например, с Панайоти Алексиано. В дальнейшем дель Турко некоторое время жил в Венеции (где познакомился с крупнейшим итальянским поэтом и драматургом эпохи Витторио Альфьери), Алжире (в 1784 г.¹⁴⁶), а затем в Испании, где пытался через суд получить ссуженные им турецкому послу в Марокко Ахмету Коджа деньги. Уже находясь в Испании, дель Турко примкнул к оппозиционной испанскому премьер-министру графу Хосе

¹⁴² Подробный разбор идей, высказанных дель Турко, см.: *Venturi F. Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 76–78.*

¹⁴³ Перевод основывался на официальном французском издании «Наказа» 1769 г.: *Ibid. P. 80.* Одна из рецензий на перевод «Наказа» аббатом дель Турко вышла во Флоренции 13 апреля 1770 г., т.е. день спустя после отплытия Орлова и русской эскадры в Архипелаг: *NL. 1770. 15. 228.*

¹⁴⁴ *Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 4. P. 92; Venturi F. Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 83.*

¹⁴⁵ *ASF, Segreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2741.*

¹⁴⁶ В 1784 г. Россия назначила дель Турко пенсию, см. проект письма вице-канцлера гр. Остермана полномочному министру в Генуе А. Мордвинову о назначении пенсии профессору дель Турко, 26 января 1784 г. (АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Ед. хр. 4).

Флоридабланка группе во главе с маркизом де Манка, что стоило тосканцу многолетнего заключения в тюрьме (по «политическому» обвинению), откуда он вышел лишь в 1791 г. В 1790-х гг. после ряда попыток найти работу в Мадриде дель Турко переехал в Марокко. О дате его смерти ничего не известно, с определенностью можно сказать лишь, что в 1801 г. дель Турко уже не было в живых¹⁴⁷.

Масштабные предприятия русского флота привлекали к нему внимание многих итальянских авантюристов, к числу которых, без сомнения, принадлежал и аббат дель Турко. Неудивительно, что еще до отплытия русской эскадры в Архипелаг в начале 1770 г. в Тоскану приехал и Джакомо Казанова, желавший принять участие в Архипелагской экспедиции, чтобы своими глазами увидеть падение Константинополя. Он был принят на корабле «Три Иерарха» Алексеем Орловым, знавшим его еще по Петербургу. Казанова предложил свои услуги переводчика и знатока Греции, однако Орлов соглашался взять его с собой лишь в качестве друга. Казанова отказался от последнего предложения и произнес легендарную фразу: «Без меня вы не пройдете Дарданеллы!», — на что Орлов ответил: «Увидим!», после чего Казанова оставил Livorno¹⁴⁸.

Из числа европейских интеллектуалов, чьи сочинения повлияли на восприятие России в Тоскане в период войны с Турцией, необходимо выделить, несомненно, Вольтера (чьи работы, в частности посвященные России, были необычайно популярны в Италии). Среди итальянцев следует упомянуть Марко Кольтеллини, владельца одной из ливорнских типографий, издателя трудов Франческо Альгаротти и Пьетро Верри¹⁴⁹, а также перебравшегося в середине 1760-х гг. в Петербург и вошедшего в круг придворных поэтов Екатерины, Джузеппе Пелли Бенчивенни (внимательно следившего за европейской Росстикой и осведомленного о литературных трудах Ломоносова и Кантемира¹⁵⁰). Наиболее значимой попыткой познакомить Тоскану с русской словесностью считается изданное в Livorno в 1771 г. «*Essai sur la littérature russe contenant une liste des gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le Grand*» («Опыт о русской литературе, содержащий список замечательных русских литераторов со времен Петра Великого»). Эта публикация, приписываемая литературной группе И.Ф. Богдановича и С.Г. Домашнева (также бывшего при А.Г. Орлове в Тоскане и Архипелаге) и переведенная с немецкого Домеником фон Блэкфордом¹⁵¹, вызва-

¹⁴⁷ *Venturi F.* Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 74–89. О дель Турко также см. гл. 9.

¹⁴⁸ Подробнее см.: *Donolo L.* Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia di Cesme. P. 114; Казанова Дж. История моей жизни. М., 1991.

¹⁴⁹ *Wandruszka A.* Pietro Leopoldo. Un grande riformatore. Firenze, 1968. P. 300–301; *Risaliti R.* Russi a Firenze e Toscana. Vol. 1. Firenze, 1992. P. 26–29.

¹⁵⁰ Записи в дневнике Пелли от 1 апреля и 9 мая 1770 г. (*Pelli Bencivenni G.* Efemeridi (1759–1808). P. 158, 191 // <http://www.bncf.firenze.sbn.it/pelli/it/progetto.html>).

¹⁵¹ Отзыв на брошюру, принадлежащий известному венецианскому журналисту и издателю Доменико Каминеру, появился в 1771 г. в журнале «L'Europa Letteraria». Об издании подробнее см.: *Venturi F.* Qui est le traducteur de l'essai sur la littérature russe? // *Revue des études slaves*. T. 38 (1961). P. 217–221; *De Michelis C.G.* L'oeuvre de Catherine II en Italie en XVIIIe siècle // *Catherine II & l'Europe*. Paris, 1997. P. 226. Чезаре де Микелис вслед за Ф. Вентури упоминает также издание: *Componimenti poetici di varj autori in lode di Caterina II, augustissima imperatrice di tutte le Russie*. Napoli, 1771 (Ibid. P. 225); *Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774). С. 124–126. См. также: *Гардзонио С.* Образ российской империи в итальянской поэзии // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 106–116.

да немалый интерес: на нее откликнулись ведущие итальянские литературные журналы — тосканские «Le Novelle Letterarie», «Le Notizie Letterarie», римская «Le Efemeridi Letterarie», миланская «La Gazzetta Letteraria». Несмотря на частные разногласия, рецензенты сходились во мнении, что литература и науки сделали огромные успехи в России, и связывали это с общим развитием просвещения со времен Петра Великого, поборовшего изначальное русское варварство.

Ф. Вентури отмечал, что, несмотря на первоначальную настороженность, тосканское общественное мнение в целом было расположено к России и политике Екатерины II. Об этом свидетельствовали положительные отклики на победы русского флота в Архипелаге, появившиеся в тосканской прессе, в частности в неоднократно цитировавшейся нами флорентийской газете «Le Notizie del Mondo» (в сообщениях как из самой Тосканы, так и из Архипелага, с Дуная или из Петербурга).

В связи с двумя тосканскими изданиями «Наказа» возник интерес и к внутренней политике русской императрицы, в том числе и к ее аграрным реформам; итальянская пресса регулярно отзывалась на развитие пугачевского бунта. В Тоскане быстро стали популярными итальянские переводы сочинений А.Ф. Бюшинга — жизнеописание фельдмаршала Миниха (перевод издан во Флоренции в 1773 г.) и «русская» часть его «Новой Географии» (1770)¹⁵². Одновременно военные операции русского флота в Море способствовали повышению интереса тосканцев к грекам и происходившим в Архипелаге событиям, отчеты о которых, вероятно не без помощи русских агентов, регулярно появлялись на страницах «Le Notizie del Mondo»¹⁵³.

К соображениям, высказанным Вентури, можно добавить, что Флоренция стала объектом пристального внимания русских не только из-за политико-военных связей России и Тосканы, но и как крупнейший европейский культурный центр. И.И. Шувалов регулярно бывал во Флоренции и осматривал местные памятники и достопримечательности: это отмечала «La Gazzetta Toscana» в сообщении из Флоренции от 14 октября 1769 г. В частности, в королевском Палаццо Питти, где заседала знаменитая Академия дель Чименто, он посетил отреставрированный по приказу великого герцога тосканского кабинет (Gabinetto, в котором были собраны коллекционные научные приборы и математические инструменты¹⁵⁴). Кабинет находился под присмотром итальянского физика и натуралиста, в будущем основателя флорентийского музея естественной истории и физики (открылся в 1775 г.) аббата Феличе Фонтана (1730–1805), который отвечал за работу специальных приборов, применявшихся в «самых сложных науках». Шувалов, несомненно имевший познания в естественнонаучных дисциплинах, остался доволен увиденным и подарил Фонтана золотую медаль стоимостью более 50 цехинов, на которой с одной стороны был изображен лик Екатерины II, а с другой — надпись «Храм, в котором императрица получает от разных Божеств законы для управления подвластными

¹⁵² Итальянский перевод ряда томов «Новой Географии» Бюшинга, в частности с подробным описанием России (см. рецензию на это издание в: NL. 1770. 3. 33–37; 1770. 5. 68; 1770. 10. 145–146), вышел практически накануне прибытия в Тоскану основной массы русских кораблей, которым предстояло отправиться в Архипелаг.

¹⁵³ Venturi F. Il Settecento Riformatore. Vol. 3. P. 90–110.

¹⁵⁴ Полный список инструментов см.: ASF, Imperiale e Reale Corte, pezzo 5249.

ей народами»¹⁵⁵. Вообще, об итальянских путешествиях Шувалова в тосканской прессе говорилось, что в каждом из городов он старался познакомиться с наиболее просвещенными людьми и от имени Екатерины одаривал их золотыми медалями, подобно тому, как это произошло во Флоренции¹⁵⁶.

10 апреля 1771 г. братья Алексей (скорее всего, заочно) и Федор Орловы были единогласно избраны членами академии «Etrusca» в Кортоне (близ Ареццо) — вице-секретарь Академии маркиз Венути, гофмейстер великого герцога тосканского, сообщил Орловым об избрании в письме, направленном им в Ливорно. В июле 1771 г. Орловы вознаградили Академию специальным даром, поступившим в ее музей. Речь идет о роскошной конской упряжи, состоявшей из седла, покрытого черным бархатом, накидки из твердого серебра и с цветами из золота, шор, нагрудника, стремян, отверстий для пистолетов, кнута, сбруи;

все это украшено драгоценными камнями в восточном вкусе. Все описанные предметы принадлежали одному из адъютантов турецкого паши, командовавшего флотом в битве при Чесме, и входили в число трофеев, добытых русской эскадрой во время сражения¹⁵⁷.

Кроме того, Пиза стала центром образовательной политики Алексея Орлова. В европейской прессе отмечали, что 23 октября 1773 г. в Ливорно из Пароса прибыл фрегат, на борту которого находились 26 юношей и 12 девушек (по другим данным всего 36 человек) из греческих семей. После карантина, закончившегося в ноябре 1773 г., прибывшие отправились в Пизу¹⁵⁸, где они должны были стать учениками основанного Орловым по указанию Екатерины учебного заведения — Русско-Греческого колледжа¹⁵⁹. По-видимому, еще одна группа греческих молодых людей и девушек с острова Зант прибыла в Ливорно чуть ранее — 19 октября — на борту греческого торгового судна. Колледж торжественно открылся

Флоренция, церковь Санта Кроче

¹⁵⁵ GT. 1769. 41. 163.

¹⁵⁶ GT. 1769. 45. 180–181.

¹⁵⁷ GT. 1771. 18. 71; 28. 112.

¹⁵⁸ GT. 1773. 44. 176. На том же судне капитан Давыдов привез в Тоскану трех арабских скакунов, принадлежавших Алексею Орлову.

¹⁵⁹ Это были ученики школы, открытой на о. Наксос (о ней см. гл. 5).

Пиза, Площадь чудес «Piazza dei Miracoli»

нообразным ремеслам. Директором обоих учебных заведений стал уроженец Пизы Чезаре Студиати¹⁶¹.

Культурные цели преследовало и одно из самых впечатляющих представлений, устроенных Алексеем Орловым для тосканских и английских дворян в Ливорно: взрыв одного из старых русских кораблей, стоявших на местном рейде¹⁶². 26 апреля 1772 г. граф в сопровождении большей части своей свиты и русских офицеров отправился из Пизы в Ливорно, дабы присутствовать на спектакле, кульминацией которого должно было стать организованное им зрелище горящего корабля на рейде Ливорно. Для объяснения этого, на первый взгляд, странного, если не эксцентричного поступка русского военачальника нужно вернуться на несколько лет назад.

Еще в 1770 г., желая увековечить победу русского флота в Чесменском бою, Екатерина приказала находящемуся в Риме И.И. Шувалову найти художника, способного написать серию картин о победе русской эскадры. В этих поисках Шувалову помогал Йохан Фридрих Райменштайн, известный немецкий историк

¹⁶⁰ В том же 1773 г., во время традиционного февральского карнавала огромный успех оперными представлениями нискал учившийся и живший в Италии знаменитый русский композитор Максим Березовский (NM. 1773. 17. 136).

¹⁶¹ GT. 1773. 44. 176; 47. 188; 50. 199; 1774. 3. 11; NM. 1773. 85. 696; 87. 712; 93. 760. С. о. Зант греческих детей направил в Ливорно гр. Д. Мочениго (о нем см. гл. 6, примеч. 16), согласно идее посылать греческих детей в Россию «для воспитания, чем восстановить наипаче в будущие времена связь меж Россиею и Греками, что и учиналось» (Граф Моцениго. Эпизод из Первой Турецкой войны при Екатерине II // Русский архив. 1878. № 12). Впоследствии часть молодых людей греческого происхождения оказалась в России. Рескриптом от 19 ноября 1774 г. Екатерина предписывала генерал-инженеру М.И. Мордвинову учредить в Ораниенбауме училище для набранных в Архипелаге греческих мальчиков: «Граф Алексей Григорьевич Орлов, по соизволению нашему, отправляет сюда набранных в Архипелаге греческих мальчиков, коих число точно хотя неизвестно, но может быть их до двух сот будет, почему мы, желая заблаговременно учредить для них училище, поручаем вам сделать оному план и смету...» (СБРИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 5). Подробнее см.: *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 134.

¹⁶² Этому сюжету посвящена специальная работа: *Donolo L.* Il conte Aleksej Orlow e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmè.

24 ноября/5 декабря 1773 г., в день именин русской императрицы, по какому случаю был устроен специальный концерт¹⁶⁰ и увеселения для русских и тосканских дворян. В декабре 1773 г. в Тоскану продолжали прибывать молодые греки, для которых были предназначены 120 мест в новом колледже. Учеников обучали искусствам, кормили и содержали за счет императрицы. Кроме того, по распоряжению Екатерины в Тоскане предполагалось основать еще один колледж на 60 человек для обучения их раз-

искусства, также живший в Риме и имевший связи с русским двором. Их выбор пал на уже прославившегося живописца, уроженца Пруссии Якоба Филиппа Хаккерта¹⁶³. В сентябре 1770 г. Хаккерт получил от Шувалова официальное предложение с обещанием хорошей награды за работу.

В середине декабря 1770 г. Хаккерт прибыл в Ливорно, дабы лично осведомиться у Орлова о предполагаемом содержании картин. Работа над эскизами продолжилась в 1771 г. в Риме — в октябре этого года императрица одобрила план Хаккерта¹⁶⁴, после чего Шувалов подписал с художником контракт, где, помимо размера и сюжетов картин, оговаривалась общая цена работы — 12 тысяч флоринов, сумма по тем временам очень большая. В начале 1772 г. черновой вариант первой картины Хаккерт лично отвез в Ливорно вернувшемуся из Архипелага Алексею Орлову, который приказал поместить первую картину в большую залу своего дома в Пизе, где ее могли по достоинству оценить русские офицеры. Единственное, чем Орлов остался несколько недоволен, — это изображение горящего корабля на второй из доставленных в Тоскану картин. Как считал Орлов, добиться большего правдоподобия можно было следующим образом: поджечь один из не подлежащих ремонту кораблей и взорвать его, дабы Хаккерт мог лицезреть пожар, его цвет и глубину, свет и высоту огня, столпа дыма и отражение огня в воде. Это было решено устроить ночью на рейде Ливорно, тем самым сражение двухлетней давности в бухте Чесма могло быть воссоздано с большей или меньшей долей визуальной достоверности¹⁶⁵.

Около 6 часов вечера 26 апреля Орлов добрался до Ливорно, а вместе с ним и герцог Глостер, английские офицеры полковник Рейнсфорд и майор Хейуорд, которые остановились в доме консула Дика. Здесь был устроен официальный прием с участием губернатора Ливорно Бурбона дель Монте и местных тосканских офицеров, а затем в местном театре состоялось представление. К вечеру следующего дня, 27 апреля, ради обещанного спектакля из Пизы и Флоренции в Ливорно прибыло большое число тосканских аристократов. 28 апреля вечером, наконец, состоялся запланированный спектакль: русский корабль, стоявший на расстоянии 4 миль от порта, был зажжен и горел перед глазами высокопоставленной публики. К 9 часам утра 29 апреля после ритуального обмена приветствиями с губернатором Бурбоном дель Монте герцог Глостер взшел на английский фрегат «Alarm» и отправился в Ниццу. Как следует из газетного сообщения, до последнего момента Глостера сопровождал Алексей Орлов¹⁶⁶.

Наконец, одной из важных характеристик истории русско-тосканских культурных связей является внимание, которое Екатерина и Алексей Орлов оказывали известной флорентийской поэтессе второй половины XVIII в. Марии Маддалене Морелли Фернандес (1727-1800), известной под псевдонимом Корилла

¹⁶³ О русских связях Хаккерта см.: *Савинская Л.Ю.* Письма Я.Ф. Хаккерта князю Н.Б. Юсупову. К истории коллекционирования в России 1770–80-х гг. // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1989. М., 1990. С. 232–240.

¹⁶⁴ 6 картин: дневная атака 5 июля н.ст. русских на турок, на заднем фоне картины недалеко от бухты Чесма; битва 5 июля и пожар на двух кораблях вице-адмиралов; отступление турок в бухте Чесма; подготовка русского флота перед финальной атакой; сожжение турецкого флота ночью 7 июля; отплытие из Чесмы победоносного русского войска с некоторыми плененными судами (кораблем и четырьмя галерами).

¹⁶⁵ *Donolo L.* Ibid. P. 119–122.

¹⁶⁶ GT. 1772. 18. 71–72; NM. 1772. 35. 298; *Donolo L.* Il conte Aleksej Orlow e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé. P. 125–129.

Олимпика, имевшей репутацию блестящего стихотворца-импровизатора и державшей знаменитый музыкально-литературный салон¹⁶⁷. В 1765 г. Корилла стала придворным поэтом Пьетро Леопольдо и оставалась в Тоскане до 1775 г. Знакомство Алексея Орлова с флорентийской поэтессой относится к февралю 1770 г., когда русский военачальник находился на карнавале во Флоренции. Результатом встречи, вероятно, явилась стихотворная книга терцин Кориллы («Il signor Conte Alessio Orlow plenipotenziario e general comandante in capite dell'armata di S.M. l'Imperatrice di tutte le Russie nei mari di levante, cav. di diversi ordini etc. senza data, in 4») («Господин Граф Алексей Орлов, главнокомандующий армии Е.В. всероссийской Императрицы в морях Леванта, кавалер многих орденов и пр.»)¹⁶⁸.

С 1770 г. началось сотрудничество (и, возможно, переписка¹⁶⁹) Кориллы с Екатериной и Орловым, пик которого, по всей видимости, пришелся на 1773–1774 гг. В феврале 1773 г. находившийся на острове Парос Орлов прислал в дар Морелли Фернандес отрезок ткани для платья из золотой парчи ручной работы¹⁷⁰. В ноябре того же года Корилла откликнулась «элегантным» стихотворным посланием к Екатерине II, опубликованным во флорентийской литературной газете «*Novelle letterarie*», в котором прославлялась «Женщина на троне, славе которой будут удивляться в будущих веках, подобно тому, как удивляются в нашем (т.е. XVIII-м. — *Авт.*) веке»:

Odi l'Epica tromba altisonante,
 Odi l'Istoria, che di Lei ragiona
 Al Tempo attento che le sta davante
 Vibrandosi sull'ali
 A raccoglièr le gesta alme immortali,
 Non già per farne il fero usato scempio,
 Ma perch' fin ch'ei batta i vanni suoi
 Vuol porle innanzi ai Regi ed agli Eroi
 Utile sempre e tormentoso esempio¹⁷¹.

Поэтическое произведение Морелли Фернандес стало сразу же известно русской императрице. 23 января 1774 г. во Флоренцию прибыл курьер из Петербурга, проследовавший затем в Ливорно, и через него в городе узнали, что Екатерина II высказала свое удовольствие сочинением Кориллы и подарила поэтессе 500 цехинов¹⁷². 1 июля 1774 г. незадолго до того вернувшийся в То-

¹⁶⁷ См., например: *Бёрни Ч.* Музыкальные путешествия. Дневник путешествия 1770 г. по Франции и Италии. Л., 1961. С. 113.

¹⁶⁸ *Ademollo A.* *Corilla Olimpica*. Firenze, 1887. P. 127. Точная дата составления сборника неизвестна. Книга терцин упоминается в 1773 г. (NL. 1773. 48. 756), когда она была напечатана в Петербурге (A Sua Eccellenza il Sig. Conte Alessio Orlow plenipotenziario e general comandante in capite dell'armate di Sia Maesta' l'Imperatrice di tutte le Russie nei mari de Levante cavaliere di diversi ordini &c. &c. &c. *Corilla Olimpica*. [SPb.], 1773). См. также: *Cipriani A.* *Una donna forte del Settecento // Pistoia Programma*. 1988. № 41. P. 17–24.

¹⁶⁹ *Ademollo A.* *Corilla Olimpica*. Firenze, 1887. P. 118–119. Корилла также находилась в переписке с генералом Паскуале Паоли (Ibid).

¹⁷⁰ NM. 1773. 16. 127; GT. 1773. 9. 33.

¹⁷¹ NL. 1773. 48. 757–758. Перевод: «Славь, эпическая громкая труба, славь, История, ведущая о Ней беседу с внимательным Временем, что качаясь на крылах собирает подвиги бессмертных душ, не для того, чтоб просто быть отважным, но поскольку пока оно бьет своими крылами, то хочет дать Царствам и Героям всегда полезный пример».

¹⁷² NM. 1774. 8. 63; GT. 1774. 5. 17.

скану Алексей Орлов специально приезжал во Флоренцию, дабы преподнести от имени российской императрицы в дар Корилле (опять-таки в качестве благодарности за ее стихи) золотую эмалевую табакерку с разноцветными бриллиантами¹⁷³. Тогда же Екатерина предложила Корилле приехать в Петербург, обещая свое покровительство, однако та отказалась, сославшись на семейные обстоятельства (необходимость заботиться о племяннице). В ответ на это императрица выделила Корилле ежегодную пенсию в 100 цехинов, подтвержденную затем Павлом I¹⁷⁴. Екатерина II и в дальнейшем продолжала вести с Кориллой переписку. В 1779 г. она вновь предложила Морелли Фернандес перебраться в Петербург. Убедить Кориллу Екатерина просила барона Гримма, однако и на сей раз поэтесса отказалась, по некоторым сообщениям, опасаясь долгого путешествия и русских холодов¹⁷⁵. Как бы то ни было, деятельность Кориллы в начале 1770-х гг. свидетельствует об интенсивном характере культурного взаимодействия: по всей видимости, творчество Кориллы ценилось русской императрицей и ее приближенными, поскольку позволяло обеспечивать необходимую империи идеологическую поддержку в среде итальянских¹⁷⁶ и в целом западноевропейских интеллектуалов.

РУССКИЕ ПРАЗДНИКИ В ТОСКАНЕ

С прибытием русских в Тоскану значительно расцвел календарь праздничных дат, количество праздников увеличилось. В 1769–1775 гг. здесь отмечались наряду с католическими церковные православные праздники, «высокопраздничные» и «викториальные» дни, как герцогства, так и Российской империи, иногда непрерывной чередой следовали торжества, приуроченные к приезду или отъезду русских дипломатов и военачальников, а также всевозможные благотворительные акции.

«Русские» празднования отличались и по составу их участников: русских офицеров и солдат, моряков дружественных России стран (прежде всего Англии, а также Голландии и Дании), высокопоставленных чиновников и простых поданных великого герцога тосканского Пьетро Леопольдо.

Празднества устраивало русское и тосканское дворянство, и они символизировали дружеский характер взаимоотношений двух государств. Подобного рода увеселения часто проводились накануне прибытия или отъезда русской эскадры из Ливорно, и таким образом организаторы праздников стремились расположить к себе представителей местной социальной и политической элиты. Очевидно, что с началом боевых действий в Архипелаге и отплытием большинства

¹⁷³ NM. 1774. 53. 424; GT. 1774. 28. 110.

¹⁷⁴ *Ademollo A. Corilla Olimpica*. P. 117; *Morelli L. Due donne del '700, in una ricerca della Provincia di Firenze // Giordano A. Letterate Toscane del Settecento*. Un regesto. Firenze, 1994. P. 273; *Elogio della Celebre Poetessa D. Maddalena Fernandez, sotto il Pastoral nome di Corilla Olimpica* (BNCF. Rossi-Cassigoli. MSS. Misc. 29. III); *Il carteggio tra Amaduzzi e Corilla Olimpica 1775–1792 / a cura di Luciana Morelli*. Firenze, 2000. P. 207 (письмо Кориллы от 27 мая 1782 г.).

¹⁷⁵ *Il carteggio tra Amaduzzi e Corilla Olimpica 1775–1792*. P. XI.

¹⁷⁶ Кроме того А.Г. Орлов и его штаб имели тесные связи с итальянскими эллинистами, сыгравшими определенную роль в становлении греческой протонациональной идеи (об этом см. гл. 9).

*Мария Луиза (Людовика),
супруга великого герцога тосканского
Пьетро Леопольдо*

российских судов из Ливорно такого рода активность в Тоскане замирала.

Начало «русским сезонам» в Тоскане было положено летом 1769 г. И.И. Шуваловым. Именно Шувалов был организатором роскошных празднеств, участником которых стала впервые сама герцогская чета — Пьетро Леопольдо и Мария Людовика. Не исключено, что выдвижение в это время на первый план фигуры Шувалова не было случайным и во многом отвлекало всеобщее внимание от Алексея Орлова, присутствовавшего на торжествах, но до тех пор не раскрывавшего, однако, истинных целей своего пребывания в Тоскане.

18/29 июля 1769 г. И.И. Шувалов прибыл на лечебные воды в расположенный недалеко от Пизы небольшой городок Сан-Джулиано, где занял квартиру. Вскоре он устроил бал в местном благородном собрании, на который были приглашены русские и тосканские дворяне. Предполагалось, что праздник не будет последним и в ближайшие дни бал повторится. Особенное действо было запланировано

к приезду в Сан-Джулиано графа А.Г. Орлова¹⁷⁷. Газеты сообщали тогда, что вечером 5 августа (по нов. ст.) А.Г. Орлов, И.И. Шувалов, князь Ф.А. Козловский и четыре русских офицера на несколько часов посетили Ливорно и тем же вечером отбыли обратно в Сан-Джулиано¹⁷⁸. 7 августа в честь Шувалова и прочих русских дворян в Сан-Джулиано был дан обед, распорядительницей которого была высокородная маркиза Лила Мария Паллавичини. Вечером 9 августа в благородном собрании Сан-Джулиано состоялся следующий бал, данный уже на средства Алексея Орлова¹⁷⁹.

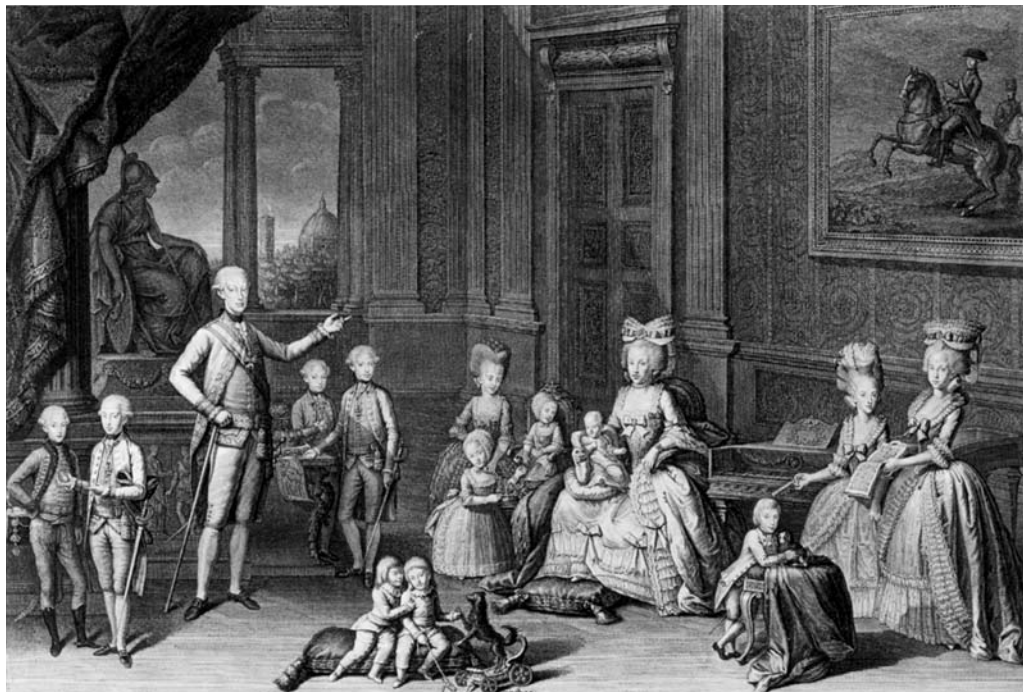
12 августа 1769 г. Пьетро Леопольдо и его супруга Мария Людовика приняли Алексея Орлова в Пизе. В официальной хронике говорилось, что Орлов «награжден многими орденами и в настоящий момент является генерал-лейтенантом русской армии»¹⁸⁰. Орлов пригласил герцогскую чету в Сан-Джулиано на бал, запланированный на 13 августа (всего через четыре дня после предыдущего бала), и к восьми часам вечера 13 августа королевская тосканская чета прибыла в Сан-Джулиано. Заранее извещенный об их визите И.И. Шувалов поразил тосканцев тем, что приказал полить водой участок дороги от Пизы до Сан-Джулиано, дабы сделать его менее пыльным. Бал открылся сразу же по прибытии Пьетро Леопольдо, продолжался до поздней ночи и отличался, по свидетельству тосканских газет, особым роскошеством. Орлов предстал перед публикой в одежде, отде-

¹⁷⁷ GT. 1769. 31. 125.

¹⁷⁸ NM. 1769. 64. 524.

¹⁷⁹ GT. 1769. 33. 133.

¹⁸⁰ GT. 1769. 33. 133.

Пьетро Леопольдо и его семья

ланной драгоценными камнями, что было формально связано с общим высоким статусом праздника. В числе достоинств праздника упоминались отличное освещение, присутствие знатнейших пизанцев и иностранцев, а также обильные яства. Кроме того, по приказу Шувалова с помощью фонарей и факелов были иллюминированы фасады трех дворцов в Сан-Джулиано, дома на главной площади города, фонтаны и фасад благородного собрания¹⁸¹.

Отдельная часть увеселений предназначалась низшим слоям населения Сан-Джулиано: Шувалов приказал открыть лоджию местного рынка для публики и соорудить специальную сцену для музыкантов так, чтобы пространство, отведенное для танцев, было максимально большим. Одновременно на средства Шувалова беднякам раздавались хлеб и колбасы, а также было дано разрешение

¹⁸¹ Именно об этой серии праздников и приемов писал посол России в Вене Д.М. Голицын вице-канцлеру А.М. Голицыну из Вены 2 сентября 1769 г.: «Имею честь сообщить вашему с<иятельству>у прилагаемую у сего Итальянскую газету, с просьбою прочесть статью, мною под конец подчеркнутую. Она передает об аудиенции, которую господа графы Орловы имели у великого герцога Тосканского, и о данном ими вместе с госп<одином> Шуваловым, на другой день, празднике, который почтили своим присутствием их королевские высочества и лица знатнейшего дворянства из окрестностей Пизы. Угощая таким способом народ, наиболее склонный к увеселениям, господа наши соотечественники много выиграют в его сочувствии, и по выезде их на днях, оставят в нем сожаление» (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1876. № 7. С. 271–272; оригинал по-французски). В комментарии к статье говорилось: «В приложенной газете говорится кроме вышеизложенного, что на празднике (данном в Июле 1769 года) герцог Тосканский оставался до двух часов ночи и что на графе Орлове, отличающемся особенною приветливостью, было платье осыпанное бриллиантами великой цены» (Там же. С. 272).

пить из специально созданного фонтана, из которого с 8 часов до полуночи било вино (из огромных бочек вместимостью 30 баррелей). Как отмечает хроника, праздник был столь прекрасно организован, что, несмотря на огромное стечение народа, бал обошелся без единого инцидента. Впрочем, этому, как добавляет хроника, много способствовало присутствие солдат из Пизанского гарнизона¹⁸².

Итак, устройством августовского праздника в Сан-Джулиано А.Г. Орлов окончательно сбросил с себя полуконспиративную роль приехавшего на лечение знатного путешественника «Островова» и вступил в открытую политическую игру. Отныне он уже не нуждался в дипломатическом прикрытии со стороны И.И. Шувалова, и именно он в дальнейшем оказывается главным распорядителем лучших празднеств в Тосканском герцогстве.

Щедрость его однако оплачивалась из российской казны совсем не напрасно. В источниках отмечается, что флорентийцы, пизанцы и жители Ливорно любили Орлова из-за его не знавшей пределов щедрости¹⁸³. О масштабах трат Орлова в этот период свидетельствует сардинский посол в Тоскане аббат Бруно ди Замоне: по его данным, в начале 1770 г. Орлов получал ежемесячно 20 тысяч цехинов из Амстердама¹⁸⁴.

Торжественные обеды, дававшиеся на деньги русских офицеров, часто сопровождалась подарками, которыми Орлов от своего имени либо от имени Екатерины II отмечал тосканцев, оказавших услуги русскому флоту. Одним из них был друг аббата Джованни дель Турко Козимо Мари, которого братья Орловы чествовали 24 мая 1772 г. на специально данном по этому случаю в Пизе обеде. А.Г. Орлов от имени Екатерины II вручил Мари в подарок золотую эмалированную шкатулку (по другой версии — табакерку), украшенную миниатюрой с бриллиантами большой величины, по первым оценкам стоимостью в 700 цехинов. Этот дар дал повод «La Gazzetta Toscana» сделать вывод о «быстром развитии искусств в Петербурге»¹⁸⁵.

¹⁸² GT. 1769. 33. 133; NM. 1769. 66. 540.

¹⁸³ *Becattini F.* (Remigio Pupares) *Vita pubblica e privata di Pietro Leopoldo d'Austria Granduca di Toscana poi Imperatore Leopoldo II.* Seconda edizione. Siena, MDCCXCVII [1797]. P. 102-103. См. также: *Ademollo A.* *Corilla Olimpica.* P. 127; *Morelli Timpanaro M.A.* *Autori, stampatori, librai. Per una storia dell'editoria in Firenze nel secolo XVIII.* Firenze, MCMXCIX [1969]. P. 450-451. См. также следующий эпизод. В 1770 г. Алексей Орлов, будучи на главной площади Ливорно, потерял крупный бриллиант, выпавший из его перстня. За нахождение камня была немедленно назначена награда в 30 цехинов. Волей случая, бриллиант нашел один бедняк и отнес его местному ювелиру, спрашивая за него весьма незначительные деньги. Между тем, ювелир, сразу же осознавший, что именно ему принесли, проводил бедняка к губернатору Ливорно, который заплатил за камень обещанные 30 цехинов и передал бриллиант владельцу (GT. 1770. 15. 60; *Donolo L.* *Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmè.* P. 114).

¹⁸⁴ Донесение от 26 февраля 1770 г. (AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2). Эти деньги Алексей Орлов тратил, например, во время знаменитых флорентийских карнавалов. Так, 21 июня 1772 г. Орлов в сопровождении нескольких русских офицеров отправился во Флоренцию, где утром 22 числа их приняла герцогская чета. Будучи во Флоренции, Орлов был приглашен мальтийским рыцарем приором Корсини на обед, организованный для послов иностранных государств, придворных и местной аристократии. Русские дворяне задержались во Флоренции, желая посмотреть на серию традиционных праздников, в частности на празднество на площади Санта-Кроче (GT. 1772. 26. 102, 104; NM. 1772. 50. 419; 51. 425), которое состоялось 28 июня. После окончания праздника Орлов вернулся в Ливорно (GT. 1772. 27. 106, 108). См. также с. 331 наст. изд.

¹⁸⁵ GT. 1772. 22. 87-88; NM. 1772. 43. 362. Присутствие русских военных в Порто-Феррайо, как и в других частях Тосканы, также удивляло масштабами трат, необычно щедрыми были и знаки вни-

Регулярные дарения являлись яркой чертой пребывания русских вельмож в Тоскане и традиционно предшествовали отъездам подданных Екатерины II в Архипелаг. Зимой и весной 1770 г. Орлов активно дарил высокопоставленным тосканцам дорогостоящие предметы. В конце января командующий русской эскадрой в Средиземноморье, будучи в Пизе (где в то время еще находился герцогский двор), раздаривал разнообразные, редкие, привезенные из России шкуры пушных животных и два ящика серебра¹⁸⁶.

ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Православные в Тоскане традиционно посещали греческую церковь Ливорно (разрешение на постройку в Ливорно греческой церкви было дано еще 14 июля 1754 г. и затем подтверждено 7 августа 1760 г.¹⁸⁷).

Судя по описанию С.П. Хметевского, церковь своим благолепием была обязана российским пожертвованиям: «в Ливорне есть одна греческая церковь, изрядно украшена, имеет вызолоченной канастас, подачею россиян сосуды, крест, евангелие и ризница весьма богата, присланная из России нашою великою государынею»¹⁸⁸. С 1771 по 1775 г. в этой церкви служил прибывший из Архипелага греческий патриарх Серафим II¹⁸⁹. Преимущественно зимнее и весеннее пребывание русских военных в Тоскане способствовало тому, что с наибольшей торжественностью православные подданные российской императрицы в Тоскане отмечали, судя по отчетам итальянской прессы, Пасху, а из двенадцатых праздников — Рождество и Благовещенье. Для российского флота особое значение в церковном календаре имели также Рождество св. Иоанна Крестителя (на который выпала Чесменская победа), День всехвалных апостолов Петра и Павла и День ап. Андрея Первозванного. Празднование церковных дат часто сопровождалось благотворительными акциями (русские офицеры раздавали деньги нищим и т.п.), особыми подарками, а также иллюминацией русских кораблей, стоявших на рейде Ливорно.

Так, на Рождество 1769–1770 г. в Ливорно из Пизы прибыли многие русские офицеры¹⁹⁰. Вероятно, среди них был и Алексей Орлов, задержавшийся затем в Ливорно. В честь праздника состоялся и обмен подарками Орлова с губернатором Ливорно Филиппом Бурбоном дель Монте. Получив в дар отстреленную накануне дичь, Орлов поднес губернатору великолепную лисью шкуру¹⁹¹. Через год на Рождество Орлов опять оказался в Ливорно: вместе с русским офицерским корпусом и солдатами он отправился на торжественный молебен в греческую

мания, которыми контр-адмирал Грейг и другие отмечали помогавших им жителей Эльбы. Газеты сообщали, что при отплытии с Эльбы «Трех Иерархов» в 1771 г. Грейг наградил местное дворянство множеством подарков, в частности, некий Пьетро Джаннетти получил от него золотые часы (GT. 1771. 17. 68).

¹⁸⁶ NM. 1770. 4. 29; NM. 1770. 5. 39.

¹⁸⁷ Во время русско-турецкой войны, в 1770 г. греческие православные жители Ливорно основали и свое кладбище (обнесено стеной в 1774 г.). См., например: *Vivoli G. Guida di Livorno antico e moderno e dei luoghi più notabili dei suoi contorni*. Livorno, 1997. P. 132–133.

¹⁸⁸ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 691.

¹⁸⁹ О нем и его пребывании в Ливорно см. гл. 5.

¹⁹⁰ GT. 1770. 2. 7; донесение сардинского посланника в Тоскане аббата Бруно ди Замоне от 8 января 1770 г. (AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2).

¹⁹¹ GT. 1770. 2. 8; NM. 1770. 3. 24.

церковь, специально украшенную по этому случаю. И газеты не преминули отметить, что после богослужения Орлов раздал милостыню беднякам, собравшимся около церкви в ожидании известного своим богатством и щедростью русского графа¹⁹². 25 декабря/5 января 1773 г. в честь праздника стоящие в заливе Ливорно русские корабли были иллюминированы и украшены флагами¹⁹³.

В честь праздника Благовещения в 1770 г. в Ливорно был организован обед, а затем на борту «Трех Иерархов», украшенном флагами, состоялась ритуальная стрельба в воздух из мушкетов, после чего, вечером того же дня, был сделан тройной залп корабельной артиллерией¹⁹⁴.

Присутствие православных в католической Тоскане в целом не вызывало (за исключением редких инцидентов¹⁹⁵) обостренного религиозно-культурного противостояния. И, кажется, достойной данью «терпимости» XVIII-го столетия можно считать известие о том, как А.Г. Орлов распорядился отметить в 1773 г. особо почитаемый *католиками* праздник «Corpus Domini» (Тела Господня, празднуемого католической церковью в первые четверг или воскресенье после праздника Св. Троицы). Известно, что религиозная процессия в Ливорно дошла до госпиталя Сан-Рокко, в котором находился на карантине Алексей Орлов. Орлов по случаю этого праздника украсил окна госпиталя и оплатил богатую обивку его стен. Часть русских солдат выстроилась перед близлежащей церковью и дала тройной ружейный залп по случаю католического торжества¹⁹⁶.

Высокоторжественные дни

Празднование высокоторжественных дат русской колонией в Тоскане, как и в Российской империи, непременно происходило в дни рождения Екатерины II (21 апреля/2 мая), день восшествия Екатерины II на российский престол

¹⁹² GT. 1771. 2. 6; NM. 1771. 4. 30.

¹⁹³ GT. 1773. 2. 8; NM. 1773. 3. 23.

¹⁹⁴ GT. 1770. 15. 58.

¹⁹⁵ Так, Ф. Вентури процитировал донесение сардинского посланника в Тоскане Бруно ди Замоне из Флоренции от 13 июля 1772 г.: «Церковные власти с большим нетерпением ожидали отбытия этих гостей [русских], так как их разговоры на некоторые темы не только переходили все границы, но положительно нанесли ущерб религии, совратив многих из молодежи и содействуя их вовлечению в ложу франкмасонов» (Вентури Ф. Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 31). Порой властям приходилось открыто вмешиваться для защиты католических привилегий. Так, в январе 1771 г. монахи госпиталя св. Антония заявили протест губернатору Ливорно по поводу того, что в их госпиталь причастить умирающего пришел священник греческой православной церкви. Греческий священник нарушил правило, согласно которому соответствующие обряды можно было совершать либо в церкви, либо в частном доме. Впоследствии тосканскими властями были введены дополнительные ограничения — в частности, православный священник мог носить специальные одежды только в церкви и в домах соотечественников. Аналогичная ситуация, впрочем, сложилась и в случае протестантов (англичан и голландцев) (Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione. P. 34–35).

¹⁹⁶ GT. 1773. 25. 100; NM. 1773. 49. 392. Впрочем, за этим жестом толерантности последовали и иные щедроты. На следующий день А.Г. Орлов покинул госпиталь (причем сотрудники местных санитарных служб города, в частности доктор Джентили, традиционно получили богатые дары). После этого Орлов в карете британского консула Дика отправился в его резиденцию, где его приветствовали английские и тосканские офицеры. После совместного обеда Орлов поехал по городу отдавать визиты, а 14 июня уехал из Ливорно в Пизу. Перед отъездом он подарил губернатору Бурбону дель Монте большое количество турецких рабов, прибывших в Тоскану ранее на корабле Панаиоти Алексиано.

(28 июня/9 июля), день коронации Екатерины II (1/12 сентября), день рождения Великого князя Павла Петровича (20 сентября/1 октября), день тезоименитства императрицы (24 ноября/5 декабря), годовщина Чесменского сражения (24–26 июня / 5–7 июля). Однако в Великом герцогстве Тосканском к этим датам прибавлялись дни рождения тосканского герцога Пьетро Леопольдо (5 мая), его матери австрийской императрицы Марии Терезии (13 мая) и брата австрийского императора Иосифа II (17 марта)¹⁹⁷. Иногда к этим датам присовокуплялись высокаторжественные даты других стран. Так, 18 января 1773 г. в Ливорно отмечался день рождения королевы Англии: консул Дик устроил торжественный прием в своем дворце, а русские и английские корабли дали по 21 артиллерийскому залпу в честь британской монархини¹⁹⁸.

О размахе торжеств и их сценариях мы можем судить по информации тосканской прессы, помещавшей детальные отчеты о происходившем. В 1771 г. серия праздничных увеселений, приуроченных к дню рождения Екатерины II, началась 16/27 апреля в Пизе, где русскими офицерами был дан бал¹⁹⁹. 19 апреля/1 мая в Ливорно из Пизы прибыл Федор Орлов (Алексей Орлов был еще в пути из Петербурга), остановившийся, как это делал и его брат, в доме британского консула Дика²⁰⁰. Вскоре состоялся маскарад, на который были приглашены еще и офицеры союзных стран, прежде всего Дании, специально прибывшие по этому случаю из Пизы. По случаю бала дворец был иллюминирован, как и фасады домов, занятых русскими офицерами²⁰¹. В день рождения Екатерины II (21 апреля/2 мая) состоялся новый большой прием с балом и обедом, в котором приняли участие Федор Орлов, русские и тосканские морские офицеры, консул Д. Дик, агент Р. Разерфорд и многие другие (участники бала весь день носили специальные шарфы, своего рода пропуск на борт «Три Иерарха»)²⁰². Основное празднество состоялось на борту контр-адмиральского корабля «Трех Иерархов», чьи корма и нос были специально украшены флагами, и сопровождалось залпами из артиллерийских орудий — на сей раз не только с русских, но и голландских, и датских кораблей. Вечером корабли многих наций, стоявшие на рейде, были иллюминированы, а на суше на средства Разерфорда состоялся многолюдный праздник, закончившийся к 5 часам утра следующего дня²⁰³.

Высокаторжественную дату рождения российской императрицы через три дня продолжала высокаторжественная тосканская дата — день рождения герцога Пьетро Леопольдо, а еще через восемь дней — день рождения и его владетельной матери императрицы Марии Терезии. Таким образом, гуляния могли не останавливаться более двух недель.

Празднования особых дат Тосканского герцогства были схожи с русскими «высокаторжественными» днями. Судя по отчетам газет, в отсутствие А.Г. Ор-

¹⁹⁷ О придворных праздниках и церемониалах при дворе Пьетро Леопольдо см., например: *Contini A. Concezione della sovranità e vita di corte in età leopoldina (1765–1790) // La corte di Toscana dai Medici ai Lorena. Atti delle giornate di studio Firenze, Archivio di Stato e Palazzo Pitti 15–16 dicembre 1997. Roma, 2002. P. 129–220.*

¹⁹⁸ NM. 1773. 7. 55.

¹⁹⁹ GT. 1771. 18. 70–71.

²⁰⁰ GT. 1771. 19. 76.

²⁰¹ GT. 1771. 19. 75.

²⁰² GT. 1771. 18. 72; 19. 75–76.

²⁰³ Ibid.

лова 5 мая 1771 г. в Ливорно на празднике и обеде по случаю дня рождения великого герцога тосканского Пьетро Леопольдо присутствовало несколько русских, а также английских, голландских и датских офицеров²⁰⁴. Однако к дню рождения императрицы Марии Терезии непосредственно из Вены прибыл в столицу Тосканы А.Г. Орлов. 13 мая братья Алексей и Федор Орловы и другие русские офицеры вместе с британским послом Орасом Манном засвидетельствовали почтение герцогу Пьетро Леопольдо, затем присутствовали на специальной аудиенции, приуроченной к 53-му дню рождения королевы-матери²⁰⁵. Вечером того же дня братьев Орловых, Ю.В. Долгорукова, А.В. Нарышкина, С.Г. Домашнева видели и на торжественном театральном представлении²⁰⁶. На следующий день перед отъездом в Пизу Алексей и Федор Орловы вместе с другими русскими офицерами были приняты супругой Пьетро Леопольдо, по болезни пропустившей торжества²⁰⁷.

Случалось, что порой отмечать тосканские высокоторжественные даты приезжал И.И. Шувалов²⁰⁸. Совершенно очевидно, что как в России, так и в Тоскане российские подданные вполне ответственно понимали все политическое значение подобных праздников и следили, чтобы упущения не нарушили с трудом достигнутого доброжелательства в российско-тосканских отношениях.

Вторым — не по значимости, а по календарной последовательности — периодом интенсивных праздничных торжеств в Тоскане был июль. Праздновали «русские» даты: Чесменскую викторию, день восшествия Екатерины II на престол и день св. апостолов Петра и Павла²⁰⁹. Так, праздник в Пизе 24 июня/5 июля 1772 г., приуроченный ко второй годовщине Чесмы, в итальянской прессе был описан со многими примечательными подробностями. После праздничного богослужения граф А.Г. Орлов преподнес православной церкви в Ливорно дар из восьми серебряных светильников. Затем начались светские увеселения. В первый день торжеств русские офицеры устроили большой бал-маскарад в новом театре, продолжавший-

²⁰⁴ GT. 1771. 19. 76; NM. 1771. 38. 300–301; донесение губернатора Бурбона дель Монте начальнику Государственной канцелярии Симинетти от 6 мая 1771 г., донесение Алессандро Адани Симинетти от 5 мая 1771 г. (ASF, Consiglio di Reggenza, pezzo 1026); донесение сардинского посланника в Тоскане ди Замоне от 6 мая 1771 г. (AST, Italia, Lettere Ministri Firenze, mazzo 2).

²⁰⁵ В те же самые дни великому герцогу тосканскому пришлось разбирать жалобу книгопродавца Бойера от 6 апреля 1771 г. (из Марселя) на князя Долгорукова (по-видимому, Ю.В. Долгорукова). Бойер, действовавший от имени своего брата, французского торговца в Морее, утверждал, что вторжение русских на Пелопоннес привело к потере живущими там французами всего их имущества. Долгоруков получил от купца Бойера на сохранение десять тысяч пиастров, которые Долгоруков дал княжеское слово вернуть как можно скорее. С тех пор Бойер больше Долгорукова не видел. 4 мая 1771 г. Пьетро Леопольдо сообщал ливорнскому губернатору Бурбону дель Монте, что не считает нужным вмешиваться в это дело, но поручает губернатору найти возможность передать о претензиях Бойера князю Долгорукову и потребовать от него отчета. 6 мая 1771 г. Бурбон дель Монте отвечал, что исполнение герцогского приказа не представляется возможным, поскольку Долгоруков выехал из Ливорно в конце ноября 1770 г. и больше в Тоскане не показывался (ASF, Consiglio di Reggenza, pezzo 1026).

²⁰⁶ GT. 1771. 20. 77–78; NM. 1771. 39. 309.

²⁰⁷ GT. 1771. 20. 79; NM. 1771. 40. 316.

²⁰⁸ 17 марта 1770 г. И.И. Шувалов специально приехал из Пизы во Флоренцию, чтобы участвовать в праздновании именин австрийского императора Иосифа, брата великого герцога тосканского Пьетро Леопольдо (NM. 1770. 23. 183).

²⁰⁹ GT. 1772. 28. 112; 29. 116; NM. 1772. 57. 475. Празднование «Петрова дня», как известно, имело со времени императора Петра Великого особый государственный смысл, как и празднование святого покровителя наследника Павла Петровича.

ся с 8 часов вечера до 4 часов утра следующего дня. Праздник сопровождался многочисленными пушечными залпами. На следующий день был организован бесплатный театральный спектакль, сопровождавшийся обширной иллюминацией, а вечером на третий день 26 июня/7 июля 1772 г. в Пизе снова устроили очередной бал. К тому же за семь часов на прилегающей к театру площади Сан Никколо был воздвигнут сад из цитрусовых деревьев, освещавшийся множеством огней, расположенных на установленных арках. Посреди сада бил источник, вокруг которого могли расположиться приглашенные на бал дворяне во время концерта духовых и ударных инструментов русского военного оркестра²¹⁰.

А уже через два дня утром 28 июня/9 июля 1772 г. к десятилетию восшествия Екатерины II (коему А.Г. Орлов, как известно, немало способствовал в 1762 г.) в Ливорно была организована серия новых торжеств, которые вновь поразили воображение тосканской публики. Вслед за утренним приемом у прибывшего накануне из Пизы графа А.Г. Орлова русские офицеры отправились в церковь на торжественную литургию, после чего, как и в прошлые разы, в доме британского консула Дика А.Г. Орлов устроил роскошный обед, на который были приглашены многие тосканские дворяне. Вечером на главной площади Ливорно состоялся специально подготовленный русскими мастерами фейерверк. Зажженные огни изображали коронацию императрицы и российский герб, обрамленный огненными колесами фейерверка. Представление под музыку духового оркестра длилось три четверти часа и завершилось ко всеобщему удовольствию собравшейся публики сожжением воздвигнутого для этой огненной потехи замка. С улиц Ливорно праздник переместился в ярко освещенные залы местного «Palazzo pubblico». Вне дворца Орлов приказал построить обширную «залу» и развесить в этой «зале» картины. Зала имела купол, украшенный гирляндами, и была открыта так, чтобы гости, выходящие из главной двери дворца, могли беспрепятственно в нее попадать. Праздник продолжался до 4 часов утра следующего дня и перерос в торжество, приуроченные к дню святых апостолов Петра и Павла.

Через год, в 1773 г., празднования «русских дат» в июле получились не менее великолепными. Утром 28 июня/9 июля в Пизе русские офицеры были на торжественном приеме в доме Алексея Орлова, устроившего обед в честь восшествия на престол императрицы. Во время обеда по приказу Орлова раздавалась милостыня собравшимся вокруг его дворца нищим. Вечером того же дня на площади Сан-Никколо можно было наблюдать уже ставшее традиционным зрелище: Орлов распорядился поместить на площади сад, в центре которого располагалась палатка (ср. с «залой» 1772 г.) с фонтаном внутри и статуями с внешней стороны, огнями были расцвечены фасады домов на площади и арки, образовавшие вход в сад и в местный театр. Не остался без внимания организаторов праздника и театр, партер и сцена которого были иллюминированы, украшены в китайском стиле и уставлены большими зеркалами. На следующий день в 8 часов утра начались новые увеселе-

²¹⁰ GT. 1772. 28. 110, 112; *Ciano C. Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione*. P. 33. Годовщина Чесменского сражения в 1773 г. праздновалась уже в Ливорно (7 июля по новому стилю), в присутствии Алексея Орлова. Для участия (вместе с голландскими и шведскими моряками) в торжественном обеде, устроенном в его честь русскими морскими офицерами по случаю трехлетнего юбилея победы русского флота при Чесме, Орлов отправился на борт корабля «Победа». В тот же день вечером он посетил бал во дворце консула Дика, а 8 июля вернулся в Пизу (GT. 1773. 28. 110, 112; 29. 116; NM. 1773. 55. 438; 56. 446-447).

ния, первым из которых стал бал-маскарад, собравший многих знатных тосканцев и иностранцев, находившихся в Пизе, и отличавшийся особенной изысканностью закусок. Вечером вновь зажглась разными огнями площадь Сан Никколо, а в театре состоялся концерт, на котором пели Клементина Кьяваччи, Джуство Фердинандо Тендуччи, тенор Тотти и местный певец Густаво Ладзерини. Устроенный после концерта бал продолжался до 6 утра следующего дня²¹¹.

Праздники в Пизе и Ливорно продолжались, и через пять дней после Петрова дня (30 июня/11 июля) настала очередь пизанского дворянства дать ответный бал Орлову и русским офицерам. Бал состоялся в местном дворянском собрании и вновь продолжался до 6 утра. На празднике, судя по газетной хронике, присутствовали и А.Г. Орлов, и И.И. Шувалов, и «многие иностранные дамы и кавалеры», лечившиеся на водах Сан-Джулиано²¹².

Июльские торжества 1774 г. А.Г. Орлов вновь устраивал в Пизе со всей возможной пышностью и расточительством. Дело шло к заключению мира, но до его подписания 10/21 июля 1774 г. еще оставались несколько недель. В начале июля 1774 г. Орлов, вместе с известным промышленником и меценатом Никитой Акинфиевичем Демидовым и его супругой, приехал в Ливорно в дом британского консула Дика. 5 июля нового стиля был устроен торжественный прием и обед русским офицерам и дворянам, приуроченный к четырехлетию Чесмы. Праздник совпал с объявлением о новых назначениях и наградах: в частности, милостью Екатерины II особо был отмечен контр-адмирал Грейг, получивший орден Св. Анны, и русский агент в Тоскане Разерфорд, которому была вручена золотая эмалевая табакерка, обрамленная бриллиантами. Последовавшие затем день восшествия Екатерины на престол и день святых Петра и Павла праздновали в Пизе по традиции шумно: на площади Сан-Никколо был устроен обширный сад из цитрусовых деревьев с фонтаном в центре, на этот раз — по одобренному Алексеем Орловым проекту итальянского инженера Джузеппе Гаэтано Николаи. Сад служил своеобразным входом в театр, партер которого был трансформирован в залу для танцев, освещенную огромным количеством восковых свечей. Как и прежде, во время праздника играл духовой оркестр. Были и бал-маскарад, и торжества меньшего масштаба в Ливорно²¹³.

Наконец, декабрь в католической Тоскане с приездом российских подданных становился не только месяцем Рождества Христова. Декабрь начинался с празднований общехристианских святых вмч. Екатерины и ап. Андрея Первозванного. Но особые торжества были приурочены к поминовениям этих святых не по григорианскому, а по юлианскому календарю. В день вмч. Екатерины праздновали именины российской императрицы (24 ноября/5 декабря)²¹⁴, а 30 ноября/11 декабря давно почитался в России как особый праздник покровителя Российского флота. Помимо обязательных праздничных богослужений в грече-

²¹¹ GT. 1773. 29. 115–116; NM. 1773. 57. 455.

²¹² GT. 1773. 30. 118.

²¹³ GT. 1774. 28. 110, 112; 29. 115–116; NM. 1774. 53. 424; 55. 440.

²¹⁴ 5 декабря (24 ноября по ст. ст.) 1770 г. в Ливорно отмечался день св. Екатерины: в местной греческой церкви было совершено торжественное богослужение, на котором присутствовали вернувшиеся из Архипелага русские офицеры и солдаты, в частности, команда фрегата «Граф Чернышев» (в тот же день на горизонте показался фрегат «Ростислав»: GT. 1770. 49. 196; *Donolo L. Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia de Cesmé.* P. 119).

ской церкви Ливорно в эти дни случались и экстраординарные торжества. Так, в 1770 г. возвращавшийся из Архипелага после победной кампании 1770 г. А.Г. Орлов на корабле «Трех Иерархов» прибыл в Ливорно, всего на один день опоздав к празднованию тезоименитства императрицы. Однако день Андрея Первозванного он распорядился отметить со всем великолепием: все русские корабли, находившиеся на рейде, были увешаны флагами, а на «Трех Иерархах» Грейга были развешаны флаги разных морских держав. После торжественного обеда русские суда дали тройной пушечный залп, а в 7 часов вечера, после очередной серии пушечных выстрелов, стоящий на рейде Ливорно корабль «Трех Иерархов» был великолепным образом иллюминирован: лампы горели на всех мачтах и реях, развевавшиеся флаги можно было разглядеть из центра Ливорно²¹⁵.

Сентябрь — начало октября также должны были стать в Тоскане временем «больших» русских дат. Однако чаще всего в это время с размахом праздники в честь коронации Екатерины II и дня рождения цесаревича Павла отмечались вдали от Тосканы — в Архипелаге, где до ноября обычно продолжалась военная кампания. В 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мир, и день коронации императрицы, равно как и день рождения наследника и шефа флота Павла Петровича отмечали в Тоскане в присутствии графа А.Г. Орлова — а значит с шумом и блеском. Газеты, как всегда, сообщили о богатом приеме, устроенном офицерами, а также и о том, как греческий капитан на русской службе Панаиоти Алексиано украсил флагами свой фрегат «Святой Павел»²¹⁶. Но все шло к тому, что период блистательных «русских торжеств» в Великом герцогстве Тосканском близится к завершению.

БАЛЫ И УВЕСЕЛЕНИЯ

В череду разнообразных торжеств, сопровождавших русское присутствие в Тоскане и демонстрацию «щедрости» российской императрицы и начальствующего над флотом в Средиземноморье графа А.Г. Орлова, были и увеселения, на первый взгляд, не связанные ни с государственными датами, ни с церковным календарем. Однако и к их устройству как российское командование, так и тосканские власти относились с неизменным вниманием.

Уход российских судов в Архипелаг и их прибытие в Ливорно обставлялись с театральными эффектами, долженствовавшими подчеркнуть значимость происходящего и придать блеск военному присутствию России в Средиземноморье. Отбытие флота могло сопровождаться маневрами, посмотреть которые собирались тосканские дворяне. К примеру, в тот момент, когда русские корабли покидали рейд Ливорно в 1771 г., от берега отплыла шлюпка, на которой находились флорентийские аристократы, намеревавшиеся лицезреть отплытие русского флота. Узнав об этом, Орлов приказал бросить якорь и передал на остальные корабли приказ совершить показательные маневры, только после этого он окончательно покинул Тоскану²¹⁷.

²¹⁵ GT. 1770. 50. 200.

²¹⁶ GT. 1774. 41. 164. В декабре 1774 г. в последний раз, Орлов устраивал торжества в Тоскане и в день именин императрицы (NM. 1774. 99. 750).

²¹⁷ NM. 1771. 51. 405.

Бал во дворце «della Sapienza» в Пизе

Особые торжества сопровождали, как уже отмечалось, и выход прибывших в Ливорно русских дворян, прежде всего братьев Орловых, из карантина.

Братья Орловы не только устраивали торжества, но и участвовали в увеселительных мероприятиях, организованных тосканскими властями. Особенно популярными у подданных Екатерины II были флорентийские карнавалы. Еще до начала военных действий 1770 г. участниками праздника стали Алексей Орлов, И.И. Шувалов, Ю.В. Долгоруков и князь Ф.Н. Голицын²¹⁸, которые провели во Флоренции последнюю неделю февраля и начало марта²¹⁹. 22 февраля по новому стилю русские дворяне отобедали вместе с представителями местной аристократии в доме британского посла в Тоскане Ораса Манна²²⁰, а 25 февраля Алексей Орлов, И.И. Шувалов и другие русские были удостоены отдельной аудиенции тосканской правящей четы, за которой последовал специально организованный по сему случаю обед. 25 февраля Голицын и Долгоруков, а 28 февраля вечером Орлов и Шувалов вернулись из Флоренции в Пизу, чтобы, согласно сообщениям, сразу отплыть в направлении Леванта. Одновременно в Пизу отправился и британский консул Дик, в доме которого остановился Орлов²²¹.

В 1770 г. карнавал был отмечен специальными увеселениями, устроенными по приказу Пьетро Леопольдо для графа Алексея Орлова. Так, на площади Санта-Кроче около 600 молодых флорентийцев разыграли спектакль, в основу сюжета которого легла история победы войск царицы массагетов Тамарис над

²¹⁸ NM. 1770. 16. 125; GT. 1770. 8. 30.

²¹⁹ NM. 1770. 18. 140; GT. 1770. 9. 33, 36.

²²⁰ NM. 1770. 16. 127.

²²¹ GT. 1770. 9. 33, 36; NM. 1770. 18. 140; NM. 1770. 18. 143; NM. 1770. 19. 150.

армией персидского царя Кира. При этом в сценарий спектакля, по-видимому, входило и личное участие Орлова и Пьетро Леопольдо: между ними возгорелось соперничество относительно того, кто будет, согласно сценарию, начальствовать над самыми красивыми женщинами праздника²²².

Зимой 1771 г. Орлов, в сопровождении Ф.Н. Голицына, контр-адмирала Грейга и других русских дворян кратко посетил Флоренцию перед отъездом в Петербург, но, по всей видимости, застать начало карнавалов торжеств он в этот год не успел²²³. В 1772 г. А.Г. Орлов был на карнавалы в Риме²²⁴. Судя по всему, более на флорентийские карнавалы А.Г. Орлов не приезжал. В 1773 г., когда на флорентийском карнавале блистал живший тогда в Италии русский композитор Максим Березовский²²⁵, А.Г. Орлов был еще в Архипелаге, а в 1774 г. из высокопоставленных русских сановников газеты отметили лишь присутствие на карнавале князя Н.В. Репнина²²⁶.

* * *

Следует, без сомнения, согласиться с Ф. Вентури, который отмечал, что военные действия стимулировали развитие культурных связей между Россией и Тосканой. В эти годы образованная элита не только в Тоскане, но по всей Италии познакомилась с трудами по истории русской литературы, получила довольно полное представление о законодательных инициативах Екатерины II, имела возможность вступить в непосредственную коммуникацию с самыми яркими, выделявшимися своей интеллектуальной культурой представителями петербургского общества. Более того, с полным основанием можно утверждать, что начиная с 1769 г. (пусть и на не очень продолжительное время) подвергался транс-

²²² *Becattini F.* (Remigio Pupares) Vita pubblica e privata di Pietro Leopoldo d'Austria Granduca di Toscana poi Imperatore Leopoldo II. P. 102–103. См. также: *Ademollo A.* Corilla Olimpica. P. 127. О взаимоотношениях самого Бекаттини и А.Г. Орлова см.: *Morelli Timpanaro M.A.* Autori, stampatori, librai. Per una storia dell'editoria in Firenze nel secolo XVIII. P. 450–451.

²²³ NM. 1771. 16. 125–126; GT. 1771. 8. 30–31.

²²⁴ NM. 1772. 17. 134.

²²⁵ NM. 1773. 17. 136; GT. 1773. 9. 33. Русский композитор Максим Березовский приехал в Италию в конце 1769 г., в 1771 г. получил звание академика Филармонической академии в Болонье (его рекомендателем был И.П. Елагин). По предположению Л.А. Лопатиной, Березовский вместе с Алексеем Орловым и его приближенными ездил в январе 1771 г. на флорентийскую премьеру оперы чешского композитора Й. Мысливечка «Монтецума». Кроме того, Березовский по заказу Орлова написал оперу «Демофонт» для карнавалов недели в Ливорно (1773). Русский композитор покинул Италию в конце 1773 г. (см.: *Лопатина Л.А.* Породнились в музыке Россия и Италия // Россия и Италия. Вып. 2. М., 1996. С. 59–69). См. также: *Cazzola P.* Russia-Bologna. Tre secoli di rapporti, incontri e viaggi. Bologna, 1990. P. 62–63.

²²⁶ NM. 1774. 17. 136; GT. 1774. 9. 34. Как уже говорилось, что Алексей Орлов, находясь на придворных торжествах во Флоренции, вызывал интерес не только своей громадной силой, но и ролью в политических событиях в России 1762 г. По свидетельству британского посла в Тоскане Ораса Манна, «среди гостей <на одном из придворных балов во Флоренции> случайно находился Граф Орлов, основной двигатель последней революции в Петербурге. <...> Он положительно утверждает, что катастрофа не была следствием жестокого обращения, а Петр III умер от отчаяния и выпивки». С равной решительностью офицеры русского флота в Средиземном море, с которыми Манн встречался и принимал в Ливорно или Флоренции, утверждали, «согласованно будто по приказу, что якобы никакого убийства Петра не было, но он умер смертью естественной, спокойной и собственной» ('Mann' and manners at the court of Florence, 1740–1786. Founded on the letters of Horace Mann to Horace Walpole / By Dr. Doran, F.S.A. Vol. II. London, 1876. P. 214; оригинал по-английски).

формациям быт и внешний облик тосканских городов, в которых разместилась русская колония²²⁷.

Соединение празднований и по юлианскому, и по григорианскому календарям, помимо «удвоения» увеселений, способствовало и интеграции российских торжеств в местный религиозный и придворный мемориальный канон. Помимо календарных праздников, в периоды присутствия Орловых и офицеров российского флота в Тоскане значительно ярче, судя по газетным публикациям, проходили и балы, рауты и театральные представления, на которые съезжались, кроме представителей тосканской аристократии, российские военные и путешествующие по Италии дворяне, высокородные иностранцы (о светском времяпрепровождении путешествующих по Италии российских военных можно составить представление по публикуемому Дневнику поездки из Ливорно в Рим 1772 г.)²²⁸.

Италия в конце 1760-х гг. включилась в общеевропейские, особенно французские споры о культурном образе России, но ее опыт во многом оказался уникальным: если подавляющая часть образованной Европы воспринимала «русский миф» только сквозь призму литературно-публицистических сочинений (пусть даже написанных непосредственными свидетелями описываемого), то итальянские государства (прежде всего — Великое герцогство Тосканское) чуть не первыми в европейской истории столкнулись с многочисленной русской колонией и получили опыт прямого общения с подданными Екатерины, став участниками целой серии культурных и политических экспериментов.

---

²²⁷ Разумеется, изменения не сводятся лишь к идеалистической картине резкой и непротиворечивой интенсификации культурных связей: присутствие нового актора в итальянской политике порождало и конфликты — как на «вышем», так и на «низовом» уровнях.

²²⁸ См.: Приложение 7.

«АГАРЯНЕ» ИЛИ СОЮЗНИКИ?

РУССКО-АРАБСКИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

И.М. Смелянская

Прекрасная возможность создать в Сирии государство под своим покровительством была утрачена, когда россияне подписали мир и оставили Дахира на милость многочисленных войск султана¹.

В. Персен

Чесменская победа, создание Архипелагского княжества и преобладающее положение русского флота в Восточном Средиземноморье привели участников экспедиции к соприкосновению с закрытым для них, незнакомым и чуждым по вере, культуре и социально-политической организации арабским миром — с теми «неверными агарянами», которые до того времени даже не вычленились из османского мусульманского сообщества.

Как известно, понятие «агаряне» имеет библейское происхождение, оно прилагалось к потомкам Агари — рабыни Сарры и наложницы Авраама, изгнанной в пустыни Аравии или Синайского полуострова². По своей этимологии это понятие, как и термин «босурмане» («бусурмане»), не несло негативной оценки и подчас использовалось в официальной документации. В древнерусском языке, по крайней мере, с XV в. «агарянами» стали называть всех мусульман: «По сей Агаре татарове агаряне нарицаются»³; понятие же «татары», как и «турки», в свою очередь, и в XVIII в. прилагалось в русском и западных языках ко всем мусульманам. Отрицательный смысл понятие «агаряне» обрело в русском сознании под влиянием религиозно-политического противостояния. Как пра-

¹ *Persen W.* The Russian Occupations of Beirut, 1772–74 // *Journal of the Royal Central Asian Society.* 1955. Vol. XLII. Part III–IV. P. 284.

² Согласно коранической традиции, Исмаил (библ. Измаил) — арабское имя сына Хаджар (библ. Агарь) и «истинного мусульманина» Ибрахима (библ. Авраам), вместе с отцом восстановившего храм Каабы. Он вырос среди бедуинов и воспринял арабский язык, поэтому говорили: «Исмаил — сын арабов», а в средневековой арабской историографии он считался родоначальником исмаилитов, т. е. арабов (*Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.* Мусульманская священная история. От Адама до Иисуса. Рассказы Корана о посланниках божьих. М., 1996. С. 112–113. См. также: *Полный православный энциклопедический словарь.* Репринт. изд.: М., 1992. Т. I. С. 50).

³ См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975. Вып. 1. С. 20.

вило, оно употреблялось в сочетании с определениями «безверные», «неверные», «богомерзкие», отсюда пошло и «злочестье агарянское». В официальной риторике эпохи русско-турецкой войны агаряне означали «врагов имени Христова».

Под влиянием барочного увлечения эмблематикой библейский и коранический миф об изгнании Агари-Хаджар и Измаила-Исмаила из дома Авраама-Ибрахима в пустыни Синая (или Хиджаза) на языке христиан Европы и России стал символом изгнания турок-мусульман в Азию. Напомним, как в Порт-Магоне 3 октября 1770 г., в празднование дня коронации императрицы, российский консул Теодор Алексиано устроил в своей резиденции иллюминацию: огни изображали Сарру, изгоняющую Агарь с сыном Измаилом, и пламя, которое пожирало турецкие мечети⁴. Надо сказать, что Петр I, призывая к изгнанию турок из Европы в их «палатки и пустыни», «откуда они пришли», вовсе не запомнил о том, что в Малой Азии нет песчаных пустынь и анатолийские турки были выходцами не из Аравии. Просто в его сознании еще была жива библейская картина мира, трансформировавшаяся в средние века в представление об едином мусульманском народе — «агарянах», «сарацинах», «турках»⁵, некогда вышедших из Аравии.

Подобная картина мира в известной мере определяла официальную риторику российской пропаганды во время русско-турецкой войны. Однако геополитическая интуиция Екатерины II и ее окружения, базирующаяся на вполне прагматичных расчетах, подсказывала, что и среди мусульман — подданных Порты — могут оказаться потенциальные союзники России в войне с Османской империей.

В России было известно о фактическом отпадении от Османской империи ее североафриканских владений — Алжира, Туниса и Триполи, чей флот в XVIII в. промышлял пиратством и представлял серьезную угрозу для европейского судоходства в Средиземном море. И Екатерина II в указаниях Спиридову сочла нужным рекомендовать Григорию Андреевичу «отозваться от себя манифестом» к алжирскому дею и тунисскому бею с призывом к совместным действиям (хотя это, казалось, противоречило ее нравственным представлениям и прохристианской идеологической программе)⁶. Возможно, императрица исходила из учета важного стратегического положения Алжира и Туниса.

В высочайшем рескрипте адмиралу Спиридову от 15 июля 1769 г. Екатерина II писала: «Что касается до африканских в Средиземном море корсаров, вы-

⁴ G. d'A. 1770. № 101 от 18 декабря 1770. См. об этом гл. 3.

⁵ Подробнее об этимологии и значении этих понятий в русской литературе XVI–XVIII в. см.: Кириллина С.А. «Очарованные странники». Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010. С. 245–247.

⁶ О русских интересах в этом регионе свидетельствуют лишь данные о том, что их в середине XVIII в. в Алжире защищал шведский консул и сводились они к перевозкам в 1754 г. кораблем под русским флагом «Мадонна де ля Грация» грузов и пассажиров из Алжира в Александрию, такими же перевозками с 1757 г. занимался «русский» капитан Франкович (*Мусатова Т.Л.* Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XIX в. М., 1990. С. 12). В русском столичном обществе и при дворе могли распространяться рассказы об Алжире и Тунисе известного в те годы писателя Ф.А. Эмина (ок. 1735 — 1770), родившегося в Стамбуле и служившего в молодости у алжирского дея. Эмин был крещен в православие в Лондоне и прибыл в Россию к началу царствования Екатерины II. В 1763 г. его определили переводчиком в Кабинет императрицы. Это был плодовитый писатель, автор первых русских романов, полиглот и человек удивительной судьбы. (Об Эмине см., например: Русская литература XVIII века. М., 1979. С. 436–438).

ходящих из Туниса, Алжира и других мест, то, хотя и считаются они в турецком подданстве, однако же, тем не меньше, оставляйте их на пути в покое, если только они сами вам пакости делать не станут». Впрочем, при всех расчетах на призрачный нейтралитет корсаров императрица оговаривается: если они нападут на любое христианское судно, то следует с ними сражаться и освобождать христиан. И далее она продолжала: «Сверх сего, если вы в путешествии вашем по каким-либо собственным вашим усмотрениям за нужное найдете отозваться от себя манифестом или инако как к тем варварским республикам⁷ для отвлечения их от турецкого повиновения, в пользу главных ваших операций, в оном вы как главнокомандующий флотом свободные руки от нас получаете»⁸.

Как известно, интуиция в этом случае Екатерине изменила: алжирский дей и тунисский бей сражались в войну 1768–1774 гг. против России под османскими знаменами. Тем не менее, интерес Екатерины и ее окружения к этому региону не иссяк. Об этом свидетельствуют полномочия на заключение «частного мира» с Портой и «трактатов с африканскими державами», врученные А.Г. Орлову 10 марта 1771 г. на заседании Совета при Высочайшем Дворе при обсуждении условий, на которых мог быть заключен мир с Портой⁹. Эти планы не осуществились. Однако 12-я статья Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. гласила: если «Российский императорский двор похочет сделать коммерческие трактаты с африканскими, то-есть: Трипольским, Тунисским и Алжирским кантонами», то Блистательная Порта выступит «ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют»¹⁰. Ни с тунисским, ни с алжирским «кантонами» отношения не сложились и по заключении мира. Для обследования их берегов пришлось дважды тайно направлять участника Архипелагской экспедиции Матвея Григорьевича Коковцева¹¹.

О сохранявшемся у российской читающей публики интересе к Северной Африке говорят новости о Марокко, Алжире, Тунисе (меньше о Западном Триполи): об их взаимоотношениях с европейскими государствами, пиратской войне, вну-

⁷ «Варварскими» Алжир, Тунис и Триполи называли по их местоположению на Варварском Берегу (Barbarie) — древнее название Северной Африки. Как известно, древние греки именовали варварами всех, кто не принадлежал к греческому миру и не говорил по-гречески. Республикой их именует Екатерина, вероятно, из-за выборности деев Алжира и беев Триполи (до 1711 г.) и Туниса (до 1710 г.).

⁸ Материалы для истории русского флота. Т. XI. СПб., 1886. С. 373.

⁹ АГС. Ч. I. СПб., 1869. С. 369.

¹⁰ Цит. по: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 289.

¹¹ Коковцев М.Г. (1745–1793) — капитан I-го ранга, выходец из Морского шляхетского кадетского корпуса, прошел стажировку на Мальте, участвовал в Чесменском сражении, в 1771–1775 гг. плывал в районе Архипелага. В конце 1775 г. Коковцев был командирован в Испанию, официально — «для ознакомления с тамошним флотом и портами», в действительности — «для сбора сведений о военно-политическом положении Алжира и Туниса». Под видом купеческого поверенного он осмотрел в Тунисе Бизерту, представился тунисскому бею русским дворянином, знакомящимся с развалинами Карфагена и Утики; под видом француза, осматривающего развалины Гитона, побывал в Алжире. Результатом его разведывательных поездок стали сочинения «Достоверное известие о Алжире, о нравах и обычаях тамошнего народа» (СПб., 1780) и «Описание Архипелага и Варварийского берега с присовокуплением древней истории» (СПб., 1786). Несмотря на все свои заслуги Коковцев не сделал большой карьеры, по мнению В.М. Лурье, из-за женитьбы «на негритянке». (Лурье В.М. Морской биографический словарь. XVIII век. СПб. 2005. С. 122–123). Крупнейший русский семитолог Павел Константинович Коковцов был его потомком, а значит, в нем текла и африканская кровь.

триполитических событиях — волнениях, междоусобной борьбе и т.п., регулярно печатавшиеся в годы войны в «Санктпетербургских ведомостях».

По-видимому, из африканских «кантонов» А.Г. Орлову только в конце войны удалось завязать тайные сношения с беем Западного Триполи, того самого Триполи, чьи корсары захватили в плен в 1764 г. российских эмиссаров Г. Папазоли, М. Саро и И. Палатино¹². Следует отметить, что бей Триполи Али-паша не участвовал в войне 1768–1774 гг. и отказался выставить по требованию султана войска в османскую армию¹³; существуют указания и на то, что он имел связи с египетским правителем Али-беем¹⁴.

О контактах А.Г. Орлова с Али-пашой можно судить на основании ответного недатированного письма Орлова к триполитскому бее. Из письма становится ясно, что между пашой и Орловым имела место переписка, которая, однако, ни к чему не привела. В послании к паше Алексей Григорьевич писал своим корявым почерком, но без привычной прямоты и четкости¹⁵, а бюрократически замысловатым стилем, желая, видимо, дипломатично замаскировать иронию: «С особливим удовольствием получил я дружеское ваше письмо, писанное месяца рабиельевеля¹⁶, и усмотрел из оногo о вашем благонамеренном расположении в разсуждении высочайшего двора Ея императорского величества Самодержицы Всероссийской, моей всемилостивейшей и державнейшей Государыни. Я такого с стороны вашей образа мыслей тем паче имел причин с совершенным ожидать надеянием и удостоверением, что по прекращении бывшей между Всероссийской империи и Блистательной Порты войны и возстановлении и утверждении вожделенного мира, ныне в настоящих обстоятельствах все народы и началства, состоящие в зависимости или какой-либо связи с Портою Блистательною, настолько находятся в обязанности по-следствию необходимому соображаться Ея намерениям и обещаниям пред всем светом предъявленным и утвержденным залогом священнейшим, но и по собственному своему желанию, без сумнения, восхотят высочайшему моему двору быть благоприятствующими по сем оной и будет полагаться на добрую веру сего недавно возстановленного мира, плоды, полза и обязательства коего распространяются должествуют повсюду, где толко находятся бывшия обеих примирившихся сторон поборники или же их единовверныя и одинакой закон содержащия. В протчем я усердно желаю вам, почтенному Башие, всякого благополучия, и пребуду и впредь вашего приятства снискателем»¹⁷.

Короче говоря, Алексей Григорьевич давал понять правителю вассально-триполитского пашалыка, что теперь, по заключении мира, высказанное им

¹² См.: гл. I. С. 46.

¹³ См.: Иванов Н.А. Государство Караманлы в Ливии // История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М., 2000. Т. III. С. 422.

¹⁴ Санктпетербургские ведомости. 1772. № 22. 16.III. Газета сообщала, что Али-бей вступил в переговоры с тунисским и триполитским правительствами, чтобы общими силами утвердить «совершенную независимость» от Оттоманской империи.

¹⁵ Д.Н. Бантыш-Каменский (Словарь достопамятных людей Русской земли. Т. 4. М., 1836) писал о том, что А.Г. Орлову была присуща «лаконическая приятная речь».

¹⁶ Искаженное арабское название третьего месяца лунного календаря — раби ал-авваль. Поскольку в письме А.Г. Орлова речь шла о заключении мирного договора 1774 г., то можно полагать, что послание паши было составлено в мае 1774 г. за полтора-два месяца до окончания войны. Отметим стремление А.Г. Орлова и его окружения вводить в текст арабские слова.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. Ед. хр. 1944. Л. 1–2.

«благонамененное расположение» к российскому двору уже никакой заслуги со стороны паши не составляет, поскольку все, подчиненные Порте, будут не только желать, но и обязаны относиться к этому двору с почтением. (Нельзя не обратить внимания на то, сколь тактично Орлов характеризует взаимоотношения султана с его вассалами, учитывая болезненное отношение Порты к отпадению от империи ее африканских владений. Он пишет об их «зависимости или какой-либо связи» с империей.) Тайные сношения А.Г. Орлова с пашой Триполи имели свое продолжение через десятилетие после окончания войны. Тогда, между маем 1783 и январем 1784 г., при посредстве упоминавшегося профессора Д. дель Турко¹⁸ и рагузского вице-консула Моллило российский полномочный министр при Генуэзской республике А.С. Мордвинов вел в Генуе переговоры с триполиийским послом Сиди Ахмедом о заключении по предложению триполиийского дея союзного договора с Российской империей. Эти переговоры возобновлялись в 1785 г., но, по-видимому, не увенчались успехом¹⁹.

Помимо «варварийских государств» перед началом Первой русско-турецкой войны Россию заинтересовал и Египет. В 1768 г., за несколько месяцев до начала войны, «Санктпетербургские ведомости» сообщали об антиправительственных настроениях, распространенных в разных регионах Османской империи, и, в частности, о политике египетского Али-бея (Санктпетербургские ведомости. 1768. № 23. 18.III; № 40. 16.V). Однако, в 1769 г., в инструкции императрицы, переданной командующему эскадрой Г.А. Спиридову при его отправлении в Средиземное море, об Али-бее и Египте не упоминалось.

А между тем, именно с правителями османских провинций Египта и Палестины — Али-беем и шейхом Захиром ал-Омаром в дальнейшем сложились союзнические отношения. Чтобы понять смысл и оценить значение этих отношений, надлежит сделать экскурс в историю²⁰.

¹⁸ См.: гл. 7.

¹⁹ АВПРИ.Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 2. Ед. хр. 2, 3, 4, 14, 15, 20, 24.

²⁰ Взаимодействие командования российского флота в Средиземном море с арабскими правителями, восставшими против Порты, привлекло внимание европейских современников, и они оставили свидетельства об этих событиях. Пожалуй, наиболее содержательным источником, тем не менее требующим критического подхода, было сочинение греческого купца, приближенного к египетскому правителю Али-бею, Совера Лузиньяна. (Оно появилось в русском переводе с немецкого языка в годы Второй русско-турецкой войны под названием «История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии и Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппа в Бальзору [Пальмиру.]. М., 1789.) Меньшую информацию несли сочинения европейских путешественников, современников событий Дж. Брюса и К.-Фр. Вольнея (французского ученого-энциклопедиста Шасбёфа), проникнутых духом эпохи ранних колониальных завоеваний, их интересовали русско-арабские контакты с точки зрения российского проникновения в регион. Англичанин Брюс высказал распространенный в то время взгляд на неподготовленность проводников русской политики для утверждения своих позиций в Восточном Средиземноморье. Мало информированными и политически ангажированными оказались сообщения арабских современников. Предметом критического изучения может стать западноевропейская и отечественная пресса тех лет — источник крайне противоречивый, содержащий наряду с невероятными измышлениями и слухами достоверные известия. Впрочем, и те и другие сообщения нечас позволяют понять, как в пропагандистских целях строились образы противоборствующих сторон.

Первым российским исследователем русско-арабских контактов в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был генеральный консул России в Бейруте К.М.Базили (1809–1884), коснувшийся их в контексте изучения истории Сирии (*Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Иерусалим; М., 2007, а также изд.: Одесса, 1862; СПб., 1875; М., 1962). Привлечение арабских хроник и сохранившихся в памяти общества

ЕГИПЕТ И СИРИЯ В ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНОМ ЛАНДШАФТЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Египет и Сирия вплоть до османского завоевания в начале XVI в. представляли собой независимый мамлюкский султанат — государство, история которого восходит к эпохе крестовых походов и которое в течение ряда веков было центром

свидетельств позволило ему с удивительной для того времени точностью обрисовать расстановку политических сил в регионе. Благодаря греческому происхождению и связям с лидерами греческой национальной борьбы, К.М. Базили тонко ощущал национальные процессы, происходившие в османском обществе в середине XIX в., и это свое восприятие он перенес на интерпретацию событий конца XVIII в., предположив возможность распада Османской империи уже в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Он считал, что лишь неблагоприятное стечение обстоятельств (а не неудачи русской политики, как думал Брюс) не допустило возрождения арабского самостоятельного государства на территории Египта, Сирии и Аравии (Указ. соч. Иерусалим; М., 2007. С. 68). Военный ракурс русско-арабских контактов нашел достаточно подробное освещение в исследовании А.П. Соколова, основанном на отечественных архивных материалах (см: *Соколов А. Архипелагская кампания 1769–1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Т. VII. СПб., 1849*). В последующих исследованиях Архипелагской экспедиции, вплоть до работы Г.А. Гребенщиковой, уделялось мало внимания анализу военных действий последних лет войны и эти работы не дополнили сколько-нибудь серьезно описание А.П. Соколова.

К рассмотрению русско-арабских взаимодействий в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. отечественные историки возвратились лишь во второй половине XX в. в связи с изучением новой истории арабов (В.Б. Луцкий, Н.А. Иванов); их работы, основанные на фактическом материале, введенном в оборот в XIX в., представляют преимущественно историографический интерес. Так, В.Б. Луцкий в соответствии с историческими взглядами своего времени рассматривал события как народное антифеодальное и национально-освободительное движение, а роль «царской России» видел в «усиленной» поддержке этого движения в целях ослабления Турции (*Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965. С. 29–31*). Н.А. Иванов рассматривал эти политические события как проявление арабского регионализма и верхушечной борьбы «дворцов», в процессе которой решался вопрос возрождения арабской государственности. Он вменял Али-бею в вину нерешительность и медлительность при установлении сотрудничества с Россией, а шейху Захиру — примирение с султаном и отказ от российского протектората (*История Востока. М. 2000. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. С. 401, 407, 417–418*). П.В. Стегний (псевд. П. Перминов), как дипломат и исследователь международных отношений, посвятил серию статей изучению этих вопросов с точки зрения истории русско-арабских связей. Он расширил историчную базу, привлек западноевропейскую историографию и смог более детально представить картину политических контактов Али-бея с А.Г. Орловым, взаимодействия арабов и русского флота в ходе военных действий и отклики на них в русских и западноевропейских общественных кругах. Он интерпретировал события как российскую поддержку национально-освободительного движения (*Перминов П. Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII в. // Азия и Африка сегодня. 1987. № 7, 8*), Новый подход к теме, в рамках изучения представлений арабов о русских, продемонстрировал Т.Ю. Кобищанов. Это позволило ему увидеть события глазами арабских хронистов. Т.Ю. Кобищанов не только ярко и полно воссоздал картину военных действий и показал обратную кровавую сторону войны, приносящей бедствия и страдания народу, но выявил отношение к действиям русского флота простонародья, которому были чужды идеи воссоздания арабской государственности и которое расценивало события едва ли не как пиратские набеги, как наказания за грехи — наравне с лихоимством османских налоговщиков, бесчинствами османских солдат и природными коллизиями (см.: *Кобищанов Т.Ю. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 2. С. 20*).

Западноевропейская историография отдала небольшую дань изучению рассматриваемых событий. Интерес к этим событиям проявили французские историки, имевшие возможность воспользоваться хранящейся во французских архивах перепиской французских консулов в Сирии со своим Министерством иностранных дел. Ранней из французских книг была типично «ориенталистическая» работа 1888 г. Эдварда Локруа, изобилующая анекдотами и непроверенными слухами (*Lockroy E. Ahmed le Bucher. La Syrie et l’Egypte au XVIII siècle. P., 1888*). В 1928 г. вышел в свет фундаментальный труд Фр. Шарль-Ру об истории французских «факторий» в Сирии и Палестине в XVIII в.,

влияния на всем Ближнем Востоке²¹. Такому положению благоприятствовали проходившие через султанат международные торговые пути, связывавшие Европу с Ираном, Индией, Китаем, Юго-Восточной Азией и внутренней Африкой, а также политико-религиозное значение мамлюкского султана в мусульманском мире, как покровителя святых городов Мекки и Медины. В Каире и Дамаске ежегодно формировались караваны паломников, которые доставляли в Мекку махмаль со священным покрывалом для храма Каабы, дары и содержание для хиджазских шерифов, охранявших места поклонения мусульман. В караванах следовали десятки тысяч паломников-хаджиев со всего мира. Естественно, что султан, покровитель и защитник священных городов, обладал особым авторитетом в мусульманском мире.

Однако мамлюкский султанат пал под натиском турецких армий и уступил Османской империи свое господствующее положение на Ближнем Востоке²². Османская империя, включившая в свой состав почти все территории Передней Азии, Балкан, а также Северную Африку (без Марокко), превратилась в об-

---

затронувший и интересующую нас тему (*Charle-Roux Fr. Les Echylles de Syrie et Palestine au XVIII-e siècle. Paris, 1928*), а между 1927 и 1930 гг. появились статьи Ориана, рассматривавшие специально тему русско-арабских взаимодействий эпохи Екатерины II (*Auriant. Catherine II et l'Orient. 1770–1774. (Documents inédit) // Acropole. Paris, 1930. Vol. 5. № 3–4 (19–20). P. 188–220; Он же. Les corsaires grecs allies de la Russie 1787–1789. Documents inédit // Ibid. 1934. Vol. 9 (1). № 33. P. 20–28; Он же. Un agent de Catherine II en Egypte: M. de Thonus 1784–1789 // Ibid. 1927. Vol. II. № 6. P. 112–127; Он же. Un aventurier vénitien en Egypte: Carlo Rosetti // Acropole. Paris, 1929. Vol. IV. P. 175–193*). Все эти работы несли на себе печать враждебности к русской политике в Восточном Средиземноморье, нанесшей урон позициям французской ливантской торговли. Их авторы были склонны расценивать операции русского флота в Сирии как пиратские нападения на арабские города. Большой объективностью и взвешенностью оценок отличалась появившаяся в 1955 г. в программе арабских исследований Американского университета в Бейруте небольшая статья В. Персена, использовавшего, помимо введенных в оборот источников, арабские хроники. К сожалению, этот исследователь недостаточно учитывал расстановку сил на международной арене и военно-политические возможности участников событий: Персен полагал, что Россия, отказавшаяся отстаивать арабские интересы при заключении Кючук-Кайнарджийского договора, упустила возможность создать в Сирии государство под своим покровительством.

Таким образом, до сих пор существуют серьезные расхождения в интерпретации российско-арабских взаимодействий во время русско-турецкой войны, не говоря о наличии многочисленных неточностей в изложении событий. До сих пор остается неизученным процесс сближения обеих сторон, осложненный религиозным противостоянием воюющих держав, сохраняет дискуссионность вопрос о значении политических процессов, происходивших в арабском мире, участии в них различных социальных групп, о влиянии на эти процессы войны и российско-арабских контактов.

²¹ См.: *Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984.*

²² Это произошло на исходе средних веков и в преддверии нового времени, когда мощный тектонический сдвиг изменил геополитическую карту мира. Речь идет о великих географических открытиях, импульсом для которых явился поиск морских путей к восточным рынкам, а также ранние колониальные завоевания в Индийском океане, которые по времени совпали с образованием на Востоке мощных империй — Цинской в Китае, Могольской в Индии, Сефевидской в Иране и Османской — на просторах Передней Азии, Северной Африки и Балкан. В качестве «симметричного ответа» на освоение европейцами морских путей в Азию эти империи расположились на основных сухопутных торговых дорогах из Азии в Европу. Иными словами, эти геополитические изменения можно рассматривать как результат борьбы за торговые коммуникации. В Европе такая борьба в конечном итоге стимулировала буржуазное развитие, по крайней мере, передовых стран. Восточная политическая элита ограничилась территориальными захватами, военной добычей и таможенными доходами, принесящими баснословные богатства правящим династиям, и не создала условий для общественно-экономического развития своих народов. Возникшие восточные империи не были кратковременными, эфемерными политическими образованиями. Они оставили след в культурном развитии и в последующей политической эволюции тех регионов, где они возникли.

ладательницу пяти морей — Черного, Мраморного, Эгейского, Средиземного и Красного. Дважды она угрожала Центральной Европе завоеванием (осады Вены 1529 и 1683 гг.), дважды римские папы создавали для совместной борьбы с Османской империей объединения европейских государств²³. В сознании европейских монархов также неоднократно возникали планы изгнания турок в Азию силами христианских государств и народов²⁴. Веками вооруженные столкновения с Османской империей завершались незначительными территориальными потерями турок и заключением мирных договоров, в ходе которых Порты постепенно включалась в качестве участника в «концерт европейских держав».

Как известно, в XVIII в. обнаружилось глубокие кризисные явления в жизни Османской империи²⁵, выразившиеся, прежде всего, в ослаблении центральной государственной власти и развитии провинциального регионализма²⁶. Импульсом для рождения арабского регионализма во многом стали новые мирохозяйственные и культурные связи, включение в которые способствовало осознанию собственных интересов и своей идентичности. (Неслучайно Али-бей, обращаясь к египтянам, призывал их «вспомнить свое славное прошлое», имея, по видимому, в виду процветание мамлюкского султаната)²⁷.

Региональными интересами руководствовались в своей политике в Египте Али-бей и в Палестине Захир ал-Омар, движимые при этом собственными властными амбициями. Это вызвало в Стамбуле болезненную реакцию. Египет был житницей столицы, немалые доходы приносили Порте египетское ремесленное производство и торговля. Османские вооруженные силы, базировавшиеся в Египте, придавали политическую устойчивость империи на юге и были ответственны за спокойствие в Хиджазе. Сирия, в свою очередь, являлась важным военно-политическим плацдармом империи. Она обеспечивала связь с аравийскими и африканскими владениями Порты, поставляла армейские силы для турецких войн и осуществляла свою главную политико-религиозную функцию — обслуживание Священного каравана, на что предназначались налоговые поступления с населения сирийских эялетов.

²³ Священная лига в составе Испании, Венеции, Мальты, Генуи, Савойи и других итальянских государств разгромила османский флот при Лепанто в 1571 г., и Священная лига, образованная папой Иннокентием XI и состоявшая из Австрии, Польши, Венеции, Мальтийского ордена и позднее примкнувшей к ним России, нанесла ряд ударов по Османской империи, закончившихся заключением Карловицкого мира 1699 г.

²⁴ Идеи Генриха IV (1589–1610) и его министра Сюлли, Петра I и «Греческий проект» Екатерины II. Всякий раз эти планы преследовали собственные политические цели.

²⁵ Об этом см.: Мейер М.С. Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М. 1991.

²⁶ Понятие «арабский регионализм» в отечественную арабистику ввел Н.А. Иванов, который полагал, что «чувства арабского регионализма...находили свое выражение как в восстановлении традиций местной государственности, так и в пробуждении исторического сознания патрицианской буржуазии (Н.А. Иванов имел в виду арабскую городскую верхушку. — Авт.) и ее культе арабских обычаев и языка. Это был далеко еще не национализм. И, тем не менее, как первичная форма патриотического сознания он довольно четко противопоставлял себя национальному нигилизму классического османизма» (История Востока. Т. III. С. 395).

²⁷ Север Лузиньян пересказывает слова Али-бея, обращенные к приглашенной на собрание (диван) мамлюкской знати: «Естьли они желают освободиться от тиранской власти, то сие есть самое лучшее и удобное время; ибо, когда султан Российскойской войною довольно занят, то не могут они лучшего ожидать случая для получения опять древних своих прав и вольности» (курсив наш. — Авт.) (История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии и Турецком государстве також, о путешествиях из Алеппа в Бальзору. С. 59).

Сокрушив в свое время мамлюкский султанат, турки придали Египту особый статус, не предусматривавший полного преобразования его общественно-политической структуры в соответствии с присущей империи относительно развитой бюрократической системой и сипахийской («военно-ленной») организацией армии. В результате, наряду с турецкими институтами власти, возглавляемыми направленными из Стамбула наместниками-валиями, обычно в высоком ранге везира, в Египте уже к концу XVII в. воссоздалась традиционная мамлюкская власть во главе с избираемым из среды мамлюкских беев шейх ал-баладом — главой мамлюкской иерархии²⁸.

В XVIII в. баланс политических сил в Египте заметно склонился в пользу мамлюкской элиты. Реальным носителем верховной власти стал шейх ал-балад, а главами крупных административно-территориальных единиц, командирами подразделений османской армии, базировавшихся в Египте, или даже высшими чинами османского бюрократического аппарата в своем большинстве стали беи. Однако этот симбиоз ослабленной бюрократической османской вертикали и лишенной строгой властной иерархии мамлюкской системы, базирующейся на личных взаимоотношениях, оказался в исторической перспективе недееспособным. Систему, прежде всего, ослабляла присущая мамлюкским домам-бейтам внутренняя, основанная на конкуренции, борьба между его членами и острое соперничество между бейтами, которое искусно поддерживалось османскими пашами. В середине XVIII в. это соперничество отчасти смягчилось благодаря утверждению первенства дома Каздоглийя, которому и удалось отстранить османских пашей от реальной власти. В середине XVIII в. среди мамлюков этого дома выделился своим острым умом, честолюбием, образованностью, властью и жестокостью Али-бей ал-Кабир²⁹.

²⁸ Мамлюк — араб. «раб». Главы мамлюкских домов располагали тысячами мамлюков. Юные мамлюки приобретались на турецких базарах. (Османское завоевание Причерноморья и Кавказа и набег крымских татар создали обширные рынки рабов — захваченных в плен жителей южной России и Кавказа.) Мамлюки сохраняли рабский статус, пока проходили воинскую подготовку, принимали мусульманскую веру и культуру, после чего освобождались от рабства и становились членами бейта. Владельцы крупных мамлюкских бейтов стремились возвысить членов своего дома до высшего мамлюкского ранга бея и внедрить в османскую военно-административную систему (о мамлюкской системе см.: *Смирнов В.Е.* Мамлюкские институты как элемент военно-административной и политической структуры османского Египта // *Одиссей.* 2004. С. 144–169).

²⁹ Али-бей ал-Кабир (1728–1773) родился, по версии П. Маруцци, С. Лузиньяна и Н.А. Иванова, на Кавказе (в Абхазии) в семье православного священника (см.: *АВПРИ.* Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Ед. хр. 44. Л. 87; *История о возмущении Али-бея.* С. 43; *История Востока.* Т. III. С. 416). Сирийский историк Абдул-Карим Рафек (*The Province of Damascus. 1723–1783.* Beirut, 1966. P. 250) и американский исследователь Д. Креселиус (*Crecelius D. The Roots of Modern Egypt. A Study of the Regimes of Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Aby al-Dhabab, 1760–1775.* Minneapolis, Chicago, 1981. P. 44) ограничились сообщением, что Али-бей был черкесом, т.е. принадлежал к объединению, включавшему ряд кавказских этносов — адыгов, абхазов, мингрелов и др. В возрасте 15 лет он был похищен, ввезен в Египет и примерно в 1743 г. подарен еврейским таможенным откупщиком главе бейта Каздоглийя, в доме которого он и воспитывался. Благодаря своему господину Али-бей сделал блестящую карьеру. В 1749 г. он стал правителем области — кашифом, в 1755 — беем, а в 1760 г. Али-бей был уже шейх ал-баладом. (Н.А.Иванов полагал, что это событие произошло 25 ноября 1757 г.) В 1766 г. в ходе борьбы мамлюкских группировок он был отставлен и сослан в Хиджаз, по пути бежал в Палестину, где установил или укрепил существовавшие дружеские связи с шейхом Захиром ал-Омаром. Возможно, уже тогда они строил совместные планы раздела власти над Сирией. Только к 1767 г. Али-бею удалось укрепиться на посту шейх ал-балада. К тому времени его бейт насчитывал 3000 мамлюков. В 1768 г. Али-бей беспощадно расправился со своими противниками: весной в вооруженной борьбе он устранил янычарских офицеров, заменив их

Али-бей положил начало новому направлению в египетской политике. Нарушая прерогативы султанской власти, он открыто вступал в сношение с европейцами (готовя сирийский поход, он пригласил европейских советников для создания в своей армии артиллерийского подразделения). В его ближайшем окружении были христиане — выходцы из коптской общины, венецианские и греческие купцы. Прохристианские симпатии шейх ал-балада свидетельствовали о веротерпимости, широте кругозора Али-бея и его стремлении отказаться от традиционного восточного изоляционизма, вопреки недовольству традиционалистски настроенных египетских мусульманских кругов. Встав в оппозицию Порте, он попытался объединить усилия со своими соседями — правителями Триполи и Туниса, а также христианской Абиссинии³⁰. Наконец, в ходе русско-турецкой войны он вступил в союзные отношения с противником султана — Россией.

Вряд ли есть основание видеть в Али-бее реформатора и, тем более, сравнивать его мероприятия с преобразованиями Петра I³¹. Однако очевидно, что Али-бей, сделав попытку объединить в одних руках функции главы османского административно-управленческого аппарата и лидера мамлюков, попытался воссоздать самостоятельное государство, подобное мамлюкскому султанату, не порывая при этом полностью религиозно-политических уз, связывавших его с султаном.

Особое внимание Али-бей уделял развитию внешней торговли, и это было уже знаком времени. Он отстранил от таможенной службы и жестоко расправился с купцами и саррафами (банкирами-ростовщиками) еврейской общины, находившимися под покровительством султанского двора, заменив их представителями сирийской греко-католической общины, беженцами из Сирии, и создал более благоприятный климат для развития европейской торговли. Али-бей добился разрешения на плавание европейских судов в пределах Красного моря вплоть до Суэца, дабы направить торговые потоки из Индии по более короткому и безопасному пути, чем дорога через Персидский залив или вокруг Африки. Это доставило египетским таможням дополнительные доходы.

Накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. отношения Али-бея с султаном были напряженными, Али самовольно высылал из Египта османских пашей, сокращал под разными предлогами ежегодные выплаты в османскую казну, но, как утверждает Д. Креселиус, продолжал посылать подарки и выражать знаки почтения султану³².

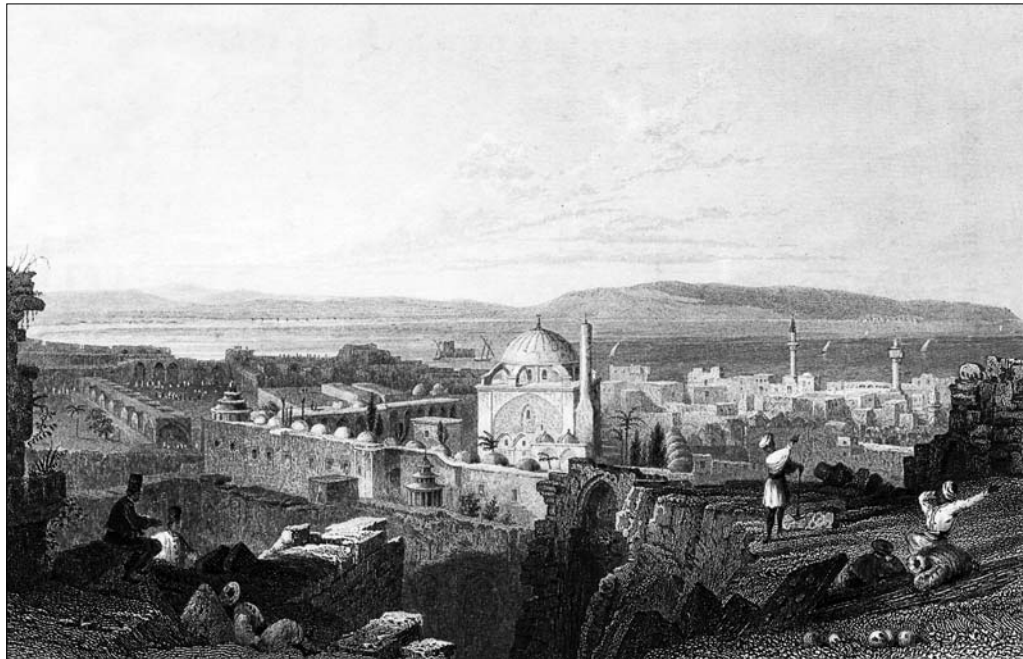

своими мамлюками, а в сентябре 1768 г. (накануне объявления русско-турецкой войны) устроил резню беям противостоящих бейтов, чем, по словам Д. Креселиуса (р. 55), завершил «свою революцию». Далее Али-бей направил войска на юг против сильного объединения бедуинских племен Хаввара, потерпевших поражение и потерявших в бою своего лидера Хумама. Таким образом, Египет был умиротворен, а казна Али-бея увеличилась благодаря присвоению владений поверженных противников.

³⁰ 28 мая 1770 г. маркиз Кавалькабо доносил с Мальты о том, что прибыло французское судно, отправившееся из Дамьетты в последних числах апреля, с новостями, в том числе о том, «что Али Баша из Каира отказался оказывать султану какую-либо помощь, что он убил некоторых из 24 членов правительства, которые склонялись к туркам, в результате чего стал независимым сувереном, что он заключил соглашение с правителем Абиссинии о взаимопомощи» (АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Ед. хр. 74. Л. 22)

³¹ См.: *Иванов Н.А.* Османский Египет и североафриканские вилайеты в XVIII в. // *История Востока. Т. III. С. 417.*

³² *Crececius D.* The Roots of Modern Egypt. P. 71.

Вид на Акку начала XIX в.

Немного более благоприятным для Порты накануне войны было и внутривосточное положение Сирии, хотя в ней, в отличие от Египта, не наблюдалось тенденции к общественно-политической консолидации. Сирия отличалась от Египта неоднородностью внутренней политической структуры и большим многообразием этнического и конфессионального состава населения. Традиционное османское управление утвердилось в крупных территориально-административных образованиях — эялетах с центрами в Алеппо (Халебе), Дамаске, Сайде и Триполи. На востоке Сирии отсутствовали четкие границы: это были территории кочевых бедуинских племенных союзов, в сущности не подвластных султану и представлявших извечную угрозу для земледельцев. Тянувшийся вдоль моря Горный Ливан — вотчина друзов и маронитов — исторически пользовался самоуправлением. Наконец, на юге Сирии — в Палестине в середине XVIII в. на базе османских институтов управления возникло вассальное владение шейха Захира ал-Омара.

Ключевую политическую роль в Сирии играл Дамасский эялет. В Дамаске султанским наместником-валием с 1760 г. пребывал Осман-паша ал-Курджи (или Гюрджи, т.е. Грузин)³³. В отличие от Али-бея и Захира ал-Омара Осман-паше был чужд арабский регионализм, он был предан султанской власти. В Дамаске паша

³³ Осман-паша некогда был мамлюком знатного сирийского дома ал-Азмов, четыре поколения которого в течение XVIII в. занимали посты сирийских валиев. Он имел прозвище ас-Садик («Искренний», «Правдивый»), полученное им за то, что он выдал султану информацию о тайниках, в которых хранились сокровища его казненного патрона Асада ал-Азма, подлежащие конфискации. За эти заслуги он был введен в круг османской бюрократии и назначен валием Триполи, а затем Дамаска.

проводил политику умиротворения враждующих группировок и не слишком обременял податями ремесло и торговлю, чем обрел авторитет среди дамаскинцев. Одновременно он жестко боролся с проявлениями сепаратизма в эялете и облагал чрезвычайными налогами сельское население. Это вызывало недовольство земледельцев и жителей провинциальных городов, о чем свидетельствовало восстание в Яффе и Рамле в 1767 г., поддержанное шейхом Захиром ал-Омаром, враждовавшим с дамасским валием³⁴. Вражда родилась на почве соперничества за власть: политическое влияние шейха Захира распространилось за пределы Палестины, а его растущие владения — на территории Дамасского эялета. К тому же, Осман-паша и шейх Захир принадлежали к разным кругам сирийской политической элиты — ориентирующимся или противостоящим Порте, фанатичным или веротерпимым, изоляционистам или сторонникам развития контактов с Европой.

Шейх Захир (Дагер) ал-Омар аз-Зейдани (ок. 1690–1775) был выходцем из семьи откупщика налоговых сборов (мултазима). К началу войны он достиг преклонного возраста, являлся главой большого семейства и умудренным политиком. Он прошел путь от мултазима небольшой палестинской крепости до правителя значительной части Палестины с титулом «шейх Акки, эмир ал-умара, хаким Назарета, Тиверии, Сафед и всей Галилеи», который приобрел в 1768 г. благодаря взяткам и интригам при султанском дворе и который дал ему право находиться под непосредственным управлением султана. По словам Н.А.Иванова, «в старинных народных песнях он неизменно предстает как борец за дело арабов, как носитель идей арабской народности. В его владениях не было ни турецких чиновников, ни янычарского очага. Все командные и административные посты занимали лица арабского происхождения. Его первым министром, управлявшим всеми хозяйственными делами, был Ибрахим ас-Сабаг — араб православного вероисповедания³⁵. Основной опорой Захира ал-Омара были арабские племена Заиорданья, с которыми он поддерживал дружественные отношения. Армия состояла из магрибинских наемников и шиитов (метуалиев), вербовавшихся в Ливане»³⁶. Палестинского шейха сближали с Али-беем веротерпимость, политика, благоприятствующая европейской торговле, разделяемое обоими чувство арабского регионализма и амбициозные политические планы.

Подобно Али-бею, шейх Захир проводил внутреннюю экономическую политику, близкую меркантилизму. Устранив междоусобную борьбу в своих владениях и обеспечив их безопасность от бедуинских набегов и лихоимства османских сборщиков налогов, он способствовал заселению опустевших территорий, возделыванию на восстановленных полях товарных культур. Захир учредил и взял в свое управление монопольную скупку и сбыт сельскохозяйственного сырья и продуктов ремесла. Приобретаемые средства он употребил на восстановление разрушенной крепости крестоносцев Сен-Жан д'Акр, содержание вооруженных сил, постройку дворца и обустройство торговой гавани в Акке.

Захир ал-Омар находился в дружеских отношениях с османскими наместниками в Сайде — Нуман-пашой (1760–1763) и сменившим его Мухаммед-пашой

³⁴ *Rafeq Abdul-Karim*. The Province of Damascus. P. 234–251.

³⁵ Эдвард Локруа, собиратель слухов и анекдотов, безосновательно писал о еврейском происхождении Ибрахи́ма Саббага, называя его «le ministre juif» (*Lockroy E. Ahmed le Bucher*. P. 72).

³⁶ История Востока. Т. III. С. 399–400.

ал-Азмом (1764–1770)³⁷. Нуман-паша передал Захиру откупные права на сбор налогов с шиитского населения южных отрогов Ливана, поставив, тем самым, этот район и населявших его мутуалиев Насифа Нассара под контроль Захира ал-Омара. Подобное приобретение было ценно тем, что мутуалии с 1759 г. владели илтизамом на прибрежную крепость Сур. К тому же их владения граничили с землями, управляемыми ливанскими эмирами Шихабами, которые имели с мутуалиями пограничные конфликты. Следовательно, шейх Захир обретал еще и ключ к влиянию на политику соседнего Ливана.

Перед войной ливанским правящим эмиром был Мансур аш-Шихаб (1714–1774), получивший в 1763 г. инвеституру на правление³⁸. В борьбе за власть со своим племянником и соперником эмиром Юсуфом, он нашел поддержку у валия Сайды и шейха Захира, и все трое пребывали в оппозиции к дамаскому Осман-паше ал-Курджи. В свою очередь, эмир Юсуф искал покровительство у Осман-паши, который через своего сына Мухаммед-пашу, валия Триполи, предоставил ему право на управление южным ливанским округом Джубейль³⁹.

Таким образом, накануне войны Сирия была разделена на два противостоящих политических лагеря, что было чревато опасным для Порты поворотом событий в случае войны⁴⁰.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. обнажила многие пороки османской политической системы и внесла коррективы в расстановку внутривосточных сил.

Поскольку разгром турецкого флота при Чесме поставил под угрозу безопасность средиземноморского побережья Османской империи, Порты решила усилить позиции Осман-паши ал-Курджи и, удовлетворив его давнюю просьбу, утвердила в 1770 г. валием Сайды его сына Дервиш-пашу. Эта перестановка по-

³⁷ Согласно практике Порты между османскими сановниками наблюдалось соперничество, часто приводившее к взаимной вражде. Так, Нуман-паша не любил Осман-пашу ал-Курджи и охотно поддерживал его противников. У Мухаммед-паши ал-Азма тем более не было основания для дружеских отношений с бывшим мамлюком дома ал-Азмов, предавшим их интересы.

³⁸ На Горный Ливан не распространялась система османского управления; политическая организация Ливана имела патримониальный характер; там почти отсутствовали государственный аппарат и регулярная армия. Правящий эмир (ал-хаким) располагал незначительными наемными отрядами, исполнявшими полицейские функции, командовал ливанским ополчением, судил тяжкие уголовные преступления, был арбитром в тяжбах владельцев мукатаа — наследственных земельных пожалований, обязанных уплатой налогов и несением военной службы. Ливанский эмират не имел твердых границ и вел постоянную борьбу за расширение территории, стремясь поставить в вассальную зависимость соседние этноконфессиональные общины. Этническую основу эмирата составляли друзы и марониты, потомки нашедших убежище в горах неортодоксальных сект мусульман и христиан, подвергавшихся гонениям в Византийской империи и Арабском халифате. Подробнее см.: *Harik Ilya F. Politics and Change in a Traditional Society of Lebanon, 1711–1845*. Princeton, New Jersey, 1968.

³⁹ Эмир Юсуф (1748–1791) родился в семье правящего эмира Мульхима Шихаба (1701–1760), отстранившегося от власти в 1754 г. под натиском своих братьев. Юсуф рано вступил на арену политической борьбы, правителем Джубейля стал в 1763 или 1764 г. и быстро завоевал симпатии ливанского населения, особенно христиан северного Ливана, страдавших от гнета шейхов Химаде, мутуалиев, которых после нескольких вооруженных столкновений вытеснил из Джубейля, а затем нанес удар другой группировке мутуалиев, владевших долиной Бикаа. Этим он заслужил одобрение султанского двора, не говоря о растущем расположении Осман-паши, в русле политики которого продолжал действовать. Вместе с тем, эти события, возможно, определили вражду к нему мутуалиев южного Ливана.

⁴⁰ Подробнее о расстановке политических сил в Сирии 1760–70-х гг. см.: *Смилянская И.М. Сценарии политической жизни Сирии и Египта XVIII в. // Политическая интрига на Востоке*. М., 2000. С. 246–274.

влекла однако за собой новые политические коллизии. Утратив с отстранением из Сайды Мухаммед-паши ал-Азма опору в борьбе с племянником, эмир Мансур покинул пост ал-хакима — правителя Ливана и уступил его эмиру Юсуфу. Юсуф, таким образом, объединил в своих руках управление всем Ливаном. Такой поворот событий укрепил позиции Осман-паши, но породил новый политический конфликт между ливанским правителем и мутуалиями шейха Насифа Нассара. Тогда в конфликт оказался вовлеченным и шейх Захир ал-Омар.

Война также повлекла за собой размежевание оппозиционных Порте арабских политических кругов Средиземноморья. Фундаменталистски настроенные дей Алжира, бей Туниса и их окружение объединили свои вооруженные силы с флотом султана. Противники изоляционистской политики и религиозного фанатизма, Али-бей и Захир ал-Омар, напротив, использовали военно-политические трудности Порты для реализации своих политических планов, обращаясь ради этого к взаимодействию с военным противником султана — Российской империей.

Вряд ли при этом Али-бей и Захир ал-Омар были готовы *полностью* порвать связи с султаном, игнорируя настроения мусульманских подданных султана, каждую пятницу возносящих Господу молитвы о его величии и благополучии. На протяжении войны они оправдывали свои политические шаги прежде всего необходимостью бороться с тиранией *османских сановников*. По-видимому, реальной целью Али-бея было закрепление в рамках Османской империи власти над Египтом и распространение политического контроля на Сирию. Французский политический агент и инженер барон Тотт, по-видимому, имел основание писать, что завоеванием Сирии Али-бей стремился создать для Египта заслон от турок, при этом, как утверждал Тотт, египетский правитель имел намерение поставить валием в Дамаске шейха Захира ал-Омара⁴¹.

К реализации своих планов Али-бей и Захир ал-Омар приступили отнюдь не с самого начала войны. Более года Али-бей наблюдал за тем, как будут разворачиваться события на русско-турецком фронте. В начальный период войны по требованию Порты Али-бей еще выставлял по 3000 египетских воинов в османскую действующую армию⁴², а в феврале 1769 г. обращался к султану с просьбой (он просил отстранить с поста валия Осман-пашу ал-Курджи, якобы принимавшего в Сирии беглецов из Египта⁴³).

Похоже, что разрыв Али-бея с султаном произошел только в самом начале 1770 г.⁴⁴ Так, российский консул в Венеции Пано Маруцци приложил к своему апрельскому донесению текст греческого письма из Александрии, датированного февралем 1770 г.: «Мы получили очень интересные новости: Али-бей, после того как прикончил всех своих врагов и грандов той страны и привел к послушанию весь Египет, был объявлен королем, и стал чеканить монеты со своим именем».

⁴¹ *Tott F. de. Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Amsterdam, 1785.*

⁴² *Crecelius D. The Roots of Modern Egypt. P. 71.*

⁴³ *Ibid. P. 76.*

⁴⁴ По версии Севера Лузиньяна, разрыв произошел в начале войны. Поводом для него и причиной отказа Али-бея направить в Стамбул армейские силы был ферман Порты, перехваченный Али-беєм, в котором содержалось основанное на доносе обвинение главы мамлюков в намерении присоединиться к России и приказ о его казни. Если эти события и имели место, то могли относиться к началу 1770 г., когда сведения о подобном появились в прессе. Сам Лузиньян возвратился в Египет и примкнул к Али-бею в 1771 г., в конце которого Али-бей впервые обратился к А.Г. Орлову (*Лузиньян С. История о возмущении Али-бея. С. 57*).

Письмо завершалось словами: «Турки его называют Русский (*Les Turcs l'appellent Russe*)»⁴⁵. В мае близкое по содержанию сообщение пришло с Мальты от другого российского консула маркиза Кавалькабо⁴⁶. (Екатерина II отлично разместила своих информаторов: Мальта была центром пересечения средиземноморских коммуникаций, а Венеция — конечным пунктом мореплавания для судов, следовавших из Восточного Средиземноморья.)

В прессе известия о провозглашении Али-бея «королем» едва ли не первыми поместили «Санктпетербургские ведомости»⁴⁷. В первой половине 1770 г. европейские политики еще не придали значения этому сообщению. Тем более, что оно противоречило появившемуся между концом 1769 и началом 1770 г. ферману султана, согласно которому именно Али-бею вменялось в обязанность поддерживать одного из Хашимитов, борющегося за пост главы Хиджаза⁴⁸.

И действительно, Али-бей выполнил летом 1770 г. это султанское волеизъявление, послав в Мекку во главе армии, сопровождавшей Священный караван своего бывшего мамлюка Мухаммед-бея⁴⁹. Но последствия этой операции оказались для Порты непредсказуемыми. Успех похода в Мекку принес Али-бею авторитет в мусульманском мире и подвиг на политические шаги, предназначенные для того, чтобы придать своей власти черты независимости от Порты. В европейской прессе широко распространилось известие о том, что с благословения мекканского шерифа Али-бей был провозглашен султаном Египта и Аравии, а также обладателем двух морей — Красного и Средиземного. Между тем, по утверждению того же Д. Креселиуса, Али-бей все-таки продолжал подписываться в документах как каиммакам (заместитель, или местоблюститель османского паши Египта)⁵⁰. Впрочем, до Стамбула дошли монеты, чеканенные в Египте, в которых после имени султана Мустафы III и вместо даты вступления того на престол 1757, стоял год 1769 и имя Али⁵¹. Это уже выглядело вызовом.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Ед. хр. 44. Л. 90.

⁴⁶ Кавалькабо писал 20 мая, что капитан только что прибывшего из Дамьетты французского судна сообщил, что: «Али Баша из Каира отказал во всякой помощи султану, что он убил нескольких человек из членов правительства, которые были преданы туркам, и в результате стал независимым сувереном» (АВПРИ. Ф. 66/6. Сношение России с Мальтой. Ед. хр. 44. Л. 22).

⁴⁷ В газете говорилось (по апрельским известиям из Венеции), что Али-бей «сделался египетским королем», а в следующем номере было помещено майское подтверждение с Нижней Эльбы: «Али-бей к несказанной радости тамошних жителей объявлен египетским королем»; особые «публичные знаки радости» оказывали при этом европейские купцы, копты, греки и еврейская община (Санктпетербургские ведомости. 1770. № 43. 28.V; № 44. 1.VI).

⁴⁸ Этот пост освободился по смерти шерифа, также из рода Хашимитов — прямых потомков пророка. Д. Креселиус приводит сведения о том, что Абдаллах, один из претендентов на пост шерифа, получил султанский приказ о своем назначении посредством взятки (*The Roots of Modern Egypt*. P. 72). По-видимому, близость по времени этих двух актов — издания фермана и провозглашение Али-бея суверенным правителем — породила слухи о том, что поход в Хиджаз был самостоятельным решением Али-бея.

⁴⁹ Мухаммед-бей, получивший прозвище Абу-з-Захаб — «Отец золота» — за то, что при возвышении в беи рассыпал на своем пути не серебряные, как было принято, а золотые монеты, был по рождению, как и его господин, кавказцем (по одной из версий черкесом). Он был куплен Али-беем или подарен ему еврейским откупщиком таможен около 1760 г. очень быстро заслужил доверие Али-бея, назначившего его хранителем своей казны (хазандаром) и женившего на своей сестре. Мухаммед-бей, как в свое время Али-бей, сделал блестящую карьеру (в 1764 г. получил титул бея), ему как способному полководцу Али-бей поручал основные армейские операции (*Ibid.* P. 45–47, 73, 75 и др.)

⁵⁰ *Ibid.* P. 73, 74.

⁵¹ *Ibid.* P. 74. Следует отметить, что Египет по закону имел свой монетный двор и право чеканки монет низкого достоинства.

В европейской прессе, пожалуй, значительно большую сенсацию произвело письмо Али-бея, направленное венецианскому Сенату и датированное концом июня 1770 г. Копия этого письма с донесением маркиза Пано Маруцци была доставлена и в Россию. В депеше от 2/13 октября Маруцци сообщал, что прибыло судно из Египта с известиями об овладении Али-беем Меккой и Джиддой — пунктами важными для провоза кофе и всех товаров, поступающих в Египет из Индии; что Али-бей объявил себя суверенным правителем с титулом Али-султан; что он направил послание в Венецианскую республику, в котором выразил желание установить добрые отношения, но венецианцы не решаются ответить, опасаясь осложнений со стороны Порты. Письмо Али-бея на итальянском языке было приложено к депеше. В его русском переводе, в частности, говорилось: «Вы есте наши братия на воде и на земле, ибо мы все дети адамовы. Мы имеем нашу религию, а вы свою» (не этот ли пассаж письма убедил императрицу в веротерпимости Али-бея?). Письмо писано для того, чтобы «дать вам ведать, что в сем нашем правлении несть неправосудия, ни взяток, но безопасность и спокойство: не бывают клеветы и не попускаем, чтоб кто лишился своего добра, не продаем чести за деньги, который порок не долженствует быть в великих мужах». (Иными словами, Али-бей сообщал, что в государстве воцарились порядок, справедливость, безопасность имущества и отсутствует коррупция.) Далее говорилось об изгнании из таможен прежних откупщиков, представителей еврейской общины, которые обвинялись во всех бедах, причиненных европейской торговле, а также в распространении ложных сведений о Египте («ибо они своими обманами и своим коварством могут мутить нашу дружбу, уведомляя перепискою своих кориспондентов о всем против правды, и так сей нации не должно ни с нашей, ни с вашей стороны веры подавать»). В послании Али-бея содержалось приглашение свободно производить свою торговлю в Египте. В конце послания следовали слова: «Бог да избавит нас от покушения демонского и духов лукавых. Сие королевство есть многоплодным, веселым и свободным от всякаго неправосудия. Богатые и небогатые все доволны, ибо предпочитается справедливость пред всякою корыстию, и для того величавость и благополучие растут еще более нежели воды, притекающие премножественно в Нил»⁵².

Как видим, риторика послания Али-бея к Венеции содержит некоторые мотивы гуманистического толка. Свидетельствуют ли эти слова о широте кругозора Али-бея или о влиянии на него приближенных европейцев, трудно сказать, но очевидно, что послание говорило о появлении в Восточном Средиземноморье значительного политика. С этого времени европейская и русская пресса не выпускала Али-бея из поля своего зрения.

Следующим крупным предприятием Али-бея стал поход в Сирию против Осман-паши, куда он направил армию во главе со своим худшашем⁵³ Исмаил-беем в ноябре 1770 г., после того как Мухаммед Абу-з-Захаб возвратился из Хиджаза в Каир. Пропагандистскую и военную подготовку этой операции он произ-

⁵² АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Ед. хр. 46. Л. 77об., 93–96.

⁵³ Худшашами именовали мамлюков одного мамлюкского бейта. Исмаил-бей, как и Али-бей, был мамлюком члена влиятельнейшего дома Каздоглия — Ибрахима Катходы, главы армейского подразделения мустахфазан.

вел заранее⁵⁴. Али-бей передал шейху Захиру через французского консула в Акке крупную сумму денег, предназначенную для найма воинов в его армию⁵⁵. Кроме того, снаряжая экспедицию в Сирию, Али-бей закупил у Венеции и Мальтийского ордена артиллерийские орудия и пригласил европейских инструкторов⁵⁶. Прибегнув к помощи христиан в борьбе против единоверцев, он, с мусульманской точки зрения, дерзко нарушил условия священной войны – джихада.

Войсковая операция в Сирии, как известно, осуществлялась с попеременным успехом. После незначительного столкновения с отрядом Осман-паши под Яффой египетские войска прошли до Музейриба⁵⁷, не встретив никакого противодействия населения, уставшего от налоговых домогательств Осман-паши. И здесь, к крайнему недовольству шейха Захира, участвовавшего в походе со своим войском и отрядами мутуалиев, Исмаил-бей отказался атаковать дамасского пашу, поскольку тот направился со Священным караваном в хадж. Части, предводительствуемые Исмаил-беем, рассеялись по Палестине и, вероятно, именно они позже участвовали в безуспешных осадах Иерусалима⁵⁸. Захир и мутуалии вернулись домой.

Вторая армейская операция, на этот раз возглавленная Мухаммед-беем Абуз-Захабом (он выступил из Каира в апреле 1771 г.), проходила успешнее. Она подкреплялась пропагандистской кампанией: распространением манифеста Али-бея, обращенного к жителям Дамаска, в котором целью экспедиции провозглашалось освобождение Сирии от тирании Осман-паши.

К концу мая 1771 г. вся Палестина, за исключением Иерусалима и Сайды, была освобождена от османского присутствия. 3 июня объединенные силы Мухаммед-бея, Исмаил-бея, шейха Захира и его союзников нанесли поражение армии Осман-паши и его сыновей, поддержанной по распоряжению султана войсками пашей Киллиса, Алеппо, Айнтаба. Все говорило о том, что сирийский конфликт уже вышел за границы Сирии.

8 июня 1771 г. войска арабских союзников Али-бея вступили в Дамаск, брошенный османскими пашами на милость победителей. Мухаммед-бей объявил амман (безопасность) жителям города. «Санктпетербургские ведомости» (№ 72 от 2 сентября 1771) сообщили о том, что в городе после бегства из него Осман-паши вспыхнуло восстание, и бунтовщики разграбили мечети, в которых паша поместил свои сокровища. Город был очищен от турецких войск, но победителям не удалось завладеть дамасской крепостью, в которой заперлись янычары. Артиллерийский обстрел крепости не причинял ей урона, так как бомбы, перелетая через ее стены, падали в жилых кварталах и даже во дворе Омейядской мечети⁵⁹. Тем не менее,

⁵⁴ Частью этой подготовки было обвинение Осман-паши не только в укрытии египетских беглецов, но и в жестоком обращении с сирийским населением.

⁵⁵ *Crecelius D. The Roots of Modern Egypt*. P. 76. Обычно через палестинские порты происходила вербовка прибывавших магрибинцев — выходцев из Северной Африки — в отряды военных наемников.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ Музейриб — сирийское селение, отстоящее от Дамаска на день перехода, обычно первая стоянка Священного каравана, где хаджи приобретали продукты питания и снаряжение, необходимые для долгого перехода в Мекку.

⁵⁸ Впрочем, 24 января 1771 г. «турок Мустафа Татаравлю, житель Кандии» сообщил, что, по слухам, Египтом «ныне владеет сам собою Алибей, который послал свое войско во Иерусалим для выгону от него всех турок» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 65. Л. 106.). Судя по этим слухам, первая осада Иерусалима могла произойти в самом начале сирийской экспедиции.

⁵⁹ *Crecelius D. The Roots of Modern Egypt*. P. 77.

путь в Алеппо был открыт. Пресса сообщала о волнении алеппской еврейской общины, опасавшейся захвата города египтянами⁶⁰. Газеты даже напечатали ложные слухи об овладении войсками Али-бея Алеппо и Иерусалимом⁶¹.

Казалось, что Али-бей находился в зените славы и успеха, равный которому сопровождал только в будущем Мухаммеда Али, египетского реформатора начала XIX в. Однако вскоре ситуация в стане победителей изменилась. Через десять дней после вступления в Дамаск, когда в Каире еще праздновали победу, Мухаммед-бей Абу-з-Захаб объявил, что его миссия отстранения от власти Осман-паши ал-Курджи выполнена, и покинул город, направив армию в Египет.

Али-бей и Захир ал-Омар попробовали вновь обратиться к султану с просьбой об отстранении Осман-паши, но 1 августа 1771 г. последовал султанский фирман, подтверждавший полномочия Осман-паши на следующий год.

Среди историков до сих пор ведутся дебаты о причинах отказа Мухаммед-бея Абу-з-Захаба продолжать завоевание Сирии⁶². Современный сирийский историк Абдул-Карим Рафек склоняется к гипотезе заговора как наиболее достоверной. Якобы Мухаммед-бей имел тайные переговоры с сановниками Порты и получил обещание после отстранения от власти Али-бея быть назначенным на его место. Эту гипотезу поддерживает В. Персен. Версию заговора оспаривает американский арабист Даниэль Креселиус. Он исходит из того, что в течение девяти месяцев после оставления Дамаска Мухаммед-бей, несмотря на опалу со стороны Али-бея, не предпринимал враждебных действий в отношении своего господина и зятя. К тому же первый удар в их ссоре был нанесен Али-беем⁶³.

Так это было или иначе, но после того, как египетские войска покинули Сирию, авторитет турецких властей в Сирии был значительно подорван и неспособностью османской армии сопротивляться мятежным союзникам египетского Али, и позорным бегством паши из Дамаска, в то время как дамаскинцы еще были готовы сражаться за родной город. Свою роль должен был сыграть и манифест Али-бея. Последствиями этих событий стали волнения в Триполи, вторжение на территорию эялета бедуинов, бесчинства не получавших положенного жалования наемных солдат.

В довершение 2 сентября 1771 г. шейх Захир ал-Омар разбил возле озера Хула отряды Осман-паши, выступившие для сбора налогов, наведения порядка в управлении и обеспечения спокойствия населения. Сам паша едва спасся от гибели.

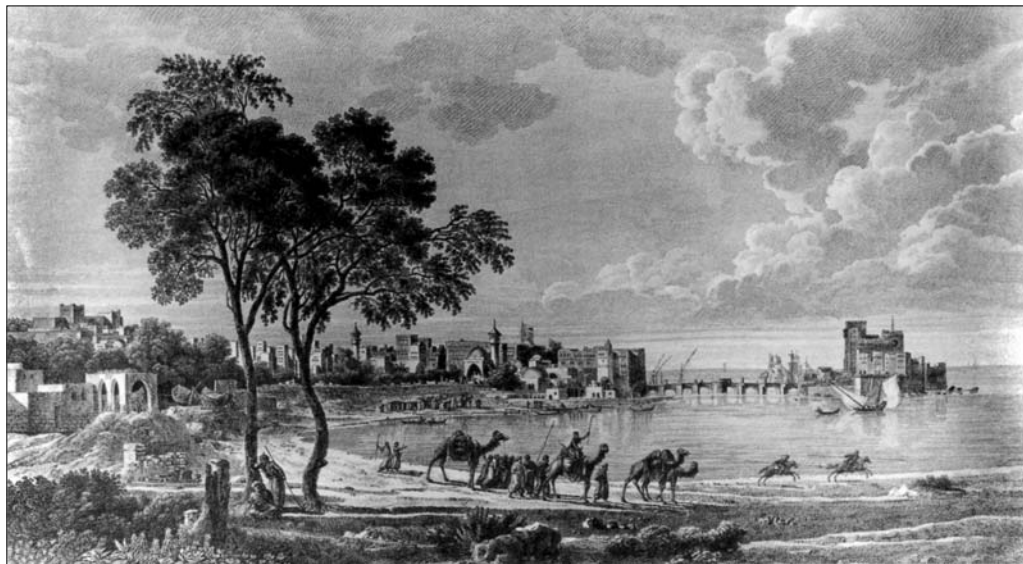
Между тем, стойкость шейха Захира в противоборстве с турками, несмотря на возвращение египетской армии на родину, объяснялась намерением Али-бея осуществить новую экспедицию в Сирию. Поэтому шейх Захир отклонил попытки османских властей склонить его к примирению с султаном. Более того, 13 октября он потребовал от Дервиш-паши покинуть Сайду.

⁶⁰ Санктпетербургские ведомости. 1771. № 72. 2.IX.

⁶¹ Там же. № 79. 4.X. Следует отметить, что, кажется, судьба Иерусалима и Святых мест не вызвала специального интереса у прессы.

⁶² Среди этих причин называют неспособность египетского войска добиться сдачи дамасской крепости, обороняемой янычарами, усталость мамлюкского войска из-за длительного ведения войны, боязнь мамлюкским командованием наказания от султана, страх перед объединенными османскими силами, концентрирующимися севернее Дамаска.

⁶³ Об истории захвата Дамаска и дебатах по поводу причин его оставления см.: *Rafeq Abdul Karim. The Province of Damascus. P. 251-257; Persen W. The Russian Occupations of Beirut. P. 278; Crecelius D. The Roots of Modern Egypt. P.76-89.* Историки высказывали гипотезу и относительно третьей причины ухода Мухаммед-бея: Исмаил-бей устрасал его наказанием Всевышнего за нарушение законов джихада.

Вид Сайды, древнего Сидона

В Сайде события однако развивались трагически. Брошенный пашой город взял сначала под свой контроль эмир Юсуф, назначив туда комендантом шейха Али Джумבלата, главу дружественного ему друзского клана. Впрочем, эмира постигла неудача: чтобы нанести урон шейху Захиру, Осман-паша предложил эмиру Юсуфу атаковать мутуалиев — союзников шейха Захира Омара, обещая за это освободить Горный Ливан на два года от уплаты налога-мири. Юсуф согласился, но под селением Набатийя он потерпел жестокое поражение. Шейх Али Джумблат — противник интриг Осман-паши — покинул в знак протеста поле боя и ушел из Сайды. В результате непродолжительной осады Сайда была взята войсками шейха Захира и мутуалиев, а также направленным в Акку отрядом Али-бея, город был подвергнут привычному разграблению в наказание за сопротивление. Ущерб не был причинен только резиденции французского консула и имуществу европейских торговцев⁶⁴, что должно было, вероятно, вновь подчеркнуть желание Али-бея и Захира Омара развивать европейские торговые контакты. Конфликт закончился тем, что комендантом Сайды (этой резиденции османских пашей!) стал человек Захира Омара «храбрый» африканец Ахмед Денгизли⁶⁵.

Отставка Осман-паши и его сыновей от управления эялетами Сирии все-таки последовала 22 октября 1771 г. Султан назначил пашой Дамаска Мухаммеда ал-Азма, прибывшего туда уже в начале ноября.

Все эти события 1770–1771 гг. в Сирии⁶⁶ говорили о том, насколько сложной и неустойчивой была там политическая обстановка в первые годы войны.

⁶⁴ Санктпетербургские ведомости. 1772. № 13. 14. II. (по сообщению из Алеппо от 14 ноября 1771 г.).

⁶⁵ *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством. С. 77.

⁶⁶ Обстоятельное их описание см: *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством; *Rafeq Abdul-Karim.* The Province of Damascus. 1723–1783; *Crecelius D.* The Roots of Modern Egypt.

Между тем, даже после столь желанной Али-бею отставки Осман-паши египетский правитель и в ноябре 1771 г. не оставил надежд на организацию нового похода в Сирию⁶⁷. Его надежды поддерживались успехами шейха Захира, овладевшего помимо Сайды еще и Газой, Рамлой и Яффой (эти города турки лишь ненадолго смогли вернуть под свой контроль после ухода мамлюков).

К этому времени и относятся первые послания Али-бея и его должностных лиц к А.Г. Орлову. До сих пор о них судили преимущественно по сообщению С. Лузиньяна⁶⁸. Между тем, письма египетского правителя зачитывались в Петербурге на заседании Совета при Высочайшем Дворе, и их копии сохранились в Архиве Военно-морского флота. Эти послания, как и другие российские документы, позволяют иначе, чем Лузиньян, и, надо полагать, точнее, представить начальный этап русско-арабского сотрудничества.

Прежде всего, вопреки общепринятой точке зрения можно утверждать, что инициатива в завязывании русско-арабских военных контактов исходила от А.Г. Орлова, а не от Али-бея, как считалось раньше. Но прежде чем обратиться к этой теме, следует взглянуть на долгий путь, пройденный обеими сторонами навстречу друг другу. Естественно, нам лучше известны российские шаги в направлении арабского мира.

НА ПУТИ К УСТАНОВЛЕНИЮ ПЕРВЫХ РУССКО-АРАБСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ. 1769–1772 ГОДЫ

В конце августа 1769 г., когда эскадра Спиридова еще только достигла Зунда, маркиз Пано Маруцци донес из Венеции о том, что некий влиятельный египетский бей, воспользовавшись открытием русско-турецкой войны, сбросил с Египта турецкое иго и что теперь он желает успеха нашим армиям в войне с Портой. «Он проявляет большую благосклонность к нашему Двору, — продолжал Маруцци, — и в Каире отмечают, что тот, кто ему приносит добрые вести о наших

⁶⁷ Из Ливорно со слов капитана французского купеческого судна пришло сообщение о том, что александрийские купцы пребывают в волнении, опасаясь, что Али-бей возьмет все суда для отправки войска в Сирию, ибо в Каире идет набор новой армии для посылки к Дамаску (Санкт-петербургские ведомости. 1771. № 90. 11.XI; о том же помещено известие в № 97. 6.XII).

⁶⁸ По словам Лузиньяна, Али-бей направил через Якова Армянина письмо Орлову, предлагая заключить «вечный союз с Ея императорским величеством», чтобы «противиться совокупно против их неприятеля». Али-бей был готов снабжать российский флот и войско «всякими съестными припасами и деньгами, естли он будет иметь в них недостаток» (*Лузиньян С. История возмущения Али-бея*. С. 64). Яков Армянин не застал Орлова на Паросе и последовал за ним в Ливорно, где вручил ему письмо. Орлов немедленно ответил своим посланием, в котором желал Али-бею «всякого счастья», сообщал, что отправляет письмо императрице и что «теперь не будет его отягощать ни военными запасами, ни деньгами; но когда будет у него в них недостаток, то не оставит он, чтобы не прибегнуть к обещанному им вспоможению». Свое письмо Орлов послал якобы через Георгия, православного грека из Константинополя, но тот в Александрии умер и письмо пошло через другие руки (с. 64–65). В европейской историографии эта версия не подвергалась сомнению, споры возникали лишь относительно времени отправления послания Али-бея. Все сходились на 1771 г., но Ориан и Локруа связывали его с походом Абу-з-Захаба в Сирию, а Персен — с провалом похода на Дамаск. Он полагал, что Али-бей, вступая в союз с Россией, рассчитывал с помощью России ниспровергнуть Абу-з-Захаба и вернуть себе Сирию (см.: *Persen W. The Russian Occupations of Beirut*. P. 279).

армиях, получает хороший презент». Однако «существует проблема: он не христианин». По-видимому, Маруцци думал, что это обстоятельство является препятствием к установлению взаимоотношений и для христианки-императрицы, и для мусульманского бей. Тем не менее, поверенный в делах советовал Н.И. Панину ради славы императрицы и ее империи извлечь пользу из такого обстоятельства. Он предлагал прозондировать склонности бей через посредничество одного из венецианских торговых домов в Египте⁶⁹. В письме к П.А. Румянцеву Екатерина II, немедленно пересказывая сообщение Маруцци, интерпретировала его по-своему: «Еще имею известие, что некоторый бей египетский прислал в Венецию, дабы себе открыть сношения с нами»⁷⁰. (Кажется, императрица правильно оценила значение сигналов, подаваемых Али-беем.) Этим сообщением, как и прочей оптимистической информацией, Екатерина II намеревалась побудить Румянцева к более активным действиям его армии. Между тем, до реальных отношений было еще далеко.

На свое августовское донесение Маруцци получил из Петербурга инструкцию Н.И. Панина прозондировать ситуацию с египетским беем. И в новой депеше от апреля 1770 г. маркиз сообщал, что направил верных людей к Али-бею, чтобы узнать о его намерениях⁷¹. Это донесение уже совпало с первыми известиями о провозглашении Али-бея «королем» Египта, что Екатерина II расценила как способность Али-бея воспользоваться политической ситуацией. Маркиз Маруцци получил благодарность императрицы за рвение по службе⁷². Три месяца спустя Маруцци сообщал, что все еще не имеет известий от своих доверенных лиц и из-за большой деликатности дела не смеет начинать действий, рекомендованных Паниным. В ноябре 1770 г. (когда Али-бей начинал сирийский поход) Маруцци переслал, наконец, в Петербург долгожданное известие о результатах своих разведывательных мер. Он сообщил, что Али-бей весьма удовлетворен «своевременными действиями» графа Орлова (возможно, имелись в виду блокада берегов Османской империи и либеральное отношение к египетским подданным). По мнению Маруцци, подобные настроения египетского правителя позволяют графу А.Г. Орлову сделать и свой шаг навстречу. Он давал совет, чтобы Орлов посетил французское судно, на котором будут возвращаться из Константинополя каирские купцы, проявил к этим купцам благосклонность и в беседе высказал комплименты в адрес Али-бея. Затем, полагал маркиз, следует сообщить через купцов о своем желании вступить с египетским правителем в добрые отношения, о намерении проявлять уважение к товарам Али-бея и рассматривать его подданных как российских друзей⁷³. В условиях российской блокады Восточного Средиземноморья подобная политика имела большое значение. План действий маркиза Маруцци соответствовал этикету восточной дипломатии, а может быть, Маруцци лучше понимал сложность миссии. Однако А.Г. Орлов предпочел действовать иначе.

Излишне говорить, что уже с первых известий Маруцци о благожелательном отношении Али-бея к успехам русских войск Екатерина не переставала внима-

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 40. Л. 115–116.

⁷⁰ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С. 280.

⁷¹ АВПРИ.Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 44. Л. 87об.

⁷² Там же. Ед. хр. 45. Л. 56.

⁷³ Там же. Ед. хр. 76. Л. 78.

тельно следить за событиями, происходившими в Египте, обмениваясь суждениями о них в переписке с Вольтером.

20 мая 1770 г. в письме к Вольтеру она констатировала: «Египетский *король Али* умел воспользоваться случаем» (курсив наш. — *Авт.*). Вероятно, имеется в виду, что Али-бей использовал русско-турецкую войну для отделения от Турции и завоевания Хиджаза⁷⁴. И далее для оправдания своих симпатий к будущему мусульманскому союзнику (маркиз Маруцци уже имеет указание искать пути сношений с Али-беем) императрица в декабре того же 1770 г. добавляла: «Думаю, что Алибей находит более пользы в продолжении войны, нежели в мире. Сказывают, что христиане и турки им очень довольны, что он соблюдает терпимость иноверия и что он храбр и справедлив»⁷⁵. (Аналогичную характеристику Али-бея Екатерина повторяла неоднократно⁷⁶).

Одновременно, 18 мая по н.ст. Вольтер откликнулся на ранние сообщения о провозглашении Али-бея королем и тут же связал их с интересами России: «Есть ли то правда, что Египет свергнул с себя иго мустафьинское, то я уверен, что Ваше Величество имели участие в сей революции. Та, которая могла отправить флот с Невских берегов к Пелопонесу, легко могла отправить в страну пирамид искусного в переговорах человека»⁷⁷. Хотел ли Вольтер выяснить информацию о наличии в Египте российских агентов или таким путем советовал их туда направить, трудно сказать. По-видимому, своим пассажем он хотел достигнуть и того, и другого. Во всяком случае, почти полгода спустя, 12 октября 1770 г., все еще сомневаясь, стал ли «Али ныне царем в Египте», так как от моряков не слышно новостей, Вольтер продолжал развивать свою мысль о российской агентуре: «Я осмелюсь даже сказать, что Ваше Величество, конечно, имели бы уже в сей земле Фараоновой какому-нибудь доброго Израильянина, который бы во имя Господня споспешествовал революции и сообщал бы Вам об ней донесения»⁷⁸. А две недели спустя, 25 октября, фернейский философ поспешил обрадовать императрицу: наконец, ему писали из Марселя, что Али-бей снискал могущество в Египте, добавив в письме от 6 ноября: «Молю Пресвятую Богородицу, которой Али-бей ни мало не верует, чтоб это была совершенная правда»⁷⁹. Впрочем, императрица уже имела от Маруцци более точные сведения о египетском правителе.

Волнения Вольтера по поводу египетских событий понятны, с успехами Али-бея он связывал скорое и полное поражение Порты: еще в мае 1770 г. он писал: «если б египетское возмущение, коим я столько льстил, могло произведено быть в действо, то я бы почел Турецкую империю навсегда истребленную»⁸⁰. В январе 1771 г., в начале сирийского похода Али-бея, Вольтер, впрочем, шутивно

⁷⁴ Сражения Мухаммед-бея с бедуинами Хиджаза, осуществленные по указанию султана, по-видимому, в мировой прессе были расценены как независимые действия Али-бея.

⁷⁵ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиян. М., 1805. Ч. 1. С. 137–138).

⁷⁶ В письме от 12/23 января 1771 г. она пишет: «Лучше изберите господина Алибея Египетского: он справедлив, человетолюбив, вежлив, сверх сего любитель терпимости иноверия; правда любит он иногда и грабить, но иные пороки можно и прощать ближнему своему» (речь идет о разграблении мекканских сокровищ войсками Мухаммеда Абу-з-Захаба) (Там же. С. 148).

⁷⁷ Там же. С. 84.

⁷⁸ Там же. С. 124.

⁷⁹ Там же. С. 127, 130.

⁸⁰ Там же. С. 115.

высказывал свои желания: «Мне также хочется, чтоб он (Али-бей. — *Авт.*) обладал Сириею до Алеппа и чтоб прочия от Алеппа до Дуная простирающиеся области Вам принадлежали»⁸¹. По-видимому, Вольтер допускал мысль о победах Али-бея, хотя все-таки шутил по поводу пространства от Дуная до Алеппо. Любопытно, что сам Али-бей десять месяцев спустя верил в возможность осуществления подобного проекта (но об этом дальше).

Все эти серьезные и шуточные высказывания Вольтера говорили о том, что он придавал большое значение восстанию египетского правителя и его влиянию на военно-политические коллизии тех лет.

Екатерина более трезво анализировала египетские события и старалась предугадать действия Али-бея. 2/13 декабря 1770 г., когда в Европу еще не пришли известия о начале сирийского похода, она писала: «Я думаю, что Али-бею не может не быть выгодно продолжать войну»⁸². 3/14 мая 1771 г., в то время, когда из Сирии доходили смутные сведения о неудачах Исмаил-бея, Екатерина утверждала: «Мир еще не так близок, как гласили газеты; я считаю неизбежную третью кампанию, и г. Али-бею еще будет время укрепиться, а на худой конец, если это ему не удалось, он отправится в Венецию»⁸³. 14/25 августа того же года императрица торжественно восклицала: «Не мешайте султану Али-бею: вы увидите, что он сделается красавцем после взятия 6-го июня Дамаска (Екатерина ошибается на два дня. — *Авт.*). Если б ваша любезная Греция, которая живет только желаниями, действовала с такою силою, как этот владетель, то театр афинский в скором времени не был бы огородом, лицей — конюшнею»⁸⁴. Государыня не предполагала драматичного для Али-бея поворота событий и годом спустя, в августе 1772 г., на реплику Вольтера — «Только этот бедный Али-бей заслуживает сострадания, говорят, что он разбит и обращен в бегство» (речь идет о событиях апреля 1772 г., когда Мухаммед-бей Абу-з-Захаб взял верх над Али-беем) — обронила: «Жалею о маленькой беде, случившейся с нашим другом Али-беем»⁸⁵. (Императрица писала о «маленькой беде», вероятно, потому, что уже знала о совместных действиях российского флота и Али-бея.)

Другая тема, которую развивала императрица в переписке с Вольтером, касается политического статуса Али-бея. 30 августа/10 сентября 1770 г. она не преминула сообщить: «...в Константинополе видели монету, чеканенную именем Али, Короля Египетского»⁸⁶, а 12/23 января 1771 г. она настаивала: «Что бы ни говорил король прусский, Али-бей есть верховный властитель Египта»⁸⁷.

Императрица не только рассуждала со своими европейскими корреспондентами о египетских событиях. Дважды в октябре 1770 г. (21 и 25 по ст.ст.) на заседаниях Совета при Высочайшем Дворе, в деятельности которого она при-

⁸¹ Там же. Ч. 2. С. 12.

⁸² СБРИО. Т. 13. С. 49. В чистовом варианте письма от 4/15 декабря 1770 г. в переводе с французского следует: «Думаю, что Али-бей находит более пользы в продолжении войны, нежели в мире. Сказывают, что христиане и турки им очень довольны, что он соблюдает терпимость иноверия и что он храбр и справедлив» (Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера... Ч. 1. С. 140).

⁸³ СБРИО. Т. 13. С. 73.

⁸⁴ Там же. С. 146.

⁸⁵ Там же. С. 263.

⁸⁶ СБРИО. Т. 10. С. 32.

⁸⁷ Там же. С. 62.

нимала активное участие, читались и обсуждались известия о победах Али-бея в Хиджазе и «совершенном Алибей-пашою покорении Египта»⁸⁸. Вероятно, на тех же заседаниях касались вопроса, поднятого Маруцци, об установлении связей с Али-беем, однако сведений о каких-либо распоряжениях по этому поводу нам не встречалось. Судя по тому, что два месяца спустя — 25 декабря 1770 г. (ст. ст.) — граф Н.И. Панин зачитывал на Совете заготовленный им рескрипт графу А.Г. Орлову о предоставлении «полные мочи о прекращении военных действий в Архипелаге, если Порты пожелает»⁸⁹, внимание Екатерины и первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел переключилось на обсуждение проекта «частного мира», распространявшегося на Средиземноморье и, следовательно, вопрос о связях с Али-беем временно терял свою актуальность.

Перед Екатериной и ее окружением встал более важный вопрос о дальнейшем предназначении дорогостоящего пребывания флота в Средиземноморье. Это потребовало присутствия в Петербурге А.Г. Орлова, срочно покинувшего Ливорно и прибывшего 4 марта 1771 г. в северную столицу, на чей неожиданный приезд отозвались одами известные поэты⁹⁰. 10 марта Совет при Высочайшем Дворе обсуждал текст вверяемых А.Г. Орлову полномочий на заключение «частного мира» с Портой и «трактатов с африканскими державами».

По-видимому, с этим, пробыв в России месяц, А.Г. Орлов и отбыл в Ливорно. О проекте «частного мира» речь больше не шла; далее он рассматривался в контексте общего мирного договора, а Алексей Григорьевич занялся организацией блокады османских берегов и крейсирования отдельных отрядов в Архипелаге. Тогда-то к августу 1771 г. он, наконец, оказался перед необходимостью расширить театр военных действий до берегов Сирии и Египта.

Теперь вопрос о взаимодействии с Али-беем стал насущным, и Орлов отправил 1 августа 1771 г. брата Федора с небольшой эскадрой к острову Родос и далее к берегам Африки. Есть основания полагать, что было также дано распоряжение некоторым греческим крейсерам и находившемуся на русской службе капитану Корейлю («корсару», как именовали его европейские газеты) перебазироваться в эти воды. В пути Ф.Г. Орлов заболел и вернулся в порт Ауза, однако он командировал к устью Нила артиллерийского капитана Львова (его имя пока, к сожалению, установить не удалось). Тот, следуя практике Архипелагской экспедиции, составлял карты берегов Родоса, Кипра и устья Нила, послав тем временем грека-переводчика Карбуни для «тайной беседы с Али-беем»⁹¹.

О дальнейшей судьбе миссии Карбуни мы узнаём уже из письма Али-бея, который, впрочем, не называл имени посыльного. Правитель Египта сообщал, что к его секретарю прибыл человек, рассказавший, что ему было вручено для передачи Али-бею письмо от графа Орлова, но «письмо» он потерял в пути. (Полагаем, что

⁸⁸ АГС. С. 64.

⁸⁹ Там же. С. 71.

⁹⁰ Петров В.П. Ода его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову на прибытие его из Архипелага в Санкт-Петербург. 1771 марта 4 дня. [СПб., 1771]; Потемкин П.С. Стихи на приезд из Архипелага графа Алексея Григорьевича Орлова, сочиненные 1771 году, марта 4 дня. [СПб., 1771].

⁹¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Т. XII. С. 11. «Планы» островов, устья Нила и «других приморских местоположений» вместе с «журнальной о сей посылке запискою», сопровождаемой примечаниями Карбуни, Алексей Григорьевич направил через Львова императрице только в мае 1772 г. «для любопытства».

письма и не было, так как Алексей Григорьевич предпочитал не доверять тайн бумаге, да и послан тот был, по другой версии, всего лишь для «точного о нем [Али-бее] осведомления», впрочем, рассказ об утерянном письме мог быть частью сценария самой посылки). Этот человек (безусловно, Карбуни) «просил, чтобы ему дано было подробное известие обо всех здешних делах и обстоятельствах», в чем «ево всем удовольствовались». Однако, надо полагать, из боязни турецких провокаций эти бумаги не имели подписей. Они были доставлены секретарю А.Г. Орлова И.В. Миловскому, который 6 сентября направил Карбуни в Каир вторично с письмом Али-бею, извещающим о том, что безымянные послания получены⁹². Этот ответ Миловского и стал, как видно из документов, поводом для составления Али-беем, а также его первым секретарем и астрологом, коптом муаллимом Аталлой Риском и «полномочным послом» венецианским торговцем Карло Росети своих посланий, которые в переводе с итальянского — дипломатического языка Средиземноморья — и донесли нам голос участников событий. Эти письма представляют исключительный интерес для понимания самосознания Али-бея и его доверенных лиц, а также формы, в которой они стремились представить свои намерения российской стороне. На страницах этих писем Али-бей предстает суверенным правителем и в то же время выразителем протеста жителей «Большого Египта» («мой государь завладеет всем Египтом до Персидския границы», т.е. территорией бывшего мамлюкского султаната) против «варварского ига» турок («турки как Сурии, Ерусалиму, так и протчим местам делают великую несправедливость»). Али-бей «принял оружие», чтобы это иго истребить, и потому встретил поддержку жителей Сирии, перешедших на его сторону (здесь уже имеет место большое преувеличение). Он покровительствовал христианам и защищал Святые Земли, за что получил помощь от Бога.

Письма Али-бея и его высших должностных лиц, согласно их статусу, были составлены по форме дипломатических посланий персон суверенного государства. Они были предназначены установить дружеские отношения между двумя самостоятельными государями и обменяться посольствами. По правилам дипломатической переписки содержание каждого послания соответствовало прерогативам и обязанностям его составителя.

В качестве суверенного государя Али-бей обращался к российской императрице через ее уполномоченного графа А.Г. Орлова. Его послание должно было уверить Орлова в дружеских чувствах, порожденных единомыслием («одинако мыслящими людьми»), основанным на обоюдной приверженности справедливости (в данном случае, общей борьбе с тираническим правлением османского султана). При этом Али-бей выразил свое сожаление по поводу запоздавшего обращения к нему Орлова. (Екатерина была права, когда расценила публичные демонстрации Али-

⁹² Судьба Карбуни сложилась печально, о ней известно из записи Орлова: «сей посланной не доехав до Ливорны (где он должен был устно доложить о своей миссии. — Авт.) и умер, и потому все с ним потоплено, чтоб он мог из примечаний своих болше на словах пересказать», т.е. все то, что Карбуни мог рассказать, погибло вместе с ним. Эта пометка Орлова сделана на сохранившейся «Копии с записи и особливых примечаний учиненных переводчиком греком Карбуни». О самом Карбуни сказано, что он во время посылки артиллерии капитана Львова к египетским берегам, «будучи высажен на твердую землю, послан был в город Каир обыкновенную резиденцию нынешнего египетского владельца Алибея для точнаго об нем осведомления». Ни о каком письме Орлова, якобы утерянном Карбуни, речи, таким образом, нет (РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 20–21).

Али-бей на венецианской гравюре XVIII в.

беем своего одобрения российских побед как сигнал к установлению российско-египетских связей.) Изложение же конкретных вопросов Али-бей, как положено государю, возложил на своих должностных лиц.

«Перевод с перевода италианскаго писма Али бея египетскаго к графу А.Г. Орлову Каир 1185 года 4-го шабана (1771 22 ноября)

От двора королевскаго великаго Каира, владения Иосифова, покровительствуемаго всевышним, на котораго Али бей все свое упование возлагает, драгоценнейшему и любезнейшему другу, почтеннейшему льву, сиятельному графу Орлову, главнокомандующему сухопутными и морскими войсками, уполномоченному ея императорским величеством благополучнее всех царствующею государынею, которой Бог и впредь да поможет побеждать несправедливость и увенчает ея славою и честью.

С начала прихода Вашего с нетерпеливостию ожидали мы от вас писем, но к неудовольствию их не получили, поведение уже ваше с подданными нашими утешило нас, и чрез оное узнали и обнадеялися на любовь вашу и на дружбу вашей всемилостивейшей государыни. Добрые ваши качества, а особливо справедливость, заставляют нас желать и искать взаимной дружбы. Не сомневаюсь ее достигнуть: между одинако мыслящими людьми свободно оная приобретается и утверждение бывает.

Писма вашего сиятельства я не получил, человек, которому вручено оное было, потерял, пришел к моему секретарю, изъяснился и просил, чтобы ему дано было подробное известие обо всех здешних делах и обстоятельствах. Ево всем удовольствовались, только всию, что ему далось, было без подписи.

Тот же человек, возвратясь сюда, привез к нам письмо от вашего велика секретаря и военнаго советника господина Миловскаго⁹³, чрез которое узнали, что безмянные письма до вас дошли, оное же и поводом служило писать к вам сие и уверить о нашей дружбе, еще и к сему прилагается письмо от перваго нашего советника с некоторыми известиями. Сие письмо вверено господину Карлу Росети, котораго назначили мы полномочным послом к вашему сиятельству, он уже отправился в Дамият, там остановится и будет ожидать от вас ответу, ему также приказано сообщить о намерениях наших посланному от вас фрегата капитану господину Карелию.

Да благословит Вас Бог на вся благая

Подлинник на арабском языке от царя египетскаго к графу Алексею Орлову с приложением королевской печати»⁹⁴.

⁹³ Речь идет о секретаре А.Г. Орлова Иване Васильевиче Миловском.

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 6, 6об., 7.

Первому министру Аттала Риску⁹⁵ надлежало показать в самом привлекательном виде идейные и политические основания египетского государства, охарактеризовать его современное состояние и военно-политические цели. Его информация должна была возвеличить деяния и достижения его государя и по-восточному приукрасить действительное положение дел. Желая вызвать благосклонность российской стороны, Риск акцентировал стремление Али-бея к защите Святой Земли (хотя Иерусалим в это время оставался под турками). Апеллируя к общности политических интересов обеих сторон, Риск с полной прямоотой обозначил разделение будущих сфер влияния (так напоминавшее полужутливые планы Вольтера) и ближайшие стратегические планы Али-бея — завоевание с помощью русского флота Кипра, ключа к морским коммуникациям Сирии.

«Перевод с перевода италианского писма Египетскаго министра Resch Attala⁹⁶ к графу Алексею Григорьевичу Орлову от 9-го шабана месяца 1185 года а по нашему счислению ноября от 22го 1771 года

Превосходительнейшей главнокомандующей морскими и сухопутными российскими войсками генерал полномочной Ея императорскаго величества щастливо царствующей государыни всея России (которой Бог да поможет во веки быть победительницею и увенчает славою).

Наш любезнейший брат и почтеннейший господин граф Орлов, да будет милость Божия с тобою, по отдании нижайшаго поклона уведомляю, что турки как Сурии, Ерусалиму, так и протчим местам делают великую несправедливость, мой же Государь по своему усердию и по моим представлениям⁹⁷ употребляет все возможное, чтобы освободить Святую Землю от ига варварскаго и для того противу их принял оружие. Первое старание его было обеспечить свое владение верхняго и нижняго Египта, все гавани и город Gedda, в помянутых местах истребити все, что только туркам принадлежало и им пользовало⁹⁸. По исполнении отправил он войска свои для взятия города Gaza, в то же самое время, когда войски императрицы вашей с великим успехом противу неприятеля действовали. За все от Бога посланные победы я принес благодарение Иисусу Христу и которые утвердили меня о преимуществе Христианского закона. После взятия Газы покорены города Rata, Giaffa, Napoli di Soria⁹⁹ и протчия и все те войска числом до 20-ти тысяч, которые были противу моего государя, соединилися с нашими; сему примеру последовал и сух [шейх] Дахер d'Acric со всеми сыновьями и зависимыми (из которых можно набрать до 30 000 войска), так же и Metuali по взятии крепостей и по истреблении нашей множество турок с великим числом вооруженных поддалися моему государю. Потом взят город Seida, и все Drusi, обитавшие на горе Либано прислали просить о покро-

⁹⁵ Ориан передает его имя как Абдалла Риск, который в качестве «оракула» (астролога) напроочил падение Константинополя, как и часть несостоявшихся побед Али-бея (Auriant. Catherine II et l'Orient. 1770–1774. P. 209. См. также: Lockroy Ed. Ahmed Le Boucher. P. 75.

⁹⁶ По-видимому, так передали в итальянском тексте имя муаллима Риска, которого Али-бей именвал «первым нашим советником» (по арабской номенклатуре, вероятно, — главный писец, своего рода статс-секретарь), а сам Риск, в соответствии с европейской табелью о рангах, — «министром».

⁹⁷ Скорее всего, Риск имел в виду свое влияние на Али-бея в качестве его астролога.

⁹⁸ Сюда, видимо, относится истребление Али-беем офицеров османского подразделения янычар и откупщиков таможен из еврейской общины.

⁹⁹ Речь идет о Яффе и Набулусе.

вительстве. На сих днях приуготовляются в свои места отправиться назначенныя начальники в Ерусалим и в другия вышеупомянутыя провинции. Вижу, по всем обстоятельствам что Бог вспомоществует моему государю за покровительство христианам и за защищение Святых его Земель с великим удовольствием со всех сторон слышу о вашем к нам доброжелательстве.

Господин мой в знак любви своей послал к Вам свое письмо и приказал мне уведомить Ваше превосходительство о своих желаниях. Полезно и очень было бы, ежели бы Ваше превосходительство послали несколько кораблей с искусным генералом для взятия острова Кипра, в то же время и государь мой отправил бы начальника с достаточным числом войска для принятия онаго, тогда ежели бы вы и захотели, могли бы корабли свои и возвратить. Успех предприятия сего служил бы великою пользою, несумнительно, чтоб после онаго все соседственные с оным островом места Государем моим покорены были гораздо скорее и без малейшаго затруднения, и причинил бы туркам превеликое разорение, после чего б дружба наших государей знатно возрасла и взаимным посольством еще более укрепилась; с нашей же стороны обещаем все то исполнить, что от вас требуется ни будет.

Изъясняя таким образом, прошу ваше превосходительство чрез таможни александрийскую или дамиатскую мне подробно на все ответствовать. Мы нетерпеливо ожидать будем. Безпрекословно сим образом истреблена будет Порто оттоманская, мой государь завладеет всем Египтом до Персидския границы, а вы возьмете Константинополь. Таким образом, падут оттоманы. Между нами не будет раздѣлу; земли наши будут ваши, а ваши наши. Да умножит Господь Вашу славу.

Resch Attala minister del governo d'Egitte

Оригинал на арабском языке¹⁰⁰.

Как и положено «полномочному послу», Карло Росетти сообщал о своей готовности приступить к обсуждению «условий о взаимных полезностях» и ожидал от А.Г. Орлова согласия на аккредитацию.

«Из Дамияты от 23 ноября 1771 г.

После учиненнаго великим секретарем кабинета и государственным тайным советником господином Миловским ответа от 6 сентября на мое без подписи отправленное письмо, которой доставлен здешнему владетелю, вознамерился он отправить меня к вам для условия о взаимных полезностях, как для вашего превосходительства, так и для сего Государства. Между тем полученное известие о прибытии к Дамиату капитана Корелия с фрегатом побудило его послать вскорости меня для вручения тому капитану непосредственнаго к вашему превосходительству письма, а при том и для спознания, естли можно, намерения вашего превосходительства. Сколько ни спешил я своим сюда приездом, но, к сожалению, не застал капитана Корелия, которой, отходя, оставил письмо на имя его величества Алибея, царя египетскаго, ерусалимскаго и вся Сурии, разпечатав оное по порученному мною уполномочению, усмотрел я, что он намерен был опять сюда приехать, а в то же время сообщил он о некоторых призах, принадлежащих здешнему владетелю и его подданным, почему и желаем мы, чтоб оныя были возвращены. Пять дней прождав тщетно того офицера, решился нанять французскаго капитана Людви-

¹⁰⁰ Там же. Л. 3, 3об., 4, 4об.

*ха Адофрена*¹⁰¹ для доставления вашему превосходительству писма египетскаго владельца купно с другим от его перваго министра. Не знаю, поступит ли Ваше превосходительство на какое действие, не заключа прежде точнаго договора, но сие будет от неукоснительнаго решения с стороны Вашего Превосходительства и естли приезд мой найдется пристойным, одно слово Ваше о том заставит здешняго владельца немедленно отправить меня в путь. Я чрезмерно рад буду спознати особу, одаренную толь отличными достоинствами. Решить скорым возвращением помянутаго капитана, удостоюсь ли я увидеть вас, со всенижайшим почтением, утвердить, что пребываю Вашего превосходительства. Покорнейший Слуга Росетти»¹⁰².

Пакет с посланиями Али-бея, Риска и Росетти (письма, по словам Г.А. Спиридова, «писанные по-турецки», т.е. арабской графикой) был доставлен на о. Парос на французском судне 3 декабря ст. ст. 1771 г., всего на несколько дней разминувшись с отбывшим в Ливорно А.Г. Орловым. Пакет получил Г.А. Спиридов, и тотчас письма были отправлены в Ливорно¹⁰³. Сам же Спиридов вступил в переписку с К. Росетти по поводу захваченных судами под российским флагом египетских призов и пленнх. Он заверил этого «полномочного посла» Али-бея в том, что все египетские товары или полное возмещение их стоимости будут возвращены их владельцам¹⁰⁴.

Карло Росетти, согласно документам архива Государственного совета, в декабре 1771 г. посетил Парос, а затем имел встречу с А.Г. Орловым¹⁰⁵.

ПЕРВЫЕ ЭПИЗОДЫ РОССИЙСКО-АРАБСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. 1772 ГОД

На послание Али-бея ответ был составлен А.Г. Орловым, и этот ответ, действительно, был образцом дипломатического искусства. Уже в самом обращении текст соединял в себе российский и арабский дипломатические формуляры:

¹⁰¹ Ориан пишет капитан Luis Audiffren (Catherine II et l'Orient. P. 209).

¹⁰² РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 10.

¹⁰³ Письмо Г.А. Спиридова Риску (Там же. Л. 13–13об.), в котором Григорий Андреевич не только извещал Риска о получении посланий, но счел нужным (симметрично письму Риска) дать оптимистические сведения о победах России на суше и море.

¹⁰⁴ Письмо Спиридова представляет интерес с точки зрения описания, по крайней мере в идеале, порядков, заведенных в архипелагской канцелярии в отношении призов и пленнх. Адмирал писал: «сие (захват призов. — Авт.) происходит не от того, чтоб хто из команд наших был желающ к прибыткам, а паче мы, командиры, по военным обстоятельствам дабы не подать подозревающим больше сумнительств, однако со всем тем, что получаем, делается всему осмотр и верная с оценкою записка, по которой видно, ежели повелено будет, хотя за продажею не вещами, а по оценке даже деньгами, тем, чье было, заплатить; все у нас записывается верно, пленнх по милосердию нашей великой государыни императрицы всероссийской мы имеем старание дабы сыскивать случаи и способы оных освободить без всякой корысти и выкупов, как уже то и исполнениями точно доказано... и сколько еще есть и будет владения государя Египта и высокоставного правителя Али-бея подданных, постараемся в Дамиато или куды пожелают отпустить» (РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 17).

¹⁰⁵ См.: Перминов П. Три эпизода из истории русско-арабских связей // Азия и Африка сегодня. 1987. № 7. С. 36.

«Мы, Алексей, граф Орлов, Ея Императорского Величества Екатерины II, Самодержицы Всероссийской, уполномоченный генерал, главнокомандующий в Леванте (уже в Леванте, т.е. Восточном Средиземноморье, а не только Архипелаге! — Авт.) Российскими морскими и сухопутными силами, шеф и всех Российских орденов кавалер Славному победами Али-бею, великоленному обладателю Египта и Сирии; во всей Палестине и отдаленных странах сильному и страшному врагам своим, аки лев оленям; победителю неприятелей и храброму защитнику Иосифова царства. Желаем от дружеского нашего сердца здоровья, счастья, великолетия и славы оружия, которое Всевышний непрерывными да венчает победами».

А.Г. Орлов

Далее А.Г. Орлов давал знать Али-бею, что он оценил его тонкий намек на почитание равно мусульманами и христианами библейского Предания и даже развивал эту мысль, сравнивая Али-бея, освобождавшего многие народы от их мучителей, с Иосифом, некогда избавившим египтян от голода. Он также подтверждал свое полное признание территориальных претензий Али-бея и его право на защиту Святых мест, сопровождая это признание восхвалением Али-бея, по-восточному неумеренным, которое, вместе с тем, было соединено с классическими риторическими фигурами:

«Получено нами почтеннейшее письмо ваше, из которого с удовольствием усмотрели мы выражение вашей к нам дружбы и, взаимно постоянным усердием соответствуя с нашей стороны, благодарим Всевышнее Проведение, которое в древние времена послало Иосифа в землю Египетского царства для избавления народа от глада, а ныне, услышав горестные воздыхания людей страждущих под тягчайшим игом и несправедливостью, избрало вас, храброго и славного героя, великоленного и разумного вождя и послало на освобождение народов из рук мучителей, которых Бог, покоряя непрерывно сильному вашему оружию, учинил вас победителем Египетского царства, защитником святых мест и избавителем малых народов, кои, пребывая в благоденствии, во все концы света прославляют храбрость, силу, правосудие и редкие добродетели нового обладателя Египта, Сирии и окрестных земель, покоренных такому победителю, который как оружием, так и победами во всех восточных странах час от часу прославляется; так великодушием и щедростью к своим народам в отдаленных пределах света бессмертным учинил свое имя, подавая потомкам своим живой образ храбрости и добродетели».

В завершение А.Г. Орлов уверял Али-бея в искренности своих дружеских чувств и сообщал, что посылает письмо через высокую персону И.Войновича — кавалера ордена Св. Георгия Победоносца и графа (в ответном письме Али-бей подчеркнет свое удовлетворение высоким рангом посланника Орлова). И. Войнович направлялся на военном фрегате, он был уполномочен к «словестным изъяснениям» со столь же доверенной персоной Али-бея:

«По непременно нашей к вам дружбе и доброжелательству, имея мы во всем том персональное удовольствие, благодарим вам за писание ваше и в ответ на оное отправляем сие взаимно с нарочным офицером и кавалером графом Войновичем для доставления вам чрез такую персону, какова, по доверенности вашей, прислана к нему будет на фрегат для принятия как сего нашего письма, так и словесных изъяснений».

яснений, которые от нас поверены помянутому кавалеру Войновичу. Примите оные за знак доброго нашего к вам усердия и постоянной дружбы и верьте, что мы от искреннего сердца желаем, чтоб Всевышний благословил оружие ваше непрерывными над неприятелем победами, и венчал бы все добродетели ваши здравием и долголетием, счастьем, славою и великолепием для благополучия подданных и для утешения ваших приятелей. Ваш доброжелательный друг граф Алексей Орлов. Дано в Италии, в Тоскане, в городе Пизе, Апреля месяца двадцать шестого числа 1772 г.»

В постскриптуме для полной симметрии текстов Орлов добавил: «При подлинном письме приложен перевод на Итальянском языке, на котором и из Египта при Арабском оригинале прилагаются переводы»¹⁰⁶.

Как видим, А.Г. Орлов по-прежнему не доверял секреты бумаге и всей миссии придавал тайный характер: Войнович должен был принять доверенную персону на борту фрегата, не сходить на сушу и не ехать в Каир. Все это указывало на то, что недоверие между сторонами еще не было преодолено.

Тем не менее, послание Али-бея и ответ А.Г. Орлова сохраняют и теперь чрезвычайный интерес, свидетельствуя о поисках двумя политиками путей взаимопонимания: письма в подтексте содержат межрелигиозный диалог, призванный найти религиозно-нравственное оправдание союзу двух субъектов, исповедующих разные религии. А во главу угла ставится освобождение народа от османского угнетения.

Копию своего ответного письма Али-бею А.Г. Орлов направил 23 мая 1772 г. Н.И. Панину с просьбой поднести ее императрице и сделал приписку, что само письмо послал несколькими днями ранее на нарочном фрегате из Ливорно¹⁰⁷. Иными словами, Алексей Григорьевич не торопился: между письмом Али-бея и ответом ему Орлова прошло почти полгода(!) И, если исключить время, необходимое для доставки египетских посланий на Парос, затем в Ливорно, оттуда в Петербург и обратно в Ливорно, все равно не менее двух месяцев Орловым было упущено¹⁰⁸. Очевидно одно — Алексей Григорьевич не испытывал энтузиазма, как в начале войны, не проявлял решительности и был осторожен. Вероятно, все это явилось следствием пережитых разочарований от взаимодействия с греками, было реакцией на изменяющуюся международную обстановку и, возможно, на признаки охлаждения императрицы к Г.Г. Орлову. К тому же, ему, преданному идее войны «против врагов имени Христова», видимо, нелегко было обрести религиозно-нравственное оправдание союзу с мусульманским правителем.

Правда, 11/22 апреля 1772 г. по указанию Алексея Григорьевича из порта Ауза на шебеке «Греция» был послан к египетским берегам лейтенант и кавалер Антон

¹⁰⁶ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773 // Русский архив. 1880. III (2). С. 246–247.

¹⁰⁷ Всподданнейшее донесение А.Г. Орлова от 23 мая 1772 г. было направлено в Петербург все с тем же офицером Львовым, который должен был вручить императрице бумаги, связанные с его посылкой к египетским берегам в августе 1771 г. (Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 8–11).

¹⁰⁸ Мы имеем в виду время между отсылкой Спиридовым 3 декабря 1771 г. египетских писем в Ливорно, которые должны были быть доставлены Орлову не позднее начала января 1772 г., сроком отправки их 25 января в российскую столицу, где они по прибытии немедленно 27 февраля были обсуждены на Государственном совете, и распоряжения по которым, надо полагать, также оперативно были направлены Орлову, и получением правительственных указаний, которые должны были дойти к нему в самом начале апреля.

Псаро, давний соратник Орлова и «генеральный депутат» Архипелагского княжества. Затем и флигель-адъютанту Орлова майору и кавалеру Георгию Ризо, с января крейсировавшему вдоль берегов Анатолии, было приказано направиться с небольшой эскадрой греческих судов, находившихся на русской службе¹⁰⁹, через Родос к сирийским берегам и плавать между ними и Александрией¹¹⁰. Согласно рапорту Георгия Ризо, его эскадра должна была «по силе данных повелений... не токмо на море, но и на сухом пути делать по возможности всякий вред неприятелю»¹¹¹

Посылка в регион греческих, а не русских судов, по-видимому, объяснялась лучшим знакомством их экипажей с условиями судоходства по Средиземноморью, помимо этого позволяло во время перемирия «откреститься» от «маленькой греческой флотилии»¹¹², но одновременно указывала на второстепенный статус предстоящей операции.

Уже в пути А. Псаро получил с венецианского судна известие о бегстве Али-бея в Палестину, о чем он 2 мая сообщил Спиридову¹¹³. К Дамиетте Ризо и Псаро прибыли 18/29 мая, застав там фрегат «Св. Павел» (капитан Панайоти Алексиано) с И. Войновичем на борту. Вначале Ризо и Псаро приняли решение встать на рейд Дамиетты, «чтобы вредить вражеской торговле и перехватывать их продовольствие»¹¹⁴. Однако поскольку Псаро получил от взятых в плен «турок» (по-видимому, египтян-мусульман), известие, «что *паша* Алибей¹¹⁵ из Египта турками выгнан и живет в сирийском городе Кайфе и дожидает какого-нибудь судна, чтобы ему куда-нибудь, опасая турок, уехать», то было принято решение идти к Хайфе «для взятия помянутого паша, ежели он поедет для отвозу его в Аузу или он куда пожелает»¹¹⁶. Но прежде того эскадра разделилась и последовала «для поиску неприятеля в разные места вдоль сирских берегов». Ризо «пошел к городу Сури (Сур, или древний Тир. — *Авт.*) в намерении атаковать его»¹¹⁷, а Псаро «держал курс к берегам Scaroronto [чтобы] прикрыть своим присутствием этот остров, где находится много судов дульцинотов»¹¹⁸.

Из этих сообщений следует, что эскадра Ризо-Псаро направлялась к сирийским и египетским берегам не по просьбе Али-бея о помощи¹¹⁹ (в начале апреля, когда отправлялась эскадра, Али-бей находился еще в Каире), а с целью нанесения вреда про-

¹⁰⁹ Согласно письму А.Г. Орлова, опубликованному в «Gazette d'Amsterdam» (1772. № 85), эскадра состояла из шебеки «Св. Николай» (12 пушек и 90 человек), поляки «Нотр Дам де Монте Спалео» (30 чел.), шебеки «Св. Катерина» (16 пушек и 90 чел.), барки «Тщек Дам де Каликита» (12 пушек и 70 чел.) и трех малых судов (всего участие приняли 360 греков). По другим данным, фигурировали две шебеки и две полугалеры. По-видимому, речь шла о тех четырех кораблях, находящихся на собственном содержании, с которыми Г.Ризо служил в русском флоте (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед.хр. 645. Ч. II. Л. 78.)

¹¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 182.

¹¹¹ Там же. Л. 216.

¹¹² Так именовали ее в европейской прессе.

¹¹³ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 182. Действительно, ночью 17/28 апреля 1772 г. Али-бей выступил с казной и верными ему мамлюками из Каира. 27 апреля/8 мая он достиг Газы, 4/15 мая соединился с Захиром ал-Омаром в Рамле (*Crecelius D. The Roots of Modern Egypt. P. 94.*)

¹¹⁴ G. d'A. 1772. № 85.

¹¹⁵ Возможно, так называли Али-бея египтяне, рассматривая его каиммакамом османского паша, а не султаном. Впрочем, «пашами» греки именовали знатных египтян.

¹¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Шканечный (или вахтенный) журнал шебеки «Греция» был опубликован в сокращении в «Материалах для истории русского флота». Ч. XII. С. 58–59.

¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 216.

¹¹⁸ G. d'A. 1772. № 85. О. Скарпанто или Карпатос расположен между островами Крит и Родос.

¹¹⁹ Такая точка зрения утвердилась в отечественной и европейской литературе (К.М. Базили, В. Персен, П. Перминов, Т.Ю. Кобищанов и др.), но она упрощает путь, пройденный обеими сторонами к взаимодействию.

тивнику и, по-видимому, разведывания положения дел в Египте, хотя о дружеском расположении к России Али-бея на эскадре знали (иначе, зачем было думать о его спасении!).

Дальнейшие события разворачивались следующим образом: эскадра Ризо, направляясь к Суру, обнаружила возле Акки в море арабскую фелуку, посланную Али-беем, узнавшим о появлении российских судов. Али-бей приглашал капитанов судов зайти в Хайфу «для учинения некоторых переговоров о военных действиях»¹²⁰. Однако осторожный Ризо сначала направил на фелуке албанского майора Чевало (Giasomache Gavala) с греком-переводчиком, «дабы лучшее получить обо всем сведение», а сам, продолжив путь к Суру, приготовился к высадке десанта. (Надо сказать, что эта операция могла стать большой тактической ошибкой Ризо, поскольку Сур принадлежал мутуалиям и пребывал под контролем шейха Захира¹²¹, османская же угроза нависла в этот момент над Сайдой.)

Крепость на Хайфском заливе — Акка

В свою очередь, албанский майор также не явился в лагерь Али-бея, а направил к нему переводчика. И только после того, как тот был «с честью» принят, получил «кафтан, по обыкновению восточному» и возвратился в сопровождении египетского офицера, доставившего Ризо просьбу Али-бея прибыть со своими судами в Хайфу¹²², сомнения рассеялись.

23 мая/3 июня на рейде Хайфы появился и Псаро, заставший там эскадру Ризо. В те же дни подошел «Св. Павел» с графом Войновичем, везшим долгожданный ответ А.Г. Орлова Али-бею и облеченным полномочиями вести переговоры. Теперь, наконец, создались все условия для совместных действий.

Хотя албанский майор нашел Али-бея с видом «скорее победителя, без каких-либо ощущений обескураженности»¹²³, ситуация для него складывалась критическая. По ферману султана, командующему султанскими войсками (сераскиру) Осман-паше ал-Мысри предписывалось вернуть под османское управление Сайдский эялет. Его армии придавались войска алеппского правителя под командой Халиль-паши ад-Дели, валия Урфы, и ливанское ополчение («друзигорское», со-

¹²⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 218 об.

¹²¹ В «Дневной записке пути из острова Пароса в Сирию флота лейтенанта Сергея Плещеева», датированной сентябрем-октябрем 1772 г., Акка, Сайда, Сур и Хайфа с множеством деревень рассматриваются как владения шейха Захира (Кислягина Л.Г. Тайная миссия лейтенанта русского флота Сергея Плещеева в Сирию в 1772 г. // Арабский Восток. Сб. статей. М., 1997. С. 95).

¹²² РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 218 об.

¹²³ G. d'A. 1772. № 85. Между тем, какие-нибудь две недели назад при встрече с шейхом Захиром Али-бей был крайне угнетен и, согласно хронике Михаила Саббага, плакал и даже тяжело заболел. Но затем он обрел мужество, и на совещании с Захиром и Ибрахимом Саббагом выработал планы своего возвращения с помощью шейха Захира в Каир (Ас-Саббаг Михаил Никола. Тарих аш-шайх Захир ал-Умар аз-Зайдани. Изд. о. Конст. Баша. Харисса. Б.г. С. 120).

гласно русскому переводу, так как Ливанские горы именовались еще Джеббель-Друз — Друзскими горами). Османские войска наступали не со стороны Палестины, а через горную территорию дружественного ливанского эмира. Вместе с ливанским ополчением их численность по реальным подсчетам ливанского историка и деятеля арабского Возрождения (Нахды) Тануса аш-Шидияка, достигала 20 тыс. человек и вдвое превышала численность вооруженных сил шейха Захира, союзных ему мутуалиев и Али-бея¹²⁴. Турецкие войска обложили Сайду. После недели осады Ахмед Денгизли был готов сдать город.

24 мая в лагере Али-бея стало известно, что со стороны Бейрута к Сайде направляется еще и турецкий фрегат с десантным войском. И вот тогда-то Али-бей и Захир обратились за помощью к Ризо. Так, в военные действия вступила российская эскадра. Навстречу фрегату были направлены три греческих судна из эскадры Ризо (под командой Стефанопопули¹²⁵, Калига и Вальзамати), которые заставили фрегат повернуть в море, за ним последовали более мелкие суда, блокировавшие Сайду. Одно из них село на мель и было сожжено греческими моряками. Турецкий экипаж вплавь добрался до берега и, влившись в ряды османской армии, внес «страх и смятение» слухами о приближении всего российского флота¹²⁶. Артиллерийским обстрелом по турецкой армии российские суда открыли сражение, обратив в бегство турок, занимавших позиции на укреплениях¹²⁷. Началось сражение сухопутных сил, «с обеих сторон, по словам К.М. Базили, дрались с большим упорством и даже с некоторой тактикой»¹²⁸. Итог кровопролитного сражения решила мамлюкская кавалерия¹²⁹. Сообщая А.Г. Орлову об этой победе, шейх Захир ал-Омар в своем письме отдавал должное совместным усилиям и с немалым преувеличением успехов писал: «...соглася и соединяясь, нападших на них турецких неприятелей друзигорского войска более 50 тысяч прогнали, причем убитых с их стороны числа нет»¹³⁰.

¹²⁴ *Аш-Шидияк Танус*. *Китаб ахбар ал-айан фи Джабаль Любан*. Бейрут, 1858. С. 389–390.

¹²⁵ Жозеф Стефанопопули 14 января 1772 г., одновременно с Панаиоти и Александром Алексиа-но, был произведен «во флот лейтенантом» и было приказано всех троих «числить по списку флота в комплекте» (Материалы для истории русского флота. Т. XII. С. 62).

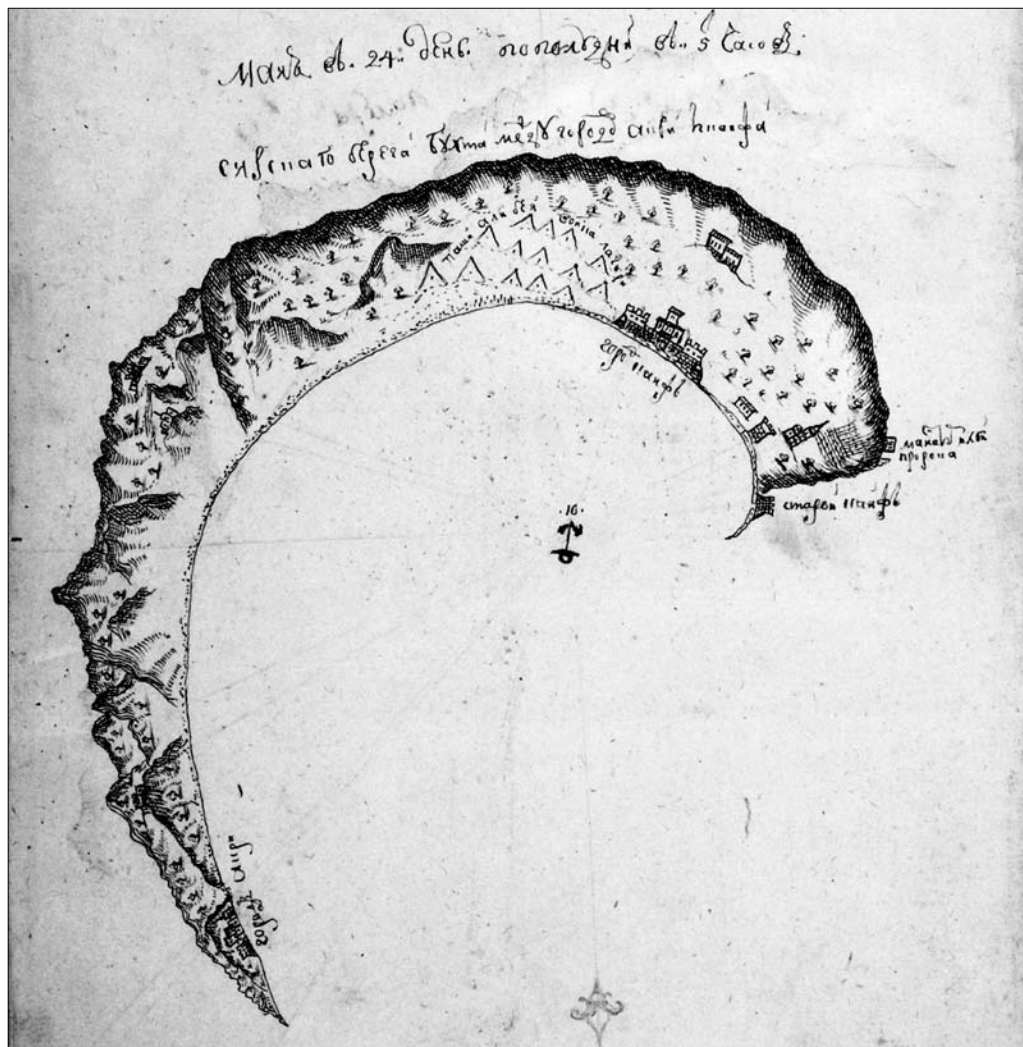
¹²⁶ *Ушаков С.* Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского: в 3 ч. СПб., 1811. Ч. 3. С. 64.

¹²⁷ В. Персен полагал, что участие российского флота в сражении было решающим фактором победы. Он ссылается на аналогичные суждения современника событий флорентийца Дж. Марити, арабских хронистов Т. аш-Шидияка и Х. аш-Шихаба, ливанского историка Кустантина ал-Баша (*Persen W.* *The Russian Occupations of Beirut*. P. 280). Возникли слухи, что шейх Захир заплатил русской эскадре за участие в этой операции, однако Персен не был склонен им верить. Между тем, этим слухам доверяли Вольней, Локрой и Ориан. Российские источники, фиксировавшие только оплату операции под Бейрутом, эти слухи не подтверждают.

¹²⁸ *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством. С. 78.

¹²⁹ Заслуживающий внимания опыт реконструкции сражений под Сайдой и Бейрутом, осуществил Т.Ю. Кобищанов (см: *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом. № 1. С. 9–16). К сожалению, автор безосновательно рассматривает действия греческой эскадры, находившейся на российской службе, как операции греческих корсаров. В арабских хрониках речь идет о кораблях русского (москоби) флота, но не о корсарах. Локруа и Ориан, излагая французскую точку зрения, пишут столь же безосновательно о «пиратских операциях» греческого флота под русским флагом.

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 66. Экстракт из письма «Дагера Омора шейха Акрийского». Более достоверным представляется сообщение, помещенное в «*Gazette d'Amsterdam*» (№ 86), почерпнутое из письма, полученного из Ларнаки (Кипр): «...шейх Сура (Тира) в Финикии отправил курьера, чтобы сообщить, что войска шейха Даггера одержали победу 11 июня при Сайде над Дели-Халил-пашой, правителем Килиса и друзьями под командой Эмир-Юсуфа, что проигравшие потеряли более 500 человек убитыми, а шейх Даггер не более 363 человек, что его сын [Али] после того, как преследовал побежденных, сжег 5 больших деревень и мост через реку в Сайде».

Вид на Хайфский залив с городами Акка (слева) и Хайфа с лагерем Али-бея (справа). 1772 г. из вахтенного журнала шебеки «Греция»

Суда Стефанопопули, Калига и Вальзамати направились к Бейруту, чтобы настигнуть корабли, ушедшие из-под Сайды (те укрылись под защитой пушек Бейрута). Российские суда, обстрелянные из бейрутской крепости, были вынуждены отступить¹³¹.

Известие о полной победе сил Захира и Али-бея при поддержке российского флота было торжественно отмечено в Акке пушечной пальбой и здравицей в честь Екатерины II, а также приемом, устроенным европейскими резидентами для российских офицеров (за что французский консул Камарон имел выговор

¹³¹ См. Прибавление III в кн.: *Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством*. С. 556.

от своих властей)¹³². Георгию Ризо и Антону Псаро были пожалованы «богатые шубы», судовым командам присланы корзины с сухарями; дары от А.Г. Орлова Али-бею доставил граф И. Войнович («посылка от его сиятельства из так далекого места нарочного кавалера Конта с подарками», — отмечал в благодарственном письме Али-бей). В ответ Орлов получил трех породистых лошадей, надо полагать, с дорогим убором¹³³, одним словом, арабские и европейские обряды и ритуалы соединили, наконец, «союзников».

Впрочем, никаких соглашений, вопреки предположению Вольнея, в Хайфе не было подписано, хотя из письма шейха Захира к А.Г. Орлову можно сделать вывод, что Войнович, Али-бей и Захир достигли неких устных договоренностей. Поэтому Захир писал: «...отправленные от его сиятельства повелении точно во всем будут соблюдаемы, и вход кораблям в гавань Кайфу беспрепятственен, сверх того какия собственные приказания будут его сиятельства — исполнять непременно»¹³⁴. Но каковы были эти «повеления» (кроме свободного входа в гавань) и какие «приказания» ожидают «союзники», осталось неизвестным.

«Для некоторых дел» (надо полагать, для договоренности об условиях, на которых будет предоставлена помощь) Али-бей отправил к Алексею Орлову «из ближних своих почтенного Зюльфикара бея», «любимого, яко сына», которому просил «верить», т.е. оказать полное доверие¹³⁵. Зу-л-Фикар (ум. 1773) должен был доставить А.Г. Орлову два письма от Али-бея и послание от шейха Захира (письма читались в Совете при Высочайшем Дворе 8 октября 1772 г.)¹³⁶. Кроме некоторой информации, в том числе о том, что Али-бей, «пред сим многократно к его сиятельству писал»¹³⁷ (русские источники об этих посланиях не упоминают, возможно, они не дошли до адресата), письма содержали просьбу о помощи¹³⁸.

Месяц спустя новое послание уже с уточнением размеров желаемой помощи Али-бей послал через армянина Якуба. Али-бей писал (передано в пересказе переводчика): «По востребованной нужде отправил он пред сим к его сиятельству почтеннаго Зюльфикара беи на судне Георгия Ризо, командира, с прошением, письменным и словесным, о помощи, что самое сим повторяет, прося покорнейше о присылке для вспомошествования ему 10 000 албанцов, 10 артиллеристов, 5 бомбардиров с мартирами и снарядами и 200 тыс. реалов в Акру, а естли Бог благоволит¹³⁹ выйти ему в Египет, то как издержки путевые воиска, так и денги

¹³² Французский купец, консул Камарон, — писал в своем рапорте С. Плещеев, — «принял нас учтиво, однако тайно нам объявил, что он и его товарищи получили выговор от их старшин из Марселя, кои узнали, что они весьма дружески обошлись с первопривезжими господами российскими офицерами» (см.: *Кислягина Л.Г.* Тайная миссия лейтенанта русского флота. С. 94).

¹³³ См.: *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом. № 1. С. 12. См. также: РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 33; Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 71.

¹³⁴ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 67об. К сожалению, в архиве сохранились письма Али-бея и шейха Захира 1772 г. в кратком пересказе переводчика.

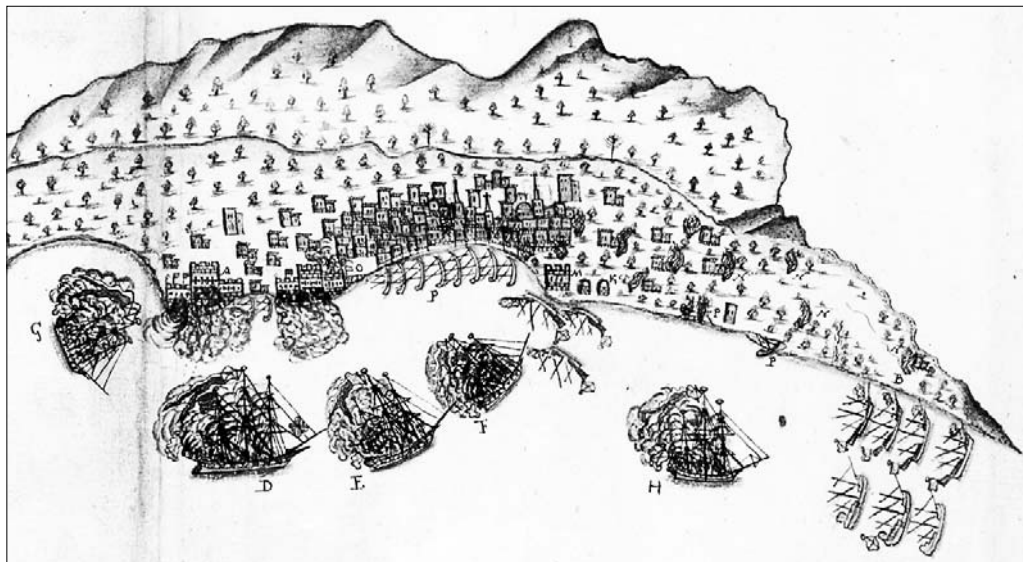
¹³⁵ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 66, 71. Экстракты двух писем Али-бея Орлову.

¹³⁶ АГС. С. 381.

¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. 313. Оп. 1. Д. 597. Л. 66.

¹³⁸ Думается, что к области ложных слухов, распространяемых французской дипломатической службой, относятся сведения Локруа о том, что в обмен на российскую помощь Али-бей предлагал россиянам Иерусалим и Святые места (*Lockroy Ed. Ahmed le Boucher*. P. 73).

¹³⁹ В арабском тексте должна была стоять традиционная формула «ин ша Алла» и фраза имела более определенный смысл: «Когда, если Богу будет угодно, он прибудет в Каир, то возвратит...».

Вид на рейд Бейрута с шебеки «Греция» (фрагмент). 1772 г.

по повелению его сиятельства возвращены будут, протчее донесет на словах его сиятельству армянин Якуп. В Гайфе раббиа последнего 1186 года»¹⁴⁰.

Такая просьба могла поставить А.Г. Орлова только в тупик¹⁴¹, хорошо известно, что эскадра постоянно испытывала недостаток сухопутных войск. Этот недостаток не могли компенсировать наемные части «албанцев». По сведениям Г.Л. Арша, «общее же число балканских выходцев, участвовавших в 1770–1774 гг. в морской войне в Архипелаге, составляло, по некоторым данным, 6 тыс. 413 человек»¹⁴². Не лучше обстояло дело и с деньгами, которые в кредит с многими затруднениями переводились через европейские банки.

Меньше чем через две недели после сражения под Сайдой, т.е. 4/15 июня (согласно вахтенному журналу шебеки «Греция») эскадра направилась к Бейруту¹⁴³. Целью эскадры было наказание эмира Юсуфа, по одной русской версии, за военные действия под Сайдой, по другой — за обстрел трех судов, пытавшихся настигнуть турецкие корабли¹⁴⁴. Однако среди арабских хронистов утвердилась третья версия:

¹⁴⁰ Там же. Л. 68. «Раббиа последняго», т.е. месяца. раби ас-сани, который соответствовал 2–31 июля (н. ст.) 1772 г.

¹⁴¹ По подсчетам А.П. Соколова, сухопутных и морских команд за 1769–1773 гг. было отправлено в Средиземное море 12 200 человек (Соколов А. Архипелагская кампания 1769–1774. С. 40)

¹⁴² Арш Г.Л. Албания: Рост сепаратизма местных властителей (История Балкан. Век восемнадцатый. С. 486).

¹⁴³ Накануне отплытия на шебеку «Греция» переехал Зу-л-Фикар с посланиями к А.Г. Орлову в сопровождении «турок и арапов 11 человек вооруженных» («турки» — скорее всего мамлюки-мусульмане, тогда как под «арапами» могли подразумеваться африканцы). — РГА ВМФ Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 33об.

¹⁴⁴ Объяснение, близкое к этой версии, содержалось в «партикулярном письме, присланном из Архипелага» и опубликованном в «Санктпетербургских ведомостях» (1772. № 87. 30.Х): «по принятии сих почестей (от Али-бея и Захира. — Авт.), возвратились офицеры на суда свои и отошли от Акринского берега. Господин Ризо, приблизясь к городу Баируту Турецкого владения, хотел бросить якорь, но пушечные из крепости выстрелы принудили его отступить. Ободрясь прежни-

«суда московитов направились на осаду Бейрута по указанию Захира»¹⁴⁵. В изложении Т.Ю. Кобищанова, склоняющегося к этой третьей версии, «указание» выглядит как «приказ», за невыполнение которого Ризо «должен был держать ответ перед союзником»¹⁴⁶. Нам представляется, что ни действия командования при осаде Бейрута, ни характер взаимоотношений между «союзниками» не соответствовали такому толкованию. Пожалуй, можно допустить, что Захир подал идею нанести удар по неприятелю именно в Бейруте и намеревался использовать этот удар в своих интересах, но не более. Действия эскадры более всего соответствовали «повелениям» командования, данным при отправлении эскадры с Пароса — «не токмо на море, но и на сухом пути делать по возможности всякий вред неприятелю».

Вахтенный журнал шебеки «Греция» кратко фиксировал события: 7 июня суда подошли к крепости Бейрута, отряд поднял российские флаги и открыл огонь по вражеским батареям, на него отвечали «турки»; между 8 и 11 июня суда при свезенном на берег десанте осуществляли усиленную бомбардировку города, десант тем временем при поддержке пальбы наступал на город, на своем пути предавая огню все постройки (при этом сгорела православная Свято-Георгиевская типография); 12 июня бомбардировка прекратилась и по взятии десанта на суда отряд отошел из-под выстрелов; 16 июня на шебеку приезжали из Бейрута «греки» (по-видимому, в тексте стояло «рум», или «рум-ортодокс» — православные), посланные «турками», с изъявлением покорности; 17/28 июня отряд снялся с якоря и пошел к Кипру.

Итак, почти десять дней военных действий. За по-канцелярски сухими строками журнала скрыты ожесточенное сопротивление мусульманского населения, бегство христиан со своими семьями в горы, грабежи, учиненные ворвавшимся в город десантом (впрочем, в следующую ночь в город спустились друзья-горцы, как знатные, так и крестьяне, и довершили разграбление, уничтожая то, что не могли унести)¹⁴⁷. За строками журнала также осталась и история переговоров между Г. Ризо и властями Бейрута, в ходе которых Ризо настаивал на сдаче города или выплате большого вознаграждения за отказ от положенного по военным законам того времени трехдневного грабежа захваченного города¹⁴⁸. (Ризо

ми успехами, вознамерился он отомстить городу и коменданту. Требовал сперва, чтобы принесено было извинение в оскорблении Российского флага: но сие с гордостью отвергнуто, то, уговоря Греков к учинению десанта, отправил их к берегу на баркасах и шлюпках под команду господина Ямаки». Иными словами, автор письма хотел представить события как дуэль между сторонниками воинской чести и гордости. На деле все было серьезнее.

¹⁴⁵ *Аш-Шидияк Т.* Книга ахбар. С.391. По этому поводу Михаил Саббаг ограничился утверждением, что шейх Захир просил у Порты ферман на владение Бейрутом, ибо, если бы Бейрут вместе с Сайдой оказался в его руках, то снабжение продовольствием Джебель-Друза зависело бы от Захира. Согласно Саббагу, Захир даже безуспешно пытался взять силой город. Стремясь скрыть сведения о сношениях шейха Захира с Россией, Михаил Саббаг не упоминает о помощи русских в битве под Сайдой и об осаде Бейрута российскими судами в 1772 г. (*Ас-Саббаг М.* Тариах аш-шайх Захир ал-Умар ал-Зайдани. С. 115–116)

¹⁴⁶ *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом. № 1. С. 16.

¹⁴⁷ Эти драматические события описаны в православной хронике Абдаллаха Трада «Мухтасар тарих ал-асакифа. Бейрут, 2002. С. 89–90. Один из списков рукописи этой хроники привез в Россию в конце XIX в. А.Е. Крымский и опубликовал частично в сокращенном виде ее перевод в «Древностях восточных» (Т. 3. Вып. 1. М., 1907) как анонимную под названием «Из бейрутской церковной летописи XVI–XVIII вв.».

¹⁴⁸ Ориан сообщает без ссылки на источник, что Ризо направил городу ультиматум, дабы на протяжении 24 часов над городом был поднят русский флаг и жители согласились отныне платить флоту дань в размере той, что посылали султану (*Aurian. Catherine II et l'Orient. P. 214*). Если

продерживался практики, применяемой российским флотом в Архипелаге. Впрочем, там, где российские эскадры при осаде города сталкивались с превосходящим по силе противником, они предпочитали не ожидать выкупа, а ретироваться.) И в Бейруте, как отметил Т.Ю. Кобищанов, подошедшие отряды эмира Юсуфа заставили Г. Ризо быть стоворчивее. Танус аш-Шидияк утверждал, что на ход переговоров оказали влияние эмир Мансур аш-Шихаб и шейх Захир, последний по просьбе эмира якобы «вернул (отстранил) корабли», а эмир передал командующему 25 тыс. пиастров, сумму, на наш взгляд, не столь значительную¹⁴⁹. В «партикулярном письме из Архипелага» утверждалось, что помимо контрибуции была взята «присяга, чтобы Бейрутские градоначальники впредь являлись с покорностью к Российскому флагу»¹⁵⁰. Критически относившийся к источникам В. Персен сообщил, что эмир Юсуф согласился также заключить на четыре месяца союз с Али-беем и россиянами. А такое известие может свидетельствовать о более сложных, чем это представляется, политических комбинациях во взаимоотношениях всех сторон¹⁵¹.

Вахтенный журнал содержал и весьма загадочную запись о том, что в день отплытия эскадры в 4 часа утра «приезжали к нашему командующему из Бейрута посланные от “гурок” греки с тем, что оные хотят мир и быть в подданстве России, и нежели будут впредь под российским флагом разные суда, то обещаем во всем непременно служить и споможение чинить, и недостаточных, чем бы ни было, довольствовать, от которых же и привезено шелку до 1700 футов»¹⁵².

Эта запись позволяет заключить, что в городе имелись силы, склонные, подобно Али-бею и шейху Захиру, вступить в сношения с российским командованием, иными словами, среди арабского населения шло брожение. (Следует отметить, что в русском языке того времени понятие «подданство» не имело современного значения, а по-арабски, вероятно, было употреблено «химайа» — «защита, покровительство», а также «находиться под защитой, под покровительством»¹⁵³.)

Обращает на себя внимание и то, что мусульмане в контактах с россиянами прибегали к содействию христиан или «левантийцев» — европейцев Средиземноморья, находившихся на службе у мусульман. Это означало, что в мусульманском обществе существовали свои механизмы установления связей с европейцами.

Описанные события, происходившие на протяжении чуть более трех недель, взломали лед взаимного недоверия, но не получили немедленного продолжения. Начались фокшанские переговоры, и между воюющими сторонами было установлено перемирие, запрещавшее передвижение военных судов. Тогда А.Г. Орлову пришлось прибегать к маскировке своих действий.

это сообщение соответствовало действительности (русские источники на этот счет ничего не говорят), то можно предположить, что в ходе военных действий российская сторона еще только пыталась определить цели и условия своих операций в регионе.

¹⁴⁹ *Аш-Шидияк Т.* Китаб ахбар. С. 391.

¹⁵⁰ Санктпетербургские ведомости. 1772. № 87

¹⁵¹ *Persen W.* The Russian Occupations of Beirut. P. 280.

¹⁵² РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 42об. Запись делает не столь «фантастичной» (как думал В. Персен) сообщение С. Лузиньяна, будто бы православные жители Бейрута, недовольные своими дружескими господами, просили русских прийти и освободить их от этой зависимости. Русские якобы поставили правителем города некоего эмира «Махамута», имея в виду, что он будет платить дань русскому флоту (История о возмущении Али-бея).

¹⁵³ *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1970. Т. I. С. 249.

С.И. Плещеев

30 августа 1772 г. на английской шхуне «о 20 пушках», принадлежавшей капитану Роберту Броуну («броуново судно»)¹⁵⁴, находившемуся на русской службе, были отправлены вместе с «уполномоченным министром» Али-бей Зу-л-Фикаром и «вестеносцем» армянином «хаджи Якубом» лейтенант Сергей Плещеев¹⁵⁵ и волонтер ротмистр барон Клингенау, пруссак на русской службе¹⁵⁶. Зу-л-Фикар вез ответ А.Г. Орлова с обещанием оказать помощь Али-бею. Хотя в опубликованных «Дневных записках путешествия» Плещеев утверждал, что его поездка, совершенная с дозволения А.Г. Орлова, была вызвана только желанием видеть «славного Рыцаря» Али-бея и осмотреть «любопытства достойных вещей», мимо которых они будут следовать¹⁵⁷, в действительности цель

командировки заключалась в осмотре «Алибеевых войск и распоряжения всей его воинской дисциплины»¹⁵⁸. Кроме того, под видом путешествия Плещеев и Клингенау доставили невзирая на перемирие их арабским союзникам вооружение и боеприпасы, правда, в значительно меньшем количестве, чем просил Али-бей¹⁵⁹. Они встретились с Али-беем и шейхом Захиром и как военные советники участвовали в разработке военной операции по захвату крепости Яффа. Этой операцией они должны были руководить.

¹⁵⁴ Это было судно «Тартар», использовавшееся экспедицией как транспортное и почтовое.

¹⁵⁵ С.И. Плещеев (1752–1802) известен как писатель, член московской масонской ложи, он был близок кругу Новикова; при Павле I приближен к императорской семье, затем пережил опалу. По обычаям времени был записан на военную службу с пяти лет, а в тринадцать, в 1765 г., в чине мичмана командирован в Англию для прохождения морской практики и в течение пяти лет плавал у берегов Северной Америки. В 1770 г. Сергей Плещеев вместе с братом Василием был включен в эскадру Эльфинстона, после Чесмы плавал на корабле «Ростислав» — местопребывании А.Г. Орлова, был замечен Алексеем Григорьевичем, предпочитавшим доверять специальные операции лично знакомым офицерам. Свой пространный отчет о поездке «Дневная записка пути из острова Пароса в Сирию флота лейтенанта Сергея Плещеева» была предназначена лично Орлову. Копии этого отчета хранятся в нескольких рукописных собраниях, что говорит об интересе, проявленном к ним в обществе. Текст, вошедший в состав рукописной тетради под названием «Разные сочинения для любопытства принадлежащие», обнаружена в архиве Паниных в РГАДА и описала Л.Г. Кислягина (Тайная миссия лейтенанта русского флота Сергея Плещеева в Сирию в 1772 г. С. 88–99). Год спустя в литературной обработке отчет С.Плещеева был опубликован под заглавием «Дневные записки путешествия из Архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся. С краткою историею Алибеевых завоеваний. Российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета». (СПб., 1773). Столь быстрая публикация говорит не только о большом интересе к теме у российской образованной публики, но и о литературных занятиях участников экспедиции.

¹⁵⁶ Об атмосфере, царившей во время этого путешествия, С.Плещеев сделал литературную зарисовку, цитированную нами выше (см. гл. 5).

¹⁵⁷ Плещеев С.И. Дневные записки... С. 2.

¹⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 230.

¹⁵⁹ Доставлено было, согласно С. Плещееву, «полевые трех фунтовые пушки, со всеми принадлежащими к ним снарядами, то есть: порох, ядра, кортечи, не связанные в мешках, свинец и фитили» (Дневные записки... С. 32). С. Лузиньян сообщает с уточнениями и некоторым расхождением: три четырехфунтовые полевые пушки, восемь бочонков мелкого пороха, 500 ядер, три лафета («История о возмущении Али-бея...» С. 81).

Караван-сарай в Акке в начале XIX в.

Дело в том, что в период борьбы за Сайду османские власти сумели вернуть в свои руки Яффу (или, по версии Персена, «город отказался принять сюзеренитет Али-бея после его изгнания из Египта»)¹⁶⁰. Теперь крепость стала препятствием на пути возвращения войска Али-бея в Египет. К приезду Плещеева безуспешная осада Яффы продолжалась уже два месяца (с июля 1772 г.). Операция, задуманная российскими офицерами, также не удалась, так как Клингенау, производивший обстрел крепостных стен, был смертельно ранен метким выстрелом из крепости. С. Плещеев сжег лишь часть неприятельских судов, стоявших под крепостью, потому что арабская и греческая команды отказались войти в гавань под обстрелом батарей крепости. Он вынужден был ограничиться мало эффективной пальбой с судов по городу с расстояния в полмили.

Однако заслуга Сергея Плещеева заключалась в другом — в обстоятельном описании владений шейха Захира, их политического и экономического положения и состояния мамлюкского войска Али-бея. При этом внимание Плещеева было нацелено на описание тех черт арабского мира, которые сближали его с россиянами или делали более понятными российскому сознанию.

¹⁶⁰ *Persen W.* The Russian Occupations of Beirut. P. 281. Оборону Яффы осуществлял со своим отрядом Ахмед-бек Тукан, представитель знатного землевладельческого рода района Наблуса, чей брат был в 1771 г. назначен Мухаммед-пашой ал-Азмом мутасаллимом Наблуса. В Джебель Наблусе было развито хлопководство, его купечество и землевладельческие круги выражали недовольство установлением Захиром ал-Омаром монополии на торговлю хлопком. Яффа же являлась портом Наблуса (см.: *Dumani Beshara.* Rediscovering Palestine. Merchants and Peasants in Jabal Nablus, 1700–1900. Berkeley; Los Angeles; London, 1995. P. 43, 95 и др.).

Он сообщал о дружелюбной встрече, устроенной ему и его спутникам жителями Акки, которые живо интересовались, сколько и когда прибудет российских судов для помощи Али-бею. Известие о прекращении перемирия и возобновлении военных действий вызвало у населения радость и энтузиазм («в Акре народ весьма радовался, ибо, — писал несколько наивно Плещеев, — они все считают себя щастливыми, что вспомоществуются противу Турок Россиянам»)¹⁶¹. И то, и другое говорило о довольно широкой поддержке политики противостояния османским властям шейха Захира, а также и об успехах пропаганды Али-бея и Захира, использовавших в своих интересах славу чесменской победы «союзников». Российское командование и не подозревало, что в обращении к сирийцам шейх Захир представлял себя повелителем, приказывающим российскому флоту, как и когда ему действовать у берегов Сирии.

Обращаясь к описанию войска Али-бея, Плещеев сделал неожиданное открытие — среди мамлюков оказалось много выходцев из земель Южной России, захваченных в плен и проданных на рынки Османской империи крымскими татарами. Со временем это известие породит миф о том, что мамлюки склонны к взаимодействию с Россией, поскольку среди них много рожденных в российском подданстве.

Не упустив возможность совершить паломничество в Назарет и Кану Галилейскую, т.е. добраться до Тивериадского озера (поездка в Иерусалим для него была бы смерти подобна, так как город принадлежал османским властям), Плещеев убедился, что вопреки войне православное арабское население испытывает прежнее расположение к России. Вместе с тем, он обратил внимание на большое распространение среди мусульман культа Георгия Победоносца и их дружеское отношение к обитателям монастыря св. Георгия в Рамле. Таким образом, Сергей Плещеев подтвердил давние наблюдения, сделанные русскими паломниками. Впрочем, саму поездку он описывал в стилистике путешествия, а не паломничества, что соответствовало духу эпохи Просвещения и российской пропаганды времен войны, в которой тогда не нашлось места для идеи покровительства или защиты Святой земли.

Поездка С. Плещеева продолжалась чуть больше двух месяцев. На Парос он возвратился на том же «броуновом судне»¹⁶², с ним был направлен к А.Г. Орлову новый «посланец» Али-бея Сулейман-Кегая (кехья, кетхуда — управляющий) со своей свитой, так как Зу-л-Фикар к этому времени скончался. Следовательно, обмен посланиями и посланцами между Али-беем и Орловым продолжался довольно интенсивно.

В конце августа 1772 г. османское командование обратилось к А.Г. Орлову с просьбой дозволить, вопреки условиям перемирия, направить в Сирию суда для «усмирения появившихся около Дамаска ослушников»¹⁶³. Контр-адмирал Елма-

¹⁶¹ Плещеев С.И. Дневные записки... С. 69.

¹⁶² Дорога до Пароса заняла почти три недели, тогда как до сирийских берегов шхуна Р. Броуна «Тартар» дошла за неделю — настолько непостоянны были условия судоходства в регионе, тем более в наступающий осенне-зимний сезон.

¹⁶³ Из всеподданнейшего донесения графа А.Г. Орлова от 3 ноября 1772 г. (Материалы для истории русского флота. Т. XII. С. 24). В выписке из донесения Елманова Спиридову речь шла о выступлении из Дарданелл турецкого флота «противу Али-бея, бунтовщиком названного, в чем им, в силу заключенного перемирия отказано, хотя прямо намерения их узнать и не можно было, а в осторожность» (Там же. С. 39).

нов, замещавший в Аузе командующего, ответил отказом, но, похоже, не из союзнических чувств к повстанцам, а, по его словам, «в осторожность», поскольку «прямо намерение их узнать и не можно было». Возвратившийся в Архипелаг Орлов не только не согласился пропустить турецкие суда, но принял все меры предосторожности, поскольку под тем же предлогом наказания мятежников происходила во время перемирия концентрация турецких военно-морских сил в районе Патраса и у берегов Египта. Там, при устье Нила «со всякою поспешностью» шло снаряжение военных и транспортных судов¹⁶⁴. А.Г. Орлов разгадал замысел противника, считая, что в действительности флотами Порты, Ульчи (дульцинотов), Алжира и Туниса турки готовились нанести удар по Паросу (и этот взгляд впоследствии разделяли отечественные военные историки). Корабли, собранные в Александрии, по мнению Орлова, замышляли «не только покорение Египта и Сирии, которых внутренние замешательства час от часу умножаются», но и участие в нападении на Парос¹⁶⁵. Угроза со стороны концентрировавшихся турецких сил представлялась Орлову настолько серьезной, что он сам не заходил в гавань Аузы и приказал всем судам пребывать под парусами в море в боевой готовности. Едва истек срок перемирия, Алексей Григорьевич разослал эскадры в места сбора флота противника.

Частью этих операций стали действия возле египетских берегов Панаиоти Алексиано. Таким образом, предотвращение нападения османского флота на сирийские берега тесно увязывалось с задачей обороны центральной базы российского флота в Средиземноморье. Эскадра Алексиано состояла из фрегата «Св. Павел» и двух греческих поляк; она была отправлена из Порто-Трио при Паросе 6/17 октября 1772 г. Из-за сильных штормовых ветров, отогнавших от фрегата одну поляку, Алексиано задержался у берегов Кипра. 20 октября он получил известие о том, что в Дамиегте под защитой крепостных пушек стоят на якоре два вооруженных турецких двадцатипушечных корабля с экипажем свыше 700 североафриканцев в окружении мелких судов, а из Александрии на соединение с ними были готовы к выходу пять больших и множество мелких судов. Как писал А.Г. Орлов в 1777 г., в Аттестате П. Алексиано, суда «намерены были ехать в крепость Яфу для помощи против Али-бея, который состоял тогда в осаде»¹⁶⁶.

Создавшаяся критическая ситуация, а главное дух смелости и отваги, соединенный со страстью к риску, двигавшие участниками Архипелагской экспедиции со времени Чесменской победы, побудили капитана «Св. Павла» вступить 21 октября в бой, завершившийся уничтожением больших судов и пленением мелких, а 22-го взять в плен турецкий корабль, вышедший из Александрии. На корабле в плен попали прибывший из Дамаска назначенный командующим Селим-бей, его чиновная свита и «Магометов штандарт», вверенный ему султаном, знамена и знаки воинского отличия¹⁶⁷. Эта операция стала одной из тех, ко-

¹⁶⁴ Всеподданнейшее донесение графа А.Г. Орлова (от 3 марта 1773 г.). Материалы для истории русского флота. Т. XII. С. 128.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ [Граф Алексей Орлов-Чесменский]. Контр-адмирал Алексиано. Аттестат // Русский Архив. 1886. III. С. 478.

¹⁶⁷ По версии А.Г. Орлова 1777 г., «следуя в город Яфу, встретил две турецкие поляки, вооруженные и с войском, которая намерены были ехать в Яфу против Али-бея и на которых находилось два бея, один Салим-бей, один янычар-ага и еще четыре аги, двести пятьдесят янычар, пятнадцать

торые позволили А.Г. Орлову высоко оценить роль в войне греческих морских офицеров. Она привела в смятение коменданта Александрии, который приказал разоружить суда, снять с кораблей все войска для защиты крепости и порта, что позволило в дальнейшем Алексиано свободно крейсировать вдоль египетских берегов, пресекая неприятельскую торговлю.

Одержав блестящую победу под Дамьеттой, П. Алексиано с сопровождающими его судами проследовал к сирийским берегам, захватив по пути с боем еще два вражеских военных судна. В Хайфе он имел встречу с шейхом Захиром и Али-беем и принял участие в обстреле Яффы, все еще осаждаемой силами арабских союзников¹⁶⁸. Кроме того, Алексиано доставил Али-бею письмо от А.Г. Орлова.

Текст этого письма во французском переводе приводит Ориан, не указывая однако ни даты, ни местонахождения документа. В этом письме, а его существование вполне правдоподобно, А.Г. Орлов ставил Али-бея в известность о том, что Порта, пользуясь перемирием, отдала приказ о подготовке двух — североафриканской и албанской — эскадр с 12 тыс. десантных войск, предназначенных для высадки в Сирии и возвращения под османский контроль мятежных районов. (Алексей Григорьевич умолчал об угрозе этой турецкой операции Паросу, видимо, чтобы увеличить в глазах арабских союзников значение российских военных действий по защите Али-бея и Захира ал-Омара). Согласно союзническим обязательствам российской императрицы, — продолжал Орлов, — он направляет в Адриатическое море достаточное количество судов, чтобы не допустить выхода эскадры дульцинотов в Средиземное море и операций Порты против Али-бея. Он сообщал, что императрица только что объявила о возобновлении военных действий против султана, что она одобряет прочный союз с Али-беем, будучи уверена, что и Али-бей, со своей стороны,

---

пушек, разной воинской амуниции, флагов пять, целенков шесть, барабанов четыре и разные трофеи, что он [Алексиано], видя намерение их, в Яфу следование пресек и обратил их назад» (Там же. С.479). Подробное описание сражений в версии, которой мы следуем, см.: Материалы для истории русского флота. Т. XII. С. 128–130; а также: *Кропотов А.* Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, почерпнутая из достоверных российских и иностранных источников. СПб., 1816. С. 133–138. О деморализации османских вооруженных сил говорило то обстоятельство, что при встрече с кораблем Селим-бея едва Алексиано поднял российский флаг и сделал несколько выстрелов, как «сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устршила, — писал А.Г. Орлов в 1773 г., — что он без всякого сопротивления спустил флаг, отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порте суда». В плен было взято 120 человек.

¹⁶⁸ В отечественной литературе утвердилось, с нашей точки зрения ошибочное, представление об участии Алексиано в двухдневной бомбардировке якобы осажденного Али-беем «ливанского порта» Сур. Как правильно отметил французский исследователь Франсуа Шарль-Ру (*Charles-Roux F. Les Echelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle.* Paris, 1928. P. 104), осаде подвергалась Яффа, а не Сур, который к тому же не был портом Ливана и входил во владения шейха Захира, о чем за месяц до прибытия Алексиано писал С. Плещеев (Дневные записки... С. 17). У командования российской эскадры существовали доброжелательные отношения, возможно, еще с 1772 г. с правителем Сура шейхом Ахмедом Аббасом. 8 сентября 1773 г. шейх Ахмед жаловался Кожухову, что Войнович захватил сурскую шебку с товарами, тогда как они получили от Орлова и Спиридова право производить «свободную коммерцию», поскольку они отделились под покровительство императрицы (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 77об.). В 1773 г. Сур был местом сбора эскадры И. Войновича и пребывания М. Баумгартена (об этом далее), известно о переписке шейха Ахмеда с Кожуховым (РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771). В свою очередь А.Г. Орлов в 1777 г. ошибся, утверждая, что П. Алексиано участвовал в осаде Яффы до ее капитуляции. Отмечая активное участие Алексиано в крейсерских операциях, А.Г. Орлов отмечал, что добыча, взятая Панаиоти, «доставлена вся ко флоту» (Контр-адмирал Алексиано. Аттестат. С. 479).

выполнит обещания и снабдит россиян в Сирии таким подкреплением, какое только сможет. Алексей Орлов сообщал и о том, что направил фрегат, чтобы Али-бей договорился с его командиром о наиболее быстром и надежном способе обмениваться информацией.

Орлов писал в своем послании, что желал бы как можно скорее получить известия о положении дел Али-бея, о количестве его союзников, о его вооруженных силах и обстановке в Египте, чтобы определить масштабы помощи, которую он сможет предоставить. Алексей Григорьевич даже якобы намеревался послать Али-бею эскадру с 10–12 тыс. войска, но, прежде чем он ее отправит, Али-бею следовало без отлагательства сообщить место, где надлежало осуществить высадку¹⁶⁹. Как известно, реально помощь Али-бею не только опоздала, но и оказалась многократно меньшей. Означали ли данные, содержащиеся в письме, сознательную дезинформацию противника, если это письмо попадет в его руки, или были проявлением тактического приема Алексея Григорьевича, заключавшегося в «обнадеживании» союзника¹⁷⁰, или, что менее вероятно, Орлов все еще рассчитывал на стремительный рост его «албанского войска» — сказать трудно.

Панаиоти Алексиано возвратился на Парос в самом начале января 1773 г.¹⁷¹, а в 20-х числах января 1773 г. к египетским берегам был отправлен подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Максимилиан (Магнус) фон Баумгартен, которому предстояло сыграть в Сирии роль советника и разведчика, т.е. того «доброе Израильянина», о котором писал императрице Вольтер. Баумгартен был подчиненным А.Г. Орлова по Преображенскому полку, следовательно, хорошо знаком Алексею Григорьевичу, по крайней мере, однажды уже посылавшему его со специальным заданием¹⁷². Новая миссия носила сугубо секретный характер, скрытый под невинным предлогом приобретения то ли риса для флота, то ли лошадей для Орлова.

РУССКО-АРАБСКИЕ КОНТАКТЫ 1773–1774 ГОДОВ

Посылка М. Баумгартена к египетским и сирийским берегам открывала период более интенсивного русско-арабского взаимодействия, которое обрело и свое светское (вне религиозной аргументации) политическое обоснование. Оно заключалось в девизе — российскому флоту следовало, по воле императрицы, «помогать и брать под свое покровительство того, кто онаго требует»¹⁷³. И посланник

¹⁶⁹ *Auriant*. Catherine II et l'Orient. P. 218.

¹⁷⁰ См.: письмо А.Г. Орлова Г.А. Спиридову от 20 декабря 1773 г., в котором Орлов рекомендовал «обнадеживать» арабских союзников помощью, но и произвести «оное в действо» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 175об.).

¹⁷¹ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 250об.

¹⁷² По прибытии эскадры Спиридова на Менорку Баумгартену было поручено сопроводить маркиза Кавалькабо на Мальту и, надо полагать, глазами военного оглядеть укрепления, порт, арсенал.

¹⁷³ Из письма графа И. Войновича шейху Захиру ал-Омару от 13 июня 1773 г. (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 321). Этот девиз был адекватно воспринят шейхом Захиром и его окружением. По поручению Захира Ахмед Денгизли отвечал И. Войновичу, что теперь он уверен в дружеских чувствах Войновича к его «светлейшему государю» шейху Акки благодаря сообщенному им желанию «августейшей монархини императрицы» «помогать и брать под покровительство всякого, хто от нее онаго просит», дабы подкреплять «слабых» (Л. 321об.).

Алексея Григорьевича, по-видимому, должен был подготовить политическую почву для нового этапа взаимодействия союзников. Во всяком случае, таковой оказалась его деятельность.

Максимилиан Баумгартен отплыл из Архипелага на английском трехмачтовом судне утром 26 января после того, как балом, пушечной пальбой и фейерверком на о. Миконос отпраздновали день рождения графа Г.Г. Орлова. Вблизи Александрии преображенский офицер «впал в тяжкую болезнь», так как корабль сильным штормом отбросило к палестинскому берегу, он вынужден был пристать в Хайфском заливе. Там «больной» Баумгартен, сошел на берег и отпустил судно, таким образом, «случайно», оказавшись близ Акки в лагере Али-бея и Захира.

Пребывание Баумгартена в Палестине запомнили современники. С. Лузиньян сообщал, что на исходе февраля 1773 г. «прислан был от российского генерала Максимилиан Бонгерд, природою немец, находившийся в российской службе, для осмотра александрийской гавани (по-видимому, это действительно входило в задачи Баумгартена. — *Авт.*). Он по причине худой погоды пристал к Иоппии (Яффе. — *Авт.*) и поелику желал видеть Али-бея, то и представлен был сему князю, который принял его с великою благосклонностию, чинил многие вопросы в рассуждении своих дел и назначил ему жить в оное время у игумена греческого монастыря»¹⁷⁴. Как видим, ни слова не сказано о болезни Баумгартена, но зато становится очевидной его роль советника. Любопытная деталь: ради безопасности или из уважения к образу жизни этого «природного немца», а скорее с целью присмотра, он был поселен в православном монастыре, из которого, видимо, с уходом Али-бея в Египет поспешил переселиться с глаз подальше в Сур, откуда, по его словам, и вел переписку с шейхом Захиром¹⁷⁵.

Остается неясным, как отнесся Баумгартен к неожиданному и роковому решению Али-бея направиться в Каир и какова была его роль при этом. В середине того же месяца, когда подпоручик Преображенского полка оказался во владениях шейха Захира, наконец, Яффа пала¹⁷⁶, и теперь дорога в Египет для Али-бея была открыта. Город был захвачен не в ходе штурма, хотя крепость была основательно повреждена артиллерийским обстрелом с суши и с моря, в том числе из русских орудий¹⁷⁷, а после изнурительной восьмимесячной блокады¹⁷⁸.

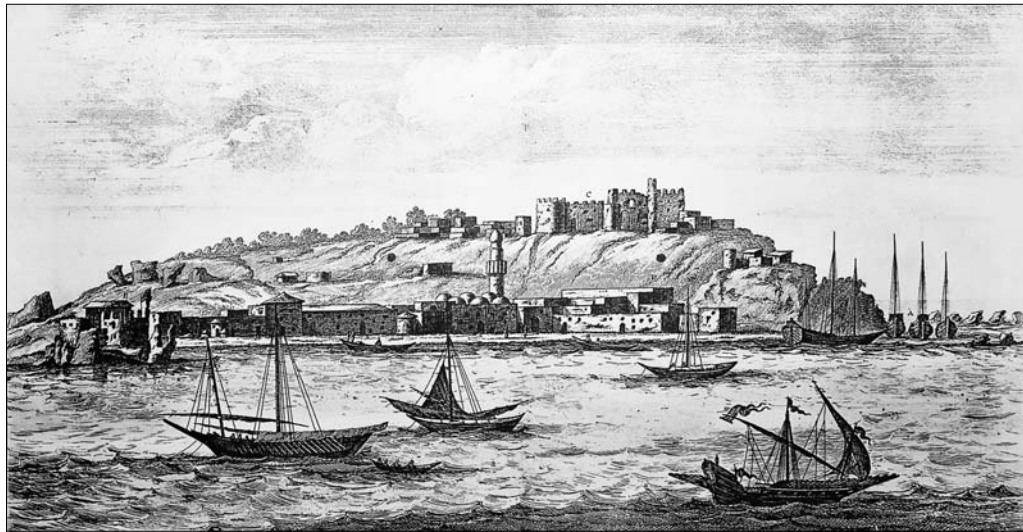
¹⁷⁴ [Лузиньян С.] История о возмущении Али-бея. С. 58.

¹⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 1. Капитан С.П. Хметевский записал, что судно, на котором отплыл Баумгартен, было направлено в Александрию для покупки риса (сорочинского пшена). Судно вернулось на Парос 12 июня, а Баумгартен (Максим Баумгард) из-за болезни остался (Журнал Степана Петрова сына Хметевского. См.: Приложение 8. С. 661). По-видимому, отсюда проистекло утверждение историка Архипелагской экспедиции А.Н. Петрова о том, что Баумгартен был послан в Александрию за рисом и возвратился обратно (*Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. Т. V. СПб., 1874. С. 103).

¹⁷⁶ Осада Яффы была событием, которое привлекло внимание не только османского населения, но и мировой прессы. В Стамбуле этот сюжет использовался в пропагандистских целях: едва ли не за месяц до падения крепости в османской столице распространились слухи о взятии города и истреблении победителями огнем и мечом множества жителей и солдат (Санктпетербургские ведомости. 1775. № 19. 5.III. По известиям из Константинополя от 4 января).

¹⁷⁷ Сергей Плещеев отметил, что после гибели Клингенау, который успел с первого же выстрела произвести брешь в крепостной стене, по крепости продолжал палить, хотя и не с таким искусством, датчанин — слуга Клингенау (Дневные записки... С. 49).

¹⁷⁸ Санктпетербургские ведомости (1773. № 44. 31.V.) в опровержение ложных константинопольских слухов поспешили опубликовать более достоверные сведения из Сайды от 19 февраля:

Вид Яффы

Месяц спустя, 10/21 марта, Али-бей и шейх Захир направили на Парос письма с сообщением о падении Яффы и с новой просьбой о помощи («сделать ему [Али-бею] пособие военными судами для блокирования ими с морской стороны крепостей») ¹⁷⁹. На этот раз просьбы сопровождалась посылкой нагруженного «провиантом» трехмачтового вооруженного судна ¹⁸⁰. К сожалению, это судно и письма прибыли на Парос только 23 апреля/4 мая, когда тяжело раненный Али-бей умирал в своем каирском доме в Азбекии.

К этому времени А.Г. Орлов уже распорядился направить к сирийским берегам эскадру И. Войновича в составе восьми кораблей ¹⁸¹. В свою очередь (не провиант ли этому способствовал?), адмирал Г.А. Спиридов «учредил на своем корабле военный совет», в котором участвовали контр-адмирал А.В. Елманов, генерал-аншеф И.А. Ганнибал, капитан В.В. Роксбург. Совет принял решение не ограничиваться отправкой эскадры Войновича, но направить к сирийским берегам еще одну эскадру. Участники совета исходили из аргументов, согласно

«Город Яфа, выдержав осаду шесть месяцев, напоследок сдался 17 числа сего месяца. Али-бей и Шейх Дагер заключили похвальные договора с храбрыми жителями сего города: после чего войско Паши Наплузского пошло назад в свою землю, а солдаты из Варварии (наемные части магрибинцев. — *Авт.*) приклонились к Али-бею, и жители остались безопасными в разсуждении их жизни и пожитков. Шейк Дагер и Али-бей объявили о сем губернатору Сайды, который по тому с радости целые три дня праздновал».

¹⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 260об. В.Персен сообщил, что в марте 1773 г. в Сирию прибыло русское судно, подтвердившее скорое появление большого русского флота, чтобы доставить Али-бею в Дамьетту (*Persen W. The Russian Occupations of Beirut. P. 287.*)

¹⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 260.

¹⁸¹ Эскадра Войновича состояла из фрегатов «Св. Николай» (командир секунд-майор И. Войнович), «Слава» (лейтенант Марк Войнович), «Наксия» (лейтенант Корейль; «Наксия» не предназначалась эскадре, ее занесло штормом к Родосу во время крейсерования южнее Архипелага, она подошла к сирийскому берегу и, встретившись с судами Войновича, присоединилась к его эскадре), в эскадру Войновича входили также шебека «Забияка» (Н. Кужевич), галеры «Унионе» (поручик Петр Онавизопуло), «Ивлоне», «Ронданела» (поручик Илья Саблич) и одна сокалева.

которым посылка эскадры принесет большую пользу «как от получения многих призов (видимо, флот испытывал немалые материальные затруднения.— *Авт.*), так и от нанесения чрез то значительного вреда и убытку неприятелю», и в конечном счете, обе эскадры, отвлекая турецкие силы от Дуная, смогут «принести некоторую пользу главной нашей армии». (Казалось бы, этими доводами давно руководствовался А.Г. Орлов, но меры принимал осторожные.) Вторая эскадра должна была состоять «из кораблей или фрегатов под команду *российского* капитана» (читай: не греков, как бывало ранее — *Авт.*) и следовало также «умножить оную числом регулярных и нерегулярных войск»¹⁸².

Роль «российского» капитана была отведена М.Г. Кожухову, известному не только своим участием во многих боевых операциях¹⁸³, но и решительностью. Эскадра Кожухова состояла, помимо его фрегата «Надежда», из восьми судов под командой греков на русской службе¹⁸⁴. Этой операции Спиридов и члены военного совета придавали большое значение. И, хотя аккуратный в своей переписке Григорий Андреевич немедленно отозвался на письма арабских союзников поздравлениями со взятием Яффы и сообщением о скорой посылке двух эскадр, присовокупив также пожелание побед и возвращения Али-бея в Каир¹⁸⁵, российская помощь Али-бею безнадежно опоздала.

До сих пор остается загадкой, почему Али-бей, так настойчиво взывавший о «вспомоществовании», изменил свое решение и двинулся в Каир, не ожидая российской помощи. Разочаровался ли он в русской поддержке¹⁸⁶ или, узнав об обстановке в Египте, не захотел возвращаться в Каир «на русских штыках», или поверил в призывы, исходившие из Египта? Известно, что еще с осени 1772 г. он начал получать письма от своих сторонников с просьбами возвратиться в Египет. С.И. Плещеев писал, что 19 сентября 1772 г. из Каира в лагерь Али-бея под Яффой пришли «нищие-шпионы» (дервиши и монахи обычно выступали в роли тайных агентов) с сообщением, что каирские беи обещали помочь Али-бею, если он прибудет в Каир, и добавляли, что «все христиане единогласно желают его возвращения»¹⁸⁷. Однако искренность, по крайней мере, части подобных посланий вызывала сомнения у шейха Захира, а современный историк Д. Креселиус

¹⁸² Там же. Л 260об.

¹⁸³ *Кожухов Михаил Гаврилович*, в 1773 г. ему было 43 года. Выпускник Морского шляхетского корпуса, мичманом он участвовал еще в Семилетней войне (1756–1763). Прибыл в Архипелаг с эскадрой И.Н.Арфа. За взятие Бейрута был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Закончил службу в 1783 г. в чине капитана генерал-майорского ранга (см.: *Лурье В.М.* Морской биографический словарь. СПб., 2005. С. 119).

¹⁸⁴ Эскадра Кожухова включала фрегаты «Надежда» (под командой капитана М.Г. Кожухова), «Св. Павел» (лейтенант Панаиоти Алексиано), поляки «Стигс» (мичман Поликутти), «Св. Алексей» (мичман Вальзаманти), «Св. Екатерина» (мичман Купа), «Св. Анна» (мичман Паламида), лондру «Доезда» (мичман Антон Алексиано), полугалеры «Салоника» (Леонардо Калогеропуло), «Аквафелице» (Констанди Скардули). На них, кроме судового экипажа, был посажен второй албанский батальон нерегулярных войск под командой Георгия Дуси.

¹⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 261об.–262об.

¹⁸⁶ Хорошо информированный К.-Ф. Вольней (кстати, это подтверждает сопоставление его данных с текстом письма шейха Захира) сообщил, что ожидалась, согласно русским обещаниям, посылка охраны всего из 600 человек (*Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Egypte, pendant les années 1783, 1784 & 1785. Paris, 1787. Vol. 2. P. 111*). Исходя из русских источников, можно заключить, что должно было быть послано около 750 чел.

¹⁸⁷ *Плещеев С.И.* Дневные записки... С. 52.

вообще уверен, что письма были инспирированы Мухаммед-беом Абу-з-Захабом, который даже диктовал ответы на возникавшие у Али-бея вопросы¹⁸⁸.

Мухаммед-бею было важно как можно скорее выманить из Палестины своего соперника, подстроив ему западню, так как в Каире действительно были сторонники Али-бея, и число их увеличивалось по мере роста недовольства населения правлением Мухаммед-бея. Именно к этим приверженцам Али-бея апеллировал Мухаммед-бей Абу-з-Захаб в своей речи, произнесенной на большом собрании-диване египетской знати. Он утверждал, что если Али-бей возвратится в Каир, то вслед за ним придут его российские союзники, они лишат египтян их имущества и совершат в Египте то, что сделали с мусульманами в Индостане англичане¹⁸⁹. Его слова возымели действие, которое усиливалось возросшими антихристианскими настроениями среди мусульман¹⁹⁰. В итоге Мухаммед-бею удалось собрать 60-тысячную армию и при первых известиях о выступлении Али-бея направить эту армию к Сальхийе, селению, расположенному возле дельты Нила, от которой дальнейший путь в Сирию лежал через пустыню.

Как сообщал Вольней¹⁹¹, шейх Захир неоднократно убеждал Али-бея остаться ожидать русской помощи. Сам шейх писал А.Г. Орлову после смерти Али-бея, что даже отказывался предоставить в распоряжение Али-бея свое войско, на что Али-бей отвечал: «Естли не будет дано войск, то пойду в Великой Каир с одними только шклавами и слугами»¹⁹², показывая «нам свое неудовольствие» (вообще Захир подчеркивал, что Али-бей самовластно принимал решения). «И тогда принуждены мы были, — как бы оправдываясь перед А. Орловым шейх Захир, — для сохранения истенной дружбы и славы имени нашего, и дабы не отошел он огорченным со стороны нашей, и чтоб не быть поносимыми от несведущих существа самого дела, принуждены мы были ийти с ним в сие». (Захир, как видим, руководствовался не только чувством чести и верностью дружбе, но считался с общественным мнением, не противившим бы ему измены союзнику.)

Предоставление Али-бею своих войск во главе со старшим сыном Османом шейх Захир оговорил определенными условиями: он сам проводит Али-бея до Газы, откуда тот с войском пойдет к укрепленной крепости эль-Ариш, вышлет «верных людей изведать неприятельское войско» и проверить, справедливы ли были обещания, содержащиеся в письмах. Там, в эль-Арише, он будет ожидать возвращения разведчиков. Али-бей согласился с доводами шейха Захира, но не выполнил главного условия: послав вперед «верных людей», он не стал дожидаться их возвращения. Вопреки всему, «точно, как будто, ведом всевышнею десницею к тому, что с ним исполнилось», Али-бей двинулся дальше. Продолав за день двухдневный переход через пустыню, он вместе с утомленным войском, насчи-

¹⁸⁸ *Creclius D. The Roots of Modern Egypt. P. 100.*

¹⁸⁹ [Лузиньян]. История о возмущении Али-бея. С. 91.

¹⁹⁰ См.: *Creclius D. The Roots of Modern Egypt. P. 102.* Эти настроения побудили покинуть Египет английского путешественника Брюса.

¹⁹¹ *Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Egypte. Vol. 2. P. 111.*

¹⁹² Из письма шейха Захира А.Г. Орлову из Яффы от 20 мая 1773 г. (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 3). В письме в переводе с итальянского употреблено слово «шклавы» (Хметевский пишет «склавы» — рабы), по-видимому, испорченное арабское «сакалиба», безусловно восходящее к его традиционному пониманию «раб». Во втором письме Захир в аналогичном тексте употребляет понятие «мамлюки» — «пойду в Каир с одними мамлюками и моими слугами» (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 5).

тывавшим едва 20 тысяч человек (из них 13 тысяч составляли отряды Захира), оказался на виду Сальхийи перед лицом идущей навстречу армии Мухаммед-бея. (Обозреватель журнала «Annual Register» отметил и такую деталь: была пятница, день, который мусульмане отдают молитве. Мухаммед-бей, не желая нарушить его святость, предложил перенести сражение на следующий день, но Али-бей отказался¹⁹³). Началась битва, в которой мамлюки Али-бея, как отметил тот же обозреватель, проявили поразительную отвагу и преданность своему господину¹⁹⁴. Но перевес сил был очевиден. Али-бей получил несколько ранений, был почти окружен неприятелем, когда воины Захира, «видя, что и сам Али-бей находится в опасности жизни, бросились к нему, чтоб выручить его от неприятеля, но, видя его несогласие к побегу, ушли, его оставя». И далее не без сарказма Захир сообщал, что Мухаммед-бей и Исмаил-бей «с учтивостию» привезли Али-бея в его дом в Каире, где он умер от ран¹⁹⁵. Это произошло 8 мая 1773 г. н.ст.

Шейх Захир, сознавая, какой тяжелый удар нанесла ему (да и русским союзникам) гибель Али-бея, писал А.Г. Орлову: «...общей наш неприятель, узнав о обстоятельстве и погибели Алибеевой подвигнется нанести нам наивеличайшей вред, естли узнает, что не имеем мы никакой более помочи, напротив же того, ежели ваше превосходительство с императрицею будете нашими засчитниками, то действительно опустит он руки»¹⁹⁶.

Однако прежде того, как Захир решился положиться на русскую помощь, он сам, кажется, начал склоняться к мысли о примирении с султаном. По указанию из Стамбула Мустафа-паша, сменивший между 1772 и 1773 гг. Мухаммеда ал-Азма на посту валия Дамаска, прибегнув к помощи французского консула в Сайде, вступил с Захиром в переговоры. Шейх Захир поставил условием примирения предоставление ему права владеть всеми завоеванными им территориями (видимо, на условиях пожизненного владения — маликане), за что обещал платить положенную сумму податей (мири) и оказывать помощь Священному каравану. Судя по дате письма от Мустафа-паши французскому консулу (9 мая н.ст.), переписка началась сразу после сражения под Сальхийей, а оборвалась только в июле 1773 г., когда российские эскадры находились уже у сирийских берегов¹⁹⁷.

Максимилиан Баумгартен, по-видимому, через своих агентов получил известие об этих переговорах и трезво оценил их возможные последствия. Под угрозой оказывалась вся долгая работа по установлению связей Орлова с Али-беем и его союзниками; русский флот терял свои базы на сирийском берегу, и юго-восточная часть Средиземноморья оказывалась полностью во вражеских руках; бессмысленными становились и усилия, и расходы на снаряжение в этот регион российских судов, направляемых в помощь Али-бею. Наконец, не последним стало понимание Баумгартеном того, что его миссия заканчивается провалом.

И агент А.Г. Орлова начал активные действия, пользуясь помощью таможенного откупщика (или директора таможни) в Суре Молилари (судя по фамилии и профессии, типичного «левантийца»). Баумгартен стремился всеми способами

¹⁹³ AR. 1773. Ch. 3.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ *Crecelius D. The Roots of Modern Egypt*. P. 103.

¹⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

¹⁹⁷ *Rafeq Abdul-Karim. The Province of Damascus*. P. 300.

не допустить примирения Захира с османскими властями («старался онаго шеха Дагера и союзниками его поддержать их прежние ими взятые меры против Порты»). Уверая в неизменности российской дружбы, он напоминал шейху о скором прибытии эскадры. В общем, Баумгартен приложил, как он писал в своем рапорте Г.А. Спиридову, все усилия «для склонения их к союзу в надежде, ежели и болше, то по крайней мере выиграть столко времени, чтобы вашему превосходительству о тамошних обстоятельствах знать дать».

Естественно, что шейх Захир при таких обстоятельствах пожелал получить гарантии российской помощи. И в этом, считал Баумгартен, ему «непосщасливело»: Захир хотел подписать «трактаты» и предложил свои пункты договора, тогда как Баумгартен не располагал соответствующей инструкцией. Тогда он решил «для первого случая» ограничиться согласием на такие статьи, которые не ввели бы его «невинно в прегрешение» (в рапорте он оправдывался: «ежеличе во всем етом против вашей воли и против политики поступил», то только «ис вернаго усердия»)¹⁹⁸. Между тем, действительно, преображенский подпоручик поступил с известной долей авантюризма, действуя «против политики» России, так как императрица даже при желании не могла бы выполнить главные предложенные шейхом Захиром пункты. Оправданием Баумгартену могло служить только то обстоятельство, что в то время Захир продолжал выторговывать условия замирения у Мустафа-паши.

Текст договора (а точнее проект предварительного соглашения) о «союзе с Россией», заключенный шейхом Захиром с подпоручиком Баумгартеном, сохранился в переводе с итальянского языка. Он был доставлен адмиралу Г.А. Спиридову только 2 февраля 1774 г. (ст.ст.), когда российская эскадра возвратилась в Аузу после взятия Бейрута, и хранится в архиве, не будучи опубликован. Между тем, этот текст дает понятие о территориальных претензиях шейха Захира и о его представлении относительно политико-правовых основах отношения с Россией. Он гласит:

«Кондиции, просимые нами от августейшей императрицы Екатерины Второй чрез превосходительнейшаго графа Орлова

„1“ Ежели будет заключен мир между августейшею императрицею Екатериною и Оттаманскою портою, то да утверждено будет наше владение над землями и местами, коих силою привели мы в наше подданство.

„2“ Ежели же августейшая императрица утвердит нас во владении сорийскаго государства, то мы обязуемся платить ежегодно по две тысячи борсов¹⁹⁹, каждой борс по пяти сот пиастров и каждой пиастров по сороку медин, и сие на вечную протекцию ея императрицы.

„3“ Ежели заключен будет мир прежде исполнения второй кандииции, то мы обязываемся же платить ежегодно по двести борсов августейшей императрицы с сим условием, чтоб Сайда, Хафа, Газе и Наполи²⁰⁰ и места, принадлежащие ко оным, остались в руках наших и под нашим владением.

¹⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–3. К сожалению, этот рапорт М. Баумгартена Г.А. Спиридову дошел до нас с утратами текста.

¹⁹⁹ La borsa — кошелек (*ит.*) соответствует араб. кис — кошелек, мешок или сумма денег в 500 пиастров. Пиастр, или кирш — серебряная, медина — медная монеты. К.М. Базили полагал, что в то время пиастр равнялся русскому рублю серебром (*Базили К.М.* Сирия и Палестина. С. 560).

²⁰⁰ Наполи — Наблус, окрестности которого С. Плещеев называл «Анаполусское владение» (*Дневные записки...* С. 17).

„4^с Доколе продолжится война, подлежит, чтоб военныя суда ея святыя особы находилися в морях наших для употребления их в потребном случае, потребно чтоб находилась при нас особа, снабженная совершенною властью над оными судами от превосходительнейшего графа Орлова, дабы мы могли располагать со оною в разсуждении обстоятелств.

„5^с Чтоб негоцианты ея святыя императорские особы находилися в местах наших и суда бы разъезжали в морях наших.

„6^с Соглашаемся, чтоб те места, которыя будут завладены силою воинов августейшей императрицы на море ли или на земле, платили бы контрбучию в разсуждени[и] богатства мест, как усмотрит отправленной начальник присутствующей в войске.

На подлинном подписано по-турецки²⁰¹ и подле приложена печать.

„7^с Просим императрицу всегда победоносною принять нас навсегда в ея покровительство и почитать места наши аки знатнейшую часть государства российского, и всегда б охранять нас и иметь об нас попечение и своим владычеством окружать места наши»²⁰².

Из этого документа следовало, что шейх Захир полагал, что в силу этого союза императрица включит в условия мирного договора с Портой статьи, отвечавшие интересам Захира. Он же имел претензии на завоевание всей Сирии (императрица «утвердит нас во владении сорийскаго государства»), полагая, что в этом ему помогут российские войска («будут завладены силою воинов» императрицы), которые удовольствуются контрибуцией с «мест», завоеванных для Захира. Шейх вообще считал, что в ходе военных действий «весма лехко завладеть Барутом и разными другими местами в Сории и выгнать из оных сущих стороны отоманския Порты», т.е. сторонников султана²⁰³. (Позже, когда к сирийским берегам прибыла эскадра Войновича, то в письме к шейху Захиру от 14 июня 1773 г. Иван Войнович, видимо, уже ознакомившийся через Баумгартена с текстом «союзного договора», подтверждал, что прислан Орловым «для умножения вашего владения, которое, да сохрани Боже и умножь наивсегда!»²⁰⁴)

В случае, если Сирия (в тексте не определялось, в каких границах, но, явно, включая Бейрут, который, как и Ливанские горы, зависел от сайдского паши) не будет завоевана до заключения мира, то императрице следовало по мирному договору с Портой утвердить шейха Захира во владении уже имеющих у него земель (в частности, Сайдского эялета). По условиям договора, во время войны российским судам следовало находиться у сирийских берегов, а при особе шейха должен был пребывать военный советник, имеющий полномочия командовать этими судами, иными словами, шейх получал бы возможность действительно распоряжаться русским флотом. В ответ на выполнение этих статей договора российские купцы приобретали право свободного передвижения у сирийских берегов. Таковы были условия палестинского шейха, на которых он готов был вступить под покровительство императрицы. Понятия же «покровительства» и «подданства» («своим

²⁰¹ Участники экспедиции все еще путали шрифт и языки, называя арабский шрифт турецким. Письмо было написано по-арабски.

²⁰² РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 7–7об.

²⁰³ Письмо шейха Захира Г.А. Спиридову (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 8).

²⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 322об.

владычеством окружать нас») в практике того времени не имели, как уже отмечалось, строгого политико-правового смысла: то ли под ними понималась уплата определенной дани, то ли территории становились частью Российского государства, но в обоих случаях подразумевалось, что императрица обязана защищать владения шейха своими вооруженными силами во время войны и своим международным авторитетом в послевоенное время. Что касается размера дани, то, как рачительный хозяин, Захир сильно преуменьшил сумму, которую было положено платить в османскую казну с этих земель.

Отдавая, по-видимому, себе отчет в слишком больших запросах, шейх Захир вступал в «торг», ожидая условий российской стороны («сообщить нам кондиции, угодные вашему превосходительству по благоизволению прехвалныя императрицы») ²⁰⁵.

Однако обратная связь с Паросом возникла только в начале 1774 г., когда после получения контрибуции за взятие Бейрута, как уже отмечалось, российские суда возвратились в Аузу. Перед отплытием соединенной эскадры Кожухова-Войновича (об этом речь пойдет далее) шейх Захир написал 26 ноября 1773 г. еще одно письмо Орлову, в котором просил: по прочтении «кондиций», заключенных с Баумгартеном, убедиться, что Бейрут и Ливанские горы остаются во владении перешедшего под покровительство императрицы эмира Юсуфа Шихаба и согласиться с тем, что дань с Захира, обещанная в договоре, должна быть уменьшена. «И сие, — продолжал Захир, — оставляется на мудрое разсуждение вашего превосходительства, и как вы в разсуждении сего положите, мы все примем неизреченно» ²⁰⁶. «Неизреченно» принимать условия А.Г. Орлова не пришлось, так как обстоятельства изменились, война приближалась к заключению мира, и вопрос о договоре с палестинским шейхом дальнейшего продолжения не получил. В свою очередь, шейх Захир возобновил переговоры о примирении с турецкими властями.

В то время, когда шейх Захир ал-Омар и подпоручик Преображенского полка Максимилиан Баумгартен еще только вели переговоры о заключении союзного договора, в мае–июне 1773 г. в Архипелаге снаряжались эскадры для похода к сирийским берегам.

21 апреля 1773 г. А.Г. Орловым была подписана инструкция «господину майору и кавалеру графу Войновичу, что он должен делать в отправлени[и] нами ево в Сурию с порученною ему эскадрою». Первым ее пунктом стояло: «Как скоро получите повелении (значит, Алексей Григорьевич все-таки торопил. — *Авт.*), то следуйте к сорийскому берегу вместе с фрегатами Славою, шибекою Забиякою, четырью полугалерами и воличем, где вам и крейсировать до тех пор, пока сочтете за нужное, также и там, где способнее будет для зделания вреда и приведения в замешательство неприятеля». Далее следовали пункты относительно осмотра судов нейтральных и союзных государств, разрешенных к конфискации товаров, и всего, что касалось условий блокады. Особая статья содержала рекомендации

²⁰⁵ Письмо шейха Захира А.Г. Орлову от 31 мая 1773 г. (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 6об.).

²⁰⁶ «...Все наше упование возлагаем на дружбу вашу и на покровительство и защищение победоносныя императрицы, может быть, что ваше превосходительство по прочтении кандидий, заключенных с господином Боумгарддом, увидите, что иние должествуют вытти из за нашего владения Барутом и дружские горы места, принадлежащая к сеидскому правителю, ибо князь Жузеф подвергнул себя под покровительство императрицы и должно будет, чтоб оныя места принадлежали ему» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 69об.–70).

относительно пленных «турок» (надо полагать, имелись в виду мусульмане): их следовало обменивать на освобождаемых из рабства христиан или освобождать под условием, что они более не будут участвовать в войне²⁰⁷. В целом из 13 статей инструкции только три (включая процитированный первый пункт) упоминали в самой общей форме о помощи арабским союзникам: «6-е. Не запрещается (!) вам входить в порты Али-бея (Алексей Григорьевич еще не знает о судьбе Али-бея. — *Авт.*) или его союзников и делать им всякое вспоможение по вашему разсмотрению, как берегом, так и морем; 7-е. Отъедаетца в полную вашу власть делать десанты, асаждать крепости, города, деревни и требовать с них контрибуцию и делать все то, что может быть в великой вред неприятелю и ползу победоносного оружия нашей августейшей монархини»²⁰⁸. Впрочем, безусловно, какие-то наставления в отношении взаимодействия с Али-беем и Захиром были даны устно.

Действия И. Войновича вполне согласовывались с данной ему инструкцией. С конца апреля и почти по середину июня его суда крейсировали в районе Кипра, у берегов Египта и Сирии, брали «призы», сражались с корсарами, сбывали в Дамииетте захваченные товары. Когда ж 12/23 июня стало «бесполезным» находиться в крейсерстве, так как «все уже были готовы к драке», эскадра стала собираться в Суре, где Иван Войнович и встретился с Баумгартеном²⁰⁹.

Очевидно, что Алексей Григорьевич при составлении инструкции для Войновича руководствовался, прежде всего, интересами блокады и материального снабжения флота, а взаимодействию с союзниками отводил второе место. Тогда как Г.А. Спиридов и военный совет решили, что тактически важнее провести операции совместно с арабскими союзниками.

В результате М.Г. Кожухов получил от Г.А. Спиридова более четкую инструкцию и действовал оперативнее, при этом ему рекомендовалось прислушиваться к мнению Панаиоти Алексиано, имеющего опыт плавания у сирийских берегов. Инструкция содержала положения, отражавшие российскую религиозную политику, на формирование которой оказывали влияние русско-арабские контакты. М.Г. Кожухову предписывалось, оказывая помощь Али-бею, не причинять никакого притеснения, мародерства и разорения его союзникам, хотя бы они были «магометанами» и бывшими турецкими подданными. Кожухову вручались письма к Али-бею, в которых, в частности, содержались условия предоставления Али-бею российских вооруженных сил. Согласно этим условиям, запрещалось принуждать христиан, из которых будут состоять отряды, принимать ислам; предлагалось хорошо «довольствоваться» воинов, платить им жалование и сообщить командованию, когда можно будет их взять обратно²¹⁰.

²⁰⁷ «Ежели возьмете в плен турок, дозволяется вам освобождать их, именем Ея Императорского Величества брать с них письменныя обязательства, чтобы не служили во все время войны против оружия нашей государыни, а ежели можно, то можно делать обмен на христиан, которыхы они освободят из неволи» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 75–75об.).

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 304–306.

²¹⁰ «...чтобы как оное наше войско из христиан, то чтоб из них никто к магометанскому закону ни под каким видом принуждаем и уговариваем не был, и никогда бы ни от кого посмешества в законе не причинялось, и были бы содержаны в надлежащей чести под покровительством вашим, великого господина (Али-бея. — *Авт.*) или ваших друзей...; во все время бытия их при вашей или друзей ваших армии доволствованы бы были достаточно пищею, по службам их чинено бы было награждение и выдано денежное жалование...» (РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 272–284).

М.Г. Кожухову также поручалось учинить промеры, описи и виды берегов, берець данный ему фрегат «Надежда», команда которого составляла 201 человек²¹¹, и при встречах с нейтральными судами не сообщать, что они направляются на помощь Али-бею. По-прежнему, действия в Египте и Сирии старались держать в тайне.

М.Г. Кожухов отбыл с Пароса позднее, чем Войнович: только 20 мая он получил повеление следовать к островам Идро и Специя, «показатца на вид Наполи де Романья» (видимо, для устрашения турок) и идти, «не продолжая времени» (значит, торопиться), к египетским и сирийским берегам. Тем не менее, в Хайфу он прибыл 17 июня, всего лишь через пять дней после эскадры Войновича²¹².

К прибытию обеих эскадр политическая обстановка в Сирии заметно изменилась, что меняло и задачи эскадр.

После гибели Али-бея отпала потребность в походе в Египет. Шейх Захир спешно занялся укреплением Яффы, опасаясь агрессии со стороны Мухаммед-бея Абу-з-Захаба. Его недавний противник ливанский эмир Юсуф Шихаб решительно переменял свой политический курс, порвал с османскими властями и переметнулся на сторону шейха Захира, заключив с ним военный союз и как союзник шейха Захира оказавшись на попечении российской стороны.

Между тем, эмир Юсуф был непонятен русским и они сомневались в воинских достоинствах его ополчения (И.Войнович замечал в письме шейху Захиру: «не совсем надеюсь на друския воиска храбрости, которых не довольно знаю»)²¹³.

И действительно, политическое поведение эмира Юсуфа Шихаба могло вызывать недоверие, поскольку отличалось импульсивностью и столь неожиданными поворотами, точно он был не способен просчитывать свои шаги наперед. В начале своего политического пути эмир Юсуф, борясь за власть над Ливаном со своим дядей эмиром Мансуром, изменил традиционной для ливанских правящих эмиров политике, заключавшейся в оппозиции османским властям, и оказался вовлеченным в действия мало популярных и слабых османских пашей. Враждуя с эмиром Мансуром и мутуалиями и, возможно, опасаясь территориальных претензий шейха Захира или слишком полагаясь на турок, он накануне сражения под Сайдой отказался принять предложение шейха Захира заключить мир с ним и Али-беем²¹⁴. Между тем, тогда союз этих политиков изменил бы течение политической жизни Сирии и Египта в интересах самого ливанского эмира.

После осады Бейрута русским флотом летом 1772 г. эмир Юсуф, испытывая неприязнь к эмиру Мансуре²¹⁵ и боясь Захира не меньше, чем российского флота, поспешил обратиться к сераскиру Осман-паше и вали Дамаска Мустафа-паше с просьбой направить в Бейрут османский гарнизон. Османские власти немедленно выполнили эту просьбу и прислали отряд магрибинцев под командой Ахмеда ал-Джеззара, в прошлом египетского мамлюка. Турецкий выбор показался эмиру Юсуфу приемлемым: Ахмед-бей отличился в сражении под Сайдой, он был обязан жизнью эмиру Юсуфу, отказавшемуся нарушить закон гостеприимства и выдать его за высокий выкуп Мухаммед-бею Абу-з-Захабу, имевшему с Джеззаром свои кровавые счета.

²¹¹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

²¹² Экстракт рапорта Кожухова (РГА ВМФ. Ф. 188, Оп.1. Д. 91. Л. 106об.-107).

²¹³ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 323.

²¹⁴ *Аш-Шидияк Танус*. Китаб ахбар. С. 390; *Базили К.М.* Сирия и Палестина. С. 77.

²¹⁵ Танус аш-Шидияк пишет о «ненависти». (*Аш-Шидияк Танус*. Китаб ахбар. С. 393).

Ахмед ал-Джеззар, в свою очередь, оценил значение Бейрута как морского порта Дамасского эялета и центра торговли Горного Ливана. Он отстроил городские укрепления, снабдил их сильной артиллерией, набрал собственные наемные отряды и отказался возвратить город эмиру Юсуфу, заблокировав экономическую жизнь эмирата. Обращения Юсуфа с жалобами к османским властям остались без ответа. И взбешенный эмир Юсуф круто изменил свой внешнеполитический курс.

Он примирился с дядей Мансуром и через его посредничество 9 июня 1773 г., как точно интерпретировал К.М. Базили сообщения арабских источников, «заключил [с шейхом Захиром] оборонительный союз противу пашей и особенный договор, в силу коего они обратились к русскому адмиралу (в действительности командующему эскадрой капитану Кожухову. — *Авт.*) с просьбой освободить Бейрут от Джеззара»²¹⁶. Сам Захир по прибытии Кожухова в Хайфу писал ему в письме, «что на сих днях совершили мы соединение наше с превосходительнейшими князьями (эмирами Шихабами. — *Авт.*) и то уже мы и они составляем един корпус. Они просили помощи в деле бейрутском, и мы дали им наше слово, что суда истинных друзей наших россиян скоро сюда прибудут, и мы попросим их да йдут к Баруту, и по сем нашем обещании ожидают они прибытия вашего»²¹⁷. Следовательно, шейх Захир ценил в договоре прежде всего приобретение союзника в противостоянии Стамбулу в лице влиятельного ливанского эмира, за которым стоял Горный Ливан, и отдавал отчет в том, что этим он во многом обязан России, на чью помощь рассчитывал и эмир Юсуф. Такой союз («единство») и изменил политическую ситуацию, которую застали российские эскадры в Сирии.

Первым с новой обстановкой ознакомил И. Войновича Максимилиан Баумгартен, который рекомендовал ему принять предложение шейха Захира и участвовать в осаде Бейрута. Еще до прибытия судов Кожухова Иван Войнович по настоянию Захира направил 14/25 или 15/26 июня шебеку «Забияка» с судами Сура и Сайды к Бейруту для организации блокады города с моря²¹⁸. Впослед-

²¹⁶ Ливанские хроники отметили это событие. Абдаллах Трад довольно подробно описал, как эмир Юсуф запросил совет у ливанской знати — эмиров и шейхов, те согласились, что у эмира Юсуфа не было иного пути, как написать шейху Захиру, примириться с ним и попросить помощи в освобождении Бейрута от ал-Джеззара. Состоялась встреча шейха и эмира возле Сайды в знаковом месте — у гробницы пророка Ионы. Значение этой встречи подтверждалось участием в ней свиты Захира, членов семьи правящего эмира и шейхов Джебель-Друза. Встретившись, эмир и шейх «пошли навстречу, подали друг другу руки, помирились и заключили союз, при чем эмиру Юсуфу было оказано полное уважение со стороны шейха Захира. Они совещались друг с другом о деле осады ал-Джеззара в Бейруте». Далее речь пошла о том, чтобы обратиться за помощью к России, и шейх произнес знаменательные слова: «Я написал на остров Парос, чтобы приплыли московские суда в Египет для помощи Али-бею... Когда суда прибудут, я пошлю их осаждать Бейрут с моря, а ты соберешь свои войска, спустишься [с гор], чтобы осадить ал-Джеззара с суши» (*Трад Абдаллах. Мухтасар тарих ал-асакифа. С. 95; см. также: Кобищанов Т.Ю. Крест над Бейрутом. № 1. С. 20*). Сообщение о просьбе эмиров Мансура и Юсуфа Шихаба о посылке Захиром российских судов Танус аш-Шидияк сопроводил пояснением, что «командующий флотом, чиновник императрицы Катрин, повиновался Захиру ал-Омару», так как он, Захир, был «ее другом, соединенным с ней в войне с османским государством» (*Китаб ал-ахбар. С. 394*). Как видим, стилистика обращений шейха Захира к россиянам решительно отличалась от риторики его речей, обращенных к соотечественникам. И это породило среди сирийцев превратные представления об отношениях между командованием флота, Али-беем и Захиром.

²¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 120. Л. 18об.

²¹⁸ Шейх Захир настаивал на посылке судов для блокады, чтоб жители бейрутские не подумали, что «наши согласия суть беспутны», а граф Войнович писал 13 июня 177[3] г. Ахмеду Денгизли:

ствии он весьма гордился этим «авантажным» предприятием, «ибо воспрепятствовал провоз провианта из Триполи к Бейруту, и голод много помог к сдаче крепости»²¹⁹.

По прибытии эскадры Кожухова в Сирию командующие эскадрами Кожухов, Войнович, а также Баумгартен 19 июня встретились у Хайфы и обменялись инструкциями, полученными от А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова. Капитан Кожухов, следуя указанию Спиридова, как старший по званию, взял на себя команду над объединенной эскадрой; на майора графа И. Войновича ложилась обязанность обеспечивать связь с арабскими союзниками, поскольку Кожухов не знал итальянского языка, а переводчики с арабского языка, видимо, отсутствовали. Кроме того, было принято решение обеим эскадрам соединиться в Сайде. На следующий день М.Г. Кожухов получил от шейха Захира текст «Трактата о дружелюбии» («Союза с Россией»), заключенного с Баумгартеном, и упомянутое сообщение о союзе шейха с эмиром Юсуфом («с друзскими принцами»), сопровождавшееся просьбой об оказании помощи эмиру.

23 июня /4 июля 1773 г. в Сайде суда, действительно, соединились; Кожухов, Войнович и Баумгартен встретились с правителем Сайды Ахмедом Денгизли, которому шейх Захир поручил роль посредника во взаимоотношениях с «друзскими князьями» и кто стал гарантом («имянем его посланец») ²²⁰ исполнения обязательств самого Захира, пребывавшего все еще в Яффе. Там же они все вместе начали «писать трактаты» — пункты договора с друзами, общее содержание которых было определено шейхом Захиром и эмиром Юсуфом, видимо, при участии Баумгартена²²¹.

Еще через два дня (25 июня/6 июля) объединенная эскадра в сопровождении Ахмеда Денгизли отплыла в Бейрут, куда пришла в тот же день, встав на якорях вне достижения пушечного обстрела из бейрутских крепостей²²². Ко-

---

«Между тем отправлю завтра мою шебеку з двумя галерами, с которыми должно соединить и ваши суда под команду моей шебеки для блокады того города с препятством, чтоб командир онаго не въвозил в крепость провиантов и аммуниции и не вывез бы ево сокровищ с той стороны» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 321, 322об.).

²¹⁹ Из донесения премьер-майора графа Ивана Войновича адмиралу Спиридову, с фрегата «Св. Николай» из порта Ауза 1774 года, января 31 (Материалы для истории русского флота. Т. XII. С. 227). Торопя Войновича начать блокаду Бейрута, шейх Захир руководствовался опасением, что ал-Джеззар успеет вывезти из Бейрута его казну и сокровища.

²²⁰ РГА ВМФ Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 64.

²²¹ Условия договора привез от Захира и Юсуфа Шихаба Баумгартен. (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 63).

²²² Операция по осаде и взятию Бейрута, длившаяся четыре месяца, представляет собой самый важный момент в русско-арабских контактах. Главными источниками для ее описания служат, прежде всего, свидетельства участников операции: Экстракт рапорта М.Г.Кожухова (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 106–111); Рапорт И.Войновича (Там же. Д. 53. Л. 304об.–310); Рапорт Максимилиана Баумгартена (Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–2); «Журнал о Сирийской экспедиции с 1773-го года по начало 1774» барона М.Палена, дошедший до нас в черновом переводе с немецкого (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 4–6об.); описания событий со слов участников и по документам капитана С.П. Хметевского (см. Приложение 8. С. 686–687). Не менее важны переписка И. Войновича и М.Г.Кожухова с шейхом Захиром ал-Омаром; письма шейха Захира и эмира Юсуфа Шихаба А.Г. Орлова и Г.А. Спиридову, а также другие документы, хранящиеся в Российском государственном архиве военно-морского флота, большинство из которых еще не введено в научный оборот. Некоторые важные детали этих событий содержатся в арабских хрониках Абдаллаха Трада, Хайдара аш-Шихаба, Тануса аш-Шидияка и др., но в целом авторы этих хроник мало информированы и к тому же заметно политически ангажированы. Описания событий отечественными историками содержат множество неточностей и даже ошибок. Все это обусловило целесообразность полно изложить обстоятельства и события операции с цитированием архивных документов.

манdüющий вступил в переговоры с «друзскими принцами» (в действительности, с наиболее влиятельными эмирами и шейхами), так как следовало согласовать политические основания взаимодействия россиян и друзов и диспозицию военных действий.

В отличие от осады Бейрута 1772 г., осуществлявшейся только для «нанесения вреда неприятелю», действия эскадр в 1773 г. следовали новому девизу командования — «оказывать помощь и брать под свое покровительство того, кто об этом попросит», и поэтому требовали соответствующих взаимных договоренностей и их письменного оформления²²³. Вследствие этого военным действиям предшествовали и их сопровождали активная переписка, касавшаяся политических, военных, торговых и даже религиозных аспектов совместных действий, а также заключение договоров, подписание капитуляции и т.п.

По-видимому, между 25 июня и 16 июля происходила переписка с ливанской стороной. Согласно записи немецкого волонтера барона Палена, участвовавшего в осаде, 16 июля «проводили время в разговорах и в согласии с друзами»²²⁴, а 17 июля вечером друзы подписали «трактатные пункты с приложением их печатей»²²⁵. Как писал Хметевский, «делали с князем друзким договор, для чего употреблен во оное Иван Войнович»²²⁶.

В преамбуле определялись участники соглашения: «Обретаясь на сих сирийских морях императорская российская эскадра под команду высокоблагородного господина Михаила Кожухова (Кожухова) корабельного капитана, находящегося на службе Ея Императорского Величества Императрицы всероссийской, приглашен был его превосходительством господином Даер-Омер (Захир ал-Омар) главнокомандующим города Акрия (Акка) с его зависимостями, в помощь князьям и начальникам нации, называемой Друзы, кои вознамерились учинить осаду городу Баруту при прикрытии и с помощью славных войск Ея Императорского Величества, того для, приехав, показанный господин российский с своею эскадрою к рейде барутской, где собрались и вышесказанные князья и начальники Друзии, предложил им следующие артикулы, на которые они и согласились и договорились чрез посредство Ахмет-аги Денизлия, губернатора Сеида, посланного для такого дела от его превосходительства шейха акрийского»²²⁷.

Преамбула (для краткости или по неясным для нас причинам) упрощает процесс выработки текста соглашения: из нее следует, что Кожухов предложил (а может быть, продиктовал?) «артикулы», и друзы согласились. За этой формулой

²²³ По прибытии в Сур И. Войнович писал Ахмеду Денгизли: «Но как оное дело есть такое, которое прежде должно быть хорошо установлено и потом приступить к предприятию онаго, так должно, чтоб ево светлость друзкий князь прислал немедленно своего повереннаго, с которым бы мог я подробно согласиться, что почтем за нужное для оной экспедиции и в оное время...» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 321).

²²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 4

²²⁵ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 107об. Датировка событий представляет большие трудности: далеко не всегда можно определить, по какому стилю сообщаются даты, но и в самих источниках существуют серьезные расхождения в датах. В частности, большая часть сообщений свидетельствует о том, что договор был подписан 17 июля 1773 г., однако его текст, публикуемый в переводе с итальянского, датируется «14 июля 1774 г.» (?). Поскольку перепутан год, то можно предположить, что ошибка при двойном переводе (с арабского на итальянский, а затем на русский) закралась и в указании дня. Арабские источники, как правило, дат не содержат.

²²⁶ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 686..

²²⁷ Цит. по: Материалы для истории русского флота. Т. XII. С. 233.

остались скрытыми первоначальные договоренности шейха Захира и эмира Юсуфа (согласно архивным записям, эти «кондиции» доставил Кожухову Баумгартен, получивший их от Захира и Юсуфа Шихаба еще до прибытия Кожухова)²²⁸, умалчиваются работа над соглашением, проделанная Кожуховым, Войновичем и Денгизли, а также переписка и дебаты с друзьями.

Кроме того, в преамбуле речь идет о двух договаривающихся сторонах — капитане Кожухове, находящемся на службе российской императрицы, и дружеских эмирах и шейхах («князьях и начальниках»), они соответственно представляли интересы российской императрицы и «нации, называемой Дурузы»²²⁹. Однако договор содержал статьи, отражавшие также интересы шейха Захира, что подтверждает факт предварительной договоренности шейха с эмиром Юсуфом.

Иными словами, договор стал результатом серьезных многосторонних военно-политических переговоров и дискуссий. Он начинался с рассмотрения вопросов политических. В первой статье дружеские эмиры и шейхи «обещаются и обезуются... признавать отселя и впредь своею защитницею Ея Императорское Величество, принимая в своих портах российские корабли и подавая им всякую помощь в их потребностях» (Артикул 1). Эта статья почти полностью совпадает с предложением, сделанным неизвестными «турками» через «греков» Георгию Ризо при отплытии эскадры из Бейрута еще в 1772 г. В предложении «турков» 1772 г. речь шла о желании перейти в российское подданство, в рассматриваемом договоре — о защите. Поскольку оба документа дошли до нас в переводах с итальянского, которые в свою очередь были сделаны с арабского, то можно предположить, что в арабском тексте было употреблено понятие «химайя» — покровительство. Такое понимание подтверждает и текст экстракта из рапорта М.Г.Кожухова, в котором говорилось, что «оной город получен в протекцию Ея Императорского Величества, нашей всемилостивейшей государыни»²³⁰.

Под «защитой», «протекцией», «покровительством», «подданством» понималось, судя по договору, предоставление российскому флоту свободного посещения гаваней, оказание судам помощи в снабжении, починках и т.п., к тому же предполагалась уплата в последующие годы («на предбудущие годы») неких регулярных взносов в размере «как заблагорассудится с шейхом акрийским» (Артикул 11). О том, какие поступления намеревался платить Захир, он писал в «Трактате о дружелюбии».

²²⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1 Д. 92. Л. 63. Ахмед Денгизли писал Ивану Войновичу по этому поводу: «...союзные [друзы] с моим светлейшим государем шехом Даером... были согласны последовать тем повелениям упомянутого светлейшаго шеха и отдаются поступать во всем на ево власть...» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 321об.). Речь идет о договоренностях, достигнутых до прибытия эскадры.

²²⁹ Документ подписан («приложены чернильные печати») рядом лиц, чьи имена переводчику не удалось разобрать. По словам самого эмира Юсуфа, это те самые «начальники», которые «по древнему обычаю откупают у начальствующего князя большую часть владения и потому зделались весьма сильны» (Из письма эмира Юсуфа А.Г. Орлову от 1 января 1774 г. Приложение 9. С. 704). Участие наиболее влиятельных ливанских мукатааджиев (феодалных владельцев) в этом военно-политическом акте отражает патримониальный характер политического устройства Ливанского эмирата. Правящий эмир, в избрании которого по традиции участвовала эта элита, не рисковал принимать собственное решение в сложном политическом вопросе взаимодействия с христианской державой, находящейся в войне с султаном, тем более, что, по словам того же эмира Юсуфа, большинство друзей «болея доброжелательствуют туркам» (Там же).

²³⁰ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 109об.

Друзские «князья и начальники» обещали «соблюдать ненарушимую дружбу» с шейхом Захиром, «зависящим от сего дня от высокопомяной Ея Императорского Величества и со всеми его друзьями и подвластными» (значит, сохранять дружбу и с мутуалиями, враждующими с друзьями) (Артикул 2). Пока продолжается война России с «Оттоманскою портою», друзья, как и «шейх акрийский», должны «держаться в войне» с Портою и не заключать мирного договора (Артикул 3). Если бы кто-то из друзских «начальников» «явился неприятелем России или его превосходительству шейху акрийскому, то должны все против его возстать и почитать его за неприятеля» (Артикул 4). Таким образом, интересы шейха Захира защищались почти наравне с российскими.

Особая статья отвечала принципам установления доброжелательных взаимоотношений России с мусульманскими государствами — возвращение христианам превращенных в мечети церквей и освобождение от рабского состояния плененных христиан (Артикул 8).

Далее в договоре следовали статьи военного характера. Друзы должны были выставить войско в пять-шесть тысяч человек, которое будет осуществлять блокаду Бейрута с суши и штурмовать город «в назначенный день» (Артикул 5), т.е. когда российская артиллерия сделает «нужные и пространные проломы» в городской стене и сражения будут перенесены на улицы города (Артикул 10). Для того, чтобы во время городских боев избежать по ошибке столкновений между союзниками из-за внешнего сходства друзов с солдатами Джемалы и городского ополчения, было решено, что российские силы будут защищать свои батареи, обстреливать город, держать блокаду Бейрута с моря, но не будут участвовать в штурме. По взятии города они вместо принятого грабежа получают контрибуцию в размере 300 000 пиастров наличными деньгами, шелком, штофами, серебряной посудой и другим движимым имуществом. Если же российские войска возьмут что-либо из города или крепостей, то цена «оного» будет изъята из установленной контрибуции (Артикул 10)²³¹. Все мелкое оружие, барабаны и знамена, находящиеся в городе, и «два галиота» должны были перейти россиянам, «а город с его крепостями, пушками, порохом и прочее имеют остаться в руках друзов» (Артикул 9).

Наконец, друзам не позволялось вести переговоров с осажденными о капитуляции «без ведома российского командира», но и командиру предписывалось не препятствовать этим переговорам, лишь бы они не были в ущерб («без предсуждения») российскому флоту (Артикул 6). Плененный Ахмед ал-Джемал дол-

²³¹ Материалы для истории русского флота. Т. XII С. 235. («А как сходность между войском друзы и турецкими крепостями и города Барута может произойти нераспознавание с российскими войсками, что может учиниться очень легко, что сии могут стрелять на войска приятельские или допустят на себя нечаянно напасть неприятельскими, бегая по городу во время штурмования, то для избежания такой разстройки постановлено, чтоб российские войска употреблены были к защищению своей батареи, которой имеют они делать нужные и пространные проломы, чрез которые имеют друзы входить и вскакивать на неприятеля, не дозволить россиянам вместе с ними в город вступать; а чтоб наградить российские войска обыкновенным грабежом, который в таком случае им запрещается, то вышепоказанные князья и начальники друзские обязуются платить господину коменданту российскому 300 000 левков (пиастров), а всякой левок по 40 пар ходячею монетою великого султана, отчасти наличными деньгами, шелком, штофами, серебряною посудой и другим движимым имуществом по настоящей оценке, спустя несколько дней по завладении друзами оного города, а если друзы докажут, что российские войска взяли что нибудь из города и крепостей, то оное замениться или причислиться имеет в помянутую сумму»).

жен был перейти в руки тех, кто его захватит — или друзов, или россиян. Но в случае капитуляции он сам выбирает, кому сдаваться (Артикул 9). Последний 13 пункт соглашений касался вопроса взятия заложников (аманатов) в качестве гарантии выполнения друзьями условий соглашения («для обяванья к исполнению того, что обещаются»)²³², каковые и были взяты на суда.

Российская сторона выполнила условия договора, и в письме к А.Г. Орлову, датированном 1 января (ст.ст.) 1774 г. эмир Юсуф писал: «...не могу довольно восблагодарить Господа и начальника Акринского за доставление мне оных людей, ни могу довольно выхвалить их постоянство, твердость и искусство, и храбрость, одним словом, они поразили меня их делами, добрым сердцем и искреннею службою»²³³. Но этот отзыв был заслужен четырехмесячным воинским трудом, упорными сражениями с противником, силы которого не были трезво оценены, пережитым разочарованием в союзниках, а также мирными сношениями с ливанской знатью и населением.

Военные действия начались 23 июля/3 августа 1773 г. Почти целый месяц до этого жители Бейрута жили в условиях морской блокады, томительно ожидая обстрела со стороны эскадры. А она насчитывала 11 только крупных боевых судов (фрегатов, поляк и шебеки), оснащенных 232 пушками, не считая шести полугалер и судов, выставленных шейхом Захиром и эмиром Юсуфом²³⁴. Хотя С.П. Хметевский писал, что «в то время город их (эскадру.— Авт.) никак не тревожил»²³⁵, но, согласно Палену, редкие перестрелки все-таки имели место²³⁶. За этот месяц Ахмед Джеззар успел подготовиться к контратакам и разместить часть своего двухтысячного корпуса в садах за пределами городской стены для предотвращения высадки российского десанта.

По плану военных действий, в разработке которого участвовали командующие судов и М. Баумгартен, было решено начать бомбардировку с выдвинувшихся к берегу поляк и фрегата «Надежда», чтобы отвлечь внимание оборонявшихся от высадки десанта. Десант, состоящий из 787 человек — греков, албанцев и славян (как упоминалось под «славянами», «славонами» имелись в виду долматинские и черногорские сербы) под общей командой Баумгартена, должен был высадиться к северо-западу от города.

23 июля/2 августа на рассвете после того, как был «от союзных войск учинен сигнал о приближении к городу, <...> по учиненному сигналу начали перевозить десант на берег»²³⁷. Но похоже, что на этом сигнале к началу операций взаимодействие русских и друзских войск закончилось, далее действовали только российские силы.

Согласно экстракту рапорта Кожухова, «по высаживании на берег, десантом и с судов пушечною пальбою бывшие тут, засевающие в садах турки (Кожухов тра-

²³² РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 323. Текст соглашения см.: Материалы для истории русского флота. Т. XII. С. 233–236. Нами не упомянут пункт 12 о возвращении владельцу захваченного Джеззаром английского судна — свидетельство дружеских отношений с Великобританией.

²³³ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 71 об.

²³⁴ См.: *Базили К.М.* Сирия и Палестина. С. 557–558.

²³⁵ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 687.

²³⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 4об.

²³⁷ Рапорт М.Г. Кожухова адмиралу Г.А. Спиридову. Цит. по: *Гребенищикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007. С. 425.

диционно арабов-мусульман именует «турками». — *Авт.*) прогнаны в город. Потом тем десантом заняты лучшие и выгодные места»²³⁸. Вместе с десантом были доставлены четыре 6-фунтовые пушки и установлены две батареи под командой барона М. Палена и морских батальонов прапорщика графа Ивана Войновича (брата командира фрегата «Слава» Марко Войновича, младшего родственника и тезки командира присланной А. Орловым эскадры). На следующий день с судов были сняты и доставлены две 12-фунтовые пушки со снарядами, «при них морских батальонов подпоручик Анненков, кананир — 1, мотрозов — 2»²³⁹. Таким образом, были установлены три батареи с шестью пушками, обслуживаемые тремя канонирами и шестью рядовыми. Они находились под защитой десанта, который использовал в качестве укрытий брошенные дома. При батареях были возведены земляные укрепления. Работы производились ночью скрытно от глаз противника. (Впрочем, 24 июля барон Пален отметил в своем журнале: «Должна была сделана батарея, однако, мы были отогнаны неприятелями от нашей работы, которую при сиянии месячном видеть мог»²⁴⁰.) Задача батарей заключалась в создании пролома в городской стене для проникновения в Бейрут атакующих союзных войск.

Тогда же 23 июля суда, приблизившись к городу, встали в боевую линию (по словам Палена, «были построены полуцыркулем»), легли на шпринг²⁴¹ и начали не прекращавшийся ни днем, ни ночью артиллерийский обстрел города и его укреплений. И так продолжалось почти непрерывно до 5 августа. Противник оказался достойным. «Хотя с морской стороны на городской стене было девять пушек, из которых одна толко 35 фунтовая, а другие трех и четырех фунтов, — писал в своих записках со слов участников операции С. П. Хметевский, — однако, стреляли целно и проворно, от чего «С[вятой] Павел», «Слава» и «Наксия», а потом и «Николай» принуждены отойти прочь. Да и «Надежда», быв в сражении, в третьи сутки отошла. Оной фрегат «Надежда» больше всех получила ядер. А особливо в [ватер]линию. Как от неприятельских ядер, так и от своей великой пальбы весь раздробило. Они расстреляли почти весь порох и ядра. От чего в фрегате «Надежде» сделалась великая течь»²⁴². Звуки канонады сотрясали Сайду и были слышны вплоть до Дамаска²⁴³.

По справедливому замечанию Т. Ю. Кобищанова, «эффект от бомбардировки был преимущественно психологическим»²⁴⁴. В сознании людей традиционного общества постоянно присутствовала мысль о конце света, поэтому от оглушительной канонады, криков сражавшихся, падавших бомб возникало чувство, что пришел Судный день²⁴⁵. Однако город был построен из прочного камня (Хайдар аш-Шихаб пишет — из песчаника, но скорее всего речь идет об известняке),

²³⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 107об.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 5.

²⁴¹ Шпринг — трос или цепь, закрепленная одним концом на корме, а другим соединенная со станovým якорем для удержания судна в требуемом положении.

²⁴² Журнал С. П. Хметевского. Приложение 8. С. 687.

²⁴³ *Charles-Roux F. Les Echelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. P. 211; аш-Шихаб Хайдар. Тарих Ахмад-баша ал-Джаззар. С. 53. См. также: Кобищанов Т. Ю. Крест над Бейрутом. № 2. С. 6.*

²⁴⁴ *Кобищанов Т. Ю. Крест над Бейрутом. № 2. С. 6.*

²⁴⁵ *Аш-Шихаб Хайдар. Тарих Ахмад-баша ал-Джаззар. С. 53.*

и пушечные ядра не разрушали строения, выщербливая лишь отдельные камни, ущерб был нанесен лишь городской стене²⁴⁶. Гарнизон и жители укрывались в кривых и узких улочках, перекрытых каменными сводами²⁴⁷, поэтому потери среди городского населения были незначительными. Заметно пострадали, городские укрепления и гарнизон, который нес большие потери во время боевых вылазок из города (на эти вылазки безжалостно бросал Джеззар своих наемных солдат-магрибинцев).

Из трех батарей к 28 июля россияне, наконец, пробили в городской стене первую брешь, достаточную для прохода фронтом 60 человек. Друзам дали знать о пробитой брешу, но они потребовали провести переговоры, на которых высказались за необходимость пробить в стене еще одну брешь, для чего пришлось перебазировать одну из батарей.

Обстрел стен производился в условиях боевых вылазок противника из города, которые всякий раз успешно отбивал российский десант. («И всегда по храбрости наших войск неприятель с немалым уроном прогоняем в город, хотя их корпус против наших всегда превосходней был»²⁴⁸). А бейрутцы поспешно закладывали образовавшиеся брешу сундуками и корзинами, наполненными песком, так что батареям приходилось вести пальбу и днем и ночью, чтобы воспрепятствовать восстановлению стен. В ходе перестрелок был убит младший Иван Войнович и ранен в ногу инженер-поручик барон Максимилиан фон Пален.

К 31 июля был готов второй большой пролом, но и в этот день друзы отказались штурмовать город. Кожухов предлагал, вопреки условиям договора, «чтобы впереди шли наши войска, а друзы только б не отставали», но и на это не последовало согласия²⁴⁹. С самого начала военных действий друзское ополчение, расположенное позади «нашева десанту верстах в трех», заняло позицию наблюдателя: «Первые два дни стояли, а потом день ото дня стали умяляться и уходили по домам в свои деревни»²⁵⁰. Друзское ополчение состояло из крестьян, по словам эмира Юсуфа Шихаба, «почти ничего не наученных воинскому искусству, но весма

Принц маронитский с военной одежде (возможно, младший сын Юсуфа Шихаба). 1770 г.

²⁴⁶ Сделать это, по словам Хметевского, «было нетрудно, стена города тонкая, больше похожа на ограду». Она возводилась Джеззаром впопыхах днем и ночью (в 1772 г. город еще не имел стены) (Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 687). «Как только он [Джеззар] занял Бейрут, стал укреплять город стеной и обновлять замки (видимо, крепости.— Авт.), поврежденные русскими. Для этого он наложил контрибуцию на жителей и разломал дворцы эмиров, чтобы употребить материалы для укреплений» (Базили К.М. Сирия и Палестина. С. 81).

²⁴⁷ Базили К.М. Сирия и Палестина. С. 82.

²⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 107об.—108.

²⁴⁹ Базили К.М. Сирия и Палестина. С. 558.

²⁵⁰ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 687.

храбрых, естли не помышляют измены»²⁵¹. Оно не выдерживало продолжительных военных действий, хотя бы потому, что снаряжение и провиант ополченцы были обязаны запасать на свой счет.

Однако на этот раз имелись и особые причины для отказа друзов участвовать в военных действиях. Как писал тот же эмир Юсуф, друзские шейхи, возглавлявшие ополчение, «болея доброжелательствуют туркам, нежели христианам»²⁵². Война против бейрутцев в союзе с гяурами-чужаками не вызывала у них энтузиазма. Среди шейхов кланов «язбеки» имелись открытые сторонники Ахмеда ал-Джеззара — шейхи Абд ас-Салам ал-Имади, Хусейн Тальхук и их окружение. По свидетельству анонимного автора «Краткой истории епископов»²⁵³, «шейхи стакнулись с Джаззаром»²⁵⁴. Однако главным аргументом друзских шейхов в их отказе штурмовать город стало требование россиян заплатить им контрибуцию по взятию города («наши взять город за вышеописанную цену обязались») ²⁵⁵. Друзские шейхи, хотя и должны были по условиям договора осаждать Бейрут (видимо, это был один из главных пунктов с трудом преодоленных разногласий между ними и русскими), рассматривали россиян в качестве наемников, которые и были обязаны воевать. Кстати, Хметевский, весьма недовольный не окупившимися расходами на экспедицию, также склонен был считать эту операцию наймом («в казну же из оной контрибуции, или лучше сказать, найму, ничего не досталось») ²⁵⁶.

1 августа эмир Юсуф сообщил российскому командованию, что «войска ему не повинуются и большая часть их разбежалась»²⁵⁷, «на остаток же своих войск имеет весма малую надежду»²⁵⁸. Между тем, к этому времени возникла надежда на то, что «завидя подвиг (готовность. — *Авт.*) к штурмованию, может быть, неприятель без кровопролития здаст город», поскольку «крепости и батареи [были] весма повреждены, а другия совсем збиты и бреши [оказались] довольно пространны». Уход же друзского войска мог «окуражить» неприятеля, поэтому на военном совете было решено, что эмир Юсуф с отрядом в 600 человек прибудет к прикрываемой русским десантом батарее, установленной возле берега, и расположится неподалеку от нее, а другой отряд в 1000 человек с одним из эмиров Шихабов остановится возле верхнего российского лагеря²⁵⁹. Тем не менее, надеж-

²⁵¹ Письмо Юсуфа Шихаба А.Г. Орлову от 1 января 1774 г. (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 72).

²⁵² Там же.

²⁵³ А.Е. Крымский передает ее название как «История бейрутских митрополитов».

²⁵⁴ *Трад Абдаллах*. Мухтасар тарих ал-асакифа. С. 96. Здесь предпочтителен перевод А.Е. Крымского (см: Из бейрутской церковной летописи XVI–XVIII вв. С. 67), так как в тексте стоит глагол «хана» (начальная буква — «ха») — «предавать», «изменять», «обманывать». Танус аш-Шидияк пишет об измене шейхов, «склонившихся» на сторону Джеззара (Китаб ахбар. С. 395). Ни у того, ни у другого хрониста речь не идет о подкупе, как истолковывает текст Абдаллаха Трада Т.Ю. Кобищанов. (Крест над Бейрутом. № 2. С. 7 и 8). А.Е. Крымский частично пересказал, частично перевел ту часть хроники, которая была написана в XVIII в. анонимным православным хронистом. Она «была вновь обработана и продолжена до 1824 г. бейрутинцем Абдаллахом Традом, человеком церковных интересов, но лицом светским» (Крымский А.Е. История новой арабской литературы. М., 1971. С. 336). Список рукописи хроники Крымский привез из Ливана в конце XIX в. Таким образом, он ввел хронике в научный оборот почти за сто лет до ее современного издания в Бейруте.

²⁵⁵ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 687. Этот же аргумент приводит В. Персен (The Russian Occupations of Beirut. P. 283).

²⁵⁶ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 688.

²⁵⁷ Цит. по: *Базили К.М.* Сирия и Палестина. С. 558.

²⁵⁸ Рапорт М.Г. Кожухова Г.А. Спиридову (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 108).

²⁵⁹ Там же. Л. 108об.–109.

ды на друзей было мало и, согласно журналу М.Палена, ночью 1 августа «пришел приказ к нам, чтоб артиллерию назад взять, [а] 2-го город был еще раз понужден к сдаче, однако комендант остался непременен и не поддался»²⁶⁰.

2 августа с требованием вспомогательных войск был срочно направлен в Акку к шейху Захиру лейтенант Марко Войнович²⁶¹. 4 августа эмир Юсуф, «называя себя бесчестным», заявил, что помогать далее он «не в силах», так как и эти отряды рассеиваются. Он предложил в ожидании войск Захира «для безопасности» взять десант на суда, город же держать в блокаде с моря и суши, для чего обещал пресечь «коммуникацию от гор с Берутом»²⁶² (следовательно, до этих пор с суши город не был полностью блокирован).

Наконец 5 августа ал-Джеззар прислал к Кожухову дервиша с сообщением, что он желает вступить в переговоры²⁶³. По словам капитана Хметевского, Джеззар ставил условием для начала переговоров возвращение десанта на суда. Это требование удачно совпало с намерениями командования: по словам Хметевского, «нашим было то надобно», и россияне «употребили хитрость некоторыми договорами с Чезарбеем», т.е. согласились с требованием Джеззара, «пушки и десант порядочно перевезли на суда»²⁶⁴, и эскадра оттянулась от крепости.

Согласно рапорту Кожухова, 6 августа Кожухов и Войнович принимали у себя парламентаря. Он передал следующее предложение ал-Джеззара: вместо подчинения города Шихабам, Бейрут примет подданство Екатерины II, останется в руках Джеззара и будет находиться под покровительством шейха Захира ал-Омара, совместно с которым будет воевать с Портой²⁶⁵ (по словам Хметевского, ал-Джеззар «нашим дать ничего не хотел, как только быть одним союзником, как прочия беи»)²⁶⁶. Предложение принято не было, потому что противоречило заключенным с друзьями «кондициям», а главное — исключало выплату 300 тысяч пиастров за передачу города эмиру Юсуфу. Переговоры прервались.

18 августа был высажен десант с северо-восточной стороны Бейрута, поскольку горожане разрушили дома и срыли укрепления россиян к северо-западу от города, где стоял первый десант²⁶⁷. Новое местоположение десантных войск было выгодно тем, что ставило под контроль россиян связь города с горной частью Ливана.

В этой второй фазе осады, начавшейся после 5 августа и характеризовавшейся преобладанием переговоров над военными действиями, положение горожан решительно осложнилось непроницаемой блокадой, установленной со стороны гор эмиром Юсуфом. В городе начался голод, люди были вынуждены есть мясо вьючных животных и даже собак²⁶⁸.

²⁶⁰ РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 5об.

²⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 109.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 687

²⁶⁵ См.: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 427. К сожалению, Гребенщикова не цитирует, а пересказывает в своей интерпретации рапорт Кожухова, и употребление ею понятия «подданство» и неизвестного для того времени термина «фиктивный протекторат» (по-видимому, вместо «покровительство») вызывает сомнение.

²⁶⁶ Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 687

²⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 9. Л. 109 об.

²⁶⁸ *Аш-Шихаб Хайдар*. Тарих Ахмад-паша ал-Джаззар. Бейрут, 1955. С. 53. См. также: *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом. № 2. С. 9. И.Г. Константинопольский (Общественно-политическая история

Тогда же 18 августа возвратился к осаждавшим Марко Войнович в сопровождении монаха, присланного от шейха Захира, который сообщил, что шейх занят внутренней войной со своим сыном и войска прислать не может²⁶⁹. (Возможно, Захир, как и друзья, считал, что «наемники» должны сами справиться с ситуацией.) Тогда 24 августа десант был усилен батальоном албанцев под командой майора Георгия Дуси, и военные действия сосредоточились к северо-востоку от Бейрута (вылазки магрибинцев из города с целью сбросить десант в море совершались через восточные ворота).

В августе Ахмед ал-Джеззар еще возлагал надежды на османскую помощь и не вступал больше в переговоры. Действительно, из Дамаска в сторону Бейрута выдвинулись войска алеппского, триполийского и дамаского пашей под командой Осман-паши ал-Мысри. Как обычно, выступлению войск сопутствовали грабежи и насилия солдат в отношении горожан и сельских жителей и османская угроза вновь сплотила семью шейха Захира, а в ответ на мольбы о помощи эмира Юсуфа навстречу османскому войску спешно двинулся в горы отряд под командой сына Захира, Али.

Завершался пятый год войны с Россией, и османская армия после поражений на русском фронте и общего хаоса в Сирии подверглась заметному разложению, значительно утратив былую боеспособность. Имя Али после битвы под Сайдой у турок вызывало панический страх, к тому же выступлению отряда Али сопутствовали слухи, безмерно преувеличившие опасность, угрожавшую туркам. Возникла паника среди пашей, они спешно покинули свой военный лагерь и, побросав обозы, возвратились в Дамаск, а эмир Юсуф, который снова собрал ополчение, и шейх Захир равно присвоили себе лавры победителей.

13/24 сентября в Бейрут пришло известие о бегстве османской армии. Людские потери, утрата надежд на османскую помощь, растущий в Бейруте голод заставили Джеззара в середине сентября возобновить переговоры. По-видимому, тогда Бейрут посетил граф Иван Войнович, о чем он сообщал в своем рапорте: «Поручено мне было от господина флота капитана Кожухова, чтоб иметь переговоры... с Чезар-беем, командиром бейрутским, в чем, не отговариваясь, поехал сам персонально для переговору <...> не токмо в страхе потерять волность, но может быть, и жизнь, подвергая себя оба малой верности неприятеля»²⁷⁰. Опасность для И. Войновича была вполне реальной, потому что в ходе этих переговоров 16 сентября неожиданно и вероломно из города вышли многочисленные «турки» и ими «учинена была генеральная баталия» с десантом²⁷¹. Сражение, продолжавшееся в течение пяти часов, стало едва ли не самым ожесточенным за время войны под Бейрутом, но снова, неся большие потери, магрибинцы Джеззара вынуждены были покинуть поле сражения.

Бейрута в конце XVIII — начале XIX в. Дипл. работа на соиск. степ. магистра. М., 2008) и Т.Ю. Кобищанов, сопоставив свидетельства ряда арабских источников о продовольственном положении в городе, сделали обоснованный вывод о том, что голод распространился в Бейруте во второй фазе войны.

²⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 109об. Сообщения французских источников о том, что в середине августа во время переговоров с Джеззаром Марко Войнович провел 12 дней в Бейруте и вернулся весьма недовольным, ошибочны. Речь могла идти о его посещении Акки и недовольстве из-за отказа в помощи шейха Захира (см.: *Кобищанов Т.Ю. Крест над Бейрутом*. № 2. С. 9).

²⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 307об.

²⁷¹ Там же. Д. 91. Л. 109об.

Бейрут в 40-е гг. XIX в.

18 сентября Джемал «прислал дервиша с извинением, что та баталия учинена без его ведения самовольно барбарцами (североафриканцами. — *Авт.*), а после письма объявил желание свое ехать в Сайду для трактования с нами и с шеком Дагер Омаром о сдаче города Барута»²⁷². Видимо, после свидания с И. Войновичем Джемал испытывал к нему доверие и решился ехать на его судне, потребовав, тем не менее, гарантии, что в случае неудачи переговоров он и его свита возвратятся в Бейрут «целыми и невредимыми»²⁷³. На следующий день Ахмед ал-Джемал в сопровождении графа И. Войновича и подпоручика М. Баумгартена отправились на полугалере в Сайду²⁷⁴.

Между 19 сентября и 25 сентября 1773 г. в Сайде шли переговоры о сдаче города, которые так и не завершились подписанием капитуляции. Участники переговоров возвратились в Бейрут, куда 26 сентября прибыл Ахмед-ага Денгизли с предложенными шейхом Захиром условиями сдачи города. Как видим,

²⁷² Там же

²⁷³ Там же. Д. 92. Л. 79об.

²⁷⁴ Намерению Джемала вступить в переговоры с шейхом Захиром предшествовала его переписка с шейхом. Она возникла после срыва августовских переговоров, когда Кожухов вторично (еще до возвращения Марко Войновича с отказом шейха прислать войска) обратился к Захиру с просьбой, «чтоб он помог или своим войском, или уговорил Чезарбея отдать город». Шейх обратился к Джемалу с предложением сдать город россиянам и поступить к нему на службу, в противном случае он угрожал направить войска на помощь русским. (Сообщая о письме Захира, С.П. Хметевский не удержался от язвительного замечания: шейх Захир «в бедность наших вступился».) Джемал еще выжидал некоторое время, надеясь на османскую помощь, и только после вторичного обращения Захира решился на почетную капитуляцию (Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 688).

шейх Захир Омар продолжал играть важную роль в событиях. А 29 (фон Пален пишет 27) сентября/10 октября на собрании командующих офицеров совместно с Ахмед-агою Денгизли были утверждены пункты капитуляции, изложенные на итальянском языке. Эти пункты были подписаны Кожуховым с приложением печати Ахмеда Денгизли. Они сводились к следующему: 1) Джебзар выйдет из крепости (укрепленный Бейрут был уподоблен «крепости»), а два офицера (от Захира и от россиян) войдут с отрядом в город для его охраны от друзов (еще свежа была память о грабежах горцев-друзов в 1772 г.); 2) Джебзар и те магрибинцы, кто перейдет на службу к Захиру, выйдут с оружием из города (тем самым оружием, на которое по соглашению с друзьями претендовали россияне); 3) Жителей предписывалось защищать (иными словами, не допускать никаких грабежей и насилий со стороны победителей); 4) Предписывалось также освободить из рабства христианских невольников всех исповеданий (о восстановлении церковей речи не шло)²⁷⁵.

С этим документом Ахмед-ага отправился в Бейрут, и «по кратком времени [была] прислана капитуляция из города, подписанная Джебзар-беем с приложением печати»²⁷⁶.

Наконец, «30-го числа того же месяца (30 сентября/12 октября 1773 г. — *Авт.*) из крепости Джебзар бей с войском до 1200 человек из ворот западной стороны вышел, а с восточной стороны в ворота вошли Ея Императорского Величества регулярные войска с победоносным орудием под командою господина подпоручика Бомгарта и заняла оной», — торжественно докладывал М.Г. Кожухов²⁷⁷. «Войско их разместили в крепости и башнях (чтоб не утеснять жителей и не рассредотачивать солдат по городу. — *Авт.*), при чем русские развернули свои флаги», — писал анонимный хронист²⁷⁸. Флаги подняли в знак перехода города под покровительство императрицы.

Отряды Ахмеда Джебзара с оружием и имуществом выводил из города, согласно условиям капитуляции, представитель шейха Захира Якуб ас-Сайкали²⁷⁹, а в воротах их ожидал шейх Хусейн Тальхук со своей дружиной, видимо, для охраны Джебзара²⁸⁰. Эмиры Шихабы, Юсуф и Мансур, прибыли в Бейрут лишь 6/17 октября, тогда и был им передан город. Однако городские жители, четыре месяца ожесточенно сражавшиеся за свой город и пережившие тяжкий голод, еще пребывали в волнении, и в ночь на 7 октября они напали на находившиеся в городе российские войска, намереваясь их «истребить». Бунт был подавлен, а эмир Юсуф предал казни главу возмущения по имени Саид Али²⁸¹.

Видимо, в октябре и начале ноября расположившиеся в Бейруте российские части занимались восстановлением городских укреплений и стен. По записи

²⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 68.

²⁷⁶ Там же. Д. 91. Л. 109об.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ *Трад Абдаллах*. Мухтасар тарих ал-асакифа. С. 98. С.П. Хметевский это событие обозначил кратко: «...господин Кожухов во оной город вступил, поставил караул и российский флаги на крепостях и об оном дал знать князю друцкому. Почему князь приехал и поздравлен был с города из нескольких пушак» (Приложение 8. С. 688..

²⁷⁹ *Ал-Шихаби Хайдар*. Тарих Ахмад-баша ал-Джаззар. С. 53

²⁸⁰ *Ас-Саббаг Михаил Никула*. Тарих аш-шайх Захир ал-Омар ал-Зайдани хахим Ака ва билад Сафад. С. 121.

²⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1 Д. 91. Л. 110.

инженер-поручика М. Палена, 1 ноября начали «поправлять» городскую стену для защиты города, «4 [ноября] поправления было окончено и в разных местах зделаны батареи. И оставили гарнизон до 2-го [13 по н.ст. — Авт.] января 1774 г.» В руках россиян находились обе морские башни «под командой одного грека Лемна (из Лемноса?) по имени Епифана»²⁸².

В это время М.Г. Кожухов и эмир Юсуф занялись разделом военных трофеев. Обе стороны остались недовольны их незначительным количеством. Артиллерия Джемзара (как и артиллерия россиян) расстреляла почти все свои боеприпасы, а магрибинцы вышли из города с оружием по праву воинов, перешедших на службу российскому союзнику — шейху Захиру. За долгие месяцы войны под Бейрутом российская сторона потеряла 34 человека убитыми, а число раненых достигало 96. Потери Ахмеда ал-Джемзара составили убитыми 800 человек²⁸³.

Эмир Юсуф приступил к сбору 300 тыс. пиастров, которые он должен был по договору уплатить в качестве контрибуции наличными деньгами, шелком, серебряной посудой и другим движимым имуществом²⁸⁴. «Деньги были разложены между христианами и мусульманами, их собрали и уплатили обоим капитанам», — бесстрастно повествовал анонимный историк²⁸⁵. Танус аш-Шидияк сообщал, что эмир Юсуф, видимо, в наказание за сопротивление отобрал оружие у всех жителей Бейрута (аш-Шидияк не делит их на христиан и мусульман) и наложил на них штраф. Он также конфисковал имущество шейхов Абд ас-Салаяма ал-Имади, Хусейна Тальхука и их приближенных в наказание за поддержку ал-Джемзара, и, таким образом, уплатил командующему флотом 250 тыс. пиастров²⁸⁶. Т.Ю. Кобищанов приводит свидетельства источников о безжалостных конфискациях и насильственных изъятиях²⁸⁷.

Пока эмир Юсуф изымал эти деньги, М.Г. Кожухов и И. Войнович посетили по его приглашению шейха Захира в Акке (еще до начала военных операций шейх писал И. Войновичу: «Прошу вас ... после, как возьмете Барут, естли Бог изволит, приходите ко мне в Акрию, где посоветуем вместе оба всем»)²⁸⁸. Произшедшие события весьма подняли авторитет этого старого восточного политика. Пользуясь своими связями с российской эскадрой, он сумел распространить свое покровительство на всех, кто испытывал трудности от морской блокады. Пока происходили военные действия, русские суда, поддерживая связь с шейхом Захиром, крейсировали вдоль сирийского побережья. (Контакты были весьма оживленными: только шейху Захиру И. Войнович отправил 43 письма²⁸⁹). Российские суда охраняли прибрежные воды от османских кораблей и пиратов; но

²⁸² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 6. Вероятно, это тот самый «Степан», который, по словам К.М. Базили, «оставил по себе хорошую память» и которого Базили, а за ним и остальные отечественные историки, ошибочно принимают за Баумгартена. (Базили К.М. Сирия и Палестина. С. 83).

²⁸³ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110.

²⁸⁴ Большое сомнение вызывает сообщение Персена о том, что эмиры отказывались от уплаты обещанной суммы и командованию эскадрой пришлось прибегнуть к давлению на ливанского заложника (Persen W. The Russian Occupations of Beirut. P. 283).

²⁸⁵ *Трад Абдаллах*. Мухтасар тарих ал-асакифа. С. 98 (см. также: Из бейрутской церковной летописи. С. 68–69).

²⁸⁶ *Аш-Шидияк Танус*. Китаб ахбар. С. 395.

²⁸⁷ *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом. № 2. С. 12.

²⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 323об.

²⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. 188 Оп. 1. Д. 53. Л. 308.

Вид на г. Акку с крыши дворца шейха Захира

попутно сами брали «призы». Шейху Захиру не без труда удалось вызволить из рук крейсеров иерусалимского кади, возвращавшегося с Кипра. По распоряжению И.Войновича кади был передан Захиру со всем своим багажом и деньгами²⁹⁰. Жаловался шейх Кожухову и на то, что его подданные опасались российских судов не менее, чем пиратов, и прервали торговлю с Египтом (он настойчиво просил в связи с этим передать в его руки российские патенты для раздачи судовладельцам Яффы, Акки, Сура и Сайды)²⁹¹.

Шейх ходатайствовал также об освобождении 26 турок, захваченных в плен под Бейрутом и отправленных в Аузу. В письме к адмиралу Спиридову он объяснял, что передача ему этих турок «весма много служит к нашим намерениям», т.е. его взаимоотношениям с османскими властями²⁹².

²⁹⁰ Из рапорта И.Войновича: «Также галера Ронданелла взяла суденышко, на котором был кади иерусалимский, идущей из Кипра в Яфу, имеющий пашпорт от шека Акри (напомним, что Иерусалим находился под османским, а не шейха Захира контролем. — *Авт.*), которого я отпустил из почтения к упомянутому шеку. Оноя старался о ево освобождении. Отдал ему весь багаж и денги» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 308–308об.)

²⁹¹ Там же. Л. 323об. «Прошу, — писал Захир И. Войновичу, — чтоб ваша эскадра не делала вреда сеидиным, сурским, акрским и яфским судам, ибо они суть наши. Понимаю вашу к нам дружбу и прошу прислать нужные патенты».

²⁹² РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 72 («...писали сие письмо вашему превосходительству, прося вас освободить оных турок и прислать к нам. Просим вас с усердием благосклонно принять сие наше прошение, ибо оноя весма много служит к нашим намерениям...»).

Однако первостепенным для шейха и после взятия Бейрута оставался вопрос о предоставлении российской военной помощи. Захир просил Кожухова и Войновича остаться со своими эскадрами «на сию зиму в наших краях», и эта просьба имела серьезные основания. Над шейхом нависла угроза вторжения в его владения при одобрении и даже подстрекательстве османских властей Мухаммед-бея Абу-з-Захаба, победителя Али-бея. Египетские войска уже пребывали в Газе, на их пути стояла только Яффа («И, естли бы во оное время находились в здешних краях суда вашего превосходительства, — сетовал шейх Захир А.Г. Орлову в письме от 26 ноября 1773 г., — то б причинили великое препятствие судам, должствующим привозить провизию к армии реченного бея».)

Но поскольку М.Г. Кожухов и И. Войнович ответили отказом на просьбу зимовать у сирийских берегов, не имея на то повеления от командования (да и, судя по отзывам Хметевского, корабли эскадры стали небоеспособны), то шейх писал Орлову: «просим вашего превосходительства по прибытии к вам оных господ прислать другие к Дамиатскому заливу и также, чтоб зашли и в край наши, известяся о вашем к нам благоволении». (Захир постоянно подчеркивал влияние на османские власти и на народное настроение известий о его поддержке россиянами.)

Портал дворца шейха Захира Омара в Акке

Далее в том же письме шейх просил о предоставлении в его службу наемных солдат и торговался относительно размера их жалования. «Мы, не в состоянии будучи сносить, чтоб места наши были совсем лишены оных господ, просили их, чтоб, как не могут они у нас остаться сами, что по крайней мере оставили б неколико албанцов. И оные господа, выслушав прозбы наши, ответствовали, что жалованье должно быть усугублено сверх обыкновеннаго установленнаго вашим превосходительством, сие причинило нам великую горесть и прискорбие, а особливо, что нам необходимо нужно иметь 1000 человек войска вашего превосходительства для охранения крепостей в рассуждении сего жалованья содержать их мы не можем». Тем не менее, «по великой любви и желанию нашему, чтоб остались у нас несколько войск... удержали здесь оные» («удержали», возможно, тех, кто, будучи предназначен в помощь Али-бею, участвовал в осаде Бейрута). Но шейх Захир добавил, что ему необходимо и еще 700 человек²⁹³.

О передаче албанского батальона документально известно лишь, что 23 ноября 1773 г. между шейхом Захиром и М.Г. Кожуховым было подписано соглашение, по которому Кожухов обязывался по возвращении из Акки в

²⁹³ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 70–70об. Следует заметить, что к лету 1773 г. в Аузе оставалось всего 800 человек сухопутных войск (см.: Гребенищикова Г.А. Балтийский флот. С. 439).

Бейрут передать через Ахмед-агу Денгизли албанский батальон под командою майора Георгия Дуси «для отводу» в Акку на службу шейху «для употребления» против Оттоманской Порты. Предполагалось, что батальон останется у шейха, «пока будет угодно его превосходительству графу Орлову». Шейх Захир обязался ничем не утеснять офицеров и рядовых батальона, платить им жалование и снабжать сухарями, мясом, рисом, выдавать по чарке вина и по чарке «вотки», а также по четырнадцати драхм коровьего масла и свечи²⁹⁴. Месячное жалование этому армейскому контингенту полагалось вдвое больше, чем было принято в Архипелагской экспедиции с 1771 г.²⁹⁵ (впрочем, к этому времени уже произошло повсюду повышение жалования, да и Кожухов, по-видимому, учитывал сложности службы в чуждом арабо-мусульманском окружении). Дальнейшая судьба албанского батальона неизвестна. Когда было «угодно» Алексею Григорьевичу забрать батальон, источники не сообщают. В российской политике в отношении Сирии и Египта этого времени сохраняются закрытые страницы, и вряд ли их удастся когда-нибудь прочитать. Впрочем, известно, что в 1777 г. майор Г. Дуси (по-видимому, со своим отрядом) «усмирял татар» в Крыму²⁹⁶. Следовательно, он со своими албанцами после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора переехал в Россию и поселился в Крыму или Приазовье.

В декабре 1773 г. российские капитаны возвратились в Бейрут к эскадре, а эмир Юсуф Шихаб, собрав значительную сумму²⁹⁷, обещал выплатить оставшие-

²⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 69–69об.

²⁹⁵ Майору было положено платить в месяц 64 пиастра (равного рублю серебром), капитану — 48, поручику — 36, прапорщику — 20, капралу — 16 и рядовому 8. (Там же. Л. 69 об). 12 марта 1771 г. Г.А. Спиридов утвердил распоряжок, по которому капитану, или сотнику полагалось 24 пиастра, поручику — 16, прапорщику — 10, рядовому — 4 (АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 1914. Л. 2). Но к концу 1773 — началу 1774 г. греки отказывались служить за 4 пиастра в месяц и требовали 6 или 8 пиастров (*Гребенищикова Г.А.* Балтийский флот. С. 438).

²⁹⁶ РГАДА. Ф. X «Прошения греков и других иностранцев на имя императрицы Екатерины II». Оп. 1. Ед. хр. 645. Л. 43.

²⁹⁷ Раздел этой суммы был совершен согласно морскому уставу: десятая часть (25 тыс.) полагалась командующему флотом А.Г. Орлову, десятая часть из оставшейся суммы (22 500) — командующему эскадрой М.Г. Кожухову, седьмая часть разделена между командирами фрегатов (И. Войнович, М. Войнович, П. Алексиано, Корейль) и приравненным к ним Баумгартеном (по 5785,6), остальная сумма в 173 572 пиастра предназначалась «офицерам и нижним чинам по окладам их жалования» (*Соколов А.* История Архипелагской кампании. С. 383). Этот раздел вызвал во флоте неоднозначное отношение. С.П. Хметевский негодовал, так как казне не были возмещены потери. «В великом убытке, потеряв почти фрегат Надежду, которой сделался безнадежен, также и другая фрегаты требуют великих починок, разстреляли весь порох, ядры и кнители и картечи на всех, сколько их ни было судах, без пользы. Казне в восемь месяцев [похода], покупая дорогою ценою провиант, сделали великий ущерб». К тому же, добавлял Хметевский, «всех убитых и раненых с греками и словами до 100 человек» (*Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8.* С. 688. У адмирала Спиридова этот раздел также вызвал большие сомнения, но он полагал, что следует «прежде времени не вмешиватца в те разделы... а оставить оное на рассмотрение и определение его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова», возвращающего которого из России ожидали. К тому же он считал, что, поскольку в осуществлении раздела участвовал от имени шейха его посланец, то, возможно, в деле имелась политическая подоплека, направленная против эмира Юсуфа, кроме того в разделе участвовали «и служители славонцы, албанцы и греки, которые для своей прибыли, как мы заметили, гораздо храбрее, нежели как из одного только жалования служить. Да и взыскачь розданного с таковым, кажетца, уже невозможно бес крайняго им огорчения». Свое письмо Елманову, столь живо и ярко передающее атмосферу и внутренние взаимоотношения во флоте, Спиридов заканчивал следующей сентенцией: «и так я не начаюс (не чаю, не думаю. — *Авт.*), чтоб и его сиятельство изволил

ся деньги в следующем году. Его долговое обязательство тщательно хранилось в бумагах экспедиции²⁹⁸.

Судам Кожухова и И.Войновича теперь предстояло возвращение на Парос.

«1774 года генваря 2 дня состоящей под командою господина Бомгарта наш гарнизон из города вышел и посажен по-прежнему на суда»²⁹⁹, — сообщал в рапорте М.Г. Кожухов. Разъединившись, обе эскадры 8/19 и 9/20 января 1774 г. покинули гавань Бейрута и вышли в открытое море, навстречу зимним штормам, сопровождаемые дарами для командования (среди них «кони с приборами», предназначенные А.Г. Орлову и Г.А. Спиридову). С эскадрой был отправлен и представитель от шейха Захира.

Русские официальные документы и частные сообщения молчат о том, что после ухода флота в крепости и на башнях Бейрута оставалось нести службу около ста человек, которые, по словам анонимного хрониста, «поднимали (российский. — *Авт.*) флаг по воскресеньям и праздничным дням». Только полтора года спустя, уже в 1775 г., когда Архипелагская эскадра покидала воды Средиземного моря, а к берегам Сирии и Египта направлялась османская военная эскадра, эмир Юсуф предложил «русским, оставшимся в Бейруте, спустить флаг и выйти из крепости и башен», передав их «мусульманам»³⁰⁰.

Кто же были эти «русские»? Безусловно, — все те же албанцы и греки, составлявшие нерегулярные части эскадры. По-видимому, с согласия русского командования эмир Юсуф нанял их на свою службу, платя им, если верить арабским источникам, минимальное жалование — 15 кошельков³⁰¹ или 7500 пиастров в год, т.е. в среднем чуть больше 6 пиастров в месяц на человека (что было меньше, чем договорился Кожухов с Захиром)³⁰².

Годом ранее, в 1772 г., после ухода эскадры Ризо, члены семьи Шихабов, чьи дворцы были расположены в Бейруте, предлагали эмиру Юсуфу взять оборону города в свои руки, но эмир предпочел Джебзара³⁰³. Теперь Юсуф, вероятно, по-

определить только с единым руским оное взыскание сделать, что мне кажетца в пристойных разсуждениях и вашему превосходительству его сиятельству донестъ можно, однако, все вышеписанное состоит в лутчем разсмотрении и соизволении вашего превосходительства, а в то дело, как уже отъезжающий отсюда не мешкаясь, и не вступаю» (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 64–65). Вероятно, оба военачальника понимали, что в разделе немалая доля принадлежит самому А.Г. Орлову. Во всех этих разногласиях могло проявиться неодобрение частью высших офицеров дорогостоящих операций в Сирии, смысл которых не был понятен. Не комментируя свой вывод, С.П. Хметевский, пришел к много значащему заключению: «Бей чрез свой союз получили, чтоб их Россие защищать и в нужных случаях помогать. Их коммерция во всем Леванте вольная» (Журнал С.П. Хметевского. Приложение 8. С. 688).

²⁹⁸ Расписка (письмо) Юсуфа (Иозефа) Шихаба от 1 января 1774 г. (тем же числом помечено его послание с просьбой о принятии его, его рода и его владений в российское подданство) говорит о том, что из 300 тыс. пиастров он отдает 250 тыс., а остальное остается за ним до будущего лета (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 70). Г.А. Спиридов, передавая в конце февраля 1774 г. дела Елманову, предлагает подлинник этой расписки оставить у себя в канцелярии «до определения его сиятельства» (Там же. Л. 63).

²⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110об.

³⁰⁰ *Трад Абдаллах*. Мухтасар тарих ал-асакифа. С. 98.

³⁰¹ См.: *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом. № 2. С. 13.

³⁰² В.Персен сообщает о 300 албанцах, оставленных Кожуховым до февраля 1774 г., до полной выплаты денег российской эскадре, и добавляет, что все это время Бейрут находился под русским контролем (*Persen W.* The Russian Occupations of Beirut. P. 283).

³⁰³ *Аш-Шидияк Танус*. Книга ахбар. С. 393. Т. аш-Шидияк сообщает, что на ал-Джебзара было организовано эмиром Мансуром аш-Шихабом покушение, в него стреляли, тяжело ранив в шею, подкупленные магрибинцы, когда тот через роци спускался к Бейруту (Там же. С. 392).

лагал, что «русский» гарнизон будет надежно гарантировать безопасность Бейрута, предотвращая нападения турецкого флота, пиратов и российских крейсеров. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира, казалось бы, ничто не мешало эмиру Юсуфу немедленно удалить из городских укреплений «русских» с их флагом³⁰⁴. Однако пока Архипелагская эскадра находилась в Средиземноморье, русский гарнизон символизировал для Шихабов «покровительство» России. Идея противостояния Порте с помощью России, выдвинутая Али-беем, стала близка этому полусамостоятельному правителю Ливана, неслучайно и после войны он дважды обращался с прошением принять его и его владения в подданство императрицы.

Событиями 1773 г. исчерпываются непосредственные русско-арабские контакты. Однако вплоть до окончания войны А.Г.Орлов продолжал внимательно следить за политической обстановкой в Египте и Сирии, за политикой их правителей, надеясь, вероятно, продолжить совместные действия.

Еще 5/16 июля 1773 г., когда российская эскадра только готовилась к осаде Бейрута, А.Г. Орлов сообщал из Пизы, что им получены «несумнительные известия» о смерти Али-бея. (Связь и координация действий командования и отдельных отрядов по временам почти отсутствовали) Исходя из этих вестей Орлов просил Г.А. Спиридова «прилежно наблюдать не будет ли к вам каких-либо отзывов от нового сего владетеля или от Дагера Омера, князя друзских в Сири народов» (осведомленность Алексея Григорьевича об этно-политической структуре Сирии, как видим, была невелика). Дружественные контакты с правителями Египта (пусть уже не Али-беем) и Палестины он рассматривал, как благоприятные для России обстоятельства («...весма нехудо было бы иметь в руках сей способной для нас случай»), и поэтому опасался, как бы внутренняя борьба среди беев не усилила «наших неприятелей». Письмо, предназначенное для победившего Мухаммед-бея, А.Г. Орлов пересылал Спиридову «под открытою печатью», чтобы Спиридов мог усмотреть «силу моего к нему [Мухаммед-бею Абуз-Захабу] запроса, — писал Алексей Григорьевич, — противник ли он наш или друг и что ответ ево с поведением подаст пристойные меры к обхождению впредь с ним и ево союзниками в Египте». Орлов просил доставить письмо самому бею, а Григорию Андреевичу предлагал «персонально» также «к ним отозваться»³⁰⁵. Было ли доставлено послание, неизвестно, скорее всего египетская обстановка этому не способствовала. 31 августа/11 сентября 1773 г. Спиридов сообщал Орлову, что за три дня до того из Александрии «славонец Александр Куртович» (повидимому, появился свой агент в Египте) сообщил, что по сведениям венецианских корабельщиков, прибывших из Сирии, правитель Акки несмотря на смерть Али-бея «противу турецкой власти воюет и миритца не хочет». Тот же Куртович «сказывал, что в Каире у Магомед-бея с пашою турецким несогласно, ис чево де народ думает, не произойдет ли у них большая ссора, а некоторыя поговарива-

³⁰⁴ Т.Ю. Кобищанов, как и Персен, рассматривает ритуал поднятия флага в качестве свидетельства того, что российские офицеры, лишь формально передав город эмиру Юсуфу, «продолжали вести себя в городе как полноправные хозяева» (Крест над Бейрутом. № 2. С. 13). Возможно, здесь действовала иная знаковая система, свидетельствующая, что город пребывал под охраной российского флота.

³⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119. Л. 32–33.

ют, что турецкий паша, опасаясь Магомед-бея, намерен уехать в Константинополь»³⁰⁶.

Однако 20/31 декабря 1773 г. (связь Орлова с эскадрой Кожухова все еще отсутствовала) Алексей Орлов сообщал Спиридову о разных слухах, согласно которым Мухаммед-бей в Каире «возстал противу Порты так же, как и бывшей им побежденной Али-бей, отвергнув власть султана над Египтом, прогнал определенного от Порты в Каире пашу».

*Купол над мавзолеем шейха Захира Омара
близь Акки*

Орлов просил выяснить, справедливы ли слухи о том, что «во флот посланы ко мне от Мегмет бея и от шеха Дагер Омера просительные о вспоможения писма». Если эти слухи подтвердятся, и они действительно воюют против Порты и «оба, будучи в союзе просят вспоможение», то, указывая Орлов, надлежит их «обнадежить» помощью «и в самом деле произвести оное в действие», чтобы неприятелю «причинить вред»³⁰⁷. По-видимому, речь шла о необходимости с помощью арабских союзников оказать дополнительное давление на турок, чтобы склонить их к принятию российских условий мирного договора.

Но расчеты Алексея Григорьевича не оправдались. Мухаммед-бей готовился к завоеванию Сирии, не обращаясь к помощи России, с твердым намерением убрать со своего пути шейха Захира. В свою очередь Захир, не рассчитывая на серьезную российскую поддержку и находясь между двух огней — османских властей и египетского правителя, — вскоре после отбытия эскадры откликнулся на очередное предложение османской стороны примириться с султаном. Пока длилась война, турки были готовы принять условия замирения, предложенные Захиром.

Слухи о примирении шейха Захира с султаном вызвали взрыв негодования А.Г. Орлова. В начале 1774 г. он направил А.В. Елманову, сменившему Г.А. Спиридова на посту командующего флотом в Архипелаге, инструкцию, в которой требовал послать маленькую эскадру для пресечения неприятельской торговли между Египтом и Константинополем (блокада вновь стала инструментом политического давления). Он предлагал разведать «о состоянии дел владельца Дагера Омера, которой по многократно подтвердившимся здесь слухам, невзирая на отправление своего ко мне с письмом посланца, которой уповательно и ноне при флоте находитца, примирился с оттоманскою портою, получа от Солтана ферман, или грамоту, на спокойное владение завоеванными Алибеем пред сим, а потом и самим в Сирии городами и землями. И, буди сие по разведыванию

³⁰⁶ Там же. Ф. 315. Оп. 2. Д. 609. Л. 3об.

³⁰⁷ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 175об.-176.

командующего нашею небольшою эскадрою в сей экспедиции офицера окажется основательным или вероятным, то також помянутого сирийского владельца Дагер Омера поступок неминуемо должен пресечь всю дружескую с нашей стороны с ним переписку и обхождение в доверенности, а напротив того считается он имеет в числе союзников нашего неприятеля»³⁰⁸. На этом отношения с шейхом Захиром ал-Омаром судя по всему окончательно прервались, и его посланец был отослан из Архипелага.

Исполненный недоверия к арабским союзникам, Алексей Орлова в это время рекомендовал А.В. Елманову «разведовать о состоянии дел барутского принца Юсуфа, в каких он находится в разсуждении нас предприятий». Орлову представлялось, что это выяснить «легко», путем требования от эмира «той достальной суммы 50 000 пиастров, которую он по собственной ево облигации Российскому флоту должен за доставление ему столичного города Барута, почему и прилагается при сем помянутая его облигация». Поэтому, по распоряжению А.Г. Орлова, «посланца» от Юсуфа Шихаба оставили по-прежнему при базе флота в Архипелаге, причем, как писал Орлов: «с пристойным содержанием, говоря, что я скоро приеду»³⁰⁹.

Известно, что эмир Юсуф расплатился-таки с долгами, а его переписка с командованием флотом со временем сменилась обменом посланиями с российским полномочным представителем в Константинополе, поскольку главным достижением в русско-арабских контактах после войны стало учреждение российских консульств в Бейруте и Дамаске, а также генерального консульства в Сайде³¹⁰.

Итак, что же представляли собой русско-арабские военно-политические контакты времени первой Архипелагской экспедиции российского флота? Были они поддержкой арабского национально-освободительного движения или неудавшейся попыткой распространить свой контроль над арабскими землями?

Очевидно, что русско-арабское взаимодействие 1770–1774 гг. трудно назвать помощью арабскому национально-освободительному движению, поскольку такого движения в арабском мире еще не возникло³¹¹. Арабские «союзники» России видели себя защитниками Египта и Сирии от османского господства и даже имели планы создания государственности на иных, более справедливых началах, но преследовали, прежде всего, собственные амбициозные политические

³⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 168об.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Об этом см. ниже *И.М. Смелянская*. Политическая интрига Екатерины II в Египте в войну 1787–1791 гг: Конрад Тонус.

³¹¹ Непонимание арабскими хронистами смысла происходивших событий, преимущественно отрицательное отношение различных слоев сирийского населения к операциям, осуществляемым русским флотом, опора лидеров противостояния османской власти не на общественные силы, а на ненадежные традиционные воинские подразделения или на наемное войско, готовое перевернуться на сторону победителя, покорность населения своим «феодальным» правителям, независимо от их политической позиции — все это говорило об отсутствии в регионе процесса национальной консолидации. Благожелательно воспринимали действия русских главным образом христиане в силу своих религиозных чувств, и неслучайно после войны Ахмед Джеззар провел жестокие репрессии среди христиан, имевших связи с российской эскадрой (об этом см.: *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом. № 2. С. 19). Впрочем, сам Джеззар-паша был готов вступить в контакты с русским флотом, готовившимся повторить эпопею Архипелагской экспедиции во Второй русско-турецкой войне (1787–1791). Как известно, русско-шведская война помешала этой операции.

цели. Российское командование, в свою очередь, тоже имело свои самостоятельные задачи: ему было важно отвлечь османские вооруженные силы от северных сухопутных фронтов войны, ослабить Османскую империю нанесением урона ее целостности. Оно охотно оказывало содействие арабским союзникам тогда, когда совместные операции отвечали этим задачам. Таким образом, взаимодействие в русско-арабских отношениях основывалось на взаимных интересах³¹² — военно-стратегических для России (поэтому она употребляла те силы, которые не были в ущерб ее основным операциям) и военно-политических для арабских союзников, решавших с помощью России свои задачи. В конечном счете, для арабского мира эти контакты означали преодоление культурно-политического изоляционизма, для России — включение нового мира в пространство ее культуры и внешнеполитических отношений.

Идейное обоснование такому взаимодействию сформулировала сама императрица Екатерина II: помогать в войне всем, кто попросит помощь в борьбе с общим противником. Однако в ходе войны помощь в борьбе с общим противником стала обуславливаться принятием российского покровительства.

Для населения Восточного Средиземноморья признание *покровительства* императрицы России и даже переход в российское *подданство* стали лишь выражением разных форм сотрудничества с российским командованием. В политической системе региона господствовали личностные связи — вассальные или патрон-клиентские, и понятия «покровительство», «подданство», зафиксировавшие это сотрудничество, все еще имели смысл не столько политико-юридический, как их определяет современное международное право, сколько репрезентативно-протекционистский, подобный выбору вассалом своего сеньора³¹³.

Поскольку в русской культуре еще не было выработано политико-правовое определение понятия «покровительство», то в него вкладывался смысл в зависимости от ситуации. Для России такое покровительство, как и сама помощь, ограничивались временем военных действий и предполагали главным образом использование морских портов союзника, послевоенное будущее русско-арабских отношений имело неопределенные очертания, поскольку российские стратегические задачи сосредоточивались на северном Причерноморье и речье Пропонтоз.

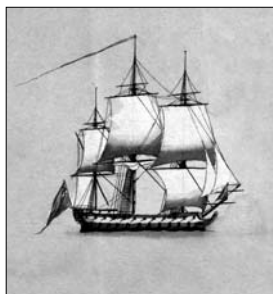
Шейх Захир и эмир Юсуф, чьи владения были уязвимы со стороны султанских властей, под «покровительством» или «подданством» понимали смену сюзерена — султана на российскую императрицу при установлении более благоприятных форм зависимости и обеспечении защиты от внешних врагов. (Али-бей же видел себя суверенным правителем.) Уверения в том, что «земли наши будут ваши, а ваши наши» или Сирийское побережье станет «знатнейшей частью государства Российского», по существу оставались более данью этикетному красноречию, нежели констатацией политической перспективы.

³¹² Обращение к «нашим общим интересам» имеется и в арабских, и в российских документах.

³¹³ Логическим продолжением такого толкования понятия «протекция» или «покровительство» стал институт, распространенный в Османской империи в XVIII в. и получивший французское наименование «*protégé*», т.е. патронируемый иностранной державой подданный империи. «Протеге» не терял политико-экономических связей со своим обществом, но в то же время пользовался юридической защитой европейского государства.

Взять на себя миссию утверждения господства в этом регионе правящий круг России не был в состоянии ни по внутривнутриполитическим, ни по внешнеполитическим причинам, к тому же Екатерина не преследовала такой задачи. Она смогла проявить свою ответственность перед военными союзниками лишь включением в Кючук-Кайнарджийский договор статьи об отказе примиряющихся сторон от преследования и наказания тех, кто во время войны сотрудничал с противником.

ВОЙНА СЛОВЕСНАЯ

И.М. Смилянская, М.Б. Велижев, Е.Б. Смилянская

СТЯЖАНИЕ СЛАВЫ: ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ПОЛИТИКИ

И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская

Для славы общества и для Императрицы
Усердью моему нет меры, ни границ.
С приобретением нам чести нужен век,
А без того живет напрасно человек.

Павел Потемкин. «Россы в Архипелаге»

К концу 1760-х годов императрица многого достигла в признании влияния России на политические дела Европы. Как полагал Н.И. Панин, «свет увидел с удивлением, что здешний двор начал играть в общих делах роль, равную роли главных держав, а на севере — и первенствующую»¹.

Однако организаторов экспедиции наряду с политическими и практическими выгодами не менее заботил и вопрос о том, каким предстанет средиземноморское предприятие в глазах современников и потомков — стяжает ли славу царствованию Екатерины II или завершится бесславием (как сама Екатерина писала Спиридову: «оборотится в стыд и бесславие ваше и мое»²). По сути, забота об исторической памяти заставляла императрицу не только заниматься обеспечением успешных действий на военном и дипломатическом фронтах, но и немало усилий расходовать на создание исторической и политической мифологии — на идеологическое обоснование своей политики и пропагандистские демарши.

ЗАДАЧИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Приступая к реализации средиземноморского проекта, Екатерина II, без сомнения, уже превосходно понимала, что успех ее замыслов во многом будет зависеть не только от правительств и правителей, но и от мнения общества в Европе и сочувствия подданных в своей собственной

---

¹ Цит. по: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896. С. 46.

² Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // СбРЮ. Т. X. СПб., 1872. С. 391.

стране. Свое видение того, какую роль следовало играть России в европейском общественном мнении в связи с присутствием эскадры в Средиземноморском регионе, Екатерина выразила еще в рескрипте А.Г. Орлову от 19 июля 1770 г., преподав урок политической культуры в духе эпохи Просвещения: «Государи и государства, — писала она, — должны полагать взаимное свое поведение одних к другим на обще принятых правилах естественной справедливости». Будучи воспитана на приемах современной ей европейской политики, она развивала свою мысль в понятиях европейской культуры Нового времени: «Свет рассматривает и судит по оным (т.е. правилам естественной справедливости. — *Авт.*) все поступки действующих дворов, а тот, который на своей стороне *имеет признание публики*, может твердо полагаться, что противная ему сторона не дерзнет, по меньшей мере, явно и открытым образом действовать против его, по опасности, чтоб инако не поднять на себя негодования и недоверки всех вообще частей христианской республики и тем самым и не доставить сопернику большей выгоды

Екатерина II
в греческом
убранстве. 1770 г.

и способности к совершению его дел» (курсив наш. — *Авт.*)³. Этот пассаж из рескрипта Екатерины II объясняет, почему императрица придавала столь большое значение *словесному оружию* в борьбе за европейское общественное мнение.

Пропагандистские мероприятия нужны были и для того, чтобы убедить и своих, и чужих в самой возможности для России претендовать на влияние в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция, как уже было показано, была не только рискованным, но и весьма дорогостоящим предприятием, что породило различные оценки ее современниками и историками. Что доказало это предприятие — *силу* России или только *слабость* турок? Вольтер, конечно же, желая польстить Екатерине, сравнивал его с походом Ганнибала, однако императрица с политическим кокетством отвечала на это: «Вам угодно сравнивать проект экспедиции в Средиземное море, приписываемый несправедливо мне (я предоставляю себе назвать его сочинителя, когда он удастся), с предприятием Аннибала («после Ганибалова предприятия не было еще славнее сего»⁴), но карфагеняне имели дело с колоссом, который был в полной силе, тогда как мы стоим против слабого призрака, которого все части распадаются по мере того, как к ним прикасаешься»⁵. Как видим, уже в XVIII в. российская императрица использовала в отношении Османской империи образ «больного человека». Как бы забывая, что Порта для России могла быть «страшным» противником, Екатерина стремилась

³ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // СБРИО. Т. I. СПб., 1867. С. 41. Употребляемое Екатериной II словосочетание «республика христианских государств», по-видимому, восходит к позднесредневековому *res publica populi christiani* — в смысле сообщества христианских стран. В Европе при Генрихе IV (конец XVI — начало XVII в.) за понятием «республика» (от *res publica* — общественное дело, общественное благо) еще окончательно не закрепилось представление как об особой форме правления. Об эволюции термина «республика» см.: *Бойцов М.А. Пишизова С.Н. Монархия // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 310 – 312.*

⁴ Вольтер — Екатерине. 30 октября 1769 г. // Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиян. М., 1805. Ч. 1. С. 58.

⁵ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С. 401.

представить в глазах европейского общества Османскую империю в виде призрака, рассыпающегося при свете дня. Вероятно, такое сравнение ей понадобилось для того, чтобы дезавуировать критическое отношение Европы к ее предприятию и рассеять небезосновательно возникавшие сомнения в его успехе.

Известно, что министр иностранных дел Франции герцог де Шуазель отозвался об экспедиции как о, хотя и блестящей операции, но все же мероприятии романтическом: «дорого оно, и я не думаю, чтоб много этим было сделано»⁶. Да и Федор Орлов писал императрице после первых побед в Море: «Скажу Вам о нас мысли разных народов. Сначала никто не хотел верить, чтоб мы дошли до сего места, а еще менее, чтоб атаковали нашего неприятеля. Все думали: пошатавшись по морю и ничего не сделав, назад воротятся. Узнали теперь свою ошибку. Открыли глаза, не знают что думать и что делать, с удивления окаменели»⁷. Затененные сомнения в успехе и целесообразности всего предприятия переживал и главный его исполнитель Алексей Орлов. Только после Чесмы — победы, по его словам, «которой совершеннее быть не может», он написал Н.И.Панину: «Теперь показалось, что не напрасно так далеко заехали»⁸. Однако в марте 1771 г. на заседаниях Совета при Высочайшем Дворе и он уже выражал сомнения в целесообразности русского присутствия в Архипелаге (см. гл. 5).

Итак, пропагандистское подкрепление средиземноморской политики должно было доказать *реалистичность* и *правомочность* военного вмешательства России в Восточное Средиземноморье. И если доказать *реалистичность* своего предприятия и развеять представления о неуязвимости и силе турок помогли успехи армии и флота, то его *правомочность* можно было аргументировать, лишь опираясь на *словесное* оружие. Виды этого оружия были различны: это и высочайшие манифесты, и придворная панегирическая поэзия В.И. Майкова, М.М. Хераскова, П.С. Потемкина и др., и письма Екатерины II ее европейским корреспондентам, прежде всего Вольтеру и Гримму (письма эти быстро получали известность, недаром же Вольтер писал Екатерине: «я имею то удовольствие, что могу скромным образом объявлять об них таким людям, о коих известно, что им то досадно»⁹), и торжественные речи и проповеди, сопровождавшие празднования побед и самым широким образом доносившие официальную информацию о них до подданных императрицы. Словесные баталии подкреплялись к тому же значительными финансовыми вливаниями и картинными театрализованными представлениями.

Обращаясь к анализу пропагандистских стратегий, к которым прибегала власть для обоснования средиземноморского предприятия, мы ставим задачу выявить *узловые идеи* екатерининской пропаганды, а также понять, как соединялись в пропагандистских текстах апелляция к *религиозным* чувствам православных и «всех *христиан*», патриотические мотивы служения Отечеству, использование классицистических аргументов об освобождении от варваров родины *языческой* античной цивилизации и *рационалистические* рассуждения о политических выгодах российского присутствия в Леванте.

⁶ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 332.

⁷ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С. 416.

⁸ Материалы для истории русского флота. СПб. 1886. Ч. XI. С. 561.

⁹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 65.

«АХЕЯН СПАСЬ!»

Стараюсь применить несчастных греков долю...
 Возпламеняйте дух, мы вас спасать готовы...

Павел Потемкин. «Россы в Архипелаге»

Я греков люблю, несмотря на их пороки.

Екатерина II Вольтеру

Продумывая возможные сценарии архипелагской кампании (см. гл. 2) Екатерина II как прагматичный политик рассматривала недовольных османским гнетом балканских единоверцев, прежде всего, как горючий материал для вооруженных действий против Порты. Однако в таком виде преподнести Европе или России столь *прагматичную* позицию никто не собирался. В обращении «к греческим и славянским народам» Екатерина II сумела представить свой поход в Средиземноморье так, чтобы и не породить излишних иллюзий (она не утверждала, что в ее непосредственные задачи входит освобождение единоверцев), но и не разубедить Европу в своей «освободительной» миссии. В преамбуле грамоты к единоверцам 1769 г. содержится тонкое политическое ухищрение, логически обосновывающее апелляцию императрицы ко всему православному миру Балкан. В первоначальном варианте обращение было направлено «к славянским народам православного исповедания» (Коллегия иностранных дел традиционно имела связи со славянами), затем Екатерина II его исправила: «К славянским и греческим народам православного исповедания, как на твердой земле, так и на островах Архипелага обретающим[ся]», а вместо перечисления стран, в которых проживали славяне, вписала: обретающимся «не только в подданстве и порабощении их, но и в соседстве уже»¹⁰. Так, Екатерина призывала все православные народы принять участие в войне и обосновывала это тем, что турки, «не будучи страхом обузданы», готовы вмешаться в дела православных и в соседних государствах, как они вмешались в вопрос о положении православных в Польше, даже решившись на вероломный разрыв «вечного мира».

После получения известий от маркиза П. Маруцци о первых победах в Морее на Совете при Высочайшем Дворе 31 мая 1770 г. Панин предложил отправить курьера к графу Орлову «с тем, чтобы он, смотря по обстоятельствам, мог внушить тамошним народам, дабы они от себя манифестом отозвались ко всем христианским державам, что они, не стерпя порабощения магометан, приняли оружие для свержения с себя несносного ига, и что потому призывают они сии державы себе в помощь»¹¹.

В последовавшем затем рескрипте А.Г. Орлову от 19 июля 1770 г. императрица продолжала развивать свою «греческую» стратегию. Екатерина констатировала, что «все беспристрастные державы республики христианской полагают справедливость на Нашей стороне» (кому как не ей было знать эфемерность этого мнения). Она, однако, считала необходимым во имя «пользы и славы отечества Нашего» прочнее «утвердить в публике сие для Нас толь выгодное мнение». Для

¹⁰ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Д. 1867. Л. 1.

¹¹ АГС. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 365.

этого следовало в действиях, которые «под мужественным и патриотическим руководством» А.Г. Орлова осуществляются в Греции, ограничиваться пределами «видимого правосудия и собственной бескорыстности», и именно это следовало донести до мирового общественного мнения не только от собственного имени, но и от самих греков.

С этой целью А.Г. Орлову следовало соединить под своим предводительством «разные греческие народы», составив из них поскорее «нечто видимое и между собою к общему подвигу соединенное, которое бы свету представилось новым и целым корпусом» (в письме, сопровождавшем рескрипт императрицы, Н.И. Панин пояснял ее мысль: надо, чтобы греки «учредили себе правительство в одном корпусе, составленном из выбранных депутатов от одной провинции», иными словами, в интерпретации Никиты Ивановича речь шла о создании подобия парламента); «и чтоб опять сей новый корпус, — продолжала Екатерина, — составляясь публичным актом (который как можно больше во все стороны разсеян быть имеет) и объявя в оном политическое свое бытие, отозвался ко всей христианской республике в следующем, например, стиле». Далее следовал некий образец воззвания к христианским государствам от имени «греческих народов». В нем говорилось о том тяжком иге, которое испытывают греческие народы и которое они уже не могут более сносить, ибо оно грозит им полным истреблением, как и гибелью «самого христианства». «Начатая турками толь незаконная и вероломная война» против Российской империи, с одной стороны, усугубила ненависть турок к грекам из-за их единозакония с россиянами, а с другой, дала случай к их освобождению. И теперь, «призвав в помощь Христа Спасителя... и, приняв оружие, соединились они все между собою священным союзом присяги, и намерены до последней капли крови стоять за веру и вольность свою; что они, таким образом, совокупясь во едино и составя новый член в республике христианской, всех государей и областей молят и просят, заклиная их ранами и кровию общего всем Спасителя, дабы они их в сем качестве признали и снабдили, по возможности, всякою помощью и покровительством». Они же принесут пользу христианству, составляя «преграду» Порте (здесь уже проглядывает идея будущего Греческого проекта)¹².

В письме, сопровождавшем рескрипт, Н.И. Панин разъяснял А.Г. Орлову смысл этого политического замысла императрицы: «Я уверен, что ваше сиятельство сами проникнете политическую важность и пользу сего действия. Тут дела нашей всемилостивейшей Государыни получают новый образ ея правосудия, ея умеренности и ея бескорыстия (имелся в виду отказ императрицы от территориальных приобретений. — *Авт.*), а каждая Христианского исповедания держава будет, так сказать, невольно связана своим внешним почтением к Христианству, чтоб не оказаться друг перед другом презрителем оною, если б которая из них по своей особенной политике склонялась явным образом воспричинствовать помешательства и затруднения в делах несчастных Христиан, восставших против своего злключения»¹³. Как показал ход русско-турецких мирных переговоров, на который активное воздействие оказывали европейские христианские держа-

¹² Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 42.

¹³ Переписка гр. Н.И. Панина с гр. А.Г. Орловым-Чесменским // Русский архив. 1880. Т. III (2). С. 230.

вы, даже «внешнее почтение к христианству», на что рассчитывал Панин, не позволило владетельным домам отрешиться от боязни Российской империи и тем самым нарушения хрупкого баланса сил — главного принципа международной политики XVIII в.

Трудно сказать, связано ли это с непониманием главного смысла документа или с нежеланием акцентировать на нем внимание, но Панин рассуждал лишь о тактической цели предписаний, содержащихся в документе, о желании «почтением к христианству» ограничить политику той державы, которая воспротивится вмешательству России в дела Османской империи ради облегчения участи греков. Между тем, думается, что Екатерине было важно в момент подъема греческого восстания (так это могло казаться из Петербурга) донести до Европы идею признания Греции в качестве самостоятельного образования: провозгласить объединившихся греков «новым членом в республике христианской всех государей и областей» и в этом качестве снабдить их «всякою помощью и покровительством», т.е. тем, что уже стремилась осуществить императрица.

Иными словами, призывами защитить греков, обращенными к христианской Европе, Екатерина хотела добиться согласия держав (а скорее провести рекогносцировку политической атмосферы и сделать попытку расположить общественное мнение) на расчленение Османской империи, но и вместе с тем на освобождение самих греков.

В конце своего письма Н.И. Панин высказал предположение, что перед А.Г. Орловым возникнут «непреоборимые» трудности в осуществлении изложенного замысла императрицы из-за отсутствия среди греков-«тамошних обывателей» просвещенных, наделенных твердостью и энергией («проворством») лидеров, которые могли бы возглавить свой народ (взять «некоторую поверхность над всеместными их душами») и стать для выполнения этой акции способным орудием. По-видимому, Алексей Орлов это отлично понимал, и одновременно с попыткой создания на архипелагских островах «цельного корпуса» осенью 1770 г. (это дело, как известно, продолжил Г.А. Спиридов; см. гл. 5) Орлов инициирует подготовку греческого воззвания, во многом предназначенного для того, чтобы прозондировать отношение к российской греческой политике европейского общества.

Год спустя в европейских газетах появился «*Призыв греческого народа ко всей христианской Европе*», в России он был опубликован в Приложениях к «Санкт-петербургским ведомостям» за 16 августа 1771 г. под заголовком «Вопль греческого народа к Европейским христианам». Неординарная идея обращения греков к христианской Европе, как и сам текст Призыва, близкий к проекту документа, предложенного Екатериной в рескрипте от 19 июля 1770 г., позволяют заподозрить наличие связи между этими сочинениями, что подтверждается и обстоятельствами публикации самого Призыва, исследованными итальянским историком Ф. Вентури¹⁴.

¹⁴ Вентури Ф. Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774) // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 119–126.

Появление в свет в популярной европейской газете «*Courier du Bas-Rhin, ou Gazette de Cleves*» 20 апреля 1771 г. французского текста Призыва связано с некоей мистификацией: в предисловии к нему сообщалось о том, что Призыв получен из Архипелага через Италию и написан на греческом языке. Франко Вентури справедливо в этом усомнился, так как текст обращения был идентичен тому, который 6 июля начал публиковаться по-итальянски во флорентийской газете «*Notizie del Mondo*». Между тем, А. Камариано-Сиоран располагала сведениями о том, что на греческий язык Призыв был переведен по поручению Екатерины Евгением Булгарисом уже после его публикации, да и вообще она доказывала, что Екатерина отдавала распоряжения о переводе на европейские языки (в том числе греческий и румынский) публикаций, отвечающих интересам ее политики и подчас ею же инициированных¹⁵.

Оба исследователя сходятся на том, что Призыв был создан в итальянском эллинофильском кругу, близком А.Г. Орлову. Только румынская исследовательница приписывает авторство Призыва профессору Джованни дель Турко, по ее словам, сопровождавшему Орлова в его поездках по Средиземноморью¹⁶. Ф.Вентури без колебаний называет имя уже упомянутого Антонио Джики¹⁷, что находит свое подтверждение в материалах архива МИД, в котором сообщается, что А. Джика был принят А.Г. Орловым на русскую службу в чине капитана и употреблен для набора албанцев в албанский легион. Джика был образован, владел итальянским и греческим языками, благодаря чему С.Г. Домашнев, тогда бывший камер-юнкером, использовал его в письменных делах «Дирекции» (видимо, военной канцелярии А.Г. Орлова). В документе Архива сообщалось: «Между прочими его (А. Джики. — *Авт.*) пиесами одна, напечатанная на итальянском языке, называемая “*Voti del Greci alla Europa Christiana*” Моления Греков, приносимые христианской Европе, ставилась в Италии за избранный сочинение»¹⁸.

С.Г. Домашнев

¹⁵ *Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs // Revue des Etudes sud-est européennes. Bukarest, 1965. Т. III. № 3–4. Р. 531.*

¹⁶ *Ibid.* В Архиве Коллегии иностранных дел (АВПРИ. Ф. 48/2. Сношения России с Генуей. Д. 4, 14, 21) его имя появится в 1780-е гг. в связи с назначением ему пенсии за участие в переговорах с триполитским беєм; иными словами, связи дель Турко с Россией неоспоримы.

¹⁷ Об авторстве А. Джики и о том, что сочинение было «заказано русским командованием» Морейской экспедиции, писал и Д.Д. Шамрай в 1940-х гг. (*Шамрай Д.Д. Коллекция «Россика» в Публичной библиотеке и проблемы ее собрания и изучения. Публ. Н.А. Гринченко — http://www.nlr.ru/history/publ_hist/shamrai.pdf*). Г.Л. Арш называет Джика графом и «одним из приматов Химары». (*История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 485*).

¹⁸ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Д. 7177. Л. 475–475об.

Как видим, «избраннейшее сочинение» эпириота А. Джика выдано в «*Courier du Bas-Rhin, ou Gazette de Cleves*» за греческий текст, прибывший из Архипелага, которому «особый интерес и значительность придают нынешние события». Отдавая должное драматизму, с которым в Призыве описаны несчастья греков, и «их желанию перейти под власть какой-нибудь христианской державы», редактор газеты в предисловии к Призыву прозрачно намекал: «нетрудно понять с какою целью и кем был написан этот документ», имея в виду, надо полагать, заинтересованность в нем России.

В Призыве А. Джика отмечал, что хотя войну России против турок греки поддержали так же, как ранее поддерживали битвы Венецианской республики и Австрийского дома, турки полагают, что именно *между Россией и греками существуют особые связи*, что турки теперь почитают греков «за внутреннего своего неприятеля», с которым они хотят разделаться так, чтобы «не найтись более вовлеченным в подобную пагубу, к каковой, по их признанию, приближались они в сию войну». Грекам грозит полное истребление или обращение в ислам, но те, кто обратятся в ислам, затем усилят турецкую армию и тем самым исламскую угрозу христианской Европе, потому что турки «не перестанут чинить нашествия повсюду, где только признают себя сильнейшими».

Таким образом, в Призыве получили развитие, наряду с идеями освобождения единоверцев-греков русскими, и столь важные, по мнению Екатерины, для привлечения западноевропейского общества идеи противостояния христианского и мусульманского миров, равно как и идея защиты классической цивилизации.

Судьба христианства связана теперь с судьбой греков, и, не разрешив греческий вопрос, нельзя заканчивать войну — мысль, которую хочет Джика, как бы от имени греков, внушить Европе: «Все несчастия, убийства, гонения и опасности Христианства будут всегдашнею укоризною виновнику безвременного мира как источника толликих бедствий». Здесь присутствует тайный призыв к России не заключать мир, пока не защищены *греки* (к этому времени А.Г. Орлов уже имел от Екатерины полномочия на начало мирных переговоров, если к нему обратятся турки). Однако пафос обличения А. Джика, заключавшийся в утверждении, что грех падет на христианских правителей, не защитивших греков, направлен против западноевропейских правящих домов, «кои в своих кабинетах весят Европу на весах», придерживаясь принципа сохранения баланса политических сил в Средиземноморье и Европе. Джика полагал и от имени греческого народа преподносил эту мысль читателям, что «Российское победоносное оружие запинается не в рассуждении неприятеля», а из-за препятствий, чинимых державами воинским и политическим успехам России.

Переведя проблему освобождения греков в плоскость противостояния христианского мира исламскому, Джика патетически заключал свой Призыв уже как бы от имени Австрии, вспомнившей о турецкой угрозе Вене в 1683 г., которая «скажет, конечно, что каким бы образом Россия ни предупела увенчать конец сея войны, благополучно против Турков ведомой, она была бы всегда гораздо обходительнее, нежели Турки, неприятели человеческой крови. Скажет также, что тщетное пугалище зависти помешало истребить неприятеля рода человеческого...»¹⁹.

¹⁹ Вопль Греческого народа к Европейским христианам. Перевод с италийского языка // Санкт-петербургские ведомости. 16 августа 1771. Прибавление к № 65.

Как видим, Призыв, или «Вопль греческого народа» оказывается весьма неоднозначным документом, выполнявшим как политический заказ императрицы и А.Г. Орлова, так и выражающим национальную идею греков. Самоидентификация греков, согласно этой идее лишь отчасти, основывалась на светском национальном начале, в этой самоидентификации преобладал *конфессиональный принцип*, унаследованный от Средневековья и консервировавшийся конфессиональной обстановкой Османской империи с ее системой миллетов и господством исламских норм.

В политическом же отношении призыв греков не допустить их гибели означал: дать возможность России одержать победы, которые бы заставили турок согласиться на признание внутреннего самоуправления *греков при покровительстве конфессионально единой с ними России*. Вот здесь-то и скрывалась основная цель екатерининской пропаганды²⁰.

Пропаганда освободительной миссии России по отношению к грекам была рассчитана не только на западноевропейское общество, но и на российских подданных Екатерины. Для них переводился «Вопль греческого народа», трудились сочинители, произносили проповеди лучшие церковные риторы.

Уже в 1769–1770 гг. екатерининские поэты напишут:

Победоносный флот, в желанный путь гряди...

Не златорунную нам добычь принести —

Екатериною исполнь успех желанный

Невинных христиан от лютых бед спасти.

(В. Майков. «*Стихи на отшествие российского флота из Ревеля в Средиземное море*», 1769 г.)

Не для златого вам руна,

Не для несчастной Андромеды,

О россы! предлежит война

И предлежат в войне победы...

Не гордасть вас на брань зовет —

Защита ближних и спасенье.

(М. Херасков. «*Ода российскому воинству, в феврале 1769 г.*»)

Потрясшего закон ты идешь потрясти,

Отечество спасти,

И Грецию защитить.

(В. Петров. «*Ода на победы российского флота... при Хиосе, 1770 года*»)

В 1769 г. в прессе была опубликована проповедь, включавшая обязательную похвалу Екатерине, которой Бог дарует: «*ревность к освобождению церкви святой*

²⁰ Пропаганда была подкреплена и намерением российской императрицы открыть новые или обновить старые церкви: «Вы получили уже все к снабжению 50 церквей принадлежащее, как ризницы, сосуды и книги. Намерение наше в разсуждении сих церковных вещей такое: чтоб употребляли их для поспешествования дела общего с гр. Орловым, яко главным руководителем на твердой земле, где кто в них нужду и пользу на месте особливо усмотрит» (Из инструкции Спиридову июня 1769 г. — Цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. XCVI).

*и всего Христоименитого достояния от горького порабощения Сарацинского»*²¹. А в проповеди на новый 1771 г. митрополит Платон (Левшин) возглашал: «Если б герои наши взошли в те отдаленнейшие места, токмо чтобы воевать и открыть свету мужество свое, и сие не было б против обычая народов. Но зри совсем отличную причину. Народ тамо обитающий приемлет их за *своих избавителей и спасителей*. Да что, говорю, тамо?»²². Речь того же Платона по случаю Чесменской победы была издана вместе с греческим переводом, причем переводчик сопроводил его такими стихами:

С российска языка сей зделан перевод,
 Чтоб пользоваться мог им греческой народ,
 Которой с радостью всех большею взирал,
 Что Росс в их отчестве победы одержал,
 И что монархини Российской храбрый флот
Для их спасения пучиной грозных вод
 Флот фараона нынъ Турецкаго покрыл,
 И чудо таково ж, как Мойсей, явил.
 (подписано: Кесарий архим. Воложский. Курсив наш – Авт.²³).

«РЕВНОСТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ЦЕРКВИ СЯТОЙ И ВСЕГО ХРИСТОИМЕНИТОГО ДОСТОЯНИЯ ОТ ГОРЬКОГО ПОРАБОЩЕНИЯ САРАЦИНСКОГО»

У призыва оказать помощь единоверцам и у объяснения этой высокой идеей военного вторжения в Средиземноморье было немало сторонников, но очевидно, что такие призывы и объяснения устраивали далеко не всех. Российская императрица прекрасно понимала, что ее пропаганда среди христиан «греческого закона» и взаимодействие с балканскими единоверцами неизбежно грозили серьезно осложнить отношения с Венецианской республикой и Австрией, в подданстве которых тоже жили православные славяне и греки.

Действительно, с началом войны Венеция закрыла свои порты для российских судов, время от времени препятствовала проезду русских курьеров через ее территорию и через Черногорию и обрушилась с репрессиями по отношению к тем православным, кто перешел на службу России. Все это она осуществила не только из опасения навлечь гнев Порты, но и, как официально заявлялось, из-за того, что венецианские власти были раздражены влиянием российской пропаганды на православное население республики, недовольное господством католической церкви (см. подробнее гл. 6).

С целью ослабить эту обеспокоенность и вызвать сочувствие и поддержку России со стороны христианской Европы в войне с Османской империей Ека-

²¹ Санктпетербургские ведомости. 1769. № 83. Прибавление.

²² Поучительные слова при высочайшем дворе... Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанные... Платоном. М., 1780. Т. 2. С. 319.

²³ Там же. С. 288.

терина сделала ряд попыток перевести военно-политический конфликт с турками в плоскость религиозного *христианско-мусульманского противоборства*. В обращении Коллегии иностранных дел к европейским правящим дворам, извешавшем о разрыве отношений между Османской и Российской империями, содержалось утверждение о том, что в открывшейся войне Россия выступает *защитницей интересов всего христианского мира*.

Характерно, что внешнеполитические документы Порты, объяснявшие причины объявления ею войны России, согласно обыкновению Нового времени указывали на нарушения российским правительством договоров с Османским государством (вооруженную активность и прямые диверсии России вблизи русско-турецкой границы, невыполнение обещаний о выводе войск из Польши, неумеренное вмешательство в польские государственные дела) и не имели религиозной окраски (впрочем, это естественно, ибо турки апеллировали к европейским державам)²⁴.

В ответ на это Екатерина II в ноте от 8 ноября 1768 г., направленной европейским дворам, не ограничилась парированием турецких доводов, а также обвинениями в адрес «ненавистников мирного спокойствия обеих империй» (намек на Францию). Императрица писала и о «легковёрности турецкого народа», приведшей «оный к такому роптанию, которое должно было быть принято правительством во уважение» (речь шла о фанатизме турецкой черни, требовавшей войны с Россией). Екатерина писала и о якобы существовавшем «желании *всего христианства*» оказать ей справедливую поддержку «противу общего ненавистника имени христианского» – оттоманского правительства²⁵.

Сознательный перевод политических целей и задач в религиозную плоскость прочитывается и в уже цитировавшемся воззвании императрицы, обращенном к грекам и «славянским народам православного исповедания, в турецком подданстве находящимся». В нем турки обвинялись в «лютости и ненависти к христианству» — не только восточному, но и западному. В ход были пущены богословские аргументы, согласно которым «законы магометанские» устремлены к тому, чтобы «совокупно ввергать в бездну заключений в рассуждении души и тела, христиан», живущих в пределах империи.

При отправке эскадр идея христианско-мусульманского противостояния отразилась в инструкции, данной адмиралу Спиридову, чтобы ни в коем случае не причинять вреда судам *христианских* держав (правда, императрица больше заботилась о том, чтобы не вызвать противодействия ее планам со стороны европейских государств, чем утвердить за собой славу защитницы христиан), при этом дозволялось свободно «арматорствовать» у берегов *мусульманских*²⁶.

Однако возрождение идеи о «республике христианских народов», привлекательной еще в XVI–XVII вв.²⁷, во второй половине XVIII в. не нашло отклика на

²⁴ См.: Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. СПб., 1866. Т. I. С. 75–80.

²⁵ Там же. С. 86, 87.

²⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 366–375.

²⁷ Напомним, что именно ко времени русско-турецкой войны относится увлечение Екатерины II и ее окружения идеями герцога де Сюлли и Генриха IV о «республике христианских государств», призванной изгнать «турок и татар в Азию». Как уже отмечалось, императрица специально заказала десятитомный перевод «Записок» Сюлли, который начал печататься в 1770 г. (Зорин А. «Кормя двуглавого орла...». Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 52).

Западе, и в письме к Вольтеру Екатерина заключала: «Так как охота действовать сообща против варваров прошла у прочих европейских держав, то Россия одна пожнет эти лавры»²⁸. В лексике российской царицы даже появилось ироническое употребление понятия «крестовые походы»: она писала о «крестовом походе» против христианской России турок вместе с французами или с поляками²⁹.

По существу, роль Средиземноморья как пространственного рубежа в противостоянии христианства и ислама ушла из европейского политического дискурса: «христианнейший» король Франции, декларировав нейтралитет, на протяжении всей русско-турецкой войны оказывал содействие мусульманской Порте³⁰. Не пожелала присоединиться к активной поддержке России и Мальта, хотя, как писала Великому магистру Екатерина, «самая институция бытия его (ордена. — *Авт.*) основана на защищении креста святого и поборников его противу неверных»³¹. Как подметил британский «Annual Register», не религиозное противостояние, а политико-экономические причины вызвали «особую ревность средиземноморских держав»: предприятие России нарушало «принципы» и «баланс сил»³², заключающийся в том, чтобы избегать больших завоеваний или формирования новых государственных образований: «Ко всякому противодействию попыткам подобного рода можно добавить общий страх перед растущей властью России и убежденность в очевидных последствиях от верховного преобладания, которое Россия добилась и которое она столь произвольно устанавливает в делах Севера»³³.

Лозунги христианско-мусульманского противостояния и в самой России приобретали все более абстрактный характер, сочленяясь не с конкретными политическими шагами или решением межконфессиональных конфликтов, а с отвлеченными рассуждениями о мессианской роли «россов». В 90-х гг. XVIII в. в «Оде на взятие Измаила» их так выразил Г.Р. Державин³⁴:

О! вы, что в мыслях суетитесь
 Столь славный россу путь претить,
 Помочь врагу Христову тщитесь
 И вере вашей изменить!
 Чем столько поступать неправо,
 Сперва исследуйте вы здраво,

²⁸ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С. 351.

²⁹ См.: Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 47; Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Вольтеру от 3 июля 1769 г. // Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С. 345–348. Об откликах екатерининских одописцев на темы «крестового похода» против России см.: *Проскурина В.Ю.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 168–174.

³⁰ Османской империи охотно помогали католические союзники султана: в частности, французский инженер барон де Тотт укреплял Дарданеллы и Константинополь, над строительством судов для Порты работали поляки и мастера из Рагузы-Дубровника.

³¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 370–371.

³² «...Весить Европу на весах» — с горечью говорилось и в «Вопле греческого народа».

³³ AR. 1771. P. 1–2.

³⁴ О мессианской роли «россов» и «имперском пафосе» Державина см.: *Проскурина В.Ю.* Мифы империи. С. 190–194.

Свой путь, цель росса, суд небес;
Исследуйте и заключите:
Вы с кем и на кого хотите?
И что ваш року перевес?

Ничто — коль *росс рожден судьбою*
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить...
(Курсив наш. — Авт.)

В реальности, «славные россы» едва ли готовы были совершать такие подвиги по освобождению святынь. Характерно, что для направляемых из Архипелагской экспедиции в Палестину офицеров поклонение святым местам служило лишь пристойным прикрытием политической и военной разведывательной деятельности³⁵. Не привлек их внимания и Афон, мимо которого «крейсировали» корабли эскадр (кратко посетили Афон только командиры экспедиции), не выказывалось и рвения посещать святые места и на островах Архипелагского княжества. Похоже, что ни во время перемирия, ни по окончании военных действий 1768–1774 гг. никому не пришло в голову организовать паломничество корабельных команд в святые места, что вошло в обычай в XIX в.³⁶

Декларации христианско-мусульманского противостояния не повлияли и на положение исповедовавших ислам подданных императрицы. Напротив, опасаясь волнений значительной части имперских подданных мусульманского вероисповедания, Екатерина во время Первой русско-турецкой войны, чтобы предотвратить дружественные сношения оренбургских и казанских татар с крымским ханом, предоставила российским мусульманам ряд привилегий и право беспрепятственно возводить мечети³⁷.

Общехристианская риторика не помешала Екатерине и Орлову легко переключиться и на поиски иных союзников в стане «неверных агарян» — мусульман, и с большим или меньшим успехом сотрудничать с мятежными правителями Али-беем и шейхом Захиром ал-Омаром (см. гл. 8). «Египетского султана» Али-

³⁵ См.: Плещеев С. Дневные записки путешествия из архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с краткою историею Алибеевых завоеваний, Российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб., 1773.

³⁶ Именно во второй половине XIX в. после освобождения крестьян при активной поддержке императорской семьи создается Императорское православное палестинское общество, одной из главных задач которого было развитие в народе паломнического движения (связь между реформой 1861 г. и созданием общества констатируется в документах); для обслуживания переезда русских паломников к святым местам Палестины (как и для благоприятствования коммерческим операциям) было создано РОПиТ — Российское общество пароходства и торговли, наиболее крупными вкладчиками капитала в которое были царская семья и сановная знать.

³⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 284–285; Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006. С. 111–128.

бея, отложившегося от Порты, Екатерина II в переписке с Вольтером расценивала как своего естественного союзника³⁸, а не как «врага Христова», восхваляла *веротерпимость* Али-бея (Екатерина: «Сказывают, что христиане и турки им очень довольны, что он соблюдает терпимость иноверия и что он храбр и справедлив»³⁹) и в шутильной форме Екатерина даже предлагала Вольтеру «совершать над Алибеем таинство святого крещения погружением или другим каким образом»⁴⁰. Хотя веротерпимость арабских правителей, вероятно, была преувеличена (как иначе они могли стать героями для просвещенных корреспондентов!), военные действия в Средиземноморье 1772 и 1773 гг. были отмечены военно-политическим взаимодействием с арабскими мусульманскими правителями.

По мере развития военных действий взаимоотношения между противниками, подчиняясь законам войны, теряли свою религиозную окраску (что не исключало привычной практики обращения мечетей в церкви и наоборот). В Море российские военные выступили с оружием на защиту турок, сдавших крепость, от разъяренных греков:

Жестокосердным быть претит нам долг природы,
Но вам простительно, несчастные народы,
Стенавши всякий час под игом лютых бед.

Так отозвался В.П. Петров (Ода на победы российского флота в Море 1770 г.) на это событие. По словам российских офицеров, греки в отличие от турок оказались незнакомыми с «цивилизованными» законами войны⁴¹.

Екатерина лично заботилась о положении турецких пленнх и призывала к человеколюбию в отношении поверженного врага. Следуя этим призывам, А. Орлов предоставил свободу части пленнх турок⁴²; он также прекратил обстрел охваченной огнем турецкой эскадры, запертой в заливе Чесмы, дабы дать возможность турецким морякам, покинувшим свои суда, добраться до берега. Во время перемирия турецкие и русские офицеры обменивались визитами и подарками. Наконец, в ходе мирных переговоров российская сторона выдвигала требование «свободы обеих религий в землях той и другой империи»⁴³.

Все эти перипетии христианско-мусульманских взаимоотношений нашли отражение в лексике официальной документации и языке поэзии. Мусульман в начале войны именовали, согласно библейской и фольклорной традиции, агаря-

³⁸ В переписке и Вольтер, и Екатерина II многократно обсуждают действия Али-бея, переживая его успехи и неудачи. Об этом см. гл. 8.

³⁹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 137.

⁴⁰ Там же. Ч. 1. С. 150.

⁴¹ Собственноручный журнал капитана-командора С.К. Грейга // Морской сборник. 1849. Т. II. С. 717. Грейг отмечал, что греки, «не знавшие законов войны, свято соблюдаемых между образованными народами», напали на турок, оставлявших по соглашению крепость Мисситрию.

⁴² И об этом оповещал в своей драме «Россы в Архипелаге» Павел Потемкин, вкладывая в уста А.Г. Орлова, освобождающего турецких пленнх:

Мечем и мужеством прославивши себя,
Потщимся ныне мы еще себя прославить,
Потщимся бедствия несчастливых избавить.

(Потемкин П. Россы в Архипелаге. Драмма. СПб., 1772. С. 43).

⁴³ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 130.

нами, измаильтянами, сарацинами, нечестьем магометовым, злосчастьем агарянским, врагами имени Христова и т.п. Одновременно, правда, стали утверждаться понятия, рожденные идеями Просвещения, — тираны, варвары, деспотической власти которых противостоит правление Екатерины-Афины, дарующей закон:

А ты, смиряюща неистово тирана,
Законодавица, победами венчанна,
Прими скрижаль и суд полудню возвести:
Во область, где цвели Ликурги и Солоны
Пошли свои законы — Их будут век чести.
(В.П. Петров. «Ода на победы российского флота в Море»)

К концу войны в наименовании турок начинает предпочитаться обычная военная терминология — противник, неприятель. А по мере приближения к заключению мира все чаще на страницах документов, связанных с войной, встречается тезис о единстве рода человеческого, пролитие крови которого, будь то кровь христианская или мусульманская, равно пагубно⁴⁴.

Так, восприятие Восточного Средиземноморья как пространства, через которое проходит линия противоборства христиан и мусульман, дополняется образом многоконфессионального общества, в котором пролитие крови греховно и неуютно Богу. Преобладание же в культурном сознании общества того или другого стереотипа в большой степени зависело от политической ситуации и правительственной пропаганды. В сущности, используя сложившиеся представления о противостоянии в Восточном Средиземноморье христианства и ислама, Екатерина II едва ли была склонна преувеличивать их значение в реальной политической игре.

ОБРАЩЕНИЕ К КЛАССИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ

Присутствие Российского флота в Восточном Средиземноморье российская императрица-«просветительница» не могла не обыграть и в связи с увлечениями своего Века *античным прошлым*. Едва ли она в полной мере разделяла иллюзии, присущие многим эллинофилам и отчасти Вольтеру, относительно того, что сбросившие османское иго эллины возродят былое величие⁴⁵, однако от поддержки в обществе этой иллюзии российская императрица не отказывалась. Широкий интерес к греческой культуре, переводам с древнегреческого, обраще-

⁴⁴ Так, в речи генерал-прокурора по случаю празднования мира, хотя и говорится о благодарности подданных императрице Екатерине «за защищение веры», тем не менее присутствует формула о «сострадании человечеству» (см.: Ушаков С. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского почерпнутая из достоверных Российских и иностранных источников. СПб., 1811. С. 85). Для сравнения приведем выдержку из письма Екатерины к Вольтеру, датированного 1770 г., когда до окончания войны было еще далеко: «Если считать для Христианина делом достойным награды убийство Турка, то моя армия прямо попадет в рай после войны» (Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел// СБРИО. Т. XIII. СПб., 1874. С. 35).

⁴⁵ О подобных иллюзиях см. подробнее: Augustinos O. French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994; Constantine D. Early Greek travellers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984.

ние к античным истокам в российской поэзии и архитектуре не обошлись без направляющего влияния сверху⁴⁶.

В России получили распространение статьи из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера — Спарта, Греция, «Морея или Пелопонис со всеми древними и новыми к ней местами»⁴⁷. В самый разгар войны — 18 мая 1770 г. (во время военных действий в Морее) в «Санкт-петербургских ведомостях» появляется следующее объявление: «Собрание, старающееся о переводе чужестранных книг на российский язык (заметим, что это Собрание учредила в 1763 г. Екатерина II. — *Авт.*), приглашает охотников к переводу нижеозначенных книг, которые оным к сему избраны. С печатного на российский язык листа положено от шести до восьми и до десяти рублей. Греческие же и латинские писатели особливо в уважение будут приняты. При чем для сведения сообщает так же и находящиеся уже в переводе книги». Далее следовало два списка: один — сочинений, в тот момент переводимых (в нем числилось около 30 книг, из которых только 4 произведения античных классиков), другой список, состоящий из 49 наименований — сочинений, предложенных к переводу на русский язык (в этом списке было уже 23 произведения классиков греческой и латинской литературы)⁴⁸. И уже в октябре того же 1770 г. императрица писала Вольтеру: «мне скоро надобно будет учиться греческому языку в каком нибудь университете, между тем, переводят уже Гомера на Российский язык. Для начала и этого будет довольно. Мы увидим по обстоятельствам, будет ли надобность в дальнейших успехах»⁴⁹. В январе 1777 г. Вольтер получил отчет императрицы: «Нынешнею зимою читала я два новые российские перевода один Тасса, а другой Гомера. Все их называют очень хорошими»⁵⁰. Как показал исследователь русских переводов Гомера А.Н. Егунов, перед императрицей могла быть только «первая часть Илиады, вышедшая в 1776 г. в переводе Екимова», которая при всех погрешностях перевода нужна была Екатерине «для престижа блистательного царствования»⁵¹ и реализации политических замыслов.

Исследуя в начале 1900-х гг. «следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой», П.Черняев отметил (и его выводы подтверждаются нашими подсчетами на основании современного Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.), что переводы античных классиков чаще, чем в иное время, выходили в 1770–1780-е гг., при этом преимущественно в государственных типографиях Петербурга⁵². В это десятилетие (т.е. вскоре после русско-турецкой

⁴⁶ См., например: Фролов Э.Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967; Зорин А.Л. «Кормя двуглавого орла...»; Проскурина В.Ю. Мифы империи; Путьятин И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвещения. М., 2009.

⁴⁷ Санктпетербургские ведомости. 29 января 1770. № 9; Карп С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII в. М., 1998.

⁴⁸ Санктпетербургские ведомости. 18 мая 1770. № 40. Прибавление.

⁴⁹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 122.

⁵⁰ Там же. Ч. 2. С. 161.

⁵¹ Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М., 2001. С. 48–49. Поэма «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо была переведена с французского Михаилом Поповым и издана в России в 1772.

⁵² Черняев П. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Материалы для истории классического образования в России в био-библиографических очерках его деятелей былого времени // Филологические записки. Воронеж, 1904. Вып. III–IV; Воронеж, 1905. Вып. I–II, III–IV.

войны и в период разработки «Греческого проекта») переводятся на русский язык не только «Илиада» и «Одиссея», но издаются сочинения Вергилия, Овидия, Гая Юлия Цезаря, Апулея, Цицерона, Светония, Плутарха, Демосфена, Филона Александрийского, Сенеки, Аполлодора Афинского, Диодора Сицилийского и др., некоторые из которых не переиздавались до настоящего времени.

Российская поэзия, панегирически откликнувшаяся на победы в Средиземном море, также была перенасыщена античными образами. Знаменитая поэма Хераскова «Чесменский бой», написанная по свежим следам события, отмечена яркими ассоциациями с «Илиадой». Российские литераторы в поэтическом восторге предрекали грекам близкое возвращение «золотого века»:

Но о науки отцы, порабощенны греки!
Утешьтесь, паки вам златы начнутся веки.
Достигла и до вас щастливая чреда.
Алфейски зрелища умолкнувши поныне
Вы в честь Екатерине
Возставьте навсегда.
(В. Петров.)

Или:

Подателей Вселенной света
Екатерина просветит
Изгонит чтущих Магомета
И паки греков утвердит.
Науки падши там восстанут,
Невежды гордые увянут...
(В. Майков.)

Вполне можно согласиться с заключением В.Ю. Проскуриной о том, что «приобщенность к мифологизированной, то есть к “вечной” истории возвышала, освящала и укрепляла само государство, представленное не только в актах реальных и иногда не очень успешных деяний, но и в декорациях “вечных” исторических триумфов»⁵³. Однако при апелляции к античным образам вовсе не забывались и христианские. В 1769 г. В. Петров в «Оде...на взятие Ясс» «геройско племя» греков обнадеживает:

...Екатерина
Покров скорбящих всех едина,

что вполне справедливо дает основание В.Ю. Проскуриной говорить о том, что «в поисках наиболее адекватной литературной кодировки образа императрицы Петров совмещает языческие греческие мотивы... с евангелическими», Афины Палладу с Богородицей, несущей Покров⁵⁴.

⁵³ Проскурина В. Ю. Мифы империи. С. 168.

⁵⁴ Там же. С. 170.

С. Торелли. Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами. 1772 г.

Державин продолжил эту линию христианско-языческих «совмещений», нарисовав в 1791 г. в «Оде на взятие Измаила» Екатерину с крестом в одной руке и возженным светильником, наподобие Минервы, — в другой. И эта риторическая фигура отражает двойственное осмысление российской политики: как выполнения традиционного долга православнейшей державы и, сообразно культурным интересам эпохи Просвещения и классицизма, как возвращения европейскому миру империи «отцов науки» «порабощенных греков».

Русская императрица, безусловно, позаботилась о том, чтобы не только религиозные лозунги, но и античные одежды, в которые она облекла свою восточную политику, впечатлили подданных и иностранцев. Однако едва ли она сама сомневалась, что античные одежды означали нечто большее, нежели костюмы политического театра. В переписке с Вольтером Екатерина охотно подхватывала волнующую философа *греческую тему*⁵⁵, но по мере продолжения Архипелагской экспедиции она, как кажется, все более лишь *играла* в греческий идеал (непреренно античный!).

В своей игре, не желая при любом исходе войны считать себя проигравшей, императрица то намекала на возможность чудесного воплощения античного идеала в жизнь (и Вольтер с энтузиазмом начинал планировать будущий культурный расцвет Афин и «Истмические игры»), то переносила все обвинения за рухнувшие надежды на современных «недостойных» наследников «спартан»⁵⁶ и «афинян». Впрочем, тон переписки с Вольтером позволял шутливость, однако вернуть Екатерину в русло серьезного обсуждения греческих вопросов к концу войны становилось все сложнее.

Даже радуясь успехам военных действий в Море в мае 1770 г., Екатерина прямо не говорила о возрождении независимости Греции, но лишь выражала удовольствие от узнавания античных имен и названий: «По-видимому Греция может опять сделаться вольною, но очень далеко ей еще до того состояния, в котором она была некогда; однако ж приятно слышать напоминание о тех местах, коими нам в малолетстве нашем уши заглушили» (письмо Вольтеру от 27 мая 1770 г.; в ответ на него философ вполне серьезно писал: «Предприятие ваше в разсуждении Греции самое достохвальное из всех бывших в течение двух тысяч лет»)⁵⁷. После первых поражений в Море императрица имела еще меньше

⁵⁵ О развитии Вольтером этой темы см., например: Camariano-Cioran A. Op. cit. P. 530.

⁵⁶ Об увлечении «спартанской идеей» см. подробнее: Rawson E. The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969.

⁵⁷ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 87, 90.

оснований уповать на возрождение в Греции античного процветания, однако в официальной пропаганде и в своей *игре* Екатерина продолжала возвращаться к идеализированному прообразу: «Чтобы Греция оживилась, зависит только от самих греков. С моей стороны употребляются все способы, чтобы украсить географические карты сообщением Коринфа с Москвою. Впрочем, я не знаю, каково будет следствие... Любезные ваши Греки при многих случаях явили древнюю свою храбрость, да и в уме не имеют они недостатка», — писала она Вольтеру 22 июля 1770 г., а год спустя (14 августа 1771 г.) прибавляла: «Если б Ваша любезная Греция, которая живет только желаниями, действовала с такою силою, как этот владетель (Али-бей. — *Авт.*), то театр афинский в скором времени не был бы огородом, а лицей конюшней»⁵⁸.

В середине 1770-х гг. разочарование Екатерины в «греческой теме» выразилось в смене архитектурных и художественных пристрастий: при обсуждении праздничного оформления Москвы в 1775 г. по случаю мира с турками императрица отказалась от «вечных античных триумфальных образов» в пользу *патриотического* стиля⁵⁹. Вскоре, правда, новые политические идеи вернули интерес императрицы к античным аллегориям.

1779–1782 гг. были временем «Греческого проекта». В 1779 г. второй внук императрицы был наречен Константином, и ему предназначалась судьба правителя будущей Греческой империи. Константина с детства обучали «эллино-греческому языку», ему было придано благородное греческое окружение. Екатерина II, лично участвовавшая в составлении учебной программы для своих внуков, позаботилась о том, чтобы античная история заняла в ней преобладающее место⁶⁰.

Прибывший в 1779 г. в Россию Ч. Камерон возводил в Царском Селе серию сооружений, чтобы «организовать желаемое Екатериной II бытие в античном духе»⁶¹. Здесь она могла уединяться с любимыми ею антиками, которые вместе с книгами и документами перевозятся за императрицей из Зимнего дворца в летнюю резиденцию, их разглядывание едва ли не приравнено к занятиям государственными делами: «Показаны привезенные из Парижа антики. Перелюстрация писем к Pr. de Ligne, Сегюру и Кобенцелю»⁶², — записывает 4 апреля 1787 г. в Кие-

Греческий танец на Паросе. Гравюра, тиражируемая европейскими изданиями в конце XVIII в., в русском варианте на заднем плане имеет изображение Античного храма (тогда как в большинстве европейских — парусную лодку)

⁵⁸ Там же. Ч. 1. С. 97, 98. Ч. 2. С. 31.

⁵⁹ Швидковский Д.О. Династическая политика и архитектура во второй половине царствования Екатерины II // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1. С. 144.

⁶⁰ См.: Учебные книги и тетради великого князя Александра Павловича // СБРИО. СПб., 1867. Т. I. С. 380.

⁶¹ Швидковский Д.О. Династическая политика и архитектура во второй половине царствования Екатерины II. С. 149.

⁶² Граф де Линь (1735–1814) — генерал и писатель, сопровождал австрийского императора Иосифа II (под именем графа Фалькенштейна) в путешествии совместно с Екатериной II в Крым; граф

ве статс-секретарь А.В. Храповицкий⁶³, в обязанности которого входило, кроме выполнения иных поручений, составление собрания камней, отбор антиков для приобретения императрицей.

В Петербурге был открыт греческий кадетский корпус; греки, находившиеся на русской службе, вошли в российское высшее общество. Распространилась и мода на все греческое⁶⁴. В России утверждался новый тип образованности, включающий владение риторикой, античной мифологией, знание классической литературы и истории Древней Греции и Рима⁶⁵.

И уж совсем феноменальным было увлечение античностью князя Г.А. Потемкина⁶⁶. Известен, например, «грекофильский» ужин, устроенный Потемкиным в Озерках 25 июня 1779 г., во время которого гости возлежали на ложах, а хор певцов славил государыню на «эллино греческом языке»⁶⁷. По словам племянника Потемкина А.Н. Самойлова, «чтоб более поразить умы блистательностию деяний великие Екатерины, чтобы отрясть и истребить воспоминания о варварах, обладавших заведением просвещенных народов», в покоренном полуострове Крым Потемкин возобновил «древние именованья»⁶⁸ и «новый свет просиял в древнем Понтийском царстве!»⁶⁹. Иными словами, воссоздавая на берегах Черного моря символическое подобие греческого пространства, Г.А. Потемкин провозглашал преимущество России по отношению к наследию античного греческого Причерноморья. Не говоря о том, что эти действия имели своей целью укрепление императорского культа в России, они были частью идеологического оформления выдвинутой Потемкиным «восточной системы», нового варианта «греческого проекта» А.А. Безбородко.

Так Россия спешила наверстать упущенное время в освоении античного наследия. Успехи Архипелагской экспедиции, безусловно, придали этому процессу самый серьезный импульс.

Л.-Ф. де Сегюр (1753–1830) с 1784 по 1789 г. был французским посланником в Петербурге, сопровождал в составе дипкорпуса Екатерину II в Крым. Граф Л. Фон Кобенцль (1753–1809) был австрийским посланником, послом в России с 1779 по 1800 гг.

⁶³ [Храповицкий А.В.] Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 25. Следует заметить, что угасание интереса императрицы к приобретению древностей относится ко времени, когда Россия была вынуждена вести войну на два фронта (с Турцией на юге и Швецией на севере), когда надежды на посылку новой экспедиции в Средиземноморье (как и на осуществление «Греческого проекта») рухнули. 28 июля 1788 г. А.В. Храповицкий записал: «Поднес дешевые антики; посмотря, сказали, что не надобны: „Я лучше куплю быка, чтоб послать солдатам“, разумеется, в Финляндию» (Там же. С. 86).

⁶⁴ См., например, сочинения уроженца о. Митилены (Лесбос), переводчика коллегии иностранных дел грека А. Палладоклиса «Стихи на платье греческое, в кое ея императорское величество соизволило одеваться в маскараде» (СПб., 1771). Г.А. Потемкин демонстрирует Екатерине и Иосифу II в Севастополе роту амазонок, состоящую из балаклавских гречанок. (Панченко А.М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 96).

⁶⁵ Фролов Э.Д. Русская историография античности. С. 67.

⁶⁶ Князь Г.А. Потемкин своими сведениями в «эллино-греческом языке» обратил на себя внимание еще Елизаветы Петровны (Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // Русский архив. 1867. С. 95, 594).

⁶⁷ См.: Проскурина В.Ю. Мифы империи. С. 171.

⁶⁸ Как известно, Крым был назван Тавридою, Ахтияр — Севастополем, Ахт-Мечеть — Симферополем, Кафа — Феодосией и т.п.

⁶⁹ Самойлов А.Н. Жизнь и деяния... С. 594.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПОБЕД И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Оружием государственной пропаганды средиземноморского вторжения стала организация праздничных мероприятий и в России, и за ее пределами, там, где находились армия и флот. Как было показано выше (см. главы 3, 5–7), табельные дни тезоименитств императрицы и наследника Павла, восшествия на престол и коронации Екатерины, церковные праздники и встречи Нового года дополнились празднованиями побед на суше и на море. Исключительным по зрелищности было торжество в Москве в 1775 г. по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира (праздник был назначен по всей империи на 10 июля, но в Москве он длился по сути с момента въезда императрицы в столицу 25 января до глубокой осени⁷⁰). Как замечал спустя десятилетия современник и свидетель этих торжеств 1775 г. Г.С. Винский: «Екатерина, расстроением Польши, победами над турками и отторжением от них Крыма, сыгравши первое действие своей политической драмы, довольно удачно вздумала народ свой занять, ослепить и Европе бросить несколько в глаза пыли блистательными торжествами...»⁷¹.

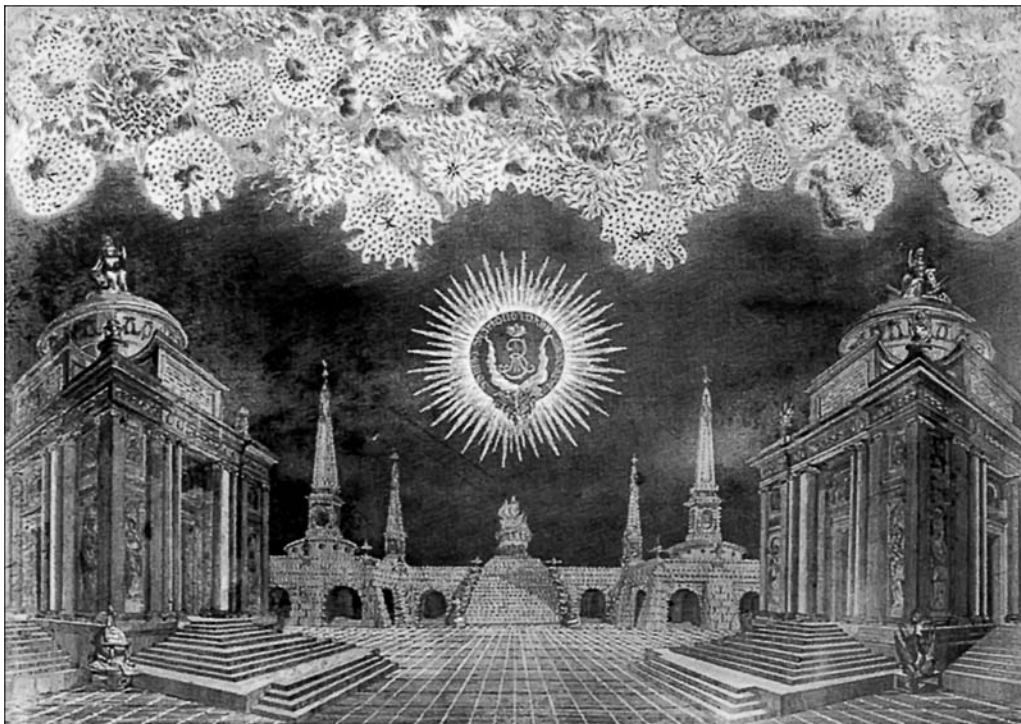
Исследователи праздничной культуры XVIII в. неоднократно подчеркивали, что праздник в это время оставался важнейшей формой вербальной и невербальной коммуникации государственной власти и подданных *внутри страны*⁷². Специфика праздника, сопровождавшего присутствие российского флота в Средиземноморье, заключалась в том, что впервые (по крайней мере, после Петра!) он в широких масштабах представлял Россию и *вне ее пределов* — на пространстве от Порт-Магона и Тосканы до островов Архипелага. Пропагандистское оружие праздничных торжеств, таким образом, было нацелено на весьма обширную аудиторию.

Главным автором, редактором, цензором программ большинства торжеств была сама Екатерина II. Устройство торжеств было обязанностью всех государственных и церковных служб (указания о совершении благодарственных молебнов приходили из Синода нередко вместе с запаздывавшими номерами периодических изданий, из которых собственно и могли узнавать о победах; светские власти получали такие указания по ведомственным каналам), за рубежами империи устройством праздников занимались и дипломаты, и военачальники (вспомним праздники в Порт-Магоне, в Тоскане, в Архипелаге, описанные выше). К оформлению привлекались видные художники, для праздников специально сочинялись музыкальные произведения (в Италии, напомним, были привлечены стажировавшиеся там М. Березовский и Д. Бортиянский). Публичные празднества в честь побед и возведение памятных мо-

⁷⁰ Ушаков С. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Приложения. С. 75–100; Майков В. Описание разных увеселительных зрелищ, представленных во время мирного торжества, заключенного между Российскою империею и Оттоманскою Портою. В высочайшем присутствии Ея Императорскаго Величества, всеавгустейшей и непобедимой монархини матери Отечества Екатерины II и их императорских высочеств, при многочисленном собрании народа, близь Москвы на Ходынке, 1775 года июля 16 дня. М: При государственной военной коллегии, 1775. Об этом см.: Домшляк М. Архитектура старинного праздника // Декоративное искусство СССР. 1965. № 12. С. 34–36.

⁷¹ Винский Г.С. Мое время // Екатерина II. Фасад и задворки империи. М., 2007. С. 35.

⁷² См.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002; Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явления русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 304.

*Е.А. Федосеев. Праздничная иллюминация в Москве
в честь Мира. 1775 г.*

нументов в своих дворцах и имениях осуществляли и отдельные сановники, что можно рассматривать как проявление неразделенности частного и государственного начал.

Празднования побед и заключения «славного мира» различались по своему размаху и насыщенности между столицами и провинцией, между Россией и зарубежными базами армии и флота. Но везде в сценариях праздников вербальные тексты (манифесты, торжественные оды, благодарственные речи, парадные проповеди, надписи на монументах, театральные представления, печатные программы фейерверков и иллюминаций) сочетались с невербальными (красочным зрелищем фонтанов разноцветных огней⁷³, блеском, музыкой⁷⁴, оружейной пальбой, колокольным звоном). В столицах «викториальные» празднования превращались в многодневные (или даже многомесячные) огромные массовые спектакли, включавшие парадные шествия, придворные приемы, балы, маскарады, театральные постановки, народные гуляния с иллюминацией, фейерверками; актами праздника было возведение триумфальных арок, монументов, чеканка и раздача медалей, жетонов, орденов.

Все апеллировало к чувствам и разуму, усиливая воздействие идей, заложен-

⁷³ См.: Алексеева М.А. Фейерверки и иллюминации в графике XVIII в. Каталог выставки. Л., 1978.

⁷⁴ Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII — начала XIX в. СПб., 2004.

ных организаторами праздника, на его участников и зрителей.

Язык праздника был хорошо известен и его устроителям, и участникам. Основные «узлы» праздничного сценария оставались неизменными в течение всего XVIII в. Открывались праздники торжественными богослужениями и молебнами (что нередко сопровождалось богатыми вкладами на нужды церкви⁷⁵), продолжались приемом, на который приглашались представители высшего общества⁷⁶, и демонстрацией великодушия власть имущих к народу⁷⁷, а завершались обычно полуночными представлениями и пиршествами⁷⁸ и, наконец, огненными забавами (пальбой и фейерверками). При этом в каждом празднике присутствовала и «неожиданность», новация, которая должна была более прочего запомниться, и такая новация обычно содержала в себе основной пропагандистский посыл.

Праздник в России XVIII в. — это всегда демонстрация *щедрости и богатства*, но во время войны щедроты, которыми устроители праздника осыпали его участников и зрителей, приобретали дополнительный смысл: доказывали величие Российской империи и пресекали любые подозрения (кстати, вполне основательные) относительно ограниченности ее человеческих ресурсов и средств. В период русско-турецкой войны, потребовавшей исключительного напряжения финансов и значительных зарубежных займов, расточительность и известная «дикость» увеселений, поражавшие Европу⁷⁹, представлялись императрице вполне оправданными. Известно, что ради утверждения блистательного имиджа своей державы Екатерина в 1770-е гг. намеренно расширяла закупки раритетов для эрмитажной коллекции и совершила ошеломившую Европу покупку в 1772 г. индийского бриллианта в Амстердаме⁸⁰. В течение войны она несколько раз писала Вольтеру о том, что война «нечувствительна» для ее державы. В 1770 г. Екатерина заметила, что не помнит, «чтоб когда-либо на Масленице старались столько выдумать разных забав, как в нынешнюю. Не знаю то же ли происходит и в Константинополе?» (начало

⁷⁵ Например, в Порт-Магоне в греческую церковь Успенья Богородицы в 1770 г. были пожалованы богатые предметы церковной утвари, в 1772 г. в Ливорно православная церковь получила от А.Г. Орлова серебряные светильники, в Москве в 1775 г. Успенскому собору императрица поднесла «новосделанный потир и дискос со звездой, золотые богато убанные бриллиантами» и т.д.

⁷⁶ Приемы могли происходить не только во дворцах на суше, но и на кораблях эскадры, куда приглашалось избранное общество (см. гл. 5, 6, 7).

⁷⁷ Прежде всего, это выражалось в непрерывной раздаче милостыни (монет или специально выпущенных праздничных «жетонов»). В сценарии праздника 1775 г. предусматривалось одаривание толпы фаворитом от имени императрицы: «В то же самое время, как императрица изволила ехать, дан был сигнал, по которому генерал-майор Потемкин с двумя герольдами имевшими мешки с жетонами, ездил верхом по назначенным улицам и бросал жетоны народу. Стоящим в строю солдатам было также дано каждому по жетону». До этого приглашенным во дворец раздавались золотые медали (Ушаков С. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. С. 93).

⁷⁸ Традиция выставлять для народа жареных быков (вариант: колбас, как в Сан-Джулиано) и фонтаны вина сохранялась как почти непрерывный атрибут светского праздника весь XVIII в. Праздники в России и за границей периода русско-турецкой войны не были исключением (см. гл. 7). В 1775 г. в Москве на Ходыньском поле «по учиненному из двух пушек сигналу открыты были народу жаренные быки на устроенных для того пирамидах, из фонтанов пущено было виноградное вино, после чего начались различные народные игры...» (Ушаков С. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. С. 95).

⁷⁹ О недоумении европейцев относительно расточительности устроителей праздников см. гл. 7, 10.

⁸⁰ В Европе ни для кого не было тайной, что приобретенный через посредников и подаренный в 1773 г. императрице Г.Г. Орловым 200-каратный бриллиант (названный впоследствии «Орлов») был приобретен на государственные деньги — 400 тысяч рублей.

1770 г.)⁸¹. Через год она, как бы между прочим, вновь отметила: «давно не помню я столь веселой Масляницы, какова была нынешняя: от октября месяца по февраль беспрестанно продолжались праздники, балы, спектакли и пр.» (3/14 марта 1771 г.)⁸². Наконец, в августе 1771 г. она царственно шутила: «когда война сия продолжится, то Царскосельский мой сад будет походить на кегельную мостовую, ибо после каждого славного происшествия приказываю я в нем воздвигать какой-нибудь памятник», и все сие из российского мрамора — «есть почти всех цветов»⁸³. Вольтер отвечал императрице то, что она желала услышать. Его восхищение, в частности, выражено в письме от 10 октября 1775 г.: «не перестаю еще быть в недоумении от ваших празднований. Я не могу понять, каким образом по повелению Вашего императорского величества Черное море перешло в лежащую под Москвою долину. На сем море вижу я корабли, а на берегах города изобильные, для безчисленного множества народа столы, потешные огни и все в одно место собранные чудеса Оперного дому... У нас никто теперь этому не верит...»⁸⁴.

Значение праздников 1769–1775 гг. как пропагандистских мероприятий обнаруживается и в том, как они способствовали развитию и распространению *политической доктрины власти*.

Императрица-победительница предстала в этих торжествах как преемница побед прошлых правителей Руси, законная наследница российской короны и как правитель *сакральный*. Тут-то и оказалась к месту получившая широчайшее распространение риторика *наследия Петрова*. Как известно, благодарственный молебен 15 сентября 1770 г. в Петропавловском соборе по случаю Чесменской победы закончился картинным обращением Платона (Левшина, в этом году только ставшего тверским епископом) к могиле Петра Великого: «Петр Великий воскрес, воскрес в Великой Преемнице своей Екатерине Второй... Дела, коими ныне Отечество наше прославляется, можно сказать, что или воскресший Петр, или паче вселившаяся в Екатерину Петрова душа, производит... Возстань и насладися плодами трудов Твоих. Флот Тобою устроенный уже не на море Балтийском, не на море Каспийском, не на Черном, не на Океяне Северском. Но где? Он на море Медитеранском, во странах восточных, во Архипелаге, близь стен Константинопольских, в тех то есть местах, где ты нередко око свое обращал и гордую намеревал смирить Порту... Российские высокопарные орлы, торжествуя, именем Твоим [Петра] весь восток наполняют и стремятся предстать пред стены Византийския»⁸⁵. Тогда же у гроба Петра был возведен триумфальный столп, на котором были начертаны стихи Василия Майкова, также, как и проповедь, соединяющие два имени – Петра и Екатерины, и, по замечанию В.Ю. Проскуриной, даже в большей мере увенчивающие славою императрицу, чем основателя российского флота⁸⁶. А

⁸¹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 67.

⁸² Там же. С. 155.

⁸³ Там же. Ч. 2. С. 29–30.

⁸⁴ Там же. С. 157.

⁸⁵ Платон (Левшин). Слово при случае совершаемых молитв над гробом Петра Великого по причине одержанного флотом Российским над Оттоманским флотом во Архипелаге славных победы, 1770 году июня 24 дня (Произнесено 15 сентября 1770 г. в Петропавловском соборе) с греческим переводом, пер. архимандрит Кесарий Воложский // Поучительные слова при высочайшем дворе... Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанныя... Платоном. Т. 2. С. 278–284.

⁸⁶ Проскурина В.Ю. Мифы империи. С. 122. Примечательно, что 14 июля 1777 г. в Сенатском указе специально оговаривалось «провозглашение на ежегодных молебствованиях в память Чес-

поскольку в панегирической традиции Петр уже был прославлен «как земной бог и земной спаситель, связанный таинственной харизматической связью с небесным Богом и Спасителем-Христом»⁸⁷, то и к Екатерине стало возможным обратиться: «в Тебе, в Твоих дарованиях возвращен нам Петр Великий, подобно Ему видим мы в Тебе свыше смертного» (благодарственная речь генерал-прокурора на торжествах 1775 г.).

Итак, празднование побед приносит дополнительные основания для сопоставления/совмещения Петра и Екатерины, усиливая сакрализацию монархического образа. Доказательствами того, что императрица «свыше смертного», служили постоянные обращения к мотиву чуда, сопутствующего *Ее* деяниям и свершениям *Ее* воинов: «Твои молитвы воздвигали ветры и обращали их на лице сопротивных» (Платон Левшин на торжественном богослужении в честь Чесменской победы, откликаясь на разговоры о том, что только счастливое стечение природных явлений позволило российскому флоту победить). *Главным чудом монарха, даром*, ниспосланным монарху свыше, благоволением «щедрот Божьих, на Нас излианных» (Манифест Екатерины 1775 г) становится победа. И не случайно после Чесменской победы адмирал Г.А. Спиридов доносил Н.И. Панину: «...а Великия *Екатерина*, наша всемилостивейшая государыня, чрез нас, рабов своих, российскими кораблями, премудрыми *наставлениями флот турецкий разбила, сожгла и в прах обратила*»(!) Мотив «чуда», сотворенного императрицей для побед, постоянно присутствует и в поэзии, и тогда классические языческие аллегории вполне удачно дополняются православными:

Митрополит
Платон (Левшин)

Минерву в облаке наш флот над понтom зрит,
Екатеринин дух пред ним к Чесме парит. (*Курсив наш. — Авт.*)
(М. Херасков)

Но с именем Екатерины
Не только что главы змеины –
Сотрется всяка в мире злость.
С ним россы все преодолеют...»
(В. Майков)

Но где невинность, там споспешество небес,
Екатерина где, там будет перевес.
(В. Майков)

Итак, в официальной пропаганде начала 1770-х гг. победы оружия в русско-турецкой войне представляются как «споспешество», дар «небес», и празднова-

менской битвы вечной памяти Петру Великому «как первому основателю российского флота и виновнику морских побед» — РГА ВМФ. Ф. 212. Указы (отд. II). Д. 47. Л. 103.

⁸⁷ Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 4: XVIII — начало XIX в. С. 665.

ние побед имело особый священный смысл, прежде всего, как *благодарение* Всевышнего за ниспосланное трону благодеяние.

Главными в праздновании оказываются религиозные ритуалы (длительные богослужения, преподнесение драгоценной церковной утвари храмам, крестные ходы, колокольные звоны и т.д.), заметно оттесняющие на второй план «языческую» карнавальную стихию. Манифест 17 марта 1775 г. «О заключении мира с Оттоманскою Портою», определив дату празднования по всей стране, указывал только на православную составляющую торжеств: «Для исполнения пред престолом Божиим сего священного и радостного долга определяем Мы 10 число будущего Июля месяца, дабы оное по всем странам Империи Нашей единовременно происходить могло, следовательно же и все Наши верные подданные соединили тогда с Нами в истинной горячности уста и сердца их к прославлению имени Божия, и к умолению пречечной Его благодати»⁸⁸.

Для усиления религиозного значения празднований превосходно подошел лозунг Средиземноморского похода как освободительного для страждущих под иноверным игом единоверцев. По завершении победного 1770 г. владыка Платон (Левшин) возглашал:

«Российский флот из глубочайшаго севера, обзрев в округ берега Европы, прилетел на восток и владычество свое тотчас открыл в Архипелаге. Агарянин стал в изумлении, поражен одним видом героев, в таком будучи не в состоянии там думал найти спасение, где ево настигла судьба несчастливая. *Ибо как явное было о наших героях благоволение небесное*: то бездна и пламень соединились к погибели неприятельской и всех орудий его.

При сем не должно оставить без примечания, что, если б герои наши взошли в те отдаленнейшие места токмо, чтобы воевать и открыть свету мужество свое, и сие не было б против обычая народов. Но зри совсем отличную причину. Народ, тамо обитающий, приемлет их за своих избавителей и спасителей. Да что говорю тамо? Россиянин еще доселе не вступал никуда, чтоб от обитателей тоя земли прежде он ожидаем не был, и не встречаем был с неизглаголанною радостию. Свидетель тому суть Молдавия, Влахия, Морея, Архипелаг и Георгия (Грузия). А чрез сие самый естественный вещей порядок делает его законным тех мест обладателем. Ибо кто законне может править народом, как не любимый им, и в правлении котораго находит он свой покой и благополучие? *И сия-то есть истинная причина, что Бог оружию нашему, яко оружию справедливому споспешествует, тамо и помощь Господня*» (курсив наш. – Авт.)⁸⁹.

В Вологде на торжествах 1775 г. после речей представителей местного духовенства победа над иноверными была предствлена в духе школьной драмы: «выступили два семинариста с северо-восточной стороны изображающий Русскаго и с южной Турка. Они ведут между собою разговор в стихах, сущность которого сводится к тому, что Турок оставляет свою надменность и веру в Магомета и изъявляет желание быт христианином»⁹⁰.

⁸⁸ ПСЗ. Т. 20. С. 82 (№ 14. 274).

⁸⁹ Платон (Левшин). Слово на новый 1771 год // Поучительные слова при высочайшем дворе... Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанныя... Платоном. Т. 2. С. 318–319.

⁹⁰ Ковалев С. Торжество празднования Кучук-Кайнарджийскаго мира в городе Вологде // Русский архив. 1903. Т. III. С. 516.

В *гражданском* прочтении праздничные торжества по случаю побед также не лишены были значения *служения священному* — этим священным символом было *Отечество*, и празднества, по замыслу императрицы, должны были способствовать «умножению геройского огня и любви к Отечеству» среди подданных. Ради «верных Наших и любезного Отечества Сынов...» (Манифест 1775 г.) императрица спускалась с неизмеримых высот (ведь Она — «свыше смертного»!) на землю к своим подданным, готовая одарить воинов (составной частью торжеств была раздача наград, императрица лично запрашивала имена отличившихся в сражениях, чтобы не обойти их милостью) и весь претерпевший трудности народ: «Мы блаженство свое и увеселение поставляем единственно в доставлении подданным Нашим мирного и всяким удовольствие снабденного жительства» (Манифест 17 марта 1775 г. о даровании разным сословиям милостей)⁹¹.

В праздничном сценарии июля 1775 г. было предусмотрено постоянное перемещение императрицы по Москве: она не просто являла себя подданным, но демонстрировала в совместных молитвах, совместном веселье и вкушении пищи единение с *Отечества сынами*, «матернее попечение» готовность *совместно* пользоваться и благами завоеванного мира. Лексемы кровного родства в данном случае лишь усиливали значение *сыновьего* патриотизма, нерушимо соединявшего служение государыне и служение Отечеству.

Примечательно, что в главный день праздничных торжеств 10 июля после службы в Успенском соборе⁹² на приеме в Грановитой палате присутствовали *только подданные* императрицы, представители «пяти высших классов» были допущены к руке, а «находящиеся при Российском Императорском дворе чужестранные министры были приглашены в Грановитую палату приватно и поздравления Государыне в тот день *не приносили*»⁹³. 21 и 23 июля на Ходынском поле императрица не только «ездила на смотрение народных игр», но и посетила ярмарку, «где, купив на знатную сумму различных товаров», объявила «торгующим в тех лавках российским купцам монаршее свое благоволение».

Обращение к собственной российской истории в праздничной символике начинает соперничать с классицистическими аллегориями Древнего Рима (что вовсе не означало отказа от использования сравнений Рима и России⁹⁴). Происходило это постепенно, как постепенно менялись и направления екатерининской пропагандистской политики.

Примечательно, что, к примеру, придворные праздники начального этапа осуществления средиземноморского плана были насыщены, прежде всего, античными символами. Новации в них, впрочем, обнаружить непросто: с петровского времени оформление торжеств несло на себе печать монументального искусства Рима эпохи империи⁹⁵. Можно отметить, пожалуй, лишь более пристальное внимание наряду с римским к греческому античному наследию. На-

⁹¹ ПСЗ. Т. 20. С. 82–86 (№ 14275, 17 марта 1775 г.).

⁹² На торжественном богослужении проповедь, произнесенная архиеп. Платоном (Левшиным), произвела сильное впечатление. «Платон нас всех заставил плакать... вся церковь, которая была битком набита, и я тоже», — писала императрица барону Гримму — Письма Екатерины Второй к Гримму (1774–1796) / Изд. с пояснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1878. (СбРИО. Т. 23). С. 29.

⁹³ Ушаков С. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Приложение. С. 90.

⁹⁴ Уортман Р. Сценарии власти. С. 187.

⁹⁵ См.: Кнабе Г.С. Русская античность. М., 1999; Уортман Р. Сценарии власти.

пример, по данным, приводимым музыковедами, в период подготовки похода первой эскадры в Архипелаг и проведения экспедиции «греческие темы» преобладали (как никогда ни до, ни после войны) в музыкальных постановках, приуроченных к празднованию не только «викторий», но и екатерининских «дней». Так, в день рождения Екатерины II 21 апреля 1769 г. были представлены опера «Олимпиада» (муз. Т. Траэтты, либретто П. Метастазियो), балеты — «Балет атлетов и молодых греков» и «Балет греческого народа» в постановке Г. Анджелини; ко дню коронации 22 сентября 1770 г. — опера-серия «Антигонн» (муз. Траэтты, либретто П. Метастазियो), «Забавы, смехи и игры всегдашние жен македонских спутницы употребляютя ими теперь к оболещению воинов и матросов Епирских» (балет, муз. Г.Ф. Раупаха, постановка Г. Анджелини), а через два дня, 24 сентября 1770 г., в честь Чесменской победы ставили балет Д. Шпрингера «Новые аргонавты»⁹⁶.

Чесменская церковь.
Арх. Ю.М. Фельтен.
1777–1780

После поражения греческого восстания и неудач в Море, последовало разочарование в греках-«спартанцах». Чесменская победа вместе с победами на суше дала импульс к постепенному дополнению (а порой и вытеснению) античных примеров современными: Марафона Чесмой, «Ганнибала» Орловыми. Подвиги «россов» отныне представляются не уступающими подвигам античных — римских и греческих — героев⁹⁷, а изображение подвигов «россов» стало желанным и в праздничных представлениях.

И вот греческие постановки заменила драма П.Потемкина «Россы в Архипелаге» (1772), изображающая Чесменскую битву, а жители Пизы, Ливорно, вместе с русскими участвовавшие в шумных празднованиях Чесменской годовщины 5 июля 1772, 1773 и 1774 гг., смогли воочию наблюдать и величественное огненное представление Чесменского боя (сожжение ветхого корабля в заливе), устроенное А.Г. Орловым для художника Ф. Хаккерта в апреле 1772 г.

«Патриотическая» нота и в переписке Екатерины с Вольтером с 1771 г. начинает заглушать все прежде охотно обсуждавшиеся «греческие сюжеты». Например, в августе 1771 г. императрица писала, что Неву предпочитает Босфору, а вместо восстановления Трои (о чем мечтал философ) восстановит после очередного пожара санктпетербургское предместье⁹⁸.

Впрочем, национальное самосознание, как и патриотизм в 1770-е годы еще только искали свое понятийное выражение. Думается, что нахождение флота в Средиземноморье и выпавшие на его долю испытания могли сыграть определенную роль в становлении национальной самоидентификации. Не случайно А.Г. Орлов писал императрице об отваге «арженушков», то есть тех, кто питается

⁹⁶ Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII — начало XIX в. С. 244–246.

⁹⁷ На восторженные характеристики братьев Орловых и пересказ речи архиеп. Платона Вольтер отвечает императрице в том же духе: «Поелику Вы в Петербурге имеете уже Платона, то я уверен, что графы Орловы заменят собою в Греции Мильтиадов и Фемистоклов» (Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. Ч. 1. С. 170).

⁹⁸ Там же. Ч. 2. С. 30–31.

ржаным хлебом, или о своих «одноземцах», от которых «не токмо с лучшею надеждою всегда того ожидать можно, чего от них долг усердия и любовь к отечеству требует, но и в понесении трудов, беспокойств и военного труда», и эти качества, по его мнению, порождали «великие различия между российскими людьми и иностранцами», на русской службе находящимися.

Императрица вполне могла пожелать укрепить эти чувства. Во всяком случае, в торжествах празднования мира 1775 г. патриотическая нота прозвучала вполне отчетливо. В грандиозном празднике «греческая» тема сохранила свое значение только в контексте ратного подвига российского воина («Везде приносили с собою страх и любовь; страх противящимся, человеколюбие побежденным»⁹⁹). Императрица сменила всю стилистику оформления праздника: вместо привычных — «храм Януса, да храм Бахуса, храм не весть еще какого дьявола и его бабушки, все устаревшие, несносные аллегории...» — она пожелала иметь изображения собственных новоприобретенных земель. Даже «готическая тема» в русской архитектуре, как это доказывает И. Путятин, воспринимается в это время как обращение к отечественной и византийской древности, русскому историческому прошлому¹⁰⁰.

В апреле 1775 г. Екатерина писала М. Гримму о том, как отвергла первый представленный ей проект праздника, и нарисовала призванному к ней В.О. Баженову свой сценарий:

«Любезный Баженов, за три версты от города есть луг, представьте, что этот луг Черное море, и что из города две дороги: ну вот одна из сих дорог будет Танаис (Дон), а другая Борисфен (Днепр), на устье первого вы построите столовую и назовете Азовом; на устье второй — театр и назовете Кинбурном, из песку сделаете Крымский полуостров, поместите тут Керчь и Еникале, которые будут служить тут бальными залами. Налево от Танаиса будет буфет с винами и угощениями для народа; против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира; по ту сторону Дуная пущен будет фейерверк, а на месте, имеющем изображать Черное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете, по берегам рек, которые в то же время и дороги, будут расположены виды, мельницы, деревья, иллюминированные дома, и т.о. у вас выйдет праздник без вычур, но может стать, гораздо лучше многих других, и в нем будет гораздо больша простоты. <...> Позабыла вам (т.е. Гримму. — Авт.) сказать, что вправо от Танаиса Таганрог, где будет ярмарка. <...> Так как место очень просторное, и будет это вечером, то все сойдет, по крайней мере несколько не будет хуже, чем нелепые языческие храмы, которые мне страшно надоели»¹⁰¹.

Итак, по мысли Екатерины, празднование победы над турками должно было стать *всенародным* торжеством, именно поэтому вместо трудно читавшихся простонародьем аллегорий («нелепых языческих храмов») в празднике обыгрывались вполне понятные образы новоприобретенных земель и объяснение выгод, завоеванных российским оружием. Но и их В.И. Майков растолковывал для тех, кто этих аллегорий не прочитал: «Азов, где зала для кушанья, изображает изо-

⁹⁹ Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Поучительные слова. М., 1780. Т. 3. С. 76.

¹⁰⁰ Путятин И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвещения. С. 170–178.

¹⁰¹ Письма Екатерины Второй барону Гримму. С. 21 (письмо от 7 апреля 1775 г.).

билие, проистекающее от мира»; «Быки и фонтаны, представляющие ногайские орда, живущие в изобилии»¹⁰².

Расчет власти оправдался: судя по немногочисленным мемуарным записям, русско-турецкая война для тех, кто не был на полях сражений, запомнилась именно многолюдным пышным празднеством.

Так, поручик Нарвского карабинерного полка Васильев (род. в 1736 г.) в своих мемуарах ни разу не упоминая о походе российского флота в Архипелаг, с удовольствием описывал, как после обеда у дяди он 5 июля, почти за неделю до торжеств, «ездил смотреть на Ходынку лагеря и строящегося театру, городов, кораблей и прочаго», а затем и в дни праздника с фейерверками, иллюминацией, маскарадами видел саму государыню: «На Ходынке изволила Ея Величество кушать в Азовской крепости и при том для народа поставлены были и происходили разные народные увеселения и игры»¹⁰³.

Приехавший из Псковской губернии с барским оброком Л.А. Травин в своих мемуарах также выделил из всех событий 1770-х гг. торжества 1775 г.: перед шествием императрицы до Пречистенских ворот «зрители нанимали при господских домах места, откуда бы посмотреть, по полтине и по рублю, а 21 июля шествие было из города в поле», а на Ходынке с «намалеванными» Азовом и Таганрогом, столами для знати и быками для народа, фонтан с напитками, «по сторонам два театра для фабричных, третий для ученых комедиантов, четвертый для цыганей, пятое зрелище удивительнее всех: хождение бухарцев по канату...». Упомянул он и о давке вокруг быков и фонтанов с вином, и о циркачах в «театрах» и о цыганском театре, и о том, что «немалым коштом все устроено, ибо за одни доски и обломки после взято продажею с кампанейщиков сорок две тысячи рублей»¹⁰⁴. Об Архипелагской экспедиции Травин в мемуарах ни разу не упомянул.

Даже престарелый адмирал Мордвинов, некогда, еще в 1763 г., проважавший в Ливорно корабль «Надежда Благополучия», но ничего не записавший в своих мемуарах ни об Архипелагской экспедиции, ни даже о Чесменской победе, все-таки сухо вспомнил о торжественном праздновании: «1774 г..... июля 10 го дня с турками заключен мир». Через год было торжество «во всем государстве»¹⁰⁵.

Не только в центре торжеств в Москве, но и в Петербурге, по записям купца Толченова (он «литургию слушал в Казанском соборе, которую служил преосвященный смоленский и главнокомандующий со всеми знатными особами находился»), от Казанского собора «до Зимнего Дворца по обеим сторонам улиц стояли в две шеренги гвардейские команды и полевые полки, и во время многолетия произвели беглый огонь троекратно, а с крепостей пушечная пальба и вседневно звон продолжался. ... даже полночь проводил в гулянье по большим улицам, которые равно и обе крепости богато были иллюминированы и народу стечение

¹⁰² Майков В.И. Описание разных увеселительных зрелищ.

¹⁰³ Васильев. Дневник поручика Васильева / Предисл. Е. Щепкиной. СПб., 1896. С. 96–98.

¹⁰⁴ Травин Л.А. Божьим милосердием благодетельствованного Леонтия Артамонова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, происшедшего в достоинство благородства, бывший с 1741 года жизни его обстоятельства и приключения, для сведения и пользы собственного потомства его, описанная самим им / Вступ. статья Л. Софийского // Труды Псковского археологического общества. 1914. Т. 10. С. 91–93.

¹⁰⁵ Мордвинов С.И. Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою (с примечаниями С. Елагина). СПб., 1868.

было большое»¹⁰⁶. С невиданным дотоле размахом торжества проходили и в провинциальных городах империи¹⁰⁷.

Власть недаром трудилась над тем, чтобы победа над турками запомнилась подданным российской императрицы, затмив воспоминания о тяготах войны и страхах только что подавленной пугачевщины. Как знать, если бы не циркачи, быки, фонтаны вина — вспомнили бы современники о сражениях в Море, Чесменском бое и четырехлетнем владычестве российского флота в Архипелаге? И только острый на слово замечательный мемуарист Г.С.Винский по прошествии нескольких десятилетий в описании торжеств не смог сдержать сарказма: «Мелодрама открылась наряднейшим императрицы въездом в Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательным двором, видными полками телохранителей и бесчисленным народом. Торжественные врата, взгроможденные на скорую руку, хотя из лубков и рогож, но раскрашенные, раззолоченные и в приличных местах убранные соответствующими предмету картинами, восхищали всех до безумия; к чему присоединяя военную музыку, колокольный звон и пушечную пальбу, каждый может себе вообразить, что сие очаровательное явление, невзирая на лютую зиму, было бесподобно»¹⁰⁸.

Между тем, «ослеплением» и «бросанием пыли в глаза» идейная нагрузка на торжества, сопровождавшие средиземноморскую экспедицию российского флота, думается, далеко не исчерпывалась. Пышные торжества, доказывавшие величие и неисчерпаемость ресурсов Российской империи, на символическом уровне могли способствовать утверждению сильной имперской власти внутри страны и ее значимости вовне. Выливающаяся из дворцового пространства на улицу праздничная «стихия» (детали которой продумывались в рамках театральной символики своего времени), была рассчитана на широкое народное *соучастие* в торжестве побед российской императрицы и сближала правителя и подданных. Участие в праздничных торжествах формировало историческую память современников и потомков о победах над Османской империей. В конечном счете, торжества, прославляющие победы флота и армии, на эмоциональном уровне поддерживали у подданных чувство принадлежности к единому *Отечеству*, выражали растущую значимость идеи *патриотизма*¹⁰⁹.

Когда «патриотический» 1775 г. год закончился — политика поставила перед императрицей и ее окружением новые задачи, с ними стали меняться и идеоло-

¹⁰⁶ Толченев И.А. Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974. С. 64.

¹⁰⁷ См. подробное описание, например: Ковалев С. Торжество празднования Кучук-Кайнарджийского мира в городе Вологде. С. 513–518.

¹⁰⁸ Винский Г.С. Мое время. С. 35.

¹⁰⁹ К примеру, как верный подданный императрицы А.Г. Орлов писал сразу после Чесменской битвы: «Ревность и желание всех, находившихся со мною, заслужить милость великой нашей Государыни, показать Отечеству услугу, повергнуть гордость неприятеля и прославить морские наши силы — некоторым образом удовлетворены». (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 25. Например, ПСЗ. Т. XX. С. 81 (№ 14274, 17 марта 1775 г. Курсив наш. — Авт.). О специфике патриотического дискурса см.: Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 39; Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 254–307; Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы // Ab Imperio. 2006. № 4; Schierle I. Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // Ab Imperio. 2009. № 3.

гические сигналы власти, обращенные к обществу. Но это будет уже пропагандистским оружием, решавшим другие задачи другой войны.

Итак, в пропагандистском обосновании своей Средиземноморской политики Екатерина II свободно манипулировала и религиозными, и культурными, и политическими аргументами, и ей оказывали поддержку в этом лучшие умы и таланты ее времени. Вместе с тем, легкость, с которой она переходила от одних аргументов к другим, заставляет предположить, что за многоликостью пропаганды стоял поиск правильной *тактики* в сложной политической игре.

Как никогда раньше, заметную роль в представлении архипелагского предприятия российской императрицы сыграла отечественная и иностранная пресса, не только выступившая транслятором державных идей, но и проверившая их на жизнеспособность.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕССЫ

Е.Б. Смилянская, М.Б. Велижев

Три части круга земнога во изумление чу-
дятся новому сему позорищу, новым войск
Твоих к победам и славе подвигам.

*Из речи генерал-прокурора
на торжествах 1775 г.*

Весь свет теперь на нас с завистным оком зрит
И без сомнения желанием горит
Чтоб степень уменьшить Российския державы...
Мы в недрах самых здесь меж зависти и зла.

Павел Потемкин. «Россы в Архипелаге»

ПРЕССА 1770-Х ГГ. В РОССИИ И ЕВРОПЕ:

КТО И КАК ИНФОРМИРОВАЛ ЧИТАТЕЛЯ О ВОЙНЕ

Оценивая итоги русско-турецкой войны, в 1775 г. Екатерина возвестила, «что она посылку флота своего в Архипелаг, преславное его там бытие и счастливое возвращение в свои порты за наиблагополучнейшее произшествие государственования своего почитать изволит»¹. Императрица едва ли имела в виду только политико-экономические последствия своего средиземноморского предприятия. Его слава и успех также заключались в огромном *общественном резонансе*, который благодаря, прежде всего, отечественной и зарубежной периодике произвели действия российского флота в Средиземноморье. Во второй половине XVIII в. журналистика была уже одной из базовых составляющих европейской публичной сферы, она формировала представления о мире, возбуждала симпатии или раздавала порицания в адрес как отдельных исторических персонажей, так и целых народов. Подобно европейским политикам, российская императрица вынуждена была с этим считаться.

Рост влияния европейской прессы XVIII в. сопровож-

---

¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Т. XII. С. 299.

ждался увеличением тиражей и умножением числа читателей². Любознательный житель Западной Европы, если ему позволяли средства, выписывал газеты и получал их вместе с почтой. Наряду с индивидуальной подпиской росло и число коллективных подписчиков, как, например, во Франции, где популярны были публичные кабинеты для чтения³. По мнению крупнейшего американского исследователя европейской журналистики Джереми Попкина, в XVIII в. круг читателей газет в Западной Европе был столь обширным, что среди них можно было обнаружить как аристократа, так и крестьянина⁴.

Общественная роль российской прессы времен Первой русско-турецкой войны, безусловно, была значительно скромнее. Тому были несколько причин. Во-первых, круг читателей российских газет был крайне ограничен (об этом см. ниже), равно как не была в достаточной мере развита система распространения периодических изданий⁵. Резкий скачок тиражей и увеличение числа подписчиков происходит в России лишь в начале XIX в., что традиционно связывается с журнальной деятельностью Н.М. Карамзина, основавшего в 1802 г. «Вестник Европы», тираж которого в первый же год достиг 3 600 экземпляров. Во-вторых, два основных издания, повествовавших о ходе войны 1768–1774 гг., московские и петербургские «Ведомости», фактически являлись правительственными, в то время как многие европейские газеты и журналы (особенно это касалось неподцензурной голландской печатной продукции) не зависели от пристрастий европейских дворов и именно в силу этого обстоятельства формировали общественное мнение. Следует, впрочем, оговорить, что, хотя российская читающая публика по сравнению с европейской обладала меньшим числом источников информации (зарубежная пресса, поступавшая в Россию, была доступна немногим), во второй половине XVIII в. информационное поле европейской прессы тяготело к единству: в России обсуждали все главные новости, распространявшиеся по Европе, тем более новости о войне⁶.

О росте читательского интереса к военной информации в России свидетельствуют, в частности, данные о газетных владельческих конволютах, содержащих репортажи, манифесты, журналы военных действий, вырезавшиеся из «Санктпетербургских ведомостей» или других изданий. Более всего такого рода конволюты посвящены русско-турецким войнам (прежде всего, войне 1736–1740 гг.,

² Labrosse Claude. L'instrument périodique // La fonction de la presse au XVIIIe siècle / Ed. Claude Labrosse, Pierre Réat, avec la collaboration de Henri Duranton. Lyon, [1985].

³ Benhamou P. Inventaire des instrument de lecture publique des gazette // Les gazettes européennes de langue française (XVIIe et XVIIIe siècles). St. Etienne, 1992. С. 121–129.

⁴ Popkin J. News and politics in the age of revolution: Jean Lussac's 'Gazette de Leyde'. Cornell, 1989.

⁵ Подробнее см.: Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 131–132.

⁶ Впрочем, интерес к военной тематике был вполне закономерен, если учесть имеющиеся данные о социальном составе читательской аудитории «Ведомостей». По подсчетам Д.В. Тюличева, среди московской публики, читавшей «Санктпетербургские ведомости» в середине XVIII в., доминировали военные чины (дворяне), составлявшие 40% всех подписчиков, и едва ли этот процент за полтора десятилетия мог существенно измениться. См.: Тюличев Д.В. Московские подписчики «Санктпетербургских ведомостей» в середине XVIII в. // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 106. При этом, «число людей, регулярно читавших «Санктпетербургские ведомости», было в несколько раз больше числа зарегистрированных подписчиков этой газеты» (Там же. С. 105).

а также и войне 1768–1774 гг.)⁷. Подшивки часто включали в себя материалы специальных прибавлений к газетам, которые — в годы ведения боевых действий — оказывались почти полностью посвящены новостям, поступавшим из российской армии⁸. По мнению исследователей, увлечение читающей публики XVIII в. «подборками газетных материалов о войнах было настолько велико, что, откликаясь на него, некоторые издательства даже стали перепечатывать такие подборки в виде специальных книг»⁹.

В дальнейшем при исследовании вопроса о трансформации образа Архипелагской экспедиции в отечественной и зарубежной прессе будут сравниваться публикации разных типов изданий за 1769–1775 гг.: 1) оперативных (прежде всего, «Санктпетербургских ведомостей» (изд. с 1728 г.) и «Gazette d'Amsterdam» (изд. с 1688 г.), а также «Московских ведомостей» (изд. с 1756 г.), «Gazette de France» (изд. с 1631 г.), «Gentleman's Magazine» (изд. с 1731 г.), выходявших дважды в неделю в «почтовые дни» и принадлежавших к числу хорошо информированных изданий своих стран; 2) аналитических, предлагавших ежегодные обзоры (прежде всего, британского ежегодника «Annual Register» (изд. с 1758 г.); 3) еженедельных и ежемесячных литературных и общественных — «Трутня» и «Пустомели» Н.И. Новикова (выходили в 1769–1770 гг.), «Трудолюбивого муравья» В.Г. Рубана (1771 г.) и «Всякой всячины», издававшейся Г.В. Козицким под наблюдением Екатерины II (с 1769 г. по май 1770 г.). В пользу влияния анализируемых изданий на общественное мнение читателей на востоке и западе Европы свидетельствует то, насколько они были востребованы современниками, а также их информированность и оперативность.

Анализ российских изданий позволяет заключить, что при обилии достоверных и не вполне достоверных сообщений, касающихся русско-турецкой войны, читателя информировали, прежде всего, о ходе военных действий, отмечая отличное состояние русской армии и флота и, напротив, плохое состояние турецкой армии и флота, о тотальном страхе турок перед российской армией, о религиозных и военных истоках этого страха, о связи Архипелагской экспедиции с проектами взятия Константинополя и идеей тотальной изоляции Османской империи, о греках и славянах в этой экспедиции. Сведения, появлявшиеся в российских «Ведомостях», компактны и следуют легко идентифицируемым «официальным» идеологическим матрицам (о них подробнее ниже). Западные издания значительно больше различались между собой не только по способу подачи материалов, но и по политическим позициям и предпочтениям.

⁷ Базанова Л.Э., Фундаминский М.И. Материалы газеты «Санктпетербургские ведомости» во владельческих конволютах XVIII века // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 113–126.

⁸ Там же. С. 116. О прибавлениях к «Санктпетербургским ведомостям» см.: Базанова Л.Э. «Прибавления» к газете «Санктпетербургские ведомости» (1728–1800 гг.) // Академия наук СССР. Библиотека. Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л., 1987. С. 141. В случае «Санктпетербургских ведомостей» журналы военных действий печатались сверх газетного тиража (Там же. С. 145).

⁹ Базанова Л.Э., Фундаминский М.И. Материалы газеты «Санктпетербургские ведомости» во владельческих конволютах XVIII века. С. 119–120. Кроме того, газетные сообщения о войне 1768–1774 гг. часто переписывались и от руки — в дополнение к материалам конволютов (Там же. С. 122–123).

«Gazette d'Amsterdam»¹⁰ первоначально была предназначена для поселившихся в Нидерландах французских гугенотов. Сохраняя независимое положение иностранного издания, газета добилась права распространения и во Франции, где вскоре приобрела славу самого популярного зарубежного средства информации¹¹. Газета публиковала подробные отчеты о придворных церемониях в Европе и Османской империи, бюллетени политической, экономической и (реже) культурной жизни европейских столиц. К концу XVIII в. все большее пространство стали занимать корреспонденции из Америки, изредка помещались информация и о событиях в Азии и Африке. Редкий номер «Амстердамской газеты» обходился без вестей из России¹², и кроме придворной жизни¹³ и дипломатических контактов на страницы издания попадали сообщения о научных открытиях и экспедициях¹⁴, пожарах¹⁵, о переселении калмыков под Астрахань¹⁶, о чумном бунте и восстании Пугачева, не говоря о многочисленных статьях, посвященных прививанию оспы. Торговую колонию французских протестантов в Амстердаме, прежде всего, интересовали новости, связанные с коммерцией, однако весьма многочисленны были и политические комментарии газеты¹⁷. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и Архипелагская экспедиция, непосредственно затрагивавшая интересы левантийской торговли, отслеживались многочисленными корреспондентами, как из Санкт-Петербурга и Константинополя, так и из других городов Европы и Азии.

¹⁰ Работа почти со всеми номерами этого издания стала возможна благодаря Фонду Вольтера (Оксфорд), подготовившему цифровую копию «Амстердамской газеты». Считаю своей приятной обязанностью выразить благодарность Государственной публичной исторической библиотеке, которая по нашей просьбе приобрела в 2006 г. это электронное издание.

¹¹ О ее значении можно судить по тому, что с 1740-х гг. эта газета имела во Франции безусловное превосходство над всеми остальными иностранными изданиями — 77–80% в 1742 г., 75,2% в 1747 г. в Париже; а после «почтовой революции» середины 1750-х гг. и того больше. «Gazette d'Amsterdam» в 1768–1775 гг. читали в двух общественных читальных залах в Париже и в двух провинциальных. См.: *Feyel G. La diffusion des gazettes étrangères en France et la revolution postale des années 1750 // Les gazettes européennes de langue française (XVIIe et XVIIIe siècles)*. P. 82–98; *Benhamou P. Inventaire des instrument de lecture publique des gazette // Les gazettes européennes de langue française (XVIIe et XVIIIe siècles)*. P. 121–129; *Dictionnaire de journeaux (1600-1789) / Sous la dir. de J. Sgard*. Paris, 1991. Vol. 1. P. 450–453; *Charles S. Sur l'écriture du présent: la Gazette d'Amsterdam et la Gazette de France // Les gazettes européennes de langue française (XVIIe et XVIIIe siècles)*. P. 177–185; *Rétat P. Les gazetiers de Hollande et les puissance politiques. Une difficile collaboration // Dix-Huitième Siècle*. 1993. № 25. С. 319–335; *La Gazette d'Amsterdam : miroir de l'Europe au XVIIIe siècle / sous la direction de Pierre Rétat*. Oxford: Voltaire Foundation, 2001.

¹² Следует отметить, что к этому времени все основные информационные издания Европы уделяли России значительное внимание. О том, как поступала в европейские газеты информация о России, см., в частности: *Dulac G. L'image de la Russie dans les gazettes et les correspondences diplomatiques Français et ses annexes (1774–1780) // Nouvelles, gazettes, memoires secrets (1775–1800)*. Karlstad, 2000. P. 71–88.

¹³ В частности, «Gazette d'Amsterdam» заинтересованно сообщала о покупке в Амстердаме по распоряжению Екатерины алмаза в 779 каратов и о доставлении его в Петербург (G.d'A. 1772. № 64, 70).

¹⁴ Например, об экспедиции Палласа и Гмелина (G.d'A. 1768. № 88; 1773. № 31), о садах, выращенных садовником Екатерины Эклебеным (1778. № 102), о наблюдении за солнечным затмением (1774. № 10).

¹⁵ О том, что в Москве сгорел деревянный дворец Елизаветы Петровны, построенный для нее И.И. Шуваловым (G.d'A. 1772. № 27), о том, что в Великом Устюге сгорело 500 домов и 12 церквей (G.d'A. 1772. № 57), о пожарах в Старой Ладогe и вновь в Москве (G.d'A. 1773. № 55) и др.

¹⁶ G.d'A. 1773. № 38.

¹⁷ *Dictionnaire de journeaux (1600–1789)*. Т. 1. P. 452.

«Gentleman's Magazine»¹⁸ был обращен в первую очередь к британскому читателю: основное место в нем уделялось обзорам внутренних политических и криминальных новостей, парламентской хронике, а также литературным новостям и частным объявлениям. Однако наряду с местными вопросами «Gentleman's Magazine» не обходил вниманием и мировые события.

«Gazette de France»¹⁹ всегда позиционировала себя как официальный орган королевского правительства («Organe officiel du Gouvernement royal» стояло в ее подзаголовке). Помимо информации о жизни версальского двора, она помещала значительный объем дипломатической и политической информации. В период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. газета, как и французское правительство, занимала антирусскую позицию.

Британский ежегодник «Annual Register» не только описывал события за год в их хронологической последовательности, но в конце текущего года предлагал читателю первый общий анализ политической ситуации в мире²⁰. Этот анализ был выполнен истинными профессионалами своего дела и содержал тонкие наблюдения и прогнозы. Авторы ежегодника, на наш взгляд, продемонстрировали излишнюю скромность, когда предварили один из выпусков следующим предисловием:

«Чтобы обрисовать эти события в должных красках, чтобы описать их природу и тенденции, выявить их более отдаленные последствия, нужны величайшие исторические и политические способности. Не будучи на уровне этой задачи, мы попробуем изложить все, как сможем, и будем удовлетворены, если сможем представить записки, которые пригодятся будущим историкам в их исследованиях, и если наши читатели сочтут, что мы (даже если не преуспели в своих замыслах) не были ленивы в своих трудах и стараниях»²¹.

Об информированности издателей анализируемых газет и журналов говорит разнообразие и качество поступавшей к ним корреспонденции. Зарубежные издатели имели своих открытых и тайных информаторов не только в правительственных сферах, но и в портовых и промышленных городах: они были в курсе придворной жизни и политики, настроений в благородном обществе и в «низах», в христианских государствах и в окружении османского правителя. Это предопределяло часто высокую степень достоверности многих публиковавшихся в периодике известий. Начиная с обострения религиозных конфликтов в Польше и вмешательства в «польские дела» Османской империи, по подробным отчетам корреспондентов из Варшавы, с Дунайского фронта, из Крыма и прочих мест читатель европейской прессы имел возможность детально познакомиться с ходом сухопутной войны. Архипелагская экспедиция с первых, как казалось, секретных приготовлений к ней также отслеживалась многочисленными корре-

¹⁸ Номера этого ежемесячника за 1768–1775 гг. изучила Н.В. Назарова, ее изысканиями мы с благодарностью воспользовались для настоящего исследования.

¹⁹ Благодарим Е.В. Акельева за помощь, в изучении экземпляров этого издания, хранящихся в Париже.

²⁰ Текст «Annual Register» за 1758–1778 г. доступен пользователю Интернета: www.bodley.ox.ac.uk/filej. «Annual Register», который начал издаваться с 1758 г., являлся ежегодным сводом информации о событиях в Европе и мире, в издании публиковались также биографические заметки, отчеты о работе судов и парламента, книжные рецензии.

²¹ AR. 1772. Preface. P.2.

спондентами из Санкт-Петербурга, Константинополя, других городов Европы и Азии. Среди уникальных, хотя и не очень надежных источников о положении дел в Архипелаге и прочих провинциях Османской империи оказывались добытые корреспондентами газет частные и деловые *письма*, полученные европейскими адресатами от негоциантов из городов Восточного Средиземноморья. Значение рассуждений этих очевидцев о положении дел во владениях взбунтовавшихся против Порты правителей (прежде всего, Али-бея) в глубинных городах Сирии, описание действий русского флота у берегов Палестины или при Смирне едва ли можно переоценить, хотя и не всегда их информацию удается верифицировать²².

Московские и санктпетербургские «Ведомости», не располагавшие серьезным штатом зарубежных корреспондентов, имели доступ к новостям через лиц, близких к императрице, Г.Г. Орлову, Н.И. Панину. Но чаще всего «Ведомости» перепечатывали материалы о событиях в Средиземноморье, уже известные в Европе. Помимо этого в их распоряжение попадали и тексты официальных донесений и частных писем. В «Ведомостях» педантично фиксировались мельчайшие перемещения российских эскадр, вплоть до известий о том, что, например, в венецианском заливе *видели* проходящий мимо российский корабль.

Впрочем, на уровень достоверности публикуемой в прессе информации влияла не только широта контактов издателей, но и их способность противодействовать появлению на страницах намеренно вбрасываемой дезинформации или тенденциозных материалов. Как известно, влияние европейской прессы на умонастроение ширящегося круга ее читателей предопределило стремление правителей использовать рычаги воздействия на прессу²³. Россия стремилась играть по тем же правилам, согласно которым формировали свое информационное поле другие дворы Европы. К примеру, статьи, передаваемые в итальянскую прессу не без ведома А.Г. Орлова, содержали либо очевидно завышенные данные о военной мощи российского флота в Средиземноморье²⁴, либо рисовали Орлова ро-

²² При повсеместной практике перлюстрации писем мы редко можем установить, каким путем частные или деловые письма становились известны корреспондентам газет. Издатели газет вовсе и не скрывали своего интереса к частной и дипломатической корреспонденции, они с законной гордостью сообщали, например, читателям, что привезенные на российском фрегате с Пароса письма *содержат* (значит, письма были вскрыты?!), уже известные по предыдущим номерам газеты сведения (G.d'A. №76. 20.IX.1771 г.). Корреспонденты ловили сообщения от капитанов, прибывающих в портовые города торговых судов, и тут же сообщали их сведения в газету (в этом случае корреспондент мог указать и имя капитана, и название его судна, а также сослаться на необходимость получить дополнительные подтверждения пришедшей информации). В таких случаях редакторы часто были вынуждены прибегать к формулам — «сказывают, что...», «носится слух, что...» и т.д.

²³ Показателен в этой связи пример гугенотской «Gazette d'Amsterdam», издателей которой французское правительство в XVIII в. неоднократно выказывало стремление подкупить, чтобы газета публиковала ту информацию, которая была бы выгодна Версалю. См. об этом: *Rétat P. Les gazetiers de Hollande et les puissance politiques*. P. 319–335.

²⁴ К примеру, 13 января 1771 г. из Ливорно сообщалось, что граф Орлов имеет на борту греческого судна 80 бочек пороха, 25 тысяч фунтов пуль, множество ящиков боеприпасов, все это по его распоряжению будет транспортировано на Крит; тут же указывалось, что кн. Долгоруков отправил в Черногорию два судна, груженных *тысячей бочек пороха и солидным количеством военного снаряжения*. Банкир Оттофранк получил 600 тыс. экю, которые частично должны быть отправлены в Порт-Магон, а частично израсходованы на приобретение *всего необходимого* для русского флота (G.d'A. № 11). В феврале того же 1771 г. из Мальты пришла весть, что пять русских кораблей нагружены более чем 12 тысячами бочонков пороха, 24 тысячами бочонков пуль и 16 тысячами ружей, а

скошным и щедрым вельможей²⁵ и защитником цивилизованного судоходства²⁶, либо оповещали Европу о новых победах российского флота. Порой высокопоставленные российские корреспонденты помещали в иностранную периодику и весьма сомнительную информацию, например о том, что главнокомандующий сухопутными силами русских П.А. Румянцев получил с курьером важную новость, будто бы *построенный на Дону русский флот через Азов имеет целью соединиться со Средиземноморской эскадрой* (sic!), что генерал граф Тотлебен сильно преуспел в Анатолии, что армия турок не превышает 60 тысяч человек, что Египет сбросил иго османское и что через Днестр будут построены 4 моста²⁷. Такие публикации в «независимой» голландской газете, несомненно, играли на руку России и вполне могли оплачиваться из российской казны²⁸. Многие из указанных сообщений попадали и в Россию — прежде всего, через правительственные «Санктпетербургские ведомости» (а затем и «Ведомости» московские). Нелишне также напомнить, что типография Академии наук, где печатались «Санктпетербургские ведомости», выпускала и их немецкоязычный вариант, доступный таким образом части европейской образованной публики.

Во второй половине XVIII в. серьезной проблемой для периодики продолжали оставаться длительные сроки доставки новостей. До появления телеграфа преодолеть данную трудность не могли ни газетчики, ни правительства. Новостей из Архипелагской экспедиции это касалось особо: если сообщения из Гааги, Амстердама, Лондона появлялись в газетах Франции, Британии и Голландии в течение нескольких дней, то новости из Ливорно, Анконы, Венеции, Отранто и Марселя доходили туда уже за 2-3 недели, из Санкт-Петербурга — за 3-4 недели, из Константинополя и Смирны — за 5-8 недель, из Сирии и Египта — шли обычно от 8 до 16 недель. Новости из Эгейского моря приходили через Италию на военных, транспортных или попутных торговых судах, которые могли задер-

---

так же большим количеством пушек и иного военного снаряжения (G.d'A. № 23. 20.III. С Мальты 5 февраля). Схожая картина наблюдалась и в тосканской периодике — особенно влиятельной газете «Notizie del Mondo», а также «Gazzetta Toscana», куда материалы попадали непосредственно из рук Алексея Орлова и его агентов (в частности, маркиза Пано Маруцци) (подробнее см. в главе 6).

²⁵ Например, сообщение о том, что граф Орлов сделал подарок герцогу — русскую лисью шубу стоимостью в тысячу цехинов, в ответ его величество герцог ему подарил табакерку из золота с бриллиантами (G.d'A. № 16. Пиза. 31 января).

²⁶ 5 августа 1772 г. из Ливорно писали, что с борта судна «Ростислав», находясь вблизи Корсики, А.Г. Орлов не преминул сообщить, что он направил к барбарийским берегам русский военный фрегат, «чтобы удерживать в почтении алжирцев и других корсаров», фрегат вошел в порт и отбил и освободил ливорнское судно (G.d'A. № 67. 1772).

²⁷ G.d'A. 1770. № 34. 24.IV. Здесь и далее даты номеров зарубежной прессы сохраняются по григорианскому календарю (ст. ст.), а отечественной — по юлианскому (нов. ст.). Даты событий имеют двойную датировку.

²⁸ Так, едва ли можно удивляться, что письма, поступавшие на имя полномочного посланника в Гааге кн. Д.А.Голицына из Петербурга или из мест дислокации российских сухопутных или морских сил, уже через два-три дня полностью или в отрывках цитировались, например, «Gazette d'Amsterdam». Если бы подобная «утечка» произошла один или два раза, то можно было бы заподозрить нечистоплотность посольского штата, но, вероятно, посланник Д.А. Голицын исполнил роль проводника информации российского правительства, а «Gazette d'Amsterdam» вольно (а быть может, и платно) или невольно была избрана для пропагандистских демаршей. О том, что Д.А. Голицын большое внимание уделял «работе» с прессой во имя утверждения благоприятного имиджа России, подробно пишет Ж. Дюлак: *Dulac G. L'image de la Russie dans les gazettes et les correspondances diplomatiques Français et ses annexes (1774–1780). P. 74–77.*

живаться на очень длительный срок из-за непогоды²⁹ или карантинных служб (самым показательным в этой связи является двухмесячное следование в Россию известий о Чесменской победе(!). См. ниже). В российскую печать новости даже из действующей сухопутной армии поступали часто с месячным опозданием³⁰.

Следствием того, что из разных регионов Европы и особенно Азии новости доходили до столиц с разной скоростью, читателю и западноевропейских, и российских изданий предлагались в одном газетном номере несколько хронологических рядов, а события, между которыми лежал временной разрыв до двух месяцев и более, могли восприниматься как одновременные. Только по истечении года выстроить правильный хронологический ряд старались аналитические издания, подводившие первые итоги и делавшие первые исторические заключения.

По прошествии времени, когда стали появляться историографические труды о русско-турецкой войне, значительная часть публикаций российской и западной прессы уже устарела, не нашла подтверждения или стала восприниматься как нелепый казус, а потому мало кто из исследователей обращался впоследствии к прессе как историческому источнику. Между тем, именно благодаря прессе, выхватывавшей малые и большие детали целого, из сложной мозаики художественных, литературно-публицистических текстов и документальных свидетельств у современников рождался образ переживаемого исторического события, формировалась историческая память о воюющих странах и народах. А как доказывают современные разыскания³¹, реконструкция образа исторического прошлого, того, каким представляли его современники и потомки, не менее ценна для понимания его значения, чем скрупулезная реконструкция «того, что действительно имело место быть».

ОБРАЗ РОССИИ: ОЖИДАНИЯ, РАЗОЧАРОВАНИЯ И ПРОРОЧЕСТВА

В ноябре 1768 г. новость об аресте в Константинополе российского посла А. М. Обрескова и объявлении Портой войны России немедленно поставила известия об ответных российских действиях в центр внимания отечественной и зарубежной прессы. Прежде живо обсуждавшиеся в периодике роскошества российско-

²⁹ Например, 21 апреля 1770 г. из Венеции пришло такое сообщение: «Бурные ветра, которые дуют на протяжении последних дней, не позволяют прийти сведениям из Леванта, также здесь не знают ничего об операциях в Морее» (G.d'A. № 38. 1770 г.).

³⁰ Сообщения о победах русской сухопутной армии, подвигах русских солдат и, шире, об общем ее состоянии, как правило, включались в особые Прибавления к московским и санктпетербургским «Ведомостям» и составлялись на основе официальных донесений военных канцелярий Голицына и Румянцева. Реляции носили официальный характер, что подчеркивалось их «географической» принадлежностью: Прибавления базировались на информации, полученной именно из Петербурга.

³¹ О теории общественно-исторического мифа см.: Кнабе Г. С. Избранные труды. Теория и история культуры. М., СПб., 2006. С. 416–441; *Он же*. Жажда тождества. Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М., 2003. С. 10–12; *Он же*. Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и московский текст русской культуры. М., 1998. С. 176–185. О теоретических спорах относительно исторической памяти см., например: Ретина Л. П., Арнаутова Ю. А. Введение // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 5–55.

го двора или удивительные находки экспедиций Палласа и Гмелина померкли перед угрозой значительных всеевропейских потрясений. На какое-то время с известиями об участии России в войне соперничали только новости о прививании оспы императрицей и наследником, но весной 1769 г. и о них перестали упоминать: война стала главной темой информации из восточной и юго-восточной Европы.

В первые месяцы войны, когда разворачивались действия сухопутных армий А.М. Голицына и П.А. Румянцева в Подолии и Приднестровье, в прессе уже выстраивалась идея исторической преемственности³² антитурецких действий от Петра I, его дочери Елизаветы Петровны к Екатерине II (примечательно, что Анна Иоанновна и Петр III оказались вне данной линии). В дальнейшем апелляция к Петру Великому становится важной и для обоснования Средиземноморской акции.

Едва ли случайной стала в 1771 г. публикация В.Г. Рубаном в «Трудолюбивом муравье» «Речи Императора ПЕТРА Великого к Российским Генералам произнесенной, после торжества за морскую победу и по принятии им на себя Адмиральского чина в 1714 году». В речи, в частности, говорилось: «Любезные собратия! Есть ли кто из вас, кто бы за двадцать лет прежде думал, что он будет со мною побеждать на Балтийском море, на кораблях, состроенных Россиянами? и что мы преселимся жить в места, приобретенные нашими трудами и нашею неустрашимостию? Поставляют писатели древнее обиталище наук в Греции, потом они перешли в Италию, откуда распространились по всем местам Европы. Теперь наша очередь! Науки обращаются в свете на подобие течения крови в человеческом теле: и может быть, они, утвердя владычество свое у нас, возвратятся паки в Грецию, на прежнее свое жилище. Я смело надеюсь, что Россияне пристыдят когда нибудь самые просвещенные державы успехами в науках и величеством громкой и твердой славы»³³.

³² Особенно характерно в этом смысле «Письмо к издателю», опубликованное 15 сентября 1769 г. в «Трутне» Н.И.Новикова. Автор «Письма» передает диалог, который состоялся в одной из светских столичных гостиных; его участники: воин, вернувшийся из действующей армии на Дунае, и некий «старичок», по всей видимости, участник турецких походов фельдмаршала Миниха второй половины 1730-х гг. Воин: «Вчера мы с ним были в гостях: гости по обыкновению расспрашивали его о новостях, случившихся в нашей армии... Все гости радовались славным успехам нашей армии, и желали скорее окончания сей войны». На это «старичок» заявляет, что русские солдаты по-прежнему боятся турок: «Наши солдаты боятся. Я помню, что и мы сами в тридцати верстах от янычар стоя тряслися. Янычар, с открытою грудью бегущих, и с отчаянным лицом, всех саблею поражающих. Они подобны диким зверям. <...> О! они очень проворно саблею действуют... Короче сказать, сии варвары рождаются на погубление только человеческого рода». На это его собеседник решительно возражает: российские воины «знают цену неприятелей своего отечества. Не Турки на нас, но мы на Турок наводим страх и ужас. Солдаты наши янычар, спагов, арнаутов, и всех неприятельских солдат презирают. Нет у нас ни одного солдата, которой бы не хотел с янычарами драться. <...> Старые наши солдаты за стыд ставят бояться Турок: ...когда ты так оробел от Турок, что ж бы ты сделал против Прусаков, а мы и тех побеждали» (Трутенъ. 1769. Лист XXI. С. 161–163). Итак, в интерпретации Новикова, старый русский солдат боятся турок, однако участники нового конфликта с Портой ведут себя иначе: главным образом, благодаря победам русских войск над Пруссией в эпоху Семилетней войны, т.е. в царствование Елизаветы Петровны, а потому им уготована, конечно же, славная победа (мотив — непременно присутствующий в отечественной прессе военной поры). Впрочем, подтверждение преемственности успехов находили задолго до Семилетней войны.

³³ Трудолюбивый муравей. 1771. № 25. С. 199.

Опираясь на исторический опыт, российская пресса с начала войны имела задачей доказать преимущество российской армии над турецкой. Эти доказательства также способствовали реализации амбициозных целей средиземноморской операции. Диалог между старым и новым воином, опубликованный Новиковым в «Трутне», например, содержал сравнения состояния русской и турецкой армий. Молодой екатерининский воин утверждал: «Армия неприятельская хотя и очень многолюдна, но в их армии больше ног, а в нашей больше рук. Всякой наш солдат, когда принимается за ружье, тогда уже и думает о победе, и имея в одной руке за истинну обнаженный меч, а в другой лавр, и горя ревностью, среди огня твердит: *чего убоимся?* Бог и ЕКАТЕРИНА, наша мать, с нами, а врагов своих и завистников нашему блаженству, на всяком месте побеждают. Надобно желать, чтобы сия славная солдат наших ревность всегда так горела, как ныне; тогда на верное Стамбул потрясется». На это участвовавший в споре и скептически настроенный «старичок» устыдился своих сомнений, а автор подвел итог прениям: «Пусть это прочтут все старички и старушки, внучат своих Турками страшющие»³⁴. В другом издании Новикова в июне 1770 г. появилась статья «Ведомости из Константинополя», в которой «турок-корреспондент» писал о царящем в османской столице «унынии»: «Никоторой народ не был приведен до такой крайности, чтобы торжествовал успехи неприятельского против себя оружия; но у нас (у турок. — *Авт.*) сие делается. Орудия, коими до сего времени турки врагов своих поражали и которые возвещали наводимый ими на всю Европу ужас, ныне только нас самих приводят в трепет и возвещают народное несчастье. Не известно, по какой ложной политике, при всякой одержанной неприятелями над нами победе, Диван делает торжество: но народ обманам сим не верит. Всякой выстрел из пушек Серальских умножает всенародное уныние и напоминает предстоящую ... погибель; письменные известия, получаемые из армии, от народа тщательно скрывают: но ему повседневно из армии приходящие солдаты сказывают истинну. Они, возвещая храбрость неприятельскую и смертоносное действие их орудий, сделали то, что в Константинополе о победе над россиянами и думать не смеют. Слово *Российской солдат* нахрабрейшего турка приводит в трепет, и в армию никто больше иттить не хочет. Янычары до сего времени для получения золота во всякую опасность ввергавшиеся, ныне оное презирают. Ни султанской гнев, ни деньги, ни проклятия, муфтием налагаемые на тех, которые не пойдут в армию, не делает их храбрыми. Повсюду говорят о падении Турецкой монархии; народ во отчаянии бродит по улицам и вопиет: *Проснись Магомед, мы все погибаем!* но со всем не известно, где он теперь, и что о народ своем промышляет. Турки точно в такое же бедственное россиянами приведены состояние, в какое турками за несколько сот лет приведены были греки. Янычары Магомеда призывают на помощь, но сабель из ножен не вынимают»³⁵.

Наконец, с начала войны в отечественной прессе оживился и интерес к древним пророчествам о скором падении Константинополя. Вполне вероятно, что такой интерес подталкивался не только желанием потакать читательским запросам, но и санкционировался свыше. Уже в январе 1769 г. «Санктпетербургские ведомости» сообщали:

³⁴ Трутень. 1769. Лист XXI. 15.IX. С. 163–165.

³⁵ Пустомеля. 1770 г. Июнь. С. 43–45, см. также там же статью «Тайные Серальские известия». С. 45–48.

«По объявлении теперь Турками войны против России, ученый Епископ бристольский, Г. Доктор Невтон (Томас Ньютон, 1704–1782 — *Авт.*), в сочинениях своих, содержащих толкование на пророчество Даниилово, в 11 главе на стих 44 и 45, [которые гласят тако: И слышания и потщания возмутят его от востока и от севера, и придет в ярости мнозе, еже погубити многи; и поткнет кущу свою Ефадано между морями, на горе святей Савеи; придет даже до части ее, и несть избавляяй его] следующее выводит заключение: что Турки ныне к падению своему приблизились, и что они все ими завоеванные страны и области потеряют, и всеконечно царство их разрушится и они истребятся. В той же пророка Даниила главе, в 40 стихе написано тако: Соберется на него Царь северский с колесницами и с конники и с корабли многими, и внидет в землю и сокрушит и мимо идет; а в 42 стихе тако: И прострет руку свою на землю, и земля Египетска не будет во спасение»³⁶.

Тому же аргументу была посвящена заметка, опубликованная в 14-м номере «Санктпетербургских ведомостей» от 17 февраля 1769 г., содержащая январское сообщение из Тибинга (Тюбингена):

«Многие пророчества о неминуемо предлежащем ныне Туркам истреблении в разных местах вышли на свет; однако ни одно из них столь ясно и верно не доказывает, как находящееся на 102 странице дневной записки Доктора Стефана Герлаха, бывшего при Цесарском посольстве в Цареграде проповедника, изданные 1674 года сто лет почти по смерти его Магистром Самуилом Герлахом, его внуком. Оно состоит из букв греческих, найденных во гробе Константина Великого, истолкованных еще прежде взятия Турками Константинополя, которые гласят тако: В первый индикта царство Исмаила, называемого Мохамефом, победит род Палеологов, Царь град возмет и в нем воцарится, многие народы покорит и острова опустошит даже до Черного моря; страны прилежащие к Дунаю разорит. В осьмый индикта завоюет Пелопонис, или Морею. В девятый индикта пойдет войною на северные земли. В десятый индикта разрушит Далматию. Придет паки вскоре, и а Долматов великую воздвигнет брань так, что они на мелкие части раздробятся. Но племена и народы северные, соединяясь морем и сухим путем, пойдут ратию против Исмаила и сокрушат его. Потомки его некоторую власть будут еще иметь, но весьма малую, краткую и скорой гибели подверженную.

История нам показывает, что все статьи сего пророчества, кроме самой последней, уже исполнились»³⁷.

А 10/21 марта 1769 г. уже появились сведения о распространении подобных пророчеств среди османских мусульман. Сообщение о преследовании турками греков из опасения, как бы «не пришло им на мысль пристать к Россиянам и таким образом низвергнуть с себя жестокое турецкое иго», сопровождается словами: «турок побуждает к сей поступке самое то предсказание, по силе которого чают они конца или Турецкому государству, или свету: ибо их Алкоран, как то

³⁶ № 5. 16.1. 1769. Л. 2–2об. Тот же текст перепечатан в «Московских ведомостях» (1769. № 7. Л. 1).

³⁷ См. аналогичную заметку: Московские ведомости. 1769. №16. 24.П. Л. 2об.–3. См. также высказывание из безымянной заметки во «Всякой всячине»: «Ныне уже триста пятнадцать лет исполнилось, как Махомет, называемый Второй, завладел Царем-градом, отнятом у Константина Палеолога последнего Греческого Императора. Но как долго еще сей славный Царствующий град в руках великого Султана останется, знает только тот, который времена и лета во своей положил власти» (Всякая всячина. 1769. № 38. С. 108).

они верят, служит уже только на малое число лет. И так по сему предсказанию идет уже в простом народе молва, что их государство когда-нибудь разрушится; но ни от кого другого, как только от России»³⁸.

8/19 января 1770 г. в петербургской газете появляется «Перечень письма из Мекленбургского округа, от 18 Декабря», повествующего со ссылкой на Священное писание о скором поражении турок: «По сему учению («учению» «некоего», как говорится в сообщении, приведшего в единую систему разрозненные библейские указания о падении Османской империи. — *Авт.*), которое соответствует естественному порядку времен истории и пророчений, Турецкое государство еще до 1773 года будет истреблено от Россиан и Персов»³⁹. 25 мая/5 июня 1770 г., в 42-м номере, рассказывается об обнаружении тайника в мальтийской церкви св. Иоанна, содержащего бумаги Мальтийского ордена (сообщение «из лежащего на острове Малте города Валетты, от 17 марта»). Особую группу новонайденных текстов оставляли опять же пророчения о «новом» завоевании Константинополя. В частности, цитировался текст: «Constantinopolis a Turcis DIV possessa redIt ad Russos»; то есть, «Константинополь Турками издавна обладаемый достанется Россианам»⁴⁰. В сопроводительной заметке подчеркивалось, что данное пророчество приобретает важный дополнительный смысл именно в контексте текущей войны, так что «никто не сомневается в его истинности».

Характерно, что публикациям различных пророчеств о падении турецкой империи и ее столицы в российских газетах чаще всего стремились придать вид информации, почерпнутой из западноевропейских источников — «английских», «мальтийских» или «макленбургских». Между тем, и в православной письменности можно было найти аналогичные примеры, циркулировавшие с самого падения Византийской империи в 1453 г. Возможно, такими ссылками просвещенные издатели «извиняли себя» за заведомо сомнительные рассказы, каким верят «суеверные народы» (к таковым, впрочем, причисляли греков и турок). И тем не менее сообщения русской прессы о пророчествах, связанных со скорым падением Константинополя⁴¹, в первые годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. оказались как нельзя кстати.

Итак, к началу действий российского флота в Средиземном море отечественная пресса настроила российского читателя внимать только победным режиссирам, воспринимать все победы как предначертанные предшествующим развитием и замыслом Петра Великого и верить в пророческую миссию Российской империи как освободительницы страждущих христиан.

Естественно, что до 1770 г. сообщения о русско-турецкой войне в столичных «Ведомостях» касались исключительно действий сухопутной армии на Дунае. Однако первый же развернутый отзыв о передвижениях русской эскадры в Средиземном море (Санктпетербургские ведомости. № 10 от 2 февраля) содержал уже почти все элементы идеологической программы Екатерины: идея всеобщей

³⁸ Санктпетербургские ведомости. 1769. № 20. 10.III.

³⁹ Там же. № 3. Л. 2–2об.

⁴⁰ Там же. № 42. Л. 2.

⁴¹ См. подробнее: *Clogg R. The Byzantine Legacy in the Modern Greek World: the Megali Idea // The Byzantine Legacy in Eastern Europe / edited by Lowell Clucas. Boulder; New York. 1988. P. 259–265.*

греческой поддержки русскому флоту, ужас турецкого населения в преддверии войны, активность и, главное, эффективность действий главнокомандующего Алексея Орлова:

«Италия. Из полученного из Триеста письма от 27 Декабря.

Мы получили известие, что Российский флот прибыл благополучно в Порт-Магон, где его давно ожидали многие Греки, которые посланы для провождения его в Архипелаг. Греки и Славяна беспрестанно строят малые суда, которые на войне с великою пользою употреблять можно будет. Жители Лацедомские (Лакедемонские) вооружаются всеми силами, и ожидают только прибытия Российского флота, дабы при помощи его восстать против Турок. Пелопонисцы равное в сем случае имеют с ними мнение. Живущие в тамошних странах Турки в великом страхе находятся и намерены по приходе Российского флота, иные бегством спастися, иные без сопротивления Россианам предаться. Лежащие на острове Кандии области, Оксиромера, Цымаца и Сфата нетерпеливно желают у себя видеть Российский флот. Граф Орлов послал в Цымацу на Греческом корабле, который принадлежит некоторому именем Миссолонги, немалое количество пороху, пух, и ящиков с оружием, что все привезено туда благополучно»⁴².

Западная пресса стала осторожно писать о возможной Средиземноморской операции российского флота уже с января 1769 г. (G.d'A. 1769. № 4), но в успех Средиземноморской операции до 1770 г. в Европе мало кто верил. Первоначально, пока в 1769 — начале 1770 г. флот перемещался из Балтийского моря в Средиземное, в статьях европейских корреспондентов о передвижениях эскадр сквозил выжидательный интерес. Очевидно, что Европа еще не вполне осознавала, что «чужие» из северных морей могут стать главными действующими лицами на перекрестье торговых путей и геополитических интересов. Журналы в покровительственных тонах сообщали своим читателям, как голландцы и даже французы благодушно помогали «заблудившимся» в шторм русским кораблям, а англичане предоставляли им свои порты и доки. Подобный тон, по мнению британского аналитика 1770 г., объяснялся сложившимся с начала XVIII в. отношением к России как державе, самые значительные амбиции которой едва ли могли распространяться далее «периферийного» Балтийского региона: «Усилия Петра Великого создать моряков и флот приняты были с восхищением как новшество и как необычная попытка необычного человека. Его великие корабли и его адмиралы были забавой для него и для остальных на Балтике и разрушительными для шведов на этапе заката их королевства. Морские силы, которые могли быть сформированы в Балтийском море и заперты в нем, мало беспокоили великие торговые державы...»⁴³.

Первые победы в Восточном Средиземноморье значительно умили скепсис тех, кто готов был шутливо или пренебрежительно рассуждать о возможностях российского флота. С весны 1770 г. и русского, и западноевропейского читателей удивляли новостями о прибытии российских эскадр в Морею и о совместных успешных действиях с греками, недостоверными известиями о «взятии» Корона, Модона и чуть ли не всего Пелопоннеса (за исключением пары (!) турецких кре-

⁴² Санктпетербургские ведомости. 1770. № 10. 2. II. Л. 2.

⁴³ AR. 1770.

постей). Британская пресса публиковала мнение англичан относительно успехов русских в Море, снабжая его следующими комментариями:

«Русские благодаря успехам прошлой кампании стали хозяевами Хотина, Ясс, Молдавии и Валахии, отеснили турок за Днестр, завоевали почти всю Морею, находятся накануне вторжения на греческие острова в Архипелаге и угрожают Константинополю и всем турецким владениям в Европе. Соседние державы должны с завистью взирать на эти колоссальные приобретения и, возможно, будут противодействовать этому успеху. Несколько месяцев разрешат эти сомнения, до коего времени мы должны временно отложить наши заключения и ожидать событий»⁴⁴.

В ожидании подтверждений новых успехов воображение многих издателей в России и Европе уносилось вперед, заставляя значительно преувеличивать возможности российского флота и принимать желаемое за действительность. Так, едва корабли первой эскадры подошли к берегам Пелопоннеса, русским уже предсказывали победу над крепостями Дарданелл. Весной 1770 г. в «Санктпетербургских ведомостях» запестрили известия о якобы уже случившихся победах российского флота в Дарданеллах или о масштабных проектах России, имеющих целью завоевание Константинополя и изгнание турок из Европы. Так, 12/23 марта газета поместила сообщение из Германии: «С превеликою нетерпеливостью ожидают, как Российский флот пройдет Дарданеллы, что может случиться в конце сего месяца (марта. — *Авт.*)»⁴⁵. Конечной целью военных действий в Мраморном море, разумеется, со ссылкой на европейских информаторов, было объявлено взятие Константинополя: «Здесь (в Ливорно. — *Авт.*) заподлинно говорят, что одна часть сего флота назначена для нападения на Константинополь, а другая на Грецию и на Турецкие острова в Архипелаге»⁴⁶. В июне 1770 г., когда флот на самом деле уже вынужденно покидал Пелопоннес, российский читатель смог узнать, что «Россияне разбили при Дарданеллах часть турецкого флота»⁴⁷. Эти же фантастические заверения перепечатали в июле и солидные британские газеты (правда, не замедлив вставить и ревнивую шпильку): «Последние новости уверяют нас, что русский флот уже прошел эти знаменитые замки [Дарданелл], но также кто мог вообразить пол столетия назад, что эти дикари (*savages*), которые ныне покрывают океан своими военными кораблями, в столь короткое время смогут подняться до таких высот и кто знает, что эти же люди в столь же короткий период времени не станут состязаться за господство в морях с морскими державами?!»⁴⁸.

Подобная этой информация продолжала публиковаться европейскими газетами до июля 1770 г.⁴⁹, пока ей на смену в августе не стали приходить поразительные свидетельства о настоящем «чуде» «в окрестностях Дарданелл» — о Чесменской победе.

⁴⁴ GM. 1770. Vol. 40 (May). P. 194.

⁴⁵ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 21. Л. 2–2 об.

⁴⁶ Там же. 1770. №22. 16 III. Л. 1 об.; См. также: 1770. №30. 13.IV. Л. 2 — 2 об.; 1770. №31. 16. IV. Л. 3.

⁴⁷ Сообщение из Германии, основанное на письме из Венеции: № 47. 11.VI. Л. 2об.; № 50. 22.VII. Л. 1 об.

⁴⁸ GM. 1770. Vol. 40. July. P. 289–290.

⁴⁹ О внимании европейской прессы см. также: *Constantine David. Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984. P. 169–171.*

История публикации сведений о Чесменской победе весьма показательна для понимания характера развития информационного сюжета и сроков распространения новостей европейской прессой⁵⁰. Первые сообщения о победе стали приходить западноевропейским читателям только в начале августа 1770 г. Одной из первых новостей в осторожных тонах поместила «Gazette d'Amsterdam» 7 августа. Это было известие, пришедшее из Отранто и датированное 2/13июля (т.е. всего через 7 дней после сражения!), о том, что «в окрестностях Дарданелл» произошла кровопролитная битва, в которой «турки поражены». Правда, о Чесменском ли сражении шла речь или нет, в этом известии не уточнялось⁵¹. Прошли еще три недели, пока газета не сообщила, что в Ливорно прибыло некое «английское судно с депешей графа Орлова <...> и в этой депеше говорится, что флот только собирается вступить в сражение с турецкой эскадрой»⁵². В начале сентября амстердамское издание поместило материал, пришедший в Ливорно только 4/15августа (т.е. спустя 40 дней после сражения) о том, что в Ливорно зашло судно из Рагузы «Концепцион» под командованием капитана Фисковича. Капитан рассказал, что 5 июля в проливе Афин (!) он слышал три дня сильную канонаду на море, затем встретил маленькое греческое судно, которое передало весть о битве между турецким и русским флотами, и победу в этой битве одержали русские, которые становятся хозяевами навигации в Архипелаге⁵³. Наконец, только с 27 августа/ 7 сентября⁵⁴, через два дня после того, как подтверждение о Чесменской победе было получено российским посольством в Гааге, новость стала, наконец, сенсацией и главной информацией следующих номеров. Вот тут-то обычно скупая на восторги «Gazette d'Amsterdam» написала: «Из Занта получена новость, что османский флот разбит русским на том самом мысе, где греки сожгли флот Ксеркса во время знаменитой битвы при Саламине. После этой важной победы русские становятся абсолютными хозяевами в этих морях. Письма подтверждают, что Эльфинстон у Дарданелл уже задержал 14 судов (12 Рагузы и 2 Франции), идущих в Константинополь с боеприпасами. По другому мнению — Хиос подчинился русским»⁵⁵. В следующем номере газета писала: «Говорят с Мальты, что сюда прибыли 400 рабов-христиан, которые были освобождены русскими, одержавшими победу над оттоманским флотом, что победители захватили 14 турецких кораблей, следовавших с грузом продовольствия из Александрии в Константинополь, что теперь русские держат блокаду Дарданелл»⁵⁶. В том же номере появилась информация, поступившая из Венеции, о том, что российский флот «обладает нынче абсолютной властью в Архипелаге. Все сведения, которые поступают из Греческого моря, подтверждают новость о большой победе русских, о которой ранее говорилось, над сводным флотом турок...». Далее в тех же но-

⁵⁰ О специфике подачи информации, в частности, в «Амстердамской газете», при которой читателя приближали к событию как в романе к развязке сюжета, через сосуществующие на страницах газеты письма и устные сообщения, авторские и анонимные, доказанные материалы и слухи см.: Charles S. Sur l'écriture du présent: la Gazette d'Amsterdam et la Gazette de France // Les gazettes européennes de langue française (XVIIe et XVIIIe siècles). P. 178–182.

⁵¹ G.d'A. 1770. № 63.

⁵² G.d'A. 1770. № 59. 28.VIII.

⁵³ G.d'A.1770. № 71. 4.IX.

⁵⁴ G.d'A. 1770. № 72.

⁵⁵ G.d'A. 1770. № 73. 11.IX.

⁵⁶ G.d'A. 1770. № 74. 14.IX.

востях из Венеции сообщалось, что уже «шеф эскадры Эльфинстон» блокирует Дарданеллы, и даже что «часть судов в его командовании, преследуя турок, счастливо прошли мимо замков», что Константинополь находится в самом критическом положении, поскольку не получает никакого подвоза продовольствия ни со Средиземноморской, ни с Черноморской сторон. Тут же сообщалось и об «огромной контрибуции», наложенной русскими на острова Архипелага⁵⁷.

Итак, между Чесменской победой и достоверной информацией о ней в «Gazette d'Amsterdam» прошло по меньшей мере два месяца, но за этот период сенсационное известие о победе русских над османами приобрело черты мифа, в котором только что одержанная победа уже сравнивалась с классическим образцом битвы — сражением при Саламине, а падение Константинополя виделось европейским читателям делом почти свершившимся (недаром же и Вольтер готов был в это поверить!). Впрочем, в России читатель получил информацию о Чесменской победе из «Санктпетербургских ведомостей» только 7/18 сентября (через 11 дней после публикации в «Gazette d'Amsterdam»). Однако и в России возможные последствия Чесменской победы для Османской империи виделись в масштабах захвата проливов и взятия Константинополя: «Теперь нет никакого в том сомнения, что российский флот станет на якорь перед Константинополем», — писали «Санктпетербургские ведомости» 14/25 сентября 1770 г. (№ 74).

В 1770 г. после побед в Море и при Чесме отечественная пресса торжествовала, да и тональность западноевропейской прессы в отношении Архипелагской экспедиции изменилась. Газеты стали сообщать не только о блестящих перспективах взятия Константинополя, но и о «гуманности» и «справедливости» русских, которые «снискали в Архипелаге дружбу всех наций», причем не только греков, но и турок⁵⁸, о щедрости российской императрицы, подарившей для греческой церкви в Порт-Магоне церковные ценности⁵⁹, о том, сколь разительно цивилизованные и гуманные русские отличаются от жестоких турок⁶⁰.

Анализ российской и зарубежной прессы показывает, что успехи России и, в особенности, средиземноморская операция сопровождались не только постепенным осознанием реальной мощи империи Екатерины II, но и усилением внимания к политическому будущему Восточного Средиземноморья и населяющих его народов. Восприятие российского успеха как «случайной удачи» приводило западноевропейцев к обсуждению, наряду с трезвыми прогнозами, и разноречивых пророчеств и предсказаний. В октябре 1769 г. солидная британская газета только извещала о том, что суеверные турки «в Константинополе и прочих частях страны <...> имели предсказание, что в 1769 г. и в 1770 г. они и их страна будут завоеваны неверными Русскими, и этому предсказанию неудачи и приписываются»⁶¹; уже в мае 1770 г. «предсказания», кажется, лучше прочих аргументов объясняли читателю причины российских успехов: «Война между Россией и Турцией становится

⁵⁷ G.d'A. 1770 № 74. 14.IX.

⁵⁸ G.d'A. 1770. № 82. 12.X.

⁵⁹ G.d'A. 1770. №101. 18 XII. Ливорно. 23 ноября. См. об этом гл. 3.

⁶⁰ См., например, G.d'A. 1770. № 97. 4.XII.

⁶¹ GM. 1769. Vol. 39. Октябрь. P. 466. Ср. с анализом того, как вообще подавались в европейской прессе второй половины XVIII в. «иные» и «чужие»: Labrosse C. De l'usage de l'autre dans le discours de l'information politique (gazettes et journaux, 1784–1785) // Nouvelles, gazettes, mémoires secrets (1775–1800). P. 121–134.

теперь объектом общего внимания. *Предсказания сбываются, то, о чем писал еп. Burnet*⁶² о Петре I, теперь свершает Екатерина... Еп. Burnet писал, что Петр создаст флот в Азове и с ним атакует Константинополь, но епископ и не думал, что он сможет выполнить этот замысел. Что бы подумал этот историк, если бы увидел, как героиня ныне выполняет более великий замысел, охватывающий не только Балтийское море, но и океан, и Средиземноморье со своими флотами, и чей предпринимательский гений сделал это не химерой, что ее подданные через несколько лет будут конкурировать с прочими морскими державами за главенство на морях и делить заморские богатства с Испанией и Англией в Бенгалии и Патагонии»⁶³. Вскоре и «Gazette d'Amsterdam» повторила читателям знакомое предзнаменование, ссылаясь на настроение греков: едва ли найдется грек, который бы не верил в то, что греки находятся накануне исполнения пророчества, с точки зрения нации — непогрешимого. Оно заключается в том, что греки освободятся от Оттоманского ига народом, который они идентифицируют с русскими»⁶⁴.

Впрочем, публикации в европейской прессе различных пророчеств могли прочитываться и как признак слабости склонного к «суевериям» народа Османской империи. Просвещенный европеец должен был читать с насмешкой, в частности, о том, что неудачи сухопутных операций 1769 г. турки считают «*карой небес*»⁶⁵, что в кампании с Россией туркам «нет счастья»⁶⁶, что только «*астрологи предрекают* успехи в этом [1774] году туркам»⁶⁷.

Наряду с восхищением силой *русских* в Европе стали ощутимо нарастать беспокойство и озабоченность столь очевидным российским преобладанием в Восточном Средиземноморье. Тональность комментариев к новостям из Средиземноморья постепенно менялась. Вслед за государственными деятелями и пресса заговорила об угрозе сложившемуся «балансу сил» — главной категории европейской политики XVIII столетия. По-видимому, британский ежегодник выражал господствующее мнение, когда в конце 1770 г. писал, что проникновение России в Средиземное море «не соответствует принципам, принятым торговыми державами, как и всем принципам общей политической системы в Европе, которым так долго и ревностно следовали, заключающимся в том, чтобы сохранять равновесие и избегать больших завоеваний или формирования новых государственных образований... Тем удивительнее необыкновенная удача (sic!) императрицы Екатерины, обладавшей очень средними морскими силами, плохо сооруженными и плохо снабженными кораблями, ведомыми грубыми и неопытными моряками, пославшей огонь и меч к берегам Греции и островам Архипелага»⁶⁸.

В 1771 г. русские в Средиземноморье порождают уже не удивление, а страх, за которым пришло и раздражение. У прессы, издававшейся в торговых державах Западной Европы, не могли, конечно, не вызвать одобрения намерения русских покончить с пиратством или обеспечить свободу судоходства для кораблей

⁶² Гилберт Бернет (Gilbert Burnet) (1643–1715), епископ Солсберийский. Имеется в виду его многократно издававшаяся «История моего времени» («Bishop Burnet's history of his own time»).

⁶³ GM. 1770. Vol. 40. May. P.194.

⁶⁴ G. d'A. 1771. № 48.

⁶⁵ G.d'A. 1770. № 3. 9.I.

⁶⁶ G.d'A. 1770 № 30. 13.IV.

⁶⁷ G.d'A. 1774. № 44. 3.VI.

⁶⁸ AR. 1770. P. 2–3.

христианских держав⁶⁹ (со ссылками на «план Петра Великого»⁷⁰). Однако досмотры торговых судов российскими «крейсерами» и блокада Дарданелл приносили значительные убытки левантийской коммерции, а христиане в Османской империи чувствовали постоянную опасность погромов со стороны турок и атаки со стороны русских⁷¹ (корреспондент «Gazette d'Amsterdam» сообщал из малоазийского торгового города Смирна, что оттуда «уехали большинство европейских торговцев, боясь русской атаки»⁷²).

Чуть дольше, чем интерес ко всему российскому флоту, в прессе не ослабевало внимание к фигуре его командующего и главного героя Архипелагской экспедиции гр. А.Г. Орлова⁷³. Уже с 1770 г. он стал олицетворением России и русских в европейской прессе, каждый его шаг фиксировался не только итальянскими газетами (об этом см. гл. 6, 7), но и корреспондентами других изданий. Вероятно, не без участия самого А.Г. Орлова в прорисовке его образа выделяются такие характеристики, как великолепие, щедрость, милосердие, храбрость и справедливость⁷⁴. То, что граф «Alexiowitz Orlow» *щедр и великолепен*, подтверждалось подробными отчетами об устраиваемых им празднествах и о подарках, которые он вручал владельческим особам тех стран, от которых зависело успешное прохождение русского флота в Средиземное море и пребывание в тосканском порту Ливорно.

Орлов, как извещала «Gazette d'Amsterdam», подарил лисью шубу великому герцогу тосканскому⁷⁵ и драгоценные подарки, из числа захваченных в Чесменском сражении, — местной академии⁷⁶. В 1772 г. А.Г. Орлов специально отправился в Рим для встречи с находящимся в Италии британским наследником герцогом Глостером и, по сообщению из Рима от 3/14 марта, одарил его «редкостной шубой и коллекцией великолепных медалей древних русских царей»⁷⁷. Офицер на русской службе Розенберг специально посетил Гамбург (информация

⁶⁹ G.d'A. № 48. Из Константинополя 14 июля 1771 г.: «...Капитаны русских судов свободно пропускают христианские корабли, но внимательно следят, чтобы в Турцию не пробрались корабли из египетских портов. Капитан Paulian из Сан-Тропе отплыл из этого порта в Морею и был значительно более счастлив попасть в их руки, поскольку уже имел несчастье попасть к корсарам и быть поработанным вместе со своей командой».

⁷⁰ Венецианский корреспондент писал, что «русские имеют в виду исполнить план Петра I, который хотел обеспечить свободное плавание как на Черном, так и на Белом морях» (G.d'A. № 65. 12.VIII.1771).

⁷¹ По мнению исследователя российско-британских отношений М.С. Андерсона, даже в Британии, помогавшей России, существовали издания, выражавшие серьезные опасения относительно усиления русских: *Anderson M.S. Britain's discovery of Russia, 1553–1815. [New York], 1958. P. 130.*

⁷² G.d'A. 1770. № 56. 13.VII.

⁷³ С пребыванием Алексея Орлова в Архипелаге связывают начало активных действий, а значит и *интересных* новостей. Так, осенью 1771 г. «Gazette d'Amsterdam» сообщала: «Кажется, что новости из Леванта скоро станут интереснее, покада последнее письмо сообщает, что генерал А. Орлов через два дня после прибытия на Парос отдал приказ сухопутным и морским силам в Архипелаге объединиться для выполнения некоего важного предприятия» (G.d'A. 1771. № 72. 6. IX.).

⁷⁴ С. Ушаков приводит в «Жизнеописании» А.Г. Орлова слова современника, представлявшего Орлова чуть ли не древнегреческим героем: «я думал, что вижу какого ни есть героя древней Греции... спокойная важность в его лице, его греческие глаза, умная улыбка...» (Ушаков С. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, почерпнутая из достоверных российских и иностранных источников. СПб., 1811. С. 13).

⁷⁵ G.d'A. 1770. № 16.

⁷⁶ G.d'A. 1771. № 65.

⁷⁷ G.d'A. 1772. № 27.

из Гамбурга от 19/30 июня), чтобы от имени графа Орлова вручить «тамошнему правителю драгоценную кривую саблю стоимостью 2 тыс. дукатов, не считая ножен из зеленой кожи с золотыми украшениями. Съемная рукоятка этой сабли турецкого паши представляет собой бюст Александра Великого и на лезвии выгравированы греческие буквы, которые обозначают, что когда-то это оружие принадлежало одному из греческих царей»⁷⁸.

Милосердие графа Орлова подтверждали известия о том, что он выпускает на свободу турецких пленников⁷⁹ и христиан, поработанных турками и пиратами. Кроме того, образ справедливого и мудрого военачальника должны были создать отчеты о поведении Орлова во время Чесменского сражения, публикации писем Орлова, распространяемых на Архипелаге, в которых он обещал защиту греческому населению⁸⁰, приглашал все цивилизованные страны Восточного Средиземноморья, включая Османскую империю, совместными силами бороться с пиратством⁸¹, препятствовал прохождению турецкого флота в Палестину для подавления восстания Али-Бея⁸².

С 1773 г. и об А.Г. Орлове стали писать значительно реже. Его прибытие в Ливорно, Пизу или Санкт-Петербург продолжали фиксировать зарубежные корреспонденты, однако от прежних восторженных оценок уже не было и следа. Поездка А.Г. Орлова в Россию в 1774 г. первоначально комментировалась в том смысле, что он получил разрешение провести некоторое время в его собственных землях возле Москвы⁸³, а затем, в марте 1774 г., газеты вышли с новостью: «некоторые уверяют, будто Алексей Орлов более не командует русским флотом, но будет жить во Флоренции в качестве чрезвычайного посла Российского Двора в Италии»⁸⁴.

В 1772–1774 гг. как в отечественной, так и в западной прессе сведения об Архипелагской экспедиции отходят на второй план: казалось, что флот там бездействовал, что важнейшие известия приходили лишь из сухопутной армии, из охваченных чумной эпидемией городов Европы и Москвы или о действиях Пугачева. В отчетах о мирных переговорах тема восточносредиземноморских приобретений России также не казалась серьезной. После подписания мира идеологические конструкции, призванные мобилизовать общественное мнение Европы и настроить его в пользу России, потеряли свою политическую актуальность.

⁷⁸ G.d'A. 1772. № 55.

⁷⁹ Например, в октябре 1770 г. «Gazette d'Amsterdam» опубликовала ответ Орлова депутатам Смирны, в котором говорилось о хорошем отношении к пленным и освобождении плененных при Чесме турок (№ 83. 16.X.). В 1772 г. там же отмечалось, что перед отъездом из Ливорно в Пизу граф Орлов отпустил на свободу большое количество турок, захваченных в Архипелаге, и снабдил их деньгами для возвращения в их отечество (№ 30. 14.IV.).

⁸⁰ Есть известие из Смирны о том, «что генерал граф Орлов опубликовал во всей Греции и в других землях, находящихся под турецким владычеством, что, если турки в том или другом месте казнят кого-либо Греческой веры или другой христианской секты, он распорядится казнить пленных турок, которых у него 500 человек» (G.d'A. 1770. № 89. 6.XI.).

⁸¹ «Получена новость, что албанцы на борту русской эскадры взбунтовались и захватили два судна, на которых пиратствуют в Архипелаге, что граф Орлов отдал приказ не только своим судам... но и пригласил турок и жителей Архипелага совместными усилиями разбить этих разбойников» (G.d'A. 1772. № 7.).

⁸² G.d'A. 1772. № 99–101.

⁸³ G.d'A. 1774. № 10. 4.II.

⁸⁴ G.d'A. 1774. № 25.

В России падение интереса к средиземноморской операции совпало с отдалением от персоны императрицы Г.Г. Орлова. С ослаблением влияния семейства Орловых на Екатерину возросли нападки на Архипелагскую экспедицию из-за больших расходов и недостаточного влияния на общий ход войны. С этого времени новости из Средиземноморья стали уходить и с первых полос «Санкт-петербургских ведомостей». Из всех тем, связанных с Архипелагской экспедицией, заметное развитие получила только история Али-бея и российско-арабских контактов. Газетные сообщения о глобальных боевых действиях уступили место текущей информации о светской жизни европейских дворов.

В западной прессе в это же время утверждается обеспокоенность и раздражение нескончаемой войной и помехами судоходству в Средиземном море. В 1772 г. западные газеты пишут чаще о болезнях русских моряков и о «большом беспорядке» на островах Архипелага, о бесполезности блокады Дарданелл⁸⁵. На исходе 1773 г. «Annual Register» отмечал: «Таково печальное (курсив наш. — Авт.) положение дел в Средиземноморье, оно с первого же года не отвечало надеждам, родившимся после первоначальных успехов, и стоило огромных затрат для России. Ясно, что большие разрушения и убытки проистекают от этой морской экспедиции, и она легла грузом на представителей различных наций, при этом, не причинив туркам существенного ущерба, не ослабив их. Мы находим, что в этом году [1773], пока русские были заняты тем, что грабили богатые торговые суда, Константинополь снабжался зерном и провизией из Египта и Сирии в превосходном количестве. И покуда столица империи была сохранена, то единственным последствием такого рода войны стало разорение нескольких торговцев или опустошение некоторых из отдаленных многочисленных островов, что мало значило для Порты»⁸⁶.

С этого времени в оценках деятельности русского флота как в британской, так и во франкоязычной прессе перевес приобрела тема краткости «случайного успеха». Нередко отмечалось, что Россия измучена рекрутскими наборами и ее экономическое состояние близко к губительному (например, на рубеже 1771–1772 гг. британская «Annual Register» писала, что для России «несколько лет успехов такой ценой приведут к несчастью»⁸⁷).

Возможно, стремясь пресечь эти разговоры, Екатерины решилась на беспрецедентную покупку алмаза в 200 карат за 400 тысяч рублей, о которой написали почти все европейские газеты⁸⁸. Во всяком случае, можно согласиться с Ж. Дюлаком, отмечающим, что и дипломаты, и журналисты удивлялись «парадоксальности» России, которая, с нищим населением, плохим управлением и социальными проблемами, все более укрепляла свое влияние в Западной Европе и пускалась в дорогостоящие предприятия⁸⁹.

⁸⁵ G.d'A.1772. № 31. 17.IV.; G.d'A. 1772. № 54, 68. 7.VII, 25.VIII. Ср.: Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia... P. 131–132. Впрочем, британский посол в Санкт-Петербурге Ч. Кэткорт еще в декабре 1770 г. поспешил написать в Лондон, что «Флот в Архипелаге дурно построен, дурно управляется и дурно уплачивается. Между офицерами раздоры, а между матросами болезни; Дарданеллы неприступны; блокада Константинополя бесполезна» (СБРИО. Т. 19. СПб, 1876. С. 166).

⁸⁶ AR.1773. P. 22.

⁸⁷ AR. 1771. P. 80.

⁸⁸ Бриллиант, получивший в России имя «Орлов», вскоре был вправлен в золотой скипетр Российской империи.

⁸⁹ Dulac G. L'image de la Russie dans les gazettes et les correspondences diplomatiques Français et ses annexes (1774–1780). P. 84.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира память о российском успехе в Средиземноморье в западной прессе и вовсе стала стираться. Недаром же британский ежегодник, признавая, что Россия в войне с Турцией «достигла вершин славы», заключал, что: «Несколько *малых предприятий* (sic!) между русскими и турками в Средиземном море, имели малые последствия, в то время, когда произошли, и не имеют никаких последствий в настоящее время»⁹⁰.

ОБРАЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ВРАГИ, ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ

События 1769–1774 гг. в Восточном Средиземноморье привлекли широкое читательское внимание и к инициатору войны — Османской империи. Живейший интерес в прессе вызывали решения Дивана и боеспособность турецкой армии: русско-турецкий конфликт приобретал особую остроту в связи с ожидаемым восстанием христиан-греков и с мятежами в арабских провинциях Османской империи.

Кто были «варварами» и «врагами», а кто — несчастными жертвами конфликта? Информация, публиковавшаяся европейскими и отечественными изданиями в течение войны, давала читателю значительную пищу для размышлений и умозаключений по этому поводу.

С начала войны периодические издания удовлетворяли усилившийся интерес европейских и российских читателей к Османской империи, публикуя самую разнообразную информацию о порядках в Порте. В 1769 г. на страницах редактируемого самой Екатериной журнала «Всякая всячина»⁹¹ еще можно было прочесть «положительный» отзыв о некоторых нравах турок⁹².

Однако вскоре тон отзывов о турках изменился. Та же «Всякая всячина» в статье, озаглавленной «Письмо. Адам Адамов сын Варгейт», давала описание некоей медали:

«Представляется она с одной стороны султана турецкого на престоле сидящего, окруженного вельможами, из которых один наднес меч на главу простертого у ног султанских человека: лилеи изображенные на порфире его, поднесенные им в мешках деньги, лежащие у подножия престола; все сие довольно показывает, откуда, кто, и для чего сей в рабском виде представленный человек. Но другая сторона медали, еще более то изъясняет в следующей надписи: “Друг турок, друг алжирцов, друг варваров, ненавистник и гонитель христиан”». Спасибо господину Варгейту, что он свету открывает такие великие правды. О сем только сказать можно: O tempora! O mores! то есть: O времена! O нравы»⁹³.

⁹⁰ AR. 1774. P. 8.

⁹¹ Тираж «Всякой всячины» первоначально составлял 1000 экз., в первые три месяца существования журнала дополнительно печаталось еще 500 экз., затем (включая и «Барышек») выходило 1000 экз. в месяц (Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 225).

⁹² Например, см. Всякая всячина. 1769. № 3. С. 7. Ср. высказывание о султани Магомете II: «Он всякую зиму препровождал в нем (Царьграде. — Авт.) для отдохновения от военных трудов. Он обращался там с учеными и разумными людьми, а иногда и с солдатами своей гвардии» (Ни то, ни сию в прозе и стихах, ежесубботное издание. 1769. Лист 9. 25.IV. С. 66). «Ни то, ни сию» выпускал В.Г. Рубан, а сам журнал выходил тиражом в 600 экз.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. С. 235–239.

⁹³ Всякая всячина. 1769. № 13. С. 40.

Отныне в российских и части европейских газет начинает формироваться образ «больного» османского государства со слабой армией и плохим флотом. По количеству известий, так или иначе проводивших мысль о слабости турецкой армии и флота, о дезертирстве, о беспорядках, о «ярости» или подавленности населения, рекорд остается за 1769–1770 гг.

Российская Архипелагская экспедиция еще не добралась до берегов Мореи/Пелопоннеса, а «Gazette d'Amsterdam» уже цитировала «мнение» из Константинополя о том, что флот турок, состоящий из 250 судов, находится в плохом состоянии, его экипажи восстают и флот не годится для больших маневров⁹⁴, что в Константинополе, по сообщению от 18 апреля из Ливорно, царит «*всеобщее подавленное настроение*», что шесть турецких судов, вышедших из Арсенала, столь «*плохи, что их страшно спускать на воду*»⁹⁵. Амстердамской вторила и британская пресса, публикуя информацию об изнеженности турецкого начальства и отсутствии дисциплины у рядовых воинов⁹⁶. В декабре того же 1770 г. «Annual Register» писала, что все беды Османской империи проистекают от долгого мира, в котором та пребывала и который разрушил это воинственное дотоле государство:

«Турки уже не те, и потребуется более, чем возможности царя Петра [I], чтобы снова сделать их великими, т.к. легче цивилизовать дикарей и научить неучей, чем отучить деградировавшие народы от их дурных обычаев. Эта огромная, плохо основанная и неуклюжая империя, кажется, действительно, клонится к упадку...» (далее выражаются сомнения в том, что Порта едва ли сможет оправиться от своих потерь при «нерадивости» и «лености турецкого правительства»)⁹⁷.

В реляциях с полей сражений «Трутень» так насмешливо представлял беспомощных турецких военных:

«У нас старое по старому, а вновь ничего: мы турков гоняем; а они от нас бегают; и ныне так далеко ушли, что нам и гонять некого. И так мы с нетерпеливостью ожидаем того дня, в которой будем обедать в Хотине; а пообедавши хорошенько и напившись турецкого кофе, безмерно хочется нашим солдатам посмотреть, каково ужинает турецкой везирь. У нас в армии так мало о турках и татарах думают, что один офицер, пришедши из фрунта в полатку, по прогнании крымского хана, хотел дописывать последнее явление сочиняемой им трагедии, и как некоторое положение по причине неприятельского нашествия он позабыл, то рассердясь, выбранил татар и сказал: видно, что хан за тем только и приходил, чтобы мне помешать писать, а не помощь подавать Хотину»⁹⁸.

Дополняли портрет «больного» турка постоянно публиковавшиеся сведения о разнообразных бедствиях войск султана — от эпидемий, проблем с продовольствием и жалованьем до регулярных бунтов янычар или других подразделений турецкой армии, распространившегося дезертирства и т.п. Такого же рода информацию помещали европейские газеты. После Чесменской битвы корреспон-

⁹⁴ G.d'A. 1770. № 3. 9.I.

⁹⁵ G.d'A.1770. № 37.

⁹⁶ Например, о том, что турки, готовясь к войне, заказывают дорогие экипажи, их шатры на поле брани убраны золотом и серебром, так же и их оружие, а шайки грабителей рыщут по городу, с ножом к горлу требуют у горожан их экипировать и везирь ничего не может сделать. (GM. 1769. Vol. 39. Февраль. P. 105).

⁹⁷ А. Р. 1770. P. 6–7, 28.

⁹⁸ Трутень. 1769. Лист XVI. 11.VIII. С. 123.

денты, например, «Gazette d'Amsterdam» постоянно публиковали панические сведения о том, что «в Константинополе недостаток продовольствия», что там свирепствует чума и усилилось дезертирство из войск⁹⁹.

К известиям о слабости турок добавлялись и сообщения о новых проявлениях ярости и жестокости султана и его подданных-мусульман: «Султан в ярости» «отдал приказ *перерезать* греков», «греки в Константинополе... пали жертвой *злопамятства* султана»¹⁰⁰; в Смирне открыт заговор, который мог уничтожить город, что *50 турок бросились грабить* и поджигать дома греков, устроив ужасную бойню; в апреле из Венеции сообщали, что жители Константинополя *вырезали* всех греков, которые попадали им в руки; а в мае также из Венеции пришла весть, что *турки зверствуют, они напали на греков*, «когда те были на службе в церкви»; в тот же день из Анконы сообщали, что турецкий гарнизон Корона опустошил город, «*разорвав на части* многих жителей»¹⁰¹.

Приблизительно такой же была информация, публикуемая в «Санктпетербургских ведомостях», например: согласно поступившим из Леванта сведениям, там может вспыхнуть восстание в связи с необычным повышением цен и «худым успехом турецкого оружия»; подданные султана не оказывают никакого почтения своему правительству, поэтому султан вынужден оставить намерение самому предводительствовать войском; 4/15 ноября 1769 г. в Константинополе имело место «великое смятение», такое, что сам султан еле спасся, причиной «смятения» называли бедность и моровое поветрие; в Константинополе сильно подорожали съестные припасы; янычары взбунтовались в столице¹⁰²; константинопольские жители пребывают в смятении в связи с победами российских войск, местные «купцы, художники и ремесленники ходят праздно» и спрашивают знакомых о том, когда именно следует ожидать русских. Общее состояние турецкой армии было красноречиво охарактеризовано следующим сообщением «из Германии»: «За несколько времени была в Варшаве на бале одна маска в Турецком платье. На челме была пришта следующая надпись: мое убранство изъявляет воина, но я таков же, как все Турки на сражении с Россианами. Просили нарядившегося в турецкое платье, чтобы снял маску, и тогда увидели, что то была старушка». Сообщалось также, что хронические неудачи турецкой армии и систематические задержки жалованья порождали массовое дезертирство, и именно беглые солдаты приносили в Константинополь «истинные», выдержанные в негативных тонах известия о ходе русско-турецкой кампании. Стремление, хотя бы на бумаге представить османское общество разделенным, приводило к появлению публикаций о хорошей осведомленности турецкого «народа» относительно «истинного» бедственного положения государства — и что именно «народ», как сообщали «Санктпетербургские ведомости», стремился к восстановлению мира с Россией: «Народ с великою ревностью желает мира, и требует тех на казнь, которые присоветовали начать войну с Россиею»¹⁰³. Окон-

⁹⁹ G.d'A. 1770. 5.X. G.d'A. 1770. № 24. 22.III.; G.d'A. 1770. № 38. 2.1.IV; G.d'A. 1770. № 49, 30 V; G.d'A. 1770. № 50.

¹⁰⁰ G.d'A. 1770. № 19. 6.III.

¹⁰¹ G.d'A. 1770. № 24. 22.III.; G.d'A. 1770. № 38. 2.1.IV; G.d'A. 1770. № 49, 30 V; G.d'A. 1770. № 50.

¹⁰² Санктпетербургские ведомости. 1770. № 4. 12.I. Л. 1об.-2; Там же. 1770. № 20. 9.III; Там же. 1770. № 28. 6.IV. Л. 2об.

¹⁰³ Там же. 1770. № 30. 15.IV. Л. 2об.; Там же. 1770. № 32. 20.IV. Л. 2; Там же. 1770. № 34. 27.IV. Л. 2;

чательный приговор «больному» османскому государству пресса выносила, укоряя его в суевериях и «слепой вере».

Безусловно, не все европейские газеты были едины в антипатии к Османской империи. Хорошо известно, что официальная Франция поддерживала турок, выступая на международной арене против Британии, Дании и России. Поэтому и информация, публикуемая «Gazette de France», отличалась от сообщений амстердамских протестантов, британцев и, тем более, российских «Ведомостей». Изученные нами периодические издания позволяют говорить, что пресса была чутким барометром, фиксировавшим колебания общественного интереса и сочувствия в период войны ко всем сторонам конфликта. С 1771 г., когда отечественные издания еще продолжали нагнетать у российского читателя негативное отношение к туркам, в Европе накал вражды к терпящему поражение, но продолжающему сопротивление великану стал ослабевать. В «Gazette d'Amsterdam» и британских изданиях все реже и реже писали о слабости или о жестокости турок. Напротив, все чаще публиковалась информация об успешной подготовке турецкой армии и флота к продолжению войны, об отбитых атаках русских, о помощи Марокко и османских вассалов — алжирцев, тунисцев и дульцинотов, об успешных мерах Порты по стабилизации цен на хлеб в Константинополе. Так, в британском ежемесячнике появился пространный рассказ о храбром красавце янычаре, подаренном Румянцевым Фридриху Прусскому и отпущенном императором на свободу, чтобы он вернулся в Османскую империю к жене и детям¹⁰⁴. В 1773 г. описывалось, что турки оказывали русским «ожесточенное сопротивление на о. Кандия в течение трех недель, пока большая часть из их людей не была убита, а остальные окружены»¹⁰⁵. В конце 1773 г. «Annual Register» также поместил историю о знаменитом турецком военачальнике Хасан-бее, и этот рассказ, изобилующий авантюрными подробностями в духе лучших литературных образцов XVIII в., содержал эпитеты «необыкновенный», «отважный», «изобретательный», «блестящий» и др., которых не удостоивался в этой газете ни один из российских военачальников¹⁰⁶.

Вероятно, изменение настроений в пользу Османской империи почувствовал и А.Г. Орлов, поспешивший передать для публикации благодарственное письмо османского курьера, спасенного русским кораблем. Примечательно, что эту публикацию открывала преамбула со ссылкой на сообщение из Ливорно от 20/31 октября 1772 о том, что османский флот в *плохом* состоянии, а курьеров, которых посылает Порты к русскому флоту, сопровождают русские же суда¹⁰⁷. После этой публикации тема слабости османского войска и флота в «Gazette d'Amsterdam», например, более не поднималась.

С началом русско-турецкой войны в отечественных и зарубежных периодических изданиях получает развитие и тема освобождения покоренных народов из-под османского ига. В 1769–1770 гг. главными жертвами варваров-турок пресса представляла греков; в России и в Европе ожидали восстания и освобождения

№42. 25.V. Л. 2об. и др.; Там же. 1770. № 11. 5.II. Л. 2.

¹⁰⁴ GM. 1772. Vol. 42. April. P. 178–179.

¹⁰⁵ GM. 1773. Vol. 43. 6.VI. P. 347.

¹⁰⁶ AR. 1773. P. 28–29.

¹⁰⁷ G.d'A. 1772. № 94.

при содействии российских воинов потомков «античных героев», родоначальников европейской цивилизации».

С конца 1769 г. и весь 1770 г. русские и европейские читатели находились в плену восторженного ожидания того, когда христиане османской империи, и прежде всего греки, обретут свободу. Едва ли одна российская императрица и ее окружение обманывали себя надеждой на военные успехи греков, верили в это и на Западе Европы.

В феврале 1770 г. газеты сообщали, что в Порт-Магоне русскую эскадру ожидают греки для того, чтобы сопроводить в Архипелаг, что греки и славяне *«рачительно трудятся над постройкой маленьких судов, которые могут сослужить хорошую службу. Жители Лакедомона настроены также взяться за оружие, не дожидаясь прибытия флота России для действий против Порты.* На Пелопонесе греки в том же настроении, и тамошние турки, удрученно взирая на все приготовления, не могут уснуть, одни принимая судьбу, другие готовые сдать русским без сопротивления, как только появится флот» (курсив наш. – Авт.)¹⁰⁸. Британский «Gentleman's Magazine» также сообщал, что «с первым появлением русского флота в Архипелаге греческие острова восстанут и признают Ее императорское величество своим сувереном»¹⁰⁹. Эти новости вскоре получили подтверждение. 4/15 февраля из Анконы добавлялось, что Морее только и ожидает прибытия российского флота, чтобы сбросить османское иго, а обитателям Кимеры (Химары), Янины, Фессалии и Ливадии не достает только вооружения, чтобы начать действовать»¹¹⁰; что греки «нынешние обстоятельства почитают за весьма способные к опровержению турецкого ига и к приведению греческого государства в прежнее цветущее состояние»¹¹¹.

Вскоре европейских читателей оповестили на основании сообщения из Гамбурга от 11/22 мая, что *«вся Морее сбросила Османское иго при помощи русских войск и что теперь греки работают над созданием такого правительства, какое есть у других христианских наций»*¹¹², а русским сообщили, что «по взятии крепостей Романии (Наполи ди Романья) и Малвазии (Монемвассии) ([обе крепости взяты русскими не были. — Авт.) греки весьма скоро овладели всеми другими местами в Морее, что майноты с несказанною храбростию подкрепляют россиян, и российский флот получил великое множество оружия и съестных припасов, снабждает оными греков, которые будучи через то освобождены без всякого сумнения предаются на российскую сторону»¹¹³. Такого рода восторженные известия публиковались до конца июля 1770 г. В «Ведомостях» писали и о победах в Морее, и о том, что граф Орлов чрезвычайно доволен храбростью греков. Из всего этого издатели делали вывод: «словом сказать, во всех местах на полуострове Морее будут скоро воздвигнуты святой крест и российский орел»¹¹⁴. Появлялась новость и о том, что императрица посетила кн. Л.А.Нарышкина, устроившего на приморской мызе «храм Дианы» и памятник в честь прибытия россиян в Морее»¹¹⁵.

¹⁰⁸ G.d'A.1770. № 13. 13.II; то же: Санктпетербургские ведомости. 1770. № 10. 2.II, №16. 25.II.

¹⁰⁹ GM. 1770. Vol. 40. 1.II. P.137.

¹¹⁰ G.d'A. 1770. № 21.

¹¹¹ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 34.

¹¹² G.d'A. № 43. 1770.

¹¹³ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 42. 25.V

¹¹⁴ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 57. 16.VII

¹¹⁵ Санктпетербургские ведомости. Прибавления.1770. № 59. 23.VII

Однако вскоре известия о неудачах в Морее заставили как русских, так и европейцев пересмотреть оптимистическое видение греческого сопротивления. Британцы все чаще откровенно писали о «*кровавой войне в Морее*»¹¹⁶, о том, что от жестокостей, творимых в Морее обеими армиями, «стынет кровь»¹¹⁷. На это российские газеты отвечали сообщениями о том, что русские не разрешают грекам мстить туркам¹¹⁸.

После поражения греческого восстания на Пелопоннесе газеты выразили сочувствие несчастным жителям Морей¹¹⁹, а британский «Gentleman's Magazine» опубликовал статью о безвыходном положении греков, бежавших от войны во владение Венеции: «многие из них объявляют, что перенесут любые испытания скорее, чем опять окажутся под османским игом. Их утверждает в этом решении судьба беглых греков, вернувшихся в Морею после эвакуации и варварски умерщвленных турками»¹²⁰.

В целом со второй половины 1770 г. после успехов российского флота при Чесме и поражения греческого восстания на Пелопоннесе в прессе утверждается разочарование в греках: «*греки слова не держат*», они мстительны и жестоки к туркам¹²¹, они «невежественны»:

Поражение греков «было... ожидаемым, если учитывать чрезмерное *невежество* греков и невозможность русских оказать им эффективную поддержку... Было вполне понятным, что они выступят вместе за освобождение от своих угнетателей, и что, теша себя воспоминаниями о своей древней национальной славе, они будут считать, что имеют и доблесть своих предков... Русские слишком хорошо информированы, чтобы вообразить, что народ, находившийся в упадке более двух тысяч лет, разрушенный долгим рабством и деградировавший, чье разложение и полная неспособность оценить условия вошли в поговорку, и чья храбрость основывается на том, что они никогда врага в глаза не видывали, в одночасье сделает больше, чем наследует значение их предков и без дисциплины или знания военного дела не только отразит регулярные силы, но подчинит тех завоевателей, для которых они были всего лишь одним из народов и осколком великой империи...»¹²².

«Gazette d'Amsterdam» указывала на *страх* греков перед «злой турок», наконец, на то, что греки «*потеряли желание в дальнейшем выступать на стороне России*», а генерал граф Орлов вынужден был выпустить второй манифест, в котором гарантировал грекам самое сильное покровительство и помощь российской императрицы, чтобы побудить их взяться за оружие и примкнуть к войскам¹²³. В 1771–1773 гг. в европейской прессе сообщалось уже только о тех греках, которые перешли на русскую службу и участвовали вместе с русскими в военных операциях.

Не получила желаемого развития в прессе и идея христианско-мусульманского противостояния, под знаменем которой Екатерина в начале Архипелагской экс-

¹¹⁶ GM. 1770. Vol. 40. July. P. 289–290

¹¹⁷ Там же. P. 343–344. См. также: *Constantine D. Early Greek travellers and the Hellenic Ideal*. P. 171–172.

¹¹⁸ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 82. 12.X

¹¹⁹ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 70. 31.VIII

¹²⁰ GM. 1770. Vol. 40. October. P. 486

¹²¹ G.d'A. 1770. № 59. 28.VIII; G.d'A. 1770. № 82. 12.X

¹²² AR. 1770.P.5

¹²³ G.d'A. № 53. 3.VII.1770

педиции прощупывала возможности получения поддержки христианских держав юга Европы. Если в 1769 г. в российской прессе эта тема еще звучала, например, в связи со взятием Хотина или в поздравлении с новым 1770 г.¹²⁴, то в дальнейшем разочарование в возможностях греческого восстания, по сути, сделало ее куда менее актуальной в сравнении с вновь открывшимися возможностями создать коалицию с мятежными подданными Порты — не только с христианами, но и мусульманами.

В период войны в прессе обсуждали и другие угрозы Османской Порте: восставших «грузинцев» и ненадежных «крымчаков». Согласно русской прессе причины вступления Грузии в военный союз с Россией оказывались мотивированы не прямым давлением императрицы на грузинского принца Ираклия, а почти «мифологической» причиной: 100 тысяч человек войска грузинского государя «все желают лучше умереть, нежели дотоле платить Оттоманской порте поносную дань девицами»¹²⁵. Вести об успехах грузин в войне с Портой фиксировались в «Санктпетербургских ведомостях», нередко соседствуя и встраиваясь в единый смысловой ряд с новостями о восстании греков и славян в восточно-средиземноморском регионе¹²⁶. Более того, часто именно грузины (вместе с черногорцами) являли грекам пример военного мужества в борьбе с Портой: «Грузинцы и Черногорцы превеликий наносят страх; ибо скорое приближение оного (российского — *Авт.*) флота соединено с великою для Турок опасностью, а помянутые народы так же против их ополчились и своим примером возбуждают прочих Греков к подражанию»¹²⁷.

¹²⁴ «Всякая Всячина исполняет долг свой, приносит Вашему Императорскому Величеству всеусерднейшее поздравление с победою над врагом имени Христианского и Империи Вашей и со взятием Хотина. Яко тает воск от лица огня, тако исчезла бусурманская сила от любящих Бога, от благочестивой Монархини и православною Ее воинства...» (Всякая всячина. № 115. 1769. С. 305–306). Ср.: «Всемиловнейшая Государыня! Примите всеподданнейшее от писателей Всякой Всячины приносимое Вам поздравление с наступившим новым 1770 годом. Оный нам не может не приводить на память дел Вашего Императорского Величества противу врага Христианского имени, в прошлом годе благополучно и преславно совершенных; оный и желаний наших исполнение с твердым упованием обещает. Пленен Хотин не дерзнувший более противустоять страшному оружию Вашему. Зарытые в пепле и прахе Азов с Таганрогом пришествием к ним животворных сил Ваших восставши от гробов своих, начали двигать мышцы свои. Ясы, а ныне уже и Букурест, столицы сильных некогда княжеств, со всеми им подвластными городами преклонили главы свои к подножию престола Вашего. Все сие суть плоды разбитого везде, где ни встречался, толикократно неприятеля, везде прогнанного и повсюду рассыпанного. Он теперь стыд и срамоту свою Дунаем прикрывает. Но того никак утаить не может, что сердце его иногда страхом и ужасом, часто печалью и раскаянем, паки вдруг гневом и яростию терзается; ищет советов, и быв жестоко обманут, данных не приемлет, хочет от войны престать, и опять вновь вооружается ожесточенный, якоже иногда Фараон. Ускоряя испити чашу гнева Господня, о род Магометом выше меры кичающийся! Россия же толикими успехами в один год нечаянно увенчанная, в веселии возносит глас свой, и благодарения воссылая за промысл Ваш об ней, именует Ваше Величество Княгинею Молдавскою и Княгинею Волоскою. Страны сии покоятся теперь под тению покровы Вашего. Да восплещут убо руками все языцы, да возрадуются народы и племена тяжким игом чрез многие лета угнетенные, да възиграет море, острова и земля, видя приближающееся свое от горькой работы спасение и избавление, коего единственною виновницею премудрую Екатерину II и разумно ей устроенный совет не только настоящей провозгласит век, но и грядущие еще громче прославят времена. Бог богов и Господь господий ниспослет Вам сей дар свыше в новоначеншемся днесь 1770 лети благости своей. Тако от искреннего сердца молят, и сего желают всеусердно Вашего Императорского Величества Всеподданнейшие рабы Всякой Всячины писатели» (Барышек Всякие Всячины 1770 года. № 151. С. 411–413).

¹²⁵ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 4. 12. I. Л. 2об.

¹²⁶ см.: Там же. 1770. № 9. 29. I. Л. 2; № 10. 2. II. Л. 1об.; № 11. 5. II. Л. 2; № 36. 4. V. Л. 1–1об. и др.

¹²⁷ Там же. 1770. № 20. 9. III. Л. 2–2об.

О том, что вместе с грузинами от Порты отложились также и армяне, «Санктпетербургские ведомости» сообщали 5/16 февраля: «Их патриарх уведомил одноверцов, чтоб были в согласии с Греками и действовали совокупными силами»¹²⁸.

Крымские татары, наоборот, олицетворяли собой коварных союзников Османской империи, которые при первой же возможности стремятся заключить с врагом Турции сепаратный мир. Так, в марте 1770 г. «Санктпетербургские ведомости» сообщали о тщетных попытках турецкого султана поднять боевой дух крымских татар за счет отправки хану 700 «мешков» с золотом¹²⁹. Несмотря на все усилия турок, как отмечалось в сообщении, хан стремился лишь удержать свои земли и всерьез задумывался о мире с Россией (аналогичное известие, на сей раз апрельское из Польши помещено в номере газеты от 4 мая)¹³⁰.

Наконец, как мог заключить читатель «Санктпетербургских ведомостей», события на юго-западных окраинах Османской империи также не давали особых поводов для оптимизма в Константинополе. Например, 25 мая газета рассказала о том, что от Порты отложилась «Алжирская республика»¹³¹.

Однако, основной темой, обсуждаемой в связи с мятежами в Османской империи в российской и западной прессе, стали дела в Египте, связанные с деятельностью Али-бея.

Имя *Али-Бея* стало хорошо известно читателям как европейской, так и российской прессы с весны 1770 г. и, в целом, с самого начала вызывало сочувственный интерес. Когда Али-бей объявил себя правителем Египта, Мекки и Медины, он стал силой, способной повлиять на христианские торговые анклавы в городах Ближнего Востока. Европейская пресса удовлетворяла интерес своих читателей, помещая не только биографические справки о нем, но и сведения о Египте, о христианских негоднянтах в Египте, о дарованном европейцам праве захода в Суэц¹³². Примечательно, что в декабре 1770 г. «Gazette d'Amsterdam» опубликовала даже письмо об Али-бее, составленное маркизом Маруцци для российского двора и предоставленное газете российским посланником в Гааге Д.А. Голицыным¹³³. В Британии «революция в Египте» также получила отражение в прессе, равно как и не был обойден вниманием «знаменитый Али бей»¹³⁴.

В России стали пристально следить за усилением Али-бея с февраля 1770 г., а в апреле уже однозначно писали: «Египет освободился от турецкого подданства». В мае данное известие многократно подтверждали с добавлением, что случившиеся волнения в Египте возбудили в жителях Константинополя «великий страх», что турецкие власти озабочены состоянием дел в Египте, что Али-бей стал египетским «королем» в Каире¹³⁵.

В 1771 г. новости об Али-бее продолжали публиковаться периодическими изданиями, за его действиями напряженно следили, но никакого намека на связь

¹²⁸ Там же. 1770. № 11. Л. 2; известие из Варшавы от 13 января

¹²⁹ Там же. 1770. № 24. Л. 1–1об.

¹³⁰ Там же. 1770. № 36. Л. 2об.–3.

¹³¹ Там же. 1770. № 42. Л. 1об.

¹³² G.d'A. 1770. № 90. 9.XI

¹³³ G.d'A. № 98

¹³⁴ AR. 1770. P. 39–40

¹³⁵ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 10. 2.II.; Там же. № 35. Л. 2; Там же. № 38. 11.V. Л. 2об.; Там же. № 41. 21.V. Л. 2об.; Там же. № 43. 28.V. Л. 1об.

египетского правителя с русскими не появлялось до конца 1771 г. О симпатиях к Али-бею свидетельствует лишь то, что его порой именуют «славным» и извещают, что народ «во всех Али-бею покоренных землях совершенно доволен его правлением и радуется, что избавился от несносного турецкого ига, при том же имеет надежду, что он по причине происходящих у турок войны с некоторою христианскою державою пребудет у него в подданстве»; что «Алибей находится в совершенном здравии и в великой славе»; что «сей государь весьма прозорлив и справедлив» и следит за тем, чтобы не причиняли ущерба купцам и др.¹³⁶

В «Gazette d'Amsterdam» впервые имя Али-бея и упоминание о русской эскадре появились, казалось бы, без взаимной связи, но лишь в одном блоке новостей в январе 1772 г.¹³⁷ Правда, прошло менее двух месяцев и «Gazette d'Amsterdam» опубликовала следующие новости: будто бы Али-бей готов изъявить верность России и с помощью ее флота овладеть Кипром, где он уступит русским порт, для русских уже открыто свободное судоходство в водах Египта и пополнение запасов в Александрии, что по сообщениям из Мореи «в Александрию прибыл армянин, который назвался нанятым со стороны генерала Орлова»¹³⁸. В российских газетах новость о том, что Али-бей «отдал россиянам лучшую гавань» на Кипре, как «слух» опубликовали уже в апреле, и вскоре египетский правитель вновь удостоился похвалы: «намерения Али-бея клонятся к великим делам, к чему он склонен от природы»¹³⁹.

Вскоре в европейские издания стали поступать и известия о совместной операции летом 1772 г. русских и Али-бея с шейхом Захиром, сопровождавшейся обстрелом Бейрута¹⁴⁰. Эти известия в Амстердам пришли из Константинополя, в Россию — из Ливорно, когда начавшееся перемирие заставило А.Г. Орлова обнародовать письмо о совместных действиях с Али-беем не русских, а «маленькой греческой эскадры»¹⁴¹ или «малого греческого флота» под командованием «Георга Риссо родом из Македонии»¹⁴². Впрочем, скрыть союзнические отношения Орлова и Али-бея не удалось, и подробные отчеты о совместных действиях армии Али-бея и шейха Захира с судами российского флота при Яффе и Бейруте появились в европейских газетах в 1772 и в 1773 гг.¹⁴³ В отечественных «Ведомостях» аналогичная информация печаталась без ссылок на российское присутствие и помощь.

1/12 июля 1773 г. «Санктпетербургские ведомости» (№ 56) опубликовали и известие о поражении и кончине Али-бея, опять же ничего не сказав об отряде, якобы посланном на помощь Али-бею А.Г. Орловым. Об этом отряде «русских» специалистов сообщили британцы: «Было около 400 русских, греков и албанцев в этой злосчастной армии, которые держались обособленно и управлялись с артиллерией, достигавшей численности в 20 пушек. <...> Они также держались

¹³⁶ Санктпетербургские ведомости. 1771. № 87. 1.XI; Там же. 1771. № 89. 8.XI; Там же. 1771. № 91. 15.XI.

¹³⁷ G.d'A. № 9. 8.II.1772. «Что касается русской эскадры в Архипелаге в общем очевидно, что она вернулась в порт Пароса. А из последних писем из Алеппо узнали, что войска Али-бея овладели Сайдой, или Сидоном, в Сирии» (Там же).

¹³⁸ G.d'A. 1772. № 24. 24.III; G.d'A. 1772. № 29. 10.IV

¹³⁹ Санктпетербургские ведомости. 1772. № 28. 6.IV; Там же. 1772. № 31. 17.IV.

¹⁴⁰ G.d'A. 1772. № 77. 25.IX

¹⁴¹ G.d'A. 1772. № 85. 23.X

¹⁴² Санктпетербургские ведомости. 1772. № 86. 26.X; № 87. 30. X

¹⁴³ G.d'A. 1772. № 74, 75, 77, 99–101; 1773. № 22, 25, 27, 48, 56, 92, 94, 100; AR. 1773. Chapter 2, 3.

смело, и все были убиты. <...> Некоторые русские корабли в это же время появились у египетских берегов, но исчезли, как только узнали о несчастном обороте дел»¹⁴⁴.

События 1773 г. окончательно изменили тон сообщений о военных действиях в Средиземноморье, война в восточной части этого региона стала все более раздражать европейского читателя, слишком долго ожидающего заключения мира. Если письма из Египта в начале успешных действий Али-бея настраивали европейцев в целом в пользу этого правителя, то в 1773 г. опубликованные, например, в «*Gazette d'Amsterdam*» письма христианских негодантов из охваченных войной и беспорядками городов Сирии, Палестины и Египта содержали лишь положительные описания защитников Яффы от Али-бея, а также сетования на то, что «коммерция режима в упадке, в Гедда (Джидда) мало того, что боятся Али-бея, но и стало известным, что умер шериф Мекки, и в Аравии может начаться волнение...», «на старости лет пришлось увидеть Египет вверженным в войну, которая много лет огорчает Сирию...» (далее в письме рассказывается о поражении Али-бея: G.d'A. 1773. № 53. 2.VII). Раздражение не скрывала и английская пресса, признавая, правда, что интересы Британии, в отличие от французских, не слишком пострадали, но «левантийская торговля полностью расстроилась, и сомнительно, кто — европейские торговые державы или турки — более страдают от этой пиратской войны. Ясно, что наиболее привилегированные из них жестоко почувствовали последствия и говорят, что купцы Марселя, и некоторые другие... необратимо разорены... Огромные потери, которые понесли основные торговые державы, имели свои последствия по всей Европе и повсеместно вызвали общей застой в торговом кредитовании...»¹⁴⁵.

Итак, в прессе 1768–1774 гг. отношение к Османской империи претерпело заметные трансформации. В начале войны и на Западе, и в России Османскую империю часто представляли «большим великаном», с варварской жестокостью относящимся к подвластным, особенно христианским народам. В российской прессе в течение всей войны проводилась идея о тотальной изоляции Оттоманской Порты, а действия России встраивались в общую картину борьбы с Портой многих народов. Так, Россия выступала в качестве мощного союзника воюющих за «правое дело» государств. Мотивировки «правого дела» могли варьироваться, приобретая то религиозный (случай славянских народов, например черногорцев или сербов, греков, грузин, армян), то политический (египтяне, сирийцы в борьбе с турецким «игмом»), то историко-провиденциальный (стремление греков обрести «древнюю вольность») оттенок.

Западноевропейская пресса к середине войны уже значительно меньше соглашалась с российским мнением: уставшей от войны и беспорядка в левантийской торговле Европе любые аргументы перестали казаться весомыми. Из всех доводов, к которым примерно с 1772–1773 гг. готово было прислушиваться общественное мнение, действительно привлекательными сделались только аргументы мирного соглашения, пресекающего амбиции России во имя сохранения «лица» Османской Порты.

¹⁴⁴ AR. 1773. P.26. Российские источники не подтверждают это сообщение.

¹⁴⁵ AR.1773. P. 22.

ПРЕССА О МИРЕ И ЗНАЧЕНИИ ВОЙНЫ

Итак, война, которая в самом ее начале вызывала интерес, восторженные отклики, равно как и обеспокоенность в Европе, стала все более мешать, ее события в публикациях европейской печати постепенно уходили на последний план¹⁴⁶. Рассуждения о необходимости мира, как для России, так и для Турции, рефреном проходили через выпуски многих изданий. Пресса публиковала все сведения о мирных переговорах в Фокшанах, Бухаресте, о передвижениях русских и турецких курьеров, могущих как-то прояснить перспективы грядущего мирного договора. Летом 1774 г. пресса подробнейшим образом публиковала не только все известия о заключении мира, но и сам текст Кючук-Кайнарджийского договора¹⁴⁷.

Готовя итоговый отчет за 1774 г., «Annual Register» особое внимание уделил тому, с каким ликованием подписание мира было встречено в России: «Ничто не может сравниться с той радостью и весельем, которые охватили Санкт-Петербург с прибытием подтверждения о мире. Императрица приказала, что празднованию будет отдано 8 дней, награды, как обычно, раздавались в духе этого роскошного двора, и даже самые несчастные члены общества могли участвовать в народном веселье — двери тюрем были открыты для всех, кто не был осужден за тяжелые преступления. Даже те отверженные, кто безвестно чах в замерзающей дикости Сибири, и о них подумали в этот период благоволений, и был издан указ, чтобы все, кто с 1746 г. был приговорен к ссылке, <...> были освобождены»¹⁴⁸. Британский ежегодник не без иронии сравнивал празднества в Москве с «невиданным зрелищем» в Царьграде: «Заключение мира предоставило обитателям Константинополя зрелище, о котором ранее не слыхивали и которое не видывали: русские военные фрегаты прошли через Дарданеллы, бросив якорь в заливе. Некоторые русские торговые суда с грузами из портов Черного моря прибыли в эту столицу»¹⁴⁹.

Пресса в России и за пределами империи в кратких текущих известиях и аналитических обзорах 1768–1774 гг. сумела, на наш взгляд, представить внимательному читателю весьма полную картину военных и политических действий, сопровождавших поход российского флота в Средиземное море. Описания событий и оценки, опубликованные периодической печатью в годы войны, во многом прошли проверку временем.

Дополняемые в дальнейшем мемуарными записями очевидцев, они задолго до публикации документов из архивов сформировали историческую оценку Архипелагской экспедиции и ее значения в истории России и Восточного Средиземноморья. В начале XIX в. Г.С. Винский, характеризуя последствия Архипелагской экспедиции, запишет: «Италия порабощенная, существовала своими развалинами, древними истуканами, картинами, певцами, музыкантами, а сама собою ничего не значила. <...> Турция побитая и униженная Россией бросилась

¹⁴⁶ Это хорошо видно при сравнении, например, объема и места информации в «Annual Register» 1769–1770 гг. и 1771–1774 гг.

¹⁴⁷ см., например: G.d'A. 1774. № 53, 65, 66.

¹⁴⁸ AR. 1774. P.8

¹⁴⁹ AR. 1774. P. 9–10.

отдыхать на диван; покорна же будучи предопределению, она не видела и не хотела видеть готовимых ей снова соседкою занятий. Несчастные греки, в сию войну поднятые и оставленные Россией, несли одни все мщение своих жестокосердчных мучителей...», но тем не менее Россия «показала себя во уважительной осанке»¹⁵⁰. Примерно об этом еще в 1774 г. писала и британская печать: «Так закончилась война между этими великими империями, в которой одна добилась вершин славы, а другая пала в самое тяжелое положение и бесчестье, хотя и без значительных территориальных потерь». Однако предположения британского журналиста относительно того, что эта война окажется последней для России и Турции, оказались недальновидными: «Не кажется невероятным, что это последняя война между ними на долгие годы... и очень возможно, что новые интересы могут иметь место и новые связи сформируются у их соседей, которые обеспечат хорошую политику обеих империй, и те забудут о прошлой враждебности и объединятся в поддержке общего дела»¹⁵¹. О следующей русско-турецкой войне пресса напишет уже через тринадцать лет.

---

¹⁵⁰ Винский Г.С. Мое время. Записки // Екатерина II. Фасад и задворки империи. М., 2007. С. 33–35.

¹⁵¹ AR. 1774. P. 10.

В 1775 г. на праздновании победы над турками архиепископ Платон (Левшин) произнес:

«Внезапу в отдаленнейших странах блеснул меч Россиан, и те места, которыя прежде во училищах малым отрокам только перстом на бумаге показывали, те самыя места начал воин наш попирать победоносными стопами своими.

Внезапу храбрым российским воинством покрылись не токмо поля Влашския, Молдавския, Бессарабския, Болгарския, Херсонския, Кубанския, Черкеския, но и Колхидския и Морейския, и Негромонтския (Черногорские), и берега Архипелажские, но при том могу сказать и Сирийские и Египетские. Везде приносили с собою страх и любовь; страх противящимся, человеколюбие побежденным»¹.

Действительно, с 1769 г. присутствие в Средиземном море стало важным подтверждением вступления Российской империи «в концерт» великих держав и позволило ей не только «попирать победоносными стопами своими» земли, в которых зародилась европейская цивилизация, но и на долгое время участвовать в поддержании баланса политических и военных сил в этом важнейшем регионе — центре пересечения европейско-азиатско-африканских коммуникаций и арене англо-французского соперничества. Новое направление внешней политики подтолкнуло Россию к развитию ее дипломатии, к установлению дипломатических отношений с правящими домами средиземноморских государств и руководством Мальтийского ордена, к созданию обширной консульской службы. И в дальнейшем средиземноморское направление все более настойчиво обосновывалось геополитическими интересами России, а потому имело *историческую преемственность* (в частности, в рамках антинаполеоновской коалиции периода правления Павла I, англо-франко-русского сотрудничества и

---

¹ Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Слова... М., 1780. Т. 3. С.76.

совместных военно-политических акций в целях создания независимой Греции в 1830-е гг. и т.п.; первые русско-арабские военно-политические взаимодействия эпохи Екатерины II до известной степени предвосхитили, советско-арабские военно-политические контакты новейшего времени).

В поисках опоры для реализации своих планов Екатерина II использовала различные формы взаимодействия со средиземноморскими народами: на русскую службу широко набирались греки и балканские жители, не только участвовавшие в совместных военно-морских акциях, но и составившие в Средиземноморье обширную сеть российских официальных (консульских) и тайных агентов. Последовавшая после завершения Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. широкая греческая иммиграция в Россию способствовала заселению и культурно-хозяйственному освоению ее южных территорий. И большинство этих мероприятий задумывалось ради обретавшего свои очертания в годы войны “Греческого проекта” императрицы. Не исключала российская императрица и военной поддержки повстанческих движений на Корсике, в Египте и Сирии.

Разрабатывая идейное обоснование своей средиземноморской политики, Екатерина II и ее окружение апеллировали к *общественному мнению* европейских государств и тех кругов, которые были задействованы в этой политике. Не меньшее значение имело и обращение к возникающему в России общественному мнению. Во всех случаях учитывались господствовавшие в ментальности различных общественных слоев реальные и мифологические представления. Этим объясняются различия в идейных обоснованиях политических шагов, употребление разных дискурсов, использование разной стилистики в официальных и частных документах, связанных со средиземноморским политическим курсом: апелляция к идее создания “республики христианских государств” ради изгнания мусульман из Европы сочеталась с признанием единства и общности рода человеческого и греховности пролития людской крови; призывы к борьбе за «гражданскую свободу» — с обращением к образам и идеалам классической древности. Стилистика эпохи Просвещения сосуществовала с политико-религиозным дискурсом и широким использованием античной мифологии. Официальная риторика, доносившаяся до россиян через манифесты, проповеди, сообщения прессы, а также государственные празднества, связанные с победами русского флота, растущее число публикаций книг о Средиземноморье и переводов античных классиков, инициируемых сверху, — все это имело свое воздействие на сознание общества. В ответ в России стали усиливаться споры о мессианской роли России в защите христианского мира от иноверческой угрозы.

Изучение культурного контекста средиземноморской политики предоставляет возможность подвергнуть анализу и процесс формирования имперского культа и идеологии просвещенного абсолютизма. Война 1768–1774 гг. сыграла в истории царствования Екатерины II огромную роль. Недаром, императрица неоднократно высказывала своим корреспондентам мысль о том, что недруги сослужили ей услугу, вовлекши Турцию в войну с Россией. Блестяще решив задачи, поставленные перед Россией еще Петром I, Екатерина приобрела вожделенную славу преемницы Петра и укрепила свои права на трон. «И сколь счастлива Российская судьбина, Ее Отец был Петр, днесь Мать Екатерина», — написал тогда Майков.

Война принесла славу не только правительнице, но и ее «орлам» - целой пле-

яде полководцев, мореплавателей, государственных деятелей. В Архипелагской экспедиции, безусловно, самую значительную роль сыграли таланты двух очень разных людей А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова, сумевших блестяще поддерживать и дополнять друг друга.

Лучшего исполнителя екатерининский планов, чем деятельный, смелый и умный А.Г. Орлова, кажется, трудно было найти, у него только отсутствовал флотский опыт, который однако имелся у Г.А. Спиридова. В 1770- 1775 гг. «полномочный генерал от ея императорскаго величества Екатерины Второй всея России, главной над Архипелагом и прочая, и прочая, и прочая» граф А. Орлов становится олицетворением России в Средиземноморье. Его деятельность была многообразна: подготовка греческого восстания и совместных действий флота и повстанцев, верховное руководство всей Архипелагской экспедиции, командование рядом сражений и организация материального снабжения экспедиции, установление политических и дипломатических контактов с государствами Италии, создание школ для «гречат» и организация разветвленной агентурной сети России по всему Средиземноморью. А.Г. Орлов вступил в военно-политические контакты с арабскими, прежде всего, мусульманскими правителями Египта, Палестины, Горного Ливана и в дружеские переговоры с беим Триполи. Однако многие инициативы Орлова остались бы только намерениями без кропотливой и творческой работы Г.А. Спиридова, заботившегося и о военной базе на Паросе, и о «политическом бытии» Архипелагских островов, присягнувших России, и о школе, и о доставке греческих «мраморов» в Россию, и о подкреплении акций у берегов Сирии. На плечи А.Г. и Ф.Г. Орловых, Г.А. Спиридова, А.В. Елманова, С.К. Грейга и многих других офицеров легла, безусловно, *беспрецедентная* работа по внедрению и укреплению российского военно-политического присутствия в регионе, и в этой работе были и просчеты, и поражения, но были и серьезные успехи.

Трудно преуменьшить и роль А.Г. Орлов при создании каналов информационной связи Петербурга с Италией. И здесь, как оказалось, у него существовала прочная поддержка в лице И.И. Шувалова. Орлов в Италии сумел наладить доброжелательные отношения с тосканской герцогской четой, британскими дипломатами во Флоренции и Ливорно, городской верхушкой Ливорно и Пизы, он научился оказывать влияние на информационное пространство Италии и Европы, вступая в контакты с редакциями влиятельных европейских газет. Орловы поражали итальянцев роскошью и щедростью во время устраиваемых ими в Ливорно или Пизе российских празднеств. У И.И. Шувалова была иная роль, но и он, безусловно, исполнял секретные поручения императрицы, был вхож в высшие сферы Рима, Флоренции, Неаполя. В период Архипелагской экспедиции становится очевидной связь между итальянскими маршрутами Орлова и Шувалова: в это время Шувалов нередко оказывался рядом с А.Орловым, не только придавая орловскому блеску изысканность и «просвещенность».

Важным следствием Архипелагской экспедиции стало и то, что Восточное Средиземноморье перестало быть для российских подданных только центром притяжения редких православных паломников или полумифической землей *Иллиады* и *Одиссеи*. Оно приобретало выверенные картографами очертания и его земли наполнялись вполне реальными людьми, с которыми – как с греками, так и с турками и арабами — можно было строить вполне прагматичные отно-

шения. И четыре года существования Архипелагского княжества подтвердили возможность более или менее успешного строительства таких отношений.

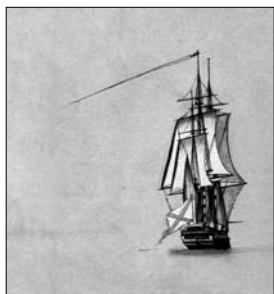
Казалось бы, что при этом многие иллюзии рухнули: греки оказались далеко от воображаемых «спартанцев с православным крестом» и их освобождение перестало казаться близкой реальностью; еще более иллюзорным стало завоевание Константинополя.

Но, как выяснилось, в Петербурге рассуждали иначе. И «Греческий проект» Екатерины 1782, и подготовка новых эскадр в 1786 г., казалось бы, показали, что Первая Архипелагская экспедиция должна была иметь не менее славное продолжение...

ПРИЛОЖЕНИЯ

---

*В.Э. Булатов, М.Б. Велижев, М.Ю. Глазков,
Е.Б. Смилянская, И.М. Смилянская*

ЗАПИСКА, ПОДАННАЯ ГРАФУ НИКИТЕ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ ГРЕКОМ ИОАННОМ ПАЛАТИНО

Публикуемая «Записка» И. Палатино имеет важное значение для изучения того, как осуществлялась императрицей и ее окружением подготовка взаимодействия с единоверцами Греции и южных Балкан в предстоящей русско-турецкой войне, а также для понимания психологии исполнителей этой задачи. Документ был обнаружен известным историком-балканистом Г.Л. Аршем при просмотре материалов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ. Оп. 2. Ед. хр. 5644). Г.Л. Арш использовал частично эту «Записку» в изложении истории Греции XVIII в. и более полно в статье о миссии Г. Папазоли¹.

«Записка» была составлена в самом конце 1768 г. (А.Г. и Ф.Г. Орловы уже находились в Италии, но И. Палатино еще не знал о готовившейся отправке в Средиземноморье эскадры). В приложенных к «Записке» документах частично дублируются материалы, привезенные И. Палатино в Петербург в 1766 г. Тогда, в 1766 г., он передал Г.Г. Орлову «подложные письма» от старшин Греции, составленные Г. Папазоли, послание Папазоли к не названной высокой духовной особе, в котором он излагал свой сомнительный замысел, и письмо самой этой особы к Г.Г. Орлову с высокой рекомендацией И. Палатино. (Это последнее послание позволяет думать, что православный иерарх был знаком Григорию Орлову и исполнял его особо важные поручения.)

Остальные документы Палатино по приказу Г.Г. Орлова передал статс-секретарю императрицы сенатору А.В. Олсуфьеву, который был, очевидно, в курсе операции (им была удостоверена подпись под грамотой Екатерины II, врученной Г. Папазоли в 1763 г.). Среди переданных А.В. Олсуфьеву в 1766 г. документов были копия грамоты императрицы, аттестат, выданный Палатино Каламатским митрополитом Анфимом, и описание области Мани, выполненное капитаном Мунгакием (Мунгакисом), а также не дошедшие до нас (или еще не обна-

¹ См.: *Арш Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768–1774 гг. Восстание в Море // *История Балкан. Век восемнадцатый.* М., 2004. С. 434–438; Он же. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 // *Новая и новейшая история.* 2010. № 6. С. 60–72.

руженные среди архивных дел) упомянутые «подложные письма», послание Папазоли к духовной особе, аттестат, данный Палатино старшинами Мани и обязательство М. Саро о выплате Палатино 900 червонцев, истраченных на содержание Папазоли и Саро.

Есть основание полагать, что часть публикуемой «Записки», в которой описывается участие Палатино в миссии Папазоли, была им составлена в 1766 г. и подана в надежде на награждение и возвращение истраченных денег. В течение двух последующих лет Палатино жил в России («по прошествии двухлетней ево здесь бытности»), ожидая резолюцию на свое прошение². Впрочем, можно усомниться в том, что Палатино оставался в России, руководствуясь только материальными соображениями. Слова Палатино о том, что он умеет хранить тайну и за все время пребывания в России любопытствующим «знакомцам и приятелям своим» объяснял (скрывая подлинные причины), что ожидает получения денег, которые ссудил в Италии одному российскому офицеру, вербовавшему переселенцев (колонистов), позволяют предположить, что он находился в России, ожидая, когда снова потребуются его услуги.

С началом войны Палатино предложил, как он пишет, «способы и предприятия», которые следует осуществить для подготовки восстания в Греции и себя в качестве их исполнителя. По-видимому, его инициатива и стала поводом к требованию Н.И. Панина составить «Записку», начинающуюся словами: «По требованию его сиятельства графа Никиты Ивановича Панина ниже подписавшийся грек Иван Палатино объясняет следующее...». Характерно, что «Записка» написана от третьего лица, но подлинность изложенного удостоверена подписью самого «Иоани Палатино» с приложением означенных документов.

«Способы и предприятия» относились к числу тех инициатив, о которых с иронией писала императрица А.Г. Орлову: «...в самое то время (когда Г.Г. Орлов «подал проект о посылке флота». — *Авт.*) множество греков, сербин и прочие единовверные авантюрьеры начали соваться ко многим с планами, с проектами, с переговорами»³. (Следовательно, в Петербурге находилось немало греков и славян, возлагавших надежды на освобождение их родины с помощью России.) Отношение Н.И. Панина к проектам Палатино неизвестно.

Между тем, документ Архива Военно-морского флота (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 213. Прошение Спиридона племянника И. Палатино от 1773 г.) свидетельствуют, что в самом начале 1770 г. Иван Палатино вместе со Спиридоном Палатино посетил Химару и некоторые близлежащие места и «исполнил порученную ему комиссию» (Палатино никогда не писал о том, в чем заключалось поручение), а потом, как сообщал Спиридон, прибыв в Пизу, они «донесли кому следовало обо всем нами учиненном». Очевидно, что в Пизе оба Палатино общались с А.Г. Орловым, который отправил дядю и племянника Палатино к брату Федору в Порт-Магон. Из Порт-Магона на корабле Ф. Орлова они прибыли в Морею и принимали участие в операциях под Короном и Медоной (как писал Спиридон Палатино, «со всею моею ревностию являл действия наивернейшей

² Согласно греческим материалам, И. Палатино до войны находился (что не соответствует нашим источникам) или выезжал в Морею. (См.: *Арш Г.Л.* Греция... С. 438).

³ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С. 298.

службы»). В дальнейшем Иван и Спиридон Палатино участвовали и в Чесменской битве, и в военных действиях на Митилене.

В ноябре 1770 г. Иван Палатино получил паспорт, подтверждавший, что он находится на действительной российской императорской службе (РГА ВМФ. Ф. 190. Д. 16. Л. 12), а заболевший Спиридон отправился в Салоники к отцу, который, умирая, завещал сыну служить императрице. Примечательно, что во время войны греки, воевавшие на стороне России, находили способы сохранять связи со своими семьями, жившими в пределах Османской империи — в Салониках, как в данном случае.

О дальнейшей судьбе И. Палатино можно заключить из сообщения М. Саро о том, что в 1784 г. Ивану Палатино было пожаловано 1000 червонцев (см. Приложение 2). Следовательно, по окончании войны Иван Палатино поселился в России.

В настоящем издании полностью публикуется «Записка» И. Палатино и два приложенных к ней документа, третий — «Описание области Мании, какое дал ему, Палатино, тамошний капитан Николай Мунгакий. 1765 год, январь 6 дня в Мании» — опущен, поскольку не имеет непосредственного отношения к рассматриваемой в книге теме, к тому же его частично пересказал сам Палатино и подверг обстоятельному рассмотрению Г.Л. Арш.

* * *

По требованию его сиятельства графа Никиты Ивановича Панина ниже подписавшийся грек Иван Палатин объявляет следующее:

Предки его шляхетной греческой породы имели жительство на острове Крите, которые по отнятии того острова у венециан турками⁴ принуждены оставить дом и все недвижимое имение, уйти в Морею и жить в Неаполе⁵.

Когда турки и Морею завоевали⁶, то отец его, лишась вторично приобретенного там имущества, преселился на остров Кефалонию⁷, где он, Иван, и родился.

Лишась в малолетстве родителя своего и получа невеликое наследство, искал пропитания себе в купеческом промысле, для которого принимал морем и на сухом пути дальние поездки, как то, в Италию, Немецкую землю и Турецкое государство.

В 763 г. явился в Италии бывший в российской службе афицер Георгий Папазол и с ним в товаристве один грек Мануил Саро⁸. Просили они некоторую духовную особу, чтоб доставил им надежного человека, которой бы в состоянии споспешествовать порученной им весьма важной комиссии.

Сей знатный между духовными человек, усердствуя Всероссийской империи и ведая состояние, его, Палатино, призвал к себе и, взяв с него пред Евангели-

⁴ Завоевание Крита (Кандии) войсками Османской империи произошло в результате Кандийской войны Венецианской республики и Османской империи 1645–1669 гг.

⁵ Имеется в виду морейский город и порт Наполи-ди-Романья (современный Навплион).

⁶ Османское завоевание Мореи (Пелопоннеса) произошло в 1460 г. В ходе войны 1684–1698 гг. Османской империи и Священной лиги — союза Австрии, Венеции, Польши, созданного при активном содействии римского папы Иннокентия XI, к которому в 1686 г. присоединилась Россия, венецианцам удалось (1687) вернуть Морею в свои владения, что было признано Карловицким мирным договором 1699 г., однако в ходе новой турецко-венецианской войны (1714–1718) турки в 1715 г. восстановили свою власть над Мореей. Потеря венецианцами Мореи была зафиксирована в 1718 г. Пажеревецким мирным договором.

⁷ Остров Кефаллония (соврем. Кефаллиния) расположен в Ионическом море западнее греческого города Патраса (совр. Патры), в рассматриваемое время находился во владении Венецианской республики.

⁸ О них см.: глава I.

ем присягу, открыл ему намерение, а во уверение сего он, Папазол, предъявил одну грамоту на греческом языке с печатью государственною, какия на пашпортах бывают отъезжающих из Российскаго государства за подписанием двух рук российскими литерами, о которых сказывал // (л. 10боб.) якобы первая была ея Императорскаго Величества собственная рука, а другая — под тою, Адама Васильевича Олсуфьева⁹.

Грамота сия писана была к горным народам, обитающим в Мании, Химаре и Черной Горе¹⁰, а содержание оныя между прочим такое: что Ея Императорское Величество, ревнуя о благочестии, желает стениящий под игом варварским православной народ избавить, посылает от себя его Папазола, чтоб уверял о всевысочайшей к ним милости и покровительстве, а при том изведаль бы о желании и состоянии сих народов. Копия с сея грамоты, переведенная с греческаго прилагается под № А.

Имевшие, хотя малое с греками обхождение, довольно ведают: с какою ревностью, усердием и любовью сей народ стремится ко Всероссийской империи. Следовательно, и ему, Палатину, слыша толь приятные выражения, не оставалось другаго, как токмо пренебречь все, которыя только можно было вообразить, опасности и приступить к тому всеохотно.

В бытность их на море уведомился он о двух шебеках трипольских корсар¹¹, находившихся в Адриотическом море. Сего для советовал Папазоли и Сару пристать к городу Котору¹² в Далмации, а оттуда б отправится на венецианском фрегате, бывшем тамо, но не могли их к тому склонить, продолжал с ними путь свой на прежнем корабле.

На другой день до прибытия к назначенному месту попались тем корсарам. В таком злосключении советовал ему, Папазолу, чтоб все // (л. 107) имеющиеся при нем писма бросил он в море, что им и зделано, а при том он, Папазоли, слезно просил его, Палатина: чтоб он переменял имя свое и пашпорт, в котором он числился подданным австрийския державы и тем в безопасности находился, уступил бы ему, Папазолу, обнадеживая не токмо скорым выкупом из плена, но еще, что он Всевысочайшею за то монархини его милостию взыскан будет.

Жалость и предстоящая погибель, в которую бы Папазол себя ввергнул, убедили исполнить плачевную его просьбу тем паче, что есть ли бы варвары дознались, что он — российской офицер, и намерение поездки его открыли, произвело б не токмо великое смятение, но и нанесло б неповинно многим из его, Палатина, одноземцов пагубу.

Таким образом получил Папазол свободу и с ним товарищ его Мануил Саро под именем его служителя. Он же, Палатино, сделавшись пленником безчеловечных варваров, лишился всего до последней рубахи и заключенный в оковы уве-

⁹ Олсуфьев Адам Васильевич (1721–1784), с 1762 г. был назначен статс-секретарем Екатерины II, с 1763 г. — сенатор.

¹⁰ Мани — греческий горный район южной оконечности Пелопоннеса (Мореи); Химара — южная часть Албании, населенная преимущественно православными албанцами Черная Гора — Монтенегро, или Черногория.

¹¹ Шебека — легкое парусное гребное судно Средиземноморья, обладало тремя мачтами с косыми парусами и 20 парами весел, имело вооружение от 20 до 50 пушек. В тексте речь идет о пиратах полунезависимого от Османской империи Триполийского зялета.

¹² Котор — порт на Адриатическом море и центр Бокки Которской («венецианской Албании») — владения Венецианской республики.

зен в Триполь. Там посадили его в тюрьму с прочими невольниками, где питаем был одним хлебом да водою, терпя иногда побои и ругательства около трех месяцев, пока некоторые из земляков его, торгующих тамо посредством австрийского консула выкупили из плена.

Избавясь, оттуда приехал в Венецию и нашел Папазола, который объявил: что отправил он Мануила в Манию, однако сомневался, что б сей пьяной человек в состоянии был что либо совершить, и для того просил его, Палатино, чтоб и сей труд взял на себя. // (Л. 107 об.)

Но как он, Палатино, довольно зная: какие по сему делу от неосторожности Папазола и товарища его разсеялися в тамошних народах опасныя слухи, не осмелился ехать в Манию прямо, а употребил околичныя средства со всякою предосторожностью, как следует.

Будучи еще в Венеции, накупил разных товаров и уехал в Морею, по разпродаже оных в Патре и Триполице, где баша главный резидует, познакомился там с одним знатным турком, которой при отъезде его, Палатино, в Каламату рекомендовал писменно племеннику своему, находившемуся там воеводою, именуемому Мимиси-ага. Сей, получа письмо, принял его ласково и между прочим спрашивал: для каких товаров приехал? Ответствовал для покупки шелку да масла деревяннаго¹³, умышленно таких товаров, каких в том году вовсе там не родилось.

По таким обстоятельствам помянутой воевода советовал ему, Палатино, что б за недостатком в том году оных товаров и что б не изубыточится ему вовсе, ехал бы он в Манию и, тамо наняв судно, нагрузил бы желудками¹⁴, употребляемыми для выделки кож. Сего он, Палатин, и желал, однако отзывался, будто он к толь опасному и хищному народу ехать не смеет, да и не желает. Воевода обнадеживал его не опасаться в разсуждении том, что старший де из тамошних капитанов Мавромихайла¹⁵ ему друг и приятель, к коему даст письмо и провожатых четырех турков, что и учинил. Между тем он, Палатино, дал знать // (л. 108) чрез одного инока, коим образом отправляется он к нему, Мавромихайлу, под видом покупки у него желудков в самом же деле, чтоб донести ему тайно о некотором важном деле и для того б постарался в присутствии посланных с ним турков удержать его у себя, не взирая на его, Палатино, умышленное отрицание.

Приехав в Манию и отдав письмо ему, Мавромихайлу, вступил в торг, а потом и контракт заключил, который и ныне у него хранится.

По заключении договора Мавромихайло говорил, что б он, Палатино, за неимением такого плода еще в наличности пробыл бы у него несколько времени, а туркам ехать обратно приказал.

Притворяясь, он, Палатино, долго остаться и турков от себя отпустить не хотел, но, наконец, остаться согласился.

По отпуске турков повел он капитана Мавромихайла в церковь и, обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего, которой при ответствовании похвалял его поступок и поведение, жалуясь на Мануила

¹³ Деревянное масло — старорусское название масла оливкового.

¹⁴ Желудки — по-видимому, галлы, или чернильные орешки, обладающие дубильными и красящими веществами и являющиеся предметом экспорта в Европу из северо-восточного Средиземноморья.

¹⁵ Мавромихайли Георгий — представитель знатного рода Мании, крупных греческих землевладельцев, одна из резиденций которых находилась в заливе Бетило (Ветуло).

Майнотское селение Кардамили

Саро и при том говорил, что весма удивляется, да и невероятным кажется, что б толь // (л. 108об.) преславная и величайшая в свете держава похотела б поручить толь важное дело такому человеку, каков есть Мануил Саро. Объявил при том: что по произшествие с его товарищами ссор и междоусобий точно на сие ответствовать не может.

В разсуждении сего он, Палатино, для избежания дальних замешательств и затруднений отправил Мануила Саро на корабле с желудками, сам же остался в Мании под видом покупки масла деревянного для котораго и контракт с капитаном Кумундуракием заключен, употребив между тем все возможные средства, что б их примирить и преждее между ими согласие и дружбу возставить.

Достигнув сего с великим трудом, открыл в собрании тамошних начальников, или капитанов намерение свое, для котораго к ним приехал, что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они по единоверию и отъличной к Ея Императорскому Величеству ревности готовы жертвовать кровию и животом для славы Ея империи и спасения правоверного народа от ига варварскаго, обещаясь при том послать от себя поверенных к Всероссийскому Императорскому Двору для принесения всеподданническаго повиновения и преданности. Ему же, // (л. 109) Палатину, советовали, что б он дожидался их в Кларенсе, при чем дали ему писменное за руками своими свидетельство, в котором, похваляя его поступки, благодарили при том за доставление им общей дружбы и согласия и при том письмо от старшаго капитана Мавромихайла к митрополиту Каламатскому и Монеувасийскому, которым просил, что б сей митрополит изготовил для родственников его, отправляю-

щихся будто б для наук в Европейские государства пристойное свидетельство.

Помянутой митрополит, получа сие письмо и узнав от него в тайне прямое тому намерение, весьма обрадовался и уверял, что и он в таком всевожденном для всего христианства случае не приминет споспешествовать всеми силами и способами, имея великую доверенность у тамошняго народа. При отъезде сей митрополит дал ему, Палатину, свидетельство, которое при сем прилагается под № Б.

*Церковь Св. Николая на юге Пелопоннеса. X в.
(Agios Nikolaos Kampinari)*

В ожидании прибытия в Кларенс помянутых персон получил из Мании письмо, в котором пишут, что за противную погоду не могли отправиться в намеренной путь и для того советовали ему: что б ехал к товарищу своему Папазолу и объявил бы о том, о чем постановлено и, когда де за благо признает, приехал бы он, Палатино, обратно к ним или отписал бы куда следовать отправленным для свидания с ними, присовокупя и то: что разсеянная по всему Пелопоннису молва, // (л. 109об.) будто бы Мания отдалась в подданство Российской империи, между тем утихнет.

Приехавши оттуда в Венецию, предъявил Папазолу все произшествие, которой сказал: что он труды и поступки его, Палатина, весьма чувствует, но сожалеет при том: что по обстоятельствам не находит в том надобности тем наипаче: что отправил уже товарища своего Мануила Саро в Россию, чтобы донес: яко бы уже действительно некоторые старшины из Мании находятся в готовности для отправления в Россию и для изтребования на путевые расходы денежные суммы. При чем предъявил другую грамоту под именем Ея Величества с такою же печатью и одинакаго с прежнею содержания, которую яко бы получил чрез аглинскаго резидента и между тем просил, чтоб он, Палатино, под именем маньятских старшин ехал бы с ним в Россию, присовокупя и прочих в товариство под тем же именем.

На такое пагубное ево внушение Палатин отвечал ему: что повидимому он, Папазол, еще недоволен причиненным ему толиким бедствием, как и тем, что он для спасения его предавал себя на жертву варваров: но желает, что б еще и повешен был в России. На сие сказал ему: не опасайся в России де не казнят и не вешают. // (л. 110) Но как он, Палатино, не хотел на то склоняться, то побуждал его чтоб он советовался с помянутою духовною особою; вследствие чего вручил ему одно письмо, в котором не устыдился открыть такой умысел, приложив и те подложные трех писем образцы, сочиненные им для подачи по приезде в Россию под именем старшин и всего общества Мании, первое к Ея Императорскому Величеству, второе к Его Высочеству Государю Цесаревичу, а третье графу Григорию Григорьевичу Орлову, написал в оных: будто бы оные старшины и все общество Мании передает

*Дом Мавромихали в Витуле:
«капитанский дом»*

себя в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества как верные рабы и подданные, в удостоверение чего посылают от себя таких то старшин и товарищей своих, дая им полную власть и силу что-либо постановлять и заключать во всем, что касаться будет до общей пользы и благосостояния их.

Часто реченная духовная особа, видя такой сумасбродной его поступок и не сомневаясь более, что он человек опасный и обманщик, советовал ему, Палатину, удалиться от него вовсе и ни в чем ему более не верить, а — ехать бы самому в Россию в намерении: что буде такая комиссия с ведома Ея Императорского Величества, то сделает долг, когда о происшествии оной удостоверительно донесет, в противном же случае Ея Величество // (л. 110 об.) как человеколюбивая и великодушнейшая в свете монархиня не лишит его материнским призрением в разсуждении претерпенных им толиких бедствий и разорения.

Сего ради дал ему, Палатину, как письмо, которое он, Папазол, о затеянии своем писал к нему, так и прочие подложные письма в докзательство ево несправедливости, а Палатина честных поступок, да сверх того одобрительное письмо к его сиятельству графу Григорию Григориевичу Орлову, которое по прибытии в Санкт-Петербург и вручено. А прочие письма и документы отданы по приказу ево ж сиятельства его превосходительству Адаму Васильевичу Олсуфьеву. А именно: 1-е Копия, писанная Папазолом с той грамоты, которую будто бы получил он в Венеции чрез аглинского резидента. 2-е его же руки три подложных письма, и оное письмо в подлиннике, писанное от него к той духовной особе. 3-е два аттестата, данные ему от митрополита Каламатского и старшин Мании. 4. Описание области Мании, которое дал ему тамошний капитан¹⁶ Мунгакий. 5. Обязательство Мануила Саро в девяти стах червонных, издержанные им, Палатином, на содержание его, Папазола, с товарищем.

В продолжении здесь его прозбы и домогательства между прочим доносил, что он вечно чрез коварство Папазола сделался // (л. 111) несчастным. Разве прославленное в свете Ея Императорского Величества человеколюбие не отринет милосердия по единственному состраданию матерняго Ея сердца от такого злощастнаго человека, которой за честь и любовь имени Ея и за достоинство империи предпринял такой подвиг, и жизнь свою предавал в жертву.

На последок по прошествии двулетней ево здесь бытности, ожидая резолюции, удостоился за претерпенныя бедствия, труды и убытки и за издержанные выше помянутые девять сот червонных получить двесте червонных чрез Адама Васильевича.

На последок по прошествии двулетней ево здесь бытности, ожидая резолюции, удостоился за претерпенныя бедствия, труды и убытки и за издержанные выше помянутые девять сот червонных получить двесте червонных чрез Адама Васильевича.

¹⁶ Капитанами именовали местных правителей, представлявших политически влиятельные богатые семьи, а также командиров отрядов клефтов и арматолов (см. далее).

В заключение по сему делу бывших произшествий и поступок ниже подписавшийся преподает краткое сведение о состоянии греческих народов, знаменитых пред прочими тамо храбростию и частым с турками сражением, которые не токмо собственную волность, но и околных им христиан защищают от налогов варварских.

1-е Майна есть область южной части Мореи, или Пелопониса, коея жителей называют маниатами. Они, остаток славнаго в древния времена лакедомонскаго народа¹⁷, имеют у себя форму правления республиканскую. Военная их сила, хотя не более четырнатцати тысячей вооруженных людей, однако турки и поднесь покорить их не могли. Они дани им не платят, имея при том с Малтою великую дружбу. Владение их окружается по большей части горами и морем, где имеют разныя пристанища, // (л. 111 об.) как о том пространно значит в описании, при сем приложенном под № В.

2-е Между Фесалиею и Епиром находятся горные места под именем Аграфа, Катохи, Кравари, Карпонис, Кандилес, Липну, Пиратия, Драгоместо и прочие уезды, в которых жительствует Ян Букувал и называется у тамошних народов главной арматол¹⁸, а иногда старший капитан, имея в ведомстве своем других подчиненных ему капитанов, а имена их: Макропул, Стафас, два брата; Зидрей Кондоянний Гиоксий, четыре брата Гривей, Кондопан, Каракимза, Гаспулий; Тронкетов, Драгомар, Лириотий, Анагноста, Граматико и прочие, из коих каждой имеет на своем содержании до пяти сот вооруженных людей, а в нужном случае могут все великое число войска поставить.

Сей Букувал по всегдашним с турками и арнаутами¹⁹ сражениям во всей Греции славен и у тамошних христиан великую любовь и доверенность имеет, которых защищает он от налогов и хищения, чинимых им турками и арнаутами, и содержит их в страхе, за что не токмо получает у христиан знатные доходы, но и живущие в околных местах турки для без опасности своей платят ему дань.

Зе В Епире, южной части Албании, живут // (л. 112) химариоты, народ весьма храбрый и сильный, которых и венициане употребляют в военную службу, а у короля неаполитанскаго составляют один полк гвардии под именем Македонскаго, а полковник онаго граф Карафа родом из Кафалонии. По прошествии трех годов возвращаются они в отечество свое, а на их места никто не вступает, кроме одноземцов их, чрез что они сверх природной их храбрости, приобретают еще и в воинской эксерциции довольное сведение и способность.

Вышеписанные народы, которых главнейшее благополучие состоит в упражнении меча и оружия, не токмо себя, но и соседственных им христиан защищают.

Повидимому, не трудно было бы сему толь храброму народу истребить вкоренившуюся между ими агарянскую власть, ежели бы Россия приняла оный в совер-

¹⁷ Лакедомонский (искаж., лакадемонский) народ, — население Лакадемона (Спарты), области древнего Пелопоннеса.

¹⁸ Арматолы (от итал. *Armato* — «вооруженный») — члены местных отрядов, призванных нести охрану и устанавливать порядок в районах своего пребывания, рекрутировались из перешедших на службу властям клефтов. Клефт (греч. «вор») — название маргинальной части населения, имеющее амбивалентный смысл, подразумевающий тех, кто стал на путь разбоев, но и борьбы с османскими властями. (О них см.: *Ариш Г.Л.* Греция: Аристократия, жители континента, островитяне и диаспора // *История Балкан. Век восемнадцатый.* С. 411).

¹⁹ Арнауты, или албанцы — обозначение наемных солдат нерегулярных пехотных войск в Османской империи. Перенос этнического наименования на профессиональные занятия произошел оттого, что среди наемников в этом регионе албанцы, действительно, составляли значительную часть (см.: *Ариш Г.Л.* Албания: Рост сепаратизма местных властителей. С. 486).

шенное свое покровительство. Следовательно, ни что из всей подсолнечной не в силах оживотворить падшей их славы, и совокупить разсыпанные сии члены во единое тело, опричь Ея Императорского Величества просвещенныя души и милосердия.

Когда по высочайшему соизволению на него, Палатина, возложена будет сия комиссия, то он за веру и любовь ко своему отечеству не токмо всеохотно оную приемлет, но и жизнь свою нещадить принести в жертву, обещаясь хранить порученное в тайне так как он во всю бытность свою здесь никому о том не открывал, а отзывался к знакомцам // (л.112 об.) и приятелям своим, которые ведать домогались, что прозьба его состоит в некоторой сумме денежной, которую он ссудил в Италии одного российского афицера, посланного туда для колонистов.

В следствие чего находит к тому следующие способы и предприятия: 1е чтоб ему, Палатину, для тамошних архиереев и светских начальников дано пригласительная ко принятию оружия грамота за печатью государственною и потребное число манифестов печатных, какие публиковав против турков на греческом языке.

2е В знак достоверности о Высочайшем Его Императорского Величества благоволении и матерняго с ним покровительства, а толь паче для большего ободрения и всеподданнической их ревности, за нужное почитает раздачу духовным персонам по одной панагии, а светским начальникам по одной же медали для ношения на груди с портретом Ея Величества, для чего послать с ним одного или двух из природных россиян, италианский или греческой язык знающих.

3. Получа он сию комиссию, отправится прямо в остров Корфу, оставя в стороне Вену, Триест, Венецию и Ливорн во избежание сумнительств по произшедшей тамо между греками молвы от неосторожности в бытность тамо Папазола и товарища его Мануила Сапо. // (л. 113)

4е. Из острова Корфу отправится он прямо в Химару, откуда проезд весьма близок и способен, после того к Букувалу, а оттуда уже в Манию.

5е. В продолжении сих поездок старатся будет о нынешнем состоянии и намерениях помянутых народов и о всем, что ему предписано будет получать достаточное и основательное сведение за печатями и подписками тамошняго начальства духовнаго и светскаго звания, и по приезде в Россию поднести оное на всевысочайшее рассмотрение.

6. Буде ж сие медлительным покажется: в разсуждение том, что целая кампания без действия будет, то не соблаговоленом будет, чтоб они при первом уже случае соображали общие между собою силы и надежнейшие способы и, постановив оныя, намерев единогласно, приступить б к действию как им за благо разсудится, к чему они с радостью приступят, лишь бы токмо обнадежить их, что Россия никогда от них не отступит, ниже мириться с турками впредь осуждение их не станет.

Таким образом не токмо вышеписанные народы устремятся соединенными силами на всеобщаго неприятеля, с которым они и без того имеют непримиримую вражду и сражения, но и разпространить могут истребление его по всей Греции, подвигнув не токмо все греческие, но и славянские народы, яко то босняков, долматов²⁰ и болгар до самой Черной Горы, а наипаче в такое всевожденное время, в которое всевышняго // (л. 113об.) десница дарует первую победу и благословение праведному Ея Величества оружию. Тогда каждой за веру и избавление свое при-

²⁰ Долматы — имеется в виду многоэтничное население Далмации.

мет оружие, которое у всех тамошних жителей для крайности и спасения живота своего со излишеством хранится, не взирая на все угрозы и прещения турков, которых они и многолюдством своим десятирицею превосходят.

Невозможно при том оставить без уважения и того способа, которой не менее удобен поспешествовать пагубе неприятеля, есть ли обстоятельства не препятствуют, чтоб Россия отправила корабельную эскадру с военным снаряжением для занятия Коринфского залива, которая бы неприятельским кораблям заключила ход между Пелопонисом и Ливадию и оттуда бы со всеми помянутыми народами и островами, лежащими на Средиземном море, иметь можно удобное сообщение и разпоряжения воинския, где не токмо знатное число судов и матросов в разсуждении промысла и привычек в море плавании островских тамо жителей, но и работников и съестных припасов со излишеством доставить можно, и где все греческие народы, увидев паки парящего в отечестве их орла, подвигнутся сугубым мужеством и крепостию духа, а враги падут в бездну уныния и в конечное порабощение. О всем, что он о состоянии своем писал, Ваше Сиятельство, можете уведомиться чрез министра, при венском дворе находящегося, ибо многие греки в Вене его, Палатина, знают, а — в Италии чрез их Сиятельство графов Алексея Григориевича и Федора Григориевича Орловых, по тому что он, Палатин, // (л.114) как в Венеции, так и в Неаполе довольно известен. Есть ли же здесь от него ложно показано, то подвергает себя законному наказанию.

Ioani Palatino

Приложение А

(Л. 115) Божею милостию Мы, Екатерина Алексеевна, императрица и самодержица всероссийская и прочая и прочая и прочая.

Мы по присяге Нашей, как блаженные памяти дед наш Петр и прочие предки Наши учредили, имеем содержать, хранить и защищать православные восточные Христовы церкви греческия. И так почитая сие всегда за долг с твердою мыслию и намерением содержим всегда оружие воинства Нашего в готовности против тех, кои бы воздвигли брань на православие. Почему со дня возшествия Нашего на священный престол Российского государства и принятия царского скипетра сего православного Отечества непременный Нам долг надлежит не токмо защищать сие Отечество Наше, но и все прочия народы единого и того ж православного исповедания, как Мы пример показали на законном супруге Нашем, царствовавшем несколько времени и желавшем переменить всю систему предков наших и обратить наш православный народ ко другому закону разными предприятиями. Видя сие и не терпя, горячности ради ко православию, встали с согласия православного воинства и лишили его сего святого престола, дабы не нарушал святого православного греческого закона.

Сею ко православию ревностию побуждаемы, ожидаем всякого случая ополчиться против врага веры православных и свободить народ греческий православный, находящийся в пленении оттоманском, будучи довольно известны, в каких злоключениях находится оный под сим тираном.

По сей причине 1762 года месяца октября 29 дня определили и указали Мы правительствующему нашему Сенату сыскать из воинства Нашего достойного человека для

тех мест и искуснаго в языке и делах, котораго бы можно послать с объявлением всем тамо живущим православным ревности и милости Нашей, которую Мы охотно к ним имеем, и стараемся учинить им вспомошествование в получении их свободы.

В следствие сего правительствующий Сенат // (л. 115об.) представил Нам сего Георгия Михайлова сына Папазоли, артиллерии Нашей поручика и вверили ему в разсуждении верная его службы, определив послать ево прежде к народу спартанскому и лакедемонскому, потом в Черную Гору, Химару и прочия таковыя способныя ко приуготовлению войны места, дабы объявил намерение Наше. Устно даст он знать со стороны Нашей о самознатнейших и способнейших предприятиях, объявив им милость Нашу.

Послан из Москвы 1763 года мая 26 дня.

Но как теперь из челобитных от него к Нам присланных усмотрели Мы, что не мог он достигнуть тех мест по притчине затруднений, приключившихся ему от морских разбойников, то паки повелеваем ему отныне и впредь употребить всякия способы ити и исполнить повеление Наше — пожелание, которое имеем к освобождению рода христианскаго, чтоб он из тех стран прислал к Нам все сведения по повелению Нашему и доносил о желании и намерении и о всяком произшествии, которая бы между сими народами случилися и предприняты были. В Сан Петербурге 1764 года августа 12 дня.

На подлинном подписано тако:

Екатерина Вторая

Адам Олсуфьев из Кабинета № 8474.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

(Л. 116). Митрополите,

Смирение наше сим нашим писанием объявляет, что приехал сюда господин Иван Палатин в месяце августе, жил доволное время и учинил договор с капитаном Георгием Мавромихайлом, чтоб нагрузить судно желудиями. Когда он был здесь, случилися ему разные препятствия от морския бури и от брани междусобныя маниятан обыкновенныя, как он сам господин Иван видел и не преминул говорить то, что надлежало. Многократно и я ему советы пристойные и надлежащие подавал в деле, которое он мне открыл, и о котором меня спрашивал. Ибо в разсуждении того, что Мании, как епархии нашей, большая часть находится под нашим покровительством, и что мы удостоверилися о подъятых его трудах и стараниях о приведении к концу дела, порученнаго ему от своих начальников, даем ему, господину Ивану Палатину, сие свидетельство для всякаго вероятия.

Благодать же Господа Нашего Иисуса Христа, да устроит наши вся благая за предприятия его подвиги и претерпенные искушения.

1765-го года генваря 8-го дня

Монемвасийский и Каламатский Анфим.

ПРОШЕНИЕ, ПОДАННОЕ НА ИМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ГРЕКОМ МАНОИЛОМ САРО

«**П**рошение» М. Саро обнаружено в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде X (Кабинет Екатерины II) среди обращений на имя Екатерины II греков и других иностранцев, находившихся «в делопроизводстве у графа А.А. Безбородко» (Оп. 1. Ед. хр. 645. Л. 94). В деле содержатся десятки горестных обращений греков — участников военных действий Архипелагской экспедиции, переселившихся в Россию, с просьбой о получении должности, пенсии, материальной помощи. Среди них и знакомые имена — лейтенанта Д.Д. Поликутти, Петра Псаро (брата Антона Псаро), Ивана Ризо (брата Георгия Ризо) и т.д.

«Прошение» М. Саро написано, возможно, в тот 1785 год, когда на него была наложена резолюция о выдаче просителю суммы в 300 рублей, т.е. в размере годовых процентов с его первоначального капитала в 5 тыс. рублей, истраченного на исполнение поручения Г.Г. Орлова. Этот документ содержит некоторые дополнения к известной «Записке» Саро, доставленной Г.Г. Орлову в 1765 г.¹ Кроме того, он проливает дополнительный свет на разногласия Н.И. Панина и Г.Г. Орлова по поводу использования греков в предстоящей войне.

Сопоставление текстов выше публикуемой «Записки» И. Палатино и слёзного и красноречивого «Прошения» М. Саро позволяет составить портрет еще одного участника борьбы за освобождение Греции с помощью России (хотя М. Саро, пожалуй, надлежит отнести к числу тех «единоверных авантюрьеров», о которых писала императрица).

* * *

Всемилостивая Государыня!
Позвольте старику, увеченному и дряхлостию, болезнями и сущюю нищетою удрученному, предстать престолу Вашего Императорского Величества для представ-

¹ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С. 272. См. также гл. 1 настоящего издания.

ления обстоятельств, в которых он по привязанности к вере и к интересам Вашим и империи Всероссийской пожертвовал здоровьем и всем именем своим.

Быв употреблен для вывоза сюда зверей из Африки, приобрел я трудами и полученными от Вашего Двора награждениями за предприятия в тот край света многотрудныя путешествия пять тысяч рублей. Капитал сей, находясь в руках известного купца Папанелопула, получал я с онаго ежегодно по триста рублей, которыя особливо по дешевизни тогдашних времен доставляли мне способ жить здесь безбедно и можно сказать изрядно.

Таким образом, пользуясь совершенным покоем и здоровьем был я позван в 1763 году к его светлости князю Григорью Григорьевичу Орлову, которой зделал мне предложение ехать тайно в Морею и иныя греческия места для узнания, в каких расположениях тамошние жители относительно до здешняго двора находятся и для приуготовления их заранее к будущей Турецкой войне. Обещанное награждение за такое весьма опасное предприятие было велико, и сколько оно, столько и больше еще – привязанность к вере сограждан моих, под игом гнуснаго рабства стнящих, и усердие // (л. 94об.) к интересам Вашего Императорского Величества и империи Всероссийской побудили меня согласится на предложение мне учиненное, взять капитал мой от купца Папанелопола и отправится отъсюда с артиллерийским порутчиком Георгием Папазоли и с полученным от вице-канцлера князя Голицына² паспортом.

В проезд мой через город Пест был я задержан тамошним губернатором по возимевшему обо мне подозрению, однако ж вскоре освобожден, получа нужной и поныне мною хранимой паспорт из Вены от князя Дмитрия Михайловича Голицына.

В Триесте, познакомясь с греком Иваном Палатино и разведав, что он с разными маниотскими старшинами в тесном знакомстве находится, уговорил я ехать со мною в Левант. На сем пути к совершенному нещастию моему был я с обоими товарищами моими захвачен триполитанскими корсарями, которые, заграбя все деньги и все мое имение, били меня нещадно, повредили ногу таким образом, что я с того времени ею почти не владею, и отвели нас в Дураццо³, где случившийся к счастью нашему приятель мой грек Петр Ставропуло выкупил за триста червонцев.

Освободясь от рук варварских и получа от побоев облегчение, отправился я с товарищами в Венецию, где грек Ставро Ставропуло зделал мне кредит для закупки белья, прочих необходимонужных вещей и продолжения моего путешествия.

В сем последнем месте расстался я с порутчиком Папазоли и отправился с Иваном Палатино в назначенныя мне места. В оных был с лишком два года, ездил по разным греческим островам и городам, объявил жителям все мне здесь князем Григорием Григорьевичем повеленное, отвлекал их от повиновения к Порте Оттоманской, и научал их прибегать к всемогущему покровительству великия Екатерины защитницы их и поборницы веры // (л. 95) их.

² Голицын Алексáндр Михáйлович (1723–1807), вице-канцлер, вице-президент Коллегии иностранных дел. Действительный тайный советник (с 1764 г.).

³ Дураццо (совр. Дуррес) — албанский порт на Адриатическом море, входил в османские владения. С конца XVII в. в Дураццо имелись консулы Венеции, Неаполя, Франции, Англии и Голландии.

Таковыми и подобными внушениями, ободря унылой дух, привел я старшин первейших тамошних фамилий к должной Вашему Императорскому Величеству присяге, которую они подтвердили во множестве писем, присланных потом сюда к князю Григорию Григорьевичу. Его светлость, поблагодаря и похваля меня много за порядочное исправление наложенной на меня важной комиссии, изволил мне несколько недель спустя по приезде моем в Петербург сказать, чтоб я для получения обещанного награждения явился к графу Никите Ивановичу Панину, потому что вверенная мне комиссия касается до Коллегии иностранных дел.

Умолчу я здесь, всемилостивейшая государыня, о времени употребленном во тще на непрерывное хождение к сему министру, а только донесу, что по истощании терпения, прибегнул я паки к его светлости, которой мне письменную рекомендацию дал к Григорию Васильевичу Козицкому⁴. Сему подал я формальную челобитную на имя Вашего Императорского Величества, которая осталась без всякой резолюции.

В 1775-м году явился я в третий раз к его светлости князю Григорию Григорьевичу, которой мне паки дал письменную и весьма изрядную рекомендацию к тайному советнику Козмину⁵. Но и тут успех такой же был, как и в прежних стараниях моих.

Вот, Всемилостивейшая Государыня, точное и верное описание моего дела. Воззрите на оное с свойственным великой Вашей душе милосердием и человеколюбием. Сравните прежнее мое состояние с нынешним. Имел я капитал, получал с оного доход, был здоров и не изуродован. Теперь же лишаясь капитала и дохода, нажил болезни и при том еще увечен; одним словом, все принесено на жертву усердию к вере, привязанности к Вашим интересам и надежде на награждение, обещанное высочайшим Вашим именем.

Положите, Всемилостивейшая Государыня, конец жестокости сей несчастной моей судьбе, продолжающейся почти дватцать лет сряду! Обрадуйте старость мою возвращением только моего капитала без процентов за дватцать лет, составляющих шесть тысяч рублей, или же всемилостивейшим назначением небольшой пенсии и оплатою нажитых долгов, дабы сим способом в страшный час // (л. 95 об.) смерти душа моя с покоем могла оставить тленное тело и не была мучима и терзаема укорами заимодавцев моих.

Товарищ мой Иван Палатино, не приданной мне от Вашего высочайшего двора, а мною самим только на пути взятой и не знавшей почти ничего о вверенной мне тайне, получил в прошедшую зиму от Вашего Императорского Величества тысячу червонцев в награждение. Могут ли по тому правосудие, справедливость и человеколюбие Вашего Императорского Величества оставить без воздаяния начальника сей важной тайной и опасной комиссии, имеющего в руках своих о порядочном оной исправлении свидетельство написанное и подписанное рукою самого князя Григория Григорьевича?

Пускай решают они сей вопрос и будут единые судьи мои в сем свете. Я предаю им мою судьбу; не имею уже больше никакого сомнения о будущем моем

⁴ Козицкий Григорий Васильевич (1724–1775) — писатель, переводчик. С 1768 г. был назначен секретарем Екатерины по принятию челобитных, выполнял роль и литературного секретаря императрицы. Представлял в Уложенной комиссии Контору опекуства иностранных.

⁵ Козьмин Сергей Матвеевич (1723–1788), статс-секретарь Екатерины II.

щастии и повергая себя к стопам благотворительницы моей, толь многими и безприкладными благодеяниями самому всевышнему Творцу себя уподобившей, пребываю до гроба со всеглубочайшим благоговением и с совершеннейшею признательностию.

Всемиловейшая Государыня!
Вашего Императорского величества
всеподданнейший раб

Грек *Маноил Саро* (подпись по-гречески)

[Виза на л. 94]: Пожаловать просителю 300 ру[блей] мая 5 1785.

РГАДА, Ф. 15. Д. 146. Л. 94–95об.
Публикация И.М. Смилянкой

ПИСЬМО КАНДИОТА ИВАНА СИДЕРАЧА ГРАФУ А.Г. ОРЛОВУ С О. КАНДИЯ (КРИТ) С ПЛАНом СОВМЕСТНЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ГРЕКОВ И РУССКИХ

Письмо кандиота Ивана Сидерача представляет собой образец проектов, каковые греки Восточного Средиземноморья направляли на имя графа А.Г. Орлова, связывая с его именем надежды на помощь российского флота в освобождении от османского владычества (см. гл. 4). Письмо сохранилось в переводе с греческого в архиве канцелярии адмирала Г.А. Спиридова среди прочих дел о контактах российского командования с греческим населением Мореи и Архипелага. Оно датировано февралем 1771 г., т.е. временем первой зимовки русского флота на Паросе, временем создания Архипелагского княжества, когда перспективы кампании 1772 г. и вообще дальнейшего пребывания в Восточном Средиземноморье виделись российскому командованию весьма туманно (см. подробнее гл. 4, 5).

У автора письма кандиота Ивана Сидерача имелось не только горячее желание организовать свержение османской власти на о. Крит, но и твердая вера в безграничные возможности российского флота. Однако эти возможности были многократно преувеличены. А потому просьба прислать в помощь Ивану Сидерачу и его четверым друзьям — «одну тысячу человек российского регулярного войска и довольно число гренадеров с ручными гранатами, и людей, которые будут носить пороху для пушечных зарядов», да еще «нада, штобы и флот недалеко от берега был, так чтобы он около рассвета мог на море появиться против самой крепости для приведения неверных в большую робость» — так и не могла быть исполнена. Напомним, что при строительстве военных укреплений на Паросе зимой 1771 г. командование спускало на берег всего около *ста* человек, что из «российского регулярного войска» в распоряжении командования был только что прибывший с эскадрой контр-адмирала Арфа Шлиссельбургский полк (осенью 1771 г. в нем числилось всего около 400 человек), а о «гренадерах с гранатами» и командованию российского флота в это время приходилось только мечтать.

Между тем, публикуемый документ является замечательным памятником, в котором нашли отражение многие

проблемы русско-греческого взаимодействия в первый год Архипелагской экспедиции: с одной стороны, преувеличенные ожидания и энтузиазм греков, с другой — невозможность ограниченными силами русских этот энтузиазм поддержать.

* * *

Его сиятельству и прочая защитнику всех православных, надежде востания упавшаго греческаго народа и утешение всех бедных и печальных христиан¹. Как меня, покорнейшего Вашего сиятельства слугу Ивана Сидерачи, уведомил Иван Петуси о намерении и желании Ея Императорскаго Величества до избавления бедных христиан от варварскаго ига касающихся, то уже мой дух не мог больше иметь спокойства, но, думая я беспрестанно, каким образом можно мне оказать Ея Императорскому величеству какую-нибудь услугу, не нашел лучшего способу кроме сего, которой мной внизу объявлен будет. Однако ж мне хотелось и иному кому-нибудь, верному и достойному человеку, объявить им намерение и, почитая честным и достойным человеком Михаила Дуси, открыл я ему все моя мысли, и тотчас мы двое согласились и зделали ключи, и я сам пошел ночью и отпер ворота, которыя надлежало, и их опять запер, и так я совсем уверился, что оные ключи очень годятся к моему намерению. После того я отправил поскорее помянутого Михаила к Вашему сиятельству во время вашего пребывания под Короном², где он имел // (л. 93об.) честь вручить вашему сиятельству одно мое письмо и чертеж. Сей Михаил задержался там долго и весьма поздно сюда возвратился за неимением способной оказии, и так я, думая, что он больше сюда не будет, пошел ночью в Сфацью³ и тут мое намерение объявил учителю Иоанну, которое он и похвалил и опять я послал к Вашему сиятельству чертеж, изображен рукою того ж учителя Иоанна.

Несколько времени спустя после того прибыл сюда назад Михаил, который объявил мне Ваши повеления. Чрез несколько дней возпоследовали великие бедности во Сфацее, и так нам не было больше надежды о перехождении. Однако ж мы, познав сего иеромонаха Максима, что он человек доброй и секретной, объявили к нему наше намерение и тотчас отправили его к вашему сиятельству, чтобы нам можно было чрез него получить от Вашего сиятельства ваших повелений, и он, прибыв сюда возвратно 24-го дня сего месяца февраля, нам сказал, что ваше сиятельство приказали, чтобы мы Вам писали наше намерение обстоятельнее и со всеми подробностями, того ради вот наше расположение, естли оное покажется вашему сиятельству за благоразумное.

Ночью, когда не светает луна, выгрузить // (л. 94) на берег одну тысячу человек российского регулярного войска и довольно число гренадеров с ручными гранатами и людей, которые будут носить пороху для пушечных зарядов, понеже с Божию помощью нам можно занять места, где пушки стоят, то есть шанцы крепости, чего ради нада, чтобы мы имели при нас довольно пороху и все орудия, к пушечной пальбе принадлежащая и без которых нельзя пушки заредить, так, чтобы мы могли из пушек стрелять ко случаю нужды против не-

¹ Обращено к графу А.Г. Орлову.

² А.Г. Орлов находился под Короном 15–17 апреля 1770 г.

³ Ныне: местечко Sfakia на юго-западе Крита.

приятеля, а ядра не надобны, за что оныя в довольном числе при самих пушках лежат в помянутых шанцах.

Вот же каким способом ввести будем войско в крепость. Нам нада три дни наперед знать оную ночь, в которую выгружено будет войско на берег, чтобы мне, Ивану Сидерачу, остаться внутри крепости, место же, где мы прочия соединимся с войском, уже нами определено, и тут поставлены будут Михаил, и сей иеромонах, и Феодосий Сидерач, и Яков Суретов. И все те по соединении с российским войском будут оное провести до крепости, которой одна ворота будут мною отперты. С помощью же Всевышняго войдут ваши солдаты внутри крепости, которыя по очень легкому покорении первого караула // (л. 94 об.) занять будут тотчас стены и там лежащая пушки, тогда же отперты будут нами и все прочия ворота, чтобы вошло внутрь крепости все остальное войско. Турки, которые здесь в крепости Канея⁴ на караулах стоят, суть войны совсем негодныя и каждой караул состоит в 10 до 15 человек, и потому Божию милостию нет нам от чего нимало опасатся и уведомляться, и на оружие станутса их большая часть так ужасится и в безумие приидет. Мы будем иметь довольно времени занять кругом всю крепость и уповаем на Бога, что все турки здадутся сами без пролития ни одной капли христианской крови, однако ж положим всегда, что будут сопротивление какое-нибудь сделать, и того ради и говорим, что надобно пороху и все орудия к пушечной стрельбе принадлежащая.

Сей секрет никому иному не известен, кроме после меня сему иеромонаху Максиму, и Феодосию, и Михаилу, и Якову.

Имеете и в деревне некотораго Ивана, которой имеет своих людей и очень храбрых до 150 человек. А кроме того готовы свою кровь пролить и все прочии христиане, за что беззаконных своих // (л. 95) мучителей болше терпеть не могут. Теперь три года, как сии неверныи отняли оружие у всех здешних христиан⁵, и потому оружия в руках христианских очень мало, для десанту вашего войска на здешний берег способнейшего места нет, кроме как со стороны Св. Феодора⁶ в расстоянии шесть миль итальянских от крепости Канеи, и того ради нада, чтобы войско пришло ночью темною, чтобы онога турки не видали, прежде нежели войдет в крепость.

Там на острове Парусе находятся два человека из наших — один именем Яков, а другой Лион, они верны и ко императорской службе очень усердны да способны к провожению войска в его походе сюда. И когда здесь был помянутый Иван Петуси, то и они обещалися служить Ея Императорскому Величеству всеми мерами, и они будут вашему сиятельству представлены чрез сего иеромонаха, ежели Вы изволите ему об етом приказать. Еще вашему сиятельству предлагаем, что нам кажется лучше сие предприятие произвести в действие теперь зимою, нежели летом, за тем, что теперь все турки заперты во своих домах и наше дело пойдет все тихо. // (л. 95 об.) Однако ж и это, как вашему сиятельству покажется за благоразсуднее, во оную ж ночь, в которую вашим сухопутным войском занета будет крепость, нада, шtbody и флот недалеко от берега был так, чтобы он около рассвета мог на море появиться против самой крепости для приведения неверных в большую робость. Что ж вам

⁴ Ныне: Hania.

⁵ Об этих мерах турецкого правительства 1767 г. см. гл. 1.

⁶ Остров Ag. Theodori к западу от Канеи.

сказал иеромонах, будто мы будем заклепать пушки, это нам нельзя сделать, за тем, что теперь христиане находятся внутри крепости и от этого можно им пропасти, а и так их нечестивые агаряне довольно рубят, мучат и грабят, и похищают их бабы и дети, которые всякое безчестие делают.

По всему острову Кандии теперь великий голод и во хлебе недостаток, а наиболее здесь в Канее, для того, что нет нигде ни пшеницы, ни иного какого-нибудь жита. И того ради все турки находятся в великой печали, а наипаче здешнии в Канее, которые, смотря на государственные магазины пустыя, весьма боятся и не знают, где главу склонить за неимением провиантов ни на 30 дней. Подлый же народ бранит все агы и знатнейшия турки, которые с великою // (л. 96) охотою дожидаются нового лета, дабы собрать хлеба довольно и всяческих съесных запасов в государственные магазины.

Порох крепости находится в пяти местах: первое место есть к норд весту, второе, третье и четвертое к осту, а пятое к стороне порта под землю.

Турки, находящиеся в Канее и ко употреблению оружия способны, нами счисляются до одной тысячи человек, однако ж их большая часть находится по деревням, и почти все не имеют никакого ни искусства, ни порядка военного. Что же касается до Ретима⁷ и до великой крепости — нельзя мне Вам сказать совершенную правду, однакож в Ретиме турков число всегда меньше нежели в Канее. А во всем острове Кандии турков, которые могут оружие употребить, нет больше, как до 6000 человек, те же сами не знают, слава Богу, заредить одну пушку.

А христиан султану харч⁸ заплачивающих во всем острове Кандии 36 000 человек, кроме сфациотов. Здесь во области Канеи девять тысяч христиан есть, которые заплачивают помянутый харч; прочие в Ретиме и в Великой крепости. // (л. 96 об.)

В заключении всего желаем Вашему сиятельству от Всевышняго добраго здоровья на многия лета и всякое благополучие.

27-го дня февраля 1771 года. Вашего сиятельства покорнейшия слуги Иван Сидерачи, Михаил Дуси, Феодосий Сидерачи, Яков Суретов, Максим иеромонах из обители св. Троицы.

РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 93–96
Публикация Е.Б. Смилянской

⁷ Ныне: Rethimno.

⁸ Речь идет о харадже — подушевом налоге с христиан.

ОТВЕТЫ АДМИРАЛА Г.А. СПИРИДОВА ДУХОВЕНСТВУ АРХИПЕЛАГА О БУДУЩЕМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ. 1771 г.

В документах канцелярии адмирала Г.А. Спиридова, среди прочих дел, связанных с контактами российского командования с греческим населением Мореи и Архипелага, сохранилось пространное послание, вероятно, надиктованное адмиралом Спиридовым одному из его секретарей, но так и оставшееся неподписанным и недатированным.

Из содержания письма становится очевидным, что оно было создано между февралем и июнем 1771 г. т.е. после того, как первые острова вошли в состав Архипелагского княжества, но до возвращения А.Г. Орлова и начала летней кампании 1771 г.

Послание содержит ответы командующего (в отсутствие А.Г. Орлова) российским флотом в Архипелаге Г.А. Спиридова (его авторство в письме указано на л. 179об. и не вызывает сомнений) на пять вопросов, заданных греческими духовными лицами островов Архипелага, присягнувших России:

1. О церковном суде и подсудности духовенства в Российской империи и, надо полагать, в будущем в Архипелагском княжестве.
2. О налогах и платежах по процентам с духовенства и монастырей.
3. О бродячих монахах и о том, как поступать с теми, кто перебегает без разрешения из монастыря в монастырь.
4. О церковной собственности.
5. О подчинении паствы своим архиереям.

После ответа на пункт 4 адмирал поместил собственные размышления относительно будущего устройства Архипелагского княжества, которому, по мнению Спиридова, следовало готовиться к независимому существованию после того, как российский флот рано или поздно покинет Средиземное море.

В итоге у адмирала получился своего рода проект конституционного устройства островов, объединенных в федерацию и самостоятельно выбирающих будущую форму правления в виде «республики» или «архидукства».

Важность документа не вызывает сомнений — он, по всей видимости, был первым после столетий османского владычества проектом создания на островах самостоятельного греческого государства (пусть и под покровительством рос-

сийской императрицы и с согласия европейских держав), с самоуправлением островов и с выборным от всех островов Сенатом (подробнее об этом документе см. гл. 5).

* * *

На первой пункт отведствие. Сие следно исполнятца во всероссийском государстве, что все духовенство исправляют по положенным церковныя дела и судятца па духовным делам от начальственного своего духовенства, каждыя в своих епархиях, а не в других. Митрополиты ж, архиепископы и епископы и не в монастырях архимандриты, состоящия под ведением святейшаго правительствующаго всероссийскаго Синода, — и судимы бывают от онаго.

На второй пункт в ответствие. Обыкновенныя по положению епархиальным митрополитам и архиереям и духовенству церковныя во определенныя зборы времена — да будут плачены все бездоимочно. А что упоминайтца и ради запла-ты процентов и росту должникам христианам, сего я не понимаю, зная что всей Великороссии преосвященныя митрополиты и архиереи, архимандриты, игумены, // (л. 171 об.) монастыри и церкви ни в каких долгах никогда не бывает и процентов не платят, а довольствуютца по их преимуществам определенным содержанием и от христолюбивых самопроизвольным подаянием без всякой скудости и еще помогают ис тех их доходов многим бедным и неимущим христианам.

По напаткам и налогам агарян, буде что варвары от владык и от их епархеи, и от манастырей, и от церквей насилно взяли или вымучили, или, по принуждению заняв, заплатит были должны, и тем по положению даннаго на содержание учинилась недостаток — о том надобно уведомлену быть онаго острова гражданскому правительству, почему от онаго на жителей учинить бы должно было расположение о зборе и об отдаче оной суммы, чтоб не быть далным платитть процентов или росту, а что до подарков султану принадлежало, о том и в указе упоминаетца: збираему быть // (л. 172) с народа, а не занимать у других. Ныне ж, благодаря Бога, хоть того налога свободны. И зборы таковыя принудительныя на подершки [подарки] отрешаются, и из сего ваши преосвященствы изволите усмотреть, что о доносимых долгах, от чего б были я не понимаю, зная что духовной чин в степени по своим достоинствам избирайтца, а не сам себя, хто за денги и, входя в долги, избираит. И потому решително ответствовать, что не знаю, кроме сего, какия б то долги ни были, надобно об оных наличестве и кому какия проценты платятца со обстоятельством представить гражданскому правлению и непринужденно требовать их вспоможения о заплате онаго долгу в одно время или по временам, бес продолжения чтоб процентов. Почему они правители гражданския из высокопочитания к духовенству тронуты быть могут, что чрез других // (л. 172 об.) приматов согласят народ к заплате онаго долгу и зделают о зборе расположение сами добровольно, чтоб епархиям время от времени продолжая понапрасну процентов и росту не платитть, о чем гражданским правителям и приматам и протчим жителям напоминаю, что грешно и стыдно видеть у себя епархи в долгу. Бывшей за то с народа збор поневоле, даруй нам Боже, чтоб все исполнялось и дружелюбие вкоренилось, как нам православным христианом святыя законы повелевают.

На третьей пункт в ответствие. Сей пункт к точному исполнению приказываю: каждому на своем острове правительству гражданскому немедленно объя-

вить островским приматам и всем жителям, чтоб чернецов, оставляющих свои обещания[я] и бегающих из своих монастырей, и бродящих по домам и по улицам, и ездящих на саколевах и на протчих судах // (л. 173) по морю отнюдь ни кто у себя не держал и не укрывал, но таковых ловить и отсылать под караулами в монастыри или в архиерейския дома, или ко наместникам, или ко другим духовным властям, кому куда по близости и способнее будет отдать с роспискою. Самим же мирским собою духовных никак и ничем не наказывать, а будут они за те побеги наказываны от своих духовных властей.

Правительству ж гражданскому наложить на мирских, хто у себя беглаго чернеца в своем доме или на каком мореходном судне держать будет, за то в наказание денежной [штраф], а буде хто и укрывать станет и перевезет на судне на другой остров или на матерой берег, на таво штраф другой, поболше. И какия за то штрафы будут положены — о том островским жителям ныне ж объявить, чтоб неведанием ни кто впред не отговаривалса. И из тех // (л. 173 об.) перваго штрафных денег третью долю отдавать тому, хто донесет, а другую третью долю тем, хто такова чернеца в монастырь или в дом архиерейской, или ко определенным духовным властям под караулом доведут и отдадут, а последнюю третью долю взять в збираемая гражданским правительством в казну в общую сумму в приход. А ежели же кому штрафных денег заплатить будет нечем — такова в правительстве гражданском у канцелярии[и] на теле наказать.

А насупротив сего, чтоб инья чернецы, и не беглыя от архиереяв и от властей или с позволения начальников посылаемая и отпускаемая, не были подозрительными за беглых, то да соблаговолят их преосвященствы таковым посылаемым отпускаемым приказать духовным над ними началствующим давать краткия за руками билеты, которыя по возвращении назат от них отбирать, // (л. 174) чтоб с тем же билетом паки бес позволения и сам собою не пошел или б кому другому хотящему бежать не отдал.

На четвертой пункт ответствие. Которыя дачи церковное недвижимое имение по епархиям вечно отданы, в чем жители островския общенародным своим были согласны, и утверждено от константинопольскаго святейшаго патриарха и синода грамотою или указом, во оное недвижимое имение приказываю: правителям гражданским и приматам в то имение, яко точно до духовным властям принадлежащее, не точию отнимать, но ни под каким видом не вступатца и десятой доли со оных дачь не збирать, а что потом под игом турецким разныя неправилныя зборы и ведены для турков, от них варварских // (л. 174 об.) и к денгам жадность, чтоб тем не удоволствовать, себя не точию от ругателств и от побои, и от страха смертнаго безопасными зделать, принужденными находились, таковыя неправедныя зборы с нынешняго 1771 года оставить и не збирать, что же до согласных с законом и праведно положенных по состоянию каждаго острова жителей и продукт, и комерци[и] принадлежит — оное все гражданскому правительству збирать и брать в казну, а что духовенства принадлежит — то оным быть бездоимочно ж. По досаде или какой ссоре и несогласию не налагать сверх настоящего какова излишества, а по радству и свойству или какому дружеству и пристрастию не делать облегчения, в чем они, правители гражданския, сверх свецкаго по избличени[ю] здесь за вины свои наказания и Господу Богу Иисусу Христу на Страшном Суде ответ дать должны. Что же представляется об отдан-

ным дачам недвижимым имениям под епархиям вечно вклад в вечное поминовение, // (л. 175) чтоб оные дачи не отнимать и десятой доли с тех дачь не брать, но были бы вовсе свободными и неокладными, как де то во время турецкаго владения было. И на сие мне, отражая совсем турецкое учреждение, которые за денги себе все делали, точно определить не можно, а представляю вашим преосвященствам в рассмотрение мое рассуждение:

1-е) были в Великороссии таковыя премногия примеры, что в дома архиерейския, в монастыри и церквам для поминовения даваны вечно вклады движимыя и недвижимыя имени[я], и ис того движимые имения от монастырей и церквей употреблялись для хозяйственных дел и строения чего-нибудь нужнаго и надобнаго, и на починки монастырей и келей, и украшения церквей, и строения богаделень и госпиталей, и других хозяйственных дел, тоже и от недвижимаго имения доходы на оное ж и на содержание в пище и питье монахов и священников, // (л. 175 об.) и монастырских, и церковных служителей, и протчаго. Движимыя имени[я] все без возврату оставались, а недвижимое имение, хотя также оставалось вечно и неотъемлемо, разве хто чужое отдаст или рассуждаит быть своим, но неправильно. И хотя по смерти того, хто отдал, от других, кому то принадлежит, правильно доказано будет, што умершей, будучи еще в живых, на поминовение души отдал вклад чужое, а не свое, которое он в жизнь свою, хотя и владел недвижимым имением, но несправедно, по знатности ль и друзьям или что кому принадлежало, были малолетны или в отлучках были — таковыя недвижимыя имения по правам разбору по суду брались и отдавались, кому принадлежали, но доходы и оброки в казну в государственную. Было что обложено — то тот доход или оброк, как владельцы, так вкладным для поминовения — архиереи, монастыри и церкви, хто чем владел, платили бездоимочно.

2-е) положим, // (л. 176) хотя тому и статца немочно, что владельцы в епархиях в монастыри и в церкви для поминовения своих душ отдавали вклад точно им принадлежащаго вечно до толикаго числа, что могло б составлять до половины земель и продуктов той епархии, то было ль бы справедливо с тех отданных на поминовение вклад ничего не брав, на оставшую другую половину для собрания государственных в казну полных доходов расположить или, не располагая, на оставшую половину казне лишится всех оных государственных доходов, что вклад дано?

3-е) не самой ли ближайшей сеи способ, чтоб, не отрешая ныне древняго узаконения, и оставить данное епархиям, монастырям и церквам по душе недвижимое имение вечно, а кому отдано, тем с того недвижимаго имения платить в казну для // (л. 176 об.) надобностей то же, что бы платить должен был тот, ежели б вклад не отдано было, наследник онаго недвижимаго имения, кому досталось, а затем протчим с того недвижимаго имения в свое употребление ползоватца?

4-е) хотя в третьем изъяснени говоритца о казенном государственном зборе и доходе, а здесь в Архипелаге пришедших всероссийской великой государыне в подданство для получения от агарян безопасности и к получению себе волности зборы таковыя нужны, отвечаю, что во всем здесь в Архипелаге ни один остров сам собою, ежели оружие всероссийское не защитит, по разным могущим быть приключениям долго волностью своею ползоватца не может. Многия ж архипелажския острова, соединясь, не точию доколе здесь российской флот и оружие,

но когда военная надобность проминетца и отзоветца во отечество, то тогда вообще единодушно от всяких таковых приключений, чего отнюдь один или два сделать не могут, // (л. 177) все единодушно сделают и защитят свою волность. И будут ли си острова под архидукством, как то сказывают давно наперед сего и было, или волною республикою по высокоmaterней великой нашея государыни милости и других христианских государей, но нужно к таковым делам ныне здесь при флоте и оружия Ея Императорскаго Величества на всех островах сделать за временное согласное и волное гражданское учреждение одинаково, как то в Наксии и в Паросе начало свое и восприяло, [с] гражданскими канцеляриями и в них [с] выбранными и присяжными почтенными господами островскими сенаторами или судьями, чему как при архидукстве, так и при республике быть непременно должно. Равно как в Великороссии, обыкновенно и преосвященные архиереи для духовных дел имеют у себя свои канцелярии или консистории // (л. 177 об.) со определенными от себя из духовных чинов по своему благоразсмотрению судьями и о чем надобно сносятца между собою духовная канцелярия з гражданскою, а гражданская з духовною промемориями, ибо обе оныя канцелярии единая по духовенству, [вторая] по гражданству за равныя почитаютца и одна другой неподсудна, что начаюсь и здесь в епархиях при ваших преосвященствах таковыя консистории или канцелярии имеютца. Когда ж донес [?] о гражданских канцеляриях, для суда и расправы островских свецких жителей и содержания по законам с учрежденным добраго порядка, то с сим встретитца надобность иметь вооруженных людей по состоянию и могуществу каждого острова жителей для гражданских и могущих быть во острове неприятелей, и для подания помощи другим союзным островам, которыя в том надобность возымеют, чтоб единой остров другой — // (л. 178) и так все союзныя один другому от добраго сердца помогая, оставались всякой безопасности. С сим же встретитца, когда иметь канцеляри[и] и судей, и военных людей с их начальниками, то должно по состоянию каждого острова, судьям и канцелярским служителям, и военным людям, где поблизости и канцеляриям оных — жить всем, как судьям и канцелярским служителям, так и военным по чинам их, жалованье на все их бес попечения надобности, чтоб доволны были без взятков и не делали б для интересов своих кому каких обид под наказаниями, но толко б думали и исполняли врученную им должность, и положенныя дела безволочитно. И продолжения времени исправно и военныя от гражданства учреждаемыя, все должны быть в ведении и в команде в канцеляри[и] у судей, и по их согласию навсегда ль или на какое время, как заблагоразсудят они, судьи, кому между собою поручать, однако и протчим судьям всем военным, как нижних чинов, так и началникам как своим командирам всякое почтение показывать должны с пристойною учтивостию. С сим же еще на доходы гражданския встретитца, что по учреждени[и] канцелярей и военным людям // (л. 178об.) должно быть, где архидук или при республике главной от всех островов выбранной от гражданства мещанин, на котором острове началство определитца, должен при своем сенате — з болших по одному, а с малых з двух или трех или с четырех — из способных и добраго состояния людей с согласия жителей, или как расположено будет, с островов выбранных островскими канцеляриями депутатов или опекунов, которыя заседания в сенате имели, общее, разсуждая и определяя в ползу своего народа и по делам островских канцелярей, чего они решить не могут или

жалобы на канцелярии[и] или на судей канцелярских рассматривали и решили по установлениям и узаконениям справедливо, то, рассуждая, что при таком Сенате должно быть депутату или опекунам одному или двум от духовенства, для дел таковых будет, чем в епархии духовенству одному или многим от свецких жителей и граждан учинитца какая обида или определенные доходы не будет хто давать и время продолжать, а островския канцелярии в обидах управы не дадут и к заплате и платежу в чем не принудят, и не взыщут // (л. 179) и в других делах от епархи[и], до которой что принадлежит, но городския канцелярии[и] сообщитца в сенат с представлением оному справедливаго и скорога решения, или от городо-вых канцелярей на духовенство придет в сенат какая жалоба, и для таковых и всего народного общества ползы, благоденствия дел к рассмотрению и к подаванию своих благоразумных советов надобно будет иметь выбранных и удостоенных х тому со общаго ваших преосвященств согласия от духовенства, которыя ото всех островов, одного или двух депутатов, то же и от католическаго закона выбранно-го их духовенством от себя депутата или опекуна, тож одного, которыя в сенате в заседани[и] иметь будут места свои пред гражданскими опекунами выше, так и для онаго сената и сенатских служителей в должностях будущих, да и для присутствующим депутатами или опекунами, надобно быть на жалованье и на дру-гия нужныя расходы, тоже и архигерцогу // (л. 179 об.) ему на удовольствие дому и домашних ево, чтоб по увеличиванию чести мог себя и содержать без убожества, порядочно денежная сумма.

5-е) И хотя надлежащаго числа островскаго войска и Сенат, и в нем президент и члены, доколе здесь и в здешних местах флот и войско Ея Императорскаго Величества всероссийской пробудет, и не надобно, а надобны толко островския канцелярии[и], как то в Накси и Паросе уже и есть, ибо вместо Сената, то исполнять будет высокоповелительной господин генерал и ковалер граф А.Г. Орлов, а в небытность до прибытия его сиятельства я, адмирал Спиридов, или кому впредь от его сиятельства определено будет, оное все великое хозяйство ведать. Но должно на островах и в епархиях завременно приуготовитца и зделать все пристойныя распоряжени[я] при покровительстве великой нашей государыни оружия, чтоб пред отбытием флота и войска в свое отечество взял Архипелаг // (л. 180) по тем распоряжениям во всем свою силу и власть желаемой волности безопасно содержать себя.

6-е) Для всего вышеписанного учреждения сей 1771 год есть решительной: не имея налог от варваров и им в подарки и в протчия для них в расходы платежей, чтоб без отягощения народного островских христианских жителей в ползу неминуемо нужнаго, правилно со всего, с чего надлежит, расположены были в казну принадлежащия доходы с верными под присягою без утайки и упущения записками, и чрез то б узнать на каждом острове, какия со всего того острова положения во весь год денежная сумма в казну собрана быть может, как деньгами, к тому прилагая и обыкновенныя пошлины и отдачи и откуп, так и продукты, которыя ежели б и посредственною ценою продать, сколько за оное // (л. 180об.) збор, чтоб жители впредь к таковому платежу привычку зделали и не стали б роптать, егда по отбытии[и] отсюда флота и войска Ея Императорскаго Величества, якобы на них по принуждениям нашим или от канцелярских судей во угождение и в ласкательство, нам весьма тягостной збор положен, а еще и наипаче

по отбытии[и] нашем, буде что на них от канцелярей или от будущего Сената противу нынешняго года излишнее налагаемо будет, то от того может произойте: во-первых неудовольствие, а потом несогласие, напоследок же и ссоры, и вражды, и смятени[я], чего, как смерти, опасатца должно, ибо тем пропадет и вся желаема волность.

Что также нужно и вашим преосвященствам в своих епархиях о ваших и монастырских, и церковных положенных и приходящих доходах знать, и можно ли впредь без долгов и излишних налагаемых доходов оными правильными доходами беспопечное содержание, // (л. 181) сходное с почтением духовенству, себя содержать, и ежели окажетца на содержание мало, то число избираемой островскими канцеляриями в казну народной суммы дасца или канцеляри[и] с общаго согласия народа сыщут и расположат, откуда или с чего каким преосвященствам додавать в каждой год.

7-е) Хотя завладение нашим российским флотом и оружием архипелажских островов и в прошедшем, а в подданство и объявление от островских жителей турков себе за общаго с нами неприятеля в нынешнем году было и будет, ибо некоторыя еще островския жители такова ж подданства желают, но по разным приключениям еще от себя поверенных не прислали, но я уже признаваю прошедшей весь год оных за турецких, с нынешнаго 1771 году з генваря 1 числа за наших, и мы — Ея Императорскаго Величества всеподданейшия рабы. И повелеваю островским гражданским // (л. 181 об.) канцелярей господам судиям обще с выбранным отправленных островских приматов и жителей генералным ото всех островов депутатом господином Псаром, и к сему на каждом острове с согласия народа должно, как преждеписанныя в казну оброки и доходы и зборы расположат, но из оных в нынешнем году бес повеления моего, а по прибыти[и] графа Алексея Григорьевича Орлова, как он прикажет, ни на что в расход не употреблять, кроме что употреблять в расход на содержание ему господину генералному депутату Псаро. И по общему согласию всех островов, от которых он депутатом избран, для него депутатства его нужным людям на жалованье, почему в год пиастров, расписав каждому особо, и оные денги он, Псаро, и при нем определенныя получать должны из казны з доходов острова Микона. Прочим же островским канцеляриям судьям, по сколку всякому // (л. 182) пиастров в год жалования и на канцелярския расходы, яко то писменным людям, по сколку им иметь и сколку в год жалованья получать, зделать оклады, также по состоянию каждого острова, хотя ныне под покровительством флота и оружия Ея Императорскаго Величества, но могут быть иногда воровски нечаенные небольшие приезды от турков или от дулциниотов, или от разбойников для грабежу и разорения, то для сего, толко чтоб быть от нечаенных воровских набегов в безопасности, и для островских канцелярий командных дел по состоянию каждого острова надобно набрать каждым из своего острова, а когда из своих нет, то из других, некоторое число исправно вооруженных добраго состояния и храбрых людей, сколко разсудят, которым // (л. 182об.) и быть, как выше написано, в ведении того острова в канцеляри[и] в каманде у судей, и положить оной военной команде годовыя оклады, во што каждой воин и их начальник стать может, и изыскать на сдержанье судей и канцелярских в должностях служителей, и на ту военную команду воинов и их начальникам особую сумму, что, я мыслю, и вашим преосвященствам

также надобно для своей безопасности и епархиальной и общей надобности по состоянию имущества особья под своими ведениями и, кому изволите в каманду поручить, хотя мало, но исправно вооруженных и храбрых людей, доколе война продолжитца, военную команду иметь.

8-е) Что же, кроме генерального депутата к нему определенных запрещаетца казенной суммы ничего, // (л. 183) что казне, то есть казенному доходу принадлежит, бес повеления не употреблять — оное для того, что по продуктам, по сумме, о которой генеральной депутат господин Псаро должен быть чрез сообщение ему от всех островских канцелярей известен и мне доносить также, и о положениях на городовья канцелярии[и] и судьям, и во што воин и начальники в год ценю станет, имея время, можно будет по годовому доходу, и суме денег разсуждать о учреждении сената и содержании первоначальствующего во оном персоне и депутатам, и о городовых канцеляриях, и сколько при отбытии нашем в свою безопасность все соединенныя обществом острова в свою навсегда безопасность и сохранение волност[и] от нечаемых нападений войска содержать могут, // (л. 183 об.) и что затем на чрезвычайныя надобности оставатца может, а, не зная годового доходу и какая годовая сумма быть может для будущего времени, к порядочному расположению и приступить способу нет. Хотя я и не безвестен, что под турецким владением собиралось, но сие для многих разнообразий, что то было под ярмом у агарян, и со всем платежом состояли в ругательстве неверных и некоторыми и то за денги ласкателными политичными выгодами.

На пятой пункт ответствие. Все христиана по епархиям своим преосвященным архиереям оказывают должны первейшую честь и почтение предо всеми начальниками, также и самим начальником то // (л. 184) исполнять и во всех отеческих душеспасительных наставлениях быть послушным и покорным, опасясь за непослушание их архипастырского по духовенству положеннаго запрещенными и протчими во исправление души наказания[ми], также и телесно ко оборонительному защищению ради охранения себя от неприятелей и от протчих злых людей, чтобы могли защищать свои места и себя архипастырским наставлением, поучением и советам, не точию деревенским приматам и жителям, но и самим городовым в канцеляриях судьям быть всем с кротостию и покорностию от велика и до мала внимательным, а наипаче в нынешнее военное время всем христианов всеусердно и дружно в послушани[и] ко исполнению повелений, чем, // (л. 184 об.) сами радуясь, будите впредь ползоватца желаемою волностию, что буди и буди.

«УЧРЕЖДЕНИЕ» ОБ УПРАВЛЕНИИ АРХИПЕЛАЖСКИМ КНЯЖЕСТВОМ ПАВЕЛА НЕСТЕРОВА [24 июля 1772 г.]

Публикуемые документы сохранились в фонде Канцелярии адмирала Г.А. Спиридова РГА ВМФ. Они были составлены адъютантом Спиридова Павлом Нестеровым, который по распоряжению Спиридова с апреля по август 1772 г. в период отсутствия «генерального» от островов депутата А. Псаро (находившегося в этот период у берегов Сирии) осуществлял управление Архипелагским княжеством (см. об этом гл. 5).

«Учреждение» генеральс-адъютанта Павла Нестерова¹ замечательно тем, что на его основании с 1772 г. была предпринята попытка создания системы управления и судопроизводства на островах Архипелага. «Учреждение» регламентировало деятельность островских и центральной канцелярий, полномочия их депутатов, систему налогов и сборов, процедуру судопроизводства по гражданским делам и проч.

Очевидно, что составленные на адмиральском корабле «Европа» тексты «Учреждение» были переведены на греческий и разосланы по островам Архипелагского княжества. Судя по сохранившимся копиям, отправленным на о. Сирос, греческий текст имел пространное предисловие о величии и милосердии российской императрицы, графов Орловых и о том, что Павел Нестеров был назначен самим адмиралом Г.А. Спиридовым².

Дата документа подтверждается греческим переводом, посланным жителям острова Сироса.

* * *

1-е. Выбрать вам начальников наидостойнейших в честности, в разсудке, поспешности и распоретках для разумнаго и справедливаго вами правления, и дабы оныя были столь достойны, чтоб без всякаго роптания вы исполняли их приказы, принадлежащая до государских и собственно до ваших общественных дел и распорятков, которыя должны вами править целой год и наблюдать во всем порядок.

¹ Он был пожалован из флигель-адъютантов в генеральс-адъютанты к адмиралу Спиридову 16 марта 1771 г. (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 352об.).

² Στέφανος Κ. Ανέκδοτα έγγραφα αποσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων κατά την υπό των Ρώσων κατοχήν. Αθήνησιν, 1878. Σελ. 21–26.

2-е. По выборе вы должны дать им патенты, которые и прислать ко мне, дабы об них я был известен, которые по разсуждении государственных дел могут называться государственными приказы[ки] главнейшими всего острова членами.

3-е. К ним должны вы иметь всякое почтение, послушность и покорность и исполнять по их приказам.

4-е. Оне должны определить одно место для своего заседания, в котором должны отправлять государственные и общественные дела, збираясь все вместе в оное, зборное место называть канцелярию.

5-е. Когда в оное зборное место, то есть в канцелярию, кому придти для государева дела или для общественного суда оне прикажут, то всякой не может быть ослушным, а притытит в канцелярию со всяким почтением и уничижением к присутствующим своим начальникам быть должен, повинуясь оным в разсуждении государевых или другого хотя и общественных дел суда, долгов или других каких растрат и розрядов.

6-е. Вышеписанные имеют силу и власть наказывать всех островских и сажать под караул и другия чинить наказани[я] всем тем, от коих происходят непорядки // (л. 99об.) без всякаго упущения, а наипаче таких, кои зделают какой-либо соблазн или производят пусторечие в противность для государства и общества. Таких наказывать с особою строгостию. Чинить также и тем наказание, которые явятся в драках и других своевольствах без всякаго у оных своих выбранных от всего общества начальников суда, сами собою отмщевают обиды, которые хотя бы во справедливости, но без суда от начальников вступлят в отмщение — подвергают себя, яко и виновныя, наказанию за свое своевольство, а кто явится в смертоубивстве — тех скованных присылать ко мне со обстоятельными донесениями для представления о тех на суд главноначалствующим.

7-е. Ежели оные выбранные потребуют помощи от народа для взятья кого-либо под караул или протчей надобности, то должны обыватели без всякаго супротивления потому ж исполнять по их приказам, и кого для караула они, начальники, нарядят — то по их нарядам исполнять безотговорочно.

8-е. Оные начальники должны пересматривать приходящия ко обывателям ис турецких мест, также и из других писма, а обыватели сами должны получаемые писма им показывать, и что нужно и новаго ис писем увидят или от кого услышат — доносить мне, а наипаче не пропускать ничего, что касается будет до дел государственных и общественных, и о ползе оных обо всем меня уведомлять.

9-е. Каждой из обывателей не должен никуда ехать без дозволения оных своих начальников, а оне должны давать за печатью острова и своим подписанием пашпорты. // (л. 100)

10-е. Получаемыя писма, буде какое явится вредным для общества и правления, оне должны присылать ко мне з донесениями и куда и как получено.

11-е. Все писма, яко то приказы и протчия принадлежащия до государственных и общественных дел, оне, начальники, должны сохранять всегда в особом месте за печатью и иметь как оным, так и посылаемым от себя ко мне или другия места донесениям и протчим писмам краткия переписи, которые и здавать при годовых сменах другим начальникам, дабы обо всем можно было и после выправится, какое дело, по какому повелению или по какой притчине зделано или что,

кем, какой последней приказ и прочее не исполнен, чтоб невинных себя не подвергли по неизвестию наказанию.

12-е. Казенныя и общественныя денги содержать таким людям, которыя б могли быть в состояни всегда оныя внести и заплатить в случае какой-либо утраты, и те, кто оныя денги содержать будет — для потреб и необходимых надобностей — денги должны отпускать по писменным приказам от выбранных начальников и брать с тех расписки, кому выдадут.

13-е. Всем вообще выбрать способное место для приезжающих людей из заповетренных мест³, как на воде, так и на сухом пути, и кто приехал из тех мест, где моровое поветрие, то не токмо с привезенным из онаго товаром, но и ни под каким видом не общатся и с людьми, а держать оных в карантине сорок или более дней, смотря по товарам, буде у приезжих есть такое поветрие, то старатся их отсылать прочь от острова, и соблюдение онаго должны смотреть помянутые начальники.

14-е. К иностранным дружественным нашей освященной Господом Иисусом Христом империи оказывать ласковость и в нужде вспоможения, брав за то, ежели что дано или какия... [нрзб.] учинена будет наличныя денги.

15-е. Ежели духовной явится в каком-либо проступке, то доносить главному духовному на вашем острове, а буде от него управы не будет, то вашей епархи[и] преосвященному, а потом и мне; в духовныя ж дела ни в какия не вступать.

16-е. Есть столь зловредныя, что, выпросясь и получа от острова пашпорт, делают в море разбой, о таковых старатся разведывать и искоренять, а чтоб за то не подвергнуть себя к наказанию, ежели после будет известно, что вашего острова жители разбойничают, а вы их не уняли. А буде переловить и унять не можете, то доносить мне, как о своих, так и о других, буде уведаете точно. А взять под караул вы будите не в состоянии, а буде ис таких морских разбойников вами взят кто будет, то за караулом присылать ко мне или к главноначальствующим. Вашим же всем судам, где оне находились, по возвращении ис похода в остров карабельщики должны канцелярии давать ответы, дабы всем было известно, что промышляют честным образом.

17-е. О делах, кои вам самим решить будет сумнительно, не имея на то закона и определений собственно островских и выше не предписано — представлять на рассмотрение ко мне.

18-е. Все ослушники против вышеписаннаго от меня определения, которое учинено для общества к ползе вашей — чего хотя я не начаюсь и Боже сохрани! — подвергнут себя тягчайшему наказанию. В прочем всем обще и каждому по одиначке прошу и приказываю: любите друг друга, изгоняйте вражду и поступайте по должности христианской нашего православнаго греческаго исповедания веры, будьте во всем согласны, чем заслужите милосердие наших великих начальников и мою к вам искреннюю любовь, похотливое в ваших делах старание. В заключение сего сии оставлени приказы имею подписать и скрепить печатью герба моеи фамилии.

Дано в заводе [заводе] Аузе на военном императорском российском корабле Европе.

На подлинном подписано Павел Нестеров.
(РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 99–100об.)

³ Мест, где существует опасность эпидемии (морового поветрия).

Дополнения к «Учреждению» Павла Нестерова

В данном от меня учреждении[и] в пятом приказе, хотя и означено, что члены канцелярския имеют призывать для общественных дел суда долгов или других каких растрат и розрядов, и все должны им быть послушны, и когда оне позовут в канцелярию, то им повиноватся, что также и шестым в учреждении[и] приказов в разсуждении повиновения к оным членам, повелевается, но, как оне члены не имеют на то никакого повеления, чтоб вступать им в разряды и по прозбам от единых производить следствие и суд з другими и чинить решение, и потому, ежели кто из жителей придет в канцелярию просить, то оные члены, то есть канцелярия, не вступая на в какое рассмотрение отсылать ко мне, что оне и справедливее делают, по притчине, что не имеют о том, дабы вступать по прозбам в росправы никакого повеления.

В разсуждени[и] сего я, входя собственно в ползу всех обывателей, что некоторые, не имея имущества для приезде сюда, чтоб за переезд платить денги и здесь доколе от меня решение воспоследует употреблять для прожитку, от того принуждены без всякаго в правосудии изследования претерпевать притеснение и не пользоваться тем, что им принадлежит, а другия вместо того несправедливым образом владеют, котория ж, хотя и имеют столько имения, что в состоянии[и] сюда приехать и мне представить свои жалобы, однако принуждены находится для переездов и житья здесь, доколе от меня получают приказ (которой в разсуждении, что я отягчен столь многими, как всем известно, делами иногда и не скоро могу рассмотреть дать оной), // (л. 94 об.) употреблять с какия издержки, котория со всем не принадлежат, а для того в силу высоких наших графов Алексея Григорьевича и Федора Григорьевича Орловых милосердия, непостижимаго проникания, которых намерение привести своим мудрым расположением всех в сущее спокойствие, я не мог пропустить, дабы не употребить способы к приведению, хотя несколько в порядок недостающего к общественной вашей ползе установления, которое, может быть, и уставляемо было, но по словесным приказам, а чрез время оное и уничтожилось. Вы ж сами знаите, сколь много к вам оказывается милости от его высокопревосходительства господина адмирала и ковалера Григорья Андреевича Спиридова, которой действительно все производит по расположениям милосердных наших графов. Того ради до лутчаго определения впредь отныне определяю, почему и чинить непременно исполнение.

Всем обывателям от мала до велика объявить: каждой должен сперва приносить на письме свои жалобы в канцелярию доношением, по получении такого доношения канцелярия должна призвать в силу пятаго в учреждении приказа, которое от меня дано 24 июля⁴ по № 470 или тех, на кого просит податель доношения, а оныя в силу того ж учреждения ослушатся не должны, а когда оной явится, от обеих от них взять в канцелярию письменныя ж доношения, надеются ли оне в разсуждении себя на справедливость и рассмотрение канцелярским членов, ежели оне теми доношениями объявят, что на канцелярию надеются, // (л. 95) и по учинении изследования и решения оне решением будут совершенно доволны и впредь никакой жалобы и прозбы по сему делу производить не будут, то канцелярия в такое дело воитить немедленно, произвести следствие, а по из-

⁴ 24 июля 1772 г.

следовании решить в разсуждении законов и обыкновения и острова, а потом и исполнить, и когда таким образом дело решено будет, то никто ис тех, чье дело решено, впредь нигде просить не может, а должен быть тем совершенно доволен, как канцелярия решит и прозба таким нигде принимаема не будет, потому что прежде вступления в дело оне сами отозвались писменно, что решением канцелярии будут довольны. И того для канцелярии все доношения и объявления имел всегда в сохранении в силу даннаго от меня учреждения 11 приказа, дабы таких, кто в канцелярию отзовется, что судом и решением канцелярским будет доволен, можно было изобличить, ежели сверх того просить он вознамерится, яко столь дурнаго человека, которой переменяет свои намерения и, не имея в себе постоянства, подвергает себя презрению от всего общества.

При прозбах, ежели кто имеет какия-либо обстоятелства, что в разсуждении себя канцелярии, так поверить не может, чтоб по учинении после следствия и решения он не мог производить долее своих прозб, то об таких канцелярии поступать тем, кто просит и на кого просят, канцелярии[i] приказать, чтоб оне выбрали каждой с своеи стороны по два человека из свецких поверенных, которыя в канцелярии при присутствии[i] канцелярских членов имеют следовать дело с канцелярскими членами обще и во время // (л. 95об.) следования оным четырем человекам в канцелярии позволить сидеть, однако не за тем столом, где сидят присудствующия канцелярския члены, но ниже стола об оных выбранных с каждой стороны по два поверенных. Также канцелярия должна взять доношение на письме, что решением канцелярии[i] обще с помянутыми поверенными с обоих сторон те, чье дело производится будут довольны и впредь просить не будут, оныя ж поверенныя при тех делах, х которым оне выбраны, имеют такое уполномочие, что не может канцелярия решить того дела без их согласия и исполнять онаго дела без их подписания, а оное при том деле, х которому оне поверенными или ходателями выбраны, имеют такую ж силу в своих голосах, как равно и канцелярския члены, толко подписка оных на деле должна быть выше канцелярских членов, а ежели ни та, ни другая сторона не может себя положить ни на канцелярию, ни выбрать для себя ходателя или поверенных — в таком случае по подаче в канцелярию доношений канцелярии следовать их дело, и по учинении определения тех, чье дело, призвать в канцелярию, прочесть им определение, по прочтении спросить, довольны ль оне определением. Ежели будут с обоих сторон довольны, то в том взять с них канцелярии подписку, а по силе решить и исполнять, а буде отзываются будут, что определением канцелярским недовольны, то оное дело со определением представить ко мне на рассмотрение, ежели ж случится, что выбранныя депутаты или ходатели соглашатыся не будут между собою и канцелярия привесть их к тому не может, от чего и решить дело не можно — такая дела представлять ко мне // (л. 96) на рассмотрение и при том канцелярское мнение, то по получении и по учинении разсмотрения, ежели мной примечено будет, что ходатаи или поверенныя с которой-либо нибудь стороны не соглашатыся, для того, что видят сущую несправедливость к той стороны, за кого оне ходатайствуют, в разсуждении сего такая за то, что оне несправедливо старались проволочить дело в обвинении с их стороны дела ясныя доказателства, будут наказаны денежным штрафом и будет раздаваем не имущим пропитания старикам, старухам и малолетным девочкам. А об малчиках я вам определение дал июня 21 числа по № (не указан. — Авт.).

Также будем полагаем штраф канцелярских членов, которые несправедно решат дело, но как члены канцеляри[и] суть члены острова и правители всех дел, коих распорядок и справедливость столь же много должны быть отличными, сколь много оне себя отличают сим почтенным названием, должностью и во всем поверенностью, следственно и преступление оных не доволно, что делает вред в том деле, которое он зделал, но сверх того причиняет бесчестье всему обществу и мне, что столь почтенной человек, которой избран от всего общества быть членом острова и правителем онаго зделает несправедливость — и для того и наказание ему вдвое против такога, которой просто при деле толко выбран не от всех, но от одного человека, а ежели канцелярской член зделает несправедливость с умыслу и с пристрастия, то наказание полагать в разсуждении судных дел вчетверо против ходателя, // (л. 96об.) да сверх того он от меня будет отрешен того достоинства, а на место его прикажу выбрать другого, сверх сего что канцелярия одна или обще с ходателями решить не могут, то и исполнять в силу даннаго от меня в учреждении 17 приказу.

Все дела духовных должны быть судимы духовными, а буде духовной будет иметь дело с свецким, то судить у главнаго духовнаго, но с членом канцелярским и с одним поверенным от стороны светскаго, а буде с согласия дело будет суждено в канцеляри[и], то судить с поверенным от стороны духовнаго.

Ежели какое дело исполнено в силе повеления от началствующаго — в такую канцелярия вступать не может.

Из сего установления вы все ясно видите, сколь велико старание происходит о возстановлении у вас совершеннаго благосостояния ради вашего благоденствия. Молите Всевышняго за милосердых наших мудрых графов и милостиваго адмирала, будьте здравы и благополучны. Я совершенно желаю, чтоб вы любили друг друга чисто сердечно по христианской нашей должности и поступали б без всяких пристрастиев. Ваш доброжелатель.

В заключении сего имею подписать // (л. 97) и укрепить печатью герба моей фамилии. Дано на российском императорском военном корабле Европе в завод[и] Аузе.

РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 94–97

Публикация Е.Б. Смилянской

Г.Л. Паш ван Кринен.

«КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ОСТРОВОВ АРХИПЕЛАГА,
ПРИВЕДЕННЫХ В РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО»

В рукописном сборнике конца XVIII в., поступившем в Исторический музей в составе собрания известного коллекционера и библиофила А.Д. Черткова (Ф. 445. Д. 114. 86 л.), сохранились три весьма примечательные произведения, созданные участниками Архипелагской экспедиции: «Дневные записки... путешествия в Сирию» Сергея Плещеева, записки путешествия, совершенного из Ливорно в Рим российскими офицерами по указанию Г.А. Спиридова (см. ниже. Приложение 7), а также описание островов Архипелагского княжества, выполненное в первый год самого существования этого княжества. За исключением изданного еще в 1773 г. труда Сергея Плещеева, два других сочинения долгое время оставались вне поля зрения исследователей.

Примечательна и судьба самого рукописного сборника: исследование, проведенное В.Э. Булатовым, позволяет предположить, что в знаменитую «Чертковскую коллекцию» рукописный сборник, скорее всего, попал из библиотеки графа И.Г. Чернышева — вице-президента Адмиралтейской коллегии, непосредственного участника подготовки Архипелагской экспедиции¹. Интерес И.Г. Чернышева к собиранию карт, в том числе карт Восточного Средиземноморья, хорошо известен, и вполне объяснимо, что графа мог заинтересовать и сборник, содержащий описание главных мест действия архипелагского предприятия — островов Архипелагского княжества, Италии и Палестины. Не исключено, что И.Г. Чернышев мог быть собственно и заказчиком этого сборника.

Сочинение, витиевато названное «Краткое корографическое описание Архипелага с топографиею каждого из осмнатцати островов, которыя ныне находятся под владением Ея величества императрицы всероссийской», как видно из его названия, было составлено в 1771 г. неким «Гендриком Леонардом Дешашем Криненским», лично посетившим архипелагские острова, присягнувшие российской императрице.

---

¹ См. статью В.Э. Булатова «Граф И.Г. Чернышев и его коллекция рукописных карт XVIII в. в собрании ГИМ» ниже.

Настоящее имя автора — Heinrich Leonhard Pasch van Krienen, и в истории антиковедения он является фигурой примечательной. Паш ван Кринен родился в Пруссии в семье голландских аристократов². В Восточном Средиземноморье он оказался, судя по всему, как искатель древностей, знаток античной литературы и археолог-любитель. Он уже некоторое время («несколько лет»³) путешествовал по Леванту, когда в 1770 г. в этой части Средиземноморья появился российский флот. Тогда через Смирну (как это сделали и некоторые другие «немцы», например, бароны фон Пален и фон Позен), спасаясь от чумы и прочих бедствий, в самом начале 1771 г. он добрался до Пароса. Вероятно, Паш ван Кринен желал бы продолжить свой путь и возвратиться в Европу, но отсутствие попутных судов заставило его предложить себя в качестве волонтера на российскую службу.

Он вступил в Шлиссельбургский полк под командование полковника Е.Ф. Толя и, по свидетельству Толя, сам изъявил желание отправиться с небольшим отрядом по островам для рекрутирования островных греков на русскую военную службу. Попутно, очевидно, Паш ван Кринену было поручено собирать сведения по истории и географии островов, описывать состояние их управления, разведать их экономические возможности и перспективы умножения богатств и народонаселения, специально обращать внимание на добычу полезных ископаемых.

С особым удовольствием на каждом острове Кринен осматривал и описывал античные памятники и крепости, несколько менее внимательно — церкви и монастыри, и хотя не все его атрибуты выдержали проверку временем, составленное в итоге его путешествия «Описание...» до настоящего времени не теряет своего значения. Оно заслуженно оказывается в одном ряду с описаниями Архипелага, сделанными в век Просвещения Питтон де Турнефором⁴, Шуазелем-Гуффье⁵, Пьером-Аугустином Ги⁶ и др.

Более всего прославили Паш ван Кринена и вызвали много споров и опровержений его археологические изыскания на о. Иос, где он «раскопал могилу Гомера»⁷.

В августе 1771 г. Кринен покидает русскую службу, заручившись предварительной хорошей рекомендацией полковника Толя, а также свидетельствами относительно его собственности на собранный археологический материал⁸. Весной 1772 г., за-

² Иногда его титул передается как: граф де Паш барон ван Кринен. *Ludwig Ross. Graf Pasch van Krienen über sich selbst und seine Reisen // Graf Pasch van Krienen H.L. Abdruck seiner italienischen Beschreibung des griechischen Archipelagus mit Anmerkungen und einer Abhandlung über den Verfasser und seine Auffindung des Grabes Homer's auf Ios aus dem Nachlasse von Ludwig Ross. Halle, 1860. P. 129–130.*

³ *Graf Pasch van Krienen H.L. Abdruck seiner italienischen... P. 108.*

⁴ *Tournefort J. Pitton de. Relation d'un voyage du Levant, fait par ordre du roy... Enrichie de descriptions & de figures d'un grand nombre de plantes rares, de divers animaux; et de plusieurs observations touchant l'histoire naturelle. Paris, 1717.*

⁵ *Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1782.*

⁶ *Guys P.-A. Voyage littéraire de la Grèce; ou, Lettres sur les Grecs, anciens et modernes, avec un parallèle de leurs moeurs. Paris, 1783.*

⁷ Об этом предприятии Кринена и о нем самом см.: *Constantine D. Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984. P. 215–218.* См. также гл. 5 настоящего издания.

⁸ Кринен заверил бумаги у французского консула на Иосе, британского консула Дика в Ливорно, архиепископа Наксосского Пьетро Мартири ди Стефани и др., доказывающие, что он проводил раскопки могилы Гомера на Иосе на свои собственные деньги, уже уволившись с русской службы осенью 1771 г. — зимой 1772 г. См.: *Graf Pasch van Krienen H.L. Abdruck seiner italienischen... P. 112–121.*

вершив раскопки, он оказывается в Ливорно, и вместе с ним в Италию были привезены *шесть ящичков* с находками из «могилы Гомера». Шведский ученый Бйорнсталь писал 5 июня 1772 г. из Ливорно, что стал свидетелем «важнейшего события»: ван Кринен привез в Ливорно открытую им на Иосе «могилу Гомера», все камни которой «упакованы в футляр»; в том же письме сообщалось, что ван Кринен ожидает в Ливорно ответа от прусского короля, каким путем — по воде или посуху — следует доставить эту достопримечательность и другие древности в Берлин⁹.

Вероятно, в это же время Паш ван Кринен завершал работу на своем «Кратким описанием Архипелага» и готовил его к изданию (хотя на титульном листе издания значится 1773 г., Л. Росс приводит доказательства в пользу того, что книга вышла в свет уже в конце 1772 г.). Однако после выхода книги следы Паш ван Кринена потерялись, как и исчезли следы его находок на Иосе. До Берлина «футляры» Кринена не дошли, а сам он, вероятно, умер около 1773 г.¹⁰.

Известие об обнаружении могилы Гомера, в 1772–1773 гг. с таким восторгом подхваченное многими европейскими газетами, вскоре стали подвергать сомнению, и Шуазель-Гуффье, подплывший к о. Иос уже в 1776 г., записал: «Я не знаю, стоит ли мне напомнить здесь мнимое открытие могилы Гомера, объявленное несколько лет назад во всех газетах. Один голландский офицер на русской службе имел возможность высадиться на Нио и увезти несколько мраморов. Он верил, что нашел могилу Гомера, или хотел в этом уверить. Полнейшее молчание, которое он с тех пор хранил относительно этого, дает основание считать, что он сам признал свою ошибку или отказался от своих претензий»¹¹. Кажется, Шуазель-Гуффье не знал ни итальянского издания ван Кринена, ни его имени.

Произведение Паш ван Кринена, изданное, вероятно, малым тиражом, вполне могло затеряться, если бы в XIX в. оно не привлекло внимание немецкого антиковеда Людвиг Расса, совсем не склонного отмечать идею ван Кринена о могиле Гомера на Иосе. Росс переиздает единственный известный ему текст публикации 1773 г. «Breve descrizione dell'Archipelago...», снабдив переиздание собственным исследованием, доказывающим возможность обнаружения Криненом могилы Гомера.

Русский рукописный перевод сочинения Паш ван Кринена появился, вероятно, почти одновременно с изданием 1772/1773. Он принадлежит перу переводчика Архипелагской экспедиции поручика Шлиссельбургского полка Павла Жукова. Перевод, к сожалению, не был закончен — в отличие от издания, в русском переводе Жукова отсутствуют описания Тиноса, Сироса, Андроса, Делоса и Миконоса, Пароса, Антипароса, Сифноса и Серифоса, описания Наксоса, Зеи и Термии только обрывочно намечены (сложно установить, произошло ли это по вине переводчика или потому, что П.Жукову достался незавершенный авторский текст).

Сопоставление русского перевода с текстом издания 1773 г. убеждает в том, что Павел Жуков работал не с изданием «Breve descrizione dell'Archipelago...», а с рукописным текстом редакции, отличной от редакции ливорнского издания. Судя по всему, Паш ван Кринен составил два варианта своего описания: один — для российского командования, содержащий многочисленные антитурецкие высказывания (отсутствующие в издании), а также секретные сведения (в частности, о полезных ископаемых);

⁹ Ibid. P. 128–131.

¹⁰ Людвиг Росс пишет, что, кажется, видел находки Кринена в Британском музее. (Ibid. P. 133-135).

¹¹ Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. P.20.

другой — для «ученой» публики, заинтересовавшейся его раскопками могилы Гомера и состоянием античных памятников на греческих островах и в Малой Азии. Павел Жуков составил перевод первого варианта — донесения российскому командованию, и именно этот перевод, вероятно, заинтересовал графа И.Г. Чернышева.

Мы публикуем текст по рукописи ОПИ ГИМ, в ряде случаев уточняя в примечаниях некоторые географические названия и термины по итальянскому изданию «Breve descrizione dell'Archipelago...». В ряде случаев нам показалось целесообразным привести в подстрочнике и параллельные описания островов Архипелага, сделанные в то же десятилетие Матвеем Коковцевым и Шуазелем-Гуффье.

В 2009 г. текст русского перевода «Краткого корографического описания» стал основанием для нашего ознакомления с современным состоянием тех мест на Кикладских островах, которые привлекли внимание Паш ван Кринена. Выполненные в ходе экспедиции 2009 г. фотографии Ю. Ярина, как и гравюры из сочинения Шуазеля-Гуффье, сопровождают публикацию.

* * *

КРАТКОЕ КОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АРХИПЕЛАГА

С ТОПОГРАФИЕЙ КАЖДАГО ИЗ ОСМНАТЦАТИ ОСТРОВОВ, КОТОРЫЕ НЫНЕ НАХОДЯТСЯ ПОД ВЛАДЕНИЕМ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ¹². ОПИСАНИЕ ТЕХ ПРЕЖНЯГО И НЫНЕШНЯГО СОСТОЯНИЙ, ТЕХ НАСЕЛЕНИЯ ОБЫЧАИ И ОБЯДЫ, ПЛОДОРОДИЕ, ОБ ЗОЛОТЫХ, СЕРЕБРЯНЫХ И ПРОЧИХ РУДАХ, И РАЗНЫХ МИНЕРАЛОВ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ В ИХ ВЫСОКИХ И НЕПРИСТУПНЫХ ГОРАХ; ТАКЖЕ ДРЕВНИХ ЗДАНИЙ И КРЕПОСТЕЙ, ЧРЕЗ ГЕНДРИКА ЛЕОНАРДА ДЕНАША КРЕНЕНСКАГО, КОТОРОЙ В ПРОШЛОМ 1771 ГОДУ ВО ВСЕХ ТЕХ ОСТРОВАХ БЫЛ И СДЕЛАНО ОПИСАНИЕ С СВОИХ ТОЧНЫХ ПРИМЕЧАНИЙ ЗДЕЛАЛ, ПЕРЕВОДИЛ С ИТАЛЬЯНСКАГО НА РОССИЙСКОЙ ЯЗЫК ШЛИСЕЛБУРСКАГО ПЕХОТНАГО ПОЛКА ПОРУТЧИК ПАВЕЛ ЖУКОВ

ОПИСАНИЕ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ ВООБЩЕ, ИЛИ АРХИПЕЛАГА

Первейшее из всех морей есть море Средиземное, ис коего Архипелаг отделяется. Древнее называли Архипелаг Эгенским морем по имени Егея, сына царя афинского, посланнаго от него с приношением подъяданства х критскому, что ныне Кандим [Кандия, Крит], царю Миносу, и оной Эгей поги[б] во время своего путешествия в 2800 году от сотворения мира. Нынешния греки называют ево Асплаталас, или Белое море.

Окружность берегов ево, при начатии коих считаю я мыс Спада [Спата] у остовой¹³ стороны острова Кандии и мыс Зерми нирей ис восточной стороны от онаго острова¹⁴, составляют пространство ево две тысячи восемьдесят миль че-

¹² В рукописи сохранились описания только 11 островов: Милоса, Аржантилера-Химило, Поликандра, Сикино, Нио, Санторина, Анфио (Нанфио), Амморго, Наксии (не до конца), Зеи (только историческая часть), Фермоса (очевидно, без посещения). Здесь и далее в сносках примечания публикаторов.

¹³ Описка. Имеется в виду западный («вестовый») берег Крита, где и расположен мыс Спата.

¹⁴ Смысл этой фразы не совсем ясен. Не удастся идентифицировать мыс «Зерми нирей».

репашною фигурую, со многими вдавшимися в оной мысами, и вышедшими из него заливами, так что длина ево от мыса Самсона от острова Кандии до Геллеспонта // (л. 55об.) от 34го градуса 52 минут до 41 градуса сорок восемь минут продолжают, что не более 420 миль зделает. Ширина ево не болше ж 340 миль от 42-го градуса 25 минут до 49 градуса 12 минут продолжает, щитая от устья реки Спечио фисарческой¹⁵, что у промонатория¹⁶ Корнео по заднюю часть острова Неограпонта в залив Малиако впадает, до впадения реки Канстро в залив Иниаской, между Колоф и Ефеса Декария¹⁷. В середине ж своей имеет множество островов [и] каменьев, которыя острова разделяются на Сперады [Спорады] и Сиклады [Киклады], которых всех числом, как болших, так и малых, 160, сиречь 94 острова Споратских, а шездесят шесть Сикладцких. Некоторые еще разделяют на три части: 41 Спорадов, 21 Сикладов и сорок шесть средних, что не болше 108 всего зделает. Я думаю, что токмо в сем числе щитают те острова, которыя в прежния времена были обитаемы и под разными состояли владениями. Я токмо от первых 18-ти // (л. 56) здесь краткое предложу описание, которыя, избавясь варварскаго ига, под мудрым правлением Российской императрицы находятся в благополучном состоянии.

Сии острова во время греческой монархи[и] были весма многолюдны, так как во время Александра Великаго имели великолепныя здани[я], коих остатки в иных местах и ныне еще видны, как то разваленных городов, храмов, статуи, колон, которыя сам во многих местах находил. После падения греческой монархи[и] оныя острова ис-под одного ига в другое переходили, от чего по пример[у] самой Греции [в] беднейшее впали состояние, которыя наиболе[e] под игом варваров все добрыя [н]равы и свойства потеряли, впад в желчейшее состояние, всегда будучи утесняемы лишением имения и детей, не имевши силы противится столь великими для их разьзорению, к чему во многом они сами повод подавали, будучи почти всегда между себя несогласи и завидуя один другому. // (л. 56об.)

Приматы их старались токмо сами набогатится, ползуясь их междуусобною ненавистью, а особливо присылаемые от капитан паши правители, приводя тех междуусобныя съсоры, грабили оных беспощадно, но с тех пор, как северныя орлы лучами своих побед выкрывают оныя острова, находятся те в благополучном состоянии, так што турки до оных прикоснутся не смеют. Протчия ж острова, как точно и Метелин, коего город в недавном времени пожрен был от пущенных российском войском молниями¹⁸, Лемнос, Неграпонт, Кандия, Родос, Самос еще ж чувствуют угнетающее их время, произьсходящих от турецкой гордости, а их междуусобия, так что оныя мало помалу и приходили в безлюдие, но ныне усмиренная горделивость турецкая уже не так угнетает сии острова.

Оныя острова изобилуют всем, как то: хлебом, фруктами, // (л. 57) и домашним скотом, в некоторых местах хорошее масло, вино, миод, сыр и шолк производится, но все сии их плодороди немало оныя острова не обогащали. Ныне

¹⁵ Река Сперхиос в Фессалии.

¹⁶ Проманторий — мыс.

¹⁷ Негропонт — Эвбея, Малиако — Малиакос, Декария — имеется в виду залив Кушада. Декария перевод с «de Caria», т. е. «находящийся в Карию».

¹⁸ Имеется в виду десантная операция российского флота 1771 г., подробно описанная в Журнале С.П. Хметевского (см. Приложение 8).

Оливы Наксоса

мало помалу оныя приходят в цветущее состояние, в котором прежде Греция была.

Хотя и в прежния времена больших поборов со оных островов не было, но приматы — люди подлые, которыея управляют оныя, не имевши жалости к их собрани¹⁹, раззоряя те, подавали способы туркам оныя грабить. Ныне же под правлением российской Императрицы весьма легкой с тех бывает набор, но приматы еще не совсем отстали от их злоупотребления.

Закон во островах есть католицкою греческою, которые весьма суеверны, так что естли котолик желает воитьти в греческую веру, то ево снова крестят. Сие выдуманно было цереградским патриархом Кирилом²⁰. Обычи имеют почти все равны, склонныя к невежеству и неспособныя к оружию.

Теперь // (л. 57 об.) я приступаю к краткому описанию каждого из 18 островов, которые завоеваны все августейшей Российской императрицы победоносными войсками, начиная со входу в Архипелаг²¹.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА МИЛЛО

Мелось в древние времена, а ныне называемое Милло — самой знатной плодороднейший и богатнейши из всех архипелажских островов²². Окружности ево 80 миль. Милло под 36 градусом 12⁰ минутою долготы, 45 градусов 48 минут широты, 70 миль к полдням лежит от каном.

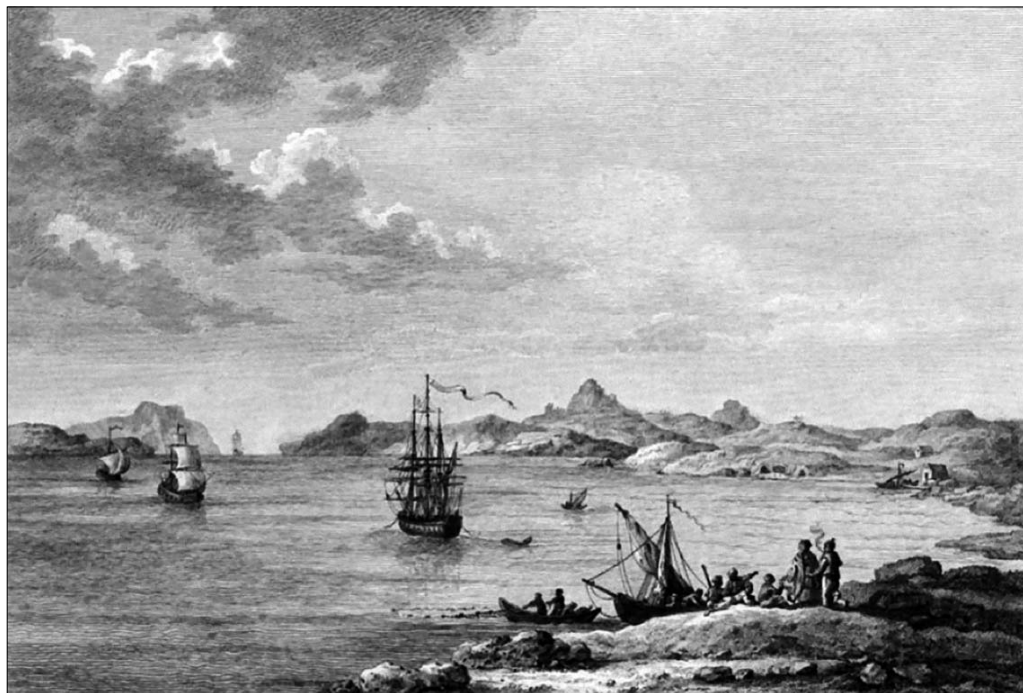
Милло в древние времена в чрезвычайныя многолюден был по притчине его великаго плодородия. Многие иностранные в оной остров купечества призьжевали, отчего островския сами жители в Венеци, Канди и Смирне великия торги имели.

¹⁹ Текст можно понимать двояким образом: либо «не имея жалости к их собранию», либо «к собратии».

²⁰ Имеется в виду Кирилл V (1748–1757 с перерывом). В 1751 г. диакон Арсений выступил с проповедью о недействительности католического, протестантского и армянского крещений, но Кирилл, опасаясь популярности проповедника, не принимал против распространения подобной ереси мер. Когда в 1752 г. патриархом Константинопольским был сделан Паисий II, турки заманили Арсения в ловушку и убили его, что вызвало народное восстание, в ходе которого Кирилл V был вновь восстановлен на патриаршем престоле. В результате Кирилл издал официальную грамоту о перекрещивании принимающих православие католиков и армян. Вопрос о перекрещивании продолжал активно обсуждаться в 1760–70-е гг.

²¹ Двигаясь из Италии, т.е. с юга.

²² Примечательно, что, выступая в марте 1771 г. на заседании Совета при Высочайшем Дворе, А.Г. Орлов отметил, что если и оставлять себе остров в Архипелаге, то «самый лучший к сему по малости своей и выгоде порта о. Мило», но он признается негодным, «неспособным» «вследствие вреднаго климата и что необходимо было бы укрепить его, а всякое укрепление весьма дорого стоит» (Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 128).

Залив о. Милос — «лучшая гавань Архипелага»

Гавань ево наполнена была чужестранными судами, которые множество вина, чем остров си[й] изобилует, из онаго в другие места отъвозили. Сей остров имел более 50000 тысяч душ, // (л. 58) которые все были, чем остров их, как същедрая мать, снабжала. Естли мы возьмем древних лет писании, с тех пор, как Дектимен²³, житель сего острова, Афинской республики всех морских сил адмаралом был пожалован и покорил сей остров оной республике. В то время оной остров болея 150000 тысяч [так!] душ жителей имел, а теперь столь в великой упадок пришел, что не болше 1 000 душ, а жителей имеет: 600 в замке Аифу²⁴, да столко же в городе²⁵, чему притчиною, что город, будучи построен по европейскому обыкновению, имея каналы в улицах, кои нечистота збегала в море, а как от нечищения столь давно тех, те совсем заплыли, от чего нечистота вся остается в городе, наполняя воздух, и пречиняет множество болезней, кои притчиною умаления жителей. От того ж воздуха умирает много домашнего скота и птиц. И буде не предостерегутся от чего, то чрез пять или шесть лет остров Мило совсем опустеет, ибо воздух загустевшей не может чиститса от малаго производимаго в домах огня, притом и вода, не очень будучи хороша, // (л. 58об.) немало способствует к чему. И с моря, и что жителей явное сему искоренение дока-

²³ Афиняне напали на Милос летом 416 г. до н.э. После продолжительной осады жители Милоса сдались, причём все взрослые мужчины были убиты, а женщины и дети обращены в рабство. По мнению современных исследователей, население Милоса составляло около 3 000 человек. Среди командующих афинским флотом, имена которых приводит Фукидид, уроженец Милоса не упомянут.

²⁴ В итальянском издании Паш ван Кринен называет Castello.

²⁵ Старая столица Милоса — Zephyria, или Palia Chora.

Церкви старой Зефирии (Аифу)

Вид с Пана Кастро на Плаку и залив

то ж и теплицами, кои // (л. 59) окола на три мили обстоят от города, куда в древния времена приезжживали из иных мест болные лечитса и выздоравливали²⁸.

Въ оном острове, кроме жорновых каменьев, находится мраморы разного цвету самой лутчеи из Зеиских островов²⁹. Также множество руд, как золотых, серебрянных, также и протчих менее дорогих³⁰. Жители, дабы лишитса труда

²⁶ Переселение жителей Зефирии в Плаку началось еще до прибытия Паш ван Кринена, но к XIX в. Зефирия, действительно, опустела, из нее были вывезены даже большинство святынь. См., например: *Gerousi E. Melos. The Christian Monuments of the Island. Athens, 1999. P. 11–13. Подробнее: : Μπελιβανάκης Γρ. Ιστορία της Μήλου. Αθήνα 2001.*

²⁷ Пана Кастро (Castro), рядом с которым стоит центральный город современного Милоса — Плака (Plaka).

²⁸ Шуазель-Гуффье считал, что именно эти горячие источники явились причиной нездорового климата и болезней жителей острова, он сравнивал их с вулканическими термальными источниками Санторина. Впрочем, он же отдает должное тому, что у древних эти источники имели популярность и их лечебные свойства известны. (*Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. P. 10, 12.*)

²⁹ Остров Зея — Кея — на северо-западе Киклад. Под Зейскими островами, видимо, имеются в виду западные Киклады.

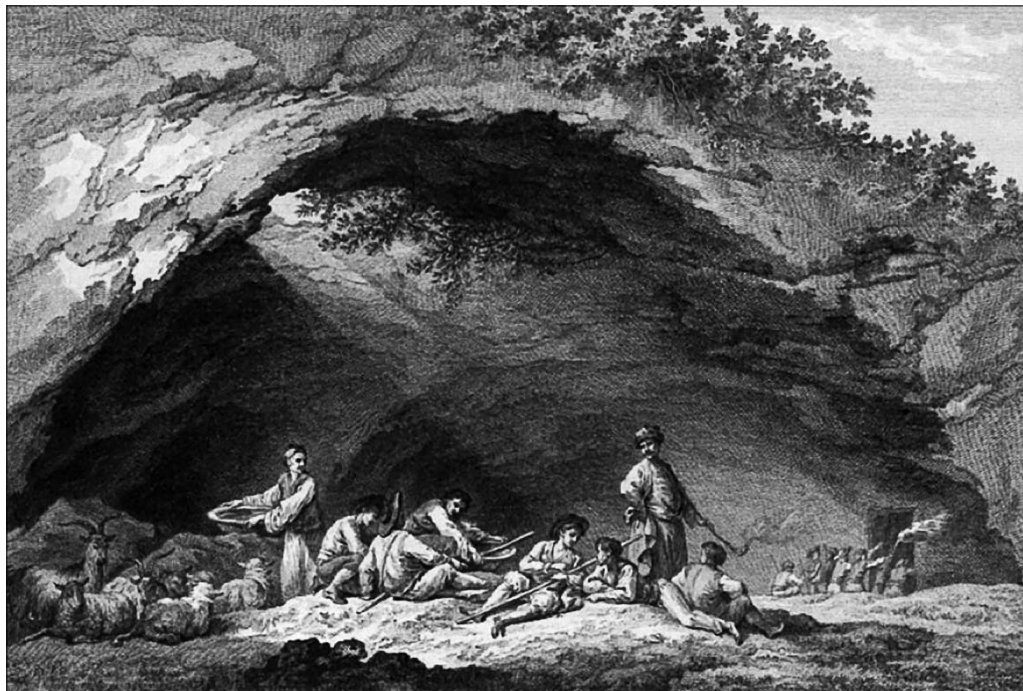
³⁰ Ср.: «Остров хлебороден, достают на нем серу и делют чистой купорос, может быть, и много бы нашлось минералов, если бы постарались люди трудолюбивые» *Коковцев М. Описание Архипелага и варварского берега изъясляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей... СПб, 1876. С. 43.*

зателство, что воздух будучи столь заражен, а город окружен горами, ветру мешают продувать в город.

По моему мнению, Мило и три [мили три?] от порта на маленком пригорке посреди долин, украшенной лугами, построить бы новой город, повелев наперед съжечь тот, в котором оне теперь живут, ибо оные столь жадны к обитовани их полат, что доброволно, конечно, не переменят жилища²⁶. На коем месте и прежде в недавном времени окола 2500 жители было отчасти иностранных купцов, но оные (по умножению болезни в острове) разселились по другим местам. На сем месте видны еще остатки стариннаго замка, называемаго *Пана Кастро*²⁷.

Мило, кроме сей долины, коя от нечистоты города заражена дурным воздухом, имеет довольно здоровое, хотя в том довольно серных и других горючих руд есть.

Мило мало имеет гор и рек, но избылиует частые источники,

Вход в одну их шахт на богатом ископаемыми острове Милосе

работать на оных по тех открытию, к чему б оне по нечеловечеству отоманцов приведены были, оставляют те неизвестному потомству, так что синдики заказывают те открывать. И едва я по моему любопытству чрез великие денги об некоторых честях от греков проведал.

Оных род[руд!] более 20 находится: три руды чистой серы, четыре — чистаго хрусталю, две — яри веницыанской³¹, две — яри белой, две — алебастру, две — селитры, две — свинцу, одна — серебряная, одна — золотая, и стребрес³², и свинцовая, из коих об некоторых здесь точнейшее приложу описание. // (л. 59об.)

1-е. Едучи из самага залива Мильскаго к Греколеванту четверть часа от города езды, есть на одной пригорке церковь во имя с[в]. Парасковии, около коеи множество оливковых деревьев, между которых идучи на гору, есть на одном пригорке церковь, в коеи пещере есть руда хрусталь, а направа, войдя в ту пещеру, есть серы горячей руда, а еще, войдя далее, есть одна золотая, есть еще, я думаю, одна серебряная и свинцовая, где так жарко, что насилу можно стоять.

2-е. Едучи из города к Греколеванту два часа разстоянием, есть гора называемая Апасмата, находится тут руда |олюн дерошь³³:| восточнаго хрусталя, серы, и яри венецианской, оная руда известна всем жителям Милла и Аржиньтира.

³¹ Ярь венецианская (ярь медянка) — основная уксуснокислая медная соль, ярко-зеленая краска.

³² Неясно, какая руда имеется в виду, но вряд ли серебряная, упомянутая выше.

³³ Переводчик не понял термина, и оставил его лишь транскрибированным на русский, поместив в скобки с двоеточиями. В итальянском издании — это *Alume di rossa* — «квасцы».

Вулканические скалы Милоса

3-е. В заливе Малском (!) к гавани портишна, взойдя на гору, которая, // (л. 60) как башня, возвышается между двумя другими, есть дерево, которое греки называют шиендро, идучи к понту к норд-весту от онаго дерева, найде два колотца, возле коих есть отверстие, в коем пребогатая |: амандерошь³⁴ |: восточного хрусталя руда, другими рудами, коих имя мне неизвестно.

4-е. Едучи из города Мила к полудню, есть церква на конце

острова называемая Окаия Коноки, против двух малинких каменных островков, где гора белая в море выдается, у подошвы коеи есть отверстие, где находится восточного хрусталя витриоля³⁵ и другие руды, кои и незнамы.

5-е. При въезде в залив Милскаго направо — место называемое Саить ажо Димтура (?), есть пещера, в коеи серная руда, но та пещера обвалилась.

6-е. Два часа езды от города есть место называемое Помокора, есть руда оловянная и другая // (л. 60 об.)

Что ж касается до других меньшаго количества руд, то я оные, ежели угодно, буду иметь честь сам показать, избегая пространнаго описания.

Гавань весма обширна, длинна и глубока, имея хорошей грунт, так что большие флоты во оной без опасения стоять могут, будучи закрыты от ветров. От сюдид осту во оной гавани находится пещера, коеи воды имеют естественную теплоту и могут употребляемы быть.

Многие древние и нынешние писатели описывают, что оная гавань укреплена была тремя крепостями, коих ныне едва видны развалены. Однако ж я приметил развалены, въезжая в гавань на правой стороне к норду, одного крепостнаго замка. Напротив онаго с другой стороны видны такие же развалены одного замка и святаго Димитрия, которой более вдальса в гавань. Третьего остатки, которой гораздо вдальса // (л. 61) и которой ныне еще имеет до пятисот домов, жители коего служат лоцманам[и] судам, входящим в Архипелаг, кои во оном прежде назвали. Было еще много других знатных замков к сюдидовой стороне, как то: святаго Василия, святаго Георгия и мало древней, и много еще других, которые не столь велики, где теперь нет никакаго жила, кроме пастушьих.

К |:бореальной:| восточной стороне ко осту на конце острова видны остатки великолепнаго храма богини Сибильзы³⁶, матери богов, где по древней истори был пребогатой украшенной дорогими камнями жервенник(!). Тут же видны остаток великолепной гробницы, в коей, по некоторым писателям, хранится пе-

³⁴ Amande (франц.) миндаль, gôche (франц.) — горная порода.

³⁵ Купорос.

³⁶ Имеется в виду Кибелла (в итальянском тексте — *Cibele, Madre degli dei*), в греческой мифологии почитавшаяся матерью богов. Данный памятник на Милосе в настоящее время обнаружить не удалось.

пел Менеста, или брата Демофонтова³⁷, которой по разьзорени Трои бурями занесен был в оной остров, где в память славы его, ибо оной был Афинской царь, воздвигнута столь великолепная гробница.

// (л. 61об.) Жители Мильские учтивы, ласковы, но лицемерны, женщины довольно хороши, одеваются обыкновенно в полотняное весьма короткое платье, так что ноги все видны, что им придает нежность и соблазной вид. Естли б довольно докторов было определено для излечения болезней, город бы сей гораздо был приятнее.

Правление выбирает четыре синдиков, которые сами управляют.

Около Милла много малиньких островков каменных, а особливо приятнее и гораздо более других Антимилло, где есть изрядной грот.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА АРЖАНТИЕРО ИЛИ ХИМИЛО³⁸

Кимило — называемой древними, но нынешними греками, европейцами именуемой Аржантиера имеет 18 миль окружности к норд весту // (л. 62) и весту, в ближнем разстояни от Мила, имеет весьма ускую к леванту гавань. И канал, которой между Аржантиры и острова Полани, называемаго Згоревшаго Гаванью, служит для болших судов, которые Мило по притчине тамошних болезней оставили. Также и консул французской живет ныне в Аржантиере, которой входящие военные суда французские в Архипелаг должен проводить, почему ныне все французские суда, входящие или выходящие из Архипелага, в сей остров заходят, которой имеет долину весьма приятную и воздух хорошей, и доволен населен в посредственном замке, а более имеет [жен], кои, будучи прекрасные и приятные, с чужестранными не суровы. Гавань сего острова не пространна и мелка, и со всем тем множество судов разных нациев заходят, дабы наливатца хорошою пресною водою, и удовольствоватса разными припасами, чем сей остров изобилует. // (л. 62об.)

И имеет, скунду³⁹, богатую серебряную руду, почему и назван Аржантиера, то есть Серебранным.

Что ж до древности касается — находится к норд осту древнего замка развалены наверху горы. А к поненту (т.е. западу. — Публ.) есть малинкой остров, называемой Св. Андрея, где также видны развалены, к полдню в море выдавшаяся видна башня с мулами⁴⁰, почему видно, что тут в древние времена была гавань⁴¹. И сказывают, что в той башне серебро плавил, ибо руда та от оной неподалеку. В сторону есть малинкой островок св. Георгия — совсем пустой, кроме монастыря св. Георгия, и коего монахи живут обыкновенно в Аржантиере. Посреди канала между Аржантиера и Палины — малинкой островок св. Евстафия, на коем видны развалены двух греческих и одной католицкой церкви. Половина

³⁷ Имеется в виду Менесфей.

³⁸ О. Кимолос. Примечательно, что на Шуазеля-Гуффье Аржантира произвела весьма печальное впечатление бедностью своей природы. (*Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grèce. P. 8*).

³⁹ Возможно, «скунда» — это не переведенное на русский язык слово «во-вторых».

⁴⁰ Т.е. с молами.

⁴¹ Имеются в виду руины древнего города Кимолос.

острова к ливанту имеет жилища кроме пастухов, и сей остров совсем // (л. 63) неплодороден, почему, думаю, тот и назван «остров Згорелой», но токмо хорошие имеет каменные *коринола*⁴².

Аржантира имеет окола 500 жителей⁴³, кои имеют такое же правление, как и в Мильле, и мог бы иметь 5 000 жителей, ибо столь плодороден. Около города 12 находитца ветренных мельниц для употребления жителей.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА ПОЛИКАНДРА⁴⁴

Сидерна Полиего, Итиликандрие древними называемой, а нынешними Поликандрос под 36 градусом 10 минут длины и 46 градусов 12 минут широты, от Мила к леванту 35 миль, имеет окружность 28 миль. Сеи остров груб, каменист, так что, хотя оной орошают // (л. 63 об.) многие ручейки, весьма неплодороден по притчине малолюдия и тех малаго старания об обработовании. И оной бы мог изобилно содержит 8 000 жителей.

Имея великое скотопство, от чего имеют великое множество сыров и масла лутчаго во всем Ливанте. Притом родит множество разных плодов, ячменю, хлопчатой бумаги, и холста. В прежние времена имел многие замки, где знатные живали, и деревни, что по развалинам и остаткам значит, а особливо видны остатки замка Полиегос, совсем раззореннаго, посреди острова, на высокой горе, с коей все подчти архипелажския острова видны, где еще две малые церкви целые находятся. Теперь же, кроме малинкой деревни, в коей сто домов, живут около 700 жителей⁴⁵, отдаленной от оной своих гаваней равно в трех миль от каждой, // (л. 64) и в коей три весьма хорошие церкви и два монастыря, протчаго ж жила, кроме пастухов, нету. В одном монастыре, посвященном Богородице, у коего малой есть садик, сохраняется статуя мраморная без головы, представляющая некоего коталицкаго светаго.

Жители, кроме наружнаго, учтивы, человеколюбивы, в чем отменны против других греков. Женщины важны, милovidные, ласковы и разумны. Довольствуются изобилно хорошим хлебом, всяким домашним и диким скотом, тож и птицаме и дичиною, не ползуясь от болезней ни от каких лекарей, как по совету своих престарелых одноземцов.

Гавани его — одна у норда, другая у зюида — довольно хороши для купецких судов, но те были оставлены, потому что в прежние времена маньотами⁴⁶ и другими разбойниками морскими занеты бывали.

Между протчими видно к бориальной стороне на одном мысе храм Латонин⁴⁷, где по слуху, будто та[м] хоронилась до рождения Аполлона // (л. 64 об.)

⁴² *Pietra Corneola* — сердолик или халцедон.

⁴³ Коковцев пишет, что на Аржантиере имеются 400 жителей, «искусных в мореплавании... все пловущие европейские корабли берут здесь проводников (пилотов, лоцманов) для безопасности от прочих островов и твердаго берега». (Коковцев М.Г. Описание Архипелага. С. 42. Шуазель-Гуффье в 1776 г. застал там две сотни жителей – католиков и православных (*Choiseul-Gouffier*. Op. cit. P. 9).

⁴⁴ О. Фолегандрос.

⁴⁵ Коковцев об острове пишет кратко, вот все: «К юго-западу в 28 милях от Пароса довольно плодоносный окружности двадцать миль имеющий остров; на нем восемь сот жителей греческого исповедания» (Коковцев М.Г. Описание Архипелага. С. 41–42).

⁴⁶ Имеются в виду майноты юго-восточной части Пелопоннеса.

⁴⁷ Богини Лето, матери Аполлона и Артемиды.

и Дианы, почему сей остров весьма знатен был, что из многих великолепных остатков видно.

Притом у подошвы самой высокой горы есть пещера, называемая Шрисъсо-спирна⁴⁸, в коей есть два труба каменных, как обыкновенно делаются колотцы, при том сосуд, в котором вода не более в две боцы (бутыли — Публ.), но токмо ту вычерпать не можно, и не видно, откуда та пребывает. О в оном статуя без головы с фонарем или факелом мраморным, сосуд порфировой с дырою, ящик круглой и ножечек столь крепкой, что оной мрамор режит. Притом манета, имеющая на одной стороне голову человека, смотрящего влево — Цесарь Август гермакус римской император, а на другой стороне — богиня Веста, сидящая на коне, а по бокам на одном «S», а на другом «C», что значит совет сената. С колцом в двух, на коем две фигуры вверху, въявшись руками, изображены⁴⁹.

Дорога в сей гроте весьма опасна по притчине, что // (л. 65) добрые три четверти часа должно вниз итьти по испорченной каменной леснице, и естли осколзнеша, то в болшую упадешь яму и можно убитца до смерти.

Более ничего в сем острове примечания не находится, как 8 мелниц ветреных для их употреблен. Правлению имею[т] синдиков, избираемых народом.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА СИКИНА⁵⁰

Сиканаро древними, а Секано нынешними греками называемой, весьма ближнем расстоянии от Поликандры, имеет 15 миль окружения, горист и коменист, имеет весьма малое жителство, но по удобности скотоводства — многие пастухи жить переехали. И имеет около 800 жителей, коих дома лучшие из всего Архипелага. Видны развалены двух древних замков, коих имена неизвестны.

К ост-норд-осту — старинной храм греческой, // (л. 65 об.) или идолопоклонников, ис коего ныне зделана греческая церковь. Довольно хороша, имеющая столко же в земле обширности здания, как поверху; з двумя мрамарами в стене с надписми, по коем видно, что сей храм построен 700 лет прежде Рождества Христова⁵¹.

о. Сикинос

⁴⁸ «Золотая пещера» Хриссоспилия (Khriissospilia) — морская пещера, врезающаяся в скалы северного берега острова.

⁴⁹ Следует полагать, что в тексте совмещены описания двух различных монет Германика, племянника императора Тиберия, усыновленного им по настоянию Августа. Германик получил титул императора в 16 г. На одной из них профиль Германика и надпись «germanicus caesar ti avgvst f divi avgv», на реверсе — S и C. Две руки и кольцо — реверс другой относящейся к Германику монеты.

⁵⁰ О. Сикинос. М. Коковцев о нем пишет кратко: «От Пароса двенадцать миль лежит, окружности двадцать миль имеющий, довольно плодоносный остров Секина, от некоторых Секано или Сикандо нарицаемый, на котором восемьсот жителей; якорных мест нет» (Коковцев М.Г. Указ. соч. С. 41). Шуазель-Гуффье подплыв к Секиносу, побоялся сойти на берег, опасаясь весьма недоброжелательных жителей, привыкших к пиратским набегам (Choiseul-Gouffier. Op. cit. P. 18).

⁵¹ Имеется в виду церковь Успенья Богородицы, построенная на развалинах храма Аполлона Пифийского.

К сюиду находится малинкой остров Каруйа — совсем пустой, кроме пастухов, живущих с их скотом и дикими зверями. К борчалной стороне на оном острову видны развалены большой башни.

В протчем, в острове Секино есть для употребления жителей несколько ветренных мелниц. Правление такое ж, как и в других островах.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА НИО⁵²

Окарион, Иос, Кинимину древними называемо, а нынешними Нио, между 36го градуса 12 минут долготы и 47-го градуса широты, з двумя выдавшимися в море, наподобие крылья, мысами, имеет 40 миль окружности. И к полуденной стороне // (л. 66) видно на горе остатки древняго замка с предместием, в коем ныне около 300 домов с 15-ю ветренными мелницами, другаго жила никакого болше нет, кроме в далинах и по горам малинких домиков пастушьих, которые имеют тут свои стада.

Хотя сей остров и имеет множество каменных гор, но притом имеет долины орошенные многими источниками, и естли б с болшим прилежанием земляпашцы работали, то онои остров был но и самой плодороднейшей, и может изобилно доволствовать 20 000 жителей. Ныне ж не более 1400 душ имеет.

Доволно производит хлопчатой бумаги, из коей жители, делая чулки и колпаки, торгуют оными, притом имеет доволно лесу, коим и сантариотцы ползуются.

Если б приложено было старание, то по множеству аливковых деревьев сей бы остров имел великое число масла.

Что ж касается до его гавани, то оная, хотя и мала, но из самых лутчих в Архипелаге. К полуднем есть другая гавань, // (л. 66 об.) также доволно хороша, посреди коей мыс вдается в море наподобие мулов, что искусно зделана и стоили великих трудов, на конце коего видно остатками огромной башни.

В правой стороне у сей гавани остатки видны баней минеральных вод, кои излечали в древния времена от многих прилипчевых болезней.

К «0» стороне острова видны следы болшаго замка, которой назывался Дюр⁵³, а отътуда подале к полуденной стороне видны развалены замка Кинимино, а от онаго к северу у порта Манженана развалены замка С[в]. Георгия. При входе во оной порт есть маленькой островок, в коем видно остаток огромной башни з болшими окошками и великими кучами мрамару, которая башня по народному слуху служила в прежня времена убежищем жителям от напатков восточных императоров.

Сей остров в прежня времена подвержен был разным переменам. Находившись под владением греческих, италянских князей, // (л. 67) а после — под точ-

⁵² О. Иос. Коковцев об этом острове: «Нио, Ниа именующийся у древних Иу от Иуна сына царя Фессалийского Ксеута, на оном родившагося, лежит в двадцати милях к Югу от Наксии. Славится кончиною на нем славнаго Гомера, коего гробница и до днесь видна; изобилует хлебом, овощными плодами и хлопчатую бумагою; жителей считается тысяча пятьсот греков отлично просвещенных и в земледелии упражняющихся. На югозападной стороне есть того же имени местечко и рейда» (Коковцев М.Г. Указ. соч. С. 41).

⁵³ В италянском издании — Castello Duris.

о. Иос

ным владением находился Пираниев⁵⁴, фамилии весьма знатной венецианской, над коей турки в 1537-м году оной взяли.

Сей остров между прочими греческими местами славится. Имеет в себе Гомеров[у] гробницу, князя всех стихотворцов, о чем Плини свидетельствует, что по приказанию аракола Девоти он в сем острове сканчался. Мать онаго происходила от жителей сего острова, Гомер, прибывши в сей остров, как об сем многия свидетельствуют авторы, что умер со отчаяния, не могли растолковать ответ некоторых пастухов, состоящий в следующем: «Что мы взяли — то упустили, а что не взяли — то имеем при себе». И на сие Гомер спрашивал об рыбе, а оне отвечали обо вшах, которых тогда искали.

Я спрашивал у приматов, где находится гробница Гомерова, на что мне ответствовали, что точно не знают, а известно что к норд-весту весту(!) сего острова в месте, называемом // (л. 67об.) Сто Плакото, находятся развалены древни башни, которая со времен древних греков и поныне зовется Псаро Пирго, то есть Рыбаловов башня. Сказывают, близь коей Гомер умер и погребен, притом в недавнем времени приезжал некакой изуит искать сию гробницу, и мужик, которой ево провожал и указывать хотел сие место, разсердясь, что оной, обеда, того не поподчивал, вести онаго отказался.

Я просил, услыше[в] сие, господина Спиридона Валета первого синдика, чтоб он приказал онаго мужика сыскать, и по приходе онаго мужика я спрашивал, где

⁵⁴ Под «Пираниями» следует понимать венецианский род Пизани (Pisani), вассалов герцогов Наксоса.

Развалины «замка Дюр» на Иосе

Гомерова гробница, на что онои мне ответствовал: «Слышел он от своих отца и деда, что в одном из них (?) после близь Рыболовьеи башни в месте Стоплакатой хранится сокровище Гомерово», но что сие место «Стихкоменось» — то есть населенное нечистыми духами. На что я ему отвечал: «Друг мои! Я не боюсь духов и, буде ты укажешь // (л. 68) сие место, то я велю тут копать, заплатя за сие. И буде найду точное сокровище Домерово (так!), половину отдам тебе, а другую бедным, я ж ничего не желаю⁵⁵. А буде найду токмо одну гробницу, или хотя и ничего не найду — то ты много будешь доволен!». На что онои и согласился.

Я ж в провожании показанного господина Валета в сие место ездил, взяв семь других мужиков для копанья, и после великих трудов и убытку, роя целой месяц, нашол три разных гробницы от времен греков, кои в земле от поверхности 14 гометрических футов

«Могила Гомера» на Иосе

(ок. 4,3 м. — Публ.) были. Длинною ж были в 7, а шириною — 4, зделанные из черного камня, каждая из одного, похожая боля на колодец, нежели на могилу.

В первой нашли кости весма великаго корпусу, но как толко до оных дотронулись — оные правратились в прах. Со одной маленькой статуею мраморного без головы, с четвероугольным камнем мраморным, на котором // (л. 68об.) изображены две

⁵⁵ Как уже указывалось, граф Паш ван Кринен забрал все находки себе и перевез в Европу, где их следы утрачены.

фигуры в барилиев: одна как бы на канате, а другая на ногах.

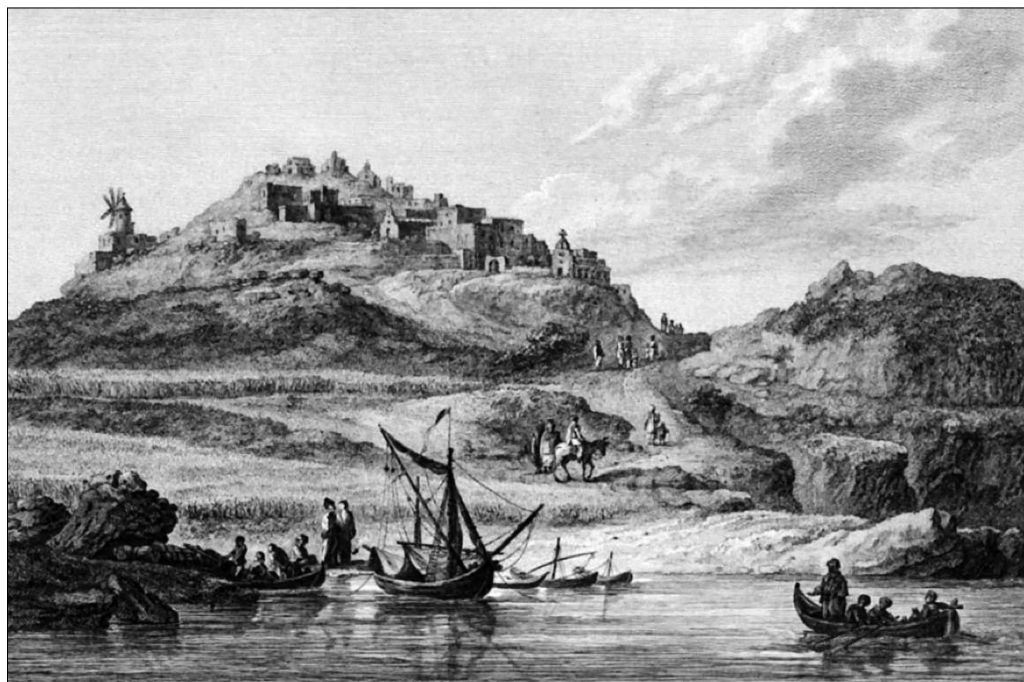
Во второй нашли кости, две статуи мраморные без головы с испорченным и заржавленным копьем и малинкой кусок ножичка треугольного, и толь крепкой матери, что мрамор может резать, и четвеугольной камень.

В третьей нашли сокровище наук, которой я искал: то есть тело Гомерово, сидящая на камне вместо стула, но как токмо скоро крышку сняли и дотронулись до онаго трупа, то оной весь рассыпался. И одну игать⁵⁶ с пестом из аспиднаго чорнаго камня, которая к растиранию чернил или красок толко служить могла. Еще другую штуку камня, на которой наподобие двух тарелок и маленькия корытцы высечены были так, как бы солонки быть или чернилецы, и длинной четвероугольной мраморной камень, которой я // (л. 69) изломил, дабы лутче было тот достать.

[На странице пустое место оставлено, возможно, для рисунка]

Монастырь «св. Теодота»

Вид на Иос

⁵⁶ Иготь — каменная ручная ступка.

Притом нашол во онои маленькой ножичик такой же, как и в преждних двух гробницах, которой, я думаю, служил на писание на корне [коре?], кого в то время вместо бумаги употребляли.

Точно явствует, что Гамор родился в Смирне, умре и погребен в Нио, хотя многия историки спорились об месте его погребения и рождения, и об оном утверждали неосновательно.

К восточной стороне сего острова, называемой святого Теодота⁵⁷, на маленькой горе посреди дуга нашол две другия гробницы, подобныя вышеписанным, и три малинкия статуи мраморныя, однако копыю и такой же ножичик, как в тех гробницах. // (л. 69об.) Во второй нашол одну статую, два стеклянных сосуда — один с ручкой, а другой наподобие склянки с одним колцом заржавшмся и одним хорошим грановитым камнем, на коем вырезаны две фигуры.

Притом нашел я на одном камне, которой перед церковью св. Екатерины⁵⁸, вырезанные имяна, но токмо не знаю точно — первых ли жителей острова Нио или тех, котория оным правили, оныя имянно на том камне вырезаны⁵⁹.

К остой стороне маленькой остров Кардиане называющей имеющей восемь миль окружности, между коего и других маленьких островков, опасных для мореплавателей, находится остров Нио.

Правление во оном острове так, как и в протчих: народ выбирает четырех синдиков.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА САНТИРО⁶⁰

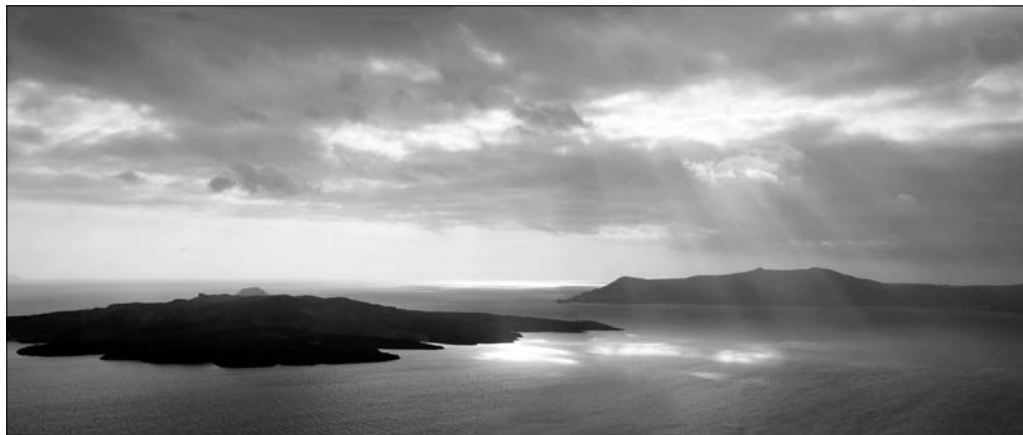
Каликт, Тера, Филитера, Эсент Ирины называемо древними, ныне Санторин находится под тритцать пятым градусом 45 минутою долготы и 47 градусом широты. Имея 40 миль в середине окружности, будучи со всех сторон окружен великими горами згоревших каменеи красного или черного цвету, многия писатели утверждают, что сей остров сам из моря вышел к великому удивлению всего света. Малинкой островок блись Санторино, называемой Ера, 12 лет после Рождеста Христова вышел, в 726 году столь великой и страшной огонь и пламя из всего острова подымался на воздух и столь многа выбрасывала каменье, что сей островок зделался великим и называется камень. В 1427 году 25 ноября от великаго треску и огня, которой // (л. 70 об.) был в мори, многия каменья выбрасывало, от чего сей остров зделался великим и другой возле него маленькой, которой

⁵⁷ Залив Agia Theodoti.

⁵⁸ Церковь св. Екатерины в центре главного города Иоса — Хоры.

⁵⁹ Graf Pasch van Krienen H.L. Abdruck seiner italienischen... P. 36.

⁶⁰ О. Санторин, или Фира. М. Коковцев о нем пишет: «Санторино был прежде соединен с другим лежащим островом Камени, но в 1507 году случившимся землетрясением со всем отделен, так что теперь и самая большая суда между оными проходят; в древние времена именовался он Ферасия, и меет в соседстве два небольшие островка Аспронисия нарицаемые. На нем изобило виноградных лоз и известное хорошее, крепкое и сладкое вино Санто или Винсант вывозится отсель в Европу. На западной стороне есть небольшой городок, в котором живет епископ, с изрядною пристнью, а недалеко от онаго видны развалины двух древних городов Нан и Ферасы именованных. Остров сей был во владении критскаго государя Миноса, потом лакедемонцев, афинян, римлян, венецианов, а наконец турков, у которых отняв, Россияне отдали уже при возвращении флота из Средиземного моря. Жителей на оном, гораздо просвещенных, считается около четырех тысяч душ греческаго исповедания». (Коковцев М.Г. Указ. соч. С. 52).

Санторин: «Малой Камень» и «Ера»

называется Малой Камень⁶¹. В 1573-м году также от великаго полымя с треском еще зделался остров нов, 1647 году столь ужасной огонь и треск во всем острове Санторине происходил, от чего многия пещеры разъвалились, и горы разселись, и остров весь покрыт был чернотою, воздух столь зделался дурен, что многия жители померли, но после прочистился. В 1708 году еще островок зделался между двух каменистов, которой и поныне виден: высок, имеет одну милю в длину, и половину мели ширины⁶². Сии островки вышли после сотворения света, почему статса может, что и Санторин таким образом из моря вышел, но я приметил, что ко одной стороне острова признаку нет, чтоб тут когда-нибудь огонь был, и видно высокая мраморная // (л. 71) гора, называемая Святаго Стефана. Естли б огонь когда нибудь в сем месте был, то б сия гора, конечно, расселась, или распалась, почему статса может, что сия часть острова — от сотворения мира. А другия части так, как острова каменны[я], из моря вышли.

Что касается до фигуры сего острова, оной наподобие пол месеца и маленькими островками, вновь вышедшими, имеет разные малые гавани.

Сей остров в древния времена имел многия города и славныя замки. Так что оной великолепием другим немале не уступал. Имеет много дворян. И хотя пришел в упадок, но со всем тем находится еще в хорошем состоянии, имея несколько замков и деревень.

Первои — св. Николая к северу в месте, называемом Теразия, ужасно беспокойном и грабовидном[?] Будучи построен на страмнине, дома // (л. 71об.) кажутся висющимися один над другим, и построенные из сих черных каменьев довольно изрядно. И в разных пещерах имеет свое скотовотство с великим трудом и искусством.

Верхушка сих гор обработана и приносит разной плод.

Поненту почти посреди острова находится другой замок. Называется Секро⁶³, остаток развален стариннаго и крепкаго города, оной и ныне почитается первым местом сего острова, и на столь высокой горе построен, что сход весьма

⁶¹ Архипелаг небольших островов, образующихся в результате извержений, называется Кемени.

⁶² Шуазель-Гуффье в 1776 г. нашел в живых старика священника, который застал это землетрясение и его рассказ помещен в его «Voyage pittoresque» (р. 25–28).

⁶³ В итальянском издании — Scaro. У Шуазеля-Гуффье имеется рисунок и описание замка Scaro.

Св. Николай (Терезия) на Санторине

опасен. Дома сего замка от нордовой стороны угражаемы каменною высокою горою, на которой в древнее время были разные селены, и ныне еще находятся одна греческая церковь и около 150 жителей, ныне ж тут живут 500 каталиков, управляемая их собственным епископом, которой тут живет, присылаемым от римскаго папы под покровительством Францы[и]. При том три или четыре езуита // (л. 72) находятся французской нацы, подле которых церква — есть на мраморе подпись. Сверх того еще один монастырь женской святыя Доменики и другой монастырь греческих монахинь. Ехавши из места в Парго, другое место, должно приезжать сквозь три довольно великия деревни, коих дома в пещерах.

Прибывши в Пирго⁶⁴, ничего кроме хорошего виду нет, ибо видны все поля, на коих родится столь хорошеи виноград, что изобилно делают самое хорошее вино, притом столь много холстины, что продажу тои платят дань туркам. Все их дома чрезвычайно беспорядочно построены и дурны. В сем местечке пребывает греческой архиерей, коего жители того ж закона.

Скалы Санторина

К полудни, едучи от Пирго, виден замок Дембори⁶⁵, в коем 200 жителей греков, поблизости коего — гора святаго Стефана⁶⁶, на коеи // (л. 72 об.) многия мраморныя статуи и многия разныя штуки находятся, притом разныя гроты, в коих весма тепло.

От сего замка к поненту есть еще другой замок — Акротир⁶⁷ называемой, но некакаго примечания не достоет.

Во всем сем острове 7 или 8 деревень находится, и оной довольно многолюден.

⁶⁴ Совр. Пиргос (Pyrgos) на горе Профитис Илиас (пророка Илии).

⁶⁵ Город Импорю (Emporio).

⁶⁶ Шуазель-Гуффе пишет, что на этой горе он обнаружил руины, «которые напоминают о существовании здесь великопленного города Thera, описанного Геродотом, Павсанием и Страбоном». Шуазель-Гуффе нашел там римские статуи Марка Аврелия и Антонина, античный храм, а рядом с ним часовню св. Этьенна (св. Стефана), построенную с использованием античных фрагментов, а сбоку замечательную женскую статую, ничего здесь не напоминает о христианстве, разве что только маленький образ Богоматери, который греки украсили, и то варварство, с которым они изуродовали статую, чтобы легче было установить лампаду, которая согревала это святое место (Op. cit. P. 36–37).

⁶⁷ Совр. Акротири, город, существовавший еще в минойское время и уничтоженный в результате извержения вулкана примерно в сер. 2-го тыс. до н.э. В настоящее время раскопки в Акротири дали выдающиеся результаты, позволившие вскрыть поселение крито-минойской эпохи.

Пища жителей весьма дурна и состоит только в одном черном хлебе, которой называют скиза, мяса совсем почти не имеют, то же и лесу, а более питаются виноградом. Море, окружающее сей остров, хотя и весьма глубоко, потому что многия писатели уверяют, что Александр Великий мерил, но не достал дна, со всем тем рыбу жители ловят довольно.

Санторинские жительницы

В прежния времена сей остров находился под владением греков, римлян, опять снова греков, а в последнее время владела //

(л. 73) им благородная фамилия Занутьев⁶⁸ и Криспов⁶⁹, а после турки, как завоевали все острова⁷⁰, той сий остров взяли, лишив его всякой волности.

Сей остров имеет восемь или девять тысяч жителей⁷¹.

Что до поролельи (параллели, т.е. согласия. — Публ.) касается, то жители весьма недовольны и приматами, но ныне чаятельно по[д] христианским мудрым правительствам народ довольнее будет.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА НАНФИО⁷²

В двенатцати милях от Сантарина к леванту есть остров, называемой Нанфио, которой приличнее назвать Анфио, что значит «не имеющий змей», кои нимало в сем острову жить не могут. В древнее время жители к ливанту имели изрядную крепость у берегу моря, но как та бывала // (л. 73 об.) убежищем морским разбойникам, то она и разорена, и посреди острова жители построили новое селение.

Сей остров имеет 30 миль окружности, находится под правлением Санторино, с коим оной остров соединен. Что касается до древности, то находится много колон мраморных и статуи хорошей работы, что доказует: в прежния времена и сей остров был многолюден и имел великолепные здани⁷³. Ныне же едва 500 жителей имеет⁷⁴.

⁶⁸ С 1207 г. на острове появились венецианцы под предводительством Марко Санудо.

⁶⁹ Вскоре после 4-го Крестового похода, в 1208 г. Марко Санудо (Sanoudo) захватил остров Наксос, положив начало господству этого знатного венецианского рода над «Герцогством Архипелаг (или Наксос)». С 1383 г. Франческо Криспо (Crispo), убив своего предшественника из рода Санудо, при поддержке Венеции провозглашен герцогом Наксоса. Окончательно герцогство захвачено турками в 1566 г.

⁷⁰ Примерно с 1570 г.

⁷¹ М. Коковцев пишет: «Жителей на оном гораздо просвещенных считается около четырех тысяч душ греческого исповедания» (Коковцев М.Г. Указ. соч. С. 52). Шуазель-Гуффье указывает, что на острове — около 8 тыс. жителей, из которых не более 700-800 католиков, конфликтующих с греками-православными (Op. cit. С. 34).

⁷² Совр. — Анафи.

⁷³ Вероятно, речь идет о храме Аполлона и руинах древнегреческого города.

⁷⁴ М. Коковцев отмечает: Анафис — «окружностью двадцать пять миль и довольно изобилующий овощными пладами лежит недалеко от Санторина на Восток, жителей на нем четыреста душ

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА АМЪМОРГО⁷⁵

Потаж Прикйа, Карсесия, Аморгус древними, а нынешними называемой Аморго, находится по[д] 36-м градусом 28 минут долготы, 47 градусов 20 минут широты. Его окружность 80 миль. // (л. 74) К норд украшенной долинами, имеет три гавани, коих вход к норд-осту, ис коих лутчея Св. Анны, могущая вместить весь многочисленной флот, также и другой порт, именуемой Калос, хотя и не столь пространен, наполнен бывает многими мелкими судами, которые торговать приезжают с малым числом жителей замка Катист, имеющего свое положение блись малой реки. В третей гавани, называемой Порто Плато, торг гораздо лутче производится, потому что есть многие реки, также и замок тут блиско.

Что касается другого жилища — есть несколько разваленных замков и деревень, но видны остатки великих городов. Ныне же токмо три замка, из коих лутчей, называемой по имени острова, на вершине одной горы — довольно многолюден, и из коего в прежнее время Симонид сын Криемев⁷⁶ произошел.

После сего замка есть другой, называемой Гиали⁷⁷, наверху превысокой горы. Также и Пиято блись гавани сего имени. Есть еще много других развалин разных замков, кои ныне совсем пусты. // (л. 74 об.)

К вестовой стороне виден мало развалившей великолепной Венерам храм, которой многие чужестранцы смотреть приезжают.

Окружен сей остров многим островками к зюиду, многими мелями, кои весьма опасны для мореплавателей. Между коими островки есть четыре — оные по своему хорошему положению имеют скотоводство.

Остров Соларна между Сиртиских островов к осту, на оном видны остатки храма солнца, кое в сем острове в прежнее время обожали, и к сирокковой, к нордвесту и норду, виден храм месеца, которой в прежнее веки также обожали. В островке малом, называемом Ганно, против мысу Пасьсоро, на коем сей великолепной храм, об коем я выше упоминал, против онаго видны остатки Венерина храма.

В острове Амарго многие есть наивеличайшие горы, на одной из коих посредственно хорошей женской монастырь. Также неподалеку от горы есть другая, // (л. 75) на коеи муской монастырь, в коем около 16 монахов, и оной в довольно хорошем состоянии⁷⁸. Но самые болшие грубые и высокие с стреминами горы — к вестовой стороне острова, чего ради оное место называют Апаномерия (Горис[тое] место).

Но остовая сторона сего острова имеет многие далины, орашаемые презрядными источниками, также малыми пригорками украшенньные, называем Катамерия (Ровное место).

греческой веры. Баснословят, будто Юпитер, превратясь в быка, похитил на сем острове девицу Европу и, перенеся ее на своем хребте на твердой берег, дал название сей части суши» (Коковцев М.Г. Указ. соч. С. 53).

⁷⁵ Ныне Аморгос.

⁷⁶ Симонид, ямбический поэт VII в. до н.э., родился на острове Аморгос.

⁷⁷ Совр. Эгиали (Egiali, Aigiali).

⁷⁸ Вероятно, речь идет о монастыре Хозовиотиссы. Монастырь был основан, вероятнее всего, в VIII–IX в. Он пользовался особым покровительством императора Алексея I Комнина (1081–1118) и даже в позднейшую, венецианскую эпоху сохранял цветущее состояние. Издавна монастырь был местом паломничества для верующих, т.к. в период иконоборчества здесь находилась чудотворная икона Божией Матери Хозовиотисса (XI в.), пришедшая сюда из Палестины. Хозов, небольшое местечко в нескольких километрах от Иерусалима, дал название иконе и монастырю.

Камни и оливы Архипелага

Жители все нужное к своему пропитанию имеют, как то: хлеб, мед и многое количество произряднаго вина, коего много продают, тож и воску.

Жителей во всем острове не более 4000, и не довольно разумны и добронравны. Таковы же и женьщины.

Сей остров своим плодородием может доволствовать 20 000 жителей.

По многим ветренным и воденым мелницам видно, что в прежные времена жителей гораздо болие было, как ныне.

Правление тако ж, как и в других островах: избирает весь народ четырех синдиков и одного канцеляриста⁷⁹. // (л. 75 об.)

Едучи из Морго в остров Наксию видны **острова Кад**⁸⁰, коих числом пять, которой один возле другаго. От веста к осту и к зюиду осту под градусом 36, 30 минутой долготы и сорок семь широты. Самой болшой из оных не имеет более 8 миль окружности, те называются **Пира, Ширго, Эраклиа, Пергола, или Шинуса**, в коих во всех видны удивительные развалены, а в Перголе совсем еще целой монастырь и несколько гаваней, почему видно, что оные острова были обитаемы. Но ныне совсем пусты, и не имеют никакого жила, изобилуя дикими зверями и скотом.

⁷⁹ М. Коковцев пишет: «Аморго или Оморго лежит в пятнадцать милях к юго-востоку от Наксии, имея в окружности двадцать пять миль. С северной стороне небольшое местечко с изрядною пристанью, а неподалеку от онаго в утесе берега на самом свесе горы над водою выстроен монастырь, управляемой игуменом. Остров плодоносен и много на нем рогатаго скота, Жителей на нем считается около тысячи душ, утопающих в невежестве» (Коковцев М.Г. Указ. соч. С. 54).

⁸⁰ Малые Восточные Киклады.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА НАКСИИ

Наксиус, Дна, Дионисиада, Сицилия малая, Кали Пали, Истранжили — в древние времена, а ныне — Наксией называемая, коего первые жители были трусы, что видно // (л. 76) из следующего. Бутес сын Бореев короля Тракского⁸¹, хотя умертвить брата своего Ликурга, за что отцом изгнан был с последовавшими ему греками. Пристали они в остров Наксиос, которой нашли весьма приятным и изобильным, чего ради желали тут поселиться, но, не имея женщин, отправились, дабы где-нибудь найти тех и похитить, что им и удалось. Нашед множество женщин на фесалиском берегу, кои празновали праздник бакануличе(?), между коими женщинами находилась Ифимедия, жена великана Алуеиса з двумя ея дочерми Панкратис и Коронис. Бутес, взяв тех, имея некое внутреннее мученье, кинулся в море, атрас⁸² благополучно прибыли в сей остров, которой тогда назывался Странжили. И выбрали их королем Агасиминуса, женившего на кнежне Панкратиус. Несколько время спустя приехали в сей остров 2 великана Отус и Эфиаотос, сыновья Алогоса⁸³, братья Панкратис, кои присланы были от отца их для освобождения матери их // (л. 76 об.) и сестер, кои убивши онаго царя, завладели оным островом, зделались государем.

Сеи остров в преблагополучнейшем находился состояни до прибывшей морской великой силы могущаго персидскаго царя Дари, и оной находился несколько времени под владением персов, кои тот непощадно разорили⁸⁴. После чего сей остров находился в цветущем состояни под владением восточных императоров, а после собственных своих князей, имея всегда 40 000 вооруженных, кои доволствовались изобильно плодами сего острова.

Наксос. Портал святилища Аполлона

Первья князья или владетели сего острова и других были из знатной фамилии венецианской Зануть Карчары⁸⁵, а последняя фомилия, коя сим островом владела з другими протчими, фомилия Криспов. Даже до покорения онаго под турецкую державу, под коими и пришел // (л. 77) в упадок, имела титул герцовства, ныне есть многия знатныя фомили, кои происходят от прежних князей, как то фомили Криспов⁸⁶, Сумариппа, Грималди, Бароцы,

⁸¹ Борей, бог северного ветра. Более известен миф, согласно которому сыновья Борей — Калаид и Зет.

⁸² Возможно, «атрас» — оставшееся не переведенным на русский слово «прочие».

⁸³ От и Эфиальт, известные под именем Алоады, сыновья Алоэя и Ифимедеи, согласно известному мифу, обладая необыкновенной силой, в девятилетнем возрасте пытались взгромоздить Оссу и Пелион на Олимп и влезть на небо, за что убиты Аполлоном.

⁸⁴ Разорение Наксоса персами — 490 г. до н.э.

⁸⁵ В 1210 г. венецианец Марко Санудо провозгласил себя герцогом Наксосским.

⁸⁶ Шуазель-Гуффье отмечает, что католический епископ на острове в 1776 г. — потомок рода Криспов (С. 41).

Сфорца Кистры и Коронели, да две знатные фамилии в прошлом веке поселились Раимандо, Модены и баронов Вигуру⁸⁷.

Что касается до нынешняго состояния острова⁸⁸... // (л. 77 об.)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОСТРОВА ЗЕЯ [КЕЯ]⁸⁹

ОТ НАЧАЛА ЕГО ВЫПИСАННОЕ ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ КНИГ,
НАЗЫВАЕМЫХ ЛЕКСИКОН ФРАНЦИСКА МУРАТОРИЕВА

Зея, от древних Идрусом названа, Кеос, Икия; сие имя происходит от Кея, сына Апалонова, единого от богов ельинских. Сей Кеос стал прежде всех жить на сем острове, и зобрал людей многих от берегов сухопутных, от Ахани и Неграпонта. Первый город, который соорудил на сем острове, назван Иулис, и чрез несколько годов, как умножились люди, построили и протчие города и много деревень. А те города назывались: первой — Иулида [Юлида], другой — Карфея, третьей — Корисии [Корессия], четвертой — Пиека; и для оных четырех городов называли сей остров Тетраполис, то есть Четыре Города.

Иулид был первая губерния; состоит к стороне юга, высоко на одном мысу, блиско к морю, на виду острова Ферми, и был огражден // (л. 78) кругом стенами блись мыса, и разделен на три части одна от другой. Строение на оном было великолепное и похвальное от древних, и еще доныне одни знаки и основание, кои разорены, что хвалят любопытные историки агличана, кои как охотники древним вещам взяли из онаго города Иулида один мрамор четырехугольной, на котором были вырезаны грамоты ельенския, и значили они родословие многих царей старых елатских. Описатель был онаго Симониди стихотворец. Сей мрамор привезли в Англию и поставили в академию оксфортову⁹⁰. И онаго мрамора просили мудрецы орпонеки (?), кои были охотники иметь у себя такие вещи, давали агличанам 12 тысяч скудов, чтобы отдать им. Однако ж не могли отмануть агличанов, хотя они для онаго мрамора ничего и не издержали. // (л. 78 об.)

В сем же городе Иулиде, между протчими великолепными строениями, был один феантр, называемой Эпикидион, посередине города стоящей, в котором,

⁸⁷ Crispi, Grimaldi, Barozzi, Sforza, Castri, Coronelli, Vigouroux. Об этом же пишет Шуазель-Гуффье (Op. cit. P. 41).

⁸⁸ Далее оставлено место, но текста нет!

⁸⁹ М. Коковцев об острове Зея: «От Негропонта в двадцати милях к Югу лежит остров Зея, у древних Кия, Кисос, по имени Аполлонова сына Кеана; на оном стоит того же имени местечко, в котором живет Архиепископ, а прежде было еще три города Нидон, Корфан и Питалон, по чему и остров наречен Тетра Полиес или Четырехградный остров. Здесь построен был Аполлону великолепный храм, котораго развалины и теперь видны. Старинные жители почитались варварами ибо шестидесятилетних стариков яко неспособных к работе убивали, доколе вывели их из сего заблуждения афиняны. Он был родиною многих ученых мужей, как то стихотворца Симониса, котораго оды хранятся, и славнаго врача Ерасистрата, любимца Сирскаго короля Селикуса. На Юго-западной стороне есть закрытая пристань, но недовольно пространная. Теперь на оном считается около трех тысяч довольно просвещенных жителей, которые торгуют хлебом, хлопчатую бумагою и шерстью, чем сей остров изобилен» (Коковцев М. Г. Указ. соч. С. 45–46).

⁹⁰ Имеется в виду Оксфордский университет.

собираясь, народы певали жалобныя и любовныя песни, учиненныя стихотворцем Симинидом.

Карфеа был другой город онаго острова, разстоянием прямо от города Иулида четыре леги [лиги], а каждая лега щитається по четыре италианские мили, стоящей на одном верху мыса круглаго, на виду бухты неграпонской, от моря четыре мили италианских. На оном месте, где был город, ничего болше не видать из древности, толко некоторое основание города, а посередину сего есть одна яма, которую зделали старинные люди для прибежища на военное время.

Корисна был третей город на сем острове, лежащей недалече от города Иулида, блись реки // (л. 79) называемой Елидом [Эликс], которая река ныне называется Врисес, на одной горе, ныне называемой Святои Симеон, и по нещастию развалился от великаго землетресения. Жители онаго города перешли в город Иулид, и для того назвали после сего губернию Иулид, а по умножению Польгес, то есть что многия народы стали во оной жителство иметь.

Ипиеса был четвертой город кеовой сего острова, лежащей наверху одного мыса, блись гавена [гавани], ныне называется Посес. Сего острова жители по южной стороне на виду Афин от места называемаго Ковоколенес, а по другую сторону к западу, многожды имели баталию с афинянами, и для того оный город жители сами разорили и оставили, а перешли и стали жить все в Корефе.

Кроме вышеписанных городов были и деревни разныя по всему // (л. 79 об.) острову много, и стены больше, ис коих некоторые видны и донныне, особливо ж у монастыря Святои Марины, также разные бани бывших начальников в то время. Сей остров имеет множество высоких, землю осыпанных и камнем загражденных стен, но и старинной народ, и жители обще старались всем остроумием и зделать те стены высокия и осыпали землю для сеяния хлеба, и укрепили их, чтоб та земля не высыпалась на низ, и чрез то получали себе пищу, и наиболше прибыток сего острова от масла деревяннаго, винных ягад, желутков; рождалась и пшеница, но не доволно для столь многонароднаго острова, и по сей притчине принуждены были начальники зделать один закон, которым было установлено [умертвить] всех старых людей онаго острова от шестидесяти лет и далее, чтобы молодые могли с покоем и пространно жить, и в военное время отечество свое защищать не так, как старые, которых // (л. 80) почитали за негодных, и для того, когда они дойдут до 60 лет, тогда оным давали некакую смертную отраву, которую зывали тикута. Сеи закон содержали много годов, в которые великое бывало нещастие приходящим в такие лета людям.

Владение сего острова сначала было общественное, и никогда не хотели никаким образом склонитца и знать владение афинское. И для того зделали они между собою закон, чтобы могли они владеть свое отечество храбро, и штобы имели волность от подданства афинскаго, с таким намерением, что лутче лишиться жизни, нежели платить дань афинянам, как прочи острова платили, который были под игом афинским. Однако ж афиняне старались многожды с великими силами усмирить их гордость, но каждой раз, когда ни пошлют // (л. 80 об.) свой флот на оной остров, всегда теряли немилостивно; понеже кеотски народ, мужи и жены, в баталию вступили с таким намерением, чтоб лишиться своей жизни, и прогоняли афинян со многим кровопролитием. И, наконец, вздумали афиняне прилагать всю свою силу; и окружили губернской город Иулид, но с одни-

ми крепкими воинами. Но как увидели себя кеотския жители в таком великом утеснении, и что за неимением пищи многия умерли, выдумали они удивительную жестокость — стали умершвлять своих детей и их кушать; нежели уступить врагам свое отечество. Что видя, афиняне оставили их в рассуждении, чтоб не быть притчиною такому их несчастью; а когда они убирались со своими войсками по катаргам [гребным судам], и хотели отъехать из онаго острова, тогда вышли кеотцы из города и бросились нечаянно на афинян, и зделали престрашное убивство, так что насилу афиняне третьєю // (л. 81) долею своих воинов ушли, о чем и рассказывали сами афинцы во оправдание своем отечеству, что сие происходило не от великодушия и храбрости кеотцов, но явно от нечаенной их жестокости. Кои возвратились к своему граду победителями; и убили всех тех, которья советовали противно и хотели отдать отечество свое афинянам. И для того такое решение о смерти оных людей побликовали, по всему народу за претателей отечества.

Сия последняя баталия дала знать афинянам, чтобы разумели, сколь трудно было и какое б кровопролитие могло покорить таких жестоких людей; чего подумавши принуждены были оставить свое намерение; и кеотски тоже старались на малое время помиритья. И так с афинянами зделали перемирье твердое. Для лутчаго спокоиствия отечества их // (л. 81 об.) послали они в Афины с обыкновенными трактатами посланника, которой и жил при правлени афинеиском, и на каждую баталию, когда Афины с протчими ельлинами воевали; тогда сами помощь из своего отечества с охотою [в] войско афинское посылали.

В городе Иелиде родились шесть мужей мудрых и искусных в науках и в красноречии, также и много почтенных по всему Ельледу [Элладе], из которых первой назывался Симонидии стихотворец⁹¹, второй также Симонидии, плямянник перваго, третей похвальны доктор Эрасистрат⁹², четвертой Винхилидии стихотворец⁹³, пятой Аристон философ⁹⁴, шестой Предикос софисти⁹⁵. Симониди ильириский стихотворец родился в Ыилиде и процветал в летах // (л.82) шестидесят пяти алимпиадских во время Дария Синаимпа [Гистаспа] и Тарквиния Гордаго, в 480-м году прежде Христа. Сего стихотворца познали и любили наимудрейши велики люди еллатскит и сикелиотскии [сицилийские]. И чрез Павсания и Нерона призван был в Афины от царя афинскаго, не имел его у себя в царстве для великой ево философической науки и воздержания. Сего стихотворца спросил царь⁹⁶, что есть Бог, а он попросил от царя сроку на несколько дней, чтобы подумать, а напоследок ответствовал, что существо Божие есть бесчисленное непостижимое, и сколко он не думал, не мог узнать его безчисленнаго величества. Он же сложил многие речи, но в любовных весма был искусен; многи сказывають, что сей Симиниди прибавил в азбуке греческой четыре литеры ельлинских, а прежде было толко дватцать. А другия писатели сказують, что от Ямиха Симинида кеотски сложил пение и песни любовные и прочия разныя сло-

⁹¹ Симонид (556–468 до н.э.).

⁹² Эрасистрат (304–250 до н.э.), основоположник физиологии.

⁹³ Поэт Вакхилид, также Бакхилид (ок. 518 – ок. 450 до н.э.).

⁹⁴ Аристон (III в. до н.э.), перипатетик, последователь Биона Борисфенского.

⁹⁵ Софист Продик (ок. 470 – после 400 до н.э.).

⁹⁶ Гиерон Сиракузский (308–215 до н.э.).

жения и описал баталию, что была в Марафони и Саламине, ныне называемую Иулири, // (л. 82 об.) также когда имели еще с киперсианами; и сложил разные описани и книгу, называемую Тринус, на греческом языке толкуется Рыдание, ис которых описаниев несколько обретаются и ныне в книгохранени святого Марка в Венеции и в академии французской. Сей стихотворец, как сказует Дионисии али Карнаски [Галикарнасский?] старался всячески исправить телодвижение и политику понеже он был очень любопытен в своем сложении и имел особливую науку и искусство риторское проводить в жалость слушающих его и читающих. Многия мудрецы сказывали, что сей преимущест[в]о имел от философа Пиндарина⁹⁷. А умер он 89 лет от роду, однако ж имел преизрядную память, понеже он сыскал такой способ, как надобна человеку думать и говорить сложение книг и их описание, сам он их привез в Сиракузу, когда ему было лет 80, и в том же городе и умре; которому царь сиракусьский состоит град великолепные, а после того разорил оной воевода, называемой Финид, когда взял град Сиракус, и по сей // (л. 83) притчине поднял баталию на него один приятель Симонидин. Диеони Лаерти [Диоген Лаэртский] описует, что другой Симиниди стихотворец был внук другого Симинида и сын дщери одной, которой родился в граде Иулиде и звался Симиниди Аигонос. Имели Кертиз сии. Процветали в 82 м году олимпиадском, а 450-м году прежде Христа. И сложил три книги для изобретения и три для родословия, многия писатели описуют, что он прежде сыскал способ ткать шелковыя матери штофы. И потому в острове Зеи прежде началось дело [изготовление] штофов.

Викхиди стихотворец лириской⁹⁸, племянник перваго Симинида, родился в городе Иулиде, и процветал в 82-м году алимпиадском 452-м прежде Христа; сей сложил пение и песни, и описание, ис которых обретається некоторая часть во французской библиотеке. Сей был после всех стихотворцов илирийских, которых было щетом 9, похвальные в старом Елде, но и сей не последней наукою и целомудрием. Он сочинил разные речи. Он есть один от тех, что представил нравы как один первой и достойной // (л. 83 об.) образ, за которым могли бы следовать всякия стихотворцы. Амеан Макелико⁹⁹ сказует, что самодержец Иулиан имел великою охоту на описание сего стихотворца, понеже сей царь хотел себя показать с одним особливым респектом и чином благообразным, в действие выложил от себя многия премудрыя речи, между тем, хотел и себя в том числе иметь, как сказывал сам стихотворец, что чистота есть изряднейшее одеяние добраго жительства¹⁰⁰. Толкованики Пиндарови сказуют, что Нерон царь сикилидтской [сицилийский] имел лутче творение или сложение Ванхиладуса, как Пиндарова¹⁰¹. И думал Вакхилида как стихотворца, что он перешел чином и остроумием всех мирских стихотворцов. Евсеви пишет в Хронографи Амьмиано Маркелино в разговорах в 9-м листу 1015, Плиниос [Плиний] в 4-м томе книге
[далее в тексте пробел]

⁹⁷ То есть победил его в состязании. Известно соперничество Симонида с поэтом Пиндаром.

⁹⁸ Возможно «лирический» поэт Вакхилид известен своей торжественной лирикой.

⁹⁹ Аммиан Марцелин (ок. 330 — после 395), римский историк.

¹⁰⁰ То есть император Юлиан (правил 361–363), будучи сам автором философских писаний, хотел выглядеть таким же философом и потому любил его произведения.

¹⁰¹ То есть предпочитал Вакхилида Пиндару.

Продик похвальной мудрец кеотской родился в граде Иулиде и был ученик Протагоров. Про[ц]вет[а]л (!) // (л. 84) в 96-ом году алимпиадов, прежде Христа 496 году. Сей жил в Афине как посол отечества, [и] хотя он в такой чести, учил реторику, чрез сие учение получил он честь великую и богатство. Между прочим много учил разных науков. А были у него ученики Еврипиды, и Сократ, Терамон и Исократ, которых он учил философи, то есть целомудрию. Он имел великую похвалу по всем городам. Куда ни едит, везде разливается похвала красноречия его. И кроме всех служениев его сложение некаких слов, которые было читаются в театре, и каждой человек платил 50 драхмов, чтобы войти и слушать оных слов. И чрез то назывались оные слова «пятидесятидрахмовые», а (50 драхмов, чтобы войти и слушать оных слов, чрез то сказывались оные слова «50-ти драхмовые»)¹⁰², а 50 драхмов сделают четыре пиастра¹⁰³. Однако ж афинцы убили его за то, что он учил молодых людей противным вере их поступкам, и толковал против богов их. Филострат Кикерон об существе богов¹⁰⁴ в книге первой. // (л. 84 об.).

Еристрат похвальной дохтор и ученик Икьпократов родился в сем граде Иулиде, процветал в годах и Птолемя, называемаго Филадельфа, то есть «Братолюбца»¹⁰⁵ и Селевкия Никанора¹⁰⁶. Сей Еристрат был племянник Аристотеля, он объявил любовь, которую имел Антиох Сотеров с красавицею своею тиощею¹⁰⁷. Помер же в лето 289 прежде Христа, описует Плини в четвертой книге в главе седьмой, и в книге двадесятой в главе 9-й, и в книге 26 в главе второй, и в книге дватцать девятой в главе первой.

Аристон философ родился также в граде Иулиде, процветал в Еледе в 96-м году прежде Христа, когда весь Елад поддался самодержателю кесарю греческому. В то время находился в острове Зее Великой Помпей¹⁰⁸, которой победил всю Анатолию. Сей философ изложил много описаний, один афинской // (л. 85) Ирмолог, 5 книг песенных и одну книгу реторическую. Сей есть тот Аристон, котораго выгнали афинцы из своего града, потому что смеялся в театре Менестья, которой был силен и почтен в Афинах.

Деогни Лаертиос [Диоген Лаэртский] в книге седьмой, а Валери Максимов [Валерий Максим] объявляет как свидетель тому, что он видел в острове Зее в граде Иулиде одну женщину дворянку и[з] знатных дворян сего города, которая жила при всяком счастье[и], боялась, чтобы напоследок какое-нибудь несчастье или бедность ей последовала и провести свою жизнь с нуждою, решила умертвить сама себя. Сие решение объявила она и протчим дворянкам, что она такое намерение имеет умереть своею охотою и с покоем. Великой Помпей нашолся в то время в Зее и пошел смотреть сего туда и видел, что // (л. 85 об.) что она дворянка лежит на кровати, убранна как невеста. Старался он каждым [всем] своим

¹⁰² В скобки взят повторенный отрывок.

¹⁰³ Вес драхмы — около 4,8 г.

¹⁰⁴ Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.). «О природе богов».

¹⁰⁵ Птолемей Филадельф, царь Египта (283–246 до н.э.).

¹⁰⁶ Селевк Никатор, основатель династии Селевкидов (ок. 358–281 до н.э.).

¹⁰⁷ Имеется в виду легенда, согласно которой Антиох был влюблен в свою мачеху Стратонику, дочь Димитрия Македонского. Он скрывал свое чувство и хотел уморить себя голодом, но Эрасистрат, щупая пульс больного, выяснил истинную причину болезни. Селевк уступил жену сыну, передав им в управление Верхние Сатрапии.

¹⁰⁸ Гней Помпей по прозвищу Великий (106 до н.э. — 29 сентября. 48 до н.э.) — римский государственный деятель и полководец.

красноречием выгнать от нее такое (такое) помышление, но она никаким образом не приняла, а напоследок увещевая своих дочерей, чтобы они жили между собою любовно и роздала им свое имение, взяла на руку чашу, которая была полна отъравы, и выпила, призывая себе в помощь Ерьмея [Гермеса], то есть бога Ильинского, чтобы определил ей лутчее место в другом свете. И так без всякаго сметения со всяким спокойством чрез одну минуту расположилась, а как оная отравя овладела ее сердцем, тогда призвала дочерей своих, чтобы заперли ей глаза, и так она скончалась. И сказывает Диогни Лаертиос, что на сем острове имеется один источник водяной, ис котораго дурак [выпив] будет, однако ж не на долгое // (л. 86) время, [здрав]. Как выпится, изатлеет та вода, опять придет к своему состоянию. Так описуют об острове Зея¹⁰⁹.

А о острове Фермия¹¹⁰ не имеем и искать не можем никакой истории от древности его, однако же в библиотеках французских, англеской и венецианской обретаются такие истории древности, в коих описуют и о Фермии и о протчих островах. Фермия остров назвался от вод, которые имеются около моря, теплыя потому что на греческом языке Термия толкуется «тепло». А наиболее между норд и норд-вест имеется две крепости розореныя: одна на виду Зеи в восточной стороне, окружением одна миля талиянская, но все камень и трудно воевать; а другая на виду Мании Морейской к югу, окружением две мили итальянских. Были на сем острове // (л. 86 об.) от древних времен кроме сих двух крепостей еще, а ныне более не имеется, толко две деревни» [Конец рукописи].

ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 114.

Публткация В.Э. Булатова и Е.Б. Смилянкой

¹⁰⁹ Текст об острове Кея (Зея) в итальянском издании Паш ван Кринена не содержит всех этих выписок, взятых, по-видимому, не только из сочинения Муратори. В итальянском издании «Breve descrizione dell'Archipelago...» содержится лишь краткая информация об острове Кея (Зея).

¹¹⁰ о. Кифнос (Китнос). М. Коковцев пишет о нем: «Неподалеку от Зеи к югу лежит остров Фермия с небольшим того же имени местечком. Остров плодоносен и имеет целительныя минеральныя воды. Жителей на нем тысяча двести греческаго исповедания упражняющихся в земледелии. Отсель в двадцати милях к северо-западу находятся мало населенные острова Георгиос, Эгон и Дабур, а от оны в двенадцати милях остров Лонго или Макрис, по древнему Еленин, от Елены жены Менелаевой Парисом Троянским похищенной, оный окружностью двадцать миль, но жителей мало» (Коковцев М.Г. Указ. соч. С. 47).

ЗАПИСКА ВОЯЖА ИЗ ЛИВОРНО В РИМ ЛЕЙТЕНАНТА ФЛОТА СУХОВАТОГО, АДЬЮТАНТА РЖЕВСКОГО, МИЧМАНА КН. ГОЛИЦЫНА И ПОРУЧИКА ЖУКОВА

Двадцать шестое сентября 1772 г. в порту Ливорно бросил якорь корабль «Европа» капитана Афанасия Поливанова, на борту которого инкогнито находился контр-адмирал Г.А. Спиридов, рассчитывавший вскоре отправиться в Петербург. В начале ноября Спиридов, продолжавший сохранять инкогнито, высадился на берег и остановился в сельском доме тосканского купца Томмазо Сарафа¹. На том же корабле «Европа» в Тоскану прибыли русские офицеры, чье путешествие по Италии и сохранилось в рукописи конца XVIII в. из собрания А.Д. Черткова (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 114).

Текст «Записки вояжа из Ливорно в Рим» показывает, что путешественники открывали как географическое, так и культурное пространство итальянских государств, пунктуально описывая как сам маршрут передвижений по Италии и места собственных ночевки, так и внимательно осмотренные достопримечательности.

Неслучайно посредниками между русскими дворянами и местной итальянской знатью становятся И.И. Шувалов, с 1763 г. живущий в Европе и принявший активное участие — наряду с А.Г. Орловым — в дипломатической подготовке и публичном представлении русско-турецкой войны Италии, и Орас Манн, английский посол в Тоскане, представитель державы, фактически союзной России, способствовавшей деятельности подданных Екатерины в этом регионе.

«Записка» посвящена Г.А. Спиридову, что, возможно, предопределило важный аспект самого путешествия русских офицеров: поездка могла иметь и разведывательное значение. Так, в 1772 г. Спиридов писал: «я ныне стараюсь сыскать способ послать с карабля Европы афицеров и штурманов наймом на ливорнском тартине под образом якобы афицеры отпущены от меня во оное место, так и в Геную для временного гулянья, дабы тем скрыть прямое намерение во осмотре и сколко можно в промере и узнании грунтов той бухты или рейда»². Из текста «Записки»

¹ GT. 1772. 40. 160; 42. 167; 43. 172; 45. 180; NM. 1772. 79. 651; 83. 685; 89. 732.

² РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 46 / Протоколы секретных дел 1772 гг. Ауза, 1772. Л. 97.

неясно, каким именно могло быть задание Спиридова, ясно лишь то, что культурные, географические и военные аспекты освоения Италии русскими офицерами в годы войны оказывались зачастую неразличимыми.

Кому принадлежит авторство «Записки вояжа из Ливорно в Рим» и не была ли она плодом коллективного творчества его участников — лейтенанта Н. Суховатого³, адъютанта В. Ржевского⁴, мичмана князя Голицына⁵ и поручика П. Жукова — ответить пока едва ли возможно. Косвенные свидетельства, кажется, говорят в пользу Павла Жукова, поручика Шлиссельбургского полка, переводчика Архипелагской экспедиции⁶. Вероятно, знание Павлом Жуковым итальянского должно было способствовать успеху поездки русских офицеров из Ливорно в Рим, а о том, что язык Жуков знал, говорит помещенный в том же сборнике из собрания ОПИ ГИМ его перевод с итальянского «Краткого описания островов Архипелага, приведенных в российское подданство» Леонарда Паш ван Кринена (Приложение 6). Так что вполне возможно, что Павел Жуков стал составителем всего сборника, поместив в него и записку о своем и своих сослуживцев путешествии из Ливорно в Рим.

Наконец, в связи с публикацией «Записки» нельзя не отметить, что первым владельцем рукописи, скорее всего, был граф И.Г. Чернышев (см. примечание к Приложению 6), который, как известно, сам неоднократно посещал Италию⁷. А потому «Записка» могла представлять для него особенный интерес.

* * *

³ Николай Суховатов (Суковатов) был произведен из мичманов в поручики контр-адмиралом Арфом и утвержден поручиком только в июне 1771 г., когда он командовал кораблем в Мило (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 687, 719). 5 августа 1774 г. он вернулся из Архипелага в Петербурге. (Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 282), а с 1777 г. — капитан 2-го ранга (Там же. С. 414).

⁴ Скорее всего, это генеральс-адъютант Владимир Ржевский, в дальнейшем в 1776, 1778, 1779 г. он был капитаном фрегата «Констанция», в «отдельном плавании», повышен в чине в 1782 г. и до мая 1782 г. плавал капитаном корабля «Ианнуарий», по приказу Адмиралтейства от 13 мая 1782 г. на его место был назначен М.Г. Коковцев (Материалы для истории флота. Ч. XII. С. 353, 448, 504, 691, 712).

⁵ Это могли быть князя или Андрей Голицын, или Петр Васильевич Голицын. Мичман Андрей Голицын, князь, так же, как и Суховатов, прибыл с эскадрой Арфа (Материалы. Ч. XI. С. 38, 719). В 1762 г. во флоте провинился и за отлучку от службы был под арестом, освобожден был по приказанию Екатерины, прибывшей в Адмиралтейскую крепость (с. 38). Голицын Петр Васильевич, князь, в 1765 г. поступил в морской корпус кадетом, в 1769 г. произведен в гардемарины и был в плавании по Балтийскому морю, в 1770 г. на корабле «Азия» с эскадрой Арфа прибыл в Архипелаг, где произведен Арфом в мичманы «без доклада и апробации главного командования», в 1771–1775 гг. ежегодно крейсировал в Архипелаге. В 1774 г. произведен в лейтенанты. В 1775 г. вернулся в Кронштадт на корабле «Исидор». В 1776–1778 гг. в отряде капитана Козлянинова на фрегате «Наталия» отправлен в Средиземное море, доходил до Кронштадта. В 1778 г. уволен от службы с чином капитан-лейтенанта. Впрочем, в Архипелагской экспедиции принимал участие и мичман князь Петр Федорович Голицын, о нем упоминает А.Г. Орлов в письме к Г.А. Спиридову (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119 // Письма А.Г. Орлова Г.А. Спиридову и др. 1771–1775. Л. 44об.).

⁶ Сохранились свидетельства о том, что Павел Жуков выступал переводчиком при переговорах с прибывшим на о. Парос для подписания перемирия турецким посланником Мустафой-беем летом 1772 г. (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 46. Л. 52). Еще более заманчиво предположить, что речь идет о писателе и переводчике Павле Жукове, в начале 1760-х гг. сотрудничавшем в журнале М.М. Хераскова «Полезное увеселение» и публиковавшем переводы с латыни и французского (в частности, в 1767 в типографии Московского университета Жуков издал записки барона К.-Л. фон Пёльница «Похождение барона де Польница с примечаниями историческими и географическими...») (см.: Разумовская М.В. Жуков Павел // Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 318).

⁷ Примечательно, что в 1787 г. И.Г. Чернышев встречался в Риме с Гаспаре Сантини, который в 1770-е гг. был связан и с А.Г. Орловым, и с И.И. Шуваловым (см.: Андросов С.О. Гаспаре Сантини — дипломат и художественный агент в Риме // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1. С. 102–115).

Ваше Высокопревосходительство⁸,
Милостивый Государь,

Мы весьма щастливцами можем называться, когда ваше высокопревосходительство соизволите удостоить милостивым приемом, учиненное нами краткое описание с примечаниями нашего вояжа в Рим, которое для нас тем приятнее, что оно более зависело от произволения вашего высокопревосходительства; и будучи при том снабжены премудрыми вашими приказаниями, которые соблюдая по долгу нашей преданности, везде удостоены были ласковым приемом; что нам делало немалую честь; и оным всем должны милости вашего высокопревосходительства, которую мы высоко почитаем, и ласкаем себя надеждою, что как ныне, так и навсегда, иметь щастие будем пользоваться оною.

Вашего высокопревосходительства
Милостивого государя. // (л. 35 об.)

ЗАПИСКА ВОЯЖА ИЗ ЛИВОРНА В РИМ

с разными примечаниями, отправленных по соизволению его высокопревосходительства господина адмирала и разных орденов ковалера Григорья Андреевича Спиридова; флота лейтенант Суховатой, адъютант Ржевской, мичман князь Голицын, поручик Жуков, имея при себе двух слуг; и «15-го» ноября после полудни в «2-м» часу поехали из местечка С[ен] Жаков; в наемной четвероместной карете заложеной четырьмя лошадьми в Пизу.

«15-ть» числа по полудни в «6-ом» часу прибыли в Пизу; а от Ливорна до Пизы считается «16ть» миль италийских⁹, дорога песчаная и местами водена, и грезновата, по причине что она идет по низменности, селения по дороге никакого нету, а имеется местами лес; и от Пизы до Ливорны имеется вырытая канала, по которой на мелких судах перевозят разные погруски;

Пиза, город старинной, нарочитой величины окружен каменною высокою нерегулярною стеною, лежит на ровном месте, посреди онаго протекает река Арна, довольной широты, // (л. 36) чрез которую имеются в городе три каменных моста; соборная церковь называемая дом Божии, довольной величины: двери у оной все литые из колокольной меди с разными изображениями барелиев; возле которой имеется превысокая башня, построена так наклонно что кажется будто угрожает падением, в оной церкви мощи с[вятаго]: Саванлерия¹⁰, весьма в богатой серебряной раке. Другая церковь святаго Стефана посредственной величины, изрядно украшена, в оной находятся отменной величины преудивительные органы, видно ж в оной церкви множество трофеев, завоеванных в разные времена над турками и прочими кавалерами ордена Святаго Стефана! И в оную церковь собираются квалеры сего ордена для совету, касающагося до сего ордена¹¹.

⁸ Речь идет об адмирале Г.А. Спиридове.

⁹ 16 миль соответствуют расстоянию ок. 26 км.

¹⁰ Вероятно, речь идет о прахе Св. Раньери (San Ranieri), патрона Пизы, известного паломника, жившего в XII в. (1116/1117–1160/1161). Урна с его останками была перенесена в Duomo di Pisa, соборную церковь, о которой пишет автор «Записки», в 1688 г.

¹¹ Речь идет о церкви Св. Стефана (San Stefano dei Cavalieri) в Пизе, строительство которой было начато в 1565 г. Дж. Вазари и связано с рыцарским орденом Св. Стефана, основанным в Пизе великим герцогом тосканским Козимо I Медичи по случаю его победы над Сиеной в 1554 г.

Полаты великаго князя, довольно велики но без всякаго наружнаго украшения, и простой архитектуры.

Пиза прежде была Республика, а ныне под владением великаго князя Тасканскаго архиепискуство¹²; но хотя город велик, имеет хорошее положение, но весьма малолюден, и по болшей части жители в городе тутошные дворянство; и несколько разных художеств мастеровых. // (л. 36 об.)

В сем городе остановилися начевать, и были в казине [дом, где собираются дворяне]; а потом на каверзации [италианских дворян зборище], где обоего пола было множество; и пизанцы весьма ласковы, и приветливы, особливо женщины, которые почти все собою очень хороши.

16-го по утру рано выехали ис Пизы, и проехали местечко называемое Косундо, которое окружено ветхими каменными стенами, и от Пизы состоит 8 миль, после полудни в 6-ь часов приехали в трактир, называемой Поджетто, при реке Арно: где и начевали расстоянием от Пизы три с половиною почты, дорога была весьма ровная возле берега реки Арны и от реки берег поднет терасом, чтоб во время разливу не затопляло пашен, которые разделены межами, посажены, каждая пашня и дача вокруг дубняком и другими деревьями; и у каждаго дерева присажен виноград, и прутьями своими сцеплялся; и все дерево занимает листьем, и делает прегустую шпалеру.

17-е по утру из местечка Поджетто выехали, и проехали местечко // (л. 37) называемое Кастель Флорентино, весьма ветхое, многие дома и стены замка развалились, строение дурное и малолюден.

Вечеру в 8-м часов приехали в город Съсиену, и от местечка Поджетто до Сиены дорога весьма хорошая и ровная шла долиною, и по обе стороны имеются также рассаженные деревья с виноградами, и по сторонам множество дач с огромными и великолепными домами и садами. Город Сиена лежит на двух пригорках, окружен старыми каменными стенами, город весьма велик, стариннаго построения, малолюден, площадь довольно велика и окружена высокими домами готыгической архитектуры.

Соборная церковь довольно велика, и зделана из белаго и синего мрамара; древней работы; в которой на полу изображено разные происшествии из Ветхого Завета из мелких мраморов, высокой работы; крылас зделан весь из белаго мрамора, барельлевой; преудивительной работы; в боку оной церкви имеется книгохранительница; стены исписаны высокой работы // (л. 37 об.) анфреско изображает историю папы П: П¹³; в оной хранятся книги на прагаменте писанныя в древняя времена Новой Завет.

Пред церковью есть другая маленькая церковь, в которой имеется городская купель, и как церковь, так и купель хорошей работы и богато убрано.

¹² Одной из важнейших морских республик Италии Пиза стала в XI в., однако затем утратила свое могущество и после серии вооруженных конфликтов вошла в начале XV в. в состав Флорентийской республики. Архиепископом Пизанским в 1772 г. был Франческо Сальватико Гуиди (1694–1778).

¹³ Речь идет о фресках итальянского художника Пинтуриккьо (1452–1513), выполненных в 1502–1508 гг., изображавших 10 сюжетов из жизни римского папы Пия II и расположенных на стене «книгохранилища» «Libreria Piccolomini» (вдоль левого нефа церкви Санта Мария Ассунта, Duomo di Siena). Книгохранилище было построено в 1492 г. кардиналом Франческо Пикколомини Тодескини (1439–1503), архиепископом Сиены, впоследствии папой Пием III для сохранения книжной коллекции дяди кардинала Пия II (Энеа Сильвио Пикколомини, 1405–1464).

Неподалеку большой церкви видны развалины другой соборной церкви, которая пришла в упадок во время великой язвы; отчего и сей город пришел в опустошение около 400 лет тому назад¹⁴.

Дом великаго князя немал, но без всякаго украшения и великолепия; возле онаго имеется генеральная госпиталь весьма в хорошем распоряжении и чистоте.

На большой площади имеется театралной дом, и зделан амфитеатром, доволной величины; во всем городе имеется 5 площадей, и на каждой площади есть по фантану, улицы все вымощены кирпичем. // (л. 38)

Съсиена цвела в 13-м веке будучи республикою; но по покорении флорентинцами¹⁵, оной город пришел несколько в упадок.

Архиепискупские полаты на площади велики готической архитектуры.

Жители съсиенские доволно богаты, ласковы и приемчивы, казино всегда наполнено множеством народу, а особливо благородными женьщинами, которые все почти прекрасны и имеют острой разум и весьма обходительны.

«18-го» поутру в 9-м часу из Сиены отправились; и сего ж числа, проехав местечко называемое Сан Фиоренсо; и неподалеку онаго остановились начевать в трактире, от Сиены до онаго местечка дорога гориста и мало населена.

19-го поутру в 5 часов выехали, а вечер в 6 часу приехали в трактир для начлега, проезжали чрез горы, в которых никакова жилья, ниже скотопаства, ни пашен не видно, расстоянием от папского владения в 3-х милях заночевали. // (л. 38 об.)

«20-го» поутру поехали, и в 10 часов поутру въехали в папское владение, а пополудни в «2-м» часу приехали в первой папской замок, древняго строения, называемой Аква Пенденти, где и остановились обедать в трактире; а в вечеру приехали к местечку называемому Монте Акине, которой лежит на пригорке близь озера, посредственной величины, и вокруг онаго озера на берегах растет немалой и годной ко всякому употреблению дубняк, на озере близь берегов на мелкости превеликое множество диких уток, и у подошвы онаго местечка в трактире начевали, и в оном замке достойнаго примечания ничего не имеется; папское владение весьма мало населено, дорога гористая и дурная но во многих местах по горам и в долинах имеется дубовой лес, где пасутся превеликия стада свиней.

21-е поутру рано выехали, и возле замка ехав, потеряли дорогу; и чуть было не попали в глубокой ров, но при повороте вкруте переломилось дышло; и што нас спасло, которое перевязав веревкою, с крайнею нуждою // (л. 39) спустились с пригорка и приехали часу в «11» в город называемой Витерба; город окружен каменною стеною, посреди города имеется площадь и окружена изрядными домами, где, исправя дышло, после полудни выехали; в вечеру приехали в местечко, называемое Монте Розо; где и остановились в трактире начевать; оное местечко малоллюдно и многия дома развалились по притчине бывшей в оном местечке заразы; в разстоянии от Рима 26 миль.

22-го поутру в 6-м часу выехали, а пополудни во 2-м, переехав реку Тибр по мосту, называемом[у] Монте Молгьо, и приехали в город Рим. И в предместии плац Дегиспании пристали в немецком трактире; и, переодевшись, напервея

¹⁴ Речь идет о чуме 1348 г., унесшей жизни более половины населения Сиены.

¹⁵ В XI–XIV вв. поддерживавшая германских императоров Сиенская республика была важным конкурентом флорентийских гвельфов, однако полное подчинение Сиены стало возможно лишь в герцогскую эпоху истории Флоренции, в 1557 г.

всего поехали к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову¹⁶, которой удостоил нас весьма ласковым приемом; поставил, чтоб мы у него и отобедали; и просил, чтоб и каждой день во время нашего пребывания в Риме у него обедали; в то ж время были у него четверо англеских // (л. 39 об.) знатных Лордов, которые недавно приехали в Рим¹⁷; и оным, нас обрекомендовав, познакомил, прося, чтоб оные были к нам ласковы.

А после обеда ездили по городу, по разным знатным улицам, город Рим, лежит в долине на ровном месте и частию на пригорках, весьма велик и пространен, окружен каменною и высокою стеною; дома великолепны, построены хорошею архитектурою; улицы чисты мощены камнем; чрез которой протекает река Тибр, изгибиной и отделяет третью часть города; оной город построен за 753 года прежде Рождества Христова Ремом и Ромулом. И сначала правили оным короли, но седмой называемой Тарквинии, был изгнан, и тогда сей город сделался Республикою; и великим мужеством и храбростию сограждан, и благоразумием начальствующих консулов; пришел в короткое время в великое богатство; и, покоря многих, владычествовал // (л. 40) немалою частью света; отчего в согражданиях родилась гордасть и склонности к роскошам, и несогласиям; чрез что потеряли волность, и были угнетаемы разными властолюбивыми хищниками; и Юлии Цесарь по покорении галълов утеснял Республику и, зделавшись владетелем оной, убит был в Сенате. Октовии, узаконовленный сын его, по многим мучительствам победив Марка Антония Цесаря, и зделался главным, и под именем Августа Императора владел, приведя оной на верхнюю степень славы, разширя науки и художества, и в оное время Рим был главою всего света; но по упадении Империи раздираем был варварами, подпадал под разные владения, пришел не толко в упадок, но совсем тем и ныне еще огромными зданиями и реткостями может похестыцца из первейших городов света.

23-го поутру в 10-и часев поехали осматривать площадь С[вятого] Петра // (л. 40об.) оная окружена портиками полукругом, украшенная мраморными стол-

Рим, Собор св. Петра

бами, и статуями, высокой работы. Посреди оной великолепной обелиск, воздвигнутой папою Сикстом «V», по сторонам которого фонтаны, представляющие сосуды, вода ис коих льется с шумом в бассейны; вся площадь укладена тесаным камнем разными фигурами.

Церковь с[вятого] Петра чрезвычайной величины; и нету оной во всем свете подобной; оная зачата строить Императором Кон-

¹⁶ Из хроники передвижений Шувалова по Италии видно (см. гл. 7), что ласковый прием, оказанный Суховатову и другим русским офицерам, мог быть связан с тем, что они могли познакомиться прежде — в Тоскане, откуда Шувалов вернулся в Рим лишь в начале ноября 1772 г.

¹⁷ О связях русской колонии в Италии с английским дипломатическим корпусом и военными чинами см. главы 6–7.

стенитом Великим, потом многими папами была украшаема. Сикст «V» построил сей славной купол, папа Павел «VIII» оной фасад, привел в порядок и украсил статуями «12» апостолов, из лутчаго мрамора высокой работы.

При входе в церковь галерея украшена самолутчшей работы живописью, на правой стороне видна // (л. 41) статуя Императора Костантина Великого на лошаде, мраморная; платье зделано из разных мраморных камней, мозаичною работою; по левую сторону статуя на лошаде Императора Карла Великого из белого мрамора, и оные статуи весма высокой работы.

А что во внутренности церкви с[в]. Петра, то довольно нет изображений, и порядочно описанию, великолепных статуй, борельефов, мозаичной и живописных высокой работы картин; и богатых олтарей, и гробниц папских; койми наполнена сия церковь.

Посреде оной церкви жертвенник, стоящий между четырьмя превысокими столбами, оные столбы самой лутчшей работы из колокольной меди, верх сведен куполом, и украшено разными статуями и оное все пребогато вызолочено.

Оной жертвенник стоял прежде в Пантоне в ельенском храме всех богов, // (л. 41 об.) что ныне называется церковь Ла Ратонда, оная немалой величины круглая и верх открыт, из которой оной жертвенник перенесен и поставлен в церкви с. Петра.

Пред оным богатым жертвенником, есть сход к гробнице; в которой мощи с[в]. Петра; стоит под сим жертвенником во алтаре закрытом, ко оному сход окружен

Рим, Пантеон

балюстрадом, и освящаем всегда множеством серебряных ломпад, двери ко оному алтарю отворяются толко в торжествование юбилеума или столетнего праздника.

На правой руке пред оным жертвенником статуя с[в]. Петра медная изобразует того сидящего и благословляющего рукою и во время праздников одевают в папское облачение и на руки надевают перчатки, а на благословенную руку накладывают пребогатой перстень с бриллиантами. // (л. 42)

На правой руке со входу в церковь виден богатой алтарь и великолепная гробница графини Матилды¹⁸, щедрой подателницы.

С купола оной церкви не токмо виден весь Рим, но и море, которое разстоянием от Рима «18» миль.

24-го поутру ездили осматривать Ватикан; Ватикан есть прежних пап полаты возле церкви с[в]. Петра, хорошей архитектуры весма обширны и великолепнаго построения; в середине оных имеются преизрядные сады; ныне в оных папы не живут, а толко хранятся разные древности, высокой работы статуи, и преизрядные

¹⁸ Речь идет о знаменитой маркграфине Матильде Тосканской (1046–1115), политическом деятеле, прославившемся борьбой с германскими императорами на стороне папской власти. Ее прах был перенесен в собор Св. Петра в 1645 г., гробница выполнена скульптором Дж.Л. Бернини.

Рим, Колизей, арка Константина

В вечеру Иван Иванович Шувалов взял нас с собою на коверзацию к кардиналу <в рукописи пропуск>, где премножество знатных обоего пола особ, в том числе, большая часть было духовных монсиниоров, прелатов и игумнов. Римские коверзации весма скромны или скушны, ибо у них никаких веселостей не употребляют, oprичь длинных разговоров, и духовные все в обхождении имеют поступку важную и горделивую, но мы как обрекомендованы Иваном Ивановичем Шуваловым, то и приняты отменно ласкова, и упрошены ужинать; где дан стол пребогатой и ужиало персон до 50-ти.

Монсиниоры носят красные чулки и длинные со шлейфом черные мантии и за кардиналами в духовенстве //(л. 43) считаются первыми; занимают места епископские, а в папешских владениях, губернаторския.

Прелаты носят фиолетовые чулки и також черные мантии; толко не столь длинные шлейфы, и оные обеих класов духовные в Риме, и во всей Италии; в великом почтении.

25-го до полудни осматривали Колосьсею¹⁹, то есть древней амфитеатр; потом Трояновы ворота, и разные древняго строения развалины, Нероновы бани, и тут монастырь с[в]. Иоанна в котором пребошая гальлирея и по стенам имеются разные дестанпы, и превеликая библиотека; потом были в разных местах и в церкви с[в]. Латерано, оная церковь велика и пребогата убрана, потом в церкви с[в]. Марии Магдалины, пред оною церковью на площади поставлена превысокая перамида, неподалеку от оноя церкви есть другая церковь всех апостолов //(л. 43 об.) и в оноя церкви видели каменной столб, про которой сказывали, что оному столбу Христос во время страдания волной страсти был привязан, в оноя же церкви 12-ть апостолов зделаны из лутчего белаго мрамора высокой работы и поставлены в стенах в зделанных нишах.

Потом были в церкви с[в]. Иоанна у которой со входу имеется святая лестница о 12-ти ступенях; про которую уверяли что оная самая та, по которой Христос шел на распятие на гору Голгофу; оная лесница всегда почти бывает наполнена народом, как мущинами, так и женщинами, по которой с крайним благоговением ползя на коленках потихонку восходят наверх оноя; и целуя по несколку раз каждую ступень,

живописные и мозаической работы картины; также в большой гальереи библиотека; и где премножество книг и разных диковенных вещей.

Обедали у Ивана Ивановича Шувалова, а после полудни осматривали Капитолию, Капитолиум древнии Сенат, пред оным посредине // (л. 42 об.) на площади поставлена на педестале статуя ИМПЕРАТОРА Марка Аврелия на лошади, зделана из колоколной меди высокой работы и вызолочена.

¹⁹ Имеется в виду Колизей.

отчего на камнях от трения коленками зделались лощины дюйма в два или три; чего ради и покрыты каменные ступени дубовыми досками, но и на досках уже видны знаки. // (л. 44)

После полудни ходили пешком, и осматривали папеской дворец. Он в то время ездил прогуливаться за город; папешской дворец доволной величины, и построен хорошей архитектуры, и в середине оногo есть пространной двор; на

которой имеется два подъезда, у первого подъезда, тако ж и во дворце в комнатах стоят швейсары, которые весьма странно одеты, кафтаны и широкие шаровары, по манеру: наподобие старых гребецких мундиров; сшиты из разных сукон красного, желтаго и синего, тесма и концы коих пришиты сверху и снизу, шляпы с преболшими полями обшиты серебрянным, а у ундер афицеров золотым поддишпаном; и з белыми перьями; чулки красные и башмаки без пряжек завязывают лентами, шпаги предлинные староманерные с железным ефесом, стоят с пиками или алебардами; и отдают фрунтом честь толко одному Папе; а у другаго подъезда стоят салдаты имеют мундиры // (л. 44 об.) кафтаны красные обшлага, воротники и лацканы також, камзолы и штаны палевые; и одеты недурно оные отдают фрунтом честь кардиналом и протчим, кому принадлежит; крыльца во дворец зделаны каменные и украшены статуями, а особливо хорошо отделано парадное крылцо; комнаты убраны посредственнo; обиты малиновым штофом и обложены золотым пазументом в иных комнатах полы кирпичные, а в парадных и разных камней.

Большая придворная церковь обита вишневым штофом, по краям обложено золотым пазументом блафон: хорошей живописи; со входу на левой стороне неподалеку от престола на анвоне поставлены папские кресла, а от оных, уступя мало, к стенам поставлены высокие лавки для кардиналов, а на правой стороне имеются хоры, где во время служения поют певчие.

Неподалеку от оной церкви // (л. 45) большая галлерейя у которой на одной стороне «16-ь» окон; и в простенках на вызолоченных подношках имеются мраморные столики на которых поставлены китайского фарфора большия кувшины, пол в

Рим, Форум Трояна

*Флоренция,
площадь Синьории*

Рим, Латеранский дворец

галереи из разных камней фигурами весьма гладкой; стены и блфон высокой работы живописью амфреска.

Другая малинка комнатная церковь убрана пребогата, в которой над престолом стоит образ Благовещения, про которой сказывали, что в живописи оному подобнаго нету. И осмотрев великолепие дворца, пошли осматривать церкви, но на дороге встретили папу²⁰, которой ехал возвратно во дворец, впереди саженях во 100 ехали двое при-

дворных верхами, которые очищали дорогу; и все встречающияся должны з дороги своротить на сторону, и какова б чину ни был вытти ис кареты. За придворными шла ево гвардия швейсары пешии; за ними ехал верхом игумен или духовной, имея в руках вызолоченной крест, // (л. 45 об.) пред которым весь народ становился на колени, сложа вместе обе руки, прижав к сердцу, и не встают, пока карета не проедет, в которой папа, за игуменом ехали придворные ездовые шесть человек по два в ряд, потом папская карета заложена «8»-ю лошадьми, карета вызолочена, кругом в стеклах, у лошадеи шоры и кисти красные шелковые з золотом, весьма богаты; возле кареты ехал верхом офицер ево гвардии, а по сторонам шли гайдуки, папа сидел в карете с кардиналом и с однем придворным, и всех на коленях стоящих людей благословлял на обе стороны; за каретою ехали «12» человек кавалерии, потом шли две придворные кареты пустые, а за оными кардиналские и прочие; и проехав мало мимо нас, папа вышел ис кареты и пошел пешком, и мы, возвратясь, преследовали за ним и проводили до самага парадного крыльца.

Папа росту небольшого, корпус имеет порядочной, лицо полное и приятное, глаза болшия // (л. 46) и чистые, взор тихой, но пронизательной, брови черные густые, волосы светловаты короткие, нижнее платье белое с складками сверх онаго вишневая мантия собрана на зади с длинным шлеифом, и сверх мантии бархатная алая япанча коротинкая, по краям обложена узанким золотым позументом, шляпа алая же бархатна обложена таким же позументом и с левой стороны поля пригнута, чулки белые, башмаки алые бархатны и обложены позументом, в левой руке имел трость, а правую благословлял народ; а перед папою шел игумен с крестом, а по сторонам двоя духовных поддерживали папу под руки и которой шел по левую руку, оной нес шлеиф папеской мантии.

Римской народ чрезвычайно предан папе, не довольно что встречающияся, но и те которые в домах, стараются выбегать на балконы или к окошкам, и становятся на колени, с крайним восхитительным усердием; таж которые и в переулках, // (л. 46 об.) хотя и в далном разстоянии, как скоро завидят, становятся же на колени.

26-е, то есть в воскресенье поутру, были для отдания поклона у Ивана Ивановича Шувалова, которой нам изъяснял, если мы хотим видеть и иметь честь быть

²⁰ Речь идет о папе римском Клименте XIV Ганганелли (1705–1774), понтифике с 1769 по 1774 г.

на поклоне у папы, то он сыщет случай нас представить. Но мы отозвались, что не имеем на оное от его высокопревосходительства повеления; потом поехали в папеиской дворец, чтоб слушать в его церкви обедню, и пришед пред церквью в галерею, встретилися с одним духовным, которому объявили, что мы Руские и желаем итти в церковь; и оной с большею ласковостию проводил нас в большую придворную церковь, в которой уже служба зачата была, хотя у дверей и стояли швейсары, которые немало не воспрепятствовали; и мы, вшед в церковь, стали на левой стороне под хорами почти против самага папы; папа сидел в креслах, одет в епискупское облачение, нижнее одеяние имел // (л. 47) фиолетовое с складками, а верхнее малиновое штофное обложено золотым позументом, но поверх онаго наложено наподобие амафору чрез плеча крестообразно и пристегнут к верхнему платью; концы лежат ниже колен; и противу колен ис пазументу выкладены кресты; на голове имел белую моравую высокою шапку; у коей зъзяди большия две лопасти, и отправлял служение без болшого церемониалу, по сторонам стояли два кардинала, а у престола служил епискуп, з двумя духовными, и когда оной подходил к папе, то целовал у праваго колена крест, и в то время папа с кресел вставал и благословлял, тогда в оное время стоящих по сторонам кардиналы поддерживали под руки, а прочие кардиналы сидели в своих местах на возвышенной скамье; на кардиналах одинакое одеяние; нижнее платье вишневое; а сверху мантия пурпароваго цвету с капишоном, обложено беличьим мехом, с преболшим шлейфом; имея на головах красные шапочки, и во время // (л. 47 об.) служения инструментальной музыки никакой не было, а во всю обедню на хорах пели кастраты чрезвычайно хорошо, которых было человек с 16-ть. По окончании обедни папа, благословя народ, пошел в боковые двери во внутренность дворца; а кардиналы и прочие стали разъезжатца. У кардиналов кареты, почти у всех адинакие, похожие на старинные наши рыхванды; болшия под черным лаком наверху по углам превеликия шишки; заложены парюу, на лошадях, шоры пребогатые шелковые и со множеством к[и]стеи, на лакеях ливреи чрезвычайно богаты, и каждой кардинал садился в кареты с своими духовными, имея при себе человек с «6»-ть. Мы, переждав всех, поехали в трактир и обедал у нас один игумен молодой человек, который отправляет у Ивана Ивановича секретарскую должность.

После полудни ездили по городу, а потом проезжались по Курсу. Курс есть знатная улица // (л. 48) в Риме, прямая и длиною до 4-х верст, по которой наилуччие дома, но оная улица почитается во всем Риме первым гулбищем, где превеликое множество знатных проезжаются в коретах взат и вперет по Курсу и наконец столко умножилось карет, что стеснившись, карета за каретою заняли всю улицу, также немалое число прогуливалось и пешом обоого пола; тут мы видели аныглиньскаго претендента²¹, которой сидел в карете с пренцесою своеи супругою; претендент лет около 65-ти, сухощав, а пренцеса лет 17-ти собою прекрасная, и сказывали, что он по совету римских знатных духовных недавно женился, карета

²¹ Речь идет о путешествовавшем по Италии герцоге Уильяме Глостере (1743–1805), младшем брате короля Георга III (1738–1820, монарх с 1760 г.) и в то время наследнике английского престола. Глостер в 1772–1773 гг. совершал поездку по Италии и встречался с представителями русской императрицы в итальянских государствах — братьями Орловыми, И.И. Шуваловым (подробнее см. гл. 7). Жена Глостера — Мэри Уолпол (1736–1807), графиня Уолдергрейв, вторым браком вышедшая замуж за Уильяма Глостера в 1766 г. Автор «Записки» ошибался — самому Глостеру в 1772 г. было 29 лет, а его жене — 36 лет, возможно, речь идет о какой-то другой паре.

англинская разъезжена, заложена парюу в пребогатом уборе, пред каретою шли два скарахода, а за каретою стояли четыре лакея, ливрея красная с пазументом.

«27»-го поутру осматривали великолепные дома принцов, Дория, Колонны, и Боргезии, у многих кардиналов которые огромностию и великолепием, и богатыми уборами не уступают лутчим дворцам. // (л. 48 об.)

После полудни ездили осматривать крепость С. Анжело; пред оною крепостью чрез реку Тибр есть каменной мост на котором поставлено «12» статуев, из белаго мрамара высокой работы; крепость С. Анжело неболшая без далнаго укрепления, посредине оной круглая башня посредственной величины, и в среднем отаже гальлирейка, где поставлено «4» пушки, а в верхнем отаже есть комнаты и неболшая церковь, а верх сведен куполом и поставлена статуя ангел: в одной руке меч, а в другой красной вымпел с херуфимом.

28-го до полудни ездили осматривать церкви и были в девичьем монастыре и слушали обедню, где служил епискуп, и во время службы играла преогромная вокальная музыка и на арганах, и притом пели 4 кастрата; народу была полна церковь; монахини стояли на хорах за решетками.

После полудни ездили в загородной дом кардинала Алвания, палаты построены хорошей архитектуры // (л. 49) в два атажа; в нижнем атаже во флигелях неболшие две галереи, убраны мрамором и наполнены разными статуями из лутчих мраморов преудивительной работы; и во многих местах в стенах и к статуям подведены фантаны; во втором атаже команты чрезвычайно убраны, как картинами хорошей живописи, так и мазаичной высокой работы; пред домом терас окружен билюстратом, и с терасу к цветникам каменные лестницы хорошей работы установлены статуями; позади цветников пред домом полукружная болшая гальерея к дому открыта и украшена мраморными столбами хорошей работы, ступени в гальерею и пол мраморной весьма гладкой; и между столбами, как к стене, так и на открытую сторону, разставлены мраморные статуи высокой работы; и в середине гальереи, три комнаты убраны столь богато и харашо, что описать сил не достаает, и доволно что полы в оных комнатах мазаичные, разными фигурами высокой работы, позади гальереи каскад, // л. 49 об.) а под каскадом преудивительной грот; сад не столько велик, сколько порядочен; и оной дом украшением и редкостями почитается не последней.

Потом поехали в Боргезиев загородной дом; Богезиевой сад вменен великолепию и густотою разных дерев, фигуурою расположен порядочно, преспекты столь широки, что без нужды можно ездить в две кареты, и по преспектам разставлено премножество разных статуй; и множество имеется фонтанов; в середине сада на неболшом пригорке палаты старинной архитектуры в три атажа, и в комнатах уборы посредственные, по большей части древние картины, и статуи, антики и разные диковинные вещи; тем оной дом и славится.

29-го ездили по городу и были в церкви с[в]. Петра, и в разных монастырях, обедали у Ивана Ивановича Шувалова, которого возблагодаря // (л. 50) за оказанные нам милости донесли, что мы намерены завтра по утру из Рима выехать, и он? отдав нам к его высокопревосходительству письмо? с ласковостью простилсья, примолвля, естли мы заедем во Флоренцию, то напервее явились к англинскому министру ковалеру Монну²², и мы, откланевшись, с наичувствителнейшим удо-

²² Речь идет об английском посланнике в Тоскане Орасе Манне (см. гл. 7).

вольствием разстались, представя себе какой знатной и великой господин столь с нами ласково и благосклонно обходился.

30-го поутру в 10-м часу, расплатяся с трактирщиком, благополучно выехали из Риму, а поехали возвратно по прежней дороге к Сеене.

Декабря

1-го вечером приехали в Витербу, где начевали и были на коверзации у коменданта сего города.

5-го после полудни приехали в город Сеену, где остановились, ходили по городу и были в гошпитале и слушали в гошпитально[й] церкви обедню, где служит епискуп // (л. 50 об.) и игра[ет] огромная музыка, и народу в церкви было премножество обоего пола.

6-го поутру выехали из Сеены, и проехав миль «5», поворотили во Флоренцию, дорога шла по вершине гор; вечером поздно приехали в трактир, называемой Бажине, и в оном начевали.

7-го поутру выехали из одного трактира и ехали также по горам, а, подъезжая к Флоренции, миль за «6» спустились в лощину, где дорога была ровная до самой Флоренции; в полдень въехали в город и, переехав каменной мост, и в англинском трактире на берегу Арны реки пристали.

Отобедав в трактире и убравшись, напервея поехали в наемной карете к англинскому министру и ковалеру Монну, которому как скоро доложили, что российские афицеры приехавшие во Флоренцию требуют позволения сделать его превосходительству визит, то в ту ж минуту введены были в парадные комнаты, и ковалер Монн встретил нас // (л. 51) у самых дверей; и принял с великою ласковостью и просил обедали ли мы, по той причине что оне толко из-за стола вставали, ибо в то время было у него с посторонних персон с восемь знатных обоего пола; а на столе еще стоял десерт, но мы объявили что уже обедали, то просил как нас, так и прочих в другие комнаты; где, вошед, принужденно сели кругом камина и подчиваны были кофейми, тут с великою ласковостию с нами все разговаривали и спрашивали о архипелажских делах и о нашем вояже, и ковалер Монн чрезвычайно был доволен и весьма благодарил за честь, которую мы ему зделали, и рекомендовал себя, что он за немалую честь себе поставит, когда найдет случай чем ни есть оказать свою благосклонность и услугу; и предложил нам, естли мы хотим ехать в казино, то он сам за нами заедет, и мы с крайнею учтивостию благодарили // (л. 51 об.) за милость, которою он нас обязывает, потом, откланевшись, поехали; и ездили по городу по разным местам, а перед вечером возвратились в трактир.

Флоренция — превеликой город, лежит между горами на ровном месте, окружен каменною стеною, и посредине одного протекает река Арна, чрез которую зделано три каменные моста, церковь соборная чрезвычайно велика, зделана из мрамора с разными фигурами, улицы широки выкладены камнем и очень чисты, дома превысокия в три и четыре атажа, неотбеленные, нижний атаж выкладен из дикаго тесаного камня. Флоренция есть столица тасканскаго герцога и епискупство.

Вечеру часу в 7-мь господин Монн за нами приехал, и, посадя нас в свою карету, поехали в казино, карета была англинская пребогатая, заложена парою; перед каретою бежали два скарахода с факелами, а назади стояли два лакея. // (л. 52) Наша карета шла пустая за нами, и приехав в казино, где находилось премножество благородных обоего пола, во многих комнатах; за разными столами играли в карты и

в шахматы, а иные в билиарт, а иные ходили ис комнаты в комнату, а другия доволствовались разговорами; и ковалер Монн не приминовал отменным и знатным людям нас представить и рекомендовать; и пробыв в казине до 12-го часу, поблагодаря господина Монна, поехали в трактир.

8-го поутру ездили по городу, и были в болшой герцогской гальереи, которая чрезвычайно велика, с одной стороны в стиоклах, другая разделена на разные комнаты, гальерея наполнена древними статуями и живописными картинами, а в комнатах хранятся разные диковинные вещи и живописные высококой работы картины, тут видели столы, сделаны из разных прозрачных камней, вид представляющая цветков столь хорошо, что не один живописец // (л. 52 об.) не может так написать, также ис прозрачных камней олтаре, сделанной преудивително.

Потом ездили осматривать герцогской дворец; герцогской дворец довольной величины, построен старинной архитектуры по прямой линии в «3» атажа; без всякаго наружняго украшения, неотбелион, нижнии атаж выкладен из дикаго тесанаго камня, окошки болшие сверху полукружием, пред дворцом немалая площадь, а по другую сторону болшой регулярной сад, в котором есть преизрядные фантаны, в середине дворца имеются бес подъезда проходные сени; и мы, вошед в сени, вышел к нам камисар, которой имеет от всех комнат ключи, и оной водил нас по всему дворцу и показывал, как в нижнем, так и в среднем атаже; и довел до тех комнат, в которых находился сам герцог; тут у дверей стояли двое часовых со шпагами, и был также караулной гвардии капитан, которой с нами обошелся весма ласкова, и по долгом разговоре предложил нам, когда мы хотим видеть герцога, то он доложит дежурному камергеру, которой нас может представить, но мы учтиво отказывались, и, осмотрев дворец и сад, поехали в трактир.

После обеда ездили по городу, а потом были в казине. // (л. 53)

9-го, как день есть воскресной, то поутру были для отдания визита у господина Монта; которой учтивостию нашу весма был доволен, и просил нас, чтоб на другой день были к нему обедать; но мы с учтивостию отказались, и извиняясь, что мы завтре поутру намерены из Флоренции выехать, представляя, что и так уже, больше прожили, нежели сколько нам позволено, откланявшись и отблагодаря за милость, вышли; и ездили по городу и были в разных церквах.

После полудни ходили пешком и были также в церквах, а в вечеру в казине.

10-го поутру в 9-м часу выехали из Флоренции и поехали в Пизу, дорога, весма глаткая и ровная, шла возле берегу реки Арны, а в левой руке превысокие горы, на которых во многих местах ломают камень и обдeldывают разные к строению потребные вещи, також и мрамор. А по косогорам и на горах видны преогромные дома с хорошими садами; вечером приехали в трактир, называемой Поджетто, ночевали.

11-го поутру в 8-м часу выехали из Поджетта, а вечеру часу в 7-м приехали в Пизу и пристали в том же трактире, и были в казине. // (л. 53 об.)

12-го поутру в 9-м часу выехали из Пизы, а в полдень приехав в Ливорн в предместье С[ен] Жаков.

Журнал С.П. ХМЕТЕВСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

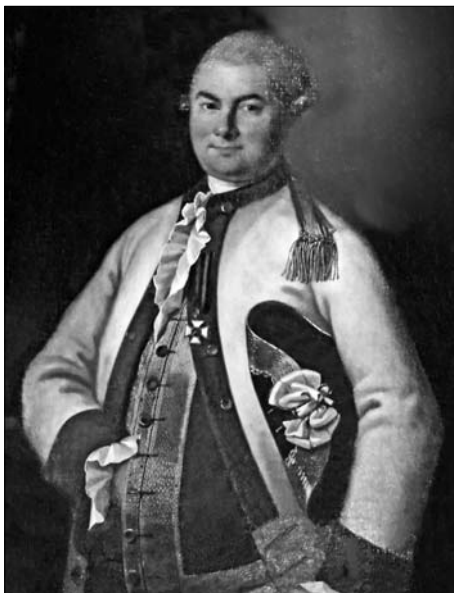
В фонде редких книг Владимиро-Суздальского музея-заповедника (далее ВСМЗ) хранится рукопись конца XVIII в., содержащая поденную роспись событий Первой архипелагской экспедиции, сделанную ее участником, впоследствии контр-адмиралом, С.П. Хметевским.

Автор «Журнала», Степан Петрович Хметевский, родился в 1730 г. в родовом сельце Хомяковка Переславского уезда. Он происходил из старинного дворянского рода, ведущего свое начало с XVI в. Вначале Степан учился в Навигацкой школе в Москве, затем в Морской академии в Петербурге. С 1747 г. С.П. Хметевский служил на Балтике и во время Семилетней войны командовал транспортным судном «Вологда». В 1763 г. Хметевский около года состоял морским адъютантом при цесаревиче Павле Петровиче.

С началом русско-турецкой войны С.П. Хметевский, как один из лучших капитанов, был включен в Архипелагскую экспедицию. 9/20 октября 1769 г. в составе второй эскадры под командованием Джона Эльфинстона он отправился из Кронштадта в Средиземное море капитаном 66-пушечного корабля «Нетронь меня». В его команде были в это время будущие герои Архипелагской экспедиции Т. Козлянинов, Т. Макензи, М. Мельников, П. Шишкин. Однако отношения Хметевского с Эльфинстоном складывались непросто, и Хметевский даже вынужден был искать покровительства у российского посла в Англии А.С. Мусина-Пушкина, при участии которого в марте 1770 г. он принял командование 84-пушечным кораблем «Святослав», первоначально входившим в эскадру Спиридова, но оставленным в Англии для ремонта. На борту его корабля, правда, находился и сам командующий эскадрой Эльфинстон, по приказу которого капитан Хметевский участвовал в битве при Наполи-ди-Романья в Море 12/23 мая 1770 г.

С самых первых столкновений с турецкими кораблями С.П. Хметевский проявил себя превосходным тактиком и храбрым моряком. Он — активный участник сражения в Хиосском проливе и Чесменской битве, о

Портрет С.П. Хметевского

которых подробнейшим образом пишет в своем «Журнале», после Чесмы участвует в блокаде Дарданелл, в заготовке леса на острове Тассо, в крейсировании в Эгейском море. С сентября 1771 г. Хметевский был назначен капитаном 66-пушечного корабля «Три Святителя», на нем он перехватывал неприятельские суда с военными грузами, участвовал в осаде ряда турецких крепостей¹.

Серьезная рана, полученная еще во время Хиосского сражения, лихорадка, прочие болезни, мучившие Хметевского все время пребывания в Архипелаге, вынудили его просить об увольнении для лечения, но это увольнение он получил только в начале 1774 г. Из Архипелага через Ливорно он вернулся в Россию накануне заключения мира. Доблесть С.П. Хметевского была вознаграждена двумя орденами Георгия Победоносца 4-й и 3-й степеней.

После Архипелагской экспедиции С.П. Хметевский продолжил службу на флоте в чине контр-адмирала. В 1779 г. он был отправлен командовать эскадрой в Баренцевом море, где составил подробные карты побережья (особенно известна его картографическая деятельность в районе мыса Норд-Кап).

Только в 1780 г. из-за расстроенного здоровья С.П. Хметевский вышел в отставку и поселился в своем имении во Владимирской губернии под Переславлем-Залесским. Здесь в 1788–91 гг. он стал даже уездным предводителем дворянства.

В 1780-е гг. С.П. Хметевский получил возможность снова встречаться и беседовать со своим бывшим командующим по Архипелагской экспедиции адмиралом Г.А. Спиридовым, жившим неподалеку, в с. Нагорье Переславского уезда. Возможно, именно эти встречи и подтолкнули С.П. Хметевского к написанию воспоминаний, основная часть которых посвящена их совместному участию в Средиземноморском походе².

Г.А. Спиридов скончался в 1790 году³, а Степан Петрович Хметевский ушел из жизни 10 лет спустя, 24 (по др. свед. — 27) декабря 1800 года⁴. Он был похоронен в городе Переславль-Залесский, предположительно, в Никитском монастыре. Могила его ныне потеряна.

¹ См., например: РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 104. Л. 265. Рапорты и ведомости командующего кораблем «Три святителя» Степана Хметевского о численности личного состава и количестве провианта.

² Косвенно о времени написания мемуаров — Журнала свидетельствует упоминание в них о Ф.Ф. Мекензи, «пожалованном контр-адмиралом». Пожалование датируется 1783 г., в 1786 г. Макензи умер.

³ Возможно, именно смерть Спиридова повлияла на то, что Журнал С.П. Хметевского, начавшийся как Автобиография, не был завершен. Вся успешная служба Хметевского после отъезда из Средиземноморья не получила отражения в его «Журнале», а имеющаяся в нашем распоряжении рукопись датируется началом 1790-х гг.

⁴ Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 463.

«Дневник» (или иначе — «Журнал») адмирала Хметевского давно и вполне заслуженно оценен исследователями, без ссылок на этот памятник не обходится ни одно исследование Архипелагской экспедиции, он включен во все справочники по русской мемуаристике.

Первым обратил на него внимание еще Н.А. Некрасов. В 1855 г. Некрасов, будучи одним из издателей журнала «Современник», опубликовал сокращенный вариант рукописи, которую, по его воспоминаниям, нашел в одном из уездных городов Владимирской губернии (Современник. СПб., 1855. Т. XLIX). Однако после публикации подлинная рукопись, скорее всего, вернулась к владельцу или пропала. Зато к изданию была сделана ее писарская копия, которая сохранилась в собрании (архиве) П.П. Пекарского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В копии имеется значительная карандашная и чернильная правка, направленная на сокращение текста (вычеркнута примерно пятая часть текста), готовящегося к публикации, и внесены незначительные грамматические исправления (например, Z — на южный, W — на западный, Шхио — Хиос и др.). В списке отсутствуют карты, схемы и рисунки, но указания на их наличие на соответствующих местах имеются.

И вот в XX в. список «Журнала» С.П. Хметевского (подобный списку, которым пользовался Некрасов, содержащему карты Архипелага и планы сражений) обнаруживается во Владимирском музее. Однако музейный список — не есть счастливо уцелевшая рукопись, опубликованная Некрасовым. При всей близости текстов хорошо заметно, что список, опубликованный Н.А. Некрасовым, содержит не только сокращения (в публикации «Современника» они зачастую имеют цензурный характер), но и некоторые фактические расхождения. Это обстоятельство говорит о том, что существовало более одной (возможно несколько) рукописных копий сочинения Хметевского. В пользу данного предположения свидетельствует и небольшая механическая описка, допущенная в экземпляре ВСМЗ (на л. 172 писец пропустил ровно одну строку, которая восстанавливается по некрасовской публикации), что явно говорит о существовании протографа. Напротив, в рукописи ВСМЗ присутствует заключительная часть, отсутствующая в списке «Современника».

История бытования нашего списка ВСМЗ в XX в. несколько необычна. Рукопись в числе нескольких других книг была приобретена музеем-заповедником в 1961 г. у жителя города Владимира В.В. Говорова. В музее рукопись получила номер В-9642 и предварительно была датирована началом XIX в. Поскольку книга имела многочисленные утраты, ей было дано условное название: «Воспоминания русского морского офицера, командира корабля “Три Святителя” Степана Хметевского о событиях конца XVIII века, связанных с действиями русского флота».

Необычность этой истории придает тот факт, что в 1961 г. рукопись не *поступила* в музей, а *вернулась* в его фонды. В 1907 г. эта рукопись уже принадлежала Владимирскому музею, как об этом свидетельствует Н.Н. Ушаков в Отчете о заседании Владимирской ученой архивной комиссии⁵. Впоследствии по какой-то причине данный книжный памятник на время оказался вне музея. По всей видимости, многочисленные утраты (листы, фрагменты листов, крышки переплета) произошли именно в этот период.

⁵ Ушаков Н.Н. Заседание Владимирской ученой архивной комиссии // Владимирские епархиальные ведомости. 1907. № 44 (3 ноября 1907 г.).

В настоящее время рукопись представляет собой фолиант из 246 листов (считая несколько фрагментарно сохранившихся); переплет — картон в темно-коричневой коже — был сделан музейными реставраторами. Судя по изначальной нумерации, значительное число листов утрачено. Утрачен ряд листов в начале и в конце, в восьми случаях в середине книги. Лист «314» по нумерации XVIII в. в настоящее время соответствует листу «246». Таким образом, утрачено не менее 68 листов. Ряд начальных листов и л. 88, не имевшие крепления, перепутаны при переплете. Необходимо отметить, что при нумерации в XVIII в. номер «176» был пропущен (ныне должен был быть л. 137), а номер «291» повторен дважды (соответственно ныне л. 232, 233).

Размер листа: 32,8 × 21 см. Судя по всему, с XVIII в. листы книги ни разу не обрезались. Вся бумага голубого цвета различных оттенков. Почти вся бумага хорошо поддается датировке и определяется 1790 годом. Водяные знаки бумаги: «ЯМВСЯ», «РФ ЯЯ», Гербы Ярославля и Ростова. Лист 29 с картой, рисующей заключительную фазу Чесменского сражения, имеет дату «1792». Исходя из того, что лист с данной филигранью единственный, а также то, что изображение на этом листе является важным для повествования, окончание всей рукописи можно датировать началом 1790-х гг.

Текст написан скорописью конца XVIII века, тремя почерками в таком соотношении: I. л. 1–76 (30%); II. л. 77–232 (64%); III. л. 233–246 (6%). Цвет чернил во всей рукописи варьируется от рыжеватого и светло-коричневого до темно-коричневого, почти черного.

Все три почерка со своими особенностями. Первый почерк — крупный, ровный, в среднем по 26 строк на странице. Немалое количество выносных букв, особенно в конце строк. Слово «месяц» пишется исключительно в сокращении, под титлом. Владелец второго почерка в целом показывает себя более грамотным человеком. Его почерк несколько мельче и плотнее, отчего на странице умещается в среднем на 2 строки больше. Выносных букв меньше, слово «месяц» пишется только полностью. Многочисленны варианты написания одних и тех же букв, встречаются как архаичная «кси», так и сравнительно недавно введенная «э». На некоторых страницах уклон строк почерка слева направо вверх достигает 5-7 градусов.

Третий почерк еще более плотный и мелкий, что в среднем добавляет еще одну строку на страницу. Здесь вновь большое количество выносных букв, а слово «месяц» вновь пишется только сокращенным.

Не остается почти никаких сомнений в том, что все три почерка принадлежат профессиональным писарям.

Помимо текста все сочинение сопровождается большим количеством морских карт с указанием промеров глубин, стоянок кораблей, дислокаций противоборствующих сторон. Сохранилось 35 карт (49 страниц), превосходно выполненных акварельными красками с использованием синего, зеленого, красного, коричневого и желтого цветов и черной туши (см. илл. на цветной вклейке). Все карты выполнены весьма профессионально. Ряд карт утрачен, две не закончены.

Несомненно, что данные рисунки карт восходят к картам, принадлежавшим адмиралу Хметевскому⁶.

⁶ Нетрудно обнаружить сходство этих карт с хранящимися в архиве ВМФ — ср., например, с опубликованными Г.А. Гребенчиковой (Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2010. С. 260, 287 и др.).

Мы публикуем «Журнал» С. Хметевского с минимальной орфографической правкой, сохраняющей особенности языка оригинала, по рукописи, хранящейся в фондах ВСМЗ (№ В-9642), восстанавливая утраты в тексте по писарской копии середины XIX века, хранящейся в РНБ. Таким образом удастся восстановить весь текст рукописи (утрачен, может быть, только конец, если он когда-то и был написан).

События Средиземноморской кампании оба варианта описывают почти тождественно. Исключение составляет текст, написанный в рукописи третьим почерком, начиная с л. 233. Эта часть текста, несмотря на то, что она непосредственно продолжает повествование, в рукописи, находившейся в распоряжении «Современника», отсутствовала полностью. К сожалению, и в нашей рукописи текст не полон (отсутствует повествование за период с мая 1774 г. по июль 1776 г.).

Публикацию «Журнала» С.П. Хметевского мы намеренно сопровождаем лишь кратчайшими комментариями по тексту. Расширенный комментарий «Журнала» потребовал бы значительного увеличения объема настоящего издания, к тому же во многом повторял бы факты, содержащиеся в главах монографии. В тексте рукописи не приводится также современных географических наименований мест, описываемых или упоминаемых Хметевским, равно как и нормализованных имен и фамилий лиц, упомянутых в «Журнале». Имеющаяся в нашем распоряжении информация о том и другом помещена соответственно в географическом и именном указателях.

* * *

***[Текст до следующих *** восстановлен по рукописи РНБ]

ЖУРНАЛ СТЕПАНА ПЕТРОВА СЫНА ХМЕТЕВСКОГО О ДЕЙСТВИЯХ РУССКАГО ФЛОТА В АРХИПЕЛАГЕ И У БЕРЕГОВ МАЛОЙ АЗИИ В 1770—1774 ГГ.

1730. Родился. Именинник 28 числа октября.

Будучи по пятому году при отце моем, начал учиться грамоте и с того времени больше отца моего не видал и учился у многих мастеров и мастериц, которые сами мало грамоте знали, в своем доме и в людях, и по долговременному учению назывался непонятым, не рассматривая того, что месяц учусь, а пять праздно гуляю, и что выучу, то забуду; только со всем тем лет в шесть, хотя с нуждою, выучился.

1737 году по указу малолетные все были высланы на смотр в Москву, в том числе и я представлен был моею матерью, и как я по объявлению был шести лет, то до семи лет отпущен на год домой, потому что меньше семи лет ни в какую школу не писали.

1738 году по явлении в губернской отпущен был домой по 1744 год обучиться на своем коште российской грамоте, в чем и поручитель был гвардии капитан Богдан Семенович Рославлев.

1742. Отец мой, служа в Кронштадском гарнизоне штык-юнкером, не старее 40 лет своей жизни скончался в Петербурге скоропостижно и погреблен на Выборгской стороне у церкви Самсония странноприимца.

1744 года срок мой вышел и по паспорту в герольдии должен явиться; брат моей матери Степан Григорьевич Мячков служил в корпусе лейб-компания гренадером и обещался матери моей записать меня в гвардию, но по частому его гулянию на то время ему не было, хотя и продолжалось месяца с три, не записал; но чтоб оные месяцы не поставлены были в просрочку, да и надежда на дядю была худа, по совету поручителя Рославлева матери моей, да и он также обещал просить меня в гвардию, в герольдии паспорт я объявил, и не по желанию моему 25 числа марта написан в Московскую Академию в ученики.

Дядя мой Мячков узнал в то время, когда уже я был учеником, свою ошибку и обо мне нестарание, по малознанию права, согласясь с гвардии Преображенского полка майором Полонским, утая, что был уже я учеником, написав челобитную «из недорослей», а я подписал, по которой принят в гвардию в солдаты в Преображенский полк в 16 роту капитана Григорья Ивановича Мячкова; но как член коллегии князь Михайло Андреевич Белосельский тогда был в Москве, то требовал из полку меня обратно присылки, и хотя обо мне были великия и просьбы, точию пробыв в полку два месяца, прислан обратно в Академию без штрафа.

1746 года августа 16 дня, обуча в московской Академии арифметику, геометрию и плоскую тригонометрию, выслан в Санктпетербург в Академию. Дядя Степан Григорьевич Мячков, будучи болен водяною болезнию, в декабре месяце в Петербурге умре, а погребен у церкви называемой Посадской на Выборгской стороне.

1747 года февраля 5 дня, написан в гардемарины и был на море на корабле Великомученицы Варвары, под флагом виц-адмирала и кавалера Мишукова, капитан Кенеди. Рейс имели со флотом до Готланда и пришли обратно в Кронштадт.

748 [год]. Был в компании на пакетботе Меркуриусе в Любек два рейса, под командою лейтенанта Телепнева.

Сентября 18 дня, шед из Любека в полночь с пакетботом, прижало к камню боком на регельстень и чудным Божьим милосердием не убранными парусами, с поможением великих валов с камня стащило безвредно, только выбило руль, и пришли в Кронштадт благополучно.

749 [год]. Был в компании на фрегате Архангеле Михаиле со флотом для забрания отставших от корпуса, который ходил в Цесарию, больных служителей в Агданске, которых и привезли в Ревель под флагом господина вице-адмирала и кавалера Барша, а командующие фрегатом с переменою были лейтенанты Спешнев и Озеров. Экзаменован изо всех наук, но как производство во флоте именным указом было запрещено, то я в мичманы и не произведен.

1750. Был в компании на фрегате Аполлоне для продолжения описи линий между Готланда, Курляндии, Пруссии и Гданска под командою лейтенанта Винкова.

1751. Командирован к городу Архангельскому и написан на фрегат Крейсер под командою лейтенанта Давыдова. Весновал с командою в Вологде, а весной сплыли к городу на барках. Вышли на Соломбальской рейд 13 июня, а 16 числа тогож месяца перешли чрез Бар, в то время полная вода на самой мелкости была 15 1/2 фут, при переводе ровной киль был фрегата 13 фут 9 дюйм. 29 июня пошли в

Бару в путь свой, а 6 числа июля стали с фрегатом в Белом море на мель. На банке по Z ее стороне в убылую воду, на которой было воды 14 фут, при полной воде сошли благополучно. Будучи в Океане употребляли склонение компаса от вардегоуса до вельстроля $\frac{1}{2}$ R We, а от вельстроля до ланфаста 1 R We. 27 число июля в полночь при крепком ветре и дожде зашли в Дронтенскую бухту и великим течением принесло нас к камню, так что не уповали себе получить спасения, но точию от того камня возвратным течением нас не допускало и безвредно отошли и пришли благополучно в Кронштадт. Декабря 31 дня пожалован мичманом в числе 66 человек.

1752. Был в компании на пакетботе Лебеди под команду унтер-лейтенанта Мартынова, два рейса в Любек.

Командовал вахтой, имел в своем приеме провиант в Кронштадт. В присутствии Всемилостивейшей нашей Государыни впущена вода Петра Великого в канал. Октября 26 и 27 число в Кронштадте великая была вода, которой возвышение 1 фут, а в Петербурге несравненно была больше.

В деревне крестьянские дворы сгорели.

1753. Командирован к городу Архангельскому на пинке Повракуле под команду унтер-лейтенанта Корсакова, командовал вахтою и имел в своем приеме морской провиант. Заходили в Кильдюин, гавань преизрядная и для больных людей весьма место выгодное при помощи живущих рыбаков. От Соловецкаго монастыря у города был всю зиму в Комиссии за аудитора. Сгорел в деревне барской дом. Из Кронштадта пошли 19 мая, 9 числа июня пошли из Копенгагена, 16 числа июля пришли в Кильдюин, 23 того ж месяца вышли, 30 июля пришли к городу благополучно. Склонение компаса употреблял от Каттегата до Бергина по 1 RW, от Бергина до Мальстрома $1\frac{1}{2}$ R, от Мальстрома до Норкапа 2 RW, от Норкапа до Кильдюина $\frac{1}{2}$ RW, от Кильдюина к Швартеноху $\frac{1}{4}$ RWe.

1754. Обрато от города Архангельскаго на той же пинке под команду тогж унтер лейтенанта Корсакова, командовал вахтой, имел в своем приеме морской провиант.

Экзаменован из теории и практики. С Бару пошли 8 числа июля, а 28 августа пришли в Копенгаген, 16 сентября пришли в Ревель, 25 в Кронштадт благополучно. Сентября 1 числа пожалован унтер-лейтенантом.

1755. Был в компании на фрегате втором в Нордзее в числе 4-х фрегатом, под купецкими флагами, под команду капитана Пущина, командовал вахтою.

В двух фрегатах от Дернеэса к W и Ютландии ходили три недели, а до Шотландии в силе инструкции крепким и противным ветром не допустило.

От шканечнаго маяка по берегу к W стоит немалая деревня и в ней кирка без шпица. В 6 милях пойдет сначала место низкое, пески желтые, кирок нет, а как от мыса будет 6 миль, то берег отрубом, и пески желтые, а за ним немалая бухта, в бухте 2 кирки, от бухты на ровном берегу на высокой горе видима круглым холмом, на ей большая кирка, за ней же кажет берег отрубом, пески желтые, самой же шхагиль, мыс его низкой, желтые пески, на мысу маяк горит камфор, от маяка мыза большая и мельница ветренная, гора из желтых песков и кирка.

1756. Был в компании на корабле Св.Николае 64-х пушечном со флотом, под команду капитана командора Лаптева, флотом командовал капитан командор Кейзер, командовал я вахтою.

1 числа июня вышли на рейд, 7-го числа тогож месяца пошли с рейду, у Готланда видели столбы, которые берут на воздух воду⁷.

Остров Фаро. O[st]. его песчаной мыс не низкой и пошел к W лес холмами, против той высоты, в конец низкаго места, кирка белая и от нея выше прежней низкости пошла земля ровная, стоит еще кирка, а от той кирки не очень далече к W виден мыс и над ним высокия лесныя места, уповательно быть тут проливу.

1757. Марта 27 дня пожалован корабельным секретарем. И был в компании на корабле Иоанн Златоуст первом, под флагом вице адмирала Кейзера, флотом командовал адмирал Мишуков да другой адмирал Мятлев, командир кораблем капитан командор Дрезин, содержали в блокаде Прусские берега.

Стояли на Гданском рейде со всем флотом, больные служители свезены были на берег, а 15 августа 84 пушечные корабли отпущены были, посадя на оные больных, в Кронштадт, а прочие пошли к Штокгольму.

12 декабря отпущен в деревню апреля по 1 число 1758 года. Имел судное дело в Суздальской канцелярии с Степаном Андреевичем Хметевским, по которому делу помирились, и взял я с его запись с неустойкою сто рублей, а записью и впредь взялся, ежели он будет меня или крестьян моих обижать.

1758 года, января 27 дня пожалован лейтенантом. Написан на корабль Златоуст, под команду капитана Молчанова; со флотом под флагом адмирала и кавалера Мишукова; вытянулись на Кронштадской рейд 15 июня в 12 кораблях, в 3-х фрегатах и в 3 бомбардирских. 2 число июля пошли с рейда в море, 7 число соединились у Гогланда с Ревельской эскадрой, которая состояла в числе 7 кораблей под флагом вице адмирала и кавалера Полянского. 9 дня июля шведская эскадра, состоящая в 6 линейных кораблях и в 3 фрегатах под флагом вице-адмирала и кавалера⁸ соединилась с нашим флотом и была под команду нашего адмирала Мишукова во все время, как под парусами, так и в стоянии на якоре на Копенгагенском проходе у Драко и у Стефанса, по предложенной при сем фигуре⁹. 6 число сентября пошли от Драко в Остзею, 22 сентября пришли в Ревель, 30 пошли в Кронштадт, 10 октября пришли.

1759 года определен командиром на пинку Вологду для отвозу осадной артиллерии в Пруссию в город Пиллов. 3 число мая вытянулся на рейд. 20 снялись с якоря, пошли к Пиллау три пинка и 2 пакетбота, 2 число июня пришли в Пиллау. Глубина на самой мелкости у бака на 14 фут. Был в Кенигсберге, выгрузя артиллерию, наполняя пинк балластом, 17 июля пошли в Кронштадт, а 26 пришли. Жили в Кенигсберге и в Пилаве весело и всем довольно.

1760 года послан для покупки барок в Рыбную Слободу на разгрузку прибывших из Казани дубовых лесов. Доволен был всем, только, за неимением компании, было скучно и время препровождал в езде домой и по гостям.

1761 года шел на барках в Петербург, зимовал в Новгородском уезде в селе Леонтьеве; было весело со множеством офицеров и их фамилий. Сговорил жениться на девице полковничьей дочери Елене Сергеевне Шишковой Новгородскаго уезда села Климова, которая свадьба разошлась моим отказом и с великим себе убытком. Оная девица вышла замуж тот же год за прапорщика Ивана Ива-

⁷ Имеются в виду смерчи.

⁸ В рукописи оставлен пропуск, видимо, имя забыл.

⁹ В списке «фигура» отсутствует.

новича Снегова. Справил часть матушкину и сестрицыну. Она я свадьба разошлась, будучи я обручен и от венца по многим пустым обстоятельствам отказался, а положил больше на судьбу, не касаясь до ее чести и хороших поступок.

1762 года апреля 10 числа пожалован флота капитан-лейтенантом. Пришел на барках в Петербург июня 28 дня.

1763 года выбран был коллегией к Его Императорскому Высочеству в адъютанты и ездил в Москву. Был на короткое время из Москвы в деревне. 11 июля определен на яхту Св. Андрей командиром, на которой следовать соизволила Ея Императорское Величество из Петербурга в Петергоф.

18 того ж месяца, в присутствии ж Ея Величества из Петергофа в Кронштадт на той же яхте под штандартом, при том же и прочия, как придворныя, так и адмиралтейския были яхты, и подходя к Кронштадту, встретил Его Высочество яко генерал-адмирал на шлюпке под кейзер-флагом, а прочие флагманы каждый под своим флагом, а капитаны с офицерами и Его Высочество, подъехав к яхте, спустясь под корму яхты под ветр, спустя флаг, кричал ура 11 раз, Ея Величество изволила указать ответствовать 5 раз; тож чинили и все флагманы, и поехали обратно под флагами в Кронштадт, проходя военную гавань, со стоящих в гавани кораблей, спустя флаги и вымпелы, кричали ура по 11 раз, им каждому ответствовано по 3 раза.

По входе яхт в среднюю гавань была обыкновенная с крепостей и с города пушечная пальба, по вступлении Ея Величества на пристань по отдании чести стоящим в параде солдаты палили беглым огнем 3 раза.

19. Ея императорское Величество из Высочайшей своей милости пожаловать мне соизволила золотую табакерку.

20. В присутствии Ея Величества; на той же яхте из Кронштадта обратно отбыть изволила в Петергоф под штандартом, штандарту палили из пушек с придворных яхт, с стоящего пакетбота и англинского фрегата, который был под купецким флагом, на котором Ея Величество быть соизволила; с города и с крепости продолжалась обыкновенная пальба изо всех пушек.

20 августа при спуске двух кораблей в Петербурге Ея Императорское Величество на корабле Евстафий съехать соизволила, а на корабле Януарий обеденное кушанье соизволила кушать; я при столе определен был.

1764 года с 23 марта производилась балотировка всем флотским офицерам: мне положены были все достойные балы, по которым балам взяла я у многих старшинство.

20 числа апреля пожалован капитаном во второй ранг.

9 число мая все капитаны и флагманы с Его Высочеством кушали во дворце; мне изволил говорить, что я в комнатном его флоте пожалован капитаном-поручиком.

По расписанию определен на корабль Шлюшенбург. Был в компании со флотом под флагом адмирала Полянского. 5 июня вышли на рейд в числе 17 кораблей и 3 фрегатов. 15 июня Ея Императорское Величество соизволила на шлюпках ехать из Ранинбоума в Кроштад, а как приблизилась ко флоту, стоящему на рейде, то поднят на шлюпке штандарт, для чего со всего флота изо всего снаряда производилась пальба, а как изволила верстаться против кораблей, то во всем флоте спустили флаги и вымпелы, и кто был поблизости кричали виват 11 раз, а с ея Величества[в]а шлюпки ответствовали по 3 раза.

Лежащий с нами на рейде дацкий военный фрегат штандарту палил же, только флага и вымпела не спускал, по въезде Ея Императорскаго Величества в среднюю гавань, как с города, так и с крепостей продолжалась обыкновенная пушечная пальба изо всех пушек.

16 числа июня на адмиральском корабле Климент папы Римском Ея Императорское Величество в присутствии своем соизволила указать поднять штандарт, чего для со всего флота изо всего снаряда производилась пальба и все флотские пожалованы к ручке; на том корабле обеденное кушанье соизволила кушать, а столовая пальба производилась с близь стоящаго корабля Дмитрея Ростовскаго да и с корабля Климента папы Римскаго. Ея Величество обратно, откушав, прямо с корабля в Петергоф отбыть изволила.

19 июня пошли с Кронштадскаго рейда.

21 число того ж месяца пришли в Ревель.

25 число того ж месяца Ея Императорское Величество прибыть соизволила в Катеринодальский дворец, для чего палено во флоте с каждаго корабля по 51 пушке, а с Ревельской крепости 101 пушка, и все флотские во дворце жалованы к ручке.

30 того ж месяца Ея Императорское Величество на корабле Клименте папе Римском в присутствии своем изволила указать поднять штандарт, для чего со всего флота изо всего снаряда производили пушечную пальбу. Снялся весь флот с якоря, пошли к Балтийскому порту, но за тихостию ветра и буксиром по великости корабля идти не мог, то Ея Величество соизволила переехать на яхту, имянуемую Екатерину Вторую, а на корабле Клименте штандарт спустили и стали оную яхту буксировать, после сделался ветерок, и пришел флот почти вместе в Балтийской порт.

3 число июля делали флотом против Балтийскаго порта линии дабаталии с пушечною пальбою и с ружьем, которую экзерцицию Ея Величество соизволила смотреть с маяка пакеръорскаго, только она экзерциция по непорядочной постройке не показалась.

За худостию моего корабля Шлютенбурга ушел от флота в бывший крепкий ветер в Ревельской порт, которой мастером удостоен за худостию идти в Кронштад один 20 число июля.

23 июля в Кронштадте был великой пожар, згорело обывательских домов 589 да морских светлиц 52, рынок с принадлежностями.

4 число августа. В Ревельском порте сгорели 2 корабля 66 пушечные Александр Невский и Св.Петр от злодея констапеля, который хотел украсть бочку пороху, от неосторожности с огнем в крют-каморе.

1765 года 30 января командирован к городу Архангельскому для привода оттуда кораблей и отпущен на 28 дней в деревню, а явиться в команду на Вологду.

9 февраля приехал в деревню.

9 марта стоворил на девице Анне Алексеевне Куприяновой.

14 марта поехал из деревни.

23 тогож месяца приехал в Вологду; жили в Вологде по ласковости преосвященнаго Золотова, воеводы Кошелева, дворян и купцов, да и по множеству своих офицеров весьма весело.

11 мая пошли с Вологды на барках к городу Архангельскому. Определен я на фрегат Гремящий, а на прочие корабли: на Святой Орел — Сабуров, на Не

тронь меня — Игнатъев, на Тверь — Барш, на Саратов — Бешенцов, на фрегат Надежду — Колкачев, на 4 пинки капитан поручики Шмаров, Кузмищев, Мордвинов, Ваксель.

9 числа июня пошел от Соломболы с фрегатом к Бару и соединился с кораблями Северным Орлом и Не тронь меня.

21 июня перешли с вышеписанными кораблями чрез Бар благополучно, как корабли, так и фрегат были в грузу на равной киль 13ть фут 7 1/2 дюйм, а глубина воды на самой мелкости Бара в полную воду 13 фут 10 дюйм. Точию я с фрегатом против самого Белого бакона остановился и не стоял более 10 минут, помощью небольшого завоза сошел благополучно, что после со многими кораблями тож случалось, однако сходили безвредно. Определенные ко мне офицеры капитан-поручик Пантелеев, поручики Протасов, Повалишин, мичманы Ханыков, Бухарин, Голенищев-Кутузов, Хвостов. Был на Баре недели две, головой и ногами болен.

10 июля пошли с Бару в повеленной путь. Корабль Не тронь меня в Дронской бухте имел опасность.

9 августа пришел в Ельсинор да корабль Северный Орел и Не тронь меня, а две пинки нашей эскадры отстали.

13 пришел в Копенгаген.

Шед от города Архангельскаго, употреблено склонение компаса от реки Паноя до Кидюи на 1/4 R восточнее, быв по счислению против Вардегоуса по обсервации примечено 1 RW, которой и употребляли до Вельстроля, а от Вельстроля к Ланфайстату 1 1/2 RW, привело нас в Дронтенскую бухту к матерой земле к мысу с тем шесть не более в разстоянии 8 миль, от Ланфайстата до Денегса употреблено 1 RW, корабль Не тронь меня в виду нас выходил из Дронтенской бухты из самых шхер и претерпел великия опасности, только счастье его было, что скоро получил лоцманов, которые прежде его уверяя о безопасности, а потом вывели безвредно.

24 числа пошли с Копенгагенскаго рейда вся эскадра.

28 числа пришли в Ревель.

1 сентября пошли с Ревельскаго рейда.

3 сентября пришли в Кронштадт. В октябре месяце пришел корабль Не тронь меня.

19 декабря отпущен в деревню по апрель месяц.

1766 года января 22 дня женился на девице Анне Алексеевне Куприяновой. 24 марта приехал в Петербург с женою.

22 июля вышел с порученным мне фрегатом Сергием на рейд.

30 числа того ж месяца пошли с рейда в числе 2 кораблей, 3 фрегатов и 2 пакетботов под командою контр-адмирала Андерсона. 30 число августа пришли в Кронштадт. 3 числа сентября вошли в гавань.

1767 года, с 1 числа января отпущен в деревню на год. С 1-го числа марта по 28е тогож месяца жил за справкою деревни Касагова в Москве.

Июля 16 число подано в Суздаль явочное челобитье о завладении Степаном Андреевичем Хметевским в Ярышеве перепашкою земли и общими всего села лугами и усадебною землею.

Августа 16 число в 9 часу после полудня по незнанию бабки в бабичьем деле с великим до 24 часов мучением Бог даровал дочь Надежду, восприимник тесть, а восприимница Анна Михайловна Янова.

Того ж месяца 24 число скончалась дочь Надежда.

Того ж месяца 27 число скончалась Анна Алексеевна, почему я должен переменить с смертью жены и жизнь в разсуждении ея действий.

В сентябре месяце в разных числах куплена у тестя Алексея Михайловича Купреянова следующая ему после покойной тещи Феклы Степановны седьмая часть на людей 11 и с Касаговскими також земля как седьмая часть, так и Касаговская 13. А я заложил сестре всю землю в 2500 р. 17 числа.

Декабря 17 дня взял на свою седьмую часть и на купленную об отказе указ, в генваре и отказал.

1768 года 23 января приехал в Петербург и определен в корабельную команду.

28 февраля отпущен в деревню на год. Для недоделанных по купленным у тестя частям хлопот.

1 го числа марта поехал.

12 приехал в Москву.

20 приехал в Хамяково, взяв указ об отказе Косагова.

В феврале месяце Иван Купреянов подал в вотчинную коллегияу челобитную о выкупе у меня купленого мною у тестя как Переславскаго, так и Владимирскаго имения.

Апреля 17 отказано за мною Косагово копеистом Комаровым.

30 апреля подана явочная на Ивана Григорьевича о безчестии крестьянами при отказе его в Косагове челобитная.

Того ж числа подана челобитная на него ж Купреянова о привладении у меня в Касагове земли.

1го числа мая взяты из Владимирской канцелярии отказныя книги.

1-го числа мая взята от сестры Пелагеи Петровны отпускная в замужество за крестьянина моего Степку Григорьева из Онцыфорова на крестьянскую девку Анисью Степанову.

Июня 6 дня поданы отказныя книги о Касагове, по которым за мною отказано в Вотчинной коллегии в первый департамент в запасной книге по № 323 во втором департаменте по № 953, росписался по городу канцелярист Гучев Федор и сообщил к делу.

Июня 11 дня подана от имени сестры Пелагеи Петровны в Вотчинную коллегияу во второй департамент челобитная с изъяснением против поданной от отставного капитана Ивана Купреянова о выкупе от меня купленого мною у тестя всего имения, которое ей, сестре, заложено в 2500 рублях, и ежели будет повелено чинить выкуп, то б выкупил по последней закладной, которая помечена секретарем Суворцовым № 1160, взята с роспискою Федором Гучевым в повытье.

А в протокол июня 13 дня приказание, записав в журнал, сообщить к делу, выписал доложить, тот журнал скреплен Салтыковым Гурьевым секретаря Суворцова № 835.

17 июля в Косагове и Чурилове Володимирской канцелярии канцеляристом Иваном Ивановым, как куплено мною у тестя доставшаяся после отца его половина измерена, так и после Григорья Михайловича Купреянова измерена же, и нашлось в селе Касагове усадебной земли одна четверть с четвериком, пашенной земли во всех трех полях семьдесят две четверти шесть четвериков, лесная угодыя за горами и крутыми оврагами измерять и сколько десятин познать не-

можно, тож и о сенных покосах, только по свидетельству окольных людей объявлено: большей рощей капитан Купреянов владеет один, а сенными покосами по реке Томе двумя долями.

Июня 25 дня от канцеляриста Ивана Иванова в Канцелярию подан рапорт, при том представлены со всего имения сказки и свидетельства за руками шести священников, одного дьячка, да сотских, пятидесятских, десятских и простых мужиков двадцати трех человек, которой рапорт под №263 записан, сообщить к отпуску.

Июля 6 дня был в Ярышеве град, которым збило весь ржаной хлеб, а в яри горохи, гречу и чечевицу, да помалу и всему досталось, я думал, что рожь совсем пропала по причине, что все лежала на земле, но удивительно, что после дозрела и умолота из 200 снопов по четверти.

Сентября 9 числа был гром, молния и град, побило в Ярышеве овес, горох и гречу достальную.

13 числа шел снег.

Октября 1 числа был гром и великая молния.

12 вышла сестра замуж за дворянина Ивана Яковлевича Трегубова, за не-большую глухотою не служил.

24 подана явочная челобитная на Ивана Григорьевича Купреянова в отнятии лошади, хомута и топора и битии людей.

5 ноября сгорел в Ярышеве барской дом и все без остатку и житницы, мне великие были хлопоты в постройке двора и изб, к тому ж и взять негде.

21. С Куприяновым Иваном Григорьевичем в завладении им в Касагове земли, лугов, лесу и в безчестии меня, не ходя в суд, помирились, ежели впредь будет обижать с неустойкою на первый раз 50 рублей, только он посидел недели три в Приказе под караулом.

28. Взял с общей поданной мировой челобитной копию за скрепой и печатью Володимерской канцелярии.

Взят с Ивана Григорьевича вексель в 35 рублях, который и протестован.

1769. 10 числа февраля выехал из Хомякова в Москву.

19 февраля купил Поливанова седьмую часть у Миткова и совершил крепость, которая стала мне в триста рублей, кроме что он выговорил себе лутчих две девки, одну и продал за шестьдесят рублей.

17. Крепость в Вотчинной коллегии явлена.

22 февраля приехал в Петербург.

26 приехал в Кронштадт.

28 мая в Санкт-Петербургском адмиралтействе спущен корабль Святослав 80 пушечный, на котором с штапеля съехать соизволили Ея Императорское Величество и Его Императорское Высочество.

4 июня пожалован в капитаны первый ранг.

12 вышел на корабле Не тронь меня на Кронштадской рейд в числе 14 судов, корабли Кир Иоанн, которой под флагом контр-адмирала Ельманова, Екатерина, Тверь, город Архангельск, Москва, Азия, фрегаты Св.Михаил, Гремящий, Св.Федор, Африка, Сергей, пакетботы Меркуриус, Курьер.

18 пошли с Кронштадскаго рейда, стояли двои сутки у Красной Горки.

29 июня пришли в Ревель на рейд, стоял вице адмирал Андерсон на корабле Саратове да фрегат Надежда.

5 июля пошли с Ревельского рейда со всеми кораблями.

6. У Суropa легли на якорь.

7. По имянному повелению велено отправить в Кронштадт три корабля: Саратов, Тверь, Не тронь меня, фрегаты Надежда и Африка.

16. Пришли на Кронштадской рейд и втянулись в гавань.

18 июля Ея Императорское Величество из Ранинбома на шлюпке прибыть изволила в Кронштадтскую среднюю гавань и была на корабле Евстафие, жаловала всех морских офицеров к руке, и пожелая отправляющейся эскадре счастливаго пути, изволила в Ранинбом отбыть на той же шлюпке.

19. Адмирал Спиридов, имея под командою корабли: Евстафий флагманским, Святослав, Януарий, Трех Святителей, Трех Иерархов, Северный Орел, Европу; фрегат Надежду, бомбандирский, два пакетбота и 4 пинка, отправился в секретную экспедицию¹⁰.

18 сентября был в Кронштадте пожар. Обшили корабль мой с шерстью и стеклом, провианту взяв на 6 месяцев.

19. Вытянулась эскадра на рейд в числе 8 судов: корабль Не тронь меня флагманской, капитан Хметевской, Саратов капитан Бешенцов, Тверь капитан Игнатъев; фрегаты: Надежда капитан Поливанов, Африка капитан Клеопин, судно Чичагов капитан-лейтенант Поярков, пинк Св.Павел лейтенант Кривцов, наемный пинк с десантом Девровиденц, под флагом контр-адмирала Джон Эльфинстона. В моей команде корабля Не тронь меня — штаб и обер офицеры: капитан лейтенант Жемчужников, Козляинов, лейтенанты Бахметев, Безумов, Мельников, граф Разумовской, Макензи, пожалованный контр-адмиралом¹¹, Весла, мичманы Анисимов, Милюков, Хвостов, Племянников, Вельяшев, Домажиров, Джон Эльфинстон, Самуэль Эльфинстон; солдатской команды капитан Нижегородов, поручик Маринин, подпоручик Гололобов, прапорщик Бешенцов, морской артиллерии унтер лейтенант Ершев, констапель Карпов, шкипер Алексеев, лекарь Игнатъев, комиссар Пикалов, ермонах Василий, сухопутных лейб кирасирского полка секунд майор Иван барон Пален, ротмистр Карл фон Клоринг, инженерного корпуса капитан Карл Реан, прапорщик Петр фон Толь¹².

9 числа октября пошли с Кронштадтского рейда.

14 октября при великом крепком W ветре волнении и снегом корабль Не тронь меня имел великую течь, так что воды до 61 дюйма в корабле было, которую во все помпы только что уливаться могли, напоследок убавилась и сделался от Оста ветр.

19 числа прошли Копенгаген, на рейде лежала датская эскадра в 9 кораблях под командою контр адмирала.

Того же числа пришли на Ельсинъорской рейд корабль Саратов, фрегат Надежда и пинк де Правиденц, спустя несколько дней пришел фрегат Африка и пинк Св. Павел.

Через фрегат Африку известились мы, что судно Чичагов против Норгина в шведских шхерах стал на мель и его разбило, люди, кроме малаго числа, все спаслись.

¹⁰ Речь идет об отправке Первой эскадры Архипелагской экспедиции.

¹¹ Фома Фомич Мекензи (он же Томас Мак Кензи ок. 1747/1748–1786) был произведен в контр-адмиралы 1 января 1783.

¹² Речь идет о Второй эскадре под командованием Эльфинстона.

15 числа ноября дадсага брантвахтейнаго фрегата великим ветром и течением принесло к моему кораблю Не тронь меня 10ти весельную шлюпку, которую от великаго волнения, будучи на бакштове, заливало, для чего велел поднять оную шлюпку на корабль, и как она тянулась к борту, то корабля корму волнением подняло и тем шлюпку к кораблю ближе подозвало, но как корма корабля опустилась, то шлюпка отпехуться не ускорила и кормою корабля раздавило, а на оной было команды моей матрозов 5 человек, из которых один утонул.

16 числа великим от NW крепким ветром и волнением корабль Не тронь меня, стоя на глубине 5 сажень, сам же грузу имел ахтер штевень 21 1/2 фут доставал рулем до земли, да и килев весьма чувствительно, лишней воды в корабль от тех ударов не прибавилось, для чего, выпустя один канат с якорем, отошли ближе Ельцыннорскаго берега, на глубине 9 сажень легли на якорь.

2 числа декабря пошли из Ельсиннора с вышеписанными кораблями, да еще корабль Святослав.

18 числа пришли к Доверу с одним только своим кораблем.

23 числа ноября пришли на Портсмутский рейд с одним же кораблем. Будучи в пути, претерпевали от великих штормов, стужи, морозов, снегу и дождя и сыростей великия безпокойства и несносности. В Портсмутской гавани наших кораблей: Северный Орел, Европа, бомбандирский корабль Гром, да наемных два судна, под командою контр-адмирала Ельманова. Корабли Северный Орел за худостию удостоен не годным, а Европа на Портсмутском рейде был на мели и для осмотра вводили в док.

Через несколько дней пришел корабль Святослав, Саратов, фрегат Надежда, пинк Св.Павел и де Провиденц, только все один после другого.

Известно стало, что корабль Тверь, потеряв мачты, пришел в Ревель; фрегат Африка близ Довера стоял на мели на банке, с которой со вредом сошел и пришел по близости к порту, без руля введен был в док, в котором починился, а корабль Саратов в великий шторм на английских банках имел на носу великую течь между штевня и обшивных досок, которая была больше ста дюймов, выливали как в помпы, так кому только и чем удалось: ушатами, ведрами, чашками и мисами, одним словом сказать, были в отчаянии своей жизни, но по счастью ветер стал тише, подведя под нос парус нашедшим на них фрегатом Надежда, в провожании оным пришли благополучно.

1770. 19 числа генваря, вошел с кораблем в Портсмутскую гавань; при выгрузке из корабля нашлося несколько бочек пороху и все карказы и ракеты помокли, так что к действию негодны.

Входят в гавань при полной воде, которая прибывает от 15-ти и до 16-ти фут, сказывают будто пребывает и до 22 фут.

В гавани Аглицких кораблей и фрегатов по счету нашлося 72, в том числе, 10 кораблей готовы стоять под вымпелами, так как на рейде и называют, что эскадра в море идти, ежели понадобится, совсем готова, только на оных людей меньше трети, нижних пушек нет, стеньги и реи опущены на низ и не отакелажены, только сказывают, что в три дня готов выти в море.

Залив превеликой, стоит в одном узком усе и потом разделяется на три разлива, кораблей весьма много может поставиться и безопасно, корабли, хотя стоят и без мачт, только живут безсходно констапель, боцман и несколько матрозов и все такие, которые за старостию или раненые; они корабль чистят и льют воду.

Корабли стоят на цепях и к цепям привязан канат и берется оный в ключ, а как оно сделано, при сем приобщаю фигуру¹³.

И так по течению корабли, хотя и ворочаются только запутаться цепи не могут по причине, что рамы с вертным боутом.

В Адмиралтействе лес лежит корабельной без покрывки, корабли стоят на стапелях доков в Портсмуте много, в которых, вводя, корабли чистят, а в других перетембировывают; блоки в доках малы и нельзя нагили или гвозди колотить, для чего поднимают корабль домкратами и еще подколачивают клинья один против другого нечувствительно, от того подымается до такой высоты, чтоб можно было нагили колотить, пуза корабля не выше от земли как три фута.

Видно у них не меньше пильщиков, как и плотников потому, что все по нитке отымают пилами, пильных анбаров много и нижний пильщик стоит в земле, выкладенной кирпичем и без труда всякой лес втаскивают чрез катки, только к ним привезут на лошадях; всякая же работа, таскание лесов имелася не людьми, а лошадьми, на колесах и волоком употребляют.

Два дока с бассейном хорошо делается, плита их весьма крепче нашей.

Лесу гладкого и хорошего в Адмиралтействе не видно — все кривой и суковатой, только тем хорош, что молод.

Шлюпки строят не гораздо широки, только тонки и чисты, до баргоуту с накладкой прокладывают сукно с белою замаской и уповательно, когда засохнет с сукном, то лутче будет конопати.

Да и корабли, когда бока его конопатят, то замазывают бока оконничной замаской по цветам.

Из бассейна выливают воду лошадьми кетенс помпами, кажется прибыльней, нежели у нас ящиками.

Мачтовый сарай, где мачты кладутся, изрядной, внизу мачты, а в другом то же, стенги и прочее.

Против мачтового сарая сделан бассейн, куда кладут мачтовые деревья, побиты сваи и положены ниже воды, переклады утверждены желтыми полосами и напускается прибылой воды, а после запирают.

Все тягости с воды поднимают машинами, також из новострою [нрзб.] доку, а вывозят землю на лошадях, лошади весьма хороши. ***[Далее текст приводится по рукописи ВСМЗ] // (л. 7) Гавань состоит с начала из одново, [а по]том из трех заливов, где карабли и фрегаты стоят, которых по щоту нашлось 72 судна, в том числе 10 караблей под команду виц адмирала, и называется, что оная ескадра, [утрата текста] будет надобность к выходу на море со вс[...] людей на них трастенги реи, спущены на низ и неотакелажены, нижних пушек и прочих такелажей нет, но они сказывают, что чрез три дни к выходу на море готовы, оному поверить можно; для привозу провианта и материалов, судов провиантских и подтягости много, то не дивно, карабль приумножа, довольно людей снабдить всеми потребностями.

Корабли стоят в гавани без мачт, в полном грузу, живут безсходно на караблях адмиральтейской боцман, констапель, и несколько инфалидных матроз з женами и детьми, а в случае нужд на караблях живут и целыми командами, они

¹³ В списке рисунок отсутствует.

выливают воды, чистят каравль, и открывают борты, напушают воздушной трубой в каравль свежей воздух, которая зделана от крют каморы в нос каравля, а другия в грот каморе, а на больших // (л. 7об) каравлях зделаны из досток на баке ветренныя мельницы, которой, стоя против ветру, она вынимает и напушает воздух в каравль.

Каравль Саратов введен был в док и починен [*утрата нескольких слов*] адмиральства, равно же и мой каравль Не Тронь Меня, починиван на воде.

Сколько имеет каравль аглинской против нашева отмены, оное здесь вношу.

Руль имеет румпелевых мест 2, румпелей настоящих 2, сверх комплекта 1. Каравли навесы имеют небольшие и от валов неопасные. Дыра в навесе, куда руль прошол, весьма малая и брюканец оббивается: один край снаружи каравля, а другой берется в каравль чрез рулевую голову, и около румпеля рукав обвязывается. Дыра же, где руль проходит, оббивается свинцом, чтоб не терло брюканца, и видится снаружи мал, и чтоб волнением отбило — совсем опасности нет. Рультали зделаны из длинных цепей, которыя перпендикулярно берутся х кают компании, и разносятся по обе стороны, румпель закладывается от рулевой головы по обе стороны крючьями, и ежели ж румпель // (л. 8) переломится, то скоро от румпеля отломок по слабости вынять можно, штюр трос проходит впереди безань мачты, и оное для тово, чтоб каюты были больше, штуровое колесо не под на[со]сом. Почему и делают больше наш[ев]а, чрез что править гораздо легче. Ют продо[лже]н до безань мачты, шханцы до фалребов, грот мачта во оных, бак также длинен, и почти как будто по третям.

Росторов для поклажи стенгов нет, а кладут на шханцы и бак, и для оных, чтоб во время качки не могли иметь движения в бортах, побиты рымы.

Шкафуты на петлях и лежат на железных отводах, свободно опускаются они во время становления барказа на бардажу.

Русленги гораздо выше наших и все на одной линее, так что верхней балубы пушки под русленгами, почему ванты остаются безопасны.

Каюты не украшены ничем, однако чисты, абработано стругом, краска и стекла хорошие, на галлерию к // (л. 8об.) [б]ортам по обе стороны двери, а в [се]редине [по]оставлено зеркало, около котораго по сторонам висят хрустальные круглые фонари <...> все приборы, где пристойно, медныя хорошей работы, окончины и ставни з гру[зи]лами, которыя поднимаются и опускаются с легкостию. На юте, над нежниками, зделан ящик, обит внутри свинцом и наливается всегда водой, из онова ящика проведена в нужник и в столчак труба, к которой приделан медной кран, и выведена в них из столчака. Труба ж, которая закрывается плотно медною дирькой, чрез кран напушается в столчак вода, и в то время, подняв гирьку, смыв водою, помет выносит чисто вон, и духоты от нужников нет, которая зделана [и] на каравле Святослав.

Галсы, где проходят по краям, как снаружи, так и извнутри каравля вставлены медныя катки, по которым ходит гораздо легче, шпилей верхних 2 и нижних 2.

Под палубами пимерсов весьма поставлено много, и когда вынять надобно для шпиля или // (л. 9) для другой какой надобности, то бимс подымают винтом и пиллерс сам вываливается, где же шпилям мешают лестницы, то оныя зделаны подъемныя на крючьях.

Кетенс помп на каждом карабле по две¹⁴, в том же месте две шпуль помпы, звенья кетенс помп зделаны ис колец, кружки из самой хорошей помповой кожи, железной кружок менше полдюйма в диаметре кожаных, помпы все дубовые, коромысла для выливания зделаны длинны, которыя проходят чрез три пиллерса, и одно коромысло идет на низ, а другое на верх, кажется, что выливать против наших весьма легче, и выливают воды гораздо больше. На всех караблях нашей эскадры новоманерных зделано по одной кетенс помпе, так что и в Порсмуте на одном только еще карабле оных имеют.

Печи снаружи обложены чугунными досками и свинчены винтами, на ножках котлы вмазаны в кирпичные своды, чрез что опасности от огня иметь не можно, да и в великия штормы трещины не дают, и служители // (л.9об.) в штормы нужды никогда принять не могут.

На все карабли нашей эскадры зделаны ящики, внутри обиты жестью с крышками; он поставлен близ котлов на баке, и труба проведена из котла в котел, в него наливают соленую воду, а в ящик кладут мясо, воду в котле варят до кипетка, из которова выходя парами по трубе в ящик; столь хорошо готовится мясо, что жареное на вертеле, ни вареное в печи вкусом равняться не может, и так вкусно и сочно, как будто налитое; оное ж делает в пресной воде поспорье, можно с сухарем во время нужды мяса употреблять без сыпу¹⁵, только из котла надлежит воду выпускать, мешав довольно горячею, чтоб не ложилась на дно соль, и от того может прогореть котел¹⁶. На всяком карабле содержится бранспит с 3 рукавами, которым до топу стени доставать может.

По форштевню поставлена помпа, ею довольствуются для мытья карабля в деках и гальюна, моют рубашки, которая хранится у тимермана за замком ***[В рукописи ВСМЗ утрачен 1 л., его текст восстановлен по рукописи РНБ]. На гальюне поделаны стольчаки, чрез что гадить корабля не можно. Между деревянных книс становят у них железныя, изо всех боуты выняты, сказывають, что железо ржавит и чрез то во время качки сделает движение, кубрик такой же высоты, как и палубы.

Крют камора под кубриком, над нею сделаны каюты шкиперския и артеллерийския и очень вместе тес[н]ы, сделаны два переулочка, один в нос за фок мачту, другой посередине в крюит камор, крюит-каморные фонари становятя позади фок мачты, фонарей два, которые в крюит камору глядят тупыми углами в два стекла и оные из крюит каморы закрываються окончинами, где ж фонари зажигають, то пол-стены, поталок и фок мачта обиты жестью и весьма красиво.

В крюит каморе же вход сверху по лестнице, пол поднят вверх кильсила фута два, чтоб не было сырости, и оный изрешетчен брусьями, и вкладывають наподобие люков, а когда не на море, то оные люки для воздуху вынимають, отступя от фонарей сажени две, поставлены брусья и сделана решетка, чтоб бочки разваливаться не могли, и так оныя бочки кладутся до верху, в том против нашего погреба есть преимущество, что от стен сделана стена и все почки видны, да ежели сделается и течь с боков в корабль, то отыскать можно по сторонам фонарей и

¹⁴ В рукописи «Современника» — «четыре».

¹⁵ Вероятно, «без супу».

¹⁶ В рукописи РНБ дополнено: «А ежели варить кашу и огонь употреблять под оба котла, то много исходит дров».

вдоль по кораблю до брусьев, где бочки лежат, сделаны полки в рост калибра картузов и забрано решетками, и становятся картузы один подле другого стоймя.

А того еще лучше, ежели сделать шкафы с выдвигаемыми ящиками и ставить также в рост картузы по калибрам, на больших кораблях делают другую крют камору у грот люка в трюме, такая ж как и первая.

3 числа марта по ордеру контр-адмирала Ельфинстона принял я корабль 84 пушечный Святослав, где он подымет свой флаг, а корабль Не тронь меня отдал капитану Бешенцову, на Саратов определен капитан Барш, как корабли, так и фрегат один по одному из гавани вышли.

23 числа марта с порученным мне кораблем Святослав из Портсмутской гавани на рейд вышел. ***[Текст по рукописи ВСМЗ далее:] // (л. 11) а своды подымают машинами, никак не увидишь, чтоб к тяжелой работе определены были люди, одним словом сказать, виден порядок доброва домостроительства.

Город вообще Портсмут составляет из трех городов, между которыми морская заливы. 1 город Портсмут, 2 Камон, 3 Гас[п]од; изрядными укреплены вокруг крепостями, стены каменные из плиты, которая гораздо лучше нашей, пушки стоят на крепостях, имев у себя колеса чугунныя,¹⁷ и планфорты выложены плитою же. [В] городе улицы вымощены камнем, по сто[рон]ам улиц из плиты, ширины сажени на [полто]ры, возвышены для пеших и оныя [сторонн]ия мосты в самую грязь бывают чисты, [по]тому что обыватели домов оныя смыв[ают]. Зимы совсем нет, однако в декабре [и ген]варе иногда нападает снег и бывают утренники, только снег больше суток лежать не может, поля по прежнему очищаются, пашня у них начинается с генваря, под пар сеют пшеницу, жито и овес¹⁸, трава зелена и скот с полей не сходит, огородныя плоды и в зимния месяцы // (л. 11об.) с гряд не снимаются и свежи¹⁹, вообще говяжье мясо, бараны и птицы жирны, хлеб весьма вкусен и устрецов зимою великое множество, рыбы нет, а хотя и бывает, да мало.

В Портъсмуте госпиталь так хорошей сказывают, во всей Англии нет, в которую может поместится больных до 3000 человек. Она каменная в три атажа, внутри двор, хорошим расположением, дороги усыпаны песком, кроме дорог по траве никто не ходит, для чего приставлены часовые. Примечания достойна: не далече от госпиталя зделана башня, в которой п[о]дымают воду лошадьми, и доставля[ют] в госпиталь в каждой этаж, в н ужасных местах приведена труба и чрез [нрзб.]н пушают, которой не чистоту смы[вае]т и уносит чрез трубы в зделанной из госпиталя в море канал, в каморах надзирают женщины, они моют полы, и лестницы, и во всей госпитале чисто и бело, и духу никакова нет, вся госпиталь обнесена каменной оградой с великою обширностию, ворота одни, у ворот часовые, и еще караульня, в // (л. 1) которой живут часовые инвалидные; не всегда оными калитка железною задвижкою заложена, а когда ково из подлости пропустить надобно, то выходя, осматривают инвалидные, не приносят ли таково, которое для больнаго запрещается.

Аглицких флотских афицеров мундиры синие, камзолы белые с лацканами, капитаны имеют по борту на лацканах и на камзолах уской позумент. Капитан-

¹⁷ В рукописи РНБ добавлено «Да и места где пушки стоят».

¹⁸ В рукописи РНБ добавлено: «Два первые жита весьма хороши и родны родятся, а овес худ, черен, трава не блекнет».

¹⁹ В рукописи РНБ добавлено: «Скот во весь год ходит в поле и жирен».

поручиков у них нет, а отправляет оную должность первой лейтенант, и жалованья ему против других больше, мичманы не офицеры, однако благородные, в почтении, а дурные, а подлостью равно считаются, мичманы мундир такой же носят как к лейтенанты, только без лацконов.

Мастер на корабле второй по капитане, от которова правление корабля зависит, шхиперов нет, а занимает боцман.

По зделанному щоту Портсмутскаго адмиральтейства с контр адмиралом Елфистоном за поправку кораблей, также за бытие наших служителей в Портсмутской госпитале. // (л. 1 об.)

За карабли

	фунтов стерлингов	шилленгов	пинсы
Нетронь меня.....	832	10	3 1/2
Северный Орел.....	1496	9	23
Саратов.....	1902	2	1 1/2
Святосла.....	2000		
Европу.....	1236	14	8

Фрегаты

Надежду.....	217	6	11
С. Павел.....	129	8	
за госпит.....	8000		

15821 ..... 11 3

что составляет на русской щот 79107 рублей 70 коп.

Шод из России до Англии, по безпутству контр адмирала Елфистона и по наговорам на меня небылицы, стараяся, как бы привести во озлобление команды моей капитан лейтенанта Тимофея Козляинова, лейтенанта Томаса Макензи и переводчика ево Ньюмена, то недоволю, что оно на меня напрасно сказывали, но мои доклады или требования ему переходили не так, а противное, почему так на меня злобен был, что я сколько ни старался ему угодить, но он почитал по скаскам наговорщиков мое к нему // (л. 2) непослушание и презрение и старающагося зделать во всем ему противное, что шод из Елцыннора в Англию в декабре месяце, не имев причины, словесно лиша меня команды, посадил в каюту, где и пробыл сутки, но опосле, пришед в себя, что зделал дурно, призвав меня, извиняся, что он впредь никаких наговоров слушать не будет и ни каких повелений кроме меня другим давать не станет. Почему я опять вступил в камандование корабля, но чтоб мне безвинную мою обиду отыскать так, как он главной командир и уполномоченной был, было не от кого. Да и в России вышнее правление больше б ему поверило, нежели мне, почему я и предал оно забвению.

Быв в Англии, просил я обретающагося при великобританском дворе уполномоченнаго нашего Министра Алексея Семеновича Мусина Пушкина, чтоб он упросил контр адмирала определить на другой карабль, а вместо меня взять другога капитана, но он на то ему сказал, что он капитанов всех знает и меня от себя не отпустит, // (л. 2 об.) а переведет с собою с карабля Не Тронь Меня на карабль

Святослав, а когда де в Архипелаге соединимся с адмиралом Спиридовым, в то время отпущу, и выпрошу вместо ево капитана, которой бы караблем командовал по российски и по аглински, и от Англии до Архипелага содержал меня лучше прежнева несколько, а злодеи мои яду своево испущать не оставляли.

Англия, как русских людей прежде очень мало видела, а кораблей никогда, то как лорды, так и придворные дворяна обоего полу первее ко мне на корабль Нетронь меня, а потом по переходе моем на корабль Святослав почти каждой день с великим удовольствием были и довольно надивиться не могли здоровости, росту и повиновению наших людей, а особливо бывшим кирасирам, которыя обыкновенно становилися на шханцах фронтом в ружье, напротив тово невероятны были, чтоб их человек мог наши черныя ржаныя сухари есть.

Зе число марта по ордеру контр адмирала Ельфистона // (л. 3) принял я корабль 84 пушечной Святослав, где он подымет свой флаг, а корабль Не Тронь Меня отдал копитану Бешенцову, на Саратов определен копитан Барш. Как корабли, так и фрегаты один по одному из гавани вскоре вышли.

В команде моей на корабле Святославе определенные афицеры: капитан лейтенанты Козлянинов, Кривцов, лейтенанты Безумов, Мельников, граф Разумовской, Ворнев, Макензи, Милюков, мичманы Анисимов, Хвостов, Шишкин, Суков, Джон и Самуель Ельфистоны, принятой агличенин Андерсон, артелерии лейтенант Иванов, констапель Хадыкин, принятой аглинской обер канер²⁰, са[л] дацкой команды капитан Ханин, поруччик Батюшков, прапорщики Коретников, Шарыгин, шхипер Алексеев, комисар Иванов, иеромонах Исидор, штап лекарь и лекари, десантные инженер капитан Реал²¹, прапорщик Тол, леиб керасирского полку маиор Палин, копитан Кнорих, воежир аглинской [л]орд, лоцман Гордон.

Имеv на порученном мне карабле господина контр адмирала Елфистона, и под ево команду: // (л. 3 об) корабль Саратов, капитан Барш, Нетронь Меня, копитан Бешенцов, Северный Орел госпитальным, копитан лейтенант Жемчужников; фрегаты: Надежда, копитан Поливанов, Африка, копитан Клеопин, пинк С.Павел, аглеченин. Нанятых аглицких судов, имянуемых, граф Панин, Орлов, Чернышев.

23-е число марта с порученным мне караблем Святославом из Портсмутской гавани на рейд вышел.

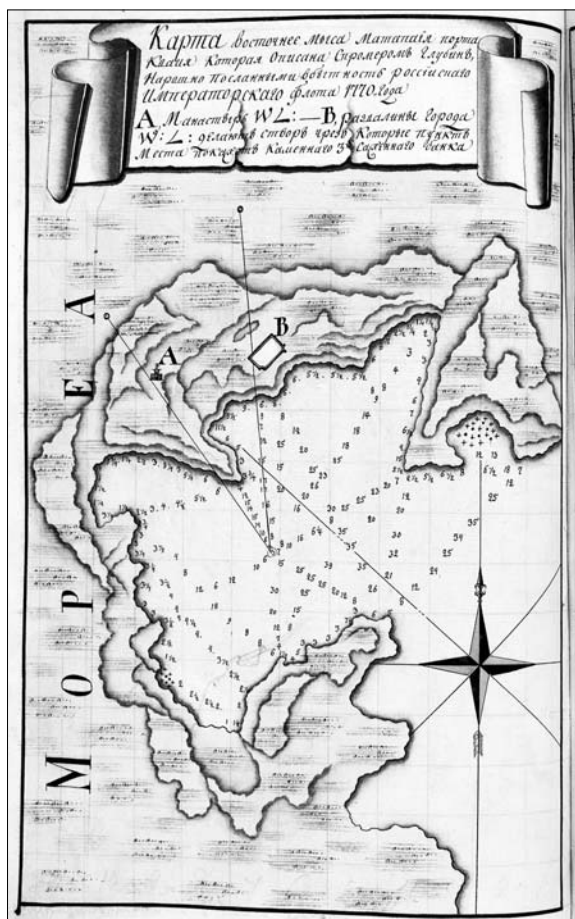
2-е число апреля при противном от WNW ветре корабль Северный Орел палил из пушек, почему для поджидания, чтоб он подошел к кораблю, легли на дрейф, и оной корабль подошел, командующей объявил, что корабль имеет не малую течь, так что с нуждою может уливаться.

По утру 10го числа тогож месяца оной корабль Северной Орел, распустя марсели, пошел обратно в Аглинской канал.

20-е число апреля против мыса Кап Висента шла противным галсом шпанская шебека; в том месте в великом уважении находится, // (л. 4) которая на галеру похожа, на ней три мачты, фок мачта весьма на нос наклонна, и имеет косою галерной парус, и галс на носу крепится, грот мачта имеет два паруса грот и грот марсель карабельные, безань с гафилем.

²⁰ Оставлено место для имени, но имя не вписано.

²¹ Ошибка писца — Реан.

План «Калатинской бухты»

23-е апреля вошли в Гибралтарской пролив. Видны с обеих сторон берега, как гишпанския так и марокския, друг от друга не далече, горы по оным высокия каменистыя, долины пещаныя и неплодоносныя, на марокской стороне город Танжер. Видится жильем немалой, окружен каменною оградою с зубцами и башни с окошками, подобно как в Москве, а в городе видно садов премножество, против города чрез залив на берегу мояк каменной.

На гишпанской стороне город Тариф стоит на морском берегу, строение каменное изрядное, перед ним островок и каменной мояк Гишпанский.

На морской стороне гишпанской город Снута, строение хорошее и жилья много.

Гибралтар на гишпанской стороне лежит на высотах горы и фортификацией весьма укреплен, залив великой и в проходе нашем больше // (л. 4 об.) 20ти судов больших лежало, когда ж нашим случилось тут лежать на якорь, то обыватели в предосторожность нашу сказывали, чтоб всегда опа-

сались скатывающи с гор великих шквалов, которыми, отрывая от берегу, выносит на глубину, или и совсем принудит лечь под паруса.

От Англии до Гибралтара склонение компаса употреблено два румба.

10е число мая, пришед в Архипелаг в Калатинскую²² бухту против местечка Кап де Бердогна, на глубину 19ти сажень легли в фертоинг; греков к нам великое множество приезжало, из себя видные люди, здоровые и чистые, каждой с винтовкой, с пистолетом и саблей; тот же день свезли десант на пустой берег, а на другой день и артиллерию с нарядами и все сухопутные тяжести. Привели греки турку; тут мы узнали, что в море город Наварин нашими взят, где и пребывание имеют уполномоченны генерал и разных орденов ковалер Алексей Григорьевич Орлов; так же и со всей пришедшею из России ескадрою господин адмирал и ковалер Григорей Андреевич Спиридов, но как контр адмирал Елфистон отправлен был из России уполномоченным // (л. 5) над своею ескадрою, то и не хотел как у уполномочен-

²² В рукописи РНБ — Калишинскую бухту (бухта Kolokithias на юго-востоке Пелопоннеса).

наго генерала, так и адмирала быть в команде. Почему для соединения ко оным и не пошел, а услыша чрез греков, что турецкой флот, состоящей в 8ми караблях и несколько фрегатов и шебек, лежит на рейде Наполи Диромани, то немедленно, маяя 12 число, с эскадрою пошел ко оному городу, и, приходя к бухте Наполи Диромани 16е число, увидели с саленгу показавшияся из за мыса два судна, почему и послан был в погоню карабль Не Тронь Меня; спустя ж несколько показались еще суда, то и еще посланы карабль Саратов и фрегаты Надежда, а чрез короткое время открылся и весь турецкой флот, состоящей в 22 военных судах. Сигналом велено всем гнать за неприятелем, тогда наша эскадра имела аглинския флаги и по приближении наших передовых караблей Не Тронь Меня, Саратова и фрегата Надежды с турецкаго флота по оным начали палить из пушек, кождаж на моем карабле Святослав подняли российской флаг, томуж следовала и вся эскадра, и передовыя корабли // (л. 5об.) вступили в баталию. Турецкой флот, не вытерпя от наших передовых караблей жестокаго огня, ретировался к городу Наполи Диромани. Мне же с моим кораблем Святославом и фрегатом Африкой во оном сражении быть за тихостию ветра не удалось, однако как тот день, так и ночь вся эскадра преследовала за турецком флотом, паля с Святослава из пушек, и бросая с баку 12 фунтовыя бомбы, и оной баталии при сем приобщаю план.

(л. 6 [пусто])

(л. 6 об. [цв.илл.: Наполис Деромани // План одержанной морской баталии при входе в бухту российским Императорским флотом, над турецким сильным флотом, 16 Мая 1770 Года])

(л. 10 [пусто]) // (л. 10 об.) А 17 числа турецкой флот пришед на реиду под зашитие крепостей к городу Наполи Диромани; большия корабли к морю легли на шпринге, а прочия позади между ими, и порядочно изъготовили себя к сражению, но как мы в близость ко оным пришли, то по сигналу контр адмирала Елфистона велено лечь в линию деботалию и, проходя три раза мимо турецкаго флота, как с онаго по нас, так и от нас производилась жестокая пальба, а напоследок, подошед в близость к берегу, при поворачивании против ветру тихова, карабль рею не дал, для чего и принуждено было положить якорь и стать к неприятелю шпрингом; следуя за нами, карабль Саратов также лег на якорь, но как с моево корабля в турецкую эскадру ядра не доставали, то, отрубя якорь, не медленно снялись и пошли ближе прежнева турецкова флота, производя жестокую пальбу; с моево корабля бранспугилем на большом турецком карабле зазжон был бушприт, и сей карабль немедленно выведен был за фронт и огонь погашон. Судя контр адмирал Елфистон, что так турецкому // (л. 12–33) превосходному нас флота вреда большова сделать не можем, а взять в добычу какое либо судно и подумать нельзя, к томуж наступала ночь, да и тихость ветра, чтоб не склонило к неприятелю, пошли в море.

Во время оной баталии на высоком берегу по ровнине поставлены были пашинския и других знатных турок полатки. Где смотрителей онаго театра всякаго рода людей верхами и пеших было великое множество, но как, проходя, мы бросили с корабля в оных бомбу, и так трафилось ловко, что над их головами оную разорвало, и народ от онаго, вдруг замешавшись, бежал кому куда способнее.

Хотя ветер был и тих, но в ночь мы отошли до безопасности, а карабль Саратов, которой лежал по близости берега, да и за тихостию ветра сняться с якоря опасался и принужден был в море верповаться, Елфистон не прежде подал

ему шлюпками помощь, как ночью; но весьма удивительно, что турки ево не // (л. 12 об.) осмелились атоковать, и взять в полон, что он поблизости их лежал не менее полусуток, однако по щастию отошел и пришел к нам в эскадру, не причиняя себе никакова вреда.

Как в первую, так и во вторую баталию убитых и раненых не много, да и корабли повреждения себе почти не получили, но только хочю один случай вносить: на моем карабле, на юте контр адмирала Елфистона поставлены были квадратно со птицами садки, и у оных сидели в кружок два сержанта и капрал, по причине данной дистанции не приятеля, ружейная пальба употреблена не была, то к оным, несчастливо сидящим, прилетело, разбив садки, ядро; одному потрафило в корпус, а прочим двум по ногам, и всех в один момент умертвило; видя оное, привело в жалость, а другое в смех, что оставшиеся в разбитых сатках петухи вылетя подняли великой крик и между собою зделали кровопролитную баталию; и оной под Неаполи Диромани баталии городу и крепостям при сем приобщаю план.

(л. 13–34 [цв.илл.: Наполис Деромани // План одержанной морской баталии 17 Маия 1770 году на рейде Наполис Деромани российским Императорским флотом, над турецким силным флотом])

(л. 13 об. [пусто])

// (л. 14–35) 18е число после полудни контр адмирал Елфистон зделал сигнал, чтоб гнать к лежащему на рейду Наполи Диромани неприятелю, и не доходя мили две, поворотили обратно в море, в то время позади турецкаго флота, ходя под парусами, 3 фрегата, а прочия лежали спокойно.

Но как контр адмирал Елфистон советовался с копитанами, что таким малым числом над не приятелем победы получить не можно, но еще и предвидится опасность, что быв в близости не приятеля, да и тихость ветра не склонилась б к оным, и чрез то бы вся эскадра не пропала, то положил итти к городу Наварину и выпросить себе у адмирала корабля три или четыре.

19-е число турецкой флот снялся с якоря и шол за нами.

20-е число от нас остался турецкой флот в бухте Наполи Диромани. // (л. 14 об.)

22-е число, шод мимо Сириги и матерова берега, увидели лавирующую из Калатинской бухты российскую эскадру под контр адмиральским флагом, состоящую из кораблей Евстафи, на котором был адмирал Спиридов и граф Федор Григорьевич Орлов, Аннуарий, 3 Святителей, Европа, фрегат Николай, пакитбот Почталион, и по соединении положено иттить всем и напасть на неприятеля. Почему и пошли обратно к бухте Наполи Диромани; оная эскадра нарощно приходила для взятя брошенной нами на берег десант; при лавировании из Калантинской бухты на корабле у меня переломился грот марса реи, которых по безпутству контр адмирала в запасе уже не было у мыса Кабино; не хотел контр адмирал, хотя и место дозволяло, поворотить корабль по ветру, а надеялся обойти оной, мне ж, не знав языка, представить было не можно, а команды моей афицеры никто перевести не хотел, да и мало слов моих слушали, но как ко оному мысу так близко приблизились, что по ветру повор[от]ить // (л. 15–36) места уже не было, а против ветру без грот месерлеса, чтоб поворотился корабль не надеялись, то контр адмирал пришел в великую трусость, а я и ево больше; а как не обходимо было кораблю пропадать, взята последная резолюция поворотить корабль против ветру, и по щастию, сверх чаяния, дал овер штаг, не далее быв от

наружных камней 25 сажен; с того времени по неотступной моей прозбе оставил меня контр адмирал, не мешаяся в мою команду²³.

По обещанию своему мне контр адмирал у господина адмирала выпросил себе капитана, которой знал уже по руски агличанина Роксбурха, почему ордером и велено мне корабль Святослав отдать ему, господину Роксбурху, и от него корабль 3-х Святителей принять и 24е число по оному ордеру исполнил.

Того ж числа, подходя к бухте Наполи Диромани, увидили мы у острова Специ лежащей турецкой флот на якорях, которой, с торопливостию снимаясь выходил из бухты // (л. 15 об.) почему контр адмирал Елфистон своей эскадре сделал сигнал, чтоб гнать за не приятелем; а адмирала Спиридова эскадра за неприятелем погони не чинила, а шла под одними только марсельями, а ежели бы и она гналась, то бы конечно турецкой флот от нее не ушел, по причине того, что у Елфистона в эскадре подрезаны мачты, а адмирала Спиридова гораздо были выше, и по тому в тихой ветр лучше ходили, но как бы то ни было, в семь часов по полудни Елфистон с своею эскадрою турецкой флот на пушечной выстрел догнал, почему и началась с обеих сторон пальба, в то ж время граф Федор Григорьевич Орлов, приехав ко мне на шлюпке, именем адмиральским велел мне вместе с фрегатом Николаем итти к идущим назад флота турецким четырем кораблям, которья взять в полон, а буде того сделать не можно, то зажечь или потопить, почему не медленно, поставя все паруса и буксируя всеми тремя шлюпками, следовал к оним, но к вечеру так ветр утих, что корабль ни какова // (л. 16–37) движения не имел, к тому ж и наступающая ночь понудила эскадру контр адмирала Елфистона военныя действия оставить, и для соединения с эскадрою адмирала Спиридова буксироваться назад, да и ко мне

План сражения 24 мая 1770 г.

²³ В рукописи РНБ этот эпизод описан так: «Тогож числа по полудни на корабле Святослав переломился грот марса рей и при противном от ZW крепком ветре, лавируя без грот марселя, приблизились близъ мыса Кабино и, ежели б корабль не поворотил против ветра, но необходимо с кораблем были бы на мели, от котораго мыса каменная гряда не более была j кабельтова».

от адмирала прислана была шлюпка, чтобы и я с кораблем назад возвратился, и всему оному при сем приобщаю план.

(л. 16об. [*цв.илл.: Наполис Деромани // План бегущему турецкому флоту от Императорского российского флота бывшего 24 Маия 1770го Году*])

(л. 17–38 [*пусто, подготовлена черная рамка для плана*])

// (л. 17 об.) Контр адмирал Елфистон поступком адмирала, что он эскадре своей гнаться за неприятелем не велел, был не доволен, и во оном приносил жалобу графу Федору Григорьевичу Орлову, якобы чрез то упущен флот, почему и отданы корабли и фрегаты все в команду Елфистона.

25-е число по разсвете увидели турецкой флот, бегущей к нордосту и у контр адмирала Елфистона зделан был сигнал, чтобы всем гнаться за не приятелем, почему и гнались все, кроме кораблей Ефстафия, на котором был адмирал Спиридов, да Саратов; по оных при их сигналах, хотя палено и с ядрами, но оне погони не чинили, а осматривали идущих, которые нам на встречу попадались французския купеческия 4 судна, после чего по утру на другой день бреид вымпела господина брегадира Барша на корабле Саратове стало не видно.

Мой карабль 3х Святителей был // (л. 18–39) в ходу легче, то я и обогнал все корабли и был ближе к турецкому, нежели к своему флоту, но по тихости ветра и наступающей ночи сигналом велено гнать перестать, почему передния и соединились со флотом.

26-е число гнались за турецким флотом.

27-е число, турецкаго флоту было не видно, которому благополучной ветер остров Георгий обойти вспомоществовал, а нам препятствовал, почему погону оставили, а как был недостаток в Елфистоновой эскадре, то и пошли для налития пресной воды в порто Рати, а Елфистон с 3ми кораблями: Аннуарии, 3х Святителей, Европой, еще с Африкой, и фрегатами Надеждою пошел к Негропонтскому мосту, где надеялся застать турецкия корабли или суда, но как он тово получить не мог, то и пришел дня через 4 к порту Рати, где соединясь с адмиралом вышли в море.

В порто Рати пресной воды весьма не достаточно, // (л. 18 об.) да и скотины от греков получить не могли, они дать нам оной опасались турок, а сказывали, что оне подгонят к нам оной близко, и что будто мы взяли насилно, однако мы в берег команду послать опасались, и за тем ничево не получили.

12-е число июня соединился с нами граф Алексей Григорьевич Орлов, которой имел на корабле 3х Иерархов кеизер флаг, и с ним корабли Ратислав и бомбандирской Гром; он оставил Наварин, причиною пришедшаго турецкаго сикурса; я сам при том не был, но сказывают, что у города Карона нечаянно напал на наши войски, которыя никак приходу оных не ожидали, да и салдаты не были довольно снабжены патронами, а артиллерии снарядами, почему и претерпели великой урон, и бежали достальныя на суда без всякой себя обороны; Алексей Григорьевич Орлов приказал в скорости цеихместеру Ганнибалу подорвать город Наварин, что и исполнено; и как наших служителей, так и греков, первых // (л. 19–40) на судах на корабли, а других на остров, называемой Ганнибалов, перевозили. Но пришед турки, застав оставшихся греков, жен и детей их рубили без пощады, а другие бросались великим множеством на перевозныя суда, утопали в море, перевезенныя же на остров, отправлены на судах в Занто, а наши раненые отправлены на фрегате Надежде, на пинках Сатурне, Венере, Соломболе и на датском судне Иоанне в

порт Маон, под командою контр адмирала Елманова. По несчастию две городские пушки были незаклепаны, которыми турки по караблям довольно стреляли и тем принудили наши корабли город поскорее оставить.

16е число, с согласия уполномоченнаго генерала графа Орлова, брата ево Федора Орлова и адмирала Спиридова весь флот пошел для налития пресной воды между островов Накси и Паросо в порто Трио, где, по изобилию оной скоро себя удовольствовав, 19 числа пошел для поиску турецкаго неприятельскаго флота, и господин адмирал Спиридов имев // (л. 19 об.) на корабле свой флаг.

24е число по известию о турецком флоте по северную сторону вошли в Шатской канал²⁴, где увидели лежащей турецкой флот; тогда по сигналу весь наш флот лег в линию деботалию, в ананвагардии: корабль передовой Европа, капитан Колкачев, Ефстафи, капитан Крюиз, на котором адмирал имел свой флаг, 3х Святителей, копитан Хметевской; корде баталии: корабль Ианнуарии, капитан Борисов, 3х Иерархов, капитан Греик, на котором Граф Алексей Григорьевич Орлов имел свой кеизер флаг, Растислав, капитан Лупандин; ариергардии: Нетронь Меня, капитан Бешенцов, Святослав, капитан Роксбурх, на котором контр адмирал Елфистон имел свой флаг, Саратов, капитан Полисадов; другая линия была от первой в ветре; из фрегатов больших и малых до шести; а турецкой флот в полумесечном положении: одним крылом примыкал к мысу Анатолическаго берега, от котораго закрывала // (л. 20–41) банка, а другим к зюиду, к подводному большому камню; первая линия составлена была из больших 90 пушечных кораблей, а вторая между оными также из кораблей, фрегатов, и шамбек, потому и казалось, что их расположение, как для выгоднаго места, так и превосходной силы оставалось безопасно, но невзирая на все неприятельския преимущества авангардии господин адмирал Спиридов, призвав капитанов, приказал, чтоб иттить на неприятельской флот, и не прежде передовому кораблю вступить в баталию, как будет в расстоянии на пистолетной выстрел, а чтоб далее с неприятелем биться, иметь грот марсель левинтинг, и проходя неприятеля по северную сторону, ежели пройти будет можно между островка Нонси и матерой земли, примкнуться к задним кораблям, для чево и лоцман от адмирала ему дан. Итак из под кеизер флагу зделан сигнал, чтоб отаковать не приятеля, почему и пошла напервее авангардия, и недупущая еще нас далече с турецкаго флоту началась пальба, но вытерпливая неприятельския ядра, пришед в вышеписанную дистанцию, зделав грот марсель левинтинг, жестоко от нас // (л. 20 об.) палить начали, передовой корабль Европа, прошед почти всю неприятельскую линию, и судя по глубине воды притом же и по представлению лоцмана зделал ветру сопротивление, то есть, поворотив против ветру, и пошел к задней линии нашим кораблям; адмирал Спиридов с своим кораблем Ефстафием пошел прямо к пашинскому кораблю, и подошед к оному в близость, бросал бранскугили, от чево турецкой корабль раза два загорался, но оной турками был потушен; тихостию ветра и не большим течением так близко к пашинскому кораблю принесло, что напоследок нашево корабля якорною лапою захватило за фока пютенсы, однако адмирал, не оставляя прежняго своего приказанія бросать в корабль вышеписанная огненныя орудия, от чего грот мачта загорелась; хотя у корабля

²⁴ Отсюда начинается описание военных действий в Хиосском проливе.

Ефстафия на барказе прежде еще изготовлен был верп с кабелтовом, но оной, что б оттянуться, в тогдашнее время не употреблен; адмирал Спиридов и граф Федор Григорьевич Орлов, видя что на корабле более уже присутствия их не нужны, сев на шлюбку, переехали первее на пакитбот, а // (л. 21–42) потом на корабль 3х Святителей, которой тогда не был в положении нашей линии, а был в ветре от нас более кабелтова; турецкая грот мачта обгорела и упала на наш корабль Ефстафий, на котором в то время отворена была крюид камора, от искры или полыми, а другия сказывают, что в грот люке на кубрике были картузы с порохом, то оным корабль подорвало и метало частями, от котораго спасся брошеной воздухом капитан Крюиз, мичман Пущин, штурман Слизов и еще несколько человек, а спустя несколько времени и пашинской корабль в подорвании равную имел участь.

Я за адмиральским караблем, вытерпливая от четырех 90 пушечных турецких караблей и одной шембеки жестокою пальбу так, что ни один кроме, может быть, Ефстафия другой не терпел, но хотя я от пашинскаго ко второму караблю, на котором был вице адмиральской флаг и не спускался под ветер так, как адмирал, но и меня ко оному стащило так близко, что не более // (л. 21 об.) уже был 10 сажень, и от сильной с моево карабля из пушек и из ружей пальбы оной корабль замолчал, и я сам моими глазами видел, что не приятельского карабля бока в некоторых местах в щепы разбиты были, от чего турки бросались с карабля в воду и людей на оном редко видно было, а оставшие, не вытерпя сильного моего на них нападения, отрубя якорь и распустя напервое по малу парусов, бежали для спасения в Чесменскую бухту; а потом и другия турецкия карабли, видя, оному последовали; во оное сражение разбиты у меня были все мачты, реи, стенги, а фор брам стенга и совсем была збита, ванты штаги и бегучая снасть была вся перебита, да и паруса годново ни одного не осталось; одним словом сказать, за оным караблем править ни как не можно было, корпус же карабля, как ядрами чугунными, так и большими каменными во многих местах был пробит, а более всево претерпел бок, столько прилетало от не приятеля много ядер, что называется как град; и по тому-то человек // (л. 22–43) в сражении будто бывает отважнее тово: как идет атаковать, посему и доказательно, когда ядра или пули прилетают еще редко, то и наводят оным страх, а когда уж быв в сражении и около ево с визгом летает такое множество, то он, не знав с которой стороны больше опасаться, забывает страх и определяет свою смерть судьбине.

Во оной баталии выпалено по неприятелю с моего карабля из пушек нижева деку 347, верхняго 200, со шханец 70, из фолканетов 50 зарядов с ядрами, в том числе, несколько и по два ядра в выстрел, бомб брошено 10, бранскугилей 7, и того всех 684 заряда; я ж во оное сражение ивернем каменнаго ядра в голову ранен, пробив шляпу и тело, вдавило несколько череп, от чего я был без памяти, но как перевязали мне рану, то командовал я караблем до тех пор, как велено лечь флоту на якорь.

А убитых пулею: быв при мне за адютанта, мичман Суков, квартеймертер 1, матроз 4, кананир 1, главной артелерии // (л. 22 об.) бомбандир 2, армейских мушкатер 4, и того 13 человек; раненых штурманы Журавлев, Крылов, штык юнкер Радиков, матроз 8, полевых мушкатер 4, штурманской ученик 1, слесарь 1, и того 17 человек; то кажется так жестокое сражения, судя по моему караблю, а менше

еще потери на протчих, и так бы наш урон состоял не очень велик, но корабль Ефстафи, к великому нашему сожалению, умножил; имел людей лучших, выбренных, да сверх комплекта штаб и обер афицеров, керасиров 50 человек, бомбандиров до 30, хор музыки, разных мастеров, которых всем числом составляло более 700 человек, на оном же было денежной казны в ведении графа Федора Григорьевича около 200, а адмирала, полтора ста тысяч рублей, сервис серебрянной и великое множество веницианских ружей и пистолет, из взятых турецких призов, богатых вещей; на против же того, как разказывали греки, что и на пашинском корабле, на котором собрана была всего Архипелага подать, состоящая будто до полумиллиона пиастров, и все оное без возврату // (л. 23–44) море поглотило, и оной баталии при сем приобщаю план.

(л. 23 об. и 24–45 [цв. илл. в разворот: Чисма // План одержанной победе 24 Июня 1770 году российским Императорским флотом под командою Графа Алексея Григорьевича Орлова над сильным Турецким флотом под командою Капитан паши Ибрагима]) // (л. 24об.)

Контр адмирал Елфистон с своею ескадрою в сражении с турецким флотом не был. Да и за бегущим оным погони не чинил, для чего от графа Орлова велено оному контр адмирал и бомбадирскому Грому лечь в устье самой бухты и наблюдать, чтоб из оной турецкия корабли выттить не могли, но и весь наш флот лег полумесецом рогами в бухту Чесмы, чтоб никак не приятель прорваться не мог; мой корабль упражнялся в положении на мачты реи, шкалов и вулинггов, сплескивали перебитой такелаж и чинили паруса, а от графа Орлова велено изготовить три из филюг брандера; флот турецкой разположился большими кораблями на шпринге в передовую линию, и зделали в самой ускости на мысу берега из 21 пушки ботарею, с которой доставало по Святославу и бомбадирскому Грому ядра, почему Святослав и отошел в лежащую нашу линию в свое место; но как брандеры были изготовлены, на которых определяли камандиры, на первой Дугдал, на второй Макензий, на третий князь Гагарин, на четвертой Ильин // (л. 25–46) и каждому дано по 10 весельной шлюбке, уполномоченной генерал Орлов обще с господином адмиралом Елфистоном и со всеми капитанами положил, чтоб в оную бухту послать против турецкаго флота корабли Ратислав, Нетронь Меня, Европу, фрегаты Надежду, Африку и 4 брандира, над которыми определен командиром капитан бригадирскаго чина Греик; и когда сделан будет от него сигнал, то б немедленно всем вышеписанным судам следовать и лечь по диспозиции ево господина Греика, а брандерам итти после и стараться под пушками своих кораблей сцепиться с неприятелем и зжечь.

25е число адмирал Спиридов, не дождав еще от Греику сигналу, корабль Европу в 12-м часу по полудни прогнал перво всех против неприятеля в Чесменскую бухту, почитая онаго корабля капитана Колкачева, якобы он в первое сражение, потруся, прежде поворотил, нежели поворотить было надобно, и оное ему зделано; хотя я знаю, что он никак не причиною, чтоб заслужил свой проступок, почему он прежде всех близ получаса, вошед в бухту, лег против неприятеля в дистанции // (л. 25об.) на шпринг, по нем, как с турецкаго флота, так с ботареи производилась великая пальба, а в 1м часу и он открыл свои ботареи непрерывным огнем в S 1 часа. Господин Греик на корабле Ратиславе и прочия суда, не медленно пришед в диспозиции, легли на шпринг же. И так загорелся с обоих

сторон великой огонь, фрегат Надежда лежал против зделанной турецкой батарее, которую своими пушками принудил молчать, а оставшия корабли 3^х Иерархов, Святослав, Аннуарии, 3х Святителей, отдав марсели, были в готовности итти на помощь, ежели того нужда требовать будет.

В начале 2го часа в турецком флоте на корабле грот стенга от наших бранскугилей загорелась и, разливаясь по снастям всево корабля огонь, зделал вдруг великой пожар, от чево и корпус корабля загорелся, но как турецкия корабли стояли между собою тесно, то, друг от друга усиливаясь больше огонь, загорелись. В то время пошли уже брандеры, первой под команду капитана лейтенанта Дугдала, он не попал к тем кораблям, которые еще не горели, а направя свой брандер к горящему кораблю, не осторожно оной зажо, чем и самово спалило. // (л. 26–47) Второй под команду Ильина, направя свой брандер на большой карабль, которой еще не горел, и, сцепясь с оным, брандер свой зажо, от котараго и карабль загорелся. Третьей под команду лейтенанта Макензий при входе в бухту у севернаго угла стал на риф, и с онаго сойти скоро не мог, где свой брандер зажо. Четвертой под команду мичмана князя Гагарина брандер свой зажо, не приставая ни к какому неприятельскому кораблю, но как был у оных над ветром, то и пустил на удачу.

Корабль Саратов, сколько от графа Алексея Григорьевича Орлова и адмирала ни понуждаем был, чтобы он шол по диспозиции не медленно, но он, вымышляя по своей трусости, делал всякую медленность, не прежде пошел, как уже увидел, что загорелся турецкой флот и, не дошед лежащих в бухте наших караблей, лег на якорь.

Горящая турецкия корабли на первее, как огонь доходил до пушек, они палили, и догорая до крюид каморы в то время подрывало, и удивительная сила, бросится огонь в высоту великим шаром и разделяясь свирепыми кругами, а потом разливается по воздуху; у нас // (л. 26 об.) при всяком подорвании в оставшем флоте с радости кричали много раз ура; как я выше писал, что пушки палили, то оными выстрелами городу Чисме причинило великой вред, пробивая дома, убивало людей, к тому ж близкое подорвание кораблей метало частями на берега, и то время можно неприятелю вообразить себе, что оной случай почесть за представление света.

Оное згорение турецкаго флота до половины 9го часа продолжалось, в которм числом было 15 линейных кораблей, из коих 6 — от 80 до 90 пушек, прочия от 60ти до 70, шесть фрегатов, больших галер 2, несколько шебек и брегантин, множество полугалер, филюг и других малых судов, а всех вообще около ста судов, да сверх оных из горящаго турецкаго флота нами выведено корабль 6бти пушечной и 5 полугалер.

Во оное истребление не довольно, что турки, потеряв свой флот, но и большую часть людей, они чрез греков знали, что будет // (л. 27–48) на них наше нападение, то копитан паша, чтобы удержать каждаго на своем корабле, все гребныя суда приказал поставить к берегу, и потому-то во время сожжения столь людей много пропало, что вся та бухта покрыта была оными, во оное время не мало спаслось разных наций полонеников, которые приплывая к нашим кораблям, другия приежжая на мелких судах, взяты были на корабли, а после отпущены в свое отечество.

Мне после случилось говорить с присланным от копитан паши с нашими племянниками²⁵ с командою копитан лейтенантам Овцыным, ево церемонии ме-истер Селимагаси Ахмет Ага, которой родом из Босны и поруски говорит, что мы друг друга разуметь могли, он жил у меня долго, и сказывал, что он был в первом сражении в Чисменской бухте на корабле пашинском, и в то время у него порублена была рука и ледвея, я спрашивал ево, сколько с онаго карабля спаслось людей, он мне сказывал, что меньше ста из числа почти 900 человек, что мне показалось не вероятно, потому что турки мастера плавать, да берег был не так далеке, // (л. 27об.) которым однородцы в спасении помогали; он мне сказал противное, что и с ними свои не лучше как с нашими поступали, убивая и грабя, что получить можно; да когда де мы спаслись от созжения флота и шли в Смирну, то и по дороге наших грабили и отпускали почти без всякаго одеяния; он мне сказывал о себе, что капитан паша посылал ево в Негропонт, взяв привесть оттуду агу, которой делал разбой, раззоряя по островам и берегам греков, я де ему представил, каким он путем прикажет ехать, ежели сухим ехать по Румелии, то не обходимо от великаго числа разбойников потерять свою жизнь, а морем взяту быть российскими крейсерами, но копитан паша сказал: поежжай как хочешь, только исполни мое повеление, он говорил: какже де бы вы думали, каким я путем ехать согласился, поехать морем, лучше желал быть у россиан в полону, зная, что меня не умертвят, и со временем в свое отечество возвращусь, нежели отдаться в руки своим однородцам, которые неминуемо бы лишили жизни; много говорил похвалы о милостивых поступках наших россиан, // (л. 28–49) и оне были уверены, как жизни так и кошелька их достатку отнято от них не будет, но напротив того, опасались служащих у нас греков и славян, которыя с ними варварски поступали.

Возвратясь к Чесменской бухте, последнее имею объявить. Уполномоченной генерал Орлов воздав за не слыханную еще в свете таковую победу благодарность Господу Богу, и опасаяся, как в бухте, так и по берегам великаго множества мертвых тел, чтоб не заразить людей, 29-е число июня пошел из Шийскаго канала со всем флотом вон; тот день показался нам на корабле Саратове копитана и брегадира Барша брейд вымпел; а почему столько времени ево было не видно, также и командовал на корабле Саратове в сражении с не приятелем при нем, господине Барше, копитан Поливанов, о том флоте знать не дано; и оному истреблению флота // (л. 28 об.) и городу Чисму при сем приобщаю план и реляцию, посланную ко двору от графа Орлова, также и данной атестат от господина адмирала Спиридова бывшему при нем в сражении на корабле Ефстафий капитану Крюизу, в котором описывается обстоятельнее истребление турецкаго флота, оной вношу в оригенале. // (л. 29–50 [пусто])

(л. 29об. и 30–51 [цв.илл. в разворот (с незаконченной легендой): Натолия // Чисма // Часть острова Шио])

(л. 30об., 31–52, 31об. [пусто])

// (л. 32–53) Продолжение известии о действиях флота ея императорскаго величества против Оттоманской Порты.

Сего сентября 13го дня получено от генерала графа Алексея Григорьевича Орлова с куриером из Италии ко двору ея императорскаго величества донесение

²⁵ Ошибка писца — нужно «пленниками», о пленении Овцына см. далее (л. 93, 108, 167об.).

о совершенном истреблении турецкаго флота при берегах Азийских, которое состоит в следующем.

Когда контр адмирал Елфистон с своею эскадрою соединился при берегу Мореиском с эскадрою под командою адмирала Спиридова, и получено было известие от помянутаго контр адмирала, что он на пути своем с подкреплением нескольких караблей от адмиральской эскадры гнал не приятеля, которой для соединения с остающммися позади его кораблями бежал к стороне Азии, то в то время генерал граф Орлов, прибыв из Морей с двумя караблями, по соединении всего флота взяв главную команду над оным, первое // (л. 32об.) его попечение было запастись провиантом и водою, что исполнив, опасались одного только того, дабы не приятеля не упустить за Дарданеллы, чего для с благополучным ветром и отправились искать онаго; под[ъ]ежжая к острову Хио, уведомились, что турецкой флот находится в канале за оным островом, отряжен был туда для получения точнаго известия корабль Ратислав, на котором послан был от главнокомандующаго контр адмирал Греик; сей по возвращении объявил, что не приятельской флот усмотрел ходящий под парусами в 9ти больших кораблях, но как уже был под вечер, то положено лавировать во всю ночь в устья онаго канала, а на разсвете воити туда; исполнив сие в назначенный час, увидев стоящаго неприятеля в боявом порядке, убавили парусов, чтоб дожидаться отставших судов, по приближении которых главные командиры, с[ъ]ехавшись вместе, зделали распоряжение к атаке следующим образом: караблям команды адмирала Спиридова сочинить переводы // (л. 33–54) строи боя, а кораблем графа Орлова — средней, Елфистоновым же делать — сторожевый строй; как разъехались начальники по своим местам, то дан был сигнал с корабля 3-х Иерархов, дабы строился к бою по вышеписанному росписанию и итти к атаке; первым был Европа, вторым Ефстафии, третьим Три Святителя, четвертым Ианнуарий, пятым Три Иерарха, шестым Ратислав, седьмым Нетронъ Меня, осмым Святослав, девятым Саратов, а два фрегата, которым должно было быть тут же, к тому времени не подоспели; в сем порядке 24-го июня в половине 12-го часа подошли к турецкому флоту; оной стоял, одним крылом примкнувшись к мели и к не большому каменному острову, другим протянулся к порту, называемому Чесме, находясь весьма в выгодном положении; вдруг началась с турецкаго флота по нашему жестокая палба, Европа вступила в бой, который в половине перваго часа зделался общим, // (л. 33 об.) Ефстафии, на котором был заслуженный наш адмирал Спиридов, с несказанным терпением и мужеством выдерживал все неприятельския выстрелы, подходя к ним ближе, а пришед, в меру зачал производить свой огонь без умолку с такую жестокостию, что неприятель от тово великой вред почувствовал; однакож ядра не приятельския, с разных караблей противу его устремляющихся, не переставали осыпать его; тут вступил в сражение и корабль 3х Святителей, также и Аннуарии, выдвинувшись вперед из своих мест; по сем стал сражаться и корабль главнокомандующаго, называемый 3х Иерархов, за которым последовал Ратислав, на коем находился князь Юрья Долгоруков, корабли же команды Елфистоновой по положению своему были в некотором отдалении. Удар за ударом выстрелов пушечных, сливаясь безпрерывно, гром производили, воздух, наполнен будучи дымом, скрывал корабли от вида друг от // (л. 34–55) друга так, что и лучи солнца померкли, свист ядер летающих и разныя опасности пред-

ставляющиеся, и самая смерть смертных ужасающая не были довольны сильны произвести робости в сердцах сражавшихся со врагом имени Христова россиан, истинных сынов отечества и достойных подданных великия Екатерины в самом жесточайшем сражении.

Четыре корабля: Ефстафии, 3 Святителя, Ианнуарии и Три Иерарха; на последок корабль Ефстафи, сцепясь с кораблем главнокомандующим над неприятельским флотом, производил в то самое время пушечную и ружейную пальбу, от чего оный и загорелся, корабль же Три Иерарха, лежа на якоре и сражаясь с неприятельскими двумя, увидев в опасности адмирала, и тот час отрубя якорь, изготовился ко обороджу, но приметя, что неприятельской корабль горит, принужден был принятое намерение оставить, дав сигнал, что бы военныя шлюпки поспешили к // (л. 34 об.) Естафию; подгоревшая у турок мачта упала поперег на наш корабль, сцепившийся и почти уже завладевающий оным, и тем пламенем привело и наш в самом скором времени; после того корабль наш взорвало, за которым следовал и не приятельски. Сие произшествие и то, что турки не могли уже более терпеть, зря столь жестокою и неустрашимую с нашей стороны отак[у], привели флот отоманской в трепет, которыя, отрубя якори и подняв парусы, бежать начал в великом сметении в порт под защищение крепости Чесме; граф Орлов, подняв все парусы на корабле 3-х Иерархов, стремился в самой нутрь неприятельскаго флота, но не был в силах догнать оные за легкостию турецкаго множества судов; скоро после того обрадован он был известием, полученным о спасшихся с корабля Ефстафия, между которыми адмирал, копитан, и брат его граф Федор Орлов находился.

После сего сделано распоряжение запереть // (л. 35–56) неприятельской флот со всех сторон в гавани, служившей ему убежищем, что вскоре исполнено; наряжен для бомбандирования неприятеля один бомбандирской корабль, который чрез целыя сутки и причинял ему великой вред и безпокойство; неприятель с своей стороны изготовил на берегу большую ботарею и поставил тамо более 20-ти пушек; между тем наши приготавливали четыре брандера; на другой день по собрании совета положено было производить отаку, ночью к коей наряжены были четыре корабля: Нетронь Меня, Ратислав, Саратов и Европа, и два фрегата под командою контр адмирала Греика; под сим прикрытием следующую ночь, призвав Господа сил в помощь, брандеры и отправлены, на которыя посланы были явившиеся к тому охотники: двое из россиан и нашей службы двое агличен, прочим же кораблям велено быть в готовности для подкрепления; не приятель, приметя идущих, начал производить преужасный огонь со всех своих караблей и берега; наши не опустили // (л. 35 об.) ничего, чтобы равномерно им отвечать; начали оттоманские корабли загораться, но скоропостижно пожары сии ими утушаемы были, пока наконец загорелся на одном их карабле марсель, что контр адмирал Греик, приметя сам, перестал производить пальбу, и велел итти брандерам; оные, нимало не мешкав, исполнили свою должность с великим терпением и не устрашимостию; по данному им наставлению с желаемым успехом, в чем отменно отличился господин Ильин, которой подошед к турецкому кораблю, с полным экипажем находящемуся, в глазах их положил бранспугиль в корабль и, зажегши брандер, возвратился без всякой торопливости, с присудствием духа, как и прочие, назад; тут уже увидели вдруг в разных местах загоревшейся флот турецкой,

узрили и победу свою совершенную, восхищенные сим зрелищем, изъявляли они друг другу радостное сердцем своих чувствование, и каждый из них, ощущая веселие, свойственное победителям, возсылал Всемогущему хвалу о том, что мог подать неложный // (л. 36–57) опыт усердия к своей государыне и Отечеству; в самое сие время кораблей наших, у прикрытия бывших, началась паки пальба наижесточайшая в том намерении, дабы неприятелю не гасить, не спастись, не дать времени, весь не приятельской флот обращен в пепел, исключая один корабль о ббти пушках и 5 галер, которые нашим достались в добычу; с несколькими малыми судами посадили наших людей на берег, кои взяли неприятельскую ботарею, и того же дня сам главнокомандующей с братом своим графом Федором Орловым и с находящимися при нем лейб гвардии майором князем Долгоруковым и контр адмиралом Греиком ездили на Анатолический берег, нашедши там при многом числе мертвых тел множество раненых и утопающих не приятелей, из человеколюбия спасали жизнь оных, а большему из них числу от высочайшаго имени ея императорскаго величества дана была свобода.

В порте зажжено огнем и из истребленного // (л. 36 об.) турецкаго флота 15 линейных кораблей, из коих 6 от 80 до 90 пушек, прочия были от 60 до 70, шесть фрегатов, несколько шебек и брегантин, множество полугалер, филюг и других малых судов, а всех вообще около ста судов.

В заключении главнокомандующей флотом генерал граф Орлов, принося ея императорскому величества всеподданнейшее поздравление с сею знаменитою

Александр Круз

победою, повергает себя со всеми в команде его находящимися ко стопам самодержицы и предает в высочайшую милость и благоволение ея, особливо рекомендует контр адмирала Греика как храброго, искуснаго и не утомимаго афицера.

Атестат, данной от адмирала Спиридова флота капитану 1го ранга корабля Ефстафия Александр Круизу.

Должность свою с знанием морскаго искусства исправлял с наиприлежным // (л. 37–58) рачением, состояния и кандуита хорошаго, а как я на карабле Ефстафии имел мой флаг, то и путе плавание и военные дела были при мне; по выходе из порта Маона пришли в Морею в Портовитуло к маниотам, а потом атаковали город Корон и были под стенами Коронскими с морской стороны под парусами с пальбою из пушек с ядрами и из единорогов бомбами, что исполняли ж и корабли 3х Святителей, Ианнуарий; а потом пришли ко взятому нашими к городу Наварину на реид у онаго, а оттуда пошли в Колохинскую бухту к Маротонизу, или к устью реки, идущей от Мистры, то есть от стараго Лакедемона, а оттуда к Неаполе Диромани к Негропонту и в Коривскую бухту, на ближней вид города Афин, и оттуда в Архипелажския острова к сысканию турецкаго флота, которой и нашли между острова Шио и Анатоли в называемом Шионском или Сционском канале, к Анатолюскому берегу, на виду в бухте лежащаго города Чесмы в 17ти // (л. 37 об.) линейных караблях от 90 до 60 пушек и во многом числе шамбек, и больших галер, и фрегатов, и тартан, и других военных судов, которые стояли на якорях от Чесменской бухты к северу, примкнув передним близ одного

у Анатольского берега угла и островка караблем, между которым и берегом мель, и от онаго передняго зделали линею своих кораблей к ZZW. Все на якорях, на шпронгах, и тою линею большая часть Чесменской бухты и город Чесма прикрыты были, за линею ж к берегу поставлены были близ кораблей шамбеки и большия их галеры и фрегаты, что б между своих кораблей, где будут промежутки, в нас палить; протчия ж суда, которыя поменьше и гребныя, за линею кораблей и шамбек и прочих больших военных судов еще ближе к берегу, к Чесменской бухте, яко бы три линеи составляли; и так мы нашли оной сильной турецкой флот, хотя и не весьма в регулярном положении. Ибо линея их от NNO к ZZW неточно порядочна; // (л. 38–59) но многими выгибами, некоторыя к О и ZO, а другия к NW и W выдались, и между некоторыми теснота, а у других много пространства, однако все порожни места были заняты шамбеки, на которых как крепости, так и пушки велики, и все в готовности дать нам боталию. Наше прихождение в оной Шионской конал было от севера, а идучи, увидев силу и расположение турецкаго флота, стоящаго на якорях на шпринге, приехал ко мне на корабль Ефстафии предводительствующей под кеизер флагом его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов, и обще положили: пришед уже на ближний вид неприятельскаго флота, не смотря на превосходную его силу и ни на что, зная искусство и храбрость российских войнов, тогда помогающу нам и ветру, оной великой турецкой флот нашими российскими кораблями отаковать, а именно были наши корабли моей ескадры в кордебаталии у графа Алексея Григорьевича Орлова: 3 Иерарха, Аннуарий и Ратислав; у меня в авангардии // (л. 38 об.) Ефстафий, Европа и Три Святителя; в ариергардии, у контр адмирала Елфистона, ево ж ескадра: Святослав, Саратов и Нетронь Меня; и того девятью линейными кораблями и отаку зделать на лежащия неприятельския корабли к северу, начав с передняго, которой был под флагом капитан паше, перваго и турецкаго адмирала; и так одному за другим отаковать их передния корабли на сколько наших станет, а разбив те, и на другие напасть; и так по учиненному из под кеизер флага сигналу не медленно ко исполнению пошли; турецкой же флот, не допустя еще близко до себя, начал палить; и по длине их медных пушек и больших зарядов, хотя ядра и приходить стали, однако в авангардии передовой наш карабль Европа приближался к неприятельским к северу лежащим передним кораблям, и, увидя, что и от него ядра доставать не приятеля вредить могут, начал боталию, за ним же господин капитан Крюиз с караблем Ефстафием, на котором и я был, спускался к неприятельским // (л. 39–60) судам, вытерпливая от четырех их кораблей и одной шамбеки пальбу, которая казалась еще для нас весьма вредна, но когда карабль Европа (о чем в преставлении о господине копитане Клокачове описано), зделав овер штаг от неприятеля на другой галс, пошел, то я, адмирал, опасаясь, чтоб и еще кто из задних кораблей того ж не зделали, общим разсуждением с графом Федором Григорьевичем Орловым, которой от порт Магона во всегдашнее время со мною на одном карабле Ефстафии был и столь храбр и добропорядочен, как знатному генералу надлежит, видя мы храбрость господина копитана Круза, командира карабля, и прочих на карабле знатных, так и других афицеров и всех вообще ундер афицеров и редовых морских и сухопутных, хотя с потеряннем на боталии всех жизни, но чтоб утрашить, и разбит бы был неприятельской флот, вели итти к первому, то есть к переднему турецкому адмиральскому кара-

блю, // (л. 39 об.) спускаясь со ускорением к их флоту на самой ближней пушечной выстрел. Итак, когда приблизились, велел начать я боталию, что и учено было с великим усердием; первые выстрелы пущены по два ядра вдруг, а потом по одному, и поблизости ни одно наше ядро втуне не проходило, но ломало, рвало и убивало турков, и побивало неприятельския карабельныя их оба порта на вылет, и тем доколе которой проходило, приводило к молчанию, дошед же до передняго корабля в 90 пушак, перваго их адмирала, такую ж от себя зделали из пушек пальбу, и от него было сильное ж сопротивление; и в разсуждении, что корабль Ефстафий в бортах, в мачтах и реях, парусах был уже несколько разбит, и как афицеров так и людей много побито, да и ветер пустил так, что течением моря стало наносить на оной турецкой кораблей, парусами ж за разбитием реев, так же брасов // (л. 40–61) и булиней владеть было нельзя, и буксирование не помогало, производилась же у нас тогда не только пушечная, но из ружей и пистолет, также и от не приятелей из ружей пальба; тогда взята от нас последняя резолюция, не приятельской корабль бранскугилями зажечь, что не медленно и исполнено: несколькими выстрелами из пушек бранскугилями зажжен; и турки с онаго стали бросаться в воду. Ибо не задалеко от берегу, чтобы туда выплыть, или судами своими переняты быть могли, а иные старались о погашении зажженного своего корабля. Господин же копитан Круз употреблял старание, чтобы корабль Ефстафий буксированием на другую сторону поворотить, и отойти от означеннаго корабля, но течение корабль поворотить не допустило, а принесло почти самую срединую, близ грот мачты, боком под бушкрит не приятельскаго корабля, в которой еще бранспугили и пальбою из пушек // (л. 40 об.) вдоль всего корабля палено ядром, а бывшие на шханцах и по шкафуту из мелкаго ружья; от нас турки побиты и согнаты, и потому бы можно сказать, что оной турецкой корабль стал быть нами взят в полон, но опасность, что горел, а нашему кораблю Ефстафию из под носу ево скоро освободиться нельзя, и в сумнении осталось, чтоб и Ефстафию не згореть, и в то уже время мне делать было уже нечево. Я, граф Федор Григорьевич Орлов и при нас мой адъютант Павел Нестеров с карабля Ефстафия на шлюпке съехали и приказал капитану Крузу, как не приятельской корабль наш пленной употребить: старайся, что на оном горит, погасить, буде же того не лзя, то по всекрайней возможности упреждать свой от згорения, зберечь, будеж и того не лзя, то оставшую команду и себя зберечь и, оставя корабль, съезать на наши другие; что он, господин копитан // (л. 41–62) Круз, все точно исполнял; во первых оставшая его команда взошла на турецкой карабль и бывших еще на оном раненых турков побили до смерти, а иные побросались в воду, в том числе и турецкой первой адмирал Али Бей или Хасанбей, а ныне называется Джарлибей, кроме пред тем полученной с карабля Ефстафия в пальбе из ружей пулею раны поколот на своем уже корабле нашим Ефстафьевским салдатом штыком в ногу, лядвею, и как он был тогда у фалрепа на шкафуте к береговой стороне, то и бросился в воду, откуда вынят на турецкую малую шлюпку и увезен в город Чесму; и потом про нево от пленных сказано, яко бы он от ран умер, но сие оказалось не правда; он жив и не давно от султана пожалован копитан башею, и в Дорданнелах командует не бывшим под Чесмою оставшим и из других разных мест собравшихся с кораблей и прочих военных // (л. 41 об.) судов турецким флотом; а уроженец алжирской, бывшей же копитан паша от султана отправлен.

Убивши же и согнавши оставших на корабль турков, наши храбрые люди употребляли все возможности о погашении на корабле пожара, а господин копитан Круз вывел из под носу турецкаго свой корабль, но отойти способа не было. И так близ ево самого стал на якорь с ним рядом в мыслях, что не успеет ли, отрубя свой якорь, отверповаться или отбуксироваться, но пожар на турецком корабле умножался, тогда для спасения отпущены с карабля на шлюбке его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова адъютант Алексей Спиридов да мичманы Шубин и Куманий, и другие съехали, с которых в особом реестре значит, хотя такие с карабля спаслись; а он, господин Круз, употреблял старание и заливал у себя в кюит каморе свой порох водою, дабы корабль Ефстафий, буде не отверпует и не отбуксирует, а от // (л. 42–63) турецкаго карабля загорится, чтобы скоро подорвания от своего пороху не зделалось, и тем бы временем последних людей свести и самому с карабля съехать; но все было в скорости, порох залить не успели и кюит камора была отворена, как с турецкаго карабля грот мачта, подгорев, со всем на ней огнем упала на корабль Ефстафий, и искры и полымя по всему кораблю бросилось и в разтворенную кюит камору в порох дошло; и в тот же почти момент, как порох загорелся, корабль Ефстафий подорвало и понесло в частях, и оно в воздух, а другое море проглотило, глубина ж моря в том месте была 20 сажень. И так он, господин храброй и знатной морской афицер флота копитан Круз, с подорванием карабля обожженной в лице и под глазами, поднят в воздух, а оттуда брошен в море, откуда вынырнув, опамятовался и плаванием, а потом уже и вспоможением из воды вынут на шлюбку и привезен на корабль 3х Иерархов, // (л. 42об.) болен, как от опаления, так и от удару с воздуха в воду брошенный. Кто же еще, подобные ему, с воздуха брошенны в воду и спаслись, при сем прилагаю имянной реестр. Прочие ж при подорвании карабля или потонули, или убиты, также, может быть, несколько и из взошедших на турецкой карабль, на оном згорели, по подорвании же карабля Ефстафия; карабль Ефстафи турецкой от онаго еще и больше загорелся и умножил в турках столь великой страх, чтобы не нанесло на них и самим не згореть, да к тому ж и корабль 3х Святителей, будучи в бою с теми тремя турецкими караблями, с которыми Ефстафий, идучи к переднему турецкому адмиралскому караблю на пушках дело свое имел, жестоко наступил в самой от них близости; да и другие наши в кордеботалии карабли жестокою ж производили из пушек с ядрами пальбу: видели ж они, турки, что и еще три в нашей ариергардии карабля, о которых, может быть, // (л. 43–64) рассуждали, что ожидают повеления, их турецкия карабли такое же учинить храброе нападение, и не сожгут ли их, и зделалось у них великое замешательство; и первые те три карабля, у которых в близости был и жестоко наступил наш корабль 3^x Святителей: отрубили свои канаты, а им последовали и прочие, и весь флот ввели, кои в торопливости и замешательстве побежали в бухту к своему городу Чесме, и там стали становиться на якори; карабли их занимали весь вход в Чесменскую бухту до самых мелких мест, где и фрегату проитить не можно; а шамбеки, галеры и фрегаты и прочия их военныя суда за ними многими рядами к берегу, к своему городу Чесме; и из вышедонесеннаго явствует, что за 25 на 26 число июня совершенное в Чесменской бухте разбитие, сожжение и сокрушение всего турецкаго флота и взятие зделанной от турков на северном углу Чесменской // (л. 43об.) бухты при входе на оной, в числе 21вой пушки ботареи из города Чесмы разорение были предметом; корабль Ефстафий, на котором он,

господин Круз, капитаном и до поднятия его на воздух, все на оном исполнял, как храброму воину и искусному и знатному морскому афицеру принадлежит, сражаясь с неприятелем на лучшем у нас корабле.

Не было провианту на три недели, что нас весьма беспокоило, но как изстребили флот, то Бог, равно как чрез ангела Аввакуму несомую пищу к жнецам велено отнести в Вавилон в левский ров к пророку Даниилу, так и к нам; быв в крейсертстве, славонин Поликутий привел больших 2 или 3 трекарты, идущия в турецкой флот с сухарями, с которым по кораблям разделены, и снабдили себя без нужды месяца на три; а после на островах турецкаго заготовления сухари греки к нам сами привозили.

Я корабль мой, во все время стоя пред Чесменскою бухтою, исправлял, но по такому великому повреждению, никак исправить // (л. 44–65) не мог, но чтоб одному не остаться, в Шио стояли галеры и другия суда и легко бы могли потревожить меня абардажем, то и я снялся и следовал за флотом.

Из каналу северным устьем противной ветр и течение выттить не допустило, где весь флот лег на якорь.

1е число июля пришел во флот военной аглинской фрегат, салютовал кеизер флагу из 13ти пушек, ему ответствовано тож число; он прислан, чтоб истребовать отпуском состоящих в Елфинстоновой ескадре трех аглинских транспортных судов; оныя взяты были с десантом из Англии; которья отпущены, и 5го числа с ним пошли.

4е число июля Елфистон с ескадрою отправлен к Дарданелам, чтоб делал не приятелю всякой вред, то он, снявшись с якоря, за противным ветром пошел по южную сторону острова Шио. // (л. 44 об.)

5е число флот вышел из канала, с половиною граф Орлов пошел между острова Метелины и Анатолии каналом, а адмирал по другу сторону того ж острова; я с моим был у графа Орлова; и как проходили мимо двух крепостей: на Мелетине и Анатолическом берегу крепости Каро Бабы, и от оной, где был Троя, везде турки, собравшись в великом множестве конных и пеших, с своими знаменами берега прикрывали, и тем показывали, ежели бы от нас был десант куда либо спущон, препятствовать готовы²⁶; как граф Орлов, так и адмирал Спиридов, острова Лемноса в Порт Мудре соединясь, лежали на якорю, и оному порту приобщаю при сем план. // (л. 44' [пусто, лист оборван]) // (л. 44 об. [часть цв.илл. в разворот, лист оборван] и 45–67 [часть цв.илл. в разворот: Карта порто Мудро с положением ситуациии и с промером глубин в бытность во оном порте российскаго Императорскаго Флота 1770 году.]) // (л. 45об.) Граф Орлов в лежащую на острове Лемноса крепость Литодию, чтоб оная отдана была нам без употребления военных действий, и турки бы командующие оной приехали к его сиятельству для договору, почему приезжал бывшей тогда комендант Гассан Ага с первыми по нем, которые, быв у графа Орлова, отдать крепости без военных действии не хотели, для чего отправя оных, весь флот пошел 20-го числа к крепости Литоди и лег оной по южную страну²⁷.

²⁶ В рукописи РНБ добавлено: а хотя нас вредить и не могли, палили из ружей, а от нас по оным палил фрегат Св. Николай, но по высоты гор и каменьев вредить не мог. Того же числа прошли другую крепость, которая на Азиатском берегу на мысу, дабы как первая, так и вторая имеет укрепления хорошия.

²⁷ В рукописи РНБ добавлено: «для чего корабль Ростислав и я со своим кораблем, подошед в близость оных в бухту, легли на якорь».

21-е число со всего флоту десант свезен на берег, состоящей легулярных 650 албанцов и славон 1200, сухопутная артиллерия и 24-х фунтовых с каждого корабля с нарядами по одной, а всех 5 пушек, да для делания ботарей матрозы, которыми и зделаны 4 ботареи.

Тогож 21-го числа с бомбандирского корабля Грома, а 23го из сделанных ботарей начали бросать в крепость бомбы, а из пушек по крепости били, что б зделать бреши; с крепости также палено по кораблю бомбандирскому // (л. 46–68) и ботареям, стреляли весьма цельно, как оной крепости нашим ботареям и лежащим кораблям при сем приобщаю план.

// (л. 46 об. [цв.илл.: Остров Лемнос // План Содержанная на острове Лемносе Крепость Литодка в блокаде российскими Императорскими Воисками])

// (л. 47–69) Хотя я за моею болезнию на острову не был, а с корабля сколько можно видеть мог, да и нарочно для осмотра онаго наслышался; оной остров гористой, и верхи оных острыя, лесу нет, а есть не большой местами, великой урожай хлебу, винограду, арбузов и дынь изобильно, рогатова скота, баранов и коз столь было много, что на весь флот служителям давано было на каждого человека мяса по полтора фунта, а офицеры сколько хотели. Десант, особливо албанцы и славоны, употребляли в пищу почти без хлеба; но со всем тем, содержа в блокаде почти четыре месяца, когда принуждены были оную оставить, то за zabrанием на корабли, еще осталось неприятелю больше 1000 больших быков, кроме великаго множества баранов и коз.

На оном острову зделана мраморная баня и в бассейны напускается теплая вода, где турки во оном // (л. 47 об.) моются, и сказывали, что оная вода лечит в груди боль²⁸, как я за болезнию никуды с корабля не съезжал, то для любопытства сматривал часто с корабля в трубу на крепость Литодию, которая почти была вся открыта; когда с нашей ботареи из бомбандирского бросали бомбы,

Жители о. Лемнос

оняя прилетя в крепость и ударяся о камень, чем выбивая трубку, были не действительными. Турки в день под навесами камней кроме часовых имели свой без всякой опасности покой, в ночь заряженные ружья клали они по крепости, и хотя мало им покажется вблизи крепости сумнительно, то во оное место, один стреляет изо многих ружей, и тем увеличивают свой горнизон; у них в крепости было только два шистерна воды, которой давалось мерою по утру, и то весьма мало.

²⁸ В Рукописи РНБ добавлено: «баня, сквозь которой протекает натуральная горячая и холодная вода, во оной бане сделан бассейн, в котором и моются, и оная вода, сказывал Гассан Ага, полезна от грудной болезни».

У албанцов с турками почти каждую ночь были переговоры; наши требовали // (л. 48–70) крепости, а турки, сказывая, что они ни в хлебе, ни в воде нужды не имеют, ежели они без сопротивления оную отдадут, то опасаются от султана потеряния своей жизни; изобличая, что зделано три бреши и во оныя в крепость, для чего де не идете, почему де мы, усмотря себя против вас без сильно, может быть крепость и отдали.²⁹

5-е число августа, посадя на полугалерах и шлюпках матроз с ружьями, послали по северную сторону крепости Литодии, которая бы ночью зделали между собою из ружей перепалку, и тем бы подать осажденным в крепости туркам, яко бы наши войски с присланным из Дордонелей сикурсом имеют дело, и тем бы понудить на себя из крепости вылазку, и удобнее бы войти в крепость брешами; однако турок не обманули, они довольно видели, как матрозы мимо их ехали; чрез то и приуможили свою осторожность. Славонцы в самое то // (л. 48об.) время хотели ворваться в брешь, но по нещастию человек шесть изрубили, также и по зделанным нарочно лесницам крепость хотели штурмовать, но лесницы были коротки, и все оное предприятие не служило к нашей храбрости и благоразумию; и такая неудача принудила крепость оставить, и впредь подобно сему покушения не чинить, а уговаривать по прежнему каждую ночь, чтоб крепость отдать без кровопролития³⁰.

Турки просили для своих жен и детей винограду, арбузов, кофе, которое от графа и было им давано.

18е число августа велено итти с порученным мне кораблем для делания грот мачты, бушприта и всех перебитых реев и прочаго во остров Тассо; того ж числа и пошел, да вместе со мной рагузинской фрегат со пшеницею.

20е число пришел к острову Тассо, и между оным, и Анатолией, по северную ево сторону нашол лежащих на якоре // (л. 49–71) фрегаты: Надежду, С.Николай, пинк С.Павел, и по близости оных лег на якорь.

Фрегат Надежда и пинк С. Павел Елфистоновой эскадры, которые запаслись дровами и нужным, пошли к эскадре, а фрегат Николай, на котором командир Поликутий, по истреблении турецкаго флота, как нам было нужно, послан был во оной остров Тассо для заготовления тутошными обывателями мачтовых, стенговых и прочих дерев; к тому же и присылаемая изо флоту призовая пшеница, которую на имеющихся на оном острове в воденых мельницах молот и пиок сухари; обыватели на оном острове хлеба пахали мало, а более употребляли себя в имеющихся многих того острова продуктах; а получали оной хлеб покупкою из лежащево по близости острова города Каваллы; но как по приходе наших // (л. 49об.) ко оному острову к туркам греки более не ездили, то и принуждены мы были недостаточным давать от себя, которая не годилась в пищу нам пшеница.

²⁹ В рукописи РНБ добавлено, по замечанию издателя, в позднейшее время: «После узнали, что в крепости всякаго звания людей, которые могли ружьем владеть, не больше было двух сот человек, которой военной крепости был главный Гассан Ага у меня 773 года несколько времени, приезжая от капитан-паши, жил, сказывал: ежели бы мы не поторопились с отакою крепости, то бы безо всего крепость отдали, провианту в ней было весьма мало, напоследок сделался голод».

³⁰ В рукописи РНБ добавлено: «Будучи в Лемносе в бытность мою винных два человека греков по конфирмации графа Алексея Григорьевича Орлова разстреляны, один в тот де день погребен, а другой был повешен, вся двои сутки погребен же».

Остров
 Парос. Рис.
 из Журнала
 подпоручика
 К.-Л. фон
 Толля.
 Апрель 1771 г.
 (РГВИА)

4. штурмъ Бухары
 5. въ семъ мѣсяцѣ Августѣ
 6. штурмъ Бухары
 7. штурмъ Бухары
 8. штурмъ Бухары
 9. штурмъ Бухары
 10. штурмъ Бухары
 11. штурмъ Бухары
 12. штурмъ Бухары
 13. штурмъ Бухары
 14. штурмъ Бухары
 15. штурмъ Бухары
 16. штурмъ Бухары
 17. штурмъ Бухары
 18. штурмъ Бухары
 19. штурмъ Бухары
 20. штурмъ Бухары

Опись Греческой крепости Бухары
 Штурмъ въ мѣсяцъ Августѣ 1772 года
 1. штурмъ Бухары
 2. штурмъ Бухары
 3. штурмъ Бухары
 4. штурмъ Бухары
 5. штурмъ Бухары
 6. штурмъ Бухары
 7. штурмъ Бухары
 8. штурмъ Бухары
 9. штурмъ Бухары
 10. штурмъ Бухары
 11. штурмъ Бухары
 12. штурмъ Бухары
 13. штурмъ Бухары
 14. штурмъ Бухары
 15. штурмъ Бухары
 16. штурмъ Бухары
 17. штурмъ Бухары
 18. штурмъ Бухары
 19. штурмъ Бухары
 20. штурмъ Бухары

Штурм
 крепости
 Бухары в
 1772 г. Из
 вахтенного
 журнала
 шебеки
 «Гречия»
 (РГА ВМФ)

Карты и планы из Журнала С.П. Хметевского

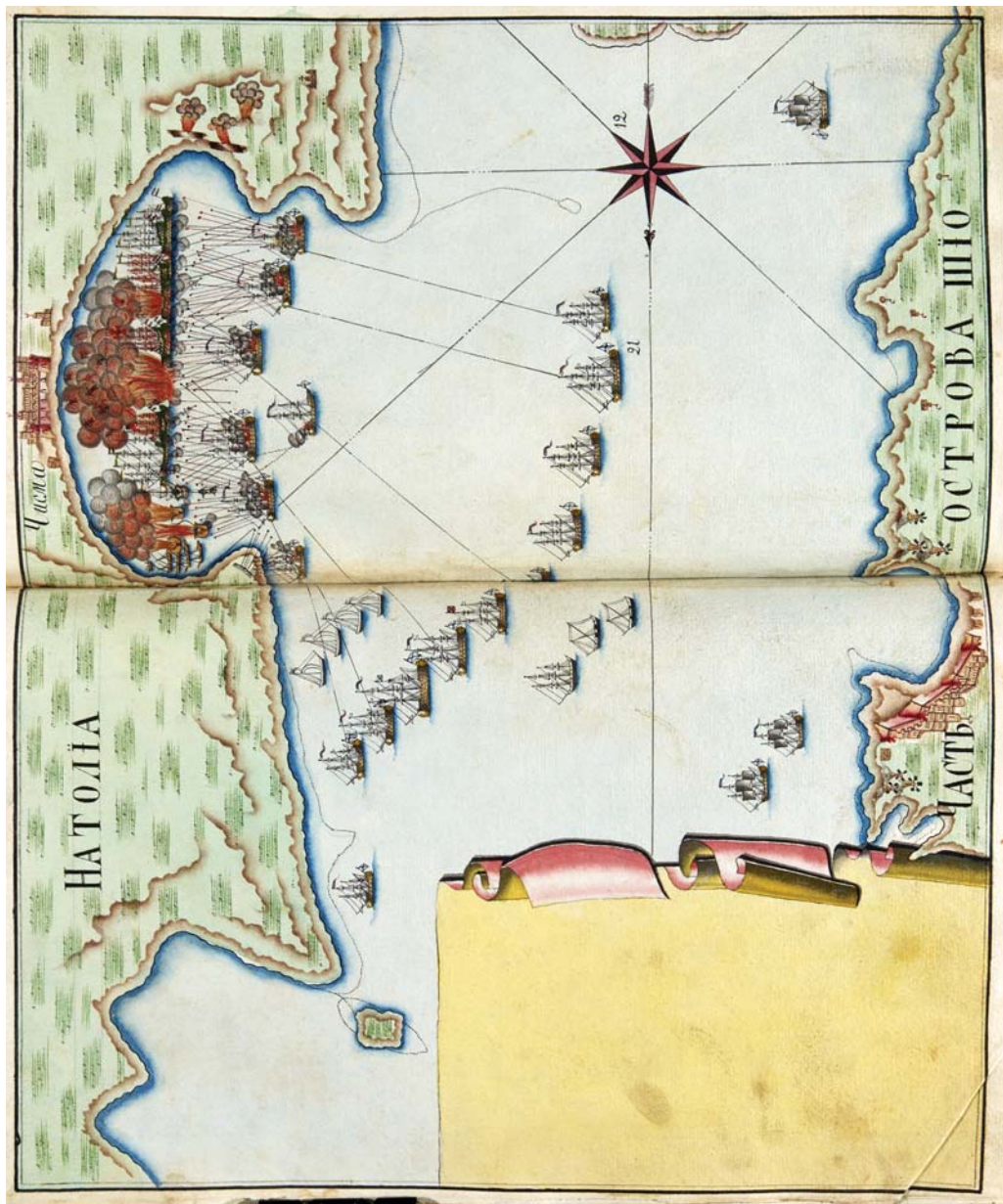

Наполис Деромании. «План одержанной морской баталии... над турецким сильным флотом, 16 Маия 1770 Года» (л.6 об.)

«Чисма. План держанной победы 24 Июня 1770 году» (л. 23 об. и 24)

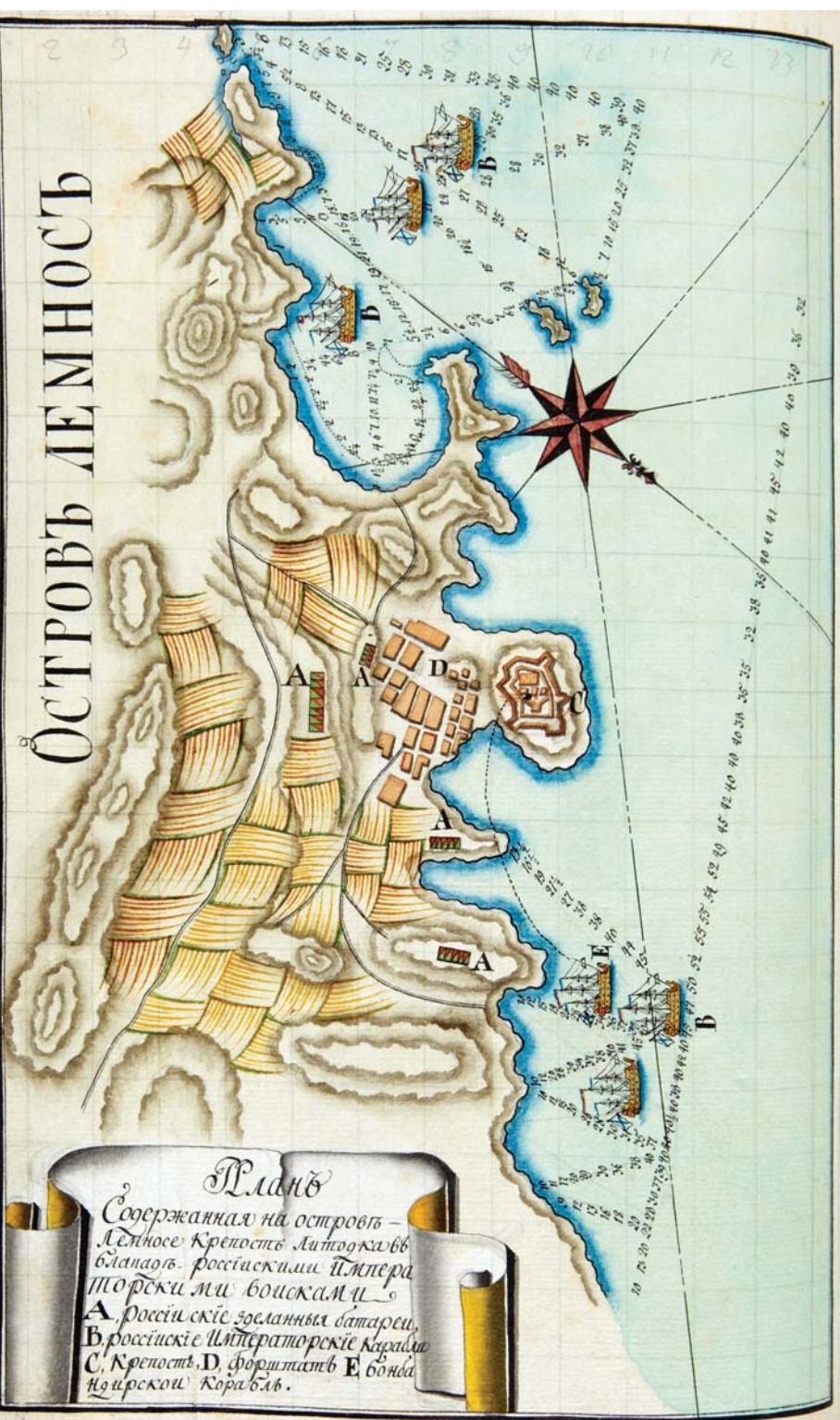

Чесменская битва
(л. 29 об. и 30)

ОСТРОВЪ ЛЕМНОСЬ

Планъ
Содержащая на островъ -
Лемносе Крепость Литовски въ
благородъ. Россійскими Импера-
торскими войсками
А. Россійскіе зданныя батареи,
В. Россійскіе Императорскіе корабли
С. Крепость, Д. Форштадтъ Е. бонва
Нурской Корабль.

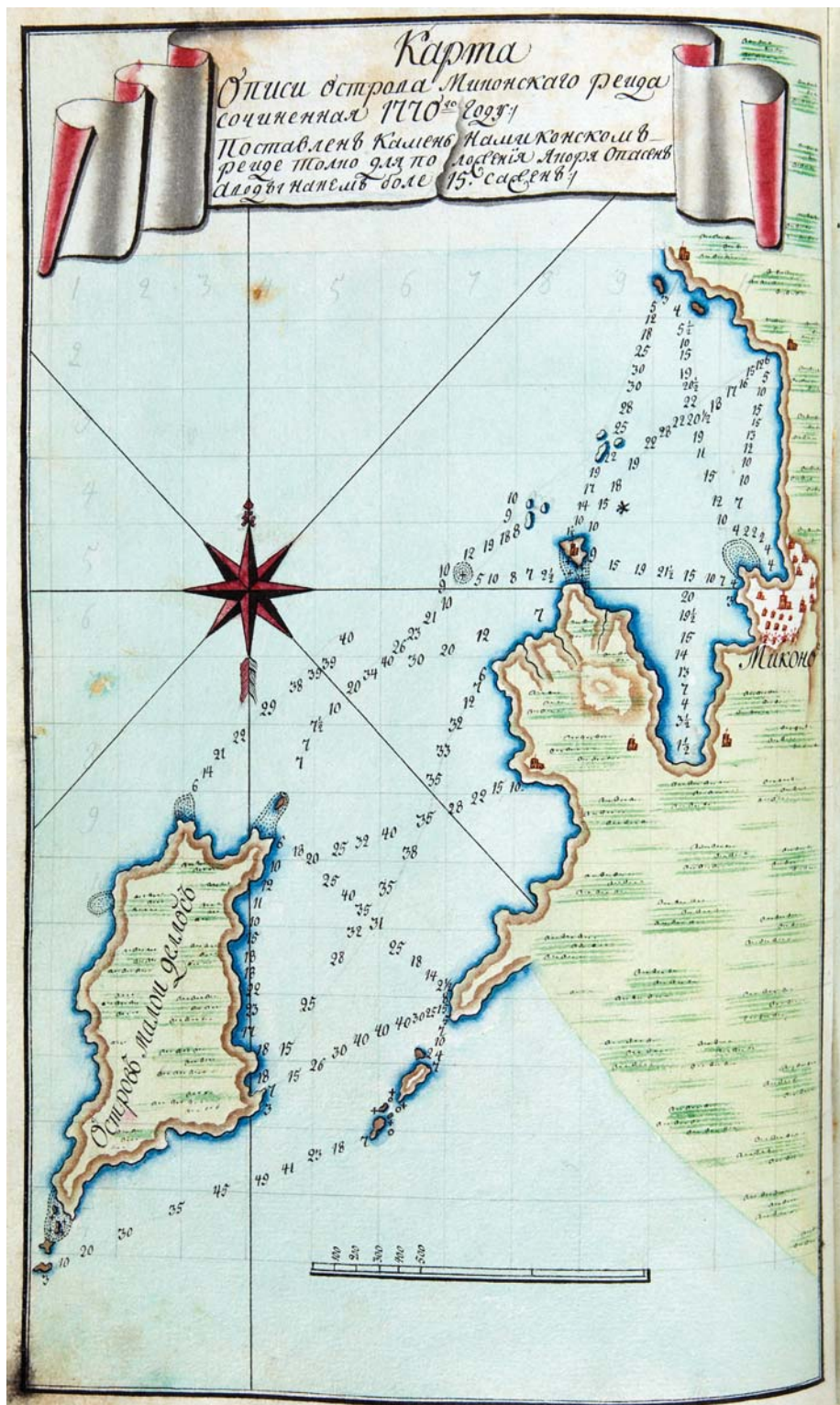

План осады крепости на Лемносе (л. 46 об.)

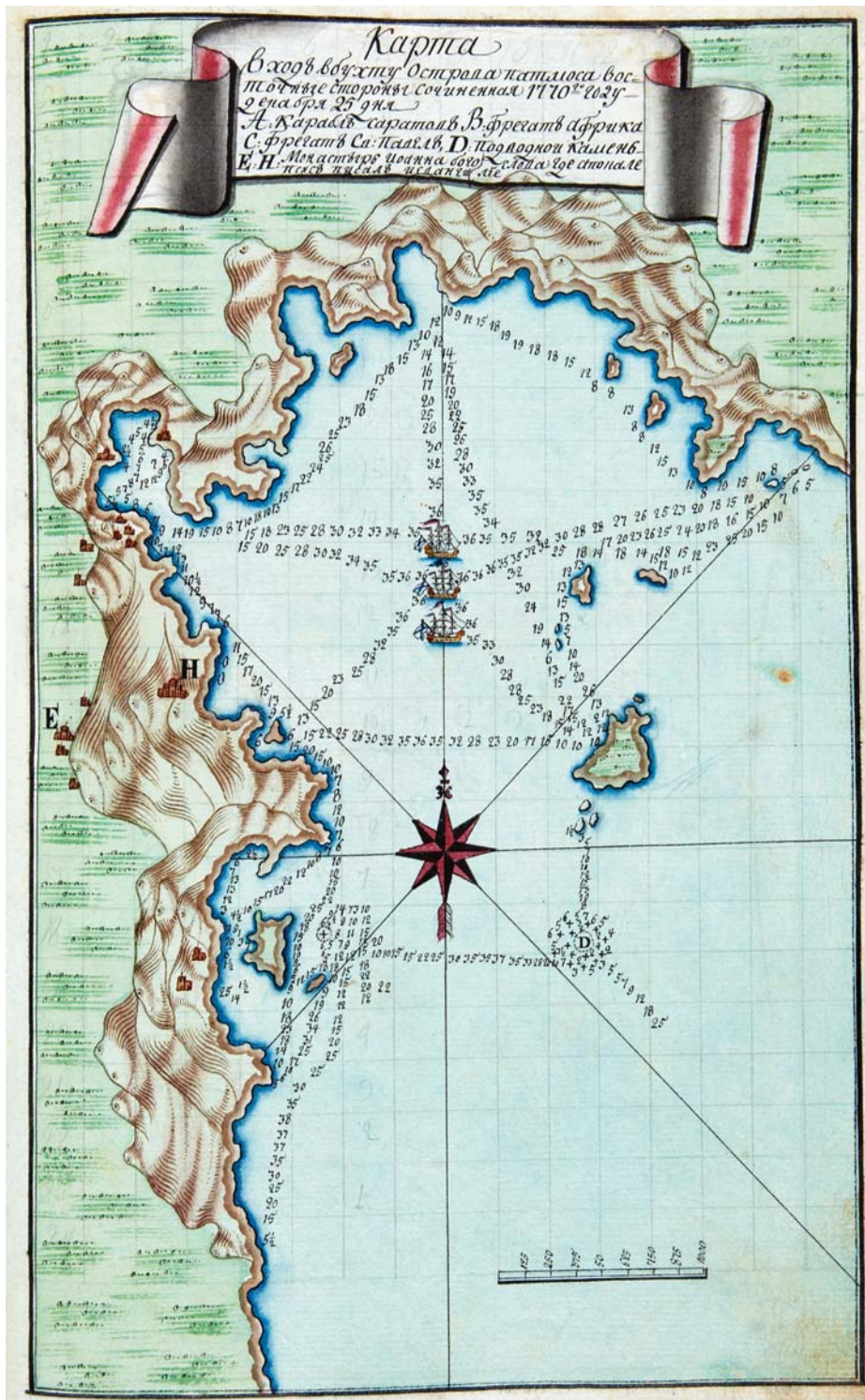

Остров Парос и Наксос (л. 71 об. и 72)

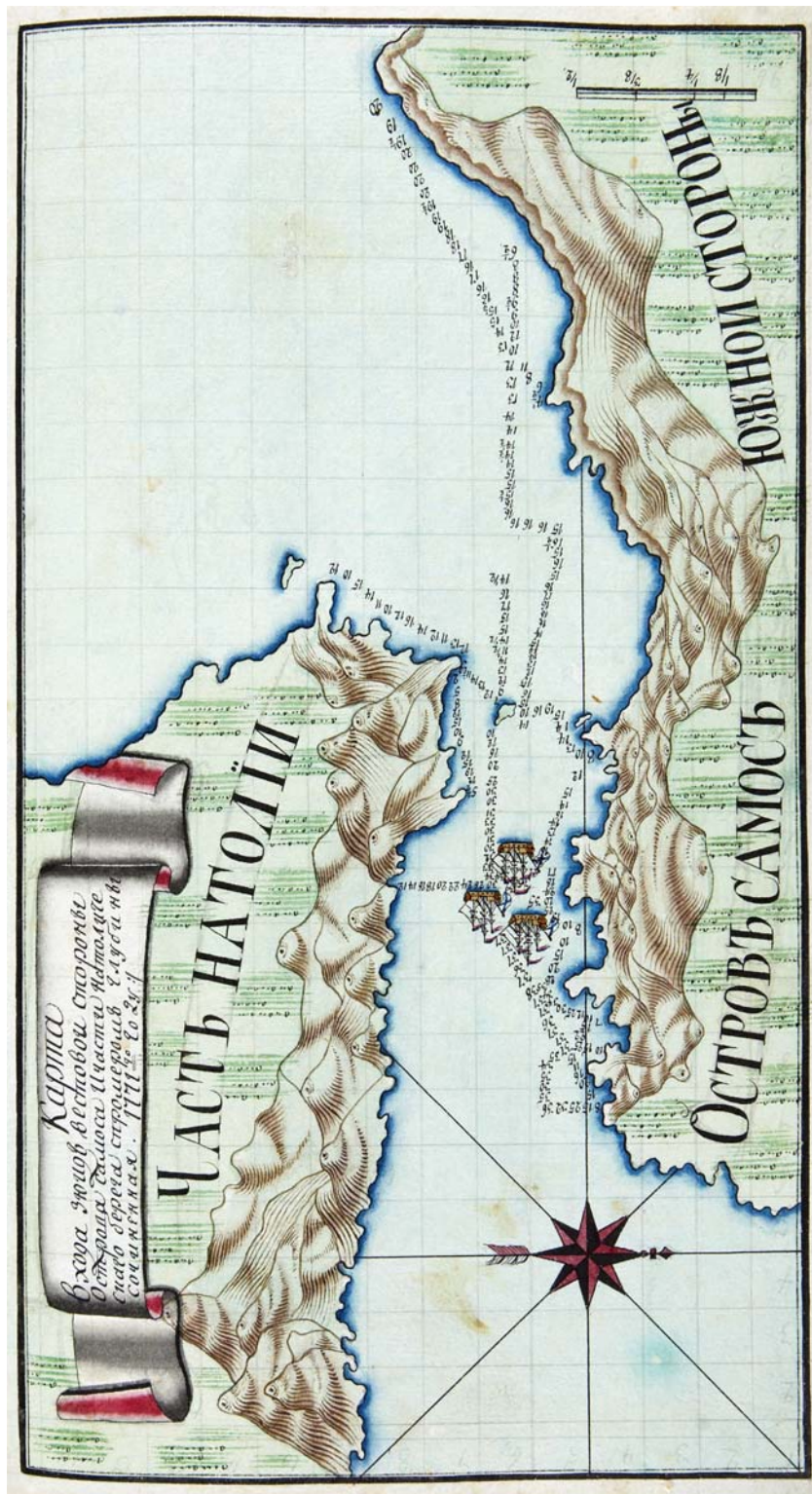

Миконский
 рейд и
 о. Делос
 (л. 75 об.)

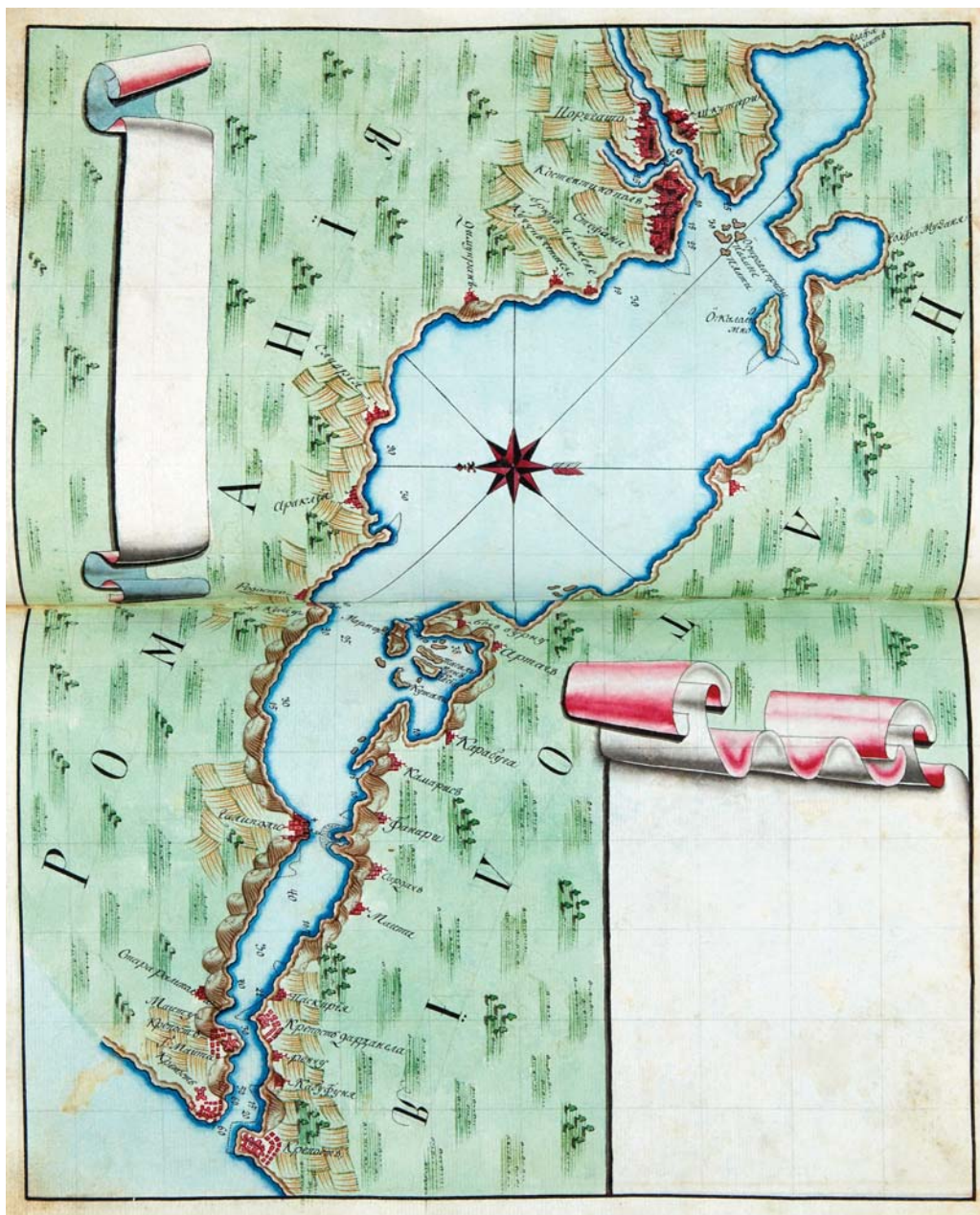

Вход в бухту острова Патмоса (л. 76)

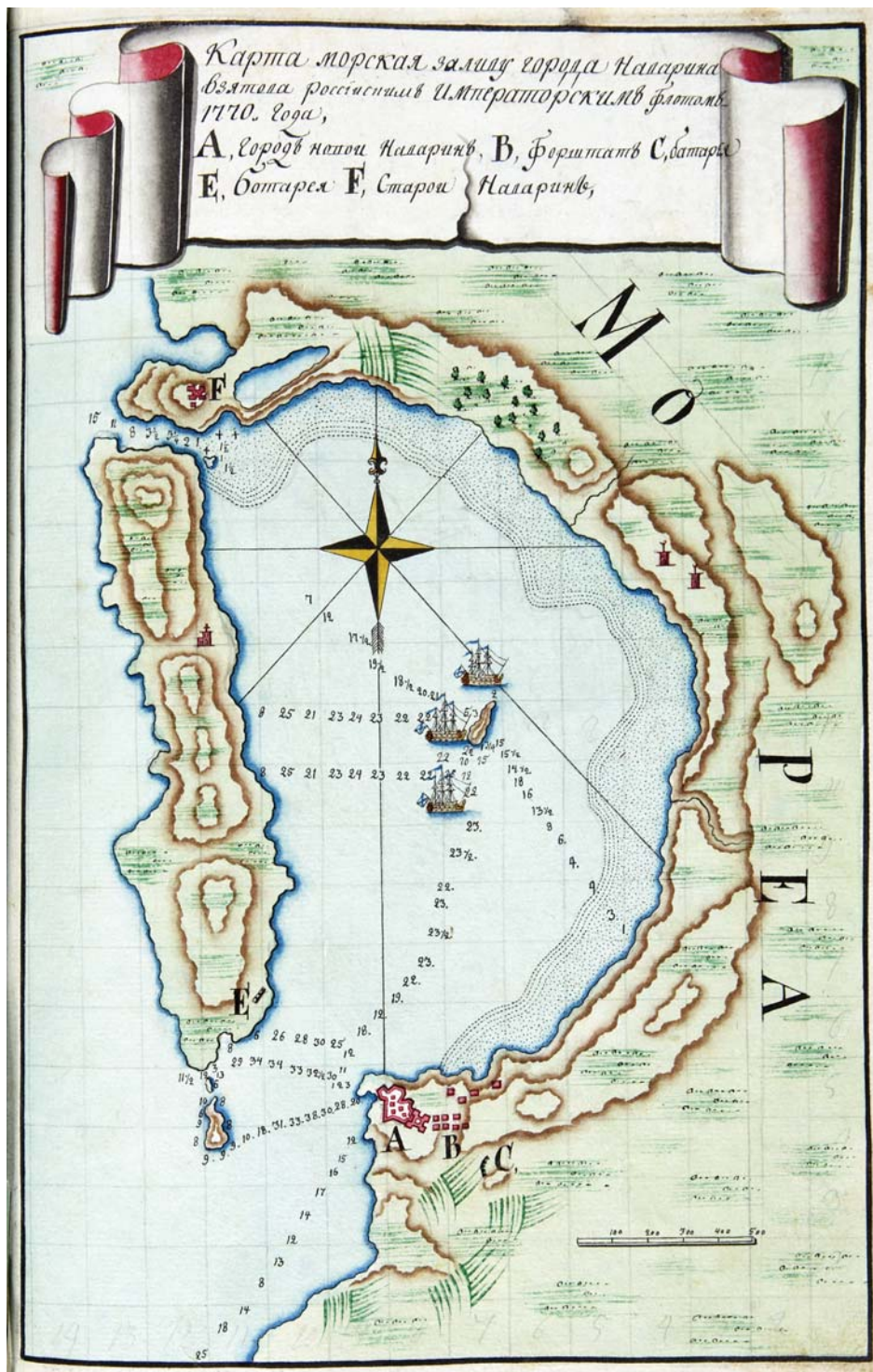

Остров Самос и часть Анатолии. (л. 76 об.)

Дарданеллы,
Мраморное море
и часть Босфора
(л. 99 об. и 100)

«Карта морская заливу города Наварина
 взятая Российским Императорским Флотом 1770 года» (л. 95)

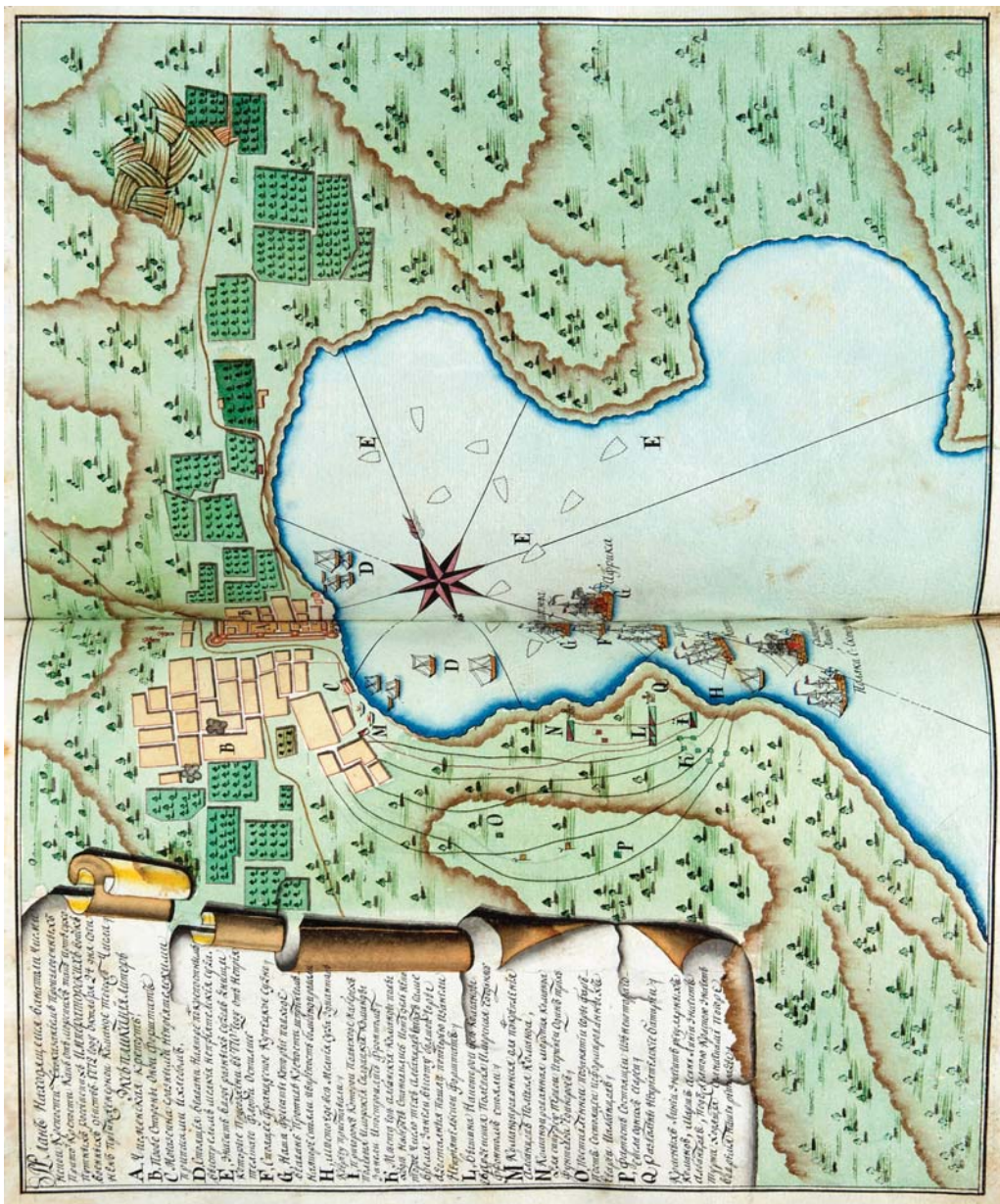

Залив Витула (л. 94 об.)

План военных действий при Чесме в 1772 г. (л. 139 об. и 140)

Остров в длину простирается на 18, а в ширину на 8 верст, жителей на нем деревень 16, в которых с небольшим с 1300 душ, он лежит под сороковым градусом северной стороны, и бывает хотя без снегу, однако с морозами не долгая зима и в исходе ноября месяца при мне на ручьях замерзал лед толщиной близь $\frac{1}{2}$ вершка. Оной остров чрезвычайно изобилен разными плодородными деревьями и на корабельное строение разных родов лесом, а имянно, аливковое, ареховое, шелковичное, чинаровое, фиговое, которое мы на дрова употребляли, кизилевое, дубовое, сосновое и еловое; всех оных дерев в великой величине и изобилии, и которое растет // (л. 50–72) на хребтах каменных высоких гор, то гораздо жирнее, рослее и лучше низменных мест.

Земля же на оном острову в низких местах столь черна, пухла и плодородна, что мне никак не случалось подобной ей видеть; родится на ней всякое посеянное жито, лен, хлопчатая бумага, виноград, арбузы, дыни, огурцы, капуста и прочее в довольной величине, и количестве. Аливков столь много, что не достаает времени оных обрабатывать, и пчел у каждого великое множество; скота имеют один обыватель от 300 и больше рогатых и 500 коз и баранов, разных птиц, и около острова в заливах разных родов рыб, что по моему разумению подобно раю; в ноябре месяце столько бывает грибов и рыжиков, что весь флот сколько ни употреблял в пищу и заготовлял каждой для себя, // (л. 50 об.) однако оставалось их еще в великом множестве. Греки, чтобы заготовлять впрок, оных плодов не запасают, да мало и едят.

Оной же остров изобилует хорошей водою, которая стремяся с высоких гор, составляя к подошве гор изрядные ручьи, и на оных поставлены 8 лесниц³¹; в которой я бухте с прочими стоял на якоре, на протекающем с гор немало ручье поставлена была разделяющая служительская от афицерской не малая баня, печи для сушения сухарей, кузница, зделанной горн из мраморнаго гробу и не большая верфь, которая служила для делания разбитых не годных мачт, стенов и реев.

В высоте мысу острова видны развалины бывшей крепости, оная окружена многими стенами, в которую кладено белаго мрамора // (л. 51–73) немалой величины камня, да то бы и неудивительно, ево на острову много так, что горы все мраморные; только то примечания достойно, что по такой крутости так великия камня на высоту втаскивали, что порожнему легкому человеку с нуждою взойти можно; внизу, где был форштат, место равное и натурой украшенное оливковыми, ареховыми и другими хорошими деревьями; чрез что представляет больше регулярным садом, а не диким лесом; и доныне еще во многих местах находятся по обыкновению древности гробницы с крышками на фундаменте не малой величины, высеченныя из белова мрамора; подле города башня и гавань окружающая стенами из мрамора, которой наружную часть волнением збило. Романической берег, сколько видеть можно, места плодоносныя и собою прекрасныя, деревни имеют строение каменное, есть дома хорошие с регулярными садами; скота ж по берегу множество видно, острову Тассо и с берегом Романи города Ковалла по некоторой части с промером глубины при сем приобщаю план.

// (51 об. и 52–74 [цв. илл. в разворот: План описи острова Тассо от нордовой стороны до зюид Гука по берегу. Мерею употребляя семи футовую сажень с проме-

³¹ Вероятно, следует читать: мельниц (?).

ром глубины от острова до романического берега города Ковалло. Глубина шести футовой сажени описана в бытность Корабля Трех Святителей 1770 году.)

(л. 52 об. [пусто]) // (л. 53–75) 21 число августа принялся я за работу; мачтовой лес, обывателями срубленной на хребтах высоких гор, спуская со оных хребтов данными от нас веревками, которых мы и сами имели мало; веревки иногда о камень перерезывало и стремящейся вниз, падаючи, несколько оных ломалось, и тем иногда убивало и людей; оныя же деревья везены были к морю на берег, под которыя каждого дерева подпрягались по 40 пар великих и сильных быков и по 150 человек; где можно, тут везли быками, а где оными вести нельзя, то тащили людьми, но как везено было по горам и буеракам, не имев мостов и надежных с гор спусков, причиняло великое затруднение, но по принуждению афицеров и некоторых доброжелателей нам старшин того острова, усердствуя нам в доставлении нужных дерев, за невозможное ничего не находили. // (л. 53 об.) Та бухта, к которой доставлялся мачтовой и стенговой лес, отстояла от якорьного места по остовую сторону острова верстах в десяти; приганялся он шлюбками, подвывая к шлюбкам или прикрепля сухия елевья деревья, чтобы не тонули; а то случалось аплошкою много деревьев потеряли; не довольно, что бревнами, но и пильныя доски тонули; прочия деревья для реев и других надобностей вывозили прямо ко учрежденной верфи; производилась вся работа в делании мачт и прочаго от искусства корабельнаго тимармана, плотников и матроз, которые своею работою приходящих агличан, французов, рагузинцов и греков весьма удивляли; оне надеялись, будто все искусные были той должности.

Для заготовления пробыл я до 25-го числа ноября, получая от обывателей для довольствия // (л. 54–76) служителей быков, коз и баранов, довольствуя без нужды.

30-е число пришел к нам в Тассо корабль Европа, на котором адмирал Спиридов; и щод из Лемноса, течением снесло к острову Лидромле; и между оным и Ксеро островами лежал несколько дней на якорю; всему тому месту зделана с промером глубины опись, которую при сем прилагаю; по берегам тех островов близко жилья и пресной воды нет; и, простояв на якорю, обратно пошел к Лемносу.

// (л. 54 об. [незавершенная карта: карандашная разметка с контурами]); (л. 55–77 [пусто]); // (л. 55 об.) Перевод

С писма, писаннаго вообще от всех европейских консулов, прибывающих в Смирне от 21го июля, поданное депертатами канарлов³² 25-го июля/5го августа 1770 года

Великодушие, с каким ваше сиятельство поступили с великим числом турецких пленников, находящихся в вашей власти, возвратя им столь щедро их свободу, привлекло нам стороны и неприятеля удивление и почитание, каковое подобныя поступки изторгают от самих варваров, Кандийской янычар ага, находившийся в числе сих невольников, верно наполнил возложенную от вашего сиятельства на него комисию к правительству сего города и взял на себя попечение отдать вам в том ответ. Исправное известие, зделанное им здесь обо всем, что вы ему вверить изволили, произвели столь сильное действие над начальниками земли, что они тот час заставили нас отправить // (л. 56–78) к вашему сиятельству

³² Искаженное: «депутатами от консулов европейских держав».

общую депутацию, что бы дать вам наиподробнее уведомление о смятении, произшедшем здесь от ведомости о конечном истреблении отоманскаго флота. Самая правда, милостивый государь, что 8-го сего месяца народ и войско сего города в первом движении бешенства и отчаяния, произведенном в них оскорбительною сею ведомостию, напали на всех греков, которые найдены были на улицах, и изрубили нарочитое число, из оных два европейца были равномерно жертвою ярости не обузданной, сей подлости совершенной безпорядок, произведенной в городе, сим возмущением привел в ужась всех европейцов; большая часть оных единоземцов искали убежища в кораблях, другие заклались в своих домах, коммерция была совершенно пресечена, лавки и дома заперты, и состояние, в которое сей город был ввержен в одно минование, было наиживейшее изображение, опустошение, но сие подлинно, что начальники правления не имели никакого участия во всех сих наглостях; сила истинны // (л. 56 об.) заставляет нас в том признаться, и мы должны в сем случае отдать справедливость доброму их поведению, они трудились не токмо с ревностию и осторожностию, но и с самою их опасностию жизни о востановлении тишины и спокойствия, и безпрестанно стремились подать европейским нациям возможное покровительство и заступление по силе их трактатов с Портою; и мы кроме похвалы ничего не можем сказать о их в разсуждении нас намерениях; естли же их поступки не всегда оным соответствовали, мы сего к оному причесть не можем, как к слабости их начальствий, которое едва имело только тень власти над разпутным войском, своенравие, котораго они иногда сносить принуждены были.

Несколько уже тому дней милостивый государь, как тишина, кажется, возстановлена, комерция начала воспринимать свое действие, и доверенность паки возобновляться между гражданскими людьми. Между тем европейския // (л. 57–79) нации всегда в равной опасности и в равной не известности страх показания флота, предводительствующаго вашим сиятельством, влагает в них наисправедливейший трепет. Несумнительно, что страшная сия минута будет к покою кровопролития и грабительства тысячи подданных наших государей и совершеннейшаго опровержения их комерции; сия ужасная крайность решила нас уполномочить депутатов наших наций представить вашему сиятельству опасность нашего состояния. Мы покорнейше просим вас удостоить их милостивым вашим приятием. Мы осмеливаемся льстить себя, что разныя уважения, составляющия предмет их депутации, будут довольно убедительны, чтоб отклонять вас от предприятия обратить победоносныя оружия ея величества от купеческаго города, которой должен быть меньше сочтен местом не приятельским, как с Солониею, основанною разными нейтральными державами, коих великая государыня, конечно, не восхоцет // (л. 57об.) раззорять, не комерции, не жертвовать их подданных; судьба наша в руках вашего сиятельства и участие, которое, как казалось нам, вы своими поступками принять в том изволили, довольно удобны упокоить нас в разсуждении ваших расположении.

Начальники правления ожидают, милостивый государь, от сделаннаго нами вам засвидетельствования об их поведении, освобождения прочих их невольников, коих ваше сиятельство удержать изволили в залог их поступок. Хотя мы в разсуждении сего ничем не обязались, но естли ходатайство наше удостоено будет какого либо от вашего сиятельства уважения и вы захотите увенчать ваше великодушие, осво-

бодя сих невольников, то сей новой знак вашего милосердия не меньше принесет вам чести, как и самая победа; а тем самым дадите нам перед глазами турок заслугу, которая неописанно будет способствовать к утверждению вашего спокойствия.

Мы пребываем с глубочайшим почтением, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшие и послушнейшие слуги. // (л. 58–80)

Перевод с письма Сеид Ганана, янычарского аги Кандия из Смирны июля 21го 1770 года

Пример вельмож, исповедающих закон Меский (масийхи, христианский — *Публ.*), наш высокопочтеннейший и знаменитейший друг фелд маршал и главной повелитель морских сил Империи Российской, исполня пред тобою должности дружества, извещает тебе, что по щастливом нашем прибытии в Смирну, следуя намерениям твоим, сообщили мы, как правящему сею землею судье, таким же образом и прочим начальникам, купно собранным, все, что ты нам поручил им изустно объявить; на что они единогласно ответствовали, что закон наш восперщает предавать смерти раия, платящего дань; но напротив того повелевает стараться о его сохранении и защищении, и вступаются за честь его имени, так, как за свое // (л. 58об.) собственное, что по следствию тех же самих правил делает достодолжная уважения разным европейским консулам учрежденных, как в сем городе, так и во окрестных к нему принадлежащих, так как учрежденным, находящимся под особливим покровительством сильнейшаго и велелепнейшаго императора султана музулманов, коего каливствование да продолжит Бог до дня своего пришествия, на город Смирна, будучи знатным местом в Анатолии, то при первом слухе, печальной ведомости, которая разглашалась в воскресный день, великая толпа народа, сбегающаяся из окрестных мест, возбудила смятение между жителями, в коем погибли многие райи.

В сем кровопролитии, осужденным нашим законом, повелено заповедью могометовою, что естли убийцы впадут в райи правосудия и наследник убиенных востребуют удовлетворения, то да претерпят те убицы казнь возмездия; // (л. 59–81) ныне все успокоено, общая безопасность возстановлена.

Вот единомысленный ответ на тя, что ты нам препоручил с твоей стороны объявить, и обещали мы о сем дать тебе подробное уведомление Сеид Ганан, слуга Божий, янычар ага Кандийской подписал своеручно.

Перевод

с письма от находящагося в Смирне прускаго консула Арнолда Виелинга к его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову из Смирны от 21-го числа июля по новому штилю 1770-го года.

Я имею честь сослаться на то общее письмо, каково все находящиеся в здешнем месте консулы и проконсулы отправляют к вашему сиятельству з депутациею, дабы представить ту опасность, в которой мы находимся, не упоминая о печальных приключениях, каковы последовать могут, // (л. 59 об.) как скоро окажется здесь российской флот; я приемлю смелость все нижайше просить вашего сиятельства не причинить крайняго разорения домам и фамилиям нашим, також и всем тем, кои воздыхают повторить мою прозбу об освобождении военнопленных, находящихся при флоте, состоящем под команду вашего сиятельства. Ибо надежда нашего спокойства единственно зависит от великодушия, которым вы одарены; а сие столь великая и особливая милость умножит усердныя наши желанья о сохранении вашего благополучия.

Я имею честь быть с глубочайшим почтением.

Перевод

Чрез сей наш писменной согласной лист от усердия изьявляем нижеследующее. Понеже всемогущий Бог во дни наши благоволил возсияти в Архипелаге не победимому честнаго и животворящаго креста оружию, то есть // (л. 60–82) богохранимому и побеждающему враги российскому флагу, которой без остатку сожегши и в пепел развеяв весь турецкаго султана флот противу острова Схио, освобожденным Божию помощию, оставил теперь несчастливый Архипелаг от порабощения тиранского, и ныне премудрою руководительною силою всемилоливейшей нашей государыни императрицы Екатерины Алексеевны всея России и героическим предводительством, как сиятельнейшаго графа и уполномоченнаго генерала Алексея Григорьевича Орлова, так и не устрашимою храбростию высокопревосходительнаго господина адмирала и ковалера Григорья Андреевича Спиридова и прочих господ командующих процветает во оном благочестие.

Того ради и мы, во окружности островов находящиеся смиренные архиереи, не только сами себя вседушно и чистосердечно посвящаем самодержав// (л. 60об.)нейшему нашей государыни величеству, но и в веренную нам от Бога таинству, то есть всех греческаго исповедания благочестивых христиан с благими надеждами препоручаем в покровительное защищение крыл ея, и клятвую утверждая, обещаемся пред Господем нашим Иисус Христом по православной нашей вере и архиерейскому достоинству, не точию, что ныне есмы, но и впредь быти до последняго нашего издыхания во всем том, что будет касатся к пользе государственной вернейшим и в повелениях у полномоченнаго генерала сиятельнейшаго графа и высокопревосходительнаго господина адмирала и прочих определенных главных камандиров, готовейшими слезно убо просим вашего императорскаго величества принять в вечное защищение и покровительство несчастливой Архипелаг, при котором повелеть и нам быть под правительством все российского Синода. Ибо мы всю надежду // (л. 61–83) на самодержавнейшую Российскую империю, и на ея силу возложили, в доказательство чего от самопроизвольнаго нашего усердия все своеручно и подписуемся 1771го года февраля 13го дня в Архипелаге:

Смиренный Анфим митрополит Паронаксинский.

Смиренный Гавриил архиепископ Сандоринский.

Смиренный Григорий архиепископ Дзинский.

Смиренный Иоасаф архиепископ Андракий.

Преосвященнаго Мелетия архиепископа Тинскаго Наместник иеромонах Афонасий.

(л. 61 об. и 62–84 [пусто])

// (л. 62 об.) 26 августа фрегат Надежда и пинк С.Павел пошли к своей эскадре, которыя пост свой содержали, запирая Дорданели у острова Имбро, под командою контр адмирала Елфистона.

Августа 30 число, пришел к нам в Тасо корабль Европа, на котором адмирал Спиридов и, шед из Лимноса, течением снесло ко острову Лидромле и между оным островом и островом Ксеро лежал несколько дней на якоре, и всему тому сделана с промером глубины опись, которую при сем предлагаю; по берегам же тех островов близко жилья нет и для налития пресной воды трудно.

(л. 63–85 [*цв. илл.*: План входа между островов Лидромля и Ксеро, описанной и с промером глубин, вымерена в бытность карабля Европы 1770го году;]) (л. 63об. [*пусто*]) (л. 64–86) 6-го числа сентября, известились от греков, что карабль 80 пушечной Святослав, на котором имел свой флаг контр адмирал Елфистон, поставлен на мель на банку, которая лежит от Лемноса к осту, да и от адмирала Григорья Андреевича Спиридова об оном не щастии уведомлении сходственно, и оной карабль, стоя на мели несколько дней, неизвестно кем зажжен; хотя не очень далеко стоял на якоре наш карабль Саратов и другия суда, с карабля кроме людей ничего почти не спасено, артилерия с нарядами, такелаж, провиант, мундирные и амунишные вещи вместе с корпусом карабля пропало без остатку; контр адмирал Елфистон, отозвав свою эскадру со определением мест в близость к поставленному на мель караблю Святославу, // (л. 64 об.) подняв свой флаг на карабле Не Тронь Меня, ушел к Лемносу в бухту к крепости Литодии, которая содержится в отаке графом Алексеем Григорьевичем Орловым.

25го сентября перевезен из Дарданелей турецкой десант на остров Лимнос на двадцати двух судах греческих филюг в камвое нескольких галер и полугалер; десант состоял до семи сот человек; осажденной турецкой гарнизон и мешчаня в то время почти уже зделали капетуляцию о здаче крепости с его сиятельством Алексеем Григорьевичем, и послано уже от его сиятельства описывать и принимать в крепости артилерию, цехауз и прочее; на крепости же три дни подыман был белой флаг и чрез сутки бы в крепость для караула введены были наши салдаты; но нечаянной // (л. 65–87) турецкой сикурс принудил крепость оставить в прежнюю власть туркам, а с ботареи наших снять пушки на суда, салдаты же и албанцы отошли в порто Мудро, где стояли карабли. Салдаты взяты были на карабли, оставя несколько в зделанном редуте; турецкой десант, быв в крепости Литодии на другой день, пришел для нападения в порто Мудро, напал ночью на состоящих в греческой деревне албанцов и словян, которые от нечаяннаго нападения ретировались к редуту; но узнав о приходе турков, свезены с караблей салдаты и албанцы достальные, турок прогнали с великим уроном так, что кроме раненых, которых они с собой повели, на месте побито со сто шездесят человек, с нашей же стороны албанцов и славян упадок весьма мал, а русских салдат и почитать не можно; по прогнании турецкой десант, которой // (л. 65 об.) пошел к крепости, салдаты на карабли, албанцы и словяне на свои суда посажены без остатку; тот день много от турок порублено бедных греков, не щадя жен и малых детей.

Октября 3 дня граф Алексей Григорьевич на Трех Ерархах, граф Федор Григорьевич на Ратиславе, карабль пленной Родос, бомбандирской Гром, несколько купленных фрегатов и взятых в приз рагузинских 3х мачтовых судов вышел из порто Мудро.

Суда, высадя в Лемнос турецкой десант, обратно в Дарданелии за крепостию ветра не попали, а разбросало оных по разным местам, и с того числа взята нами у острова Тассо соколева и двое турок; по разным слухам уведомился я, что в городе Ковалло турецких албанцов пришло до пяти тысяч человек, да три галеры, // (л. 66–88) которые прикрывали десант, то нужно мне было все оное осмотреть и узнать точность. Пошел я к оному городу на полугалере и при мне еще соколева; пришед к городу, увидели по городу и по стенам народу великое множество. С крепостей по нас палили, но мы шли на гребле не так близко, то и ядры

до нас не доставали, и прошод город, увидел гавань, в которой стоят одно французское судно и две галеры и одна полугалера, три соколевы; и вдруг с великою скоростию галеры и полугалеры и еще о многих веслах барказ с великим числом людей погнались за мной, и гнавшись верст с пять, зделав великую из пушек в нас пальбу, воротились назад в город Кавалло.

14-е октября адмирал Григорей Андреевич // (л. 66 об.) Спиридов на корабле Европе, контр адмирал Елфистон на Нетронь Меня, Аннуарий, фрегат Надежда, пакетбот, миконское трех мачтовое судно со сто пятидесятьюми человеками албанцов вышел из порто Мудро.

18-е тогож месяца со всеми вышеписанными пришел к острову Тассу.

Граф Алексей Григорьевич Орлов со всеми судами пришел между островов Накси и Паруса, лег на якорь и вскоре, отпустя пленной корабль Родос для починки во италианские порты, сам с остальными пошел в порт Аузу, простоя в порте до 11го числа ноября, пошел со всеми в Ливорну.

В 22-е число корабль Саратов и фрегат Африка, которые замыкали Дарданели, лежа на якоре у острова Имбро, пришли в Тассо.

31-го числа октября на своем корабле, // (л. 67–89) поставя козлы, вынел грот мачту.

3-е число ноября поставил зделанную новую грот мачту в корабль.

7-е число вынял, а зделанной новой бушприт поставил на место.

Сколько зделано острова Тассо из лесов для корабля при сем приобщаю реестр.

Грот мачта и при ней чиски саленги, и краспицы и ко оному шкало	1
Бушприт эзелгофт с сницами	1
Грота реи складной	2
Фока реи цельной	2
Формарса реи	1
Грот марса реи	1
Блинда реи	1
Брам стенг	3
Брам реев	2
Форстенга	1
Крюзь стенга	1
Крюсель реи	1
Лисель шпиров на грот и на фока реи	3
(67 об.)	
Тилеров	2
Шпингель для нижняго шпиля	2
Эзелгофт на фок мачту	1
Тож на фок и на грот стенги	1
в запас для мачты шкалов вновь	1
К грот мачте шкало	1

Стандерсов

для гондек деку	7
для обер деку битенцов	10

вынбонок для нижняго шпиля	2
весель для барказа	10
Тож для шлюбок	12
для галюна регенлец и ундер регенльца по	1
Вновь напилено досок сосновых в 5 дюймах	13
Тоже в 3 дюйма	6
К камисарской должности дров сажен	20

К артиллерской

колес	{	нижня деку	5
		верхняго	5
осей	{	нижняго деку	5
		верхняго деку	2
Ганшпугов			40

// (л. 68–90) Сверх же того, пришедшие корабли и прочие суда каждой получал не довольно нужное, то есть стенги и для укрепления кораблей бимсами, но пилили и доски, и в запас множество заготовили; взято на миконское судно 4 мачтовых и других короче дерев; дровами изобильно запаслись, и каждой ореховых крежей не малой толстоты получил; одним словом сказать, что остров всяким лесом для строения корабельнова доволен, мачтовое дерево получают с трудом. Лучшие растут на вершине гор, срубя, местами спускают по веревкам, таскают людьми и быками, которых у однава дерева людей ста по полтора, да быков пар сорок; где гладко, тут быками, а где с высоты спускать надобно, то людьми, а другой лес не так длинной, почти без труда и близко от воды доставать можно. // (л. 68 об.)

В битность мою, стоя у онаго острова, хотя, кажется, и не гораздо от других мест закрыто, но как обыкновенно во Архипелаге бывают северные и южные ветры, и так опасности не видал; был 2 раза: 1 — августа 19, 2 — октября 24 дня гром, молния, дождь так велик, что в наших местах такова не бывает; молния безперывно, как будто небо горит, следует за оным часто и крепкой гром, а дождь не обычнойной льет. Был же однажды ноября 15 число мороз, иногда шел снег.

Пришел к адмиралу из острова Сериго, которой владения Венецианскаго, от копитана поруччика Бахметева репорт, что, шед на пленном турецком корабле Родосе и за великою течию, принужден господин копитан Крюиз с согласия всех команды своей афицеров поставить ноября 6 числа на мель в заливе // (л. 69–91) берегов Маины, котория, поставя, имели от маниотов великой грабеж вещам из провианту с разбитаго корабля и опасность самих себя; но некоторым образом спасали их старшины; копитан поруччик от копитана послан в Сириго с требованием к губернатору для перевозу команды на остров судов, но и в том успех получен весьма медлительно и незащительно, объявля, ежели турки, узнав, придут за ними, то он, губернатор, за них не вступится; команды же половины больше было больных.

Ноября 25 число флот весь пошел из Тазо, и по выходе контр адмирал Елфистон с своей эскадрой пошел мимо Лемноса к О[сту].

Декабря 2 числа пришли Европа, Аннуарии, 3х Святителей, пакетбот на Миконской реид.

Залив Аузы, в центре — Адмиралтейский остров

4го числа вышли из Миконы и пришли в порт Аузу, где нашли стоящих // (л. 69 об.) кораблей Елфистона с эскадрой да пришедшаго из порт Маона контр адмирала Елманова на фрегате Надежде Благополучии с пинкой Сатурной.

В 10 день корабль Саратов и фрегат Африка пошли в крейсерство ко Анатолии к острову Патмасу.

24-го декабря же контр адмирал Арф пришел в порт Аузу с эскадрою; имел свой флаг на корабле Победоносце Георгии, капитан Палибин, Азии, капитан Толбузин, фрегат Северной Орел, купленной в Англии, капитан Жемчужников, да семнадцать больших трех мачтовых судов, на которых посажон десант гвардия и сухопутной Слисембургской полк, и все оное войско в порте Аузе стало лагерем; как господам гвардии, так и сухопутным афицерам прилагаю список. // (л. 70–92)

Преображенскаго полку:

капитан Аполлон Александрович Веригин

капитан поруччики:

Дмитрей Васильевич Камынин

Карп Егорович Гантвих

поруччики:

Александр Яковлевич Шамшев

Александр Андреевич Беклошов

Андрей Николаевич Зиновьев

подпоруччики:

Алексей Иванович Лутавелнов

Николай Яковлевич Щепотьев

Петр Федорович Берхман

прапорщики:

Александр Дмитриевич Карпов

Иван Петрович Архаров

Максим Иванович Боумбгарт

Шлюшенбургского полку:

полковник Егор Федорович Толь

// (л. 70 об.)

маеор Ермолай Маркелович Измаилов

У зборных салдат десанту, перевезенного на кораблях эскадры адмирала Спиридова и контр адмирала Елфистона:

Полковник Федор Михайлович Кутузов

маеоры:

Григорей Иванович Малаженинов

Николай Симонович Лаптев

Матфей Логинович Череминисов

Склонение компаса употреблено: в Медитерании 1 $\frac{1}{2}$, в Архипелаге 1 $\frac{1}{4}$ румб; течение в Архипелаге во всяком месте есть, только не обыкновенные по близости Дарданелей больше других; лето в Архипелаге жаркое и почти не имеет ветров, разве малинькими полосками находит по ночам; росы великия так, что землю напаяет как бы болшим дождем и делает холод. Осень началась // (л. 71–93) с ноября месяца, бывают ветры, дожди, гром и молния противу летнява чаще, только крепкой ветер не долее может быть трех суток. Шквалы находят чрезвычайно крепкия с снегом и с пылью воды.

А порт Аузе с гаванью с промером глубин и с положением подводных камней, сделанным ботареям, — адмиральтейству и поставленным лагерям приобщаю план.

(л. 71 об. и 72–94 [цв.илл. в разворот (с незаконченной легендой): Остров Парос // Ауза // Остров Наксия])

// (л. 72 об.) Во 770 год взято в полон Рагузинских трех мачтовых фрегатов со всем их грузом. Люди с экипажем отпущены на одном судне в Рагузу, а суда причислены ко флоту призовых. Французских, аглицких, идущих с турецкими

«Порт Ауза» в 2009 г.

товарами и с хозяевами товару из Туниса, Алжира, Александрии, Смирны, Солоники и других мест, множество; товары, турки и арапы взяты, а карабельщикам судов, заплатя за провоз и за простой, что по договору следует, отпущены с честью, греческих воличев и филюг также взято много, идущих из турецких мест со пшеном сорочинским, со пшеницею и с прочим; когда с турецким, то взяты товары и с судами, отпустя греков, ежели ж товар

хотя и греческой, а везут в турецкия места, то взяв товары, отпускали // (л. 73–95) греков с судами без денежно.

На всех островах Архипелага в харомнах [строевого] лесу имеют не достаток, и так строение имеют каменное из мрамора или простой плиты, потолок настилают на переклады камышом и насыпают землю, такой же и пол; не у многих полы имеют деревянные, есть же некоторые дома, в которых под строением имеют шысперн³³, высеченной из камня, и в осеннее и зимнее время во время дождей, которых падает изобильно на покои, и оттуды зделаны трубы сверху в низ, и оная дождевая вода в шысперн наливается, и довольствуется дом несколько лет, оная ж вода не сравненна добротою, лучше всех // (л. 73об.) натуральных вод по причине, что протекают по разным камням и бывают не здоровы, а оная чиста, сладка, холодна и легка, и берут как из колодезя, в осеннее же время трубами; вымывают дождевой водой нужники, шысперн также чрез несколько лет должны чистить.

На караблях уможились мыши и делали провианту ущерб, а бочки с водой и с прочим поилам, прогрызая, выпускали; паруса, сукны, холст также перепортили, да и трюм по долговременности не порядочен был, то для всех надобностей все карабли разгружались и в порядочной груз привели. Я свой карабль выгружал и по выгрузке, не имея в труме воды, мышей ловили, зарывая котлы с водой в баласт; то каждую ночь // (л. 74–96) в котел попадало около ста мышей.

Во всиом Архипелаге острова и берега Романи и Анатолии каменные имеют гористыя высокия места и не во всех местах водою довольны; пашня или на низких, или между гор в долинах бывает; сев начинает пшеницы в октябре, ноябре и декабре месяцах, поспе-

вает в мае исхода. Ячмень сеют не в одно время, кто ранее пашет, тот ранее и сожнет, урожай оному бывает хлебу в плодородной год пшеница в 12, ячмень в 10 раз, в худой урод в полы родит. В Морее же, в Анатолии и Романи по равности и по тучности // (л. 74 об.) земли родится гораздо лучше; сеют же еще бобы мелкие в декабре и генваре, поспевают в апреле. Большия бобы и горох сеют в апреле, поспевают в августе. Лион³⁴ по местам изрядно родится, хлопчатая бумага³⁵ сеется в апреля исходе, поспекает в сентябре; виноград, арбузы, дыни, которых весьма изобильно, поспевают в июле; скот и птицы питаются сами собой, только в летнее время от жаров трава засыхает, и питание скоту нужное; во всио лето дождя бывает мало или и ничего, а с августа месеца по ночам бывают великия росы.

Островам Миконе, Патмосу // (л. 75–97) и Самасу карты, где стоять можно караблям на якорю с промером глубин и с положением места, при сем представляются.

о. Миконос

³³ Цистерна.

³⁴ Лён.

³⁵ Хлопок.

(л. 75 об. [цв. илл.: Карта описи острова Миконского рейда сочиненная 1770го году])

(л. 76–98 [цв. илл.: Карта вход в бухту острова Патмоса восточные стороны, сочиненная 1770го году декабря 25 дня])

(л. 76 об. [цв. илл.: Карта входа Зюйд вестовой стороны острова Самоса и части Натолического берега с промером глубины, сочиненная 1771го году])

(л. 77–99) 1771 года, в 1 день генваря фрегат Северный Орел, на которой пересел господин контр адмирал Эльфинстон, пошел в Ливорну.

В 10 число генваря пошли в крейсерство корабли Георгия Победоносца и [Азия].

В 8 число февраля шел снег, дождь, гром, молния и град, и великая была стужа; а град так был с нашедшим шквалом велик, что в то время ехал я на шлюпке с господином контр адмиралом Эльмановым. Как гребцы, так и мы лица и головы свои от него защищали; а на руках после того были видны с болью пятны, да и не удивительно, потому что град был величиною с голубиное яйцо.

В 6 число марта корабль Всеволод, на котором командир капитан и бригадир Базбал, пришел в порт Аузу и с ним четыре транспортных судов.

13 число марта фрегат Северный Орел пришел из Ливорны и привез господину адмиралу Спиридову орден Андрея Первозванного. И что тысяча четырехста душ государыня // (л. 77 об.) пожаловать ему ж, адмиралу, соизволила. Графам Алексею Григорьевичу Орлову Егорьевской первого класса, Федору Григорьевичу, контр адмиралу Греику, последнему дватцать тысяч, второго класса, князю Долгорукову и Ганнибалу ордены третьего класса.

А какие именные ея величества присланны с указы, при сем вношу оригиналом:

Божиею милостию мы, Екатерина Вторая,
императрица и самодержица всероссийская
и прочая, и прочая, и прочая,
нашему генералу графу Алексею Орлову.

Велико было удовольствие наше, когда из Малти от маркиза Коволь Кабо получили мы первое известие о знатном на море бою под предводительством вашим, но наивышше умножилось оное, когда чрез несколько дней доставлена в руки наши чрез кургера из Ливорны от ковалера // (л. 78–100) Дика туда привезенная лейб гвардии майором князем Юрьем Долгоруковым, ныне там, в корактине находящимися, реляция, пущенная вами от 28 июня сего года, которой вы нам уведомляете о совершеннейшей вам, не токмо Богом дарованной победе над турецким флотом, но еще о совершенном истреблении огнем всей турецкой морской силы, вам сопротиву стоящей в числе около ста судов, коих 16 больших, военных от 90 до 60 пушечных, тогда, когда вы не более девяти имели в лице неприятеля.

Принося в начале Богу всемогущему достодолжное благодарение за столь многия Ево милосердия к вам и империи, вам во ответ имеем сказать, что сии в редких веках едва случившиися произшествия службы новым доказательством, что побеждаем не число, но единственно мужество и храбрость. Где же тому искать очевидных примеров, как не в нынешнем году, которые российскими войсками оказаны. Наш фельдмаршел граф Румянцев 21 Июля при реке Кагуле 17000 разбил и в совершенной // (л. 78 об.) бег обратил за берега Дунайския 150000 турецкой сволочи. Ваша победа с девятью кораблями над великим множеством неприятелей

при Чисме 24 июня возбуждает страх равномерный и неприятелям, и ненавистникам нашим, и от морских российских сил, кои по сию пору еще удержаны были, наказать врагов империи, но блистая в свете, не мнимым блеском флот наш под разумным и смелым предводительством вашим нанес сей раз наичувствительнейшей удар аттоманской гордости; весь свет отдал вам справедливость, что сия победа вам приобрела отменную славу и честь. Вы лаврами покрыты и вся при вас находящаяся ескадра. Все опасности, претерпенныя всеми, суд степени, по коим Всевышний благоволил возвести вас для получения победы над неверным врагом имени Христа Спасителя. Мы чрез сие всемилостивейше объявляем вам наше благоволение, милость и обязанность за сию знаменитую услугу, кою вы нам и отечеству усердно оказали, повелевая вам объявить всему // (л. 79–101) флоту наше удовольствие, в знак которого мы не токмо повелили нашей Адмиральской Коллегии в силу Морского устава выдать в тех законах предписанныя награждения за флаги, за пушки, за взятые корабли и прочее; но еще сверх того жалуем всем при вас находящимся 24 июня нижним чинам, как морским, так и сухопутным, по одной нарочно на сей случай зделанной медали; коим носить на голубой ленте в петле кавалерской; наш военной орден Святаго Великомученика и Победоносца Георгия установлен для того, чтоб им отличны были те, кои мужеством, храбростию, искусством и смелостию приуготовляют и получают победу — вам а ныне по справедливости принадлежит. И для того посылаем вам знаки онаго ордена кавалера перваго класса, повелевая вам оной на себя положить по уставленным статутам. Адмиральской Коллегии мы дали указ, чтоб кеизер флаг, которой вы столь разумно умели употребить, при вас остался // (л. 79 об.) во всю жизнь нашу, с позволением поднять оной на караблях наших. СвERG того, дозволяем вам сей флаг поставить в гербе вашем. Нашему адмиралу Спиридову вы имеете вручить приложенной при сем всемилостивейшей наш рескрипт, в котором мы ему оказали наше удовольствие за похвальное и ревностное его поведение в сем случае и жалуем ему кавалерию Святаго Апостола Андрея Первозванного. Сенату же нашему повелено будет оному адмиралу вечное и потомственное владение отдать назначенныя от нас деревни. Брата вашего графа Федора Орлова мы за отличное ево поведение и храбрость на сухом пути и на море жалуем генералом порутчиком и посылаем ему кавалерию втораго класса Святаго Великомученика и Победоносца Георгия. Контр адмиралу Греику вы имеете объявить всемилостивейшее наше благоволение в силу вашего об нем засвидетельствовования о его отменных качествах и храбрости, жалуем кавалерию Святаго // (л. 80–102) Георгия втораго класса, которую он имеет на себя наложить. Равномернож объявить и генерал майору князю Юрию Долгорукову наше всемилостивейшее благоволение за его храбрость, как на сухом пути, так и на море, и что мы жалуем его за то кавалерию тогож ордена третьяго класса, кою он также возложить имеет. Но как нам не известны все подробности разных произшествий, то восхотели мы в знак нашего к подчиненным вам благоволения четвертаго класса, дабы вы оные роздали по делам, в статутах того ордена предписанным, а особливо рекомендованному от вас Ильину, и сюда по том донесли, чтоб надлежащие грамоты могли быть заготовлены, в коих подвиг должен быть описан, за что каждой получает сию отличность. В заключении сего предписываем вам объявить сей всемилостивейшей и похвальной рескрипт во всех командах при вас находящихся, препоручая вам во

всегдашнее охранение всевышняго, и желаем вам всякаго счастья. Остаемся к вам императорскою нашею // (л. 80 об.) милостию благосклонны. Дан в Санктпетербурге сентября 22 дня 1770 году.

На подлинном подписано тако:
Екатерина.

В заключении, и еще препоручая вам объявить всем в команде вашей находящимся, нашим верным и любезным подданным наше монаршее благоволение с обнадеживанием впредь особливой нашей к ним милости за их труды, мужество и похвальную ревность к службе нашей и отечества; пребываем вам самим императорскою нашею милостию навсегда благосклонны. Дан в Санктпетербурге 3 сентября 1770 году.

Божиею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица все-российская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему адмиралу Спиридову

Нам крайне приятно было уведомиться, // (л. 81–103) сколь вы похвально и ревностно поступали во время одержанной 24 минувшаго июня над неприятельским флотом знаменитой победы, и потому в показание вам нашего монаршего за то благоволения и удовольствия удостоили мы вас кавалером первого нашего ордена Святаго апостола Андрея, коего знаки посылая, при сем повелеваем вам их на себя возложить и носить. Сверх же того, жалуем мы вас в вечное и потомственное владение деревнями, о которых Сенат наш получит от нас повеление. Мы уповаем, что сия щедрота уможит вашу к заслугам ревность и подаст вам случай изъявлять вам и впредь императорскую нашу милость, с кою мы пребываем к вам благосклонны. Дан в Санктпетербурге сентября 22 дня 1770 году.

На подлинном подписано тако:
Екатерина. // (л. 81 об.)

Копия.

Из государственной Адмиральтейской Коллегии высокопревосходительно-му господину адмиралу и обоих российских орденов и Святыя Анны кавалеру Григорью Андреевичу Спиридову.

Преславное и презнаменитое произшествие, победа и совершенное истребление морских атоманских сил, дарованные от Бога российскому флоту, в которых вы столь великое имете участие, и по справедливости заслужили монаршу милость и достойное награждение, Адмиральскую Коллегию приводит в истинную радость. Ибо видит она своего питомца достойнаго избрания монаршей и своей надежде прославителям российского флота. И так с тем и с другим вас всеусердно поздравляем за ваши подвиги и храбрость, приносит вам должную благодарность и отдает справедливую // (л. 82–104) похвалу; при прославлении же вас вашими делами в будущия роды да останется и сие засвидетельствование от государственнаго правительства, кое имеет честь начальствовать над морскими российскими силами, объявить всем отличившимся от коллегии удовольствия и похвалу, а паче господину Ильину, котораго храбрость и твердость духа справедливо не токмо похвалы, но и удивления достойны. Сентября 28 дня 1770 году.

Сколько отдались под протекциею России в Архипелаге островов, при сем предлагаю реэстр.

Андро. Тино. Микона. Зеа. Термия. Сифано. Нио. Сичино. Поликандро. Серфо. Паро. Антипарос. Наксио. Сантарин. Чимело. Милло. Сиро. Морго. // (л. 82 об.)

15 числа марта пошел в крейсерство для соединения с контр Адмиралом Арфом корабль Всеволод.

18 марта пришли из Ливорны два фрегата Минерва.

Сделан в Порт Аузе на плоту Киллехорт³⁶, которым все малые фрегаты килеваны и починены и рагузинским фрегатам переменены имена. А сколько оных по званиям, и кто командиры, при сем приобщаю список.

Парос. Остров, на котором расположилось Адмиралтейство

Как у рагузинцов именовались или назывались	Отныне как именованы	Кто командиры наши определены	Сколько на себе пушак поместить могут
Минерва	Минерва	флота капитан лейтенант Дугдал показанной фрегат в команде своей уже имеет.	
Мадона Делрагация	Наксия	Господил Корелл определен командиром еще прежде прибытия моего в порт Аузу	22
Мадона Деризория С. Доменика Винценция Феруеро, он же и Спиридоном	Архипелаг	Состоит командиром Илья Юшкович, но велено от меня на оном командиром лейтенанту Мельникову	24
Иммакулито Канценционо	Тино	Капитан Лейтенант Волчков	22
С. Венценцо Фереро	Андро	Лейтенант Василей Поярков	14
Сантронето	Микона	Лейтенант Козлятьев	14
Г: Екатерина	Сантарينو	Лейтенант Овцын	16
Реджинестер	Зеа	Илья Юшкович	14
Мадона Декарине	Мило	Мичман Суковатов	14
Свято Виктория	Делос	Мичман Гусев	14
Пинк Сорокко	Сифано	Как она пинка останется при адмиральстве, то на оную командир на время от адмиральства	

// (л. 83–105)

³⁶ Килектор для подводных грузовых работ и ремонта.

15 апреля корабль Аннуарии пошел в крейсерство к Патмосу, к Анатолии, на смену кораблю Саратову.

17 апреля корабль Саратов пришел в Аузу.

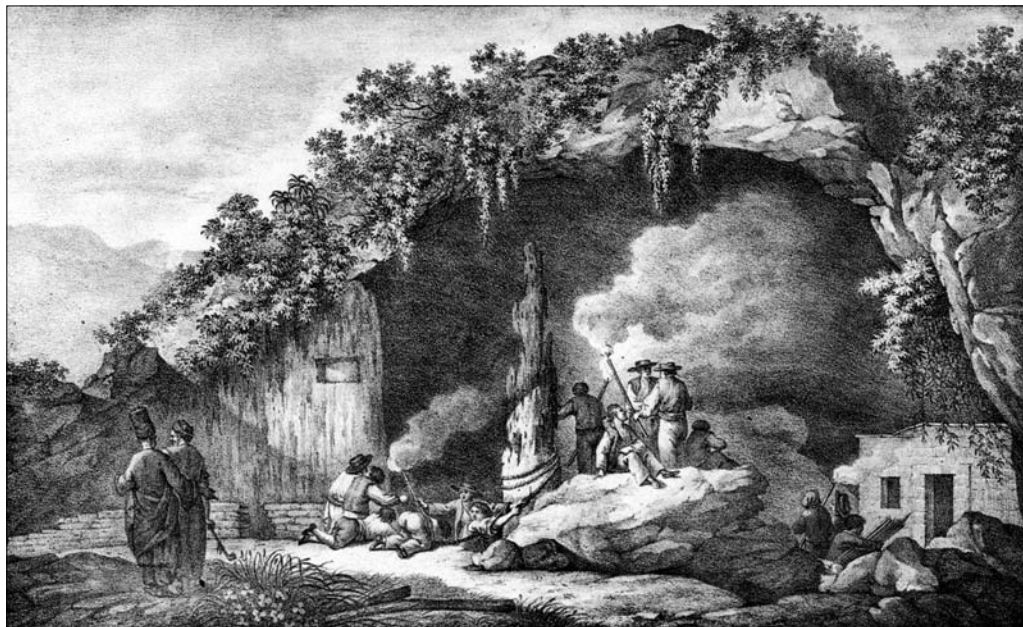
19 — транспортных судов пятнадцать пошли из Аузы, а для конвоирования посланы до Гибралтила фрегаты Надежда и Парус.

Из транспортных судов куплены два аглицкие фрегата. За один дано 2272, а за другой 2172 тысяч рублей, которые названы С[в]. Феодор и С[в]. Григорий. Командиры определены на Феодора — Булгаков, на Григорей — Жемчужников, а на Северный Орел Крюиз.

10 мая корабль Не Тронь Меня, фрегат Северный Орел и Рагузинских несколько пошли из порт Аузы на Миконской рейд.

1 июня с адмиралом Григорьем Андреевичем ездил в Парус и Антипарус, на которых строение и улицы таковы, как я прежде описал. Во обоих жительствах видны развалины мраморных башен, которые на высоких местах и многими владетелями, брав в подданство, разорены. В Парусе церковь Успения пресвятыя Богородицы считается в Архипелаге знатною. Сказывают, буддо построена Еленой царицей из мрамора, но по неразумению греков мрамор замазывают извеской внутри, иногда // (л. 83об.) и живописью. В церквах при службе Божией Греки, ниже самые церковники благочиния ни какова не наблюдают. Молятся в шапках и крест полагают на себя не существенно горьстью, не по преданию. Во оных же церквах и католические престолы иметь от султана дозволено, и одна после другой служба отправляется. Также во время службы, кто хочет или стоит, или сидит, все за равное почиталось. Никакова великолепия и украшения на образах нет. Живопись очень дурна, а хотя и есть оклады на образах, однако медные. Колоколов при церквах имеют мало. Звонят на оцепу. Сказывают, что от турок звон запрещается в Константинополе. По султанскому указу грекам в светлую неделю Пасхи дается на все церемонии церковныя три дни воля. А в прочие дни запрещается погребение усопшим. Богатых в мраморах, а убогих без гробов кладут и, отпев по обычаю в церкви, разденут мертвова до нага, и опускают по середине церкви в зделанной погреб. Одним словом сказать, что с нашими церковными церемониями благочинием // (л. 84–106) и украшением весьма несходно; и церковники завистливость больше, нежели наши имеют. Попы со крестом и с потрахелью всегда ходят. И где только встретится с нашим, руским, то где б то ни было, надев потрахель, тотчас свертит молебен за нальшня денги. Из наших были такие, которые в церкви после службы Божией бросали нищим братьям и робятишкам мелкия денги, которые по жадности бросаются подбирать, то и поп выскоча из олтаря в ризах тут же с робятишками хватает, и ево повалят на пол. И так более смешны, нежели благочинны. Посты все греки содержат больше в мыслях, нежели в самом деле. Кушают кроме среды и пятницы мяса. Суевыры, великия лжецы, в которых редко сыскать можно правду. Сами мне признавались в том, что у них тот справедливым почитается, кто девять слов солжет, а десятое правду скажет.

Был я на острове Антипаросе в называемом гроте, которой в вершине горы имеет великую яму, // (л. 84об.) зделанную из мрамора; в нее я сам спускался с зажженными в руках свечами сажен до пятидесяти по веревочной лестне.

Пещера Антипароса

А бывшие со мной афицеры спускались сажен до ста, и тут во многих местах из высоты камня истекают капли так, будто бы оныя замерзали, и из тово делаются разных видов и цветов штуки, которыя достойны примечания. В других местах из оных капель делаются как буддо завесы, хорошей цвет имеющия. А в других наподобие статуев и простых сосулук. И так оная чистота камня делает огню великой свет. Глубины же онаго грота ни кто еще истинно не знает, хотя и многие из разных государств для любопытства приезжают. А кто во оном гроте был, тот высекал свое имя на камне, также и год; в том числе и мое имя было высечено.

17 Июня Адмирал по известиям узнал, буддо бы Турецкой флот из Дарданелей вышел или вытти еще хочет: то, чтоб его остановить, пошел к Дарданелям, имев при себе: // (л. 85–107) Европу, Саратов, Нетронь Меня, Георгий Победоносец, Всеволод, Азию, фрегаты: Северный Орел, Григорий, Феодор и других несколько. Також и шембек.

28 июня его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов пришел из Ливорны на карабле Трех Иерархов под кеизер флагом, и с ним его сиятельство граф Федор Григорьевич на корабле Растиславле; бомбандирской корабль, две купленные шамбеки, с егож сиятельством пришла креисерующая эскадра капитана Аничкова между Канди и острова Сириго в шести фрегатах, и вся оная эскадра в порто Трио легла на якорь; а нанятые суда из Ливорны с провиантом и экипажем пришли для выгрузки в порт Аузу.

Адмирал и ковалер Григорей Андреевич Спиридов, обошед в близости берегов Анатоли и Романи, и подходил к Дарданелям, но неприятель вытти из Дарданелей смелости не имел.

4 июля со всею эскадрою пришел в порт Трио и соединился с графом Алексеем Григорьевичем. // (л. 85об.)

9 Июля за отличныя поступки, будучи в баталии 24 июля 770 году в Чисменском канале с сильным неприятельским флотом, дан мне орден Великомученика и Победоносца Георгия четвертаго классу.

По недостатку провианта послано в Ливорну две пинки и несколько шембек, на которых поехали в Россию отпущенныя из службы господа морские и сухопутныя афицеры. А контр адмирал Арф со всеми своими датскими афицерами и матросами отпущен на фрегате Григорие, которыя отправлены в исходе июля.

Из Англии пришел бомбандирской корабль, на котором две голубицы трех пудовые, да судно с поклажею бомб и бранскуглей трех и пяти пудовых калибрах.

Куплен у аглицкаго шхипора фрегат о 22 пушках, которой назван Констанцием, и на оной фрегат определен командиром грек Алексиано.

3 числа августа его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов и адмирал Григорей Андреевич Спиридов, взяв с собою десант – гвардии четыре ста, Кутузова // (л. 86–108) команды восемь сот, флотских баталионных салдат шесть сот, альбанцев две тысячи, а спустя несколько времени и достальной десант посажен на пинки и фрегаты: Шлюсенбургскаго полку тысяча-две-сти, да албанцов тысяча-три-ста, и отправлены к Неграпонту.

4 августа фрегат Надежда и Парос, которые конвоировали аглинские суда до Гибралтора, быв в порт Маоне и Ливорне, пришли обратно в порт Аузу.

15 числа фрегат Надежда пошли к Ниграпонту для соединения с флотом.

19 числа корабль Растислав, на котором сидит его сиятельство граф Федор Григорьевич Орлов, за повреждением форштевня фигуры, которой сошелся с призовой трекатрой близ острова Родоса, послав к острову Кипру два своей эскадры фрегата Поликути и Берлича, сам для исправления пришел в порт Аузу.

22. Бомбандирской аглинской корабль, начиня свои бомбы, пошел к Ниграпонту для соединения со флотом. // (л. 86об.)

30 числа, исправясь, корабль Растислав пошел в Миконо.

3 числа сентября пришел ва порт Аузу из Англии фрегат о четырнатцати четырех фунтовых пушках, которой сделан бомбандирским, на котором поставлено две голубицы: одна пяти, а другая трех пудовая.

Господин контр адмирал Ельманов получил от адмирала ордер, чтоб с порученным мне кораблем Трех Святителей идти ко флоту для военной надобности. Уведомились мы, что флот высаживал несколько десанта к Ниграпонскому мосту для разбития как онаго, так и лежащей на берегу ботареи. Послан был корабль Всеволод, да фрегат Северный Орел. И несколько получа с берегу пшеницы килов, десант взят обратно на корабли. Оставя для креисерования у Нигропонта фрегат Надежду и вооруженную сакалеву, пошли все к острову Тасу. Нигропонтским крепостям и мосту при сем предлагаю план.

*** [Далее утраченный в рукописи ВСМЗ текст восстановлен по рукописи РНБ]

Шед в Тасо, бомбандирский корабль под защищением корабля Саратова, бомб с пятнадцать брося в город Ковалло, соединился с флотом.

12 число контр-адмирал Андрей Власьевич Ельманов спустил на порученном мне корабле свой флаг, а переехав, поднял на фрегате Делосе.

13 число пошел я с кораблем из Порта Аузы для соединения со флотом.

14 число шед мимо Микуна, виде стоящий на якоре корабль Ростислав, от его сиятельства графа Федора Григорьевича выслан на шлюпке для отвозу к графу Алексею Григорьевичу присланный из Петербурга курьер Кристинг³⁷.

По ордеру велено мне идти для соединения со флотом к острову Имбру, но попался встречу у острова Самандрахи Броун, который, шед мимо Имбры, флота не видел, да и мне видеть было не можно, потому что я уже был в ближнем расстоянии и для того поворотил назад //л.46 к острову Тасо.

21 число. Пришли к острову Тассо, где нашли лежащих на якорях кораблей Трех Иерархов под Кейзер флагом, Европу под адмиральским флагом, Саратов, Не тронь меня, Всеволода, Георгий Победоносец, Азию, Надежду благополучия, фрегаты Северный Орел, Феодор, Минерва, Архипелаг, Микону, Тино, Венеру, Почтальона, Сантарينو, бомбардирских два.

24 число посажена Шлюшенбургскаго полка команда с числом офицеров всех 211 человек с капитаном гвардейской роты Крузом.

28 число весь флот снялся с якорей, пошел в море, кроме корабля Нетронь меня, фрегатов Сантарينو, Андро и нескольких мелких судов, которые оставлены для заготовления лесов. Я определен в дивизию графа Алексея Григорьевича Орлова.

30 число пришли к острову Имбру корабли: Трех Иерархов, Трех Святителей, Всеволод, фрегат Северный Орел, шамбеки Стефано-Поля³⁸ и Корелли. Пошли к Дарданелам, адмирал со всеми кораблями и транспортными судами у острова Имбро (ZO) по юго-восточную сторону, легли на якорь.

В 1 число октября, лавируя у Дарданелл, разсматривая крепости, после полудня фрегат Северный Орел послан обойти кругом остров Имбро для присмотру неприятельских судов, оставя для крейсерства между Дарданелл и Имбро корабль Всеволод, Трех Святителей и Стефано-Поля, граф Алексей Григорьевич пошел ко флоту.

По 4 число октября крейсировал с кораблем Всеволодом и с судном Стефано Поля между острова Имбро остовую его часть с промером делали опись; также и к Дарданелам и чрез пеленги привязывали острова; тогож числа пришел к нам из флота корабль Азия, Северный Орел, шамбека Минерва; на корабле пришел господин контр-адмирал и кавалер Грейг с несколькими флотскими и инженернаго корпуса офицерами и пересел ко мне на корабль.

5 число по утру снялся я с порученным мне кораблем с якоря и с нами Северный Орел и судно Стефано Поля, пошли для примечания и осмотра, и снятия Дарданелл, Тенедоской и Метелинской с крепостей планов, и при том рассмотреть в Метелине и положить на план Адмиралтейство и строение кораблей, и в какой оные готовности. Того числа за тихостию ветра по близости Северной крепости Дарданелл легли на якорь, с якоря примечено течение моря к норду и зюйду, переменяясь по одной с четвертью мили Италианской в час; видно, что от крепости по берегу к Норду разставлены турецкие бекёты и выставлено несколько знамен.

6 числа при благополучном ветре снялись с якоря, пошли в близость Дарданельских крепостей первее к северной, потом и южной, с южной крепости несколько пушек по нас стреляли, только не доставали. Оным крепостям планы при сем предлагаю.

³⁷ Очевидно, Иван Хрестенек.

³⁸ Очевидно, Жозефа Стефанопули.

Корабли, сожженные на Метелине. Рис. на карте 1770-х гг.

Тогож числа, после полудня, пришли к Тенедоской крепости; в близости легли против ея в дрейф, с которой по нас палили из 29 пушек, ядра вокруг корабля и через корабль летали, только в нас, как в нас, так и в прочие суда не попадали. Крепость стариннаго строения, другая к югу называемая Генуезская; имеет же первая к морю в круглых башнях горизонтальных больших четыре пушки. Сняв планы с крепостей, с форштата и где турки по обе стороны города числом до двух тысяч с знаменами стояли, снялись с дрейфа, пошли к югу, с нами еще была соколева, которая, шед подле анатолическаго берега, взяла в приз небольшую соколеву с изюмом и винными ягодами, и за тихостию ветра взяла ее по течению на берег; но как прошли мы крепость, видели у города множество разных мелких судов, между которыми две турецкия полугалеры, и зная, что нам без ветра против так большого течения оной соколеве помощи ***[Далее текст по рукописи ВСМЗ] // (л. 87–114) дать не можно, то оныя две галеры и бот пошли нашу шебеку отаковать; для чего все принуждены лечь на якорь и послать на вспоможение вооруженные шлюпки. Еще ж велено Дугдалу и Жемчужникову, которые по близости, по турецким галерам палить. Что самое было исполнено. Хотя то было в самыя сумерки, однако от месяца видеть было можно. Турецкие галеры уже нагнали, и на саколеве, на которой были албанцы и греки, весьма храбро защищались и палили безпрестанно из двух своих фолканетов и ружей. А как скоро фрегатские пушки начали к ним блиско приходить, к тому ж и течением к нам их ближе стало сносить, то полугалеры, отступя от соколевы, прочь пошли на перевал к Анатолическому берегу. Соклева, опуствя свою призу, что с нуждою только сама собой ретироватся могла, пришла благополучно к кораблю. Господин контр адмирал за их храбрую поступку наградил деньгами. С якоря примечено течение моря от нордоста к зюиду. По одной с половиною // (л. 87об.) мили италианской в час; почেষть можно по тихости ветра несколько дней оное течение ардимарным ординарным. По том снялись мы с якоря и пошли с тихим ветром к зюиду. Как к Тенедоским крепостям и где турецкая армия стояла, так же под крепость Мулю. Где множество су-

дов стояло. При сем предлагаю план. ***[Далее утраченный текст восстановлен по рукописи РНБ] 1 число, поровнявшись противу мысу Анатолического берега, на котором крепость Карабаба, за штилем легли на верп анкаръ.

8 число, с благополучным ветром проходили крепость в близости, которая по нас не палила; сама собой строением изрядная, только на гласисах пушек и людей весьма немного.

Того ж числа, прошед Метелинским каналом и не дошед города Метелины в разстоянии немецкой мили, легли на якорь.

Господин контр-адмирал и кавалер Грейг, я и прочие господа приехавшие с ним офицеры, для осмотра крепостей и строения кораблей за тихостию ветра переехали мы на фрегат Северный Орел, потому что он имеет весла, только буксиром и греблю весьма тихо шли, то с фрегата переехали к Стефано-Полю по причине, что судно его малое и буксировать шлюпками можно, на котором пришли к крепости в близость, которая стариннаго строения и к морю несколько уже обвалились; у города видно несколько мелких судов и одна полугалера; за крепостию, к Зюйду, изрядный залив, в котором строятся два корабля и одна большая шамбека или галера, один шестидесятный корабль почти готов, а прочие имеют только поставленные ребра, крепость к адмиралтейству гораздо исправнее и по близости адмиралтейства стоит круглая башня, на которой поставлены пушки; адмиралтейство видится изрядное, магазейн и лесов множество, и корабли строятся так, чтобы оные спускать носом, а не кормю, форштат кругом крепости к самому адмиралтейству великий, строение хорошее, также круг города положение места красивое и лес, в котором от моря по горе стоят загородные увеселительные дома. Того ж числа к вечеру приехали на корабль.

Как крепостям, адмиралтейству, форштату и загородным домам план; также островам Имбре, Дарданелам, Тенедосу и Метелине, с промером глубин карту при сем предлагаю.

10 числа поутру снялись с якоря, пошли обратно ко флоту и после полудня прошли крепость Каробабы, но ветр нам стал быть противен и время от время крепче, так что мы иногда марселей нести не могли, хотя волнение и не велико, к тому ж воды в корабль втекло в полчаса по четырнадцати дюйм, лавировав между Каробабы и Тенедоса двои сутки, ушли по Z сторону Лимноса и легли на якорь.

В 10 число октября, в 7 часов утра снялись мы с якоря, следуя нам, и вся эскадра, пошли ко флоту обратно к Имбре, и того ж числа по полудни в 4 часа прошед мы крепость Карабабу, сделался крепкой от NO ветр, для чего под нижним крифленным грот марселем к Тенедосу стали лавировать, но ветр весьма крепок, парусы, как верхние, так и нижние дрались и снасти парусам последовали ж, в корабль воды прибывало от 12 до 14 дюймов в полчаса, а когда лежали правым галсом, то хотя и лили в шкун и кетенс помпы, то прибывало, а не убывало.

В 13 день октября по полудни в 2 часа, пришли мы по южную сторону острова Лимноса, против входа Порта Мудро остановились на якорь, фрегат и поляка от нас отстали и думать надобно, что от крепости ветра ушли в безопасное место; тот же день турецкий бекет на берегу поставлен был против корабля в тридцати человеках конных и пеших и были до отбытия нашего.

18 число от крепости ветра подорвало канат на 47 сажнях от якоря, который и остался не вытянутым в воде.

В те же крепкие ветры, как мы после узнали, фрегат Феодор, шед из острова Тассо, так потек, что командующий онаго фрегата капитан-лейтенант Муромцов с нуждою мог дойти к острову Св.Евстратия и на 35 саженьях оный фрегат совсем потонул, только успели съехать люди, да свезти четыре пушки и самую нужду провианта, прочее без остатка пропало. На оном острове, хотя живущих турок и нет, а только одни греки, но как недалеко от Лимноса и ежели б об нем узнали, то б конечно всех турки взяли в полон или бы перерубили, были в страхе и, конечно, препятствовало туркам об них узнать крепкой ветр, да что и я с кораблем был в близости, командир фрегата послал с офицером филюгу на острова нашего подданства, которая нашла российский фрегат и оному офицеру сделал вспоможение, выслал, сколько мог найти греческих судов и господин Муромцов, посадя всю команду на филюги, пришел в порт Аузу благополучно.

26 число ветр стал немного тише, пополудни снялись мы с якоря пошли по вестовую сторону Лимноса.

21 нордовым ветром с течением снесло нас между Афонской Горы и Тассо, и так принуждены обходить по нордовую сторону Тасо.

22 Тасо обошли, видели лежащих на якорях наших судов: корабль Не тронь меня, пинк Венера, Рагузинской фрегат, и на оном фрегате в бывший гром ударом стеньгу и мачту расколело, с тем ударом ***[Далее текст по рукописи ВСМЗ] // (л. 88об.) был и дым. Только кончилось одной мач[той] посланная моя шлюпка на берег осталась в Тассе.

23 пришли к Имбре. Тут флоту уже не застали. И пошли к Метелине между Тенедоса и Лимноса. Примечание: когда Афонская гора со вторым северным на Лимносе холмом на линее сойдутся, то уже мель останется к Н.

24 пришли мы к мысу Каро Бабы, где догнали нашего флоту несколько фрегат, от которых уведомились, что корабль Надежда Благополучие, на котором капитан Аничков, по зделанному ему сигналу велено отаковать лежащих на якорях не в дальном разстоянии от Каро Бабы три филюги, к которым шед, стал на мель. Но как грунт песочной да и ветер был тихой, то при помощи посланных к нему стенулся безвредно.

Шедши мы Метелинским каналом, увидели весь флот под парусами, которой догнали. Адмирал Спиридов со всем флотом у острова Маскониси. А корабль Трех Иерархов, на котором Алексей Григорьевич Орлов, дошед близ города Метелины, лег на якорь. Где, // (л. 88–121) подошед ночью, и я с своим кораблем, [по] близости Трех Иерархов положил якорь. Контр адмирал Греик и все с ним афицеры переехали на Три Иерарха.

25 число октября корабль Трех Иерархов, я с своим кораблем и прочия снялись с якоря. Пришли к Маскониским островам; по близости адмирала Спиридова легли на якорь.

Спущены были албаны на острова Маскониси. Сим именем и слобода называется. Жители по большей части греки, между которыми живет несколько и турок. Албанцы турак с острова согнали на Анатолической берег, с которова в перешейке можно ходить бродом. Из них малое число взято в полон и почти в тож самое время были отпущены графом Орловым. За что тех мест паша в знак благодарности графу лошадь с убором, а адмиралу кинжал. И просил, приказано ли будет ему жить по близости, или удалиться? Что он русских не опасается, а

албанцев. А ему на против того от графа посланы подарки, // (л. 89–122) и чтоб он жил безопасно. Албанцы взяты будут на суда. Флот между тем налилс водою пресною. И для перевозу десанта на каждой корабль взяты бывшие в островах соколевы и филиюги.

27 число капитан гвардии Веригин с ротою переехал ко мне на корабль, из второй дивизии с корабля Европы. А бывшая Шлютенбургскаго полку команда с капитаном Крузом перевезена того ж числа во вторую дивизию на корабль Европу.

29 октября весь флот снялся с якоря и пошел к городу Метелину.

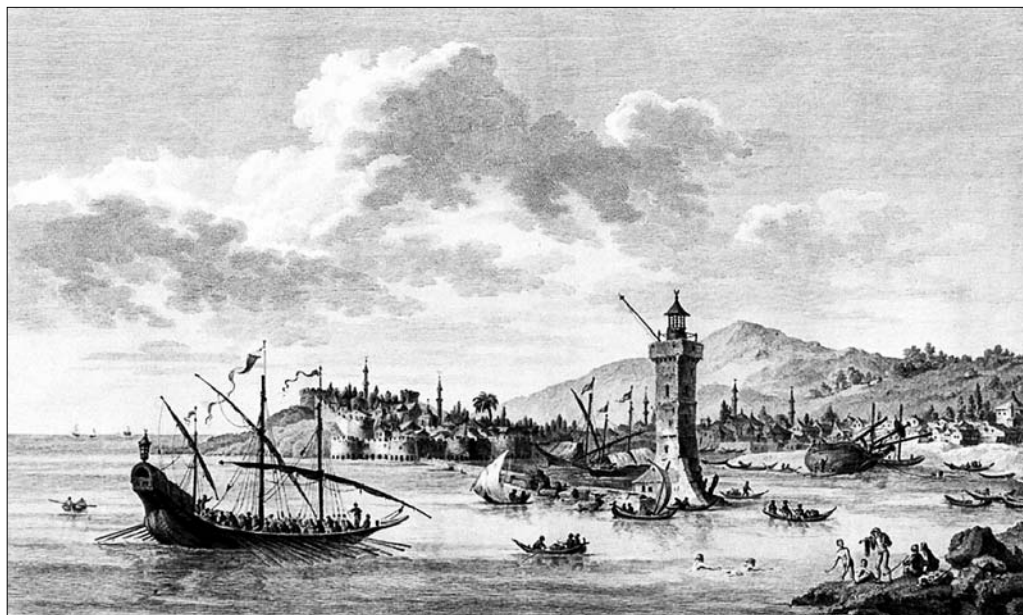
Флот разделен был на две части.

1. Под кеизер флагом. Корабли: Трех Иерархов, Трех Святителей, Всеволод, Саратов, Надежда Благополучие, бомбандирской Гром, фрегат Северный Орел; Рагузинския: Архипелаг, Сантарин, Минерва, шембека Изаим.

Положено, чтоб по зюидовую сторону крепости и адмиральтейства, где корабли строятца, под прикрытием двух фрегатов и шембеки высадить на берег // (л. 89об.) гвардию морских и Кутузова команду, и албанцов.

2-я. Под флагом адмирала. Корабли: Европа, Георгий Победоносец, Азия, бомбандирской Молния; фрегаты Слава, Почталион, Рафаил и трекатры с албанцами.

30 и 31 число октября посажен был десант на корабельных судах и взятых в Москонисе филию[гах]³⁹. Флот лавировал, но за противным ветром и течением до крепости Метелина не дошли. К тому ж на ночь ложились на якорях. Ветры иногда были крепкие, а десант был на судах, и посажен по многому числу так, что было и не без опасности. Однако Бог сохранил и никакова нещастия не было.

Гавань о. Метелина (Лесбос)

³⁹ Филиюгах.

1 число ноября лавировался флот, не посадя десанту на суда, и пришли обе дивизии к своим местам.

2 число по утру из под кеизер флага сделан сигнал, чтоб свозить на берег десант; по которому сигналу, как с первой по Z, // (л. 90–123) так со второй под N сторону стал десант к берегам приближаться. Где стоящая фрегаты Почталион, Слава, Сантарино, Архипелаг, шебека Зоим, с берегу картечной из пушек пальбой турок отогнали. А бомбандирския корабли со обеих сторон в крепость бомбандировать начали.

Его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова первой дивизиею предводительствовал господин генерал майор, гвардии Преображенскаго полку майор, разных орденов ковалер князь Юрий Владимирович Долгоруков.

Второй дивизии господина адмирала и разных орденов ковалера Григорья Андреевича Спиридова десант под предводительством Шлютенбургскаго полку полковника Толя. И обе дивизии, пристав к тем местам берега, где фрегатами уже турок отогнали, десант высажен благополучно.

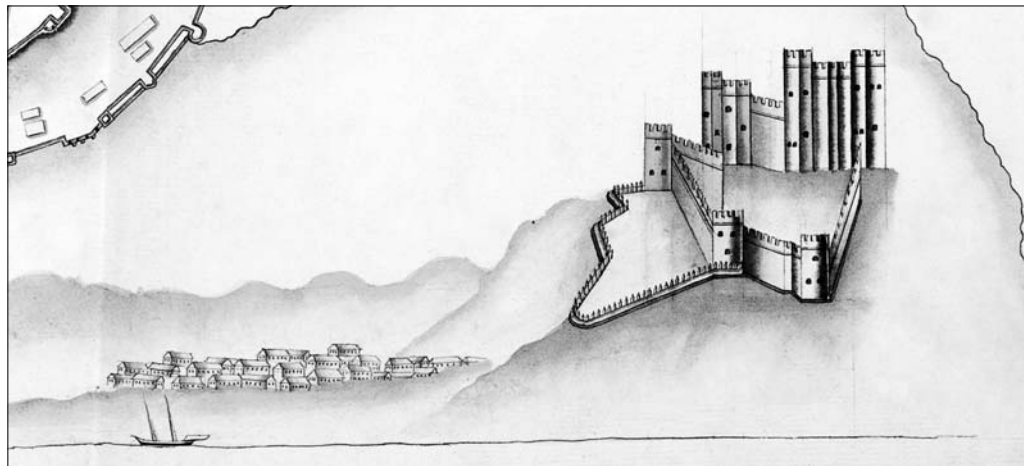
Второй дивизии несколько от неприятеля сопротивления было. Потому что они думали, высажен десант будет в одном месте северной части. // (л. 90об.) А противляющихся турок нащитывают до пяти сот человек. Они на вершине горы сделали ботарею, на которой поставлена одна не большая пушка.

Первая дивизия вышла без большова сопротивления. Потому что не уповали они в двух десантах быть высаженному десанту. Однако турок противу первой дивизии со сто пятьдесят человек было. Высажено наших регулярных войск до трех, да албанцов и разных званий людей до трех же тысяч человек с пушками и единорогами. Но как наши войски вышли на берег и, построясь, пошли колонгами, то турки ратировались, и большая часть от города отрезаны. Первой дивизии Воинович с слонцами пятьюдесять человеками первый пришел в адмиральтейству, и на построенной турецкой корабль того дня три часа после полудни слонин поставил на корме кеизер флаг. По том вскоре и полковник Толь с своим полком занел форштат и подкрепил некоторым числом своего полку салдатами, овладевших корабли. Потом первой дивизии полковник // (л. 91–124) Кутузов с командою. Морския и гвардия пришли к форштату. И что нужное, то заняли и расположились обе дивизии на высотах вьне города под закрытием от городских выстрелов.

Во все время с турками, хотя сшибки не большия были и наши войски не большой урон получили, почти и писать не чего. Однако думать надобно, что крепость была в великом страхе. Потому что онаго нападения они не думали. Сказывают, что турок было до трех тысяч. Но как их несколько от крепости отрезали, а другия разбежались, то и в крепости их было мало. Сказывали, что, ежели бы потребовали крепости, то бы без сопротивления отдали.

Круглая башня, с которой им защищаться было надобно, стояла по близости их кораблей, но турки ее оставя и зделав несколько выстрелов, покинули пушки, порох и ядра и ушли в крепость. Почему и заняли мы оную башню, и палили по крепости. На последок порох в воду бросили, а пушки заклепали и оную крепость оставили.

В 3 день ноября по утру в первом // (л. 91об.) часу построенной 70ти пушечной, другой строящейся такой же величины корабль, большую шембеку, мога-

Замок Метелины. Рис. на карте 1770-х гг.

зейны и всю адмиральтейству, одним словом, сожгли без остатку. Албанцы, разграбив богатой форштат, чрез то великое себе богатство получили. Того ж числа в 9 й час утра, оставя не приятельской остров Метелину, которой сам собою весьма богат хлебом, скотом, деревянным маслом и вином очень изобилен. Но на ем кроме городов считается до шести сот деревень. Как наши регулярные войски, так и албанцы посажены были на корабли. Адмирал Спиридов с своею дивизиею пришел по Z. сторону Города и лег на якорь по близости кеизер флага.

Французское судно стояло в гаване, по близости строящихся турецких кораблей. Но как с нашей стороны в турецкие корабли бросали бомбы и палили из пушек, то на против того и турки по нашим кораблям и по десанту палили. А когда турки увидели, что нашими на их корабле поставлен кеизер флаг, то и по нем с крепости палить начали. А француз остался от нас // (л. 92–125) и от турок в середине огня; а как к нам вышел, то рассказывал свой страх весьма горячо. А когда наши тому смеялись, что их турки-друзья и ево не щадили, то он сердился и выговаривал: вам де смех, а я бы со всем судном пропасть мог.

4 числа снесся весь флот и при нордовом крепком ветре пошли к Z. Стоящие фрегаты, Архипелаг и Сантарин, которые прикрывали и очищали берег, как для высаживания десанта на берег, так и обратно на суда, лежали блиско берега. Но как ветер им сняться не дозволил, то стали палить из пушек. Для сего самага посланы им на вспоможение: фрегат Северный Орел и пакетбот Почталион; корабль Азия послана к острову Тассо для соединения с кораблем Нетронь Меня.

5 числа пришел весь флот в порт Аузу. Спустя несколько дней пришел Северный Орел, Почталион и Архипелаг, о которых сказывали.

Капитан лейтенант Мельников // (л. 92об.) на фрегате Архипелаг был не в такой опасности, как Сантирино, на котором капитан лейтенант Овцын; приехав к нему, советовал, что фрегат уже спасти не можно, а людей перевести к нему на фрегат. Для того, что турок великое множество на берегу собралось и из ружей по обеим фрегатам стреляют. Но как близко к берегу стоял Сантарин, то ево каюту во многих местах разбили, а людям показаться было нельзя. Однако и от

них из пушак палили, только все турки лежали за камнями и им вреда делать не можно. То и Овцын согласился людей перевозить, и для скорейшаго перевозу перлень с фрегата на фрегат перетянуть. Мельников поехал, взяв от него мичмона и семь человек матросов, и дожидался, чтоб и последния переехали. Но он, Овцын, людей не перевозил, а Мельникова фрегат от крепости ветра стало дрейфовать; то он, поставя фрегат на шпринг, отрубя два якоря и протянутой на Сантарينو перлен, отошел от берегу благополучно.

Фрегат Сантарино видя, что Мельников // (л. 93–126) снялся, то он хотел тож сделать. Также привел себя шпрингом, по желанию отдав паруса, отрубил якоря. Но как он блиско был к берегу, то не долго был в надежде благополучия своего. Бросило на мель весьма уже от берегу блиско, то турки по нем еще больше стрельбы производили. Капитан Жемчужников сказывает, что он для спасения людей шлюпки и бот посылал к Сантарину. Но как ветер и волнение очень велико, то к фрегату с вет[р]у пристать было не можно, а по подветреной стороне турки палят из ружей. И так, не подходя блиско к фрегату, кричали, чтоб бросались в воду. А для спасения подать весла и шесты, бывшия на верьху. Артилерской сержант и грек бросились к шлюпкам в воду. Они взяты, и на верьху больше никово не было. Возвратились обратно домой, оставя на ночь фрегат без помощи.

Турки привезли на берег пушку. Палили по фрегату. По уттру Жемчужников увидел, что уже на фрегате множество турок, то стал по нем стрелять ядрами и брамскугелями, которой скоро загорелся и подорвало от нашей // (л. 93 об.) пальбы, или сами турки зажгли, обстоятельно неизвестно. Турак пошло в город две великия толпы. Жемчужников думает, что в середине оных быть надлежит нашим пленникам.

(л. 94–127 [цв. илл.: План городу Карону с положением берега и с промером глубины в бытность Россииской Императорской Эскадры под командою Господина Адмирала Спиридова при содержании Города в блакаде 1770 года. // Мореа // Город Карон])

(л. 94 об. [цв. илл.: Карта заливы Витула, лежащей к норду от мыса Матапана, описанная в бытность Россиискаго Императорскаго Флота на компас имеющей склонение 14 Градусов, 1770 года. // Мореа // Живущия Маниоты])

(л. 95–128 [цв. илл.: Карта морская заливу города Наварина взятова Россииским Императорским Флотом 1770 года. // Мореа])

(л. 95 об. [цв. илл.: Карта восточнее мыса Матапаия порта Кваия которая описана с промером глубин нарошно посланными в бытность Россиискаго Императорскаго Флота 1770 года. // Мореа])

(л. 96–129 [цв. илл.: Карта в части острова Андро по заподнюю Ево сторону Залива порта Гаврио... Описанная в бытность Россииской Императорской Эскадры 1771 года])

(л. 96 об. [цв. илл.: Карта острова Широ порта С: Георгия С промером глубин... в бытность Россиискаго Императорскаго Карабля 1771 года])

(л. 97–130 [цв. илл.: Карта Острова Касъсо и с прилегающими ко оному островками С промером глубины и с положением сетуац в бытность Россииских Императорских двух фрегатов 1771 года. // Часть острова Касъсо // Вид острова Скорпанта])

(л. 97 об. и 98–131 [цв. илл. в разворот: южная часть Эгейского моря (с незаконченной легендой) // Часть Негропонта // Часть Мореи // Остров Кандиа // Наголиа // Часть острова Хио])

(л. 98 об. и 99–132 [цв. илл. в разворот: Карта Архипелага, сочиненная Господином Грон Ардом в 1745^m годе // Остров Негронт // Часть Македони // Море Мармара // Канал Дордонелеи // Ос: Метелин // Ос: Хио (северная часть Эгейского моря)]) (л. 99 об. и 100–133 [цв. илл. в разворот: Дарданеллы, Мраморное море и часть Босфора (с незаконченной легендой) // Романия // Костентинополь // Натолия])

(л. 100 об. и 101–134 [цв. илл. в разворот: Черное море (с подробной легендой)])
// (л. 101 об.) 13 ноября гвардейская команда взята от меня на корабль Европу.

15 пришел из крейсерства в порт Аузу фрегат Надежда. Из Ливорный фрегат Григорий.

22 го фрегат Северный Орел пошел в Ливорну. На нем поехали в Россию генерал маиор и гвардии Преображенскаго полку маиор и ковалер князь Юрий Владимирович Долгоруков и разных команд афицеров человек с десять.

23 ноября корабль Трех Иерархов, фрегат Николай вышел из порт Аузы в порт Трио.

27 пришел из Ливорный в порт Аузу корабль Растислав. Граф Федор Григорьевич Орлов остался в Ливорне.

Корабль Трех Иерархов, на котором сидит граф Алексей Григорьевич Орлов и контр адмирал Греик, пошел в Ливорну.

2 числа декабря корабль Саратов и фрегат Рафаил, не давно у агличанина куплен, пошли для починки в Малтию. // (л. 102–135) 4 числа корабль Не-Тронь-Меня, Азия, фрегаты Венера, Андро, Езопово судно, нагружаясь в острове Тассе разным к починке кораблей лесом, пришли в порт Аузу.

31 числа декабря фрегат Сатурн с разным из Ливорны грузом пришел в порт Аузу.

По приходе флоту с моря об албанцах главная команда сделала рассмотрение. Многие отпущены туда, куда они хотели. А выбранных изо всех лучших 1500 человек оставлены на прежнем. Четыре пиаки в месяц жалованья разделены на пять баталионов, и в каждом из них по одному маиору.

Оставшия албанцы за выбором уехали в свои отечества, а больныя и бедныя, а может быть, и невоздержаныя, которым ехать было нечем, остались на острове Паруса, от которых обывателям острова, да и нам самим великия обиды даже, что при грабежах и смертныя убивствы делают. Их бедность весьма велика. Они голы и голодны. Питаются одной травой. И вид их показывал одну человеческую тень. На против того так ленивый и ни к какой работе несклонный, что лучше согласится // (л. 102 об.) есть одное траву и ходить голому, нежели работать. Брал я таких без хлеба шатающихся к себе на корабль с жалованьем по четыре пиастра на месяц, но они не могли ужиться, предав себя не ограниченной лености, почему и отпущены на прежнее место и состояние. Можно сказать, что и вся Греция в лености со всем погружена. Там сахар продается по сороку копеек фунт. А что из Ливорны привозится съестнаго, питейнаго припасу и уборов на платье, с того берут с нас барыша копейку на копейку, да еще ето за дешевое почитается. А другое в трое, да и то берут на подхват. В Аузе, да и на прочих островах харч, обувь и платье весьма дорого так, что мы и сами покупаем с выгодной ценой и оптом. Курица шестидесят, говядина шесть копеек фунт, а баранина еще того дороже. Да и то продается не всегда. Яицо по три денги, хлеб на рынке по десяти копеек фунт.

Парос

Ежели ж вычислить, что жалованья нам червонец дается, два рубли шестдесят пять копеек, а отдаем два рубли сорок копеек, так еще цена больше прибавится. И так албанцы по такой дороговизне необходимо // (л. 103–136) должны претерпевать голод. Да и прочих островов жители многия пшеницу получали из Романии, Морей и других турецких мест. Но как при нас от турецкаго правительства привоз на острова запрещен, та также по дороговизне нужду терпят.

Сделаны в порт Аузе два килинбанка. Первой, один камень отделился от берегу у острова от 11 до 12. А отступя сажен десять, 18 фут глубина воды. Между берегом и камнем заравнено плитою и песком. И так мелкия фрегаты без нужды килуются. Другой сделан плавучей, для кораблей, из греческой трекатры, которой длина 108; ширина 31. Глубина интрюма 16 фут. Сняв верх, утвердили два корабельных шпиля.

В нынешнем году призовых судов взято против днева гораздо меньше по причине, [что] тунисцы и албанцы, узнав, что их как самих, так и товары берут в плен, комерцию свою перервали. А только еще попадаются идущия из Египта и Александрии да еще греческия не большия филюги с лимонами и апельсинами.

По дефекту корабль Не Тронь Меня от капитана Бешенцова по свидетельству // (л. 103 об.) мастера и сверх капитанов по гнилости его удостоен в ломку, фрегат Надежда в перетинбереванья. // (л. 104–137)

1772 Год. Сколько в Архипелаге российского императорскаго флота кораблей и фрегатов и прочих военных судов, и кто на оных командиры, при сем предлагаю реэстр.

Суда	Командиры	Суда	Командиры
Корабли 3х Иерархов. Европа Расгислав. Георгий Победоносец. Всеволод. Аннуарии. 3х Святителей. Азия. - Нетронь меня	Капитан Степанов. Капитан Поливанов. Бешенцов. Палибин. Фондезин. Борисов. Хметевской. Толбузин. Капитан Лейтенант Бахметев. Капитан Булгаков. Аничков.	Слава. Парос. Минерва. Наксия. Новой Рафаил. Деллос. Микона. Зеа. Венера. Сатурн. Запасной. Помошной. Сифано. <u>Бомбандирские.</u> Гром. Молния. Страшной. <u>Поландра</u> Вольность. <u>Брегантина</u> Залет. <u>Поляки.</u> С.Андрей.	Лейтенант Воинович. Мистров. Дугдал. Корелле. Александр Алексиано. Скуратов. Поповкин. Рагиславской. Шетихин. Федоров. Перепечин. Ильин. Макаров. Езоп. Кумани. Жавани Ладино.
Саратов. Надежда Благополучия <u>Фрегаты</u> Надежда. Африка. Северный Орел. Почталион Григорий. С.Николай. Архипелаг. Андро. Тино. Победа. С. Павел.	Лейтенант Козланов. Капитан Клеопин. Жемчужников. Кривцов. Давыдов. Секант Маиор Воинович. Мельников. Поярков. Проселков. Козлятьев. Панноти Алексиано.		

// (л. 104об.)

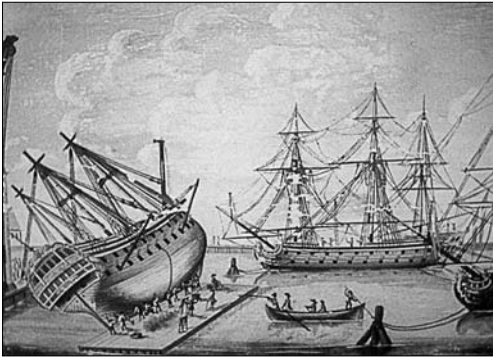
Суда.	Командиры	Суда.	Командиры
Ломадоти Каригата. С.Екатерина. С.Екатерина Приятная. Ауза. Патмос. С.Спиридон. Лютро. С. Алексей. С. Анна. Джаваний Балзаваний. Мадона Дедона. <u>Пинк.</u> С. Спиридон. <u>Шебека.</u> С. Александр.	Герасим Калиго. Стефано Поли. Пано Понаго поло	<u>Полугалеры</u> Анженьера. Антипарос. Союз пяти братьев. Ищун. Забияка. <u>Трекатры.</u> Плоской. Волич Захват. Збережливостий Малой из Месалоний. Лондра да Ездра. <u>Соколевы</u> Подвозная. Палаиндра.	Леонорд. Григорий Пано. Варвич.

Изготовил я корабль Трех Святителей к килеванию. По свозе провианта и воды в поставленные два котла с водою ловили мышей, в которья поимано более двух тысяч, кроме, что во время килевания перемочило их водою, то они обезсиля, по трюму стадами ходили, и их прибито, и сами издохли множество; так оной

гадины было много, хотя более пятидесяти кошек на корабле. Только их время от времени прибавлялось. // (л. 105–138)

Они ж на корабле великия делали пакости. На корме ниже задних портов, почти вадарлини больше десяти дыр прогрызли, где великим множеством на транцах собирались для свету и питья воды, из дыр доставали. От чево в походе в корабле великая была течь. А что оной гадине не попадалось, всио ела. Сыскались такие блудницы, которые ходили на марс бушсприт и проедали паруса, также в кроит каморе картузы и патроны объедали. А бочек с водой множество выпущали. А что касается до провизии, о том уже и не упоминаю.

6 число генваря притянулся я к плавучему киленбанку, о котором прежде писано, выгрузил в оной каменнова баластру 4, чугунова 4, железа 2 тысячи. Да ево собственнаго баласту было около 6 тысяч. Киленбанок поставлен на четырех якорях. С носу и кормы в место грунтовов положено по сторонам его по два якоря.

*Килевание судна.
Голландская гравюра XVIII в.*

Корабль порожней имел актер штевень 15 фут, 11 дюймов. Форштевень 14 фут, 3 дюйма. Деференту 1 фут 8 дюймов.

12го фрегат Григорий пошел в Ливорну, // (л. 105об.) на котором посажены бывшей патриарх Серафим Константинопольской, флота капитан Колкачов, полковник Тол и несколько сухопутных афицеров.

Корабль Трех Святителей до кия повалили, и оказалось, что фальшкиля повалили, и оказалось, что фальшкиля нет и червями обшивныя доски с носу до фалбера съедены без остатку. Но как фальшкиль был незаготовлен, то обмеряв, поставлен корабль прямо. Корабль по гиби по килю против фалреба имел 8 дюйм.

Другой раз корабль повален был до кия. Фальшкиль прибили и досками в 1 дюйм с шерстью, бумагою и стеклом обшивали.

31 число генваря повалили корабль на левую сторону до кия и оказалось, что левая сторона больше изедена червями, нежели правая. И больше едят у вадарлини и носу, нежели к килю.

2 февраля исправили починкою, обшивали новыми досками только те места, которые со всем съедены, а которые хотя и едены, да надежда еще была, что их волнением не отобьет, оставлены. *** [Далее утраченный фрагмент восстановлен по рукописи РНБ]

По Архипелагскому обыкновению, как настоящие корабли, так и обшивныя старья и вновь сделанныя доски обожжены в уголь и горячия доски мазаны гарпиюсом, доказывают греки, что в уголь червь не идет.

Удобен для жжения корабля растущий по каменным горам хворост, он делает фигуру по корню, как круглую шапку до земли, горит скоро, как порох, и делает великое пламя, только не опасно и от малых капель воды погасает.

Киленбанку и поваленному кораблю до кия при сем предлагаю план.

Хочу же для памяти написать об устерцах⁴⁰ и червях:

Устерцы по всему дну корабля, пристав к доскам великое множество так крепко, что с нуждою их отбивали или отколуповали ножом; устерц таких в Архипелаге я не видал, их нет, и откуда оныя берутся неизвестно; можно бы сказать, что оне пристали из Англии; но на трекатрах, которыя из Архипелага не выходили, такое же множество имеют; оне видом и вкусом таковыя же, какия в Англии или к нам в Россию привозят; между оными были так велики, что в редкости, где им род, быть могут.

Черви, ядущие обшивныя корабля доски, собою с начала весьма малы, рогатые и несколько похожи на морских длинноватых раков, входят в доски, как буравку пройти; потом увеличиваются лежа в длине доски, не каждый равно, иные более аршина, а толстотою в окружности в два с половиною дюйма, состоящие из слизи; имеет крепость одна головка, которая не так велика, как туловище.

Так видно, когда он придет в совершенство, то делает от себя белую скорлупу на подобие дудки, и оную сделав изрядно крепко и истрата всю жидкость, совсем исчезает, как шелковичный червь выматывает из себя шелк и пропадает; ядят они дерево, которое мягче, то больше, а крепкое или совсем обходя, или гораздо меньше, а которое на вкус их попадется, без остатка.

Каждый червь, извиваяся, идет по длине доски; касаяся до шерсти, бумаги или конопати, которая между досками, отходит прочь и есть только дерево, не касаяся ни до чего другаго.

Кажется, что мы, обшивая корабли, кладем шерсть, бумагу и стекла много лишняго, а довольно одно што-нибудь, или шерсть, или бумага толстая нарочно для того сделанная, так как в Медитерани и бывает кладут одну нарочно для того сделанную бумагу.

Мне же кажется или оную класть бумагу, или одно сукно весьма для сохранения от червей обшивных настоящих досок довольно.

Нужно чтоб колотить чаще гвозди, чем чаще — тем лучше, съеденные червями держат доски да к тому ж от гвоздя в дерево идет ржавчина, которое червь с неприятностию кушать может, да и около гвоздя кругом дерева по несколько оставляет.

Видел я голландской корабль, который пришел в Англию из Ост-Индии, он обшит и колочены гвозди с большими шляпками весьма чиста, от которых ржавчина между гвоздей в дерево входит и делает дно корабля будто все железное.

На оном корабле видел куб, которым при нужде из соленой воды выгоняют пресную изрядно достаточно.

12 февраля взяв груз свой из киленбанка, оттянулся прочь и стал грузить в корабли экипаж.

14 число корабль Европа притянулся к киленбанку.

В 16 безань 19 чисел фок мачты вместо поврежденных во время сражения с сильным турецким флотом 1770 года поставил на козлах новыя мачты. Пришел из Ливорны с письмами Аглицкий ботик.

20 число. Фрегат Сатурн пошел в Порт Маон с разным грузом, с ядрами и бомбами, которых излишеством из России привезено.

22. Пришли из Ливорны в порт Аузу с разным грузом шамбеки Понаго.

⁴⁰ Устрицы.

24. Пришел в порт Аузу из кресерства корабль Аннуарий.

26. Пришел из кресерства в порт Аузу фрегат Африка. С онаго фрегата получил карту острова Лероо, которую при сем прилагаю.

Чрез многие из островов известия, что турецкаго флота из Дарданел часть вышла, да и последние выходить намерены же, на которых посажено десанта, говорят, неравно, иные до 12, другие до 16 тысяч; то для поиска оных господин контр-адмирал Ельманов пошел с эскадрою.

В 27 число февраля, подняв свой флаг на корабле Георгий Победоносец и с ним корабли: Ростислав, Всеволод, Азия, Надежда благополучия, бомбандирский Гром, фрегаты: Парос, Почталион, Архипелаг, Победа, двух-мачтовая шамбека.

28 число за противным крепким ветром господин контр адмирал Ельманов пришел между Наксии и Пароса в порт Маро.

29 господин контр адмирал со всею эскадрою пошел для поиска неприятеля.

Корабль Европа повален до кия, у котораго обшивныя доски почти все крепки, так что ко многим и черви не касались, съедено немного с носа, итого ***[Далее по рукописи ВСМЗ] (л. 106–145) в длину сажени на три, а в ширину пазов на десять. Причина целости досок не другая быть может, как оной корабль, шодши из России, в Порцмуте был на мели. Для чего и веден был для поправление в док, где и обожжен. А что к углю червь не пристаёт, о том я выше писал. И притом ясным доказательством был нежжонной фалшкиль, по той причине, что в доке корабль стоял на оном, которой был весьма изъеден. А из сего увериться можно, что жженыя обшивныя доски корабля от червей безопасны.

Устерс и моху было множество. Устерсы лежали непорядочно. Иныя плашма, а другия боком пристали.

Лежал корабль больше четырех часав на боку, оказав киль. Не было больше 18 дюймов воды.

3 марта пришел из Ливорны Броуново фрегат⁴¹ с разнами материалами и провиантом.

14 марта пришел из Ливорны фрегат Минерва с такелажем и с правиянтами. // (л. 106об.). 17 числа от господина контр адмирала Эльманова прислано известие, что он, дошед с эскадрою до Дарданелей, военных турецких судов ни где не застал. Выходил из Дарданелей к Метелину один фрегат с несколькими галерами, шембек и прочих мелких судов. Но как об нашей эскадре известились, то скоро обратно ушли в Дарданели.

Его, господина контр адмирала, эскадрой в разных местах взяты в плен, а другия сожжены — турецкия полугалеры, тартаны и филюги, из которых несколько с грузом присланы в порт Аузу.

19 числа марта пришел из Ливорны фрегат Северный Орел.

25 числа марта пришел из креисерства фрегат С[в].Павел, и несколько привозных и взятых в плен судов.

30 марта пошли в Ливорну Броунав фрегат, трех мачтовая шембека и фрегат Андро.

Сего же числа корабль Европа отошел от киллехтора; а фрегат Африка при-тянулся к кильлехтору. // (л. 107–146)

⁴¹ Судно «Тартар» английского капитана Роберта Броуна.

9 числа апреля пришел из крейсера фрегат Слава.

12 числа апреля вышел с шембекою, имянуемой Грецией, в крейсерство лейтенант Прасо⁴².

15 числа апреля вышел из порт Аузы в крейсерство фрегат С.Павел.

18 апреля фрегат Африку повалили на левой бок. Обшивные доски у носу очень мало червьями поедены, а против фалреба и к корме почти не тронуты. Уповательно, что тому причина есть та, когда оной фрегат, шед в Англию, был на мели, на банках и для повреждения килля введен был в порте Шериесте в док. Где по исправлении обожжен. Также и находился все время в крейсерстве. А в порт Аузе примечено, что по мелкости глубины черви больше других едят мест.

23 апреля пришли из порт Маона с разными провиантами фрегат, которой там перетинберован, Соломбал, поляка и С[в]. Екатерина.

24 число апреля пришел в порт Аузу военной французкой фрегат, // (л. 107об.) называемой Султан, на котором командир капитан и ковалер Дюпеда.

Был капитан со всеми своими афицерами на корабле у меня и не могли довольно чистоте в карале и хорошей оснаске надивиться так, что капитан, вошедши в канстапельскую, во удивлении чистоты и убранству ружей перекрестился.

Напротив того, я своими афицерами делал как капитану, так и афицерам французким визит. Нашол фрегат в великой нечистоте и в дурной оснастке. Капитан живет на юте в каютке малинкой, где только одна дощечная кровать и столик с нуждою стоять может. В кают компании все афицеры и гардимарины до обеда пудрятся, а после за капитанским столом кушают. Дается за каждого человека по пятидесяти копеек на день, и еще капитан берет на столовые уборы и кухню по пяти рублей на день. В той же кают // (л. 108–147) компании стоят садки с курами. И так от подры и кур и по неопрятности дурной дух, а прочия места еще хуже. Афицеры весьма учтивы и в великом к нам почтении были. Служители собою малы и худы. Платье имеют худое, почему и около себя не имеют опрятности. Афицеры, на против того, весьма чисто одеты. Мундиры имеют синие с празументами, у капитана в два ряда; волосы изрядно убирают.

21 апреля вышел из порт Аузы французкой военной фрегат, называемой Султан.

Получил адмирал письма из Константинополя от взятых наших в плен у крепости Метелины на фрегате Сантарине. 1е от ундер боталера Сарычева, которой разжалован из камисаров. 2е от грека Жоржи, которой у меня был на эскадре у острова Тассо, от капитана лейтенанта Овцына.

11 дня мая корабль Всеволод за ветхостию руля пришел из крейсера в порт Аузу. Фрегат Африка оттянулся от киллехтора // (л. 108об.) 18 мая вышли из порта фрегаты Деллос, Слава, шебека Забияка.

Прислана Шлисенбургского полку команда, которых афицеры: капитан Ган, порутчики Фризел и при Албанской команде порутчик Карачинской.

19 мая вышел я с кораблем на рейд.

20 числа пошел с кораблем к острову Микону в дивизию господина контр адмирала Ельманова.

21 числа пришел с кораблем на Миконской рейд, где нашел лежащих на якорях кораблей: Георгий Победоносец, под флагом контр адмирала, Азия, Надежда

⁴² Имеется в виду — Антон Псаро.

Благополучия, бомбандирской Гром; фрегаты: Деллос, Слава, Победа, Тино, Почталион, одна брегантина и одна шебека.

23 мая снялась вся дивизия с якорей и пошла в море, кроме корабля Надежды Благополучия, который остался на рейде.

25 числа пришли между Метелина и Шио, где нашли крейсерующей корабль Растислав с фрегатом Архипелагом. // (л. 109–148) Французское судно взято в приз, на котором турецкой не главной мувтия. Однако мувтия в великом чину со всей своей фамилией и афицерами ехал в остров Кандию. Всех 75 человек, которых, как слышно, от адмирала отпущены.

Корабль Растислав пошел с оным французским судном в Микону, а мы пошли к Дарданелям.

27 мая прошли мимо Дарданелей, не выдав никаких турецких судов. Пошли к острову Шкиру.

30 числа пришел к острову Шкиру. Господин контр адмирал разделил свою дивизию на две эскадры.

1ю — под моею командою: корабль Трех Святителей, фрегаты: Парос, Почталион, Архипелаг, брегантина Варвачева⁴³; крейсеровать мне с эскадрою от острова Шкиро в восточные, Метелина и Шио для Смирны.

2ю — капитану первого ранга Торбузину: корабль Азия, фрегаты: Делос, Слава, поляки: Стикс, Ауза, Стефано, Феландри и шебека Николетова⁴⁴ // (л. 109 об.).

Контр адмирал с караблем Победоносцем пошел в порт Шкиро, где и стоять будет. Мы же, обе эскадры, пошли каждой на свои посты.

8 июня. От крепости ветра зашел в Шиской канал на якорь за острова Толмадорь, в которых прекрасныя гавани с умеренною глубиною и закрыты от всех мест. Простояв судки, вышел на свой пост.

12 число июня фрегат Григорий да и прочие аглинские суда пришли из Ливорна с правянтами в порт Аузу. На которых судах прислано о произвождении флотских и других афицеров, и при том от его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова прислан манифест, которой вношу оригиналом:

Мы, граф Алексей Орлов, ея императорскаго величества всероссийской уполномоченный сухопутными и морскими в Леванте ея силами, генерал и всех ея орденов ковалер и прочая, и прочая. // (л. 110–149)

Известно всем, что со вступления флота ея императорскаго величества всемилостивейшей государыни нашей в неприятельския воды участвующие в Леванской торговле нации достаточныя имели доказательства не только уважения, но действительной помощи и способствования, каковыя во всех случаях флага их были оказываны. Ибо среди военных действий отделили мы от флота состоящую из довольнаго числа судов эскадру для очищения моря о разсеявшихся по оному разбойников, кои, думая воспользовался смутным военным временем, дерзнули-было прикрыть злодейства свои подложным российским флагом. Из коих немогущия уйти поиманы и ближайшим суду тех наций, кои флаг от них оскорблен был, преданы. А многия при российском флоте в присудствии обиженных лишением жизни; показаны таковыя примеры нашего правосудия, тем

⁴³ Брегантина «Подандра» под командой Я. Варвача.

⁴⁴ Шебека «Забяйка» под командою Николетто Кружевича.

больше быв чувствительнее, что оныя едва знаемы бывают у нас. // (л. 110 об.) Устрашили и удержали наглость прочих злодейств и их соучастников. И все народы со удовольствием увидели, что плавание Средиземнаго моря в Леванте никогда столь верно и столь безопасно не было, тогда как флаг российской на оном стал виден. Ибо ведомо всем, сколь сии места карсарами всегда наполнены были. И сколько малосильных купеческих судов от оных наиплачевнейшей участи подвержены бывали. Но мы, не остоавливаясь при сем и желая дать всевозможныя опыты истиннаго нашего доброходства и споспешествования, дозволенной нейтральным нациям торговли, поставили себе за начальныя правила: лучше терять многое с своей стороны, нежели причинить промышляющим оную на малейший вид затруднения; принесли в жертву, мало другими чувствуемую, существенной наш интерес, не терпя ни одного у себя корсара, о чем данным от нас 1770 года июля 12 дня манифестом всех и предъутвердили. Сверх сего, ни в каких обстоятельствах не опустили ни одного случая подавать нейтральным судам вспоможение // (л. 111–150) всякаго рода, снабдевая их не только съестными припасами и нужными к мореплаванию вещами. Как то: якорями, канатами и прочим, но даже до свинцу и пороху. Итак небезосновательно ласкались мы, что таковое нашего поведения не привлечет нам с другой стороны столь худаго за то признания, коковое многие из купцов разнообразными подлогами против общих прав и против совести делать нам устыдились, и к крайнему нашему удивлению и прискорбности открыли нам, что корыстолюбие некоторых из оных превозмогло. Не только те уважения, кои они к нашему противу их пуступок должны были, но и то, коим все народы к общему народному праву обязаны. Ибо многия суда, зло употребляя преимуществами нейтральнаго флага, съестныя и военныя припасы в блокированныя неприятельския места провозить покушались, что перехвачением многих из оных ясно изобличено было. А как недостаток в оных у неприятеля, возвыся их цену, усилил корыстолюбие, а нежность нашего поведения усугубила дерзость провозчиков, то мы наконец увидели запрещенной всеми правами // (л. 111 об.) сей подвоз. День от дни возвращающей и достигшей почти до того, что большая часть производимой в Левант нейтральными судами торговли преобразилась в прокормление и в оружие неприятеля нашего безпрестанным доставлением оному съестных и военных припасов под разнообразными подлогами.

В сем случае, имея с нашей стороны ясно о том гласящия военныя и народныя права, употребляем мы данное нам на таковыя случаи от ея императорскаго величества, полномочно объявляем чрез сие купцам и провозчикам и всем во оном участвующим, что от ныне и впредь все идущия в неприятельския порты суда, кои злоупотребляя преимуществами нейтральнаго флага гружены будут съестными и военными припасами, так как вещами, подающими неприятелю существенныя к произведению войны средства, российскими военными судами не токмо остановлены, но взяты и конфискованы будут без малейшаго // (л. 112–151) за то платежа купцам и провозщикам, кои себя сим подвергнуть отважатся.

Подтверждая при том, что все, кроме вышепомянутых вещей, товары не только пропущены, но всегда и везде судами ея императорскаго величества защищены и где только все, хотя мало нужным окажется, препровождаемы будут. Впрочем, совершенно надеемся, что все правительства, коим военныя и народ-

ные права столь известны, не только примут за благо все те меры, кои нами к пресечению незаконной сей торговли употребятся, но паче еще воспоспешествуют к произведению в действо оных. Нарушителей же предаем мы безпристрастному правосудию самых тех держав, коим они принадлежать будут, не сумневаясь, чтоб истребление таковых злоупотребителей достоинства их флагов не было общим делом всех держав равно заинтересованных в охранении обще народных законов, кои нам столь // (л. 112 об.) свято против всех наблюдаемы были. Во уверение чего сей наш манифест собственною нашею рукою подписали и приложением печати нашего герба утвердить повелели. Дан на фрегате Святаго Григория, мая 1 дня 1772 года.

МП

На подлинном подписал граф Алексей Орлов.

18 июня полномочной Атаманской Порты посол Тешери-Фачи Мустафа Бей Эфенди Джани[м] Хаджа Заде ордена Хаджа Яна из Константинополя пришел на четырех полугалерах в порт Аузу и привез с собой из главной нашей армии двух курьеров с тем, что в армии мая 19 числа с Портою Атаманскою у реки Дуная при Журже сделано перемирие, то и в Архипелаге с уполномочным его сиятельством графом Алексеем Григорьевичем Орловым сделать перемирие ж. Для чего к сиятельству с известием послан // (л. 113–152) корабль Рагислав.

24 июня прошли из Аузы в Константинополь с турецким курьером Ибрагим Цоуз. Турецкая полугалера, на которой капитан Гасан Алжерино с пропуском адмиральским, салютовали мне, а я отвечивал двумя выстрелами меньше. Были у меня на корабле и смотрели корабль, в деках великую дают честь порядку российских кораблей.

27 июня пришел в Масканския острова для налития пресной воды и, пробыв тамо три дни, пошел на свой пост.

6 числа июля из острова Шкиро пришел к нам корабль Георгий Победоносец, на котором сидел господин контр адмирал Елманов; пробыв с нами четыре дни, пошел в Смирну.

13 июля зашел я с кораблем да фрегатом Почталионом и с брегантиною Варвачевой в Сандарли, где, пробыв на якоре меньше суток, вышел. Якорное место хорошо. Четверть меж N и W вся открыта // (л. 113 об.) и бывает большое волнение; а глубина больше сорока сажен. Ежели бы можно лежать по близости города, то она четверть может быть закрыта. В островках пред входах в Сандарли изрядное якорное место, только не для кораблей. Причина сего есть малость места.

Того ж числа пришла из Шкира наша саколева и привезла турецких шпагов пять человек, а троих убили. Оныя турки ехали из крепости Лемноса.

Июля 14 дня от крепости ветра зашел в Шиской канал и тамо стоял шесть дней на якоре, потом вышел на свой пост.

Июля 15 дня получил я на шембеке Аузе присланные ко мне от господина контр адмирала перемирные во всем Архипелаге с Отоманскою Портою пункты, котория и вношу оригиналом.

Во имя Господа Бога Всемогущаго и Милосердаго.

Адмирал и ковалер // (л. 114–153) российского в Архипелаге флота Григорей Спиридов и Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Дженим Хаджа Заде ордена

Хаджа Яна, присланной от блистательной Оттоманской Порты высокоуполномочным, июня 18 числа здесь в Архипелаге при острове Паросе в порте Аузе получили из главных армей российской и турецкой от главнокомандующих над оными господ российского фертмаршела и ковалера его сиятельства графа Петра Александровича Румянцева и Порты Оттоманской верховняго визиря его сиятельства Мусун Заде Махмет Паши верное известие о заключении у реки Дуная при Журже мая 19 числа перемирия, и хотя по повелению надлежало здешней Архипелажской стороны о перемирии переговоры иметь с предводителем флота высокоуполномоченным господином генералом и ковалером его // (л. 114 об.) сиятельством графом Алексеем Григорьевичем Орловым, но как ево здесь ныне в присутствии нет, и хотя к нему с известием послано и ожидается, но скоро ли прибудет по состоянию ветров предузнать не можно, и для того, чтоб и в здешней стороне ускорить, дальнейшее пролитие крови человеческой остановить, последуя тому же при Журже перемирию, согласились на следующие артикулы временнаго на обе стороны перемирия и удержание оружия на море и на сухом пути, и на островах.

1.

Все неприязненности и военныя действия должны быть прекращены во всех частях Архипелага на море и в окружных берегах и островах, где находятся войски и флот, и в крейсертвах корабли, и прочие военные // (л. 115–154) суда императорския российския и турецкия.

2.

Здесь, при острове Паросе в порте онаго Аузе считать перемирие со дня подписания сего. В прочих же местах Архипелага и во всех островах, где около оных российския эскадры и военныя суда находятся, то есть: до Канди и по сю сторону острова Родоса начало перемирия после дня подписания десять дней. А для скорейшаго и вернейшаго доставления к обнародования сего заключеннаго перемирия посланы будут немедленно со обеих сторон, как от российской, так и оттоманской, во все места по островам и берегам нарочныя курьеры, коим дадутся со обеих же сторон надлежащая о перемирии письма в разсуждении того, что ежели случится встретиться с эскадрою или другими находящимися в крейсертве судами, кои, может // (л. 115 об.) быть, еще от своей стороны известия о перемирии не получили, то те письма командующим отданы бы были. По которым упредительно со дня оных получения, как на берегах, так и на море военное действие будет прекращено. На равном же основании посланы будут со своих сторон курьеры и в дальныя места, и в Медитеррацию. Считаая от острова Родоса и Канди, в коих местах и началу сего перемирия быть со дня прибытия к нам курьеров с известием до получения ж о перемирии известия какия-либо где со обеих сторон неприязненныя произшествия были, оное в предосуждение перемирия не почитать.

3.

Оба флота, российской и турецкой, и войски через все время пе[ре]мирия должны остаться в том же самом положении, в каковом ныне. То есть флот и войски // (л. 116–155) российския от острова Тассо, которой близ Романии, а от онаго к югу и юго-западу и к юго-востоку у Архипелажских всех островов и на островах, где турецких крепостей и гарнизонов и жительства турецкаго ныне нет, до

островов Станчио и Канди; а флот и войски турецкия в Дарданелях и подле Анатолическаго берега, в заливах Ибудруме и островах Лемносе, Тенедосе, Метелине, Шио, Станчио, Родосе и Каниди, где турецкия города, крепости, гарнизоны и жительство турецкое и по ныне состоит. Так же и подле берегов, и заливов, и портов европейских, и острова Негропонта. Однако ни каким военным турецким судам в соединения с Дарданельским, или дарданельския в соединения с Будрумскими и Родосскими, и от других мест по Архипелажскому морю не ходить, да и от Адриатическаго моря и Алжира, и Туниса, и тому подобных мест турецким судам к северу выше Сириге и Канди // (л. 116 об.) во время продолжающагося перемирия в Архипелаг не входить, и против ходящих под Российским флагом судов, где бы то ни было, покушение и нападение на оное не делать, а остаться всем турецким судам военным по вышеписанному в своих положениях. Острову Тассо быть нейтральным, и каналом между онаго и Романии, и Македонии, как российским, так и турецким военным судам не ходить и на якорях в ускости канала не стоять; разве по необходимости в разсуждении погод или неминуемости какому судну пройти должно, то проходя, и оному на якоре не останавливаться и на берега не съезжать. Остров же Самос в продолжающееся перемирие, хотя с прочими и при российской стороне останется, а каналом между онаго острова Самоса и Анатолическаго берега, где ускость, как российским, так и турецким судам без крайней // (л. 117–156) надобности также не проходить, и в том уском между берегов месте на якорях не стоять.

4.

Во все время перемирия, как от российскаго флота из Архипелага в российскую армию на Дунай к командирам чрез Константинополь и другия пристойныя места, так из армии в Архипелаг, в российской флот, курьеров пропускать без задержания, чиня им все принадлежащая к скорой езде вспоможения. Так же и турецкия курьеры по тому же в Архипелаге от российских военных судов будут пропускаемы безостановочно. И когда таковыя курьеры поедут морем на каком либо военном российском или турецком военном судне, то оному судну иметь на передней у себя мачте белой флаг. Также и посылаемыя турецкия галеры или другия какия суда с письмами к российскому флоту, или в Анатолию и Европу в свои места свободно от российских военных судов пропускаемы // (л. 117 об.) будут; токмо бы на тех не было транспортнаго войска, ниже военных дел и неприятельских поисков. Да при том имели бы от командиров тех мест, откуда и за чем посланы, пашпорты. Сие равномерно посылаем и от российскаго флота суда от Порты Оттоманской также свободной пропуск, и турецкому флоту, и к крепостям на островах и у берегов турецких позволяется.

5.

Во все продолжающееся перемирие в Архипелаге, в Анатолии и Европе в приморские и на островах турецкия города, крепости и из Архипелага в Дарданель военных снарядов, и военного оружия, и аммуниции, и войска не подвозить, и вновь ни каких крепостей не делать, и провиантских магазейнов не учреждать; однако находящихся ныне действительно // (л. 118–157) на островах и в Дарданели, и у берегов, и в прочих при Архипелажском море владения Порты Оттоманскаго гарнизонах свое войско и жителей свободно снабждать пропитанием. И ежели бы какия для турецких гарнизонов и жителей островских с провиантами суда турецкия и

большия, и малыя подданных Порты Оттоманской повстречались с российскими военными крейсерами, то безпрепятственно и без задержания пропускаемы в путь их будут; точию на таковых судах оттоманских — от куда и куда, и для которого места и с коликим числом какого провианта — иметь от начальников своих, кого отправят, верныя пашпорты. Во все же время перемирия со обоих сторон, российской и турецкой, в Архипелаге морем с товарами ездить на невооруженных судах на острова и берега грекам и подданным Порты Оттоманской безпрепятственно позволяется. // (л. 118 об.) Но чтоб откуда пойдут и с чем, или кого перевозить станут, имели от начальников тех мест обо всем у себя пашпорты. Начатые ж и построенныя военныя турецкия во всех тех местах, где оныя суда строятся, с берегу не спускать на воду и не вооружать, и вновь военных судов не делать, и к строению военных судов морем лесу не возить.

6.

Ежели по какому либо случаю от бурь российское какое-нибудь судно занесено или придет куда к островам или в залив и к берегам, где турки имеют города, крепости и жительства, то оным во все время перемирия будет давано пристойное вспоможение, в котором имели бы нужду, и в предлежащем пути никакого препятствия чинено не будет. Сие равномерно и от российского флота при островах турецким судам исполняемо // (л. 119–158) будет. И таковым судам по исполнении своих надобностей без замедления отправляться в их путь, не стоя на якорях понапрасну.

7.

Сколько известно, что в здешних Архипелажских водах от своевольства и бездельничества безпутных людей бывали и быть могут на судах бродящия разбойники, и о искоренении таковых должно употреблять старание и иметь от оных все принадлежащия осторожности, что иначе нельзя, как надлежит ввести в них страх оружием и подданным с провиантами и прочим, о чем выше в артикулах значит, ходить под турецкими, а греческим под греческими флагами, иметь на каждом таком судне от начальников береговых или островских у себя пашпорты, и таковую пушками и оружием обороны, чтоб морские разбойники на воде вреда причинить им не могли, а егда возможность будет, то стараться таковых // (л. 119 об.) разбойников ловить и искоренять с обеих сторон, буде же бы и не разбойники, но подозрительныя окажутся и в неисполнении установления ходить станут без пашпортов, таковых брать под крепкия караулы. И ежели явятся турецкия подданныя, таковых от российского флота присылать поблизости, куда способнее будет, к наказанию, к турецким начальникам. Буде от островов российской стороны таковых, для подобнаго ж наказания туркам присылать в российской флот, дабы там способом пересечь как разбойников, так и своевольников, которые без пашпортов станут ходить.

8.

Сроку перемирия продолжаться ноября до первого числа сего тысяча семь сот семдесят втораго года, в разсуждении дальности мест, как Александрия, великой Каир, Алжир, Тунис, Триполи и прочее владение Порты Оттоманской, куда // (л. 120–159) известие о заключении перемирия вскоре доставить не можно. Однако с тем выключением, буде прежде окончания онаго военныя действия в главных армиях на Дунае начнутся, то здесь в Архипелаге от получения о том

перваго известия, паки военныя действия начало свое примут, и тем назначенной срок уничтожается. Ежели ж в главных армиях перемирие по обстоятельствам еще далее и положеннаго сроку продолжаемо будет, то равным образом в здешних водах, в Архипелаге и около лежащих мест, и везде срок перемирия продолжаем будет, во все то время на сих основаниях и пунктах, как и ныне оно перемирие заключено.

9.

Во время перемирия ежели бы какая с обеих сторон, не взирая на все предосторожности, которыя взяты будут, сделалось, что не по желанию, то для онаго разбирательства с российской // (л. 120 об.) стороны при острове Шхиро или Итаро, а с турецкой при острове Шио быть определенным из чиновных поверенным, дабы то по доводам и справедливости они, сносясь между собою, могли без продолжения, приводя все в порядок, успокоивать.

Сей конвенции написано два равногласящия экземпляра на рускум, турецком языках, с приложенными к тому верными французскими переводами, кои взаимно российского в Архипелаге флота адмирал и разных орденов ковалер Григорей Спиридов и высокоуполномоченной от блистательной Оттоманской Порты Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Джаним Хаджи Заде ордена Хаджа Ян своеручно подписали, печатями своими утвердили и оными по обыкновению между собою разменялись. Учинено на берегу // (л. 121–160) в полатках при острове Паросе в порте онаго Аузе. Июля 2 дня 1772 года.

(МП) Григорей Спиридов.

(МП) Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Джаним Хаджа Заде ордена Хаджа Яна.

Июля 18 прошла из Аузы турецкая полугалера в Константинополь, на которой наш российской службы майор едет в главную армию обратно курьером и с ним визира Мисин [Мухсин] Углу адъютант Заим Измаил Ага, капитан полугалеры Сак Изли Эмир Меимем, уроженец острова Сио⁴⁵. Полугалера салютовала мне, а я отвечивал меньше двумя пушками. Были у меня на корабле и по нем ходили, как на чистоту, так и на порядочныя экипажи со удовольствием смотрели. Пили вотку, только с смешною оговоркою, что по закону // (л. 121 об.) их вотку пить не велено, однако на христианском корабле можно. И они, как видно, великия охотники, когда выпили без всякай отговорки по три рюмки и сказывали, что их посол с ними вышел из Аузы на нашем фрегате Африке и пошел к Самосу.

21 июля от крепости ветра и волнения пришел я с фрегатом Архипелагом на Миконской рейд, где нашел корабли: Георгий Победоносец под флагом контр адмирала, Азия, Надежда Благополучия, фрегаты Северный Орел, Деллос, трекатр, две шембеки С[в]. Спиридона.

Во все время моего креисерования браны были в плен турки с их судами и товарами. Греческия и разных наций суда с непозволительными товарами также взяты были в приз и отсыланы в порт Аузу к адмиралу Спиридову.

23 июля пришла на миконской рейд // (л. 122–161) эскадры моей фрегат Почталион и поляка Ауза.

1 дня августа пришел на рейд фрегат Соломбал.

⁴⁵ О. Хиоса.

На поданной от меня репорт о течи в корабле и что грот мачты, бугели и уленги велено от адмирала Спиридова, чтоб для починки я с кораблем шел в порт Аузу, для чего сего же числа и снялся с якоря и пошел с рейду.

Проходя между большова и малова Деллоса, видел стоящей на якоре фрегат Григорий.

Того же дня пришел в порт Аузу и там нашел стоящих на якорях кораблей. Как то: Европу, на котором адмиральской флаг, Всеволод, Аннуари, Нетронь Меня, фрегаты: Надежда, С[в]. Николай, Венера, Сатурн, С[в]. Павел, Минерва, Миконо, Наксия, Победа, Тино, Зеа, Западной, Помошной, бомбандирския: Страшной, Гром, Молния; // (л. 122 об.) трекатров 7, поляк, шембек 7, яхта 1, галера 1, полугалер 4, Броунов фрегат, агленских судов 3, брегантин 3, галанское судно одно, французских 4, греческих лодок 81, пленных турецких шебек 5.

2 числа августа по приказу адмирала Спиридова стал грот мачту разгружать.

Приведена в Аузу турецкая шембека, груженная пшеном и дровами.

Того ж числа корабль Растислав, на котором его сиятельство грав Алексей Григорьевич Орлов, прошел мимо порт Аузы и в Сант-Марио лег на якорь.

4 числа пришла в порт Аузу турецкая полугалера под французским флагом с нашим курьером из главной армии.

7 числа августа вынул из корабля грот мачту.

11 дня корабль Победоносец, на котором контр адмирал Ельманов, пришел в порт Аузу. // (л. 123–162)

12 дня фрегат Минерва вышел из гавани.

13 числа вышли из гавани в Сант-Марио для соединения с кораблем Растиславом, с фрегатом С[в]. Николая, Надеждой, Наксией и Броумом⁴⁶.

14 бомбандирския: Страшной, Молния и фрегат С[в]. Павла.

15 корабль Всеволод. Того же дня на корабле Растиславе поднет кеизер флаг.

16 вышла вышла турецкая полугалера.

На корабле Европе адмиральской флаг спустили, поднят вымпел.

18 числа эскадры моей пришел из крейсера фрегат Парос.

Львиная терраса Делоса

⁴⁶ Имеется в виду, видимо, неоднократно упоминавшееся судно Джона Броуна.

Сего же числа поставил я в корабле грот-мачту, укрепя ее бугилями и вуленгами. Теча в носу была только в крепкия ветры, ее искали, но ничего не нашли. А думать надобно, что та теча под чиксами. И так стал корабль свой вооружать, и что выгружено было обратно, в оной класть.

19 числа пришел в гавань фрегат // (л. 123об.) Африка, на котором был турецкой министр.

Граф с эскадрой пришел в порт Трио.

22 корабль Европа, на котором адмирал и ковалер Спиридов, уволен от графа Алексея Григорьевича Орлова в Ливорну. Он пошел в моря. Я просил его сиятельства уволить меня за болезнью головной раны от службы, но милостиво изволил уговорить, чтоб я еще послужил, обнадеживая милостию нашей государыни, и в разсуждении его сиятельства особливой ко мне милости еще на год оставил.

Фрегат Парос, шембека Греция пошли в порт Трио для соединения с эскадрой.

23. Пришла в гавань шембека Заим для поправления мачты. Шембека же Григория Пано, фрегат Миконю вышли из гавани к эскадре.

25. Фрегат Надежда отправлен // (л. 124–163) от его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова с российскими курьерами в главную армию, пошел к Дарданелям.

29 числа вышел из гавани к эскадре фрегат Победа.

Пришла в гавань турецкая полугалера с их курьерами с требованием, между другими неизвестными требованиями от наместника великаго визиря и капитан паши, чтоб из Дарданелей позволено было их флоту выдти для усмирения, так называют, бунтовщика Али-Бея; однако оное им не позволено, а сказано, что то противно перемирным пунктам. В противном случае, ежели турецкой флот выдет, то силою удержан будет.

31 число августа вышла из гавани турецкая полугалера из порт Трио, граф Алексей Григорьевич Орлов со всею эскадрой пошел в Микону. // (л. 124 об.)

1 числа сентября присланы ко мне на корабль албанской команды капитан 1, поручик 1, знаменосцев-десятников 10, албанцов 93.

Шембека Заим, на которой командир Поярков, становя грот-мачту, кранцы, к которым гинец привязан был, ослабли. И так она упала на интрьюим и проломила, чрез что села на дно.

2 дня с кораблем я Трех Святителей и фрегат Африка снялись с якоря и пошли к острову Микону для соединения с эскадрой его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова.

3 числа пришли на Миконской рейд и нашли стоящия корабли: Растислав под кеизер-флагом, Всеволод, Азия, Надежда, Благополучие, фрегаты: С[в]. Николай, С[в]. Павел, Парос, Наксия, Почталион, Слава, Победа, Рафаил, бомбандирской // (л. 125–164) Страшной, шембеки: Греция, Григорий Пано и разных судов пятнадцать.

11 числа фрегат С[в]. Павел отправлен от его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова с курьерами к Дарданелям. Оныя курьеры поедут к нашей главной армии.

Сего ж числа от его же сиятельства приказом объявлено, что его сиятельство поедет по кораблям и прочим судам для осмотру диспозиции и распределения командующими во время сражения с неприятелем под кеизер-флагом, то со всех кораблей палить по 13 пушек. Что при выезде ево и учинено. Также с котораго кора-

бля съезжал, палили также все из 13 пушек. А люди во все то время, когда с корабля на корабль переезжал, поставлены на всех кораблях по вантам, штагам и реям. По окончании всего, когда приехал // (л. 125 об.) его сиятельство на свой корабль, то поднет был сигнал, чтоб палить со всего флоту из 13 пушек, что и учинено.

16 числа пришел из порт Т[р]ию на Миконской рейд бомбандирской Молния.

17 числа стоящая эскадра на Миконском рейде под кеизер флагом снялась с якоря и пошли к северу. В том числе и я с своим кораблем. Корабль Надежда Благополучие, фрегат Наксия и прочия мелкия суда остались на якоре в рейде.

Фрегаты С[в]. Николай, Слава и шембека посланы к дульциниотам для разбития их. Которых по объявлению до сорока пяти судов, взятых у грузинцов, и несколько своих в разныя пушки — одно в двадцать восемь, в шестнадцать, в двенадцать и восемь пушек; // (л. 126–165) и чтоб оным судам пройтить в Дарданели и тем преумножить морскую турецкую силу. Дульциниоты почитаются морскими и храбрыми людьми. Велено же Воиновичу от графа Алексея Григорьевича, ежели он повстречается с идущими из России кораблями, то, объявляя орден, им велено соединяться, и двум кораблям во оную ж экспедицию, и иметь над неприятелем поиски.

18 числа, шедши с эскадрою у Анатолическаго берега по зюидовую сторону Шийскова каналу на глубине 18 ти сажен, для ночи легли на якорь.

19 числа, лавируя с эскадрою в Шийском канале, его сиятельство Алексей Григорьевич из главной армии получил курьера через Константинополь, что девятое число сего месяца с Атаманскою // (л. 126 об.) Портою перемирие кончилось и военные действия уже начались. С того ж времени и у нас в Архипелаге военные действия начались.

Того ж числа посланы крейсировать у острова Патмоса, Самоса и бухты Будрума фрегаты Северный Орел и Почталион. А флот пошел кругом острова Шио, а не каналом.

23 числа корабль Азия, по переговоре с кеизер флагом, за имевшеюся в нем течу пошел в Аузу.

Тогож числа фрегат Надежда, которой послан был для отвозу в главную армию курьеров, фрегат стоял у острова Имбро, а с курьерами послана была шлюпка, и оная пропущена до других Дарданелей, на которой был лейтенант Левицкой, артиллерии порутчик Зиновьев. // (л. 127–166) Их в проезде сняли крепости виды, и коликое число стоящих кораблей, при сем вношу план. Капитан пашою приняты были ласково. Аудиенция дана была в полатке. Подчевали кофеем. И в проезде крепостей салютовали нашим афицерам по три пушки с ядрами больше для доказательства, что ядры из крепости в крепость почти достают.

(л. 127 об. и 128–167 [цв.илл. в разворот: Карта Морская Специальная, описана примером сетауация берега фасаде и планы крепостей Дарданельга флота лейтенантом Левицким и штюрманом подпорутческаго ранга Полонским по приказу командующаго г[оспо]дина капитан лейтенанта Кожухова, на фрегате Надежде сочинена сентября 3 дня 1772го году, при отвозе [к]урьеров в Дарданельли в крепость на европеиском берегу, называемую Морта на компасте имеющей склонения W 1 1/2 румба) (л. 128 об., 129–168, 129 об., 130–169 [пусто]) // (л. 130 об.)

Фрегаты Африка послана в Шкиро, а Надежда в Итаро для высылки ушедших от ветра судов, чтоб шли в пролив между Пароса и Наксии.

Тогож числа для крепости ветра вся эскадра пошла на фордовинт к зюиду.

24 числа корабль Всеволод, на котором сел контр адмирал Греик, пошел в Патмос и другия по близости лежащая острова для сыскания гавани зимовки кораблей.

Тогож числа прошед между Миконы и Тино и Деллосов, пришли в порт Марио, легли на якорь корабли: Растислав, Трех Святителей, фрегат Парос, бомбандирския Страшной, Молния.

25 число от графа прислан ко мне на корабль турак [к]а[имм]акам Чоадари Сеить Амер и с ним // (л. 131–170) слуга. Они приехали с нашим курьером из главной армии. Кургер тот, которой привез, что в армии перемирие кончилось и военныя действия начались. Оной курьер от турок весьма везде приниман дурно и не так, как другия. По причине, что не сделалось миру. В острове Шио ево щипали, а что бранили, то почти везде.

Фрегат Парос пошел для починки в порт Аузу.

26 дня Таро⁴⁷ пришел из Тины на шембеке Греции. И еще три поляки легли на якорь.

27 числа корабль Всеволод и фрегат Надежда, пришедши, стали на якорь. Контр адмирал способной гавани не отыскал.

От норд-весту пришли фрегаты С[в]. Павел и Констанцио и легли на якорь. // (л. 131 об.)

29 числа для налития пресной воды вся эскадра перешла в порт Трио и легла на якорь.

Того ж числа пришел из России корабль Победа. На нем капитан командиром втораго ранга Степан Васильевич Новокшенов. Стал на якорь. Сказывал он еще о других двух кораблях, что они из Ливорны вышли вместе. Он дней с шесть заходил для починки корабля в Пор Фераи и сказывал, что корабль Трех Иерархов еще починивается.

Бомбандирской Страшной для килевания пошел в Аузу.

1 число октября прислан ко мне от графа турак и при нем слуга, приехавший с письмами от наместника верховнаго визиря и капитан паши Гасан Бея с тем, что в армии еще // (л. 132–171) перемирие сделали на 40 дней.

Фрегат Победа, пришедши, стал на якорь.

3 число фрегат Констанция послан к острову Миллу для проведения идущих из России кораблей.

6 число фрегат С. Павел, поляки Стикс, С[в]. Алексей и шебека посланы к бею в Александрию или где он обретается.

Живущия у меня турки отпущены на филюге в Дарданели с тем, что его сиятельство перемирие делать не хочет.

Фрегат Григорий, который грузился у острова Тино мрамором, пришел и стал на якорь.

7 число прислан ко мне на корабль от его сиятельства приехавшей из главной армии чрез Константинополь; // (л. 132 об.) курьер иностранной коллегии переводчик Сергей Лашкарев и с ним провожатой турак Едеп Чили Ибрагим и при них слуг два с письмом из главной армии от фельтмаршела Румянцева,

⁴⁷ Видимо, имеется в виду Псаро, капитан шебеки «Греция».

что по прозбе визиря между турецкою и нашею армиею сделано перемирие на сорок дней; а чтоб после сорока дней на шесть месяцев. Для чего послан курьер в Петербург, чтоб и граф сделал в Архипелаге равное же перемирие. Курьер сказывал, да и самые турки, что их армия против прежняго меньше; наша же армия подобно бы быть против прежняго больше, да и полки в комплекте; только много больных, так что в каждом полку человек ста по четыре. // (л. 133–172) У нас в Архипелаге Шлюшенбургской полк, живучи на острове Паросе, почти весь болен, и в три месяца больше шести сот человек рядовых да афицеров великое множество померло.

10 число курьер Лашкарев и с ним приставленной турак отправлены обратно в главную армию с тем, что, хотя в главной армии перемирие есть и впредь будет, только в Архипелаге его сиятельство перемирия не сделает, разве на то имянное повеление будет.

Да и правда, что нам перемирие приносит больше убытку, нежели прибыли. В военное время берем призы, хлеб и прочее; другое, что турки не могут магазейны // (л. 133 об.) наполнять свои провиантом. В Константинополе, Смирне, Солонике за не пропуском делается дороговизна. Да и на корабли новопостроющия припасов возить не могут. Также дулциниоты в Дарданели идти опасаются.

12 числа фрегат Африка, будучи для починки в порт Аузе, пришел в порт Трио и лег на якорь.

13 числа фрегат Констанция пришел и лег на якорь. Кораблей он не отыскал и об них ничего не слышал.

14 числа капитан фрегата Африки Михайло Андреевич Клеопин отставлен, и вместо ево командиром определен с моего // (л. 134–173) корабля капитан лейтенант Извеков, а ко мне определен капитан лейтенант Иван Васильевич Арцыбашев.

В Архипелаге острова Сим и Калемат — жители промышляют грецкими губками. Берут их в море на глубине от сорока до пятидесять сажен. Бывают под водою от четверти и до половины часа. Плавают на несколько миль и скоро. А в воде могут пробыть двои или трои сутки. Сему есть она причина, что они с малых лет привыкают плавать. А чтоб быть долго под водою, то у малолетних портят слуховые уши, по которым он под водою проводит дыхание. Почему столь свободно и долго под водою могут // (л. 134 об.) быть, сколько нужда может требовать.

В Черном море в самом проходе к Константинополю, есть деревня Фанар, да и мыс тем же именем называемой; жители той деревни плавают и бывают под водою столько же, как и островские. У мыса идущия из Чернова моря или из Константинополя суда за противными ветрами ложатся на якорь, то оныя жители приплывают к судну и подрезывают канат, чтоб бросило судно на берег. Тогда всех на судне убивают и получают все судно к себе в добычу.

На Анатолическом берегу качующия в горах, переходя // (л. 135–174) с места на место, так, как колмыки, живут в полатках, называются туркмени. У них лошадей, верблюдов и скота великое множество. Изнанимаются с места на место перевозить товары. Торгуют своим продуктом, скотом и маслом коровьим. Жены их ткут ковры. По зимам для тепла переселяются поблизости моря. Сверх всего они еще великия разбойники. Где что им ни попадается, присвоят к себе, делая притом много и смертоубивств. Султану платят с полатки по одному турецкому червонцу, то есть сто восемьдесят копеек.

15 числа вся эскадра под кейзер-флагом снялась с якоря, и, пришедши в порт Марио, легла на якорь. // (л. 135 об.)

17 числа пришел из Аузы фрегат Соломбал.

Вся эскадра снялась с якоря и, лавировав к ночи, положила якорь в той же бухте, порт Марино.

18 дня снялась эскадра с якоря, лавировав к норду. Фрегат Соломбал пошел на фордовинт к зюиду. Пришел в эскадру фрегат Парос.

19 дня, подошед в близость острова Микона, ночью на корабле Растиславе кеизер флаг спустили, а на корабле Победе господин контр адмирал и ковалер Греик поднял свой флаг. Остались с кораблем Растиславом фрегаты Григорий, Тино, текар Греция, шебек три и отделились от эскадры к зюиду. // (л. 136–175).

20го, проходя между Миконы и Тины к норду, корабль Надежда Благополучия вышел к нам на встречу, и, отсалютовав конт адмирал флагу, пошел обратно на Миконской рейд и лег на якорь.

22 числа через пришедшую к нам полугалеру из Миконы уведомились, что его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов, день простоя на якоре у острова Тино, потом пришед на Миконской рейд, стал со всеми судами на якорь.

23 дня вся эскадра, пришед в Шийской канал против города Чисмы, легла на якорь.

Я с контр адмиралом и прочия афицеры на фрегате Констанцие ходили для осмотра Чисменской и Шиской крепости, // (л. 136 об.) и мест для высаживания десанту.

Фрегатом Паросом взят трекатр.

24 дня определено к Чисминской крепости для разбития оной и для сожжения стоящих судов и выгнания из города турок фрегаты: Африка, Надежда, Парос, бомбандирской Молния и фрегат Констанция, на котором для присмотру военных действий имеет быть господин контр адмирал Греик.

И по данному сигналу с корабля Победы фрегаты и бомбандирской пошли к городу Чисме в бухту и легли в самом малом разстоянии на якорь — с шпрынгом. Бомбандирской бросал бомбы, а фрегаты первья два безпрестанно палили // (л. 137–177) из пушак с ядрами.

Десант свезли на берег. От неприятеля безпрепятственно на том месте, где при сожжении флота турецкая была сделана ботарея, числом всех гвардейских, армейских, морских салдат и албанцев пять сот дватцет человек, и две пушки. Албанцы занели высоты, а регулярные войски расположились по берегу до самава форштату Чисмы.

Фрегаты пресильной и безпрестанной своей пальбой крепость заставили молчать. И множество збили амбразуров. Тож, надеюсь, досталось и стоящим на крепости пушкам, хотя их не больше шести было. Люди на крепости от наших ядер скрылись за стенами, // (л. 137 об.) хотя их, как в крепости, так и в форштате очень мало видно было. За верное сказывали туташние греки, что турок всех с небольшим тритцать человек. Но греки, где есть оказия, рускова застрелить случаю не опускают. Что я сам видел: по моему барказу стреляли не одни турки, а были и греки.

Для взятия крепости наш десант не старался. Стоящей на круглой башне флаг, албанец древко подстрелил, от чево оное упало и досталось в добычу. На

*Чесменская крепость и залив,
в котором видны корабли затопленного в 1770 г. турецкого флота*

той же башне видно, что ядром также збит флаг. А прочия в крепости флаги и лежащая по набережной у крепости медные четыре, в том числе широкогорлая одна, и чугунных пушек шесть оставили // (л. 138–178) в тех же местах не вредя.

Десант в форштате зжег один турецкой дом из собранных негодных материалов, после сожжения флота могазейн и несколько вытащенных на берег лодок и не большой могазейн с хлебом, возвратился на корабли также безпрепятственно от неприятеля.

Фрегаты, как стали ссыматься с якорей и выходить из бухты, то с крепости из одной пушки палили по оным.

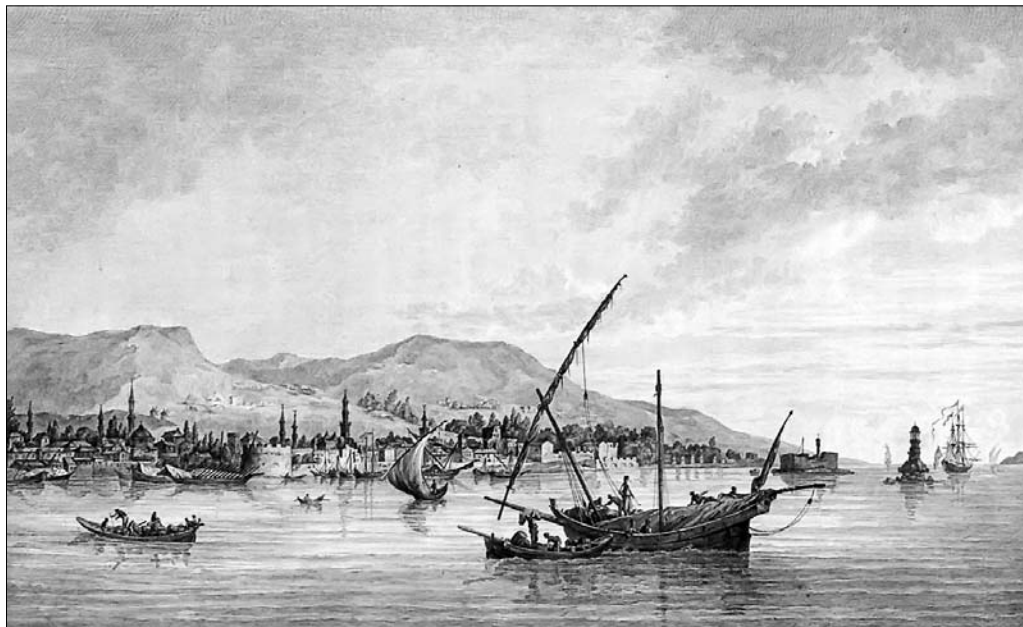
Я во все время был у десанта на берегу с контр адмиралом от начала и до конца.

Во оную атаку города на фрегате Надежде от неприятельскова ядра разорвало двенадцети фунтовую пушку, убило шесть // (л. 138 об.) человек до смерти, да и несколько ранило. На Африке двоим у рук пальцы отбило. На фрегате Паросе ядром фок мачту на три дюйма пробило.

Барказ мой для свозу десанту, на котором определен мичман Киленин, которой по не-осторожности подъехал к берегу с другой стороны крепости, где нашего десанту не было, из запала убили двух матросов и троих ранили, из высаженных в десант сухопутных салдат ранили двух, да убито албанцев четыре и ранили шесть.

Сколько же турок пропало в крепости и форштате, знать не можно. В форштате почти дела ни какова не имели, // (л. 139–179) а только из-за у[г?]ла или из полат перестрелки иногда были.

Как с моря, так и с сухова пути города Чисмы атаку здесь планом приобщаю.

Хиос

(л. 139 об. и 140–180 [цв. илл. в разворот: План находящеися в Анатоли чисменской крепости с показанием произведенных при тои крепости, как от морских, так и от сухопутных россииских Императорских войск военных действий 1772 году октября 24 дня, сочинен при инженерной команде того ж числа]) // (л. 140 об.)

25 числа вся эскадра снялась с якоря и, подошед под Шио не много по выше города, легла на якорь.

26 число послано от господина контр адмирала в Шио к губернатору с греком того острова письмо; а отвозили фрегата Надежды на шлюбке. Тут же были лейтенанты Левицкой и Алексиано. Как пристали к берегу близ крепости, то двоя чиновных верхами сбегшихся турок отогнали прочь, и, взяв письмо, один поскакал к паше. А прочия турки и грек побежали за ним же. Шлюбка и афицеры поехали обратно на корабль, хотя от турок было и представлено, чтоб подождали. Только наши отговаривались бывшей тогда погодой, // (л. 141–181) опасаясь, чтоб у берега не разбить шлюпки. Сие письмо вношу оригиналом.

Почтеннейший господин губернатор острова Шио.

Его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов послал меня с эскадрою против вашего острова, приказав прежде истребить малинькия суда в Чисменском порте, которыя найду за способныя и могущия вам привести помощь. Потом по его природной склонности к человеколюбию приказал мне до нападения истребовать от вас, ежели вы хотите спасти ваш город и ево жителей от всех разорений и нещастий, какия война // (л. 141 об.) нанести может, то для избежания оных можете заплатить контрибуцию и прислать о том договориться со мною. Его сиятельство в разсуждении богатств города столь многолюднаго, имеющаго много фабрик и великую коммерцию, требует миллион пиастров для спасе-

ния города от огня, грабительства и разорения. Вы видите, что требование его весьма умеренно. Но еще при всем том он мне дал полную власть с вами об оном договариваться. И ежели за благо рассудите, то пришлите ко мне людей для договору. Присланные будут сохранены свято и отпущены назад верно и сохранно прежде, нежели какия // (л. 142–182) нибудь начеты с нашей стороны военныя действия. Впрочем, хотя в характере бубличном⁴⁸ мы и неприятели, но партикулярно остаюсь вашим другом.

На подлинном подписал. контр адмирал Самуил Греик.

27. Командир Куппа взял ночью трекатру, которая шла в Чисьму для взятия со згоревших кораблей вынетых из воды пушек. Она перевезла из Константинополя в Лимносскую крепость четыре пушки, несколько бомб и шесть тысяч ядер. Со оной трекатры греков в матросы велено взять молодых по кораблям. // (л. 142 об.) Я на свой корабль взял шестерых. Оныя греки сказывают, что в Дарданелях стоят кораблей три, бомбандирских два, несколько шебек и галер, два корабля и множество галер в Черном море.

На подлинное письмо от Шийскаго губернатора, присланное с тем же греком на филюге ответ, вношу оригиналом.

Российскаго флота честнейший и почтеннейший господин контр адмирал Самуел Греик. Желая вам добраго здравия.

Получил я вчера ваше письмо, и из онаго увидя, что вы сожгли все суда в порте Чисьме и разбили крепость с морской // (л. 143–183) стороны, и что хотите разорить остров Шио, которой я определен защищать, и что вы имеете на то повеление от графа, все то очень хорошо. И для того мы полагаемся на власть Божию. Со всем готовы. Еще ж мне пишете, что, ежели я хочу спасти остров и все то, что в нем есть от разорения и от всего, что война нанести может, приказано вам требовать 1000000 пиастров контрибуции, удивляюсь весьма. Я не определен, чтоб продавать и выкупать города. Делать такія требования неприятно и самому Богу. Из которых не заключаю ничего другаго, как только, что вы хотите войны. Мы же, полагаясь // (л. 143 об.) на силу Божию, готовы показаться. И с тем посылаем к вам сие письмо, которое получа, делайте, что вам рассудится.

На подлинном подписано: Мустафа паша визирь и протектор острова Шио.

Грек, которой возил письмо, сказывал, что турки и греки все свои пожитки перенесли в крепость и погреба. В домах и на фабриках ничего нет. И со всем к принятию нас готовы. Крепость имеет больших пушак больше осмидесяти. Также есть ботареи, из которых одна на мысу по зюидовую сторону города. На всех считают со 117 пушак. В том числе есть // (л. 144–184) широкогорлыя. Янычар в крепости 1000 человек, конных и пеших турак по 300. Они вкруг города караулы содержат. Да, может быть, будут и греки. Но всех не более полагает 1800 человек.

Контр адмирал Греик, получа ответ из Шио от губернатора, что он контрибуции не дает, а ожидает принять военною рукою, хотел поставить два корабля, два фрегата и один бомбандирской против крепости, но в разсуждени так великой крепости, из чего предвидится больше быть нашего ущербу без славы и

⁴⁸ Публичном.

На Хиосе

военной прибыли, десанту же нам по малости высадить не можно, и так, хотя и стыдненько, но все покушения против неприятеля // (л. 144 об.) и всего города оставил.

Отписал к графу прислать войск русских и албанцев, и бомбандирской, то уповаеет с пользою на город напасть, но граф десанту прислать за благо не разсудил, да и неково. Полк весь почти померл, а которыя еще живы, так больны.

29 дня вся эскадра снялась с якоря и пошла к норду.

1 дня ноября вся эскадра у Москонисских островов легла на якорь. Каналам: Шийскому между Анатолии и Метелины, Маскониским островам с видом берегов и с промером глубин, при сем приобщаю карты.

(л. 145–185 [пусто])

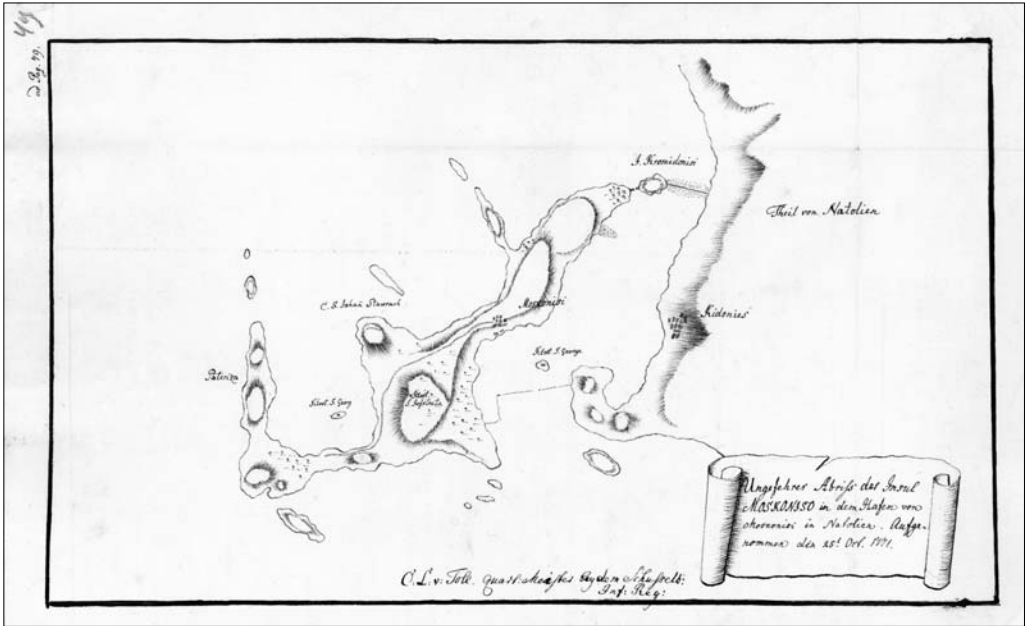
(л. 145 об. и 146–186 [цв. илл. в разворот: Северо-Восточная часть Эгейского моря (с незаконченной легендой) // Лемнос // Эмбро // Проход Дарданелии // Развалившая к[репость] Троя // Остров Метелин // Лакулата // Смирна // Чисменская Крепость // Остров Хиоксио // [Ипсаро])

(л. 146 об., 147–187 [пусто]) // (л. 147 об.)

2 числа снялись с якоря и пошли к Дарданелям.

3 числа, прошед между Тенедоса и Анатолии к Дарданелям и, не видав ни каких турецких судов, пошли к Тассу.

Подходя к острову Имбре, увидели идущих филюг от Лимноса восемь, за которыми сделан был сигнал, чтоб всей эскадре гнать. Но как каравль мой всех лучше ходит, то и отделился я от эскадры в довольном расстоянии. И будучи уже у острова Лимноса, одну трембакалу нагнал с хорошим грузом. Она с понуждения моих ядер принуждена идти к кораблю. Прочия филюги старались

Москоониские острова. Из Журнала К.-Л. фон Толля. 1771 г.

уйти в бухту острова Лимноса. К тому ж и наступила ночь, ***[Далее текст восстановлен по рукописи РНБ] но я против бухты с кораблем лег на дрейф и послал, довольно вооружа и умножа людьми, две шлюпки для взятъя ушедших фелюг; на первой шлюпке мичмана Киленина, на другой армейскаго поручика Фризеля; Киленин привел к кораблю без людей три фелюги с разным богатым грузом, а Фризель: у него на шлюпке ранили матросов двух, полеваго солдата одного легкими ранами, который с трусости возвратился в самой скорости к кораблю.

7 числа ноября вся эскадра, пришед к острову Тассу, легла на якорь.

Тут исправлял всякой свои нужды и запасался дровами и разным для корабля лесом.

13 ноября вся эскадра снялась с якоря и пошла к острову Шкиато, в острове Тассо остался из татар команды моей матроз.

16 ноября вся эскадра пришла в остров Шкиато, легли на якорь.

19 ноября вся эскадра снялась с якоря, пошла к Дарданелам.

Я с моим кораблем к тому же за зимним беспокойным временем и течью отпущен в порт Аузу.

Острова Скиато южной стороны с аккуратною описью и промером глубины, при сем предлагаю портам карты.

*** [в рукописи ВСМЗ] (л. 148 [цв. илл. — карта; лист оборван])

(л. 148 об. [пусто; лист оборван])*** [Далее текст восстановлен по рукописи РНБ]

25 ноября пришел я с кораблем в порт Аузу, где нашел в гавани стоящих кораблей: Януария, пришедшаго из России, семидесят пушечный Чесму, Азию, Нетронь — меня, Надежду благополучия; фрегаты: Св. Николай, Славу, Констан-

цию, Минерву, Соломбал, бомбандирский корабль Гром, на брантвахте запасное судно, английских судов восемь, в том числе, пришедших из России с грузом три, французских семь, венецианское одно, разных мелких тридцать-четыре, всех шестьдесят-два судна.

С графом в порте Марио корабли: Ростислав, Георгий Победоносец, Саратов, Граф Орлов, бомбандирский Страшный и несколько других судов.

Уведомился я, по приходе в порт ***[далее текст по рукописи ВСМЗ] // (л. 149–192) Аузу, что наши корабли Орлов и Чисьма, фрегаты С[в]. Николай, Слава и шембека Забиака сожгли дулциниотских фрегатов в Морее у Патраса тринадцать, остались на мели три.

Когда его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов в перемирие с Портою, узнав, что дулциниоты, вооружа свои фрегаты, шамбеки и галеры, в прибавок взял у рагузинцов числом всех до сорока судов с большим числом десанту, чтоб напасть на наши в Архипелаге острова и разорить стремительное намерение на остров Парос, зная, что полк совсем вымерл, или пройти в Дарданели для приумножения морской силы. Да они и почитаются храбрыми и морскими людьми. Послал ко оным два фрегата С[в]. Николая и Славу, на которых // (л. 149 об.) Иван и Марко Воиновичи, шебеку Забиаку, чтоб оным дулциниотам представить, чтоб они из своих портов не выходили, которое будет в противность перемирным договорам. Но как наши посланники дошли до острова Занто, то увидели дулциниотской флот, состоящей в двадцати пяти судах под адмиральским и виц адмиральским флагом. Но как наших увидели, то весь турецкой флот погнался, и, конечно бы, наших переловили, ежели бы гнались каждой особо, но они хотели отаковать всех обще. И так наши, пользуясь ночным временем, от оных ушли. И вся эскадра лавировала у острова Сириго, примечая дулциниотов. А дулциниоты возвратились к Патрасу. Иван Воинович получил*** [текст восстановлен по рукописи РНБ] от графа Алексея Григорьевича и с присланной шамбеки, что с Портою перемирие кончилось и военные действия начались; почти в то же время пришла нечаянная радость: увидели идущих к Сириге российских два корабля Чесму и Граф Орлов, которым свою комиссию объявил; да ему ж от графа предписано было, чтоб, в случае надобности, с едущими из России кораблями соединиться. На кораблях были командиры: на Графе Орлове капитан Коняев, на Чесме датчанин Аклейн, и так соединясь, по старшинству взяв над всеми команду капитан Коняев, пошли делать поиск над неприятелем, и как прошли остров Занто, то увидели турецкий флот, лавирующий в двадцати-пяти судах, который вскоре стал ложиться в линию; но тот день, хотя и были перестрелы друг с другом, но крепкий ветер сделать баталию не допустил.

На другой день, то есть 27 октября, наша эскадра погналась за неприятелем, который стал ретироваться и бежать под крепость Патрас; наши, догоняя, по ним стреляли и два фрегата по близости берега загнаты на мель, а прочие у восточной крепости под защищением крепостных пушек за противным и крепким входили в Лепантской залив ветром на якорь легли.

На третий день 28 дня октября наши корабли и фрегаты, не взирая, что с обеих крепостей достают ядры, подошел к неприятельским фрегатам, легли на шпринг и производили жестокую пальбу из пушек с ядрами, бросали бомбы

и брандсугели, и многия суда зажигали, от которой сильной пальбы на неприятельских судах замолчали, да и люди все сбежали на берег; наши, увидя неприятельския суда без людей, послали жечь, и так сожгли тринадцать судов, несколько о тридцати-двух, о двадцати, шестнадцати и осьми пушках и большую капитан-паши галеру; три фрегата у самой крепости остались, уверяют, что оные на мели, а прочие ушли за Дарданелы, в Лепанский залив, где, сказывают, их достальная эскадра; за убежими по узкости Дарданел гнаться было не можно. На корабле Чесме убит флотский поручик Козмин, ногу отбили у капитана-поручика Лопухина и троих легко ранили; и так с победою возвратились к острову Паросу, где и соединились с графом в порте Марио. Оной баталии при сем приобщаю план.

Прислан из армии чрез Константинополь от Обрезкова курьер, что в главной армии с Отоманскою Портою сделано перемирие на три месяца, то есть марта по десятое число, почему от его сиятельства посланы ко всем крейсерам повеления, чтоб военныя действия пресечь, також и в призы никого не брать; которыя же взяты нейтралитетных держав суда с турками и с их экипажем, всех отпустили, заплатя шкиперам судов за простой не малыми суммами денег.

Граф Алексей Григорьевич писал к капитан-паше, чтоб они прислали, уполномоча, таких людей, которые б договорились о перемирии; ежели ж они на положенный срок не пришлют, то начаты будут военныя действия. *** [Далее по рукописи ВСМЗ] // (л. 150–196) От ея величества всемилостивейшей государыни чрез письмо к его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову велено морских афицеров, капитанов, капитан-порутчиков, порутчиков, мичманов и штюрманов из Архипелажской эскадры прислать в Петербург несколько человек, на которое повеление от его сиятельства требовано охотников, кто в Россию ехать пожелает. Сколькo ж афицеров охотаю послано и кто за болезнию отправлен на аглинском судне, при сем предлагаю реэстр.

Капитаны перваго ранга:

Петр Бешенцов, Никифор Палибин.

Капитан лейтенанты:

Алексей Давыдов, Семен Кандратьев, Иван Бахметев. // (л. 150 об.)

Лейтенанты:

Василей Плещеев, Сергей Плещеев, Василей Поярков, Алексей Чаплин, Николай Шубин, Василей Машин, Уразай Иезель, Амандус Берх, князь Александр Вязимской, Петр Слизов, Степан Золотилов, Федор Сорнев, Федор Бачманов.

Мичманы:

Василей Френев, Ульян Пустошкин, Александр Воейков, Егор Панин, Яков Сукин, Петр Кашинцов, Василей Шенин, Емельян Толбузин, Яков Харламов.

Штюрманы:

Федор Минин, Петр Кудрявцев, Иван Журавлев, Андрей Козмин, Григорей Леонов, Яков Степанов, Константин Фомин, Федор Кармазин, Иван Шишуков, Иван Антонов. // (л. 151–197)

Подштюрманы:

Иван Комаров, Лев Петров, Степан Экетов, Михайло Никитин, Игнатей Коренев, Яков Белоглазов, Александр Батаков, Прокофей Веселовский, Василей Артемьев.

За болезнью отправлены на аглинским судне Грандук Оф Рушь

Капитаны второго ранга:

Михайло Клеопин, Афонасей Поповкин, Мосей Давыдов.

Капитан лейтенант:

Александр Мурамцев.

Лейтенант:

Федор Путятин.

Мичманы:

Михаило Жуков, Николай Рудаков, Владимир Галской.

Морских боталионов капитан

Николай Баиков:

Камисар:

Афонасей Баженов. // (л. 151 об.)

Шхипер:

Дмитрей Пилискиев.

У его сиятельства в то же число просил и я отпуску в Россию, но, жалючи, мне сказал, что не отпущу, со обнадеживанием от ея величества всемилостивейшей государыни милости; итак, по убеждению его сиятельства милостию принужденным себя нашел остаться.

29 ноября корабль Граф Орлов и Азия посланы в эскадру господина контр адмирала и ковалера Греик.

23 декабря из главной армии прислан к графу курьер, которой был в Морее, в Наполе Деромании, Салониссе и Ксваллы, отправлен с тем же подтверждением, что сделано перемирие по десятое число марта 1773 году. // (л. 152–198)

26 число декабря его сиятельство на карабле Рагистлаве, Победоносец, Саратов, бомбардирской Страшной и один Помощной пошли к острову Микону.

Нынешней год был спокоен. Летом был ветрен и тем от жаров делал великое облегчение. Только для Шлюшенбургскаго полку несчастлив. В три месяца, начиная с июля, померло салдат больше девяти сот, и тридцети человек штаб и обер афицеров, да и поныне еще остальные мрут, так что превосходит 1200 человек.

Столь было опасно для посторонних, как то: лекарей и других, которые тут пожили, что редко оттуда выходили здоровыми, но вскорости занемогали и умирали. Болезни тут были разные: гнилые пятна, горячка, лихоратка и кровавой понос. // (л. 152 об.)

Нынешней год был все в премиррии. И так призов мало взято. Всех других держав купецкия суда, узнав, что ежели в Константинополь, в Смирну, Солонику и другия места везет хлеб и прочее, кроме контрбандных вещей, на имя христианских в тех местах купцов говорили. Российския крейсеры, хотя точно знав, что турецкой хлеб и везут к турке, не брали. А ежели кто возмет, то, отпущаючи, за простой деньги платят. В нынешний год великая сумма вышла судам за простойныя дни. И так турак все может получать безпрепятственно.

Русские нательные медалионы.

Найдены на месте русского кладбища в Аузе

В Романии и Анатолии и других местах хлеб родился хорош и прежнее гораздо дешевле.

Есть в Кандии, Метелине и других местах магометанского // (л. 153–199) закона люди, которые имеют в себе природную проказу. С ними другие люди близко не бывают, опасаясь той прилипчивой болезни, которая чрез ветер пристать может и делает им подобнаго. Они живут весьма далеко от прочих особливими селениями в горах. Питаются милостынею. Женятся на подобных в болезни себе. Раждют детей, но с такою же проказою. И так остаются их болезни в роды родов.

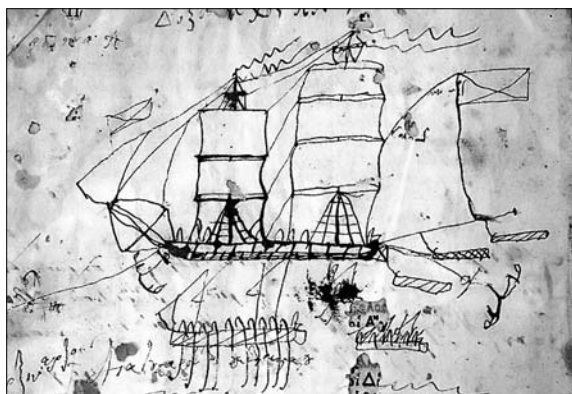
Сие не удивительно в Греции, что люди, как говорят, питаются былием травным; так, как и было в острове Наксии. 1772 году за неимением хлеба три месяца люди питались, как скотина, травой. Да и ее родится только по камням мало. Она в холодное время не растет, а летом от солнца выгарает. // (л. 153 об.)

Сей остров в прежния времена был посвящен Бахусу, почему еще и ныне остатки ево храма видны. Я на нем много видал людей и довольно от них самих слышал, что они проживают травой и разных родов малинькими ракушками и полевыми улитками, и, одним словом сказать, что едят они всякой вздор, предпочитая то, чтобы только природная праздность и леность была необузданною. Я нашел молодого грека, которой от 20 до 25ти лет питается травным былием. Он собою весьма худ и весь почти гол. Я ево взял к себе на корабль в службу, давая ему провиант равно, как и своим матросам, и на месяц по два рубли с полтиною денег. Он, пробыв у меня двои сутки, на корабле быть не захотел. И лучше согласился, // (л. 154–200) будучи в праздности, есть траву и ходить голым, нежели быть под какою либо властью. Да и много толь подобных.

В Греции и других христианского закона местах посты, среду и пятницу, весьма свято наблюдают, воздерживаясь от мяса и

от рыбы. Что ж касается до шестой Господней заповеди исполнения, то совсем противное ей делают. Убивают и грабят людей, ни за что вменяя, умствуя таким образом: что убить человека в наших островах по законам нашим и судится. А сие, то есть убить, не иначе от того происходит, как он мне вред нанес.

Свадьбы в Греции венчают в домах. Даже хотя бы было то и в Великой пост. Архиереи имеют право мужа с женою // (л. 154 об.) разводить. Также, ежели кому надобно, чтоб кто-нибудь был от архиерея проклят, то все оное можно получить за небольшие деньги. Есть еще у них и то, что продаются патриаршия грамоты о разрешении грехов в будущем веце. От умершаго богатого человека архиерей требует хорошей за погребение платы. Как-то: садов, земли и денег. А ежели, что он хочет, не дадут, то он и усобшему делает великое притеснение. В сем им от

Корабль под георгиевским флагом, нарисованный на греческой богослужбной книге XVII в.

*Наксос. Церковь Panagia Drossiani IX в.
в центральной горной части острова*

патриарха воля. И так под турецким игом, как патриархи, так и нижния запутались в лакомстве и ненависти, яко заблуждшия овцы. Греки, перекупая у верховнаго визиря, которой немее становится ста тысяч рублей в месяц, трех патриархов, один на другога место поставляли.

(л. 155–201, 155 об., 156–202, 156 об. [пусто]) // (л. 157–203)

1773 год.

Сколько в Архипелаге российского императорского флота кораблей, фрегатов и прочих во-

енных судов, и сколько на оных командиров, и кто имянно, сие заключается в следующем реестре.

СУДА	КОМАНДИРЫ
Корабли: Аннуарий Всеволод Трех Свят[ителей] Граф Орлов Азия Европа Чесма Победа Саратов Трех Иерарх[ов] Рагислав	Борисов. Роксбург. Хметевской. Коняев. Толбузин. Поливанов. Аничков. Новокщенов. Булгаков. Степанов. Аклея.

// (л. 157 об.)

СУДА.	КОМАНДИРЫ.
Победоносец Надежда Благополучия	Козлянинов. Коняев.
Фрегаты: Северный Орел Надежда Африка Тино С.Николай Соломбал С.Григорий Парос Венера	Фондезин. Кожуков. Извеков. Проселков. Воинович. Муратов. Давыдов. Мистров. Арцыбашев.

<p>Минерва Почталион Архипелаг Сатурн Победа Деллос Слава</p>	<p>Дугдал. Кривцов. Мельников. Шишкин. Козлятев. Скуратов. Марка Воинович</p>
---	---

// (л. 158 — 204)

СУДА.	КОМАНДИРЫ.
<p>Запасной С.Павел Констанция Наксия Помошной</p> <p>Барбардирские: Гром. Страшной. Молния.</p> <p>Шебеки: Греция. Забияка С.Николай Спиридон</p> <p>Поляки: Патмос Стикс Мадоне Калига Мадона Мегаспола или С.Алексей С.Спиридон</p>	<p>Федоров. Паниоти Алексиано. Александр Алексиано. Корельий. Киленин.</p> <p>Перепечин. Синявин. Ильин.</p> <p>Псаро. Николето Кужевиц. Гералимус Витоли. Яни Поломари.</p> <p>Лежнев. Паликути. Герасим Калига. Джавани Валзомани. Понагополу.</p>

// (л. 158 об.)

СУДА.	КОМАНДИРЫ.
<p>С.Екатерина Стефани Поландри Ауза С. Екатерина Приятная С. Анна Мадона Дельбона Требанула Мена Тилия</p> <p>Трекатры Гусева Мадона Дидна Мадона Трипети</p>	<p>Джаване Купо. - Илья Юшкович. Стефано Поли. Паламида. Федор Мурзамаки. Николако Мандино.</p> <p>Гусев. Григорей Пано. Анагтости Марогнопола.</p>

Брегантины: Залиот Захват Антипарос Поландра Лондры: Доезда Эино	Юрго Артачино. Яни Варвач. Антон Алексиано. Пасхали Николаев.
---	--

// (л. 159–205)

СУДА.	КОМАНДИРЫ.
Волич Лаго Полугалерки: Анжентера Ищун Союз пяти братьев Соколевы: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. Лотка о 18ти веслах	Грек Петр Семенов. Яни Анастасиев. Яни Псарionoс. Яни Димитриев. Кали-Меро. Калисперова. Марангополова. Калимерова.

Починя я свой корабль Трех Святителей за неимением лесов, сколько было можно, 4е число генваря вышел с кораблем из порт Аузы для соединения с его сиятельством. Того ж дня // (л. 159 об.) пришед в Микону на рейд. Где нашел стоящих кораблей: Растислав, под брейд вымпелом, Саратов, фрегаты: С[в]. Павел, которой ходил в Александрию, Венера, Слава, четыре шебеки; с его сиятельством на короткое время пошли к острову Тину фрегаты С[в]. Николай, Констанция, барбардирской Страшной.

Корабль Победоносец, судно Запасной с контр адмиралом Ельмановым да камер ионкер Домашнев посланы 31 числа декабря прошедшаго году к острову Шкиру к французкому фрегату, которой, стоя у Шкиро на якоре наших островов, да и в нашей будучи службе, две греческия филюги, нагруженные пшеницею, арестовал; людей, взяв к себе на фрегат под видом, яко бы они были разбойники, // (л. 160–206) всех перековал и хотел им головы рубить; для чего вынесены были плахи и топоры и представлены были для экзекуции, окружа салдатами. Но как стали одново грека разковывать и при том, может, еще били, то он, видя, что уже смерть блиско, схватя свои железы, и которой француз ему больше всех досадил, ударил, то все стоящия салдаты поднесли его на штыки и бросили в воду. И еще от капитана велено по нем стрелять из ружей. Прочия остались по преж-

нему скованы. Греки имели пашпорты от адмирала Спиридова, контр адмирала Арфа и от тех островов канцелярей. Шийския приматы и наши, бовшия на острову для печения сухарей, // (л. 160 об.) афицеры свидетельствовали, что они добрыя люди, а не воры и пашпорты их справедливы; только капитан не взирая ни начто бросал пашпорты на пол и ничему не верил. Итак с филюг, выгрузя весь груз на фрегат, взяв со оных пушки, зжог, а греков, связав руки и ноги, бросил на берег, и сам ушел. Итак, господин контр адмирал не застал фрегата. Возвратился 11 числа в генваре в Микону.

12 числа фрегат Слава послана проводить аглинское судно до острова Шио, на котором один паша с семьюдесят двумя человек турак ехали в Александрию к арми[и] против Али-Бея. // (л. 161–207) Но у острова Патмоса крейсерами задержан и прислан к графу, от которого отпущены с приказанием, что впредь пропущены не будут.

Пришел из Аузы на Миконской рейд корабль Чесма и лег на якорь.

Корабль Победоносец, где сидит контр адмирал Ельманов, и корабль Саратов, фрегат Венера, на котором определен с моего корабля капитан лейтенант Арцыбашев, пошли к острову Тассо. Контр адмирал для заготовления лесов с своим кораблем и Венерою, а Саратов сменить корабль Всеволод для килевания и обшивания корабля.

13 числа барбардирской Страшной, брегантино Залиот посланы // (л. 161 об.) в эскадру к капитану Фондезину, крейсериющему у острова Патмоса.

Граф Алексей Григорьевич перешел на корабль Чисму и поднеп брейд вымпел.

Того ж числа в самую полночь нашел между норда и веста шквал с громом и великою молнией, с крупным градом так, что больше ореха был, и крепким весьма ветром, и продолжалось около часа.

В зимнее время бывают и снеги, которыя ложатся на короткое время. На вершинах высоких гор, в Дарданелях и в тех северных местах бывают изрядныя морозы и снег. Падает ниже, только // (л. 162–208) лежит недолго и без солнца от земли пропадает.

15 числа генваря за крепостию ветра пришли на Миконской рейд корабль Саратов, пинка Венера и брегантина Варвачева.

17 числа пошли в свой путь корабль Саратов, и пинк Венера.

18 числа корабль Всеволод из эскадры контр адмирала Греик, пришед на Миконской рейд, лег на якорь. Капи[та]н сказывал, что они с эскадрою лежали на якорях у острова Тенедоса. Контр адмирал Греик посылал в город греков, чтоб губернатор Тенедосской дозволил // (л. 162 об.) купить для эскадры провизии. Губернатор на то отказался, что он того сделать не смеет, а будет писать к капитану паше в Дарданели. И чрез короткое время капитан паша к контр адмиралу прислал письмо, которое вношу оригиналом, и при том несколько быков, кур и зелени.

С тем, ежели из провизии руския хотят купить в Тенедосе, то от него Тенедосскому губернатору всем удовольствовать велено. Для чего, чтоб не причинить нашим какой либо от турак обиды, двух чаушей прислал. Контр адмирал посылал шлюбку с афицерами для покупки. Как // (л. 163–209) афицеры, так и матрозы приняты ласково. У губернатора начевали. Для охранения был караул. И вместе спал янычерской полковник. Да и губернатор во всю ночь не спал, ходя несколько раз, наших осматривал, спокойно ли спят. И чтоб от подлости не сделалось бунту,

на другой день, покупя наши несколько провизии, а большую часть вина дорогою ценою, поехали на корабль. Провожены были до шлюбки самим губернатором и прочими афицерами. И как наши ехали на шлюбке, то губернатор, как будто бы провожал еще, ехал верхом по берегу. Примечено, что турки великия лакомцы // (л. 163 об.) до подарков, или что продать за дорогую цену. Полковник негодной кашелиок князю Сибирскому, не устыдяся, продал за два червонца.

С письма от капитан паша, полученнаго из Дарданелей декабря 18 дня 1772 года.

От благородных и княжеских рода христианскаго из первейших императорскаго российскаго флота адмирал поспешнейшему, почтеннейшему и чиннейшему и высокороднейшему великий Бог да подаст вам многия лета, здравия и щастия, в заключение всех вам моих учтивостей славным моим вам почтением, даю знать ваше почтенство. Изволили прибыть к Тенедосу // (л. 164–210) и не имеете известия о новом перемирии, которое сделано на 113 дней, чего для и послали ваше высокородие Лемноскаго пленника, и оной пленик по приезде в Тенедос точно об оном донес Тенедоским командирам. Оныя прислали его к нам. Мы от него получили полное известие о всем. И потому вам даем знать, что в нашем лагере его высочество великий визирь с его сиятельством фельтмаршелом нашли способ сделать мир между двумя царствами. И так было писано нашей высокой Порте. Почему и определено делать договоры о соглашении мира. Для чего послан был уполномоченным министром почтеннейшим Реисом // (л. 164 об.) Афенди (реис-эфенди — «министр» иностранных дел. — *Публ.*). По отъезде котораго был с ним почтеннейший ваш министр Абресков. И когда говорили между собою два министра, то и соблаговолили сделать теперишнее перемирие от перваго ноября до третьяго надесять марта. То есть, на четыре месяца и тритцать дней; было укреплено и решено со обоих сторон письменными обстоятельствами. О сем произшествии писал к нам его высочество великий визирь, а его сиятельство фельтмаршел писал к его славнейшему и нужнейшему графу генералу Орлову. И так будьте уверены, что между двумя царями сделано перемирие на четыре месяца и тринацать дней. // (л. 165–211)

Мы от тех пор следовали тому согласию, как выше значит сделано. И я, не колебаясь, остался, никуда не трогаясь, чтоб против перемирия ни чего не сделать. Надобно и вашим благородиям по приказаниям двух царей мне ваши почтенности согласия, дабы были приказы на шебеках у ваших кораблях. Чтоб не трогать в наших судах как турок, так и греков купцов. И чтоб ваше почтенство были известны, то сим обо всем, что сделано, мы объявляем. И так, как сделано между двумя царями на те прежния время согласия и мир, нам надобно друг друга любить и исполнять повеления наших главных. // (л. 165 об.)

Ваши лета да будут многия и щасливыя.

Подлинное подписано:

Победитель [Гази] Хаз[с]ан Паша Божию милостию визирь и капитан паша.

С письма посланнаго в ответ декабря 19 дня 1772 года.

Почтеннейший и славнейший господин!

Хасан паша визирь и капитан паша, желаю вам всякаго благополучия и продолжения щастия. Ваше почтеннейшее письмо присланным нарочным вчерашняго дня я имел честь получить. В котором увидев, что между // (л. 166–212) двумя воюющими высокими державами и сделано перемирие, радуюсь тому и

желаю, чтоб совершенное замирение, согласие и дружба последовать могли. Будучи же уверен от вас, почитаю известие сие за самую истинну. И для того военные действия ныне оставляю, а сверх того ожидать буду повеления от полномочного и высокоповелительного в Архипелаге генерала, его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова. И для уведомления вас о том, посылаю сие письмо с присланными от вас, Баш [Ч]ауш Гасан с товарищами, которые все к вам обратно отправлены. А я, окончив мое письмо, желаю с моей стороны, чтоб по заключении // (л. 166 об.) мира между двумя высокими державами, мог и я назваться вашим другом.

Подлинное подписано:
Российский контр адмирал Самуел Греик.

*Капудан-паша Хасан ал-Джазири
(1715–1790)*

25 дня в вечеру в Миконе был бал в нарочно убранных покоях. Представлен небольшой вейверак⁴⁹ и поставлен для народу бык с золотыми рогами, множество хлебов, и обрезы бранспойтами наливались красным вином. За ужином застольная пушечная пальба. Все оное делал господин камер юнкер Домашнев. В честь того дня имяниннику его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову. // (л. 167–213)

26 числа генваря корабли Всеволод и Рагислав пошли для килевания и починки в порт Аузу.

Нанятое нами аглинское судно для отвозу к Алибею во Александрию присланного от него бея, и чтоб для флоту купить пшена сарачинского, на котором поехал гвардии подпоручик Бомумгад⁵⁰. Пришла из Дарданелей каика от Капитан Паши с [ч]аушем Мустафою к Его Сиятельству с письмами о подтверждении перемирия.

30 числа фрегат С[в]. Николай снялся с якоря и пошел в остров Зею и в другая места, на котором сел камер юнкер Домашнев. // (л. 167 об.)

Весь нынешней месяц был холоден и крепкия ветры.

2 дня февраля за крепостию ветра от эскадры контр адмирала Греик, разлучась, корабль Азия пришел на Миконской рейд.

5 дня февраля пришла из Константинополя соколава с морскими нашими, которая взяты с фрегата Сантарина в острове Метелино 1771 году в месяце ноябре в плен. А имянно: капитан лейтенант Овцын, мичман Неклюдав, разных служителей дватцетъ семь человек. И кроме афицеров определены ко мне на корабль. Сказывают, что они отдались на декларацию, чтоб с ними дурно поступлено // (л. 168–214) не было. Но когда командир Овцын съехал первой на берег, то ево турки тот-мамент оборвали, а с командою гораздо хуже поступлено. При выса-

⁴⁹ Фейерверк

⁵⁰ Максим Баумгартен.

живании их с судна на берег изрубили турки разных чинов восемь человек: а за что? никто того не знает. По тому что их тот-час развели в Метелине по одному. Кроме Овцына все сидели в погребу к стене прикованы и вокруг скованы, почти наги. А как их вели лесом, то от терновнику ноги и корпус в кровь изрезаны. Грозили им всем смертью. Да может бы и исполнено было, но Гасан капитан паша пришел из Дарданелей с десантом, всех // (л. 168 об.) от смерти освободил и мичмана Неклюдова от служителей отделил. Послал в Константинополь. Афицеры содержаны в Едикуле весьма хорошо. Да им же нашей всемилостивейшей государыни от прускова министра давано денег, кто сколько хотел. Афицеры выехали изрядно одеты. Служители недели с три с начала ходили на работу. А потом их посылать не стали. Также и от министра давано было по шести копеек на день. А от султана шло хлеба по полтора фунта и кашица. А афицеры в Едикуле что хотели, то кушали. Сказывает Овцын, будто он на своем фрегате оставил в кроит каморе фитель, и от того // (л. 169–215) фрегат сторел. Только не вероятно быть оному по многим причинам. А может, что видя еще наши стоящия суда, и чтоб фрегат не спасли, сами турки сожгли. Да и с ними приехало турак три человека. Также присланы на корабль капитан Гасан паши села Магаси [селимагаси] Ахмет Ага, житель из Босны. Он идет или едет перед капитан пашою, и за него кланяется народу. При нем чауши: Ма[x]мет, житель Тенедоса, Абдула, башняк.

Прислан от его сиятельства с филоги Мустафа чаушь с двумя слугами ко мне на корабль.

7 числа корабль Азия пошел // (л. 169 об.) для соединения с своею эскадрою к контр адмиралу Греик.

12 числа февраля корабль Чисма, я с своим кораблем, фрегат Запасной снялись с якоря и пошли в Аузу. Того ж дня и пришли. Где нашли стоящих кораблей: Георгия Победоносца под флагом контр адмирала, Ианнуария под брейд вымпелом, Всеволода, Растислава, Надежду Благополучия, фрегатов: Помошного, Констанцию, Сатурна, барбардирских: Гром, Молнию, к осту в порте: Нетронь Меня. На корабле Чесме брейд вымпел спустили, а поднесли флюгеры.

16 дня корабль Трех Иерархов пришел из Ливорны. Он изрядно в порт Ферао починился. // (л. 170–216)

Из Миконы прислан рапорт, при котором точеная болясина и гардаренной карниз под зеленою с желтой красками; уведомляют, что как оныя отломки, так и аднаревка мачта, пушечной четырех фунтовой, крашеной суриком, станок и несколько матросских шляп к острову прибило. Почему догадываются, по краске, балясам и безань мачте, быть нещастию, терпящему кораблю Азии.

17 числа пришел с моря фрегат С[в]. Николай.

19 числа принесло к острову Паросу ореховой изломаной столик, шлюпочные доски, ломаное под зеленою краскою весло, пушечное четырех фунтова // (л. 170 об.) станка колесо, и все оное русской работы.

22 числа пошел фрегат С[в]. Николай, на котором турки визир Чухадар Мехмет, другой кятит капитан паши Мехмет Ефенди.

24. Пришел из Миконы фрегат С[в]. Павел и привез с собой прибитой пушечной станок и лесницу.

25. Пришел из Ливорны с нашим разным грузом аглинской фрегат, называемой Броунов, и еще оттудыж корабль Европа, на котором адмирал Спиридов.

27. Поднет ночью на корабле Чесме кеизер, а на Европе адмиральской флаги.

Подад я чрез адмирала // (л. 171–217) Спиридова Графу Алексею Григорьевичу Орлову челобитную, чтоб отпустить меня в Россию. Которое вносится оригиналом.

В службе ея императорскаго величества нахожусь я с 1744 году и продолжаю оную безпорочно; а ныне от долговременной здешней компании и всегдашней на море бытности, и жаров, и от головной раны, которую получил 770 году при сражении с турецким флотом в Чисменском канале, от которой имею в голове боль, глухоту и обмороки, к тому ж и зрение повредилось, также почечуйную и цынготную в ногах болезни, // (л. 171 об.) и от оных болезней пришел в великую слабость, от чево имею частыя припатки. И для того вашего высокогравскаго сиятельства покорнейше прошу, дабы соблаговолено было уволить меня, нижайшаго, в Россию, где по привычному климату нашему не могу ли получить от болезни свободу и впредь еще продолжить ея императорскаго величества всеподданейшую мою службу.

Весь нынешней месяц был холоден и крепкия ветры с снегом.

2 числа марта пришел из Патмоса фрегат Наксия.

4 числа посадили ко мне для отвозу // (л. 172–218) в Дарданели пленных турок шестьдесят два, да еще Гасан Агу с своими чаушами, и того всех семьдесят два человека; велено вместе ийти с кораблем Трех Иерархов и фрегатом [Святым Николаем к острову Тассо и явиться к контр адмиралу Греик: сего числа я и Трех Иерархов вышли в моря. В ордере ж от графа предписано, чтоб француза и других неунитральных держав не останавливать. И потом вольно отвсюду возить, что хотят.

Пришед к острову Ипсару, терпел трои сутки крепкой шторм с великим снегом. В котором в первой день разлучился с кораблем Трех Иерархов. У меня ж изорвало много парусов // (л. 172 об.) и прибавилась изрядная течь, для чего пошел между Лидромля и Ксеро. Где 9 числа лег на якорь. Тут нашел лежащего, также ушедшаго от шторму фрегата С[в]. Николая. Гавань, можно сказать, хорошая и от всех ветров закрытая так, что входов не видно. Вместительная, в которой множество кораблей стать может. Воды в ней только мало, однако, можно бы постараться нарыть колодезей. Глубина, хотя и не мала, только награждает хорошим грунтом. Одна только есть похулка, которая может от оной гавани отогнать: северной вход весьма узок, // (л. 173–219) и крепкой ветер вдруг бывает, штиль противной, и фордавинт, и от гор весьма крепкой ветр. Ийти надобно близко берега, то должен терпеть великую опасность, чтоб не привалило к берегу, что и статья может. Также и выходить из нее дурно. Итак, почти лучше входить в зюидовой проход, хотя и с лавиром.

Воинович, приехав из острова Скопеля, сказал, что на оном было землетрясение и много домов попадало.

11 числа марта вышел я с кораблем и фрегатом С[в]. Николаем из гавани острова Селидромля на море, тем же Северным проходом. Только // (л. 173 об.) также был опасен выход, как и вход, хотя и буксировали две полугалерки и две шлюпки.

12 числа ветр сделался крепкой, шторм с снегом больше, нежели прежде. А теча более начала усугубляться. Изорвало много парусов. Для чего я с кораблем и фрегат С[в]. Николай ушли к острову Шкиату и легли на якорь.

13 числа марта в половине 11 часа по полудни была землетрясение два раза, один за другим скоро. Первое велико. Хотя корабль стоял на глубине 38 сажень,

однако весьма колебался и привел людей в страх. Которыя, хотя и спали, однако, *** [Утраты восстановлены далее по рукописи РНБ] все проснулись, выбежали наверх, а пуше турки; другой гораздо меньше. Команды моей служители были посланы на берег, для рубки дров, и во время трясения с просонку, испугавшись, не могли бежать, катились под гору; а в деревне домов с шесть развалило.

14 число по полудни в четверть четвертаго часа было небольшое землетрясение, однако изрядно, колебание корабля было чувствительно; в то время весьма было тихо и море стояло гладко, и чтоб оно во время трясения сделало движение, ни я, никто, смотря нарочно, того не приметили.

В вечеру пришел из Селидромля(?) Корабль Трех Иерархов.

15 число вышел я со своею эскадрою на море и пошел для соединения к острову Тассо к господину контр-адмиралу Грейк.

17 число марта пришел я с эскадрою к острову Тассо, где нашел контр-адмирала Грейк на корабле Победа и с ним корабли Саратов, Граф Орлов, фрегаты Африка, Надежда, Минерва, Парос, да со мной пришел фрегат Слава; думал найдти в эскадре контр-адмирала Грейга, ежели цел, корабль Азия, только его нет, и они считали его в Аузе; и так теперь увериться можно, что он пропал и при том не спасся ни один человек.

Фрегата Славы оторвало с четырьмя человеками шлюпку и выбросило на Роменский берег, где двух турки убили, а двух полугалерка спасла и одного турка убили.

20 число фрегата Африки четверо матросов из татар, ночью сев на шлюпку, ушли на неприятельский берег, или в город Ковалло и пропали, хотя поутру их искали. Снялась вся эскадра и пошли к острову Имбро.

21 число пришли к острову Имбро, но противный ветр и крепкое от Норд-осту течение, котораго больше узла с четвертью течет, прийти к Дарданелам препятствовало; положили якорь; а другие корабли тем течением близ Лимноса отнесло, также легли на якорь.

22 число турки от контр-адмирала Грейк, которые были у графа Войновича на фрегат Св. Николай, отправлены, и курьеры Пламенец и Белич на полугалерке с ним, Войновичем, в Дарданеллы к капитан-паше.

25 число марта корабли, кроме фрегата Славы, все соединились, Войнович пришел на полугалерке из Дарданел от капитан-паши; сказывает, что его капитан-паша принял весьма хорошо. И сверх всех еще учтивостей подарил его богатым ружьем, да послал также по богатому ружью графу Алексею Григорьевичу и контр-адмиралу Грейгу; когда Войнович проходил Дарданелы, то с оных палили ему из пушек с ядрами, и во вторых Дарданелах берут с берега на берег; видел Войнович тут стоящих больших кораблей два и несколько фрегатов; присланы с ним для забрания пленных турок и прочих две фелюги и одна шлюпка, которые от меня турки на оныя и посажены и отправились в Дарданелы.

Турки да и все в Архипелаге мореходцы-греки марта по 9 число считают время беспокойным и не прежде из гаваней выходят онаго числа, а особливо в Черное море; еще ж исход онаго месяца дурным считается.

Сказывали турки, что капитан-паша грамоте не знает; он уроженец из Алжира, был корсаром и несколько удачливо с ним случалось, да и с нами Лимносский сикурс много ему помог; в Метелину также в сикурсах поспешил, хотя нас уже и не застал; в сражении в Чесменской бухте с кораблем Евстафием он будучи

весьма храбро поступал, и другой корабль турецкий так ни один не дрался; он имеет от роду близь шестидесяти лет и почитается у турок наихрабрейшим человеком, и он сам приписывает себе: победитель.

Гасан Ага сказывал, что на острове Евстратия у деревни есть лекарственная хорошая вода, которой лечил ноги от опухоли и ран, и ежели ее выпить кружки четыре и ноги становить в воду, то человек будет здоров.

26 число марта вся эскадра между Тенедоса и Лимноса прошла к Z.

29 число марта прошел из Смирны в Салонику мимо нас французский фрегат, который конвоирует купецкие четыре судна.

31 число марта, проходя вся эскадра мимо острова Миконы по остовую его сторону, видели лежащую на Миконском рейде под Российскими флагами эскадру в числе четырех кораблей, один под брейд-вымпелом.

Подходя к острову Паросу на корабле Победа, выстрелом из пушки сделан сигнал, которым дано знать, чтоб мне с кораблем для починки сысканной течи идти в порт Аузу; по сему и пошел; со мной пошли также для исправления фрегаты Африка, Св.Николай и Парос, а контр-адмирал Грейг пошел на якорь в порт Марио, с ним корабли Победа, Граф Орлов, Саратов, Трех Иерархов, фрегаты Надежда, Минерва.

Пришел я с кораблем, также и фрегаты, в порт Аузу, легли на якорь, где нашли стоящих кораблей Европу, под адмиральским флагом, Всеволода, Георгия Победоносца, Януария, фрегатов пять, бомбандирских два, разных наций судов тридцать-одно; на другой стороне гавани корабль Нетронь меня.

Тогож числа прошел от острова Миконы в порт Марио его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов на корабле Чесме, под кейзер-флагом, и с ним корабль Ростислав и бомбандирский Гром, а в порт Аузу с того ж Миконскаго Рейда пришли корабли Надежда Благополучия и пинк Венера. Весь месяц март не спокоен, холоден и при весьма крепких ветрах, снега и дожди были велики.

В 1 число апреля пришел с моря в порт Аузу фрегат Слава.

В 4 число по приказанию господина адмирала корабль свой начал я разгружать и разгружать, свозить припасы на берег.

В 6 число его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов пробовал в порте Аузе, с нордовых обеих сторон батареи, с первой из двенадцати-фунтовой пушки с ядрами, как близко может лечь на дистанцию остовой батареи; но как горизонтально, так и на элевацию несколько той дистанции не долетали, также и с другой нордовой батареи палили ж из двадцати-четырех фунтовых пушек с ядрами, точию до противнаго батарея мыса чрез пролив не долетали ж.

Вышел из Аузы в порт Марио фрегат Слава.

В 8 число подошли с кораблем к килектору.

В 13 число апреля по выгрузке из корабля всех тягостей остался уложенный только трюм с балластом, и положено, чтоб кренгованием, отыскав течь, починить можно было, которая слышна была по правой стороне ниже водарлинии против актар люка, и кренговали корабль на левую сторону, оказалось с правой стороны обшивных досок одиннадцать, отняли против того места, где течи быть надобно, обшивныя тонкия доски, только течи не нашли и корабль поставили прямо, которая течь попрежнему стала быть слышна.

Вышел из порта Аузы в порт Марио фрегат Св. Николай.

В 15 апреля пришли с моря в порт Аузу фрегат Архипелаг, который крейсеровал у острова Зеи, да фрегат Запасный, который посылан был для описи островов Аргуза-Ранонентеры и южной части острова Наксии, с ея островами, и их входов, которым карты вношу оригиналом. *** [Далее текст по рукописи ВСЗМ]

(л. 174–229 [цв. илл. — правая часть карты в разворот: ...Острова Наксии // Остров Ураклия // Остров Станис // О.Гандура]) // (л. 174 об.)

17 числа вышел из порт Аузы в порт Марию бомбардирской Страшной.

Кренговали другой раз корабль на левую ж сторону, поставя обыкновенно к грот мачте две стрелы, и, натянув один гинь лопарь, чтоб больше корабль повалить и течь отыскать на правой стороне фальшивой обшивки, оказалось тринадцать поесов, но течи, как и первой раз не нашли, и корабль поставили прямо; а течь по прежнему слышна в прежднем месте.

18 числа вышел из порт Аузы в порт Марию бомбардирской Молния.

Из корабля Георгия Победоносца вынесли грот мачту.

Его сиятельство граф // (л. 175–230) Алексей Григорьевич Орлов, не сказавшись ни кому и не простясь ни с кем, только к адмиралу послал своего адъютанта и камер юнкера Домашнего с письменными делами, уехал на шлюбке один по утру в одиннадцать часов в порт Трио; а контр адмиралу Греику и своим домашним велел перебираться на корабль Победу. Что с превеликою скоростию исполнено, и в четыре часа по полудни корабль Победа снялся с якоря, с благополучным ветром пошла в порт Трио. Где, взяв его сиятельство, пошли в Ливорну. С кораблем Победою пошли ж фрегат С[в]. Николай, Слава да поляка Забияка.

Мне его сиятельство прежде обещал, чтоб отпустить в Россию. // (л. 175 об.)

Но только того же дня из порт Трио от контр адмирала Греика получил письмо, что его сиятельство приказал мне кланяться и уведомить, чтоб меня в Россию на первоидущем судне в Ливорну отправить, к господину адмиралу Григорью Андреевичу ордер послан и скоро де мы увидимся; но я хотя два раза его высокопревосходительства просил, чтоб меня отпустить за моею болезнию в Россию, точию мне отказал, что он не отпустит.

19 числа по приказу господина адмирала велено из корабля, чтоб был гораздо легче и чрез тоб отыскать течь, вынеть из интрюма баласт, // (л. 176–231) не оставляя на корабле никакой тягости. Почему и стали вынимать, но, отгребая от бортов, оказалось фонтаном течь с правой стороны по середине корабля, под опор футокс редерцам. И так как сделались явныя две течи немалыя, то господин адмирал приказал господину контр адмиралу Андрею Власьевичу Ельманову сделать о корабле моем со всеми капитанами совет, разкрыв прежде несколько наружных и внутренних обшивных досок, и осмотреть набор, а мне приказано корабль приуготовлять к килеванию.

20 числа пришла с моря в порт Аузу брегантина Варвачева.

21 числа на корабле Георгие // (л. 176 об.) Победоносце становили грот мачту, но при подъеме из поставленных трех стрел одна погнулась, для чего мачту спустили на воду.

25 числа вышел из гавани фрегат С[в]. Павел и пошел в Микону для набирания себе на суда вооруженных албанцов и греков.

26 числа прошли между Наксии и Пароса каналом мимо нашей лежащей эскадры в Микону фрегаты С[в]. Николай, Слава, поляка Забияка и, пробыв в Миконе не более двух суток, пошли для креисерства во Александрию, не дав знать о себе адмиралу.

«Канал» между Наксосом и Паросом

На корабле Победоносце становили грот мачту, поставя // (л. 177–232) четыре стрелы; но когда мачта поднята была на высоту так, что гинь блоки сошлись вместе, мачты шпорной конец чрез борт не вышел. По причине непропорции привязанных кранцев двух стрел верхния концы, где положен наитов гинь блока, сломились, мачта полетела наниз и ударилаь серединою о шкафут, но вреда себе и караблю не причинила.

28 числа пришло в порт Аузу из Ливорны для нашего флота с разным такелажем и провиантами аглинское судно, на котором ехал из России курьер, но, повстречавшись с кораблем Победою против Мореи, его сиятельство курьера взял к себе, // (л. 177 об.) а письма из Питербурга на оном судне присланы. Получил я от ея императорскаго величества всемилостивейшей нашей государыни высочайшую грамоту, которую при сем вношу оригиналом.

Нашему флота капитану Хметевскому.

Произведенное вами храброе и мужественное дело, когда вы, вступив с неприятелем в сражение, одним кораблем с отличным искусством и неустрашимостию делали нападение на превосходную неприятельскую силу, учиняет вас достойным к получению отличной чести и нашей монаршей милости по узаконенному статуту // (л. 178–233) военного ордена Святаго Великомученика и Победоносца Георгия, а потом мы вас в четвертой класс сего ордена всемилостивейше пожаловали и знак онаго повелеваем вам носить по установлению нашему, сия ваша заслуга уверяет нас, что вы сим монаршим поощрением наипаче подщитесь и въпредь равным образом усугублять военныя действия.

Подлинная грамота подписана собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Господин контр адмирал корабль мой со всеми капитанами // (л. 178 об.) и мастером осматривал, в котором найден набор трухловат, члены с нарочитою гниlostию, а другия есть и без гниlosti. Оной же корабль в 769 году в Гулле во время убылой воды на крепком грунте волнением рулем и килиом било, и в то время переломило опор дек, бимс и отбивало тонкия обшивныя доски; а в порт Магоне при кренговании корабля сделано вместо изломанных у руля крюков четыре. Хотя корабль на воду спущон 766 году, но по открытии членов усмотрены гниlosti и слабость, которой будучи в Гулле на мели в членах раздроблен. Сдесь же троекратно в Архипелаге // (л. 179–234) починиван, но всегда имеет опасную течь от 12 до 16 дюймов в час. Согласно комиссиею определено: укрепя в деках вместо повредившихся в шторме, будучи под парусами шестью стандарсами, с правой стороны поваля корабль полукилгалегом, отыскать в лор футо ксан, течь исправить, а ежели больше слабости при полукилгалинге не предвидится, то и до кия осмотр сделать. При чем тонкую обшивку всю отодрать. Вновь же от червоядия не обшивать. Во избежание опасности, ежели обшивать досками, то корабль по слабости может потонуть, а только выконопатить. Настоящую обшивку выжечь и подмазать. Оной конциум⁵¹ подписан. // (л. 179 об.)

Я, будучи оным канцилиумом не доволен, представил его превосходительству, что по выгруске баласта между набором к наружной настоящей обшивке нашлось мышьядения много так, что осталось доски полдюйма и менее, и ежели тонкую обшивку отодрать, а другой не обшивать, то в разсуждении мышьядия, которая со временем, так изнутри мышьями, а снаружи червями легко под водою проедено быть может, что чрез то можно получить гибель, требовал, чтоб корабль повалить в половину килгаленга, обшивныя доски отодрать, настоящую обшивку выконопотя, обшить тонкою обшивкою вновь, // (л. 180–235) а до кия не валить, что и прошлаго году он на валке тонул и хорошенько киль осмотреть не дал. И чрез валку до кия может разломан быть и в членах придти в слабость больше прежнева. Но на оное его превосходительство не согласился со объявлением, что он от подписаннаго канцилиума не отступит и переменить его не может. О чем я должен был донести мою претензию господину адмиралу, на которую получил, чтоб валка корабля и починка ево была в моей воле и что мне надобно, то бы все от адмиральтейства исправляли. // (л. 180 об.)

Множество было в корабле тараканов малиньких, ныне оных меньше, а умножилось чрезвычайно много больших. Видом красноваты, с крыльями. Летают по кораблю и шканцам, ударяся часто людям в лицо.

Месяц апрель продолжался со обыкновенными вешними посредственными жарами при малых и посредственных ветрах.

2 числа мая на корабле Георгие Победоносце поставили грот мачту на четырех стрелах.

5 числа порученной мне корабль на левую сторону до полукилгаленга валили. Оказалось на правой стороне настоящей // (л. 181–236) обшивки тринадцать поя-

⁵¹ Консилиум.

сов, одной бок исправляли по 17 число. Нашлись два боута слабы и уповательно, что в них была течь, и к носу несколько штыки разошлись, так что один в дюйм, ширины в одной бок, в настоящую обшивку до вадар линии. Заработано вделак дватцать две, налишников пять, нагилей вколочено двести сорок девять, и обшили новой обшивкой, положи бумагу и шерсть без стекла за неимением онова.

9 числа мая вышел из гавани фрегат Африка и с ним несколько ево эскадры шебек и полугалера, которой послан для креисерства к острову Ипсару. // (л. 181 об.)

11 числа пришел в порт Аузу корабль Чисьма для взятия прибавленных новых реев и стенов.

14 числа вышел из порт Аузы в порт Марию фрегат Парос.

16 числа на корабле Победоносец поднет контр адмиральской флаг.

17 числа вышли из гавани в порт Марию корабли Европа, под адмиральским флагом, Всеволод, пинк Соломбал.

Повалили мне порученной корабль на правую сторону до полукилгаленга. Оказалось на левой стороне настоящей обшивки тринадцать с половиною поесов. Заработывали одной // (л. 182–237) бок до вадар линии по 25 число мая. В настоящую обшивку вставлено вделок 16, налишников 8, нагилей вколочено сто девяносто девять. При одной валке переломило против грот мачты с правой стороны лор футокс редерц; я сделался болен, голова паперек весьма болели, да и весь ослаб.

20 число послан в Александрию фрегат Надежда, и с ним фрегат С[в]. Павел, и несколько шебек, и других судов с десантом албанцев и греков.

21 числа, переменя рей и стени, вышел из гавани в порт Марию корабль Чисма и Аннуарии.

28 числа пришло аглинское // (л. 182 об.) судно из Ливорны для нашего флоту с разными текелажем и провиантами, которое везло из России курьера, но повстретившись с кораблем Победою, его сиятельство курьера взял, а письма из Петербурга на судне привезены.

Месяц май был очень жарок, только, также как и апрель, стоял, ветры были тихие, а иногда и посредственные.

3 числа июня послал я доношение в государственную адмиральтейскую коллегию, чтоб за сей 773 год генварьскую и майскую треть жалованья моего, кроме прежде оставленных в России, производить каждой год матери и тестю 150 рублей, сестре Палагее // (л. 183–238) Петровне 300 рублей выдать из Суздальской канцелярии. А ей писано оныя деньги употребить, которая закладная дана ей от меня, на купленное имение у Купреянова, купчею в вотчинной коллегии явить и деньги пошлинныя внести.

5 числа июня корабль Аннуарии, фрегаты Парос, Деллос, Запасной, брегантина Залиот, и она эскадра пошла проводить аглинское судно, идущее в Ливорну. На котором отпущен в Россию капитан второго ранга Стефанов, адмирала флигель адъютант Ржевской, курьеры, которых турки в армию не пропустили, майоры // (л. 183 об.) Пламенец и Белич; и чтоб она эскадра от острова Сириго креисеровала к островам Занту и Цефони для дулциниотов, о которых слышно, что, выходя к Сириге, креисеруют и домогаются проидти в Дарданели.

7 числа вышел из гавани в порт Марию корабль Георгий Победоносец, фрегат Архипелаг, поляка Патмос, трекатр пять, шебек две; на пяти судах посажен десант албанцев, числом 800 человек.

8 числа корабль Нетронь Меня валяли. Псаро сказывал, что он оба борта валял не до кия, не допуская аршина два и больше, а течи в нем не было. // (л. 184–239)

11 числа вышел я с кораблем на рейд Аузской гавани. Присланы в команду жид и арап.

12 числа с рейду снялся я с якоря и пришел в порт Марию. Положил якорь. Где нашол стоящих кораблей: Георгия Победоносца, под флагом контр адмиральским, Всеволода, Графа Орлова, Саратова, Трех Иерархов, Рагислава, Чисму, бомбардирской Гром, Страшную, Молнию. Да стало с ними аглинское судно, которое послано было во Александрию для покупки на флот служителям сарачинскова пшена. На котором судне и привезено. Да был же на оном гвардии подпорутчик Максим // (л. 184 об.) Боумгард, которой за болезнию остался.

Шхипар онова судна сказывал, что он слышал, будто бы Алибей с зятем своим беом, которой против его шол, имел баталию; и, будучи в самом сражении от Алибея, некоторые войски принадлежащая беом, ушли с места баталии. Зять ево бей войски достальныя Алибеевы разбил, и Алибей два раза ранен и взят в полон, но зять ево отпустил домой. И после из Алибеева дому вынесен гроб для погребения. Почему и положили, что Алибей умер, а правдали ли, то он заподлинно не уверяет.

Адмирал с своим кораблем // (л. 185–240) Европою, фрегат Григорий, пинк Соломбал для налития воды стоят в порто Трио.

13 числа съехал я в остров Наксию и жил в католицком монастыре по 21 число сего месяца. Ездил верхом по утру до восхождения, а в вечеру по захождении солнца. Сначала сколько слабость моя позволяла, а на последок⁵² две и две с половиною версты.

15 числа пришла из Ливорны наша шебека, называемая Григория Пано, с разным для флота грузом.

19 числа пришел адмирал из порто Трио со всеми судами.

21 числа переехал я с острова на корабль еще в слабости. // (л. 185 об.)

25 числа пришел из Ливорны с разным грузом пинк Сатурн.

28 и 29 числа после благодарственного молебна палили со всего флоту из пушак. В первой день от адмирала из 31ой, а с прочих кораблей из 21. Во второй день с адмиральскова из 21, а с прочих кораблей из 12 и рагвечались флагами.

Весь месяц июнь был жарок, и с малопосредственными ветрами⁵³.

(л. 186–243 [пусто]) // (л. 186 об.)

1 числа июля эскадра капитана и брегадира Борисова пришла в Микону. Ходила до острова Сапиенса; а другие фрегаты посыланы были и далее. Неприятельских судов никаких не видали. Корабль ево Аннуарии в марсельной ветр имел течу по семи дюймов в полчаса; да и фальшивых обшивных досок отбивало от корабля много. К тому же и грот мачта худа. Итак по худости корабля далее идти опасался; а доволен тем, что без крепких ветров дошел до своих портов.

2 числа фрегат Архипелаг послан в эскадру к капитану Извекову к острову Ипсару. // (л. 187–244)

13 числа флот, состоящей из девяти кораблей, фрегат Григорий, пинк Соломбал, бомбардирския Страшной, Гром, Молния с десантом, шембека одна, трекатр семь, полугалер четыре снялись с якоря и пошли к островам в Арчузы.

⁵² В рукописи РНБ добавлено: «в один конец».

⁵³ В рукописи РНБ добавлено: «Здесь следуют, для редкости, виды рыб, которые ловятся в водах Архипелагских, и именно: Хортарны, Гилью и Хилдоно-Тари».

Остров Тинос

16 числа повстречалась с нами эскадра капитана Фондезина, крейсерающая у острова Патмоса, состоящая из четырех фрегатов и одной поляки и, соединяся, пошли в Арчужы.

Тогож числа пришли некоторыя корабли в острова Арчужския, а другия на другой день и легли на якорь.

Для кораблей, а мелким судам еще лучше, хорошая и просторная гавань, почти отвсюды // (л. 187 об.) закрыта, а открыто несколько от ZO. Которой ветр редко бывает. Грунт — хрящ с песком, воды в летнее время мало или почти нет. А есть на острове Лито, где пригон монастырской скотине, только от ярканого места не блиско, лес мелкой, и того мало. Рыбы ловится довольно.

19 числа фрегат Тино и несколько филиюг посланы в остров Готаниси для заготовления фашин.

20 числа пришел из Аузы пинк Венера для погрузки в Самосе лесами. Сказывал, что эскадра Борисова и он с кораблем вышли с Миконскова рейда в порт Марию.

24 числа фрегат Тино с заготовленным фашинником пришел. // (л. 188–245)

25 числа французкое судно пришло из Александрии. Привезло для графа Алексея Григорьевича Орлова трех лошадей.

Адмирал Спиридов отделил контр адмиралу Ельманову особую эскадру, корабли: Георгий Победоносец, Трех Святителей, Трех Иерархов, Саратов, фрегаты: Северный Орел, Тино, Победа, пинк Соломбал, бомбардирския: Гром, Молния, Страшной, транспортных судов, на которых посажены войски: 8 полугалер, 5 филиюг и 12 соколев. Чтob высадить войски первее в Будрум, а после и на остров Станшо и делать неприятелю вред огнем и мечем.

29 числа транспортныя суда // (л. 188 об.) пошли к Z и велено им, пришед к Анатолическому берегу к северному углу мыса Карабагела, которой берег близко лежит к Будруму, выпустить албанския войски на берег. И чтоб разоряли по берегу лежащая турецкия деревни. Однако не проходя в Будрум, иногда мы пойдем мимо их, были б с нами идьти на судах готовы.

30 числа пакетботу Почталиону дана особая комиссия и с ним поляка одна, соколев шесть, полугалерка одна, которой и пошел к Анатолическому берегу.

Господина контр адмирала Ельманова эскадра снялась с якорей и пошла к Z к городу Будруму. А господин адмирал Спиридов с кораблями: Европай, // (л. 189–246) Чесмой, Графом Орловым, Всеволодом и Растиславом, с фрегатом Григорием и пинкою Венерою снялся с якоря и пошел к острову Самосу.

Мы с эскадрою поверстались Анатолическаго берега мыса Карабагела. Лежащая наши на якорях транспортныя суда снялись с якорей и соединились с нами.

Сказывали, что албанцы на берех выходили, сожгли один дом по близости моря, а в другия деревни не ходили.

Господин контр адмирал пошел с эскадрою и со всеми транспортными судами к Будруму.

Я же с своею эскадрою, с кораблями Трех Святителей, Трех Иерархов, с фрегатами Северным Орлом и Победою — к городу Станшо // (л. 189 об.) в порт Скуко для блакирования как города, так и всего острова Станшо, близ которова лег на якорь. С крепости палили по нас из пушак.

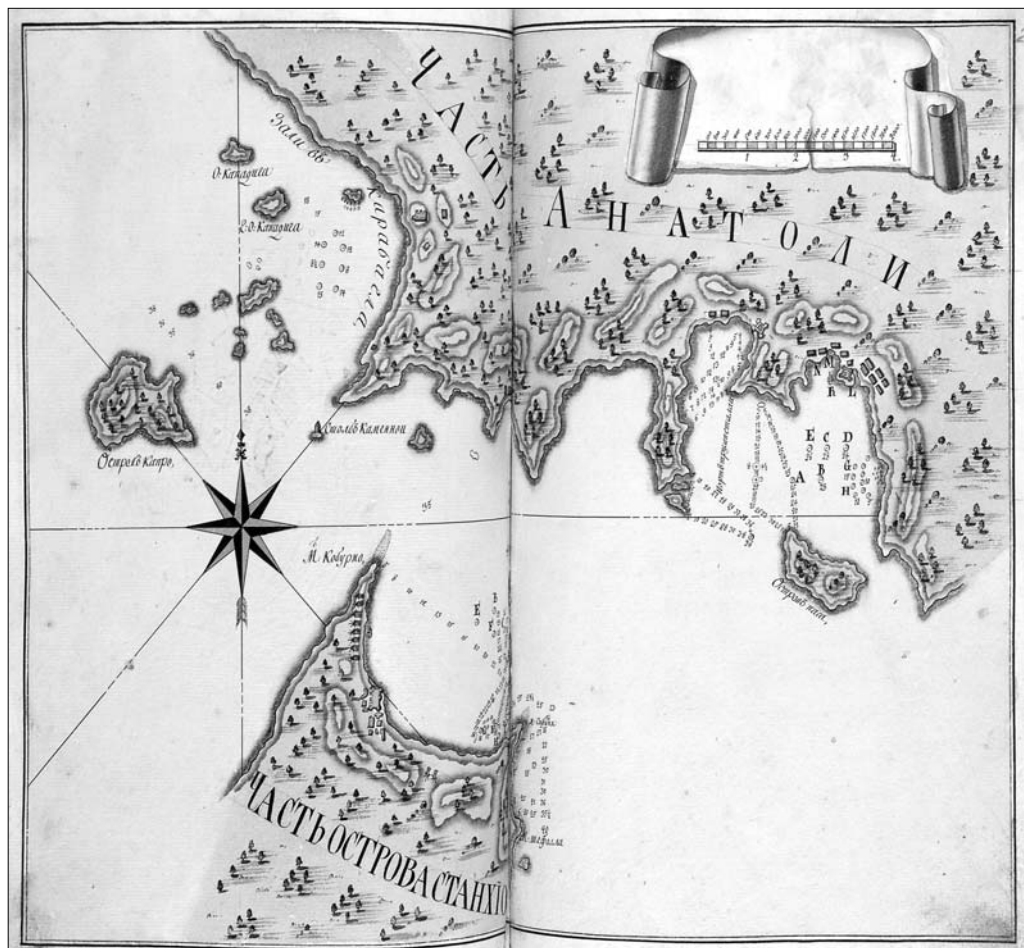
Контр адмирал со всеми судами вошел в порт к городу Будруму и лег на якорь.

Бомбардирския корабли начели бомбандировать в гавань, в стоящей турецкой фрегат о сорока пушках, новой, и множество других судов и галер.

31 числа ночью спустили албанцов и славонцов, которых было 1020 человек, а по утру на разсвете и регулярных 347 человек под командою над всеми войсками инженер маиора Матвеева. Супротивления от турок почти не было. А когда // (л. 190–247) турки и показывались, только малое число, которые албанцами были прогнаны. Вошел наши легкия войски в форштат, сожгли домов до десяти и один магазейн, или лавки, которой был заперт. Повытаскали из домов, что нашли; только все почти безделица. И быв до полудни, перевезены все войски на суда. Предмет наш был, чтоб вывезть из гавани фрегат или зжечь. Но быв ево блиско, рассмотрели, что вывезть способу нет. Стоит он у самой ботареи, под пушками и ружейными выстрелами. Также близко и крепость, а подход весьма узок. А сжечь — была нашими ошибка, что не имели с собой тех материалов, чем сжечь. // (л. 190 об.)

Месяц июль был жарок. Штилей было мало, хотя небольшие ветры почти всякой день были.

1 числа августа высажены были албанцы на берег. Другой раз турак прогнали в крепость. Старались сжечь фрегат и другия суда, только за множеством на ботарее людей, защищающих пушками и ружейными выстрелами, не допустили. Албанцы взяты на суда. Бомбардирския во все время бросили во фрегат и в город 328 бомб и брамскугелей. Один брамскугель лег во фрегат, от которова был огонь, которой турками погашон. Сказывали тутоживущие греки, что палубы фрегата наполнены водой и усланы войлоками. Турок было в городе // (л. 191–248) мало.

Карта о. Станчо из Журнала С.П. Хметевского

Жители не ожидали, чтоб мы напали на Будрум. А после начали прибавляться, и то мужики. Наш урон состоит в том, что убито десять человек русских, в том числе и денщики, да албанцов и славонцов 11, ранено егарей 3, албанцов 19, славонцов два человека; а турецкаго урону неизвестно.

2 числа контр адмирал с эскадрою и транспортными судами вышел из бухты города Будрума. И по близости оной у острова лег на якорь для заготовления бомбардирским бомб, а албанцам патронов.

4 числа турки на Станчовском южном берегу зачали делать укрепления. Для чего, чтоб оное збить и впредь делать не допускать, послан от меня фрегат Северный Орел, которой по ним и палил, и отбил их от работы. // (л. 191 об.)

5 числа господин контр адмирал Ельманов со всеми судами пришел под город Станшо. И как стали ложиться на якорь, то с крепости по кораблям палили из пушак. Хотя от крепости были более тысячи сажен, однако ядры доставали, а другия и далее корабля пролетали. Для чего отошли далее.

6 числа с полудни высадили по южную сторону города Станчио под пушками фрегатов Севернаго Орла, Тино, Соломбалу албанцов и славонцов 1178 человек. Которыя пошли по высотам гор и буераков. На против встретили их турки конныя и пешия и с ними греки. Из которых один к нам пришел и сказывал, что они взяли против нас оружие с принуждения турок. А кто не хотел, тех рубили. Сошедшись на высотах албанцы с турками, // (л. 192—249) начели во многих местах иметь ружейную перепалку. И казалось, что наши во многих местах турок прогоняли и занимали их места. Но один баталион и славонцы на правом крыле в садах уступили место туркам и побежали. Турецкой конницы гналось человека с четыре за албанцами и славонами. И удалось им несколько албанцов изрубить. Только скоро, другими подкреплены будучи, турок прогнали.

Видя оное замешательство, господин контр адмирал сделал сигнал, чтоб свозить регулярных салдат, которыя тотчас и свезены под команду тогож инженер майора Матвеева; всех чинов 478 человек, да егарей 57 человек и шесть единорогов трех фунтовых. Люди на берегу поставлены были фрунтом. Потом // (л. 192 об.) стали маршировать далее. И, отошед несколько, выбрав равное место, стали баталион каре. Албанцы с турками безпрестанную имели перепалку. Потом приблизилась ночь. Наши регулярныя войски остались на том же месте для ночевания. Да и албанцы и славоня собрались на то же место. И расположились по углам баталион каре в безопасных местах. В добычу албанцами получена от неприятеля одна медная трех фунтовая пушка.

По утру по восхождении солнца началась между турок и албанцов перепалка. Турок наши из закрытых мест выгоняли. Они принуждены были ратироваться. И напослед чрез равное место прогнали // (л. 193—250) их до самого форштату. Но турецкая конница подкрепила своих. И принудила наших албанцов ратироваться на зад. Для чего наши регулярныя войски с места, где ночевали, перешли вперед на другое место и поставились фрунтом. В полдни со обеих сторон военныя действия утихли. Албанцы просили у Матвеева двух единорогов с прикрытием оных и наших войск бомбардирами. А без того они опасаются турецкой конницы ийти в форштат. Матвеев в оном с грубостию отказал. А чтоб они шли без орудиев или бы взяли пушки без людей. А в случае оных потери, оставшиися ответствовали бы своею жизнью. А он с онаго места с регулярными // (л. 193 об.) войсками и артиллерией за великими крытыми горами, буераками, густыми садами, рвами и каменными огородами не пойдет. После полудни в часу третьем паки началась у албанцов с турками перепалка. Албанцы стали по несколько отступать. Видя то, Матвеев послал для подкрепления их два единорога под прикрытием одной роты. Но столь сильно огонь стал умножаться, что наши единороги и посланныя салдаты начали с неприятелем иметь дело. Для чего и все регулярныя войски к месту сражения ийти принуждены были. Хотя место весьма для регулярных войск неспособно, но принуждены по приходе вступить в сражение.

Главной командир господин // (л. 194—251) Матвеев при оном сражении ранен двумя тяжелыми ранами. Он, отдав команду пример-майору и ковалеру Черемисинову, велел себя вести на берег к судам. Потом убиты албанские лучшие два майора и один тяжело ранен. Почему албанцы, или не имев своих командиров, или не вытерпя жестокова неприятельскова огня и места неизвестныя, приходили к загородкам и к кустам. Часто и сами на неприятельское дуло попадались, а

неприятель тем лучшей из ботарей имел авантаж. В таком будучи беспорядке, один по одному пошли с места баталии на берег к судам. Наши регулярные войски одни остались против неприятеля // (л. 194 об.) на самом дурном месте. Они, ходя по горам и стоя целой день против солнца, можно сказать, згорели и обезсилили. Но принуждены вступить в генеральное сражение, хотя из-за кустов и огородов неприятеля и не видят, которой их вредит. Палили из артиллерии и ружей по неизвестности, а только в то место, где покажется дым. При том же был и ветер на наши войски. Вскоре после албанцов взяли и наши непорядочную ретираду. Пошли также к судам один по одному, положи ружье на плечо или по ремню, так как из место в место ходят без каманды. Были тут как афицеры, так и салдаты — все равны. Артиллерию бомбардиры // (л. 195–252) вести были безсильны. А салдаты никакой помощи им не делали. Турки, отобрав от нас единороги без всякова им сопротивления, рады были оной добыче. Может же еще они того опасались, чтоб наши не опомнились и, построясь, назад не отобрали. По той причине за нашими войсками не гнались. Я думаю, всякому бы за наитруднейшее дело показалось то, чтобы в порядок привести тех воинов, которые от жару и от усталости падали на землю полумертвыми. И чтобы возвратить тем прежднюю храбрость, которыми страх и ужас обладал так, что сошедши с ума, повергали себя перед врагами на землю без памяти. Турецкой конницы человека с три или четыре устремились за нашими. Они прежде не думали, чтоб // (л. 195 об.) наши салдаты были толь слабы и не оборонительны, как видно. Проезжали в сторону мимо их и повторяли то не по малу, опасаясь, чтоб наши не начали обороняться. Но видя, что наши на то, чтобы защищать свой живот, дремлющим смотрели оком, выбирали с зади по желанию того, кто им изрубленным в куски нужным и надобным казался. Наши шли кучами, человек по пятидесяти. И взирали на то усыпленными чувствами так, что будто оное до них и не касалось. Турки такую в то время получили власть, что изрубя одного в куски, ехали с другим то же самое делать. Мы должны благодарить всеблагаго Бога радостными слезами в такой турецкой // (л. 196–253) глупости, которые, недовольны будучи тем, чтобы лишить человека жизни одним ударом, слезали с своих лошадей и мясничали над ним так, как их глупости и злости угодно казалось. А лошади, яко скоты, от них уходили есть траву. И в том они времяни много напрасно теряли. Ловили опять лошадей. Да чтож? между нашими. Но наши, смотря на такой позор, который мог бы одною остоновскою истреблен быть, проходили мимо. Почему до тех пор имели турки власть наших рубить, доколе не подъехали под пушки фрегаттов. С оных из пушак ядрами и картечами они отогнаны. Чтож[?] ежели бы было турок больше и когда бы они // (л. 196 об.) хотели взять наших в полон? Сие бы сделать стоило не большова. Только их коннице человекам десяти нужно было отхватить от берегу, где наши стояли транспортныя суда, и сказать, кто хочет быть жив, тот бы шел в крепость. И от того бы наши салдаты были послушливее всякой скотины. Почти все пишу невероятное. Однако еще для наших людей не все кончилось бедствие. Когда уже пришли под защищение пушак и больше неприятеля не видят, то лезли без памяти в воду и от безсилія падали и тонули в море. Других от безумия вязали и перевозили на суда. Еще два афицера и пятнадцать человек салдат молодых и здоровых, приехав уже // (л. 197–254) на суда, не чувствуя боли, померли в одну четверть часа. Итак несчастливая для нас баталия

тем и кончилась. Потеряли на ней шесть единорогов, множество ружей и всякой аммуниции. Салдаты, облегчая себя, просили⁵⁴ все, что им тяжелым ни казалось. На другой день по утру человек с шесть из наших пришли на берег и взяты на суда. В том числе и моей команды двоя салдат. Сказывали они, что шедши, будучи безсильны, упали на землю в обмароке, и лежали с шестова часу по полудни по пятой час по полуночи без всяких чувств. Конечно, много таких подобных осталось неприятелю. Сколько же наших людей на неприятельском берегу пропало, потонуло // (л. 197 об.) в море и умерло по приезде на суда, порознь, и каких чинов, при сем приобщаю ведомость:

Регулярных убито:

Инженер майор Федор Матвеев.

Сухопутных и морских:

Капитан Григорей Апухтин.

Подпорутчики:

Бомбардирской Василей Радиллов,

Армейской Козма Бирюков.

Капралов — 3.

Барабанщиков — 2.

Флейщиков — 1.

Бомбардир — 11.

Гранодер — 6.

Мушкатер — 52.

Егарей — 7.

Итого — 85.

В море потонуло и на судах померло:

Из Армейских прапорщиков

Иван Водолеев. (л. 198, 198 об., 199, 199 об. [*листы оборваны*]) *** [текст восстановлен по рукописи РНБ]

и Дмитрий Воронцов.

Подпрапорщиков — 2.

Капралов — 2.

Бомбардир — 3.

Гренадер — 3.

Мушкатер — 9.

Егерей — 2.

Итого 23.

Ранены.

Поручики:

бомбардирский — Николай Вердеревский;

кирасирский — Михаил Карачинский.

Каптенармус — 1.

Капрал — 1.

Цырюльник — 1.

⁵⁴ Бросили.

Бомбардир — 9.
Гренадер — 3.
Мушкатель — 23.
Егерей — 4.
Итого 44.

Нерегулярных албанской команды.

Убиты:

Майоров — 2.
Сержант — 1.
Десятников — 4.
Рядовых — 24.
Итого 31 [*в рукописи РНБ* — 34].

Раненых.

Майор — 1.
Капитанов — 2.
Поручиков — 2.
Знаменщиков — 2.
Сержантов — 2.
Десятников — 12.
Рядовых — 44.
Итого 65.

Славонцев:

Убитых — 5.
Раненых — 5.
Итого 10.

А неприятельский урон неизвестен.

Город Станкио крепость имеет хотя старую, однако еще изрядную, пушек на ней довольно, много же и больших; форштат не малый, положение места и строе-ние хорошее; кругом его великие сады, да и весь остров изобилен разных родов фруктами и зелеными плодами: на нем родятся лимоны, апельсины, померанцы, амаскины, груши, яблоки, гранаты, априкосы, винные ягоды, чернослив, арбузы, дыни, огурцы; винограду великия поля и с великим урожаем, из котораго делают изрядное вино, изюм и коринка.

Хлеба родится довольно; скота, лошадей, быков, баранов великое множество.

Весь же остров водными источниками и колодезями доволен; где мы высаживали десант, у самага почти берега четыре колодезя с хорошей и довольной водой. Купецкия суда, которыя идут в Александрию или из Александрии в Смирну, в Константинополь и в Солонику, онаго острова мимо не проходят, ложатся у города на якоре для удовольствия себя водой и съестными припасами. Якорные места от всех мест закрыты, грунт хороший; есть же напротив острова на анатолическом берегу бухта Бегреро близь Будрума, в которой множество купецких судов грузятся того места продуктами.

Как города Будрума, так и города Станкио с их рейдами при сем прилагаю планы

***. [Далее по рукописи ВСМЗ] (л. 199 [пусто, лист оборван])

(л. 199 об. [лист оборван] и 200 — 258 [цв. лл. в разворот: // Остров Паса // и часть бухты с крепостью])

(л. 200 об. и 201–259 [цв. илл. в разворот: План чинимых в Архипелаге на острове Станчо при городе Станчо военных действий 6 и 7го числа августа 1773 года])

(л. 201 об. и 202–260 [цв. илл. в разворот (с незаконченной легендой): Часть Анатоли // Часть острова Станхио // Остров Капро]) // (л. 202 об.)

9 числа августа прислан к контр адмиралу от адмирала пакетбот Почталион с письмами.

Командир пакетбота капитан лейтенант Кривцов сказывал, что он, будучи в посылке по Анатолическому берегу, высаживал, как от себя албанцов, так с флюг греков в лежащая на берегу деревни и несколько оных зжег, и взял в полон одново турку.

10 числа снялась от города Станшо вся эскадра с якоря и стали лавировать к норд весту.

Примечено между острова Станшо и Анатолическаго берегу течение моря от норд весту по половине и по три четверти, а при рождении луны по два и по два с половиною // (л. 203–261) узла в час.

12 числа контр адмирал с эскадрою зашел острова Леро в порт Марино. Я с кораблем по другую сторону южняя крепости в порт Бадель. Оба оныя порты малы. В порт Бадели пресной воды почти нет, а в порто Марино довольно. Деревня между портами на перешейке великая. Обыватели тут греки достаточные люди. Прежде жили и турки, но по приходе нашем в Архипелаг выехали на Анатолической берег. В верху деревни на самой высоте крепость. В нутри вся развалилась. В ней шыстерн, в котором довольно воды. Были четыре чугунныя пушки, которыя нами разорваны.

15 числа контр адмирал из порто Марино, а я с кораблем // (л. 203 об.) из порто Бадели и вся эскадра вышла в море и пошли к островам Арчузоз.

Тогож числа пришли между Липсо и Арчужских островов вся эскадра и легла на якорь. Нашли стоящаго в Арчузах господина адмирала с эскадрою.

Пришедши, услышали, что корабль Победа из Ливорны пришел в порт Аузу. Прежде бывшия в эскадре брегадира и флота капитана Борисова фрегаты, Нетронь Меня, посланы креисеровать к острову Сириго для дулциниотов. Корабль Победа около перваго числа сентября по исправлении своем пойдет в туж эскадру в креисерство.

Корабль Аннуарий разгружается для перетимбировки.

Господин адмирал Спиридов // (л. 204–262) был с эскадрой в Самосе по Z ево сторону, где стояли на якоря. Видом положение места изрядное. Которому наиболее придавало красоты множество разных древесных плодов и винограду. Где и люди в великом были удовольствии. Только в летния месяцы по причине нискости места, сырова воздуху и севернаго ветра, которой, препятствуем будучи горами, не проходит, тутошня жители заражаются болезнию. Для чего и удаляются на те месяцы из деревни в горы. Гвардии несколько человек для веселости места жили на берегу все то время, сколько эскадра стояла на якоря, не

чувствовал ни какой болезни, но по приходе в Арчузы, начали из тех // (л. 204 об.) людей, которые часто были, а больше те, которые жили на берегу, сказываться больными и умирать многие стали. Для чего господин адмирал, как афицеров, так и больных рядовых и сумнительных всех отдела, чтоб другия той болезнию не заразились, приказал свести в остров Патмос, в нарощно на то сделанную госпиталь.

25 числа бомбардирския Страшной и Молния для починки пошли в порт Аузу, а бомбардирской Гром починился в Арчузах.

В месяце августе штилей было очень мало. Ветры и жары были иногда крепкие. А с половины месяца по ночам стало быть холодно. // (л. 205–263)

2 числа сентября отправлен в Ливорну фрегат Григорий, на котором отпущены гвардии афицеры: капитан Шамшев, капитан порутчик Щепотьев, да из служителей несколько человек, которые на войне потеряли руку или ногу. Я просил адмирала, чтоб отпустил меня в Россию. Он мне на то отказал, а обещался отпустить после.

13 числа пришли в крейсерство к острову Самосу для прикрытия грузящих лесом судов фрегаты Почталион и Победа.

18 числа господин контр адмирал и ковалер Ельманов с порученной ему эскадрю, с кораблем Победоносцем, // (л. 205 об.) где имеет свой флаг, Трех Святителей, Саратов, Трех Иерархов, бомбардирской Гром, пинк Соломбал, трекатр пять, шембек две, полугалер три, снялись с якоря. Взяли свой курс к острову Тассу.

Остались в Арчузах господин адмирал и с ним корабли: Европа, Чесма, Всеволод, Граф Орлов, Рагислав, фрегаты: Северный Орел, Тино, поляка одна, шембек, соколев и полугалер тринадцать.

19 числа за противным и крепким ветром северным вся эскадра кроме нескольких мелких судов по южную сторону острова Самоса легла на якорь в том же месте, где прежде стоял господин адмирал. При нас на берегу // (л. 206–264) болезни почти не было. Время то прошло. Места положение равное и всяких на нем плодоносных дерев множество. Водой изобильно и блиско к морю. Нашли мы тут стоящих на якоре пакетбот Почталион и фрегат Победу.

Сего числа было затмение луны от севернаго края до трех четвертей ея диаметра, с начала седьмаго до исхода девятаго часу.

21 числа пришел к нам пинк Соломбал.

20 и 22 числа сентября, первое для дни рождения его императорскаго высочества благовернаго государя // (л. 206 об.) цесаревича и великаго князя Павла Петровича со всех кораблей палено по двадцати одной пушке.

Второе — для дни коронования ея императорскаго величества всемилостивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны со всех кораблей палено по тридцати одной пушке.

Тогож 22 дня эскадра с благополучным ветром снялась с якоря, и пошла // (л. 207–265) каналом между острова Самоса и Анатолии, а Почталион и Победа остались на якоре.

25 числа прилавирировала эскадра к острову Ипсару, где соединились с крейсерующей эскадрой капитана Извекова.

От контр адмирала велено кораблю Трех Иерархов с пинкою ийти для забрания лесов в острове Шкиато. То оной для поджидания пинки остался у остро-

ва Ипсара, также и креисерующая эскадра капитана Извекова. А мы пошли к острову Тассо.

29 числа у острова Евстратия бомбардирской Гром сделал сигнал, что он с эскадрою держаться не может. // (л. 207 об.) Почему и велено ему идти в ближней порт, и с ним послан для канвою корабль Саратов.

Итак осталось нас только два корабля — Георгий Победоносец и Трех Святителей. Мелкия суда, не вытерпя жестокости ветра, разошлись по способности в острова. Да и мы пошли по Z сторону острова Метелины и держались в ближи его до третьяго числа отября. Но как ветер ни мало не утих, то господин контр адмирал, хотя ни каких выгод и удобностей, а больше опасности имел, зашел за остров Ипсар, где только четыре румба от северных ветров закрывает, лег на якорь. Где и я принужден // (л. 208–266) с кораблем на сороке пяти сажнях положить якорь. Тут нашли эскадру капитана Извекова. А корабль Трех Иерархов пошел искать пинку. О которых после узнали, что они пришли в остров Микону. И велено им от адмирала и пинке идти в Аузу, а кораблю в Патмос вместо капитана Фондезина. А Фондезин с фрегатом для килевания пошел в Аузу.

Весь сентябрь имел крепкия ветры, холодной и густой воздух.

Услышали мы от капитана Извекова, что фрегат Надежда Благополучия, вынимая из нее мачту, порвался гинь и упадшею мачтою дно проломило, от чего и потонул. // (л. 208 об.)

9 числа октября по утишении ветра снялись с якоря и пошли к N. А капитан Извеков остался с эскадрою под парусами у острова Ипсаро.

12 числа, пришед к острову Тассу корабль Победоносец и Трех Святителей, легли по северную ево сторону на якорь.

17 числа пришли к нам корабли: Саратов, бомбардирской Гром и легли на якорь. По разлучении с нами, стояли они в заливе острова Целидромля. Бомбардирской Гром имел течь в носу от гнилости пенки, которую исправили.

22 числа пришел к нам с эскадрою господин адмирал Григорей Андреевич Спиридов, состоящей в пяти кораблях // (л. 209–267) и лег на якорь.

Тогож числа пришли наши полугалерки, несколько шебек и служащих у кораблей филюг.

Получил я от генерал адъютанта Апрелева письмо, при котором послан от его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова господину адмиралу ордер. А какова он содержания вношу оригиналом:

Ордер.

Его высокопревосходительству господину адмиралу и разных ордеров ковалеру Григорью Андреевичу Спиридову.

Находящагося в Архипелаге флота господина капитана и ковалера Хметевскова имеете ваше высокопревосходительство на первоидущих судах // (л. 209 об.) за провиантом прислать в Ливорну.

На подлинном подписано граф Алексей Орлов.

Июля 27 дня 1773 году.

Фрегат, на котором капитан лейтенант Дугдал от адмирала отправлен из Арчuzов в Ливорну, да все три пинки за провиантом тудаж отправить велено.

23 числа начались дожди и гром, от которых показалось весьма изобильно на острову грибов, маслеников, рыжиков и груздей.

Посылаются с албанцами полугалерки и шамбеки, около Румелического берега и островов Самардаки и Имбро. Несколько воличей, взяв в приз, привели иныя с грузом, а другия и порожня, также и баранов.

28 числа пришла из Аузы поляка, на которой присланы // (л. 210–268) письма, привезенныя аглинским судном из Ливорны. И при том уведомляют, что содержащейся в Константинополе в плену главной армии полковник Репнин выпущен и приехал в порт Аузу на аглинском судне. Которой и отправился на пинке в Ливорну.

В последних двух третях месяца октября ветров крепких не было, однако были дожди, гром и молния с сырым и осенним холодным воздухом.

Часть Морейскаго берега с принадлежащими к оному островами, как то: Специи и Индра с видом положения земли, и остров Зезя, с положением также берега и с промером глубины, предлагаются в сих картах.

(л. 210 об. и 211–269 [цв. илл. в разворот: Положение части острова Специ восточной стороны и пролив между оным и Мореиским берегом, продолжяющаго от Наполи Романи к Неграпонту с частями вида островов Доко, Нидры, Поро и Специпуло])

(л. 211 об. и 212–270 [цв. илл. в разворот — вид бухты с промером глубин без экспликациии]) // (л. 212об.)

13 числа ноября за худостию корабля Трех Святителей, также и по нехорошему входу бомбардирскаго корабля Грома отпущен я в Аузу прежде флота.

14 числа для крепкаго и противнаго от ZO ветра с бомбардирским кораблем возвратился я на якорь к острову Тассу.

15 числа снялся я с якоря с бомбардирским кораблем при противном тихом ветре и стали лавировать к Z.

18 числа догнал нас адмирал с семью кораблями. Для чего, оставя я бомбардирской корабль и прибавя парусов, пошел в перед.

19 числа пришел я, а после и бомбардирской Гром в порт Аузу. Где нашли в порте стоящих кораблей: Победу, Нетронь Меня, Аннуариа. Перетинбиривают фрегат Северный Орел, Почталион, Помошной, Запасной, // (л. 213–271) Деллос, Парос, бомбардирския: Страшной, Молния, разных судов под нашими флагами 25, неутральных 2. Адмирал за крепостию ветра не пошел в Аузу, а лег на якорь между Наксии и Пароса. А корабль Саратов пошел в Микону.

Пришед в Аузу, услышал я, что капитан втораго ранга Степан Васильевич Новокщенов, быв с эскадрою у острова Занто на якоре, октября 5 дня волею Божию умер в горячке. Погребен на том острову в греческой церкви Константина и Елены с великой церемонией.

Острова Занто быхты и вид берега при сем предлагаю карту.

С прошедшей моей болезни зрение моих глаз стало хуже. По чему за нужное дело нахожу смотреть в очки.

(л. 213 об. [цв. илл.: карта бухты с прибрежным поселением, без надписей, с незаконченной легендой]) // (л. 214–272)

21 ноября адмирал с своим кораблем Европою, Победоносцем, Чесмой, Рас-тиславом пришел в порт Аузу, оставя в канале корабли Всеволод и Граф Орлов.

26 числа пришел в порт Аузу не большой турецкой фрегат, взятый близ Родо-

са эскадры адъютанта Ризы афицером, называемым Пано. Турки почти без всякого сопротивления, подошед к берегу, брося фрегат, уехали на берег. Оттуда Ризо репортует, что он же, Пано, гналса за турецкою шембекою. Турки, пришед к берегу, выбрались все на берег, а шембеку сожгли. Пано высадил своих людей на берег же. Турак разбив, взял в полон грузинак девушак и несколько мальчиков, котория везены были склавами⁵⁵ в Сирию. // (л. 214 об.)

Во всем месяце ноября погоды были хорошия, тихия и теплыя. Только с половины месяца по 20е число было несколько дней ветряных.

7 числа декабря пришли в порт Аузу из крейсества фрегаты Африка и Архипелаг.

18 числа пришла в порт Аузу французкая военная о 22х пушках барка, называемая Эклера, на которой командир ковалер Маркелли. Которой прежде приходил в Аузу на фрегате Салтане с старшим порутчиком.

20 числа пришла в порт Трио военная венецианская шамбека о дватцети двух пушках, называемая Плутон. На которой командир подполковник граф Дадик. // (л. 215–273)

21 числа пошел к острову Ипсару для крейсества фрегат Парос.

30 числа пришел в Аузу из Ливорны с разным грузом фрегат Григорий.

В месяце декабре больше было хороших дней, а меньше худых. Три раза шол дождь, а два раза гром и град.

Ордер от господина адмирала и разных ордеров ковалера Спиридова, писанной декабря 28 числа 1773 года.

Его сиятельство высокоуполномоченный господин генерал и ковалер граф Алексей Григорьевич Орлов при отбытии своем в Ливорну апреля 17 числа сего 773 года в ордере своем изволил написать, чтобы ваше высокоблагородие поданным к его сиятельству доношением // (л. 215 об.) просили за болезнь вашу в Россию, и, буде вы не получите никакова от болезни облегчения, в таком случае уволить вас, господина Хметевскова на первоидущем судне в Ливорну; но как тогда недостаток состоял на линейных кораблях флота в капитанах, и по наличию только могло сыскаться место определить на корабль Трех Иерархов вновь пожалованного флота капитаном господина Муратова. И так в тогдашнее время, рассматривая каждого из вас, флота капитанов, требованы в самой надобности, ково наипервее отпустить. И ваше высокоблагородие согласились. И отпущен господин капитан Степанов. А на место его определен означенный господин капитан Муратов. Сие же // (л. 216–274) правда, что в тогдашнее время и еще были флота господа капитаны, котория бы как порученной вам корабль Трех Святителей, так и корабль же Европу на место флота господина капитана Поливанова к командованию места занять могли. Но тогда же из тех господ капитанов были назначены в особия экспедицию. И ежели бы с фрегатов определять на линейныя корабли, как на ваш Трех Святителей, так и на Европу, в новь командиров, то учинились бы промедления во определении тем капитанам экспедицией, а при том и опущение по военному времени в нужных случаях дел. И за тем-та вы, господин флота капитан, как и выше значит, по надобности, которую // (л. 216 об.) вы признали первоотпущенному флота господину капитану Степанову, были от-

⁵⁵ Рабами.

пущены до окончания нынешней 1773 году компании; до коле из походу сюда в порт Аузу пришли, а к сему времени уже и командующия фрегатами господа капитаны сюда в порт Аузу также прибыли. Да и корабль Трех Святителей, под командою вашего высокоблагородия находящийся, по генеральному свидетельству в морском хождении и в надобности, и в нужных приключениях более на море служить неспособен. Но со всем етим есть еще здесь, в порт Аузе такой же линейной 66ти пушечной корабль Победа, на котором флота капитан господин Новокшенов умер и погребен в Адриатическом // (л. 217–275) море при острове Занто. И на оной корабль потребен командиром флота капитан.

Я вышеписанное изъяснение вашему высокоблагородию для того сделал, что бы вы ведали, что вместо корабля Трех Святителей есть такой же корабль, называемой Победа, где вы можете быть командиром. Но нужно мне знать, по вашим болезненным припадкам можете ли вы службу продолжать. О чем по чести вы можете репортом дать знать, чтоб во исполнение его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова повеления ваше высокоблагородие в Россию ли отпустить или определить на вышеписанный корабль Победу. На что и определение на сих же числах мог бы сделать и его // (л. 217 об.) сиятельству репортовать.

Вашего высокоблагородия доброжелательный слуга.

На подлинном подписано: Григорей Спиридов.

Поданной господину адмиралу и ковалеру Спиридову декабря 29 дня репорт.

Присланным вашего высокопревосходительства ордером велено по моим болезненным припадкам, могу ли я службу продолжать, о чем по чести вашему высокопревосходительству донести.

И на оное вашему высокопревосходительству с покорностию моею доношу, что в поданном вашему высокопревосходительству сего года февраля 27 дня от меня доношении показано: от долговременной компании // (л. 218–276) и всегдашней на море бытности и жаров, и от головной раны, которую получил 770 году при сражении с турецким флотом в Чисменском канале, от которой имею в голове боль, глухоту и обмороки, к тому ж и зрение повредилось, также почечуйную и цынготную в ногах болезнь; и от оных болезней пришел в великую слабость. От чего имею частыя припадки. И просил тем доношением уволить меня, нижайшаго, в Россию. Где по природному нашему климату не могу ли получить от болезни свободы и впредь еще продолжать ея императорскаго величества всеподданнейшую мою службу. Но с подачи от меня к вашему высокопревосходительству доношения и по сие время // (л. 218 об.) не довольно, чтоб от вышеписанных моих болезней иметь свободу. Но и более от тех болезней имею припадков.

Ордер от господина контр адмирала и ковалера Ельманова, писанной декабря 30 числа 1773 года.

Его высокопревосходительство главнокомандующей флотом и войском адмирал и ковалер Григорей Андреевич Спиридов ордером мне предписать соизволил, что на подлинной ордер вы репортом отзываетесь, в долговременной здешней всегда на море бытности и от болезненных припадков пришли в совершенную слабость. И за тем службы здесь в Архипелаге продолжать далее не в состоянии, а просили уволения в Россию. Почему вы и увольаетесь // (л. 219–277) в Ливорну для испрошения об отъезде в Санктпетербург от его сиятельства графа

Алексея Григорьевича Орлова повеления. Того ради в силу объявленного ордера его высокопревосходительства соблаговолите, ваше высокоблагородие, порученной вам корабль Трех Святителей и на нем команду, как оной по свидетельству к военной службе на⁵⁶ благонадежной, поручить по себе первому капитан лейтенанту и учинить смену по регламенту наступающего 1774 года генваря с первого числа; а по отдаче для отправления вас в Ливорну с обстоятельством ко мне репортовать для донесения его высокопревосходительству.

Вашего высокоблагородия государя моего покорный слуга
На подлинном подписано: Андрей Ельманов. // (л. 219 об.)

Звание вещей	По штату		По новому положению		На корабле Трех Святителей было	
	длина футы	толщина дюймы	длина футы	толщина дюймы	длина футы	толщина дюймы
Грот мачта	100	32 1/2	96	31 1/2	96	31 1/2
Грот стеньг	62	19 1/2	57 1/4	18	57 1/4	18
Грот Брам Стеньг	31	9	29	10	31	9 1/4
Ее Флагчок	—	—	—	—	21	—
Грот рей	92 ^{фут=3^д}	23 1/8	86 ^{фут=5^д}	20	86=5 ^д	20
Грот марса рей	61=8	14 1/8	62=3	13 1/4	62=3	13 1/4
Грот Брам рей	31=97	29 1/9	39	8 3/4	37 S	6 1/4
Грот Бом Брам рей	—	—	—	—	16	4
Фок мачта	89	28 7/8	85 1/2	28 1/2	85 1/2	28 1/2
Фор Стеньг	55=1	17 3/8	52	17 1/4	52	17 1/4
Фор Брам Стеньг	27=6	8	26	9	27	8 1/2
Ее Флагшток	-	—	—	—	17	—
Фока рей	82=3	20 1/2	76	18 1/8	76	18 1/8
Фор Марса рей	54=8	12 1/2	54=4	11 5/8	54=4	11 5/8
Фор Брам рей	29=9	6 1/4	37	7 3/4	34	5 3/4
Фор Бом Брам рей	—	—	—	—	13 1/2	3 1/2
Безань мачта	87=6	21 1/2	83 1/2	21 1/2	83 1/2	21 1/2
Крюиз Стеньг	41=2	11 5/8	41	11 1/2	41	11 1/2
Крюиз Брам Стеньг	—	—	—	—	22	7
Ее Флагшток	—	—	—	—	12	—
Безань ру	86=6	14 1/2	71	13 1/8	71	13 1/8
Бегинь рей	61=8	12 7/8	54	11	54	11
Крюиз рей	37	7 3/4	40 1/2	8 3/8	39 1/2	10 1/2
Крюиз Брам рей	—	—	—	—	23	5
Бушприт	62=2	31 1/2	59	29 1/2	59	29 1/2
Утлегар	41=5	10 3/8	45	14	45	14
Блинд рей	61=8	14 1/8	54	11 5/8	54	11 5/8
Бомб Блинд рей	—	—	37	7 3/4	37	6 1/2
Лисель шпирты нагрота рей	—	—	40	7 1/2	44	8 1/2
Нафока рей	—	—	—	—	39	7
Драй верс рей нижней	—	—	62	12	60	12 1/4
Верхней.	—	—	—	—	35	6 1/4
Флаг шток кормовой	—	—	—	—	33	8 1/2
Гюйс шток.	—	—	-	—	20	5

⁵⁶ Судя по всему, нужно «не благонадежной» (о плохом состоянии корабля Хметевский писал выше).

// (л. 220–279) В 747 году в компании на корабле Великомученице Варваре под командою капитана Кенеде со флотом рейд имели от Кронштата до Готланта. В 1748 на пакетботе Меркуриусе из Кронштата в Любик два рейса под командою лейтенанта Телепнева. В 749 году на фрегате Арханъеле Михаиле со флотом из Кронштата во Гданск под командою лейтенанта Озерова. В 750 году из Кронштата на фрегате Аполлоне для описи и промеру глубин между Готланта, Гданска и Курляндских берегов Аезеля Идагер Орта под командою лейтенанта Воинова. В 751 году на фрегате Крейсере от города Арханъельскаго до Кронштата под командою лейтенанта // (л. 220 об.) Давыдова. В 752 на пакетботе Лебеде из Кронштата в Любик два рейса под командою ундер лейтенанта Мартынова. В 753 на пинке Повракуле из Кронштата к городу Арханъельскому. В 754 на той же пинке от города Арханъельскаго до Кронштата под командою ундер лейтенанта Карсакова. В 755 на фрегате Втором из Кронштата в Норд Зею под командою капитана Пущина. В 756 на корабле Святом Николае, 80ти пушечном, из Кронштата до Готланта со флотом под командою капитан командора Лаптева. В 757 на корабле С.Иоанне Златоусте Первом со флотом из Кронштата для блакирования прусских берегов под командою капитана командора Березина. В 758 на том же корабле Златоусте со флотом // (л. 221–280) из Кронштата до Копенгагина под командою капитана Молчанова. В 759 командиром на пинке Вологде для отвозу осадной артиллерии из Кронштата в Пиллов. В 760 в Рыбной Слоботе для покупки барок. В 761 году шол на барках в Петербург под командою капитана Барша. В 762 при Санкт-Петербургском полковом дворе. В 763 при полковом дворе и на яхте С.Андрея командиров, в присудствии ея императорскаго величества, из Петербурга в Петергов, из Петергова в Кронштат, и обратно, в Петергов. В 764, командуя кораблем Слисенбургом, со флотом под флагом адмирала и ковалера Полянскова. В 765 на фрегате Гремящем от города Арханъельскаго до Кронштата под флагом господина контр адмирала Макензи⁵⁷. В 766 году // (л. 221об.) на фрегате С.Сергия из Кронштата под флагом господина контр адмирала Андерсона. В 767 в 768 в домовом отпуску. В 769 на корабле Нетронь Меня из Кронштата до аглинскова порта Порсмута. В 770 на корабле Святославе из Англии до Архипелага; на обоих кораблях господин контр адмирал Элфистон флаг свой имел, и был в сражении с сильным турецким флотом на рейде города Неаполь Диромании. В том же году определен на корабль Трех Святителей, и, будучи на оном, находился при отаке бегущаго от нас турецкаго флота от Мореи в Архипелаг. Потом в Чисменском канале в сражении с сильным неприятельским флотом турецким. В то время ивернем [осколком] от камня в голову // (л. 222–281) ранен. Но, командуя кораблем, имел сражение с четырьмя турецкими кораблями, от 80 ти до 90 пушак, и одной шамбекой, которья во время моего корабля на них нападения, проходя менее пистолетнаго выстрела, которья, оставя по мне пальбу, отрубив свои канаты, ретировались к порту Чесме. А после того до истребления всего турецкаго флота находился при осаде же в Чесме онаго турецкаго флота. А по сожжении в Чесме неприятельских кораблей был при осаде же острова Лемноса и крепости Литодии. А потом послан в остров Тассо для получения вместо растрелянных при сражении с неприятельскими вышеобъявленными кораблями на порученной мне корабль

⁵⁷ Фома Калинович Мекензи, служил в российском флоте с 1736 по 1765, с 1764 г. контр-адмирал.

мачты, бушприта, стенов и всех реев. В острове Тассо, зделав мачту, // (л. 222об.) бушприт, поставил на корабль. Также исправил в сражении перебитыя пушечныя станки. Колеса и другия на корабле пробитыя места починками исправил. Во время заготовления на корабль нужного командовал эскадрою. В 771 находился в Архипелаге в крейсерстве для снятия Дарданельской, Тенедосской и Метелинских крепостей. При Тенедосе с крепости производилась по порученному мне кораблю множество выстрелов из пушак с ядрами. Потом был же в Метелине при осаде крепости и при сожжении двух неприятельских кораблей, адмиральтейства и могазина. В 772 в Архипелаге в крейсерстве под флагом господина контр адмирала Ельманова. Командовал эскадрою на определенном мне посту между Шио и Метелина для Смирны. А потом в эскадре господина контр адмирала и ковалера Греика // (л. 223–282) в крейсерстве, и при разбитии крепости Чесмы и разорении города и сожжении несколько домов и могазинов. В 773 на кораблеж Трех Святителей в Архипелаге был со флотом под командою господина адмирала и ковалера Спиридова и в эскадре господина контр адмирала Ельманова, да и сам отделенною командовал эскадрою и содержал в блокаде остров Станшо.

774 году генваря 7 числа вошел в порт Аузу фрегат Тино.

14 числа корабль Всеволод и Граф Орлов вышли из порт Марии на рейд острова Микона.

16 числа вышла из гавани французкая военная шебека.

27 числа пришел в порт Аузу пинк Соломбал из острова Самоса с нагруженным для корабля лесом.

31 числа пришли из Сирии // (л. 223об.) фрегаты С[в]. Николай и Слава и с ними их эскадры: несколько полугалер и трекатр.

Месяц генварь был ненастлив и имел несколько дней дождливых с градом.

7 числа февраля пришел из Сирии в порт Аузу фрегат Надежда. На нем капитан Кожуков, и с ним несколько шебек и полугалер. Он был вместе с Воинавичем. Произшествие ево экспедиции есть ниже следующее: когда господин Кожуков с эскадрою пришел в Сирию к городу Каифу.

В месяце июле граф Иван Воинович с своей эскадрой стоял в Сури. И как о приходе господина Кожукова уведомился, то он, Воинович, вместе с бывшим тогда там гвардии поручником Бомгартом приехали к нему, господину Кожукову, и ево уведомили, что // (л. 224–283) Алибей, к которому обе эскадры от флота посланы на помощь против ево неприятелей, быв в войне прежде бывшим своим слугой, а после и зятем родным Махмет Беем, ранен. И от той раны умер. Остался его союзник и наш Шехдаеры Омер. Прежде по приходе Воиновичу, а потом и Кожукову, представил, как оныя командиры эскадр присланы для помощи ево союзнику Алибею, котораго ныне в живых нет, то предложил, чтоб они помогали вновь ево союзнику, а потом и нашему князю друтскому взятъем из его владения города Барута, которым, взбунтовав, завладел его, князя друтскаго, подданной губернатор Чезарбей. На что господин Кожуков согласился и пошел с своей эскадрой для соединения // (л. 224об.) с графом Воинавичем к городу Саиде, а от туда пошли все к городу Баруту. Где остановились на якорях. Делали с князем друцким договор, для чего употреблен во оное Иван Воинович. А в договоре положено, чтоб рускими взять город Барут. И отдать ему, князю, без всякаго города грабежа. За что он, князь, обещался, и утвердить контракт

том, дать 300000 пиастров. И притом еще обещал своим войском помогать. Когда сделаны будут в город бреши. И как со обоих условились, то на первое положено город отаковать с морской стороны фрегатами, чтоб жителей обратить на себя, а между тем высадить десант и делать ботареи. Почему фрегаты Надежда, С[в]. Николай, С[в]. Павел, Слава, Наксия, шебека Забиака, подошел в близность града, // (л. 225–284) легли на шпрынг. В то время город их ни как не тревожил, но как наши, изготоясь, начали производить пальбу по городу, то и от них началась жестокая пальба. Хотя с морской стороны на городской стене было девять пушак, из которых одна только 35ти фунтовая, а другия трех и четырех фунтов, однако стреляли цельно и проворно. От чего С[в]. Павел, Слава и Наксия, а потом и Николай принуждены отойти прочь. Да и Надежда, быв в сражении, в третьи сутки отошла. Оной фрегат Надежда больше всех получила ядер. А особливо в вадах линию. Как от неприятельских ядер, так и от своей великой пальбы весь раздробило. Они растреляли почти весь порох и ядра. От чего в фрегате Надежде // (л. 225об.) сделалась великая течь. От которой и в Аузу пришел, безнадежно было оной фрегат впредь к военным действиям был годеи. Когда производилась с фрегатов по городу пальба, в то время высажен наш на берег десант, состоящий из 700 челов[ек]: албанцов, греков и славонов. И с ними свезены 12ти фунтовых пушак две, бти фунт: пушак две, и при них для управления оными морския кананеры. Весь оной десант под командою гвардии порутчика Бомгарта. Вышед на берег от неприятеля безпрепятственно, по левую сторону сделал две ботареи, из коих одной командовал воежир барон Палин, другой Бомгарт. С которых начали палить по городу. Князь друцкой стоял с своим войском, состоящим от трех до четырех тысяч друзов по зади // (л. 226–285) нашава десанту верстах в трех. Первые два дни стояли, а потом день от дня стали умаляться и уходили по домам в свои деревни. Но когда наши через десять дней сделали бреши, что сделать было нетрудно, стена города тонкая, больше похожа на ограду, то требовали от князя помощи ийти в город. Князь людей своих к тому сколько ни уговаривал, однако они ийти в город отказались. Наши представляли им, что они пойдут на перед, но и на то не согласились. Может быть или ийти побоялись, или потому, что наши взять город за вышеписанную цену обязались. И напоследок все друзы ушли, оставя одних наших. Князь в том извинялся. Он бы помогать рад, но ево люди // (л. 226об.) не слушают. Наши войски, видя себя против города безсильных, в город ийти одни опасались превосходной неприятельской силы. Да еще и боялись сделать и ратираду на суда, чтоб чрез то не вывезть из города на себя выласки, то употребили хитрость некоторыми договорами с Чезарбеем. Которой был согласен в то время договариваться, когда мы возмем с берегу десант свой на суда: нашим было то надобно. Пушки и десант порядочно перевезли на суда, а по свозе был договор с Чезарбеем: но он нашим дать ничего не хотел, как только быть одним союзником, как и прочия беи; но нашим Чезарбеев союз весьма был неавантажен, а желание состояло в том, // (л. 227–286) чтоб взять 300000 пиастров. Но как видя беево упорство, а свое против ево безсилье, то набрали албанцов и греков до 300 человек с подкреплением нескольких полугалер. Высадили по левую сторону города Барута для тревожения и безпокойства из города выходящих жителей. Из города были две высылки, которья с добрым успехом с подкреплением из полугалер прогнаты с потерее неприятелей. В городе хотя в

некоторых съестных припасах был и недостаток, однако Чезарбею города отдать не хотелось. Видя наши свои недостатки и неудачи, прибегнули прозбою Шехдаер Омеру, чтоб он помог или своим войском или бы уговорил Чезарбея отдать город. Шехдаер Омер в бедность наших вступился. Писал к Чезарбею, чтоб отдал // (л. 227об.) город. Он его принимает к себе в службу. А ежели города не отдаст, то он пойдет для вспоможения русских войск с своим войском. Первова письма он не послушал, а по другому вместе с нашими к Даер Омеру для вспоможения ехать согласился. Почему вместе и ездили на полугалере. На договоре положено, чтоб Чезарбею отдать город и выдти с своим войском, с оружием и аммуницией, а нашим войти в город и взять под свой караул. Почему оное число и учинено. Чезарбей с своим войском из города вышел, как выдти положено, а господин Кожуков во оной город вступил, поставил караул и российский флаги на крепостях и об оном дал знать князю друцкому. // (л. 228–287) Почему князь приехал и поздравлен был с города из нескольких пушак. И по договору за 300000 пиастров оной город получил. Оныя денги все без остатку по частям и по себе господин Кожуков разделил. Из которых ему досталось 22000 пиастров, кроме призовых и других посторонних разных вещей. В казну же из оной контрибуции, или лутче сказать, найму, ничего не досталось. В велим убытке, потеряв почти фрегат Надежду, которой сделался безнадежен, также и другия фрегаты требуют великих починак, разстреляли весь порох, ядры и кнители и картечи на всех, сколько их ни было судах, без пользы. Казне в восемь месяцев, покупая дорогою ценою провиант, // (л. 228 об.) сделали великой ущерб. При блакировании города Барута убито: флотской лейтенант Кадников, морских баталионов прапорщик славонин Воинович, русских рядовых 18 человек. Ранено: воежир барон Палин, из греков порутчик Саблин, албанской капитан. Всех убитых и раненых с греками и славонами до 100 человек.

Беи чрез свой союз получили, чтоб их Россие защищать и в нужных случаях помогать. Их коммерция во всем Леванте вольная.

8 числа февраля пришел из Ливорны в порт Аузу фрегат Минерва, на котором привезено известие, что адмирал Спиридов отставлен от службы с полным адмиральским жалованьем.

Орденом графа Алексея Григорьевича Орлова велено в Россию командировать матрос ундер // (л. 229–288) афицерами от 300 до 350 человек. Почему и командированы на фрегаты для отвозу: Григорий, Страшной, Минерву.

Тогож числа вышел из гавани в крейсерство корабль Победа.

9 числа пришел в гавань фрегат Наксия и с ним несколько полугалер.

13 числа пришел в гавань фрегат Павел; а все еще оныя Сирской экспедиции.

23 числа корабль Трех Святителей отдал по себе первому капитан лейтенанту Сорневу.

24 числа переехал я на корабль Европу для отправления в Ливорну. Екипаж и людей посадил на фрегат Григорий.

25 числа адмирал Спиридов отдал команду виц адмиралу Ельманову. Флаг свой спустил ночью.

27 числа корабль Европа и с ним // (л. 229 об.) идущая в Ливорну фрегаты Григорий, Страшной, а Минерва на несколько дней оставлена, пробыв в Аузе, вышли из нее в крейсерство; также и фрегаты Северный Орел, Африка и Тино.

Тогож дня в вечеру между Наксии и Пароса в устье канала за противным крепким ветром легли на якорь.

2 числа марта при ветре как корабль Европа, так и фрегаты снялись с якорей и пошли по северную сторону острова Пароса.

3 числа по утру сделался ветр межномарсельной. В полдни прошли мы между островами Серфо и Сифонто.

4 числа с полуночи до 5ти часов утра лежали в дрейфе для темности ночи, проходить мимо острова Сириго.

В 8 часов утра при ветре Оно-ундер-Зееле прошли остров // (л. 230–289) Сириго. На его мысу есть небольшой залив, в котором кроме мелких судов от ветров стоять не можно. Стоял однажды наш фрегат Надежда Благополучия с великою опасностью. У тово залива есть селение и небольшая крепость. Вкруг города много запаханых ровных полей и оливных деревьев.

На 5е число в ночь отстали от нас фрегаты. 5 и 6 числа был крепкой шторм. На 7е число с 11 часов вечера по 6 час утра лежали под гротом в дрейфе, чтоб в темности не приблизиться к Сицилии. В 5м часу по полуночи при ветре снялись с дрейфу. В 7м часу утра увидели Месинской пролив; примечать должно, кроме горы, которая покрыта бывает часто густым воздухом, так как мы // (л. 230 об.) оной не видали, на берегу Калабрии в половине гор стоит, раздвоясь в верху, камень, которой хотя негораздо высок, но довольно приметен. Но сицилийском берегу есть два селения, одно от другога недалеко разстоящие. В сем селении есть холм, на котором стоит церковь со шпицом и круг ее ограда.

4 числа по полудни прошли Месинской пролив. В оной входя, должно примечать, что ветр в нем крепче, нежели на открытом море.

На берегу Калабрии неаполитанской город Редна. Он имеет презрядную крепость и форштат. На сицилийском берегу есть Месина, хорошей и немалой город. В нем прежде был мор, от чего и ныне еще есть много пустых домов. В оном же городе множество как мужеских, так и женских монастырей, которыя своею величиной и великолепным строением не малую часть города составляют. К морю есть крепость // (л. 231–290) довольно великая и хорошая. По близости крепости есть хорошая гавань, которая от всех ветров закрыта. В ней военных кораблей стоять до дватцети может кроме купеческих. По оной гавани к морю поделаны ботареи. Но со всем тем место сие, сказывают, нездоровое. На выходе пролива, когда идешь к N, то поперег всего пролива спорное течение так сильно бывает, что при тихих ветрах судно не слушает руля и вертится в течении по своей воле; так, что приносит к берегу очень блиско, чрез то делает великую опасность. Якорей за необычайной великой глубиною бросить не можно.

По выходе из Месинскова про[лива] 7 и 8го числа было противное маловетрие, а иногда и штиль. От 8го числа по полудни видны были наши фрегаты Григорий и Страшной. Вышел из Месинскова пролива.

9 числа с противным ветром // (л. 231 об.) в десять часов утра прошли остров Стромболо, оставя ево в левой стороне. Как из онова острова, так не по далеку лежащего острова Вулкана выходит почти из вершин их густой дым и по ночам видно, что из оных пропастей выкидывается огонь.

15 числа прошли мы с кораблем в 9 часов утра в самой близости по сторону острова Монтехристо.

Тогож числа в 3 часа после полудни прошли между островом Планозы и Элбы. Остров Планоза нежилой по причине разорения от барбарцов. Видно еще на оном острове развалины крепости и жилья. Остров Элба разделяется на три владения. Из которых 1е принадлежит герцогу Тосканскому. В котором порто Ферас. 2е герцогу Калибрическому Портолонгони. 3е принадлежит герцогине Пиембинской. А весь сей остров очень мал и не более лежащего в Архипелаге знаковома нам острова Пароса.

16 числа после полудни в 6 часов пришли мы на Ливорнской рейд, // (л. 232–291) на котором стоит пришедшая из России наша эскадра, состоящая в одном корабле 70 ти пушечном Исидоре, на котором контр адмирал Греик флаг свой имеет, капитан Сурмин. Шестидесятных трех: Жен Мироносиц, капитан Тарас Воронов. На Александре Невском — Мусин Пушкин. На Димитрие Донском — Поярков. На фрегате Павле — Повалишин. Фрегат Наталия остался в Англии с больными. На котором командир капитан поручик Боде. Как скоро положили мы якорь, то из Ливорны приехал капитан для присмотру над портом, спрашивая, что откуда мы пришли и сколько времени шли, и как называют корабль и командира, чтоб мы не мешались с другими людьми. Нашим на корабле определена // (л. 232 об.) была для того лотка.

17 числа приезжали поздравлять нас городского комедиантского хора музыканты, которые за проиграние нескольких штук под кормою получили немалую денежную плату.

В 11 часов утра приехал контр адмирал и Рудерфот под корму корабля поздравить адмирала.

Тогож числа салютовал корабль Ливорнской крепости. И со оной ответствовано тоже самое.

В вечеру тогож дня пришли наши фрегаты Григорий и Страшной и легли на якорь.

20 числа марта пришел из Архипелага фрегат Николай. // (л. 233–291)

[На этом в рукописи РНБ стоит помета редактора: «Конец Журнала»]

1774го года марта 20го числа с карабля Европы съехал я в Ливорну в карантинной дом вместе с бригадиром Веригиным и гвардии капитаном поручиком Бомгартм. Карантин российским военным судам полагается всех держав меньше. Карантинной дом: в нем довольно домов, где благородным людям жить можно; для нас, русских, карантинные надзиратели особое почтение и доверенность имеют и никакой нации сравнения с нами нет; ни что иное их понуждает нас так почитать, как только наша щедрость; однако на ночь, ежели мы больше по карантинному месту гулять не хотим, то надзиратель, с спросу нас, двери каморныя снаружи запирает; оное карантинное место окружено каналами и поблизости каналов построены великия магазейны, чтоб во время карантина с судов товары сгружать и сушить можно было, для чево к тому способные анбары и сделаны; есть другой карантинной дом, которой первого больше, только от города далее, но со всем тем сколь ни хорошо жить, только убыточно и скушно. 774 года марта // (л. 233 об.) 23го дня старова штиля католическая была Пасха; с половины дня великаго четверга в городе было тихо, колоколов языки обвязаны, чтоб звонить было глухо, зорю в барабан не бьют, ружья держат часовые дулом к земле, но в половину дни в субботу начинается колокольной звон, из пушек пальба для воскресения Христова; таковая ж боль-

шая церемония празднуется Пасхе до трех дней. Из корантиннова дому видно было усопшим церемония: тело усопшаго из городу вынесут одетая в белыя рубашки, шнуром с кистями подпоясаны, на других красны, черныя. Перед телом идут по два в ряд, теж несут и тело, тело лежит на одре, одетое в платье, в шляпе и перчатках и ничем не покрыто; перед церемониею несут на шесте длинном крест и впереди два фонаря; как из города тело вынесут, то на учрежденном месте дожидаются; от той церкви, где погребсти надлежит, оное тело берут с такою же церемониею, только прежней менше и без черных на рубашках крагин; тело возмут от прежних и понесут для погребения. // (л. 234–292)

В 9е число апреля вышли из корантиннова дому в лучшей трахтир в городе; город Ливорна — владения констанскаго⁵⁸ герцога, комерциею и купечеством знатен, собой не велик, только многолюден; окружен весь хорошею крепостию с широким с водой каналом; строение хорошо, нет менее домов, как о четырех, а большая часть пять и шесть этажев; одна широкая улица, на которой купеческия лавки, а протчия все уски, только по каждой карете проехать можно; купеческая гавань прикрыта с открытова моря мулою, по которой довольно поставлено пушек, в которой много судов стать может; крепятся с кормы за пристани, а с носу кладут якори, глубина воды до 16ти футов.

Есть еще у крепостей, где и флак поднимают, в самом почти городе не большая гавань; в ней стоят четыре однодешния военныя фрегаты изрядной конструкции; в той же гавани к берегу становятся мелкия с съестными припасами и со всякой мелочью для продажи суда; на берегу ж оной гавани стоит с амбонам мраморной столб, к которому прикованы по углам четыре статуи медныя великой величины и точнаго // (л. 234 об.) человеческого изображения, так что явно видно было старость, грубость и младость, над которыми на том столбу стоит тосканской герцог Медицис с обнаженным мечем; об оных статуях сказывают, что они — род гигантов, и что оная величина точное их изображение; они махаметанцы, из барбари, отец с тремя сынами; славныя были разбойники; один сын по звездам угадывал, что всем будет нещастие; и как оное, так и их в оковах унылость изображены точно; в Ливорне есть одна греческая церковь, изрядно украшена, имеет вызолоченой [и]канастас, подачею россиян сосуды, крест, евангелие и ризница весьма богата, присланная из России нашею великою государынею; сказывают, что была другая церковь на площади, большая и украшена внутри церкви мрамором и все столбы мраморные, только католики оную церковь у греков отнели и зделали католицкою.

14е число апреля пошел в Архипелаг карабль Европа, на котором поехал контр адмирал Базбал, того ж числа пошел фрегат Григорий в Россию, на котором мой с людьми экипаж.

Того ж числа выехал я из Ливорны в Пизу в почтовой карете; расстояние между // (л. 235–293) Ливорны и Пизы с небольшим дватцать верст; город Пиза владения тосканскова ж герцога; чрез город течет река, но для разливу оной реки, чтоб не потопила город, возвышены берега стеной каменной; во оную реку из Ливорны проведен канал, для камерцы весьма способен, строения в городе хороши, церкви католическаго закона и монастыри строением велики и богаты;

⁵⁸ Нужно: тосканского

Виноградники и сады долины Арно

примечания достойно собор, которой зделан крестом; длина онаго с 45 сажен; престолов много, зделаны из хорошаго мрамору, в том же соборе несколько медных дверей большой величины, снаружи с вылитыми всех евангельских из Библии притчей весьма живо; при оном же соборе для крещения великой круглой храм с купалом; также довольно крива колокольня; в стороне собору великая галлирея для погребения мертвых.

Город нелюден; сказывают, когда был мор и с того времени умножится не может; есть от онаго города в пяти верстах из теплой натуральной воды бани, которых до десяти с купалами построены; во оных зделаны бассейны и когда надобно // (л. 235 об.) пустить горячей воды, то оную пушают чрез кран, а излишняя стекает в зделанныя в том бассейне окошечки; а содержат столько воды, чтоб каждой человек мог во оной погрузится; порядок оных бань: которой хочет во оных быть, с начала из колодезя тойже теплой воды выпивает стакана два или три, а на другой день и далее количество оной пить прибавляет, потом в зделанной нарощно дальней галлирее ходить часа два, а после входить теплой воды в бассейн и сидеть столько времени, сколько силы ево дозволять могут; ежели ж покажется, что теплоты не довольно в бассейне, то пушает оную чрез кран теплой сколько ему разсудится и потом, надев нижнее платье, выходит вон, и потом в трактире кушают легкое кушанье, а после обеда прогуливаются около оных бань, где положение места, приятность цветов и дерев весьма увеселяет; и соображая

диету, муцзон⁵⁹, выходящей, сидя в воде, пот, имел вольные мысли, несомненно надеется можно получить здоровье.

С капитаном Поливановым и при нас двое слуг до Вены нанели мы извозчиков, карету с четырьмя лошадьми, и довольствоваться // (л. 236–294) как нас, так и людей кушаньем и покоем за 82 червонца.

В 18 число апреля выехали из Пизы; в трактире, куды приехали начевать, видел в колесе ходит собачка, чрез что вертится с жарким вертел. В 19 число приехали во Флоренцию; оной столичной город герцога тосканского, чрез которой течет изрядной величины река; а для разливу также каменными стенами возвышены также берега; город великой и многолюден; строение весьма хорошо; достойно примечания галлирея, в которой сохраняются древней редкости вещи, так же строящейся собор, в котором

Башни Болоньи

престолы сделаны из мазаик дорогой цены; во всех почти городах Италии чрез проведенные трубы бьют безпрестанно фонтаны чистой воды, сделаны разными фигурами древних каких героев и женщин или, и зверей, и ползущей по земле гадины, как для удовольствия жителей водой, также тем делает городу великую красоту; от Пизы до Флоренции место равное и низкое, для чего земля обсушена частыми каналами, подле которых насажена ветла в линию и подле их посажен виноград, которой с дерева на дерево привязан к кольям фигурами, // (л. 236 об.) что представляет тем хорошей вид, да и все поля регулярным садом кажутся; дороги герцогом тосканским сделаны хорошия так, что нигде таких подобных нет; от Флоренции до Балонии великия горы.

21 число апреля приехали в Балонию, город великой, церквей великолепных и монастырей много. Есть колоколна также кривая, как и в Пизе, людей в городе не очень много.

От Балонии поля пошли низкия таковыя же, как между Пизы и Флоренцы, и также обсушены частыми каналами и посажен виноград.

22-го числа апреля переехали по рамам реку на лодках, которая не широка, но для прибылой в ней воды, чтоб разливом своим поля не потопила, берега возвышены валом так, что вода выше горизонту земли сажени две.

⁵⁹ Моцион.

Папская Феррара

Во всей Италии реки и каналы возвышены выше горизонту земли на две сажени, и ежелиб не была выработана земля каналами, то бы вся была водой покрыта; по каналам и межам посажена ветла; она имеет два угодыя: первое — что виноград по оным пирамидами привязывают, другия — сучья от оной употребляют в дрова и кроме онаго лесу нет. // (л. 237 об.)

24 число приехали в небольшое селение, называемое Мон Селисе, папскова владения; крестьяне около онаго селения живут бедны; избы зделаны у них из камышу и вымазаны глиною, а сверху покрыты извескою и по тепламу климату живут как в полатах.

Во оном местечке подали нам за обедом блюдо: в муке обжареных одни задки лягушек; французы и италиянцы, почитая оное кушанье деликатным, и кушают с отменным вкусом; лягушки имеют чистое и белое мясо, а их ловят жители по каналам сачьками и удами. Ехали от местечка каналом, которой зделан на ровном месте; берега валом возвышены, по которому много мельниц и других заводов; вода в канале так велика, что в некоторых местах чрез вал прорывалась, для чего много работников по дистанциям ходят и вал починивают, чтоб вода разрыть не могла.

Приехали папскова владения в город Подуа, селением великой, только не люден; строение хорошее, церковь соборная весьма велика и так хороша, кажется лутше // (л. 238–296) быть не можно; престолов в ней с 30ть, из хорошего мрамору и из мазаику с золотом, пол мраморной убран в шахматы, в правой стороне церь-

Приехали в город Фераро папскова владения; обнесен регулярною крепостию и широким рвом, собой велик, что в нем строение кажется лутшее, то церькви и огромные монастыри, а обывательские дома не таковы; во владении папском дороги пошли хуже. // (л. 237–295)

В 23 число реку Пау переезжали на лодках; она больше или такая как Нева, а быстра чрезвычайно; впадает в Венеционской залив; по ней стоит много мельниц, зделанных на барках, подошвенныя и течением бьет в счеи.

Тот же день переехали реку Кабнако; оная река против прежней вполы, только быстрее; перевоз на оной реке легкой; посредине реки поставлен столб, от столба не далече привязана лодка, чрез которую лежит веревка к перевозному судну; когда перевозное судно от берегу отвалит и станет рулем править, то по той веревке без труда течением и помощью руля на другой берег перевозная лодка переходит и очень скоро.

кви предел, в котором опочивают мощи, на гробнице поставлен престол, в низу престола лежащева святого во весь рост высечен на белом мраморе образ весьма чисто и живо; в Падове нам сказали, что вода так велика от дождей, что из коналов выступила и потопила дорогу, для чево 25е число принуждены передневать; но нам в городах было скушно по незнанию языка, а веселее в деревне, для чево извощиков принуждали ехать, а остановиться там, где ехать будет нельзя; они противу нас во оном были ослушны, ехать не хотели, и, друг друга не разумея, много потерпели скуки и от жителей посмеяния.

26е число с великою бранью извощиков ехать принудили, выехав из города, нашли, что по дороге во многих местах вода, только ехать было можно; сказывали, что ее много збыло, во оном месте сажен с 30ть, так глубоко, что лошади везли карету вплавь; мы и багаж переехали в наемной лодке за хорошия деньги, в другом месте также переезжали на лодке, // (л. 238 об.) только не так глубоко, как прежде. Проехали город Вышенцо, собой не мал и строение хорошее. Был день воскресной, то приходящие в город крестьяне для гуляния толпами с ружьями и для увеселения, возвращаясь из города, стреляли в городе и по дороге.

В 27 число апреля приехали в город Верону венецианскова владения; город великой, богатой, людной, имеет хорошее строение, множество фабрик и вокруг легулярная крепость; отсюда начались горы и ехали весьма крутыми, так что над нами висели; переехали реку Фиумладиче на две сплаченных лодках, на берегах поставлены столбы и протянута между ими веревка, по которой ходит канибакс блок, конец веревки прикреплен к баркам на погоне, и так помощью течения и руля переходит на другую сторону, а блок бежить на веревке; от той реки началась Германия; церкви во всей Италии не довольно в городах, но и в селах весьма хорошия, обыкновение во Италии в городах и деревнях по стенам и с наружи полат, по дороге на столбах и в часовнях много и весьма чисто // (л. 239–297) написано образов Богоматери, держащева Христа Спасителя, по снятии с креста, еще каранация Богоматери ж, и по явлению арапская черная, часто ж распятие Христово и по сторонам двух разбойников на больших крестах и в рост человеческой, а иногда и на пригорке, когда стоя Христос на коленках просил Господа, чтоб смогла сия чаша мимо итьти, а ученики не подалеку спали, и оное изображено точно и в рост же человеческой, что незнающих ночью проезжающих может напужать.

В 29 число апреля приехали в город Триент, владения венецкой провинции, не очень хорош и не велик, деньги ходят до Триента венецианские червонцы по 21, по 22 и по 23 павла, а от Триента венецианския деньги больше не ходят.

В 30 число апреля приехали в небольшое местечко германское Подзано, ехали между гор самыми ущелинами.

От Триента италийской обряд совсем остался, а начался немецкой; города чистота и довольствие, в кушанье гораздо хуже италийскова, также и почта не такова хороша.

В 1 число мая проехали местечко Присулу, в котором богатой католицкой монастырь. // (л. 239 об.)

2 число приехали к местечку Салкадита; до онаго местечка подымались между горами на гору от самой Вероны, а ныне между горами, только уже под гору по течению воды.

В Германии на каждой почте сделаны [в(?)] страх каменных столбов рели и вокруг их поставлены колеса, на которых видели повешенных и колесованных, и много человеческих черепьев воткнуты на колы.

4е число видел как сечьну режут, зделан длинной уской ящик, в нево кладут солому, нажимают оную бруском посредством подношки, к которой привязаны цепи, солому для рески подвигают железной гребенкой, оную солому режут косой, один конец косы утвержон к противной стороне онаго ящика ношке, чтоб он был слаб, а другой конец с ручкою, где человеку брать, и так режет легко и скоро.

В 5е число мая приехали в городок Кланфорт, небольшой, обнесен крепостью и кругом канал; строение в городе хорошо, в нем видели двоих российских в цесарской службе салдат; в Германии пошли города мелкие, подобны италианским

<...> // (л. 240–308)

<...>⁶⁰ была всю коллегию и флагманами и флагманами, имев на шлюбках коллегия адмиралтейской, а флагманы свои флаги, и проходя под корму к ея величеству шлюбке, опустя флаги, кричали ура по 11ти раз, но как шлюбки ея величества ответствовано, то принеся благодарность, крича еще ура 7 раз, подняв флаги по прежнему и следовали за ея величеством; проежжая ея величество к кораблю Растиславу, когда против котораго корабля изволит верстатся, то не допущая до корабля, поставлены были люди по реям, штагам и борту и кричали ура с каждаго по 11ти раз, били в барабан, играла музыка во весь ея величества проезд, а от ея величества ответствовано по три раза, то ее в на благодарности кричали с корабле по семи раз ура.

Когда ж ея императорское величество изволила взойти на корабль Растислав, зделав своим присутствием оному кораблю честь поднятием на грот стенге и на кормовом флаштоке штандарта, яко виновнику совершеннаго истребления 26го июня 1770го году при Чесме турецкаго флота, то опустя во всем флоте флаги и вымпелы, изо всего снаряду // (л. 240 об.) палили из пушек и росцветились флагами; потом палил город и крепости, а как с корабля ея величества из под штандарту ответствовано 21 пушка, то еще в знак нашей всеподданнейшей благодарности палил флот из половины всего снаряду; по прошествии пальбы из под штандарту сделан был сигнал флагманам и капитанам к ея величеству быть на корабль, почему каждой флагман со всею ескадрою порядочно шлюбками приехали.

По собрании всех афицеров читан виц президентом графом Иваном Григорьевичем Чернышевым писанной и подписанной ея императорского величества рукою указ, которой вношу арегиалом.

Указ нашей адмиралтейской коллеги[и]

Благословя Бога, мы видим благополучно и со славою возвратившийся весь флот наш в пристани Российской империи, следственно и тот приятной час приспел, в который изъявить можем оному наше монаршее благоволение за понесенныя труды и воздать похвалу за храбрость, искусство и усердныя // (л. 241–309) подвиги, которыми в прошедшую с Оттоманской Портою войну приобрели веч-

⁶⁰ Утрачены листы с описанием событий с мая 1774 г. по июль 1776 г.

ную славу; морския российския силы не изчисляем побед, завоеваний и владычества в Архипелаге в море и при берегах Европы, Азии и Африки, свету оныя столь же известны, как очевидным свидетелям.

Подвизавшиеся во всех сих деяниях, изторгнувшие на отдаленных морях, побеждая и истребляя до конца неприятельския морския силы, трофеи предположителю своему и основателю российскаго флота в Бозе почивающему, вечнодостойныя памяти государю императору Петру Великому, кои у гроба его простерты во свидетельство действию соответствовавших его великим намерениям, да примут от рук наших им принадлежащее по морскому регламенту достояние за бой при Наполи-Диромании, за победу Чесменскую, за совершенное истребление турецкаго флота при Чесменском заливе, за поражение при Патрасе дулцини[о]тскаго флота, за успехи на Черном море, как все то оглавлено в приложенной при сем росписи, вместе с чинопроизводством, которым мы сей день ознаменить соблаговолили. // (л. 241 об.) Похваляя и паки отменное мужество и искусство предводителя, под ним командовавших и всякаго подчиненнаго, усердно подвизавшихся во флоте в войне прошедшей, обнадеживаем мы каждого всегдашним нашим ко всем монаршим благоволением. Дан на корабле Рагиславе июля 7 дня 1776го года.

Подлинно писан и подписан собственною ея императорскаго величества рукою тако: Екатерина.

Роспись.

Денежных награждении флоту по расчислению, зделанному адмиральтейскою коллегию в точность установлений в морском регламенте, за действию, произведенныя в Средиземном и Черном море.

За бой под Наполи Диромани в мае месяце 1770го года, где, не взирая на весьма превосходное ополчение турок, флот свой имевших в 25ти больших и малых судах, наши три корабля и два фрегата их збили с места и прогнали. // (л. 242–310)

Ескадре контр адмирала Елфистона за треть жалованья 13738 рублей.

За Чесменской бой июня 24го 1770го года яко верховное дело славы, храбрости и победы над неприятельским флотом.

Ескадрам адмирала Спиридова за год жалованья 106632 рубли.

Контр адмирала Елфистона за три месяца жалования 10303 рубли 54 ^{3/4} ^{ко.}

особо кораблю Евстафию за сожжение турецкаго корабля 6100 рубл. и флага турецкаго главнокомандующаго 3333.^{ру} 33.^{коп.}

За совершенное истребление турецкаго флота при Чесменском заливе июня 26го 1770го года.

За сожженныя тут корабли и протчия суда 11.84.93^{ру} 33.1/3^{ко}

За сожженныя три флага 9000 руб.

За взятыя в той же порте корабль и галеры 19010 руб.

Да главнокомандующему 15593 руб. 66^{к.}

Протчим флагманам или командирам 2276^{ру} 66^{коп.}

За поражение при Патросе октября 28го 1772го года дулциниотских 24х фрегатов и шебек, из коих 17 сожжены бывшия уже под защищением крепости. // (л. 242 об.)

За сожженныя фрегаты и шебеки 35633.^{ру} 33.1/3.^{ко.}

Из того главнокомандующему 3563.^{ру} 33.1/3^{ко.}

Всего за бой и истребление флота в Средиземном море, за взятые корабль и галеры, в награждение командирующему и флагманам 360113^{ру} 54^{ко}.

В Черном море

За сожжение шести неприятельских судов в мае месяце 1773го года, яко первое действие оказавшагося на сем море российского флота эскадре копитана Сухотина по установлению третья часть 540 руб.

Эскадрам капитана Кингебергена за бой между Кефы и Балаклавы в июне месяце 1773го года, где два наши судна шесть часов билися против неприятельских трех 25 пушечных кораблей и одной шебеки и превозмогли прогнать оные третное жалование 2356^{ру} 46 1/3^{ко}

За бой при Судрук Кале в августе месяце 1773го года, в котором наш один фрегат и малых пять судов 18 турецких отбили и прогнали дву третное жалование 12054.^{ру} 63.^{ко}

Итого 14951 [рублей] 9 [копеек]

а за все действия в Средиземном и Черном море 375064 руб. 63.ко. // (л. 243–311)

Виц — адмирала и генерал интенданта Савву Назимова, одержимаго тяжкою болезнию, всемилостивейше увольем из служб с жалованьем, предоставляя, естли выздоровеет и пожелает принять его и паки в службу.

Виц адмиралу Греику за его труды и усердную службу всемилостивейше жалует российский орден святого Александра Невского.

Генерал маиора и цехмеистера Ганнибала повелеваем переимяновать генерал цехмеистером, а обер интенданта Михайлу Рябинаина жалует в генерал интенданты.

Капитанам брегадирскаго ранга Софрону Шубину, Вилиау Роксбурху, Петру Бешенцову и Федоту Клокачову жалует чины генерал маиорские; кого же из них переимяновать контр адмиралами представляется балантированию по узаконению.

Еще жалует из капитанов полковничья в брегадирской ранг Степана Хметевского, Андрея Тишевскаго, в обер экипаж меистеры Петра Касливцова, в капитаны над портом в Таганрог Ивана Ильина, Лаврентья Вакселя, Александра Крюиса, Якова Сухотина, Михайлу Коняева. // (л. 243об.)

Полковников Александр Свечина и Ламбеянеса брегадирами
Советника Алтирелии Федора Пасынкова в цехмеистеры.

Из Капитанов 2го в первой ранг Ивана Аклеина, Вилима Фондезина, Иогана Гендриха Книсбергена, князь Федора Шаховскаго, Василья Щелина, сему быть при адмиралтействе.

Капитану над портом Петру Пущину жалует две тысячи рублей в награждение похвальных его трудов по своей должности.

Капитану втораго ранга Михайле Немтинову жалует чин капитана перваго ранга, увольняя его от службы с пенсионом в награждение за бытие в Шпицбергене, где получил болезни. Также из капитанов полковничья чина Василья Шмарова увольняем от службы с пенсионом, пожаловав ему чин брегадира.

После прочтения указу пожалованныя приносили ея императорскому величеству всеподданнейшее свое благодарение и жалованы ея величеством все флотския афицеры к руке, флагманы и капитаны приглашены кушать к столу ея императорскаго величества. // (л. 244–312)

В 1м часу по полудни ея императорское величество изволила указать снят-ся флоту итти в моря, для чево сигналом из под штандарту велено якорь один поднять.

За столом при питии ея императорскаго величества и его императорскаго высочества высочайшее здоровья вместо за стольных пушек, стоя на палубе, гранодеры кричали ура.

По окончании стола капитаны по караблям разъехались.

В 1/2 3го часу из под штандарту зделан сигнал, чтоб всему флоту вдруг снять-ся быть готовым, для чево флаги, которья были для раздвечения, убрали.

В 3 часа ея императорское величество с корабля Растислава изволила сесть в шлюбку и ехать к W во круг всего флота, для чево во всем флоте люди поставлены были по реям, штагам и бортам, и как против котораго корабля верстатся изволит, били паход, играла музыка и кричали ура 11ть раз, а с шлюбки ея величества ответствовано по три раза, но в знак всеподданнейшей нашей благодарности кричали ура еще семь раз. // (л. 244 об.) Объехав во круг флот, изволила ея императорское величество взойти [на] для того нарочно поставленную яхту, с которой можно видеть, как флот будет сыматся с якорей.

В четыре часа после полудни на корабле Растиславе спустили штандарт, а поднят по прежнему виц адмиральской флаг, для чево со всего флоту изо всего снаряду палили из пушек, тож город и крепости, с корабля Растислава ответствовано из 21 пушки, то в знак еще нашей всенижайшей благодарности палил флот, каждой из половины своего снаряду, и по исчислению выпалено тот день штандарту с кораблей и крепостей до 5000ч пушек.

По прошествии селютации на корабле Растиславе зделан сигнал, чтоб снятца флоту с якоря, итти в моря, для чево лежащия к W один за однем с поспешностию снимались; которья корабли проходили мимо ея величества яхты, те вышеписанную ж отдавали честь, после, как // (л. 245–313) известно стало, что ея императорское величество с великим удовольствием изволила смотреть на свой флот, и как весь флот снесся, то ея величество на шлюбке в Петергоф отбыть изволила.

На корабле Европе спущен ночью контр адмиральской флаг и господин контр адмирал Борисов в поход не пошел; также остались на реиде фрегаты Богемия и Унгария.

7 числа июля весь флот против Толбухиной косы лег на якорь и вице адмирал Греик свой флаг ночью на корабле Растиславе спустил, а у меня на корабле Исидоре поднял, куда и сам переехал.

8го числа июля приехали ко мне на корабль коллегии членов вице президент граф Чернышев, вице адмирал Елманов, генерал казначей Голенищев Кутузов, генерал крикс камисар барон Черкасов, генерал интендант Рябинин, прокурор Колокольцов, обер секретарь Антропов, ексекутор Нелидов, секретарь Путятин, и чинили из генерал маиоров в контр // (л. 245 об.) адмиралы и в протчия чины афицеров балтирование, и во оной день производилась застольная пальба; при питье ея императорскаго величества здоровья выпалено с кораблей моево и Езекиля 101, да за ея императорскаго высочества 31, а протчия здоровья 90. Всего 222 пушки, и по отбытии на шлюбке в Раниембом господина вице президента, кричав ура, выпалено во флоте с каждого корабля по 13 пушек.

С 9 июля — августа по 2е числа, проходя всем флотом от Красной Горки до Сенсара, почти каждой день имел екзерции, 2е число августа пришел весь флот на Кротстатской рейд⁶¹, а 9го августа введен в гавань.

Определен я преизусом в комиссию для сочинения штатов о такелаже.
1777 год.

Весь Великой пост был простудою болен, а весною определен был на собственную ея императорскаго величества // (л. 246–314) яхту Екатерину командиром, да и все придворные яхты велено мне иметь, как в вооружении, так и во украшении под своим присмотром, с которыми я должен был у Березаваго Зунта, идущево инкогнито шведскаго короля Густава под именем принца Готланскаго, чтоб по соединении с его величеством представить присланную от ея величества оную собственную яхту для покою и безопасности следовать в Петербург; но его величество, узнав для приему ево приуготовления, просил государыню, чтоб ему встречи никакой не было, он придет на своих судах, почему и прибыл к нашему двору прежде десятью днями, нежели как ево ожидали.

5 июня проходил его величество мимо Кронстата, имел одну большую галеру и три не большия яхты, из которых на одной имел свое присудствие, а крепости селюту не имел, из Кронстату встречи ему никакой не было, кроме ево резидента Нолкина, которой нарочно в Кронстате ево дожидался. // (л. 246 об.) Его величество прошел прямо к Раниембому, где на берег и вышел, а потом все суда отправилися в Петербург.

16 июня яхта Екатерина вышла на рейд и причисленная к ней скунара и кухонной бот, с коими пришел к Петергофу, соединился с яхтами, транспортной Петергоф, Щастием, Алексием, галерой Россией и двумя каторами, да из Кронстата пришел фрегат Марк.

18 числа июня вошел вторично с яхтою на рейд.

23 числа июня пришел к Петергофу, и приезжал ко мне на яхту со мной на шлюбке государственной адмиралтейской коллегии вице президент граф Чернышев.

4го число июля приезжал ко мне на яхту граф Чернышев и с ним Николай князь Репнин, коим ставлены были люди по реям и кричали ура.

5го числа приезжал ко мне на яхту швецко <...>.

Публикация М.Ю. Глазкова и Е.Б. Смилянкой

⁶¹ Описываются события на рейде *Кронштадта*.

ПОСЛАНИЕ ЭМИРА ЮСУФА АШ-ШИХАБА (АШ-ШИХАБИ) ГРАФУ А.Г. ОРЛОВУ 1 ЯНВАРЯ 1774 Г.

Письмо эмира Юсуфа аш-Шихаба (1748–1790; в документе имя передано как Жозеп Шехаби), дошедшее до нас только в переводе с итальянского языка, хранится в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) в фонде контр-адмирала А.В. Елманова; ссылка на него имеется в фонде адмирала Г.А. Спиридова (190. Оп. 1. Д. 119. Л. 43). Письмо отложилось в делах фонда этого архива потому, что было доставлено в феврале 1774 г. эскадрой М.Д. Кожухова на Парос, переведено на русский язык переводчиками военной канцелярии Архипелагской экспедиции, когда Спиридов сдавал дела Елманову и отъезжал в Италию.

26 февраля 1774 г. Григорий Андреевич Спиридов дал указание Андрею Власьевичу Елманову отправить письмо А.Г.Орлову (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 92; вероятно, речь идет о подлиннике с переводом). В свою очередь А.Г. Орлов направил письмо в Петербург в донесении от 27 сентября 1774 г. (как обычно, он не торопился с арабскими делами). Свою реляцию Орлов сопроводил примечанием: «При сем осмеливаюсь письмо приложить от владетеля народов Друзских, принца Ииозефа, который помощью врученных от ЕИВ мне войск, получил старинный свой город Барут, и его доверенность столь велика, что он, прося протекции, приложил белую бумагу, подписав свое имя. Мною же теперь приказано их уверить, что и они в генеральном пункте в мирном договоре включены, что всем прощается и все забывается, что бы кто ни сделал»¹. Уверение было сделано взамен удовлетворения просьбы эмира Юсуфа о принятии его и его владений под российское покровительство или в подданство. (Как известно, в ходе мирных переговоров российская делегация не могла отстоять владения Россией одним-двумя островами Архипелага, за что ратовала Екатерина, а о распространении своего влияния на арабские территории не могло даже идти речи).

¹ Цит. по: *Перминов П.* Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке // *Азия и Африка сегодня.* № 8. 1987. С 59. К сожалению, проверить это сообщение П.В. Стегния не удалось, так как его отсылка на Чтения Имп. общества истории и древностей российских (ЧОИДР. 1867. Кн. 1. С. 57) ошибочна.

Выдержки из письма эмира Юсуфа с пересказом его содержания были опубликованы А. Соколовым в 1849 г.², а затем включены К.М. Базили в свою книгу³.

Отечественные историки восприняли это письмо как мало значащий казус. Между тем, письмо представляет немалый интерес. Оно проливает свет на мировосприятие ливанского правителя, объединившего и на долгие годы (1770–1788) сохранявшего в своих руках управление Горным Ливаном, к тому же сыгравшего заметную роль в событиях 1770-х гг. Текст письма говорит о том, как представлял Юсуф историю Ливанского эмирата, место своих владений в Османской империи, политико-конфессиональные отношения в стране, свои политические прерогативы и реальную власть, наконец, как он понимал значение и сущность российского покровительства, которого он добивался. С просьбой о покровительстве эмир Юсуф обратился вторично к императрице накануне Второй русско-турецкой войны (1787–1791). Свое послание он передал российскому генеральному консулу в Сайде через османского пашу Ахмеда ал-Джеззара для тайной пересылки российскому посланнику в Константинополе Я.И. Булгакову (АВПРИ. Ф 89/8. Консулат в Сайде. Д. 1475. Л. 1–4). В это время эмир Юсуф находился в Акке на положении одновременно гостя и пленника Джеззара, чье знакомство с содержанием письма говорило о его намерениях прибегнуть к контактам с Россией.

Российским генеральным консулом в Сайде был тосканский выходец на русской службе Шарль Ферриери, чья семья, по-видимому, во время войны 1768–1774 гг. оказала важные услуги России (два других члена этой семьи, Петр и Викентий, были назначены консулами в Смирне и Порт-Ферайо). Началась Вторая русско-турецкая война, и Шарль Ферриери не успел якобы передать письмо Булгакову в Стамбул, однако, и в Петербурге, по небрежности или по намерению (!?), он не предъявил его во время в коллегия иностранных дел.

Как не без основания полагает Т.Ю. Кобищанов, одной из причин казни эмира Юсуфа аш-Шихаба в Акке в 1790 г. по приказу Ахмед-паши стало опасение как бы его планы в отношении России, известные эмиру Юсуфу, не стали бы известны и Порте.

Перевод письма печатается без исправлений по тексту, хранящемуся в фонде А.В. Елманова.

* * *

Жозеп Шехаби его превосходительству графу Алексею Орлову, ковалеру всех российских императорских орденов главнокомандующему обеих морских и сухопутных войск в Архипелаге и уполномоченному над оными от Ея величества императрицы всероссийской. Барут 1 января 1774 г. Письмо, перевод с итальянского:

Ваше превосходительство, не могу довольно изобразить радость и удовольствие чувствуемые мною, видя россиян в земле моей, кажется что Господь непостижимым своим Провидением привел их ко мне, чтоб помочь произвесть в действо желания, чувствуемая мною от самага отрочества. Мои предшественники или предки моего

² Соколов А. Архипелагская кампания 1769–1774 // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. VII. СПб., 1849.

³ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством. Иерусалим; М., 2007. Приложение III. С. 560.

дому, владычествовавшие сею землею более нежели за 450 лет,⁴ всегда благосклоннее принимали христиан, нежели в других местах, и всегда желали соединиться с какою либо христианскою державою, но не возмogli успеть во оном. Я, хотя и более всех других склонен к христианской вере, но по моему несчастью в прошедшее время был весьма привлечен ко двору отоманскому многими политическими причинами⁵ и, хотя с самага начала сей войны с турками желал я соединиться с россиянами и совершенно отстать от них, но со всем тем, не имея ни случая, ни законной дороги для свержения ига султанскаго, принужден был противу моих желаний сообщатся со оным двором. Господь определил что я, последуя им, воевал противу Али бея, начальника акрийскаго и их союзников. Сии призвали россиян против Барута моего города, я же для утверждения противу всех онаго города поставил в нем губернатором некотораго турка именуемого Ахмет бея Жазаре⁶, сей немедленно збунтовал против меня и, соединясь с дамаским, алепским и триполским пашами, пошел против меня войною с неблагодарностию сродною оному роду⁷. Тогда замирился я с начальником акрским и, зная, что россияне посланы в сии края для вспоможения Алибею в его несчастиях, котораго нашли // (л. 71об.) они уже погибшим, призвал их посредством онаго начальника в мою помощь, и оне нимало не усумнились придти под команду господина Михаила Кожухова и господина графа Ивана Войновича, и по установлению между мною и ими потребных договоров начали бить оной весьма укрепленной город. Здесь не могу довольно васблагодарить Господа и начальника Акрскаго за доставление мне оных людей, ни могу довольно выхвалить их постоянство, твердость, и искусство и храбрость, одним словом они поразили меня их делами, добрым сердцем и искреннею службою и учинили меня должником всех болших и малых⁸, так что ни возмogu

⁴ Эмир Юсуф сводит историю эмирата ко времени вхождения Сирии в состав египетского мамлюкского султаната (1250–1516), когда Горный Ливан, еще слабо заселенный, был в политико-административном отношении разрознен: мамлюкские султаны жаловали во владение отдельные территории представителям тех семей, кого Юсуф называет своими предшественниками, имея в виду, по-видимому, две ветви рода эмиров Танух — Джамаль ад-дин и Алам ад-дин и друзский род эмиров Маан. Шихабы в этот период владели землями в Антиливане.

⁵ Под этими политическими причинами эмир Юсуф подразумевает прежде всего события, связанные с его борьбой за власть (подробнее см: гл. 8, примеч. 38, а также: *Смилянская И.М.* Сценарии политической жизни Сирии и Египта XVIII в. // Политическая интрига на Востоке. М., 2000. С. 267–268).

⁶ Ахмед Джеззар-паша (около 1720—1804) — правитель Палестины и значительной части Сирии в 1775–1804, автор сочинения, описывающего Египет. Прежде чем достигнуть высот османской бюрократической лестницы, Ахмед, простой босниец по происхождению, прошел долгий путь. Скрываясь после совершенного преступления на родине, он, согласно одной из версий, продал себя в рабство стамбульскому работорговцу и таким путем попал в число египетских мамлюков, достиг ранга бея, получив за свою жестокость прозвище Мясник (арабское Джаззар). Затем он был вынужден скрываться в Ливане от преследований Мухаммед-бея Абу-з-Захаба, вступил на службу сераскиру Осман-паше ал-Мысри, кем был назначен начальником гарнизона в Бейрут. После капитуляции Бейрута перешел на службу к шейху Захиру ал-Омару, от котораго бежал в Стамбул, где был доброжелательно принят султанским двором и в 1775 г. назначен пашой Сайдского эялета.

⁷ Говоря о неблагодарности Ахмед-бея, эмир Юсуф имел в виду следующие обстоятельства: в свое время он предоставил убежище Ахмед-бею Джеззару, не выдав его египетским беям во время египетской оккупации Сирии; согласился принять его в качестве командира гарнизона в Бейруте; прислал к нему своего врача, когда тот был ранен в 1772 г. под Бейрутом магрибинцем в результате заговора, организованного против него эмиром Мансуром Шихабом, между тем как Ахмед нарушил свое обещание возвратить Бейрут Шихабам по окончании возведения оборонительных сооружений.

⁸ «Большие и малые» — арабское словосочетание («кибар ва сигар», или «акбар в-асгар»), имеющее разные значения, ливанскими историками-хронистами часто употребляется для обозначения понятий «знать и простонародье». Здесь подразумеваются «офицеры и рядовые».

никогда во всю жизнь свою довольно возплатить им онаго. Выгнали неприятеля победоносным своим оружием из моего города и по прежнему зделали меня государем онаго, сей великодушный поступок еще более привлекает меня к россиянам и обязывает меня вступить в число верных рабов Ея Величества императрицы всероссийской. Надеюсь, что Ваше превосходительство соизволите приложить ваше старание, чтобы она меня таковым признала, я действительно почитал бы себя счастливым, естли б мог получить покровительство сей августейшей императрицы, которой храбрый действия весь свет просветили.

Моя фамилия, имянуемая Шехаби, состоит более нежели из 50 князей, сущих под моим начальством⁹, почти все наисклоннейших к христианскому закону, наше владение простирается от озера Тибериаде дажде до крепости в деревне, имянуемой Мардаити, по ту сторону Триполя, и болшая часть сего // (л. 72) владения состоит в неприступных горах, выключая Примории и Челесирии, называемой по арабски Беках. Сии горы, хотя недостаточествуют богатствами, однако ж весма преизобилуют многолюдием, так что могут всегда поставить более 60 000 человек, мало воистинну и почти ничего не наученых воинскому искуству, но весма храбрых, естли не помышляют измены. Болея половины сего владения суть христиане, кои живут с наибольшею их волностию, но другая половина есть неверныя называемыя друзья. И начальники земли також де болшею частию суть друзья, кои болея доброжелательствуют туркам, нежели христианом. Сии начальники по древнему обычаю откупают у начальствующаго князя болшую часть владения и потому зделались весма силны¹⁰. Оное владение окружено весма сильными неприятелями, то есть дамаским, алепским и триполским пашами, кои в сем случае моего соединения и союзу с российскими еще более против меня озлятся и не преминут склонить на свою сторону несколько вереломных начальников, я же полагаю мою надежду на помощь Божию и власть креста Христова, которой ношу на груди моей, как многия из ваших афицеров видели, и на победоносное оружие императрицы Российской, х которому я прибегнул и всегда прибегать буду, а естли б соизволил Господь, // (л. 72об.) чтоб я никогда узрел имя сеи великой монархини, торжествующее во всем свете.

Слава достоинств Вашего Превосходительства. купно с благоразумием победоносных ваших действий побудили меня наискорейя прибегнуть к вашей высокой особе, славевшейся в свете и описанной нам совершенно господином графом Войновичем¹¹ и другими господами капитанами, из давняго времени но по сию

⁹ Эмир Юсуф имеет в виду членов обширного клана Шихабов, имевших владения в Антиливане и Ливанских горах. Род, возглавляющий этот клан, имел право на занятие поста хакима — правителя Ливана, инвестиру на который получал от султана через вали Сайды. Некоторые члены мусульманского клана эмиров Шихабов тайно (чтобы не подвергнуться казни за отступничество), приняли христианство.

¹⁰ Речь идет о так называемых мукатааджихах — владельцах мукатаа, территорий, сбор налогов с которых отдавался в Османской империи на откуп, а в Ливане являвшихся наследственными пожалованиями. Мукатааджи обладали административным и частично судебным иммунитетом в своих владениях и были обязаны собирать поземельный налог с жителей мукатаа, внося его значительную часть в казну правящего эмира в зачет ливанской дани султану, и по требованию правящего эмира выступать во главе вооруженного ополчения.

¹¹ Следует отметить то уважение, которое приобрел среди арабских политиков граф Иван Войнович, этот «славянин» («славянами», «славонами» именовали далматинских сербов), венецианский подданный, примкнувший со своими племянниками Марком и Иваном (погиб под Бейрутом

пору не имел я случая, долженствовал я поистинне послать к вам моего уполномоченного, но обстоятельства времени онаго мне не позволяют, и будте уверены, что говорю Вашему превосходительству чрез сие письмо мое, как сын к отцу, и, как кающейся ко исповеднику, не нахожу времени изъяснитца свету таковым, каков есмь душою, имею нужду в подпоре и в помощи для учинения онаго без опасения совершенной гибели моей, моего роду и всех христиан моего владения и, хотя ежечасно нахожусь в состоянии без затруднения поставить 30 000 воинов, но со всем тем не полагаюсь много на моих людей по причине невежества их в воинском искусстве и весьма малаго числа артиллерии, которую мы имеем. И так прошу августейшую императрицу и вашего превосходительства принять в подданство меня, мой род и все мое владение посредством сего письма и посредством оных господ, котория // (л. 73) обо всем известны, и которым открыл я мои намерения, а особливо графу Ивану Войновичу, дабы они представили мои прошения вашему превосходительству. Прошу Ея Величества императрицы всероссийской принять меня, мой род и мое владение под ея покровительство и прошу дать мне потребная помощи не точию каликим либо числом войск и пристойными амунициями, но и еще определением ко мне несколько достойных особ, могущих подавать мне добрыя советы и потребная наставления мне и моим людям, чтоб чрез то мог я тверже стоять и Богу изволющу чрез покровительство Ева и победоносное Ея императорское оружие сокрушить общаго неприятеля. Я сымаю с себя все достоинства над моими людьми и над моею землею, и Ея Величество да располагает оным по Ея соизволению, и для наибольшего доказательства моего подданства посылаю Ей сей белой лист, подписанной моею рукою и запечатанной моею печатью¹², дабы Ея Величество предписала мне законы по Ея изволению, котория готов принять со всем усердием и наблюдать навеки, хотя бы и с ценою моя крови, имею честь называться

Вашего превосходительства доброжелательнейший и покорнейший слуга князь Жозеп Шехаби

На подлинном подписано по турецки и подле приложена печать 1 генваря и 1 дня 1774 году в Баруте. Да будет сей год вам наиблагополучнейшей как и все последующие!¹³

РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 71 – 71.
Публикация И.М. Смилянкой.

в 1773 г.) к А.Г. Орлову с первых месяцев войны, за что был лишен венецианского подданства и приговорен венецианским Сенатом к смертной казни. А.Г. Орлов доверял И. Войновичу наиболее ответственные поручения, связанные с взаимоотношениями с жителями Средиземноморья. В частности, Иван Войнович должен был доставить первое послание А.Г. Орлова Али-бею и иметь с ним секретные переговоры в 1772 г., он был направлен с небольшой эскадрой к сирийским берегам в 1773 г. и осуществлял переговоры с арабскими правителями во время операции по взятию Бейрута. После войны И.Войнович был назначен российским генеральным консулом а Архипелаге.

¹² В ливанском политическом обиходе размер и форма послания имели знаковый характер. Так, правящий эмир обращался к самым знатым владельцам мукатаа, имеющим титул эмира, с письмом, написанным на половине листа, а к прочим мукатааджиям — на четверти (см.: *Fleicher. Zur Geographie und Statistik des nordlichen Libanon // ZDMG. Bd. VI. Leipzig, 1852. S. 104*).

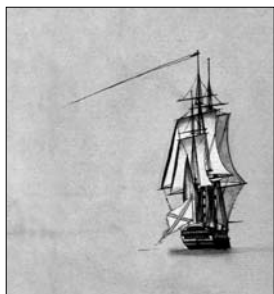
¹³ Следует отметить, что в своем письме эмир Юсуф пользуется юлианским календарем, а не мусульманским летосчислением и сопровождает дату наступившего года типичными благопожеланиями, принятыми на мусульманский Новый год.

МАТЕРИАЛЫ

И.М. Смилянская, В.Э. Булатов

СИМВОЛЫ И РЕАЛИИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ (XI — СЕРЕДИНА XVIII в.)

И.М. Смелянская

Расалим город городам мати
Почему тот город городам мати?
Что стоит тот город среди земли,
Среди земли, свету белого;
Что во городе Ерусалимове,
Что стоит гробница белокаменна;
Что во той гробнице белокаменной
Почивают ризы самого Христа...

«Стих о Голубиной книге»

Культурная память народа изменяется на протяжении его исторического бытия. Пласты этой памяти формируются на разных этапах истории этнической общности под влиянием политических, социальных, природных и культурных событий, они запечатляются в языке, фольклоре, письменности. Государственная идеология также вбирает в себя стереотипы исторического видения мира и, только апеллируя к исторической памяти, способна серьезно воздействовать на сознание современников.

Военно-политическое присутствие Российской империи в Восточном Средиземноморье с конца 1760-х гг. увенчало длительный многовековой процесс *религиозно-культурного* освоения этого региона.

Следует сказать, что Восточное Средиземноморье оказалось включенным в культурную жизнь Руси значительно раньше Западного. После разделения церковью Западного Средиземноморья стало прочно ассоциироваться с проклинаемым «латынством» Рима, и до конца XVII в. русские православные люди появлялись здесь редко, разве в качестве освобожденных османских невольников. Иное дело — земли Византийской империи, а позднее Османского государства, образ которых вобрал в себя впечатления и познания от встречи с ними многих поколений церковных служителей, посольских представителей, пешеходцев-паломников, купцов, полоняников и воинов.

В политической риторике, сопровождавшей русско-турецкую войну и Архипелагскую экспедицию Балтий-

ского флота, Екатерина II и ее окружение умело использовали различные стереотипы восприятия Средиземноморья, заложенные в российской исторической памяти¹. Об этих стереотипах, а точнее о том, как житель Руси/России представлял себе пространство Средиземноморья и *какая* информация могла привлечь его внимание, а также что могли ожидать от встречи со Средиземноморьем в 1760–70-е гг. люди разных сословий, участники Архипелагской экспедиции, пойдет речь в этом разделе.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

С началом христианизации на Руси верующим стали близки названия святых мест, связанных с ветхозаветной историей, земной жизнью Спасителя, проповедью апостолов и деяниями подвижников: Палестина, Египет, Синай, Константинополь и Афон, Рим и Коринф, Патмос и Эфес. Однако для абсолютного большинства православных Древней Руси, Московского царства и даже Российской империи эти географические названия Средиземноморья имели, прежде всего, *символический* смысл и значение.

Символическое духовное познание Святой Земли приходило с произнесением молитв и с осмыслением символики храма, из круга церковных чтений и поучений². Святые места Средиземноморья представляли в церковной живописи

¹ Отечественные историки XIX в. обращались к вопросам, рассмотренным в работе, в контексте изучения истории русской православной церкви (см., например, в современном переиздании: Макарий (Булгаков), митрополит московский и коломенский. История русской церкви. Кн. I–VII. М., 1994 – 1996), а также восточной православной церкви (Лебедев А.П. История греко-восточной церкви под властью турок. СПб., 1904.), в связи с изучением взаимоотношений России и восточных патриархатов (Кантнер Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914) и при рассмотрении восточного вопроса (см.: Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ея история в XVII–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). СПб. 1896. Т. 1–2). В последние десятилетия к этим сюжетам обратились и современные отечественные историки, исследуя историю изучения в России Ближнего Востока (Даница Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973), в контексте исследования концепции «Третьего Рима» (Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. XV–XVI в. М., 1998), анализируя разные аспекты формирования образа Иерусалима в русском сознании (Иерусалим в русской культуре / Сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994; Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2009 и др.), описывая историю восточного христианства (Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века). М., 1998; Якушев М.И. Христианские субъекты Османской империи — Антиохийский и Иерусалимский патриархаты — в политике Российской империи. 30-е гг. XIX — начало XX в. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2009) и российскую церковную политику в Палестине (Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006) и др.

² Как пишут А.Л. Баталов и А.М. Лидов, Святая Земля и Иерусалим присутствовали «в православном сознании ежедневно — во всех службах суточного круга. Сам храм, в котором сосредотачивалась жизнь православной общины, являлся образом Горнего Иерусалима. Символика совершаемого в нем богослужения, его составных частей и сакральных предметов имела иерусалимские параллели. Символически все православные церкви восходили к храму Гроба Господня в Иерусалиме, воздвигнутому на священном месте Распятия и Воскресения Спасителя». (Баталов А.Л., Лидов А.М. Введение // Иерусалим в русской культуре. С. 3).

Впрочем, не только православные храмы, но и западнохристианские соборы могли иметь подобный символический смысл. Анализу памятников церковной архитектуры романского Запада, воспроизводящих храм Гроба Господня, посвятил свой труд американский исследователь Р.

(в той же мере условной, как и складывающийся образ), а также воплощались в имеющих символический смысл ритуальных предметах (алтарный престол — гроб Господень; древние сосуды для святых даров — иерусалимы³; надгробия и рисунки на них — воспроизведение образа храма Воскресения⁴ и т.п.). Реликвии паломников и дары — «поминки» от восточных патриархов, присылаемые к царскому, патриаршему и иным архиерейским престолом, мистическим образом «переносили» Святую Землю на Русь. В числе этих «поминок» были частицы святых мощей и камни с памятных мест, были и «меры» — измерения Гроба Господня⁵. Распространение христианской книжности, иконография и реликвии способствовали тому, что в русском историческом сознании постепенно складывались и представления о сопричастности Руси к миру, сакральным центром которого является Иерусалим⁶.

Опыты осмысления Святой Земли нашли отражение и в воспроизведении символики Иерусалима в планировке древнего Киева⁷, небольшого Кашина⁸, других городов⁹. Известно немало примеров «трансляции» на русскую землю палестинских святынь: создание на Красной площади Лобного места (подобия «пупа Земли», расположенного на Голгофе), замысел Бориса Годунова выстроить храм Святая Святых в Московском Кремле¹⁰ и т.п. Показателен и опыт патриарха Нико-

---

Остерхаут (Ousterhout R. *Loca Sancta and the Architectural Response to Pilgrimage // The Blessings of Pilgrimage*. Ed. By Robert Quasterhout. Urbana; Chicago, 1990).

³ Стерлигова И.А. Иерусалимы как литургические сосуды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. С. 46–62.

⁴ Беляев Л.А. Иерусалимские мотивы в надгробиях средневековой Москвы // Иерусалим в русской культуре. С. 148–153.

⁵ Перечисление подобных поминок содержится, например, в грамоте иерусалимского патриарха Германа (1534–1579) от 1541 г., направленной вместе с поминками новгородскому архиепископу Макарию. (См.: Макарий (Веретенников) архимандрит. Грамота иерусалимского патриарха Германа новгородскому архиепископу Макарию // Иерусалим в русской культуре. С. 205–211). Патриарх Никон, выстроив Крестный монастырь, велел установить в нем кипарисовый крест «по высоте и широте подобный кресту Христову, украсил его серебром, золотом, драгоценными камнями и сокрыл в нем 300 частиц мощей, кровь многих святых мучеников и части св. палестинских камней» (все это предметы «поминок»), а в окружной грамоте заявил: «аще кто с верою восхождет к тому животворящему кресту на поклонение приити, да не менее тому силою того святого животворящего креста благодать дается, якоже путешествующим в святые палестинские места» (Кантерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку. С. 62). См. также: Восточнохристианские реликвии. Сб. статей / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003; Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки / Сост. и науч. ред. Е.М. Юхименко. М., 2009.

⁶ Еще игумен Даниил сообщил, что в храме Воскресения Господня «есть вне стены за олтарем пуп земли, и создана над ним марка (свод) и горе написан Христос мусиею (наверху изображен мозаикой Христос) и глаголет грамота: «се пядию моею измерих небо и землю». Следовательно, «пуп Земли» означал центр Вселенной (и неба, и земли). (Хождение Даниила, игумена Русской земли // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / Сост., подг. текста, пер., вступл. и комм. Н.И. Прокофьева. М., 1984. С. 34).

⁷ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 194–206; Белова О.В., Петрухин В.Я. «Святые горы», Киев и Иерусалим в славянской мифопоэтической традиции // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2009. С. 445–457.

⁸ См.: Сморгунова Е.М. Город Кашин — земной образ Небесного Иерусалима, или «Богословие в камне» // Русская провинция: миф-текст-реальность / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М.; СПб., 2000. С. 368–384.

⁹ См.: Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография.

¹⁰ Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. С. 154–173. См. также: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке. С.37.

на, развернувшего топографию Иерусалима и его окрестностей на берегах подмосковной Истры, названной Иорданом, возле Ново-Иерусалимского монастыря¹¹.

Символическое восприятие сакральной топографии Средиземноморья с древности дополнялось и впечатлениями очевидцев, посещавших и описывавших знакомые по священным текстам места.

Литература паломнических хождений из Руси в Восточное Средиземноморье¹² — важная часть русской письменности уже с XII в. В XVIII в. она еще сохраняла свое значение при создании в России образа средиземноморского мира. Источник этот имеет свои особенности.

Исследователями давно доказано, что паломническая литература не была нацелена на распространение светского знания о тварном мире¹³; она создавалась для *просвещения*, но *просвещения духовного*. Не случайно и игумен Даниил (XII в.), и дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима (путешествовал в 1419–1422 гг.) боялись уподобиться ленивому рабу, если не опишут для верующих своего паломнического труда: «Убохся онаго раба лениваго, скрывшаго талант господина своего и не створившаго прикупа им, да сие написах верных ради человек. Да кто убо, слышав с местех сих святых, поскорбл бы ся душею и мыслию к святым сим местом, и равну мзду примут от Бога с теми, иже будут доходили святых сих мест»¹⁴.

¹¹ Замысел Никона соответствовал логике традиционного мышления, но, по словам И.Д. Бусевой-Давыдовой, Никон, используя точный план Иерусалимского собора и другие его чертежи, прибег к методам архитектурного проектирования нового времени. В результате «символическое подобие сменилось буквальным, и это шокировало многих представителей русского (и греческого. — Авт.) общества того времени, обретая в их глазах оттенок кощунства»). (Бусева-Давыдова И.Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. С. 177).

¹² Первые печатные издания паломнической литературы в России появились только после Архипелагской экспедиции (В. Григорович-Барский, Н.-Х. Радзивилл и др.). Предметом источниковедческого исследования и научной публикации эта литература стала в XIX в., тогда в научный оборот было введено подавляющее большинство ее памятников. Последние десятилетия отмечены всплеском интереса отечественных и зарубежных ученых к паломническим хождениям, их современному изучению и переизданию (см., например: *Житнев С.Ю.* История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007; Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв.; Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / Изд. Л.А. Ольшевская, А.А. Решетова, С.Н. Травников. М. 2008; «Хождение» игумена Даниила. Первая редакция. Подгот. текста, пер. и коммент. Г.М. Прохорова // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб, 2007: «Паломник» = вторая редакция «Хождения» игумена Даниила. Подгот. текста И.В. Федоровой, пер. Г.М. Прохорова // Там же; *Stavrou T.; Weisensel P.* Russian travelers to the Christian East from the twelfth to the twentieth century. Columbus (Ohio): Slavica publ., 1985; *Majeska G.P.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Dumbarton Oaks, 1984]. Наконец, и востоковеды стали рассматривать паломничества как источник изучения Востока (См.: *Кириллина С.А.* «Очарованные странники». Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010; *Панченко К.А.* Старообрядец в Леванте: Османский мир начала XVIII века в описании русского паломника Ивана Лукьянова // Мадр. Восхваление Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается... М., 2008. С. 339–350).

¹³ Неубедительно рассматривать жанр хождений в Святую Землю как своего рода путевые записи, которые отличаются от путешествий, дипломатических и торговых, в частности тем, что «в них встречаются вставные эпизоды легендарно-библейского содержания» (*Прокофьев Н.И.* Хождение: путешествие и литературный жанр // Книга хожений. С. 15). Точнее было бы сказать, что именно путевые записи представляли собой «вставные эпизоды» в тексте хождения. Вряд ли плодотворно ограничиваться и констатацией лишь стилистических особенностей «обычного паломнического хождения» (*Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. С. 15).

¹⁴ Хождение Даниила, игумена Русской земли. С. 27–28. В христианстве (в отличие от ислама, если говорить о хадже в Мекку) отсутствует представление о непреложной обязанности совершить паломничество в Иерусалим, более того поощрялось «не ногами искать спасение у Бога», но работо-

Цель паломников определяла и предмет описания — все их внимание сосредоточивалось на описании святых местах и, как отмечал С.П. Розанов, «всякий интерес, выходящий из сферы этого угла зрения, считается у них результатом нравственной слабости, т.е. грехом»¹⁵. Таким образом, символы сакрального пространства для паломника представлялись более значительным объектом описания, нежели живые картины быстротекущего времени.

Не только географическое, но и историческое сознание паломника было устремлено к ветхо- и новозаветной эпохе. Вступая в пространство Восточного Средиземноморья, пешеходец как бы выпадал из своего времени, древнее священное вытесняло историческую повседневность современного бытия, и переживание ветхозаветных и новозаветных событий часто стирало профанные черты событий настоящего.

Информация о географии, природных условиях, истории и культуре Восточного Средиземноморья в ранних хождениях оставалась чрезвычайно скудной. Приходится признать, что наше стремление прочесть древние хождения с точки зрения их вклада в познание культуры региона малопродуктивно. *Символический* образ Святой Земли долгое время доминировал в восприятии Средиземноморья даже в случае *самовидцев*, они продолжали искать в чужих землях только знакомые по книжности очертания.

Касаясь стилистических особенностей хождений, знаток западной и отечественной паломнической литературы А.Н. Веселовский обращал внимание на скупость описаний, в которых «живая легенда уступила место топографической заметке». Ученый полагал, что эти топографические заметки были лишь указанием на тот или иной эпизод («память») евангельской повести, упоминание о котором рождало в воображении автора и читателя живой образ, не высказанный на страницах хождений. Для поколений паломников, «воспитанных в этом символическом мировоззрении: одна память Палестины вызывает... целый ряд других образов», всплывающих «по привычке и действию бессознательной аналогии»¹⁶.

Характерной особенностью хождений является не только символическое восприятие Восточного Средиземноморья, но и недосказанность в раскрытии его образа, предполагающая существование в сознании читателя и автора общего мифологического архетипа. М.В. Рождественская доказывает это, сопоставляя описание Палестины игуменом Даниилом с близким по времени апокрифическим «Хождением Агапия в рай» (ранний список XII–XIII вв.). Оказывается, что образ Палестины у Даниила «в известной мере сакрализован: Палестина выдерживает сравнение с раем» (тем раем, который Агапий описывает так: «древя различна, и цветы цветуща различны, и овоща различны»)¹⁷. Не потому ли и

духовною. Монах Зосима заканчивал свой труд словами: «Буди же в семь нам написание се причащающимся благословения от бога и от святого гроба и от всех мест святых сих примут бо мзду от (бога) равно съ ходящими до святого места града Иеросалима и видевших места сия святая. Блажени бо видевши и веровавши, треблажени же не видевши и вероваша» (Книга хожений. С. 135).

¹⁵ Розанов С.П. Предисловие // Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709) / Под ред. С.П. Розанова. // ППС. СПб., 1914. Т. 21. Вып. 1 (61). С. XLIII.

¹⁶ Веселовский А.Н. К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // ЖМНП. 1885. Кн. 5. С. 173.

¹⁷ Рождественская М.В. Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. С. 11.

другие паломники обращали внимание преимущественно на экзотические растения — «смоквы и масличне, и рожцы, и яблоки и инная всякая овощная древеса» (игумен Даниил), а уж если речь заводили о привычных культурах — ячмене и пшенице, то подчеркивали обилие их урожая — «вельми родится» (Василий Гагара, XVII в.)? Несомненно, что подобные описания указывают на печать сакрального, лежащую на Святой Земле¹⁸.

Естественно, что двойной, символический и реалистичный, смыслы описаний надлежит иметь в виду и при оценке достоверности, а точнее репрезентативности сведений паломников об увиденном ими.

Что касается географических представлений, то Б.М. Данцигу бросилась в глаза склонность паломников игнорировать современные им географические наименования и пользоваться древними¹⁹, т.е. постигать географию святых мест сквозь призму библейских и античных текстов. При этом географические представления паломника могли и не быть лишены конкретности: «А оттуде до Крита 20 верст и ту есть на Великое море внити, на шюе в Иерусалим, а на десно к Святой Горе и к Селуню, и к Риму»²⁰ (порой за указанием того, что расположено «налево и направо», следовало упоминание и стран, которые лежат «позади» посещаемых мест). В целом, средневековому русскому паломнику было ближе книжное, а не опытное знание. Обрушившись на тех, кто ложно пишет о святых местах («лжуть много и блядуть»), Даниил подтверждал свои сведения тем, что его «Вергилием» был муж свят и стар, и «книжна велми», и он сопровождал Даниила «*по истине, от святых книг испытав добре*»²¹.

Однако жанр хождений, как и мирозерцание пешеходцев не оставались неизменными. Со временем горизонты повествования постепенно раздвигались, менялся и доносимый до современников и потомков образ Восточного Средиземноморья, обретая свою естественную протяженность и реальные черты.

Уже русские пешеходцы XVI–XVII вв. стали насыщать обычные «топографические заметки» о памятных местах пространными рассказами, почерпнутыми из апокрифических евангелий и местных народных легенд (как пишет в XVIII в. В. Григорович-Барский, «якоже повествуется от народа»)²², описаниями чудес,

¹⁸ Особо выделяя земли Хеврона, Даниил писал: «И ныне по истинне есть земля та богом обетованна и благословена есть от бога всем добром: пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обилна есть зело, и скотом умножена есть; и овци бо и скоти дважды ражаются летом; и пчелами увязло ту есть в камени по горам тем красным». (Хождение Даниила, игумена Русской земли. С. 53). О символическом подтексте описания природы см., например: *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVIII веков. Эпохи и стили. М., 1973. С. 153; *Ужанков А.Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI— первой трети XVIII в. // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 19–88.

¹⁹ Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. С. 33. Пожалуй, одно из редких упоминаний современного названия встретим у Даниила: Опия «ныне зовется градом Яфъ фряжскиином языком» (С. 58).

²⁰ Хождение Даниила, игумена Русской земли. С. 29. В географических описаниях паломников Белым часто именуются и Эгейское, и Мраморное, и Средиземное моря (последнее называют также Великим).

²¹ Там же. С. 64. Мы употребили здесь имя Вергилия, проводника Данте по кругам ада и рая, поскольку паломники придавали большое значение наличию мудрого и опытного гида по святым местам.

²² Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747. СПб., 1885. С. 322. (Первое издание: Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Альбова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 году и оконченное в 1747 г., им самим писанное. СПб., 1778).

творимых иконами, святыми источниками и т.п. В повествовании все больше внимания стали уделять сообщениям о необыкновенном и удивительном — египетских пирамидах, экзотических животных (крокодиле и «строфокамле»-страусе), африканских инкубаторах, в которых «курята выводятся без квочки»²³, городском водоснабжении дождевой водой, собираемой в подземные цистерны (рассказ об этом, впрочем, встречается уже у игумена Даниила) и т.п. Со временем в описаниях появляются хозяйственные наблюдения: «арапы же верблюды кормяку сухим бобом, а воды им не даяху три дни»²⁴; коз гонят по улицам Каира, доят на месте для продажи²⁵; на Родосе вдоль берега, «аки звезды», стоят во множестве «млины ветряные»²⁶ (впрочем, о мельницах, о знаменитых водяных колесах Хамы, караван-сараях—«крмюсарай» «кермасерай», торгах и «безестенах» сообщал и в XV в. гость Василий)²⁷. Можно встретить у паломников также экономические сведения: у Синайского монастыря в Египте имеется «три двора гостиных, у патриарха також три. А в них стояльщики ставятся всяких вер торговые люди, или рукодельные, а платят помесячно с места, с одной лавки по полтине на месяц, а с иных по два и по три ефимка»²⁸.

Наблюдения над природой приводят Арсения Суханова к важному открытию: в Палестине и Сирии дико растут пшеница, овес и рожь, которая «яко сеяна, сильна, часта и высока, и колосы, якоже есть наша сеяная, токмо зерна мало»²⁹ (значение такого рода сведений оценили и в XX в.: академик Н.И. Вавилов организовал экспедицию в этот регион происхождения культурных растений)³⁰.

Со временем паломничество стало сочетаться и с выполнением государевых поручений, и такое отвлечение от религиозного послушания переставало казаться греховным. Так, в середине XVII в. описание хождения Арсения Суханова, посланного для знакомства с богослужебной практикой восточных единоверцев, выдает пристальный и совсем не духовный интерес к военным укреплениям Константинополя, островов Архипелага, Иерусалима. (По словам К.А. Панченко, «говоря об укреплениях Иерусалима, он проявляет неожиданные для его сана познания в фортификации и баллистике, дает дельные советы по осаде и штурму города»³¹.) Этот интерес может быть объяснен озабоченностью Москвы планами иерусалимского патриарха Паисия нанести объединен-

²³ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского. С. 39.

²⁴ Хождение купца Василия Позняка по Святым местам Востока // ППС. 18-й вып. СПб., 1887. Т. 6. Вып. 3. С. 18. Василий Позняков посетил Константинополь, Египет, Синай и Палестину в 1558–1560 гг.

²⁵ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709). С. 38.

²⁶ Странствования Василья Григоровича-Барского. С. 268.

²⁷ Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину // Книга хожений. С. 168, 171, 173 и т.д.

²⁸ Проскинитарий Арсения Суханова. 1649–1653 // ППС. СПб., 1889. Т. VII. Вып. 3. С. 39.

²⁹ Там же, С. 92, 94.

³⁰ Вавилов Н.И. Пять континентов. Повесть о путешествиях в поисках новых растений. М., 1962.

³¹ Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке. С. 142. Впрочем, познания в военно-оборонительном искусстве Арсения не столь неожиданны, ведь, он — монастырский архитектор, а монастыри были и оборонительными сооружениями. Проплывая мимо Галиполя, Арсений отмечает, что со стороны моря городская стена «вся в окнах поземных великих, на них затворы железные, а по счету их 25; окромя сторонних стен, а на сторонних стенах счесть было нельзя»; «Город Митилен основан на диком камени на самородном; подкопу отнюдь нельзя быти»; город Хио имеет каменные стены, глубокий каменный ров, а пушек «без числа много» и т.п. (Проскинитарий Арсения Суханова. С. 19, 20, 23).

ными силами Московии, запорожских казаков, Молдавии и Валахии удар по Османской империи во имя освобождения единоверцев. Внимание же к военным объектам иеромонаха Ипполита Вишенского можно признать вполне естественным, если учитывать, что он совершал паломничество в период между русско-турецкими войнами Петра I³².

Паломники XVII–XVIII вв. перестают скрывать и свое мирское любопытство: Василий Григорович-Барский, узнав о повелении русского резидента А.А.Вешнякова идти на прием к султану, писал: «аз же с радостью послушеш, не чести ради и почтения (паломник уже думает о суетном и греховном — «чести» и «почитании». — *Авт.*)³³, но более любопытства ради и зрения онаго чина и обычая»³⁴ (курсив здесь и далее наш. — *Авт.*) Впрочем, Григорович-Барский был необычным паломником³⁵. Для него хождение превратилось в образ жизни: к концу своего двадцатисемилетнего путешествия, когда его интересы были уже связаны с совершенствованием образования, он сокрушался, что не последовал давнему совету греческого просветителя Макария оставить «все странствования», дабы ради пользы своему отечеству заняться освоением «учения Еллинского» (цикла греческого обучения). Но, по его словам, как сущий младенец и «аки младь мудрствующи», он решил «*услаждахася лучше путешествием и историею разных мест*»³⁶. Более того, к концу своих хождений он отказался от почетного предложения Вешнякова занять место «капеляна» (настоятеля церкви) россий-

³² Ипполит Вишенский сообщает, что крепость Родоса имеет мощные каменные стены и башни, глубокий ров, железные ворота и множество пушек, а в городе Триполи — три замка с пушками и т.д. (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709). С. 25, 30).

³³ Василий, характеризуя Макария Калогераса, создателя греческой школы на о. Патмос, отмечает, что Макарий оставил «всякую славу и честь, сожаления ради отечества», возвратился на свой родной остров для распространения образования. Патмосскую школу, основанную Макарием в 1713 г., где совершенствовал свои знания Григорович-Барский, теперь нередко называют «Университетом Архипелага». Ее основатель канонизирован и считается «великим просветителем греческого народа» (*Антипа, кафизумен Патмосский*. Путеводитель по Патмосскому монастырю Св. Иоанна Богослова. Патмос, 2009. С. 29). «Слава и честь», как и служба отечеству, уже, безусловно, входят в число нравственных ценностей Григоровича-Барского, свидетельства о влиянии на него просветительских идей (Странствования Василия Григоровича-Барского. С. 346).

³⁴ Странствования Василия Григоровича-Барского. Ч. II. С. 371.

³⁵ Труд паломника всегда был тяжел и таил много опасностей. Однако, в его описании древний паломник подчеркивал: «ни немощи малы не почютих в теле моем; но всегда, яко, орел облегчаем, божиею благодатиею съблюдаем и силою вышняго укрепляем» (Хожение Даниила, игумена Русской земли. С. 73). У поздних паломников телесные тяжести описываются подробно: жала умершего своего спутника Рувима, «любимца Стефана Яворского» (Странствия Василия Григоровича Барского. Ч. I. С. XI), Григорович-Барский пишет, что Рувим претерпел «нужду, ходя в зиме и в лето, от холодных ветров, от дождя и от великого упала солнечного, якоже аз сам своим телом искусих добре» (Там же. С. 210). Не менее тяжела была для паломника неопределенность с устройством ночлега и пропитанием. Там, где не было монастырей или специальных домов для приюта, как в Италии, паломники получали и то и другое «из милости». Мысль о ночлеге и еде неотступно преследовала почти каждого из них. От долгого пути на открытом воздухе одежда и особенно обувь быстро выходили из строя. На море существовала опасность нападения пиратов, на суше — разбойников. Так было и в Азии, и в Европе: по Австрии паломники передвигались ночью страха ради разбойников (Там же. С. 28). Впрочем, забота о телесном, свойственная человеку по преимуществу с эпохи Возрождения, даже в XVIII в. соединялась у паломников с традиционным «эпитимийным подвигом», — с одной стороны, «грех ради», с другой, «любве ради Божия и Святых мест» (*Розанов С.П. Предисловие*. С.XLIII).

³⁶ Странствования Василия Григоровича-Барского. Ч. II. С. 348.

ской миссии в Константинополе, так как это бы мешало его «безмолвному поучению», лишило бы «свободы»³⁷ к посещению неких «изрядных мест» и монастырей, затруднило бы скорое возвращение в отечество³⁸.

Любознательность Григоровича-Барского ведет его в Рим и резиденцию папы римского, за что на Афоне его, было, объявили еретиком. Рискнув стать жертвой религиозного фанатизма, он в одеянии дервиша³⁹ примкнул в Хауране (как он пишет, Харане «по-гречески», Хевране «по-арапску») к возвращавшемуся из хаджа каравану мусульманских паломников, вступил с ним в Дамаск и посетил знаменитую Омейядскую мечеть (перестроенную византийскую церковь Иоанна Крестителя, в свою очередь созданную на месте языческого храма Юпитера), а также побывал в мечети и суфийской текие Сулеймания⁴⁰. В Солуни он не преминул заглянуть в еврейскую академию, где, по его словам, «разных наук даже до философов учатся, идеже аз посещах и видех между собою пропирающихся философов, подобним обычаем, якоже и в инних языках»⁴¹. К тому же, Василий был движим и стремлением к образованию; он ездил по образовательным центрам (как мусульманские улемы или средневековые европейские студенты), собирал книги и во время «мора» — чумы, заточившись на четыре месяца в уединении на острове Патмос⁴², создал латинско-греческий учебник, готовя себя к поприщу учителя. Все это он совершал как монашеский подвиг, хотя и руководствовался уже не только религиозными соображениями.

В XVIII в. паломническая литература стала постепенно сближаться с литературой путешествий, преследующей просветительские цели и отмеченной яркой авторской индивидуальностью⁴³. Таков труд Григоровича-Барского, таким было и хождение монаха Полтавского монастыря Леонтия Зеленского (путешествовал в Святую Землю в 1765 г.), который именовал себя «младшим Григоровичем». Сочинение Зеленского, как и Григоровича-Барского, мало походит на древнерусские хождения, а все более на записки любознательного путешественника⁴⁴ (хотя

³⁷ Характерно, что с чувством свободы связывает паломничество и Леонтий Зеленский. В своих витиеватых рассуждениях он сравнивает монастырскую жизнь с каторгой, а монастырь с тюрьмой, тогда как «пешествование» (хождение) по святым местам «своевольной независимостью», выведшей его из отечества, хождением «по чужим необитаемым землям и по своей воле» (Письма монаха Полтавского монастыря о. Мартиниану. АВПРИ. Ф. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 506. Д. 7. Т. 2. Л. 56, 91, 101).

³⁸ Странствования Василия Григоровича-Барского. Ч. II. С. 375.

³⁹ Ср.: когда в канцелярии Архипелагской экспедиции в 1771 г. расспрашивали некоего грека-инока «Николая Михайлова», то выяснилось, что он тоже много бродил по миру «в турецком пустынном одеянии», был в мечетях и даже получил милостыню от султана. — РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 65. Л. 69-73.

⁴⁰ Странствования Василия Григоровича-Барского. Ч. II. С. 236–238. «Есть же ин тамо храм, от агарян новосоздан вне града Дамаска (за пределами огражденного стеною старого города. — *Авт.*) на ровном и веселом поли, вскрай берега речного, с многими келиями, на подобие некоего прекрасного монастыря и именуется пекие (текия. — *Авт.*), си ест гостиница, страних ради и убогих хаджеев, отходящих на поклонение в Мекку, яже зело прекрасное имат расположение, и посреди подворья купел[ь] великую, каменнозданну, с источником ден и ноц текущим, — яже оба многоценна здания, лепота ради видения, изображенне зде предлагаю» (Василий сопроводил свою рукопись рисунками).

⁴¹ Там же. С. 262.

⁴² Хлеб и воду ему спускали на веревке монахи, закрывшиеся от внешнего мира на время эпидемии (Там же. С. 355).

⁴³ В рассмотрении этого процесса свой вклад внес в начале XX в. С.П. Розанов: Предисловие. С. II, XLIII.

⁴⁴ Письма монаха Полтавского монастыря о. Мартиниану.

Леонтий и оговаривался, что он «неспособен вострить перо по моде»⁴⁵, его произведение написано в модной форме писем к друзьям).

Леонтий все менее думал о нравственных наставлениях читателю, а, претендуя на писательскую славу, заботился о занимательности повествования. В духе монастырско-бурсацкой смеховой культуры он включал в свой нарратив иронические и даже комические рассказы о постоянных злключениях на Святой Земле его монаха-спутника. Даже рассказ об омовении в водах «Святославной Иордан реки» Зеленский сопровождал комментарием, что с трудом переплыл ее мутные быстрые воды «единственно для того, дабы не покривя душой, могах сказать вам, что я в нем или в ней купался и не один раз»⁴⁶.

Леонтий Зеленский уже с заметной долей критики воспринимал сведения о топографии святых мест: «Хотя я было и поверил загоряча, но жар моего легковерия стоял в одном градусе только до Иерусалима, где, как нам сказали греки то же, что и арапина, показав «4»-е место дому богоматерных родителей, находящееся подле Гефсиманской веси, то моя вера столь олединела, сиричь к неверным свидетелям, что я там же, в Иерусалиме, положил себе в закон не верить никому, не испытав неперед какого кто духа»⁴⁷.

Со временем расширяются и географические представления паломников. По крайней мере, с XVII в. отмечается их интерес к картографии: среди захваченных христианскими пиратами книг и вещей Арсения Суханова находились «листы чертежные разных земель»⁴⁸. Ипполит Вишенский, хотя и приводит свидетельство о том, что согласно библейским текстам, Нил в числе четырех рек течет из рая, и поэтому вода в нем «барзо сладка» и рыба также, однако, по-видимому, не вполне сам был в этом уверен, а потому «пытал» старых арабов «откуда река?»⁴⁹. Наиболее осведомленным в географии был Василий

⁴⁵ «И поелику я привик смолоду хорошо чинить, а лучше точить не били, но цезорки и снадобья для резьбы крестов, нежели тепер способен вострить перо по моде: то лзя ли надеятся мне, что б толико могушая Я критика, для нашего лоскутника переменяла моду, не говорю прото вкупе настоящих романописателей, которые страннойдейных чрезвычайностей живопредставлениями разноравной публике делают почти всякое сочинение без соли и без вкусу, следовательно и скучным всякому читателю, особливо младомодному или младоумному (все одно)...» (Там же. Л. 4).

⁴⁶ Письма монаха Полтавского монастыря о. Мартиниану. Л. 94. Едва ли не единственный раз Леонтий позволил себе описать охватившее его высокое чувство при виде Иерусалима: город показался «толико красивым, что я не мог от радости утолить слез, избыльно текущих из моих очей, увидев самой тот предмет, его же от многих лет видеть желала душа моя. Сим крайнемшем удовольствием быв обят я, с доземным и многократным коленопреклонением поблагодаря многомилостиву яко богу, всегда и во всех благих исполняющему желания верных, аще и грешных рабов своих, от них же первой есм аз» (л. 111).

⁴⁷ Там же. Л. 98.

⁴⁸ Проскинитарий Арсения Суханова. С. 75.

⁴⁹ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского. С. 57. Между тем, Варсонофий (путешествовал в 1461–64 гг.) и Иван Лукьянов верили без колебаний в то, что «златоструйный» Нил вытекает из рая (Хождение Варсонофия в Египет, на Синай и в Палестину // Книга хождений. С. 162; Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703. С. 64). Впрочем, Ипполит Вишенский топографически четко представляет место событий Страшного суда: «Когда будет Христос судити живых и мертвых, то от Кедронского потока, от вертограда недалеко и от Богородична гроба низше, изыдет река огненна и потечет Юдолом Плачевним мимо монастыр св. Савва до моря Содомского и всех грешных тамо закриет и потопит, и станет пекло и тамо грешнии будут мучитися во веки» (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского. С. 84). Вместе с тем, Ипполит знает о расположении стран в регионе, хотя употребляет одновременно и исторические и современные

Григорович-Барский, но его познания были преимущественно практическими: он подробно описал свой путь из Венеции в Архипелаг, острова Архипелага, а также Сирию и Палестину, исхоженные им вдоль и поперек за 16 лет пребывания там. Он решительно опроверг домыслы, будто Иордан из Мертвого моря впадает в Красное (Чермное), и настаивал на том, что Тивериадское, как и Мертвое, «моря» являются озерами.

Паломники XVII-XVIII вв. уже не ограничиваются «библейской географией», они видят современный мир и используют современные географические названия, нередко сопоставляя их с древними или иноязычными: «Триполь, а по-турецку Шам тараболос» (Ипполит Вишенский, с. 30), Дамаск, «убо турецким и арабским языком Шам завется» (Арсений Суханов, с. 162), «Мисирь» — «Египет по-грецки, а по латыне Каир» (там же, с. 35), Григорович-Барский подтверждает, что Египет — название «еллинское», что значит по-турецки «Мисир», а по-арабски «Мауар»(?) (ч. I, с. 413). (Поскольку в литературе XVII-XVIII вв. понятие «турки» часто употреблялось в смысле «мусульмане», а представление об арабском этносе было сбивчивым, то паломники часто путались в арабских и турецких названиях.)

С эпохи барокко в поле внимания паломников стали чаще попадать вопросы градостроительства, мусульманской архитектуры (дамасскую мечеть Сулеймания Григорович-Барский описывал как «многолепотной и многоценной храм»).

За столетия русского паломничества в Восточном Средиземноморье происходили изменения в восприятии не только пейзажа, географии, но и обитателей региона. Ранние паломники были скупы на характеристики и обычно упоминали только религиозную принадлежность населения Святой Земли. Даниил писал о «христианах» (имея в виду православных), «сарацинах» (античное название арабов, распространяемое в Средние века на всех мусульман), «фрезях» («латинах» — католиках) и «жидовех» (иудеях). Паломники XV в. (Зосима, Варсонофий, Василий) сообщали о тех же «сараканах», «срачинах», «срацинах», подразумевая мусульман. Гость Василий, прошедший Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет в 1466 г., сообщал: когда «скончался, был Царский град, ныне держат его срацины» (т.е. мусульмане)⁵⁰, и писал не только о людях «разных вер» (у него появляются, наряду с «жидовинами» и «фрязями», «армены», «яковиты» и пр.)⁵¹, но и о представителях «всех языков» (среди них он упоминает турок, туркмен и «арапов» — видимо, бедуинов). Однако при всей скупости характеристик обнаруживается, что сарацины-мусульмане не порождали у ранних паломников фанатической неприязни, хотя, конечно, их воспринимали как чужих, иных, а потому оставляли в отчуждении, вне особого внимания. У паломников вызывал в это время удивление лишь оживленный торговый обмен между мусульманами

названия. С вершины горы св. Екатерины (Синай) ему кажется, что он видит Иерусалим, до которого восемь дней пути, «четыре царства» — «Ефиопское, Мадиамское, Аравитское, Малвитское» и Каддискую пустыню, а Красное (он пишет вместо Черного — Черное) море простирается даже «до Акиян-морья», что окружает всю землю (Там же. С. 55).

⁵⁰ Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину. С. 178.

⁵¹ В церкви Воскресения Христова «вокруг божия гроба службы: греческая (православная. — Авт.), иверская (грузинская. — Авт.), сербская, фряжская, сирьянская, яковитская, мелфединская (меликитская), куфидская (коптская. — Авт.), несторская (несторианская. — Авт.)» (Там же. С. 175).

и христианами, их необычное для русского человека совместное проживание в селениях и в караван-сараях: («кто ни придет (в караван-сарай. — *Авт.*) от какия веры, всякого успокоивают, и кормят и поят»⁵². Игумен Даниил даже с теплотой вспоминал сарацинского шейха, проводившего его и его спутников до Иерусалима. Хотя инок Зосима и негодовал на «окаянных сарацинов», требующих плату за то, чтобы отомкнуть церковь, или о «злых арапах» — разбойниках, но в конце своего труда поделился опытом своего общения с иноверными, приложив словарик греческих и арабских чисел и сообщив, как на разных языках именуют Бога («жидовския Данаи, арапския Алла, гречески Офеос, фряжьски Диос, арменски Арьства, татарски Теньгри, руски Бог»)⁵³. Примечательно, что ранние православные паломники охотно посещали католические церкви и общались с католическим духовенством, не выказывали вражды к инославным, хотя при этом именуя «христианами» только православных.

С XVI в. отношение русских паломников к иноверным и инославным изменилось. Это заметно уже в повествовании купца Василия Познякава (1558–1560 гг.), который не мог примириться с причислением инославных к христианам: «А се еретики суть называется христиане: Латины, Хабешы (араб. абиссинцы. — *Авт.*), Кофты (копты. — *Авт.*), Армени, Ариянне, Нестрияне, Яковиты, Тетрадиты (четырнадцатидневники. — *Авт.*), Маруни (марониты. — *Авт.*) и прочая их проклятая ересь»⁵⁴.

Причины усилившегося ожесточения русских паломников в отношении инославных можно видеть в активно проявившемся с XVII в. наступлении католической церкви на православие: в распространении унии в Польше и западных областях Руси, активизации на арабском Востоке деятельности католических орденов, преследовавших миссионерские цели, наконец, издание под давлением французского короля султанского фермана (1689 г.), передававшего в управление католиков важнейшие святые места, находившиеся ранее в руках православной церкви⁵⁵. Впрочем, паломники бранили не только католиков, но и православных: Арсений Суханов полагал, что в иных случаях «турчин» лучше, чем «свои», т.е. греки, а Иван Лукьянов и вовсе писал: «а греки нам тошнее турок стали», хотя до этого турок «бусурманами» и «собаками» честил⁵⁶. Многие беды приносили паломникам и морские пираты, но и они, как оказывалось, были людьми разных вер и «наций»⁵⁷.

⁵² Там же. С. 169.

⁵³ Книга хожений. С. 136.

⁵⁴ Хождение купца Василия Познякава. С. 36. К христианам Позняков относит тех, кого называет «Гречане, Сирияне, Сербы, Ивры, Русь, Арнаниты, Волохи» (Там же. С. 37).

⁵⁵ См.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. С. 39.

⁵⁶ Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703. С. 33–35, 37.

⁵⁷ Пиратством равно занимались и мусульмане и христиане — обитатели Северной Африки, Мальты, Европы и арабского Машрика. Как пишет Ипполит Вишенский, морские разбойники — мальтийцы, французы, «инфлеменки» (голландцы), «инклизы» (англичане), немцы, «клеифы» (греки) и др. «шкоду великую делают, малие судна разбивают» (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского. С. 26). Османское правительство содержало в водах Восточного Средиземноморья крупные военные суда для того, чтобы один или два раза в году проводить под своей защитой караваны судов, насчитывавшие до 75 кораблей. Как пишет Василий Григорович, ему пришлось на два месяца застрять в Дамьетте «ради необретения корабля, бист бо тогда на море от разбойник непостоянство велие и не дерзаху корабле христианский плисти на море. Последи же приближавшей зиме, разбогоса разбойницы в свояси, тогда и аз, обретши корабл христианск,

Характеристики в паломнической литературе иноверных мусульман постепенно также претерпевают изменения, становясь все более развернутыми. Мусульман, конечно, часто бранят, но едва ли можно в полной мере согласиться с К.А. Панченко, отмечающим, что к началу XVIII в. «образ турка (уточним, — мусульманина. — *Авт.*) в московском сознании был демонизирован до крайности»⁵⁸. Да, в XVI в. бранными словами купец Позняков обличал мусульман: «поганные (т.е. неверные. — *Авт.*) Турки», «безбожные», «пребеззаконные Арапы», но его неприязнь к мусульманам объяснялась не столько различием веры, сколько тем, что «многи скорби на пути бывают от беззаконных Турок и Араплян на море и на суше»⁵⁹. Обвинения мусульман («турок и орапе») в писаниях паломников были и в дальнейшем, но они являлись следствием скорее отчужденности, нежели озлобления. Зато, например, Ипполит Вишенский с удивлением обнаружил, что христиане и мусульмане могут поклоняться одним и тем же святыням (во время морского шторма — Афанасию Великому; в трудную минуту — «образу святого Георгия», Маврикийскому дубу, который «турки» держат в «чести особой»). К тому же и «турки», сообщал Ипполит, находясь во время Пасхи в храме Воскресения, при нисхождении огня кричат: «Ала, ала, велик Бог христианский!», а паша, видя это чудо, «сам плакал»⁶⁰. Арсений Суханов и вовсе записал, что среди мусульман не встречал к себе вражды: «по торгу и по граду и около града многажды аз ходих, отнюдь ни одного слова не слышал ни от кого»⁶¹.

Паломники эпохи Просвещения, такие, как Леонтий Зеленский и монах Игнатий, в противопоставлении «своих» и «чужих» расставляли уже иные акценты. Авторы XVIII в. предпочитали судить «иных», прежде всего, за их «дикость»: они писали о «диких арапах», чья дикость якобы проистекала от их варварства («злые арапы сии варвары»). Как правило, речь при этом шла о бедуинах и горцах, для которых грабительские набеги были способом добывания средств к существованию. Впрочем, у русских паломников издавна вызывали негодование и «беснования» их арабских единоверцев, съезжающихся и сходящихся на Пасху в храм Воскресения, за чрезмерно бурное, по народной традиции, выражение своих чувств: «Хабеша же ходят вокруг гроба Господня, и есть у них четыре бубна

отплих в Трипол» (Странствования Василья Григоровича-Барского. Ч. II. С. 166, 217). Впрочем, и сухопутные передвижения по территории Османской империи таили, помимо разбоев, и другие опасности, в частности, лихоимство таможенной службы. Паломники также доносят сведения о печальной судьбе жителей южной Руси, захваченных в плен в ходе набегов крымских татар. Василий Григорович записал имена 40 российских невольников и невольниц, умолявших иходатайствовать им освобождение, и имена их владельцев — греков, турок и иудеев, чтобы сообщить резиденту (Там же. С. 375).

⁵⁸ Панченко К.А. Старообрядец в Леванте: османский мир начала XVIII века в описании русского паломника Ивана Лукьянова. С. 345.

⁵⁹ Хождение купца Василия Познякова. С. 24, 31, 38. Характерно, что от пиратов и бедуин страдали и мусульманские суда и хаджи на пути в Мекку. Характерно, что равно «хадзеями» называют в Палестине христианских паломников, а их предводителей «мерхадзи» (искаженное «эмир ал-хаджж»), и русские паломники пользуются этими понятиями.

⁶⁰ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского. С. 25, 59, 91, 98.

⁶¹ Проскинитарий Арсения Суханова. С. 59. Арсению Суханову вторит Иван Лукьянов: «И напрасно миленкова турка те старцы греческая оглашают, что насилует. Мы сами видели, что им насилия не в чем нету: и в вере, и в чем. Все лгут на турка» (Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. С. 37).

великие; и ходят вокруг гробницы и бьют по тем бубнам и скачут и пляшут, яко бы скоморохи, а иные назад пяты идут и скачют. И дивихемся Божии человеколюбию, како терпит: не мочно бе человеку и на торжища таковая бесновения видети. Сих же окоянных видехом в церкви тако круг гроба Божия бесящихся»⁶². В XVIII в. малороссиянин Леонтий Зеленский именовал это, по его мнению, «безобразное зрелище» «арапской комедией»⁶³. Примечательно, что в середине XVII в. Арсений Суханов реагировал на это поведение более спокойно, как на иной, чуждый ему обычай: «И тако по всей церкви множество огня; а зык, и шум, и угнетение, и крик немерной; иные же играют, скачут иными всякими образы, молодые люди и робята всяких вер и наши (т.е. православные. — Авт.) тут же вместе с ними»⁶⁴.

Таким образом, в XVII–XVIII вв. все больше внимания паломники стали уделять наряду с религиозными и этническим особенностям народов Средиземноморья. Русские паломники этого времени уже различали арабов, турок, туркмен, проявляли интерес к арабскому и турецкому языкам, часто вставляли в свой текст арабские и турецкие фразы. Хотя это, конечно, не исключало и прежней путаницы в определении религиозной и этнической принадлежности «чужих», и наличия неких мифических представлений о них (например, под влиянием библейских реминисценций Василий Григорович-Барский поначалу называл палестинских арабов «эфиопами»).

Очевидно, что к XVII–XVIII вв. паломнические описания Святой Земли становятся, безусловно, популярными, и не только, как это было ранее, в ученой церковной или околицерковной среде⁶⁵. Издатель «Странствований» Григоровича-Барского В.Г. Рубан в своем предисловии отмечал, что сочинение Григоровича «с превеликою жадностью списывают все те, до коих хотя малейшее дошло сведение. В Малой России и в окружающих оную губерниях нет ни одного знатного места и дома, где бы не было ее списка. Почти во всех российских семинариях для епархиальных архивов по несколько раз ее переписывали, благочестивые люди из духовных и мирских состояний, за великие деньги доставали оную»⁶⁶.

Паломническая литература довольно рано привлекла к себе внимание правящих верхов: сведения, содержащиеся в записках паломников, стали фиксироваться в бумагах Посольского приказа (с петровского времени Коллегии иностранных дел), а сами рукописи оказывались в библиотеке и архиве МИД Российской империи; паломников расспрашивали и русские резиденты в Константинополе⁶⁷.

⁶² Там же. С. 42–43.

⁶³ Письма монаха Полтавского монастыря о. Мартину. Л. 278.

⁶⁴ Проскинитарий Арсения Суханова. С. 88.

⁶⁵ О популярности других памятников паломнической литературы свидетельствует тот факт, что до нас дошло несколько сот списков более чем 70 различных хождений. По данным Н.И. Прокофьева, популярное «Хожение Трифона Корабейникова» дошло до нас во многих сотнях списков; известно 150 списков «Хожения игумена Даниила» (Книга хожений. С. 5). Однако в XIX в. были открыты паломнические записки, существовавшие всего лишь в одном или нескольких списках.

⁶⁶ Странствования Василья Григоровича-Барскаго.

⁶⁷ В 1743 г. в конце своего пребывания на Ближнем Востоке Василий Григорович-Барский был вызван в Стамбул Алексеем Андреевичем Вешняковым, русским резидентом в Константинополе, которому Григорович много дней во время совместной трапезы рассказывал о своем путешествии (Странствования Василья Григоровича Барскаго. Ч. II. С. 369–370).

Итак, многовековая традиция паломничества из Руси–Московии–России в Святую Землю, на наш взгляд, стала важнейшим каналом трансляции в Восточную Европу не только христианского церковного наследия Востока, но и образа Средиземноморья, насыщавшегося век от века новыми чертами и реалиями. Тем не менее в этой традиции Средиземноморский мир продолжал существовать все-таки лишь как преддверие Иерусалима. Человеку Просвещения в таком мире становилось тесно. В Европе растущий интерес к истокам классической цивилизации приводил к открытию другого Восточного Средиземноморья, в нем поклонялись не религиозным святыням, а творениям язычников-эллинов. В России интерес к Восточному Средиземноморью во второй половине XVIII в. постепенно стал перемещаться от Святых мест Палестины к греческим землям. Примечательно, что во время Архипелагской экспедиции российского флота Святая Земля заинтересовала командование только в связи с неожиданным обретением там союзников в лице Али-бея и шейха Захира ал-Омара, и, кажется, только одному российскому офицеру лейтенанту Сергею Плещееву выпало посетить на Святой Земле Назарет и Кану Галилейскую. Правда, справедливости ради следует указать, что в 8-й статье Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. специально оговаривались права беспрепятственного проезда русских паломников в Иерусалим⁶⁸.

ГРЕЧЕСКОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И РОССИЯ

Познание в России греческого Средиземноморья также имеет свои глубокие корни и разнообразные источники.

«Выбор веры» князем Владимиром предопределил *особую роль греков*, оказавшихся из множества народов Средиземноморского региона главными проводниками на Русь/Россию культуры Православного Востока. Военно-политические, торговые контакты Руси с Византией в X столетии были дополнены многообразными греко-русскими церковными связями. До середины XV в. русская церковь находилась в подчинении вселенских константинопольских патриархов, что предопределило не только частое поставление греков на митрополичий престол в Киеве, Владимире, а позднее в Москве, но и поездки русских церковных иерархов в Константинополь. Создание собственного московского патриархата в 1589 г. и учреждение патриаршества лишь способствовали укреплению церковных связей: с конца XVI и на протяжении XVII в. Московское государство посетили и приняли активное участие в его внешних и внутренних политических делах православные патриархи всех четырех восточных патриархатов⁶⁹.

⁶⁸ ПСЗ. Т. 14. № 14–164. С. 960.

⁶⁹ В 1586 г. в Москву прибыл антиохийский патриарх Иоаким, которого царь Федор Иванович просил содействовать созданию московского патриархата; в 1588 г. в Москве принимали константинопольского патриарха Иеремию, благословившего учреждение патриаршества в России; в 1619–1620 гг. в Москве находился иерусалимский патриарх Феофан, участвовавший в московском Соборе, избравшем патриархом Филарета; в 1649 г. прибыл иерусалимский патриарх Паисий, проявивший активную деятельность в делах присоединения Украины к России; в 1653 г. за милостью приезжал бывший вселенский патриарх Афанасий (вселенский константинопольский

Греческие православные иерархи с XVI в. нередко исполняли роль советников русских послов и посредников в их сношениях с великими везирами⁷⁰, а нередко были и хорошо оплачиваемыми политическими агентами. Благодаря «вестовым письмам» этих агентов московское правительство могло следить за событиями в Османской империи. Впрочем, информация нередко была субъективной, отвечающей политическим интересам самих информаторов. По словам первого российского резидента в Константинополе П.А. Толстого, греки «все лгут и верить им отнюдь не мочно»⁷¹. Однако отказаться от услуг и зависимости от константинопольских иерархов и греческих переводчиков стало возможным только со времени создания в Османской империи постоянного посольства России, располагавшего своим штатом переводчиков и агентов.

За долгую историю русско-греческих церковных связей накопилось немало негативного: проблем, нерешенных конфликтов, взаимных претензий, которые повлияли на отношение к греческим единоверцам. Проблемы существовали всегда, но особенно они обострились после Ферраро-Флорентийского собора (1437–1440). Флорентийская уния породила и в греческом, и в русском обществах миф о том, что падение Константинополя было следствием отступления греков от веры⁷², и несмотря на последующий отказ константинопольских патриархов от унии, на Руси с тех пор греков постоянно подозревали в еретических уклонах. К тому же и среди греков, поступавших на царскую службу или прибывавших за милостыней, всегда было немало тех, кто подозревался в лживости и корысти. Это создавало в русском сознании противоречивый образ греческих единоверцев — хотя благочестивых и образованных, но высокомерных и заносчивых, или вовсе корыстолюбивых, хитрых и лживых⁷³. Впрочем, многие претензии были взаимны и, как оказалось, и в XVIII в. легко возникали вновь при первых русско-греческих контактах.

Уже в киевский период, как можно предположить, первые знания о Понте Великом или Белом (Эгейском) море появились не только благодаря появлению

престол отличался частой сменой патриархов); в 1654–1656 гг. на Руси пребывал антиохийский патриарх Макарий, участвовавший в Соборе об исправлении Службника и других церковных книг; в 1666–1667 гг. александрийский патриарх Паисий и вторично антиохийский Макарий приняли участие в Соборе о низложении патриарха Никона (см.: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. V–VI; *Панченко К.А.* Османская империя и судьбы православия на арабском Востоке. С. 82–86).

⁷⁰ Важнейшим источником сведений о Восточном Средиземноморье в течение XVI–XVII вв. были посольские книги и статейные списки русских послов, направляемых по различным поводам в Турцию (насчитывают тридцать подобных посольств). (*Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. С.22).

⁷¹ *Толстой П.А.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост., вступ. статья, археографическое введение С.Ф. Орешковой, примечания и указатели И.В. Зайцева. М., 2006. С. 346. Наиболее ценимый как российский агент и советчик, иерусалимский патриарх Досифей предупреждал П.А. Толстого о том, что «греки тайны не хранят» (Там же).

⁷² См. обращение митрополита Филиппа 1471 г. к новгородцам (*Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку. С. 6–7). Характерно, что к этой же мифологии апеллируют в 1592 г. царь Федор и патриарх Иов в грамоте к константинопольскому патриарху (см.: *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. // *История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 724).

⁷³ См.: *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку. С. 346 и др.

на Руси греческих духовных лиц, но и благодаря греческим купцам, сопровождавшим свои товары по Пути из варяг в греки. Русские купцы еще долго не могли составить им конкуренцию хотя паломники и упоминали о встречах с русскими купцам в Константинополе, Архипелаге и даже Египте; участие русских купцов в средиземноморской торговле до XIX в. не было значительным. Торговые связи с греками не прервались и после падения Византии: Османская Порта рассматривала Черное море как внутреннее владение и плавать в его водах вплоть до Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. дозволялось лишь судам, принадлежавшим жителям империи. В это время греки-мореплователи Османской империи сумели укрепить свое положение торговых посредников между Средиземноморьем и Русью⁷⁴, а затем Россией (да и не только торговых: через греческих купцов русские паломники, например, посылали донесения властям и письма своим родственникам⁷⁵).

Самостоятельное освоение русскими греческого Средиземноморья также шло разными путями.

Для русского паломника пространство особо почитаемых святых мест Востока начиналось с греческого мира от Константинополя-Царьграда. Немало паломников вообще ограничивались посещением только этого города, где до османского завоевания один собор Св. Софии, благодаря находившимся в нем святыням, представлялся целым миром⁷⁶. Однако, если паломник отправлялся далее⁷⁷, то на его пути к Святой Земле Палестины были Афон, острова греческого Архипелага и Кипр, освященные, согласно церковной традиции, жизнью, деяниями и погребениями апостолов, отцов церкви и многих почитаемых великомучеников; недаром игумен Даниил многозначительно заметил по поводу Кипра — «а святых в нем без числа лежит»⁷⁸. (Характерно, что и в народном исламе — одной из авраамических религий — существовало представление о сакральности территории, на которой захоронены праведники⁷⁹.)

Знания о греческом Средиземноморье накапливались и в государственных архивах. Возникновение в XV в. на территории Византийской империи недружественного иноверческого государства лишь усилило настоящую

⁷⁴ Колонии греков существовали в Московской Руси — в Москве, в Нежине (особенно с XVII в.); а в послепетровское время греческая община начала складываться и в Петербурге. В 1708 г. в Москве только по переписи числилось одиннадцать лиц духовного звания, один капитан, 22 торговых грека, 31 рукодельных, да еще было разыскано тридцать греков, не сразу явившихся для записи в Посольский приказ. (*Там же*. С. 272.). По документам, обнаруженным Н.Ф.Каптеревым, в посольствах восточных патриархов к царю находились под видом патриарших родственников греческие купцы. См. так же положение 1710 г. о нежинской колонии греков, ее правах и привилегиях, подтвержденное Елизаветой Петровной в 1742 г. (*Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен*. СПб., 1785. Т. 2. Кн. 1. С. 65).

⁷⁵ См.: Проскинитарий Арсения Суханова. 1649–1653. С. 34; Странствования Василья Григоревича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.

⁷⁶ См. подробнее: *Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Dumbarton Oaks, 1984.

⁷⁷ И здесь следует оговорить, что паломники, не знавшие греческого языка, пользовались услугами греческих переводчиков, предпочитали передвигаться на греческих судах, находили пристанище при православных греческих монастырях и вступали в контакты с грекоязычным духовенством.

⁷⁸ Хожение Даниила, игумена Русской земли. С. 30–31.

⁷⁹ *Laust H. Les Gouverneurs de Damas sous les mamlouks et les premiers ottomans (658-1156/1260–1744)*. Traduction des Annales d'ibn Tulun et d'ibn Gum'a. Damas, 1959. P. 246.

потребность в получении политической информации. В результате с конца XVI в. сложился обычай, согласно которому въезд в Россию с юга мог совершаться только через Путивль, а воевода Путивля прежде, чем запросить у Москвы разрешение на проезд иностранцев по территории государства, был обязан опросить: «кто они и откуда, через какие земли и города проезжали, зачем едут в Москву, что везут с собою, т.е. какую святыню, не имеют ли при себе грамот патриарших или грамот с политическими вестями от разных агентов нашего правительства?»⁸⁰. В Москве в Посольском приказе допрос возобновлялся и от прибывшего выведывали, какие страны он посетил, что видел и слышал по дороге, нет ли где войны или приготовления к ней и т.п.⁸¹ Сбор военной и политической информации о Восточном Средиземноморье приобрел системный характер с начала XVIII в., когда в Константинополе появилось постоянное российское представительство (первым постоянным послом в Константинополь был назначен в конце 1701 г. П.А. Толстой). Вот тогда-то, исполняя поручение Петра I, П.А. Толстой составил первое русское описание островов Греческого архипелага, снабдив его чертежами и рисунками из турецкого атласа Пери Реиса (XVI в.)⁸². Впрочем, документы Посольского приказа или коллекции Коллегии иностранных дел едва ли получали широкую известность за стенами этих учреждений, и их информация в сравнении с книжным знанием мало участвовала в создании образа греческой средиземноморской цивилизации.

Для древнерусского книжника образы греческой античной древности и величия империи Константина доходили, прежде всего, в памятниках византийской церковной традиции. Греческий мир присутствовал в многочисленных произведениях неперемного круга чтения от византийской агиографии, различных хроник и хронографов, переложений Гомера и сочинений, приписываемых Аристотелю⁸³. Даже православные паломники-книжники, начиная с игумена Даниила, не забывали упомянуть о местонахождении известной им языческой Трои: «И противу тому острову [Крит] на брезе град велик был именем Трояда» (впрочем, для Даниила Троя была освящена и церковным Преданием: «и ту есть Павел апостол проходил и научил ту страну всю и крестил»⁸⁴).

В XVIII в. паломники, посещая греческие христианские святыни, с еще большей охотой продолжали искать знакомые из книг имена и памятные места, связанные с классической древностью. Это особенно характерно для Василия Григоровича-Барского, жившего и на Афоне, и на Патмосе, и в Константинополе. В своем сочинении он замечал, что «остров Станко» был родиной древне-

⁸⁰ Кантерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 105.

⁸¹ Там же. С. 110. Практика получения информации от очевидцев сохранялась и в XVIII в. Так, записи обо всем увиденном за границей были обязаны представлять моряки, направленные по приказу Екатерины II на стажировку в английский флот.

⁸² См.: Толстой П.А.. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота.

⁸³ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1987–1998. Вып. 1–3. См. также: Фролов Э.Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967; Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Sagner, 1991.

⁸⁴ Хожение Даниила, игумена Русской земли. С. 29

греческого философа и врача Асклепия, «ученика Ипократа» (Гиппократ)⁸⁵ и даже сопоставлял патмосское училище Макария с древней Афинской академией («Сице бо за тщанием его, славою и мудростию умножися оное училище, яко греком бедним, в плену сущим под игомь работы махометанской, вместо оних древних Афин ест»⁸⁶).

И для светского российского читателя, следовавшего за западными философами, православный греческий мир в XVIII в. постепенно стал заслоняться или причудливо сплетаться с языческой античностью, порождая представления о генетической связи античного наследия и современной Греции. Эти впечатления были исключительно *литературными*, и на их основе возникал новый образ Греции, население которой наделялось воображаемыми качествами античных героев: недаром же жителей Пелопоннеса в след западноевропейцам и русские стали именовать «спартанцами»⁸⁷ (но ведь и Вольтер вполне серьезно предлагал Екатерине II возродить в Афинах древнюю Академию). Можно согласиться с замечанием Э.Д. Фролова о том, что в обстановке растущего увлечения классическим наследием античность стала «универсальной питательной средой, за счет которой происходило формирование общественного сознания, какую бы область культуры или идеологии мы ни взяли, везде обнаружим присутствие античных форм, наличие античного материала в качестве исходного пункта для развития оригинальных представлений»⁸⁸.

Итак, освоение Россией культурного, политического, экономического пространства Средиземноморья шло иными путями, нежели в странах Европы. Изначально сконцентрировав свое внимание на Византии, Русь и после падения Константинополя долгое время в познании Средиземноморья продолжала опираться на прежний опыт внутриконфессиональных связей, на греческое посредничество. Не случайно, отправляя Архипелагскую экспедицию в Восточное Средиземноморье, Екатерина II декларировала поддержку единоверного греческого населения в борьбе против «поносного» османского ига в качестве одной из главных задач своего предприятия. Взаимодействие с греками (при надежде на возможную поддержку других балканских единоверцев) стало важнейшей заботой организаторов и участников экспедиции, особенно на начальном этапе. Однако, как вскоре выяснилось, взаимные ожидания греков и русских, с обеих сторон опиравшиеся преимущественно на мифологические представления, таили опасность глубокого разочарования, обид и конфликтов. В сущности, отношение к грекам, неоднократно менявшееся на протяжении Архипелагской экспедиции от восторженного до враждебного, оказало влияние на Средиземноморские планы Екатерины и стратегию ведения войны.

В течение веков Россия предпочитала Восточное Средиземноморье Западнему и судила о нем чаще через свидетельства богословов, клириков, пешеходцев-паломников, чем через опытное знание торговцев, мореплавателей, военных.

⁸⁵ Странствования Василья Григоровича-Барского. Ч. II. С. 19, 162, 178.

⁸⁶ Там же. С. 189.

⁸⁷ Об этом см. подробнее гл. 9, 10.

⁸⁸ Фролов Э.Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 86.

Только с XVIII в. образ этого мира стал постепенно утрачивать символические черты сакрального преддверия Иерусалима и насыщаться земными реалиями. Однако можно с уверенностью говорить, что и во второй половине XVIII в. в России продолжал доминировать наполненный христианской символикой *книжный* образ пространства Восточного Средиземноморья, опытное освоение которого в небывалых доселе масштабах предстояло осуществить только Архипелагской экспедиции Екатерины Великой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТРИГА ЕКАТЕРИНЫ II В ЕГИПТЕ В ВОЙНУ 1787–1791 ГГ.: КОНРАД ТОНУС

И.М. Смелянская

Русско-арабские контакты и военно-политическое взаимодействие во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. имели свое продолжение в установлении консульской службы, где осуществлялось взаимодействие с арабским населением, а также в организации тайной миссии Конрада Тонуса.

Сама миссия Тонуса стала примером искусно задуманной политической интриги, она имела отработанный сценарий со сложными и рискованными политическими ходами, заранее подготовленными и, казалось бы, неплохо просчитанными; четко обозначенную цель — отторгнуть Египет от Османской империи. Поскольку акция проводилась в глубокой тайне, то на непосвященных должна была производить впечатление спонтанного, неожиданного поворота событий.

Это была своего рода диверсия, направленная против Османской империи, и, так как Россия была в состоянии войны с Турцией, то Екатерина считала себя свободной от каких-либо правовых и нравственных норм, ее ограничивавших: «Мы, будучи в открытой войне со врагом имени Христианского, можем не зазорно все способы употреблять на вред ему...» — писала она в инструкции Тонусу¹. И хотя Екатерина придавала большое значение этой диверсии («Прося Бога всемогущаго, да охранит он вас от всякого злоклучения, — говорилось в той же инструкции, — удостоверяем вас, что исполнением сего, оказуемая знаменитая Нам заслуга не останется без отличнаго Монаршаго Нашего воздаяния»)², это был некий запасной вариант действий России в Средиземноморье, иными словами политическая игра, а не стратегическая линия.

Барон Конрад (в русифицированном варианте Кондратей) фон Тонус был австрийцем по национальности («цесарской нации», согласно формулярному списку), имел в 1782 г. тридцать два года от рождения (следова-

---

¹ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Д. 980. Л. 6.

² Там же. Л. 5об.

тельно родился в 1750 г.). За два года до этого, т.е. в марте 1780 г., будучи премьер-майором польской королевской службы, он был принят в том же чине сверх комплекта в Ямбургский карабинерный полк; точнее сказать, Тонус был приписан к полку, ибо в нем он больше числился в увольнениях, пребывая при генерал-фельдмаршале графе Захаре Григорьевиче Чернышеве «в Москве для его надобности» и выполняя, по-видимому, какие-то специальные поручения, о содержании которых не упоминалось³. Вообще личность Тонуса как бы окутана тайной: в Коллегии иностранных дел, где он прослужил пять с половиной лет, никакого личного дела Тонуса обнаружить не удалось, в росписи консулов за 1788 г. за его именем лишь упомянуто: «употреблен в секретную посылку в Египет»⁴.

1 марта 1783 г. Конрад Тонус был из полка «уволен по соизволению ЕИВ в чужие края», т.е. состоялось его назначение генеральным консулом в Александрию, надо полагать, по достаточно высокой протекции. По-видимому, Тонус был замечен своей ревностью к службе и личными качествами, блестяще проявившимися позже в Египте, — политической проницательностью, но больше бесстрашием, с каким он отстаивал достоинство российского флага и интересы своего нового отечества. В Египет Тонус отбыл вместе со своей русской женой «Еленой Андреевою дочерью и бывшими при нем в служении иностранцами Иоганом Цинендариусом и его женою, да Антоном Вирилем»⁵. Это все, чем он располагал в России. Тонус не имел ни поместья, ни крепостных, судя по тому, что перед своей секретной посылкой в Египет он просил императрицу в случае его гибели позаботиться о его семье — жене и трех малютках («des trois enfans tres jeunes»), для кого он — единственный кормилец, и предоставить им «кусоч земли, где бы жена могла найти пристанище и дать детям достойное воспитание»⁶,

Характер поведения Тонуса в Египте, да и то обстоятельство, что к тридцати четырем годам жизни он, по крайней мере, дважды сменил службу и подданство наводят на мысль о том, что барон Тонус был не лишен авантюристических наклонностей, ценившихся восемнадцатым веком. Быть может, русская служба привлекала его тем, что политика Екатерины II и ее окружения временами оказывалась на грани авантюризма, что импонировало этим наклонностям Конрада Тонуса. К тому же людям деятельным и отважным было легче пробиться на российской службе в екатерининскую пору.

В первые три года пребывания в Александрии российский генеральный консул приобрел авторитет среди европейских консулов и установил, по его словам, «особо интимные» (*plus intimes*) связи с находившимися у власти Ибрахим-беем (1735–1816) и Мурад-беем (1750–1801), в прошлом мамлюками Мухаммеда Абу-з-Захаба, грузином и абхазцем по происхождению, чья слишком самостоятельная политическая позиция внушала Порте серьезное беспокойство.

³ Список военному департаменту и находящимся в штате при войске в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам. СПб., 1784. С. 763; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2087. Л. 329об.–330. Некоторые дополнительные подробности о Тонусе и его миссии см.: Смелянская И.М. О политике Екатерины II в Средиземноморье и первых российско-арабских политических контактах // *Анналы. Ин-т востоковедения РАН. Вып. V – VI. М., 1997. С. 5 – 36.*

⁴ АВПРИ. Ф. 89/8. Ед. хр. 2060. Л. 119об.

⁵ АВПРИ. Ф. 2: Внутренние коллежские дела. Оп. 6. Д. 7251. № 501. Л. 394.

⁶ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 977. Л. 110б.

Опасаясь повторения событий Первой русско-турецкой войны и отложения Египта от империи, Порты в преддверии новой войны направила в страну флот во главе с капудан-пашой Хасаном, поддержанный сухопутным войском со стороны Сирии под командованием Абди-паши. Целью этой экспедиции было устранение Ибрахим- и Мурад-беев и возвращение к власти в Египте их противника Исмаил-паши (ум. 1791), в прошлом хушдаша Али-бея, а в 1770-х гг. приверженца Мухаммеда Абу-з-Захаба. Экспедиция готовилась в тайне, однако российский посланник в Константинополе Я.И. Булгаков сумел через Тонуса заранее поставить в известность беев о готовящейся против них операции⁷. Согласно сообщению египетского историка Джабарти, беи не придали значения информации и не подготовились к отпору. По прибытии турецкого флота они оказались и во внешнеполитической изоляции: консулы европейских держав поддержали акцию капудан-паши. На стороне опальных беев оказался один Тонус, тем не менее, свою задачу он выполнил весьма успешно.

Беи обратились к Тонусу с письменной просьбой выступить посредником в разрешении конфликта. Хасан-паша отверг всякое посредничество: он требовал головы слушников. Тогда Тонус, по его словам, стал советником беев, руководившим их действиями. Так, он предложил им не принимать генерального сражения, а отступить со своими сторонниками в Верхний Египет и оттуда атаками изматывать турецкие войска, не привыкшие к африканскому климату. Между беями и Тонусом была установлена секретная связь. Тактика беев себя оправдала, и Хасан-паша в условиях надвигавшейся войны с Россией и необходимости скорого отъезда в столицу был вынужден предложить им мирные условия.

И тогда «12 февраля прошедшего года, — писал 5 ноября 1787 г. Конрад Тонус в своей докладной записке, — прибыл мамлюк от Ибрахима и Мурата беев (поскольку Хасан-паша установил наблюдение за Тонусом, то, чтобы не вызывать подозрений, встречи обычно происходили в одном из пригородов Александрии, где Тонус имел обыкновение совершать ежедневные прогулки; мамлюк, владевший русским языком, появлялся в простонародной арабской одежде. — *Авт.*), он мне сообщил, что его господа просят меня прибыть в Саид (Верхний Египет), чтобы сообщить мне о своих намерениях. Я был очень удивлен их просьбой. Но они так настаивали, что я, пустив по Александрии слух, что отправляюсь осмотреть античный храм Юпитера Аммона, оделся в арабскую одежду и 20 февраля выехал. Через восемь дней езды по пустыне я встретил отряд из тысячи мамлюков, Мурата и Ибрахима, так же как Касим-бея, кто благодаря знанию русского языка служил мне переводчиком и через кого они мне сообщили, что капитан-паша сделал им мирные предложения с условием, что они отправятся в Каир, чтобы обсудить их лично с ним. Они же, будучи добрыми и верными союзниками России, просили меня сообщить им действительно мои суждения на этот счет»⁸.

В этой весьма рискованной встрече коренится завязка интриги.

На просьбу беев российский генеральный консул дипломатично ответил, что он не уполномочен своим Двором вмешиваться в их дела, но поскольку его собеседники столь к нему добры, он, со своей стороны, хотел бы дать им советы,

⁷ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / Пер., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1978. С. 267.

⁸ АВПРИ. Ф. 89/8. Ед. хр. 977. Л. 2об. Делеша составлена по-французски.

которые могли быть им полезны. В частности, Тонус не рекомендовал беям ехать в Каир, но укрепиться в Эсне, расположенной на границе Верхнего и Нижнего Египта, что заставит капудан-пашу прислать к ним уполномоченных для обсуждения условий замирения. Образ действия, предложенный Тонусом, позволил беям достичь уступок со стороны капудан-паши.

Свои услуги Тонус оговорил предоставлением льгот российскому импорту в Египет, при условии, если беи вновь утвердятся в Каире, и их обещанием в случае необходимости удовлетворить просьбу Тонуса касательно российских дел.

«На следующий день, получив заверения в вечной ко мне дружбе и постоянном их пребывании верными союзниками Нашего Двора, я отбыл в Александрию»⁹.

Возникает резонный вопрос: неужели столь опасная и трудная поездка могла быть предпринята ради обмена любезностями и советов по поводу дел, которые беи могли решить без чьего-либо вмешательства?

Как известно, восемнадцатый век весьма щепетильно относился к фиксации секретов на бумаге. Екатерина II, сама участвовавшая в перлюстрации писем иностранных дипломатов, имела обыкновение проговаривать или устно передавать часть своих распоряжений, которые, в силу секретности или из-за нарушения принятых норм и законов, она желала не придавать огласке. А.Г. Орлов, как правило, в своих донесениях в Петербург не сообщал о договоренностях с арабскими правителями. Да и его известное письмо к Али-бею содержало лишь уверения в дружбе и сообщение о том, что доставивший послание Войнович уполномочен также и к «словесным изъяснениям» («тайным комиссиям», как писал сам Иван Войнович)¹⁰. Есть все основания полагать, что документы екатерининской эпохи — времени развитого делопроизводства не отражают ее политическую историю полностью, и историкам еще предстоит реконструировать многие события, утаенные их участниками. Это относится и к истории сношений с арабскими правителями, происходивших в глубокой тайне, ибо турки весьма болезненно переживали сообщения о русско-арабских контактах, но еще большее раздражение они вызывали у держав, заинтересованных в собственном проникновении в Сирию и Египет. Неслучайно поездка Тонуса в Египет в 1788 г. сохранялась в большом секрете прежде всего от европейских дипломатов и агентов.

Несомненно, на последней встрече в пустыне Тонуса с беями должны были обсуждаться вопросы русско-египетского взаимодействия в предстоящей войне. Исмаил-бей был, например, убежден, что «барон Тонус пред побегом своим из Александрии имел тайное сношение и согласие на дело противное Богу и Государю с Ибрагим и Мурат Беями и их сообщниками, подпавшими гневу Государя Нашего Султана за разврат и покушение их к измене»¹¹. Мы же думаем, что планируемые «разврат» и «измена» могли в беседах лишь дипломатично и тонко намечаться, чтобы не подвергать опасности и не связывать обязательствами участников встречи, тем более что разрешение российского посольства

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Письмо графа А.Г. Орлова к египетскому паше Али-бею // Русский архив. 1880. III. № 11. С. 345–346; РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 645. Л. 197об.

¹¹ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 2062. Л. 24. Перевод того времени письма Исмаил-бея адмиралу Грейгу, составленного по-арабски.

в Константинополе на подобную встречу Тонус не запрашивал. И все-таки из этих переговоров Тонус вынес представление о том, что беи желали иметь гарантию российского двора в том, что он предпримет все возможные демарши, чтобы освободить Египет от турецкого ярма; в частности, беи желали бы получить от России пушки и инструкторов-артиллеристов. В свою очередь Тонусу удалось убедить беев во время войны не производить снабжение Стамбула рисом и кофе и предпринять (по примеру Али-бея) экспедицию в Сирию для того, чтобы помешать Порте получать оттуда помощь войсками. Тонус дал беям слово чести, что в случае блокады российским флотом берегов Османской империи египетские суда не будут задерживаться российскими кораблями до выяснения, будут ли обе стороны держаться вместе¹². Суровая блокада, установленная российским флотом во время Архипелагской экспедиции, оставила по себе память, и угроза вновь подвергнуть Восточное Средиземноморье аналогичной напасти стала своего рода козырем в российской политической игре. Одним словом, обсуждались вопросы, в которых, выражаясь словами Екатерины II, беев «прямая надобность с пользою Нашею соединенная быть может»¹³.

По возвращении в Александрию Тонус получил замечание от российского посольства в Константинополе в связи с жалобой на него капудан-паши и подвергся домашнему аресту со стороны турецких властей. К этому времени в Египет пришло известие об открытии войны с Россией. В числе турецких претензий, которые не удовлетворила Россия и что стало предлогом для объявления Турцией войны России, было требование турок об отзыве генерального консула из Александрии¹⁴. Капудан-паша, не без основания испытывавший неприязнь к российскому генеральному консулу, объявил о своем намерении увезти Тонуса в Стамбул вопреки международной практике. И теперь Тонусу представилась возможность апробировать прочность договоренностей с беями: он обратился к ним с просьбой о покровительстве. Беи имели встречу с капудан-пашой и выговорили Тонусу право отбыть в Европу в течение 24 часов на европейском судне. Тонус уже был готов к отъезду: он успел сжечь все бумаги, которые, как он писал, «могли указывать на мой стговор с беями»¹⁵.

Перед отбытием из Египта Тонус получил ценные дары от беев, подтверждавшие их приверженность России, сопровождавшиеся словами о том, что тотчас после отъезда капудан-паши из Египта Тонус волен вернуться назад (*j'etoit le Maitre de venir en Egypt*) и что в любом случае беи найдут способ доставить ему письма. Со своими египетскими агентами Тонус условился именоваться в письмах Петром Лорманом¹⁶. Все правила секретности, таким образом, были соблюдены.

Быть может, самым удивительным в пространной докладной записке Тонуса было то обстоятельство, что он не сомневался, что, действуя столь самостоятельно и решительно, он не превышал данные ему полномочия. Надо полагать, при отправлении его в Египет он эти полномочия («полную мочь», как писала Екате-

¹² Там же, Д. 977. Л. 10–12. См. также: Д. 980. Л. 4–4об.

¹³ Там же. Д. 980 Л. 2об.

¹⁴ Соловьев С.М. Учебная книга русской истории // Сочинения в 18 кн. Кн. XVIII. С. 458.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 977. Л. 3об.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 48/2: Сношения России с Генуей. Д. 48. Л. 2, 10 и др.

рина) получил в «словесных изъяснениях» (пользуясь выражением А.Г. Орлова). В официальной инструкции, естественно, о подобной политической миссии речи идти не могло. Впрочем, в обращении к И.А. Остерману Тонус оговаривается, что не имел приказаний действовать таким образом, однако он уверен, что вправе «в интересах Нашей Родины причинить туркам невозможное зло, не компрометируя Наш Высочайший Двор» — и эта фраза звучит точно указание, полученное из высших уст, освобождающее его от всяких обвинений.

Итак, Конрад Тонус отплыл в Европу и по прибытии в Ливорно 15 ноября 1787 г. направил в Коллегию иностранных дел докладную записку, которой предпослал краткое обращение к И.А. Остерману с изложением пока еще в самых общих чертах своего плана отторжения Египта от Турции. Это обращение наводит на мысль о том, что между бароном Тонусом и графом Остерманом существовали неофициально доверительные отношения. Тонус писал:

«Excellence, доброта, которую Вы проявляли ко мне, и покровительство, которым Вы неоднократно сообразовали меня удостоить, поощрили меня к тому, чтобы представить на усмотрение Вашей Светлости мои идеи и мой, ниже прилагаемый Императорской Коллегии отчет, из которого Вы увидите мой образ действий в Египте и убедитесь, что я отбыл оттуда со всеми знаками почета, причитающимися моей персоне.

Я не опасаясь более стараться излишне расположить в свою пользу, потому что мой Враг Капудан-паша, кому я причинил всевозможное зло, и кто должен теперь покинуть Александрию с 18 военными кораблями, 30 малыми судами идриотов и 20000 коней, потерпел неудачу во всех своих предприятиях и вынужден заключить мир, наиболее постыдный для Порты. Правда, я не имел приказаний действовать таким образом, но я полагал, что в интересах Нашего Отечества причинить всевозможное зло Туркам, не компрометируя Наш Высокий Двор. Я скажу более, только от Нас зависит, чтобы Египет стал независимой провинцией. Наибольшая часть Беев и Мамлюков — все русские подданные и Ибрахим родом из Тифлиса.

Александрия — лучший порт, какой существует на Средиземном море, где наши корабли были бы приняты с распростертыми объятиями. Ибо невозможно описать вражду, которая царит в настоящее время в Египте к туркам.

Что касается меня, то я готов отправиться в Александрию, если Ваша Светлость решит, что это своевременно и признает меня для такой экспедиции способным. Желание, которое я имею — расположить в свою пользу и приобрести Знак Награждения — в конечном счете, мною движет, чтобы быть полезным моему Отечеству. Я жду ваших распоряжений с полнейшей покорностью.

Имею честь пребывать в почтении Вашей Светлости покорнейший и послушнейший слуга Конрад Тонус»¹⁷.

Иными словами, Конрад Тонус был убежден, что своей тайной политикой он способствовал неудачам экспедиции Хасан-паши. (Впрочем, Тонус переоценивает и сами неудачи, поскольку паше все-таки удалось предотвратить возвращение Ибрахим- и Мурад-беев к власти на период русско-турецкой войны и обезопасить Порту от попытки египетских мамлюков отложиться от Османской импе-

¹⁷ АВПРИ. Д. 89/8. Д. 977. Л. 1 (текст на французском языке).

рии.) Тонус полагал, что одно этническое происхождение мамлюков превращает их в потенциальных союзников России («приятелей», как тогда говорили) и позволяет ей решить судьбу Египта, арабское население которого вообще российским генеральным консулом в расчет не принималось. Но последующие события показали, что Тонус преувеличил антитурецкие настроения и прорусские склонности мамлюков. Между тем как они исходили в своих симпатиях и антипатиях прежде всего из учета тех реальных политических сил, которые могли бы обеспечить им, неегиптянам по происхождению, положение правящего класса в Египте. По-видимому, благополучный переезд в Италию и последний обмен посланиями с беями породили в сознании Тонуса своего рода эйфорию (сродни той, какую пережил А. Орлов в отношении перспектив сотрудничества с греками), и ею можно объяснить его более эмоциональное, нежели логическое обоснование своего проекта. За этим документом последовали следующие, развивающие идею Тонуса. К сожалению, в фонде архива не сохранился второй рапорт консула из Италии, в котором он обстоятельно изложил свои мысли.

Едва истек месяц, время, за которое обычный курьер доставлял корреспонденцию из Ливорно в Петербург, как И.А. Остерман направил Тонусу ответ, в котором извещал, что Ея Императорским Величеством с удовлетворением прочтен рапорт и высказано пожелание как можно скорее ему, Тонусу, прибыть в Санкт-Петербург. Надо полагать, что Екатерина II заинтересовалась прежде всего обстоятельным описанием Тонусом политической обстановки в Египте. Своим политическим чутьем она ощутила возможность предпринять «диверсию» в новом «наичувствительнейшем месте» Османской империи (в непрременном успехе этой диверсии она, впрочем, не была убеждена, о чем свидетельствует соответствующий раздел ее инструкции адмиралу Грейгу).

От себя главноначальствующий Коллегии дружески добавлял: «Ваше рвение к службе Вас обязывает проявить всю находчивость, а это уже зависит от Вас»¹⁸. 6 декабря донесение Тонуса было оглашено в Совете при Высочайшем Дворе.

Находчивостью Конрад Тонус обладал в избытке и по прибытии в северную столицу развил в своих докладных записках («Мемуарах») военно-политическое обоснование своего плана. Впрочем, к тому времени и без этого обоснования Екатерина II уже распорядилась приступить к подготовке экспедиции Тонуса¹⁹.

В Мемуарах Тонус повторил свой тезис о том, что турецкий гнет и экспедиция капудан-паши вызвали среди беев и рядовых мамлюков такую вражду к туркам, что ее и описать невозможно. Поэтому, продолжал он, нынешняя ситуация бесконечно более благоприятна России, чем во времена Али-бея, и умы более настроены к восстанию, чем тогда (по-видимому, не прошел даром опыт Первой русско-турецкой войны). Тем более, полагал Тонус, что, едва Порта объявила войну России, как беи и мамлюки открыто заговорили и казались даже убежденными в том, что именно Россия воспользуется этим обстоятельством, чтобы покровительствовать и благоприятствовать им. Тонус убежден, что только наш Высочайший Двор может превратить Египет «в независимую провинцию», и не-

¹⁸ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 978. Л. 1.

¹⁹ Там же. И.А. Остерман в упомянутом письме к Тонусу от 7 ноября 1787 г. сообщил о том, что граф Мочениго, полномочный министр России во Флоренции, уже получил необходимые распоряжения относительно экспедиции Тонуса.

обходимы лишь малейшие усилия, чтобы эта богатейшая турецкая область стала свободной от турок. А это нанесло бы страшный удар по Османской империи, поскольку Египет кормит турецкую армию. К тому же Египет располагает удобными портами (далее следовала подробная характеристика их преимуществ и недостатков, как и описание их укреплений), кроме того, Египет способен поставлять нашему флоту рис и мясо и т.п. Тонус полагал, что его «особо интимные» отношения с бейями создали условия для осуществления им экспедиции. И он просил, чтобы ему дали полномочия помогать бейям не только советами, но и личным содействием, если обстоятельства потребуют²⁰. 7, 10 и 17 февраля 1788 г. в Совете при Высочайшем Дворе происходило обсуждение этих записок и вопросов, связанных с направлением Тонуса в Египет, что свидетельствовало о значении, придаваемом миссии Тонуса правительственными кругами.

Однако и в своих записках Тонус не излагает содержания договоренностей с бейями (кроме упоминания об обещании беев не поставлять Турции рис и кофе и организовать вторжение в Сирию), как не раскрывает плана действий. По-видимому, этот план обсуждался без фиксации на бумаге при встречах с И.А. Остерманом, адмиралом С.К. Грейгом, назначенным командующим эскадрой, направляемой в Средиземное море, и, надо думать, на приеме у императрицы.

Сценарий действий Тонуса в Египте, пожалуй, вырисовывается в самых общих чертах из текста именного «Проекта секретного наказа Генеральному консулу»²¹. Его автором, несомненно, была Екатерина II:

«Приняв заблаго все сведения вами поданные о нынешнем состоянии Египта, расположениях Беев тамошних, и о средствах употребить оные на пользу НАШУ как в настоящей войне, так и на будущее время, и удостоя особливаго благоволения НАШЕГО усердие, с каковым приемлете вы на себя поездку в помянутую землю, преподаем вам сим следующие наставления.

1-е. Какую вам для сей поездки избрать дорогу, чрез Триест ли и Рагузу и оттуда на наемном судне под купеческим видом, или же чрез Италию, МЫ то оставляем на лучшее ваше усмотрение, подтверждая одно только в осторожность вашу, что в обоих случаях нужно сохранение тайны до такой степени, чтоб никто отнюдь и догадываться не мог о предмете вашего отсюда отъезда, чего ради вы здесь и скажете, что вы едете к своему семейству²², и там будете ожидать или прибытия флота, или употребления к какому либо празднему месту для вас сходственному.

2-е. Министру НАШЕМУ во Флоренции Графу Моцениго дан будет НАШ Секретный указ об отдаче в ваше распоряжение корсера им вооруженнаго, которого вы для пользы службы НАШЕЙ в деле вам порученном употребите, предъосте-

²⁰ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 977. Л. 10–13.

²¹ По-видимому, единственным документом из числа тех бумаг, которыми был снабжен подполковник Тонус перед отбытием в Египет и который сохранился в архиве, является «Проект Секретного наказа Генеральному консулу Барону Тонусу». Документ переписан хорошим писцовым почерком и никаких помет на полях и по тексту не имеет. При неустановившихся правилах орфографии в тексте одни и те же слова нередко пишутся по-разному. Документ вложен в двойной лист с надписью: «Expedition. IV. Consulats Alexandrie. Rescrits. L'Instructions Tonus (Conrad)» и изложен на листах 1–6 с оборотами (АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 980).

²² Жена К. Тонуса Елена Андреевна с тремя маленькими детьми оставалась в Италии. Тонуса весьма заботила судьба его семьи, и, как упоминалось, перед отъездом из Петербурга он обратился к императрице с просьбой в случае его гибели проявить заботу о его семье

регаясь, чтоб от сего судна не произошло чего либо противного интересам НАШИМ, или же системе нейтральной НАМИ в разсуждении народов, в войне неучаствующих однажды на всегда признанной²³.

3-е. При отбытии вашем отсюда надлежит вам взять от адмирала Грейга отверстное приказание в двойне к начальникам Арматорских НАШИХ судов, в котором сказано былобы просто, чтоб до будущего там от НАС приказания различали они флаг торговой Египетской от флага Турецкаго, и к судам под Египетским купеческим флагом плывущим неприкасались, поступаая с ними как с судами нейтральными. Одно из сих приказаний вы можете взять с собою для объявления тем Арматорам кои с вами сойдутся, а другое отдать на руки Графу Моцениго, дабы он Секретным образом мог то доставить прочим Арматорам.

4-е. Дабы со стороны Беев Египетсих нашли вы полную доверенность при известном добром их к вам расположении, снабдили МЫ вас первое, Грамотою НАШЕЮ к ним, и второе, полною мочью, по которой вы можете с ними подробно изъясниться, и узнав в чем им прямая надобность с пользою НАШЕЮ соединенная быть может, зделали с ними предварительныя условия, сперва под апробациею адмирала Грейга, а потом уже НАША ратификация последует.

5-е. Сверх уверений, содержащихся в грамоте НАШЕЙ к Беям, вы присовокупите на словах, колико воздаем МЫ справедливость усердию их ко благу края под управлением их пребывающаго, и к освобождению их от ига Турецкаго, и сколь приятно НАМ будет видеть их изторгнутым из под обладания посторонняго, пользующихся независимостию и безопасностию; что время теперь к тому самое способное, которое упустя нельзя уже будет найти подобнаго. Неприятель НАШ занят войною против НАС и союзника нашего Императора Римскаго²⁴. Сверх многочисленных сухопутных Армий, разделяющих все силы его от гор Кавказских до Адриатического моря, и сверх флота на Черном море ему грозящаго, флот НАШ в Средиземное море сею же весною посылаемый с немалым числом сухопутнаго войска уже столько его озаботит, что не будет он в состоянии отделить чтолибо для новаго угнетения и опустошения Египта. Впрочем, главнокомандующий флотом НАШИМ, как скоро получит известие, что Беи решились объявить себя независимыми от Порты и друзьями России, да и зделают с вами предварительныя условия, неприминет подать им всевозможную помощь, которая по мере благословения Божия, на оружие НАШЕ ниспосылаемаго, и вяще усилена будет.

6. Когда вы увидите решимость Беев приступить к делу, то и заключите с ними конвенцию в словах общих и ясных о признании ими себя независимыми, и как выше сказано приятелями России, о неспособности неприятелю НАШЕМУ ни каким образом, о доставлении флоту НАШЕМУ съестных припасов, кофею и других

²³ Речь идет о декларации Екатерины II от 28.II.1780 г. о вооруженном морском нейтралитете, провозгласившей свободу торговли нейтральных государств с воюющими державами, уточнившей понятие военной контрабанды, блокады и т.п. К декларации присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Королевство Обеих Сицилий, Франция и ряд других государств. Англия не приняла принципов декларации.

²⁴ Имеется в виду глава австрийской Габсбургской династии Иосиф II, носивший титул императора Священной Римской империи. Австрия вступила в войну с Османской империей 9 февраля 1788 г., выполняя союзные обязательства перед Россией. Союзный русско-австрийский договор был подписан 18 мая 1781 г., его секретная статья предусматривала совместные военные действия в случае объявления войны Турцией.

надобностей, разумея за цены и платеж по добровольным договорам, о выгодах торговых НАШИХ поданных, стараяся, чтоб они по крайней мере были те же самые, кои они единожды уже постановили в конвенции их, с Франциею заключенной²⁵, и коей список при сем прилагается, покуда с признанием их независимости и с окончанием войны яснее все то определить можно, и о средствах кои они предполагают к нанесению общему НАШЕМУ неприятелю вреда и к отъятию способов утеснять или же паки поработить их.

7-Е. При сем случае вы можете им уже сказать, что зная недостаток их в артиллерии, отправили МЫ на флоте НАШЕМ несколько орудий медных им в подарок с довольным числом зарядов, кои желаем чтоб послужили к их пользе и защите. Адмирал Грейг оные им доставит по сношению вашему, а при том естьли нужно показать и употребление их, он снабдит несколько переодетыми искусными людьми.

8-Е. Вам надобно всемерно стараться уговорить их, чтоб по прибытии НАШЕГО флота в Средиземное море не остались они при одних только на словах или на письме условиях о их независимости; но чтоб для вящего оной утверждения обратили оружие к Сирии, где будут стараться со стороны морской подать от НАШИХ судов помощь в очищении берегов; о чем Адмиралу Грейгу предпишем подробнее, а вы старайтесь с ним содержать переписку или по крайней мере сношение способами по лучшему вашему усмотрению.

9. Удостоверившись в расположениях Беев и в их готовности на предложения выше означенныя, вы им объявите, что МЫ теперьже приказали военным и арматерским судам НАШИМ неприкасаться купеческому Египетскому флагу, трактуя их не яко подданных неприятеля НАШЕГО, но яко благоприященный народ, до тех пор покуда не увидим со стороны их противных и неприятных поступков и приверженности к туркам.

10. Возвращение ваше оттуда слагаем МЫ на ваше усмотрение в Италию ли или же к Адмиралу Грейгу прямо вы разсудите за благо отправиться; а между тем старайтесь отправлять побольше Сарацинского пшена²⁶ и прочих съестных припасов ко флоту НАШЕМУ, до прибытия же его в Сицилию к Бригадиру Псаро²⁷, на котораго попечение в заготовлениях возложено. Прося Бога всемогущаго да охранит он вас от всякаго злключения, удостоверяем вас что исполнением сего, оказуемая знаменитая НАМ заслуга неостанется без отличнаго Монаршаго Нашего воздаяния.

11-Е. Во время сей поездки и до определения к инному месту, будете вы пользоваться содержанием по прежнему Консульскому званию вам определенным. Сверх того буде имеете надобность употребить где либо в посылку из находившихся при вас людей, оставляется то на вашу волю, подтверждая только вам о сохранении всевозможной осторожности в переписке, пересылках и пребывании ваших; ибо хотя МЫ будучи в открытой войне со врагом имени Христианскаго можем

²⁵ О торговом договоре, заключенном между Францией и египетскими бееми, сообщал в 1785 г. К.Тонус, переславший текст соглашения в Петербург. Согласно этому документу Франция приобрела весьма благоприятные условия для своей торговли через Красное море.

²⁶ Сарацинское пшено — (др.-русс.) рис.

²⁷ В ноябре 1787 г. в ходе Второй русско-турецкой войны А.Псаро было поручено заняться заготовлением в Италии и Сицилии продовольствия для российского флота, назначенного осуществлять военные действия в Средиземном море.

не зазорно все способы употреблять на вред ему: но прискорбно НАМ было бы, если бы вы навлекли на себя какое либо бедствие.

В СПб. февр. 17 1788».

Итак, в этом наказе или инструкции Тонусу разрешалось самостоятельно избрать путь следования в Египет при условии обеспечения полной секретности его экспедиции. Ему вверялась монаршая грамота для вручения беям²⁸ и предоставлялись полномочия для ведения переговоров с беями. Ему следовало, уяснив «надобность» беев, составить предварительные условия договора, который вначале предстояло апробировать адмиралом Грейгом²⁹, а затем уже ратифицировать Екатерине. (Иными словами, отношения приобретали межгосударственный характер). Далее взамен неопределенных рассуждений о помощи беям в освобождении от турецкого гнета в Инструкции предлагалось определить будущий статус Египта в понятиях европейского международного права: Тонус должен был заключить «конвенцию»³⁰.

В этом пункте императрица вступала на проторенный ею же путь: она уже однажды добилась провозглашения независимости от Османской империи Крыма, который спустя несколько лет был аннексирован Россией. Но в этот момент в отношении Египта для Екатерины были важны ближние планы, их она и развивала в инструкции далее: конвенция должна была содержать пункты о «непособии неприятелю НАШЕМУ ни каким образом», о поставке российскому флоту съестных припасов, «разумея за цены и платеж по добровольным договорам», об условиях российской торговли с Египтом, не уступающих французским, «о средствах, кои они предполагают к нанесению общему НАШЕМУ неприятелю вреда и к отъятию способов утеснять или паки поработить их»³¹.

Для того, чтобы усилить египетские средства нанесения вреда «общему неприятелю», предполагалось передать Египту в подарок несколько медных пушек «с довольным числом зарядов» и в качестве инструкторов «переодетых (в одежду египетских воинов. — Авт.) искусных людей».

²⁸ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 980.

²⁹ В проекте рескрипта к адмиралу Грейгу от 5 июня 1788 г. с пометками Екатерины II (см.: АВПРИ. Ф. 89/8. Ед. хр. 2058. Л. 4–57) на листах 37–38 говорится: «Независимо от сих посылок отправлен бывший в Египте генеральным консулом подполковник Барон Тонус к беям тамошним с грамотою НАШЕЮ и с наставлением каким образом ободрить их на свержение с себя ига Турецкаго и какие с ними сделать условия о действиях их к обороне собственной и о пособии в чем оно с НАШЕЙ стороны подано им быть может. Подробности сего наставления вам известны; в следствие сего вы во время прохождения вашего в близости Египетских берегов, есть ли встретите удобность и удостоверитесь в добром и верном к нам расположении помянутых беев можете, учиня отряд из фрегатов или и других судов, покрыть подъятие ими оружия, очищая берега, и облегчая обращение их к Сирии: а как они по объявлению Барона Тонуса главный недостаток имеют в пушках; то вы из запасных можете им уделить несколько с полным числом снарядов, условясь где они по лучшей для вас удобности их примут; при чем на усмотрение ваше слагаем, буде нужно признаете, показать им употребление сих орудий посредством небольшого числа переодетых людей то знающих.

Как скоро вы удостоверитесь, что беи Египетские НАШУ сторону приняли и доброхотство их поднятием оружия и присылкою съестных припасов, за кои всегда им по договору платить должно, докажут, то и дайте строжайшие предписания всем военных судов начальникам и арматорам российским, различать торговый Египетской флаг от Турецкаго, и к судам под оным плывущим не прикасаться, трактуя их яко нейтральные и дружественныя».

³⁰ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 980. Л. 30б.

³¹ Там же. Л. 4.

Особым пунктом был выделен вопрос о Сирии: «Вам надобно всемерно стараться уговорить их, — говорилось в секретном наказе, — чтоб по прибытии НАШЕГО флота в Средиземное море не остались они при одних только на словах или на письме условиях о их независимости; но чтоб для вящего оной утверждения обратили оружие к Сирии, где будут стараться со стороны морской подать от НАШИХ судов помощь в очищении берегов»³². (Как видим, для этих планов была бы важна связь с эмиром Юсуфом и, как сигнал его готовности к взаимодействию письмо, переданное им Ш. Ферриери.) Таким образом, сценарий интриги строился с учетом опыта российских операций у берегов Сирии в предшествующую войну.

В качестве компенсации за согласие беев на российские предложения объявлялось: «Мы теперь же (однако приказ об этом уже последовал. — *Авт.*) приказали военным и арматерским (речь идет о корсарах, вставших под российские знамена. — *Авт.*) судам НАШИМ не прикасаться купеческому Египетскому флагу, трактуя их не яко подданных неприятеля НАШЕГО, но яко благоприященный народ, до тех пор покуда не увидим со стороны их противных и неприятных поступков и приверженности к туркам»³³.

Сколько-нибудь определенных дальних планов в отношении Египта императрица, по-видимому, не имела. Она не собиралась его аннексировать (напомним, что еще А.Г. Орлов говорил о том, что сделать территориальные приобретения в Средиземном море российскому флоту большого труда не стоит, но сохранять там свое господство будет хлопотно и дорого). Российские торговля и промышленность были просто не в состоянии экономически освоить Египет. В имперской колониальной политике Екатерина ограничивалась распространением своего влияния и господства на соседние территории, не помышляя о заморских колониях. Однако извлечь политические дивиденды из реализации своей египетской акции она бы не отказалась³⁴.

Предполагалось, что Тонус останется в Египте, чтобы, как он просил, не только советовать, но и участвовать в египетских событиях. Екатерина же его обязывала немедленно заняться поставками египетского риса для российской эскадры.

Так был составлен окончательно сценарий крупной политической интриги Екатерины II в Египте. Теперь Конраду Тонусу предстояло его осуществлять. Ему предписывалось ради сохранения тайны сообщать всем в Петербурге, что он отправляется к семье в Италию.

Ранней весной 1788 г. барон Тонус отбыл из Петербурга. Он избрал путь через о. Зант в Адриатике, где зафрахтовал судно мальтийского «корсера», и на исходе июля месяца судно с Тонусом на борту под российским флагом отплыло в неизвестном направлении. С этого момента все следы Тонуса теряются на долгие месяцы, хотя по каналам дипломатической связи ведется усиленный его поиск, побуждаемый запросами из Петербурга.

³² Там же. Л. 4об.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ В ноябре 1787 г. императрица высказала в письме к Г.А. Потемкину свои соображения по поводу привлечения Франции к российским средиземноморским операциям, при этом заметив: «За сию услугу и заслужа грехи, французам бы дать можно участие в Египте» (Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 251).

Первые известия о Тонусе пришли из Александрии только в ноябре в Геную российскому поверенному в делах А. Лизакевичу, которому было поручено осуществлять связь с Тонусом. Однако саму связь удалось установить только год спустя, когда Лизакевич получил письмо, шедшее сложным путем ради конспирации от некоего Карло Фантоцци. Через этого своего корреспондента Лизакевич предлагал Коллегии иностранных дел «если за благо разсуждено будет дать какое либо наставление Господину Барону Тонусу, то... верно и исправно можно будет оное до руки его доставить»³⁵. В феврале 1789 г. сведения о Тонусе дошли до российского вице-консула на о. Зант Загурийского, текст донесения которого опубликовал П. Перминов (Стегний)³⁶.

Карло Фантоцци сообщил, как мне представляется, наиболее достоверную информацию о том, что случилось с Тонусом по его прибытии в Египет. «В последних числах августа месяца прошлого года показался означенной Барон на дамиетской Реиде на фрегате под Российским флагом и под предводительством капитана Гульгельма состоящего, — говорилось в этом письме, — где стоял он на якоре несколько дней, потом отправился он не имея никакого сообщения с тамошними жителями». Дамиетту Тонус избрал потому, что там отсутствовали европейские консулы и купцы, следовательно, легче было сохранить в тайне его приезд. Между тем как доверенные лица ожидали его в Александрии: еще в октябре 1788 г. Лизакевич получил из Александрии письмо на имя Петра Лормана, в котором «приятель» Тонуса, заклиная его дружбою, просил, ради его же интересов, уведомить о времени своего прибытия в Александрию³⁷. Таким образом, с самого прибытия в Египет у Тонуса возникли некоторые затруднения в установлении контактов с его агентами. Впрочем, гораздо более существенным был просчет в прогнозировании ситуации в Египте — экспедиция капудан-паши обеспечила возможность протурецкой группировке беев удержаться у власти. Джихад, провозглашенный султаном с начала войны, оказал влияние на состояние умов и благоприятствовал консолидации значительной части мамлюков вокруг Исмаил-паши. Его противникам, Ибрахим- и Мурад-беям, пришлось снова уйти в Верхний Египет.

«1-го сентября того же году прибыл опять он в означенную Реиду, где и оставил запечатанные бумаги каирскому правительству, объявив чтоб оные как можно скорее оному доставлены были, а потом, отправясь в море, снова намеревался после 7 или 8 дней возвратится для узнания ответа». Метания Тонуса объясняет в письме к адмиралу Грейгу Абди-паша, назначенный турецким вали Египта (в тексте ошибочно «бей»): Тонус «искал везде по всей набережной стороне даже до Египта (здесь речь идет о Мысе — Каире. — *Авт.*) и Дамаска единомышленников к производству предприятия его в сходстве возложенной на него от владычицы его комиссии и уведав, что тех, коих он искал, нет более в Египте, обратился к Исмаил-бею»³⁸. Если Абди-паша сознательно не преувеличил размеров российско-арабского заговора, то немалый интерес вызывает его сообщение

³⁵ АВПРИ. Ф. 48/2. Д. 53. Л. 89.

³⁶ Перминов П. Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке // Азия и Африка сегодня. 1987. № 7–9.

³⁷ АВПРИ. Ф. 48/2. Д. 48. Л. 2об.

³⁸ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 2062. Л. 27.

о поисках Тонусом единомышленников в Дамаске. И здесь снова на ум приходит письмо эмира Юсуфа, застрявшее у Шарля Ферриери.

«11-го числа того же месяца прибыл опять он на означенную Реиду и сошед на берег получил ответы от начальника Исмаил-бея с одним из его офицеров, с которым, соединясь 15 числа, отправился по дороге, ведущей в Каир, — подолжал свой рассказ Фантоцци, — 17-го числа был встречен в Шубре, деревне в нескольких часах от Каира находящейся, вышеозначенным начальником Исмаил Беем и, имев с ним длинную конференцию, прибыл наконец, в Каир, где означенный Бей собрал великий совет. В сем совете означенный Барон Тонус публично обещевал реченному начальнику именем монархини своей много выгоды, буде Египет согласится иметь в настоящую войну союз с Россией. Мнения были разные, однакож, наконец, пашинская сторона возамела преимущество. Означенной Барон Тонус посажен был в крепость и немедля дано о нем знать в Константинополе. Барон же содержался под стражею до точного решения Порты, которая велела было прислать его туда на одной каравели, что послужило бы, может быть, к его гибели».

Встречу Тонуса с протурецки настроенными беями можно рассматривать как кульминационную точку развития интриги. События, связанные с этой встречей, столь драматически завершившейся для Конрада Тонуса, отразили столкновение интересов разных кругов мамлюкской верхушки и турецкой администрации, поэтому они по-разному интерпретируются в источниках и даже описаны в различных версиях. Очевидно, что встреча, а по словам Карло Фантоцци «длинная конференция», Тонуса с Исмаил-беем состоялась, и содержание их беседы в чем-то осталось тайной. Не случайно Абди-паша в уже упомянутом письме заметил: «сие есть то, что случилось, а что было втайне, то откроет время»³⁹. Время этого не открыло.

Мамлюкский диван, на котором было зачитано обращение Екатерины II⁴⁰, также состоялся на следующий день после встречи Тонуса с Исмаил-беем. Таким образом, требования Тонуса были удовлетворены: как писал Абди-паша, в письме, которое направил Тонус Исмаил-бею с борта фрегата, содержалась просьба, «чтоб помянутый Бей назначил место и повелел бы в оном быть собранию, где бы удобно было прочесть те бумаги которые имеет он при себе дабы узнали из того все о внутреннем намерении его владычицы». Однако остается неясным, держал ли Тонус сам речь перед мамлюками или к этому времени он был арестован и документы зачитывались в его отсутствие, а также какова была реакция мамлюков на эти бумаги. Очевидно одно — реакция была бурной: согласно Абди-паше,

³⁹ Там же. Л. 27об.–28.

⁴⁰ Текст обращения императрицы к мамлюкским беям, или монаршая грамота в АВПРИ обнаружена не была. Краткое ее изложение содержится в письме анонимного корреспондента Лизакевича: «По рассмотрении грамоты и другой от ЕИВ всероссийской к правительству каирскому и к началнику законов (муфтию? — *Авт.*), коими они приглашаются, сложив иго турецкое во время настоящей войны, объявить себя независимыми от Порты, тогда ЕВ обещает помогать им войском и военными орудиями, а при заключении мира изхodataйствовать им совершенную вольность и независимость, Измаил Бей непременно сообщить оные грамоты Порте» (АВПРИ. Ф. 48/2. Д. 48. Л. 77об.). В египетской интерпретации содержание этих документов передал ал-Джабарти, который более пространно изложил критику императрицей османской политики в Египте и ее освободительные призывы. В этом отношении Екатерина II хорошо поднаторела, сочиняя аналогичные призывы к христианским народам, страдающим от ига османского (см.: *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798). С. 268).

«произошло волнование даже до смертоубийства»; один из корреспондентов Лизакевича писал, что «большая часть членов онаго (дивана. — *Авт.*) хотели изрубить его в мелкие куски»⁴¹. Видимо, победа «пашинской стороны», о чем писал Фантоцци, далась туркам непросто.

Наконец, неясны обстоятельства ареста Тонуса. Исмаил-бей оправдывает арест тем, что слухи о его переговорах с Тонусом просочились в народ, возникли волнения, пришлось доложить турецкому паше и чтобы «зберечь его, для сего представя его визирю и отбрав у него бумаги писанные от владычицы вашей, самого его яко почтеннаго гостя оставили мы при себе». Но «поелику же разнесся о сем везде слух», пришлось об этом «удивления достойном приключении, произошедшем от непостижимых судеб Божиих» доложить в Порту⁴². Анонимный корреспондент Лизакевича полагает, что турки арестовали Тонуса по доносу Исмаил-паши, а Джабарти уверен, что между бейами и турецким пашой существовал «тайный уговор» и Тонуса просто ловко заманили в ловушку. Но мог ли Тонус столь просто стать жертвой козней своих противников?

Безусловно, Тонус отдавал отчет в том, какой опасности он себя подвергает. Однако обязательства, взятые им на себя перед императрицей, заставляли его использовать хотя бы малейший шанс на успех. Он надеялся (но и был одновременно жертвой своих иллюзий относительно готовности мамлюков восстать против турок), что сумеет переломить настроения сторонников Исмаил-бея. И кое в чем Тонус преуспел: не зря Абди-паша писал о тайне, которую откроет время, какие-то секретные соглашения на случай прибытия в Средиземное море российской эскадры у Тонуса с Исмаил-беем состоялись и, опасаясь, чтобы эти соглашения не стали известны туркам, бей отказался выдать Тонуса Порте. Кроме того, Тонус, по-видимому, полагал, что из Каира ему скорее удастся установить связь с Ибрахим- и Мурад-бейами, и в этом он также, кажется, добился успеха. Вот почему он не воспользовался предоставленными ему условиями для побега. В свою очередь, опальные беи предпринимали вооруженные действия для того, чтобы пробиться в Каир.

Тем не менее вернемся к письму Фантоцци: «Однако же беи начальники Египта будучи генерально все противны таковому повелению (отправке Тонуса в Стамбул. — *Авт.*), отвечали, что желают сохранить его на случай прибытия какой-либо Российской Эскадры; и, приняв истинное намерение освободить его из рук паши и из крепости, дали ему жилище в Доме Османа Кигая [Катходы] у одного из первых офицеров Беия, где и поныне он находится, будучи хорошо содержан, хорошо одет, имел лошадь и деньги, и будучи любим всеми бейами; он прогуливается по городу под присмотром двух стражей, приятели же его, или желаючи говорить с ним могут то чинить со всякою возможностью»⁴³.

Итак, Тонус встретил в Каире достойных партнеров своей политической игры: беи его рассматривали как заложника в целях оказания давления на командование флотом, сражающимся под российским флагом, дабы обезопасить свои суда от захвата⁴⁴, вместе с тем они видели в его лице возможного посредника в переговорах

⁴¹ АВПРИ. Ф. 48/2. Д. 48. Л. 78.

⁴² АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 2062. Л. 24–25.

⁴³ АВПРИ. Ф. 48/2. Д. 53. Л. 89.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 89/8. Д. 2062. Л. 25, 88. Письма Исмаил-бея и Абди-паши к адмиралу Грейгу имели своей целью поставить командование российским флотом об этом в известность. Однако сообще-

с российским правительством, когда прибытие в Средиземное море российской эскадры откроет для них перспективу совместных действий.

Летом 1788 г. все было готово к отправке эскадры: издан рескрипт о назначении Грейга командующим флотом в Средиземном море, даны полномочия Грейгу на заключение соглашений о союзе с христианскими народностями против турок, копии правил для арматоров, печатные экземпляры манифестов к христианским народностям Турции о помощи против турок, образец присяжного листа, списки награжденных вещей и медалей... Однако в действие вступила политическая интрига европейских держав, толкнувших Швецию на объявление войны России, и не успевший покинуть Балтийское море российский флот был вынужден защищать северные берега России. В октябре в ходе военной компании С.К. Грейг, сильно простудившись, скончался. Год спустя стало ясно, что средиземноморская экспедиция не состоится, Заборовский был отозван в Петербург и в Средиземноморье прекратилась подготовка к принятию российской эскадры. Это и решило дальнейшую судьбу Конрада Тонуса.

В середине ноября 1789 г. в Геную пришло печальное известие — 23 сентября Тонус был вновь заключен в крепость, а через четыре дня 27-го на тридцать девятом году жизни предан смерти, на следующий день он был погребен в церкви Св. Николая в Каире. Корреспонденты российского поверенного в делах в Генуе полагали, что поводом для казни могли стать известия о переписке Тонуса с беями Верхнего Египта и новое требование Порты о выдаче Тонуса. Политическая диверсия Екатерины II против Османской империи со стороны Египта не удалась, как и не удалось отторгнуть Египет от Турции ради провозглашения его независимости, естественно, под российским покровительством.

Когда в ноябре в Петербург пришло сообщение об «умерщвлении» в Каире барона Конрада Тонуса, Екатерина (по-видимому, с холодностью) заметила, что «никакой диверсии» он в Египте не сделал⁴⁵. Тем и завершилась политическая интрига, предпринятая императрицей в этой африканской стране⁴⁶.

ние было выдержано в канонах восточной дипломатии. Каждый из них по-своему сообщал, что, если в Египет дойдут известия о том, что последовали «от вас правоверным обиды или притеснения и узнают о том здешние подданные и духовенство, то ведайте, что примут тогда Барона яко преступника и он постраждет; в таком случае не можете вы сказать, что никто и ниже начальник Египетской нас о сем не предварил». Иными словами, оба сановника заранее снимали с себя ответственность за возможную гибель Тонуса.

⁴⁵ Памятные записки А.В. Храповицкого статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862 (репринт 1990). С. 213.

⁴⁶ После гибели К. Тонуса 8 апреля 1790 г. последовал именной указ Екатерины II о выдаче его вдове жалование покойного мужа за первую январскую треть года и сверх того императрица «всемилоостивейшее» пожаловала «сей вдове единовременно годовой оклад мужа», т.е. 3600 рублей (АВ-ПРИ. ф.: Внутренние коллежские дела. Оп. 6/2. 1790 г. Д. 1632. Л. 5-7).

ГРАФ И. Г. ЧЕРНЫШЕВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ КАРТ XVIII В. В СОБРАНИИ ГИМ

В.Э. Булатов

В Отделе картографии ГИМ хранится обширный корпус морских карт, относящихся ко времени царствования Екатерины II, значительная часть которых — русские рукописные карты, составленные либо копированные в чертежной Адмиралтейской коллегии. По значимости, как источник по истории русского флота для этого периода, коллекция ГИМ не уступает собранию архива ВМФ и превосходит прочие хранилища.

Часть коллекции существует в виде отдельных листов, поступивших в музей в начале XX в. Основная масса морских карт Адмиралтейской коллегии была передана в ГИМ в 1926 г. из Воскресенского Историко-художественного краеведческого музея, куда свозили культурно-исторические ценности, конфискованные после Революции на территории Московской губернии. Кроме отдельных листов, существуют и сборные атласы рукописных карт, сброшюрованные владельцами не позднее середины XIX в. Наиболее интересные из карт рассматриваемого типа собраны в сборный атлас рукописных карт XVIII в. под инвентарным № 1882.

При работе с картами сотрудники Отдела картографии обратили внимание на характерные рукописные пометы на обороте карт, сделанные почерком конца XVIII в. Как правило, кроме названия карты, в состав пометы входит одна из литер «А», «В», «С» и «D», номер, обычно затертый, и другой номер, написанный иным почерком. Подобные пометы имеются как на картах, существующих в виде отдельных листов, так и входящих в состав сборных атласов. Кроме того, атлас ГО-1882, ряд других сборных атласов и значительное количество отдельных карт имеют наклеенные на них каталожные карточки, которые, как удалось установить старшему научному сотруднику Отдела картографии ГИМ Е.Д. Маркиной¹, использовались в библиотеке А.Д. Черткова. Перечень карт, помещенных на форзаце атласа ГО-1882,

---

¹ *Маркина Е.Д.* Атрибуция картографических материалов Чертковской библиотеки, хранящихся в отделе картографии ГИМ // Труды ГИМ. Вып. 143. Забелинские научные чтения 2003 г.; Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2004. С. 146–160.

сделан той же рукой, что и записи на каталожных карточках. Все это позволило отнести разрозненные ранее предметы к одному комплексу, а именно к коллекции А.Д. Черткова.

Напрашивается вывод, что все карты с описанными выше пометами на обороте, в основном рукописные морские карты XVIII в., входят в состав единой коллекции, существовавшей уже на рубеже XVIII–XIX вв., причем часть этой коллекции находилась во владении А.Д. Черткова и была переплетена им. Эта коллекция не была частью собрания Адмиралтейской коллегии, так как рукописные пометы на составляющих ее картах носят иной характер. Однако собрать подобную коллекцию из морских карт, считавшихся в то время секретными, было крайне трудно, а для частного лица и невозможно.

Ключом к установлению имени собирателя служит имеющаяся на обороте нескольких карт надпись *Его сиятельства графа Чернышева*.

Действительно, граф Иван Григорьевич Чернышев в правление Екатерины II фактически руководил морским ведомством, и он не только имел доступ к секретным картам: существуют сведения о том, что он, действительно, обладал крупной коллекцией морских карт. Описание Петербурга И.Г. Георги содержит сведения о коллекции и библиотеке Чернышева, считавшейся одной из достопримечательностей города: § 860. *Кабинет Графа Ивана Григорьевича Чернышева занимает в доме его (§ 154) несколько комнат и содержит немалое число картин, эстампов, бюстов, статуй, морских карт, моделей корабельных, верфей, и пр. Сверх того монеты, физические и астрономические инструменты, вырезанные камни, и пр., также и знатную библиотеку*. В параграфе 154 говорится о доме графа как одном из знатнейших домов своего района: *Графа Чернышева на углу Мойки и Вознесенского проспекта, перед коим есть большой двор, а позади сад, подобный вышеупомянутым [садам графа Разумовского и князя Орлова]. Внутреннее расположение обоих ярусов сего дома весьма великолепно и с изящным вкусом, парадная лестница мраморная, уборы комнат лучшие и проч... Библиотека ... Графа Ивана Григорьевича Чернышева [названа третьей среди частных библиотек Санкт-Петербурга] ... суть достопамятна... Между частными собраниями эстампов особливо отличаются драгоценностию и достопамятностью собрания Графа Строганова и Графа Чернышева².*

Единственный законный сын Ивана Григорьевича — Григорий Иванович скончался в 1831 г., не оставив потомков мужского пола, которые могли бы наследовать майорат Чернышевых. Его движимое имущество и коллекции были разделены между дочерьми Елизаветой, Александрой, Верой, Натальей и Надеждой. Одна из них, Елизавета Григорьевна Чернышева, стала женой участника войны 1812 г., нумизмата, археолога и библиофила Александра Дмитриевича Черткова (1789–1858).

Родовым имением Чернышевых было село Ярополч (Ярополец) на реке Ламе. Дворцовое село Ярополч было в 1684 г. пожаловано Петру Дорофеевичу Дорошенко, от которого половина была унаследована Загряжскими, а другая продана в 1717 г. генерал-майору Григорию Петровичу Чернышеву. После него этой

² Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996 (репринт).

половиной села владели его дети: Петр, Захар и Иван и с 1791 г. графиня Анна Родионовна Чернышева³. После революции конфискованные в имении Ярополец культурные ценности были вывезены в Истринский музей.

Таким образом, есть все основания считать хранящуюся в ГИМ коллекцию рукописных морских карт конца XVIII в. коллекцией графа И.Г. Чернышева, разрозненной в начале XIX в. (так, что часть ее вместе с иным движимым имуществом перешла во владение Черткова, а другая продолжала храниться в Яропольце) и воссоединенной в начале XX в. в Государственном историческом музее. Однако объем ее нельзя считать твердо установленным, и в дальнейшем могут быть выявлены новые карты, имеющие аналогичные рукописные пометы.

Коллекция карт И.Г. Чернышева представляет собой ценнейший источник не только по истории русского флота и истории войн XVIII в., но также по исторической географии России и сопредельных стран — Финляндии, Турции и отдаленной Греции. Основу ее представляют морские карты, составленные в чертежной Адмиралтейской коллегии или штурманами судов, находившихся в плавании. Тематически большая их часть связана с русско-турецкой войной 1768–74 гг. (особенно важен корпус карт, относящихся к Архипелагской экспедиции⁴) и русско-шведской войной 1788–90 гг. (из них любопытны карты Выборгского боя и Поркалаудской операции). Кроме оригинальных карт, снятых на судах во время проведения боевых операций, имеются рукописные копии секретных зарубежных морских карт. Большой интерес представляет серия карт Босфора и Дарданелл, составленная в ходе подготовки к захвату Константинополя. Ряд карт отражает последовательные стадии картографирования Черного и Азовского морей, основания Севастополя и других военно-морских баз и городов в северном Причерноморье. Недостаточно исследован корпус карт, составленных при крейсировании русских флотов в ходе проведения политики вооруженного нейтралитета, а также карты Каспийского моря, составленные участниками экспедиции 1781–1782 гг. капитан-лейтенанта М.И. Войновича. Несколько карт северной части Тихого океана дают представление о том, как постепенно в Адмиралтействе формировалось более адекватное представление об общей конфигурации береговой линии. Кроме морских карт, имеются планы портовых сооружений, заводских лесов, рек — в соответствии с тем кругом задач, выполнение которых было возложено на Адмиралтейскую коллегию. В связи с тем, что состав коллекции отражает личный круг интересов И.Г. Чернышева, она включает и ряд материалов, не связанных с адмиралтейством: так, будучи в 1776 г. избран предводителем дворянства Финляндии, граф собирал планы этой территории; от брата, служившего генерал-губернатором Московской, Полоцкой и Могилевской губерний, он получил карты этих областей.

Граф Иван Григорьевич Чернышев родился 14 ноября 1726 г. в старой дворянской семье: род Чернышевых записан в VI и V части родословных книг Калужской, Рязанской и Курской губерний. Чернышевы были в родстве с семействами, давшими России многих морских офицеров: с Ушаковыми (Екатерина Ушакова

³ Статс-дама. Автор книги «Душа, оправданная благодатию Иисуса Христа». М., 1800.

⁴ Частично изданы: Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769–1774 гг. М., 1997.

была женой его брата Петра), Коковцевыми и Мордвиновыми⁵. Дед Ивана Григорьевича, Петр Захарович, служил полковником в правление царевны Софьи Алексеевны. Отец, Григорий Петрович, генерал-аншеф, выдвинулся при императрице Елизавете и в 1742 г. был возведен в графское достоинство Российской империи; он был женат на Евдокии Ивановне Ржевской, происходящей от Рюриковичей князей Смоленских. От этого брака он имел четырех сыновей. Наибольшей известности из них добился Захар Григорьевич (1722–1784), достигший звания генерал-фельдмаршала. Захар в октябре 1749 г. женился на родственнице императрицы Елизаветы Петровны и был сделан камер-юнкером при наследнице престола Петре Федоровиче, однако был замечен в ухаживании за его женой Екатериной (будущей Екатериной II), попал в опалу и был отправлен Елизаветой в армию. Из проведенных им в ходе Семилетней войны военных операций наибольшую известность получило занятие Берлина (28 сентября 1760 г.), а также активное участие в Цорндорфском сражении (14 августа 1758 г.). Став императором, Петр III поручил ему командование русскими войсками, назначенными для содействия Фридриху Великому в его действиях против австрийцев. При Екатерине II З.Г. Чернышев последовательно исполнял должности вице-президента военной коллегии, генерал-губернатора Белоруссии, президента военной коллегии (с 1773 по 1782 г.) и, в старости, градоначальника Москвы. Захар Григорьевич учредил майорат, который был унаследован младшим братом Иваном, так как сам он не имел детей.

Иван Григорьевич Чернышев в тринадцать лет был определен в сухопутный шляхетский кадетский корпус и под покровительством отца и старших братьев очень рано начал свою службу. Уже в 1741 г. его послали в Копенгаген в должности *дворянина посольства*. Продвигаясь преимущественно по дипломатической линии, к 1759 г. он уже возвысился до звания обер-прокурора Правительствующего Сената; а в следующем году был назначен главным директором в комиссию о коммерции и мануфактурах.

Важный поворот в судьбе графа произошел 22 марта 1763 г., когда он, не имея до того ни малейшего опыта в морском деле, был назначен членом Адмиралтейской коллегии с присвоением ему адмиральского флага по чину вице-адмирала. Это назначение связано со стремлением Екатерины II окружить себя верными людьми, к которым она относилась и семейство Чернышевых. В то время императрица создала ряд комиссий, долженствовавших реформировать самые различные сферы администрации. Членом комиссии, изучавшей состояние русского флота, стал И.Г. Чернышев. Одновременно он состоял и докладчиком при особе императрицы по морским делам. Определенную роль при этом сыграло и влияние Н.И. Панина, друга Чернышева. 30 декабря 1764 г. Иван Григорьевич был назначен главным командиром галерного флота и порта. В этом качестве (как командир галерного флота) он организовал знаменитое плавание Екатерины по Волге (1767 г.) от Твери до Симбирска, в ходе которого императрица знакомилась со своими подданными. Граф сопровождал государыню на галере «Волга». Екатерина осталась весьма довольна его деятельностью по организации этого путеше-

⁵ Сводная таблица рода Коковцевых, Ушаковых, Чернышевых и Мордвиновых. Отдел рукописей РГБ. Фонд Вяземы. Оп. 82. Д. 3.

ствия, и в дальнейшем И.Г. Чернышев сопровождал Екатерину и во всех прочих ее поездках по стране⁶.

В связи с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. дипломатические способности И.Г. Чернышева были вновь востребованы: он был назначен чрезвычайным и полномочным послом к английскому двору⁷. Екатерина высоко оценила личный вклад Чернышева в налаживание сотрудничества с Англией и организацию снабжения русского флота и 4 июня 1769 г. назначила его вице-президентом Адмиралтейской коллегии, произведя при этом в полные генералы по флоту. Учитывая то обстоятельство, что Президентом Адмиралтейской коллегии считался наследник Павел Петрович, который по своему возрасту фактически не мог принимать участия в руководстве этим учреждением, можно сказать, что императрица возложила на Чернышева ответственность за управление всем русским флотом. В связи со своей служебной деятельностью он стал членом Совета при Высочайшем Дворе. Кроме основной службы, он выполнял еще и ряд менее значительных функций, например, с 1770 г. заведовал Каменноостровским инвалидным домом; был избран в 1776 г. предводителем финляндского дворянства; был почетным благотворителем Воспитательного дома, в создании которого принимал деятельное участие. С ноября 1783 г. И.Г. Чернышев стал сенатором с повелением заседать в 1-м департаменте *когда, он будет свободен от других дел по должности*.

По своей должности И.Г. Чернышев отвечал за строительство кораблей, возведение береговых сооружений, работу находящихся в ведении Адмиралтейской коллегии фабрик и мастерских, снабжение эскадр парусного и гребного флотов, подготовку военно-морских операций, производство флотских офицеров, работу Морского Шляхетного Кадетского корпуса. За время службы он неоднократно награждался орденами: Св. Анны (1756 г.), Белым Орлом (1757 г.), по заключении мира с Турцией Андреем Первозванным *за рачительные многих лет труды о приведении флота в желаемое доброе состояние*; Св. Владимиром 1 степени (1782 г.). Кроме своих основных обязанностей, Чернышеву приходилось выполнять и самые неожиданные поручения, возлагаемые на него императрицей: так, например, обнаружив, что в Петербурге нет храма в честь св. Иоанна Дамаскина, Екатерина повелела храм построить и назначила Ивана Григорьевича наблюдать за строительством и расходом средств лишь по той причине, что он носил имя упомянутого святого.

После восшествия на престол Павла I император перестал числиться Президентом Адмиралтейской коллегии, и эта должность была поручена графу И.Г. Чернышеву; в 1796 г. он был пожалован в генерал-фельдмаршалы от флота, однако с ограничением *генерал-адмиралом не быть*⁸.

Скончался Иван Григорьевич Чернышев в феврале 1797 г. в Риме, где проходил курс лечения.

Семейная жизнь его сложилась не очень удачно. Первым браком граф был женат на Елизавете Осиповне Ефимовской, умершей в 1755 г. в возрасте 21 года;

⁶ См. подробнее: *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006; *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2008.

⁷ См. об этом гл. 3, 4.

⁸ Уместно вспомнить, с какой ревностью Павел Петрович защищал свое право на генерал-адмиральский флаг.

детей от первого брака у него не было. Позднее он женился на Анне Александровне Исленевой (ум. в 1794 г.), и хотя этот брак не был счастлив, в нем были рождены сын Иван и дочери Наталья (замужем за Михаилом Андреевичем Белосельским), Анна (замужем за Федором Сергеевичем Голицыным), Екатерина (первым браком за Николаем Кирилловичем Матюшкиным и вторым — за Петром Григорьевичем Племянниковым) и Мария (за Михаилом Дерябинским).⁹ Единственный законный сын Ивана Григорьевича Григорий (1762–1831) выбрал карьеру придворного и достиг звания обер-шенка.

Однако И.Г. Чернышев был горячо привязан к своему незаконнорожденному сыну, Григорию Ивановичу, которому он выбрал фамилию Муловский (Миловский). Под протекцией отца Муловский быстро продвигался по служебной лестнице. Еще юношей он был обучен картографии и вел промеры Днепра и Десны в 1771 и 1776 гг. С 1776 г. лейтенант Муловский был сделан генеральс-адъютантом при самом Иване Григорьевиче. Он участвовал во многих плаваниях, в том числе в Архипелагской экспедиции и крейсировании при проведении политики вооруженного нейтралитета. Муловский пользовался любовью и уважением морских офицеров за свою личную храбрость и обширные знания, и поэтому его назначение командиром подготавливаемой первой русской кругосветной экспедиции не вызвало никаких кривотолков. Однако по причине начавшейся русско-шведской войны экспедиция была отменена. В ходе Эландского сражения 1789 г. Муловский, единственный из русских офицеров, погиб.

Из личных качеств И.Г. Чернышева современники отмечали его патриотизм. Так, в целях воспитания великого князя Павла в патриотическом духе граф нередко рассказывал ему о героических деяниях, совершенных русскими, и при этом так увлекался, что принимался сам плакать. Надо полагать, Чернышев был достаточно сентиментален и плакал частенько; например, во время путешествия с императрицей по Волге весь обед в Костроме он проплакал под впечатлением от ласкового приема, оказанного тамошним дворянством¹⁰. При этом нетрудно было вызвать и гнев графа. Сохранилось составленное Екатериной шутовое описание, кто из ее сподвижников от чего должен умереть: на третьем месте в списке стоит *Le conte Iwan Czernischef de colere* (граф Иван Чернышев от гнева)¹¹. Возглавляя Адмиралтейскую коллегию, граф не стеснялся делать выволочки офицерам разного ранга. В его бумагах можно обнаружить замечания капитану М.Г. Коковцеву за претензии по службе, адъютанту Ростопчину за беспутное поведение, капитану Г.И. Бухарину за небрежное выполнение миссии. Оба эти свойства, и гневливость, и русский патриотизм (особенно последнее), произвели в бытность Чернышева послом в Лондоне большое впечатление на англичан, которые сочли графа чудачком и самодуром.

При всем патриотизме, Чернышева, можно смело назвать западником. Своего сына Муловского он отправил на обучение в Англию, а позднее приставил адъютантом к английским офицерам. Сам Чернышев свободно говорил на нескольких

⁹ См.: Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. 1875. Чернышевы. № 37.

¹⁰ Бильбасов В.А. Походы Екатерины II по Волге и Днепру // Бильбасов В.А. Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 3. С. 241.

¹¹ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // СБРИО. СПб., 1872. Т. X. С. 320.

европейских языках и вел переписку на английском, французском и немецком, что было редкостью для русских вельмож XVIII в. (с сыном он переписывался по-французски). Как следует из его письма обер-секретарю Адмиралтейской коллегии, он был единственным из коллежских членов, кто читал английские газеты: *«Я не думаю, чтоб коллегия пользовалась получаемыми ею английскими газетами, то прошу вас присылать оные ко мне сюда каждую почту»*¹². Граф не только внимательно следил за публикациями, имевшими отношение к его служебной деятельности, он интересовался и новостями культуры, например, ему по почте присылали тексты, касающиеся литературных новостей в Париже.

Хотя у нас нет возможности проникнуть во внутренний мир И.Г. Чернышева, следует заметить, что в своей переписке Чернышев открывается как человек, усвоивший западноевропейские идеи дворянской чести. Например, обмены любезностями и подарками с Л.К. Вакселем, комендантом Архангельского порта, не помешали ему вступить с последним в конфликт, когда Ваксель начал покрывать проступок капитан-лейтенанта Племянникова. Он пишет 23 апреля и 25 июля 1779 г.: *«Человеколюбие ваше похвально... но Государь мой, оное практиковать надобно как милостыню, то есть давать оную суще бедным, а не тем, которых бы то отвратило от работ и доставило случай быть в тунеядстве... чтоб ваше превосходительство по известной в службе ревности в том ему потакнуть изволили, о том я никак не предполагал»*¹³.

В глазах историков И.Г. Чернышев, в первую очередь, представал успешным придворным. Действительно, его способность не выходить из доверия государей вызывает удивление. Он старался сделать все, чтобы заслужить их милость. Как писала Екатерина Н.И. Панину от 23 мая 1767 г., во время путешествия по Волге: *«... Истинно, что с галеры сойти не хочется, и надобно Иван Григорьевичу Чернышеву честь отдать, что ничего не позабыто, что может служить к облегчению толь дальнего пути...»*¹⁴. Для характеристики графа существенно, что он одновременно пользовался доверенностью и императрицы, и великого князя, невзирая на их взаимное недоверие, и не подвергался опале со стороны Павла I. Однако для полноты картины следовало бы заметить, что И.Г. Чернышев умел поддерживать добрые отношения не только с вышестоящими, но также и со своими подчиненными.

Можно смело утверждать, что И.Г. Чернышев был из образованнейших людей своего времени, а потому не удивительно, что 29 декабря 1776 г. он был избран почетным членом Академии наук.

В продолжение всей своей жизни он не упускал возможности пополнить свои знания. Так, приступая к работе в Адмиралтейской коллегии, он взялся за изучение морского дела: в списке книг по навигации, присланных в Коллегию из Европы¹⁵, имеются пометы: *«взяты генерал-поручиком и кавалером графом Чернышевым»*. Среди прочитанных им книг: *«О правлении парусами и снастями корабельными чрез Бугера в Париже 1757 г.»* и *«Знание морское служба и наука*

¹² Письмо от 8 октября 1775 г., послано из Москвы. (РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 313. Л. 124об).

¹³ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 317. Л. 49об., 78.

¹⁴ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С. 201.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 212. 1767 г. Д. 27.

военная на море в Гаге 1760 г. в 4 переплета с большими гридированными фигурами». Большое значение для судьбы русского флота сыграли связи Чернышева с Англией, где он нанимал действительно знающих моряков, среди которых был и адмирал Ноульс, и куда он посылал учеников (между прочими и знаменитого в будущем русского мореплавателя и гидрографа Г.А. Сарычева). Список сведений, которые его интересовали и были им затребованы из Англии, впечатляет¹⁶: его интересует работа паровой машины в Челси, обшивка судов медью, схемы ручной корабельной помпы, новации в области морской тактики и оснастки кораблей и многое другое. Из Англии он выписывал и дефицитные в то время астрономические инструменты, а в 1785 г. приобрел в Англии для Морского шляхетного кадетского корпуса логарифмические таблицы.

Фактически первым паровым двигателем, установленным в России¹⁷ (1777 г.), была закупленная у Дж. Уатта английская *огненная машина* в Кронштадте, использовавшаяся для осушения доков. Она была на порядок производительнее применявшихся ранее ветряных и конных машин. Среди лиц, чести которых можно приписать внедрение в России парового двигателя, кроме адмирала Ноульса, самой Екатерины II и посла в Англии А.С. Мусина-Пушкина, необходимо назвать и И.Г. Чернышева, самым активным образом участвовавшего в закупке и установке машины.

Среди других деяний И.Г. Чернышева, следует назвать учреждение пожарных команд и создание при галерном порте школы для детей служителей. В бумагах графа можно найти и выписки из штурманских журналов, метеорологические сведения, призванные объяснить причины наводнений в Петербурге, и одновременно отчет об опыте обжига кирпича тростником и раkitником, произведенном в связи с запрещением рубить в Малороссии леса. Для характеристики Чернышева как любителя карт интересно, что трех крепостных мальчиков графа обучили геометрии и сниманию карт.

Как многие образованные люди своего времени, особенно связанные с флотом, И.Г. Чернышев судя по всему был масоном¹⁸, равно как его брат Захар, его ближайшие друзья (например, Н.И. Панин), подчиненные (И.Л. Голенищев-Кутузов и С.К. Грейг), его сын Григорий.

И.Г. Чернышев, один из богатейших людей того времени, окружал себя изысканной роскошью. При этом он не стеснялся пользоваться служебным положением для удовлетворения своих прихотей. Так, при постройке особняка в Петербурге в середине 1770-х гг. он затребовал мрамор от участника Первой Архипелагской экспедиции адмирала С.К. Грейга, и тот действительно привез мрамор из Греции в Петербург на пинке «Венера». Г.А. Спиридова он просил прислать с Пароса «несколько больших штук мрамора... какую-нибудь статую и... обломок от строения — капитель»¹⁹. В 1771 г. ему, известному любителю редкостей, посылают живую

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 172. Д. 158.

¹⁷ Ранние образцы паровой машины Дж. Уатта датированы 1774, а поздние — 1784 г. Хотя машины, созданные И.И. Ползуновым и известные как паровые воздуходувные машины, так же как и более ранние творения Т. Ньюкомена и паровой котел Д. Папена, предшествовали открытиям Дж. Уатта, существует сомнение, можно ли их считать паровыми машинами в узком смысле слова.

¹⁸ Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М., 1997. С. 163. Единственное свидетельство — допросные речи Николая Головина.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 310. Л. 51, 69.

морскую черепаху, так как «она курьезна»²⁰. Среди его бумаг встречаем дело о пересылке к нему в Петербург из Данцига *людей его, волторн, свиней и собак*²¹; дело о покупке и посылке графу из-за границы машин, лошадей, экипажей, музыкальных инструментов, картин, провизии и других предметов²². Ф.А. Клокачев присылал ему крымские огородные семена, лимоны, устрицы, балыки, ящик *кидоней*, а также сведения о специальной породе коров, выведенной на Хопре²³. Из Англии графу везли лошадей, сервизы, фраки, гармонику, вещи для молодой графини; из Архангельска — коров, алебастр, семгу и даже *воду от Нордкапа*; из Голландии — пиво и фленбургские устрицы; из Дании — вино²⁴; из Парижа доставили пирожника; из Средиземноморья — статуи, вина и фруктовые деревья; из Астрахани отправили графине Анне Александровне Чернышевой *из степских продуктов... маленького калмыченка*²⁵. Иван Григорьевич получил образцы всех растущих возле Ревеля деревьев; китайские бумажки и бархат. М.И. Войнович прислал ему в 1782 г. из Персии *дощечки с показанием пород персидских деревьев*.

Как писал о И.Г. Чернышеве князь М.М. Щербатов: «К несчастью России, он не малое время путешествовал в чужие края, видел все, что сластолюбие и роскошь при других европейских дворах наиприятнейшего имеют, он все сие перенял, все сие привез в Россию, и всем сим свое отечество снабдить тщился. Одежания его были особливого вкуса и богатства... стол его, со вкусом и из дорогих вещей соделанный, обще вкус, обоняние и вид привлекал, экипажи его блистали золотом, и самая ливрея его пажей была шитая серебром; вина у него были на столе наилучшие и наудражайшие. И подлинно он сим некоторое преимущество получал, яко человек, имеющий вкус, особливо всегда был уважаем у двора»²⁶.

В качестве иллюстрации посылок, получаемых И.Г. Чернышевым от его подчиненных и включающих картографические произведения, можно привести его корреспонденцию с комендантом Архангельского порта Л.К. Вакселем. В 1775 г. Ваксель высылает графу промеры бара Северной Двины 1772 г.²⁷ и в 1777 г. — данные нового промера и одновременно карты старого и нового фарватеров. В 1775-78 гг. Ваксель высылает в Петербург в подарок или по поручению Чернышева: овец, коров, лошадей, семена лиственницы, «*изловленной в Коле страшной животной, имеющей некоторое сходство с таракатицей*», вырезанную из моржового клыка статую Александра Великого, малахит на табакерки. В 1775 г. граф получил от коменданта модель фрегата, столь объемную, что, по его словам, «*величина ее превзошла мое чаяние, и я не знаю куда с нею деваться; ибо не имею для спущения ее довольно глубокой воды. Но все сие однакож не препятствует мне изъявить вам мою за то благодарность*»²⁸. Чернышев, помимо того, что оказывал Вакселю покровительство по службе, в свою очередь посылал ему изготовленные за свой счет гравюры Чесменской битвы, кокосовые ложки, свой портрет.

²⁰ Там же. Д. 94.

²¹ Там же. Д. 129.

²² Там же. Д. 189.

²³ Там же. Д. 20, 22.

²⁴ Там же. Д. 94. Л. 272.

²⁵ Там же. Д. 43.

²⁶ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб., 1906.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 313. Л. 20.

²⁸ Там же. Л. 6.

Любовь к роскоши не мешала И.Г. Чернышеву успешно справляться с важнейшей деятельностью — руководством российским флотом. Славный русский флотоводец А.Н. Сенявин писал И.Г. Чернышеву: «...поверьте, милостивый государь, что я как много радуюсь тому, что все, как мне кажется, по адмиралтейству преобразилось из дремлющего в бодрственное, из упадающего в вставшее; да каково ж тому, кто всю эту машину не утомляющуюся силою обращает? Мне удалось слышать, что В.С. [ваше сиятельство] харкает почасту кровью (о том я жалею); простите меня, что я скажу, не дурно б немного поберечься...»²⁹.

Ошибкой было бы видеть в тексте этого письма лишь грубую лезть. Время правления Екатерины стало золотым веком русского флота, в отличие от эпох Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, при которых флот постепенно приходил в упадок. Именно в первые годы правления Екатерины ситуация была переломлена к лучшему, и отрицать личный вклад человека, фактически исполняющего роль морского министра, по крайней мере, в организацию работ по морскому ведомству, было бы странно.

Очень любопытна также фраза, оброненная в том же письме Сенявиным в связи с тем, что эскадра Г.А. Спиридова прибыла в Архипелаг прежде эскадры Эльфинстона, «в чем много стоило мне труда уверить прошлую зиму господ придворных». Здесь мы слышим отголоски конфликта между русскими моряками и иностранцами на русской службе, преимущественно англичанами (шотландцами). Мало того, Сенявин противопоставляет графа «господам придворным», считая его деятельным администратором-практиком, а также будучи уверенным, что графу будет приятно подобное противопоставление.

Однако не только русские по рождению моряки считали Чернышева своим защитником — граф покровительствовал и уроженцам других стран, если считал их того достойными. Одним из его протеже был англичанин Джеймс Тревенен³⁰, который еще в возрасте 15 лет участвовал в 3-й экспедиции Кука, позднее сражался против французов. В частности, Тревенен первым провел конвой в Вест-Индию, не делая крюка на юг (то есть по дуге большого круга), причем движение по непривычному маршруту вызвало ужас у шкиперов. Тревенен пытался наладить торговлю мехами на Аляске, но английское Адмиралтейство отказало ему в его начинаниях, и он перешел на русскую службу. Поддержка Тревенену со стороны Чернышева простиралась настолько далеко, что он был вызван Иван Григорьевичем в Петербург, жил у графа в доме и был лично представлен императрице³¹. Активно поддерживал Иван Григорьевич таких выдающихся моряков, как английский адмирал Ноульс и голландский капитан Кингсберген. Таким образом, сторонники обеих противоборствующих партий, и русские, и иностранцы, считали Чернышева своим покровителем. А посему можно согласиться со словами историка русского флота В.Ф. Головачева об И.Г. Чернышеве: «Его 25 летнее заведование делами морского ведомства приучило... всех флотских офицеров видеть в нем не только главного начальника, но и всеобщего их попечи-

²⁹ Письмо от 28 сентября 1769 г. См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1877. Ч. VI. С. 317.

³⁰ Live of vice-admiral sir Charles Vinicombe Penrose, K.C.B., and captain James Trevenen. L., 1850.

³¹ Служба Тревенена оказалось недолгой: он вскоре погиб в бою со шведами.

теля: *Петр Иванович Пуцин имел привычку жаловаться ему даже и на великого князя, а строптивый Александр Иванович Круз безусловно, уступал всем его желаниям*³².

И.Г. Чернышев и гидрография. Среди разнообразных обязанностей, активно исполняемых Чернышевым, было и снабжение флотских офицеров картами. К этому делу граф относился очень серьезно. Он сам любил карты и привил симпатию к географическим картам наследнику Павлу Петровичу.

Екатерина II неоднократно поощряла И.Г. Чернышева по части составления и копирования карт. Говоря о том влиянии, которое в XVIII в. оказывала на подчиненных манера поведения их начальника, нельзя не сказать и о высочайших особах. Роль Петра I в развитии и пропаганде географии хорошо известна (не случайно Меншиков, во всем подражавший своему господину, собрал целую библиотеку карт), но о Екатерине II существует противоположное мнение. Распространен анекдот о том, что императрица не знала, где находится Тифлис: на берегу ли Черного или Каспийского моря, или он удален от моря? Это тенденциозный и несправедливый взгляд. Екатерина часто требовала от своих министров присылки карт, что органично вписывалось в образ просвещенного монарха; мало того, она сама нередко присылала своим генералам и вельможам карты. В частности, пытаясь побудить главнокомандующего гр. П.А. Румянцева к активному наступлению через Дунай, она послала ему 8 мая 1770 г. копию карты *мест от Дуная до Средиземного моря... в чайнии, что та бесполезна будет*³³. Известна история доставки Екатериной Атласа Российской империи в Сенат. Не исключено, что тот же Чернышев был пристрастен к картографии отчасти и как царедворец. Вот лишь несколько примеров запросов карт от графа для Екатерины.

На всеподданнейшее донесение графа о том, что после кронштадтского пожара 1761 г. обывателей не допускают строить дома за отсутствием утвержденного плана, и нельзя ли дать им соответствующее позволение, последовала высочайшая резолюция: *«Быть по сему, а план генеральный для Кронштадта стараться скорее сочинить»*³⁴. Среди бумаг графа неоднократно встречаются известия о том, что он передает императрице те или иные картографические материалы, например, 22 сентября 1775 г. Чернышев пишет в Адмиралтейскую коллегию: *«Ее Императорское Величество соизволили мне приказать, дабы я истребовал от Адмиралтейской коллегии атласа Балтийского моря, для высочайшего Ее употребления, в следствии чего коллегия да благоволит прислать оный с первым случаем ко мне для поднесения Ее Величеству»*³⁵.

Упоминание о картах в связи с именем И.Г. Чернышева встречается и в письмах императрицы, например, в адресованном ему, в тот момент послу в Англии, письме: *«Пришли, если достать можешь без огласки, морскую карту Средиземного моря и Архипелага»*³⁶. Карта была прислана, и Екатерина ответила вежливой благодарностью. В сборнике РИО опубликован «Собственноручный проект

³² Головачев В.Ф. Чесма. Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.; Л., 1944. С. 92.

³³ СБРИО. СПб., 1896. Т. 97. С. 72. № 1952.

³⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Т. XI. С. 667.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 313. Л. 110.

³⁶ Письма императрицы Екатерины II к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву (1764–1773) // Русский архив. 1871. № 9. С. 1327–1329.

письма Екатерины II к графу Ивану Орлову о плавании одного мореплавателя и о выдаче денег садовнику» 1769 г.: «Граф Иван Григорьевич! За исправленную карту морскую греческих островов весьма вам спасибо имею сказать»³⁷. Под «плаванием одного мореплавателя» подразумевается движение эскадр Спиридова и Эльфинстона в ходе Архипелагской экспедиции. Нет сомнения, что авторы сборника ошибочно сочли адресата письма графом Орловым — оно адресовано его тезке И.Г. Чернышеву. В журнале Адмиралтейской коллегии имеется запись 11 марта 1770: «Адмиралтейств-коллегии его сиятельство вице-президент граф Чернышев словесно предлагал, что у многих из находящихся в эскадрах адмирала Спиридова флота офицеров... карт же английским берегам и Средиземному морю и совсем нет, для чего и принужден был, купя оныя в Лондоне, к ним послать; а как для отправляющихся ныне в Средиземное море на кораблях офицеров, помянутые... карты необходимо потребны, то он вице-президент коллегии изъяснил, что как для удовольствия во флоте офицеров, так и для адмиралтейской коллегии... карт английским берегам и Средиземному морю выписывание принял на себя; приказали: сие записать в протокол»³⁸.

Среди документов Адмиралтейской коллегии сохранились сведения о том, какими средствами И.Г. Чернышев собирал свою коллекцию карт. Важным способом были официальные запросы. Так, 18 апреля 1775 г. он сообщает Коллегии, что он оставлен при императрице, и для некоторого сведения надобна здесь карта течения реки Волги, Москвы и Каспийского моря, также Днепра и Лимана, в связи с чем он просит карты их прислать³⁹. На следующий день он пишет в Коллегию: «Прошу приказать сделать и прислать ко мне план кронштадтскому каналу, хотя в черне, но верной и обстоятельной, означив на оном подробно все места, требующие поправления, ибо без того изданной об нем экстракт мне не может быть, как очень темен, ибо все сие дело из головы вышло»⁴⁰.

Как вице-президент Адмиралтейской коллегии он мог приказывать составить или копировать карты непосредственно исполнителям в чертежной. Например, в чертежной были сняты копии с карты Орловского наместничества, присланной Е.А. Щербининым, наместником в Орле; одна из копий осталась у Чернышева, а другая была отослана к графу Безбородко⁴¹.

Мало того, циркуляция секретных картографических материалов могла быть организована графом и вовсе без ведома коллегии. Это обстоятельство может быть проиллюстрировано историей 1775 г. с внезапно найденными картами Днепровского лимана. В декабре 1775 г. из Кромской воеводской канцелярии в Адмиралтейскую коллегию сообщили, что крестьянин Иван Безгубов, крепостной майора И. Панина, нашел на московском тракте в 20 верстах от Тулы завернутую в черную пленку трубку, в которой оказались три карты Днепровского лимана, составленные лейтенантом Иваном Шаховым и копированные подштурманом Иваном Сониным; эти карты считались секретными. Коллегия не имела изве-

³⁷ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С. 387.

³⁸ Материалы для истории русского флота. Т. XI. С. 608 (№ 929).

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 3.

⁴¹ Там же. Д. 317. Л. 137об.

ствий о том, что такие карты были кем-либо официальным образом отправлены с Черного моря, и терялась в догадках⁴². Однако вскоре выяснилось, что карты посланы И.Г. Чернышеву, который просто не удосужился уведомить об этом коллегию. Чернышев отправил с курьером суровый рескрипт в Кромскую канцелярию со словами: «Я вам рекомендую прислать оные тотчас ко мне с возвращением сего же моего курьера, которого я к вам нарочно для того и отправил. Впрочем, я не изъясняю вам точно моей надобности и нужды в сих картах, поелику сие простирается только единственному моему знанию»⁴³. Нужда состояла в том, чтобы выбрать место для основания города-порта в лимане, имя которому было указано Екатериной заранее — Херсон.

Нередки случаи, когда граф приказывал своим подчиненным присылать ему карты. Например, в письме от 21 августа 1778 г. он требует от Вакселя прислать карту углубления нового фарватера Северной Двины⁴⁴. Характерно его письмо адмиралу Ф.А. Клокачеву от 6 октября 1778 г.: «Государь мой Федот Алексеевич! Я надеюсь, что ваше превосходительство и подкомандующие ваши господа офицеры, имеете карты разных мест, а особливо берегов Крымских и Черного моря, и такие которые вновь сделаны; покорно прошу собрав оные прислать копии ко мне при okazji, ибо оные нам очень нужны»⁴⁵. Иногда тон его был менее сдержанным, как в письме А.Н. Сенявину от 27 августа 1775 г.: «Покорно благодарю за план городу Синопису [Синопу]; а сие подает мне случай напомнить вашему превосходительству, что, как уже имеем мы толь частые и беспрестанные наших судов в Черном и Азовском морях обращении, то можно, кажется, иметь обстоятельные и вернейшие сим морям карты, о чем я и не сомневаюсь, что ваше превосходительство не упустили из виду к сочинению оных, и мне, наконец, копии не уделили»⁴⁶.

Для получения карт Иван Григорьевич иногда не чурался использовать и свое положение при дворе. Так, получив от А.Н. Сенявина донесение о том, что капитан Биланд был случайно занесен ветрами в Константинополь, Чернышев тут же написал Биланду, прося указать «что он видел, какие сделал примечания или карты»⁴⁷.

* * *

Анализ истории создания коллекции И.Г. Чернышева позволяет еще раз остановиться на вопросе об отношении между частным и государственным в конце XVIII в. Совершенно справедливо отмечает английский историк М.С. Андерсон, что граница, отделявшая в XVIII в. частное письмо от официального документа, была в высшей степени размыта и что для уходящего в отставку администратора нормой было забирать с собой немало документов, которые он считал своими, но которые в наше время сочли бы важными государственными бумагами⁴⁸. Чернышев никогда не прятал своей коллекции, составленной из секретных морских карт: напротив, она была многим доступна в его дворце. Можно сказать, что подобное смешение частного и государственного отражает последние фазы

⁴² Там же. Д. 139. Л. 60.

⁴³ Там же. Д. 313. Л. 168.

⁴⁴ Там же. Д. 317. Л. 104.

⁴⁵ Там же. Л. 126об.

⁴⁶ Там же. Д. 313. Л. 87.

⁴⁷ Там же. Л. 53. (Письмо от 12 июля 1775 г.).

⁴⁸ Anderson M.S. Europe in the Eighteenth Century. London, N.-Y., 1987. P. 11.

феодалного мировоззрения, при котором основой государственной структуры служит личная вассальная связь. Для Екатерины II И.Г. Чернышев был не просто одним из безымянных государственных служащих, а скорее ее прямым вассалом, получившим в личное управление флот под свою личную ответственность. Екатерина оценивала деятельность людей по конечному результату и закрывала глаза не только на злоупотребления, но даже и на прямое воровство.

А конечный результат деятельности И.Г. Чернышева на посту вице-президента, а затем президента Адмиралтейской коллегии выражается в выигранных Россией войнах, славных морских переходах, победах в сражениях, географических открытиях, создании новых морских баз и городов.

Коллекция карт И.Г. Чернышева служит прекрасной иллюстрацией этого героического периода существования русского флота.

Summary

Irina Smilyanskaya, Mikhail Velizhev, Elena Smilyanskaya

RUSSIA IN THE MEDITERRANEAN.

THE ARCHIPELAGO EXPEDITION OF CATHERINE THE GREAT

The Russian announced its presence in the Mediterranean with the Archipelago Expedition, in conjunction with the Russo-Turkish War of 1768–1774 and specifically with the arrival and military actions of the Russian fleet under the command of Count Aleksei Grigorevich Orlov. Russia widely asserted that it was inserting itself into the Eastern Mediterranean in order to aid the Orthodox Greeks, but the Russian Empress also had more ambitious goals. The great victory of Chesma (June 24–25, 1770) helped to realise many of her former dreams: to blockade the capital of the Porte, to become masters of maritime transportation in the Levant, and to declare twenty islands in Aegean Sea as a “Russian archipelago principality.” Russia’s presence in the Mediterranean helped to strengthen political, diplomatic, cultural relations with Italian states and Malta, to establish contacts with Arab rulers in Egypt, Palestine and Lebanon and to conquer Beirut. In addition to exploring Russia’s military opportunities, expedition members also had the rare experience of leaving the borders of their intellectual home to explore a realm. These men had the opportunity to compare the mythological with the real, and to place themselves into the great flow of Mediterranean civilization.

The book consists of 10 chapters accompanied by primary source documents and additional essays.

Chapters one and two analyze Catherine the Great’s early diplomatic and military activity, focusing on the Russian incursion into the Eastern Mediterranean. The chapter includes both expedition’s plan and main actors in the “drama.”

Chapter three explores how five squadrons of the Russian Baltic fleet reached the Eastern Mediterranean, and how political support of these actions was organized. Parallel to the political drama, the chapter pays particular attention to the cultural experience of the members of the expedition, for whom the imaginary geography of Mediterranean lands became real.

Chapter four studies hitherto unresolved issues of the military history of the Archipelago expedition. Preliminary reports received from the Balkan region assured Catherine II

and the Orlov brothers that the Greeks were ready to take up arms against the Turks. In Spring 1770, the Russians, Balkan Slavs, and Greeks began their actions together in Morea. Influenced, however, by their enthusiasm for the classical world, both the sponsors and the members of the expedition began to imagine the Greeks, whom they planned to liberate, as heroes from antiquity, albeit holding an Orthodox cross in their hands. This chapter demonstrates that such picturesque images about Orthodox unity dissipated after the misfortunes of joint military actions in the Peloponnesus. The Russians found themselves overextended, having promised more than they could deliver for their Balkan allies, as well as undermined by the irregular Slavic, Albanian and Greek forces. This severely limited the scope of their victories—they had real success only in maritime battles.

Chapter five examines Russia's presence in the Greek Archipelago from 1770–1775. In early 1771, the captain of the Russian fleet claimed a Russian archipelago principality that included more than twenty Aegean islands, with its capital in the Naussa settlement on the isle of Paros, where deputies proclaimed themselves to be subjects of the Russian Empress. Archival materials show that the Russian Admiral of the Fleet, George Spiridov, tried to create a new Greek state in the form of a republic or duchy in order to bring the Greek islands closer towards independence under Russian protection. This chapter also describes the day-to-day life of the military base on the Isle of Paros, state-church relations, and the complicated relations inside the multi-national military forces of Russia in the Archipelago. Additionally, a special section of the chapter describes the first Russian experiences of collecting monuments of ancient Greece.

Chapter six discusses the history of the diplomatic and politic interconnections between Russian empire and Italian states (Dukedom of Tuscany, Republic of Venice, Republic of Genoa, Kingdom of Sardinia, Kingdom of the two Sicilies, and the Vatican) during the Russo-Turkish war. Using hitherto unpublished archival materials, the chapter reconstructs the course of the “diplomatic wars” between Russia and its European counterparts (such as Austria) in their competition for influence on the Apennine peninsula through the activities of Russian diplomats (including marquis Pano Maruzzi, Russian attorney in Venice), local agents, and commanders in Italy. Of particular interest is the complex political situation created as early as in 1769 in Tuscany, where Great Duke Pietro Leopoldo permitted the formation of a Russian colony under the leadership of Aleksei Orlov.

Chapter seven divides Russian presence in the Dukedom in 1769–1775 (with the description of the Italian itineraries of Aleksei Orlov and Ivan Shuvalov) into coherent periods and examines the everyday life of the Russian colony in Tuscany. The chapter examines cultural relationships between the Russian colony and the Italian intellectuals of the time, the Russian image as it developed in this period in Italy, and the influence of Russian culture on the everyday life of the Tuscan population.

Chapter eight focuses on the detailed history of Russian military and political interactions with the Arab World in 1770s, concentrating on contacts with the ruler of Egypt, Ali-bey al-Kabir, and Ali-bey's ally, shaykh of Palestine Zahir al-Umar as well as emir of Lebanon Yusuf Shihab. The chapter proves that Russia's interference in the Arab world, including talks with Ali-bey about a military union, and Catherine the Great's treaty of protection for the rulers of Akko and Beirut, were carefully organized by Aleksei Orlov and corresponded to mutual interests of the parties.

Chapter nine studies the propagandistic support of Mediterranean Policy and the variety of verbal weapons used in Catherine's propaganda campaign. The regime freely manipulated religious, cultural, and political arguments, but the ease with which it vacillated between two sets of justifications forces one to conclude that ultimately Catherine's government was searching for the right tactic to win a complicated *political game*. As a part of this campaign, the Russian authorities organized a series of fascinating holidays devoted to victories of the Russian Army and Fleet in Moscow, St. Petersburg, and other Russian cities, as well as in the Mediterranean bases of the Russian Archipelago expedition. In the 1770s, these festivities became clear manifestations of developing ideas of Russian patriotism and also contributed to the sacralization of Catherine II.

Chapter ten analyzes the perception of Russia's military presence in the Mediterranean in the European and Russian press of the 1779s. The chapter outlines the changing attitude of European public opinion both towards the Archipelago enterprise of Catherine II and also towards the major players: the Orlov brothers, Ali-bey, the Greeks and the Turks. In Europe, neither politicians nor enlightened Europeans in the second half of the Century of Enlightenment wanted to hear about religious wars. This explains the use of political arguments and—in the case of the liberation of the Balkan peoples — the questions of cultural and national importance in the press.

- The second part of the book consists of publications of primary sources, including
- Letters of Greeks Ivan Palatino and Manoil Saro regarding their secret missions to the Marea Peninsula in 1763;
  - Admiral Spiridov's plan of Archipelago state building (1771);
  - Pash van Krienen's description of the "Russian" Archipelago islands (1771–1772);
  - A travelogue by Russian fleet officers traveling from Livorno to Rome (1772); and
  - The new and complete journal (memoirs) of captain Stefan Khmetevskiy.

In addition, the final section of the book includes three articles:

1. Irina M. Smilyanskaya's analysis of Russian pilgrims' impressions of the Mediterranean world of the tenth-eighteenth centuries,
2. Irina Smilianskaya's study of Baron Konrad Tonus's mission to Egypt in 1787–1791, and
3. Vladimir Bulatov's investigation of count Ivan Chernyshev and his collection of maps of the Archipelago expedition of the Russian Fleet.

Список сокращений

АВПРИ — *Архив внешней политики Российской империи*

АГС — Архив Государственного Совета

ГИМ — Государственный исторический музей

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ППС — Православный палестинский сборник

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г.

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*

СБРИО — Сборник Русского исторического общества

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

AR — Annual Register. [London].

ASF — Archivio di Stato di Firenze

AST — Archivio di Stato di Torino

ASV — Archivio di Stato di Venezia

BNCF — Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze

G.d'A. — Gazette d'Amsterdam

GF — Gazette de France. 1768–1774.

GM — Gentleman's Magazine

GT — Gazzetta Toscana 1768–1775

NL — Novelle Letterarie 1768–1775

NM — Notizie del Mondo 1768–1775

1. Источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Фонд 2 («Внутренние коллежские дела»). Оп. 2/6. Ед. хр. 1632, 7177, 7178, 7232, 7233.

Оп. 6. Ед. хр. 7251.

Фонд 41/3 (Сношения России с Венецией). Ед. хр. 13, 14, 16, 21, 34, 35, 39, 40, 41, 44, 45, 46, 49, 51.

Ф. 48/2 (Сношения России с Генуей). Ед. хр. 48.

Фонд (Сношения России с Мальтой). Ед. хр. 5, 6, 7, 14, 20, 22, 46, 72, 74, 76, 77, 93, 99, 111.

Фонд 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 8. Ед. хр. 964, 970, 974, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 1019, 1020, 1041, 1051, 1054, 1057, 1461, 1462, 1463, 1465, 1466, 1467, 1468, 1469, 1471, 1473, 1475, 1996, 2006, 2035, 2041, 2052, 2055, 2058, 2059, 2062, 2066, 2082, 2093, 2107, 2119, 2127, 2129, 2130, 2134.

Фонд Библиотека Азиатского департамента. Оп. 506. Ед. хр. 7.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 3 (Дела относящиеся до внутренней и внешней политики России). Оп. 1. Д. 19.

Ф. 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 1. Д. 267, 272, 435, 437, 444, 645, 676; Оп. 3. Д. 488.

Ф. 15. Оп. Госархив. Д. 146, 181.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ)

Ф. 8 (С.К. и А.С. Грейги). Оп. 4. Д. 760, 770, 771.

Ф. 172 (Канцелярия вице-президента Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышева). Оп. 1. Д. 20, 22, 43, 94, 129, 135, 139, 157, 158, 189, 310, 313, 317.

Ф. 188 (Военно-походная канцелярия вице-адмирала А.В. Елманова). Оп. 1. Д. 7, 10, 53, 56, 65, 66, 85, 91, 92, 93.

Ф. 190 (Военно-походная канцелярия адмирала Г.А. Спиридова). Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 7, 16, 23, 26, 29, 44, 46, 61, 66, 104, 111, 114, 115, 116, 119, 120, 121.

Ф. 212. Государственная Адмиралтейств-коллегия. 1767 г. Д. 27.

Ф. 315 (Материалы для истории флота). Оп. 1. Д. 1, 597, 608, 609. Оп. 2. Д. 43.

Ф. 870 (Вахтенные и шханечные журналы). Оп. 1. Д. 1149.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 434. Д. 58.

Ф. 464. Д. 3.

Ф. 489. Оп. 1. Д. 2087.

Ф. 846 (Фонд военно-ученого архива). Оп. 16. Д. 1860; Д. 1948.

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА. ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ (ОР РНБ)

Ф. 568 (П.П. Пекарского). № 463.

ОСРК. F-IV –618.

ОТДЕЛ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ОПИ ГИМ)

Ф. 445. Д. 114.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ МУЗЕЙ

Рукописно-документальный фонд.

ARCHIVE NATIONALE DE FRANCE

4 AP 190. Memoire sur la guerre austro-russo-turque 1766–1788.

B 3 800. Dossier 10. Duc d'Aiguillon. Rapport du comte de Mazin sur la marine russe. 1773.

B 3 800. Dossier 18. Duc de Penthièvre, Grand Amiral de France. Puissances neutres et russes. 1780

ARCHIVIO DI STATO DI VENEZIA

Senato. Corti. Registro 146. 1769; Senato. Console Veneto in Genova. Busta I; Dispacci degli ambasciatori al Senato. Inghilterra. Busta 124; Inquisitori di Stato. Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli. Livorno. Busta 513; Dispacci degli Ambasciatori al Senato. Dalla Germania. Filza 272.

ARCHIVIO DI STATO DI TORINO

Italia. Lettere Ministri Fienze. Mazzo 2.

ARCHIVIO DI STATO DI FIRENZE

Segreteria e Ministero degli Esteri. Pezzo 2206. Carteggio S.A.R. e l'Imperatore di tutte le Russie e Gran Sultano. 1765–1824; Pezzo 2291. Carteggio con diversi personaggi toscani residenti a Roma. 1767–1770; Pezzo 2317. Carteggio Ordinario del Ministro di S.A.R. a Venezia (1767–1770); Pezzo 2318. Carteggio Ordinario del Ministro di S.A.R. a Venezia (1770–1773); Pezzo 2319. Carteggio Ordinario del Ministro di S.A.R. a Venezia (1774–1776); Pezzo 2330. Carteggio col Conte Marulli, agente Toscano a Nologna. 1767–1795; Pezzo 2332. Affari esteri. Russia; Pezzo 2333. Carteggio col Ministero di diverse Corti. Spagna, Torino, Vienna. Dal 1765; Pezzo 2334. Carteggio ordinario del ministro di S.A.R. alla corte di Francia (1768–1773); Pezzo 2335. Carteggio ordinario del ministro di S.A.R. alla corte di Francia (1774–1778); Pezzo 2337. Carteggio Ordinario del Ministro di S.A.R. alla Corte di Napoli, dal 1765 al 1795; Pezzo 2341. 1769. Diversi fuori di stato; Pezzo 2345. Carteggio dei Governatori di Livorno con Bonechi dal 1768 — al 1796; Pezzo 2741. Registro die passaporti che saranno spediti dalla Segreteria di Stato dal di 30 Settembre 1765.

Segreteria di Gabinetto. Pezzo 135. Copie lettere. Elenco delle lettere ricevute e rese.

Imperiale e Reale Corte. Pezzo 2264. Nota dei ministri esteri che hanno riseduto in tal qualita' alla Real Corte di Toscana dall'anno 1765; Pezzo 5249. Inventario di tutti gli strumenti di Fisica e Matematica d'ordine di S.A.R. stati consegnati al Sig. Abate Felice Fontana li 31 ottobre 1766.

Consiglio di Reggenza. Pezzo 1000. Carteggio del primo ministro dal 1769 al 1770; Pezzo 1007. Carteggio della Segreteria di Stato, e di Guerra con S.A.R., e primo Ministro nella loro permanenza in Vienna da giugno a ottobre 1770; Pezzo 1026. Carteggio del Direttore della Segreteria di Stato gli affari interni. 1771; Pezzo 1027. Carteggio del direttore della Segreteria di Stato per gli affari interni. 1772; Pezzo 1030. Carteggio del direttore della Segreteria di Stato per gli affari interni. 1774–1775.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Адмирал Ушаков. М., 1952. Т. 1–3.

Архив Государственного совета (АГС). СПб., 1869. Т. I.

[Б. авт.] С.Л. Лашкарев. Дипломат екатерининского времени. (Из современных подлинных бумаг). // Русский архив. 1884. Кн. 2 (3). С. 5–32.

Бёрни Ч. Музыкальные путешествия. Дневник путешествия 1770 г. по Франции и Италии. Л., 1961.

Богданович И.Ф. Автобиография. // Отечественные записки. 1853. Т. 87. Кн. 4. Отд. VII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // СБРИО. СПб., 1872. Т.Х.

Васильев. Дневник поручика Васильева / Пред. Е. Щепкиной. СПб., 1896.

Весли В. Воспоминания участника Архипелагской экспедиции // Морской сборник. 1914. Т. 382. № 5. С. 1–53.

Винский Г.С. Мое время. Записки // Екатерина II. Фасад и задворки империи. М., 2007. С. 9–100.

[Воронцов С.Р.] Граф Моцениго. Эпизод из первой Турецкой войны при Екатерине II-й, в рассказе графа С.Р. Воронцова // Русский архив. 1878. № 12. С. 413–425.

В память Чесменской победы 24–26 июня 1770 года. Сборник документов о сражениях в хиосском проливе и Чесменской бухте. Одесса, 1886.

Выпись из дневных записок одного российского путешественника по Балтийском и Средиземном море 1769–1770 // Старина и новизна. СПб., 1772. № 1. С. 19–21.

Гайлинг Х.Г. фон. Записки барона Христиана Генриха фон Гайлинга о поездке в Россию в 1770–1771 гг. // Новая и новейшая история / Пред. П.В. Стегния. 2000. № 5. С. 109–129.

Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб.: Лига, 1996.

[Грейг С.К.] Собственноручный журнал капитана-командора (впоследствии адмирала) С.К.Грейга // Морской сборник. 1849. Т. II. № 10–12. С. 645–660, 715–730, 785–827.

Дашкова Е.Р. Записки // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 35–208.

Два исторических документа имп. Екатерины II о древностях Волги и Кавказа / Сообщ. Н.Ф. Катановым. Казань, 1907 (Изд. Обществом археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете).

ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / Пер., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1978.

Дипломатическая переписка и письма Екатерины // СБРИО: Т. 7, 10, 12, 13, 19, 20, 22, 23, 33, 37, 47, 48, 51, 57, 67, 72, 87, 97, 118, 125, 135, 140, 141, 143.

- Добрынин Г.И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриилы Добрынина (прожившего 72 года 2 месяца и 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. В 3-х ч. (изд. 2 и предисл. М.И. Семевского). СПб., 1872.
- Долгоруков В.М.* Поденная записка путешествию его сиятельства кн. В.М. Долгорукова в Крымский полуостров во время кампании 1773 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. 8. Отд. 2. С. 182–187.
- Долгоруков Ю.В.* Записки // Русская старина. 1889. Т. 63. № 9. С. 481–517.
- Екатерина II и Г. А. Потемкин: личная переписка, 1769–1791 / Изд. подгот. В.С. Лопатин. М., 1997.
- Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его Тайным Советником Князем Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. Отд. IV. С. 87–98.
- Журнальная записка... Юрия Владимировича Долгорукова... в Черную Гору для учинения оттуда в Албании и Босне неприятелю диверсии. 1769 год // Русский архив. 1886. Кн. 1. Вып. 4. С. 389–437.
- Записки имп. Екатерины Второй. СПб., 1907.
- Из бейрутской церковной летописи XVI – XVIII в. / Изд. А.Е. Крымского // Древности восточные. Труды Восточной комиссии. М., 1907. Т. 3. Вып. 1. С. 1–89.
- Из бумаг гр. Н.И. Панина // Русский архив. 1878. № 12. С. 426–482.
- Из переписки А.А. Баратынского: Записки великого князя Павла Петровича А.А. Баратынскому, письма А.А. Баратынского родным и капитану К.И. Горохову / Публ. Л.Н. Бодровой // Встречи с прошлым. М., 2004. Вып. 10. С. 17–83 [Письма 1765–1796 гг. публикуются по автографам из РГАЛИ].
- К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. А.В. Рачинским // Русский архив. 1876. Кн. 7. С. 270–284.
- Казанова Дж.* Мемуары. М., 1991.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1788 года. СПб., 1887.
- Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / Сост., подготовка текста, перевод, вступл. и коммент. Н.И. Прокофьева. М., 1984.
- Коковцев М.Г.* Достоверное известие о Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа. СПб., 1780.
- Коковцев М.Г.* Описание Архипелага и варварийского берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786.
- Коковцев М.Г.* Достоверные известия об Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа, о состоянии правительства и областных доходов, о положении Варварийских берегов, о произрастаниях и прочем, с верным чертежом. СПб., 1787.
- Контр-адмирал Алексиано. Аттестат ему гр. А. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1886. Кн. III (12). С. 497–499.
- Копия прошения греческого народа к императрице Екатерине II от 6 января 1769 года // СБРИО. 1868. Т. 2. С. 284–286.
- Левашов П.А.* Поденные записки некоторых произшествий во время произошедшей с Турками войны от дни объявления оной по 1773 год бывшего в Константинополе, а потом в походах с турецкою армиею поверенного в делах П.... Л.... СПб., 1790.

- [Лузиньян С.] История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии и Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппа в Бальзору [Пальмиру] / Пер. с нем. А. Алексеева. М., 1789.
- Майков В. Описание разных увеселительных зрелищ, представленных во время мирного торжества, заключенного между Российской империею и Оттоманскою Портою. В высочайшем присутствии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всеавгустейшей и непобедимой монархини матери Отечества Екатерины II и их императорских высочеств, при многочисленном собрании народа, близь Москвы на Ходынке, 1775 года июля 16 дня. М., 1775.
- [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г.Орлова с предисловием Л.Н. Майкова // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX веков. Изд. М. Михайловым. СПб., 1873. С. 139 – 145.
- Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. // Оснадцатый век. М., 1869. Кн. 4. С. 217–223.
- Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1902. Т. 14.
- Материалы для истории русского флота. Ч. VI. СПб., 1877; Ч. XI. СПб., 1886; Ч. XII. СПб., 1888.
- Мордвинов С.И. Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою (с примечаниями С. Елагина). СПб., 1868.
- Неизвестные письма императрицы Екатерины Второй барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 9. С. 5–128.
- Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет. 1766–1776 гг. / Под ред. В.Н. Хитрово // ППС. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3 (36).
- Пален. Барона фон дер Палена журнал путешествия в Константинополь // Отечественные записки. 1823. Ч. 14. № 38. С. 372–384; Ч. 15. № 40 С. 236–247.
- Переписка Н.В. Гоголя в двух томах / Сост. А.А. Карпова, М.Н. Виролайнен. М., 1988. Т. I.
- Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиян. М., 1805. Ч. 1–2.
- Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773 // Русский архив. 1880. III (2). С. 229–260.
- Петров В.П. Ода его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову на прибытие его из Архипелага в Санкт-Петербург. 1771 марта 4 дня. [СПб., 1771].
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. I. М.; Л. 1964. С. 110–111, 169; Т. XII. Вып. 2. М., 1977.
- Письма Екатерины Второй к Гримму (1774–1796) / Изд. с пояснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1878. (СБРИО. Т. 23).
- Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину // ЧОИДР. 1863. Кн. 2. С. 1–160.
- Письма И.И. Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой // Москвитянин. 1845. № 10. С. 131–155.
- Письмо вел. кн. Павла Петровича к графу И.Г. Чернышеву. 15 мая 1775 г. О перевозе артиллерийских снарядов, оставшихся в Мароне // Русский архив. 1886. Кн. 3. С.305.

- Письмо графа А.Г. Орлова к египетскому паше Али-бею // Русский архив. 1880. III. № 11. С. 345–346.
- Письмо императрицы Екатерины II графу П.С. Салтыкову // Русский архив. 1886. Т. 3. С. 83.
- Платон (Левшин). Поучительные слова при высочайшем дворе... Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанныя... Платоном. М., 1780.
- Плещеев С. Дневные записки путешествия из Архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с краткою историею Али-беевых завоеваний, российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб., 1773.
- Политические и культурные отношения России с югославскими землями: Документы. М., 1984.
- Полномочный И.А. Род мой и происхождение. Краткие автобиограф. записки офицера Черномор. флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) [Публ. А. Матвеева] // Записки одесского общества истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 683–710.
- Потемкин П. Стихи Его Сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову на преславную победу флота, бывшую сего 1770 году июля 5 дня по новому штилю. СПб., 1770.
- Потемкин П.С. Стихи на приезд из Архипелага графа Алексея Григорьевича Орлова, сочиненные 1771 году, марта 4 дня. [СПб., 1771].
- Потемкин П. Россы в Архипелаге. Драмма. СПб., 1772.
- Проскинитарий Арсения Суханова. 1649–1653 // ППС. СПб., 1889. Т. VII. Вып. 3.
- Прошение тульских купцов о торговле в Средиземном море с заметками Екатерины II // Русский архив. 1870. № 4–5. Стлб. 541–545.
- Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709). Изд. под ред. С.П. Розанова // ППС. СПб., 1914. Т. 21. Вып. 1 (61).
- Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // СБРИО. СПб., 1867. Т. I. С. 1–114.
- Ресми-Ахмет-эфенди. Ресми-Ахмет-эфенди турецкий министр иностр. дел в 1760-е гг. Сок достопримечательного в сущности, о начале и важнейших событиях войны, происходившей между Высокою Портою и Россией... (1769–1776) / Предисл. О.И. Сенковского // Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. Отд. 1. С. 1–78.
- Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Р. Аруновой и С.Ф. Орешковой. М., 1985.
- Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // Русский архив. 1867. № 4. С. 575–606; № 7. С. 993–1027; № 10. С. 1203–1262; № 12. С. 1537–1578.
- Семена Порошина Записки, служащи к истории его Имп. Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престола Российского. СПб., 1844.
- Сенявин Д. Н. Записки адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина // Морской сборник. 1913. Т. 377. № 7. Неофиц. раздел. С. 1–45.
- Скопин Г. А. Дневник произшествий (1762–1796) // Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. Т. I. С. I–VIII, 1–140.

- Слюсарский Д.* Записки писаря киевского магистрата... о киевских событиях с 1734 по 1778 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1885. № 1. С. 36–40; № 2 С. 81–85.
- Собственноручная записка имп. Екатерины II-ой о греческом проекте. Сообщ. Н.К. Шильдер // Русская старина. 1892. Т. 76 (№ 10). С. 1–3.
- Собственноручные письма императрицы Екатерины II к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву // Русский архив. 1871. № 9. Стлб. 1313–1348.
- Список с подлинных приказов графа Алексея Григорьевича Орлова Чесменского по флоту, действовавшему в Архипелаге в 1770 году и истребившему турецкий флот при Хиосе и Чесме // Морской сборник. 1853. Т. 9 (№ 4). С. 263–289.
- Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747. СПб., 1885. (Первое издание: Пешеходца Василя Григоровича-Барского Плаки Альбова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находившемся, предпринятое в 1723 году и оконченное в 1747 году, им самим написанное. СПб., 1778).
- Толстой П.А.* Дневник, писанный им во время путешествия в Италию и на остров Мальту в 1697–1698 гг. // Русский архив. 1888. Кн. 1. Вып. 2. С. 161–204.
- Толстой П.А.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006.
- Толченов И.А.* Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова... М., 1974.
- Травин Л.А.* Божьим милосердием облагодетельствованного Леонтия Артамонова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, происшедшего в достоинство благородства, бывшия с 1741 года жизни его обстоятельства и приключения, для сведения и пользы собственного потомства его, описанная самим им. Вступ. статья Л.Софийского // Труды Псковского археологического общества. 1914. Т. 10. С. 25–129.
- Учебные книги и тетради великого князя Александра Павловича // СбРИО. СПб., 1867. Т. I. С. 369–384.
- Ушаков С.* Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского: в 3 ч. СПб., 1811.
- Филофей.* Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блюде // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 437–441.
- Хметевский С.П.* Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770–1774 гг. // Современник. 1855. Т. 49 (№ 1–2). С. 37–82, 111–170.
- Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / Изд. Л.А. Ольшевская, А.А. Решетова, С.Н. Травников. М., 2008.
- Хождение купца Василя Познякава по Святым местам Востока / Ред. и предисл. Х.М. Лопарева // ППС. СПб., 1887. Т. 6. Вып. 3 (18).
- Хождение Даниила, игумена Русской земли // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / Сост., подг. текста, пер., вступил. и комментарий Н.И. Прокофьева. М., 1984.
- [*Храповицкий А.В.*] Памятные записки А.В.Храповицкого статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862 (репринт 1990). С. 213.

- Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. СПб., 1786. Т. II. Кн. 1.
- Шишков А.С. К издателю Отечественных записок // Отечественные записки. 1820. Ч. 4. № 7. С. 67–88.
- [Шишков А.С.?] Розбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 г. отрывок из жизни N // Отечественные записки. 1821. Ч. 8. № 20. С. 289–323; 1822. Ч. 9. № 21. С. 35–70, № 22. С. 174–208.
- Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб., 1906.
- Bruce of Kinnaird J. Travels to discover the source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Edinburgh & London, 1790. Vol. 1–5.
- Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri. Vol. 3: Agosto 1769 — settembre 1770. Milano, 1911; Vol. 4: Ottobre 1770 — dicembre 1771. Milano, 1919; Vol. 5: Gennaio — dicembre 1772. Milano, 1926; Vol. 6: Gennaio 1773 — giugno 1774. Milano, 1928.
- Chappe d'Auteroche, l'abbé. Voyage en Sibirie. T. I. Amsterdam, 1769.
- Choiseul-Gouffier M.-G.-F.-A. Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1782. Vol. 1.
- d'Épinay L., Galiani F. Epistolario. 1769–1772. Palermo, 1996.
- L'abbé Galiani. Correspondance avec madame d'Épinay, madame Necker, madame Geoffrin, Diderot, Grimm, d'Alembert, de Sartine, d'Holbach etc. Vol. 1. Paris, 1881.
- Gorani J. Mémoires secrets et critiques des cours, des gouvernemens, et des moeurs des principaux états de l'Italie. Par Jean Gorani, Citoyen François. T. II. Paris, 1793.
- Istruzione emanate da Caterina Seconda Imperatrice e Legislatrice di tutta la Russia Stante la Commissione stabilita da questa Sovrana per la Reduzione di un Nuovo Codice delle Leggi tal quale и stata impressa in Russia, in Alemagna, in Francia. Tradotta nuovamente dal Francese in lingua Toscana. In Firenze, Nella Stamperia Bonducciana, MDCCLXIX [1769].
- The Movement for Greek Independance 1770–1821. A collection of documents / Ed. and translated by Richard Clogg. London, etc, 1976.
- Pasch van Krienen H.L. Abdruck seiner italienischen Beschreibung des griechischen Archipelagus mit Anmerkungen und einer Abhandlung über den Verfasser und seine Auffindung des Grabes Homer's auf Ios aus dem Nachlasse von Ludwig Ross. Halle, 1860.
- Pelli Bencivenni G. Efemeridi (1759–1808) // <http://www.bncf.firenze.sbn.it/pelli/it/progetto.html>
- Rulhière Cl.C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette république suivie des Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1819.
- Storia della guerra presente tra la Russia e la Porta Ottomana. Venezia, MDCCLXX [1770]. A spese di Antonio Graziosi con Licenza de' Superiori. T. IV–VI.
- Tott, François de. Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Amsterdam, 1785.
- Verdy Du Vernois A.-M., F.d. Essais de geographie, de politique et d'histoire sur les possessions de l'empereur des Turcs en Europe, divises en trois parties ; la premiere contenant une description geographique de la Turquie d'Europe ; la seconde contenant un detail de la constitution militaire des Turcs ; la troisieme, le recit historique des principaux evenemens de la guerre de 1768, entre la Russie et la Porte, par M. L. C. D. M. D. L. D. G. D. C. D. M. L. C. D'A. [Monsieur le chevalier Duvernois marechal des logis des gardes du corps de Monsieur le comte d'Artois.]. Neuchatel, 1784.

Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Egypte, pendant les anneès 1783, 1784 & 1785. Paris, 1787. Vol.1, 2.

На арабском языке:

Ас-Саббаг Михаил Никула. Тарих аш-шайх Захир ал-Умар аз-Зайдани. [Изд.] о. Конст. Баша. Харисса. Б.г.

Трад Абдаллах. Мухтасар тарих ал-асакифа. Бейрут, 2002.

Аш-Шидияк Танус. Китаб ахбар ал-айан фи Джабаль Любнан. Бейрут, 1858.

Аш-Шихаб Хайдар. Тарих Ахмад-паша ал-Джаззар. Бейрут, 1955.

ПЕРИОДИКА

Московские ведомости. 1768–1774

Санкт-Петербургские ведомости. 1768–1774

Annual Register. 1768–1774.

Gazette d'Amsterdam. 1768–1775.

Gazette de France. 1768–1774.

Gazzetta Toscana. 1768–1775

Gentlemen's Magazine. 1768–1774.

Novelle Letterarie. 1768–1775

Notizie del Mondo. 1768–1775

2. ЛИТЕРАТУРА

Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) М., 1994. С. 38–50.

Адмиралтейские верфи: корабли и годы 1704–1825 / Под общ. ред. В.Л. Александрова. СПб., 1994.

Айзенберг М. Празднество в России XVIII века // Декоративное искусство СССР. 1975. № 11. С. 38–41.

Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1, 2.

Алексеева М.А. Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века. (Каталог выставки). Л., 1978.

Андронов И. Франко Вентури. 14.05.1914 — 14.12.1994 // Россия и Италия. М., 1996. Вып. 2. С. 295–299.

Андронов С.О. Гаспаре Сантини — дипломат и художественный агент в Риме // Век Просвещения. М., 2006. Вып. I. С. 102–115.

Антипа, кафигумен Патмосский. Путеводитель по Патмосскому монастырю Св. Иоанна Богослова. Патмос, 2009.

Арш Г.Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — XIX в. // Советская этнография. 1969. № 3. С. 85–94.

Арш Г.Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970.

Арш Г.Л. О русской системе «покровительства» и о некоторых ее социально-экономических и политических последствиях для населения Балкан (конец XVIII – начало XIX вв.) // Etudes Balkaniques. Sofia, 1975. Vol. 2. С. 108–127.

- Арш Г.Л.* Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 60–72.
- Арш Г.Л.* Острова Архипелага, в частности Санторин, по донесениям российских консулов эпохи Екатерины II // www.hecucenter.ru/word-files/KERIE...pdf.
- Бажова А.П.* Русско-югославские отношения во второй половине XVIII века. М., 1982.
- Базанова Л.Э., Фундаминский М.И.* Материалы газеты «Санктпетербургские ведомости» во владельческих конволютах XVIII века // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 113–126.
- Базанова Л.Э.* «Прибавления» к газете «Санкт-петербургские ведомости» (1728–1800 гг.) // Академия наук СССР. Библиотека. Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л., 1987. С. 137–146.
- Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Одесса, 1862. (Др. изд: СПб., 1875; М., 1962; Иерусалим; М., 2007).
- Белавенец П.И.* Материалы по истории русского флота. М.; Л., 1940.
- Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952.
- Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959.
- Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.
- Бессарабова Н.В.* Русско-турецкие отношения в 80-х гг. XVIII в. и миссия Я.И. Булгакова в Стамбуле // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. М., 2005.
- Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2008.
- Бильбасов В.А.* Исторические монографии. СПб., 1901.
- Бойцов М.А., Пишизова С.Н.* Монархия // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 310–312.
- Бугашев С.И.* Корсиканская проблема в XVIII в. // Общество и власть. СПб., 2003.
- Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Sagner, 1991.
- Вавилов Н.И.* Пять континентов. Повесть о путешествиях в поисках новых растений. М., 1962.
- Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 1. СПб., 1880.
- Век Екатерины II.* Россия и Балканы. М., 1998.
- Вентури Ф.* Итало-русские отношения с 1750 по 1825 г. // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 25–50.
- Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774) // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 119–126.
- Веселаго Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1885.
- Веселовский А.Н.* К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // ЖМНП. 1885. Кн. 5. С. 166–183.
- Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур.* Сб. научных трудов. Саратов, 2001.
- Востоchnoхристианские реликвии.* Сб. статей / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века.* М., 1978.

- Вольфиун Л.Б. Граф Шуазель-Гуффье, первый директор Императорской Публичной библиотеки // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1. С. 127–140.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М., 2003.
- Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
- Глушков В. В. История военной картографии в России XVIII — начала XX в. М., 2007.
- Головачев В.Ф. Чесма. Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.; Л., 1944.
- Головенкова Р.В. И.И. Шувалов и пенсионерство в Императорской Академии художеств // Философский век: Альманах. Вып. 8. СПб., 1998. С. 43–48.
- Голомбиевский А.А. Биография кн. Г.Г.Орлова. М., 1904.
- Гордзонио С. Образ Российской империи в итальянской поэзии конца XVIII – начала XIX вв. // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом изразных углов. М., 1997. С. 106–116.
- Гребенищикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007.
- Греки России и Украины / Сост. и отв. ред. Ю.В. Иванова. СПб., 2004.
- Греция: Национальная идея, общество, государство XVII–XX вв. Материалы научной конференции... М., 2002.
- Григорович Н. И. Анатолий Мелес, епископ. Исторический очерк по новооткрытым бумагам // Русский архив. 1870. № 4–5 (8). С. 689–745.
- Гуминский В. Открытие мира, или путешествия и странники. М., 1987.
- Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Даницг Б.М., Жиленко В.И. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII века // Проблемы востоковедения. 1959. № 1. С. 86–93.
- Даницг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.
- Домшлак М. Архитектура старинного праздника // Декоративное искусство СССР. 1965. № 12. С. 34 – 39.
- Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.
- Дулич Л. На службе России // Морской сборник. 2006. № 1. С. 70–74.
- Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М., 2001.
- Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 664–731.
- Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 4: XVIII — начало XIX в. С. 657–684.
- Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М.: Унив. тип., 1896. Т. 1, 2.
- Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985.

- Житнев С.Ю.* История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007.
- Жукова Е. В.* Россия и Греческая Церковь: к истории взаимоотношений в XVII–XIX веках // Альфа и Омега. 2002. № 4. С. 120–132.
- Захаров В. А.* История Мальтийского ордена в России. М., 2006.
- Зелов Д. Д.* Официальные светские праздники как явления русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002.
- Золотарев В.А., Козлов И.А.* Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1989.
- Зонова Т.В.* Россия и Италия: История дипломатических отношений. Учебное пособие. Ч. 1. М., 1998.
- Зонтакис А.Г.* Образование и просвещение в греческих землях в XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия История. 2007. № 3 (май-июнь). С. 12–31.
- Зорин А.* «Кормя двуглавого орла...» Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
- Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006.
- Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.* Мусульманская священная история. От Адама до Иисуса. Рассказы Корана о посланниках божьих. М., 1996.
- Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М., 1997.
- Иванов Н.А.* Государство Караманлы в Ливии // История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М., 2000. Т. III. С. 420–424.
- Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984.
- Иванов О.* Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М., 2002.
- Иерусалим в русской культуре / Сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994.
- Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 2000.
- Иконников В.* Время Екатерины II. Лекции. Киев, 1881. Вып. I и II.
- Историко-документальный департамент МИД России. Россия и Европа в XVIII в. // <http://www.in.mid.ru/nsarch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/12abe461c5805fc343256b06002fb330?OpenDocument>
- История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.
- История внешней политики России. Конец XV века — начало 1917 г. Т. II. XVIII в.: От Северной войны до войн России против Наполеона. М., 1998.
- История Востока. М., 2000. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв.
- История Востока. М., 2004. Т. IV: Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.). Книга 1.
- История дипломатии. М., 1959. Т. I.
- К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. (Из бумаг вице-канцлера кн. А.М. Голицына // Русский архив. 1876. № 7. С. 270–171.
- Каллистов Н.Д.* Архипелажская экспедиция // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 8.
- Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII в. СПб., 1992.

- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001.
- Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы // *Ab Imperio*. 2006. № 4.
- Каптерев Н. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // ППС. 1895. Т. XV. Вып. I.
- Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914.
- Карп С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII в. М., 1998.
- Карп С.Я. «Пропавшая» рукопись Дидро: Замечания на проект договора между Россией и Сардинским королевством (в печати).
- Карпова Е.В. Скульптурные портреты И.И. Шувалова // *Философский век: Альманах*. Вып. 8. СПб., 1998. С. 67–74.
- Кессельбрэннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры. Дипломат-востоковед С.Л. Лошкарев и его время. М., 1988.
- Кибовский А.В., Леонов О. Г. 300 лет российской морской пехоте. М., 2007. Т. 1. (1705–1855).
- Кибовский А.В. «Невозможно иметь больше мужества, отважности и усердия к службе, колико оное войско изъявило». Балканские славяне на службе в русской армии и флоте. 1775–1797 // *Военно-исторический журнал*. 2008. № 7. С. 61–65.
- Кириллина С.А. «Очарованные странники». Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.
- Кирпиченок А. К вопросу об эмиграции православных греков и албанцев на Украину в середине XVIII в. // *Клио*. 2003. № 2. С. 183–185.
- Кислягина Л.Г. Тайная миссия лейтенанта русского флота Сергея Плещеева в Сирию в 1772 г. // *Арабский Восток*. Сб. статей. М., 1997. С. 88–99.
- Китромилидис Пасхалис. Эпоха Просвещения в Греции / Пер. с новогреч. М. Грацианского. СПб., 2007.
- Ключевский В. О. Курс русской истории // *Сочинения*. М., 1989. Т.5.
- Кнабе Г.С. Арбатская цивилизация и арбатский миф // *Москва и московский текст русской культуры*. М., 1998. С. 176–185.
- Кнабе Г.С. Русская античность. М., 1999.
- Кнабе Г.С. Жажда тождества. Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М., 2003.
- Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М.; СПб., 2006.
- Кобищанов Т.Ю. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников // *Вестник МГУ*. Сер. 13. Востоковедение. 2009 № 1. С. 9–16; № 2. С. 3–22.
- Кобищанов Ю.М. Предисловие // *Африка глазами наших соотечественников*. М., 1974.
- Ковалев С. Торжество празднования Кучук-Кайнарджийского мира в городе Вологде // *Русский архив*. 1903. Т. III (5). С. 513–518.
- Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб., 2003.

- Козлов С.А. Путевые записки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793–1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб., 2007.
- Комиссаренко А.И., Шаркова И.С. К истории русско-итальянской торговли в 40–50-х гг. XVIII в. // Исторические записки. Т. 98 (1977). С. 313–330.
- Константинопольский И.Г. Общественно-политическая история Бейрута в конце XVIII — начале XIX в. Дипл. работа на соиск. степ. магистра. М.: МГУ, 2008.
- Коптев В.И. Столетний юбилей в честь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского в память основанной им породы лошадей верховых и рысистых в 1775 году, празднованный в Москве в 1875 году по высочайшему ЕИВ соизволению. М., 1875.
- Костицын Д.Н. Дипломатическое поручение Екатерины II И.И. Шувалову // Философский век: Альманах. Вып. 8. СПб., 1998. С. 116–138.
- Красавкин В.К., Смуглин Ф.С. Здесь град Петра и флот навеки слиты: История морских частей в городе на Неве (1703–2003). СПб., 2004.
- Криницин Ф.С. Первая архипелагская экспедиция русского флота (1768–1774). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1958.
- Кропотов А. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, очерпнутая из достоверных российских и иностранных источников. СПб., 1816.
- Кросс Э. У темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996.
- Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005.
- Крымский А.Е. История новой арабской литературы. М., 1971.
- Курбатов В. Саркофаг Строгановского сада // Старые годы. 1912. С. 41–43.
- Лебедев А.П. История греко-восточной церкви под властью турок. СПб., 2004 (перв. изд. 1904 г.)
- Лебедев Евг. Ломоносов. М., 1990.
- Лебедев П.С. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863.
- Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985.
- Лещиловская И.И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. №2. С. 46–56.
- Лещиловская. И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006.
- Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.
- Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVIII веков. Эпохи и стили. М., 1973.
- Лопатина Л.А. Породнились в музыке Россия и Италия // Россия и Италия. Вып. 2. М., 1996. С. 59–69.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX века. СПб., 1994.
- Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
- Лямина Е. [Рецензия] // Новое лит. обозрение. М., 2004. № 66. С. 378–380 [На кн.: Гречаная Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002.]
- Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- Макарий (Булгаков), митрополит московский и коломенский. История русской церкви. Кн. I–VII. М., 1994–1996.
- Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008.

- Маркевич А.И.* Доклад действительного члена А.И. Маркевича о посылке грека Георгия Папазогли на Балканский полуостров в 1763–1764 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1896. Т. 19. С. 42–46.
- Маркина Е.Д.* Атрибуция картографических материалов Чертковской библиотеки, хранящихся в отделе картографии ГИМ // Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 143. Забелинские научные чтения 2003 г. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. С. 146–160.
- Маркова О.П.* О происхождении так называемого Греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1957. № 4. С. 52–78.
- Мачарадзе О.Г.* Грузинские документы из истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х годов XVIII века. Тбилиси, 1967.
- Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Метакса Е.П.* История греческих происшествий, обстоятельно и подробно описанных от первоначального действия греков до сего времени, заимствованная из описаний очевидцев и некоторых сочинений, с собственными дополнениями издателя флота к. 2-го ранга Е. Метаксы, с присовокуплением карты, представляющей весь театр войны. М., 1824.
- Мильчин К.А.* Образ России на страницах газеты *Moniteur Universel* в 1799 году // Россия и Франция. XVIII–XX века. М., 2005. С. 53–68.
- Милиц С.С.* Мемуары и российское дворянство. Историковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998.
- Мозговая Е.Б. И.И. Шувалов и Академия художеств // Философский век: Альманах. Вып. 8. СПб., 1998. С. 152–162.*
- Монаков М.С., Родионов Б.И.* История российского флота. М.; Кронштадт, 2006.
- Мусатова Т.Л.* Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М., 1990.
- Настенко И.А., Яшнев В.* История Мальтийского ордена. Кн. II. Мальтийский орден и Россия. Иоанниты в новое и новейшее время. XVIII–XX вв. М., 2005.
- «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Материалы научной конференции. СПб., 2001.
- Нивьер А.* Екатерина Великая и Иван Иванович Шувалов. Штрихи к сравнительному историческому, психологическому и политическому портрету // Философский век: Альманах. Вып. 8. М., 1998. С. 162–177.
- Николопулос И.* Греки и Россия XVII–XX вв. СПб., 2007.
- Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009.
- Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998.
- Образцов В.* «Надежда Благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // Родина. 2010. № 2. С. 78–79.
- Огаркова Н.А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII — начало XIX в. СПб., 2004.
- Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.
- Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.
- Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
- Орешкова С.Ф.* Османская история глазами русских дипломатов (К вопросу о посольских отношениях между Россией и Турцией в посольской документа-

- ции) // События и люди. Османская империя. Сб. ст. к 70-летию Ю.А. Петрова. М., 2000. С. 8–27.
- Оришин А.Д. О значении «Риторики» Ломоносова // XVIII век. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М., 1956.
- Панченко А.М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 96.
- Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века). М., 1998.
- Панченко К.А. Старообрядец в Леванте: Османский мир начала XVIII века в описании русского паломника Ивана Лукьянова // Мадх. Восхваление Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается... М., 2008. С. 339–350.
- Перминов П. Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке // Азия и Африка сегодня. 1987. № 7–9.
- Перминов П. Под сенью восьмиконечного креста. (Мальтийский орден и его связи с Россией). М., 1991.
- Перминов П. Посол III класса. Повествование о российском дипломате Алексее Михайловиче Обрескове... М., 1992.
- Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1874. СПб., 1866–74. Т. 1–5.
- Петрова М.А. Переписка Екатерины II и Иосифа II как исторический источник // Источниковед. исслед. 2004. Вып. 2. С. 167–193.
- Петрунина О.Е. «Восстань, о Греция, восстань!»: рождение греческой независимости глазами современников. Симферополь, 1998.
- Петрунина О.Е. Православная церковь в формировании концепции нации и подготовке освобождения греков от османского ига (XVIII–XIX века) // Религии мира. История и современность. М., 2003. С. 135–153.
- Печникова Р.Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М., 1990.
- Плавинская Н.Ю. «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60 — начале 70-х гг. XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Исследования и материалы. М., 2001. С. 9–36.
- Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. (жизнеописание графа Орлова-Чесменского). М., 1996.
- Проскурина В. Мифы и империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
- Прошин Е.Е. Гомеровский «текст» в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 2005. Вып. 11.
- Пряхин Ю.Д. «Вознаградить службу тех греков, кои в Архипелаге сражались за Россию...»: Переселение в Керчь и Еникале в 1775 году воинов Албанского (греческого) войска // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 69–72.
- Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004.
- Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II / Сост. А.А. Вигасин, С.Г. Карпюк. М., 1995.

- Путятин И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвещения. М., 2009.
- Репина Л.П., Арнаутова Ю.А. Введение // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 5–55.
- Решетова А.А. Греческий путеводитель в древнерусской паломнической литературе XV–XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. №4. С. 61–63.
- Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война [1768–1774] // Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. М., 1967. Т. 23. С. 159–190.
- Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в.: 1762–1775. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1967.
- Россия и Италия. М., 1996. Вып. 2.
- Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.
- Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 122–134.
- Русские и советские моряки на Средиземном море. М., 1976.
- Рязанцев И.В. Екатерина II в зеркале античной мифологии // Русская культура последней трети XVIII в. — времени Екатерины Второй. Сб. ст. М., 1997. С. 127–142.
- Савинская Л.Ю. Письма Я.Ф. Хаккерта князю Н.Б. Юсупову (К истории коллекционирования в России 1770–80-х годов) // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1989. М., 1990. С. 232–240.
- Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока: [пер. с англ.]. СПб., 2006.
- Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века. М., 2000.
- Самарин А. Ю. Тиражи изданий типографии Сухопутного Шляхетного корпуса в 1768–1771 гг. // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: Материалы X Межд. научной конференции. СПб., 2005. С. 47–51.
- Санкт-Петербург и античность = Sankt-Petersburg und die Antike = Sankt-Petersburg and classical antiquities: [Материалы выст. / Авт. текстов: Л.И. Давыдова и др.; науч. ред. Е.В. Мавлеев]. СПб., 1993.
- Сафонов С. Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы. Исторический очерк // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 205–238.
- Семенович Н. Картина Я.Ф. Хаккерта «Гибель турецкого флота в Чесменском бою» («Сожженный флот») // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1984. Т. XLIX.
- Сибирева Г.А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.
- Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. XV–XVI вв. М., 1998.
- Смилянская Е.Б. Греческое княжество, присягнувшее Екатерине Великой (1770–1775) // Родина. 2010. № 2. С. 60–63.
- Смилянская Е.Б., Смилянская И.М. Россия в Средиземноморье: политика и пропаганда екатерининского времени // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С. 45–55.
- Смилянска І.М., Смилянска Е.Б. Людина бароко доби класицизму (О.Г.Орлов та «грецька ідея») // Людина в культурі російського бароко. Міжнародна наукова конференція. Москва 28–30 версеня 2006 р. Київ, 2006. С. 128–130.

- Смилянская И.М.* Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 1995. № 5. С. 68–81.
- Смилянская И.М.* Торжества по случаю побед и заключения мира в царствование Екатерины II (их идейный и социо-культурный смысл) // Екатерина Великая: эпоха российской истории. Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 209–211.
- Смилянская И.М.* О политике Екатерины II в Средиземноморье и первых российско-арабских политических контактах // Анналы. Институт востоковедения РАН. Вып. V – VI. М., 1997. С. 5–36.
- Смилянская И.М.* К истокам средиземноморской политики Екатерины // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 86–101.
- Смилянская И.М.* Военно-политическая деятельность А.Г. Орлова в Средиземноморье и греческое освободительное движение // Восточный архив. 2000. № 4–5. С. 92–101.
- Смилянская И.М.* Сценарии политической жизни Сирии и Египта XVIII в. // Политическая интрига на Востоке. М., 2000. С. 246–274.
- Смилянская И.М.* «Приготовления» к русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. 2009. № 2 (20). С. 40–50.
- Смирнов В.Е.* Мамлюкские институты как элемент военно-административной и политической структуры османского Египта // Одиссей. Человек в истории. Рыцарство: реальное и воображаемое. 2004. М., 2004. С. 144–169.
- Сморгунова Е.М.* Город Кашин — земной образ Небесного Иерусалима, или «Богословие в камне». // Русская провинция: миф–текст–реальность / Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.; СПб., 2000. С. 368–384.
- Соколов А.Б.* Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 111–128.
- Соколов А.* Русские моряки и поэты // Морской сборник. 1848. №1 (6). С. 197–216.
- Соколов А.* Архипелагская кампания 1769–1774 г. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Т.VII.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIII, XIV.
- Соловьев С.М.* Учебная книга русской истории // Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1995. Кн. XVIII.
- Сомов В.А.* Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (Две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Исследования и материалы. М., 2001. С. 37–99.
- Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798–1807. М., 1962.
- Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М., 1976.
- Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в Греции. М., 1983.
- Стегний П.В.* Хроники времен Екатерины II. М., 2001.
- Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.
- Тарле Е.В.* Екатерина II и ее дипломатия. М., 1945. Ч. 1–2.
- Тарле Е.В.* Три экспедиции русского флота. М., 1956.
- Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769–1774 / Соч. в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 9–94.

- Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991.
- Теплов В.Н.* Русские представители в Царьграде. 1496–1891 гг. Исторический очерк. СПб., 1891.
- Тиктопуло Я.Ф.* Русско-турецкие войны 1768–1774, 1787–1791 гг. и судьбы греков. Греческий проект Екатерины II. Дисс. .... канд. ист. наук. М., 1991.
- Трей Г.* Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств. СПб., 1870. Вып. 1: Скульптура древних народов.
- Турчин В.С.* Аллегория будней и празднеств в «сословной иерархии» XVIII–XIX веков: от усадебной культуры прошлого до наших дней (эссе) // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. № 2 (18). М., 1996.
- Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки / Сост. и науч. ред. Е.М. Юхименко. М., 2009.
- Тюлицhev Д.В.* Московские подписчики «Санкт-петербургских ведомостей» в середине XVIII в. // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 100–112.
- Ужанков А.Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII вв. // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 19–88.
- Уляницкий В. А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.
- Уляницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002.
- Усольцев В.С.* Фома Фомич Макензи. Севастополь, 2001.
- Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 89–148.
- Ушаков С.* Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, почерпнутая из достоверных российских и иностранных источников. СПб., 1811.
- Фирсов Н.Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Казань, 1902.
- Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII в. Греческие документы московских хранилищ. Каталог выставки. М., 1991.
- Фонкич Б.* К истории приобретения греческих рукописей Харьковским университетом // Записки историко-филологического товариства Андрія Білецького. Киев, 2003. Вип. IV. Кн. 1. С. 198–203.
- Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984.
- Фролов Э.Д.* Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967.
- Хромов О. Р.* Гравюра Греческого мира в московских собраниях: Каталог выставки // Посольство Греции в Москве, Центр. музей древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева ; Посольство Греции в Москве, Центр. музей древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева; Сост. кат. и указ. О.Р. Хромов. М.: Индрик, 1997.
- Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.
- Черкасов П.П.* Франция и русско-турецкая война, 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 50 – 76.
- Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001.

- Черкасов П. П. Опала графа Н.И. Панина. По донесениям французского посольства в Санкт-Петербурге (1775–1783) // Россия и Франция. XVIII–XX века. М., 2005. С. 35–52.
- Черняев П. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Материалы для истории классического образования в России в био-библиографических очерках его деятелей былого времени // Филологические записки. Воронеж, 1904: вып. III–IV. Воронеж, 1905: вып. I–II, III–IV.
- Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896.
- Чугров С. В. Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993.
- Чужое: Опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.
- Шамрай Д.Д. Коллекция «Россика» в Публичной библиотеке и проблемы ее собирания и изучения / Публ. Н.А. Гринченко // http://www.nlr.ru/history/publ_hist/shamrai.pdf.
- Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 253–288.
- Швидковский Д.О. Династическая политика и архитектура во второй половине царствования Екатерины II // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1. С. 141–159.
- Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840. СПб., 2004.
- Шеремет В.И. «Греческий проект» и халифат в контексте восточной политики России последней трети XVIII века // Славяне и их соседи: Османская империя и народы Центральной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XIV–XVIII вв. М., 1992.
- Шигин В. Всеми забытый капитан Кожухов // Век XVIII. Под андреевским флагом. М., 1994.
- Широкоград А.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. Звездный час русского флота. М., 2006.
- Шпаро О.Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М., 1965.
- Щукина Е.С. Наградные медали Архипелагской экспедиции 1769–1770 // Труды Гос.Эрмитажа. Вып. XII. СПб., 1971.
- Якушев М.И. Христианские субъекты Османской империи — Антиохийский и Иерусалимские патриархаты — в политике Российской империи (30-е гг. XIX — начало XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Янници Т. Греческий мир в конце XVIII — начале XX в. по российским источникам. СПб., 2005.
- Ademollo A. Corilla Olimpica. Firenze, 1887.
- Alberti A.M. Venezia e la Russia alla fine del secolo XVIII (1770–1785) // Archivio Veneto. 1931. Vol. X.
- Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769–70 // Slavonic and East European Review. [New York], 1952/1953. Vol. 31. P. 148–163.
- Anderson M.S. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74 // English historical Review. [New York], 1954. Vol. XIX (№ 270). P. 39–58.

- Anderson M.S.* Britain's discovery of Russia, 1553–1815. [New York], 1958.
- Anderson M.S.* Europe in the Eighteenth Century. London; NY, 1987.
- Anderson R.C.* Naval Wars in the Levant. 1559–1853. Liverpool, 1952.
- Androsov S.O.* Петр Великий в Венеции // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994. Roma: La Fenice Edizioni, 1996. P. 19–27.
- Androsov S.* Ivan Šuvalov e la sua cerchia a Roma // Italia — Russia/ Incontri culturali e religiosi fra '700 e '900. Atti del Convegno internazionale, Napoli, 9–10 ottobre 2008. Napoli, 2009. P. 11–17.
- Augustinos O.* French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore, 1994.
- Auriant.* Un agent de Catherine II en Egypte: M. de Thonus 1784–1789 // Acropole. Paris, 1927. Vol. II. № 6. P. 112–127.
- Auriant.* Un aventurier vénitien en Egypte: Carlo Rosetti // Acropole. Paris, 1929. Vol. IV. P. 175–193.
- Auriant.* Catherine II et l'Orient. 1770–1774. (Documents inédits) // Acropole. Paris, 1930. Vol. 5. № 3–4 (19–20). P. 188–220.
- Auriant.* Les corsaires grecs alliés de la Russie 1787–1789. Documents inédits // Acropole. Paris, 1934. Vol. 9 (1). № 33. P. 20–28.
- Batalden S.K.* A Further Note on patriarch Serapheim II's Sojourn to Russia // Balkan Studies. 1977. Vol. 18 (2). P. 409–411.
- Becattini F.* (Remigio Pupares) Vita pubblica e privata di Pietro Leopoldo d'Austria Granduca di Toscana poi Imperatore Leopoldo II. Seconda edizione. Siena, MDC-CXCVII [1797].
- Benhamou P.* Inventaire des instruments de lecture publique des gazettes // Les gazettes européennes de langue française (XVIIe et XVIIIe siècles). St.Etienne, 1992. P. 121–129.
- Berti G.* Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957.
- Blondy A.* L'Ordre de Malte et Malte dans les affaires polonaises et russes au XVIII-e siècle // Revue des études slaves. 1994. № LXVI/4. P. 733–755.
- Blondy A.* L'Ordre de Malte au XVIII-e siècle. Des derniers splendeurs à la ruine. Paris, 2002.
- Bonifacio G.* La prima discesa russa in Mediterraneo // Rivista di cultura marinara. 1943. № 3 (Maggio-giugno).
- Bottari S.* Geopolitical and commercial interests in the Mediterranean sea. The reports of Angelo Rutter, English vice-consul in Malta (1769–1771) // Journal of Mediterranean studies. 2002. Vol. 12 (№ 2). P. 249–257.
- Bruess G. L.* Religion, identity and empire: a Greek archbishop in the Russia of Catherine the Great. New York, 1997.
- Busiri Vici A.* L'erudito della corte Russa del Settecento, Ivann Ivanovitch Schouvaloff, ed i suoi rapporti con Roma // L'urbe. Nuova serie. 1976. № 6. P. 39–52.
- Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs // Revue des Etudes sud-est européennes. Bukarest, 1965. T. III. № 3–4. P. 513–547.
- Campbell M.B.* The Idea of Greece in Western Letters (Travel Journals) // Arion. 1996 (Autumn). 4, 2.
- Cantù C.* Beccaria e il diritto penale. Firenze, 1862.

- Carrère d'Encausse E.* Victorieuse Russie. P., 1992.
- Il carteggio tra Amaduzzi e Corilla Olimpica 1775–1792 / a cura di Luciana Morelli. Firenze, 2000.
- Cavalcanti M.L.* Le relazioni commerciali tra il regno di Napoli e la Russia, 1777–1815. Fatti e teorie. Genève, 1979.
- Cazzola P.* Il principe Beloselskij // Piemonte vivo. Rassegna periodica di lavoro, arte, letteratura e costumi piemontesi. 1968. № 3. P. 3–8.
- Cazzola P.* Presenze russe in Nizza sabauda (1770–1860) // Studi Piemontesi. 1990. Vol. XIX. Fasc. 1. P. 119–135.
- Cazzola P.* Russia-Bologna. Tre secoli di rapporti, incontri e viaggi. Bologna, 1990.
- Cessi R.* Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770 // Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. T. LXXIV. P. II. Venezia: Presso la segreteria del Reale Istituto Palazzo Loredan Santo Stefano, 1914–1915.
- Cessi R.* Storia della Repubblica di Venezia. Firenze, 1981.
- Charles S.* Sur l'écriture du présent: la Gazette d'Amsterdam et la Gazette de France // Les gazettes européennes de langue française (XVIIe et XVIIIe siècles). St.Etienne, 1992. P. 177–185.
- Charle-Roux Fr.* Les Echelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928.
- Ciano C.* Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione. Pisa, 1980.
- Cinnella E.* Il Settecento russo di Franco Venturi // Cromohs. 2005. Vol. 10. P. 1–19.
- Cipriani A.* Una donna forte del Settecento // Pistoia Programma. 1988. № 41. P. 17–24.
- Cizova T.* Beccaria in Russia // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. 40. № 95. P. 384–408.
- Clogg R.* The Byzantine Legacy in the Modern Greek World: the Megali Idea // The Byzantine Legacy in Eastern Europe / Ed. by Lowell Clucas. Boulder, New York, 1988. P. 253–281.
- Clogg R.* Anatolica: Studies on the Greek East in the 18th and 19th Centuries. Variorum, 1996.
- Constantine D.* Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984.
- Contini A.* Concezione della sovranità e vita di corte in età leopoldina (1765–1790) // La corte di Toscana dai Medici ai Lorena. Atti delle giornate di studio Firenze, Archivio di Stato e Palazzo Pitti 15–16 dicembre 1997. Roma, 2002. P. 129–220.
- Crecelius D.* The Roots of Modern Egypt. A Study of the Regimes of Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Aby al-Dhahab, 1760–1775. Minneapolis, Chicago, 1981.
- Cross A.* The Elphinstones in Catherine the Great's navy // Mariner's Mirror. 1998 (August). Vol. 84, 3. P. 268–77.
- Dakin D.* The unification of Greece, 1770–1923. London, 1972.
- De Michelis C.G.* L'œuvre de Catherine II en Italie en XVIIIe siècle // Catherine II & l'Europe. Paris, 1997
- Donolo L.* Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia di Csmé // Nuovi Studi Livornesi. Vol. IX (2001). P. 107–143.
- Duffy C.* Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power 1700–1800. Knighton, 1994.

- Dulac G.* L'image de la Russie dans les gazettes et les correspondances diplomatiques Français et ses annexes (1774–1780) // *Nouvelles, gazettes, mémoires secrets* (1775–1800). Karlstad, 2000. P. 71–88.
- Dumani Beshara.* Rediscovering Palestine. Merchants and Peasants in Jabal Nablus, 1700–1900. Berkley; Los Angeles; London, 1995.
- Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor, 1991.
- Feyel G.* La diffusion des gazettes étrangères en France et la révolution postale des années 1750 // *Les gazettes européennes de langue française* (XVIIe et XVIIIe siècles). St. Etienne, 1992. P. 82–98.
- Fleicher.* Zur Geographie und Statistik des nordlichen Libanon // *ZDMG*. Bd. VI. Leipzig, 1852.
- Freller T.* In Search of a Mediterranean Base: The Order of St. John and Russia's Great Power Plans during the Rule of Tsar Peter the Great and Tsarina Catherine II // *Journal of Early Modern History*. 2004. Vol. 8. Issue 1/2. P. 3–30.
- Frumin, M., Rubin R.* A Russian Naval Officers's Map of Haifa-bay // *Imago Mundi*. 2002. Vol. 54 (Jul.). P. 125–128.
- Fuller W. C.* Strategy and Power in Russia: 1600–1914. New York, 1992.
- La Gazette d'Amsterdam: miroir de l'Europe au XVIIIe siècle / sous la direction de Pierre Rétat.* Oxford, 2001.
- Gerousi E.* Melos: the Christian Monuments of the Island. Athens, 1999.
- Harik Ilya F.* Politics and Change in a Traditional Society of Lebanon, 1711–1845. Princeton, New Jersey, 1968.
- Ivancevic V.* Pisa e Livorno nel conflitto russo-raguseo del 1769–1775. Pisa, 1967.
- Jones R. E.* Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth Century Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 1984. Vol. 32. P. 34–51.
- Joudah Ahmad Hasan.* Revolt in Palestine in the Eighteenth Century. The Era of Shaykh Zahir al Umar. Princeton, 1987.
- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca; London, 2006.
- Labrosse C.* L'instrument périodique // *La fonction de la presse au XVIIIe siècle / Ed. Claude Labrosse, Pierre Rétat, avec la collaboration de Henri Durantou.* Lyon, [1985].
- Labrosse C.* De l'usage de l'autre dans le discours de l'information politique (gazettes et journaux, 1784–1785) // *Nouvelles, gazettes, mémoires secrets* (1775–1800). Karlstad, 2000. P. 121–134.
- Laust Henri.* Les Gouverneurs de Damas sous les mamlouks et les premiers ottomans (658–1156/1260–1744). Traduction des Annales d'ibn Tulun et d'ibn Gum'a. Damas, 1959.
- Levi G.* Les projets du gouvernement sarde sur les relations économiques avec la Russie à la fin du XVIIIe siècle // *La Russie et l'Europe XVIIe — XXe siècles*. Paris, Moscou, 1970. P. 288–305.
- Liassis N.* 'No limits to their sway' — Byron's corsairs under ottomanism // *Journal of Mediterranean studies*. 2001. Vol. 11 (№ 2). P. 319–340.
- Liechtenhan F.-D.* Les trois christianismes et la Russie. Les voyageurs occidentaux face à l'Église orthodoxe russe. XV–XVIII siècle. Paris, 2002.

- Live of vice-admiral sir Charles Vinicombe Penrose, K.C.B., and captain James Trevenen. L., 1850.
- Lockroy E.* Ahmed le Bucher. La Syrie et l'Égypte au XVIII siècle. Paris, 1888.
- Longworth Ph.* Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. Vol. 64 (1986). № 3. P. 380–400.
- Majeska G.P.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Dumbarton Oaks, 1984.
- Makrides V.N.* Orthodoxie und Politik. Die russisch-griechischen Beziehungen zur Zeit Katharinas II // Katharina II, Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz; Beiheft 45) / Claus Scharf (Hg.). Mainz 2001. P. 85.
- Malagola C.* L'istituzione della rappresentanza diplomatica di Venezia alla corte di Pietroburgo e una relazione sulla marina russa sotto Caterina II. Venezia, 1906.
- Malta and Russia. A Journey through Centuries / Ed. by Elizaveta Zolina. Valetta, 2003.
- Maltezou C.* Greci di Venezia al servizio della Russia nel Settecento // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С. 167–173.
- Manfroni C.* Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770–71 // Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. T. LXXII. P. II. Venezia: Presso la segreteria del Reale Istituto Palazzo Loredan Santo Stefano, 1912–1913.
- Manfroni C.* La campagna navale russo-turca (1770–1771) // La Rivista Marittima. 1913. Roma: Officina poligrafica italiana. Quarto Trimestre. Vol. 4. (Dicembre).
- Mann' and manners at the court of Florence, 1740–1786. Founded on the letters of Horace Mann to Horace Walpole / Ed. by Dr. Doran, F.S.A. London, 1876. Vol. II.
- Mariti G.* Istoria della guerra accesa nella Storia, l'anno 1771, dalle armi di Aly-Bey dell' Egitto, e continuazione del successo a detto Aly-Bey fino a quest'anno 1772, con aggiunte. Firenze, 1772.
- Maupeau.* Les premières Russes en Méditerranée (1770-1807). Les corsaires moscovites // Revue de Défense nationale. 1947. № 3. P. 509–522.
- Monbrion.* Des Résultats de la guerre actuelle entre la Russie et la Turquie, et de l'intervention de la France et de l'Angleterre dans les affaires d'Orient... précédés d'une esquisse sur l'état de la Grèce et de la Turquie et les rapports de la Russie avec la Porte ottomane., comprenant: l'acte d'indépendance adressé par Mahomet II aux Grecs du Peloponèse en 1454; la statistique politique de l'empire ottoman; le manifeste turc contre la Russie. Paris, 1829.
- Moracci G.* Аббат Галиани и его русские корреспонденты // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994. Roma, 1996. P. 115-123.
- Morelli L.* Due donne del '700, in una ricerca della Provincia di Firenze // *Giordano A.* Letterate Toscane del Settecento. Un regesto. Firenze, 1994.
- Morelli Timpanaro M.A.* Autori, stampatori, librai. Per una storia dell' editoria in Firenze nel secolo XVIII. Firenze, 1969.
- Nagata Y.* Greek Rebellion of 1770 in the Morea Peninsula. Some Remarks through the Turkish Historical Sources // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko [Japan]. 1988. № 46. С. 85–99.

- Navari L., Konstantinos S.* Greek Civilization through the Eyes of Travelers and Scholars. Oak Knoll Press, 2004.
- Nicolopoulos J.* From Agathangelos to the megale idea: Russia and the emergence of modern Greek nationalism // *Balkan Studies*. 1985. Vol. 26 (1). P. 41–56.
- Osborn J.M.* Travel literature and the Rise of Neo-Ellenism in England // *Bulletin of the New York Public Library*. 1963. № 67. P. 279–300.
- Ousterhout R.* Loca Sancta and the Architectural Response to Pilgrimage // *The Blessings of Pilgrimage*. Ed. by Robert Ousterhout. Urbana; Chicago, 1990.
- Pappas N. C.* Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. Thessaloniki, 1991.
- Pera F.* Ricordi e biografie livornesi di Francesco Pera. Livorno, MDCCC LXVII [1867].
- Pera F.* Nuove curiosità livornesi inedite e rare trovate e raccolte da Francesco Pera. Firenze, 1899.
- Persen W.* The Russian occupations of Beirut, 1772–74 // *Journal of the Royal Central Asian Society*. 1955. Vol. XLII. Part III–IV. P. 275–286.
- Popkin J.* News and politics in the age of revolution: Jean Lussac's 'Gazette de Leyde'. Cornell, 1989.
- Popoulidis C.* Le Patriarche Oecuménique Sérapheim II et les Russes // *Balkan Studies*. 1976. Vol. 17 (1). 1. C. 29–66.
- Press and politics in pre-revolutionary France / Ed. J.R. Censer and J.D. Popkin. Berkeley, 1987.
- Rafeq Abdul-Karim.* The Province of Damascus. 1723–1783. Beirut, 1966.
- Ragsdale H.* Montmorin and Catherine's Greek Project // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1986. Vol. XXVII (1). P. 27–44.
- Ragsdale H.* Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project // *The Slavonic and East European Review*. 1988. Vol. 66. P. 91–117.
- Ragsdale H.* Russian projects of conquest in the eighteenth century // *Imperial Russian foreign policy* / Ed. and trans. by Hugh Ragsdale, V.N. Ponomarev. Cambridge, 1993. P. 75–102.
- Rawson E.* The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969.
- Rétat P.* Les gazetiers de Hollande et les puissance politiques. Une difficile collaboration // *Dix-Huitième Siècle*. 1993. № 25. C. 319–335.
- Rice J.A.* Antonio Salieri and Viennese Opera. Chicago, 1999.
- Righini B.* I periodici fiorentini (1596–1950). Catalogo ragionato. Vol. 1. Firenze, MC–MLV [1955].
- Risaliti R.* Russi a Firenze e Toscana. Firenze, 1992. Vol. 1.
- Roessel D.* In Byron's Shadow. Modern Greece in the English and American Imagination. New York, 2002.
- Ross L.* Graf Pasch van Krienen über sich selbst und seine Reisen // *Graf Pasch van Krienen H.L.* Abdruck seiner italienischen Beschreibung des griechischen Archipelagus mit Anmerkungen und einer Abhandlung über den Verfasser und seine Auffindung des Grabes Homer's auf Ios aus dem Nachlasse von Ludwig Ross. Halle, 1860.
- Saul N. E.* Russia and the Mediterranean 1797–1807. Chicago; London, 1970.
- Schierle I.* Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // *Ab Imperio*. 2009. № 3.

- Schur N.* Ha-Kerekh ha-sheni shel sifro shel Giovanni Mariti 'Al Milhamot Dahar El-'Amar Be-Shanim 1772–1774 (hebrew) // *Cathedra: For the History of Eretz Israel & Its Yishiv.* 1995. Dec. 1995. Vol. 78. P. 43–48.
- Seneca F.* Francesco Lorenzo Morosini e un fallito progetto di accordo veneto-russo // *Archivio veneto.* № 106 (1963).
- Stavrou T., Weisensel P.* Russian travelers to the Christian East from the twelfth to the twentieth century. Columbus (Ohio), 1985.
- Stroev A., Mihaila I.* Ériger une République souveraine, libre et indépendante. (Mémoires de Charles-Léopold Andreu de Bilstein sur la Moldavie et la Valachie au XVIIIe siècle). Bucarest, 2001.
- Tanucci B.* Lettere a Ferdinando Galiani. Bari, 1914. Vol. 2.
- Thompson G.S.* Catherine the Great and the Expansion of Russia. Westport, Connecticut, 1947.
- Toth F.* La Guerre Russo-Turque (1768–1774) et la défense des Dardanelles. L'extraordinaire mission du baron de Tott. Paris, 2008.
- Trofimova A.* Classical antiquities // *Stroganoff: The Palace and Collections of a Russian Noble Family* [Publ. on the occasion of an Exhib., held at the Portland art museum, Portland, Oregon, Febr. 19 — May 31, 2000 a. at the Kimbell art museum, Fort Worth, Texas, July 2 — Oct. 1, 2000] / Penelope Hunter-Stiebel, gen. ed.; Intro. by John E. Buchanan, jr. Portland (Oregon), 2000.
- Venturi F.* Qui est le traducteur de l'essai sur la littérature russe ? // *Revue des études slaves.* 1961. T. 38. P. 217–221.
- Venturi F.* Il Settecento Riformatore. Vol. 3: La prima crisi dell'Antico Regime (1768–1776). Torino, 1979.
- Villani S.* Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo // *Nuovi Studi Livornesi.* Vol. XV (2008). P. 37–96.
- Vivoli G.* Guida di Livorno antico e moderno e dei luoghi più notabili dei suoi contorni. Livorno, 1997.
- Vlami D.* Commerce and identity in the Greek communities: Livorno in the eighteenth-century and nineteenth-century // *Diogenes.* 1997. Vol. 177. P. 73–92.
- Wandruszka A.* Pietro Leopoldo. Un grande riformatore. Firenze, 1968.
- Βακαλόπουλος Α.* Αι εν έτει 1770 ναυμαχίαι μεταξύ ρωσικού και τουρκικού στόλου εις την λαϊκήν μας ποιήσιν // *Ελληνικά.* 1939. № 11. σελ. 109–114.
- Γριτσόπουλος Τ. Α.* Τα Ορλωφικά. Η εν Πελοποννήσω επανάστασις του 1770 και τα επακόλουθα αυτής. Αθήναι 1967.
- Δημητρόπουλος Δ.* *Μαρτυρίες για τον πληθυσμό των νησιών του Αιγαίου, 15ος — αρχές 19ου αιώνα.* Τετράδια Εργασίας 27 ΚΝΕ/ΕΙΕ. Αθήνα, 2004.
- Καρπάθιος Ε. Ι.* Η λατινική προπαγάνδα και αι Κυκλάδες κατά τον ΙΗ' αιώνα: (εκθέσεις προς το Συνέδριον της Προπαγάνδας Πίστεως). Αθήνα, 1936
- Κοντογιάννης Π.Ν.* Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768-1774. Αθήνα, 1903.
- Κουγέας Σ.* Συμβολαί εις την ιστορίαν της υπό τους Ορλώφ Πελλοποννησιακής Επανάστασεως (1770) // *Πελοποννησιακα.* 1956. № 1. σελ. 50–107.
- Κώνστα Π.* Η Ρωσία ως Ναυτική Δύναμις (860–1960 μ. Χ.). Αθήνα 1964.
- Μαλανδράκης Μ.* Νησιωτικά χρονικά // *Ελληνικά.* 1936. № 9. (1936). σελ. 69–116.

- Μπελιβανάκης Γρ.* Ιστορία της Μήλου. Συγκροτημένη από τις ιστορικές επιφυλλίδες της εφημερίδας «Μήλος» μιας 25ετίας 1976–2001. Αθήνα, 2001.
- Πασχάλη Δ.* Αι Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ' ανέκδοτων έγγραφων. // Επετηρίς Εταιρείας Κυκλαδικών Μελετών. 1961. №1. σελ. 234–292.
- Πρωτοψάλτης Ε.Γ.* Η επαναστατική κίνηση των Ελλήνων κατά τον δεύτερον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον (1787–1792). Αθήνα, 1959.
- Ροτζώκος, Νίκος Β.* Εθναφύπνιση και εθνογένεση : Ορλωφικά και ελληνική ιστοριογραφία / Νίκος Β. Ροτζώκος. — 1η έκδ. — Αθήνα : Βιβλιόραμα, 2007.
- Σάθας Κ.* Τουρκοκρατούμενη Ελλάς, 1453–1821. Αθήναι, 1869.
- Σακελλαρίου Μ.Β.* Η Πελοπόννησος κατά την δευτέραν Τουρκοκρατίαν, 1715–1821. Αθήνα, 1939.
- Σιμόπουλος Κ.* Ξένοι Ταξιδιώτες στην Ελλάδα. Αθήνα, 1999. Τ. 2 (1700–1800).
- Σιγάλα Α.* Επιστολή Παύλου Νεστερώφ προς τους κατοίκους της Σύρου // Ελληνικά. 1928. № 1. σελ. 138–143.
- Στέφανος Κ.* Ανέκδοτα έγγραφα αποσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων κατα την υπο των Ρώσων κατοχήν. Αθήνα, 1878.

3. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769–1774 гг. М.: Индрик, 1997.
- Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Т. 4. М., 1836.
- Екатерина II. Аннотированная библиография публикаций / Сост. И.В. Бабич, М.В. Бабич, Т.А. Лаптева. М., 2004.
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1. М., 1976.
- Кузнецов А.Л.* Ордена и медали России. М., 1985.
- Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1873–1875.
- Лурье В.М.* Морской биографический словарь. Деятели Российского флота. XVIII века. СПб.: Информационный центр «Выбор», 2005.
- Общий морской список царствования Екатерины II. СПб., 1890. Т. I.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт. изд. М., 1992. В 2-х тт.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. В 5-ти тт. М., 1962–1975.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1987–1998. Вып. 1–3.
- Список военному департаменту и находящимся в штате при войске в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам. СПб., 1784.
- Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве / Пер. с англ. А. Майкопара. М., 1996.
- Христианство. Энциклопедический словарь. Т. I–II. М., 1993.
- Чернышев А.А.* Российский парусный флот: Справочник в 2-х т. М., 2002.
- Blondy A.* Bibliographie du monde méditerranéen [Texte imprimé] : relations et échanges: de la chute de Constantinople (1453) à la reconquête ottomane de Tripoli (1835). Paris, 2003.

- Dictionnaire de journeaux (1600–1789) / Sous la dir. de J. Sgard. Paris, 1991. Vol. 1, 2.
Dictionnaire des journalistes (1600–1789) / Sous la dir. de J. Sgard. Oxford, 1999. 2 vol.

- Абдаллах, шериф Мекки 347
Абд ас-Салям ал-Имади см. ал-Имади Абд ас-Салям
Абди-паша 731, 741--743
Абдул-Резак 216
Абдулла, чауш, босниец 662
Абрам из Солоник 199
Абу-з-Захаб см. Мухаммед-бей
Аввакум, пророк библ. 598
Август, римский император 529, 552
Август III, польский король 11, 32
Авраам (Ибрахим), библ. 333, 334
Авраам, священник с Кипра (он же хаджи Ибрагим) 200
Агарь, библ. 16, 333, 334
Агеева О.Г. 443
Адани Алессандро 326
Адофрень Людвиг (Audiffren Luis) 361
ал-Азм, сирийский род 343, 345
ал-Азм Асад 343
ал-Азм Мухаммед-паша 344–346, 351, 373, 382
Айзенберг М.
Акельев Е.В. 26, 449
Акинфиев Петр (ум. 1774)
Акинфов
Аклеин (Аклея, Аклеин) Иван (ум. 1780) 652, 656, 698
Аламан Вангели 23
д'Аламбер Ж.Л. 428
Алваний, кардинал 558
Александр Македонский 15, 208, 209, 463, 521, 537, 753
Александренко В. Н. 102
Алексеев, шкипер 574, 581
Алексеева М.А. 434
Алексей I Комнин, византийский император 538
Алексей Михайлович, царь 220
Алексиано семья 67, 103
Алексиано Алессандро (ум. 1783) 102, 104, 618, 629, 657
Алексиано Анна 103
Алексиано Антон (ум. 1810) 103, 380, 658,
Алексиано Панаиоти (ум. 1787) 102, 103, 130–132, 226, 312, 324, 329, 364, 375–377, 380, 386, 404, 629, 648, 657
Алексиано Теодор (Федор) 79, 102–105, 334
Алессандро Кристофано 104
Алжерино см. Гасан Алжерино
Али (ум. после 1775), сын Захира ал-Омара 398
Али Джумблат см. Джумблат Али
Али-бей ал-Кабир (1728–1773) 80, 93, 106, 166, 200–203, 336–338, 340–344, 346–369, 371–382, 386–388, 403, 406, 409, 425, 426, 431, 450, 463, 464, 472–474, 642, 659, 661, 670, 703, 705, 723, 731–733, 735
Али-паша, бей Западного Триполи 336
Алифиерис Олимпиос 26
Альберти А.М. см. *Alberti A.M.*
делья Альберти Винченцо 307
Альгаротти Франческо 313
Альфиери Витторио 312
Аммиан Марцелин (Амеин Макелико, Амьмиано Меркелино), историк IV в. 544
Анагноста, капитан 491
Анастасиев Яни, командир соколевы 658
Анатолий Мелес епископ 69, 70, 203
Андерсон 581
Андерсон Петр Петрович, контр-адмирал 571, 573, 685
Андерсон М.С. см. *Anderson M.S.*
Андерсон Р.С. см. *Anderson R.S.*
Анджолони (Angiolini) Доменико Гаспаро Мария 440
д'Анджоло Елена 296
Андросов С.О. (Androsov S.) 220, 281, 301, 305, 548

- Анисимов, мичман 574, 581
 Аничков Петр, командир фрегата «Надежда Благополучия» 35, 192, 292, 617, 629, 656
 Анна Иоанновна, императрица 453, 754
 Анненков, подпоручик морского батальона 394
 Аннибал (Ганнибал) 29, 414
 Антиох I Сотер 545
Антипа, кафизугумен Патмосский 185, 716
 Антоний IV патриарх константинопольский, XIV в 14
 Антонин Пий, римский император 536
 Антонов Иван, штурман 653
 Антропов, обер-секретарь Адмиралтейств-коллегии 699
 Анфим, митрополит Каламатский и Момвасийский 49, 483, 494
 Анфим, митрополит Паронаксинский 605
Аншаков Ю.П. 53
 Аполлодор Афинский 429
 Апрелев, адъютант А.Г.Орлова 680
 Апулей 429
 Апухтин Григорий, капитан флота 676
 Аристон, философ 543, 545
 Аристотель 545, 726
 Аркетти Джованни Андреа 281
Арнаутова Ю.А. 452
 Арсений дьякон 522
 Арсений Суханов 715, 718, 720–722, 725
 Аргачино Юрго, командир судна 658
 Артемьев Василий, подштюрман 653
Арунова М.Р. 30
 Арф Иван Николаевич 61, 91, 92, 94, 95, 104, 116, 137, 146, 168, 191, 199, 224, 247, 270, 275, 284, 325, 335, 380, 499, 548, 555, 609, 615, 618, 659
 Архаров Иван Петрович, прапорщик 610
 Арцыбашев Иван Васильевич, капитан-лейтенант 35, 645, 656, 659
Арш Г.Л. 15, 21, 23, 24, 38, 41, 44, 47, 52, 53, 57, 116, 119, 126, 167, 218, 316, 369, 419, 483, 485, 491
 Ассербург Ахац, барон 262
 Афанасий Великий 721
 Афанасий, константинопольский патриарх 723
 Афанасий, грек из Наварина 124
 Афанасий, иеромонах 605
 Ахилл, мифолог. 208
 Ахмед Аббас, шейх, правитель Сура 376
 Ахмед-ага Денгизли (Денгизли), комендант Сайды 351, 366, 377, 388–391, 399, 400, 404
 Ахмед-бей ал-Джеззар (Чезарбей, Жазаре) 33, 387–389, 392, 393, 395–402, 405, 408, 686–688, 702, 703
 Ахмет-Ага, селимагаси-церемонимейстер, босниец 591, 662
 Ацали Иван (Жованни) 167, 218

Бабкова Г.О. 26
 Баженов Афанасий, комиссар 654
 Баженов Василий Осипович, архитектор 441
Базанова Л.Э. 447
 Базваль (Базбал) Христиан Михайлович 184, 612, 691
Базили К.М. 337, 338, 351, 364, 366, 367, 383, 387, 388, 393, 395, 396, 401, 702
 Баина Марко 249, 270
 Байков Николай 654
 Балабан Трифон 254
 Баланчин Василий 104
 Бальони Клементина 296
 Бальони Роза 296
 Банович Зуан 254
 Банович Марко 254
Бантыш-Каменский Д.Н. 336
Баранов Х.К. 371
 Барков Гавриил Михайлович 123, 215
 Бароцы (Barozzi), семья 540
Бартнев П.И. 38
 Барш Иван Яковлевич 566, 571, 579, 581, 586, 591, 685
 Бярятинский Иван Сергеевич 260, 267, 268
 Бассано Якопо 239
 Басбал см. Базваль
 Батакки Томмазо Джулиано 270, 291, 300
 Батаков Александр 653
 Баталзен Яков 20, 161, 163, 165, 193
Баталов А.Л. 710, 711
 Батюшков, поручик 581
 Баумгартен (Бомгард, Бонгерд, Бомумгарт, Боумбгарт) Максимилиан (Магнус, Максим Иванович) 106, 199, 202, 376–

- 378, 382–386, 389, 393, 399–401, 404, 610,
661, 670, 686, 687, 690
Бахметев Иван 574, 608, 629, 653
Бачманов Федор 653
Баш Чауш Гасан см. Гасан, баш-чауш
Беверидж Александр 200
Безбородко Александр Андреевич, граф
75, 135, 139, 432, 495, 756
Безгубов Иван 756
Безумов, лейтенант 574, 581
Беккариа Чезаре 239, 312
Беккатины (Becattini) Франческо 222, 322, 331
Беклемишев Петр Иванович 29, 236
Беклошев Александр Андреевич 609
Белич Ефим 69, 664, 669
Белова О.В. 711
Белоглазов Яков 653
Белосельский Михайло Андреевич, князь,
член коллегии 566
Белосельский Михаил Андреевич, князь
(муж Н.И.Чернышевой) 750
Белосельский-Белозерский Александр Ми-
хайлович 262, 269
Белоусов А.Ф. 711
Беляев Л.А. 711
Бенаки (Бенакис) Паниоти 51, 52, 54, 117,
123, 124
Березин (Дрезин, м.б. Дризен?) капитан-
командор 568, 685
Березовский Максим Созонтович 316, 331, 433
Берков П.Н. 465
Берлингъери Одоардо 294
Берлич 618
Бернет (Burnet) Гилберт 461
Бернини Джованни Лоренцо 553
Берти Дж. 11, 21, 25, 30, 56, 78, 220, 223, 235,
238–241, 243, 255, 260, 266, 268, 269, 273,
278
Берх Амантус Борисович (ум. после 1800) 653
Берхман Петр Федорович 610
Бессарабова Н.В. 749
Бецкой Иван Иванович 167, 305
Бешенцов Петр Федорович, капитан фло-
та 23, 571, 574, 579, 581, 587, 628, 629, 653,
698
Бешенцов, прапорщик 574
Бёльке 39
Бёрни Ч. 318
Бики Франческо 225, 226, 253, 254, 267, 270,
272, 306
Биланд, капитан 757
Билиштейн Чарльз-Леопольд-Андре 147
Бильбасов В.А. 750
Биляр, арап 203
Бирюков Козьма 676
Бичилли (Бицилли) Дж. 47
Бичилли (Бицилли) Панно 47, 218
Бичилли Спирос 211
Бйорнсталь 519
Блэкфорд Доминик фон 313
Богданович Иван Федорович 65, 313
Боде капитан-поручик 690
Бодич (Bodic), капитан 294
Боер, книготорговец 326
Бойд (Boyd), британский генерал-майор 101
Бойцов М.А. 414
Бока Падули Джентили 299
Бонакорси Джованни 294
Бонеки Джузеппе 252, 294
Боргезе, княжеская фамилия 558
Борисов Иван Антонович, капитан флота
33, 168, 195, 210, 587, 629, 656, 670, 671,
678, 699
Бортнянский Дмитрий Степанович 433
Борхес И.А. 99
Боцис Дмитрий Ф. 29, 235
Бродский Ю.В. 26
Броун Роберт 93, 105, 200, 201, 306–308, 372,
374, 619, 632, 641, 662
Брюн К. ле 379
Брюс Джеймс 202, 337, 338
Буагиар (Buhagiar) Тереза 111
Бугер 751
Бузинелло, посол Венеции 236
Буковал (Буковало, Букувал) Ян 117, 491
Буланин Д.М. 726
Булатов В.Э. 19, 62, 517
Булгаков, капитан-лейтенант 198, 272, 616,
629, 656
Булгаков Яков Иванович 702
Булгарис (Вулгарис) Евгений см. Евгений
Вулгарис

- Бурбон дель Монте Мария Магдалена 298
 Бурбон дель Монте Филиппо 225, 226, 228, 229, 272, 286, 291, 292, 295, 297, 306, 307, 317, 323, 324, 326
Бусева-Давыдова И.Л. 712
 Бутлер Рихард, купец 201
 Бутурлин П.А., граф 105
 Бухарин Григорий Иванович, мичман 571, 750
 Бухгольц, кавалергард 64
 Бюшинг Антон Фридрих 314
- Вавилов Н.И.* 715
 Вазари Джорджо 549
 Ваксель Лаврентий Ксаверьевич 571, 698, 751, 753, 757
 Вакхилид (Баххилид, Винхилидий) 543, 544
 Валерий Максим 545
 Валет Спиридон 531, 532
 Вальзаманти (Валзомани) Джованни 366, 367, 380, 657
 Вандоро Никола 104
Вандружка Адам см. Wandruszka A.
 Вани Генрих 200
 Варвакис (Варвацци, Варвич, Варвач Яни) Иван Андреевич 629, 634, 636, 658, 659, 666
 Варсонофий, иеромонах 718, 719
 Варфоломей, митрополит афинский 185
Василенко М.И. 26
 Василий, иеромонах 574
 Василий, купец 715, 719
 Василий I Дмитриевич, 14
Василиопуло Иоаннис 26
 Васильев, поручик 442
Васильчиков А.А. 281
 Васиф-эфенди (Васиф-Ефенди), турецкий историк 71, 121
 Вельяшев, мичман 574
 Венути, маркиз 315
Вентури Ф. см. Venturi F.
 Вергилий 429, 714
 Вердеревский Николай, поручик 676
 Веригин Аполлон Александрович 9, 623, 690
 Веронезе Паоло 239
 Верри Алессандро, Пьетро см. Verri
- Веселовский А.Н.* 713
 Веселовский Прокопий 653
 Весли Вильям (Уильям) 19, 89, 90, 98, 165, 199, 205, 574
 Вешняков Алексей Андреевич 36, 40, 716, 722
 Вигур (Vigouroux) бароны, семья 541
 Вигур (Вигюр) де, барон 200, 203, 211
Виллани С. см. Villani S.
 Виллинг (Виелинг) Арнольд, консул Пруссии 604
 Вильгельмгоф Иоганн 193
 Вильнев, тосканский чиновник 230, 234, 286
 Винков, лейтенант 566
Виноградов В.Н. 9, 17, 21, 31, 40
 Винский Григорий Степанович 433, 443, 475, 476
 Вириль Антон 730
Виролайнен М.Н. 12
 Витоли Гералимус 657
 Витторио Амедео III, король Сардинии 268
 Владико Иван 189
 Владимир, князь 723
 Владимиров Иван 35, 36
 Водолеев Иван 676
 Воейков Александр 653
 Воинов, лейтенант 685
 Войнович Иван, граф, прапорщик (погиб в 1773 г.) 394, 395, 688, 704
 Войнович Иван Васильевич, граф 79, 80, 131, 132, 137, 149, 150, 172, 218, 362–365, 368, 376, 377, 379, 384–391, 397–399, 624, 629, 643, 652, 656, 663, 664, 686, 703–705, 732
 Войнович Марко Иванович, граф 80, 394, 397–399, 401–405, 629, 652, 657, 704, 747, 753
 Войновичи, графы, сербский род 67
 Волконский, князь 277
 Волчков, капитан-лейтенант 615
 Вольней (Шасбёф) Константин-Франсуа (Volney С.-F.) 20, 337, 366, 368, 380, 381
 Вольтер Мари Франсуа Аруэ де (1694–1778) 29, 40, 89, 115, 125, 143, 144, 146, 250, 260, 309, 313, 354, 355, 359, 377, 414–416, 424, 426, 428, 430, 431, 435, 436, 440, 448, 460, 727
 Вольф, летенант 272
Вольфиун Л.Б. 182

- Ворнев, лейтенант 581
Воронов Тарас 690
Воронцов Александр Романович 237
Воронцов Дмитрий, прапорщик 676
Вуд Роберт 13
Вульф Л. 181
Вяземский Александр, лейтенант 653
Вяземский Александр Алексеевич, сановник 243, 272
- Гавриил, архиепископ санторинский 605
Гагара Василий 714
Гагарин Василий Андреевич, князь 589, 590
Гагарин Сергей Сергеевич (?), князь 277, 303
Гак, английский адмирал 97
Галиани Ф., аббат см. *Galiani F, l'abbé*
Гальский Владимир, мичман 654
Гамильтон, граф 282
Ган, капитан Шлиссельбургского полка 633
Ганнибал Иван Абрамович 69, 95, 192, 195, 198, 299, 379, 586, 612, 698
Ганнибал Осип Абрамович 69
Гантвих Карп Егорович 609
Гардзонио С. 313
Гасан см. Хасан-паша
Гасан (Баш Чауш Гасан), баш чауш 661
Гасан-ага, комендант крепости Литодия 199, 598, 600, 663, 665
Гасан-бей 200
Гасан Алжерино, капитан турецкой полугалеры 200, 636
Гаспулий, капитан 491
Гаэта Муцио ди 278
Гвидо 208
Гейне Христиан 207
Генрих IV, король Франции 30, 340, 414, 423
Георг III, король Англии 297, 299, 300, 306, 308, 557
Георги И.Г. 746
Георгий, грек из Константинополя 352
Герардеска Филиппо 296
Герд Л. А. 183
Герлах Самуил 455
Герлах Стефан 455
Герман, доктор в Аузе 193, 194
Герман, иерусалимский патриарх 711
- Германик император 529
Геродот 536
Герсдорф Федор Федорович 64, 80, 83
Ги Пьер-Аугуст 13, 518
Гиерон Сиракузский 543
Гиоксий, капитан 491
Гиппократ (Ипократ) 727
Гипс (Гибс) Самуил Самуилович (ум. 1795 в чине вице-адмирала)
Глигораки (Гликораки) Георгий 116
Глостер Уильям, герцог 297, 299, 300, 308, 317, 462, 557
Гмелин Самуил Готлиб 448, 453
Говоров В.В. 563
Гоголь Николай Васильевич 12
Годунов Борис 711
Голенищев-Кутузов, мичман 571
Голенищев Кутузов Иван Логгинович 699, 752
Голицын, мичман 20, 547–549
Голицын Александр Михайлович, вице-канцлер 64, 65, 116, 117, 222, 228, 236, 240–245, 248, 250, 252, 256, 258–263, 268, 270–272, 275, 301, 304, 321, 496
Голицын Александр Михайлович, генерал-фельдмаршал 452, 453
Голицын Андрей 548
Голицын Василий Васильевич 17
Голицын Дмитрий Алексеевич 108, 268, 269, 273, 451, 472
Голицын Дмитрий Михайлович 37, 58, 65, 223, 224, 237–241, 244–249, 251, 252, 255, 256, 259, 260, 270, 271, 280, 282, 296, 305, 321
Голицын Петр 220
Голицын Петр Васильевич 548
Голицын Федор 220
Голицын Федор Николаевич 276, 280, 281, 286, 293, 296, 303, 304, 330, 331
Голицын Федор Сергеевич 750
Голицына Прасковья Ивановна 280, 281, 304, 305
Головачев В. Ф. 754, 755
Головенкова Р.В. 305
Головин Николай 752
Гололобов, подпоручик 574
Гольбах Пьер Анри 283

- Гомер 206–208, 215, 216, 311, 428, 518, 519, 530–532, 534, 726
- Гоналис Жоржис греческий капитан 189
- Горани Жан см. Gorani Jean
- Гордеев В.А.* 26
- Гордеева Е.А.* 26
- Гордон, лорд 581
- Градениго Д. 238, 255, 257, 259, 260
- Граматиго, капитан 491
- Гребенищикова Г.А.* 18, 20–24, 34, 36, 38, 72, 87, 91, 95, 98, 99, 101, 103, 104, 113, 115, 118, 119, 126, 130, 132, 136, 139, 148, 150, 151, 167, 173, 176, 177, 181, 188, 192, 201, 202, 338, 397, 403, 404, 565
- Грейт (Грейк) (1722–1788) Самуил Карлович 19, 33, 44, 88, 92–94, 99–101, 111, 119, 126, 130, 132, 134, 198–200, 210, 224, 230, 260, 267, 270, 275, 285–287, 292, 295, 297, 304, 323, 328, 329, 331, 426, 479, 587, 589, 592–594, 612, 613, 619, 621, 622, 627, 644, 646, 649, 654, 659, 661–666, 686, 690, 698, 699, 732, 735–739, 741, 743, 744, 752
- Грибанов Михайла, тульский купец 36
- Гривей, капитан 491
- Григораки, клан 121
- Григораки Георгий (Глигораки, Гликораки) 116
- Григорий, архиепископ Дзинский 605
- Григорович Н. И.* 69
- Григорович-Барский Василий 712, 714–717, 719–721, 722, 725–727
- Грималди, маркиз 272
- Грималди (Grimaldi), семья 540
- Гримм Мельхиор 184, 278, 319, 415, 441
- Гринченко Н.А.* 419
- Грон Ард, картограф 627
- Гросс Генрих Иванович 236
- Гуаскони Франческо 220
- Гудхол, капитан 294
- Гульгельм, корсар 741
- Гусев Василий (ум. 1796) 615, 657
- Густав III, король Швеции 700
- Гучев Федор 572
- Дабович Пьетро 254
- Давыдов Алексей, капитан-лейтенант 315, 566, 629, 653, 656, 685
- Давыдов Иван 220
- Давыдов Л.И.* 210
- Давыдов Моисей, капитан 2-го ранга 654
- Дагер (Дахир) ал Омар см. Захир ал-Омар
- Дадик, граф, венецианец 682
- Дамаскин, архимандрит 45, 117
- Дамалит, епископ 126
- Даниил, пророк библ. 16, 598
- Даниил, игумен 711–715, 720, 725, 726
- Данилевский И.Н.* 711
- Данте Алигиери 714
- Даницы Б.М.* 11, 710, 712, 714
- Дараган Василий Ефимович 101, 272, 294
- Дарий I Великий, персидский царь 540, 543
- Дашкова Екатерина Романовна 65
- Дезин см. Фондезин В.П.
- Дектимен 523
- Дели-Халил-паша, правитель Килиса 366
- Деметрио Теодоро 262
- Демидов Никита Акинфиевич 277, 328
- Демидова Александра Евтихиевна 328
- Демосфен 429
- Денгизли Ахмед см. Ахмед Денгизли
- Депален (де Пален) Георгий 208
- Депален (де Пален) Карл 208
- Депаш Крененский см. Паш ван Кринен
- Дервиш-паша 345, 350
- Державин Гавриил Романович 424, 430
- Дерябинский Михаил 750
- Джабарти Абд ар-Рахман 731, 742, 743
- Джаннетти Пьетро 323
- Джеззар-бей Ахмед см. Ахмед ал-Джеззар
- Джентили, доктор 324
- Джервазоне Гаэтано 270, 271
- Джика (Гика) Антонио 13, 67, 119, 419, 420
- Джонстон, британский консул 101, 102
- Джордано Лука 240
- Джумблат Али, шейх 351
- Дзулиан, венецианский секретарь 261
- Дивов Андрей Иванович
- Дидро Дени 428
- Дик Джон 50, 79, 100, 101, 104, 214, 221, 225, 226, 228, 243, 288, 292, 295, 297, 299, 306–308, 317, 324, 325, 327, 328, 518
- Димитриев Яни 658
- Диоген Лаэртский 544–546

- Диодати Доменико 13
Диодор Сицилийский 429
Дионисий Галикарнасский 544
Добрынин Гавриил Иванович 70, 203
Долгоруков (Долгорукий) Юрий Владимирович, князь 19, 22, 65, 68, 79–84, 121, 144, 249, 294, 296, 297, 303, 326, 330, 450, 592, 594, 612, 613, 624, 627
Долгоруков (Долгорукий) Петр, князь 121, 123, 124, 215
Домажиров, мичман 574
Домашнев Сергей Герасимович 93, 202, 208, 210, 277, 313, 326, 419, 508, 658, 661, 666
Домишлак М. 433
Доноло Л. см. Donolo L.
Допеда, капитан французского корабля «Султан» 633
Дорошенко Петр Дорофеевич 746
Досифей, иерусалимский патриарх 724
Достян И.С. 21
Драганич 255, 257–259
Драгомар, капитан 491
Дрезин (Дризен?) см. Березин
Дружинина Е.И. 21, 35, 216, 217, 426
Дугдал (Дагдал) Роберт 88, 230, 589, 590, 615, 620, 629, 657, 680
Дулич Л. 30
Дурини Анжело Мария 280, 303, 303
Дуси Георгий 380, 398, 404
Дуси Михаил 500–502
Дюран, французский посол 109–111
- Евгений Вулгарис 184, 419
Евсевий Кесарийский 544
Египтянин Мустафа см. Мустафа Египтянин
Егунов А.Н. 207, 208, 428
Едеп Чили Ибрагим см. Ибрагим, эдепчили
Езоп, грек, командовал полакрой «Вольность» 627, 629
Екатерина II 9–13, 17–25, 27, 29, 31–33, 35–43, 48, 51–64, 67, 69–81, 84–93, 95–97, 99, 101, 102, 104, 105, 107, 109, 114–116, 121–123, 125, 128, 135, 138, 143, 145–147, 149, 150, 152–158, 160–162, 168, 171, 173, 178, 179, 184, 185, 213–216, 218, 219–224, 227–231, 233, 234, 236–242, 244–248, 250, 252, 254, 256–260, 262, 263, 266–269, 272–275, 276, 278–282, 284–288, 290, 291, 293, 294, 298–302, 305, 309–319, 322–332, 334, 335, 339, 340, 347, 353, 357, 362, 367, 383, 388, 397, 409, 410, 413–433, 435, 437–439, 441, 444, 447, 448, 453, 454, 456, 460, 461, 464, 465, 470, 471, 478–480, 486, 489, 493–497, 547, 548, 569, 570, 593, 605, 612, 614, 668, 679, 696, 697, 701, 710, 726–730, 732, 733, 735–737, 739, 740, 742, 744–746, 748–752, 754–758
- Екимов Петр 428
Елагин Иван Петрович 239, 331
Елена царица 165
Елизавета Петровна, императрица 40, 58, 222, 301, 432, 448, 453, 725, 748, 754
Елманов (Ельманов, Эльманов) Андрей Власьевич 104, 105, 131, 132, 134, 137, 167, 176, 177, 179, 180, 184–186, 195–197, 199, 202, 203, 211, 217, 374, 379, 404, 405, 407, 408, 479, 573, 575, 587, 609, 612, 618, 632, 633, 641, 658, 659, 666, 671–673, 679, 683, 684, 686, 688, 699, 701, 702
Епифан (Степан?), грек с о.Лемнос 401
Ерасистрат см. Эрасистрат
Еропкин Василий 292
Ерусалимский К.Ю. 14, 724
Ершов (Ершев), унтер-лейтенант 574
Ефимовская (Чернышева) Елизавета Осиповна 749
Ефремова Н. 333
- Желябужский Иван 220
Жемчужников Степан Васильевич, капитан-лейтенант 574, 581, 609, 616, 620, 626, 629
Живов В.М. 437
Жигарев С. 710
Жиленко В.И. 11
Житнев С.Ю. 712
Жуков Михайло, мичман 654
Жуков Павел 20, 519, 520, 547–549
Жуковский Василий Андреевич 12
Журавлев Иван 588, 653
- Заборовский Иван Александрович 744
Загряжские, род 746

- Загурийский Демиан 741
 Заим Измаил Ага (Зеим Исмаил-ага) 640
Зайцев И.В. 724
 Замоне Бруно ди, сардинский посланник
     в Тоскане 105, 232, 267, 268, 295, 308,
     322–324, 326
 Зануть Карчары см. Санудо Марко
Захаров В. А. 109
 Захир (Дагер, Шех Даер, Шехдаерый Омер)
     ал-Омар аз-Зейдани, шейх 80, 106, 199,
     201, 333, 337, 338, 340, 341, 343–346,
     349–352, 359, 364–374, 376–393, 397–
     409, 425, 473, 686–688, 703, 723
 Згавариус Франциско 267
 Зедделер Иоанн, барон 224, 260
Зелов Д. Д. 433
Зернова Анна 122
 Зидрей, капитан 491
 Зиновьев Андрей Николаевич, поручик
     Преображенского полка 609, 643
 Зиновьев Степан Степанович, русский ди-
     пломат 228, 260, 266, 273
 Золотилов Степан, лейтенант 653
 Золотов см. Иосиф II Золотой
Зонова Т.В. 266
Зорин А.Л. 21, 423, 428
 Зосима, иеродиакон 712, 713, 719, 720
 Зосима, митрополит 14
 Зу-л-Фикар-бей (Зюльфугар-бей) 166, 200,
     201, 368, 369, 372
 Зуан, долматинец 254

Ибнеева Г. В. 26, 425, 749
Ибрагим Т.К. 333
 Ибрахим, см. Авраам — библ.
 Ибрагим, капудан-паша 589
 Ибрагим (Едеп Чили Ибрагим), эдепчили-
     воспитатель 644
 Ибрагим Цоуз, турецкий курьер 636
 Ибрахим Катхода 348
 Ибрахим ас-Саббаг см. ас-Сабаг Ибрахим
 Ибрахим-бей 730–734, 741, 743
 Иван III 14
 Иван IV 14, 15
 Иванов, комиссар 581
 Иванов, артиллерии лейтенант 581

Иванов В.Ф. 752
 Иванов Иван, канцелярист 572, 573
Иванов Н.А. 336, 338–342, 344
Иванов О.А. 21
 Иванович 253
Иванчевич см. Ivancevic V.
 Игнатий, священнослужитель-паломник
     186, 721
 Игнатий, иеромонах флота 187
 Игнатъев, капитан 571 574
 Игнатъев, лекарь 574
 Иезель Уразаи, см. Уразаи Иезиль
 Иеремия, константинопольский патриарх
     15, 723
 Извеков, капитан-лейтенант 645, 656, 670,
     679, 680
 Измаил, библ. Исмаил 16, 333, 334
 Измайлов Ермолай Маркелович 610
 Ильин Дмитрий Сергеевич 589, 593, 613,
     629, 657
 Ильин Иван Ильич 698
     ал-Имади Абд ас-Салям 396, 401
 Имберти Джузеппе 294
 Иннокентий XI, римский папа 340, 485,
 Иоаким, антиохийский патриарх 14, 15, 723
 Иосаф, архиепископ Андракий (Андроса) 605
 Иов, патриарх московский 15, 724
 Иона, пророк, библ. 388
 Иосиф, библ. 358, 362
 Иосиф II, император 23, 227, 230–234, 284,
     303, 325, 326, 432, 737
 Иосиф II Золотой (Иван Золотов) архиепи-
     скоп Вологодский и Белозерский 570
 Ипполит Вишенский 716, 718, 721
 Ираклий II, царь Грузии 471
 Исая, игумен монастыря св. Мины на Па-
     росе 177
 Исидор, иеромонах 581
 Исленева (Чернышева) Анна Александров-
     на 750
 Исмаил-бей, египетский мамлюк 348, 349,
     350, 355, 382, 732, 741743
 Исмаил-паша 731, 741–743
 Иун, сын царя Фессалии 530
 Июда Яковлев, еврей из Солоник 199

- Кавальераки Мануил, греческий арматол (капитан) 116
- Кавалькабо Жорж Андре де, маркиз 56, 86, 95, 105–108, 110, 111, 342, 347, 377, 612
- Кавальканти М.Л.* см. *Cavalcanti M.L.*
- Кадников, лейтенант 688
- Казанова Джанджакомо 313
- Каздоглия, мамлюкский бейт 341, 348
- Казичи Джорджо 104
- Кайзерлинг Герман Карл 237
- Калиго (Калига) Герасим, капитан 189, 366, 367, 629, 657
- Калимеро (Кали-Меро), командир соколены 658
- Калисперо, командир сокалевы 658
- Каллистов Н.Д.* 30, 115
- Калогеропуло Леонардо, командир галеры 380
- Камариано-Сиоран А.* см. *Camariano-Cioran A.*
- Камарон, французский консул в Акке 367, 368
- Каменарович 253
- Каменский А.Б.* 26, 443
- Камерон Чарльз 431
- Каминер Доменико 313
- Камынин Дмитрий Васильевич, капитан-поручик 609
- Кантемир Антиох Дмитриевич 313
- Капелло, секретарь 236
- Капитанаки, купец 263, 264, 266
- Каптерев Н. Ф.* 15–17, 710, 711, 724–726
- Каракимза, капитан 491
- Карамзин Николай Михайлович 446
- Карафа (Караффа), граф 44, 276, 491
- Карачинский Михаил, поручик 633, 676
- Карбуни 356, 357
- Каретта Маттео (Матвей) 29, 235
- Карл III 228
- Карл Эммануил III 266, 268
- Кармазин Федор, штурман 653
- Карнаро Джованни, дож 235
- Карп С.Я.* 184, 428
- Карпи Г.* 26
- Карпов Александр Дмитриевич, констапель, прапорщик 574, 610
- Карпова А.А.* 12
- Карпова Е.В.* 277
- Каррер д'Анкос Э.* 21
- Карл Великий, император 553
- Карсаков см. Корсаков
- Касим-бей 731
- Катасанов Александр Семенович, корабельный мастер 192
- Катхода Ибрахим 348
- Кауниц Венцель Антон Доминик 223, 225–227, 233, 237, 247, 257, 258, 260, 296, 305
- Кауниц Эрнст Христоф 302
- Кашинцов Петр, мичман 653
- Кверини Томмазо 237
- Кейзер Герард (Антон Антонович) 567, 568
- Келхен Георг 20, 93, 94, 109, 132, 133, 198, 267, 271
- Кенеди (Кенеде), капитан 566, 685
- Кесарий, архимандрит Воложский 422
- Кессельбреннер Г.Л.* 199
- Киленин Григорий Данилович 647, 651, 657
- Кильберг Х.И.* 731
- Кингсберген (Книсберген) Иоганн Генрих 698, 754
- Кир, персидский царь 331
- Кирилл V, патриарх константинопольский 522
- Кириллина С.А.* 334, 712
- Кислягина Л.Г.* 365, 368, 372,
- Кистри (Castrì), семья 541
- Китромиллидис Пасхалис* 55, 57
- Кларич Маттио 254
- Клеопин Михайло Андреевич, капитан флота 574, 581, 629, 645, 654
- Климент XIV Ганганелли, римский папа 278, 302, 306, 556
- Клингенау, барон, прусский офицер на русской службе 201, 372, 378,
- Клокачев (Колкачев) Федот Алексеевич 571, 587, 589, 595, 630, 698, 753, 757
- Клоринг см. Кноринх
- Ключевский В. О.* 21, 22, 88, 115
- Кнабе Г.С.* 439, 452
- Кноринг (Кнорих) Карл фон, ротмистр 574, 581
- Кобенцль (Кобенцель) Людвиг фон, граф 432
- Кобищанов Т.Ю.* 18, 21, 338, 364, 366, 368, 370, 371, 388, 394, 396–398, 401, 405, 406, 408, 702

- Ковалев С. 438, 443
 Коджа Ахмет 312
 Кожухов (Кожуков) Михаил Гаврилович 33, 132, 199, 266, 376, 380, 385–391, 393, 395–405, 643, 656, 686, 688, 701, 703
 Козицкий Григорий Васильевич 447, 497
 Козлов Акинфий 277
 Козловский Федор Алексеевич 303, 320
 Козлянинов (Козляинов, Козланов) Тимофей Гаврилович [1739–1798] 34, 35, 548, 561, 574, 580, 581, 629, 656
 Козлятьев (Козлятев), командир фрегата «Победа» 615, 629, 657
 Козмин, флотский поручик 653
 Козмин Андрей, штурман 653
 Козмин Сергей Матвеевич, статс-секретарь Екатерины II 497
 Коковцев Матвей Григорьевич 20, 34, 134, 137, 161–166, 168, 169, 179–181, 193–195, 207, 209, 210, 335, 520, 524, 528–530, 534, 537–539, 541, 546, 548, 748, 750
 Коковцевы род 748
 Коковцов Павел Константинович, семитолог 335
 Колкачев см. Клокачев
 Коллерги Никола 193
 Колокольцов Федор Михайлович, барон, прокурор 699
 Кольб Франц 194
 Кольтеллини Марко 313
 Комаров, копейист 572
 Комаров Иван, подштурман 653
 Комисаренко А.И. 235, 237, 238
 Комнен Христофор 218
 Кондопан, капитан 491
 Кондратьев Семен 653
 Кондояний, капитан 491
 Константин Великий, император 16, 165, 455, 553
 Константин Павлович, великий князь 431
 Константин Палеолог, император Византии 455
 Константинопольский И.Г. 397
 Конт, кавалер 368
 Коняев Михаил Тимофеевич 92, 130, 304, 652, 656, 698
 Коптев В.И. 200
 Кораис Адамантиос 118
 Кордон де, маркиз 268
 Корелли (Корелл, Корельлий, Карелий), грек, командир фрегата «Наксия» 230, 356, 358, 360, 379, 404, 615, 619, 629, 657
 Коренев Игнатий, подштурман 653
 Коретников, прапорщик 581
 Корилла Олимпика см. Морелли Фернандес Мария Маддалена
 Коронелли (Coronelli), семья 541
 Коронелли Антоний 218
 Корсаков (Карсаков), унтер-лейтенант 567, 685
 Корсини Лоренцо 298, 322
 Косливцев (Касливцов) Петр Антонович 698
 Космолинская Г.А. 26
 Костицын Д.Н. 302, 303, 305
 Коттини Доменико 43, 226, 241, 245, 246, 248, 250–254, 258–261, 263–266, 278
 Кошелев, вологодский воевода 570
 Кривата Панаиоти 218
 Криватис 183
 Кривцов, капитан-лейтенант 574, 581, 629, 657, 678
 Кринен см. Паш ван Кринен
 Криненский см. Паш ванн Кринен
 Криницин Ф.С. 21
 Криспо Франческо 537
 Криспо (Crispi) семья 537, 540
 Кристофано Алессандро из Янины 104
 Кропотов А. 376,
 Кросс Э. 89, 90, 97,
 Круз (Крюиз, Круиз, Крюис) Александр Иванович, фон 587, 588, 591, 594–597, 608, 616, 698, 755
 Круз, капитан гвардейской роты 619, 623
 Крылов, штурман 588
 Крымский А.Е. 370, 396,
 Ксавье Саксонский, герцог 296
 Ксеркс, царь персидский 459
 Ксеут, «царь Фессалии» 530
 Куаратези Алессандро 296
 Кудрявцев Петр, штурман 653
 Кужевиц Николетто 137, 180, 379, 634, 657
 Кузмищев, поручик 571
 Кук Джеймс 754

- Кумани (Икуманий) Николай Петрович 161, 597, 629
- Кумундраки (Кумундуракий) А., капитан 48, 116, 488
- Купо (Куппа) Джованни 189, 380, 649, 657
- Куприянов Алексей Михайлович 572
- Куприянов Григорий Михайлович 572
- Куприянов Иван Григорьевич 572, 573, 669
- Куприянова (Хметевская) Анна Алексеевна 570–572
- Куприянова Фекла Степановна 572
- Куракин Борис Иванович 220
- Курбатов В. 208
- Куртович Александр 406
- Кутузов Федор Михайлович 203, 610, 618, 623, 624
- Кушелев Григорий Григорьевич, граф 112, 288–290
- Кьяваччи Клементина 328
- Кысти Иоанн, генуэзский герцог 190
- Кэткарт Уильям, лорд, 51, 60, 114, 464
- Лавринович М.Б.* 26
- Лавров А.С.* 26
- Ладзерини Густаво 328
- Ладино Джованни 629
- Лазина, арапка 203
- Ламбеянес, полковник 698
- Лаптев Дмитрий Яковлевич, капитан-командор 567, 685
- Лаптев Николай Симонович, майор 610
- Лашкарев Сергей Лазаревич 66, 198, 644, 645
- Лебедев А.П.* 710
- Лебедев Николай, слуга 104
- Лев Философ 16
- Леви Дж. см. Levi G.*
- Левинсон-Лессинг В.Ф.* 301
- Левицкий, лейтенант 643, 648,
- Лежнев Прохор Иванович, командир полки 657
- Леонард, капитан (возможно, он же Калогеропуло Леонард) 629
- Леонов Григорий, штурман 653
- Леонтий Зеленский, архимандрит 17, 717, 718, 721, 722
- Леруа Жюльен Давид 33
- Лещиловская И.И.* 9, 17, 39, 40, 43, 69, 81
- Лидов А.М.* 710, 711
- Лидс-Бут (Leeds-Booth) 101, 103
- Лизакевич Аким Григорьевич 741, 743
- Ликург 427
- Линдер Джон 99
- де Линь Шарль-Жозеф, граф 431
- Лириотий, капитан 491
- Лисовой Н.Н.* 710, 711, 720
- Литвин Е.А.* 23, 26
- Лихачев Василий 220
- Лихачев Д.С.* 714
- Лобанов-Ростовский А.Б.* 750
- Лобковиц Иосиф-Мария 222, 223, 227, 233, 240
- Ломоносов Михаил Васильевич 313
- Лопарев Х.М.* 16
- Лопатина Л.А.* 331
- Лопухин, капитан поручик 653
- Лорман Петр см. Тонус Конрад
- Лугинин Ларион 36
- Лузи Дмитрий 193
- Лузиньян Совер 337, 340, 341, 346, 352, 371, 372, 378, 381
- Лукашевич Джорджо 254
- Лукьянов Иоанн, священник 718, 720, 721
- Лупандин Василий Федорович (ум. 1779) 103, 110, 198, 271, 272, 293, 587
- Лупандин Ефим Максимович, капитан 33
- Лупович 253
- Лурье В.М.* 21, 161, 335, 380,
- Лутавелнов Алексей Иванович, подпоручик Преображенского полка 609
- Лутербург Ф.-Ж. де 395
- Луцкий В.Б.* 338
- Львов, артиллерийский капитан 356, 363
- Людвик XIV 266
- Людвик XVI 111
- Маан, эмиры, род 703
- Мавромихали семья 116, 120, 121, 490
- Мавромихали Георгий 47–49, 53, 54, 77, 116, 487, 488, 494
- Мавромихали Стефан 52, 118, 126
- Мадариага И.де.* 21, 36, 37, 206
- Мазен де Вальперг Джорджио-Джузеппе-Мария (де Мазин, Мазини, Мазень), граф 108–110, 199, 232, 233,

- Майков Василий Иванович 415, 421, 429, 433, 436, 437, 442, 478
Майков Л.Н. 30, 66, 67, 69, 76
Макарий (Булгаков) 14, 15, 710, 724
Макарий (Веретенников) 711
 Макарий, антиохийский патриарх 724
 Макарий Кологерас 716, 727
 Макаров Михаил Кондратьевич, командир «Страшного» 629
 Макартней, лорд 60
 Макензи см. Мекензи
 Маккардел, капитан 225
 Макропул, капитан 491
 Максим Исповедник 16
 Максим, иеромонах 500–502
 Малаженинов Григорий Иванович, майор 610
 Манка де, маркиз 313
 Мандино Николако, командир судна 657
 Манн Орас 221, 288, 294, 295, 303, 306, 308, 326, 330, 331, 547, 558–560
Манфрони К. см. Manfroni С.
 Марангополо (Марогнопола) Анагости, командир судна 657, 658
Марасинова Е.Н. 443
 Мари Козимо 312, 322
 Маринин, поручик 574
 Маринко 253
 Марити (Mariti) Джованни 366
 Мария-Луиза-Габриэлла Савойская 266
 Мария-Людовика (Луиза) 228, 295, 296, 298, 308, 320
 Мария-Терезия 231, 233, 384, 296, 325, 326
 Марк Аврелий, римский император 536, 554
Маркевич А. И. 41
 Маркелли, командир французского судна «Эклер» 682
Маркина Е. Д. 745
Маркова О.П. 21
 Мартини Винченцо 234
 Мартынов, унтер-лейтенант 567, 685
 Маруцци, греческая семья 57
 Маруцци Константин 259
 Маруцци Ламбро 259, 262
 Маруцци Пано 56–60, 62, 64, 66, 67, 76, 78, 87, 93, 116, 227, 228, 235, 239–248, 250–253, 255–263, 269, 270, 272, 273, 275, 293, 301, 341, 346, 348, 352–354, 356, 416, 451, 472
 Маталов Федор 34
 Матвеев Федор, инженер-майор 161, 672, 674, 676
 Матильда Тосканская, маркграфиня 553
 Матюшкин Николай Кириллович 750
 Махмет из Тенедоса 662
Мачарадзе О.Г. 21
 Мачедонио Джорджо 104
 Машин Василий, лейтенант 653
 Медин Кристофано 254
 Медичи Козимо I (герцог Медицыс) 549, 691
 Медичи Козимо III 220
Мейер М.С. 340,
 Мекензи (Макензий, Мекензи) Томас (Фома Фомич) 561, 562, 574, 580, 581, 589, 590
 Мекензи Фома Калинкович 685
 Мелес Анатолий см. Анатолий Мелес, епископ
 Мелетий, архиеп. Тинский 605
 Мельников Михаил [ум. 1789] капитан 137, 561, 574, 581, 615, 625, 626, 629, 657
 Менесфей (Менест), афинский царь, мифолог. 527
 Меншиков Александр Данилович 755
 Мерк (Марк, Мерч) 82, 245, 252
 Местатоином Томмазо 286
 Метакса, гречанка с о. Скирос 176
 Метастазιο Пьетро, драматург 440
 Мефодий Патарский 16
 Мехмед (Чухадар Мехмет), чухадари-подающий одежды при визире 662
 Мехмет-эфенди, катиб-секретарь капудан-паши 662
Микелис Ч. де см. Michelis С. de
 Миловский Иван Васильевич, секретарь А. Орлова 233, 357, 358, 360
 Милюков, мичман, лейтенант 574, 581
 Минин Федор, штурман 653
 Миних Бурхард Христоф 314, 453
 Минос, царь 520, 534
 Мисин Углу см. Мухсинзаде Дамад Мехмед-паша
 Миссолонги, греческий капитан 457
 Мистров, командир фрегата «Парос» 629, 656
 Митков, помещик 573

- Михайлов Николай 717
Мишуков Захарий Данилович, адмирал 566, 568
Млинерич Симон 254
Моден, семья 541
Можаров Михаил, инженер-офицер 20, 161, 190, 209
Мозговая Е.Б. 305
Моисей, библ. 422
Молинару, откупщик в Суре 382
Моллило, вице-консул Рагузы 337
Молчанов Никифор Константинович, капитан флота 568, 685
Монаков М.С. 21, 129
Монтескье Шарль-Луи 310
Мордвинов, поручик 571
Мордвинов Александр Семенович, посол в Генуе 273, 312, 337
Мордвинов Михаил Иванович 316
Мордвинов Семен Иванович, адмирал 442
Мордвиновы, род 748
Морелли Фернандес Мария Маддалена (Корилла Олимпика) 317–319
Моро Гаспаро 253
Морозини Франческо Лоренцо 236, 237, 259
Мочениго (Моцениго) Дмитрий 67, 224, 287, 304, 316, 735–737
Мочениго Джироламо 252
Мулисанаши Феодоро 189
Муловский (Миловский) Григорий Иванович 750, 752
Мунгакий (Мунгакис) Николай 51, 483, 485
Мур, «командующий в Портсмуте» 97
Мурад-бей 730–734, 741, 743
Муратов, командир корабля «Три Иерарха» 185, 656, 682
Муратори Франческо 541, 546
Мурзамаки Федор 657
Муромцев (Муромцов) Александр Петрович 622, 654
Мусатова Т.Л. 11, 12
Мусин-Пушкин Алексей Васильевич 690
Мусин-Пушкин Алексей Иванович 277
Мусин-Пушкин Алексей Семенович, посол в Лондоне 60, 61, 97, 98, 101, 102, 294, 561, 580, 752
Мустафа III, султан 347
Мустафа-бей 199, 548, 636, 640, 661
Мустафа-бей эфенди Джаним хаджизаде (Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Джаним Хаджа Заде), тешерихачи — церимонимейстер 636, 640
Мустафа Египтянин 200
Мустафа-паша, визирь и протектор острова Хиос 649
Мустафа-паша, вали Дамаска 382, 383, 387
Мустафа-чауш 662
Мусун Заде Мехмет Паша см. Мухсинзаде Дамад Мехмед-паша
Мухаммед II, султан 248, 455, 465
Мухаммед Али 350
Мухаммед бей Абу-з-Захаб 347–350, 352, 354, 355, 381, 387, 403, 406, 407, 686, 703, 730, 731
Мухаммед-паша, вали Триполи 345
Мухсинзаде Дамад Мехмед-паша (Мусун Заде Мехмет Паша, Мисин Углу), великий визирь (1771–1774) 637, 640
Мушико, еврей из Солоник 199
Мысливечек Йозеф 331
Мюррей (Murray) Джон 101
Мясников Иван Степанович, предприниматель 36
Мятлев Василий Алексеевич, адмирал 568
Мячков Григорий Иванович 566
Мячков Степан Григорьевич 566
Нагата Й. см. Nagata Y.
Назарова Н.В. 26, 449
Назимов Савва Максимович, вице-адмирал и генерал-интендант 698
Нарышкин Алексей Васильевич 256, 268, 293, 326
Нарышкин Лев Александрович 469
Нарышкин Семен Григорьевич 221
Настенко И. А. 34, 107–110,
Нассар Насиф, шейх мутуалиев 345, 346
Неклюдов, мичман 661, 662
Некрасов Н.А. 19, 563
Нелидов, экзекутор 699
Немтинов Михаил Степанович, капитан флота 698

- Нерон, царь Сицилийский («Сикилидский») 543, 544
- Нестеров Павел, генеральс-адъютант 158–161, 183, 511, 513, 514, 596
- Нестор Искандер 16
- Нивьер А.* 280, 301
- Нижегородов Николай, секунд майор 196, 574, *Никандрова Е.В.* 26
- Никитин Михайло, подштурман 653
- Никколи Раймондо 98, 228, 267, 269, 274, 294
- Николаев Пасхалий, командир лондры «Эйно» 658
- Николаи Джузеппе Гаэтано 328
- Никон, патриарх 711, 724
- Новиков Николай Иванович 372, 447, 453, 454
- Новокшенов Степан Васильевич, капитан флота 644, 656, 681, 683
- Нолькен (Нолкин) Юхан Фредрик фон 700
- Ноульс Чарльс 752, 754
- Нуман-паша, вали Сайды 344, 345
- Ньюберри Томас 19, 90
- Ньюкомен Томас 752
- Ньюмен, переводчик 580
- Ньютон Исаак 311
- Ньютон Томас, епископ бристольский 455
- Образцов В.* 35
- Обресков (Абресков) Алексей Михайлович 55, 56, 66, 72, 118, 214, 216, 452, 653, 660
- Обухов, подполковник 277
- Овидий 429
- Овцын Иван Тихонович 132, 591, 615, 625, 626, 633, 661, 662
- Огаркова Н.А.* 434, 440
- Ода Жан-Мишель 268
- Озеров, лейтенант 566, 685
- Олсуфьев Адам Васильевич 41, 50, 483, 486, 490, 494
- Ольшевская Л.А.* 712
- Омельченко О.А.* 156
- Онавизопуло Петр, поручик 379
- Орешкова С.Ф.* 11, 29, 30, 724
- Орлов Алексей Григорьевич (Orlow, Orloff, d'Asloff, Oxtrow, Ostroff, Островов) 19, 21, 30, 33, 44, 52–54, 56, 58, 59, 62–69, 73–80, 83, 84, 86–88, 90–93, 100–104, 108, 109, 111, 113–117, 119, 121, 123–126, 128–131, 133, 134, 136–139, 144–146, 148–151, 153, 154, 157, 158, 160, 166, 167, 169, 171–173, 175, 176, 180, 182–186, 188, 193, 196–202, 204, 208, 213–215, 217, 218, 222, 224–235, 238, 243, 247–250, 252–254, 261–263, 266–268, 270–272, 274, 276, 280, 281, 283, 284, 286–301, 303–308, 311–313, 315–332, 335–338, 346, 352, 353, 356–366, 368, 369, 372, 374–386, 389, 391, 393, 394, 403–408, 414–421, 425, 426, 435, 440, 443, 450, 451, 457, 462, 463, 468–470, 473, 479, 483, 484, 493, 499, 500, 503, 508, 509, 514, 522, 547–549, 557, 582, 586, 587, 589–595, 597, 598, 604–607, 612, 613, 617–619, 622, 624, 627, 634, 636, 637, 641, 642, 646, 648, 652, 653, 659, 660, 661, 663, 665, 666, 671, 680, 682–684, 688, 701, 702, 705, 732, 734, 735, 740
- Орлов Владимир Григорьевич 53, 56
- Орлов Григорий Григорьевич 30, 35, 39–42, 48–51, 53, 54, 56, 57, 67, 68, 72, 74, 86, 87, 114, 154, 202, 225, 227, 271, 297, 363, 378, 435, 450, 464, 483, 484, 489, 490, 495497, 661, 746
- Орлов Иван Григорьевич 56, 756
- Орлов Федор Григорьевич 56, 64– 67, 88, 103, 104, 117, 122, 158, 160, 215, 224, 225, 229–233, 235, 238, 248–250, 252–255, 276–278, 286, 287, 291, 292, 296, 297, 301, 303, 304, 306, 308, 309, 315, 321, 325, 326, 330, 332, 356, 415, 479, 483, 493, 514, 557, 584–589, 593, 594, 596, 612, 613, 617–619, 627
- Орловы 24, 29, 39, 40, 42, 44, 49, 51, 52, 54, 56, 62, 69, 87, 127, 129, 147, 440, 464, 511
- Орсини де Розенберг Франц 222, 223, 225–227, 294, 307, 308
- Орфелин Захария 240
- Осман-паша ал Курджи, вали Дамаска 343–346, 349–352
- Осман-паша ал Мысри, сераскир 365, 387, 398, 703
- Осман, сын шейха Захира 381
- Осман Катхода (Кигая) 743
- Остерман Иван Андреевич 734–736

- Остерхаут см. Ousterhout R.*
Оттофранк, банкир 306, 450
- Павел ап. 726
Павел VIII, римский папа 553
Павел Петрович (Павел I) 59, 95, 105, 167, 178, 269, 281, 319, 325, 326, 329, 372, 433, 477, 489, 561, 679, 749–751, 755
Павсаний 536, 543
Пагано Франческо Марио 13
Падуанино, художник 240
Паисий, александрийский патриарх 724
Паисий, иерусалимский патриарх 16, 715, 723
Паисий II патриарх константинопольский 522
Паисий Величковский 184
Паламида, командир полакры «Святая Анна» 380, 657
Палатино Иван 19, 38, 40–54, 114, 117, 336, 483–490, 492–497
Палатино Спиридон 484, 485
Пален, барон 208
Пален Иван, барон, секунд-майор 574, 581
Пален (Палин) Максимилиан фон, барон 20, 199, 208, 389, 390, 393–395, 397, 400, 401, 518, 687, 688
Палеологи, династия, род 455
Палеолог (семья) 116
Палеолог Пандази 118, 127
Палеолог Янаки 118
Палибин Никифор Львович, капитан флота 609, 629, 653
Паллавичини Лиля Мария 320
Палладоклис Антон Павлович, переводчик 432
Паллас Петр Симон 448, 453
Панаго, священник 126
Панин Егор — мичман 653
Панин И., майор 756
Панин Никита Иванович 10, 21, 32, 33, 38, 39, 41, 51–55, 57, 58, 60, 64, 65, 67, 68, 71, 72, 77, 86, 101, 103, 108, 116, 120, 125, 136, 138, 147, 152, 162, 176, 222, 236, 240, 241, 243, 245, 246, 250, 251, 256, 258–260, 262, 263, 268, 269, 273, 280, 304, 353, 356, 363, 372, 413, 415–418, 437, 450, 483–485, 495, 497, 581, 748, 751, 752
- Панин Петр Иванович 53
Пано Григорий, командир судна 189, 629, 642, 657, 670, 682
Пантелеев, капитан-поручик 571
Пантелей Ермолаев, матрос 186
Панченко А.М. 432
Панченко К.А. 16, 710, 712, 715, 721, 724
Паоли Паскуале 59, 62, 78, 87, 269, 318
Папа Антон 256
Папазоли Георгий Михайлович (Папа-Огли, Папазули) 19, 38–54, 66, 77, 114, 116, 117, 124, 249, 483 490, 492, 494, 496
Папанелопуло, купец 40, 496
Папен Денни 752
Паппас Н. см. Pappas N.C.
Парамонов Осип, терский казак 201
Паркман Томас 307
Пастухов Михайла, купец 36
Пасынков Федор Иванович, офицер артиллерии 698
Паш ван Кринен Гендрик Леонард (Pasch van Krienen H.L., Леонард Депаш Криненский) 20, 161, 169, 171, 174, 180, 203, 206, 207, 209, 211, 517–520, 523, 524, 532, 546, 548
Паярков Василий лейтенант 211
Пекарский П. П. 563
Пеллерен Жан 294
Пелли Бенчивенни Джузеппе (Pelli Bencivenni G.) 313
Первухин В.Я. 711
Перепечин, командир бомбардирского судна «Гром» 629, 657
Пери Реис 726
Перминов П. см. Стегний П.В.
Петр, св. апостол 553
Петр I 9, 16, 17, 29–32, 35, 40, 42, 43, 54, 68, 70, 87, 155, 170, 185, 215, 220, 222, 235, 236, 240, 241, 296, 299, 309–311, 313, 314, 326, 334, 340, 342, 433, 436, 437, 453, 456, 457, 461, 462, 466, 478, 493, 697, 716, 726, 755
Петр III 10, 53, 59, 69, 81–83, 245, 300, 305, 331, 453, 748
Петр, «славонцкий священник» 187
Петров А. Н. 21, 113, 139, 201, 378, 423
Петров В.П. 356, 421, 426, 427, 429

- Петров Лев, подштурман 653
Петрова М.А.
 Петрович Кристофано 254
 Петроло Джованни 104
Петрунина О.Е. 172
 Петуси Иван 500, 501
 Петушин Иван (он же Палатино Иван?) 53
Печникова Р.Ю.
 Пёльниц Карл Людвиг фон, барон 548
 Пизани (Пирании), род 531
 Пий II 550
 Пий III (Франческо Пикколомини Тоде-скини) 550
 Пий VI 281
 Пикалов, комиссар 574
 Пилискиев Дмитрий, шкипер 654
 Пиндар, древнегреч. поэт 544
 Пинто Мануэль (Франциск-Эммануэль) 108, 110, 111, 198, 295
 Пинтуриккьо, художник 550
Плавинская Н.Ю. 311
 Пламенец Родион 80, 664, 669
 Платон (Левшин) 77, 114, 122, 422, 436–441, 477
 Племянников, мичман, капитан-лейтенант 574, 751
 Племянников Петр Григорьевич 750
 Плещеев Василий Иванович, лейтенант 372, 653
 Плещеев Сергей Иванович, капитан флота 19, 93, 163, 166, 199–201, 203, 365, 368, 372–374, 376, 378, 380, 383, 425, 517, 653, 723
 Плещеев Федор Степанович, капитан 35, 37, 38, 66
 Плиний 531, 545
Плугин В.А. 21, 35, 38, 64, 66, 68, 79, 81, 83, 87, 200, 248, 249, 291, 300
 Плутарх 429
 Повалишин Илларион Афанасьевич 571, 690
 Позен фон, барон 199, 518
 Позняков Василий, купец 15, 16, 715, 716, 721
 Полетика Г.И. 294
 Ползунов Иван Иванович 752
 Поли Стефано см. Стефанопули Жозеф
 Поливанов Афанасий, капитан 547, 574, 581, 591, 629, 656, 682, 693
 Поликутти семья 67
 Поликути (Паликути, Поликутий) А.И., грек, командир фрегата 180, 258, 259, 263–266, 598, 600
 Поликути Дмитрий 266, 380, 495, 657
 Полисадов, капитан 587
 Поломари Яни, грек, командир шебеки «Спиридон» 657
 Полонский, майор Преображенского полка 566
 Полонский, штурман «подпоруческого ранга» 643
 Полянский (Полянсков) Андрей Иванович. Вице-адмирал 568, 569, 685
 Помпей (Гней Помпей) 545
 Понагополу Пано, командир судна 629, 631, 657
 Пономарев, казанский купец 37, 237
 Попов Михаил 428
 Поповкин Афанисий Ф., капитан флота 192, 629, 654
 Порошин Семен Андреевич 59
 Порфирий Успенский 43
 Постников Алексей 220
 Постников Василий Тимофеевич 220
 Потемкин Г.А. 75, 432, 435, 740
 Потемкин П.С. 125, 129, 130, 171, 172, 356, 413, 415, 416, 426, 440, 445
 Поярков Василий, лейтенант 574, 615, 629, 642, 653, 690
 Пракситель 165, 205, 209
 Продик Софист 543, 545
Прокофьев Н.И. 711, 712, 722
 Проселков, командир фрегата «Тино» 629, 656
Проскурина В.Ю. 21, 214, 424, 428, 429, 432, 436
 Протагор философ 545
 Протасов поручик 571
Прохоров Г.М. 712
Пряхин Ю.Д. 197
 Псай Гавриил 210
 Псарионос Яни, командир соколены 658
 Псаро (Прасо) Антон Константинович 67, 86, 87, 121, 123, 133, 152, 154, 158, 160, 185, 211, 364, 365, 368, 495, 509–511, 633, 657, 670, 738
 Псаро Петр 154, 495

- Птолемей Филадельф, египетский царь 545
Пугачев Емельян Игнатьевич 448, 463
Пунгало Николай 210, 211
Пустошкин Ульянов, мичман 653
Путятин, секретарь 699
Путятин И.Е. 428, 441
Путятин Федор, лейтенант 654
Пучков С.Ю. 43
Пушкин Александр Сергеевич 69
Пушин, мичман 588
Пушин Петр Иванович, капитан порта 567, 685, 698, 755
Пушизова С.Н. 414
Пьетро-Леопольдо (Петр-Леопольд, Леопольд II) 221–223, 226–235, 238, 254, 284, 295, 296, 298, 303, 306–308, 312, 314, 318–321, 325, 326, 330, 331
Пьетро Мартири ди Стефании, архиеп. Наксосский 518

Раблен, лейтенант 296
Радзивилл Н.-Х. 712
Радилов Василий 588, 676
Радищев Александр Николаевич 66
Разерфорд Роберт (Rutherford Robert, Рутерфорд) 104, 221, 227–229, 243, 286, 293, 295, 297, 298, 306, 308, 325, 328, 690
Разумовская М.В. 548
Разумовский Андрей Кириллович, граф 278, 574, 581
Разумовский Кирилл Григорьевич, граф 281, 302, 574, 746
Раимандо, семья 541
Райменштайн Йохан Фридрих 316
Раньери св. 549
Растиславский, командир фрегата «Венера» 629
Ратц, лекарь в портмагонском госпитале 103
Раупах Герман Фридрих 440
Рафек Абдул-Карим 341
Реан (Реал) Карл 20, 161, 191, 574, 581
Реито, архиеп. 126
Рейнсфорд, полковник 317
Рексдейл Х. см. Ragsdale H.
Реньер Паоло 237, 240, 242, 245–247, 251, 255
Ресми-Ахмет-эфенди 32
Репина Л.П. 452
Репнин, полковник 681
Репнин Николай Васильевич 240, 277, 331, 700
Решетова А. А. 712
Ржевская Евдокия Ивановна 748
Ржевской Владимир 20, 547–549, 669
Риварола Стефано 273
Ризо Георгий 67, 158, 364–366, 368–371, 391, 405, 473, 495, 682
Ризо Драманде 270
Ризо Иван 495
Рипович Элиа 270
Риск Аталла (Resch Attala) 357, 359–361
Робсон Р. 26
Рогозин Николай 34
Родзинская И.Ю. 12, 61, 97, 98, 101, 102
Родионов Б.И. 21, 129
Рождественская М.В. 713
Розанов С.П. 713, 716, 717
Розенберг А.Г. 80, 296, 462
Роксбург (Роксбурх Вилиам) Василий Васильевич, капитан 88, 379, 585, 587, 656, 698
Ронцони, купец 237, 238
Рончони Анджоло 296
Росетти Карло (Росети, Росетти) 357, 358, 360, 361
Росс Людвиг (*Ross L.*) 207, 518, 519
Рославлев Богдан Семенович 565, 566
Россиньоль 84
Рошфор, лорд 97, 294
Рубан Василий Григорьевич 447, 453, 465
Рувим, паломник 716
Рудаков Николай 654
Рудерфот см. Разерфорд
Рукович 253
Румянцев Петр Александрович 78, 80, 130, 134, 173, 198, 353, 451, 452, 453, 468, 612, 637, 644, 755
Руссо Жан-Жак 310
Рутенбург В.И. 11
Рюльер Клод-Карломан (Rulhière Cl.) 19, 20, 34, 35, 38–40, 67, 83, 248
Рябинин Михаил Ильич 699

Саба Константино 104
Сабатье де Кабр Оноре-Огюст 258

- ас Саббаг Ибрахим, управляющий у Захира ал-Омара 344, 365
- ас Саббаг Михаил Никула, арабский хронист 365, 400
- Саблин, грек, поручик 88
- Саблич Илья 379
- Сабуров, капитан 570
- Савинская Л.Ю.* 317
- Саид Али, глава бейрутского бунта 400
- ас Сайкали Якуб 400
- Сак Изли Эмир Меимем, капитан турецкой полугалеры 640
- ди Салвио М.* 26
- Сальдерн Каспар 95
- Самарин А. Ю.* 446
- Самойлов А.Н.* 432, 432
- Сан Мартино ди Парелла, маркиз 269
- Сантини Гаспаре 281, 548
- Санудо Марко (Зануттий, Зануть Карчары) 537, 540
- Сара, библ. 333
- Сараф Стефан 218
- Сараф Томмазо 547
- Саро Маноил (Мануэль) 19, 38, 40–42, 45–48, 50, 5153, 336, 484–490, 492, 495, 498
- Сарычев 633
- Сарычев Гавриил Андреевич, унтер-боталер 752
- Светоний 429
- Свечин Александр, полковник 698
- Сегюр Луи Филипп 431
- Сеид Ганан-ага, янычарский офицер на Крите 604
- Сеид Омар (Чоадари Сеить Амер), чухадари-подающий одежду 644
- Селевк Никатор, царь 545
- Селикус, «сирский царь» 541
- Селим-бей 375, 376
- Селифонтов Иван 34
- Семенов Петр, командир судна 658
- Сенека Луций Анней 429
- Сенека Ф.* см. *Seneca F.*
- Сенковский О.И.* 32
- Сент-Одиль, тосканский дипломат 265, 294
- Сенявин Алексей Наумович 754, 757
- Серафим II, патриарх 18, 184, 323, 630
- Сиати Анастасий 236, 237
- Сибирева Г.А.* 274
- Сидерачи Иван 127, 499–502
- Сидерачи Феодосий 501, 502
- Сиди-Ахмед, посол триполийский 337
- Сикст V, римский папа 552, 553
- Симинетти Франческо 234, 286, 326
- Симонид (Симинид), древнегреческий поэт 538, 541–544
- Синицина Н.В.* 14– 17, 710
- Синох Джорджо 270
- Синявин, командир бомбардирского судна «Страшный» 657
- Скардули Констанди 380
- Скуратов Николай Сергеевич, капитан 34, 137, 629, 657
- Скьявони Андреа 239
- Слизов Петр, лейтенант 588, 653
- Смехиа Петр 236
- Смилянская Е.Б.* 26
- Смилянская И.М.* 19, 77, 345, 408, 703, 705
- Смирнов В.Е.* 341
- Сморгунова Е.М.* 711
- Снегов Иван Иванович, прапорщик 568, 569
- Соколов А.П.* 338, 369, 702
- Сократ 545
- Соловьев С.М.* 12, 21, 22, 32, 35, 37–39, 43, 48, 51, 52, 55, 57, 60, 61, 63, 69, 73, 76, 78, 80, 82, 85, 88, 114, 125, 138, 214, 216, 353, 415, 425, 484, 495, 733
- Солон 427
- Сольмс Виктор Фридрих фон 232
- Сомов В.А.* 311
- Сонин Иван 756
- Сорба де, маркиз 273
- Сорнев Федор, капитан-лейтенант, корабль «Три Святителя» 653, 688
- Софийский А.* 442
- София Палеолог 14
- Софья Алексеевна, царевна 16, 17, 220, 748
- Спешнев, лейтенант 566
- Спиридов Андрей Григорьевич 104
- Спиридов Алексей Григорьевич 597
- Спиридов Григорий Андреевич 9, 19, 20, 38, 44, 61, 62, 66, 69, 73, 74, 77, 78, 80, 81, 86, 88, 89, 91, 92, 94–96, 99, 103–106, 113, 115,

- 117, 121, 129, 133, 137, 139, 144–160, 162, 167, 168, 171–173, 175–178, 180, 182–186, 191, 193, 194, 197–199, 201, 210, 211, 213, 215, 224, 228, 247, 265–267, 269, 284, 286, 287, 293, 294, 298, 306, 334, 337, 352, 361, 363, 364, 374, 376, 377, 379, 380, 383, 384, 386, 389, 393, 396, 402, 404–406, 413, 418, 421, 423, 437, 479, 499, 503, 508, 511, 514, 517, 547–549, 561, 562, 574, 581, 582, 584, 585–589, 592, 594, 598, 605–607, 610, 612–614, 617, 618, 622, 624–626, 636, 640–642, 659, 662, 663, 666, 670–672, 678, 680, 682, 683, 686, 688, 697, 701, 752, 754, 756
- Ставропуло Петр 46, 496
- Ставропуло Ставро 46, 496
- Станиславская А.М. 12, 148, 154–158
- Стафас, капитан 491
- Стегний П.В. (Перминов П.) 10, 11, 18, 21, 34, 55, 62, 214, 338, 364, 701, 741
- Степан Григорьев и его жена Анисья Степанова, крепостные С.П.Хметевского 572
- Степан Малый (Стефано Пикколо) 53, 69, 81–84, 245
- Степанов (Стефанов) Яков 629, 653, 656, 669, 682
- Стерлигова И.А. 711
- Стефанопопули (Стефано Поли, Стефано-Поль?) Жозеф, лейтенант флота 366, 367, 619, 621, 629, 634, 657
- Стокс, переводчик 106
- Страбон 536
- Строганов граф 746
- Строганов Александр, граф 208, 210
- Строев (Stroev) А.Ф. 26, 147
- Строцци Бернардо 240
- Студиати Чезаре 316
- Сукин Яков Галактионович 653
- Суков, мичман 581, 588
- Судейман-Кегая 374
- Сумариппа, семья 540
- Суретов Яков 501, 502
- Сурмин, командир корабля «Исидор» 690
- Суровцев, секретарь Вотчинной коллегии 572
- Суханов Арсений см. Арсений Суханов
- Суховатов (Суковатов) Николай 20, 547–549, 552, 615
- Сухотин Яков Филиппович, капитан 698
- Сфорца (Sforza), семья 541
- Сюлли 30, 340, 423
- Тальхук Хусейн, ливанский шейх 396, 400, 401
- Тамара Василий Степанович 53, 83, 93, 116–118, 249, 252
- Тамарис, царица 330
- Танух Аллам ад-дин, ливанский эмир 703
- Танух Джамаль ад-дин, ливанский эмир 703
- Тануччи Бернардо см. Tanucci В.
- Тараканова Елизавета 93, 235, 299, 306
- Тарасов М., подпоручик Севского полка 53
- Тарквиний Гордый, седьмой царь Древнего Рима 543, 552
- Тарле Е.В. 20–22, 62, 75, 79, 83, 86, 97, 99, 101, 102, 113, 151
- Тассо Торкватто 428
- Татаравлю Мустафа, турок из Кандии 349
- Твердышев Иван Борисович, предприниматель 36
- Твердышев Яков Борисович, предприниматель 36
- Телепнев, лейтенант 566, 685
- Тендуччи Джуство Фердинандо 328
- Теодоро Эрминио 286
- Теплов Григорий Николаевич, секретарь императрицы Екатерины II 35–37
- Терамон 545
- Терелеев Николай, грек с Милоса 152
- Техада де Собрарби де Арагон Франсиско Хименес де 111
- Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Джаним Хаджа Заде см. Мустафа-бей эфенди Джаним хаджазаде
- Тиберий, император 529
- Тизенгаузен Н.А., капитан-лейтенант 158
- Тиктопуло Я.Ф. 21, 119
- Тинторетто 239
- Тишевский Андрей, капитан бригадирского ранга 698
- Толбузин (Торбузин) Емельян, капитан флота 609, 629, 634, 653, 656
- Толстой Петр Андреевич 11, 30, 220, 724, 726
- Толченев Иван Алексеевич 442, 443

- Толль К.-Л. фон 196, 651
Толь (Тол) Петр фон, прапорщик 574, 581
Толь (Тол) Егор Федорович, полковник 133, 178, 192, 518, 610, 624, 630
Тонус Конрад (Кондратий) 729–744
Торе, арматор 302
Торелли Стефано, художник 430
Тотлебен, генерал 451
Тотт (Tott, François de) 346, 424
Тотти, тенор 328
Травин Леонтий Артамонович 442
Травников С.Н. 712
Трад Абдаллах, арабский хронист 370, 388, 389, 396, 400, 401, 405
Трази Маттео ди 270
Траэтта Томазо 440
Тревенен Джеймс 754
Трегубов Иван Яковлевич 573
Трей Г. 210
Трикети А. де, граф 268
Трон Андреа 237, 239, 261
Тронкетов, капитан 491
Трофимова А.А. 208
Трупак М., капитан 116
Тузов Михаил, инженер-офицер 20, 161, 163, 165, 190, 209
Тукан Ахмед-бек 373
Турилова С.Л. 26
Турко Джованни дель 53, 311–313, 322, 337, 419
Турко Раньери Валентино дель 311
Турнефор Питон де 518
Тюличев Д.В. 446
- Уатт Джеймс 752
Убле Джорджо ди 270
Ужанков А.Н. 714
Украинцев Емельян Игнатъевич 36
Уляницкий В. А. 11, 21, 22, 36, 37, 77, 94–96, 99, 115, 137, 138, 167, 214, 218, 421, 522
Уолпол Мэри, графиня Уолдергрейв 557
Уортман Р.С. 433, 439
Уразай Иезеиль, лейтенант 653
Урбих Иоганн Христофор 235
Успенский Б.А. 13
Ушаков, мичман 190
Ушаков Н.Н. 563
- Ушаков С.* 366, 427, 433, 435, 439, 462, 563
Ушаков Федор Федорович 148, 154–158, 161
Ушакова Екатерина 747
Ушаковы 747–748
- Файнштейн Х.* 26
Фальконе Этьен-Морис 215
Фантоцци Карло 741, 742, 743
Федор Иоаннович, царь 14, 723, 724
Федоров Николай Степанович [ок. 1745–1796] 629, 657
Федорова И.В. 712
Федосеев Е.А., гравер 434
Фельтен Юрий Матвеевич 216, 440
Феофан, иерусалимский патриарх 723
Феофан Прокопович 155
Фердинанд I, король Неаполя 274, 275, 277, 296
Ферриери Викентий 702
Ферриери Петр 702
Ферриери Шарль 702, 740, 742
Фидий 165, 205
Филарет, патриарх московский 723
Филатов Гавриил (Filatoff, Filato) 270, 271
Филипп, митрополит 724
Филипп V, испанский король 266
Филипп Македонский 209
Филон Александрийский 429
Философов Михаил Михайлович, посол в Копенгагене 94, 95
Филофей 14–17, 42
Финид 544
Фискович, капитан 459
Флаксланден Йохан Батист Антон де (Johan Baptist Anton Flachslanden), барон 108
Флоридабланка Хосе 313
Фомин Иван 220
Фомин Константин, штурман 653
Фомина Ирина Львовна 26
Фондезин Вилим Петрович 35, 629, 656, 659, 671, 680, 698
Фонкич Б.Л. 184
Фонтана Феличе 314
Фортуна Андреа 291
Фоскари Фериго Тодеро 250, 251
Фоскарини Никколо 255
Фотий, патриарх 283

- Франкович капитан 334
Франциск (Франц-Стефан, Франческо) I, австрийский император 222–224, 283, 284
Франческо Сальватико Гуиди, архиеп. пизанский 550
Фрейденберг М.М. 271
Френев Василий, мичман 653
Фридрих II, император Пруссии 232, 468, 748
Фризел (Фризель), поручик Шлиссельбургского полка 633, 651
Фролов Э.Д. 428, 432, 726, 727
Фукидид 523
Фундаминский М.И. 447
- Хаджи, канцелярский служитель 176
Хаджи-Мурат, молдаванин 53
Хадькин, констапель из команды корабля «Святослав» 581
Хаим, еврей из Солоник 199
Хаккерт Якоб Филипп 235, 317, 440
Халиль-паша ад Дели, валий Урфы 365
Ханин, капитан из команды корабля «Святослав» 581
Ханыков, мичман 571
Харламов Яков 653
Хасан-паша (Гази Хасан-бей Джебзари, Гасан-бей, Гасан), турецкий капудан паша 468, 643, 644, 659–662, 664, 665, 731–734
Хастатов Василий Макарович, купец-предприниматель 36
Хашимиты, род хиджазских шерифов 347
Хвостов, мичман 571, 574, 581
Хейуорд, майор 317
Херасков Михаил Матвеевич 415, 421, 429, 437, 548,
Химаде, шейхи 345
Хметевская (Трегубова) Пелагея Петровна 572, 573, 669,
Хметевский Степан Андреевич 568, 571
Хметевский Степан Петрович 19, 22, 89, 98–102, 120, 127, 129–134, 151, 161, 163, 166, 177, 179, 184, 188, 194, 198–200, 202, 209, 288–290, 323, 378, 381, 389, 390, 393–397, 399, 400, 403–405, 521, 561–563, 565, 574, 587, 629, 656, 667, 673, 682, 684, 698
Хозрой Великий 16
Хомякова К.В. 26
Хотинский Николай Константинович, поверенный в делах в Париже 78, 232
Храповицкий Александр Васильевич 432, 744
Хрестенек Иван (Хрестенек, Кристинг) 93, 232, 619
Христаки П., капитан 116
Христиан VII 94
Хрестинек Карл Людвиг, художник 93
Хумам, бедуйнский вождь 342
- Цезарь Гай Юлий 429, 552
Церера (Деметра) мифолог. 205, 215
Церняк У. 26
Цивьян Т.В. 711
Цинендариус Иоганн, слуга 730
Цицерон 429, 545
- Чандлер Ричард 13
Чаплин Алексей 653
Чевало (Giacomache Gavala), албанский майор 365
Чезарбей см. Ахмед Джебзар
Чемоданов Иван 220
Череминисов Матвей Логинович, премьер-майор 610, 674
Черкасов Иван Иванович, барон, генерал криск-комиссар 699
Черкасов П.П. 12, 31, 75, 101, 239, 258, 274
Чернышев А. А. 21, 195
Чернышев Григорий Иванович 746, 750
Чернышев Григорий Петрович 746, 748
Чернышев Захар Григорьевич 272, 730, 747, 748
Чернышев Иван Григорьевич 19, 51, 56, 57, 59–62, 64, 71, 73, 85, 87, 89, 91, 97, 98, 139, 184, 210, 277, 281, 517, 520, 548, 549, 581, 696, 699, 700, 745–758
Чернышев Петр Григорьевич 236, 747
Чернышев Петр Захарович 748
Чернышева Анна Александровна 753
Чернышева Анна Родионовна 747
Чернышева (Голицына) Анна Ивановна 750
Чернышева Елизавета Григорьевна 746
Чернышева (Матюшкина, Племянникова) Екатерина Ивановна 750

- Чернышева (Дерябинская) Мария Ивановна 750
- Чернышева (Белосельская) Наталья Ивановна 750
- Чернышевы 746–748
- Черняев П. 204, 428
- Чертков Александр Дмитриевич 518, 547, 745–747
- Чесси Р. см. *Cessi R.*
- Чечулин Н.Д. 11, 21, 173, 413
- Чиано Ч. см. *Ciano C.*
- Чичагов Василий Яковлевич 92, 304
- Чоадари Сеить Амер см. Сеид Омар, чухадари
- Чугров С. В.
- Чулков М. 36, 725
- Чухадар Мехмет см. Мехмед, чухадари
- Шальхаузер, купец 260
- Шамрай Д.Д. 419
- Шамшев Александр Яковлевич, поручик, капитан Преображенского полка 609, 679
- Шапиро А.Л. 11
- Шапп д'Отрош Жан 309, 310
- Шаркова И.С. 235, 237, 238
- Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая 325
- Шарьгин, прапорщик 581
- Шахов Иван, лейтенант 756
- Шаховской Федор, капитан 698
- Швидковский Д.О.
- Шемякин Никита Тимофеевич 36
- Шенин Василий Иванович, мичман 65
- Шереметев Борис Петрович 29, 220
- Шетихин, командир фрегата «Сатурн» 629
- Шехдаеры Омер см. Захир ал-Омар
- Шигин В. 33
- аш-Шидияк Танус, арабский историк* 366, 370, 371, 387, 389, 401, 405
- Шимельман, барон 57
- Ширле И. (*Schierle Ingrid*) 26, 202, 443
- Широкопад А. Б.* 18, 22, 136, 180
- Шихабы, эмиры ливанские, род 345, 388, 397, 405, 406, 703, 704
- Шихаб Мансур 345, 346, 387, 388, 400, 703
- Шихаб Мухлим 345
- аш Шихаб Хайдар* 38, 394, 397
- Шихаб Юсуф, эмир 19, 81, 345, 346, 351, 366, 369, 371, 385, 387–389, 391, 393, 395–398, 400, 401, 404–406, 408, 409, 701–705, 740, 742
- Шишкин Петр Иванович, командир фрегата 561, 581, 657
- Шишкова Елена Сергеевна 568
- Шишуков Иван, штурман 653
- Шленская Н.И.* 26
- Шмаров Василий, поручик 571, 698
- Шотард Леклер Мартели де 139
- Шпаро О.Б.* 117, 119
- Шпрингер Доминик 440
- Шуазель Этьенн Франсуа де, герцог 31, 75, 258, 294, 415
- Шуазель-Гуффье (*Choiseul-Gouffier M.-G.-F.-A.*) 13, 20, 128, 135, 163, 166, 182, 188, 189, 197, 198, 205, 207, 211, 518–520, 524, 527–529, 535–537, 540, 541
- Шубин, мичман 597
- Шубин Николай, лейтенант 653
- Шубин Софрон, капитан бригадирского ранга 698
- Шувалов Андрей Иванович 277, 281
- Шувалов Иван Иванович 206, 240, 276, 277, 280, 281, 286, 292–294, 296, 298, 301–306, 314–317, 320–322, 326, 328, 330, 448, 479, 547, 549, 552–554, 556–558
- Щелин Василий 698
- Щепотьев Николай Яковлевич, подпоручик 609, 679
- Щербатов Михаил Михайлович, князь 753
- Щербинин Евдоким Алексеевич, наместник в Орле 756
- Щукина Е.С.*
- Эбдон Джон (*Hebdon J.*) 221
- Эврипид 545
- Эгей царь 520
- Эгильон Эммануэль Арман де, герцог 110
- Эздемирович Я.М., гусарский полковник 69, 79
- Экетов Степан, подштурман 653
- Эклебин Андрей 448
- Элиа из Кастельнуово 254

- Эльфинстон (Елфистон, Эльфистон) Джон
61, 74, 78, 89–91, 95, 98, 99, 116, 124, 128,
129, 131, 145, 199, 205, 258, 372, 459, 460,
561, 574, 579–587, 589, 592, 595, 598, 600,
605–610, 612, 685, 697, 754, 756
- Эльфинстон (Эльфистон) Самуэль 574, 581
- Эмин Федор Александрович 334
- Эпине, Луиза де. См. D'Épinay Louise
- Эрасистрат (Ерасистрат), врач 541, 543, 545
- Юсупов Борис Григорьевич 36
- Юсупов Николай Борисович 269
- Юсуф, эмир см. Шихаб Юсуф
- Юхименко Е.М. 711
- Юшкович Илья, командир судна 615, 657
- Яворский Стефан, митрополит 716
- Якобо Микеле 254
- Якуб хаджи (Яков Армянин) 200, 352, 368, 369
- Якушев М.И. 710
- Янници Т.
- Янова Анна Михайловна 571
- Ярин Ю.Я. 26, 520
- Ярославцев Алексей Иванович 36
- Яшнев В. 34, 107–110
- Ademollo A.* 318, 319, 322, 331
- Alberti A.M.* 26, 240, 245, 255, 259, 260, 262
- Anderson M.S.* (Андерсон М.С.) 12, 21, 25, 86,
97, 98, 101, 102, 138, 462, 464, 757
- Anderson R. C.* (Андерсон Р.С.) 25, 87
- Augustinos O.* 13, 68, 163, 206, 427
- Auriant* (Ориан) 339, 352, 361, 366, 370, 376
- Batalden S. K.* 184
- Becattini F.* см. Бекаттини Франческо
- Benhamou P.* 446, 448
- Berti G.* см. также Берти Дж. 25
- Blondy A.* 56, 86, 107–111, 153
- Bonifacio G.* 294
- Bottari S.* 108
- Bruce of Kinnaird J.* см. Брюс 20, 130
- Burnet* см. Бернет Гилберт
- Busiri Vici A.* 305
- Catariano-Cioran A.* (Камариано-Сиоран А.)
24, 25, 39, 40, 52, 53, 77, 114, 116, 119, 124,
127, 129, 174, 182, 185, 419, 430
- Cantù C.* 239
- Cavalcanti M.L.* (Кавальканти М.Л.) 26, 274,
278
- Cazzola P.* 268, 269, 331
- Cessi R.* 26, 238, 239, 255, 257, 258, 259
- Chappe d'Auteroche, l'abbé* см. Шапп д'Отрош
Жан
- Charle-Roux Fr.* 338, 339, 358, 376, 394, 661
- Charles S.* 448, 459
- Choiseul-Gouffier M.-G.- F.-A.* см. Шуазель-
Гуффье
- Ciano C.* 25, 221, 222, 272, 284, 285, 286, 287,
293, 299, 301, 324, 327
- Cinnella E.* 311
- Cipriani A.* 318
- Cizova T.* 239
- Clogg R.* 456
- Constantine D.* 13, 24, 25, 207, 427, 458, 470, 518
- Contini A.* 325
- Creceilius D.* (Креселиус Д.) 341, 342, 346, 347,
349–351, 364, 380, 381, 382
- Cross A.* см. Кросс Э.
- Donolo L.* (Доноло Л.) 25, 26, 222, 226, 228,
230, 280, 285, 286, 292–295, 299, 313, 316,
317, 322, 328
- Dulac G.* 448, 451, 464
- Dumani Beshara* 373
- Eisner R.* 206
- Épinay Louise d'* 277, 294
- Feyel G.* 448
- Fiamingo Paul* 240
- Fleicher* 705
- Freller T.* 108, 109
- Galiani Ferdinando, l'abbé* (Галиани Ф.) 219,
251, 277, 281, 283, 294
- Gerousi E.* 171
- Giordano A.* 319
- Gorani Jean* (Горани Жан, Джованни) 299, 300
- Harik Ilya F.* 345
- Ivancevic* (Иванчевич) V. 227, 249, 270, 291, 300
- Konstantinos S.* 25
- Labrosse C.* 446, 460
- Laust Henri* 725
- Levi* (Леву) G. 268
- Liechtenhan F.-D.* 310
- Lockroy E.* (Локруа) 338, 344, 352, 359, 366, 368

- Longworth Ph.* 235
Majeska G.P. 712, 725
Malagola C. 239
Maltezou C. 239, 263
Manfroni (Манфрони) C. 26, 238, 240, 242, 245–247, 254, 266
Michelis (Микелис де, Mickhelis de) C.G. de 313
Mihaila I. 147
Moracci G. 281
Morelli L. 319
Morelli Timpanaro M.A. 322, 331
Nagata Y. 52, 118
Navari L. 25
Osborn J.M. 13
Ousterhout R. 711
Pappas N. C. 23–25, 40, 118, 124, 126
Pasch van Krienen H.L. см. Паш ван Кринен
Paulian, капитан из Сен-Тропе 462
Pelli Bencivenni G. Efemeridi см. Пелли Б.
Pera F. 225–227, 300
Persen W. 333, 339, 350, 352, 364, 366, 371, 373, 379, 396, 401, 405, 406
Popkin J. 446
Poroulidis C. 184
Rafeq Abdul-Karim (Рафек Абдул Карим) 341, 344, 350, 351, 382
Ragsdale H. 75
Rawson E. 25, 123, 430
Rétat P. 448, 450
Rice J.A. 296
Righini B. 290, 292
Risaliti R. 221
Roessel D. 25, 206
Ross L. см. Росс Людвиг
Rulhière Cl. C. см. Рюльер К.
Ségala Gianni 240
Seneca F. 26, 236, 238
Sgard J. 448
Stavrou T. 712
Stroev A. см. Строев А.Ф.
Tanucci (Танучи) Bernardo 219, 251
Todeschini M.P. 25
Tott François de см. Тотт Ф.
Trofimova A. см. Трофимова А.А.
Venturi F. (Вентури Ф.) 11, 13, 21, 25, 219, 225, 226, 277, 280, 281, 284, 285, 292, 299, 311–314, 324, 331, 418, 419
Verri (Верри) Alessandro 230, 265, 278–281, 292, 294, 299, 300, 306, 310–312
Verri (Верри) Pietro 230, 265, 278–281, 292, 294, 299, 300, 306, 310–313
Villani (Виллани) S. 25, 26, 220, 221
Vivoli G. 323
Volney C.-F. см. Вольней
Wandruszka (Вандружка) A. 230, 231, 233, 235, 239, 313
Weisensel P. R. 712
Γριτσόπουλος T. A. 24, 118, 119, 128
Δημητρόπουλος Δ. 173
Καρπάθιος Ε. Ι. 195
Κοντογιάννης Π.Ν. 23, 160, 173, 175, 194
Κουγέας Σ. 24, 116
Κώνστα Π. 173, 175
Μαλανδράκης Μ. 168, 185
Μπελιβανάκης Γρ. 171, 524
Πασχάλη Δ. 24, 159, 173, 175, 213
Ροτζώκος, Νίκος Β. 23, 118
Σάθας Κ. 24, 172
Σακελλαρίου Μ.Β. 24, 118
Στέφανος Κ. 23, 158, 160

- Абиссиния (Эфиопское царство) 342, 719
Абхазия 341
Авалон (Валлон, Авлон) 83, 115
Австрия (Цесария) 9, 10, 16, 29–32, 55, 214, 219, 232, 233, 238, 239, 251, 255, 257, 259, 268, 282, 340, 420, 422, 485, 566, 716, 737
Агданск см. Гданьск
Аграфа 491
Адидже (Фиумладиче) р. 695
Адриатика (Адриатическое море) 20, 30, 40, 46, 252, 253, 376, 486, 496, 638, 737, 740
Адриатическое побережье 9, 70, 275
Азбекийя, квартал Каира 379
Азиатский берег 162
Азия 12, 339, 340, 423, 448, 450, 452, 607, 716
Азия Малая 135, 170, 334, 520, 565, 719
Азия Передняя 339
Азия Юго-Восточная 339
Азов 214, 441, 442, 451, 461, 471
Азовская крепость 442
Азовский уезд 214
Азовско-Черноморский бассейн 10
Азовское море 86, 88, 747, 757
Аифу, замок-крепость на Милосе 523, 524
Айнтаб 349
Айос Эйстратиос (Эстрата, Св. Евстратия) 148, 149, 150, 527, 622, 665
Аква Пенденти, папский замок 551
Акка (Акра, Акрия, Сен-Жан д'Акр) 17, 203, 343, 344, 349, 351, 365, 367, 368, 373, 374, 377, 378, 397, 398, 401–404, 406, 407, 702
Акринский берег (побережье Акки) 369
Актотир (Акротири) 536
Албания 23, 29, 44, 69, 83, 114, 115, 133, 218, 224, 252, 253, 486, 491
Александрия 108, 192, 218, 334, 346, 352, 364, 375, 376, 378, 406, 459, 473, 610, 644, 659, 661, 666, 669–671, 677, 730–734, 741
Алеппо (Халеб) 343, 349, 350, 355, 473
Алжир 34, 108, 334–336, 375, 472, 610, 638, 639, 664
Аляска 754
Америка 448
Америка Северная 33, 372
Аморгос (Амморго) о. 149, 169, 520, 538, 539, 615
Амстердам 228, 253, 260, 322, 435, 448, 451, 473
Анатолия (Анатолический берег) 151, 364, 451, 545, 587, 591, 594, 595, 598, 604, 609, 611, 616, 617, 620–622, 626, 627, 638, 643, 645, 648, 650, 655, 672, 678, 679
Анафи (Нанфио, Анафис) о. 149, 520, 537
Англия 10–12, 32–36, 60–62, 86, 88, 90, 92, 94–97, 99–102, 112, 199, 214, 224, 236, 237, 247, 251, 266, 272, 282–284, 306, 319, 325, 372, 461, 496, 541, 561, 579–582, 598, 609, 618, 631, 633, 685, 690, 737, 749, 750, 752, 753, 755
Андрея Святого «островок» 527
Андрос (Андро) о. 137, 149, 153, 168, 172, 174, 179, 214, 216, 519, 615, 626
Анкона 83, 227, 451, 467
Анны Святой гавань на о. Аморгос
Антимилло (Антимилос) о. 527
Антипарос о. 149, 151, 153, 209, 213, 519, 615, 616, 617
Апасмата, гора на Милосе 525
Апеннинский полуостров 140, 278, 302, 305
Арабский халифат 345
Аравия 334, 347, 474
Аргуза-Ранонентера см. Арчузы

---

* Средиземное море, Средиземноморье (Понт Великий), Средиземноморский регион в указателе не включены.

- Ареццо 315
 Аржантира (Аржантиера) см. Кимолос
 Аркадия 54, 121, 123, 215
 Арно (Арна) р. 286, 289, 549, 550, 559, 560
 эль-Ариш 381
 Архангельск 30, 55, 64, 85, 88, 101, 220, 272, 566, 567, 570, 571, 573, 685, 751, 753
 Архипелаг (Греческий архипелаг) 9, 11, 12, 17, 19, 20, 22, 29, 34, 36, 71, 74, 80, 84, 91, 92, 94, 98, 99, 102, 104–106, 108, 109, 111–115, 117, 126, 127, 130–132, 134, 136, 139, 140, 143, 146–152, 154, 155, 157, 158, 160–164, 168–170, 172, 173, 176, 178, 179, 181, 182, 184–187, 194, 196–203, 205–209, 213–215, 217, 218, 225, 230–232, 238, 248, 250, 257, 261, 262, 272, 273, 276–282, 285, 292, 294, 296–298, 304, 306, 307, 312–314, 316, 317, 319, 323, 328, 329, 331, 335, 356, 369, 371, 375, 378–380, 385, 407, 408, 415, 416, 418, 419, 433, 436, 438, 440, 442, 443, 450, 457–464, 469, 473, 479, 499, 503, 506, 508, 511, 517, 520, 522, 526, 527, 529, 530, 548, 562, 563, 565, 581, 582, 589, 605, 608, 610, 611, 615, 616, 627, 628, 631, 636–640, 643, 645, 652, 656, 661, 664, 668, 669, 678, 680, 683, 685, 686, 690, 691, 697, 701, 702, 705, 715, 716, 719, 725, 726, 754, 755
 Архипелагское княжество 24, 26, 80, 87, 130, 148, 150–162, 166, 168, 171–174, 177, 181–183, 185, 187, 188, 197, 198, 199, 200, 204, 213, 214, 216, 333, 364, 425, 480, 499, 503, 511, 517
 Арчузы (острова Додеканиса) 666, 670, 671, 678–680
 Астрахань 201, 448, 753
 Атлантический океан 88
 Аугсбург 233
 Ауза (Наусса, Порт Ауза, Аузский залив) 132, 134, 148, 151, 152, 159, 162, 163, 168, 173, 177, 178, 181, 183, 184, 186–199, 202, 203, 211, 215, 356, 363, 364, 375, 383, 385, 389, 402, 403, 513, 516, 548, 607, 609, 610, 612, 615–618, 622, 625, 627, 628, 631–634, 636, 637, 640, 641, 643–646, 651, 652, 654, 658, 659, 661, 662, 664–667, 669, 671, 678–683, 686–688
 Афанасия святого лавра на Афоне 187
 Афины 143, 430, 459, 542, 543, 545, 594
 Афон (Афонская гора) 15, 69, 183, 185–187, 209, 210, 425, 622, 710, 715, 717, 725, 726, 727
 Африка 12, 40, 101, 339, 342, 356, 448, 496, 697
 Африка Северная (Варвария) 335, 339, 720
 Бадель, порт на Леросе 678
 Балаклава 698
 Балканы 9, 10, 13, 19, 24, 30, 38, 39, 41, 42, 47, 53, 54, 65–70, 79, 84, 113, 117, 132, 134, 136, 181, 198, 218, 258, 339, 416, 483
 Балтийский порт (Рогервик, совр. Палдиски) 570
 Балтика (Балтийское море) 34, 88, 93, 95, 101, 112, 240, 241, 436, 457, 461, 561, 744
 Бар г. 566, 567, 571
 Баренцево море 562
 Бари 275
 Барлетта 275
 Бейрут (Барут, Берут) 33, 80, 87, 125, 132, 199, 218, 266, 337, 339, 366, 367, 369–371, 380, 383–385, 387–406, 408, 473, 686–688, 701–705
 Белое море 567
 Белоруссия 748
 Бенгалия 461
 Бердони 123, 215
 Березавый Зунт 700
 Берлин 240, 296, 519, 748
 Бессарабия 477
 Бизерта 335
 Бикаа (Беках, Килисирия, Челисирия) долина 345, 704
 Бокка (Которская) 104, 486
 Болгария 477
 Болеарские острова 102, 117
 Болонья 304, 331, 693
 Больцано (Подзано) 695
 Босфор 30, 113, 440, 627, 747
 Бриндизи 275
 Британия 12, 19, 94, 98, 99, 101, 102, 251, 258, 451, 468, 472, 474
 Будрум (Ибудрум) 132, 638, 643, 671–673, 677, 678
 Бухарест (Букурест) 471, 475

- Вавилон 598
Валахия 17, 22, 147, 162, 173, 438, 458, 477, 716
Валетта (Ла Валетта) 107, 110–112, 456
Варшава 244, 302, 449, 467, 472
Ватикан 553
Ватопедский монастырь на Афоне 186
Великобритания 35, 60, 62
Вельстроль 571
Вена 37, 45, 58, 65, 82, 223, 224, 226, 227, 230, 231, 233–235, 237–241, 243–248, 253–257, 259, 260, 265, 280, 282, 294, 296, 305, 307, 321, 326, 340, 420, 492, 493, 496, 693
Венецианская республика (Венеция) 9, 16, 19, 29–31, 34–37, 43, 45–49, 55, 57–60, 66, 67, 69, 79, 83, 87, 104, 116, 122, 140, 147, 155, 170, 220, 221, 225–228, 235–263, 265–267, 269–271, 273, 275, 281, 283, 302, 312, 340, 346–349, 352, 355, 420, 422, 451, 452, 458–460, 467, 470, 485–487, 489, 490, 492, 493, 496, 522, 537, 544, 719
Венецианский залив 693
Вергара (Гургара) деревня на Тассосе 209
Верона 695
Версаль 450
Вест-Индия 754
Виареджо 271, 286
Византия (Византийская империя) 14–17, 180, 345, 456, 723, 725
Витебск 80
Витерба 551, 559
Витуло (Бетило, Вителло, Портовитуло, совр. Oitylo) залив 120, 123, 215, 487, 490, 594, 626
Виченца (Вышенцо) 695
Владимирская губерния 562, 563
Волга 56, 747, 748, 750, 756
Вологда 438, 566, 570
Восток Ближний 19, 140, 199, 220, 339, 472, 722
Восток Дальний 220
Вулкана (Vulcano) о. 689
Вышенцо см. Виченца
Гаага 60, 61, 108, 237, 268, 269, 451, 459, 472, 752
Газа 352, 359, 381, 383, 403
Галилея 344
Галиополь 715
Галиция 14
Ганно о. 538
Гданьск (Агданск, Данциг) 566, 568, 685, 753
Геллеспонт см. Дарданеллы
Генуя 20, 30, 79, 94, 103, 213, 225, 229, 243, 252, 254, 267, 269–273, 275, 281, 292, 293, 312, 337, 340, 547, 741, 744
Георгиос о. см. Скирос
Георгия Святого «островок» 527
Германия («Немецкая земля») 458, 467, 485, 695, 696
Герцеговина 29
Гиали см. Эгиали
Гибралтарский пролив и г. Гибралтар 71, 92, 97, 101, 102, 105, 292, 582, 616, 618
Гитон 335
Глуховский Петропавловский монастырь 202
Гогланд о. 568
Голгофа 554
Голландия 19, 35, 36, 55, 94, 268, 283, 319, 451, 496, 737, 753
Голштинское герцогство 95
Готаниси (Катониса, Фармакониси, Додеканиские острова) 671
Готланд 566, 568, 685
Греция 10, 13, 17, 19, 25, 26, 38, 40, 42, 45, 47, 52–55, 74, 114, 120, 122, 124, 139, 146, 147, 152, 163, 172, 179, 180, 195, 204, 205, 218, 219, 247, 250, 256, 266, 270, 293, 313, 355, 417, 418, 421, 428, 430, 431, 432, 440, 453, 458, 461, 463, 478, 483, 484, 492, 495, 521, 627, 633, 655, 727, 747, 752
Греческое царство (см. Византия)
Грузия 438, 471
Гуль р. 98, 668
Дабур о. 546
Далматинское побережье 46
Далмация 117, 224, 225, 245, 253, 292, 455, 486, 492
Дамаск (Шам) 218, 339, 343, 346, 350–352, 355, 374, 375, 382, 387, 394, 398, 408, 717, 719, 741, 742
Дамаский эялет 343, 344, 388
Дамиатский залив 403

- Дамьетта (Дамият, Дамията) 103, 131, 342, 347, 358, 364, 360, 375, 376, 379, 386, 720, 741
- Дания 10, 11, 32, 91, 94, 112, 273, 319, 325, 468, 737, 753
- Данциг 65, 244
- Дарданеллы (Геллеспонт) 30, 74, 113, 114, 118, 130–132, 136, 137, 147, 162, 168, 173, 182, 218, 278, 295, 313, 374, 424, 458–460, 462, 464, 475, 562, 592, 598, 600, 605–607, 610, 617, 619, 621, 627, 632, 634, 638, 642–645, 650–653, 659–664, 669, 686, 747
- Двина Северная 753, 757
- Декария см. Кушада
- Делос (Малый Делос) 211, 519, 641, 644
- Дембори см. Импории
- Денегс (?) 571
- Дернеэс мыс? 567
- Десна 750
- Джебель-Друз (Друзские Горы), см. также Ливан Горный 366, 370
- Джидда (Геда, Gedda) 348 359, 474
- Джубейль 345
- Днепр (Борисфен) 441, 750, 756
- Днепровский лиман 756
- Днестр 451, 458
- Довер см. Дувр
- Дон (Танаис) 31, 441, 451
- Драгоместо 491
- Драко 568
- Дрезден 65, 244, 262
- Дронтен (Дронтенская бухта) 567, 571
- Дубровник см. Рагуза
- Дувр (Довер) 575
- Дунай 239, 261, 269, 278, 280, 281, 314, 355, 380, 441, 455, 456, 471, 612, 636–639, 755
- Дунайские княжества 17, 69, 214
- Дураццо (Дуррес) 46, 496
- Европа 10, 11, 31, 32, 66, 67, 70, 74, 83, 84, 93, 107, 112, 117, 129, 130, 145, 199, 200, 220, 224, 231, 239, 246, 247, 250, 251, 257, 259, 269, 281, 283, 289, 291, 294, 309, 310, 332, 334, 339, 355, 413–416, 418–420, 422, 424, 433, 435, 438, 445, 446, 448–454, 457, 458, 461, 463, 468, 471, 474, 475, 478, 479, 487, 518, 532, 534, 538, 547, 638, 697, 714, 716, 720, 723, 727, 733, 734, 751
- Европа Восточная 181, 723
- Европа Западная 9, 18, 83, 446, 461, 464, 469
- Европа Центральная 12, 340
- Европа Южная 93
- Евстафия Святого «островок» см. Айос Эстрата о.
- Египет 18, 90, 108, 131, 132, 136, 151, 204, 251, 261, 310, 337, 338, 340–343, 346–350, 352–365, 368, 373, 375, 377, 378, 380, 381, 386–388, 402, 404–408, 451, 455, 464, 472–474, 477, 479, 628, 703, 710, 715, 719, 725, 729–737, 739–744
- Египет Верхний (Саид) 731, 732, 741, 744
- Египет Нижний 732
- Едикуле (Семибашенный замок) в Константинополе 66, 72, 118, 662
- Ельсинор см. Эльсинор
- Еникале 441
- Ера см. Тирасия о.
- Журжа р. 636, 637,
- Заиорданье
- Закинф о. 157
- Зант о. 104, 114, 224, 264, 265, 315, 459, 586, 652, 681, 683, 740, 741
- Запорожская Сечь 17
- Зерми мыс 520
- Зефира (Zephyria, Palia Chora) город на Милосе 171, 523, 524
- Зея (Кея) о. 137, 149, 153, 210, 214, 216, 519, 520, 524, 541, 544–546, 615, 666, 681
- Золотоноша 69
- Зунд 352
- Иерусалим (Ерусалим, Расалим) 12, 43, 349, 350, 357, 359, 360, 368, 374, 538, 709, 710–712, 714, 715, 718, 719, 723, 728
- Ибудрум см. Будрум
- Идра (Индра, Нидра) о. 117, 124, 150, 151, 171, 183, 387, 681
- Иллирия 225
- Имброс (Имбра, Эмбро) о. 173, 605, 607, 619, 621, 622, 643, 650, 664, 681

- Имвλος г. 165
Импорио (Дембори, Emporio) г. 536
Индия (Индостан) 342, 348, 381, 631
Индийский океан 339
Ионическое море 130, 485
Ионические острова 11, 148, 155
Ионическая республика 155–158
Иордан р. 712, 718, 719
Иос (Ниа, Нио) о. 149, 153, 169, 172, 174, 206, 207, 215, 216, 518–520, 530–534, 615
Ипсаро см. Псара о.
Ираклия (Ураклия) о. (Малые Киклады) 666
Иран 339
Испания 34, 62, 95, 99, 107, 112, 147, 228, 239, 260, 266, 273–276, 283, 312, 335, 340, 461
Истра р. 712
Истрия 263
Италия 19, 25, 30, 35, 36, 38, 41, 45, 47, 56–60, 63, 65–68, 74, 78, 79, 83, 86–88, 93, 108, 109, 112, 114, 145, 65–68, 74, 78, 79, 83, 86–88, 93, 108, 109, 112, 114, 145, 152, 167, 200, 204, 206, 207, 220, 228, 232, 235, 238–244, 251–254, 260, 262, 267, 268, 272, 273, 279–283, 285, 291, 293, 294, 296, 298–302, 304, 305, 308, 309, 311, 313, 316, 331, 332, 363, 419, 433, 451, 453, 457, 462, 463, 475, 479, 483–485, 492, 517, 522, 547, 548, 550, 552, 554, 557, 591, 693, 695, 701, 716, 735, 736, 738, 740
Иулис (Иулида, Юлида) г. 541–545

Кабарда 214
Кабино мыс 584
Кабнако см. Каналебьянко
Кавалла (Ксоваллы, Ковалло) г. 132, 600–602, 606, 607, 618, 654, 664
Кавказ (Кавказские горы) 22, 341, 737
Кагул г. 612
Кадии (Малые Восточные Киклады) о-ва 539
Казань 56, 568
Казерта 251, 274, 277
Каир (Мисир, Египет) 202, 339, 342, 347–350, 352, 357, 358, 363–365, 368, 378, 380–382, 406, 407, 472, 639, 715, 719, 731, 732, 741–744
Кайфа см. Хайфа
Калабрия 689
Каламата 47, 117, 121, 123
Калемат о. 645
Калишинская (Калатинская, Колохинская, Kolokithias) залив 585, 584, 594
Калос, порт на Аморгосе 538
Калужская губ. 747
Кальяри 267, 268
Камени Малый и Большой, о. 534, 535
Кана Галилейская 199, 374, 723
Каналебьянко (Кабнако) река 694
Кандилес 491
Кандия см. Крит
Канеа (Канея, Nania) 104, 127, 501, 502
Карабаба, крепость 598, 621, 622
Карамания (область в Малой Азии) 181
Караманские воды 169, 181
Кардамили 488
Кардиане о. 534
Карлсбад 64, 65
Каромиро
Кап Висент 581
Карпонис 491
Каруйа о. 530
Карфаген 335
Карфея (Корефа) г. 541, 542
Каспийское море 88, 436, 747, 755, 756
Кассо (Касос) о. 626
Кастельнуово 254, 263, 266
Кастель Флорентино 550
Кастро-Россо крепость 137, 169, 180, 181
Катист, город на Аморгосе
Каттегат, пролив 567
Кафа (Кефа, Феодосия) 698
Кашин 538, 711
Кваия (совр. Porto Kagio) порт 626
Кедронский поток 718
Кенигсберг 568
Керчь 441
Кефа см. Кафа
Кефаллония (Кафалония, Цефони) остров 44, 45, 104, 114, 485, 491, 669
Кефалос крепость на о. Кос 132
Кея см. Зея о.
Киев 711, 723
Кикладские острова (Киклады, Сиклады) 24, 162, 189, 521

- Килисирия (Челисирия) см. Бекаа
 Киллис 349
 Кильдин (Кильдюин, Кидюи) о-ва 567, 571,
 Кимолос (Аржантира, Аржантиера) о. 149,
 153, 172, 520, 525, 527, 528615,
 Кинбурн 441
 Кипр 218, 356, 359, 360, 366, 370, 375, 402,
 473, 618, 725
 Китай 339
 Китнос (Фермия, Ферми, Термиа) о. 149, 153,
 172, 214, 216, 519, 520, 541, 546, 615
 Кланфорт 696
 Кларенс 48, 488, 489,
 Климово Новгородского уезда с. 568
 Колхидские земли 477
 Константинополь (Стамбул, Царьград) 13–17,
 30, 31, 36, 39, 40, 53, 55, 66, 68, 100, 101, 114,
 123, 117, 130, 136, 143–145, 149, 151, 161–163,
 165, 174, 182, 184, 187, 192, 199, 200, 214, 219,
 240, 241, 246, 247, 253, 255, 257, 258, 264,
 278, 294, 309, 313, 340, 341, 346, 347, 352,
 353, 355, 359, 360, 378, 382, 388, 407, 408,
 424, 435, 436, 447, 448, 450–452, 454–456,
 458–462, 464, 465, 467, 468, 472, 473, 475,
 480, 627, 633, 636, 638, 640, 643, 653, 654,
 661, 662, 677, 681, 702, 703, 710, 715, 717, 719,
 722–727, 731, 733, 742, 743, 747, 757
 Конти 272
 Копенгаген 91, 92, 94–97, 567, 568, 571, 574,
 685, 748
 Коривская бухта (Коринфская?) 594
 Коринф 115, 122, 123, 431, 710
 Коринфский залив 493
 Коринфский перешеек 114, 115, 121, 122,
 Кориссия (Корессия, Корисна) 541, 542
 Корнео, мыс 521
 Королевство Обеих Сицилий 43, 252, 273–
 278, 281, 297
 Корон (Карон, Κορόνη), г. 115, 121, 122, 123, 185,
 215, 457, 467, 484, 500, 586, 594, 626
 Корсика 59, 62, 87, 230, 269, 451,
 Коргона 315
 Корфсан г. 541
 Корфу о. 156, 265, 492,
 Кос (Станчио, Станко) о. 132, 193, 209, 638,
 671–674, 677, 678, 686, 726
 Косагова деревня 571–573,
 Кострома 750
 Косундо 550
 Котор (Каттаро) 46, 82, 83, 245, 253, 254, 263, 486,
 Кравари 491
 Красная Горка 88, 573, 700
 Красное (Чермное) море 340, 342, 347, 719, 738
 Крит (Кандия) 45, 114, 124, 126, 127, 133, 151,
 165, 218, 224, 247, 263, 264, 349, 450, 457,
 468, 485, 499, 502, 520–522, 604, 617, 626,
 634, 637, 638, 655, 714, 726
 Кронштадт (Кронштадская крепость) 9, 20,
 33, 34, 55, 84, 88, 89, 92, 101, 103, 197, 230,
 247, 250, 269, 304, 548, 561, 566–571, 573,
 574, 685, 698, 700, 752, 755
 Крым (Таврида) 10, 16, 180, 217, 404, 432,
 433, 441, 449, 739
 Ксеро (совр. Перистеря, Северные Споряды)
 о. 602, 605, 606, 663,
 Ксеромеро 47, 118
 Ксоваллы см. Кавалло
 Кубань 477
 Курляндия 566, 685
 Курск 186
 Курская губ. 747
 Кушада (Декария) залив 521
 Кючук-Кайнарджи 214
 Лакедемония (Лакедомон) 53, 114, 122, 123,
 457, 469, 491, 594,
 Ланфайстрат (?) 571
 Ларнака 366
 Левант 12, 45, 117, 138, 152, 200, 226, 229,
 232, 247, 250, 251, 253, 258–261, 264–266,
 275, 284, 292–298, 306, 308, 312, 318, 330,
 362, 405, 415, 452, 467, 496, 518, 528, 634,
 635, 688
 Лейпциг 66
 Лемнос (Лимнос) 80, 86, 103, 131–133, 147–
 149, 182, 209, 232, 401, 521, 598–600, 602,
 605, 606, 608, 621, 622, 636, 638, 649–651,
 664, 665, 685,
 Леонтари 121, 123, 215
 Леонтьево Новгородского уезда с. 568
 Лепанто (Лепантский залив) 92, 122, 340,
 652, 653

- Лерос (Лероо) о. 632, 678,
Лесбос (Митилина, Метелин) о. 132, 137,
174, 208, 432, 485, 521, 598, 619–625, 627,
632–634, 638, 650, 655, 661, 662, 664, 680,
686, 715
Левкос (Левка) г. на Паросе 182
Ливадия 469, 493
Ливан (Горный Ливан), см. также Джебель-
Друз 81, 343–346, 351, 359, 376, 384, 385,
387, 388, 406, 479, 702, 703, 704
Ливанский эмират 702
Ливиса 132
Ливорно 19, 37, 38, 50, 66, 79, 88, 92–94, 100,
103–105, 111, 112, 139, 162, 175, 184, 194,
197, 201, 213, 214, 220–230, 232, 237, 238,
240, 243, 250, 253, 254, 256, 260, 268, 270–
272, 276, 277, 283–300, 302–304, 306–309,
313, 315–320, 322–332, 352, 356, 357, 361,
363, 435, 440, 442, 450, 451, 458–460,
462, 463, 466, 468, 473, 479, 492, 517–519,
547–549, 560, 562, 607, 612, 617, 618, 627,
630–632, 642, 644, 662, 666, 667, 669, 670,
678–684, 688, 690, 691, 734, 735
Лигурия 253, 272
Лидромле (Селидромля, совр. Алоннисос,
Северные Спорады) 602, 605, 606, 663,
664, 680
Лиман см. Днепровский лиман
Липну (между Фессалией и Эпиром) 491
Липси (Лито, Южные Спорады) о. 671, 678
Лиссабон 99, 100
Литодия (Литодка, совр. Мирина), крепость
на Лемносе 598, 599, 685
Лонго (Макрис, Еленин остров) о. 546
Лондон 22, 56, 60–62, 71, 85, 91, 95, 98, 114,
115, 139, 228, 236, 237, 240, 253, 254, 258,
260, 294, 304, 334, 451, 464, 750, 756
Любек 566, 567, 685
Ля Специа 270, 271
Магриб 12
Мадрид 101, 240, 313
Македония 39, 116, 293, 627, 638
Макленбург (Мекленбургский округ) 456
Макри залив 132
Малиакос (Малиако) залив 521
Мальстром 567
Мальта 20, 30, 34, 64, 87, 94, 95, 105–112, 198,
204, 219, 239, 254, 275, 294, 297, 335, 340,
342, 343, 377, 424, 450, 451, 456, 459, 491,
612, 627, 720
Мальтийский орден 29, 34, 86, 105, 108–112,
232, 282, 340, 343, 456, 474, 477
Манженан порт Иоса 530
Мани (Майнотская провинция) 41–43, 47–52,
54, 116, 121, 124, 484–492, 494, 546, 608
Манфредония 275
Маон см. Порт-Магон
Марафон 204, 544
Мардаити, ливанское селение 704
Марии порт (Маро, Мариино, Сант-Мария,
Санто-Марио, залив на Паросе) 632,
641, 644, 646, 652, 653, 665, 666, 669–
671, 678, 686
Марина (Агиа Марина на Леросе) порт 678
Мармора (Мармара), деревня на Паросе 194
Маро см. Марио порт
Марокко 35, 312, 313, 468
Маротониз (Marathea?) 594
Марсель 326, 354, 368, 451, 474
Маскониси см. Маскониские острова
Матапан (Матапаия) мыс 626
Машрик
Мгарский монастырь 184
Медина 339, 472
Мекка 339, 347, 348, 349, 472, 474, 712, 717,
721
Менорка 94, 95, 102–104, 175
Мессина г. 230, 232, 276, 277, 294, 689
Месинский залив 689
Мертвое (Содомское) море 718, 719
Микonos (Микона) о. 86, 137, 149, 153, 168,
170, 172, 177, 179, 194, 202, 216, 378, 509,
519, 608, 609, 611, 612, 615, 616, 618, 633,
634, 640–644, 646, 654, 658, 659, 661,
662, 665, 666, 670, 671, 680, 681, 686
Милан 265, 280, 281, 292, 302, 306, 310, 311
Милос (Мило, Мило) о. 149, 152, 169–171, 174,
189, 203, 205, 520, 522–528, 548, 615, 644
Мистра (Мизистра) 120–124, 126, 215, 594
Митилен город (см. также Лесбос) 715
Митилини см. Лесбос

- Могилевская губ. 747
 Модон (Метони, Methoni) 115, 121, 122, 124, 185, 457, 484
 Молдавия 17, 22, 147, 162, 173, 438, 458, 477, 716
 Монемвасия (Малвазия) 469
 Монселиче (Мон Селисе) 694
 Монте Акине 551
 Монте Розо 551
 Монте-Христо (Isola di Montecristo) о. 689
 Морья см. Пелопоннес
 Мурта (Дарданельская крепость) 643
 Москва 14, 15, 39, 41, 45, 56, 63, 102, 115, 184, 220, 223, 281, 313, 431, 433–436, 439, 442, 443, 448, 463, 475, 494, 561, 565, 566, 569, 571–573, 582, 715, 723, 725, 726, 730, 748, 751, 756
 Московская губ. 747
 Московское государство (царство, Московия, Московская Русь) 14, 716, 723, 725
 Масконис (Маскониси) о. 622, 623
 Масконисские острова (Маскониси) 622, 636, 650, 651
 Мраморное море 30, 340, 458, 627, 714
 Мудрос см. Порто Мудро
 Музейриб сирийское селение 349
 Мытели, деревня на Самосе 210
 Мюнхен 230

 Набатийя 351
 Наблус (Наполи, Джебель Наблус) 359, 373, 383
 Наварин (Пилос) 104, 108, 119, 121, 122, 124, 126, 128, 144, 266, 582, 586, 626
 Нагорье с. 562
 Назарет 199, 344, 374, 723
 Наксос (Наксия) о. 108, 149, 153, 155, 166–168, 172, 174–176, 179, 182, 201, 203, 215, 508, 519, 520, 537, 539, 540, 587, 607, 610, 615, 632, 643, 655, 656, 666, 667, 670, 681, 689
 Нанфио см. Анафи о.
 Наполи ди (де) Романья (Навплион) 45, 124, 127, 128, 387, 469, 485, 561, 583, 584, 594, 654, 681, 685, 697
 Неаполитанское королевство см. Королевство Обеих Сицилий
 Неаполь, город 44, 45, 111, 112, 252, 265, 274–278, 283, 294, 302, 479, 485, 493, 496
 Нева р. 354, 440, 694

 Нежин г. 725
 Ниа (Нию) см. Иос
 Нидерланды 60, 147, 206, 448
 Нидон г. 541
 Нижний Новгород 69
 Николай Святой (замок Св. Николая на Санторине) г. 535, 536
 Нил 202, 239, 348, 356, 375, 381, 718
 Ницца 267, 317
 Ново-Иерусалимский монастырь 712
 Новороссия 184, 217
 Нонси, островок 587
 Норвегия 272
 Норгин «в шведских шхерах» 574
 Нордзея (Норд Зея) 567, 685
 Норд-Кап, мыс 562, 567, 753

 Окаия Коноки о. близь Милоса 526
 Оксиромера, область на о. Крит 457
 Ораниенбаум см. Ранинбом
 Орел 756
 Орловское наместничество 756
 Османская империя (Турция, Порта) 9–14, 16, 17, 22, 24, 29, 30–33, 35, 36, 45, 48, 49, 52, 54–56, 59, 61, 63, 65, 71–74, 83, 87, 101, 102, 112, 114, 118, 124, 126, 128, 134, 137, 140, 145, 146, 155, 172, 173, 184, 197, 217–220, 224, 225, 227, 232, 233, 237–239, 242, 244–247, 251, 253, 255–258, 262, 265, 270, 271, 274, 275, 276, 279, 280, 282, 284, 292, 307, 313, 334–347, 352–354, 356, 360, 370, 375, 376, 384, 392, 397, 404, 407, 409, 414, 415, 417, 418, 421–424, 426, 432, 443, 448–450, 452, 455, 460–469, 471–472, 474–476, 478, 485, 486, 496, 591, 603, 636–639, 643, 652, 653, 660, 696, 702, 704, 709, 716, 724, 725, 729, 730, 731, 733–737, 739, 742, 743, 744, 747, 749
 Остзея 568
 Ост Индия см Индия
 Остров, село 56
 Отранто 275, 285, 451, 459
 Очаков 103

 Падуа (Падова, Падуа) 694, 695
 Палермо 276, 294

- Палестина 17, 20, 337, 340, 341, 343, 344, 349, 362, 364, 366, 378, 406, 425, 450, 463, 474, 479, 517, 538, 703, 710, 713, 715, 719, 721, 723, 725
- Паноя р. 571
- Париж 58, 101, 228, 232, 236, 237, 240, 260, 266–269, 273, 274, 294, 304, 310, 431, 448, 751, 753
- Парикия (Парос) город 162, 163, 165, 189, 616
- Парос (Паросский рейд) 26, 109, 130, 131, 134, 148–153, 155–160, 162–166, 168–171, 173, 177, 179, 181, 182, 185, 187–191, 194–196, 198, 201, 204–206, 209, 210, 213–215, 230, 297, 315, 318, 352, 361, 363, 365, 370, 372, 374–379, 385, 387, 388, 405, 431, 450, 462, 473, 479, 499, 501, 507, 508, 518, 519, 528, 529, 548, 587, 607, 610, 615, 627, 628, 632, 637, 640, 643, 645, 652, 653, 662, 665–667, 681, 689, 690, 701, 752
- Пассава 123, 215
- Пассаровиц 219, 246, 248, 253, 257
- Патагония 461
- Патмос о. 169, 179, 185, 186, 193, 202, 609, 611, 612, 616, 643, 659, 671, 679, 680, 710, 716, 717, 726, 727
- Патмоский м-рь Иоанна Богослова 168, 185, 186, 202, 210, 716
- Патрас 47, 54, 80, 92, 122, 123, 130, 185, 375, 485, 652, 697
- Пау река см. По
- Пелари крепость на о. Лемнос 132
- Пелопоннес (Морея) 9, 19, 22, 24–26, 39, 41, 42, 44–49, 51–53, 71, 74, 84, 87, 90, 91, 103, 104, 113–128, 132, 133, 144–146, 151, 162, 167, 170, 183, 185, 215, 218, 224, 247, 248, 255–257, 262, 264, 265, 272, 282, 293, 303, 314, 326, 354, 415, 426, 428, 430, 438, 443, 452, 455, 457, 458, 460, 462, 466, 469, 470, 473, 477, 484, 485, 489, 491, 496, 499, 528, 561, 592, 594, 611, 626, 628, 652, 654, 667, 681, 685, 727
- Пергола о. 539
- Переславский уезд 562
- Переяславль-Залесский г. 562
- Персидский залив 342
- Персия (Персидская граница) 360, 753
- Пест (Пешт) 496
- Петербург см. Санкт-Петербург
- Петергоф 52, 122, 569, 570, 685, 699, 700
- Пиека (Ипиеса) г. на о. Зея 541, 542
- Пиза 19, 66, 67, 94, 112, 167, 217, 220, 223–225, 227, 229–234, 250, 252, 253, 256, 271, 284, 286–293, 295, 296, 298, 301–304, 311, 312, 315–317, 320–328, 330, 363, 406, 440, 451, 463, 484, 549, 550, 560, 691, 693
- Пиллау (Пилав, Пиллов, совр. Балтийск) 568, 685
- Пира о. 539
- Пиратия 491
- Пиргос (Пирго, Парго, Purgos) г. 536
- Питалон г. 541
- Пиято, замок на Аморгосе 538
- Плака, г. на Милосе 171, 524
- Планоза (isola Pianosa) о. 690
- Плата, деревня на о. Лемнос 131
- По (Пау) р. 694
- Поволжье 56
- Поджетто 550, 560
- Подзано см. Больцано
- Подлес (Полълес), город на о. Зея 210, 542
- Подмосковье 56
- Полани о. 527
- Поликандро см. Фолегандрос
- Полоцкая губ. 747
- Полтавский Крестовоздвиженский монастырь 717
- Польша (Речь Посполитая) 10, 11, 20, 29, 31, 32, 138, 239, 251, 274, 280, 303, 340, 416, 423, 433, 449, 472, 485, 720
- Помокора на о. Милос 526
- Поро (Порос) о. 681
- Порта, см. Османская империя
- Порт-Магон 20, 79, 81, 88, 89, 92, 94, 97, 102–105, 108, 117, 144, 194, 213, 227, 228, 230, 251, 253, 272, 292, 306, 334, 433, 435, 450, 457, 460, 469, 484, 587, 594, 595, 609, 618, 631, 633, 668
- Порт Мудро на Лемносе (совр. Мудрос) 598, 606, 607, 621
- Портовитуло см. Витуло
- Порто Плато на Аморгосе 538
- Порто-Трио см. Трио

- Порто-Феррайо (Ферао) 213, 229, 230, 234, 271, 275, 285, 286, 322, 644, 662, 690, 702
 Порта см. Османская империя
 Портсмут (Портцмут) 92, 97–100, 575, 576, 579–581, 632, 685
 Португалия 94, 99, 100, 112
 Посес, гавань 542
 Презуле (Присула) 695
 Приазовье 404
 Причерноморье 31, 341, 409, 432, 747
 Пруссия 10, 11, 32, 214, 233, 317, 453, 518, 566, 568, 685, 737
 Псара (Ипсаро) о. 117, 650, 663, 669, 670, 679, 680, 682
 Псковская губерния 442
 Путивль 726
 Пьемонт 30, 110, 266–268

 Рагуза (Дубровник) 225, 227, 271, 291, 424, 459, 610, 736
 Рамла (Рама) 344, 352, 374
 Ранинбоум (Ораниенбаум) 316, 569, 574, 699, 700
 Рати (Рафти) порт на Аттике 586
 Ревель 55, 88, 91, 92, 184, 230, 566–568, 570, 571, 573–575, 753
 Редна (Reggio di Calabria) г. 689
 Ретим (Rethimno) на о. Крит 502
 Рига 244
 Рим 14, 94, 251, 252, 265, 276–281, 286, 293, 294, 296, 297–306, 308, 310, 311, 316, 317, 331, 332, 462, 479, 547–549, 551–559, 709, 710, 714, 717, 749
 Родос 297, 356, 364, 379, 521, 618, 637, 638, 682, 715
 Романия 133, 601, 611, 617, 627, 628, 637, 638, 655
 Ропша 75
 Россия (Российская империя, Российское государство, Русь) 9–12, 15–26, 29, 31–36, 39, 41, 43–45, 49, 50, 52–61, 63–66, 69–71, 75–77, 79–83, 84, 87, 93, 95, 97, 101, 102, 106–112, 115, 128, 132, 134, 138–140, 143–145, 147–151, 153–157, 160, 167, 169, 170, 180, 182, 184, 196, 199, 200, 203, 211, 213, 215–221, 223–225, 227, 228, 232, 233, 235–247, 250–263, 266–271, 273–285, 287, 290, 292, 293, 298, 299, 301, 305, 306, 309–314, 316, 317, 319, 321, 323, 324, 326, 328, 329, 331, 332, 334, 335, 337–339, 341, 342, 346, 348, 352, 365, 370, 371, 374, 383, 385, 388, 392, 398, 406, 409, 410, 413–424, 428, 431–437, 439, 443, 445, 446, 448, 450–453, 455, 458, 460–465, 467–469, 471–476, 477–479, 483–486, 489–493, 495, 503, 506, 507, 547, 562, 580, 582, 615, 618, 627, 631, 632, 643, 644, 651–654, 663, 666, 667, 669, 679, 682, 683, 688, 690, 691, 696, 701, 702, 709, 710, 712, 723–731, 733, 735, 737, 742, 744, 747, 748, 752, 753, 758
 Россия Малая 722, 752
 Россия Южная (Русь Южная) 374, 721
 Ростов 564
 Румелия 591, 681
 Русь 710–712, 720, 724, 725
 Рыбная Слобода (Рыбинск) 568, 685
 Рязанская губ. 747

 Саввы монастырь 718
 Савойя 340
 Сайда (Сеида) 218, 343–346, 349–352, 365–367, 369, 370, 373, 378, 379, 382, 383, 387–390, 394, 398, 399, 402, 408, 473, 686, 702, 704
 Сайдский эялет 384, 703
 Саламин, о. 459, 460, 544
 Салкадита 695
 Салоники (Салонисса) 151, 199, 218, 485, 603, 610, 645, 654, 665, 677, 714, 717
 Сальхийя 381, 382
 Самос о. 160, 161, 168, 178, 193, 210, 218, 521, 611, 612, 638, 640, 643, 671, 672, 678, 679, 686
 Самотраки (Самандрахи) о. 619, 681
 Самсон, мыс 521
 Сан-Джулиано 288, 289, 298, 303, 320–322, 328, 435
 Сан-Фиоренсо 551
 Сан-Якопо 287
 Сандарли (залив Чандарлы к северу от Измира) 636
 Санкт-Петербург (Петербург) 19, 26, 34, 36–38, 40, 45, 47, 48, 50, 57–60, 64–68, 71, 72, 74, 80, 83, 86, 88, 91, 93–95, 106, 109, 111, 115–118, 122, 130, 133, 139, 147,

- 151, 152, 162, 167, 169, 172, 184, 192, 208, 210, 213, 220, 222–224, 227, 232–234, 236–240, 242, 243, 253, 256–263, 265, 267–269, 273–276, 278, 281, 283, 287, 290, 292, 296–299, 302, 304–306, 310–314, 318, 319, 322, 325, 331, 353, 356, 363, 418, 428, 432, 440, 442, 448, 450–452, 463, 464, 475, 479, 480, 483, 484, 490, 494, 497, 547, 548, 561, 566–569, 571–573, 614, 619, 645, 653, 667, 669, 683, 685, 699, 701, 702, 725, 732, 735, 736, 738, 740, 744, 746, 749, 752–754
- Сант-Марии см. Марии порт
- Санторин (Тира, Фира, Тера, Эсент Ири-ни) о. 149, 153, 169, 200, 211, 212, 218, 520, 537, 615
- Сапиенс о. 670
- Сардиния о. 20, 79, 103, 267, 268, 272
- Сардинское королевство 30, 266, 268
- Сафед (Цфад) 344
- Саффари 272
- Святая Земля 199, 357, 359, 360, 374, 710–714, 716–719, 722, 723, 725
- Святого Дитмитрия крепость (Ростов-на-Дону) 31
- Севастополь (Ахтияр) 103
- Северное море 88
- Северный Ледовитый океан (Океан Север-ский) 436
- Секинос см. Сикинос
- Секро (Саго, Фира) 536
- Селидромля см. Лидромле
- Селунь (Салоники)
- Семибашенный замок см. Едикуле
- Сен Жаков г. 549, 560
- Сенсар 700
- Сен-Тропе 462
- Сербия 233
- Сериго о. (Цериго, Кифера, Китира) 608, 617, 638, 652, 669, 678, 689
- Серфос (Серифос) о. 149, 153, 216, 519, 615, 689
- Сибирь 309, 310, 475
- Сиена (Съсиена, Ссиена) 549, 550, 551, 559
- Сикинос (Сичино, Сикандро, Секано) о. 149, 169, 182, 520, 529, 530, 615
- Сиклады см. Киклады
- Сим о. 645
- Симбирск 748
- Симферополь (Ахт-Мечеть) 432
- Синай (Синайский полуостров) 15, 333, 334, 710, 715, 719
- Синайский монастырь Св. Екатерины 715
- Синоп (Синопис) 757
- Сиракузы (Сиракус) 544
- Сирия (Сория, Сурия, Сирийские берега) 18, 158, 199, 201, 204, 333, 337–343, 345, 346, 348–352, 355–357, 359, 360, 362, 374–377, 379, 381, 384–389, 398, 404–409, 450, 451, 464, 473, 474, 477–479, 511, 682, 686, 703, 715, 719, 731–733, 736, 738–740
- Сирские (Сирийские) воды 169, 181
- Сирос (Сира, Сиро) о. 149, 153, 158, 168, 169, 172, 179, 511, 519, 615
- Сирфо о. 172
- Сифнос (Сифано, Сифанто, Сифонто) о. 149, 152, 172, 182, 519, 615, 689
- Сицилия (Королевство Обейх Сицилий) 20, 93, 94, 107, 111, 230, 273–278, 281, 297, 689, 737, 738
- Скиатос (Шкиято) о. 168, 175, 651, 663, 679
- Скирос (Шхиро, Скиро, Остров Св. Геор-гия) о. 157, 168, 176, 180, 546, 586, 634, 636, 640, 658
- Скопелос (Скопель) о. 148, 150, 187, 663
- Скорпанто совр. Карпатос 626
- Слисенбург см. Шлиссельбург
- Смирна (совр. Измир) 138, 151, 199, 218, 270, 341, 450, 451, 462, 463, 467, 518, 522, 534, 591, 602, 604, 610, 634, 636, 645, 650, 654, 665, 677, 686, 702
- Соларна, о. 538
- Соломбальский рейд (Соломбола) 566, 571
- Спарта 123, 427, 491
- Спата (Спада) мыс. 520
- Сперхиос р. в Фессалии 521
- Специя (Специпуло) о. 117, 129, 137, 387, 585, 681
- Спитхед 98
- Спорады (Сперады) о-ва 521
- Средиземноморье Восточное 12, 35, 36, 93, 104, 112, 113, 132, 136, 162, 202, 213, 241, 271, 290, 308, 347, 353, 362, 415, 427, 450,

- 457, 460, 461, 463, 475, 479, 499, 518, 709, 712–714, 719, 720, 723, 724, 726–728, 733
- Средиземноморье Западное 105, 709, 727
- Средиземноморье Центральное 297
- Средиземноморье Южное 202
- Стамбул, см. Константинополь
- Станис о. Малых Киклад (?) 666
- Станчио см. Кос о.
- Старая Ладога 448
- Стефана Святого гора на Санторине 535
- Стефанс 568
- Сто Плакото на Иосе 531, 532
- Стокгольм (Штокгольм) 568
- Стромболо (Lipari) о. 686
- Судук Кале 698
- Суздаль 571
- Сур (Сури, Тир) 345, 364–366, 376, 378, 382, 388, 390, 402, 686
- Суруп (Сууроупи) мыс 574
- Суэц 342, 472,
- Сфата (Сфацция, Sfakia, Сфацья), область на юго-западе о. Крит
- Таганрог 87, 441, 442, 471
- Тазо см. Тассо о.
- Танжер 102, 582
- Тараблус (Шам Тараблус) см. Триполи
- Тарифа (Тариф) г. 582
- Тассос (Тассо) о. 180, 193, 198, 209, 562, 600–602, 606, 607, 608, 618, 619, 622, 625, 633, 637, 638, 651, 659, 663, 664, 679, 680, 681, 685, 686
- Тверь 748
- Темерник, Темерникский порт (см. также Святого Димитрия крепость) 36
- Тенедос о. 199, 200, 619–622, 638, 650, 659, 660, 665, 686
- Термиа (Фермиа) см. Кифнос, Китнос о.
- Тибр р. 551, 552, 558
- Тиверия (Тверия) 344
- Тивериадское (Тибериада) озеро 374, 704, 719
- Тинос (Тино) о. 138, 149, 153, 168, 172, 176, 178, 179, 210, 214, 216, 615, 644, 646
- Тир см. Сур
- Тирасия (Thirasia, Ера, Ферасия, Фераса) 534
- Тифлис 755
- Тихий океан 747
- Тобольск 69
- Толбухина коса 699
- Толмадор (Эспалмадор, Oinousses) о. 634
- Тоскана (Великое герцогство Тосканское) 100, 105, 112, 220–222, 224–232, 235, 241, 243, 247, 249, 250, 252–254, 256, 262, 266–268, 270–272, 276, 277, 280–301, 303, 304, 306–309, 311–316, 318–320, 322–326, 328–322, 363, 433, 547, 552
- Тренто (Триент) 695
- Триест 45, 53, 83, 116, 153, 218, 227, 238, 256, 263, 457, 492, 736
- Трио (Порто Трио) 149, 163, 166, 375, 587, 618, 627, 642–645, 666, 670, 682
- Триполи (Тараблус, Шам Тараблус, Триполь) 46, 334, 335, 336, 342, 343, 350, 389, 479, 487, 639, 704, 716
- Триполи Западный 335, 336, 337
- Триполийский эялет 486
- Триполица 47, 120, 123
- Троице-Сергиев монастырь 712
- Троя (Троада) 12, 208, 440, 527, 598, 650, 726
- Тула 756
- Тулон 101, 138
- Тунис 34, 224, 334, 335, 342, 346, 375, 610, 638, 639
- Турин 19, 243, 256, 266–269, 274, 302
- Турция см. Османская империя
- Тюбинген (Тибинген) 455
- Украина 723
- Ульчи 92, 375
- Ураклия см. Ираклия о.
- Урфа 365
- Устюг Великий 448
- Утика 335
- Фанар 645
- Фаро о. 568
- Феодосия (Кафа) 432
- Фераи, Ферас см. Порт Феррайо
- Ферасия см. Тирасия о.
- Фермия (Ферми) см. Китнос о.
- Феррара 253, 256, 694

- Фессалия 44, 116, 469, 491
Финикия 366
Финляндия 432, 747
Фиумладиче р. см. Адидже
Флоренция 19, 94, 111, 112, 220–223, 225, 227–230, 233, 234, 245, 252, 267, 286–290, 292, 293, 296–298, 301–304, 306, 308, 309, 311, 312, 314, 315, 317, 318, 322, 324, 326, 330, 331, 463, 479, 551, 558–560, 693, 735, 736
Фокшаны 143, 214, 297, 475
Фолегандрос (Поликандрос) о. 149, 153, 182, 204, 206, 520, 528, 529, 615
Франция 10–13, 19, 31–33, 35, 59, 62, 75, 78, 94, 95, 101, 102, 109, 111, 112, 137, 138, 153, 206, 219, 224, 239, 251, 266, 267, 269, 274, 275, 281–284, 311, 415, 423, 424, 446, 448, 451, 468, 496, 536, 737, 738, 740
Хайфа (Гайфа, Кайфа, Хайфский залив) 364, 365, 367–369, 376, 378, 387–389, 378, 383, 387–389, 686
Хама 715
Хамбер 98
Хауран (Харан, Хевран) 717
Хеврон 714
Херсон 184, 757
Хиджаз 334, 340, 341, 347, 348, 354, 356
Хиландарский монастырь на Афоне 186
Химара (Южная Албания) 41–43, 47, 116, 218, 469, 484, 486, 492, 494
Хиос (Хио, Сио) о., г. 129, 132, 137, 208, 215, 218, 459, 592, 594, 598, 605, 626, 627, 634, 638, 640, 644, 646, 648–650, 659, 686, 715
Хиосский пролив (Шийский канал) 130, 587, 594, 634, 636, 643, 646
Ходынское поле в Москве 435, 439, 442
Хомяковка сельцо 562, 572, 573
Хопер р. 753
Хора, столица о. Иос 534
Хотин 458, 466, 471
Хриссопилия («Золотая пещера», Шрисъ-соспирна) пещера 529
Хула оз. 350
Царское Село 72, 216, 431
Царьград см. Константинополь
Целидромля см. Лидромле
Цетинье 81
Цефонь о. см. Кефалония
Цибидра деревня на Паросе 194
Цфад см. Сафед
Цымаца, область на о. Крит 457
Челси 752
Черкессия 477
Черногория (Черная Гора) 29, 30, 41–43, 53, 64, 66, 69, 79–84, 114, 117, 144, 245, 246, 253, 264, 303, 422, 450, 477, 486, 492, 494
Черная речка 208
Черное море 10, 30, 31, 35, 36, 58, 72, 170, 218, 237–239, 278, 432, 436, 441, 455, 460, 462, 475, 627, 645, 649, 664, 697, 698, 725, 737, 747, 755, 757
Чесма (порт Калаборно, Чесминская бухта) 33, 92, 104, 108, 123, 129, 130, 215, 293, 294, 315, 317, 326–328, 345, 460, 463, 470, 588–598, 618, 646–650, 653, 663, 664, 683, 685, 686, 696, 697
Чивита Веккья 225, 240
Чимило 149
Чурилово с. 572
Шатский канал см. Хиосский пролив
Швартенох 567
Швеция 10, 11, 32, 61, 95, 101, 110, 138, 283, 432, 737, 744
Шериест (?) порт 633
Шийский канал см. Хиосский пролив
Шинус (Схинусса на Малых Кикладах) о. 539
Ширго (Куфунисси?) о. 539
Широ о. 626
Шкиро см. Скирос
Шкиято см. Скиатос
Шлиссельбург (Слисенбург) 685
Шотландия 567
Шпицберген 698
Штокгольм см. Стокгольм
Шубра деревня 742
Шхиро см. Скирос
Эвбея (Негропонт) о. 132, 148, 151, 198, 218, 521, 541, 586, 591, 594, 618, 626, 627, 638, 681

- Эгейское море (Белое море) 19, 30, 159–162, 170, 232, 293, 301, 306, 340, 451, 462, 520, 562, 626, 714, 724
- Эгиали (Egiali, Aigiali) замок на Аморгосе 538
- Эгон о. 546
- Эликс (Елид, Врисес) река 542
- Эллада (Елад) 116, 206, 543, 545
- Эльба (isola Elba) о. 229, 230, 234, 286, 323, 690
- Эльба Нижняя 347
- Эльбинг 296
- Эльсинор (Гельсинор, Ельсинор) 92, 571, 574, 575, 580
- Эмброс о. 186
- Эпир (Епир) 43, 44, 114, 491
- Эсна 732
- Эстрата см. Айос Эйстратиос
- Этна 276, 277
- Эфес 710
- Юлида см. Иулида
- Ютландия 567
- Янина 57, 104, 118, 469,
- Ярополец (Ярополч) с. 746, 746
- Ярославль 564
- Ярышево с. 571, 573
- Яссы 152, 471,
- Яффа (Иоппия, Яфъ) 203, 344, 349, 352, 359, 372, 373, 375, 376, 378–380, 389, 402, 403, 474
- Gedda см. Джидда
- Giaffa 359
- Rama 359
- Napoli di Soria 359
- Seida 359
- Scaroponto 364

Перечень иллюстраций

НА ФОРЗАЦАХ:

Рисованные карты Архипелага и Анатолии из Журнала С.П. Хметевского.

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА:

О. Парос. Из Журнала К.-Л. фон Толля. 1771 г. (РГВИА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 3. Л. 37об.–38).

Вид порта Мессина на Сицилии. 1771 г. (РВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860 Л. 48).

Штурм крепости Бейрут в 1772 г. Из вахтенного журнала шебеки «Греция» (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп1. Д. 1149. л. 74об–75). *Экспликация:* Вид на Сирском берегу турецкого города Верута при котором приморских крепостей 2 в бытность при отаке онаго города под команду флота лейтенанта и ковалера Псаро шабек 3, поляк 2, полугалер 4, шахтур 3 и ссажено было на берег десанту сватциотов 300 человек 1772 году. А. Крепости Верута; В. Где сажан десанть сватциотской; С: Вновь строящаяся крепость; D: Шебека Греция и на крюс стеньге турецкой флаг сигнал для ссаживания десанту и производили б пальбу; E: Шебека С[вятой] Николай; F: Поляка Валсамати; G: Поляка Беллина; H: Шабeka Калиги; I: Брали пресную воду осолодковую; K: Как сватциоты пришли в город, а полугалеры перешли ближе к мысу х крепостям, и на оном же месте возвратной десант взят на шебеку; L: по прибытии х короду и по отступании от онаго становились на якорь на иловатом грунте; M: на

мысу башня; N: огни, где сватцыоты идучи зажигали; O: флаг розсийской и сватциотское знамя имелся на воротах крепости. P: турецкие лотки или кайчи.

Карты и планы из Журнала С.П. Хметевского Наполис Деромании. «План одержанной морской баталии...над турецким сильным флотом, 16 Маия 1770 Года» (л.6 об.).

«Чисма. План одержанной победе 24 Июня 1770 году» (л. 23 об., 24).

Чесменская битва (л.29 об., 30).

План осады крепости на Лемносе (л. 46 об.).

Остров Парос и Остров Наксия (л. 71 об., 72).

Миконский рейд и о. Делос (л. 75 об.).

Вход в бухту Острова Патмоса (л. 76).

Остров Самос и часть Анатолии. (л. 76 об.).

Дарданеллы, Мраморное море и часть Босфора (л. 99 об., 100)

Залив Витула (л. 94 об.).

«Карта морская заливу города Наварина взятова Россииским Императорским Флотом 1770 года» (л. 95).

«Сетуация берега» и план крепостей Дарданеллы (л. 127 об.).

- План находящеися в Анатоли Чисминской Крепости с показанием Произведенных при той Крепости как от морских так и от сухопутных российских Императорских войск военных действий 1772 году (л. 139 об., 140)
- В ТЕКСТЕ**
- С. 32. *Неизвестный художник конца XIX — начала XX века.* Петр I и Екатерина II. ГТГ.
- С. 39. *Ф.С. Рокотов.* Портрет Г.Г. Орлов в латах 1762–1763 г. ГТГ.
- С. 61. *Д.Г. Левицкий.* Портрет И.Г. Чернышева. ГМЗ Павловск.
- С. 63. *Эриксен Вигилиус.* Портер графа А.Г. Орлова-Чесменского. ГРМ.
- С. 64. Н.И. Панин. Грав. с портрета А.Рослена. 1777 г.
- С. 65. Портрет Д.М. Голицына (Из кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича Романова (в 5 томах). СПб, 1905–1909. Т. 2. № 26).
- С. 73. *Ф.С.Рокотов.* Екатерина II. 1763. ГТГ.
- С. 81. Ю.В. Долгоруков через 35 лет после Черногорского предприятия. Грав. с портрета Кюнеля (1813 г.)
- С. 82. *В.Г. Дорога из Котора в Черногорию.* Гравюра.
- С. 89. Эскадра Г.А. Спиридова перед выходом в средиземноморский поход. Рисунок в Журнале инженер-офицеров флота. 1769 г. (РВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860 Л. 2).
- С. 90. Портрет Джона Эльфинстона.
- С. 93. *Д.Г. Левицкий.* Портрет С.К.Грейга. Ок. 1788 г. ГРМ.
- С. 95. Портрет М.М. Философова (Из кн.: *Русские портреты XVIII и XIX столетий.* Т. 2. № 188).
- С. 96. Копенгагенский рейд и стоящие на нем суда первой эскадры. Рисунок в Журнале инженер-офицеров флота. 1769 г. (РВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860 Л. 5 об.).
- С. 103. Залив Порт-Магонский. Фрагмент карты 1770-х гг.
- С. 106. Форт Святого Эльма на Мальте. *Фото Е.Смилянской. 2007 г.*
- С. 107. Галерея дворца магистров в Валетте. *Фото Е.Смилянской. 2007 г.*
- С. 109. Дворец магистров. Двор Нептуна. *Фото Е.Смилянской. 2007 г.*
- С. 110. *П.Бернар.* Великий магистр Мануэль Пинто (1681–1773). Мальта, дворец магистров в Ла Валетте.
- С. 117. Ф.Г. Орлов. Грав. с портрета Ф.С. Рокотова.
- С. 120. Залив Oitylo/Витуло. Фото Е. Смилянской. 2009 г.
- С. 121. Корон в осаде российского флота (*Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de la Grece.* Paris, 1782. Грав. 1).
- С. 122. Модон. Гравюра XVIII в. Археологический музей г. Пилос (Наварин). Греция.
- С. 123. Метони/Модон. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*

- С. 124. Мистра. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 125. Крепость Наварина. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 126. Собор в крепости Наварин, превращенный турками в мечеть. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 127. Бой при Наполи-ди-Романья. Журнал С.П. Хметевского. Л. 13 (ВСМЗ. № В-9642; далее – Журнал С.П. Хметевского).
- С. 129. Чесменский бой. Журнал С.П.Хметевского. Л. 23 об. — 24.
- С. 131. Турецкие военные корабли у крепостей Дарданелл. Журнал С.П. Хметевского. Л. 127 об. — 128.
- С. 135. Войны-албанцы, какими их увидел в 1776 г. граф Шуазель-Гуффье (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 2).*
- С. 150. Портрет Г.А.Спиридова (Из кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. № 107).
- С. 162. Остров Парос. Аузский залив и деревня Ауза. 1771 г. Из Журнала К.-Л. фон Толля (РГВИА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 3. Л. 24).
- С. 163. Острова Парос и Антипарос. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 164. Парос. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 165. Церковь Успенья Богородицы на Паросе. Купол над баптистерием VI в. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 166. Церковь Успенья Богородицы. Главный неф X в. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 168. о. Наксос (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 21).*
- С. 169. о. Сирос (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 30).*
- С. 170. Залив о. Милос. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 173. *Неизвестный художник втор. пол. XVIII в. А.Г. Орлов после Чесменского боя с благодарными греками. ГТГ.*
- С. 175. Греки о. Наксос (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 24).*
- С. 176. Женщины о. Тинос (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 25).*
- С. 179. Монастырь св. Мины на Паросе. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 181. Крепость Кастро-Россо. Из журнала шебеки «Греция» (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 20 об.).
- С. 186. Патмос. Монастырь Иоанна Богослова (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 56).*
- С. 188. Руины русской церкви при госпитале в Аузе. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 189. Наусский залив. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 191. Турецкая крепость Аузы. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 192. *Неизв. художник школы Д.Г. Левицкого. Портрет И.А.Ганнибала. 1790-е гг.*
- С. 195. Металлический складень «Никола чудотворец с чудесами», обнаруженный на месте русского

- кладбища в Аузе. Историко-этнографический музей в Науссе. Парос. Греция.
- С. 196. Южная сторона Наусского залива с указанием на место расположения Шлиссельбургского полка. Из Журнала К.-Л. фон Толля. 1771 г. Из Журнала К.-Л. фон Толля (РГВИА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 3. Л. 27).
- С. 200. С.И. Плещеев (?). Неизв. художник. 1799–1801.
- С. 204. Гречанка с о. Парос. *Грав. Leneta Chepri* (1739 г.).
- С. 205. Мраморный саркофаг на Милосе (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 7*).
- С. 206. Стена, сложенная из камней античного святилища. Парикия, о. Парос. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 208. А. Мартынов. «Гробница Гомера» в парке дачи Строгановых на Черной речке. 1812 г.
- С. 210. Пещера Антипароса. (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 37*).
- С. 211. «Штуки мрамора» на Делосе. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 212. Античные руины Санторина. (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 19*).
- С. 216. Чесменская колонна. Арх. А. Ринальди. 1774–1778 гг. Царское село. *Современное фото.*
- С. 221. Ф. Джаки. Великое герцогство Тосканское, разделенное на три провинции. 1780 г. (Прага, Национальный архив).
- С. 222. Портрет Великого герцога Тосканского Пьетро Леопольдо (Неаполь, коллекция Синискалько).
- С. 229. Порто-Феррайо. *Фото М. Велижева. 2005 г.*
- С. 231. Ж. Кройтцингер — Ж. Пишле. Император Леопольд II (1790, Прага, Национальная галерея).
- С. 236. Я. де Барбари. Вид Венеции. Ксилография. 1500 г. (Венеция, Музей Коррер).
- С. 249. Венеция, вид с моста Риальто. *Фото Ю. Ярина. 2010 г.*
- С. 264. Венеция. *Фото Ю. Ярина. 2010 г.*
- С. 274. Казерта. Резиденция неаполитанского короля. *Современное фото.*
- С. 277. «Огнедушная гора Этна». Рисунок в Журнале инженер-офицеров флота (РВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л.42).
- С. 279. Рим, площадь св. Петра. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 284. Герб Лотарингской ветви династии Габсбургов. XVIII век (Государственный архив Пизы).
- С. 287. Тоскана, побережье Тирренского моря от Каламброне до устья Арно (Прага, Национальный архив).
- С. 289. Флоренция, Кафедральный собор (Дuomo, Санта Мариа дель Фиоре). *Фото Ю. Ярина 2007 г.*
- С. 291. Общий план пизанской равнины. 1740 (Государственный архив Пизы).

- С. 302. И.И. Шувалов. Грав. с портрета Ж-Л. де Велли.
- С. 303. К.-Л.-И. Христинек. Портрет А.Г. Орлова-Чесменского. 1779 г. ГТГ.
- С. 315. Флоренция, церковь Санта Кроче. *Фото Ю. Ярина 2008 г.*
- С. 316. Пиза, Площадь чудес «Piazza dei Miracoli». *Фото М. Велижева 2008 г.*
- С. 320. Портрет Марии Луизы (Людовики), супруги Великого герцога Тосканского Пьетро Леопольдо (Неаполь, коллекция Синискалько).
- С. 321. Дж. Пьятолли — Дж. Фаббрини — А. Нистри Тонелли — Дж.Б. Чекки — Б. Эреди. Пьетро Леопольдо и его семья. 1785 (частная коллекция).
- С. 330. Дж.М. Террени. Бал во дворце «della Sapienza» в Пизе. 1785 (Флоренция, Палаццо Питти).
- С. 343. Вид на Акку. Грав. Бартлетта. Нач. XIX в.
- С. 351. Вид Сайды, древнего Сидона. Грав. Л.-Ф.Кассаса. 1799 г.
- С. 358. Али-бей на венецианской гравюре XVIII в. (Из кн.: Charles-Roux F. Les Echelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928).
- С. 362. Портрет А.Г. Орлова. Миниатюра 1760-х гг. (Из кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 4. № 111).
- С. 365. Крепость на Хайфском заливе — Акка. *Фото Е.Смилянской. 2010 г.*
- С. 367. Вид на Хайфский залив с городами Акка (слева) и Хайфа с лагерем Али-бея (справа). 1772 г. из вахтенного журнала шебеки «Греция» (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 70 об.).
- С. 369. Вид на рейд Бейрута с шебеки «Греция» (фрагмент). 1772 г. (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 74 об. — 75).
- С. 372. Портрет С.И. Плещеева (Из кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. № 180).
- С. 373. Караван-сарай в Акке в начале XIX в. Грав. по рис. Робинсона.
- С. 379. Вид Яффы (Из кн.: Charles-Roux F. Les Echelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928).
- С. 395. Принц маронитский с военной одежде (возможно, младший сын Юсефа Шихаба). Грав. Ф.-Ж. де Лутербурга. 1770 г.
- С. 399. Бейрут. По акварели Макса Шмидта. 1843–1844 гг.
- С. 402. Вид на г. Акку с крыши дворца шейха Захира. На переднем плане видна мечеть, построенная Ахмедом Ал-Джеззаром в 1775 г. *Фото Е.Смилянской. 2010 г.*
- С. 403. Портал дворца шейха Захира Омара в Акке. *Фото Е. Смилянской. 2010 г.*
- С. 407. Купол над мавзолеем шейха Захира Омара близ Акки. *Фото Е. Смилянской. 2010 г.*
- С. 414. Екатерина II в античном стиле. Барельеф неизв. мастера. 1770-е гг. Бисквит. Музей-усадьба Останкино.

- С. 419. Портрет С.Г. Домашнева (Из кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 3. № 84).
- С. 430. С. Торелли. Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами (фрагмент). 1772 г. ГТГ.
- С. 431. Греческий танец на Паросе. Фронтиспис на кн.: [Кристиан Август ВУЛЬПИУС (Vulpius)] БОБЕЛИНА, героиня Греции нашего времени. Сочинение автора Ринальдо Ринальдини. С 4 гравированными картинами и портретом героини Бобелины. Перевод с немецкого. Москва в типографии Августа Семена, при Имп. мед.-хирург. академии; 1823.
- С. 434. Праздничная иллюминация 1775 г. в Москве в честь Мира с турками. Грав. Е.А. Федосеева.
- С. 437. Портрет митрополита Платона. Грав. И.С. Клаубера по оригиналу Л. Гуттенбуна. 1803 г.
- С. 440. Чесменская церковь в Санкт-Петербурге. Арх. Ю.М. Фельтен. 1777–1780. Современное фото.
- С. 488. Майнотское селение Кардамили. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 489. Церковь Св. Николая на юге Пелопоннеса (Аgios Nikolaos Kampinari). X в. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 490. Дом Мавромихали в Витуле: «капитанский дом». Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 522. Оливы Наксоса. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 523. Залив о.Милос — «лучшая гавань Архипелага». (Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 5).
- С. 524. Церкви старой Зефирии (Аифу). Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 524. Вид с Пана Кастро на Плаку и залив. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 525. Вход в одну их шахт на богатом ископаемыми острове Милосе. (Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 6).
- С. 526. Вулканические скалы Милоса. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 529. о. Сикинос. (Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 10).
- С. 531. о. Иос. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 532. Развалины «замка Дюр» на Иосе. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 532. «Могила Гомера» на Иосе. Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 533. Монастырь «св. Теодота». Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 533. Вид на Иос. (Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 11).
- С. 535. Санторин: Малой Камень и «Ера». Фото Ю.Ярина 2009 г.
- С. 536. Св.Николай (Теразия) на Санторине. (Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 15).
- С. 536. Скалы Санторина. (Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 14).
- С. 537. Санторинские жительницы. (Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 17).
- С. 539. Камни и оливы Архипелага. Фото Ю.Ярина 2009 г.

- С. 540. Наксос. Портал святилища Аполлона. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 552. Рим, Собор св. Петра. *Фото Ю. Ярина 2008 г.*
- С. 553. Рим, Пантеон. *Фото Ю. Ярина 2008 г.*
- С. 554. Рим, Колизей, арка Константина. *Фото Ю. Ярина 2008 г.*
- С. 555. Рим, Форум Трояна. *Фото Ю. Ярина 2008 г.*
- С. 555. Флоренция, площадь Синьории. *Фото Ю. Бродского. 2009 г.*
- С. 562. К.-Л.-И. Христинец. Портрет С.П. Хметевского. ГИМ.
- С. 582. План «Калатинской бухты». Журнал С.П. Хметевского. Л. 95 об.
- С. 585. План сражения 24 мая 1770 г. Журнал С.П. Хметевского. Л. 15 об.
- С. 594. Александр Круз. Грав. (Из кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. № 109).
- С. 599. Жители о. Лемнос. (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 41*).
- С. 609. Залив Аузы, в центре – Адмиралтейский остров. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 610. «Порт Ауза». *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 611. о. Миконос. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 615. Парос. Остров, на котором расположилось Адмиралтейство. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 617. Пещера Антипароса (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 37*).
- С. 620. Корабли, сожженные на Метелине. Рис. на карте 1770-х гг.
- С. 623. Гавань о. Метелина (Лесбос) (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 44*).
- С. 625. Замок Метелины. Рис. на карте 1770-х гг.
- С. 628. Парос. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 630. Килевание судна. Голландская гравюра XVIII в.
- С. 641. Львиная терраса Делоса. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 647. Чесменская крепость и залив, в котором видны корабли затопленного в 1770 г. турецкого флота. (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 51*).
- С. 648. Хиос (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 45*).
- С. 650. На Хиосе (*Choiseul-Gouffier. Op. cit. Грав. 46*).
- С. 651. Москониские острова. Из Журнала К.-Л. фон Толля. (РГВИА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 3. Л. 49).
- С. 654. Русские нательные медальоны. Найдены на месте русского кладбища в Аузе. Музей в Науссе. Парос.
- С. 655. Корабль под георгиевским флагом, нарисованный на греческой богослужебной книге XVII в. Музей в Науссе (собственность монастыря Лонгавардос на Паросе).
- С. 656. Наксос. Церковь Panagia Drossiani IX в. в центральной горной части острова. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*

- С. 661. Капудан-паша Хасан ал-Джазаири (Charles-Roux F. *Les Echelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle*. Paris, 1928).
- С. 667. «Канал» между Наксосом и Паросом. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 671. Остров Тинос (*Choiseul-Gouffier. Op. cit.* Грав. 28).
- С. 673. Карта о. Станчо. Журнал С.П. Хметевского. Л. 201 об. — 202.
- С. 692. Виноградники и сады долины Арны. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 693. Башни Болоньи. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*
- С. 694. Папская Ферара. *Фото Ю. Ярина 2009 г.*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

И.М. Смилянская, М.Б. Велижев, Е.Б. Смилянская

РОССИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. АРХИПЕЛАГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*
Корректор

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)954-17-52
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 ¹/₁₆. Гарнитура «Миньон». Печать офсетная.
52,5 п. л. Тираж 000 экз.